Священное Писание

в толкованиях святителя

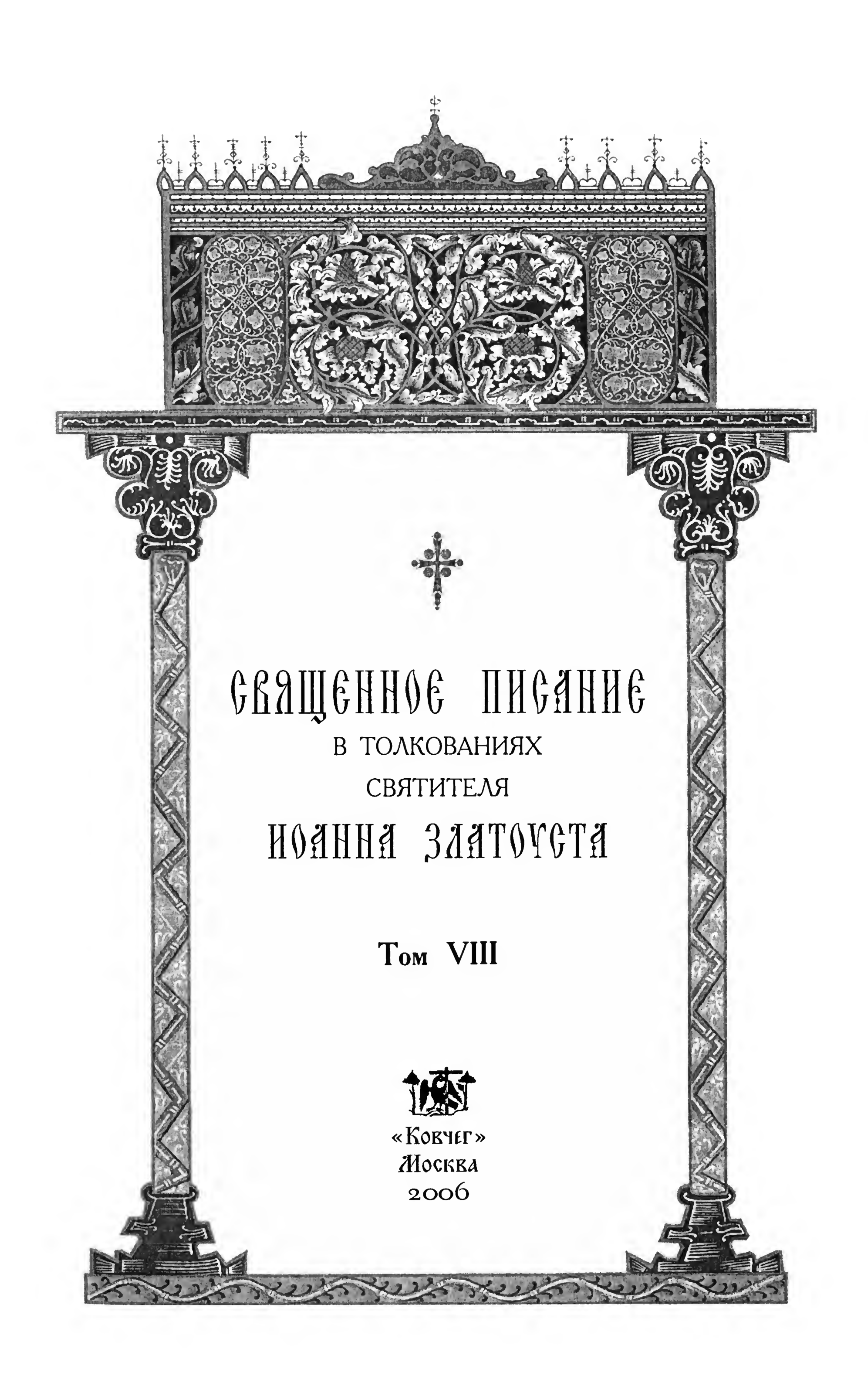
Иоанна Златоуста

Том VIII

Послания ап. Павла 1 и 2 Коринфянам

Тропарь
святому Иоанну Златоустому,
глас 8-й

Уст твоих, я́коже све́тлость огня́,
возсия́вши благода́ть, вселе́нную
просвети́: не сребролю́бия ми́рови
сокро́вища сниска́,
высоту́ нам смиреному́дрия показа́,
но твоими словесы́ наказу́я,
о́тче Иоа́нне Златоу́сте,
моли́ Сло́ва Христа́ Бога
спасти́ся душа́м на́шим.



Священное Писание
в толкованиях святителя
Иоанна Златоуста

Том VIII

«Ковчег»
Москва
2006

По благословению
Высокопреосвященного Сергия,
Архиепископа Тернопольского
и Кременецкого

Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Том VIII. Беседы на Первое послание к коринфянам. Толкование на Второе послание к коринфянам. Толкование на послание к галатам. — М.: «Ковчег», 2006. — 912 с.

ISBN 5-98317-083-X

Подписано в печать 06.03.06. Формат 60×90¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 57,0 п. л. Усл. печ. л. 36,76.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Тираж 3000 экз. Заказ 2582

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Красина, 7

Оптовая и розничная книжная торговля

Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

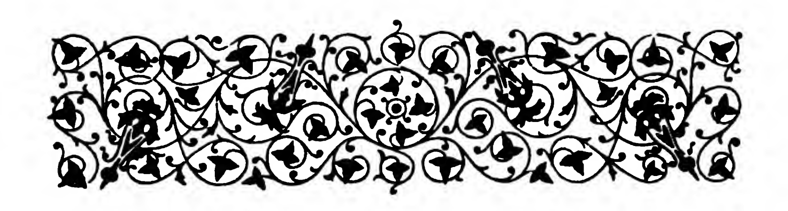
Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕСЕДЫ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К КОРИНФЯНАМ

ТОЛКОВАНИЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К КОРИНФЯНАМ

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ГАЛАТАМ



СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ПОСЛАНИЯ К КОРИНФЯНАМ*

Коринф, ныне первый город Греции, в древности славился многими удобствами жизни и в особенности богатством; потому один из внешних (языческих) писателей назвал его богатым местом. Он лежит на Пелопоннесском перешейке и был весьма важен в торговом отношении; также был наполнен множеством риторов и философов; и один из семи так называемых мудрецов происходил из этого города. Это сказано нами не из тщеславия и не с целью показать ученость, — что в самом деле за важное дело знать это? — но потому что имеет отношение к предмету послания. Много пострадал в этом городе Павел; здесь ему явился Христос и сказал: *не* молчи, *но глаголи: зане людие суть ми мнози во граде сем* (Деян. XVIII, 9, 10); здесь он оставался два года. Здесь был изгнан злой дух, от которого иудейские заклинатели много потерпели; здесь рассеявшиеся (жители) собрав волшебные книги, сожгли их, по исчислению на пятьдесят тысяч драхм**. Здесь же, при проконсуле Гаиллионе, Павел был бит перед судилищем***. Диавол, видя, что великий и многолюдный, славный богатством и мудростью и главный в Греции город принял истину, а дела афинян и лакедемонян, которых владычество давно пало, были в жалком состоя-

---

* Настоящие беседы произнесены святителем в Антиохии около 390 года.

** Это происходило в Эфесе. Деян. XIX, 14–19.

*** То есть Сосфен при Павле. Деян. XVIII, 17.

нии, – видя, что жители его с великим усердием принимали слово Божие, что делает? Он разделяет их, так как знал, что и самое сильное царство, разделившись само в себе, устоять не может. Для исполнения своих козней он воспользовался богатством и мудростью жителей. И вот между ними образовались отдельные партии: некоторые самопроизвольно объявили себя предстоятелями народа, который приставал то к одним, то к другим, к одним как богатым, к другим как мудрым и способным научить чему-то большему; а эти, привлекши его к себе, хвалились, что они преподают лучшее учение, нежели апостол, – на что намекая, он и говорил: *не могох глаголати вам, яко духовным* (1 Кор. III, 1). Очевидно, что не от собственного его бессилия, а от их немощи произошло то, что они не услышали многого. На то же он указывает, когда говорит: *без нас обогатистеся* (IV, 8). Такое разделение Церкви было делом не маловажным, но самым пагубным. При этом там был допущен и другой грех: некто, живший с своей мачехой, не только не встретил укора, но еще управлял народом и своим сообщникам подавал повод к высокомерию; потому (Павел) и говорит: *и вы разгордесте, и не паче плакасте* (V, 2). Кроме того, некоторые, почитавшиеся совершеннейшими, по чревоугодию вкушая от идоложертвенного и участвуя при возлежании в капищах, позволяли себе всякую скверность. Еще иные, имея тяжбы и споры из-за имущества, обращались со своими делами к внешним судилищам. Также многие ходили у них с отпущенными волосами; им он и повелевает остричься. Был и другой грех немаловажный, – именно тот, что они в церквах вкушали пищу отдельно друг от друга и не уделяли нуждающимся. Затем погрешали еще в том, что превозносились (духовными) дарованиями и соревновали в них между собой, что всего более и разделяло их церковь. И учения о воскресении держались не твердо; некоторые из них не очень верили воскресению тел, страдая еще недугом языческого заблуждения. А все это происходило от бессмыслия внешней философии; она была матерью зол; от того и разделились они, научившись этому также от философов, которые восставали друг против друга, постоянно из любоначалия и тщеславия противореча учению один другого и

стараясь к прежнему прибавить что-нибудь новое. Они страдали таким недугом потому, что во всем полагались на свои умствования. Коринфяне прислали Павлу послание через Фортуната, Стефана и Ахаика, с которыми и он отправляет свое послание, как говорит он в конце послания; впрочем (они писали) не о всем, а только о браке и девстве; потому он и сказал: *а о них же писасте ми* (VII, 1). Он пишет о том, о чем они писали и о чем не писали, обстоятельно разведав о всех их погрешностях. С посланием он отправляет к ним и Тимофея, зная, что хотя и послание будет иметь большую силу, но немалую пользу принесет им также присутствие этого ученика. Так как те, которые были причиной разделения церкви, стыдясь показаться делающими это из честолюбия, прикрывали свою страсть тем, будто они преподают совершеннейшее учение и будто сами мудрее других, то Павел прежде всего восстает против этого недуга, желая вырвать корень зла и прекратить происшедшее отсюда разделение, и восстает с большой силой. Ведь они, преимущественно перед всеми, были учениками его, как он сам говорит: *аще иным несмъ апостол, но обаче вам есмъ: печать бо моего апостольства вы есте* (IX, 2). Притом они были слабее других, как он же говорит: *не глаголах вам, яко духовным: ибо не у можасте; но ниже еще можете ныне* (III, 1, 2). Говорит же так, чтобы они не подумали, что он говорит о прошедшем времени, — поэтому и присовокупляет: *но ниже еще можете ныне.* Впрочем, вероятно, не все были преданы порокам, но были некоторые между ними и весьма благочестивые. На это указывает он в середине послания, когда говорит: *мне же не велико есть, да от вас истяжуся* (IV, 3), и прибавляет: *сия же преобразих на себе и Аполлоса* (ст. 6). Таким образом, поелику все зло происходило от гордости и от того, что (некоторые) почитали себя знающими более других, то он низлагает ее прежде всего и начинает так:

БЕСЕДА I

Павел зван апостол Иисус Христов, волею Божиею, и Сосфен брат, церкви Божией, сущей в Коринфе, освященным о Христе Иисусе, званным святым со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа во всяком месте тех же и нашем: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (1 Кор. I, 1–3)

1. Видишь ли, как Павел в самом начале низложил гордость и ниспроверг всякую надменность лжеучителей, назвав себя *званным?* Не сам я, говорит, изобрел то, чему научен, и не своей мудростью постиг это, но будучи призван, когда гнал и опустошал Церковь. Здесь, можно сказать, все принадлежит Призвавшему, а призванному ничего, разве только послушание. *Иисус Христов.* Учитель ваш – Христос; а вы людей считаете начальниками учения. *Волею Божиею,* – так как Бог восхотел, чтобы вы спаслись таким образом. Мы сами не совершили ничего, но по воле Божией обрели спасение: призваны потому, что Ему было угодно, а не потому, чтобы мы были того достойны.

И Сосфен брат. Опять выражает смирение, поставляя наряду с собой того, кто был гораздо меньше его; а расстояние между Павлом и Сосфеном велико. Если же он, несмотря на такое расстояние, поставил низшего наряду с собой, то что могут сказать те, которые презирают равночестных? *Церкви Божией.* Не того или другого, но Божией. *Сущей в Коринфе.* Видишь ли, как он каждым выражением низлагает их надменность, всячески возводя ум их к небу? Церковь называет Божией, выражая тем, что в ней должно быть единение, потому что если она Божия, то соединена и едина не только в Коринфе, но и во всей вселенной. Имя Церкви – это имя не разделения, но единения и согласия. *Освященным о Христе Иисусе.* Опять приводит имя Иисуса, а не людей. Что такое – освящение? Омовение, очищение. Напоминает им о той нечистоте, от которой Он избавил их, и научает смиренномудрию, так как они освящены не за собственные добрые дела, но по человеколюбию Божию. *Званным святым.* И то самое, что вы спасаетесь верой, не от вас, говорит; не

вы первые приступили, но были призваны, так что и это малое не вполне принадлежит вам. Хотя вы приступили, будучи отягощены множеством зол, но и этим обязаны не себе самим, а Богу.

Поэтому в Послании к Ефесеям он говорит: *благодатию есте спасени чрез веру, и сие не от вас* (Еф. 11, 8). И вера не вполне принадлежит вам; вы не сами, предварив Бога, уверовали, но послушались, когда были призваны. *Со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа.* Имя не такого-то или иного, но *Господа. Во всяком месте тех же и нашем.* Хотя послание писано только к коринфянам, но он упоминает о всех верующих по всей вселенной, показывая, что Церковь должна быть едина везде, хотя она находится в различных местах, и тем более – в Коринфе. Место разделяет, но Господь их соединяет, как общий для всех; потому, чтобы внушить им единение, он и присовокупил: *нашем же и тех.* Последнее важнее первого. Как находящиеся в одном месте, когда имеют многих несогласных между собой господ, бывают разделены, и место нисколько не способствуют им быть в единении, потому что господа дают им различные приказания и каждый требует своего, – *не можете,* сказано, *Богу работати и мамоне* (Мф. VI, 24), – так и находящиеся в различных местах, когда имеют не различных господ, а только одного, от мест не теряют согласия, потому что один Господь соединяет их. Итак, говорит, вы, коринфяне, должны быть в согласии не только с коринфянами, но и со всеми по всей вселенной, как имеющие общего Владыку; поэтому вторично присовокупил: *нашем.* Чтобы кто-либо из неразумных не подумал, что он допускает разделение, когда сказал: *имя Господа нашего Иисуса Христа,* он опять присовокупляет: *Господа нашего же и тех.* А чтобы это было яснее, прочту так, как требует смысл речи: Павел и Сосфен Церкви Божией, находящейся в Коринфе, и всем, призывающим имя Господа нашего и их, во всяком месте, в Риме ли, или где бы они ни были, – *благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.* Или можно так, и, мне кажется, это будет еще точнее: Павел и Сосфен находящимся в Коринфе освященным, званным святым со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа во всяком месте, как их, так и на-

шего, то есть благодать вам и мир вам, находящимся в Коринфе освященным, и сделавшимся званными, не одним вам, но вместе со всеми, во всяком месте призывающими имя Иисуса Христа, Господа нашего и их. Если же мир от благодати, то что ты высокоумствуешь, что надмеваешься, ты — спасающийся благодатью? Если ты в мире с Богом, то для чего прилепляешься к другим? Это ведь значит производить разделение. Для чего, если вы в мире с тем или другим, обладаете и благодатью? А я желаю, чтоб от Бога было вам то и другое, от Него и для Него. То и другое не будет твердо, если не произойдет от мановения свыше; и если не будет относиться к Нему, то не принесет вам никакой пользы. Нет никакой для нас пользы, если мы, будучи в мире хотя бы со всеми, будем во вражде с Богом; и опять нет для нас никакого вреда, если мы, будучи в несогласии хотя бы со всеми, будем в мире с Богом. Точно также нет никакой пользы, если мы у всех заслуживаем одобрение, а Господа оскорбляем; и нет никакой опасности, если все отвращаются и ненавидят нас, а Бог приемлет и любит. Истинная благодать, истинный мир — от Бога. Кто имеет благодать у Бога, тот не боится никого, хотя бы терпел множество зол, не только — человека, но — самого диавола. А кто оскорбил Бога, тот боится всех, хотя, по-видимому, находится в безопасности. Человеческий род непостоянен: не только друзья и братья, но и отцы, изменяя свое расположение часто по маловажной причине, хуже всякого врага гнали того, кого родили, кого воспитали, и дети гнали отцов. Вот смотри.

2. Давид имел благодать перед Богом; Авессалом имел благодать перед людьми; а какой был конец того и другого и кто получил большую похвалу? Вы знаете это. Авраам имел благодать перед Богом, а фараон перед людьми, которые из угождения ему предали жену праведника: кто же из них оказался более славным и блаженным? Это всякому известно. И что говорить о праведных? Израильтяне имели благодать перед Богом и были ненавидимы от людей — египтян, но превзошли ненавидевших и победили их, знаете, с какой славой. Потому будем все мы пещись об этом: раб пусть старается обрести благодать перед Богом прежде, нежели перед господином; жена пусть ищет благодати перед Спасителем Богом

прежде, нежели перед мужем; воин пусть ищет благоволения свыше прежде, нежели от царя или начальника: таким именно образом ты заслужишь благоволение и от людей. Но как же обрести благодать перед Богом? Как же иначе, если не смиренномудрием? *Бог,* говорит (Писание), *гордым противится, смиренным же дает благодать* (Притч. III, 34); и: *жертва Богу дух сокрушен, и сердце смиренно Бог не уничижит* (Пс. L, 19). Если и людям приятно смирение, тем более Богу. Так язычники обрели благодать; так и иудеи отпали от благодати: *правде бо Божией не повинушася* (Рим. X, 3). Смиренный угоден и приятен всем, живет в постоянном мире и не имеет никакой причины ко вражде. Будешь ли оскорблять его, порицать и говорить ему что бы то ни было, он станет молчать и переносить с кротостью и будет иметь такой мир со всеми, какого и выразить невозможно, а вместе с тем – и с Богом. А заповеди Божии к тому и направлены, чтобы нам пребывать в мире с людьми, и вся жизнь наша хороша тогда, когда мы в мире друг с другом; Богу же никто не может причинить зла; Он по природе Своей не подлежит влиянию зла и выше всякой страсти. Ничто так не делает христианина достойным удивления, как смиренномудрие. Послушай, как говорит Авраам: *аз есмь земля и пепел* (Быт. XVIII, 27); или Бог о Моисее – что был самый кроткий из всех людей (Числ. XII, 3). Никто не был смиреннее его: управляя таким народом, потопив в море и царя, и все войско египетское, как мух, совершив такие дела в Египте, в Чермном море и в пустыне, удостоившись такого свидетельства, он вел себя, как заурядный человек. Зять был смиреннее тестя и принял совет его; не оскорбился и не сказал: «Что это? После таких-то и таких дел ты пришел советовать мне?» Так поступают многие, хотя бы им предлагаем был самый лучший совет, пренебрегая советующим за его скромность. А он не так; напротив, делал все со смиренномудрием. Потому-то он презрел царские чертоги, что был истинно смиренным; смиренномудрие делает ум наш здравым и возвышенным. В самом деле, не знак ли высокой мудрости и великой души его – что он презрел и дом и стол царский? Цари у египтян почитались как боги и наслаждались бесчисленными богатствами и сокровищами; но он оставил все это, отверг самый скипетр еги-

петский и удалился к пленным и угнетенным, изнуренным *брением и плинфоделанием,* презираемым самими рабами его, — *гнушахуся ими,* говорится, *египтяне* (Исх. I, 12); этих людей он предпочел владыкам. Так-то смиренный бывает высок и великодушен! Ведь гордость есть знак низкого ума и неблагородной души, кротость же — души высокой и великой.

3. Если угодно, объясним то и другое примерами. Скажи мне, кто был выше Авраама? А он говорил: *аз есмъ земля и пепел* (Быт. XVIII, 27); и еще: *да не будет распря между мною и между тобою* (XIII, 8). Он был так смирен, что пренебрег добычей от персов и отверг трофеи над иноплеменниками; он поступил так по высоте и величию души своей, потому что тот и высок, кто смирен истинно, а не мнимо и притворно. Одно — величие души, а другое — надменность; это можно видеть из следующего. Положим, что один почитает грязь грязью и пренебрегает ею, а другой удивляется грязи, как золоту, и почитает ее за нечто великое: кто из них человек высокий? Не тот ли, кто не удивляется грязи? А кто низок и жалок? Не тот ли, кто удивляется ей и считает за нечто великое? Так и здесь. Кто называет себя землей и пеплом, тот высок, потому что говорит это по смиренномудрию; а кто не почитает себя землей и пеплом, но превозносится и высокомудрствует, тот низок, потому что малое почитает великим. Следовательно праотец (Авраам) по величию души сказал слова: *аз есмъ земля и пепел,* — по величию души, а не по надменности. Как в теле иное — полнота и дородность, а иное — опухлость, потому что хотя в том и другом случае тело бывает тучным, но одно происходит от болезни, а другое от здоровья, так и здесь: иное — надменность, — это то же, что опухлость, — а иное — величие, это — полнота. Или еще положим, что один высок ростом, а другой хотя и мал, но, взяв ходули становится высоким: кого из них, скажи мне, назовем мы высоким и большим? Не того ли, кто высок по природе? Конечно, его, потому что у другого высота не своя, но он, став на ходули, делается из низкого высоким. Таковы многие из людей, превозносящиеся богатством и славой, которые не составляют величия. Высок тот, кто ни в чем подобном не имеет нужды, презирает все (земное) и имеет величие в самом себе. Будем же смиренными, чтобы нам сде-

латься высокими: *смиряяйся,* говорит (Господь), *вознесется* (Мф. XXIII, 12). Не таков человек надменный; напротив, он ничтожнее всех; и пузырь надувается, но пуста полнота его; от того таких людей мы и называем надутыми. Смиренномудрый и при величии своем не думает о себе много, зная свое смирение, а ничтожный и при малости своей многое о себе воображает. Будем же достигать величия смиренномудрием; будем помнить о природе (всего) человеческого, чтобы нам воспламениться желанием будущего. Не иначе ведь можно сделаться смиренным, как любовью к божественному и презрением к настоящему. Как тот, кто ожидает получить царство, когда вместо порфиры предложили бы ему какую-нибудь частную почесть, почел бы ее за ничто, так точно и мы посмеемся над всем настоящим, если воспламенимся желанием почести будущей. Посмотрите на детей, когда они, играя, становятся в строй, — как они ставят воинов и перед ними глашатаев и ликторов, а в середине один из них идет в виде начальника: не детская ли это забава? Таковы отличия человеческие, и даже — хуже: сегодня существуют, а завтра их нет! Будем же выше их и не только не станем желать, но еще — стыдиться, когда кто будет предлагать их нам. Отвергнув, таким образом, любовь к ним, мы воспламенимся любовью божественной и удостоимся бессмертной славы, каковой и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

Благодарю Бога моего всегда о вас, о благодати Божией, данней вам о Христе Иисусе: яко во всем обогатистеся о Нем (1 Кор. I, 4, 5)

1. Чему других научает (Павел), когда говорит: *со благодарением прошения ваша да сказуются к Богу* (Флп. IV, 6), — то делает и сам, внушая нам начинать все этими словами и благодарить Бога прежде всего. Ничто так не угодно Богу, как благодарность и за себя и за других. Потому (Павел) начинает так почти каждое послание; здесь же сделать это было необ-

ходимее, нежели в других. Кто благодарит, тот благодарит как чувствующий благодеяние и как бы воздает за дарованную благодать; благодать же не есть ни долг, ни награда, ни воздаяние. Это нужно знать всем, тем более нужно было коринфянам, которые склонялись на сторону разделявших Церковь. *Бога моего.* По великой любви он усвояет себе принадлежащее всем, называет Бога своим, как обыкновенно выражались и пророки: *Боже, Боже мой.* Вместе с тем внушает и им говорить то же. Кто говорит так, тот, оставив все человеческое, обращается к Тому, Кого призывает с великой любовью. Говорить так может тот, кто, от житейского постоянно обращаясь к Богу, предпочитает Его всему и не только непрестанно благодарит за благодать уже дарованную, но возносит Ему хвалу и за всякое благо, какое ни получит. Потому не просто сказал: *благодарю,* но: *всегда о вас,* научая их благодарить всегда, и не другого кого, а только Бога. О *благодати Божией.* Видишь ли, как он везде исправляет их? Где благодать, там нет дел; а где дела, там не благодать. Итак, если (вам дана) благодать, то что высокомудрствуете? Почему надмеваетесь? *Данней вам.* И через кого она дана? Через меня ли или через другого апостола? Нет, но через Иисуса Христа, – это и означает выражение: *о Христе Иисусе.* Заметь: он часто употребляет – *о* вместо – *чрез.* Следовательно, это то же, что – *чрез. Яко во всем обогатистеся.* Через кого? Опять о *Нем,* говорит. И не просто *обогатистеся,* но *во всем.* Итак, у вас есть богатство, и богатство Божие, и во всем, и через Единородного: какое неизреченное сокровище! *Во всяком слове и всяком разуме. Слове* не внешнем, но Божием. Есть разумение без слова, и есть разумение с словом. Есть много имеющих разум и не имеющих слова, каковы невежды и не умеющие ясно выразить того, что содержат в уме. А вы, говорит, не таковы, но способны и разуметь и говорить. *Якоже свидетельство Христово известися в вас* (ст. 6). Вместе с похвалами и благодарениями сильно укоряет их. Не внешней философией, говорит, и не внешним научением, но благодатью Божией по богатству разумения и слова, от Него дарованному, вы научились догматам истины и утвердились в видетельстве Господнем, то есть в проповеди. Вы удостоились многих знамений, многих чудес, неизреченной благо-

дати, когда приняли проповедь. Итак, если вы утвердились знамениями и благодатью, то для чего колеблетесь? Укоряя их, он сказанным и предрасполагает их к себе. *Яко вам не лишитися ни во едином даровании* (ст. 7). Здесь представляется важный вопрос: если они обогащены всяким словом и не имеют недостатка ни в каком даровании, то как они (остаются) плотскими? Если они в начале имели все это, то не тем ли более теперь? Почему же он называет их плотскими? *Не могох,* говорит, *глаголати вам яко духовным, но яко плотяным* (III, 1). Что сказать на это? То, что они, в начале уверовав и получив всякие дарования, – о которых ревновали, – впоследствии сделались нерадивыми. Или, если не так, то не ко всем говорится то и другое, но одно к достойным обличения, а другое к достойным похвалы. А что у них еще были дарования, об этом он говорит так: *иной псалом имать, откровение имать, язык имать, сказание имать: вся же к созиданию да бывают* (XIV, 26); и еще: *пророцы же два или трие да глаголют* (ст. 29). Можно и иначе объяснить: как мы имеем обыкновение о большей части говорить как о целом, так и он здесь сказал. Кроме того, мне кажется, он намекает и на свои деяния, то есть на знамения, которые он сам явил у них, о чем он говорит во втором к ним послании: *знамения бо апостолова содеяшася в вас во всяком терпении* (2 Кор. XII, 12); и еще: *что бо есть, егоже лишистеся паче прочих церквей* (ст. 13)? Таким образом он или, как я сказал, напоминает о своих деяниях, или говорит это к тем, которые еще были достойны похвалы, потому что там было много святых, которые посвятили себя на служение святым и соделались начатком Ахаии, как он говорит в конце послания (1 Кор. XVI, 15). С другой стороны, если похвалы и не слишком близки были к истине, то все же они предусмотрительно приводятся для того, чтобы предрасположить их к принятию слова. Кто сейчас же с самого начала говорит строго, тот у немощных заграждает слух для своего слова. Если слушатели равны ему по достоинству, то сердятся; если гораздо ниже его, то скорбят. Чтобы не случилось этого, он и начинает, по-видимому, похвалой; сама похвала относилась не к ним, а к благодати Божией, так как отпущение грехов и оправдание есть дар свыше. Потому он и распространяется особенно о том, в чем выражается челове-

колюбие Божие, чтобы лучше исцелить их от недуга. *Чающим откровения Господа нашего Иисуса Христа.* Для чего вы смущаетесь, говорит, для чего беспокоитесь о том, что не предстоит Христос? Он предстоит и уже близок день Его. Смотри, с какой мудростью, отклонив их от всего человеческого, он приводит их в страх, напомнив о страшном суде и показав, что не начало только требуется доброе, но и конец. При дарованиях и при всякой добродетели нужно помнить об этом дне; и нужно много трудов, чтобы дойти до конца.

2. Он называет (этот день) *откровением,* выражая, что хотя он еще невидим, но он есть, предстоит и теперь, а тогда явится. Потому нужно иметь терпение; для того вы и удостоились чудес, чтобы пребывать твердыми. *Иже и утвердит вас даже до конца неповинных* (ст. 8). Здесь он, по-видимому, говорит в угождение им; но слова его чужды всякой лести. Он не оставлял и укорять их, как, например, когда говорит: *яко не грядущу ми к вам, разгордешася нецыи* (1 Кор., IV, 18); и еще: *что хощете, с палицею ли прииду к вам, или с любовию и духом кротости* (ст. 21)? Также: *или искушения ищете глаголющаго во мне Христа* (2 Кор. XIII, 3)? И здесь он некоторым образом обличает их; слова: *утвердит,* и: *неповинных* — выражают, что они еще не тверды и виновны. Заметь, как часто он указывает им на имя Христово; не упоминает ни о ком из людей, ни об апостоле, ни об учителе, а постоянно об этом вожделенном имени, желая воздвигнуть их от состояния как бы какого опьянения. В других посланиях нигде так часто не приводится имя Христово, а здесь в немногих стихах непрестанно, так что из него составлено почти все вступление. Посмотри с самого начала: *Павел зван атостол Иисус Христов; освященным о Христе Иисусе с призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа; благодать вам и мир от Бога Отца* и *Господа Иисуса Христа. Благодарю Бога моего о благодати, данней вам о Христе Иисусе; якоже свидетельство Христово известися в вас; чающим откровения Господа нашего Иисуса Христа; иже и утвердит вас неповинных в день Господа нашега Иисуса Христа. Верен Бог, имже звани бысте во общение Сына Его Иисуса Христа Господа нашего; молю же вы именем Господа нашего Иисуса Христа.* Видишь ли, как часто употребляется имя Христово? Отсюда ясно даже для неразумных, что он не напрасно и не просто

делает это, но частым употреблением этого высокого имени желает низложить их надменность и истребить злой их недуг. *Верен Бог, имже звани бысте во общение Сына Его* (ст. 9). О, как много он сказал этим! Какое показал величие дара! Вы призваны в общение с Единородным и прилепляетесь к людям? Что хуже этого неразумия? И кем призваны? Отцом. Так как он, говоря о Сыне, часто употреблял выражения: *чрез Него, о Нем,* то, чтобы не подумали, будто (об Отце) он упоминает, как о меньшем, приписывает это Отцу. Не таким-то и таким-то, говорит, но Отцом вы призваны и Им обогащены. Опять: *звани бысте,* а не сами пришли. Что значит: *во общение Сына Его?* Послушай, как он говорит об этом яснее в другом месте: *аще терпим, с Ним и воцаримся; аще с Ним умрохом, то с Ним и оживем* (2 Тим. II, 12). Вместе с тем, так как он сказал великую истину, присовокупляет в подтверждение неопровержимое доказательство: *верен,* говорит, *Бог,* то есть истинен. Если он верен, то и сделает что обещал; а обещал Он сделать нас общниками Единородного Сына; для этого Он и призвал: *нераскаянна бо дарования его, и звание Божие* (Рим. XI, 29). Об этом он говорит теперь прежде всего, чтобы после сильных обличений они не впали в отчаяние. Обещанное Богом непременно исполнится, если только мы сами не будем сильно противиться, подобно иудеям, которые, будучи призываемы, не захотели принять благ.

Это зависело уже не от Призывающего, но от их неблагодарности: Он хотел даровать, а они не хотели принять и таким образом, лишили сами себя. Если бы Он призывал их к делу трудному и тяжкому, то хотя бы неповиновение их и тогда не заслуживало прощения, но, по крайней мере, они могли бы сослаться на это; если же призываются к очищению, к оправданию, к освящению, к искуплению, к благодати, к дару, к уготованным благам, *их же око не виде, и ухо не слыша* (1 Кор. II, 9), если призывает Бог, и призывает Сам, то могут ли быть достойны прощения необращающиеся к Нему? Потому пусть никто не обвиняет Бога. Не от Призывающего происходит неверие, а от неповинующихся. Но скажешь: можно было бы привести и нежелающих? Нет; Бог не делает насилия или принуждения. И кто, призывая к почестям, венцам, пиршествам и торжествам, станет влечь

кого-нибудь против воли и связанного? Никто, потому что это свойственно насилующему. В геенну Он посылает против воли, а в царствие призывает добровольно; в огонь ведет связанных и плачущих, а к бесчисленным благам – не так: сами блага не были бы вожделенны, если бы они по свойству своему не были таковы, чтобы к ним стремились добровольно и по сознанию великого их достоинства.

3. Почему же, скажешь, не все стремятся к ним? По своей немощи. А почему Он не избавляет их от немощи? Но как, скажи мне, и каким способом следовало бы избавить? Не создал ли Он творений, которые возвещают о Его человеколюбии и силе? *Небеса,* сказано, *поведают славу Божию* (Пс. XVIII, 2). Не посылал ли пророков? Не призывал ли и не награждал ли почестями? Не совершал ли чудес? Не дал ли закона писанного и естественного? Не послал ли Сына? Не послал ли апостолов? Не творил ли знамений? Не угрожал ли геенной? Не обещал ли царствия? Не повелел ли солнцу сиять каждодневно? Не легки ли и не удобоисполнимы ли Его заповеди, так что многие силой любомудрия превышают Его предписания? *Что надлежало сотворити винограду, и несотворих ему* (Ис. V, 4)? А почему, скажешь, Он не сделал для нас естественными знание и добродетель? Кто говорит это: язычник или христианин? И тот и другой, только не в одном и том же отношении, но один возражает касательно знания, другой – жизни. Скажем наперед к нашему, так как я говорю не столько ко внешним, сколько к собственным нашим членам. Что же говорит христианин? Следовало (говорит он) вложить в нас познание добродетели. Он и вложил; если бы не вложил, то откуда мы узнали бы, что должно делать и чего не должно? Откуда законы и судилища? Но не знание только (говорит), а саму деятельность. За что же ты стал бы получать награды, если бы все происходило от Бога? Скажи мне: если и ты и язычник согрешаете, то одинаково ли наказывает вас Бог? Нет; ты имеешь преимущество по причине знания. Что, если бы теперь сказали тебе, что, несмотря на знание, ты и язычник достойны одного и того же, – ты не обиделся ли бы? Конечно, так; ты сказал бы, что язычник мог внутри себя найти знание, но не захотел. А если бы тот сказал, что Богу следовало вложить в нас знание естествен-

ным путем, то ты не рассмеялся ли бы и не сказал ли бы ему: почему же ты не искал, почему не старался, как я? Не восстал ли бы ты против него с великим дерзновением и сказал ли бы, что крайне безумно обвинять Бога, будто Он не вложил знания в нашу природу? Сказал бы это потому, что касательно знания у тебя все исправно; если бы было все так же исправно и касательно жизни, то ты не стал бы давать таких вопросов; но так как ты не тверд в добродетели, то предлагаешь такие безумные суждения. И как можно сделаться добрым по необходимости? Тогда стали бы состязаться с нами в добродетели и бессловесные животные, из которых некоторые воздержнее нас. Но, скажешь, я желал бы лучше быть добрым по необходимости и не получать никаких наград, нежели быть злым по свободному решению и терпеть наказания и мучения. Но невозможно быть добрым по необходимости. Если же ты не знаешь, что должно делать, заяви, и тогда мы скажем, что следует сказать; а если знаешь, что невоздержание есть зло, то почему не убегаешь зла? Не могу, говоришь ты. Но другие люди, совершившие такие великие подвиги, осудят тебя и заградят тебе уста с великой силой. Ты, может быть, и жену имея, не соблюдаешь целомудрие; а другой, и не имея жены, хранит совершенную чистоту. Какое же ты имеешь оправдание, не соблюдая меры, тогда как другой восходит выше заповеданного? Но я, говоришь, не таков по своей телесной природе или по расположению. Да — потому, что не хочешь, а не потому, что не можешь. Я утверждаю, что все способны к добродетели; кто чего не может сделать, тот не сможет и в случае необходимости; если же кто в случае необходимости может, а без нее не делает, тот не делает по свободному решению. Например: летать и подниматься к небу человеческому телу трудно и даже невозможно; потому если бы какой-нибудь царь повелел делать это, угрожал смертью (неповинующимся) и говорил: тех, которые не летают, повелеваю сечь, жечь или подвергать чему-нибудь подобному, то послушался ли бы кто его? Нет, потому что это невозможно для нашей природы. А если бы то же сделано было касательно целомудрия и приказано было невоздержных наказывать, жечь, сечь, подвергать бесчисленным мучениям, то не стали бы многие повиноваться

приказаниям? Нет, скажешь, потому что и теперь существует закон, повелевающий не прелюбодействовать, и не все повинуются. Но не потому, что закон бессилен, а потому, что многие надеются укрыться. Если бы при том, кто склоняется на прелюбодеяние, присутствовали законодатель и судья, то страх был бы силен прогнать похоть. Если даже я представлю другую меньшую необходимость, например возьму и уведу его от любимой женщины и, связав, запру где-нибудь, то и тогда он в состоянии будет перенести и не потерпит ничего худого.

Итак, не будем говорить, что такой-то добр по природе, а такой-то зол по природе. Если бы кто был добр по природе, то никогда не мог бы сделаться злым; а если бы был зол по природе, то никогда не сделался бы добрым. Между тем мы видим быстрые перемены: люди впадают то в то, то в другое состояние и переходят от одного к другому. Это можно видеть не только в Писаниях, где например мытари становятся апостолами, ученики предателями, блудницы целомудренными, разбойники добрыми, волхвы поклонниками, нечестивые благочестивыми, как в Новом, так и в Ветхом Завете, но и каждый день можно видеть множество подобных случаев. Если бы (добро и зло) были естественны, то таких перемен не было бы. Так, — мы чувствительны по природе, и при всем старании никогда не сделаемся нечувствительными. Что свойственно природе, то не выйдет из природы. Никто, имеющий нужду в сне, не перестанет спать; никто, подвергающийся тлению, не избавится от тления; никто алчущий не достигнет того, чтобы никогда не алкать. Потому это и не ставится в вину и мы сами за это не укоряем себя. Никто в укор другому не говорит: о, тленный, о, чувствующий! — но всегда на вид обвиняемым мы поставим или прелюбодеяние, или блуд, или что-нибудь подобное и за это приводим их к судьям, которые осуждают и наказывают, а за противное тому награждают. Итак, и из того, что мы делаем между собой и что делают с нами судьи, и из того, что мы написали законы и осуждаем сами себя, хотя бы не было против нас никакого обвинителя, и из того, что от нерадения становимся хуже, а от страха лучше, и из того, что видим других добродетельными и восходящими на вы-

соту любомудрия, — очевидно, что в нас находится возможность добродетели. Для чего же многие из нас понапрасну обольщают себя холодными извинениями и предлогами, не только не заслуживающими прощения, но и навлекающими тяжкое наказание, тогда как следовало бы заботиться о добродетели, имея перед глазами тот страшный день, и, потерпев немного, достигать неувядаемых венцов? Эти извинения не принесут нам никакой пользы; рабы, нам подобные и успевшие в противном, осудят всех согрешающих, жестокого — милостивый, злого — добрый, дерзкого — кроткий, завистливого — дружелюбный, тщеславного — любомудрый, нерадивого — усердный, развратного — целомудренный. Так совершит Бог суд над нами, разделив нас на две части, и одних удостоит похвалы, а других наказания. Но да не будет никто из здесь присутствующих в числе наказуемых и мучимых, а будет в числе венчаемых и получающих царство Божие, которого и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

Молю же вы, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будут в вас распри, да будете же утверждени в том же разумении и в той же мысли (1 Кор. I, 10)

1. Обличение, как я всегда говорил, надобно делать постепенно и мало-помалу; так Павел здесь и делает. Приступая к предмету, исполненному великих опасностей и способному поколебать Церковь до самого основания, он начинает речь с кротостью. Он умоляет коринфян, и умоляет Христом, как бы сам один не мог предложить это наставление и убедить. Что значит: *молю Христом?* Призываю на помощь Христа и имя Его, оскорбленное и поруганное. Весьма сильно (внушает им), чтобы они не были бесстыдными, так как грех именно делает людей бесстыдными. Так всегда, если вдруг станешь резко обличать кого-нибудь, то он ожесточится и сделается бесстыдным; если же сделаешь внуше-

ние, то преклонишь его выю, укротишь его дерзость и заставишь смириться. Это Павел и делает, умоляя именем Христа. О чем же он умоляет? *Да тожде глаголете еси, и да не будут в вас распри.* Выразительное слово: *распри,* заключая в себе и обличение, могло сильно тронуть их. У них и части не были здоровы, и целое было расторгнуто. Если бы части Церкви были здоровы, то были бы многие соединения. А если у них были распри, то не было и целого. Когда целое разделяется на многие части, то не только части не составляют многих (целых), но перестает быть и одно целое. Таково свойство распрей! Сильно тронув их обличением в распрях, он далее показывает свою кротость и смягчает речь: *да будете же,* говорит, *утверждены в том же разумении и в той же мысли.* После слов: *да тожде глаголете вси,* не подумайте, говорит, что я разумею согласие только в словах; нет, я желаю согласия в мыслях. А так как можно иметь и одинаковые мысли, но не о всех предметах, то присовокупляет: *да будете же утверждени.* Кто согласен в одном, но не согласен в другом, тот еще не утвержден, не достиг совершенного единомыслия. Бывает и то, что при согласии в мыслях еще нет согласия в духе, – например, когда мы, имея одну и ту же веру, не соединены между собой любовью. В этом случае мы согласны в мыслях, – думаем ведь одинаково, – но еще не согласны по духу. То же было и в Коринфе, где один держал сторону того, а другой – иного. Потому Павел и говорит, что надобно быть *утвержденными в том же разумении и в той же мысли.* Распри у них происходили не от различия в вере, но от несогласия в духе, по человеческому тщеславию. Но так как обвиняемый без свидетелей может остаться упорным до бесстыдства, то, чтобы они не могли отвергать сказанного, приводит свидетелей. *Возвестися бо ми о вас, братие моя, от (домашних) Хлоиса* (ст. 11). Не вдруг сказал это, но наперед изложил обличение, потому что верил возвестившим; если бы не верил, то не стал бы и обличать; а поверить слепо Павел не мог. Таким образом, он не вдруг сказал: *возвестися,* чтобы не показалось, что он обвиняет их только по словам возвестивших, и не умолчал об этом, чтобы не показалось, что он говорит только сам от себя. Здесь опять называет их *братиями.* Хотя грех их был явный, но ничто еще не препятствовало назы-

вать их братиями. Притом, — заметь мудрость его, — он не указал на отдельное лицо, но на целый дом, чтобы они не восстали против возвестившего: так он и его сокрыл, и вину их прямо открыл! Он знал, что полезно для одних и что нужно для других. Потому не сказал: *возвестися ми* от некоторых; он указал на известный дом, чтобы это не показалось вымышленным. Что же было возвещено? *Яко рвения в вас суть*. Когда сам укоряет их, то говорит: *да не будут в вас распри;* а когда передает слышанное от других, то выражается более кротко: *возвестися бо ми, яко рвения в вас суть,* — чтобы не подвергнуть опасности возвестивших. Потом говорит, в чем именно состояло несогласие: *яко кийждо вас глаголет: аз убо есмъ Павлов, аз же Аполлосов, аз же Кифин* (ст. 12). Разумею, говорит, несогласия не в частных делах, но гораздо важнейшие. *Яко кийждо вас глаголет.* Зло касалось не части, но всей Церкви. Впрочем, коринфяне не говорили так ни о нем, ни о Петре, ни об Аполлосе; но он показывает, что если и таких лиц не следует ставить в такое к себе отношение, то тем более других. А что они не говорили этого, он сам объясняет ниже: *сия же преобразих на себе и Аполлоса, да от нас научитеся не паче написанных мудрствовати* (1 Кор. IV, 6). Если не следует называться именами Павла, Аполлоса и Кифы, то тем более — других. Если не следует усвоять имени учителя, первого из апостолов и просветителя стольких народов, то тем более — людей ничего незначащих. Таким образом, он только применительно перечисляет эти имена, чтобы скорее исцелить их болезнь. Притом делает речь свою менее неприятной, не упоминая по имени разделявших Церковь, но как бы прикрывая их именами апостолов: *аз убо есмъ Павлов, аз же Аполлосов, аз же Кифин.*

2. Он поставил Петра последним, не предпочитая ему себя, а, напротив, именно предпочитая себе Петра. Он ведет речь от меньшего к большему; и, чтобы не подумали, что он поступает по зависти и предвосхищает себе честь у других по тщеславию, ставит себя первым. Кто себя первого считает недостойным, тот делает это не из честолюбия, но по великому презрению к такой чести. Так и он прежде от себя самого отклоняет такую честь, а потом от Аполлоса и, наконец, от Кифы; следовательно, делает это не из предпочтения

себя самого, но прежде всех на своем собственном лице показывает, чего не должно быть. А что принимавшие сторону того или другого грешили, это очевидно. Потому справедливо он и укоряет их, внушая, что они худо делают, когда говорят: *аз убо есмъ Павлов, аз же Аполлосов, аз же Кифин.* Но для чего он присовокупил: *аз же Христов?* Если согрешали те, которые прилеплялись к людям, то неужели грешили и те, которые прилеплялись ко Христу? Нет; он укорял их не за то, что они назывались Христовыми, но за то, что не все они (делали это). Я думаю, что он прибавил это от себя, чтобы сделать обличение более сильным, чтобы показать, что в таком случае и Христос усвояется только одной части, хотя они не делали этого. Что он действительно внушал такую мысль, видно из следующих слов его: *еда разделися Христос* (ст. 13)? Это значит: вы разделили Христа и расторгли тело Его. Видишь ли его гнев, видишь ли укоризну, видишь ли речь, исполненную негодования? Он не доказывает, а только предлагает вопрос в знак очевидной нелепости заключающейся в нем мысли. Некоторые находят здесь и другую мысль в словах — *еда разделися Христос,* именно: разве Он расторг и разделил Церковь между людьми и одну часть взял себе, а другую отдал им? Далее старается уничтожить такую нелепость и говорит: *еда Павел распятся по вас, или во имя Павлово крестистеся.* Смотри, с какой любовью ко Христу он относит все доказательство к своему имени и тем самым ясно внушает, что эта честь не принадлежит никому. Чтобы не подумали, что он говорит все это по зависти, он непрестанно повторяет свое имя, и заметь, с какой мудростью. Не сказал: разве Павел сотворил мир, разве Павел привел вас из небытия в бытие? — но представляет то, что было особенно близко к верующим и показывало великое промышление Божие: крест и крещение и происходящие от них блага. Человеколюбие Божие открывается и в сотворении мира, но особенно в крестном Его уничижении. Не сказал также: разве Павел умер за вас? — но: *еда Павел распятся по вас?* — представляя таким образом самый род смерти. *Или во имя Павлово крестистеся?* Не сказал: разве Павел крестил вас? — так как он крестил многих, и не в том дело, кем они были крещены, а в том, в чье имя крещены. Так как причиной

распрей было и то, что они назывались по именам крестивших их, то он исправляет это и говорит: *или во имя Павлово креститеся?* То есть: не говори мне, кто тебя крестил, но в чье имя. Важно не то, кто крестил, но Кто призывается в крещении, так как Он отпускает грехи. Сказав это, он не распространяется о последующем, не говорит: разве Павел обещал вам будущие блага? – разве Павел обещал вам царство небесное? Почему же он не присоединил и этого? Потому, что не одно и то же – обещать царство и распяться; первое не представляло опасности и не приносило бесчестья, а последнее заключало в себе все это. С другой стороны, в последнем разумеется и первое: сказав: *Иже своего Сына не пощаде,* прибавил: *како убо не и с Ним вся нам дарствует* (Рим. VIII, 32)? И еще: *аще бо врази бывше, примирихомся Богу смертию Сына Его, множае паче примирившеся спасемся* (Рим, V, 10). Потому он и не присоединил этого; притом (верующие) первого еще не имели, а последнее уже знали на опыте; первое было только обещанием, а последнее действительностью. *Благодарю Бога, яко ни единаго от вас крестих, точию Криспа и Гаиа* (ст. 14). Для чего вы гордитесь тем, что крестите, когда я благодарю Бога за то, что не совершал крещения? Этими словами он мудро низлагает такое их высокомерие; унижает не силу крещения, – да не будет, – но гордость превозносившихся совершением крещения, во-первых, показывая, что это не их дар, и, во-вторых, за себя благодаря Бога. Крещение важно, но важность сообщает ему не крещающий, а Призываемый в крещении. Совершение крещения ничего не значит относительно труда человеческого, а даже гораздо менее благовествования. Крещение, повторю опять, есть дело важное, и без крещения невозможно получить царствия небесного; но совершить его может человек и не очень важный, а благовествование требует великого труда.

3. Далее (Павел) приводит и причину, почему он благодарит Бога, что никого не крестил. Какую же? *Да не кто речет, яко в мое имя крестих* (ст. 15). Что это? Не о них ли (коринфянах) он говорит здесь? Нет; но опасаюсь, говорит, чтобы болезнь не достигла до такой степени. Ведь если при совершении крещения людьми неважными и незначительными произошло разделение, то, если бы я, проповедав-

ший крещение, крестил многих, принявшие его, вероятно, не только стали бы называться моим именем, но и приписали бы мне само крещение. Если по поводу низших произошло такое зло, то по поводу высших, конечно, произошло бы еще большее. Обличив таким образом заблуждающих и прибавив: *крестих же и Стефанинов дом* (ст. 16), он опять низлагает их гордость словами: *прочее же не вем, аще кого иного крестих.* Здесь выражает, что он и не старался снискать себе честь от народа таким делом и не для славы приступал к нему. Не этими только, но и последующими словами он сильно поражает гордость их: *не посла бо,* говорит, *мене Христос крестити, но благовестити* (ст. 17). Последнее гораздо труднее, требовало больших усилий и особенной твердости духа и заключало в себе все; потому оно и поручено было Павлу. Но почему он, не будучи послан крестить, крестил? Он делал это не из противления Пославшему, но от избытка (усердия). Не сказал, что ему было это запрещено, но: я не был послан на это дело, а на гораздо важнейшее. Благовествовать предоставлено было немногим, а крестить мог всякий, имевший священство. Всякий может крестить человека, наставленного в вере и уверовавшего, потому что расположение приступающего и благодать Божия совершают все; а чтобы неверных наставить в вере, это требует великого труда, великой мудрости и даже представляет опасности. Там уже все сделано, желающий принять таинство убежден в вере, и нисколько не трудно крестить уверовавшего; а здесь нужен великий труд, чтобы переменить расположение, исправить нрав, уничтожить заблуждение и насадить истину. Впрочем, Павел не говорит об этом таким образом, не доказывает и не утверждает, что крестить не составляет никакого труда, а благовествовать напротив, – он всегда умеет соблюдать умеренность, – но особенно распространяется в рассуждении о внешней мудрости и предлагает о ней сильнейшую речь. Таким образом, он крестил не из противления Пославшему, но подобно тому, как он имел попечение о вдовицах от избытка усердия, а не из противления апостолам, которые сказали: *не угодно есть нам, оставльшим слово Божие, служити трапезам* (Деян. VI, 2), так и здесь. Так и теперь мы поручаем это дело простейшим из пресвитеров, а преподавание

учения благоразумнейшим, потому что тут нужен труд и усилие. Потому и сам он говорит: *прилежащии добре пресвитери сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающиися в слове и учении* (1 Тим. V, 17). Как для обучения ратоборцев нужен учитель мужественный и искусный, а возлагать венец на победителя может и неискусный в борьбе, хотя венец прославляет победителя, – так и в крещении: хотя без него невозможно спастись, но не великое дело совершает тот, кто крестит, принимая расположенного и приготовленного к тому. *Не в премудрости слова, да не испразднится крест Христов* (ст. 17). Низложив гордость превозносившихся крещением, он переходит к обличению гордившихся внешней мудростью, и говорит против них с особенной силой. К превозносившимся крещением говорил: *благодарю Бога, яко ни единаго крестих*, также: *не посла мене Христос крестити*, и для обличения их не употребил речи сильной и разительной, но, несколькими словами внушив им то, что хотел, перешел к последующему; а здесь с самого начала наносит сильный удар: *да не испразднится*, говорит, *крест Христов*. Что ты гордишься тем, чего следовало бы стыдиться? Ведь если эта мудрость враждебна кресту и противна Евангелию, то следует не хвалиться, а стыдиться ее. Потому-то апостолы и не были из таких мудрецов – не по недостатку дарований, но чтобы проповедь не потерпела вреда. Мудрецы не содействовали проповеди, а вредили ей; простые же люди утверждали ее. Это могло низложить гордость, поразить высокомерие, расположить к смирению. Но, скажешь, если *не в премудрости слова*, то почему был послан Аполлос, *муж словесен* (Деян. XVIII, 24)? Не потому, чтобы надеялись на силу красноречия, но потому, что он был сведущ в Писании и искусен в обличении иудеев. С другой стороны, нужно было, чтобы самые первые сеятели слова были неученые. Им надлежало иметь великую силу, чтобы положить начало истреблению заблуждений; нужна была великая крепость, чтобы приступить к этому делу.

4. Так (Бог), не имевший нужды в ученых вначале, если принял их впоследствии, то сделал это не потому, чтобы стал иметь в них нужду, но потому, что не взирал на различие (между учеными и неучеными). Как Он не нуждался в

мудрецах для исполнения Своих намерений, так и после, когда они являлись, не отвергал их. Скажи мне, были ли Петр и Павел учеными? Этого ты сказать не можешь: они были простыми и неучеными. Как Христос, когда посылал учеников во вселенную, сначала, показывая им в Палестине силу Свою, говорил: *егда послах вы без влагалища и без меха и без сапог, еда чесого лишени бысте* (Лк. XXII, 35)? — а потом позволил взять мешок и суму, так было и здесь. Нужно было явить силу Христову, а не отвергать приступающих к вере за внешнюю их мудрость. Потому, если язычники будут укорять учеников Христовых в неучености, то мы скорее можем обратить укоризну против них самих. Никто не говори, что Павел был мудрец; но, превознося славившихся у них мудростью и красноречием, всех своих будем называть невеждами. Это немало послужит к их поражению; это доставит нам славную победу.

Говорю это потому, что некогда слышал, как смешно один христианин состязался с язычником, как оба они в состязании опровергали сами себя. Что надлежало говорить христианину, то говорил язычник; а что надлежало говорить язычнику, то защищал христианин. Спор был о Павле и Платоне; язычник старался доказать, что Павел был человек простой и неученый, а христианин по простоте своей усиливался доказать, что Павел был ученее Платона. Между тем, если допустить последнее, победа оставалась на стороне язычника. Ведь если Павел был ученее Платона, то многие справедливо заключили бы, что он победил не благодатью, а красноречием. Таким образом, то, что говорил христианин, обращалось в пользу язычника, а то, что говорил язычник, обращалось в пользу христианина. Если же, как я сказал, Павел был неучен и, однако, превзошел Платона, то здесь славная победа, так как неученый убедил и привлек к себе всех учеников ученого. Отсюда ясно, что проповедь одержала победу не человеческой мудростью, но благодатью Божией. Итак, чтобы и нам не подвергнуться такому же посмеянию в беседе с язычниками, будем всегда, когда случится состязаться с ними, признавать апостолов неучеными: такое признание — им похвала. Когда будут говорить, что апостолы были люди простые, то мы прибавим, что они

были и неученые, и некнижные, и бедные, и незнатные, и немудрые, и неизвестные. Не к бесчестию, а к славе апостолов служит то, что они, будучи такими, явились славнее всей вселенной. Эти простые, некнижные и неученые так победили мудрых, сильных и державных, хвалившихся богатством, славой и всем внешним, как будто это не были люди. Отсюда ясно, что велика сила креста и что все это совершено не человеческой силой. Действительно, такие дела не в природе вещей, а выше природы. А когда что делается не по законам природы и гораздо выше природы, вместе с тем достодолжно и полезно, то очевидно, что это совершается некоторой божественной силой и помощью. Смотри: рыбарь, скинотворец, мытарь, человек простой, неученый, приходят из отдаленной страны, Палестины, восстают против всех философов, риторов и искусных в слове в их отечестве и в короткое время при множестве опасностей, когда им противоборствовали народы, цари и сама природа, когда им полагали сильные препятствия давность времени и закоренелые привычки, когда против них ополчались демоны и диавол вооружался и употреблял все усилия, — победили царей, правителей, народы, языки, города, варваров, эллинов, философов, риторов, софистов, писателей, законы, судилища, различные мучения, бесчисленные и разнообразные роды смерти. Рыбари возвестили, и все это обличилось и исчезло, точно легкая пыль, возметаемая дуновением сильного ветра. Научимся же так беседовать с язычниками, чтобы нам не оставаться бессмысленными животными, но быть готовыми дать ответ *о нашем уповании* (1 Пет. III, 15). Особенно будем помнить это главное, немаловажное дело и говорить им: каким образом слабые преодолели сильных, двенадцать человек — целую вселенную, не употребляя оружия, но безоружные сражаясь с вооруженными?

5. Скажи мне, если бы двенадцать человек, неопытных в военном деле, не только безоружных, но и слабых телом, вступив в борьбу с многочисленным отрядом вооруженных воинов, не потерпели от них никакого вреда, будучи осыпаемы бесчисленным множеством стрел, остались неприкосновенными, принимая стрелы обнаженным телом, сами по-

ражали всех, не употребляя оружия, но отражая рукой, одних били, а других брали в плен, не получая сами никаких ран, то кто сказал бы, что это дело человеческое? Но победа апостолов гораздо более удивительна. Не столько удивительно, если обнаженный не получает ран, сколько удивительно, если простой, неученый рыбарь побеждает столь сильных, несмотря на свою незнатность и бедность, на опасности и закоренелые привычки, на строгость предлагаемых правил, на ежедневно угрожающую смерть, на множество обольщенных, на важность обольстителей. Так мы должны низлагать их и состязаться с ними, а прежде слов мы должны поражать их своей жизнью, это — великое состязание, это — неопровержимое доказательство от дел; на словах сколько бы мы ни рассуждали с ними, но если жизнь наша не лучше их жизни, то не будет никакой пользы. Они обращают внимание не на слова, но испытывают дела наши и говорят: ты прежде сам убедись в истине слов своих и тогда убеждай других; если ты говоришь, что бесчисленные блага ожидают нас в будущей жизни, а сам поступаешь так, как бы их не было, прилепляясь к благам настоящим, то дела твои для меня сильнее слов; когда я вижу, что ты похищаешь собственность других, без меры скорбишь об умерших и грешишь во многом другом, то как я поверю тебе, что есть воскресение? Хотя бы даже они так и не говорили, но они думают так и содержат это в своих мыслях. Вот что препятствует неверным сделаться христианами! Будем же обращать их своей жизнью. Многие и неученые люди поражали ум философов, являя любомудрие в делах и громче трубы вещая поведением и любомудрием: это сильнее слов. Если, например, я буду утверждать, что не должно помнить зла, а между тем буду причинять язычнику множество зол, как могу привлечь его словами, когда отгоняю делами? Итак, будем уловлять их жизнью, из душ их созидать Церковь и собирать такое богатство. Ничто не может сравниться с душой, даже целый мир. Хотя бы ты роздал бедным бесчисленные богатства, ты не сделаешь столько, сколько обративший одну душу. *Изведяй честное от недостойнаго, яко уста Моя будет,* говорит Господь (Иер. XV, 19). Великое благо миловать бедных; но не такое, как избавить кого-нибудь от заб-

луждения; кто делает это, тот уподобляется Петру и Павлу. Подлинно, можем и мы участвовать в их проповеди, не тем, чтобы, подобно им, подвергаться опасностям, терпеть голод, мучения и другие бедствия, — теперь мирное время, — но тем, чтобы проявлять ревностное к тому усердие. Можно и сидя дома совершать эту ловитву. Кто имеет друга, родственника, домашних, пусть делает с ними это, пусть говорит им это, — и он уподобится Петру и Павлу. Что я говорю: Петру и Павлу? Будет устами Христовыми: *изведяй честное от недостойнаго, яко уста Моя будет,* говорит Господь. Если ты не убедишь сегодня, убедишь завтра; если и никогда не убедишь, получишь полную награду; если не убедишь всех, то, может быть, из многих — некоторых; ведь и апостолы убедили не всех людей, но ко всем простирали свое слово и получили награду за всех. Бог обыкновенно назначает венцы, взирая не на конец подвигов, а на расположение подвизающихся. Если принесешь только две лепты, Он примет; как Он поступил с вдовицей (Лк. XXI, 2–4), так поступает и с преподающими учение. Итак, из-за того, что ты не можешь спасти всю вселенную, не пренебрегай немногими и, устремляясь к великому, не лишай себя малого. Если ты не можешь обратить сто человек, постарайся обратить десять; если не можешь десяти, не пренебрегай пятью; если не можешь и пяти, не пренебрегай одним; если не можешь и одного, и тогда не унывай и не оставляй делать то, что можешь. Не видишь ли, как в торговле занимающиеся ею заключают сделки не только на золото, но и на серебро? Если мы не будем пренебрегать малым, то получим и многое; а если пренебрежем малым, то не легко получим и многое. Богатыми делаются, собирая и малое и многое; так будем поступать и мы, чтобы, обогатившись всем, нам сподобиться царства небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

Слово бо крестное погибающим убо юродство есть, а спасаемым нам сила Божия есть. Писано бо есть: погублю премудрость премудрых, и разум разумных отвергу: где премудр, где книжник, где совопросник века сего (1 Кор. I, 18–20)

1. Для страждущих и умирающих бывает неприятна и здоровая пища, неприятны друзья и близкие, которых часто и не узнают они и даже тяготятся их присутствием. Так обыкновенно бывает и с страждущими душевно: они не знают, что нужно для спасения, и тяготятся теми, кто печется о них. Это происходит не от свойства самого дела (спасения), а от их болезни. Как помешавшиеся в уме не терпят тех, кто заботится о них, и даже порицают их, так поступают и неверующие. Но как эти оскорбляемые тем более жалеют и плачут о больных, считая крайней степенью болезни их, когда они не узнают самых близких людей, так будем поступать и мы в отношении к язычникам и плакать о них более, нежели о своих женах, потому что они не знают общего всем спасения. Не столько муж должен любить свою жену, сколько мы должны любить всех людей и вести их к спасению, будут ли они язычники или кто бы то ни было. Будем же плакать о них, – о том, что слово о кресте, которое есть премудрость и сила, для них – безумие. *Слово бо крестное,* говорит (Павел), *погибающим юродство есть.* Так как у язычников крест подвергался осмеянию, то они, вероятно, называли учение о нем противным своей мудрости и несогласным со своим учением; потому Павел, вразумляя, говорит: не почитайте его странным и нелепым; это дело по свойству своему таково, что погибающие не могут постигнуть силы его, так как они потеряли ум и впали в безумие. Потому они и поносят и ненавидят спасительные врачества. Что ты говоришь, человек? Христос сделался рабом, приняв для тебя *зрак раба,* был распят и воскрес; следовало бы поклониться Воскресшему и подивиться Его человеколюбию, так как все то, чего не сделал для тебя ни отец, ни друг, ни сын, сделал Он для тебя, своего врага и оскорбителя; следовало бы удивляться Ему за это; а ты на-

зываешь безумием дело, исполненное такой мудрости! Но неудивительно; погибающим свойственно не познавать того, что ведет к спасению.

Поэтому не смущайтесь; нет ничего странного и неожиданного в том, что безумные смеются над великими предметами. Таких людей невозможно убедить человеческой мудростью; и если станешь убеждать их таким образом, то сделаешь противное; для того, что превышает разум, нужна одна вера. Подлинно, если мы посредством суждений разума захотим объяснять (язычникам), как Бог сделался человеком, вселившись во утробу Девы, и не признаем этого предметом веры, то они будут только смеяться. Желающие постигнуть это посредством суждений разума, они-то и погибают. И что я говорю о Боге? Если мы будем делать то же в отношении к предметам сотворенным, — и тогда вызовем великий смех. Пусть, например, человек, желающий убеждаться во всем суждениями разума, потребует от тебя объяснить ему, как мы видим свет? А ты постарайся объяснить ему это посредством суждений разума. Но ты не смог бы этого сделать. Еели бы ты сказал, что довольно открыть глаза, чтобы видеть, то объяснил бы способ зрения, а не само дело. Он возразил бы тебе: почему мы видим не ушами и слышим не глазами? Почему слышим не ноздрями и обоняем не ушами? Если же он, не получив объяснения на свое недоумение, будет смеяться, то не более ли того подвергнемся осмеянию мы? Эти чувства имеют свое начало в одном и том же мозге, эти члены находятся так близко друг к другу: почему же они не могут произвести одного и того же действия? Мы не можем объяснить ни причины, ни способа этого неизъяснимого и разнообразного действия; а если станем объяснять, то подвергнемся осмеянию. Предоставим же это силе и беспредельной премудрости Божией и замолчим. Так точно, если мы захотим и предметы божественные объяснять при помощи внешней мудрости, то последует великий смех, не по свойству самих предметов, но по неразумию человеческому. Ведь великих предметов не может выразить никакое слово. Смотри, если я скажу: Христос был распят, то язычник возразит: сообразно ли это с разумом? Он не избавил Себя, когда распинали и мучили Его на крес-

те: как же Он после того воскрес и избавил других? Если он имел на то силу, то следовало показать ее прежде смерти (так, действительно, и говорили иудеи); если же Он не избавил Себя, то как мог избавить других? Это, скажет, несообразно с разумом. И точно, это выше разума; в кресте явилась неизреченная сила. Подвергнуться мучениям и быть выше мучений, быть связанным и победить, это — дело беспредельной силы. Как три отрока, будучи ввергнуты в печь и поправ пламень, явились более чудными, нежели когда бы они в нее не были ввергнуты; и как Иона, будучи поглощен китом и не потерпев от него никакого вреда, стал более великим, нежели когда бы он не подвергался такой опасности, — так и Иисус Христос, умерев и упразднив смерть, явился более славным, нежели когда бы Он не умирал. Итак, не говори: почему Он не избавил Себя на кресте? Ему угодно было сразиться со смертью. Он не сошел с креста не потому, что не мог, но потому, что не хотел. Ведь если и сила смерти не могла удержать Его, то как могли бы удержать гвозди крестные?

2. Впрочем, это известно нам, а неверным нет. Потому апостол и сказал: *слово бо крестное погибающим убо юродство есть, а спасаемым нам сила Божия есть. Писано бо есть: погублю премудрость премудрых и разум разумных отвергу.* Доселе Он не говорит ничего обличительного; а теперь, приводя наперед свидетельство Писания и от него заимствуя дерзновение, начинает обличительную речь и говорит: *не обуи ли Бог премудрость мира сего? Где премудр? Где книжник? Где совопросник века сего? Понеже бо в премудрости Божией не разуме мир премудростию Бога, благоизволил Бог буйством проповеди спасти верующих* (ст. 20, 21). Сказав: *писано есть: погублю премудрость премудрых,* он присовокупляет доказательство на это от дел и говорит: *где премудр? Где книжник!* Касается вместе и язычников и иудеев. На самом деле кто из философов, кто из искусных в суждениях или кто из знающих иудейство даровал спасение и научил истине? Никто, но все сделали рыбари. Доказав это положение и посрамив их тщеславие, сказав: *не обуи ли Бог премудрость мира сего?* — он приводит и причину, почему это так было. *Понеже бо,* говорит, *в премудрости Божией не разуме мир премудростию Бога,* то явился крест. Что значит: *в премудрости Божией?* В творениях, посредством которых Он

благоволил открыться. Он устроил все так, чтобы человек, переходя от предметов видимых к Творцу, удивлялся Ему. Велико небо и необъятна земля: подивись же Творцу их. Ведь это великое небо не только Им сотворено, но и сотворено легко, и эта необъятная земля произведена Им как ничто. Потому о первом сказано: *дела руку твоею суть небеса* (Пс. CI, 26); а о земле: *сотвори землю, аки ничтоже* (Ис. XL, 23). Так как мир не хотел познать Бога посредством этой премудрости, то Он научил мнимым *буйством проповеди,* не через суждения, а через веру. Где премудрость Божия, там нет нужды в человеческой. Сказать, что создавший столь прекрасный и столь великий мир есть Бог, имеющий беспредельную и неизреченную силу, это значило судить по человеческой мудрости и постигать Его посредством них; но теперь нужны не суждения, а одна вера. Чтобы принять и убедиться, что Распятый и Погребенный воскрес и сидит горе, для этого нужны не суждения, но вера. Апостолы шли не с мудростью, но с верой и явились мудрее и выше внешних мудрецов, и тем более, чем принятие предметов божественных верой выше рассуждений, – так как это превышает человеческий разум. Как же он погубил премудрость? Открывшись нам через Павла и подобных мужей и показав, что она бесполезна. К принятию евангельской проповеди ни мудрость нисколько не помогает мудрому, ни невежество нисколько не препятствует неученому, и даже, к удивлению, надобно сказать, невежество гораздо скорее и легче может принять ее, нежели мудрость. Пастух и земледелец, не увлекаясь рассуждениями и предавая себя Господу, скорее примут ее. Так Он погубил эту премудрость! Так как она сама прежде посрамила себя, то и стала затем ни к чему негодной. Когда она должна была показать себя и познать Господа из дел Его, она не хотела; а теперь, хотя бы и хотела содействовать этому, не может, потому что теперь не таково положение дел, – есть путь к богопознанию гораздо лучше ее. Теперь нужна простая вера; ее везде надобно искать и предпочитать внешней мудрости: *обуи,* говорит, *Бог премудрость.* Что значит: *обуи?* Показал, что она неразумна для принятия веры. Так как люди высоко думали о ней, то Он прямо обличил ее. Что в самом деле это за мудрость, если она не может

найти главного блага? Он обличил ее безумие, потому что она наперед обличила сама себя. Если она не открыла ничего тогда, когда можно было исследовать посредством суждений, то какого успеха ожидать от нее теперь, когда предстоят предметы высшие, когда нужна одна вера, а не искусство суждений? Так Бог показал ее безумие; *благоизволил же спасти буйством проповеди,* впрочем, буйством не действительным, но кажущимся. Это особенно и важно, что не другой какой-нибудь мудростью, которая выше ее, а кажущимся невежеством Он превзошел ее. Платона Он низложил не другим каким-нибудь более мудрейшим философом, но неученым рыбарем. Такое поражение – сильнее; такая победа – блистательнее. Выражая силу креста, Павел говорит далее: *понеже и Иудее знамения просят, и Еллини премудрости ищут: мы же проповедуем Христа распята, Иудеем убо соблазн, Еллином же безумие, самим же званным Иудеем же и Еллином Христа Божию силу и Божию премудрость* (ст. 22–24).

3. Великая мудрость в этих словах. Он хочет показать, как Бог победил тем, что не обещало победы, и как проповедь не есть дело человеческое. Слова его означают следующее: когда мы говорим иудеям – веруйте, то они возражают: воскресите мертвых, исцелите беснующихся, покажите нам знамения. Что же вместо этого говорим мы? Говорим, что Проповедуемый нами распят и умер. Это не только не может привлечь противящихся, но может отогнать и не противящихся; однако не отгоняет, а привлекает, удерживает и покоряет. Опять язычники требуют от нас красноречия в словах и искусства в суждениях, а мы и им проповедуем крест. Иудеям это кажется бессилием, а язычникам – безумием. Если же мы предлагаем им не только не то, чего они требуют, но и противное тому, – а крест, по суждению разума, представляется не только не знамением, но чем-то противным знамению, не только не знаком силы, но знаком бессилия, не только не выражением мудрости, но доказательством безумия, – если требующие знамений и мудрости не только не получают требуемого, но еще слышат от нас противное тому, чего требуют, и, однако, этим противным убеждаются, то не есть ли это – дело неизреченной силы Проповедуемого?

Если бы, например, кому-нибудь из обуреваемых волнами и ищущих пристани ты указал не пристань, а другое место в море, еще более опасное, и, однако, убедил бы его плыть туда с благодарностью, или если бы врач приступил к раненому и ожидающему лекарств не с лекарствами, а обещал бы исцелить его посредством жжения и, однако, убедил бы его, то это было бы делом великой силы; так и апостолы побеждали не только не знамениями, но тем, что, по-видимому, противно знамениям. Так и Христос поступил со слепым: желая даровать ему исцеление, Он уничтожил слепоту тем, что производит слепоту: *положи брение* (Ин. IX, 15). Как слепого Он исцелил брением, так вселенную привлек к Себе крестом, – тем, что увеличивало соблазн, а не уничтожало его. Так сделал Он и при сотворении, устрояя противное противным: оградил море песком, обуздав сильное слабым; повесил землю на воде, утвердив тяжелое и плотное на жидком и текучем, через пророков опять Он заставлял железо всплывать из воды посредством малого древа (4 Цар. VI, 6). Так и вселенную Он восстановил посредством креста. Как вода держит землю, так и крест держит вселенную. Таким образом, убеждать противным есть знак великой силы и премудрости. Крест, по-видимому, производит соблазн, и, однако, он не только не соблазняет, но и привлекает. Все это представляя и удивляясь, Павел говорит: *зане буее Божие премудрее человек есть, и немощное Божие крепчае человек есть* (ст. 25). Говоря о буйстве и немощи креста, разумеет не то, чтобы он был действительно таков, но кажется таким; он говорит применительно к мнению противников. Чего не могли сделать философы посредством рассуждений, то сделано кажущимся безумием. Кто же мудрее? Тот ли, кто убеждает многих, или тот, кто – немногих или, лучше сказать, никого? Тот ли, кто убеждает в делах важнейших, или кто – в маловажных? Сколько трудился Платон со своими последователями над линией, углом и точкой, над числами соизмеримыми и несоизмеримыми, равными между собой и неравными, и, сказав нам об этих паутинах, – ведь все это для жизни бесполезнее даже паутины, – и не принеся пользы ни большой, ни малой, затем окончил свою жизнь. Сколько он старался доказать, что душа бессмертна, но, не сказав ничего ясного

и не убедив никого из слушателей, затем скончался. Напротив, крест через неученых убедил и обратил целую вселенную, убедил не в предметах маловажных, но в учении о Боге, истинном благочестии, евангельской жизни и будущем суде; он сделал философами всех – земледельцев, неученых. Видишь, как *буее Божие премудрее и немощное Божие крепчае человек есть*. Чем крепче? Тем, что оно распространилось по всей вселенной, покорило всех своей власти, и, тогда как бессчисленное множество людей усиливалось истребить имя Распятого, сделало противное. Это имя прославлялось и возрастало более и более, а они погибали и исчезали; живые, восставая против Преданного смерти, не могли сделать ничего. Потому, если язычник назовет меня безумным, то обнаружит собственное крайнее безумие, – так как, почитаемый от него безумным, оказываюсь мудрее мудрого; если он назовет меня бессильным, то обнаружит собственное еще большее бессилие, так как, что благодатью Божией совершили мытари и рыбари, того и философы, и риторы, и властелины, и вообще вся вселенная, при бессчисленных усилиях, не могли даже и представить. Чего не сделал крест? Он ввел учение о бессмертии души, о воскресении тел, о презрении благ настоящих и стремлении к благам будущим; он сделал людей ангелами; им все и везде стали любомудрыми и способными ко всякой добродетели.

4. Но и у них, скажешь, многие презирали смерть. Кто же, скажи мне? Тот ли, кто выпил яд цикуты? Но подобных ему я представлю, если угодно, целые тысячи в нашей Церкви; если бы во время гонений позволено было умирать, приняв яд, то все (гонимые) явились бы славнее его.

Притом он выпил яд, не будучи властен пить или не пить; хотел или не хотел, но он должен был подвергнуться этому, и, следовательно, это было делом не мужества, а необходимости; и разбойники и убийцы, по приговору судей, терпели еще большие страдания. Но у нас все напротив: мученики страдали не поневоле, но по своей воле и, тогда как были властны не подвергаться страданиям, явили мужество крепче всякого адаманта. Неудивительно, что тот выпил яд, когда не мог не пить, и притом достигнув глубокой старости. Он говорил, что ему было уже семьдесят лет, когда он был го-

тов презреть жизнь, если только можно назвать это презрением жизни, чего впрочем я не скажу, и конечно никто другой не скажет. А ты укажи мне на кого-нибудь такого, кто пострадал бы за благочестие, как я могу указать тебе на бесчисленное множество повсюду во вселенной. Кто мужественно терпел, когда у него вырывали ногти? Кто — когда терзали члены? Кто — когда разрывали тело его на части? Кто — когда исторгали кости из головы? Кто — когда постоянно клали его на раскаленную сковороду? Кто — когда бросали в кипящую воду? Вот это укажи мне! А умереть от цикутного яда — это почти то же, что заснуть спокойно; даже такая смерть, говорят, приятнее сна. Если же некоторые действительно терпели мучения, то и за это не достойны похвалы, потому что причина их страданий была постыдна: одни пострадали за то, что открыли какую-нибудь тайну, другие за то, что злоупотребляли властью, иные за то, что были застигнуты в постыднейших преступлениях, а некоторые и без всякой причины, напрасно и безрассудно, лишили жизни сами себя. Но у нас совершенно не так. Потому-то дела их преданы забвению, а наши прославляются и возрастают с каждым днем. Все это представляя, Павел сказал: *немощное Божие крепчае* всех *человек есть*. Божественность евангельской проповеди открывается и из следующего: каким образом решились на такие дела двенадцать человек, и притом простолюдины, жившие при озерах, при реках и в пустынях и, может быть, никогда не бывавшие ни в городах, ни на торжищах? Как они решились идти против целой вселенной? Они были прежде робки и боязливы, как свидетельствует писавший о них, не усомнившийся не скрывать их слабостей, что и служит сильнейшим доказательством истины. Что же говорит он о них? То, что когда Христос был взят, несмотря на бесчисленные чудеса Его, одни из них разбежались, а главный из них оставшись отрекся (Мк. XIV, 50, 68). Отчего те, которые при жизни Христа не могли снести нападений от иудеев, после смерти и погребения Его решились идти против целой вселенной, если Он, как вы говорите, не воскрес, не беседовал с ними и не укрепил их? Не могли ли они сказать самим себе: что это? Он не мог спасти Себя, — как же может избавить нас? Он не мог

отмстить за Себя при Своей жизни, — как же может подать нам руку помощи после Своей смерти? Он при жизни Своей не покорил Себе ни одного народа, — как же мы можем убедить всю вселенную, возвещая Его имя? Не странно ли не только сделать это, но даже и подумать? Отсюда ясно, что если бы они не видели Его воскресшим и не получили величайших доказательств силы Его, то не решились бы на столь опасное дело. Если бы они имели бесчисленное множество друзей, то и тогда не обратили бы всех во врагов, изменяя древние обычаи и отменяя отеческие законы? Но им были враждебны все, и свои и чужие. Если бы они отличались всеми внешними преимуществами, то и тогда не возбудили бы против себя всеобщую вражду, вводя новый образ жизни? Между тем они не имели у себя ничего, и естественно поэтому, что были ненавидимы и презираемы всеми. На кого указать тебе? На иудеев ли? Они питали к ним невыразимую ненависть за их Учителя. На язычников ли? И эти не менее отвращались их, о чем лучше знают сами язычники. Платон, желавший ввести новое гражданское управление или, лучше, часть управления, и не касаясь богов, а только изменяя одни обычаи на другие, подвергся опасности умереть изгнанником в Сицилии; хотя этого не случилось, однако он был лишен свободы; и если бы не нашелся другой иноземец добрее властителя сицилийского, то этот философ, конечно, навсегда остался бы рабом в чужой стране. Между тем нововведения в делах гражданских не так еще опасны, как в делах веры; последние особенно раздражают людей и приводят их в смятение. Сказать, что такой-то и такой-то должны вступить в брак с такой-то, или стражи должны стеречь таким-то образом, это еще не может произвести большого смятения, тем более, если такие постановления остаются в книге, и законодатель не много заботится о приведении их в действие. Но сказать, что почитаемые боги не боги, а демоны, что истинный Бог — Распятый, это, вы знаете, какой воспламеняло гнев, какую возбуждало месть, какую причиняло брань.

5. Протагор у них (язычников), дерзнувший сказать: «Не знаю богов», и притом не вслух всей вселенной, по которой бы он расхаживал и проповедовал, а в одном городе, подвергся крайней опасности. Диагор Мелийский и Феодор

(Киринейский), прозванный безбожником, хотя имели друзей, славились красноречием и удивляли своею философией, но ни в чем этом не нашли себе спасения. Великий Сократ, превосходивший всех их своей философией, потому и выпил яд, что был подозреваем в некоторых нововведениях касательно богов. Если же одно только подозрение нововведения подвергало такой опасности философов и мудрецов, пользовавшихся великим уважением, и они не только не могли исполнить своего намерения, но сами лишались жизни и отечества, то как не удивляться и не изумляться, видя, что рыбари совершили столь великие дела во вселенной, исполнили то, что предприняли, и победили всех, и варваров и эллинов? Но они, скажешь, не вводили новых богов, подобно тем (философам). Весьма странно говорить это; они вводили двоякую новость: отвергали тогдашних богов и проповедовали Распятого. Каким же образом они решились проповедовать это? Каким образом надеялись достигнуть своей цели? Видели ли они, чтобы кто-нибудь прежде них совершил что-либо подобное? Не все ли тогда поклонялись демонам? Не все ли боготворили стихии? Не были ли крайне разнообразны виды нечестия? Но они восстали против всего этого, ниспровергли все это и в короткое время протекли, как бы на крылах, по всей вселенной, не думая ни об опасностях, ни о смерти, ни о трудности дела, ни о малочисленности своей, ни о многочисленности противников, ни о власти, ни о силе, ни о мудрости врагов своих, потому что им содействовала помощь превыше всего этого, сила Распятого и Воскресшего. Не столько было бы удивительно, если бы они решились вести со вселенной чувственную войну, сколько удивительно дело, ими совершенное. По правилам войны можно было бы стать лицом к лицу к неприятелю, занять противоположную местность и приготовить строй против врага, иметь время для нападения и отступления; но здесь не так. Они не составляли особого строя, но смешивались с самими врагами и таким образом поборали их; находясь среди врагов своих, отражали их нападения, преодолевали и одерживали славную победу, на которой исполнилось пророческое слово: *и господствуй посреде врагов твоих* (Пс. CIX, 2). Изумительно, как враги, имея их в руках

своих, ввергая в темницы и узы, не только не преодолели их, но и сами потом покорились им, притеснители — притесняемым, связующие — связуемым, гонители — гонимым. Все это мы можем сказать язычникам и даже более того: обильна сокровищница истины. Если вы будете внимать предлагаемому, то мы научим вас всячески бороться с ними. Заметим пока два главных обстоятельства: как слабые победили сильных, и как они, будучи такими, решились бы на такие дела, если бы не содействовала им божественная помощь?

6. Вот ответ с нашей стороны. Между тем сами мы в делах своих будем соблюдать непорочность жизни и обильно возжигать огонь добродетели, потому что *есте,* говорит (апостол), *светила,* сияющие среди мира (Флп. II, 15). Каждый из нас получил от Бога возможность приносить большую пользу, нежели солнце, большую, нежели небо, земля и море, настолько большую, насколько духовное выше чувственного. Потому, взирая на круг солнца и удивляясь красоте, веществу и блеску этого светила, будем вместе с тем представлять, что в нас есть свет высший и лучший, равно как может быть и мрак густейший, если мы не будем внимательны. Глубокая ночь объемлет всю вселенную. Разгоним же и уничтожим ее. Ночь не только у еретиков и язычников, но и у многих между нами, — как в веровании, так и в жизни. Многие не веруют воскресению, многие гадают при рождении, многие наблюдают приметы, прибегают к чарованиям, волхвованиям, условным знакам, повязкам и нашептываниям. Впрочем к ним будем говорить после, когда окончим речь к язычникам. Помните же сказанное и окажите содействие мне в борьбе с ними, обращая и привлекая их к нам жизнью. Я всегда говорю, что кто учит любомудрию, тот должен наперед являть его в своей жизни и быть вожделенным для слушателей.

Постараемся же сделаться вожделенными для язычников и приобрести их расположение к нам. А это будет тогда, когда мы будем готовы не только делать добро, но и терпеть зло. Не видим ли мы, как дети, находясь на руках у отца, бьют его по щекам, как отец с удовольствием дозволяет дитяти насытить гнев свой и, когда видит, что гнев его про-

шел, утешается? Так будем поступать и мы: будем говорить с язычниками, как отцы с детьми. Все язычники – настоящие дети; некоторые и из них сами говорили, что они всегда дети и старца между ними нет ни одного. Дети не хотят думать ни о чем полезном; так и язычники хотят постоянно забавляться и пресмыкаются по земле, предавшись низкому и земному. Дети, слыша наши разговоры о предметах необходимых, часто не понимают ничего из сказанного, но постоянно смеются; так и язычники: когда мы говорим о царстве (небесном), они смеются. У детей из уст часто течет слюна и оскверняет пищу и питье; так и из уст язычников исходят слова суетные и нечистые; вы подаете им необходимую пищу, а они оскорбляют подающих злословием, и надобно терпеть это. Дети, видя вора, вошедшего в дом и производящего здесь хищение, не только не изгоняют его, но и забавляются его хитростью, если же отнимешь у них корзиночку или побрякушку, или что-нибудь другое из игрушек, то огорчаются, сердятся, выходят из себя и бросаются на пол; так точно и язычники, видя диавола, отнимающего у них все прирожденные блага, необходимые для их жизни, смеются и предаются ему, как другу, а если кто отнимает у них имущество, богатство или что-нибудь подобное из этих детских игрушек, они огорчаются и выходят из себя. Дети обнажаются, не чувствуя стыда и не краснея; так и язычники, смешиваясь с блудниками и блудницами, извращая законы природы и вступая в незаконные связи, остаются бесстыдными. Вы громко рукоплещете и одобряете, но при этих рукоплесканиях смотрите, как бы это не оказалось сказанным и на ваш счет. Всех увещеваю – быть мужами; ведь, если мы сами будем детьми, то как других научим быть мужами? Как их избавим от детского неразумия? Будем же мужами, чтобы нам *достигнуть в меру возраста исполнения Христова* (Еф. IV, 13) и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА V

Видите бо звание ваше, братие, яко не мнози премудри по плоти, не мнози силни, не мнози благородни: но буяя мира избра Бог, да премудрыя посрамит (1 Кор. XXVI, 27)

1. Сказав: *буее Божие премудрее человек есть,* (ап. Павел) выразил, что мудрость человеческая отвергнута, и доказал это как свидетельством Писаний, так и самими событиями, — свидетельством Писаний в словах: *погублю премудрость премудрых,* а событиями в предложенном вопросе: *где премудр, где книжник?* Вместе с тем показал, что это дело не новое, но давно известное, так как оно прообразовано и предсказано издревле: *писано бо есть,* говорит: *погублю премудрость премудрых.* Затем доказал, что это было и полезно и нужно: *понеже бо в премудрости Божией не разуме мир Бога, благоволи Бог буйством проповеди спасти верующих;* что крест есть доказательство неизреченной силы и премудрости, и что *буее Божие* гораздо выше человеческой мудрости. Теперь он доказывает то же не со стороны только учителей, но и со стороны самих учеников: *видите бо,* говорит, *звание ваше.* Не только неученые учители, но и ученики избраны такие же: *яко не мнози,* говорит, *мудри по плоти.* Так открывается большая сила и большая премудрость, когда убеждаются многие и притом немудрые. Самое трудное дело — убедить невежду, особенно когда речь о предметах необходимых и великих. И однако их убедили, чему свидетелями представляет их же самих: *видите бо звание ваше, братие,* то есть посмотрите, помыслите. Научить невежд догматам столь мудрым и мудрейшим всего, это — знак величайшей мудрости учителя. Что значит: *по плоти?* По наружности, по-житейски, по внешнему учению. Чтобы не подумали, что он противоречит себе, — а он убедил и проконсула, и Ареопагита, и Аполлоса, и других мудрецов, о которых мы знаем, что принимали проповедь, — он не говорит: никто из мудрых, но: *не мнози мудри.* Он не исключительно призывал невежд, а мудрых отвергал, но принимал и последних, гораздо же больше первых. Почему так? Потому, что мудрый по плоти исполнен великого неразумия, и особенно он бывает неразумным тогда, когда

не хочет отвергнуть нечестивого учения. Как в том случае, когда какой-нибудь врач хочет научить других своему искусству, люди малознающие, но худо и превратно пользующиеся этим искусством и упорные не скоро могут научиться, а ничего незнающие могут скорее принять учение, так было и здесь. Невежды убеждались скорее, потому что они не имели того крайнего безумия, чтобы считать себя мудрыми. Подлинно, весьма безумны те, которые подвергают суждению разума то, что усвояется не иначе, как только верой. Если бы какой-нибудь кузнец, вместо того, чтобы вынимать раскаленное железо щипцами, стал делать это рукой, то мы приписали бы это крайнему его безумию; так и философы, стараясь сами собой постигнуть (предметы веры), унижали веру. Потому они и не нашли ничего из того, чего искали. *Не мнози силни, не мнози благородни*. Ведь и такие люди бывают исполнены гордости; а ничто столько не вредит истинному богопознанию, как гордость и пристрастие к богатству, потому что преданные им удивляются настоящему, нисколько не заботятся о будущем и заграждают слух свой множеством попечений. *Но буяя мира избра Бог*. Это величайший знак победы – побеждать посредством немудрых.

2. Язычники не столько посрамляются тогда, когда побеждаются мудрецами, сколько тогда, когда видят, что люди, работающие собственными руками и принадлежащие к простому народу, любомудрствуют лучше их. Потому Павел и сказал: *да премудрыя посрамит*. И не только с этим, но то же сделал Бог и с другими житейскими преимуществами. *И немощная мира избра, да посрамит крепкая*. Не только неученых, но и бедных, презираемых и незнатных Он призвал, чтобы посрамить сильных. *И худородная мира и уничиженная и не сущая, да сущая упразднит* (ст. 28). Кто здесь называется *не сущая?* Те, которые считают себя за ничто по великому уничижению. Так Он явил великую силу, низлагая великих через тех, которые казались ничем, как Он и в другом месте говорит: *сила моя в немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). В самом деле, нужна великая сила, чтобы людей уничиженнейших и никогда не занимавшихся никаким учением вдруг научить любомудрствовать о том, что выше неба. Врачу, и ритору, и всем другим мы удивляемся особенно тогда, когда они ус-

пешно убеждают и научают невежд. Если же великое дело – внушить невежде учение о каком-нибудь искусстве, то тем более – такую мудрость. Впрочем Бог сделал это не только для того, чтобы явить чудо, или показать Свою силу, но и для того, чтобы смирить превозносящихся. Потому апостол, как выше сказал: *да премудрыя посрамит, да сущая упразднит,* так и здесь говорит: *яко да не похвалится всяка плоть пред Богом* (ст. 29). Бог делает все для того, [чтобы смирить гордость и надменность, чтобы низложить самохвальство; а вы, говорит, предаетесь этому? Он делает все для того], чтобы мы ничего не приписывали себе, чтобы все относили к Богу: а вы предали себя такому-то и такому-то? И какого заслужите вы прощения? Бог показал, что нам невозможно спастись самим по себе, и это Он устроил в начале. И тогда невозможно было самим достигать спасения, а нужно было созерцать красоту неба и величие земли и исследовать природу других созданий, чтобы восходить к Творцу вещей. Сделал же это Он, чтобы низложить имевшее явиться высокоумие. Подобно тому, как учитель, приказавший своему ученику следовать туда, куда ведет его, когда видит, что ученик забегает вперед и хочет научиться всему сам по себе, то оставляет его блуждать и, дав ему испытать, что он сам по себе научиться не может, тогда уже начинает руководить его, так и Бог в начале повелел идти путем созерцания творений, а когда люди не захотели этого, то Он, дав им испытать, что они сами по себе идти не могут, стал вести их к Себе иначе. Он дал нам мир, как бы дощечку; но философы об этом не думали, не хотели повиноваться Ему и идти к Нему тем путем, которым Он повелел. Потому Он предложил другой путь яснее первого, научающий, что сам человек один для себя недостаточен. Прежде можно было предаваться и рассуждениям, пользоваться и внешней мудростью, при руководстве природы; а теперь, кто не будет *буиим,* то есть не оставит всякие рассуждения и всякое мудрование и не предастся вере, тот не может спастись. Таким образом, Он совершил немаловажное дело: предложил удобный путь, а вместе уничтожил бывшую болезнь и научил не хвалиться и не высокомудрствовать: *яко да не похвалится всяка плоть.* Грех происходит от того, что люди хотят быть мудрее законов Бо-

жиих и не хотят учиться так, как Он заповедал; потому они ничему и не научаются. Так было и в начале. Бог сказал Адаму: это делай, а этого не делай; но он, думая найти что-то большее, не послушался — и потерял то, что имел. Потом Он сказал: не останавливайтесь на творении, но через него познавайте Творца; а люди, как бы найдя что-то более мудрое сравнительно со сказанным, построили себе бесчисленные лабиринты; потому и сами потерялись и друг с другом вошли в столкновения, ни Бога не нашли, ни о творении не узнали ничего ясного, и не составили о нем надлежащего и верного понятия. После этого, желая решительно уничтожить их высокомерие, Он призвал прежде всего людей простых, и тем показал, что все имеют нужду в премудрости свыше. Не только в отношении к познанию, но и во всех других отношениях люди и все прочие твари имеют великую в Нем нужду; и это Он сделал для того, чтобы дать им сильное побуждение к покорности и преданности, чтобы они, отлучившись от Него, не погибли. Потому Он и не попустил им быть самодовлеющими. Ведь если и теперь, когда имеют в Нем нужду, многие оставляют Его, то, если бы этого не было, до какого забвения не дошли бы они? Не по зависти Он лишил их основания к превозношению, но чтобы избавить их от погибели, происходящей отсюда. *Из Него же вы есте о Христе Иисусе, иже бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление* (ст. 30). Словом: *из Него же,* я думаю, апостол выражает не приведение из небытия в бытие, но приведение к вере, то есть то, что мы стали чадами Божиими *не от крове, ни от похоти плотския* (Ин. I, 13). Не думайте, что, лишив нас основания к превозношению, Он так и оставил нас, — нет, — Он даровал нам другую похвалу, большую. Не должно хвалиться перед лицом Его. Вы — чада Его, и сделались ими через Христа. Сказав: *буяя мира избра и худородная,* апостол теперь показывает, что они стали благороднее всех, потому что имеют Отцом Бога; и виновник этого благородства не такой-то или такой-то, но Христос, сделавший нас мудрыми, праведными и святыми; это и означают слова: *бысть нам премудрость.*

3. Кто же мудрее нас, имеющих не Платонову мудрость, но — самого Христа, по воле на то Божией? Что значит: *от*

Бога? Сказав нечто великое о Единородном, апостол упоминает и об Отце, чтобы кто не подумал, что Сын не рожден. Он сказал о столь великих делах и все приписал Сыну, изъяснив, что Сын сделался для нас премудростью, правдой, освящением и избавлением; теперь через Сына возводит все к Отцу, прибавляя: *от Бога.* Но почему он не сказал: умудрил нас, а: *бысть нам премудрость?* Этим он показывает обилие дара, как бы так говоря: дал нам самого Себя. И смотри, какую он соблюдает постепенность. Сначала (говорит) Бог сделал нас мудрыми, освободив от заблуждения, потом праведными и святыми, даровав Духа, и таким образом избавил нас от всех зол, так что мы стали Его (достоянием), разумеется не по существу, а по вере. В другом месте он говорит, что мы сделались правдой в Нем: *неведевшаго греха по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем* (2 Кор. V, 21); а теперь говорит, что Он сделался для нас правдой, так что всякий желающий может приобщаться ее обильно. Не такой-то или такой-то сделал нас мудрыми, но Христос. Поэтому кто хочет хвалиться, тот пусть хвалится Им, а не таким-то или таким-то: все ведь совершено Христом. Потому, сказав: *Иже бысть нам премудрость, правда же, и освящение, и избавление,* апостол присовокупляет: *да, якоже пишется, хваляйся о Господе да хвалится* (ст. 31). Для того он сильно и восстал против языческой мудрости, чтобы этим убедить людей хвалиться Богом, как и следует. Когда мы ищем сами собой того, что выше нас, тогда нет ничего глупее, нет ничего бессильнее нас. Изощрить свой язык мы можем, но измыслить твердые догматы не можем: наши рассуждения сами по себе подобны ткани паутинной. Некоторые дошли до такого безумия, что говорят, будто из всего существующего нет ничего истинного, но все противно тому, что нам представляется. Потому не приписывай ничего себе, но во всем хвались Богом. Не приписывай никогда ничего никакому человеку; если не следует ничего приписывать Павлу, то тем более другим: *аз,* говорит он, *насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти* (1 Кор. III, 6). Кто научился хвалиться Господом, тот никогда не будет превозноситься, но всегда будет смиряться и за все благодарить Его. Не так поступают язычники, но они все приписывают себе. Потому они и делают из людей богов: так гордость

овладела ими! Впрочем, уже время выступить на борьбу с ними. На чем же мы остановились в прежней беседе? Мы говорили, что, по человеческому соображению, невозможно было рыбарям победить философов; однако это сделано, и следовательно сделано силой благодати. Мы говорили, что невозможно было им и решиться на такие дела, и доказали, что они не только решились, но и окончили с великой легкостью.

Сегодня опять будем беседовать главным образом о том же: могли ли бы они надеяться победить вселенную, если бы не видели Христа воскресшим? Неужели они потеряли рассудок, так что решились на такое дело просто и необдуманно? Подлинно было бы выше всякого безумия ожидать успеха в столь великом деле, без содействия благодати Божией. И как они могли бы совершить это, если бы были безумными и исступленными? Если же они были в здравом уме, а это показали сами дела их, то как могли бы они, двенадцать человек, препоясаться и выступить на такую брань, на земле и на море, восстать против обычаев всей вселенной, укоренившихся в течение столь долгого времени, и восстать так мужественно, если бы они не имели верных залогов с неба и не получили помощи свыше? И, что еще важнее, как они надеялись убедить слушателей, призывая их к небу и горним обителям? Если бы они были образованы и воспитаны в славе, богатстве и почестях, то хотя и тогда они едва бы решились на столь великое дело, но по крайней мере, могли бы иметь более надежды; а здесь одни – из рыбарей, другие – из кожевников, иные – из мытарей. Такие занятия всего менее могли располагать к любомудрию и способствовать высоким помыслам, особенно если не было подобного примера. И не только у них не было примеров успеха в подобных предприятиях; напротив были примеры неуспеха, и притом самые недавние. Многие, покушавшиеся на нововведения, – говорю не о язычниках, у которых этого не было, а о самих иудеях, в то же самое время, – погибли, приступив к делу не с двенадцатью человеками, но с великим множеством. Так Февда и Иуда, собрав множество сообщников, погибли вместе с учениками своими (Деян. V, 36, 37). Страх от подобных примеров достаточно мог бы вразумить их, если

бы они не были уверены, что одержать победу возможно не иначе, как силой божественной. И при надежде на успех, как они решились бы на такие опасности, если бы не имели в виду будущего? Положим, что они имели надежду на успех; но какой они могли ожидать пользы от того, что обращали всех к не Воскресшему, как вы говорите?

4. Если теперь люди, верующие учению о царстве небесном и неисчислимых благах, едва решаются на опасности, то как апостолы решились подвергаться им напрасно, или, лучше, ко вреду своему? Если бы не было того, что было, если бы Христос не восшел на небо, то, решившись выдумать это и преподавать другим, они оскорбили бы Бога и должны были бы ожидать себе грозных наказаний свыше. С другой стороны, хотя бы при жизни Христа они имели такую решимость, все же оставили бы ее по смерти Его, так как, если бы Он не воскрес, то они почли бы Его обманщиком и обольстителем. Разве не знаете, что при жизни полководца и царя даже слабые войска держатся, а по смерти даже и сильные расстраиваются? Какими же, скажи мне, соображениями побуждались они, когда решались начать проповедь и идти во всю вселенную? И какие препятствия не встретили бы их? Если бы они были исступленные, – не перестану повторять это, – то решительно ничего не сделали бы, потому что исступленных никто не слушает; а если они совершили свое дело так, как совершили, то и конец показывает, что они были мудрее всех. Если же они были мудрее всех, то очевидно, что они пошли на проповедь не просто. Если бы они не видели Христа воскресшим, то что могло бы вывести их на такую брань? Что напротив не отклонило бы их от нее? Он говорил им, что через три дня воскреснет, обещал царство небесное, предрекал, что они, получив Святого Духа, победят вселенную, и многое возвещал другое, превышающее все законы природы. После этого, если бы ничего такого не исполнилось, то они, хотя бы и верили Ему при жизни, по смерти Его перестали бы верить, если бы не видели Его воскресшим. Они сказали бы: Он говорил, что через три дня воскреснет, и не воскрес; обещал послать Духа, и не послал: как же мы можем верить Ему в дальнейшем, если оказалось ложным ближайшее? Почему же они

стали бы проповедовать, что Христос воскрес, если бы Он не воскрес? Потому, скажешь, что любили Его. Но тогда они конечно возненавидели бы Его, как обольстителя и предателя, который, воспламенив их бесчисленными надеждами, отлучив от домов, и от родных, и от всего, вооружив против них весь народ иудейский, потом оставил их. Если бы это происходило только от слабости, то они могли бы простить Ему; но тогда они почли бы это великим злоумышлением. Ему надлежало бы говорить истину и не обещать небо, если бы Он был человек смертный, как вы говорите. Тогда и они конечно стали бы делать противное, стали бы открывать обман и называть Его обольстителем и злоумышленником: таким образом они и избавились бы опасностей, и окончили бы брань. Если иудеи дали деньги воинам для того, чтобы они сказали, что тело Его украдено (Мф. XXVIII, 12), то чего не получили бы ученики, если бы пришли и сказали: мы украли Его, Он не воскрес? Тогда, вероятно, наградили бы их и почестями и венцами. Почему же они предпочли всему этому поношения и бедствия, если не было божественной силы, действовавшей в них могущественнее всего этого? Если ты еще не убеждаешься, то обрати внимание на следующее: если бы не было (воскресения Христова), то апостолы, хотя бы были весьма готовы, не стали бы проповедовать о Нем, но оказали бы к Нему отвращение. Вы знаете, что мы не хотим даже слышать об именах тех, которые жестоко обманули нас. Почему же они проповедовали имя Его? Разве они надеялись победить этим именем? Напротив, им надлежало бы ожидать, что и в случае победы они погибнут, потому что возвещали имя обольстителя. А если бы они захотели утаить прошедшее, то не следовало бы и проповедовать, потому что усилия их еще более возбуждали бы только брань и смех. И как они могли бы выдумать все это? Напротив они забывали бы и то, что слышали. Если тогда, когда еще нечего было страшиться, они многое забывали, а иного не разумели, как замечает евангелист (Ин. XII, 16), то, при угрожающей опасности, не вышло ли бы все из их памяти? И что говорить о словах? Сама любовь их к Учителю несколько охладевала от страха будущих опасностей, за что Он и укорял их. Прежде они, следуя за Ним, часто спрашивали: *камо идеши*

(Ин. XIII, 36), а потом, когда Он в продолжительной беседе представил им бедствия, каким они подвергнутся во время Его крестного страдания, то они, пораженные страхом, пребыли безмолвными, о чем, послушай, как Он сам говорит: *никто же от вас вопрошает Мене: камо идеши? но яко сия глаголах вам, скорби исполних сердце ваше* (Ин. XVI, 5, 6). Если же они так скорбели, когда еще ожидали Его смерти и воскресения, то, не увидев Его воскресшим, не пали ли бы духом совершенно, не пожелали бы сами быть погребенными в земле, как от скорби при виде обмана, так и от страха будущего?

5. Откуда у них и это высокое учение? Им сказал (Христос), что высочайшее учение, они услышат после: *еще много,* говорил Он, *имам глаголати вам, но не можете носити ныне* (Ин. XVI, 12). Следовательно, высшее сообщено было им после. Один из учеников Его, услышав об опасности, не хотел даже идти с Ним в Иудею, но сказал: *идем и мы, да умрем с Ним* (Ин. II, 16): с такой скорбью ожидал Его смерти! Если же он, ожидая смерти, в присутствии самого (Иисуса Христа) терял бодрость, то без Него и без прочих учеников каким опасностям не подвергались его надежды? И много есть доказательств их малодушия. Притом о чем им было говорить, выйдя на проповедь? Страдание (Христово) было известно вселенной, так как Он был распят на высоком древе, в полдень, в столичном городе и в величайший праздник, на котором особенно должны были присутствовать все (иудеи); а о воскресении Его не знал никто из посторонних, и это было для них немалым препятствием к убеждению. О погребении Его была всеобщая молва, и воины со всеми иудеями говорили, что ученики украли тело Его; а о том, что Он воскрес, никто из посторонних не знал. Каким же образом они надеялись убедить вселенную? Если стражи при виде чудес согласились свидетельствовать противное, то как они без чудес решились проповедовать, и, не обладая и малым количеством денег, надеялись убедить всех на земле и на море в истине воскресения? Если бы они делали это из честолюбия, то каждый из них приписывал бы свое учение скорее самому себе, а не Умершему. Но (скажешь) им люди не поверили бы? Напротив, кому они скорее могли верить, Тому ли, Кто был взят и распят на кресте, или тем, которые избегли

иудейских рук? Почему, скажи мне, решившись на такое дело, они не тотчас оставили Иудею и ушли в другие города, но оставались там? И каким образом они успели убедить, если не совершали знамений? Если они совершали знамения, – а они действительно совершали, – то это было действие силы Божией; если же не совершали и однако победили, то сделанное ими еще более удивительно. Разве, скажи мне, они не знали иудеев, их злобное сердце и переполненную ненавистью душу? Эти люди хотели побить камнями Моисея, после того, как он провел их по морю, после победы и того чудного торжества, которое они через него одержали без пролития крови над поработившими их египтянами, после манны, после источников вод, изведенных из камней, после бесчисленных чудес в Египте, при Чермном море и в пустыне; Иеремию они ввергли в ров и многих пророков убили. Послушай, что говорит о них Илия, который был изгнан ими далеко из страны их, после страшного голода и чудного дождя, после огня, низведенного им с неба, и после славного всесожжения: *Господи, пророки Твоя избиша, алтари Твоя раскопаша, и остах аз един, и ищут души моея* (3 Цар. XIX, 10). Между тем (пророки) не вводили никаких перемен в законе. Как же, скажи мне, могли слушать апостолов, которые были уничиженнее всех их (пророков) и преподавали то же новое учение, за которое Учитель их был распят? Притом не столько могло казаться странным, когда говорил это Христос, сколько когда они. О Нем могли думать, что Он делал это для своей славы, а их могли ненавидеть тем более, что они подвизались за другого. Но не содействовали ли им римские законы? Напротив, с этой стороны было еще более препятствий, – ведь сказано было: *всяк, царя себе творяй, несть друг кесарю* (Ин. XIX, 12). Одно то могло служить для них препятствием, что они были учениками считавшегося за тирана и действовали в Его пользу. Что же побуждало их подвергаться таким опасностям? Что они могли сказать о Нем такого, чем показались бы заслуживающими доверия? То ли, что Он был распят? То ли, что он родился от бедной иудеянки, обрученной с иудейским плотником? То ли что Он происходил от народа, ненавидимого в целом мире? Но все это могло не только не убеждать и не привлекать слушателей, а напротив отвращать всех, тем бо-

лее, когда было возвещаемо скинотворцем и рыбарем. Не могло ли все это приходить на мысль ученикам Его? Люди робкие могут воображать даже более того, что есть на самом деле; а таковы и были апостолы. На чем же они основали надежду успеха? Скорее они не имели бы надежды при тех бесчисленных препятствиях, которые встречались им, если бы не воскрес Христос.

6. Не ясно ли для всех, даже самых неразумных, что апостолы не только не могли бы предпринять и исполнить такого дела, но даже и подумать о нем, если бы не получили великой и обильной благодати и не имели залога воскресения? Если при таких препятствиях к предприятию, не говорю уже к выполнению дела, они и решились, и исполнили и совершили выше всякого ожидания, то не для каждого ли ясно, что они действовали не человеческой силой, но божественной благодатью? Будем же заниматься подобными рассуждениями не только сами с собой, но и друг с другом: тогда удобнее можем научиться и прочему. Хотя бы ты был ремесленник, не считай такого занятия чуждым для себя. Ведь и Павел был делателем палаток, однако исполнился великой благодати и ею возвещал все. Но прежде благодати он был при ногах Гамалиила; и самую благодать получил потому, что явил душу достойную благодати, и после того опять занимался своим ремеслом. Итак, не стыдись никто занимающийся ремеслом; но пусть устыдятся те, которые напрасно едят хлеб и живут в праздности, которые имеют множество служителей и требуют беспрестанных услуг. Принимать пищу всегда после труда – это род любомудрия: души таких людей бывают чище, мысли – основательнее. Человек праздный и говорит много пустого, и делает много пустого, и целый день не занимается ничем, предаваясь неге; а тот, кто занят работой, не скоро допустит что-нибудь излишнее ни в делах, ни в словах, ни в помышлениях; душа его совершенно предана трудолюбивой жизни. Не будем же презирать тех, которые питаются от трудов рук своих, но будем еще более ублажать их за это. Какой, скажи мне, достоин ты благодати, если, получив наследство от отца, живешь, ничего не делая, и расточаешь его по-пустому? Разве ты не знаешь, что мы не все отдадим одинаковый отчет, но получившие здесь больше благ отда-

дут отчет труднейший, а удрученные трудами, бедностью или чем-нибудь другим подобным – легчайший? Это видно и из притчи о Лазаре и богаче. Ты, не употребивший свободного времени ни на что дельное, справедливо будешь осужден; а бедный, при трудах своих употребивший остающееся время на дела достодолжные, получит великие венцы.

Укажешь ли на свое военное звание и приведешь его в оправдание своей беспечности? Но и это извинение неосновательно. Корнилий был сотником, однако воинская перевязь нисколько не препятствовала его благочестию. Ты, когда занимаешься с шутами и танцовщицами, проводишь все время на зрелищах, не ссылаешься ни на необходимые дела по военной службе, ни на страх перед начальниками; а когда мы приглашаем в церковь, тогда – бесчисленные препятствия. Что же ты скажешь в тот день, когда увидишь пламя, огненные реки и неразрешимые узы, и услышишь скрежет зубов? Кто поможет тебе в тот день, когда увидишь ремесленника, праведно проведшего жизнь свою, наслаждающимся великой славой, а себя, который ныне украшаешься нежными одеждами и дышишь благовониями, невыразимо страждущим? Какая польза будет тебе от богатства и изобилия, и какой вред ремесленнику от бедности? Потому, чтобы нам не потерпеть этого, устрашимся сказанного и приложим всякое старание к совершению дел необходимых. Таким образом умилостивив Бога за прежние грехи свои и присоединив добрые дела в будущем, мы сможем получить царство небесное, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VI

И аз пришед к вам, братие, приидох не по превосходному словеси, или премудрости, возвещая вам свидетельство Божие. Не судих бо ведети что в вас, точию Иисуса Христа, и сего распята (1 Кор. II, 1, 2)

1. Ничто не может сравниться в деятельности с душой Павла или, лучше, не с его душой, – так как он не сам достиг этого, – но с благодатью, которая действовала в нем и по-

беждала все. И сказанного прежде достаточно было для низложения гордости превозносившихся своей мудростью; достаточно было даже и части сказанного. Но чтобы победа была славнее, он продолжает свою речь, попирая уже поверженных противников. Смотри: привел пророчество: *погублю премудрость премудрых;* показал премудрость Божию в том, что Бог кажущимся безумием низложил внешнюю мудрость; объяснил, что *буее Божие премудрее человек;* указал, что Бог не только научил через людей неученых, но и призвал также неученых; а теперь он доказывает, что и сам предмет проповеди и способ проповедования могли бы иных смутить, однако не смутили. Не только, говорит, ученики – люди простые, но и я проповедующий. *И аз, братие,* – опять называет их братиями, чтобы смягчить суровость речи, – *приидох не по превосходному словеси, возвещая вам свидетельство Божие.* Но, скажи мне, если бы ты захотел прийти с высоким словом, мог ли бы? Я, говорит, если бы и хотел, не мог бы; а Христос, если бы восхотел, мог бы (послать); но Он не восхотел, чтобы победа сделалась славнее. Потому и выше, доказывая, что делом Христа и Его волей было, чтобы слово проповедовалось с такой простотой, он говорил: *не посла бо мене Христос крестити, но благовестити, не в премудрости слова* (1 Кор. I, 17). А воля Христа много важнее, несравненно важнее воли Павла. Таким образом, говорит, не высоким словом и не помощью красноречия я возвещаю свидетельство Божие. Не сказал: проповедь, но: *свидетельство Божие,* что также могло не нравиться, так как он везде проповедовал о смерти; потому и присовокупил: *не судих бо ведети что в вас, точию Иисуса Христа, и сего распята.* Говорит это потому, что он был совершенно чужд внешней мудрости, как и выше сказал: *приидох не по превосходному словеси.* Нет сомнения, что ему можно было иметь и это; тот, чьи одежды воскрешали мертвых и тень исцеляла болезни, тем более мог душой своей усвоить красноречие. Последнее свойственно и ученикам, а первое выше всякого искусства. Следовательно, кто знал то, что выше искусства, тот тем более мог знать низшее. Но Христос не попустил этого, потому что это не было полезно. Потому Павел справедливо говорит: *не судих бо ведети что,* так как и я желаю того же, чего Христос. Мне кажет-

ся, что апостол беседует с ними (коринфянами) гораздо проще, нежели с другими, для того, чтобы низложить гордость их. Итак слова: *не судих ведети что* сказаны в противоположность внешней мудрости. Я пришел к вам, говорит он, не сплетать силлогизмы и софизмы, или говорить что-либо подобное, но только возвестить, что Христос распят. Те (мудрецы) говорят много и ведут длинные речи о бесчисленных предметах, составляя суждения и умозаключения и сплетая тысячи софизмов; а я пришел к вам говорить не о чем другом, как только о том, что Христос распят, и всех их превзошел, что и служит неизреченным знамением силы Проповедуемого. *И аз в немощи и страсе и трепете мнозе бых в вас* (ст. 3). Вот еще другое важнее обстоятельство. Не только верующие – люди простые, не только проповедующий – человек простой, не только способ учения исполнен простоты, не только самый предмет проповеди может смущать, так как предмет этот – крест и смерть; но вместе с тем были и другие препятствия, именно опасности и козни, ежедневный страх и гонения. Немощью он часто называет гонения, как например: *немощи, яже во плоти моей, не уничижисте* (Гал. IV, 13, 14); и еще: *аще хвалитися подобает,* о *немощи моей похвалюся* (2 Кор. XI, 30). О какой немощи? *Языческий князь Арефы царя стрежаше Дамаск град, яти мя хотя* (ст. 32). И еще: *темже благоволю в немощех;* а в каких, объясняет далее: *в досаждениих, в бедах, в теснотах* (2 Кор XII, 10). То же говорит и теперь; сказав: *и аз в немощи,* он не останавливается на этом, но, чтобы показать, что под немощью он разумеет опасности, присовокупляет: *и страсе и трепете мнозе бых в вас.* Что это? Неужели и Павел боялся опасностей? Да, боялся и сильно боялся. Ведь он был хотя и Павел, а все же человек. И это не вина Павла, но слабость (человеческой) природы, а вместе и похвала его воле, если он, даже боясь смерти и ран, под влиянием страха не делал ничего недостойного. Потому те, которые говорят, что он не боялся ран, не только не делают ему чести, но и много унижают его достоинство. Если бы он не боялся, то какая твердость, или какое любомудрие было бы в перенесении бедствий? А я потому и удивляюсь ему, что он, хотя боялся, и не просто боялся, а трепетал бедствий, однако всегда под-

визался со славой и ни при какой опасности не ослабевал, очищая вселенную и везде, на земле и на море, посеивая семена проповеди. *И слово мое и проповедь моя не в препретелных человеческия премудрости словесех* (ст. 4), то есть чуждо внешней мудрости. Если же проповедь не имела в себе ничего софистического, и призываемые были люди простые, и проповедующий таков же, и кроме того были гонение, страх и трепет, то, скажи мне, каким образом одержана победа? Божественной силой. Потому, сказав: *слово мое и проповедь моя не в препретелных человеческия премудрости словесех,* присовокупляет: *но в явлении Духа и силы.*

2. Видишь ли, как *буее Божие премудрее и немощное Божие крепчае человек есть?* Простые проповедники, будучи стесняемы и гонимы, победили гонителей. Почему? Не потому ли, что они внушали веру Духом? Это и значит *явление (Духа).* Кто, скажи мне, не уверует, видя воскресение мертвых и изгнание бесов? Но так как есть ложные силы, каковы волшебные, то апостол устраняет и эту мысль; не просто говорит: *силы,* но наперед – *Духа,* а потом – силы, этим выражает, что все сделанное совершено Духом. Таким образом для проповеди служит не унижением то, что она возвещается без помощи мудрости, но напротив величайшим украшением. Это особенно и доказывает, что она божественна и имеет высшее небесное происхождение. Потому он и присовокупляет: *да вера ваша не в мудрости человечестей, но в силе Божией будет* (ст. 5). Видишь ли, как ясно он представляет великую пользу простоты и великий вред мудрости? Последняя унижала крест, а первая возвещала силу Божию; последняя производила то, что люди не познавали должного и хвалились самими собой, а первая располагала принять истину и хвалиться Богом; мудрость внушала многим считать учение (апостольское) человеческим, а простота ясно выражала, что оно божественно и низошло с неба. Когда доказательство составляется из мудрых слов, тогда часто и недостойные, будучи сильнее в слове, одерживают верх над достойнейшими, и ложь заступает место истины. Здесь же не так; Святой Дух не входит в нечистую душу, а войдя не может быть побежден, хотя бы против него восстала вся сила красноречия, так как доказательство посредством дел и зна-

мений гораздо яснее доказательства посредством слов. Но, может быть, кто скажет: если проповедь должна побеждать и не имеет нужды в силе слова, *да не упразднится крест,* то почему ныне прекратились знамения? Почему? Ты не веришь и думаешь, что их не было и при апостолах, или в самом деле хочешь знать, когда говоришь это? Если не веришь, то я остановлюсь прежде на этом. Если тогда не было знамений, то каким образом апостолы, будучи гонимы, притесняемы, подвергаясь страху и узам, будучи общими всех врагами и ненавистными для всех, не имея в себе ничего привлекательного, ни красноречия, ни знатности, ни богатства, ни известности по городу, по народу, по происхождению, или по искусству, и ничего другого подобного, но имея все противное тому: неученость, незнатность, бедность, простоту и уничижение, и притом восставая против целых народов и возвещая такие истины, — как они производили убеждение? Правила их были нелегки, догматы опасны, а слушатели, которых надлежало убеждать, преданы были сластолюбию, пьянству и великому нечестию. Как же они убедили, скажи мне? Как приобрели доверие? Если они, как я и прежде говорил, убедили без знамений, то это есть еще большее знамение. Итак из того, что теперь нет знамений, не заключай, что их не было и тогда. Тогда полезно было им быть, а теперь полезно не быть. Впрочем из того, что теперь убеждение производится одним словом, не следует, будто теперь проповедь зависит от мудрости. Как первоначальные сеятели слова были простые и неученые и ничего не говорили от себя, но что приняли от Бога, то и преподали вселенной, так и мы теперь предлагаем не свое, но что приняли от них, то и возвещаем всем. И теперь мы убеждаем не умозаключениями, но свидетельствами божественных Писаний и тогдашними знамениями внушаем верить возвещаемому. Впрочем, и апостолы убеждали тогда не одними знамениями, но и беседами; только слова их получали более силы от знамений и свидетельств ветхозаветного Писания, а не от искусства красноречия. Как же, скажешь, знамения тогда были полезны, а теперь стали бесполезны? Предположим, — я обращаюсь к язычнику и потому называю предположением то, что несомненно будет, — предположим и пусть неверный хотя

на несколько времени допустит, например, что Христос придет. Итак, когда придет Христос и все ангелы с Ним; когда Он явится, как Бог, и все покорится Ему, — тогда не уверует ли в Него и язычник? Конечно, он и поклонится Ему и назовет Его Богом, хотя бы он был человек крайне упорный.

3. Кто, видя небеса отверстые, Христа грядущего на облаках, и все воинство горних сил вокруг Него, текущие реки огненные и всех предстоящих Ему с трепетом, не поклонится Ему и не признает Его Богом? Но, скажи мне, заменит ли это поклонение и признание для язычника веру? Нет. Почему? Потому, что это — не вера; это — следствие необходимости величественного зрелища; не собственное решение, но величие созерцаемого увлекает в этом случае душу. Следовательно, чем яснее и разительнее знамения, тем менее бывает вера, потому знамения теперь и не совершаются. Чтобы убедиться в истине этого, послушай, что говорит Христос Фоме: *блажени не видевшии и веровавше* (Ин. XX, 29). Следовательно, чем очевиднее знамение, тем менее достоинство веры. То же самое было бы если бы и теперь совершались знамения. Что тогда (по пришествии Христовом) мы уже не будем познавать Его верой, это объяснил Павел в словах: *нъıне верою ходим, а не видением* (2 Кор. V, 7). Как тогда вера не вменится тебе по причине очевидности предмета, так и теперь она не вменялась бы, если бы совершались такие же знамения, какие, были прежде. Ведь вера бывает тогда, когда принимаем то, чего никаким образом, никакими рассуждениями невозможно постигнуть. Так, Бог угрожает геенной, но она невидима; если бы она была видима, то опять было бы то же. Впрочем, если ты хочешь знамений, то можешь и теперь видеть их, хотя и не такого рода, именно исполнение бесчисленных пророчеств о множестве событий, обращение вселенной, любомудрие язычников, изменение грубых нравов, преуспеяние благочестия. Что это, скажешь, за пророчества? Ведь все эти предсказания написаны уже после событий? Когда же, скажи мне, где, кем и за сколько лет? За пятьдесят или за сто? Значит, за сто лет совершенно не было ничего написано. Как же вселенная сохранила догматы и все прочее, когда одной памяти для этого недостаточно? Откуда узнали, что Петр был распят?

Откуда последующим пришло на мысль предсказывать, например, что Евангелие будет проповедано по всей вселенной, что иудейское царство прекратится и более не восстанет? Полагавшие душу свою за проповедь как могли бы допустить, чтобы проповедь их подвергалась искажению? Как стали бы верить писателям, после того как знамения уже прекратились? И как писания проникли бы в страну варваров и индийцев и до самих пределов океана, если бы сами писатели не были достоверными? Какие же это писатели? Когда писали они, где и для чего? Не для того ли, чтобы приобрести себе славу? Но почему они надписывали свои книги именами других? Не для того ли, чтобы придать твердость учению? Но истинно оно, или ложно? Если они признавали его ложным, то не стоило и заниматься им; если же признавали его истинным, то не было нужды в тех вымыслах, о которых ты говоришь. С другой стороны эти предсказания таковы, что даже до настоящего времени ничто не могло изменить предсказанного. Так, разрушение Иерусалима совершилось за много лет. Есть и другие предсказания, которые со времени произнесения их будут иметь силу до Его пришествия, как можешь видеть, если хочешь, из следующего, например: *Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. XXVIII, 20); *на сем камени созижду церковь Мою и врата адова не одолеют ей* (XVI, 18); *проповестся сие евангелие всем языком* (XXIV, 14); *идеже аще проповедано будет евангелие сие, речется и еже сотвори сия жена* (XXVI, 13), и другие весьма многие. Отчего эти предсказания оказываются истинными, если они были вымышлены? Отчего не одолели Церкви врата адовы? Отчего Христос всегда пребывает с нами? Ведь, если бы Он не был с нами, то Церковь не одержала бы победы. Отчего Евангелие распространилось по всей вселенной? Древность книг наших могут засвидетельствовать даже те, которые говорили против нас, как то: последователи Цельса и бывшего после него Ватанеота (Порфирия), — они конечно опровергали не то, что было написано после них, — а также и вся вселенная, которая единогласно приняла это учение. Если бы не благодать Духа, то не было бы такого единодушного принятия его от концов до концов земли, но виновники вымыслов были бы скоро обличены, и не соверши-

лись бы столь великие дела при помощи вымыслов и лжи. А теперь не видишь ли, как вся вселенная обратилась, заблуждение истреблено, любомудрие иноков сияет светлее солнца? Не видишь ли сонмов девственниц, благочестия между варварами и всех, смиряющихся под одним игом (Христовым)? Это не в наших только книгах предсказано, но еще издревле пророками; а их предсказаний ты конечно не можешь отвергать, потому что их книги есть и у врагов и, по усердию некоторых язычников, переведены на греческий язык. Они содержат в себе много пророчеств и указаний на то, что имеющий прийти есть Бог.

4. Почему же ныне не все веруют? Потому, что дела наши не хороши, и причиной этому мы сами; обращаю слово к нам самим. И тогда обращались к вере не одними только знамениями, но многие из обращающихся привлекаемы были и жизнью (верующих). *Тако,* говорится, *да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16). Тогда у всех *бе сердце и душа едина, и ни един же что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща, даяшеся же коемуждо, его же аще кто требоваше* (Деян. IV, 32, 35), и жили они жизнью ангельской. Если бы то же было и теперь, то мы обратили бы всю вселенную и без знамений. Потому желающие спастись пусть внимают Писаниям; здесь они найдут и такие и еще высшие добродетели. И сами учители изобиловали ими, проводя жизнь в голоде, жажде и наготе. Мы хотим жить в роскоши, в неге и удовольствиях; они же не так жили, но говорили: *до нынешняго часа и алчем и жаждем и наготуем и страждем и скитаемся* (1 Кор. IV, 11). Один из них путешествовал от Иерусалима до Иллирии, другой в страну индийцев, третий в страну мавров, иной в другие части вселенной; а мы не решаемся даже выйти из отечества, ищем роскоши, великолепных жилищ и всякого другого богатства. Кто из нас когда-нибудь терпел голод за слово Божие? Кто был в пустыне? Кто предпринимал далекое путешествие? Кто из учителей, живя трудами рук своих, помогал еще другим? Кто подвергался ежедневной смерти? Потому нерадивы и окружающие нас. Воины и военачальники, когда переносят голод, жажду, смерть и все бедствия, тогда побеждают и холод, и опасности, и все, как

львы, и совершают дела доблестные; а потом, если, оставив такое любомудрие, предавшись неге, пристрастившись к земным благам и занявшись куплей и продажей, будут побеждаемы врагами, то было бы совершенно безумно искать причину этой перемены. Так и мы должны рассуждать о нас самих и бывших прежде нас; мы сделались изнеженнее всех, прилепившись к настоящей жизни. Если и найдется человек, имеющий в себе хотя несколько древнего любомудрия, то он, оставляя город и торжища, не желая обращаться с людьми и исправлять других, удаляется в горы; и если кто спросит его о причине удаления, то он дает ответ неуважительный: я, говорит, удаляюсь для того, чтобы не погубить себя и не сделаться неспособным к добродетели. Но не лучше ли было бы тебе быть не столь добродетельным и доставлять пользу другим, нежели пребывать на высоте и с презрением взирать на погибель братии? Если же одни нерадят о добродетели, а другие, пекущиеся о ней, удаляются из строя, то как мы будем побеждать врагов наших? Кто убедился бы, если бы теперь и были знамения? Кто из язычников стал бы слушать нас, когда нечестие так распространяется? Праведная жизнь наша для многих бывает убедительнее знамений. Люди бесстыдные и злые могут взирать на знамения с мыслями коварными; а чистая жизнь может с великой силой заградить уста самого диавола. Говорю это и начальникам и подчиненным, а прежде всех себе самому, чтобы мы проводили жизнь достохвальную, исправили себя и презирали все настоящее. Будем презирать имущество, но не геенну; будем презирать славу, но не спасение; будем здесь трудиться и терпеть, чтобы там не подвергнуться мучению. Так будем ратоборствовать с язычниками; так будем увлекать их в плен, который превосходнее свободы. Впрочем это часто и непрестанно говорится нами, только редко исполняется. Но исполняется, или нет, — наш долг непрестанно напоминать об этом, так как, если иные, для обольщения других, говорят столько увлекательных речей, то тем более ведущим к истине не следует утомляться, возвещая полезное. Если вводящие в заблуждение употребляют столько усилий к достижению своей цели, расточают имущество, прибегают к искусству красноречия, подвергаются опасностям и

сами являются впереди всех, то тем более нам, отклоняющим от заблуждения, должно терпеть и опасности, и смерть, и все, чтобы, доставив пользу и себе и другим и оставшись непобедимыми от врагов наших, сподобиться обетованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VII

Премудрость же глаголем в совершенных: премудрость же не века сего, ни князей века сего престающих: но глаголем премудрость Божию в тайне, сокровенную, юже предъустави Бог прежде век в славу нашу (1 Кор. II, 6, 7)

1. Для больных глазами мрак кажется лучше света; потому они любят находиться более в темных жилищах. Тоже произошло и с духовной премудростью: премудрость Божия язычникам казалась безумием, а их мудрость, которая действительно есть безумие, почиталась ими мудростью. С ними случилось то же, как если бы кто, зная искусство кормчего, обещался переплыть беспредельное море без корабля и парусов и старался бы умствованиями своими доказать, что это возможно, а другой, совершенно неопытный, сев на корабль и вверив себя кормчему и мореплавателям, совершил бы таким образом плавание безопасно. Кажущееся неведение последнего было бы мудрее мудрости первого. Умение править рулем, конечно, прекрасно; но когда оно обещает слишком много, то становится безумием; таково же и всякое знание, не удерживающееся в своих пределах.

Так и внешняя мудрость была бы мудростью, если бы приняла Духа; но так как она все присвоила себе и думала, что не имеет нужды в высшей помощи, то сделалась безумием, хотя и казалась мудростью. Потому Павел, наперед обличив ее самими делами, потом назвал ее безумием, а премудрость Божию наперед назвал *буйством*, согласно с мнением язычников, потом же доказывает, что она есть истинная мудрость, — а после доказательств уже весьма легко посрамлять противников, — и говорит: *премудрость же глаголем в со-*

вершенных. Если я, почитаемый безумным и проповедником безумия, победил мудрых, то победившая мудрость есть не безумие, но совершеннейшая мудрость и настолько превосходнее внешней мудрости, что та кажется безумием. Назвав ее сначала так, как называли ее тогда язычники, и доказав превосходство ее самими делами, а их обличив в крайнем безумии, он потом называет ее свойственным ей именем и говорит: *премудрость же глаголем в совершенных.* Премудростью он называет проповедь и способ спасения посредством креста; совершенными же называет верующих. Действительно совершенны те, которые знают, что все человеческое весьма немощно, презирают все это и уверены, что оно не служит им ни к чему; а таковы верующие. *Премудрость же не века сего.* К чему в самом деле полезна внешняя мудрость, которая ограничивается здешним миром и далее его не простирается, даже и здесь не может принести никакой пользы обладающим ею? *Князьями века* он называет здесь не бесов, как думают некоторые, но людей, облеченных отличиями и властью и почитающих ее чем-то весьма важным, философов, риторов и писателей, которые тоже часто обладали властью и бывали народными вождями. Князьями же *века сего* называет их потому, что власть их не простирается далее настоящего века; потому и присовокупляет: *престающих,* и таким образом доказывает ничтожность внешней мудрости как самим ее свойством, так и свойством тех, которые обладают ею. Доказав, что она ложна и безумна, что она не может открыть ничего, что она бессильна, теперь он показывает, что она и кратковременна. *Но глаголем премудрость Божию в тайне.* В какой тайне? Христос говорил: *еже во уши слышите, проповедите на кровех* (Мф. X, 17). Почему же Павел называет ее тайной? Потому, что ни ангел, ни архангел, и никакая другая сотворенная сила не знала ее прежде, нежели она открылась. Потому апостол и говорит: *да скажется ныне началом и властем на небесных Церковию многоразличная премудрость Божия* (Еф. III, 10). Бог так почтил нас, что и они услышали ее вместе с нами; и мы в отношении к друзьям считаем знаком нашей дружбы с ними то, когда никому прежде них не открываем тайны. Пусть внимают те, которые хвалятся проповедью, без разбора предлагают всем бисер уче-

ния, бросают святыню псам и свиньям, и притом с излишними мудрованиями. Тайна не допускает прикрас, но какова есть, такой точно и возвещается; она не будет уже тайной божественной и неповрежденной, если ты прибавишь к ней что-нибудь от себя. Тайной она называется и потому, что мы созерцаем в ней не то, что видим, но одно видим, а другому веруем. Таково свойство наших таинств. Иначе смотрю на них я, иначе неверный. Слышу я, что Христос распят, и удивляюсь Его человеколюбию; слышит неверный, и считает это бессилием. Слышу я, что Христос сделался рабом, и удивляюсь Его промышлению; слышит неверный, и считает это бесчестьем. Слышу я, что Христос умер, и изумляюсь Его могуществу, как Он, подвергшись смерти, не был удержан ею, но еще разрушил смерть; слышит неверный, и приписывает это Его немощи. Слыша о воскресении, он называет это басней; а я, удостоверяясь в том самими событиями, поклоняюсь домостроительству Божию. Слыша о крещении, он представляет одну воду; а я вижу не только видимое, но и невидимое очищение души, совершаемое Духом. Он думает, что у меня только омыто тело; а я верую, что и душа стала чистой и святой, и представляю гроб, воскресение, освящение, оправдание, искупление, усыновление, наследие, небесное царство, дарование Духа, так как я взираю на видимое не простым зрением, но очами духовными. Говорится о теле Христовом, и иначе разумею сказанное я, иначе неверный.

2. Дети, видя книгу, не понимают значения написанного и не разумеют того, что видят, то же бывает и со всяким человеком безграмотным; между тем знающий грамоту найдет в написанном смысл, целые жизнеописания и повествования; так же, получив письмо, безграмотный увидит только бумагу и чернила, а грамотный услышит голос отсутствующего, будет беседовать с ним, и сам посредством письма ответит ему, что угодно. То же бывает и с таинствами: неверные, слыша о них, как будто не слышат; а верующие, будучи научены Духом, разумеют силу сокровенного. Потому Павел говорит, что и ныне *есть покровено благовествование: в гибнущих бо*, говорит, *есть покровено* (1 Кор. IV, 3). С другой стороны, словом *тайна* он выражает, что проповедь есть нечто необычайное; так обыкновенно Писание называет то, что

бывает сверх чаяния и превышает человеческое разумение. Потому и в другом месте говорится: *тайна моя и мне и моим;* и опять Павел говорит: *се тайну вам глаголю: вси бо не успнем, вси же изменимся* (1 Кор. XV, 51). Хотя она проповедуется везде, но, несмотря на то, она – тайна. Нам и заповедано говорить с кровлей то, что мы *слышали во уши* (Мф. X, 17), и повелено *не давать святая псом, и не метать бисер пред свиниями* (VII, 6), потому что одни – люди душевные и не разумеют, другие имеют покрывало на сердце своем и не видят. Следовательно тем более тайна то, что хотя и проповедуется везде, но не постигается не имеющими здравого разумения, и открывается не с помощью мудрости, но Духом Святым, сколько мы можем вместить. Потому не погрешит тот, кто и вследствие этого назовет ее недоведомой тайной, – ведь и нам верующим не дано полное и совершенное ведение, как говорит Павел: *отчасти разумеваем и отчасти пророчествуем. Видим убо ныне якоже зерцалом в гадании, тогда же лицем к лицу* (1 Кор. XIII, 9, 12). Потому он и говорит: *глаголем премудрость в тайне сокровенную, юже предустави Бог прежде век в славу нашу. Сокровенную,* то есть такую, которой прежде нас не знал никто из горних сил или которой и ныне многие не знают. Это и выражают слова *юже предустави в славу нашу;* а в другом месте говорит; *в славу Его* (Еф. I, 12), потому что Бог почитает наше спасение Своей славой, также и Своим богатством, хотя сам есть сокровище благ и ни в ком не нуждается, чтобы быть богатым. *Предустави,* говорит, выражая этим попечение Божие о нас. Обыкновенно те почитаются наиболее пекущимися о нас и любящими нас, которые издавна расположены делать нам добро, как поступают и родители с детьми: они хотя отдают им имущество впоследствии, но бывают расположены к тому за долгое время и с самого начала. Так и Павел старается здесь показать, что Бог любил нас, издревле и всегда, даже и тогда, когда мы еще не существовали; если бы Он не любил нас, то не предназначил бы нам богатства. Потому не думай о минувшей вражде, – любовь древнее ее. Слова: *прежде век* – означают вечность, подобно тому, как и в другом месте говорится: *сый прежде век* (Пс. LIV, 20). Также доказано будет, что и Сын вечен, потому что о нем говорится: *имже и веки сотвори* (Евр. 1, 2); это значит, что Он суще-

ствует прежде веков, потому что Творец, без сомнения, существует прежде тварей. *Юже никтоже от князей века сего разуми: аще бо быша разумели, не быша Господа славы распяли* (ст. 8). Но если они распяли по неразумию, то, значит, они невиновны? И еще: если они не разумели, то почему Христос говорил им: *и Мене весте, и весте, откуда есмь* (Ин. VII, 28)? Писание говорит о Пилате, что он не уразумел; вероятно и Ирод *также не уразумел. Их и можно назвать князьями века сего.* Если же кто скажет, что здесь говорится об иудеях и священниках, тот не погрешит; и им сказал Христос: *ни Мене весте, ни Отца Моего* (Ин. VIII, 19). Как же Он выше сказал: *и Мене весте, и весте, откуду есмь?* Впрочем какой смысл того и другого изречения, об этом уже сказано при изъяснении Евангелия; а потому, чтобы часто не повторять одного и того же, туда отсылаем желающих.

3. Что же? Отпущен ли иудеям грех их касательно креста, по слову Христову: *отпусти им* (Лк. XXIII, 34)? Если они покаялись, то отпущен. И Павел, воздвигший множество рук на Стефана и гнавший Церковь, сделался защитником Церкви. Так отпущен был грех и тем из них, которые захотели покаяться, о чем и Павел говорит: *глаголю убо: еда согрешиша, да отпадут? Да не будет.* И опять: *еда отрину Бог люди своя, ихже прежде разуме? Да не будет.* Затем в доказательство того, что и для них не закрыто покаяние, приводит собственное обращение: *ибо и аз Израильтянин есмь* (Рим. XI, 1, 2, 11). Слово: *не разумеша,* мне кажется, сказано здесь не относительно Христа, но относительно дела домостроительства Божия, то есть они не разумели того, что значили смерть и крест. И здесь Христос не сказал: не ведят Меня, но: *не ведят что творят,* то есть не разумеют совершающегося домостроительства и таинства. Они не понимали, что крест так просияет, что им совершится спасение вселенной и примирение Бога с людьми, что город их будет взят и что они подвергнутся крайним бедствиям. *Премудростию* Павел называет и Христа и крест, и проповедь. Но не напрасно он называет здесь Христа *Господом славы.* Так как крест казался знаком бесславия, то он показывает, что в кресте великая слава. Большая нужна была мудрость, чтобы не только познать Бога, но и уразуметь такое домостроительство Божие; вне-

шняя же мудрость была препятствием не только к первому, но и к последнему. *Но, якоже есть писано, ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (ст. 9).

Где это написано? Так говорится и тогда, когда что-нибудь изображено не словами, а самими действиями, как например, в повествованиях, или когда выражена та же мысль, хотя и не теми же словами, как здесь; например слова: *имже не возвестися о нем, узрят, и иже не слышаша, уразумеют* (Ис. V, 15) – означают то же, что и слова: *ихже око не виде, и ухо не слыша.* Таким образом апостол или это выражает, или, может быть, действительно было написано в книгах, но сами книги утратились. В самом деле, многие книги потеряны и только немногие сохранились, еще во время первого пленения. Это видно из книги Паралипоменон. Так апостол говорит, что *от Самуила и иже по сих вси пророцы предвозвестиша* о Нем (Деян. III, 24); но этого не видно, между тем Павел, как сведущий в законе и говоривший по внушению Духа, вероятно, знал все в точности. Но что я говорю о пленении? Многие книги были потеряны еще прежде пленения, когда иудеи впали в крайнее нечестие. Это видно из конца четвертой Книги Царств где говорится, что Второзаконие едва было найдено где-то в нечистом месте (23, 24). Притом есть много пророчеств различного значения, которые понятны только мудрейшим и в которых можно находить многое, неясное для других. Что же? Ужели око не видало того, что уготовал Бог? Точно не видало: кто из людей видел имевшее быть домостроительство Божие? Ужели и ухо не слыхало и на сердце человеку не входило? Так ли это? Если пророки предвозвестили, то как ухо не слыхало и на сердце человеку не входило? Точно не входило. Апостол говорит не о пророках только, но о всем естестве человеческом. Как? Ужели и пророки не слыхали? Они слышали, но пророческий слух их не был слухом человеческим; они слышали не как люди, но как пророки. Потому и говорит Исаия: *приложи ми ухо, еже слышати* (L, 4), разумея приложение, даруемое Духом. Отсюда видно, что прежде, нежели они услышали, человеку и на сердце не входило, так как после дарования Духа сердце пророков было не сердцем человеческим, но

сердцем духовным, как и сам Павел говорит: *ум Христов имамы* (1 Кор. II, 16). Смысл слов его следующий: прежде, нежели нам дарован Дух и открыты недоведомые тайны, не разумел их никто ни из нас, ни из пророков. И могло ли быть иначе, если не знали их даже ангелы? Что же после этого говорить о князьях века сего, если никто из людей и даже горние силы не знали этого? Чего? Того, что кажущимся безумием проповеди будет побеждена вселенная, обращены народы, совершено примирение Бога с людьми и дарованы нам столь великие блага. Как же мы познали это? *Нам же,* говорит, *Бог открыл есть Духом своим* (ст. 10). Не внешней мудростью, которой, как презренной рабе, не дозволено входить внутрь и проникать в тайны Господни.

4. Видишь ли, какое различие между той и другой мудростью? Одна научила нас тому, чего не знали ангелы; а внешняя сделала противное: не только не научила, но еще служила к тому препятствием и, когда уже все совершилось, затмевала события и уничижала крест. Таким образом, Павел воздает нам честь, показывая, что мы не только научились, и притом вместе с ангелами, но и научились от самого Духа. Далее, показывая важность знания, говорит, что если бы нам не открыл этого Дух, знающий тайны Божии, то мы и не познали бы. Так Бог благоволил хранить это дело в тайне. Потому мы имели нужду в таком учителе, который бы знал это ясно. *Дух бо,* говорит, *вся испытует, и глубины Божия. Кто бо весть от человек яже в человеце, точию дух человека, живущий в нем? Такожде и Божия никто же весть, точию Дух Божий. Мы же не духа мира сего прияхом, но Духа иже от Бога, да вемы яже от Бога дарованная нам* (ст. 11, 12). Здесь слово *испытуем* означает не незнание, а точное знание; такое же выражение он употребляет и о Боге, когда говорит: *испытаяй же сердца весть, что есть мудрование Духа* (Рим. VIII, 27). Сказав о совершенном знании Духа, показав, что оно равно знанию Божию, как знание человеческое равно самому себе, и доказав, что мы познали все от Него, и не иначе, как от Него, он продолжает: *яже и глаголем не в наученых человеческия премудрости словесех, но в наученых Духа Святаго, духовная духовными сразсуждающе* (ст. 13). Видишь ли, как он возвеличил нас достоинством Учителя? Мы настолько мудрее язычников, на-

сколько Платон отстоит от Святого Духа. Они имеют своими учителями риторов, а мы – Святого Духа. Что значит: *духовная духовными сразсуждающе?* Если касательно духовного встречается какое-либо недоумение, то мы приводим и объяснения от предметов духовных; например: я говорю, что Христос воскрес, что Он родился от Девы, и для объяснения привожу свидетельства и прообразования, пребывание Ионы внутри кита и последующее освобождение, рождение бесплодными женами, Саррой, Ревеккой и другими, произрастение дерев в раю, тогда как еще не были брошены семена, не проливались дожди, не были проведены борозды. Будущие события были начертаны и прообразованы, как бы в тени, прежними, чтобы уверовали в них после их исполнения. Показываю и еще, как человек произошел из земли, как без всякого совокупления жена произошла от одного мужа, как сама земля произошла из ничего, как везде и во всем достаточно было могущества Создателя. Так я объясняю духовное духовным, нигде не прибегаю к внешней мудрости, к рассуждениям и умозаключениям. Языческие мудрецы напрягают и терзают слабый разум свой, и никак не могут объяснить того, о чем говорят, но еще делают противное, приводят в большее замешательство, увеличивают мрак и недоумение. Потому апостол и говорит: *духовная духовными сразсуждающе.* Видишь ли, как он доказывает, что внешняя мудрость излишня, и не только излишня, но даже враждебна и вредна? Это выразил он, когда сказал: *да не испразднится крест Христов,* и: *да вера ваша не в мудрости человечестей будет.* А теперь доказывает, что те, которые надеются и во всем полагаются на нее, не могут познать ничего полезного. *Душевен бо человек и приемлет, яже Духа* (ст. 14). Потому, прежде всего надобно отвергнуть ее (внешнюю мудрость). Как, скажешь, неужели внешняя мудрость достойна отвержения? Ведь и она – дело Божие. А откуда это видно? Нет, не Бог создал ее, но ты изобрел; мудростью же здесь апостол называет чрезмерную пытливость и излишнее красноречие. А если скажешь, что он говорит здесь о разуме человеческом, то и в таком случае твоя вина. Ты сам унижаешь его, употребляя во зло, во вред себе и на противление Богу, и требуя от него того, чего он не имеет. Ты хва-

лишься им и восстаешь против Бога, — поэтому Бог и обличил его бессилие. Так и сила телесная — добро; но когда Каин употребил ее не так, как должно, то Бог навел на него расслабление, и трясение. Вино также — добро; но когда иудеи стали неумеренно употреблять его, то священникам Бог совершенно запретил его употребление. Так, когда и ты стал употреблять мудрость на противление Богу и приписал ей большую силу, нежели какую она имеет, то Он, отклоняя тебя от человеческого упования, показал ее бессилие. Душевный человек — тот, кто все подчиняет холодным умствованиям и не считает нужной для себя высшую помощь; а это — безумие. Бог даровал нам разум для того, чтобы он познавал и принимал сообщаемое от Бога, а не для того, чтобы он считал самого себя достаточным для себя. Прекрасны и полезны — глаза; но если бы они захотели видеть без света, то красота и собственная сила их нисколько не принесли бы им пользы, но еще причинили бы вред. Так и душа, если захочет видеть без Духа, то сама себе послужит препятствием. Как же, скажешь, прежде она видела сама собой? Никогда она не видела сама, но имела перед собой творения, как бы книгу. Когда же люди, не восхотев идти путем, заповеданным от Бога, и из красоты видимого познавать Творца, вручили скипетр знания умствованиям, то впали в бессилие и пучину нечестия, допустили бездну зол и стали утверждать, что из ничего не бывает ничего, а все произошло из несозданного вещества, откуда и родились бесчисленные ереси. В самых странных нелепостях они соглашались между собой, а в том, что представляли себе несколько здраво, хотя как бы в тени, разногласили друг с другом, и оказались в том и другом случае смешными. Что из ничего не бывает ничего, это они почти все единогласно утверждали и писали, и притом с большим усердием: так диавол опутал их нелепостями! А о предметах полезных, в которых они, по-видимому, уразумевали нечто как бы в гадании, они спорили между собой, как, например, о том, что душа бессмертна, что добродетель не имеет нужды ни в чем внешнем, что люди бывают добрыми или злыми не по необходимости и не по определению судьбы.

5. Видишь ли злоухищрение диавола? Когда он видел, что люди говорят нечто нечестивое, то устроял всеобщее

в том согласие, а когда видел, что они утверждают нечто здравое, то возбуждал одних против других, – для того, чтобы нелепое, будучи утверждаемо общим согласием, не уничтожалось, а доброе, будучи понимаемо различно, истреблялось. Смотри, как душа всегда бессильна и недостаточна сама по себе. И это устроено не напрасно. Если она, будучи такой, думает не иметь нужды ни в ком и уклоняется от Бога, то до какого не дошла бы она безумия, если бы не была такой? Если она, получив тело смертное, хотела достигнуть слишком многого, по ложному обещанию диавола: *будете яко бози* (Быт. III, 5), то какому не подверглась бы она падению, если бы в начале получила тело бессмертное? Она и после этого, нечистыми устами манихеев, называла себя нерожденной и происшедшей из существа Божия; по той же болезни (гордости) она выдумала богов, признаваемых язычниками. Потому-то, мне кажется, и добродетель Бог сделал трудной для нее, чтобы обуздать ее и научить смирению. А что это справедливо, покажем из примера израильтян, заключая от малого к великому. Когда израильтяне вели жизнь безбедную и наслаждались спокойствием, то впадали в нечестие, не умея пользоваться своим благоденствием. Что же Бог? Он дал им множество законов, чтобы обуздать их своеволие. Эти законы не вели к добродетели, а только служили для них как бы уздой, не позволявшей им предаваться праздности; вот, послушай, что говорит о них пророк: *дах им заповеди недобры.* Что значит: *недобры?* Не много способствующие добродетели; потому и прибавляет: *оправдания, в нихже не будут живи* (Иез. XX, 25). *Душевен же человек не приемлет яже Духа.* Справедливо: как телесными глазами никто не может видеть того, что находится на небесах, так и душа сама по себе (не может постигать) предметов духовных. И что я говорю: на небесах? Даже и всего того, что находится на земле. Так, взирая издали на четырехугольную башню, мы думаем, что она круглая; а такая мысль есть обман зрения. Подобным образом, если кто по одному умозаключению станет судить о предметах отдаленных, то последует великий смех; он не только не скажет, каковы они на самом деле, но и почтет их противоположными тому, каковы они действительно. Потому апостол и присовокупляет: *юродство*

бо ему есть. Это происходит не от свойства предметов, но от слабости того, кто очами души не может обнять их величия. Далее прибавляет и причину: *не может разумети, зане духовне востязуется,* то есть возвещаемое им требует веры и не может быть постигнуто разумом, потому что величие этого далеко превосходит наш слабый разум. Потому он говорит далее: *духовный же востязует убо вся, а сам той ни от единаго востязуется* (ст. 15). Видящий видит все и даже то, что относится к невидящему; а что к нему относится, того не видит никто из невидящих. Так и здесь: мы знаем и свое и все то, что относится к неверным, а они нашего не знают. Мы знаем, каково свойство предметов настоящих и каково достоинство будущих, что будет с миром впоследствии, какое понесут наказание грешники и чем будут наслаждаться праведники; знаем, что блага настоящие не имеют никакого достоинства, и обличаем их ничтожность, — *востязать* значит вместе и обличать, — а будущие вечны и неизменны. Духовный знает все это, и то, какое понесет наказание человек душевный в жизни будущей, и то, чем будет наслаждаться верующий, переселившись отсюда; а душевный не знает ничего такого. Потому, для объяснения сказанного, апостол присовокупляет: *кто бо разуме ум Господень, иже изъяснит и? Мы же ум Христов имамы* (ст. 16), то есть мы знаем то, что в уме Христовом, чего Он хочет и что Он открыл нам. Так как апостол выше сказал, что Дух открыл нам, то, чтобы кто не отверг Сына, присовокупляет, что и Христос открыл, выражая не то, будто мы знаем все, что знает Христос, но что все наше знание не есть человеческое, и потому подверженное сомнению, но есть знание ума Христова и духовное.

6. Ум, который мы на этот счет имеем, есть Христов, то есть знание, которое мы имеем о предметах веры, есть знание духовное, а потому действительно никто о нас судить не может, так как человек душевный не может знать предметов божественных. Потому апостол и сказал: *кто бо разуме ум Господень,* утверждая, что наш ум насчет этих предметов есть Его ум. И слова: *иже изъяснит и* — он прибавил не напрасно, но соответственно вышесказанным словам: *духовный ни от единаго востязуется.* Если никто не может узнать ума Божия, то тем более учить и исправлять его; это и означают

слова: *иже изъяснит и*. Видишь ли, как разнообразно он опровергает внешнюю мудрость и показывает, что духовный человек знает и больше и лучше? Так как вышеприведенные причины: *да не похвалится всяка плоть; буяя избра Бог, да премудрыя посрамит; да не испразднится крест Христов* – для неверных могли казаться не слишком убедительными, сильными, необходимыми и полезными, то он приводит наконец главнейшую причину, то есть что мы только таким образом можем видеть и познавать предметы высокие, таинственные и находящиеся выше нас; а разум оказался недостаточным потому, что посредством мирской мудрости мы не можем постигнуть того, что выше нас. Не очевидно ли, как полезно принимать учение от Духа? Такое учение есть и самое легкое и самое ясное. *Мы же ум Христов имамы*, то есть духовный, божественный, не имеющий в себе ничего человеческого; не Платоново, или Пифагорово, но свое Христос сообщил нашему разуму. Устыдимся же, возлюбленные, и будем проводить жизнь добродетельную. Сам Христос знаком великой дружбы представляет то, что Он открыл нам тайны: *не ктому*, говорит, *вас глаголю рабы: вы друзи мои есте, яко вся, яже слышах от Отца, сказах вам*, то есть вверил вам (Ин. XV, 14, 15). Если же и одно только доверие служит знаком дружбы, то подумай, какую любовь выразил Он, вверив нам тайны не на словах только, но и сообщив их нам на самом деле. Устыдимся же; и если не слишком устрашает нас геенна, то пусть будет для нас страшнее геенны – оказаться непризнательными и неблагодарными к такому другу и благодетелю. Будем делать все не как наемные рабы, а как сыны и свободные – из любви к отцу, и перестанем прилепляться к миру, чтобы посрамить язычников. Желая теперь состязаться с ними, я опасаюсь, чтобы, опровергая их словами и истиной учения, не подвергнуться нам великому осмеянию в рассуждении нашей жизни, так как они, находясь в заблуждении и ничему нашему не веруя, соблюдают любомудрие, а мы совсем напротив. Впрочем стану говорить: может быть, стараясь опровергнуть их, мы постараемся оказаться лучше их и по самой жизни. Прежде я говорил, что апостолам не пришло бы на мысль проповедовать то, что они проповедали, если бы они не имели благодати Божией, и что они не

только не совершили бы, но и не предприняли бы столь великого дела. Будем говорить и теперь об этом же предмете и покажем, что им невозможно было бы предпринять и даже помыслить о том, если бы с ними не было Христа, не потому только, что они слабые выступали против сильных, немногие – против многих, бедные – против богатых, неученые – против мудрых, но и потому, что велика была сила предрассудков. Вы знаете, что у людей нет ничего сильнее давней привычки, и следовательно, если бы их было и не двенадцать человек, если бы они были и не столь уничиженны, но хотя бы на их стороне была другая такая же вселенная и число людей, равное противниками, и даже гораздо большее, и тогда это было бы трудно. Тем помогала привычка, а их затрудняло нововведение. Ничто так не возмущает душу, как введение чего-нибудь нового и необычайного, хотя бы это служило к пользе, особенно если это касается богослужения и богопочтения. Как сильно было это препятствие, я объясню после; а наперед скажу, что со стороны иудеев было еще другое препятствие. У язычников апостолы ниспровергли богов и все их учение; но с иудеями рассуждали не так: из учения их многое отвергали, а Богу Законодателю повелевали поклоняться; заповедуя почитать Законодателя, они говорили; не во всем повинуйся закону, данному от Него, как то: касательно хранения субботы, обрезания, приношения жертв и другого подобного. Таким образом здесь не только жертвы были препятствием, но и то, что они, заповедуя поклоняться Богу, повелевали оставить многие из Его законов. У язычников же велика была сила привычки.

7. Если бы апостолы вышли против людей, коснеющих в привычке только в течение десяти лет, не говорю в течение столь долгого времени, против людей немногих, не говорю против всей вселенной, то и в таком случае совершить перемену было бы трудно. А тогда преданы были заблуждению философы и риторы, отцы и деды, прадеды и дальнейшие предки, земля и море, горы и долины, все племена варваров и все народы язычников, мудрые и неученые, начальники и подчиненные, жены и мужи, юноши и старцы, господа и рабы, земледельцы и ремесленники, все жители городов и селений. Слыша проповедь, они могли бы сказать:

что это значит? Неужели все жители вселенной находятся в заблуждении, и софисты, и риторы, и философы, и писатели, и настоящие и прежде бывшие, последователи Пифагора и Платона, военачальники, сановники и цари, древние жители городов и их основатели, варвары и эллины? Неужели двенадцать рыбарей, скинотворцев и мытарей мудрее всех их? Кто мог бы допустить это? Однако они не говорили этого и не думали, но согласились и признали, что мудрее всех были апостолы, которые потому всех и победили. А как велика сила привычки, можешь видеть из того, что она часто действовала сильнее заповедей Божиих. Что я говорю: заповедей? Даже благодеяний Божиих. Так иудеи, получая манну, желали чеснока; пользуясь свободой, вспоминали о рабстве и часто жалели о Египте по привычке. Так велика сила привычки! Если хочешь видеть это и из примеров от внешних, то о Платоне говорят, что он, хотя признал учение о богах заблуждением, однако участвовал в празднествах и во всем прочем, потому что не мог преодолеть привычки и научился тому из примера учителя. И этот (Сократ), будучи подозреваем в некоторых нововведениях, не только не достиг желаемого, но и лишился жизни, хотя и говорил в свое оправдание. Сколько и теперь мы видим людей, которые коснеют в нечестии по предрассудку и, будучи обвиняемы в язычестве, не могут сказать ничего основательного, а только ссылаются на отцов, дедов и прадедов! Потому-то некоторые из внешних (языческих писателей) называли привычку второй природой. Но привычка в предметах веры бывает еще сильнее; люди ничего не переменяют с таким трудом, как богопочтение. Вместе с привычкой, немалым препятствием был и стыд – учиться в глубокой старости, и притом от людей, почитаемых неразумными. И удивительно ли, что так бывает с душой, когда привычка имеет великую силу и над телом? При апостолах было еще другое, сильнейшее препятствие: им нужно было не только изменить столь древнюю и давнюю привычку, но притом изменить с опасностями. Они не просто от одной привычки склоняли к другой, но от привычки безопасной – к тому, что было сопряжено с опасностями. Верующий тотчас должен был лишиться имущества, подвергнуться изгнанию, удалиться из отечества, тер-

петь крайние бедствия, быть ненавидимым всеми, сделаться общим врагом и для своих и для чужих. Если бы они обращали от нововведения к прежним обычаям, то и это дело было бы трудно; но склоняя от обычаев к нововведению, и притом с такими бедствиями, представь, какие они встречали препятствия. Между тем, кроме сказанного, им предстояло еще другое, не меньшее препятствие, затруднявшее дело перемены. Кроме привычки и опасностей, сами заповеди их были более трудны, а то, от чего отклоняли они, было легко и удобно. Они призывали от прелюбодеяния к целомудрию, от пьянства к посту, от смеха к слезам и сокрушению, от любостяжания к нестяжательности, от пристрастия к жизни к смерти, от спокойствия к опасностям, и во всем требовали крайнего воздержания. *Сквернословие,* говорили они, *и буесловие и кощуны да не исходят из уст ваших* (Еф. V, 4), и говорили это тем, которые ничего другого не знали, как только предаваться пьянству и пресыщению, которых празднества состояли не в чем другом, как только в сквернословии, смехотворстве и всяких непристойностях. Таким образом учение (апостолов) было тягостно не только потому, что требовало любомудрия, но и потому, что предлагаемо было людям, воспитанным в своеволии, бесстыдстве, пустословии и порочных весельях. Кто из привыкших к такой жизни не изумился бы, слыша: *иже не приимет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин,* и: *не приидох воврещи мир, но меч, и разделити человека на отца своего, и дщерь на матерь свою* (Мф. X, 38, 34)? Кто не усомнился бы и не отошел бы прочь, слыша: *иже не отречется дома и отечества и имения, несть Мене достоин* (Лк. XIV, 26, 33)? Однако слышавшие не только не изумлялись и не отходили прочь, но прибегали и устремлялись на дела трудные и с ревностью принимали заповедуемое. Кто из тогдашних не удалился бы, слыша, что за *всякое слово праздное* мы отдадим отчет (Мф. XII, 36), что *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею* (V, 28), что *гневаяйся всуе, ввержен будет в геенну* (V, 22)? Однако все прибегали, а многие даже превосходили заповеданное. Что же привлекало их? Не явно ли, сила Того, кого апостолы проповедовали? Если бы было не так, а было бы напротив, если бы они были на месте тех, а те на месте

их, то легко ли было бы привлечь противящихся? Нельзя сказать.

8. Таким образом все доказывает, что здесь действовала божественная сила. Иначе как, скажи мне, убедили бы они людей изнеженных и сластолюбивых вести жизнь суровую и строгую? Таковы-то были заповеди апостолов. Посмотрим, не было ли привлекательно их учение? И оно было таково, что могло отвратить неверных. Проповедуя, что говорили они? Говорили, что должно поклоняться Распятому и почитать Богом Того, который родился от жены иудеянки. Кто поверил бы им, если бы не содействовала этому сила божественная? О том, что Христос распят и погребен, все знали; а того, что Он воскрес и вознесся, не видал никто, кроме апостолов. Но они, скажешь, воспламеняли людей обещаниями и увлекали обольстительными словами? Это самое, даже без всего вышесказанного, особенно и доказывает, что наше учение не ложно. Все неприятное предстояло здесь, а приятное было обещаемо после воскресения. Это самое, повторю опять, и доказывает божественность нашей проповеди. Почему никто из верующих не говорил: я не принимаю и не могу снести этого; неприятным ты угрожаешь мне здесь, а приятное обещаешь по воскресении? Откуда известно еще, что будет воскресение? Кто из отшедших возвращался сюда? Кто из умерших воскресал? Кто из них сказал, что будет по отшествии отсюда? Верующие ничего такого не думали, но и полагали души свои за Распятого. Таким образом это самое особенно и служит доказательством великой силы, что людей, никогда ничего подобного не слышавших, апостолы внезапно убеждали в столь великих истинах и делали готовыми испытывать неприятное на деле, а приятное иметь только в надежде. Если бы они обманывали, то поступали бы напротив: приятное обещали бы здесь, а о неприятном, как настоящем, так и будущем, умалчивали бы. Так именно поступают обманщики и обольстители: они не представляют ничего сурового, неприятного и тягостного, а все напротив; в этом и состоит обман. Но многие, скажешь, по неразумию поверили сказанному? Что ты говоришь? Пока они были язычниками, до тех пор не были неразумными, а

когда обратились к нам, то стали неразумными? Но апостолы взяли и привели к вере не других людей и не из другой вселенной. Притом эти люди держались язычества безопасно, а принятие нашего учения сопряжено было для них с опасностями. Следовательно, если они держались язычества с разумным убеждением, то, живя в нем столь долгое время, не отступили бы от него, тем более, что отступить от него было небезопасно. Нет, они по самому существу вещей разумели, что язычество смешно и нелепо, и потому, несмотря на угрожавшую им смерть, отступали от своих обычаев и прибегали к новому учению, видя, что последнее согласно с природой, а первое противно природе. Но веровавшими, скажешь, были рабы, женщины, кормилицы, старухи и евнухи? Нет, не из таких только людей составилась наша Церковь, как известно всем; если бы и из таких, то это и делает особенно чудной проповедь, что рыбари, люди самые необразованные, могли внезапно убеждать к принятию такого учения, которого никак не мог изобрести Платон со своими последователями. Если бы они убеждали только мудрых, это еще не было бы удивительно; а если слуг, старух и евнухов они приводили к такому любомудрию, что делали их подобными ангелам, то в этом заключается величайшее доказательство их божественного вдохновения. Если бы они преподавали что-нибудь маловажное, то убеждение таких людей можно было бы приводить в доказательство низости учения; а если они любомудрствовали о предметах важных и высоких, даже превышающих человеческую природу и доступных для ума высокого, то чем менее разумными представишь убеждавшихся, тем более мудрыми и исполненными благодати Божией окажутся убеждавшие. Но, скажешь, они убеждали величием обещаний? А это самое, скажи мне, неужели не удивляет тебя, что они убеждали людей ожидать наград и воздаяний после смерти? Меня это приводит в изумление. Но и это, скажешь, происходило от неразумия? От какого же неразумия, скажи мне? Что душа бессмертна, что после здешней жизни ожидает нас нелицеприятный суд, и мы отдадим Богу, знающему самое сокровенное, отчет и в словах, и в делах, и в помышлениях, и увидим наказание злых

и награждение добрых, – такие убеждения означают не неразумие, но великое любомудрие.

9. Это самое, чтобы презирать блага настоящие, высоко ценить добродетель, ожидать наград не здесь, а простираться надеждами гораздо далее, иметь душу столь твердую и исполненную веры, чтобы ни от какого настоящего бедствия не ослабевать в надеждах на будущее, это, скажи мне, не есть ли знак великого любомудрия? Хочешь ли видеть силу самих обетований и предсказаний и истину прошедшего и будущего? Посмотри на золотую цепь (истин), разнообразно сплетенную от начала. (Христос) возвещал ученикам о Себе самом, о Церкви и будущих событиях, и, возвещая, совершал чудеса.

Исполнение сказанного Им служит доказательством истинности и чудес Его и будущих обетований. Чтобы это было яснее, представлю примеры. Христос воскресил Лазаря, одним словом возвратив ему жизнь. Он же сказал: *врата адова не одолеют Церкви* (Мф. XVI, 18); также: *всяк, иже оставит отца или матерь, сторицею приимет в веце сем, и живот вечный наследит* (Мф. XIX, 29). Здесь одно чудо – воскресение Лазаря, и два предсказания, из которых одно исполняется теперь, а другое исполнится в будущем. Смотри же, как все это взаимно подтверждается. Кто не стал бы верить, что Лазарь воскрес, тот должен поверить этому чуду по предсказанию касательно Церкви; ведь сказанное о ней за столько времени сбылось и исполнилось впоследствии: врата адовы действительно не одолели Церкви. Потому ясно, что изрекший истину в предсказании совершил и чудо, а совершивший чудо и исполнивший сказанное изрек истину и в предсказании будущего, то есть что презирающий настоящие блага *сторицею приимет, и живот вечный наследит.* В том, что уже совершилось и было сказано, заключается великий залог истинности и того, что имеет исполниться в будущем. Таким образом, заимствуя все это и подобное тому из Евангелий, будем говорить им (язычникам) и заграждать им уста. Если же кто скажет: отчего еще не совсем уничтожилось (языческое) заблуждение? – на это мы ответим: виновны в том вы сами, действующие против своего спасения; а Бог все устроил так, чтобы не осталось даже и следов нечестия.

Повторим теперь кратко сказанное. Что естественнее: слабым ли побеждать сильных или напротив? Предлагающим легкое или трудное? Склоняющим к делу опасному или безопасному? Вводящим что-либо новое, или подтверждающим прежние обычаи? Ведущим на путь неудобный или удобный? Отвергающим отеческие предания, или внушающим нечуждое? Обещающим все приятное по отшествии отсюда, или обольщающим надеждами в жизни настоящей? Немногим (побеждать) многих или многим – немногих? Но, скажешь, и вы обещаете нечто здесь. Что же мы обещаем здесь? Отпущение грехов и очищение баней пакибытия. Но и крещение доставляет больше благ в будущем; и Павел говорит: *умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе. Егда же живот ваш явится, тогда и вы с Ним явитеся в славе* (Кол. III, 3). Если же оно и здесь доставляет блага, как и действительно доставляет, то это особенно и чудно, что людей, совершивших бесчисленное множество грехов, каких никто другой не совершал, апостолы могли убедить, что все их нечистоты омоются и они уже не будут давать никакого отчета в грехах своих. Подлинно, это особенно и удивительно, что люди грубые убедились принять такую веру, питать благие надежды в будущем, свергнуть прежнее бремя грехов с великим усердием и немедленно приступить к подвигам добродетели, не прилепляться ни к чему чувственному, сделаться выше всего плотского и принять дары духовные, – что перс и сармат, мавр и индиец познали чистоту души, силу и неизреченное человеколюбие Божие, любомудрие веры, наитие Святого Духа, учение о воскресении тел и жизни вечной. О всем этом и многом другом подобном рыбари научили любомудрствовать племена варварские, просветив их таинством крещения. Будем же тщательно сохранять все это и говорить им (язычникам), а вместе доказывать им это и собственной жизнью, чтобы нам и самим спастись и их обратить к прославлению Бога, Которому слава вовеки. Аминь.

БЕСЕДА VIII

И аз, братие, не могох вам глаголати яко духовным, но яко плотяным, яко младенцем о Христе. Млеком вы напоих, а не брашном: ибо не у можасте. Но ниже еще можете ныне: еще бо плотстии есте (1 Кор. III, 1—3)

1. Обличив внешнюю (языческую) мудрость и низложив всю происходящую от нее гордость, апостол переходит к другому предмету. Они (коринфяне) могли сказать: если бы мы проповедовали учение Платона, или Пифагора, или другого какого-либо философа, то ты справедливо мог бы так много говорить против нас; если же мы проповедуем о предметах духовных, то для чего ты опровергаешь внешнюю мудрость? Как он на это отвечает — послушай: *и аз, братие, не могох вам глаголати яко духовным*. Если бы вы, говорит, были даже совершенны в предметах духовных, то и тогда не надлежало бы вам превозноситься, так как вы проповедуете не свое, не то, до чего вы сами достигли; а теперь вы и этого не знаете, как должно знать; вы только еще ученики, и притом последние из всех. Потому если вы гордитесь внешней мудростью, то она, как уже и доказано, не только не значит ничего, но и препятствует нам в познании предметов духовных; если же гордитесь духовным (знанием), то и в этом вы еще весьма несовершенны и стоите между последними. Потому, говорит, *аз не могох вам глаголати яко духовным*. Не сказал: я не говорил, — чтобы не подумали, что это происходило от зависти, но низлагает их высокомерие двояким образом: во-первых, тем, что они не знают предметов духовных совершенно, и, во-вторых, тем, что они сами причина этого незнания; к этому присовокупляет, в-третьих, что они и теперь еще не могут (знать их). Если они не могли — вначале, то это, может быть, зависело от сущности самих предметов, хотя и такого оправдания, как он доказал, представить они не могут: не потому, говорит, они не приняли высоких истин, что не могли принять, а потому, что они *плотяны*. Впрочем, вначале это было еще не так предосудительно; а не достигнуть знания предметов совершенных в течение столь долгого времени — это уже знак крайней беспечности. В том же апостол обличает и евреев, но не с такой силой.

Те, говорит он, были такими по причине прискорбных обстоятельств, а эти по своим порочным наклонностям; но то и другое не одно и то же. Тем он говорит такие же истины для назидания, а этим – для их возбуждения; этим говорит: *но ниже еще можете ныне,* а тем: *темже оставлше начала Христова слово, на совершение да ведемся;* и еще: *надеемся же о вас лучших и придержащихся спасения, аще и тако глаголем* (Евр. VI, 1, 9). Но как он называет плотскими людей, которые получили столько (даров) Духа и которых он в начале послания превозносил такими похвалами? Точно так же, как были плотскими те, которым говорит Господь: *отыдите от Мене, не вем вас, делающии беззаконие* (Мф. VII, 23), хотя они изгоняли бесов, воскрешали мертвых и изрекали пророчества. Следовательно, и тот, кто совершал знамения, может быть плотским. Так Бог действовал и через Валаама, открывал будущее и фараону и Навуходоносору, и Каиафа пророчествовал, сам не зная, что говорил, и другие некоторые изгоняли бесов Его именем, хотя сами не были с Ним, – потому что все это бывает не для совершающих, а для других. Часто это совершалось и через недостойных. И удивительно ли, что это бывает через людей недостойных для других, если и через святых (Бог действует для других)? Так Павел говорит: *вся ваша суть, аще Павел или Аполлос или Кифа, или живот или смерть* (1 Кор. III, 22); и еще: *той дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же пастыри и учители, к совершению святых, в дело служения* (Еф. IV, 12). Если бы этого не было, то все беспрепятственно впадали бы в погибель. Случается, что начальники бывают злы и невоздержны, а подчиненные добры и воздержны, миряне живут благочестиво, а священники порочно; и если бы благодать всегда искала достойных, то не было бы ни крещения, ни совершения тела Христова, ни приношений. Но теперь Бог действует и через недостойных, и благодать крещения нисколько не терпит вреда от жизни священника; иначе и приемлющий терпел бы вред. Хотя это бывает редко, однако бывает. Говорю это для того, чтобы кто-нибудь из предстоящих, наблюдая за жизнью священника, не соблазнялся касательно совершаемых им таинств. Человек ничего не привносит в них от себя, но все – дело силы Божией; Бог действует на вас в таинствах. *И аз, братие, не мо-*

гох вам глаголати яко духовным, но яко плотяным. Млеком вы напоих, а не брашном: ибо не у можасте. Чтобы не подумали, что он из честолюбия сказал вышеприведенные слова: *духовный востязует убо вся,* и еще: *той ни от единаго востязуется,* и еще: *ум Христов имамы,* и чтобы низложить гордость их, Павел, смотри, что говорит: я не потому, говорит, умалчивал, чтобы не мог сказать вам ничего больше, но потому, что вы *плотстии есте. По ниже еще можете ныне.*

2. Почему апостол не сказал: не хотите, но: *не можете?* Последнее он поставил вместо первого, так как они не могли потому, что не хотели, а это и служит для них обвинением, для учителя же оправданием. Если бы они не могли по природе, то можно было бы извинить их; но так как они не могли по своей воле, то им нет прощения. Далее он высказывает и признак, почему они плотские: *идеже бо в вас зависти и рвения и распри не плотскии ли есте, и по человеку ходите* (ст. 3)? Он мог бы укорять их и в прелюбодеянии и в невоздержании, но особенно указывает на тот грех, который теперь старается искоренить. Если же зависть делает плотскими, то всем нам должно возрыдать, облечься во вретище и посыпаться пеплом. Кто в самом деле чист от этой страсти, если только могу по себе заключать о других? Если зависть делает плотскими и препятствует быть духовными даже таким людям, которые пророчествовали и совершали другие чудные дела, то что будет с нами, которые и не имеем такой благодати, и предаемся не только этому, но и другим важнейшим грехам? Отсюда мы научаемся, как справедливо сказал Христос, что *делаяй злая не приходит к свету* (Ин. III, 20), что нечистая жизнь препятствует познанию высоких истин, не позволяя разуму проявлять свою мыслительность. Как невозможно, чтобы заблуждающийся, но живущий хорошо, навсегда остался в заблуждении, так, напротив, ведущему жизнь порочную нелегко возвыситься до познания наших догматов; но должно очиститься от всех страстей желающему постигнуть истину. Кто очистится от них, тот избавится от заблуждения и познает истину. Не думай, что для этого тебе довольно только не быть корыстолюбивым и не прелюбодействовать; нет, кто ищет истины, в том должны соединиться все добродетели. Потому и говорит Петр: *поистине*

разумеваю, яко не на лица зрит Бог, но во всяком языце бояйся Его, и делаяй правду приятен Ему есть, то есть такого человека Бог призывает и привлекает к истине (Деян. X, 34, 35). Павел не был ли ревностнее всех в гонении и преследовании (верующих)? Но так как он проводил жизнь безукоризненную и поступал так не по страсти человеческой, то и был принят и превзошел всех. Если же кто скажет: почему такой-то язычник, добрый, милостивый и человеколюбивый остается в заблуждении? – на это я отвечаю: потому, что он имеет другую страсть, тщеславие, или душевную леность, или нерадение о собственном спасении, и думает, что все с ним бывает просто и случайно. Делающим *правду* Павел называет того, кто во всем безупречен по правде, предписанной законом (Флп. III, 6), и (в другом месте говорит): *благодарю Бога, Ему же служу от родителей чистою совестию* (2 Тим. I, 3). Но почему, скажешь, люди нечистые удостоились слышать проповедь? Потому, что они сами желали того и усердно желали. Бог привлекает к Себе и заблуждающихся, если они очищают себя от страстей; не отвергает и тех, которые сами приходят к Нему. Так многие из предков наших приняли благочестие. *Идеже бо в вас зависти и рвения.* Здесь он обращается к подчиненным; в предыдущих словах он обличал начальников и говорил, что мудрость красноречия не имеет никакого достоинства, а теперь обличает подчиненных и говорит: *егда бо глаголет кто: аз убо есмь Павлов, аз же Аполлосов, не плотстии ли есте* (ст. 4)? Показывает, что это не только не принесло им никакой пользы, или приобретения, но и воспрепятствовало получению высшего. Это именно произвела зависть; зависть сделала их плотскими; а когда они сделались плотскими, то помешала слушать о высших предметах. *Кто убо есть Павел, кто же ли Аполлос* (ст. 5)? Объяснив и доказав свою мысль, он уже открыто приступает к обличению, и поставляет свое имя, чтобы смягчить суровость речи и не оскорбить их своими словами. Ведь если Павел – ничто, и не огорчается этим, то тем более они не должны огорчаться. Так он успокоивает их двояким образом: и представляя в пример самого себя, и их не лишая всего, как ничего не сделавших; он уступает им нечто, хотя и немногое, а именно, сказав: *кто убо есть Павел, кто же ли Аполлос?* – присовокупля-

ет: *но точию служителие, имиже веровасте.* Это, конечно, само по себе важно и достойно великих наград, но в сравнении с первообразом и источником благ — ничто, потому что не тот благодетель, кто служит при раздаянии благ, а тот, кто сообщает и дарует их. Не сказал: благовестники, но: *служителие,* что означает более. Они не просто благовествовали, но и служили нам; первое требует слова, а последнее заключает в себе и дело. Если и Христос — только служитель благ, а не сам виновник и источник их, — что свойственно Ему как Сыну, — то ясно, как надобно судить об этом деле.

3. В каком же смысле апостол называет Христа *служителем обрезания* (Рим. XV, 8)? Там он говорит о домостроительстве Его по плоти и не в том смысле, в каком мы теперь говорим; там под словом *служитель* разумеется исполнитель, а не то, что Он не от Себя самого сообщает блага. Не сказал: приведшие вас к вере, но: *имиже веровасте,* чтобы опять и верующим воздать должное и показать, кто — служители. Если же (учители) служили другим, то могут ли они присваивать себе какие-либо достоинства? Впрочем, заметь, он нигде не осуждает их как присваивающих себе, но говорит против приписывающих им это; причина разделения заключалась в народе, так что если бы он не производил смятения, то и те перестали бы. Таким образом апостол поступил вдвойне мудро: искоренил грех там, где следовало, и в других не возбудил к себе негодования и не подал им повода к словопрениям. *И комуждо якоже Господь даде.* И это малое дело зависело не от них самих, а от Бога, даровавшего им. Но неужели мы, могли бы они сказать, не должны любить служащих нам? Так, говорит он, но надобно знать, до какой степени; дело их не от них самих, а от Бога, даровавшего им: *аз насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти* (ст. 6), то есть я первый посеял слово; а чтобы семена не засохли от искушений, Аполлос прибавил нечто со своей стороны; но все было делом Божиим. *Темже ни насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возращаяй Бог* (ст. 7). Видишь ли, как он смягчает речь свою, чтобы они не ожесточились, если бы он сказал: кто такой-то и такой-то? То и другое неприятно, то есть сказать ли: кто такой-то и такой-то, или сказать: *ни насаждаяй есть что, ни напаяяй.* Чем же он смягчает эти слова? Тем, что прини-

мает уничижение на свое лицо: *кто убо есть Павел, кто же ли Аполлос,* и тем, что все относит к Богу, даровавшему все: сказав, что он *насадил* и что *насаждаяй* есть ничто, присовокупляет: *но возращаяй Бог.* Не останавливается и на этом, но для той же цели присовокупляет еще следующее: *насаждаяй же и напаяяй едино суть* (ст. 8). Вместе с тем он этим внушает, чтобы они не превозносились друг перед другом. *Едино* называет их в том отношении, что они ничего не могут без возращающего Бога. Этими словами он не дозволяет и много трудившимся превозноситься перед теми, которые совершили менее, и последним завидовать первым. Но чтобы не подать повода к нерадению той мыслью, что все, и много и мало трудящиеся, *едино суть,* он далее, смотри, как предупреждает это: *кийждо же,* говорит, *свою мзду приимет по своему труду.* Как бы так говорит: не бойся, когда я говорю, что они *едино суть;* они одно по отношению к делу Божию, но не одно по трудам своим, а каждый *свою мзду приимет.* Внушив то, что хотел, он потом еще более смягчает речь и с любовью говорит им приятное столько, сколько можно. *Богу бо есмы споспешницы: Божие стяжание, Божие здание есте* (ст. 9). Видишь ли, как он и им (учителям) приписывает немалое дело, доказав наперед, что все принадлежит Богу? Он всегда увещевал повиноваться предстоятелям; потому не слишком уничижает и учителей. *Божие стяжание есте.* Сказав: *аз насадих,* он продолжает метафору. Если же вы – Божия нива, то вам следует носить имя не возделывающих, но Божие, так как нива называется именем не земледельца, а господина ее. *Божие здание есте.* Также и здание принадлежит не строителю, а господину. Если же вы – здание, то вам не должно распадаться на части; иначе не будет и здания. Если вы – нива, то вам не должно разделяться, но ограждаться одним оплотом единомыслия. *По благодати Божией, данней мне, яко премудр архитектон, основание положих* (ст. 10). Здесь, называя себя премудрым, он не превозносит самого себя, но представляет им пример и показывает, что мудрому свойственно полагать одно основание. И смотри, как он и здесь соблюдает скромность. Назвав себя премудрым, он не приписал этого себе, но наперед всего себя предал Богу и тогда уже так назвал себя: *по благодати,* говорит, *Божией, данней мне.* Вместе с тем

он внушает, что все – Божие и что благодать в том особенно и состоит, чтобы не разделяться, но утверждаться на одном основании. *Ин же назидает: кийждо же да блюдет, како назидает.* Здесь, мне кажется, он обращает их к подвигам в жизни после того, как соединил их и сделал единым. *Основания бо инаго никтоже может положити паче лежащего, еже есть Иисус Христос* (ст. 11). Не может, пока он (истинный) строитель; а если положит, то он уже и не строитель.

4. Видишь, как он доказывает предложенную мысль и общежитейскими соображениями. Слова его означают следующее: я возвестил Христа, дал вам основание; смотрите, как вы строите на нем, не с тщеславием ли, не с целью ли – отклонять от Него учеников и привлекать к людям? Не будем же увлекаться ересями: *основания бо инаго никто же может положити паче лежащаго.* Будем строить на этом основании и держаться на нем, как ветвь на виноградной лозе, и пусть не будет никакого разделения между нами и Христом, потому что если отделимся от Него, то немедленно погибнем. Ветвь втягивает в себя сок потому, что соединена с лозой, и здание стоит потому, что связано; а что отрывается, то погибает, потому что ни на чем не держится. Потому будем не просто держаться Христа, но прилепляться к Нему: если отделимся, погибнем. *Удаляющии бо себе от Тебе погибнут,* говорит Писание (Пс. LXXII, 27). Будем же прилепляться к Нему, и прилепляться делами, потому что *соблюдаяй,* говорит Он, *заповеди моя, той во Мне пребывает* (Ин. XIV, 20, 21). Он внушает нам единение с Ним многими сравнениями. Смотри: Он глава, мы тело; между главой и телом может ли быть какое-либо расстояние? Он основание, мы здание; Он лоза, мы ветви; Он жених, мы невеста; Он пастырь, мы овцы; Он путь, мы идущие; мы храм, Он обитатель; Он первенец, мы братия; Он наследник, мы сонаследники; Он жизнь, мы живущие; Он воскресение, мы воскресающие; Он свет, мы просвещаемые. Все это означает единение и не допускает никакого разделения, даже малейшего, так как кто отделился немного, тот потом отделится и много. Так тело, получив хотя малую рану от меча, портится; здание, расщелившись хотя немного, разрушается; и ветвь, отломившись от корня хотя немного, делается негодной. Таким образом, это ма-

лое есть уже не малое, но почти все. Потому, когда мы погрешим в чем-нибудь малом или почувствуем леность, не будем презирать этого малого, потому что, будучи оставлено в небрежении, оно скоро сделается великим. Так одежда, если начнет раздираться и будет оставлена в небрежении, вся раздирается; и кровля, если обнажится от нескольких черепиц и будет оставлена в небрежении, разрушает весь дом. Итак, представляя себе это, никогда не будем пренебрегать малыми грехами, чтобы не впасть в великие; если же по небрежению впадем даже в бездну зол, то и тогда не будем отчаиваться, чтобы не потерять ясности ума. Оттуда уже нелегко выйти тому, кто не бодрствует над собой тщательно, не только по причине глубины этой бездны, но и по самому положению. Грех — это бездна, которая увлекает в глубину и гнетет. Как упавшие в колодец не скоро могут выйти оттуда и имеют нужду в других, которые бы вытащили их, так точно и тот, кто впал в глубину грехов. Спустим же к ним вервие и извлечем их оттуда; или, лучше сказать, не в других только здесь нужда, но и в нас самих, чтобы и сами мы препоясали себя и поднялись не настолько, насколько ниспали, но, если хотим, и гораздо выше. Сам Бог — помощник, потому что *Он не хощет смерти грешника, но еже обратитися ему* (Иез. XVIII, 23). Итак, никто не отчаивайся, никто не подвергайся этой болезни нечестивых, которым этот грех свойствен: *нечестивый,* сказано, *егда приидет во глубину зол, нерадит* (Притч. XVIII, 3).

Таким образом не от множества грехов происходит отчаяние, но от нечестивого настроения души. Поэтому, хотя бы ты впал во все роды пороков, скажи самому себе: Бог человеколюбив и желает нашего спасения: *аще бо,* говорит Он, *будут греси ваши, яко багряное, яко снег убелю* (Ис. I, 18), то есть изменю в противное состояние. Не будем же отчаиваться; не столь опасно пасть, как, упав, лежать; не столь страшно быть раненным, как, будучи раненным, не желать исцеления, потому что *кто похвалится чисто имети сердце? Или кто дерзнет рещи чиста себе быти от грехов* (Притч. XX, 9)? Говорю это не для того, чтобы сделать вас более беспечными, но чтобы удержать вас от отчаяния.

5. Хочешь ли знать, как благ наш Владыка? К Нему пришел мытарь, виновный в бесчисленных пороках, и, ска-

зав только: *милостив буди мне грешнику,* ушел оправданным (Лк. XVIII, 13). И через пророка Бог говорит: *за грех мало что опечалих его, и видех яко опечалися, и пойде дряхл, и исцелих пути его* (Ис. LVII, 17, 18). Что может сравниться с таким человеколюбием? Потому только, говорит, что он опечалился, Я простил грехи его. А мы не делаем и этого, и тем особенно прогневляем Бога. Он, умилостивляющийся малым, когда не видит и этого, справедливо гневается и подвергает нас великому наказанию, потому что мы обнаруживаем крайнее небрежение. Кто когда-нибудь скорбел о грехах? Кто вздыхал? Кто бил в перси свои? Кто сокрушался? Я не знаю никого. Люди непрестанно плачут об умерших рабах, о потере имущества, а, погубляя каждый день душу свою, даже и не думают о том. Как же ты можешь умилостивить Бога, если даже и не знаешь, что ты согрешил? Правда, говоришь ты, я грешен; но это говоришь одним языком; говори же и сердцем и вместе с тем вздыхай, чтобы тебе постоянно быть в добром настроении. Ведь если бы мы скорбели о грехах, если бы вздыхали о прегрешениях, то ничто другое не печалило бы нас, потому что эта скорбь отгоняет всякую печаль. Таким образом, от исповедания грехов мы получили бы и другую пользу, ту, что не стали бы падать духом в горестных обстоятельствах настоящей жизни, ни надмеваться в радостных; а через это много умилостивили бы Бога; между тем теперь делами своими оскорбляем Его. Скажи мне: если бы твой раб, претерпевая много зла от своих товарищей, не обращал никакого внимания на других, а заботился бы только о том, чтобы не прогневать господина, то не мог ли бы он этим одним утолить гнев твой? Напротив, если бы он нисколько не заботился о проступках своих перед тобой, а заботился бы только об отношениях своих к товарищам, то не подверг ли бы ты его еще большему наказанию? Так поступает и Бог: когда мы пренебрегаем гневом Его, тогда Он являет на нас сильнейший гнев; а когда бываем внимательны, тогда смягчает или, лучше, прекращает гнев свой. Он желает, чтобы мы сами себя наказывали за грехи, и тогда Он уже не наказывает. Для того Он и угрожает наказанием, чтобы страхом истребить в нас нерадение; и когда мы страшимся одной угрозы, то Он уже не по-

пускает нам испытать ее на самом деле. Смотри, что говорит Он Иеремии: *еда не видиши, что сии творят? Отцы их зажигают огонь, сынове их собирают дрова, жены их месят муку* (Иер. VIII, 17, 18). Боюсь, чтобы и о нас не было сказано того же: не видишь ли, что они делают? Никто не ищет ничего Христова, а все – своего. Сыновья их предаются распутству, отцы их – любостяжанию и хищению, жены их – житейской суете, не только не удерживая мужей своих, но и поощряя их. Стань на торжище, спроси уходящих и приходящих и увидишь, что никто не заботится о предметах духовных, а все гоняются за плотскими. Доколе мы не пробудимся? Доколе будем объяты глубоким сном? Неужели мы еще не насытились злом? Впрочем, и без слов самый опыт достаточно может научить нас, что все настоящее низко и ничтожно. Люди, занимавшиеся внешней (языческой) мудростью и не знавшие ничего будущего, уразумев совершенное ничтожество вещей настоящих, удалялись от них. Как же можешь получить прощение ты, пресмыкающийся по земле и не презирающий малого и преходящего для великого и вечного, ты, который слышал от самого Бога, открывшего и внушившего тебе это, и получил от Него такие обетования? Что эти вещи не стоят привязанности, доказательством тому служат те, которые оставляли их без надежды благ больших. В самом деле, какого ожидая богатства, они избирали бедность? Никакого; они очень хорошо знали, что такая бедность лучше богатства. Какой жизни надеясь, они оставляли роскошь и предавались строгому житию? Никакой; они, познав свойство вещей, уразумели, что отсюда великая польза и для душевного любомудрия, и для телесного здоровья. Итак, представляя себе это и непрестанно помышляя о благах будущих, перестанем прилепляться к настоящим, чтобы нам сподобиться тех будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IX

Аще ли кто назидает на основании сем, злато, сребро, камение честное, дрова, сено, тростие: когождо дело явлено будет. День бо явит, зане огнем открывается: и когождо дело, яковоже есть, огнь искусит. И егоже аще дело пребудет, еже назда, мзду приимет: а егоже дело сгорит, отщетится: сам же спасется такожде, яко-же огнем (1 Кор. III, 12–15)

1. Здесь представляется нам вопрос не маловажный, но касающийся предмета самого необходимого и исследуемый всеми людьми: будет ли иметь конец огонь геенский? Христос открыл нам, что этот огонь не имеет конца: *огнь их не угасает, и червь их не умирает* (Мк. IX, 45). Вижу, что вы содрогаетесь, слыша это; но что делать? Бог повелевает непрестанно возвещать это: *возвести*, говорит, *людем сим* (Ис. LVIII, 1). Мы поставлены на служение слова, и потому нужно говорить и неприятное слушателям; хотя и вопреки желанию, а нужно. Впрочем, если хотите, это не будет для вас неприятно. *Аще благое твориши*, говорит (апостол), *не бойся* (Рим. XIII, 3). Следовательно, вы можете слушать нас не только без страха, но и с удовольствием. Итак, Христос открыл, что геенский огонь не имеет конца; и Павел утверждает, что мучение будет нескончаемое, когда говорит, что грешники *муку приимут, погибель вечную* (2 Солун. I, 9); и еще: *не лстите себе: ни блудницы, ни прелюбодеи, ни малакии царствия Божия не наследят* (1 Кор. VI, 9, 10). И к евреям он говорит: *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. XII, 14). Также Христос на слова: *именем твоим силы многи сотворихом*, скажет: *отыдите от Мене делающии беззаконие: Не вем вас* (Мф. VII, 22, 23). И девы, для которых затворились двери, уже не могли войти; и о тех, которые не питали Его, Он говорит: *идут в муку вечную* (Мф. XXV, 46).

Не говори мне: где же справедливость, если мучение не будет иметь конца? Когда Бог делает что-либо, повинуйся Его определениям и не подчиняй их умствованиям человеческим. Притом разве это несправедливо, если человек, получивший сначала тысячи благ, а потом совершивший достойное наказания и не сделавшийся лучше ни от угроз,

ни от благодеяний, подвергается наказанию? Если ты требуешь справедливости, то по закону правды нам следовало еще в начале тотчас же погибнуть; а лучше, и тогда это было бы не по одному закону правды, но было бы действием и человеколюбия, если бы мы и это потерпели. Кто оскорбляет человека, не причинившего ему никакого зла, тот по закону правды подлежит наказанию; если же кто своего благодетеля, не обязанного ему ничем, но оказавшего ему бесчисленные благодеяния, единственного виновника его бытия и притом Бога, вдохнувшего в него душу, даровавшего тысячи благ и хотевшего возвести его на небо, если такого (благодетеля), после таких благодеяний не только оскорбляет, но и каждый день огорчает своими делами, то какого прощения он будет достоин? Не видишь ли, как (Бог) наказал Адама за один грех? Он, скажешь, дал ему рай и удостоил его своего великого благоволения? Но не одно и то же – грешить, наслаждаясь благоденствием, или – проводя жизнь в великой скорби. То и тяжко, что ты грешишь, находясь не в раю, а среди бесчисленных бедствий настоящей жизни, и не вразумляешься несчастьями; это подобно тому, как если бы кто делал зло, будучи связанным. (Бог) обещал тебе блага больше рая; еще не дал их, чтобы ты не обленился во время подвигов, но и не умолчал о них, чтобы ты не ослабевал в трудах своих. Адам, совершив один грех, навлек на себя смерть; а мы каждый день совершаем тысячи грехов. Если же он, совершив один грех, навлек на себя столько зла и ввел смерть в мир, то чему не подвергнемся мы, постоянно живущие во грехах, хотя и ожидающие неба вместо рая? Тяжко это слово и прискорбно для слушателя. Знаю это по чувству, которое сам испытываю: сердце мое смущается и содрогается, и чем более удостоверяюсь в несомненности геенны, тем более трепещу и объемлюсь страхом. Но нужно говорить об этом, чтобы нам не впасть в геенну. Не рай, не древа и растения получил ты, а небо и блага небесные. Если же получивший меньшее осужден и ничто не могло оправдать его, то тем более мы, призванные к высшему и согрешающие больше его, подвергнемся нестерпимым мучениям. Представь, сколько времени род наш за один грех остается под владычеством смерти. Прошло уже пять тысяч и более

лет, а смерть еще не прекратилась за один грех. Притом мы не можем сказать, что Адам слушал пророков, что он видел наказания, постигшие других за грехи, что он мог от того прийти в страх и вразумиться этими примерами; он был тогда первый и единственный, однако же наказан. Ничего такого не можешь представить ты, который делаешься хуже после таких примеров, который удостоился таких даров Духа и допускаешь не один, не два и не три, а бесчисленное множество грехов. Не смотри на то, что грех совершается в краткое время, и не думай, что потому и наказание будет кратковременное. Не видишь ли, как люди, совершившие воровство или прелюбодеяние один раз и в одну минуту, часто проводят целую жизнь в темницах и рудокопнях, подвергаясь непрестанному голоду и бесчисленным родам смерти? И, однако, никто не оправдывал их и не говорил, что так как грех совершен ими в краткое время, то и наказание должно продолжаться соответственное греху время.

2. Но, скажешь, так поступают люди, а Бог человеколюбив. Во-первых, и люди так поступают не по жестокости, а по человеколюбию; и Бог так наказывает потому, что Он человеколюбив; по величию милости Его велико и наказание Его. Следовательно, когда ты говоришь, что Бог человеколюбив, то тем более доказываешь справедливость наказания, если мы грешим против такого (Существа). Потому и Павел говорил: *страшно есть еже впасти в руце Бога живаго* (Евр. X, 31). Вникните, увещеваю вас, в силу этих слов; может быть, вы получите отсюда некоторое утешение. Кто из людей может наказывать так, как наказывал Бог, устроивший потоп и истребление человеческого рода, а немного после одождивший с неба огонь и до основания истребивший всех (жителей Содома)? Какое человеческое наказание может сравниться с таким наказанием? Не видишь ли и здесь почти бесконечное наказание? Прошло четыре тысячи лет, а наказание содомлян доселе остается в силе. Как велико человеколюбие Божие, так и наказание Его. Притом, если бы Бог заповедал что-либо трудное и невозможное, то иной мог бы сослаться на трудность Его заповедей; если же Он заповедует весьма легкое, то что мы можем сказать, не заботясь и об этом? Разве ты не можешь поститься

и сохранять девство? Можешь, если захочешь, в чем обличают нас те, которые исполняли это; но Бог не употребил против нас всей строгости, не повелел и не заповедал этого, а предоставил воле слушателей; ты можешь быть целомудренным и в браке, можешь воздерживаться и от пьянства. Разве ты не можешь раздать всего имущества? Можешь, как показывают сделавшие это; но Бог не заповедал и этого, а повелел не похищать чужого и из имущества своего уделять нуждающимся. Если кто скажет, что он не может довольствоваться одной женой, тот обольщает и обманывает себя, в чем обличают его те, которые сохраняют целомудрие и без жены. Разве ты не можешь не злословить, не можешь не клясться? Напротив, труднее делать это, нежели не делать. Какое же мы имеем оправдание, когда не исполняем столь легкого и удобного? Не можем представить никакого. Из всего сказанного очевидно, что мучение будет вечно. Но некоторым кажется, что изречение Павла противоречит этому; потому обратимся к его объяснению. Сказав: *егоже аще дело пребудет, еже назда, мзду приимет, а егоже дело сгорит, отщетится*, он присовокупил: *сам же спасется такожде, якоже огнем*. Что сказать об этом? Рассмотрим, во-первых, что такое *основание*, что *золото*, что *камение честное*, что *сено* и *тростие*. Основанием он сам ясно назвал Христа: *основания бо инаго*, говорит, *никтоже может положити паче лежащаго, еже есть Иисус Христос;* а здание, мне кажется, означает дела. Правда, некоторые утверждают, что здесь говорится об учителях и учениках и о нечестивых ересях; но смысл речи не допускает этого. Ведь если так, то как же дело погибнет, а назидающий спасется как бы из огня? Виновнику тем более надлежало бы погибнуть, а здесь большему наказанию окажется подвергшимся тот, кто был назидаем. Если учитель был виновником зла, то он и достоин большего наказания: как же он спасется? Если же он не виновен, а ученики сделались такими по собственному развращению, то хорошо назидавший вовсе не заслуживает наказания или какого-нибудь вреда: как же говорится, что он *отщетится?* Отсюда видно, что здесь идет речь о делах. Намереваясь говорить о кровосместнике, апостол заранее и еще задолго делает к тому вступление. Он обыкновенно, рассуждая о каком-либо предмете,

в этом самом рассуждении наперед намекает на другой предмет, к которому намеревается перейти. Например, укоряя коринфян за то, что они не дожидаются друг друга на вечерях, он сделал вступление к речи о таинствах. Так и здесь, намереваясь говорить о кровосместнике и сказав об основании, присовокупил: *не весте ли, яко храм Божий есте и Дух Божий живет в вас? Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог* (ст. 16, 17). Этими словами он уже устрашал и потрясал душу кровосместника. *Аще кто назидает на основании сем, злато, сребро, камение честное, дрова, сено, тростие.* После веры нужно назидание; потому, и в другом месте он говорит: *утешайте друг друга в словесех сих* (1 Сол. IV, 18). В назидании участвуют вместе и художник и ученик; потому он и говорит: *кийждо же да блюдет, како назидает.*

3. Если бы это было сказано о вере, то было бы сказано неосновательно. В вере должны быть все равны, потому что вера одна; а в делах жизни не все одинаковы. Вера не бывает ни хуже, ни лучше, но одинакова у всех истинно верующих; а в жизни одни ревностнее, другие беспечнее, одни исправнее, другие небрежнее, одни делают больше, другие меньше, одни грешат тяжелее, другие легче. Потому апостол и сказал: *злато, сребро, камение честное, дрова, сено, тростие. Когождо дело явлено будет.* Здесь Он говорит о делах. *Его же аще дело пребудет, еже назда, мзду приемет: а егоже дело сгорит, отщетится.* Если бы это было сказано об учениках и учителях, то учителям не надлежало бы терпеть наказания, если ученики не слушали их. Потому Он и говорит: *кийждо свою мзду приимет по своему труду,* не по окончанию дела, а по труду. Что ему нужды, если слушатели не внимали? И отсюда также видно, что здесь говорится о делах. А смысл слов следующий: кто при правой вере ведет худую жизнь, того вера не защитит от наказания, когда дело будет гореть. *Сгорит,* значит — не перенесет силы огня. Если бы кто с золотым оружием переходил огненную реку, то перешел бы ее со славой; а если, напротив, кто станет переходит ее с сеном, тот не только не будет иметь успеха, но и погубит самого себя: так бывает и с делами. Говоря это, апостол разумеет не действительное сожжение людей, но желает внушить сильнейший страх и показать, что живущий порочно находится в опас-

ности. Потому и говорит: *отщетится:* вот первое наказание. *Тойже спасется такожде, якоже огнем:* вот и другое. Эти слова означают следующее: он сам не погибнет так, как дела, не обратится в ничто, но останется в огне. Это апостол и называет спасением; потому не просто сказал: *спасется,* а прибавил: *якоже огнем.* Так и мы обыкновенно говорим: в огне сохраняются – о таких вещах, которые не сгорают и не вдруг обращаются в пепел. Потому, слыша об огне, не думай, что сжигаемые обратятся в ничто. Не удивляйся и тому, что апостол называет такое мучение спасением; он нередко о предметах неприятных употребляет хорошие выражения, а о предметах приятных – нехорошие. Например, слово плен обозначает дурной предмет; но Павел употребляет его по-хорошему, говоря: *пленяюще всякий разум в послушание Христово* (2 Кор. X, 5). Так же, говоря о худом, употребляет хорошее выражение в следующих словах: *царствова грех* (Рим. V, 21); между тем слово «царствование» скорее хорошо звучит. Так и здесь, сказав: *спасется,* он выражает не что иное, как продолжение наказания, и как бы так говорит: сам же будет мучиться непрестанно. Далее говорит: *не весте ли, яко храм Божий есте?* Сказав прежде о разделявших Церковь, он теперь касается кровосместника, намекая, хотя неясно и неопределенно, на его развратную жизнь и показывая великость его греха из дарованной ему благодати. Так же и других вразумляет тем самым, что они уже получили. Таким образом, он направляет к одной цели и будущее и настоящее, и прискорбное и приятное; будущее: *день бо явит, зане огнем открывается;* настоящее: *не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас? Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог.* Видишь ли, какова сила речи? Впрочем доколе не открыто лицо (обличаемого), дотоле обличение не так тяжко, потому что все разделяют страх укоризны. *Растлит сего Бог,* то есть предаст погибели. Здесь апостол не проклинает, а предсказывает. *Храм бо Божий,* говорит, *свят есть,* и присовокупляет: *иже есте вы. Никтоже себе да прелщает.* И это (относится) к нему, так как он считал себя чем-то важным и хвалился мудростью. А чтобы не поразить его слишком много, апостол, привел его в страх и трепет, опять предлагает общее обличение и говорит: *аще кто мнится мудр быти в вас в веце сем, буй да бува-*

ет, яко да премудр будет (ст. 18). Обличает с великой силой, как уже довольно вразумивший их. Хотя бы кто был богат, хотя бы благороден, он будет презреннее презренных, если впадет во власть греха. Как царь, если делается рабом варваров, бывает несчастнее всех, так действует и грех. Грех есть варвар, который, однажды пленив душу, не щадит ее, но мучит ее на погибель подпавших власти его.

4. Подлинно, ничто так не безрассудно, ничто так не бессмысленно, глупо и нагло, как грех. Куда он ни вторгнется, все низвращает, расстраивает и губит; он безобразен на вид, несносен и отвратителен. Если бы какой живописец захотел изобразить его, то, мне кажется, не погрешил бы, изобразив его в виде женщины звероподобной, варварской, дышащей огнем, безобразной и черной, как внешние (языческие) поэты изображают Сцилл. Грех тысячью рук обхватывает наши мысли, вторгается неожиданно и терзает все, подобно псам, кусающим внезапно. Впрочем, для чего нам живописное изображение, когда мы можем представить (самих людей), подобных ему? Кого же наперед изобразить вам? Не корыстолюбца ли и грабителя? Действительно, что может быть бесстыднее глав его? Что бессовестнее его и более похоже на псов? Не так нагло приступает пес, как он, когда похищает имущество других. Что챠 сквернее рук его? Что гнуснее уст его, которые пожирают все и не насыщаются? Не принимай лица и глаз его за человеческие: не так глядят человеческие глаза. Он не смотрит на людей, как на людей, не смотрит на небо, как на небо, не устремляет взоров к Господу, но во всем видит деньги. Человеческие глаза, видя удрученных бедностью, обыкновенно проливают слезы; а глаза грабителя, видя бедных, выражают зверство. Человеческие глаза не смотрят на чужое, не желают принадлежащего другим, но еще другим раздают свое; а глаза корыстолюбца не успокаиваются дотоле, пока не похитят у других всего, потому что смотрят не по-человечески, но по-зверски. Человеческие глаза не могут видеть своего тела обнаженным, — ведь для них оно свое и тогда, когда по наружности принадлежит другим, — а глаза корыстолюбца не насыщаются дотоле, пока не обнажат кого-либо совершенно и не скроют всего у себя дома, или, лучше сказать, не на-

сыщаются никогда. Потому руки таких людей можно назвать не только зверскими, но еще гораздо свирепейшими и опаснейшими, чем у зверей. Медведи и волки, насытившись, отступают от пищи, а те не насыщаются никогда. Между тем Бог дал нам руки для того, чтобы мы помогали другим, а не вредили им. Если же мы станем употреблять их на последнее, то лучше было бы отсечь их и оставаться без них. Ты скорбишь, когда дикий зверь растерзает овцу; а когда сам делаешь то же со своим единоплеменником, то и не считаешь этого дела ужасным? Что же ты за человек? Разве ты не знаешь, что человеческим мы называем то дело, которое исполнено милосердия и человеколюбия, а дело грубое и жестокое называем бесчеловечным? Таким образом характер человека мы изображаем делами милосердия, а характер зверя — делами противными тому, и часто говорим: ужели он человек, а не зверь и не пес? Людям свойственно облегчать бедность, а не увеличивать ее. У людей корыстолюбивых и уста — уста зверские, или еще хуже их; они произносят слова, которые своей ядовитостью гораздо скорее, нежели зубы зверей, причиняют смерть. И если бы исчислять все, то ясно видно было бы, как бесчеловечие делает людей зверями. А кто испытает душу таких людей, тот назовет их не только зверями, но даже демонами. Они исполнены крайней жестокости и вражды к ближним; нет в них ни желания царствия, ни страха геенны, ни стыда перед людьми, ни милосердия, ни сострадания, но бесстыдство, наглость и презрение ко всему будущему; вещания Божии о (будущих) мучениях кажутся им басней, угрозы — посмешищем. Такова душа корыстолюбца! Если же они внутри демоны, а извне звери и даже хуже зверей, то за кого, скажи мне, мы будем считать их? Что они хуже зверей, это видно из следующего: звери таковы по природе, а они, получив от природы кротость, вопреки природе стараются усвоить себе свойства зверей. Сами демоны делают своими споспешниками людей неблагонамеренных, так как если бы последние не были их споспешниками, то большая часть их козней против нас оставалась бы без успеха; а те стараются притеснять и содействующих им в неправедных делах их. Притом демон враждует против человека, а не против подобных ему демо-

нов; а корыстолюбец старается всячески причинить зло и ближнему и родному, не стыдясь самой природы. Знаю, что многие негодуют на меня за эти слова; но я не сержусь на них, а жалею и плачу, что они находятся в таком состоянии. Если бы они захотели даже бить меня, и это я с удовольствием перенес бы, только бы они оставили свое зверство. И не я только, но и пророк вместе со мной исключает таких из числа людей: *человек*, говорит, *в чести сый не разуме*, но *приложися скотом несмысленным* (Пс. XLVIII, 21). Постараемся же быть людьми; будем взирать на небо, *облекаться во образ* (Создавшего нас) (Кол. III, 10) и не унижать себя самих, чтобы нам сподобиться и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА X

Никтоже себе да прельщает. Аще кто мнится мудр быти в вас в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет. Премудрость бо мира сего буйство у Бога есть (1 Кор. III, 18, 19)

1. Приступив к обличению кровосместника еще заранее, как я выше сказал, сделав это прикровенно и в кратких словах, и пробудив совесть его, апостол опять обращается к опровержению внешней (языческой) мудрости и к обличению тех, которые, гордясь ею, разделяли Церковь, чтобы, присовокупив то, что еще оставалось сказать и совершенно окончив этот предмет, со всей силой направить речь против кровосместника, которого он касался и прежде. Слова: *никтоже себе да прельщает* направлены особенно против него, чтобы вразумить и устрашить его; так же на него особенно делается намек в слове: *тростие*, и в словах: *не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас?* Обыкновенно два побуждения более всего удерживают нас от греха: когда мы представляем следующее за грехом наказание, и когда размышляем о собственном достоинстве. Так и апостол речью о *сене и трости* устрашает, а указанием на наше достоинство пристыжает, исправляя первым более нечувствительных, а

последним — более кротких. *Никтоже себе да прелщает. Аще кто мнится мудр быти в вас в веце сем, буй да бывает.* Как он повелевает быть мертвым для мира (Кол. II, 20), и эта мертвенность не только не вредит, но еще приносит пользу, делаясь источником жизни, так теперь повелевает быть безумным для мира, указывая нам в этом истинную мудрость. Безумным для мира бывает тот, кто презирает внешнюю мудрость и убежден что она нисколько не содействует ему к принятию веры. Потому, как нищета по Боге ведет к богатству, смирение — к величию, презрение (земной) славы — к славе, так и это безумие делает человека мудрее всех, потому что у нас все бывает напротив. И для чего он не сказал: пусть оставит мудрость, но: *буй да бывает?* Для того, чтобы как можно более унизить внешнюю ученость. Не одно ведь и то же сказать: оставь свою мудрость, или — будь безумным. С другой стороны, он научает нас не стыдиться нашей неучености, представляя все внешнее достойным осмеяния, Он не стыдится названий, потому что полагается на силу дел. Как крест, вещь, по-видимому, поносная, сделался источником бесчисленных благ, причиной и виновником неизреченной славы, так и кажущееся безумие делается для нас виной мудрости. Как тот, кто худо научился чему-нибудь, если не оставит всего, не изгладит из души своей и не представит ее чистой для желающего вновь учить его, не познает ясно здравого учения, так и при внешней мудрости, если не оставишь всего, не очистишь ума своего и не предашь себя вере, подобно простолюдину, то не познаешь ничего доброго надлежащим образом. Так и имеющие слабое зрение, если, закрыв глаза, не вверят себя другим, а будут руководиться своим испорченным зрением, будут блуждать гораздо более тех, которые совершенно ничего не видят.

А как можно, скажешь, оставить внешнюю мудрость? Не принимая ее учения. Повелев, таким образом, оставить эту мудрость, апостол приводит и причину, — следующую: *премудрость бо мира сего буйство у Бога есть.* Она не только не помогает, но еще служит препятствием; следовательно, надобно оставить ее, как вредную. Видишь ли, как победоносно он опроверг ее, доказав, что она не только бесполезна, но еще приносит нам вред? Впрочем, он не довольствует-

ся собственными доказательствами, а приводит еще свидетельство: *писано бо есть*, говорит: *запинаяй премудрым в коварстве их* (ст. 19). *В коварстве*, то есть уловляя их собственным их оружием. Так как они употребляли мудрость свою на то, чтобы обходиться без Бога, то Он через нее именно и доказал им, что они имеют великую нужду в Боге. Как и каким образом? Они через нее сделались безумными; следовательно через нее и уловлены. Думая обходиться без Бога, они пришли в такое бедственное состояние, что оказались хуже рыбарей и неученых, и в них же стали нуждаться. Потому он и говорит: *в коварстве их* уловил их. Слова: *погублю премудрость* – выражают совершенную ее бесполезность; а слова: *запинаяй премудрым в коварстве их* – показывают силу Божию.

2. Далее апостол показывает и способ, каким Бог уловил их, присовокупляя другое свидетельство: *Господь весть*, говорит, *помышления мудрых, яко суть суетна* (ст. 20). А когда беспредельная Премудрость произносит о них такой суд и представляет их такими, то какого другого требовать доказательства крайнего их безумия? Человеческие суждения часто погрешают, а суд Божий всегда праведен и нелицеприятен. Воздав таким образом славу суду Божию, он с большей силой обращается к поучаемым и говорит: *темже никтоже да хвалится в человецех: вся бо ваша суть* (ст. 21). Опять повторяет прежнее и показывает, что они не должны гордиться и духовными дарованиями, потому что ничего не имеют от себя самих. Итак, если внешняя мудрость вредна, а духовные дарования ваши не от вас, то чем вы можете хвалиться? Касательно внешней мудрости он говорит; *никтоже себе да прелщает*, потому что она служила им ко вреду; а здесь, где дело идет о предмете полезном, говорит: *никтоже да хвалится*, и смягчает речь свою следующими словами: *вся бо ваша суть. Аще Павел или Аполлос или Кифа, или мир, или живот или смерть, или настоящая или будущая, вся ваша суть, вы же Христовы, Христос же Божий* (ст. 22, 23). Так как он сильно тронул их, то опять ободряет. И выше он говорил: *споспешницы есмы Богу* (III, 9), и многим другим утешал их; и здесь говорит: *вся ваша суть*, чтобы низложить гордость учителей и показать, что они не только ничем не обязали учеников своих,

но еще сами обязаны им благодарностью, потому что для них сделались учителями и получили благодать. А так как и ученики могли хвалиться, то он уврачевал и их болезнь словами: *комуждо якоже Бог даде*, и: *Бог возрасти* (III, 6), чтобы и те не гордились, как подающие, и эти не превозносились, услышав: *вся ваша суть*. Ведь хотя все и для вас, но все от Бога. Заметь, как он доселе продолжает ставить свое имя и имя Петра. А что значит: *или смерть?* Учители, хотя бы умирали, умирают для вас, подвергаясь опасностям для вашего спасения. Видишь ли, как он опять низлагает гордость учеников и превозносит учителей? Он беседует с ними, как бы с благородными детьми, имеющими пестунов и долженствующими наследовать все. Также можно сказать, что для нас и смерть Адамова, чтобы мы вразумились, и смерть Христова, чтобы мы спаслись. *Вы же Христовы, Христос же Божий.* Иначе мы – Христовы, иначе Христос – Божий, и иначе мир – наш. Мы – Христовы, как творение Его; Христос – Божий, как истинный Сын Его, а не как творение и не так, как мир – наш. Таким образом здесь, хотя выражение одно, но смысл различный. Мир – наш, как созданный для нас; Христос – Божий, потому что имеет виновником Своим Бога, как Отца; а мы – Христовы, как сотворенные Им. Если же, говорит, учители – ваши, то для чего вы поступаете напротив, называя себя именами их, а – не Христа и Бога? *Тако нас да непщует человек, яко слуг Христовых и строителей тайн Божиих* (IV, 1). Низложив гордость их, смотри, как он опять ободряет их словами: *яко слуг Христовых*. Потому не называйтесь именем исполнителей и служителей, оставляя Господа. *Строителями* назвал (учителей) для того, чтобы показать, что не всем должно присваивать это дело, но кому следует и кто достоин быть домоправителем. *А еже прочее, ищется в строителех, да верен кто обрящется* (ст. 2), то есть чтобы не присваивал себе того, что принадлежит Господу, и не приписывал себе вместо Господа, а поступал бы как домоправитель. Дело домоправителя – хорошо распоряжаться вверенным ему, не называть своим принадлежащего Господу, а, напротив, свое приписывать Господу. Каждый, владеющий даром слова или имуществом, представляя это, то есть что это вверено ему Господом, а не его собственность, пусть не удерживает у себя и не

присваивает себе, но приписывает Богу, даровавшему все. Хочешь ли видеть верных домоправителей? Послушай, что говорит Петр: *на ны что взираете, яко своею ли силою, или благочестием сотворихом его ходити* (Деян. III, 12)? Также Корнилию он сказал: *и аз сам человек есмь* (Деян. X, 26); и Христу: *се мы оставихом вся, и в след Тебе идохом* (Мф. XIX, 27). Равно и Павел, сказав: *паче всех их потрудихся*, присовокупил: *не аз же, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. XV, 10). И в другом месте, обращаясь к ним же, сказал: *что имаши, егоже неси приял* (1 Кор. IV, 7)? Ты ничего не имеешь своего, ни богатства, ни дара слова, ни самой души, – и она от Господа.

3. Потому, когда потребует нужда, отдай и душу свою. Если же ты любишь ее и не хочешь отдать, когда тебе повелевается, то ты уже неверный домоправитель. Можно ли противиться, когда повелевает Бог? Я вот что скажу: потому особенно я и удивляюсь человеколюбию Божию, что Бог, имея возможность взять у тебя все против твоей воли, не хочет делать этого без твоей воли, чтобы ты заслужил награду. Например, Он может взять твою душу без твоей воли, но хочет, чтобы ты отдал ее по своей воле, говоря с Павлом: *по вся дни умираю* (1 Кор. XV, 31). Он может лишить тебя почестей без твоей воли и сделать тебя уничиженным, но хочет, чтобы это было по твоей воле, чтобы ты получил воздаяние. Он может сделать тебя бедным против твоей воли, но хочет, чтобы ты сделался таким добровольно, чтобы даровать тебе венцы. Видишь ли Божие человеколюбие и наше ослепление? Достиг ли ты высокой степени достоинства и получил власть церковную? Не высокомудрствуй; не ты достиг этой чести, а Бог облек тебя ею; береги ее, как чужую; не злоупотребляй ею и не употребляй на то, на что не следует; не гордись и не присваивай себе, но считай себя бедным и бесславным. Если бы тебе поручено было хранить царскую порфиру, то ты, конечно, не стал бы злоупотреблять этой одеждой и портить ее, но с великим тщанием хранил бы ее для вручившего тебе. Получил ли ты дар слова? Не гордись и не надмевайся; это не твой дар; не будь непризнателен за дары Господни, но разделяй их с подобными тебе рабами, не превозносись ими, как своими, и не жалей разделять их с другими. Имеешь ли детей? Ты получил их от

Бога; если так будешь думать, то имея будешь благодарить и потеряв не будешь скорбеть. Таков был Иов, который говорил: *Господь даде, Господь отъят* (Иов. I, 21). Все мы получили от Христа; от Него имеем и самое бытие, и жизнь, и дыхание, и свет, и воздух, и землю. Если бы Он лишил нас чего-нибудь из этого, то мы погибли бы и истлели, так как мы — пришельцы и странники. Выражение: *мое* и *твое* — только пустые слова, а на деле не то. Например, если ты назовешь своим дом, это — пустое слово, не соответствующее предмету, так как Творцу принадлежат и воздух, и земля, и вещество, и ты сам, построивший его, и все прочее. Если же он в твоем употреблении, то и это не верно, не только по причине угрожающей смерти, но и, прежде смерти, по причине непостоянства вещей. Представляя это непрестанно, будем любомудрыми, и сделаем два весьма важных приобретения: будем благодарными и при получении и при потере, и не станем раболепствовать предметам преходящим и не принадлежащим нам. Лишает ли нас Бог имущества, Он берет Свое; лишает ли тебя чести, славы, тела, души, или сына твоего, Он берет не твоего сына, а Своего раба, — не ты ведь, а Он сотворил его; ты только содействовал появлению его, а все сделал Бог. Будем же благодарны, что мы удостоились содействовать делу Его. Но что? Ты хотел бы навсегда удержать? Это свойственно неблагодарному и незнающему, что у него все чужое, а не свое. Как расстающиеся благодушно знают, что находящееся у них не принадлежит им, так скорбящие (при лишении) присваивают себе принадлежащее Царю. Если мы сами — не свои, то как прочее — наше? Мы в двух отношениях принадлежим Богу — и по сотворению, и по вере. Так Давид говорит: *состав мой от Тебе есть* (Пс. XXXVIII, 7). Также Павел: *о Нем живем и движемся и есмы* (Деян. XVII, 28); и, рассуждая о вере, говорит: *несте свои, и куплени есте ценою* (1 Кор. VI, 19). Все — Божие. Потому, когда Он требует и хочет взять обратно, то не будем противоречить, подобно неблагодарным рабам, и присваивать себе принадлежащее Владыке. Душа твоя — не твоя: как же имущество — твое? И как ты тратишь не свое на то, на что не должно? Разве ты не знаешь, что мы будем осуждены за то, что худо употребляли данное нам? Что не наше, а Владычное, то нам

следует употреблять на подобных нам рабов. За то и богач был осужден, что не делал этого, равно и те, которые не напитали Господа. Не говори же: я издерживаю свое и наслаждаюсь своим; это не твое, а чужое. Говорю: чужое, потому что ты сам так хочешь; Бог желает, чтобы то, что вручено тебе для братии, сделалось твоим; чужое делается твоим, когда ты употребляешь его на других; а когда невоздержно употребляешь на себя, тогда твое делается чужим. Ты не имеешь сострадания и говоришь, что по праву употребляешь свое только для своего наслаждения; потому я и говорю, что оно — чужое. Все твое есть общее — для тебя и твоего ближнего, как общее — солнце, и воздух, и земля, и все прочее. Как в теле есть деятельность всего тела и каждого члена порознь, и когда какой-нибудь член действует отдельно, то теряет и собственную деятельность, так бывает и с имуществом.

4. Скажу яснее: пища телесная, назначаемая вообще для всех членов, если достанется одному члену, то делается чужой и для него. Она не может свариться и питать, — от того делается чужой и для него. А сделавшись общей, она становится собственностью и его и всех членов. То же и с имуществом: если ты один будешь пользоваться им, то потерпишь вред и ты, потому что не получишь награды; если же будешь разделять его с другими, тогда оно более будет твоим, тогда и получишь от него пользу. Не видишь ли, как руки служат, рот разжевывает, а желудок принимает пищу; и желудок не говорит: я принял, потому и должен удержать все у себя? Не говори того же и ты об имуществе. Кто принимает, тот должен и давать. Как для желудка было бы пороком — удерживать пищу у себя, а не распределять, потому что это повредило бы всему телу, так и для богатых порок — удерживать свое имущество у себя, потому что это губит и их самих и других. Так же глаз один принимает свет, но не удерживает его у себя, а освещает все тело, потому что ему неестественно удерживать его у себя, пока он остается глазом. Ноздри ощущают благовоние, но не удерживают его у себя, а передают мозгу, сообщают благовоние и желудку и доставляют усладу всему человеку. Ноги одни ходят, но не себя только переставляют, а переносят и все тело. Так и ты не удерживай один того, что тебе вверено, потому что таким образом

повредишь всем, а более всех самому себе. И не на членах только (телесных) можно видеть это. Кузнец, если не захочет ни с кем делиться своим искусством, то нанесет вред и себе, и другим искусствам. Так же сапожник, земледелец, хлебник и всякий, занимающийся каким-нибудь необходимым ремеслом, если не захочет сообщать другим произведений своего искусства, повредит не только другим, но вместе с другими и себе. И что я говорю о богатых? Даже бедные, если бы стали подражать вашему, корыстолюбцы и богачи, пороку, то причинили бы вам великий вред, скоро сделали бы и вас бедными, или, лучше сказать, погубили бы, если бы не захотели сообщить своего нуждающимся, например, земледелец – изделия рук своих, мореплаватель – приобретений от мореплавания, воин – воинской доблести. Устыдитесь же если не другого чего, то хотя этого и подражайте их любомудрию. Ты не хочешь уделять никому из своего богатства? Не бери же и сам ничего у других. А если будет так, то все придет в расстройство, потому что давать и принимать есть источник многих благ, и в сеянии, и в учении, и в искусствах. Если бы кто захотел удержать у себя свое искусство, то погубил бы и себя и всю жизнь извратил бы. Земледелец, если бы стал хранить семена у себя дома, закопав их, произвел бы страшный голод. Так и богач, если сделает то же с имуществом, прежде бедных порубит себя самого, навлечет на свою голову страшный пламень геенны. Учители, хотя бы имели много учеников, сообщают каждому свое знание: так и ты старайся приобрести многих облагодетельствованных. Пусть все говорят о тебе: он такого-то избавил от бедности, такого-то от опасности, такой-то погиб бы, если бы, по милости Божией, не получил его помощи, такого-то он исцелил от болезни, другого освободил от клеветы, странника принял в дом, нагого одел. Такие отзывы лучше несчетного богатства и многих сокровищ; они привлекают всех гораздо более, нежели золотые одежды, лошади и рабы. Последнее представляется несносным и делает человека ненавистным, как общего врага; а первое провозглашает его общим отцом и благодетелем, и, что всего важнее, такие благодеяния всегда сопровождаются благоволением Божиим. Пусть один говорит о тебе: он помог мне выдать

дочь мою замуж; другой: он постарался вывести сына моего в люди; третий: он спас от несчастья; четвертый: он избавил от опасностей. Такие слова лучше золотых венцов, это — как бы бесчисленные проповедники твоего человеколюбия в городе; такие слова гораздо приятнее и сладостнее голосов вестников, предшествующих повелителям, именно слова: спаситель, благодетель, покровитель, каковы названия свойственны Богу, а не: корыстолюбец, гордец, ненасытный, скряга. Будем же, увещеваю, домогаться не этих последних названий, а противоположных. Ведь если такие отзывы еще на земле делают человека столь славным и знаменитым, то, когда они будут написаны на небе и Бог провозгласит их в день будущий, представь, какой ты насладишься честью, какой славой, — которой и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XI

Мне же не велико есть, да от вас истяжуся, или от человеческаго дне: но ни сам себе востязую (ничесоже бо в себе свем: но ни о сем оправдаюся): востязуяй же мя, Господь есть (1 Кор. IV, 3, 4)

1. Не знаю, каким образом между другими родами зла вошло в природу человеческую зло испытания и неуместного осуждения ближних, которое и Христос обличал, когда говорил: *не судите, да не судими будете* (Мф. VII, 1). Оно не доставляет даже никакого удовольствия, как другие грехи, а ведет только к неприятностям и наказанию. Между тем мы, будучи сами виновны в бесчисленных грехах и имея в глазах своих как бы бревно, тщательно разбираем грехи ближнего, которые не более сучка (Мф. VII, 3). Так было и у коринфян. Мужей благочестивых и богоугодных они осмеивали и отвергали за неученость их, а виновных в бесчисленных пороках уважали за их красноречие. Принимая на себя роль судей, они с дерзостью произносили приговоры: такой-то достоин, такой-то лучше такого-то, этот выше того, а тот ниже этого; вместо того, чтобы оплакивать свои грехи, судили о

других и таким образом возбуждали великую борьбу. Для уврачевания этой болезни Павел, смотри, как мудро вразумляет их. Сказав: *а еже прочее, ищется в строителех, да верен кто обрящется,* и этими словами, по-видимому, дозволив им судить и исследовать жизнь каждого, — отчего и происходили смятения, — он хочет освободить их от такой страсти и говорит: *мне же не велико есть, да от вас истяжуся,* опять сводя речь на свое лицо. Что значит: *мне же не велико есть, да от вас истяжуся, или от человеческаго дне?* Недостойно меня, говорит, быть судимым вами; что я говорю: вами? — и другим кем бы то ни было. Не подумайте, что Павел по гордости говорит, что никто из людей не достоин произносить о нем суд. Во-первых он не для себя говорит это, а для того, чтобы других исцелить от их болезни; во-вторых, он не остановился на коринфянах, но не приписал и себе права суждения, сказав, что такое суждение выше его собственного разумения: *но ни сам себе,* присовокупляет он, *востязую.* Притом надобно смотреть, с каким расположением он сказал это; он часто употреблял высокие выражения, но не из гордости или тщеславия, а с мудрой предусмотрительностью; так точно и теперь в этих словах он не превозносит самого себя, но смиряет других и старается показать достоинство святых. А что он был один из числа весьма смиренных, послушай, что говорит он, представляя свидетельство о себе врагов своих: *пришествие тела немощно и слово уничижено* (2 Кор. X, 10); и в другом месте: *последи же всех, яко некоему извергу, явися и мне* (1 Кор. XV, 8). И, однако, этот смиренный, в случае нужды, смотри, на какую высоту возводил понятия учеников, не гордости научая их, но внушая им здравомыслие. Беседуя с теми же коринфянами, он говорит: *и аще вами суд приимет мир, не достойни есте судищем худым* (1 Кор. VI, 2). Христианину следует удаляться как от гордости, так и от льстивости и неблагродного образа мыслей. Кто говорит, например, что имущество он не вменяет ни во что и все настоящее считает тенью, сновидением и детскими игрушками, того мы не обвиняем в гордости, — иначе мы должны были бы обвинять в гордости и Соломона, который, любомудрствуя об этом, говорит: *суета суетствий и всяческая суета* (Еккл. I, 2). Но не будем называть любомудрие именем гордости. Презирать блага настоя-

щие — это не гордость, а великодушие, хотя не отвергают их и цари, и начальники, и вельможи. Бедный по любомудрию часто презирает их; но мы не назовем его за это гордым; подобно как человека, слишком привязанного к ним, не назовем умеренным и смиренномудрым, а слабым, малодушным и пристрастным. Сына, который бы не думал о принадлежащем отцу его, а занимался свойственным рабу, мы не назвали бы смиренномудрым, а осудили бы как человека с неблагородными и рабскими чувствами; а того, который бы презирал рабское и дорожил отеческим, мы превознесли бы похвалами. Считать себя лучше подобных себе людей — это гордость, а произносить истинное суждение о вещах — это не гордость, но любомудрие.

2. Таким образом Павел не превозносит себя, но смиряет других, вразумляет превозносящихся и научает их смиренномудрию, когда говорит: *мне же не велико есть, да от вас истяжуся, или от человеческаго дне.* Видишь ли, как он врачует их? Слыша, что он на (суд) всех равно не обращает внимания и всех считает недостойными судить его, никто из них не мог скорбеть и говорить, что он только один отвергнут. Если бы он сказал: *от вас* только, и остановился бы, то они могли бы огорчиться, как отверженные, а присовокупив: *или от человеческаго дне,* он облегчил удар, признав вместе с ними и других недостойными. Далее смягчает и это, присовокупляя: *но ни сам себе востязую.* Видишь, как слова его происходят не от гордости: я и сам, говорит, не в состоянии произносить суд. А так как и эти слова могли быть приписаны чрезмерной гордости, то для отклонения такого мнения говорит: *но ни о сем оправдаюся.* Как, неужели не должно осуждать себя и за грехи свои? Должно и даже очень, когда мы грешим; но Павел не о том говорит. *Ничесоже бо,* говорит, *в себе свем.* За какой грех он стал бы осуждать себя, если он не знает за собой ничего? И, несмотря на то, говорит: *ни о сем оправдаюся.* Что же скажем мы, которые имеем совесть, пораженную бесчисленными ранами, и не знаем за собой ничего доброго, но все противное тому? А почему он не оправдан, если не знает за собой ничего? Потому, что и ему случалось допускать некоторые прегрешения, без собственного сознания этих прегрешений. Отсюда можешь заключать, как тща-

телен будущий суд. Таким образом, он считал других недостойными судить о нём не потому, что признавал себя безукоризненным, но желая заградить уста безрассудно делавшим это. В другом месте, когда обстоятельства требовали, он запрещает осуждать ближних даже в случае явных грехов.

Ты же почто, говорит, *осуждаеши брата твоего? Или ты что уничижаеши брата твоего* (Рим. XIV, 10)? Тебе, человек, заповедано не других осуждать, а смотреть за самим собой: для чего же ты присваиваешь дело Владыки? Судить — Его дело, а не твое. Потому и продолжает: *темже прежде времени ничтоже судите, дондеже приидет Господь, иже и* осветит *тайная тмы, и объявит советы сердечныя: и тогда похвала будет комуждо от Бога* (ст. 5). Как, неужели и учители не должны делать этого? Должны в случае явных грехов, при исповеди, в надлежащее время, и притом со скорбью и сокрушением, а не с гордостью и тщеславием, как делали коринфяне. Апостол говорит здесь не об исповедуемых грехах, а о предпочтении такого-то такому-то и о сравнении их жизни. Судить об этом безошибочно может один только Тот, который будет судить сокровенные наши помышления и определять, какие из них достойны большего, какие меньшего наказания или награды; а мы судим по внешности. Если я, говорит, не могу точно знать, в чем я сам грешен, то как почту себя достойным произносить приговор о других? Не зная с точностью своих собственных дел, как я могу судить о делах других? Если же таков был Павел, то тем более мы. А говорил он это не для того, чтобы показать свою безукоризненность, но чтобы показать, что если бы даже был между ними кто-нибудь непричастный никакому греху, и тот был бы недостоин судить о жизни других, и что если он, ничего не знающий за собой, не считает себя невинным, то тем более не могут считать себя такими они, знающие за собой множество грехов. Заградив уста делавшим такие суждения, он потом с прискорбием обращает гнев свой на кровосмесника. Как при наступлении бури наперед появляются мрачные облака, потом, когда прогремит гром и все небо сделается как бы одним облаком, внезапно низвергается на землю дождь, так и он поступает здесь. Он мог бы с великим негодованием прямо обратиться к кровосмеснику, но не делает этого, а

наперед низлагает надменность его устрашающими словами, потому что и допущен был им сугубый грех, прелюбодеяние и, что еще хуже прелюбодеяния, нераскаянность во грехе. Он скорбит не столько о согрешении, сколько о нераскаянности грешника: *да не восплачуся*, говорит, *многих* не просто *прежде согрешших*, но *и не покаявшихся о нечистоте и блужении и студоложствии, яже содеяша* (2 Кор. XII, 21). Покаявшийся после греха достоин не скорби, а ублажения, как вступивший в лик праведников. *Глаголи ты* (говорит пророк) *беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). А кто после греха не стыдится, тот достоин сожаления не столько потому, что он пал, сколько потому, что, упав, лежит.

3. Если же не каяться в грехах тяжело, то гордиться грехами какого достойно наказания? Если превозносящийся своими добродетелями нечист, то превозносящийся своими пороками какое получит прощение? Таков был кровосмесник, – так душа его загрубела и ожесточилась во грехе; потому (апостол) нашел необходимым наперед низложить его гордость, и обличает его не прежде всех, чтобы он не сделался еще более бесстыдным, как обличаемый прежде других, и не после всех, чтобы он не стал считать (своего преступления) маловажным, но, предварительно внушив ему большой страх вразумлением других и потряс душу его обличением, направленным против других, потом уже обращается к нему. Эти самые слова: *ничесоже в себе свем, но ни о сем оправдаюся,* также: *востязуяй мя Господь есть, иже* и осветит *тайныя тмы и объявит советы сердечныя,* – сказаны не случайно, а касаются его же и его сообщников, которые унижали святых. Что из того, говорит, если некоторые по внешности кажутся добродетельными и удивительными? Не по внешности только судит этот Судья, но обнаруживает и сокровенное. Таким образом по двум или, лучше, по трем причинам, суд наш не бывает правым: во-первых, потому, что, хотя бы мы ничего не знали за собой, мы однако повинны перед судом обличающего наши грехи с точностью; во-вторых, потому, что большая часть дел остается для нас неоткрытой и неизвестной; в-третьих, потому, что многие из действий других кажутся нам добрыми, но совершаются не с добрым намерением. Для чего вы говорите, что такой-то

и такой-то не сделали никакого греха или такой-то лучше такого-то? Этого нельзя сказать даже и о том, кто ничего не знает за собой; Кто видит сокровенное, Тот только произносит суд правый. Вот и я *ничесоже в себе свем, но ни о сем оправдаюся,* то есть не свободен от вины и осуждения. Не говорит: я не в числе праведников, но: я нечист от греха. И в другом месте говорит: *умерый* оправдися *от греха,* то есть освободился (Рим. VI, 7). Мы совершаем много и добрых дел, но не с добрым намерением. Так мы многих хвалим, но не для того, чтобы показать их совершенства, а для того, чтобы через них унизить других. Дело само по себе доброе, — потому что хвалится человек добродетельный; но намерение дурное, — потому что происходит от сатанинского расположения; не из сорадования брату, но из желания повредить другому часто делают это. Еще: иной совершит тяжкий грех, а другой, желая погубить его, утверждает, что он не совершил ничего худого, и ободряет согрешившего, указывая на общее (свойство) природы; но часто не для того делает это, чтобы простить, а с намерением придать более беспечности. А часто обличает, но не для того, чтобы вразумить и исправить, а чтобы обнаружить и осмеять грех его. Таких намерений люди не знают, а *испытаяй сердца* (Пс. VII, 10) знает их в точности и откроет все это в свое время. Потому (апостол) и говорит: *иже* осветит *тайная тмы и объявит советы сердечныя.*

Если же мы и тогда, когда ничего не знаем за собой, не можем быть свободными от осуждения и за самые добрые дела, когда совершаем их не с добрым намерением, подлежим наказанию, то представь, насколько неправы суды человеческие. Люди не могут видеть всего; это возможно только для одного недремлющего Ока; людей мы можем обмануть, но Его — никогда. Потому не говори: мрак и стены окружают меня: кто видит меня? *Создавый наедине сердца* наши (Пс. XXXII, 15) знает все, потому что и *тма не помрачится от Него* (Пс. CXXXVIII, 12). Впрочем, справедливо говорит грешник, что мрак и стены окружают его. Если бы не было мрака в душе его, то и не отверг бы страха Божия и не предавался бы бесстыдству, так как прежде, нежели помрачится главенствующая часть (душа), грех не смеет войти. Потому не говори: кто видит меня? Есть Тот, Который про-

никает *до души же и духа, членов же и мозгов* (Евр. IV, 12), хотя сам ты не видишь себя, не можешь рассеять облака и, как бы окруженный со всех сторон стеной, не в состоянии воззреть на небо.

4. Мы представим тебе какой угодно грех, и ты увидишь, что действительно так бывает. Как воры и подкапыватели стен, намереваясь похитить что-нибудь драгоценное, исполняют это, погасив светильник, так порочный помысл поступает и с грешниками. В нас есть умственный светильник, постоянно горящий. Если дух прелюбодеяния, устремившись с великой силой, погасит свет его, то немедленно помрачает и преодолевает душу и тотчас расхищает все, в ней находящееся. Когда овладевает душой порочное пожелание, тогда разумное око ее, помрачившись, подобно как телесные очи помрачаются облаком и тьмой, не может видеть ничего, ни пропасти, ни геенны, ни страха, и она, будучи наконец не в состоянии противиться силе пожелания, делается удобопреклонной ко греху; перед очами ее как бы воздвигается непроницаемая стена, которая не позволяет лучу правды просветить разум ее, потому что порочные помыслы, порождаемые пожеланием, со всех сторон окружают ее. Тогда представляется человеку блудница, беспрестанно появляющаяся перед его глазами, в его разуме и мыслях; и как слепые, хотя бы стояли среди полудня под открытым небом, не могут видеть света, потому что закрыты глаза их, так и он, хотя бы оглашали его со всех сторон бесчисленные спасительные догматы, будучи наперед охвачен в душе своей этой страстью, заграждает слух свой для всех внушений. Это хорошо знают те, которые испытали это. Но вам пусть не придется узнать это на опыте. И не один только этот грех, но и всякая порочная страсть производит то же самое.

Обратим, если угодно, речь нашу от блудницы к деньгам; здесь мы увидим густой и непроницаемый мрак. Там, где бывает одна любовница, заключенная в одном месте, страсть не так сильна; а когда везде представляются деньги, в мастерских серебряных и золотых вещей, в гостиницах, в богатых домах, тогда страсть действует сильно. Когда больной этой страстью видит детей, гуляющих на торжище, лошадей, украшенных золотом, людей, одетых в драгоценные

одежды, тогда в душе его разливается великий мрак. Но что говорить о домах и мастерских? Такие люди, я думаю, когда увидят богатство, изображенное на картине, и тогда возмущаются, досадуют и беснуются: так мрак везде окружает их! Если они обратят взор на изображение царя, то не удивляются ни красоте камней, ни золотой и пурпуровой одежде, а мучатся страстью; и как несчастный любовник, увидев изображение любимой женщины, не может оторваться от бездушной картины, так и они, видя бездушное изображение богатства, страдают так же, и еще тем более, чем сильнейшей преданы страсти; им остается или сидеть дома, или, выйдя на торжище, получать тысячи ран и с ними возвращаться домой, потому что слишком много предметов, поражающих их глаза. Как тот не видит ничего другого, кроме женщины, так и они не видят на пути ни бедных, ни всего другого, от чего могли бы получить утешение, а устремляют глаза только на богатых и, взирая на них, собирают великий и сильный огонь в свою душу. Подлинно, это – огонь, жестоко поедающий подвергшегося ему; и если бы не было ни геенны, ни будущего наказания, то в самой настоящей жизни было бы наказанием – постоянно страдать и не видеть конца своим страданиям. Одно это могло бы удерживать от такой болезни; но нет ничего хуже безумной страсти, которая заставляет прилепляться даже к вещам, приносящим одну горечь и никакой пользы. Потому увещеваю вас истреблять страсть в самом ее начале. Как приключившаяся горячка вначале не слишком возбуждает в больных жажду, а когда огонь ее возрастет и усилится, тогда производит неутолимую жажду, и если кто подаст им питья, то не утоляет, но еще более усиливает пламя, – так бывает и с этой страстью: если вначале, когда она вторгается в нашу душу, мы не остановим ее и не заключим двери, то, войдя, она причиняет неисцельную болезнь в принявших ее. Все ведь, и доброе и злое, чем долее остается в нас, тем становится сильнее.

5. То же можно видеть и во всем другом. Дерево, недавно посаженное в землю, исторгается легко, а укоренившееся в течение долгого времени – не легко, но с великим трудом; здание, недавно построенное, легко разрушается, если кто станет разрушать его, а долго стоявшее представляет

много затруднений для желающих разрушить его; и зверь, долго обитавший в каком-нибудь месте, не легко выгоняется оттуда. Потому увещеваю тех, которыми еще не овладела страсть, не предаваться ей, потому что легче воздержаться, нежели, предавшись, освободиться от нее; а тем, в которых она поселилась и произвела вред, обещаю надежду совершенного исцеления благодатью Божией, если они захотят принять врачевание. Если они представят себе людей, впавших в болезнь страсти, и потом освободившихся от нее, то получат добрую надежду на исцеление от болезни. Кто же впадал в эту болезнь и скоро освобождался от нее? Закхей (упоминаемый в Евангелии). Кто более мытаря пристрастен к деньгам? Но он внезапно сделался любомудрым и погасил в себе весь огонь (страсти) (Лк. XIX, 8). Также апостол Матфей: и он был мытарь и постоянно проводил жизнь в делах корыстолюбия; но внезапно оставил это пагубное занятие, истребил в себе жажду (корысти) и обратился к стяжанию духовному (Мф. IX, 9). Представляя их и подобных им людей, не предавайся отчаянию. Если захочешь, то и ты можешь скоро исцелиться. Если угодно, мы по примеру врачей предпишем тебе и подробные правила, как поступать. Прежде всего надобно не падать духом и не отчаиваться в своем спасении; потом – взирать не на одни только примеры людей исправившихся, но и погибших от страстей. Вспоминая о Закхее и Матфее, надобно представлять и Иуду, и Гиезия, и Ахара, и Ахава, и Ананию, и Сапфиру, чтобы примерами первых предохранить себя от отчаяния, а примерами последних истребить в себе нерадение и не допустить душу – оставаться невнимательной к предлагаемым увещаниям, но расположить себя – говорить то же, что говорили приступившие к Петру иудеи: *что сотворим, да спасемся* (Деян. II, 37), и услышать, что нужно делать. Что же нужно делать? Нужно знать, что вещи ничтожны, что богатство есть беглый и неблагодарный раб, что оно подвергает бесчисленным бедствиям владеющих им, и тому подобные истины постоянно повторять себе. Как врачи, для утешения больных, требующих себе холодного питья, уверяют их, что оно будет подано, упоминают об источнике, о сосуде, о потребном для того времени и о многом другом, – потому что если отка-

зать вдруг, то они могут прийти в гнев и бешенство, — так будем поступать и мы с корыстолюбцами. Если они скажут: мы хотим обогатиться, — не будем тотчас же говорить, что богатство есть зло, но согласимся и скажем, что и мы желаем им того же, но желаем в надлежащее время, — богатства истинного, доставляющего радости вечные, собираемого для них самих, а не для других и часто для врагов; обратим их внимание на правила любомудрия и скажем, что мы запрещаем не обогащаться, но обогащаться дурными способами; можно обогащаться, но без корыстолюбия, без грабительства и насилия, без худой молвы. Располагая их к себе такими словами, не будем еще говорить им о геенне, потому что больной сначала не может переносить этих напоминаний; а будем в рассуждениях своих касаться более предметов настоящих и говорить: для чего ты хочешь обогащаться несправедливо? Для того ли, чтобы другим собрать золото и серебро, а себе — бесчисленные укоризны и проклятия? Для того ли, чтобы ограбленный тобой терзался и мучился, имея нужду в необходимом, везде порицал тебя и при наступлении ночи ходил по площадям и всем переулкам, недоумевая и не зная, как провести ночь? И может ли он спать, когда терпит беспокойство от желудка, мучится бессонницей, терзается голодом, страдает часто от холода и дождя? Ты, вымывшись в бане, облекаешься в мягкие одежды и возвращаешься с радостью и весельем, поспешая к приготовленному роскошному ужину; а он, непрестанно гонимый холодом и голодом, ходит по всем площадям с поникшей головой, протягивая руки и даже от страха не смея напомнить сытому и покоящемуся о необходимой пище, а часто и отходит, осыпанный укоризнами. Потому, когда ты возвратишься домой, когда возляжешь на ложе, когда в доме твоем будет устроено блистательное освещение и приготовлена роскошная трапеза, вспомни об этом бедном и несчастном, который, подобно псам, ходит по переулкам во мраке и грязи, и возвращается оттуда часто не домой, не к жене, не на ложе, а на кучу сена, подобно псам, лающим всю ночь. Ты, если увидишь одну малую каплю, упавшую с кровли, то поднимаешь весь дом, гоняешь слуг, приводишь все в движение; а он, лежа в рубище на сене и в грязи, переносит страшный холод.

6. Какой зверь не будет поражен этими обстоятельствами? Кто так жесток и бесчеловечен, что и при этом не преклонится на милость? Но есть люди, дошедшие до такой жестокости, что говорят: они страдают достойно. Вместо того чтобы жалеть, плакать и облегчать несчастья, они безжалостно и бесчеловечно обвиняют их же самих. Хотел бы я спросить: почему они, скажи мне, страдают, достойно? Потому ли, что хотят есть, а не голодать? Нет, скажешь, но потому, что они проводят жизнь в праздности. А ты разве не проводишь времени в праздности и забавах? Или часто не предаешься такой деятельности, которая хуже всякого бездействия, занимаясь грабительством, насилием и любостяжанием? Лучше было бы, если бы и ты предавался такой же праздности, потому что такая праздность гораздо лучше любостяжания. Между тем ты нападаешь на чужие несчастья; не только проводишь время в праздности, не только предаешься деятельности, которая хуже бездействия, но еще обвиняешь несчастных. Будем же рассказывать им о чужих несчастьях, о преждевременных сиротствах, о заключенных в темницах, обижаемых в судилищах, о подвергающих опасности жизнь свою, о неожиданном вдовстве жен и внезапной нищете богачей, и этими страшными событиями трогать их душу. Рассказами о других мы внушим им бояться того же и за себя. Когда они услышат, что сын такого-то корыстолюбца и грабителя и жена такого-то, сделавшего множество несправедливостей, по смерти его, потерпели тысячи бедствий, потому что обиженные им приступили к жене и детям и сделали со всех сторон общее нападение на дом его, тогда всякий из них, хотя бы был самый нечувствительный, ожидая и себе таких же бедствий, опасаясь того же и за своих домашних, сделается благоразумнее. Жизнь наша исполнена подобных случаев, и у нас не будет недостатка в способах такого вразумления. Впрочем, сообщая все это, будем говорить не в виде увещания или совета, чтобы слова наши не показались неприятными, но в виде рассказа; от других предметов всегда будем склонять наш разговор также к этому предмету и как можно чаще предлагать такие рассказы, не позволяя останавливаться ни на чем, кроме следующего: как дом такого-то, бывший прежде богатым и

знатным, пал; как он запустел до того, что все, бывшее в нем, перешло в руки других; сколько судебных следствий, сколько дел ежедневно открывается по его имуществу; сколько рабов его одни сделались нищими, другие умерли в темнице. Все это будем рассказывать, выражая сожаление о покойнике и свое презрение к благам настоящим, чтобы и страхом и сожалением поразить жестокую душу их. Когда же увидим, что они тронуты этими рассказами, тогда наконец будем говорить с ними и о геенне; впрочем не как бы желая устрашить их, но выражая сожаление о других, скажем: что говорить о настоящем? – жизнь наша здесь не оканчивается; в будущем постигнет таких людей еще жесточайшее наказание, река огненная, червь ядовитый, мрак нескончаемый, мучения вечные. Вразумляя их такими рассказами, мы исправим и их и себя самих, скоро исцелим их от болезни и сами заслужим в день будущего суда похвалу от Бога, как говорит Павел: *и тогда похвала будет комуждо от Бога* (1 Кор. IV, 5). Похвала от людей ненадежна и часто проистекает не из доброго намерения; а похвала от Бога остается навсегда и сияет светло, потому что когда воздает похвалу ведущий все прежде исполнения и непричастный никакой страсти, тогда добродетель обнаруживается с несомненностью. Зная это, будем поступать так, чтобы нам заслужить похвалу от Бога и получить величайшие блага, которых и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XII

Сия же, братие, преобразих на себе и Аполлоса вас ради, да от нас научитеся не паче написанных мудрствовати (1 Кор. IV, 6)

1. Пока нужно было употреблять речь обличительную, (апостол) говорил прикровенно и беседовал с коринфянами так, как будто бы дело касалось его самого, – чтобы осуждающие, представляя достоинство лиц осуждаемых, не могли от обличений прийти в гнев; а когда нужно было смягчить укоризну, тогда он оставляет переносную речь и, разобла-

чив прикровенное, показывает лица, скрывавшиеся под именами Павла и Аполлоса. Потому и говорит: *сия же, братие, преобразих на себе и Аполлоса.* Как поступают с больными, когда например, больное дитя упрямится и не хочет принимать лекарств, предлагаемых врачами, тогда ухаживающие за ним приглашают отца или наставника и просят их взять из рук врача лекарство и поднести к дитяте, чтобы оно из страха к ним приняло и успокоилось, — так и Павел, обличая коринфян за других, как осуждаемых, так и чрезмерно превозносимых, не открыл самих лиц их, но употребил в речи имя свое и Аполлосово, чтобы из уважения к этим именам они приняли врачевание; а когда приняли, тогда наконец и открыл, о ком идет речь. Это — не притворство, а снисхождение и предусмотрительность. Если бы он прямо сказал: вы осуждаете святых и достопочтенных мужей, то они оскорбились бы и не стали бы слушать; а теперь, когда он сказал: *мне же не велико есть, да от вас истяжуся,* и еще: *кто есть Павел, кто же ли Аполлос?* то они скорее могли принять внушение. Потому он и сказал: *сия же преобразих на себе вас ради, да от нас научитеся не паче написанных мудрствовати,* выражая этим, что если бы он прямо стал говорит о тех мужах, то они не научились бы тому, чему следовало научиться, и не приняли бы вразумления, оскорбившись сказанным. А теперь, из уважения к Павлу и его спутнику, они скоро приняли обличение. Что значит: *не паче написанных мудрствовати?* В Писании сказано: *что видиши сучец, иже во оце брата твоего, бервна же, еже есть во оце твоем, не чуеши?* И еще: *не судите, да не судими будете* (Мф. VII, 3, 1). Если мы соединены между собой и составляем одно, то мы не должны восставать друг против друга. Также сказано: *смиряяйся вознесется* (Мф. XXIII, 12); и еще: *иже аще хощет первый из всех быти, да будет всем слуга* (Мк. X, 43, 44). Вот что написано! *Да не един по единому гордитеся на другаго.* Здесь он, оставив учителей, опять обличает учеников, потому что последние превозносили первых. Притом учители не скоро приняли бы такое внушение, потому что искали внешней славы и были ослеплены этой страстью; а ученики, не получая славы, но воздавая ее другим, скорее могли принять вразумление и были способнее своих начальников исцелиться от болезни. Действительно, и это — от гор-

дости, когда кто, не имея ничего у себя, превозносится другим. Как превозносящийся чужим богатством делает это от гордости, так и превозносящийся чужой славой. Потому справедливо (апостол) называет это *гордостию.*

Когда в теле один член делается выше других, то это не что иное, как болезненная опухоль, так как один член не иначе может подняться выше другого, как от воспаления. Так и в теле Церкви кто гордится и превозносится, тот находится в болезненном состоянии, потому что он поднимается выше общего соразмерного положения и, следовательно, подвергается болезненной опухоли. В теле это бывает тогда, когда накопляется какая-нибудь излишняя и вредная влага вместо обыкновенных питательных соков. Так и в душе рождается гордость, когда в нас входят чуждые помыслы. Видишь, как точно он выразился, сказав: *не гордитеся.* Гордость есть как бы воспалительная опухоль, наполненная вредными соками. Впрочем, говоря это, он не запрещает оказывать почтение, но осуждает почтение, соединенное с вредом. Ты хочешь оказать почтение такому-то? Не препятствую; но только бы без вреда другому. Не для того нам даны учители, чтобы мы восставали друг против друга, но чтобы все соединялись друг с другом. Военачальник поставляется над войском для того, чтобы из отдельных членов составить одно тело; если же он станет производить в войске разделение, то он более враг, нежели военачальник. *Кто бо тя разсуждает? Что бо имаши, егоже неси приял* (ст. 7)? Здесь, оставив подчиненных, он обращается к начальникам. А смысл слов его следующий: откуда известно, что ты достоин похвалы? Разве был суд? Разве произведено испытание, исследование, точное дознание? Ты не можешь сказать этого. Если же люди так рассудили, то суд не верен. Положим даже, что ты достоин похвалы, что ты действительно имеешь дарования и суд человеческий не ложен; и тогда тебе не следует высокомудрствовать. Ты ничего не имеешь от себя, но все получил от Бога. Почему представляешь себя имеющим то, чего не имеешь? А что ты имеешь, то же имеют и другие с тобой. Следовательно, ты получил не только то или другое, но все, что имеешь.

2. Достоинства твои не от тебя, но от благодати Божией. Укажешь ли на веру, — она от призвания; укажешь ли на

отпущение грехов, на дарования, на способность учительства, на добродетели, — все ты получил оттуда. Что же, скажи мне, ты имеешь такого, чего бы не получил, а достиг сам собой? Не можешь указать ни на что. Ты получил, и потому превозносишься? Поэтому следовало бы смиряться, так как данное принадлежит не тебе, но давшему. Если ты получил, то получил от Него; если получил от Него, то получил не свое, если получил не свое, то почему превозносишься, как бы имея все от себя самого? Потому (апостол) и присовокупил: *аще же и приял еси, что хвалишися, яко не приемь* (ст. 7)? Таким образом последовательно доказав свою мысль, он далее показывает, что еще многого недостает им, и говорит: если бы даже вы получили все, и тогда никак не следовало бы хвалиться, потому что все это не ваше; но вы теперь еще многого не имеете. И вначале он намекал на это, когда говорил: *не могох вам глаголати, яко духовным* (III, 1), и еще: *не судих ведети что в вас, точию Иисуса Христа, и сего распята* (II, 2); а здесь с укоризной внушает им это и говорит: *се сыти есте, уже обогатистеся* (ст. 8), то есть ни в чем более не нуждаетесь, сделались совершенными, достигли самой вершины, почитаете себя не требующими ничьего содействия — ни апостолов, ни учителей. *Уже сыти есте.* Не напрасно он употребляет слово: *уже,* но самым временем доказывает, как неосновательно и безрассудно их мнение. Он иронически говорит им: так скоро вы дошли до конца! Это не могло быть по самому времени; совершенство — в будущем; довольствоваться малым — это знак слабой души; при малом считать себя богатым свойственно душе болезненной и жалкой; благочестие ненасытимо; при начатках считать себя получившим все и только еще в начале дела — достигшим конца свойственно детскому рассудку. Последующими словами он укоряет их еще более. Именно, сказав: *уже сыти есте,* продолжает: *уже обогатистеся, без нас воцаристеся: и о дабы воцарилися есте, да и мы быхом с вами царствовали* (ст. 8)! Эти слова исполнены великой укоризны. Потому он и привел их в заключение после многих обличений. Вразумление тогда более уважается и скорее принимается, когда после обличений приводятся укоризны. Это может тронуть самую бесстыдную душу и поразить ее больше прямого обличения, и вместе с тем об-

легчить происходящую от обличения скорбь и досаду. Слова укоризны заключают в себе то удивительное свойство, что они производят вдруг два противоположных действия: наносят удар тяжелее прямого обличения и располагают обличаемого, несмотря на тягчайшее поражение, к большему терпению. *Без нас воцаристеся.* Сильная укоризна и учителям и ученикам! Здесь показывается и бесстыдство их и великое безумие. Смысл слов его следующий: в трудах у нас с вами все общее, а к наградам и венцам вы — первые. Впрочем, говорит, я не скорблю об этом; потому и присовокупляет: *и о дабы воцарилися есте!* А чтобы и эти слова не показались иронией, продолжает: *да и мы быхом с вами царствовали.* Тогда, говорит, и мы получили бы эти блага. Видишь ли, как он в одно и то же время выражает и укоризну, и попечение, и любомудрие? Посмотри, как он низлагает и гордость их последующими словами: *мню бо, яко Бог ны посланники последния яви, яко насмертники* (ст. 9). Опять великое обличение и укоризна заключаются в слове: *ны.* Но он не остановился на этом слове, а указал и на свое достоинство, чтобы сильнее вразумить их; *ны,* говорит, *посланники* . Тех, которые претерпели множество бедствий, посеяли проповедь благочестия, обратили вас к такому любомудрию, тех *Бог последния яви, яко насмертники,* то есть как бы осужденными на смерть. Сказав: *да и ми быхом с вами царствовали,* он смягчил силу речи; но, чтобы не сделать им послабления, опять продолжает речь еще более укоризненную и говорит: *мню бо, яко Бог ны посланники последния яви, яко насмертники.* Я вижу, говорит, и из ваших слов следует, что мы всех презреннее и осуждены терпеть постоянные бедствия; а вы уже мечтаете о царствии, о почестях и наградах. Желая еще более показать нелепость такого мнения и обличить крайнюю его неосновательность, не сказал просто: мы стали последними, но: *Бог ны последния яви.* Не остановился и на слове: *последния,* а присовокупил: *насмертники,* чтобы и самый неразумный мог видеть, как неосновательна мысль, заключающаяся в этих словах, как он огорчается ими и сильно укоряет их.

3. Посмотри на мудрость Павла. Чем он при настоящем случае выражает свое превосходство, важность и величие, тем самым обличает их, называя себя осужденным на

смерть. Вот что значит делать все в надлежащее время! Выражение – *насмертники* означает здесь осужденных на смерть и достойных всякого рода смерти. *Зане позор быхом миру и ангелом и человеком* (ст. 9). Что значит: *позор быхом миру?* Не в каком-нибудь углу, говорит, и не в малой части вселенной мы подвергаемся этому, но везде и при всех. А что значит: *и ангелом?* Иначе сказать: можно быть зрелищем для людей, но не для ангелов, когда совершаемое маловажно; а наши, говорит, подвиги таковы, что они достойны быть зрелищем и для ангелов. Смотри: чем по-видимому он унижает себя, тем же более возвышает; и чем они превозносились, тем же и доказывает их ничтожество. Быть безумным казалось хуже, нежели быть мудрым, также быть немощным – нежели быть крепким, быть бесчестным – нежели быть славным и знаменитым; и однако последнее он приписывает им, а первое усвояет себе, и тем доказывает, что первое лучше последнего, потому что обращает на себя взоры не только людей, но и сонмы ангелов. *Яко несть наша брань* с человеками только, но с бесплотными силами (Еф. VI, 12); потому и смотрит на нас великое множество зрителей. *Мы убо буи Христа ради, вы же мудри о Христе* (ст. 10). Этими словами он опять укоряет их и показывает, что столь противоположным качествам невозможно соединиться в одно и столь различным предметам невозможно быть вместе. Как можно, говорит, чтобы вы были мудры, а мы безумны в Христовых делах? Мы подвергаемся биению, презрению, бесчестью, и почитаемся ни за что, а вы пользуетесь честью и от многих почитаетесь разумными и мудрыми; но возможно ли, чтобы проповедующие одинаковое учение имели противоположные качества? *Мы немощни, вы же крепцы,* то есть нас гонят, преследуют, а вы наслаждаетесь спокойствием и великим уважением: но это несообразно с сущностью проповеди. *Вы славни, мы же безчестни.* Здесь он обращается к благородным и превозносившимся внешними достоинствами. *До нынешняго часа и алчем и жаждем, и наготуем, и страждем, и скитаемся, и труждаемся делающе своими руками* (ст. 11, 12), то есть я говорю не о давно бывших обстоятельствах, но о происходящем с нами в настоящее время; мы нисколько не заботимся о вещах человеческих и о внешней славе, но обраща-

ем наши взоры только к Богу. Точно так надобно всегда поступать и нам, потому что не ангелы только взирают на нас, но еще прежде них сам Заповедавший нам подвиги. Потому мы не имеем нужды в посторонних похвалах. Не довольствоваться Его вниманием, а обращаться за похвалами к подобным нам рабам – это значит оскорблять Его. Как борцы, действующие на малом зрелище, ищут большего, считая первое недостаточным для своего отличия, так и подвизающиеся в очах Божиих, а потом ищущие славы от людей, оставляя большее, домогаются меньшего, и тем навлекают на себя великое наказание. От того и низвратилось все, от того и произошло смятение во всей вселенной, что мы все делаем, взирая на людей; в делах добрых считаем ни за что благоволение Божие, но ищем одобрения от подобных нам рабов, и в делах злых также не смотрим на Него, но боимся людей. Между тем люди вместе с нами предстанут на суд и нисколько не помогут нам; а Бог, на которого мы теперь не обращаем внимания, произнесет Свой приговор над нами. Мы знаем это и, однако, не перестаем искать внимания людей: вот наш главный грех! Перед очами человеческими никто не решится прелюбодействовать, но, как бы сильно ни воспламеняла похоть, сила страсти побеждается стыдом человеческим; а перед очами Божиими не только совершают блуд и прелюбодеяние, но дерзали и дерзают и на другие грехи еще более тяжкие. Это уже одно разве не способно низвести на нас громы небесные? Но что я говорю о блуде и прелюбодеянии? Грехи гораздо более легкие делать перед людьми стыдимся, а перед Богом – нет. От того и произошло все зло, что в делах злых мы боимся не Бога, но людей; от того мы и избегаем дел добрых, которые не кажутся таковыми людям, что взираем не на сущность вещей, но на мнения других.

4. Точно так же мы поступаем касательно злых дел: не хорошее и не доброе само в себе, но кажущееся таким для людей, мы по привычке своей стараемся получить, как доброе, и таким образом совершенно развращаемся. Может быть, эти слова многим представляются неясными; потому необходимо пояснить их. Когда мы совершаем прелюбодеяние, – начнем с того, о чем уже было упомянуто, – тогда боимся больше людей, нежели Бога. Им мы подчиняем себя;

их делаем нашими владыками; и многого такого, что этим владыкам кажется худым, на самом деле и не худо, мы избегаем по той же причине. Так, например жить в бедности — многим кажется постыдным, и мы избегаем бедности, не потому, что она постыдна и не потому, что мы убеждены в этом, но потому, что владыкам нашим она кажется постыдной и мы боимся их. Еще, подвергаться бесчестью и презрению и не иметь никакой власти — многим также кажется весьма постыдным и жалким. Этого мы также избегаем, не вникая в дело, а следуя мнению наших владык. И касательно противоположных предметов мы поступаем с таким же для себя вредом. Быть богатым, знатным, славным и знаменитым кажется благом, и мы домогаемся этого, опять также не вникая в сущность предметов, действительно ли хороши они, но повинуясь мнению наших владык. Народ — наш владыка; толпа — наш строгий господин и жестокий тиран. Даже не нужно ему приказывать, чтобы мы слушались его; для нас довольно только знать, чего он хочет, и мы повинуемся без его приказания: так мы преданы ему! Бог ежедневно угрожает и вразумляет, — и Его не слушают; а беспорядочная и грубая толпа не имеет нужды даже приказывать, довольно лишь сказать, что ей нравится, — и мы тотчас во всем повинуемся. Как же, скажешь, избавиться от этих владык? Если будешь поступать благоразумнее их, если будешь вникать в сущность вещей, если не будешь взирать на мнение людей, если прежде всего приучишь себя — в делах действительно постыдных боятся не людей, а недремлющего Ока и в делах добрых ожидать венцов также от Него. Таким образом, и во всем прочем мы не будем зависеть от людей. Кто, делая добро, не считает их достойными судить об его добродетелях, но довольствуется судом Божиим, тот не будет обращать на них внимания и в делах противоположных. Но как, скажешь, достигнуть этого?

Размысли, что такое человек и что такое Бог, кого ты оставляешь и к кому прибегаешь, — и ты скоро всего достигнешь. Человек вместе с тобой подвержен тому же греху, тому же суду и наказанию; *человек суете уподобися* (Пс. CXLIII, 4), судит не верно и имеет нужду в высшем руководстве; человек — *земля и пепел* (Быт. XVIII, 27), и когда станет хвалить,

то часто хвалит не истинно, или из угождения, или из ненависти, а когда станет обвинять или порицать, то делает и это по тем же побуждениям. Но Бог не так; напротив, нелицеприятен приговор Его и чист суд Его. Следовало бы поэтому всегда прибегать к Нему, и не только поэтому, но и потому, что сам Он создал, наделил тебя больше всех и любит тебя больше, чем ты сам себя. Для чего же мы, оставляя дивного Мздовоздаятеля, прибегаем к человеку, который есть ничто, судит неверно и действует неправо? Называет ли тебя кто-нибудь злым и порочным, тогда как ты совершенно не таков? Ты лучше жалей о нем, плачь о том, что он развратился, и не смотри на его суждение, потому что ослеплены очи души его; и об апостолах говорили то же, но они не обращали внимания на клеветников своих. Называет ли он тебя добрым и честным? Если ты действительно таков, то не делайся нерадивым от этого отзыва; если же не таков, то тем более не обращай внимания и принимай это за насмешку. Хочешь ли знать, как суждения людей неправы, бесполезны, смешны и похожи на суждения бесноватых и сумасшедших, или грудных детей? Послушай, что было когда-то. Скажу тебе о суждениях не простого народа, но людей, почитавшихся мудрейшими, древних законодателей. Кто из людей может быть мудрее человека, признанного достойным писать законы городам и народам? И, однако, эти мудрецы не считали прелюбодеяние делом порочным и достойным наказания; ни один из внешних (языческих) законов не наказывал за это и не призывал виновного в судилище, а если бы кто из-за этого стал призывать, то народ осмеял бы его и судья не принял бы. Гадание у них также не подвергалось преследованию и никто у них не был наказываем за это. Пьянство и чревоугодие не только не было пороком, но еще у многих считалось добродетелью; на воинских пиршествах много состязались в этом между собой, и те, которым особенно нужно было иметь здравый ум в здравом теле, они-то особенно и предавались пьянству, расслабляя тело и помрачая душу; а из законодателей никто не полагал наказание за это преступление.

5. Что может быть хуже такого безумия? А ты домогаешься похвал от людей с такими наклонностями и не скрываешь-

ся. Если бы даже все они удивлялись тебе, и тогда не следовало ли бы стыдиться и удаляться, слыша суждения и рукоплескания от людей столь развратных? Также и богохульство у законодателей не считалось делом предосудительным; никто из богохульников не был призываем в судилище и наказываем. Кто украдет одежду или отрежет карман, тому терзают бока и часто даже наказывают смертью; а кто хулит Бога, тот не осуждается внешними (языческими) законодателями. Если кто совершит прелюбодеяние со служанкой, имея свою жену, это считается совершенно ничтожным и перед законами и перед людьми.

Хочешь ли слышать и о многом другом, доказывающем их безумие? Иного они не наказывают, а иное сами предписывают законом. Что же такое? Они учреждают зрелища, приводят туда толпы блудниц и блудодействующих мальчиков, оскорбляющих самую природу, помещают весь народ на местах возвышенных и таким образом как бы оживляют город и прославляют великих царей, которым удивляются при торжествах и победах. Что постыднее такой чести? Что неприятнее такого удовольствия? И от таких людей ты домогаешься похвал за дела свои? Неужели, скажи мне, ты хочешь слышать похвалы наравне с плясунами, развратниками, шутами и блудницами? Не знак ли это крайнего безумия? Хотел бы я сказать им: хорошо ли – извращать законы природы и допускать беззаконные связи? Без сомнения они ответят: не хорошо; и сами по-видимому наказывают это преступление. Для чего же ты выводишь на сцену людей развратных, и не только выводишь, но и награждаешь бесчисленными и невыразимыми подарками? В другом месте ты наказываешь дерзающих совершать эти дела, а здесь расточаешь на них деньги, как на общих благодетелей города, и питаешь их на счет общественных сумм. Но, скажешь, они считаются бесчестными. Для чего же ты воспитываешь их? Для чего через бесчестных хочешь воздавать честь царям? Для чего наносишь вред городу? Для чего издерживаешь на них такие суммы? Если они бесчестны, то следовало бы прогнать их, как бесчестных. Чем ты обыкновенно сопровождаешь бесчестие: похвалами или порицанием? Конечно, порицанием. Почему же, презирая их, как бесчестных, ты

бежишь смотреть на них, как на достойных чести, удивляешься им, восхищаешься и рукоплещешь? А что еще сказать о забавах на конских ристалищах и на звериных травлях? они сопровождаются всякими бесчинствами, научают народ быть всегда жестоким, безжалостным и бесчеловечным, приучают смотреть на терзаемых людей, на проливаемую кровь и на буйство зверей, ничем неудержимое. Мудрые древние законодатели ввели все эти недуги, а граждане рукоплещут и удивляются. Впрочем, если хочешь, оставим эти дела, которые прямо и явно безнравственны, хотя и не считались такими у языческих законодателей; перейдем к постановлениям достоуважаемым, и увидим, как и к ним примешались злоупотребления по неразумению людей. Брак считается делом честным и у нас и у язычников; и действительно он честен, но при совершении браков делается много смешного, как сейчас услышите. Многие, следуя обычаю и жертвуя ему умом своим, даже не замечают нелепости всего этого, но еще обращаются к другим за наставлениями. Здесь бывают и хороводы, и кимвалы, и свирели, и бесстыдные речи, и срамные песни, и пьянство, и неприличные шутки, и всякое диавольское бесчинство. Знаю, что я могу показаться смешным, порицая это, и быть принят людьми за безумного, восставая на старые обычаи, так как велика сила привычки, как я говорил и прежде; но, несмотря на то, не перестану говорить об этом. Может быть, и вероятно будет, что если не все, то по крайней мере немногие выслушают нас, и согласятся лучше быть осмеянными вместе с нами, нежели вместе с другими смеяться над нами смехом, достойным слез, всякого порицания и наказания. В самом деле, не достойно ли крайнего осуждения, когда девица, всегда пребывавшая во внутреннем покое и научившаяся стыдливости с детского возраста, вдруг принуждается оставить всякий стыд, в начале брака научается бесстыдству и выводится на середину в круг людей бесчестных и безнравственных, блудников и развратников? Какое зло не посеется в душе невесты с того дня? Бесстыдство, дерзость, неуважительность, тщеславие; она захочет проводить так же и все будущие дни. От того бывают жены небережливые и расточительные; от того в них бесчисленное множество

зол. Не говори мне об обычае. Если это – дело порочное, то пусть оно не бывает и однажды; если же – доброе, то пусть будет постоянно. Блуд, скажи мне, не есть ли дело порочное? Извиним ли мы, если он будет совершен хотя однажды? Отнюдь нет. Почему? Потому что, хотя бы он был совершен однажды, он всегда порок. Точно так и веселье невесты, если оно порочно, не должно быть и однажды; если же не порочно, то пусть будет постоянно.

6. Как, скажешь, ты позоришь брак? Да не будет! Не брак я осуждаю, но зло, прившедшее к браку, притирания, украшения и все прочие излишества. Подлинно, многие влюбятся в невесту в тот день еще прежде будущего ее супруга. Но, скажешь, многие будут и удивляться женской красоте ее. Что же из этого? Если она целомудренна, то с трудом избегнет дурного подозрения; если же неблагоразумна, то скоро будет уловлена, по случаю беспутств того дня. Столько здесь бывает зла, и несмотря на то, если его не будет, то люди, которые не лучше животных, считают это позором и находят неприличным, чтобы невеста не являлась перед всеми и не представляла общего позорища для любопытных. Между тем следовало бы считать позорным, смешным и неприличным то, что бывает. Знаю и теперь, что за это будут осуждать меня, называть неразумным и смешным; но я перенесу насмешки, только бы произошла отсюда какая-нибудь польза. Да, я был бы достоин осмеяния, если бы, научая презирать мнения людей, сам прежде других впал в болезнь тщеславия. А вот что следует далее: не только днем, но и вечером мужчины пьянствуют и, одуревшие и разгорячившиеся от пьянства, приготовляются смотреть на красоту девичьего лица: и не в доме только пируют, но выходят и на площади, провожая ее в глубокую ночь с факелами, так чтобы все видели ее, и тем внушая не что иное, как то, что здесь надобно оставить всякий стыд. Не останавливаются и на этом, но ведут ее со срамными речами; такой обычай у многих обратился в закон. Бродяги, негодяи и развратники в бесчисленном множестве смело говорят все, что вздумают, как ей, так и будущему ее супругу; здесь ничего не делается скромно, но все с бесстыдством. Какой же добрый урок целомудрия получит невеста, видя и слыша все это? Бывает

даже какое-то диавольское соревнование приглашенных – превзойти друг друга искусством позорного и срамного красноречия, которым они пристыжают присутствующих, и те из них уходят победителями, которые более других наговорили позорного и срамного. Знаю, что слова мои неприятны, тяжелы и несносны, потому что направлены как бы против приятностей жизни; но о том я и жалею, что неприятное стало считаться чем-то приятным. Не неприятно ли, скажи мне, подвергаться оскорблению, поруганию и бесчестью от всех вместе со своей невестой? Если кто один на площади скажет что-нибудь худое о твоей супруге, ты крайне огорчаешься и считаешь жизнь не в жизнь; а когда бесчинствуешь в присутствии целого города вместе с будущей супругой, то радуешься и восхищаешься. Не безумно ли это? Но таков, скажешь, обычай. Это-то особенно и достойно слез, что диавол ввел такой обычай. Так как брак – дело честное, служащее к продолжению человеческого рода и доставляющее много благ, то лукавый, снедаясь завистью и зная, что брак предохраняет от прелюбодеяния, вводит другим путем всякое прелюбодеяние. Действительно, многие девы в таких собраниях подвергались посрамлению; если же это бывает не всегда, то для диавола довольно и одних срамных речей и песен, чтобы опозорить невесту и обесславить жениха среди площади. Далее, так как все это бывает вечером, то, чтобы мрак не покрывал зла, зажигаются факелы, не допускающие скрыться бесстыдству. Что значит это великое скопище? Что – это пьянство? Что – эти свирели? Не очевидно ли, что они служат к тому, чтобы находящиеся в домах и погруженные в глубокий сон узнали об этом, пробудились от звуков свирели и, высунувшись за перила, были свидетелями этой комедии? Что сказать о самих песнях, которые исполнены крайней безнравственности, изображают безумную любовь, беззаконные связи, низвращения семейных уз и бесчисленные трагедии, беспрестанно повторяют названия любовника и влюбленного, влюбленной и любовницы? А что всего хуже, и девы, оставив всякий стыд, находятся при этом в честь невесты или, лучше, к ее бесчестью и подвергают опасности свое спасение, занимаясь среди развратных юношей бесчинными песнями, срамными

речами, сатанинским весельем. И после этого ты спрашиваешь: отчего бывает распутство, отчего – прелюбодеяния, отчего – распадения браков? Но, скажешь, это делают неблагородные и нечестные девы. Что ты смеешься надо мной, зная сам прежде меня этот обычай? Если совершаемое здесь хорошо, то пусть и те делают то же самое; а если не хорошо, то бедные, потому только, что они бедны, разве также не девы, разве и им не следует хранить целомудрие? А ныне, когда дева пляшет среди общего собрания развратных юношей, не кажется ли она, скажи мне, бесчестнее блудницы? Если же скажешь, что это делают служанки, то и в таком случае я не могу не осуждать тебя, потому что это непозволительно и им.

7. Все зло происходит от того, что мы нисколько не заботимся о своих домашних; чтобы выразить презрение, довольно сказать, что он – раб, или она – служанка, хотя мы ежедневно слышим: о *Христе Иисусе несть раб, ни свободь* (Гал. IV, 28). Ты не оставляешь без своего попечения ни коня, ни осла, но употребляешь все меры, чтобы они не были дурными; почему же презираешь рабов, которые имеют одинаковую с тобой душу? И что я говорю о рабах, когда ты не заботишься и о сыновьях и о дочерях? Что же выходит? По необходимости скоро приходится испытывать скорбь, когда все они ведут себя беспорядочно; а нередко и состояние подвергается величайшему расстройству, потому что в толпе и шуме тратится много золота и драгоценностей. Потом после брака, если родится дитя, опять мы видим то же безумие, видим множество символических действий, достойных смеха. Когда нужно наречь имя младенцу, то, еще не называя его именем святого, как древние делали прежде всего, но засветив светильники и дав им различные названия, называют младенца именем того, который прогорит дольше всех, предполагая, что дитя от того проживет долее. Потом, если с ним приключится смерть (как часто случается), то следует множество смешных действий, внушенных диаволом, который играет людьми, как неразумными детьми.

Говорить ли о перевязках, о погремушках, привешиваемых к руке, о красной пряже и о многом другом, доказывающем великое безумие, тогда как не следует возлагать на мла-

денца ничего другого, кроме спасительного креста? Между тем ныне крест, обративший всю вселенную, поразивший диавола и ниспровергший всю силу его, остается в пренебрежении; а ткани, пряже и другим подобным привескам вверяется безопасность младенца. Сказать ли нечно еще более смешное? Никто пусть не укоряет нас в непристойности, если слово наше касается таких предметов. Кто хочет очистить гнилые наросты, тот не отказывается наперед запачкать свои руки. Что же это такое смешное? Это считается пустяком, — о чем я и жалею, — но доказывает нерассудительность и крайнее безумие. Женщины, кормилицы и служанки берут в бане грязь и, обмакнув в нее палец, помазывают чело младенца; если кто спросит: что значит эта грязь, это брение? — то говорят: она предохраняет от дурного глаза, от зависти и ненависти. Увы! Грязи и брению приписывают такую способность и такую силу — разрушать всякие козни диавола! Не стыдно ли вам, скажите мне? Поймете ли вы когданибудь, как диавол с раннего возраста человека мало-помалу раскидывает свои сети и употребляет свои хитрые уловки? Если грязь производит такие действия, то почему не помазываешь ей своего чела ты, достигший возмужалого возраста и имеющий у себя завистников более младенца? Почему не помазываешь грязью всего тела? Если она на челе имеет такую силу, то почему бы тебе не намазать грязью всего себя? Смешное и забавное внушение сатаны, впрочем, не смеху только, но и геенне подвергающее обольщаемых! Если это делается у язычников, то нисколько не удивительно; а когда поклоняющиеся кресту, приобщающиеся неизреченных таинств и достигшие любомудрия держатся таких постыдных обычаев, это — достойно многих слез. Бог удостоил тебя духовного мира, а ты пачкаешь младенца грязью? Бог почтил тебя, а ты сам себя бесчестишь? Следовало бы изображать на челе крест, сообщающий непреоборимую безопасность, а ты, оставив его, впадаешь в сатанинское безумие? Если кому это кажется маловажным, тот пусть знает, что это ведет к великому злу, и что Павел не считал подобных предметов маловажными и не оставлял их без внимания. Что может быть, скажи мне, маловажнее, как покрывать человеку свою голову? Однако, смотри, какое он оказывает об

этом попечение и с какой силой обличает (молящихся с покрытой головой); выражая, между прочим, что они *срамляют главу свою* (1 Кор. XI, 4). Если же покрывающийся бесчестит свою голову, то помазывающий грязью не делает ли младенца отвратительным? Как он, скажи мне, подведет его к рукам священника? Как священник удостоит запечатлеть рукой чело его, которое ты помазал грязью? Нет, братие, не делайте этого; но с самого первого возраста ограждайте детей духовным оружием и научайте их запечатлевать рукой чело, а прежде, нежели они будут в состоянии делать это своей рукой, вы сами изображайте на них крест.

Говорить ли о других сатанинских предрассудках при беременности и родах, которые поддерживаются повивальными бабками на пагубу собственной их головы, о предрассудках при смерти и выносе каждого, о стонах и бессмысленных воплях, о безумных действиях на гробах и попечении о надгробных памятниках, о неблаговременном и смешном скоплении плачущих женщин, о предрассудках касательно дней, входов и выходов? И от них, скажи мне, ты ищешь прославления? Не крайне ли безумно – искать славы у людей, которые так неправы в своих мнениях и все делают зря, вместо того чтобы постоянно прибегать к недремлющему Оку, делать и говорить все с мыслью об Его суде? Если будут хвалить нас люди, то не принесут нам никакой пользы; а если Ему будут угодны дела наши, то Он и здесь прославит нас и в будущий день удостоит неизреченных благ, которых и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIII

Мы буи Христа ради (необходимо опять отсюда начать слово), вы же мудри о Христе: мы немощни, вы же крепцы: вы славни, мы же безчестни (1 Кор. V, 10)

1. Высказав множество укоризн, которые поражают больше всякого обличения, апостол говорит здесь о том же с свойственным ему достоинством. Сказав: *без нас воцаристеся*, и: *Бог ны последния яви яко насмертники*, далее он показыва-

ет, каким образом они действительно осуждены на смерть, и говорит: *мы буи и немощни, и безчестни, и алчем и жаждем, и наготуем, и страждем, и скитаемся, и труждаемся делающе своими руками* (ст. 11), что и было признаком истинных учителей и апостолов. Но коринфские учители хвалились противоположным: мудростью, славой, богатством, почестями. Потому, желая низложить гордость их и показать, что не только не следует хвалиться этим, но еще следует стыдиться, он наперед посмеивается над ними и говорит: *без нас воцаристеся.* Я возвещаю, говорит он, что настоящее время не есть время почестей и славы, которыми вы наслаждаетесь, но гонений и скорбей, которые мы претерпеваем. Если же это несправедливо, а, напротив, настоящее время есть время воздаяний, – здесь он говорит иронически, – то вы, ученики, уже царствуете, как я вижу, а мы, учители и апостолы, которым следовало бы прежде всех получить награду, не только стали последними перед вами, но и насмертниками, то есть осужденными на смерть, постоянно проводя жизнь в бесчестии, голоде и опасностях, претерпевая оскорбления, как безумные, и гонимые, и подвергаясь невыносимым бедствиям. Говорит это для того, чтобы такими внушениями убедить их, что они должны подражать апостолам, предпочитать опасности и скорби почестям и славе, потому что проповедь обещает не первое, а последнее. Впрочем, говорит это не прямо, чтобы слова его не показались им слишком тяжкими, но как ему прилично было, так и делает это внушение. Если бы он стал говорить прямо, то сказал бы так: вы заблуждаетесь и обманываетесь и далеко отстали от апостольского учения, потому что апостолу и служителю Христову следует почитаться безумным и проводить жизнь в скорби и бесчестии, как происходит с нами; а вы живете напротив. Но в таком случае слова его скорее показались бы им пристрастными, как, заключающие похвалу апостолам, и произвели бы в них еще большую дерзость, как обличаемых в нерадении, тщеславии и невоздержании. Потому он и употребляет не такой образ речи, а другой, более разительный, но не оскорбительный; продолжает речь ироническую и говорит: *вы же крепцы, и славни.* Если бы он не употребил иронии, то сказал бы так: нельзя называться одному безум-

ным, другому мудрым, одному крепким, другому немощным; проповедь не требует ни того, ни другого. Если бы позволительно было называться одному так, а другому иначе, то проповедуемое вами, быть может, имело бы какое-нибудь основание; но теперь не позволительно ни почитаться мудрым или славным, ни быть свободным от опасностей. Если это несправедливо, то, значит, Бог предпочел вас нам, учеников – учителям, претерпевшим бесчисленные бедствия. Если же этого никто сказать не может, то остается вам подражать нашему образу жизни. И пусть не подумает кто-нибудь, говорит, что я говорю только о прошедшем; нет, *до нынешняго бо часа и алчем и жаждем и наготуем*. Видишь ли, что такова должна быть вся жизнь христиан, а не один или два дня? Так и из борцов кто увенчан за победу в одной только борьбе, тот не удостаивается вновь венца, если падет (в другой борьбе). *И алчем*, говорит против невоздержных; *и страждем* – против высокомерных; *и скитаемся* – против покоящихся; *и наготуем* – против богатых; *и труждаемся* – против лжеапостолов, которые не хотели ни трудиться, ни подвергаться опасностям, но заботились о собственных выгодах. А мы не так, говорит, но при внешних опасностях еще предаемся постоянным трудам; и, что еще выше, никто не может сказать, чтобы мы негодовали на это или обвиняли гонителей; напротив, мы воздаем оскорбителям нашим добром за зло. Ведь не то важно, чтобы страдать, – это общая участь всех, – но чтобы страдая не роптать и не досадовать.

2. Мы же не только не досадуем, говорит, но и радуемся. Доказательством служит то, что делающим зло мы воздаем добром. А что они действительно так поступали, послушай далее: *укоряеми благословляем, гоними терпим, хулими молим: яко же отреби миру быхом* (ст. 12, 13), то есть *буи Христа ради*, потому что кто терпит зло, и не мстит и не гневается, тот у внешних (язычников) почитается безумным, бесчестным и слабым. А чтобы слова его не были слишком тяжкими для них, если бы он приписал свои страдания их городу, – что он говорит? *Отреби*, говорит, не вашему городу, но *миру быхом;* и еще: *всем попраше*, не вам только, но всем. Как, беседуя о любви Христовой, он не упоминает о земле, о небе, о всех тварях, но указывает на крест, так и здесь, желая располо-

жить их к себе, умалчивает о знамениях и говорит о своих страданиях за них. Подобным образом поступаем и мы: когда какие-нибудь люди обижают или презирают нас, мы обыкновенно представляем им то, что претерпели за них. *Всем попрание доселе.* В заключение наносит сильный удар. *Всем,* не гонителям, говорит, но тем, за кого страдаем, то есть и к ним я питаю великую благодарность. Вот слова души глубоко чувствующей, впрочем, не огорчающейся, но желающей тронуть других! Хотя он мог укорить их во многом, но вместо того приветствовал. Так и Христос повелевает нам кротко переносить обиды, чтобы и сами мы научились любомудрию и других лучше вразумляли, потому что не оскорбляющий, а молчаливо переносящий обиды скорее достигает этого. Видя затем, что нанес тяжкую рану, он тотчас же врачует ее, продолжая: *не срамляя вас сия пишу, но якоже чада моя возлюбленная наказую* (ст. 14). Не для того, говорит, я сказываю вам это, чтобы пристыдить вас. О том, что уже сделано словами его, говорит, что он не делал; или лучше – говорит, что сделал это, но не с худым и ненавистным намерением; это – прекрасный способ врачевания – сказав слово, оправдывать его намерением. А не говорить невозможно было, потому что иначе они остались бы неисправленными; и, сказав, оставить рану без врачевания, также было бы опасно; потому он после обличения оправдывается. Это не только не уничтожает действия врачевства, но еще глубже внедряет его и между тем утоляет всю боль раны; слышащий, что это говорится не с огорчением, но с любовью, скорее принимает вразумление. Впрочем, и здесь великое обличение и укоризна. Говорит не как учитель, не как апостол, не как имеющий учеников, – что выражало бы достоинство, – но: *якоже чада моя возлюбленная наказую;* не просто: *чада,* но и: *возлюбленная.* Простите мне, говорит; если сказано что-нибудь неприятное, то это произошло от любви. Не сказал: обличаю, но: *наказую* (вразумляю). Кто не стал бы слушать отца, сетующего и предлагающего полезные советы? Потому сказал это не прежде, но когда уже нанес удар. Но, скажут, разве другие учители не любят нас? Я не говорю этого, но они не столько любят. Для краткости он не объяснил этого, но указал на это занятиями и названиями, употребив

слова: пестун и отец. *Аще бо и многи,* говорит, *пестуны имате о Христе, но не многи отцы* (ст. 15). Здесь он указывает не на достоинство свое, но на преизбыток любви; не укоряет их, присовокупив: *о Христе,* но утешает, назвав не льстецами, но *пестунами* тех, которые принимают на себя заботы и труды; также выразил и свое попечение. Потому не сказал: не многи учители, но: *не отцы.* Таким образом он не хотел ни указывать им на свое достоинство, ни напоминать, как много они получили от него пользы, но, согласившись, что и другие учители много потрудились для них, – а таково свойство пестуна, – преизбыток любви усвояет себе, так как это свойство отца. И не говорит только, что никто так не любит их, как он, – это было бы недоказательно, – но указывает и на самое дело. Какое? *О Христе бо Иисусе благовествованием аз вы родих. О Христе Иисусе: я,* говорит, не приписываю этого себе самому. Опять намекает на тех, которые присвояли учение себе самим. *Печать бо,* говорит, *моего апостольства вы есте* (1 Кор. IX, 2); и еще: *аз насадих* (III, 6); а здесь: *аз родих.* Не сказал: я возвестил слово, но: *аз родих,* употребив выражение близкое к природе, так как он старался об одном, как бы выразить любовь, которую питал к ним. Те, приняв от меня, воспитали вас; а то, что вы стали верующими, произошло через меня. Сказав им: *якоже чада,* и желая показать, что это не слово лести, он указывает на дело. *Молю же вас, подобни мне бывайте, якоже аз Христу* (ст. 16). О, какое дерзновение учителя! Каким верным он был образом (Христа), если и другим указывает на это! Впрочем, здесь он не превозносит себя, но показывает легкость добродетели.

3. Не говори: я не могу подражать тебе; ты – учитель, и великий учитель. Не такое расстояние между мной и вами, какое между мной и Христом, и однако я подражал Ему. Когда он пишет к эфесеям, то не предлагает в посредники себя самого, но прямо руководит всех их к Нему: *бывайте,* говорит, *подражатели Богу* (Еф. V, 1); а здесь, так как обращал речь свою к немощным, представляет посредствующим себя самого. С другой стороны, показывает, что и таким образом можно подражать Христу. Кто подражает верному образу, тот подражает первообразу. Посмотрим же, как он подражал Христу. Это подражание не требует ни времени,

ни искусства, но одного желания. Войдя в мастерскую живописца, мы не в состоянии подражать его картине, хотя бы тысячу раз смотрели на нее; а Христу можно подражать даже по одному слуху. Итак, хотите ли, я покажу вам картину, изобразив перед вами жизнь Павла? Представьте картину, которая гораздо лучше царских изображений. Основание ее – не склеенные доски и не натянутое полотно, а дело Божие служит ей основанием; это – душа и тело. Душа есть творение Бога, а не людей; равно также и тело. Вы рукоплещете? Но теперь не время рукоплесканий, а после можете и рукоплескать и подражать. Таким образом основанием этой картины служит вещество общее для всех. Душа от души нисколько не отличается, как душа, но от желания зависит их различие. Как тело от тела нисколько не отличается, как тело, но оно одинаково у Павла и у всех других, и только подвиги делают одно чище другого, так надобно думать и о душе. Итак, представим картину – душу Павла. Эта картина была прежде закоптевшая и покрытая паутинами, – ничего ведь нет хуже вражды против Бога, – но когда пришел Преобразующий все и увидел, что она имеет такой вид не по лености и нерадению, а по неведению и по тому, что не имеет цветов благочестия, – он ведь имел ревность, но красок не имел, потому что имел ревность не по разуму, – то сообщил ей цвет истины, то есть благодать, и тотчас же сделал ее царским изображением. Он, приняв краски и узнав то, чего не знал, не терял времени, но тотчас же стал превосходным художником. И, во-первых, глава его явилась царской, когда он проповедовал Христа; затем и все тело стало таким же, по строгости жизни. Живописцы, заключившись у себя дома, исполняют свое дело с великим тщанием и безмолвием и никому не отворяют двери; а он, выставив картину среди вселенной, где все противились ему, возмущались и беспокоили его, довершал здесь это царское изображение и не смотрел на препятствия. Потому и говорил: *позор быхом миру* (1 Кор. IV, 9), на земле и на море, для неба и всей вселенной, для мира чувственного и духовного, – и между тем живописал свою картину. Хотите ли видеть и прочие ее части, начиная с головы? Или хотите, чтобы мы начали исчисление снизу? Посмотри же на эту статую из золота, или

еще драгоценнейшую золота и достойную стоять на небе, не спаянную оловом и не прикрепленную к одному месту, но пробегающую от Иерусалима до Иллирика, достигающую Испании и как бы на крыльях носящуюся по всей вселенной. Что может быть прекраснее этих ног, прошедших всю лежащую под солнцем землю? О красоте их и пророк предвозвестил, когда сказал: *коль красны ноги благовествующих мир* (Ис. LII, 7)! Видишь ли, как прекрасны ноги его? Хочешь ли видеть грудь? Приди, я покажу тебе и ее, и ты увидишь, что она светлее прекрасных ног его и даже самой груди древнего законодателя. Моисей держал каменные скрижали, а он имел внутри самого Христа, носил в себе образ самого Царя и очистилища; потому был честнее херувимов. Не такой голос оттуда исходил, какой отсюда; там беседа касалась большей частью предметов чувственных, а язык Павла возвещал о предметах, превышающих небеса; от очистилища произносились вещания к одним только иудеям, а от него – к целой вселенной; там – через вещи бездушные, а здесь – через добродетельную душу.

4. Он был очистилищем, светлейшим неба, сияющим не разнообразием звезд и не лучами солнечными, но имеющим внутри себя самое Солнце правды, изливавшее оттуда лучи свои. На это (чувственное) небо иногда находит облако и потемняет его, а на грудь Павла не находила никогда никакая подобная непогода, или лучше, многие непогоды и часто находили на него, но не помрачали света его, а, напротив, этот свет блистал среди искушений и опасностей. Потому он, находясь сам в узах, восклицал: *слово Божие не вяжется* (2 Тим. II, 9). Так всегда язык его изливал лучи и ни страх, ни опасность не помрачали груди его. Эта грудь, по-видимому, была превосходнее ног его; но и они так же превосходны, как ноги, и она – как грудь. Хочешь ли видеть, как прекрасен и желудок его? Послушай, что он сам говорит о нем: *аще брашно соблазняет брата моего, не имам ясти мяса во веки* (1 Кор, VI, 13). Хорошее дело не есть мяса, не пить вина и не употреблять ничего такого, чем брат твой оскорбляется, соблазняется или смущается. *Брашно чреву и чрево брашном* (1 Кор. VI, 13). Что может быть и прекраснее этого желудка, приученного к такому воздержанию, хранившего всякое

целомудрие, умевшего поститься, алкать и жаждать? Как хорошо обученный конь, управляемый золотой уздой, так и он выступал стройно, побеждая требования природы, потому что в нем выступал Христос. А при таком целомудрии, очевидно, исчезало и всякое другое зло. Хочешь ли видеть и руки его, каковы они ныне? Или хочешь видеть, как худы они были прежде? Прежде он входил в дома и влачил (в темницу) мужей и жен, как бы имея руки не человека, но какого-нибудь дикого зверя (Деян. VIII, 3); а когда принял цветы истины и достиг духовной опытности, тогда эти руки были уже не человеческие, но духовные, имевшие на себе узы каждый день; они уже не наносили ударов никому и никогда, но сами тысячу раз подвергались ударам. Этих рук даже устыдилась некогда ехидна; они были уже не человеческие руки; поэтому она и не причинила им вреда (Деян. XXVIII, 3–6). Хочешь ли видеть плечи его, столь же прекрасные, как и прочие члены? Послушай, что он сам говорит о них: *от Иудей пятькраты четыредесять разве единыя приях, трищи палицами биен бых, единою каменми наметан бых, трикраты корабль опровержеся со мною, нощь и день во глубине сотворих* (2 Кор. XI, 24, 25). Но чтобы и нам не погрузиться в беспредельную глубину и не слишком распространить речь свою, перечисляя все члены его порознь, оставим тело его и обратим взоры на другую красоту, — на красоту одежд его, которых боялись злые духи и потому бежали от них, от которых исцелялись и болезни (Деян. XIX, 12). Где ни являлся Павел, все уступало и покорялось ему, как бы победителю вселенной. Подобно тому, как получившие на войне множество ран, увидев оружие нанесшего им раны, трепещут, так и злые духи, увидев только полотенца его, отступали. Где теперь богатые и гордящиеся своим имуществом? Где исчисляющие свои достоинства и драгоценные одежды? Сравнив себя с Павлом, они увидят, что все их сокровища — грязь и помет. И что я говорю об одеждах и золотых вещах? Если бы кто предложил мне во власть целую вселенную, то один ноготь Павла я почел бы важнее такой власти, бедность его выше всякой роскоши, бесчестье — всякой чести, наготу — всякого богатства, заушение священной его главы — всякого удовольствия, брошенные в него камни — всякой диадемы. Будем и мы, воз-

любленные, желать себе такого же венца; и хотя теперь нет гонения, однако будем приготовлять себя к тому. И он сделался славным мужем не от одних гонений: *порабощаю тело мое,* говорил он (1 Кор. IX, 27); а это можно делать и без гонений. Также *плотоугодия,* увещевал он, *не творите в похоти* (Рим. XIII, 14); и еще: *имеюще пищу и одежду, сими доволни будем* (1 Тим. VI, 8); а для этого не нужно гонений. Богатых же он вразумляет так: *хотящии богатетися впадают в напасти* (1 Тим. VI, 9). Потому если мы будем таким образом упражняться и подвизаться, то будем увенчаны и, хотя бы и не было гонения, получим за то великие награды; а если станем утучнять тело свое и проводить жизнь свойственную свиньям, то и во время мира впадем во многие грехи и подвергнемся стыду. Разве ты не знаешь, с кем у нас брань? С силами бестелесными (Еф. VI, 12). Как же мы одолеем их, будучи плотскими? Если сражающийся против людей имеет нужду в благоразумном воздержании, то тем более – против злых духов. Если же мы при своей тучности будем еще привязаны к богатству, то как одолеем этих противников? Богатство – это узы, тяжкие узы для не умеющих пользоваться им, это жестокий бесчеловечный тиран, направляющий все к погибели раболепствующих ему. Но если мы захотим, то можем низвергнуть с престола тяжелую власть этого тирана и заставить его повиноваться нам, а не повелевать нами. Каким же образом? Если будем разделять свое богатство всем. Доколе оно находится наедине с нами, то, как бы какой разбойник в пустыне, причиняет всякого рода зло; а когда мы выводим его в общество людей, то оно уже не может повелевать нами, потому что тогда все со всех сторон обуздывают его.

5. Не то я говорю, чтобы иметь богатство было грешно, грех – не разделять его бедным и худо пользоваться им. Бог не сотворил ничего худого, но *вся добра зело* (Быт. 1, 31); следовательно и богатство – добро, но тогда, когда оно не завладевает имеющими его, когда оно избавляет ближних от бедности. Как свет не был бы добром, если бы не прогонял мрака, но еще увеличивал его, так и богатство я не назову добром, если оно не избавляет от бедности, но умножает бедность. Богат тот, кто не нуждается брать у других, но сам помогает другим; а кто старается брать у других, тот не бо-

гат, но беден. Таким образом, не богатство есть зло, а бедственное настроение души, обращающее богатство в бедность. Такие люди несчастнее просящих (милостыню) в переулках, слепых и увечных; облекаясь в шелковые и светлые одежды, они презреннее одетых в рубища; выступая гордо на торжище, они беднее скитающихся по перекресткам, входящих во дворы и там вопиющих и просящих помощи. Эти последние прославляют Бога и изрекают слова милости и великого любомудрия; потому мы и оказываем им сострадание, простираем руку (помощи) и никогда не осуждаем. А недобрые богачи изрыгают слова жестокости и бесчеловечия, любостяжания и сатанинских похотей; потому они для всех ненавистны и смешны. Посмотри, что у всех людей считается постыдным — от богатых ли брать или от бедных? Конечно, от бедных. А это и делают богатые, которые никогда не пойдут к более богатым. Бедные же берут от богатых; нищий не станет просить у нищего, но у того, кто достаточнее его; а богатый требует от бедного. Притом, скажи мне, что почтеннее — брать ли от дающих добровольно и расположенных к тому, или требовать и вынуждать нежелающих? Конечно, не вынуждать нежелающих. А богатые поступают напротив. Бедные получают от дающих добровольно и расположенных к тому, богатые же от нежелающих и противящихся; а это и есть доказательство большой бедности (их самих). Если и на обед никто не решится идти, когда приглашающий не будет иметь расположения к приглашаемому, то хорошо ли брать имущество другого с принуждением? Не потому ли мы отвращаемся и убегаем от лающих псов, что они неотступно нападают на нас? То же делают и богатые. Разве почетнее, когда к потере имущества присоединяется еще страх? Это хуже всего. Потому употребляющий все меры к приобретению имущества не смешнее ли всех? Из страха мы часто и псам бросаем все, что имеем в руках. Притом что постыднее, скажи мне, просить ли одетому в рубище или облеченному в шелковые одежды? Когда какой-нибудь богач держит у себя престарелых бедных, чтобы овладеть их имуществом, тогда как у них еще есть дети, то достоин ли он прощения? Если хотите, обратим внимание на сами слова, какие произносят богатые,

требуя себе чего-нибудь, и какие – бедные. Что же говорит бедный? Подающий милостыню, говорит он, никогда не оскудеет, потому что подает из Божьего достояния; Бог человеколюбив и воздаст больше. Все это – слова любомудрия, вразумления и совета; они внушают тебе взирать на Владыку и избавляют тебя от страха будущей бедности; вообще много назидательного всякий может заметить в словах нищих. А каковы речи богатых? Свойственные свиньям, собакам, волкам и другим животным. Одни из них рассуждают о трапезах, о блюдах, о сластях, о винах, о благовониях, об одеждах и всякого рода излишествах; другие – о процентах и закладах, о составлении заемных писем и уплате несчетного множества долгов, получивших начало еще при отцах и дедах, об отнятии у одного – дома, у другого – поля, у иного – слуги и всего его имущества. Что сказать о духовных завещаниях, писанных не чернилами, а кровью? Представив неизбежную опасность или сделав какие-нибудь обольстительные обещания тем, у кого видят несколько имущества, они убеждают устранить всех прямых наследников, часто угнетаемых бедностью, и вместо того вписать их самих. Не хуже ли это всякого неистовства и свирепости диких зверей? Потому, увещеваю вас, будем убегать всякого такого богатства, покрытого стыдом и убийствами, а приобретать богатство духовное, искать сокровищ небесных. Кто имеет эти сокровища, тот только богат, тот достаточен, тот владеет всеми здешними и тамошними благами. Кто хочет быть бедным по слову Божию, для того бывают отворены двери всех, – потому что человеку, не ищущему никаких стяжаний для Бога, всякий уделит от своего; а кто хочет получить неправедно хотя немногое, для того бывают заключены двери всех. Потому, чтобы нам иметь и здешние и тамошние блага, изберем сокровища не погибающие и богатство бессмертное, которого и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIV

Сего ради послах к вам Тимофеа, иже ми есть чадо возлюблено и верно о Господе, иже вам воспомянет пути моя, яже о Христе Иисусе (1 Кор. IV, 17)

1. Посмотри и здесь, как доблестна душа (Павла), как она пламеннее и живее огня. Он хотел сам прийти к коринфянам, находившимся в тяжкой болезни и смятении, потому что хорошо знал, как полезно было ученикам присутствие его и каким вредом сопровождалось его отсутствие. Первое он выразил в послании к филиппийцам, когда сказал: *не якоже в пришествии моем точию, но ныне много паче во отшествии моем, со страхом и трепетом свое спасение содевайте* (Флп. II, 12); а последнее выражает в настоящем послании, словами: *яко не грядущу ми к вам, разгордешася нецыи, прииду же* (ст. 18). Он хотел и спешил сам прийти; но так как сделать это было еще невозможно, то вразумляет их обещанием своего прибытия, и кроме того отправлением ученика: *сего ради,* говорит, *послах к вам Тимофеа. Сего ради.* А почему? Потому что я пекусь о вас, как о детях, как родивший вас. Далее в послании описывает личность его: *иже ми есть чадо возлюблено и верно о Господе.* Этими словами выражает свою любовь и вместе располагает их – с уважением принять его. Не просто: *верно,* но: *о Господе,* то есть в делах Господних. Если быть верным в житейских делах – похвально, то тем более – в духовных. Если же он был сын его возлюбленный, то представь, как велика была любовь Павла, когда он решился разлучиться с ним для коринфян. Если он верен, то устроит дела безукоризненно. *Иже вам воспомянет.* Не сказал: научит, чтобы они не огорчились, как бы долженствующие учиться у него; потому и в конце послания сказал о нем: *дело бо Господне делает, якоже и аз* (1 Кор. XVI, 10), и потому никто пусть не унижает его. Между апостолами не было зависти, но одно они имели в виду – домостроительство Церкви; и хотя бы действовавший был менее других, они со всем усердием содействовали ему. Потому он не удовольствовался словами: *воспомянет вам,* но простирает далее слово, стараясь уничтожить в них зависть, так как Тимофей был молод, – почему и присовокупляет: *пути моя.* Не свои пути, но *моя,* то есть рас-

поряжения, опасности, обычаи, законы, учреждения, правила апостольские и все прочее. После того как сказал: *наготуем и страждем и скитаемся,* говорит: он воспомянет вам и это все, и законы Христовы, чтобы уничтожить ереси. Далее, устремляя слово свое выше, присовокупляет: *яже о Христе;* по обычаю своему приписывает все Владыке и тем утверждает достоверность последующего; потому и продолжает: *якоже везде во всякой церкви учу.* Ничего я не говорил вам нового; это подтвердят и все прочие церкви. О путях своих говорит, что они *о Христе,* выражая, что они не имеют в себе ничего человеческого и что он совершает все при помощи свыше. Сказав это и вразумив их, он, желая приступить к обличению кровосмесника, опять изрекает слова, исполненные гнева, не потому, чтобы сам был в таком состоянии, но чтобы исправить их, и притом, оставив кровосмесника, обращает речь свою к другим, не удостаивая его даже слов своих, как и мы поступаем со слугами, которые слишком оскорбили нас. Сказав: *послах к вам Тимофеа,* и опасаясь, чтобы они от того не сделались более беспечными, смотри, что он говорит: *яко не грядущу ми к вам, разгордешася нецыи.* Здесь касается и их, и некоторых других, желая низложить их высокомерие. Действительно, предаваться гордости во время отсутствия учителя, это грех властолюбия. Обращая речь ко всем другим, смотри, как он пристыжает их; а обращаясь к виновным, выражается гораздо сильнее. Тем говорит: *всем попрание,* и вразумляет их словами: *не срамляя вас сия пишу;* а этим говорит: *яко не грядущу ми к вам, разгордешася нецыи,* выражая, что гордость свойственна детскому рассудку, потому что и дети делаются более беспечными в отсутствие учителя. Таким образом, открывается и то, что для исправления их достаточно его присутствия.

2. Как присутствие льва приводит в страх всех животных, так и присутствие Павла – развращающих Церковь. Потому он и продолжает: *прииду же скоро к вам, аще Господь восхощет* (ст. 19). Но сказать одни эти слова значило бы употребить угрозу; а указать на самое дело, обещать, что он потребует с них отчета, это свойственно великой и мудрой душе; потому он и присовокупляет следующее: *и уразумею не слово разгордевшихся, но силу.* Гордость их была следствием не

собственных их достоинств, но отсутствия учителя, что и было знаком низкого расположения их души. Потому сказав: *послах Тимофеа*, он не тотчас прибавил: *прииду*, но наперед обличил их в гордости, а потом и сказал: *прииду*. Если бы он сказал это прежде обличения, то это было бы скорее оправданием его в том, будто он сам не хочет прийти, нежели угрозой, и самое обещание было бы не так несомненно; а теперь, сказав это после обличения, он сделал прибытие свое достоверным и страшным. И заметь, как он тверд и осмотрителен. Не просто говорит: *прииду*, но: *аще Господь восхощет;* не назначает определенного времени, — так как он мог и замедлить, — чтобы неизвестностью поддержать в них бдительность; а чтобы с другой стороны они не сделались от того беспечными, присовокупляет: *скоро. И уразумею не слово разгордевшихся, но силу*. Не сказал: не посмотрю ни на мудрость, ни на знамения, но что? — *не слово*, и этим выражением то унизил, а это возвысил. Доселе он обращает речь свою к другим, защищавшим кровосмесника; а если бы говорил к нему самому, то не сказал бы — *силу*, но — *дела*, которые у него были развратны. Почему же ты не ищешь *слова?* Не потому, что я скуден в *слове*, но потому, что наше дело *в силе*. Как на войне одерживают верх не много говорящие, но много делающие, так и здесь победа принадлежит не говорящим, но действующим. Ты гордишься, говорит, красноречием; если бы теперь было поприще и время риторов, то ты справедливо мог бы гордиться им; но так как теперь время апостолов, возвещающих истину и подтверждающих ее знамениями, то для чего ты гордишься делом излишним, ничего незначащим и не могущим принести в настоящем никакой пользы? Может ли красноречие послужить к воскрешению мертвого, к изгнанию злых духов, или к совершению какого-нибудь другого подобного чуда? А теперь нужно это, и через это утверждается наше дело. Потому и присовокупляет: *не в словеси бо царство Божие, но в силе* (ст. 20). Мы побеждаем, говорит, знамениями, а не красноречием, и величайшим доказательством того, что наше учение божественно и что мы возвещаем царствие небесное, представляем знамения, которые совершаем силой Духа. Таким образом, если превозносящиеся ныне хотят быть великими,

то, когда я приду, пусть покажут, имеют ли они такую же силу, а не выставляют мне пышность красноречия, потому что это искусство не служит нам ни к чему. *Что хощете? С палицею ли прииду к вам, или с любовию и духом кротости* (ст. 21)? Эти слова заключают в себе много страшного и много кроткого. Когда он говорил: *уразумею,* то еще удерживал себя; а теперь, когда говорит: *что хощете? С палицею ли прииду к вам?* — он восходит на седалище учителя и оттуда говорит с полной властью. Что значит: *с палицею?* Для наказания, для мучения, то есть чтобы умертвить или ослепить, как поступил Петр с Сапфирой (Деян. V, 9), или как он сам с волхвом Елимой (Деян. XIII, 11). Здесь он уже говорит не сравнивая себя с ними, но властно. И во втором к ним послании он выражает то же самое, когда говорит: *понеже искушения ищете глаголющего во мне Христа* (2 Кор. XIII, 3). *С палицею ли прииду, или с любовию?* А прийти с палкой разве не было знаком любви? Да, было знаком любви; но сильно любящий нелегко склоняется на наказание; потому он так и говорит. Потому, говоря о наказании, он не выразился: *духом кротости,* но: *палицею,* хотя и это было делом Духа, — так как есть Дух кротости и Дух крепости, — но он не желает называть его таким образом, а приписывает Ему дела более кроткие. Потому и Бог, хотя посылает наказания, но чаще называется милосердым, долготерпеливым, богатым милостью и щедротами, а наказующим называется один или два раза, вообще очень редко и притом тогда, когда требует того необходимость. И посмотри на мудрость Павла: имея у себя власть, он предлагает им на выбор то и другое, и говорит: *что хощете?* — от вас это зависит. От нас зависит и то и другое, — попасть в геенну или получить царство, — потому что так желает Бог. *Се,* говорит Он, *огнь и вода: на неже хощеши, простреши руку твою* (Сирах. XV, 16); и еще: *аще хощете, и послушаете Мене, благая земли снесте; аще же не хощете, меч вы пояст* (Ис. I, 19, 20).

3. Но, может быть, скажет кто-нибудь: я хочу; и нет никого настолько безумного, чтобы не хотеть; но хотение не приносит мне достаточной пользы. Нет, оно принесет пользу, если ты будешь хотеть как должно и действовать сообразно с хотением; а теперь ты не совсем хочешь. Докажем это, если угодно, некоторыми примерами. Скажи мне:

кто хочет жениться, тот довольствуется ли одним хотением? Отнюдь нет; он приглашает свах, просит друзей посмотреть вместе с ним невесту, собирает деньги. Также купец не сидит дома, довольствуясь одним хотением торговать, но и нанимает корабль, приглашает кормчих и гребцов, занимает серебро, разведывает о месте торговли и цене товаров. Не безрассудно ли в делах земных оказывать такое усердие, а для приобретения неба довольствоваться одним хотением или, лучше, не иметь и хотения в надлежащей степени? Ведь кто хочет как должно, тот принимается и за дела, ведущие к тому, чего он хочет. Когда голод принуждает тебя искать пищи, ты не ожидаешь, чтобы пища пришла к тебе сама собой, но употребляешь все меры к отысканию пищи; так же в случае жажды, холода и всех подобных обстоятельств ты бываешь деятелен и готов позаботиться о теле. Поступай так же и по отношению к царству небесному, и непременно достигнешь его. Для того Бог и сотворил тебя со свободной волей, чтобы ты впоследствии не обвинял Бога, как бы связавшего тебя необходимостью. А ты тем именно и недоволен, что составляет честь твою? Я слышал многих, говоривших: для чего Бог сотворил меня самовластным в добродетели? Но как возвести на небо тебя дремлющего, спящего, преданного порокам, роскоши и чревоугодию? Ты и там не отстал бы от пороков. Если и теперь, когда положена угроза, ты не перестаешь грешить, то тогда, когда бы Он предназначил тебе в награду небо, оставил ли бы ты свою беспечность и не сделался ли бы гораздо хуже? Не можешь сказать и того, будто Бог показал блага, но не подал помощи к их достижению; напротив, Он обещал тебе великую помощь. Но, скажешь, добродетель трудна и тяжела, а порок сопровождается многими удовольствиями; последний путь широк и пространен, а первый тесен и прискорбен. А всегда ли, скажи мне, это было так? Было ли так в начале? И ты сам против воли говоришь о добродетели то, что говоришь: так убедительна истина! Если бы перед тобой были два пути, один ведущий в печь, а другой – в рай, и ведущий в печь был широк, а ведущий в рай – тесен, который путь скорее избрал бы ты? Сколько бы ты ни старался возражать, но несомненной истине не можешь противоречить,

как бы ни был бесстыден. Впрочем, постараюсь из предметов, находящихся у нас под руками, доказать, что скорее тот путь достоин избрания, который имеет трудное начало, а не конец. Возьмем для примера, если хотите, искусства; в них начало исполнено труда, а конец — пользы. Но, скажешь, никто не примется за искусство без принуждения; молодой человек, сделавшийся господином себя самого скорее изберет — вначале предаваться удовольствиям, а в конце терпеть бесчисленные бедствия, нежели трудиться вначале, а потом собирать плоды трудов. Значит, такой выбор есть дело сиротливого мышления и детской беззаботности, а выбор противоположный — благоразумия и мужской зрелости. Так и мы, если бы по уму не были детьми, то уподоблялись бы не безрассудному сироте, но сыну, руководимому отцом. Потому мы должны оставить детское суждение, а не слагать вину на сами предметы, и приставить к своей совести возницу, который бы не дозволял нам предаваться чревоугодию, а заставлял бы простираться вперед и подвизаться. Не нелепо ли — детей насильно принуждать заниматься предметами, имеющими трудное начало и полезный конец, а самим нам вести себя противно тому в отношении к предметам духовным? Между тем в житейских делах совершенно неизвестно, будут ли они еще иметь хороший конец. Преждевременная смерть, бедность, клевета, перемена обстоятельств и многое другое подобное часто после многих трудов оставляют без плодов; а если трудящиеся и не лишаются всего, то собирают небольшие плоды, потому что в настоящей жизни все подвержено разрушению. А мы и здесь стремимся не за пустыми и скоропреходящими вещами и не боимся конца, но еще большая и несомненнейшая надежда остается нам по отшествии из настоящей жизни. Потому какое прощение, какое оправдание могут иметь те, которые не хотят трудиться для добродетели? Но, спросишь еще, для чего путь добродетели тесен? Как? В земные царские чертоги ты не позволяешь входить никому из прелюбодеев, пьяниц и развратников, а на небо хочешь открыть путь людям, преданным распутству, роскоши, пьянству, корыстолюбию и всем порокам? Достойно ли это какого-нибудь прощения?

4. Не то я говорю, скажешь ты, но почему не широк путь добродетели? Нет, если захотим, то и очень удобен. Что в самом деле удобнее, скажи мне, подкопать ли стену и, похитив чужую собственность, сидеть потом в темнице, или, довольствуясь своей собственностью, быть свободным от всякого страха? Но еще не все я сказал. Что удобнее, скажи мне, отнять ли у всех собственность и, насладившись этой малостью в течение краткого времени, страдать и мучиться вечно, или, пожив краткое время в праведной бедности, блаженствовать потом непрестанно? Мы пока не говорим, что полезнее, но что удобнее.

Что же лучше – видеть ли приятное сновидение, а на самом деле мучиться, или, увидев неприятное сновидение, на самом деле блаженствовать? Очевидно, что последнее. Почему же, скажи мне, ты называешь добродетель тяжкой? Тяжка она для нашей лености, а сама по себе легка и удобна, – о чем, послушай, как говорит Христос: *иго мое благо, и бремя мое легко* (Мф. XI, 30). Если ты не чувствуешь ее легкости, то, значит, ты не имеешь крепкого усердия. Как при усердии тяжелое бывает легким, так без него и легкое – тяжелым. Что может быть, скажи мне, приятнее и беструднее пищи из манны? Но иудеи роптали, употребляя такую пищу (Числ. XI, 6). Что мучительнее голода и других бедствий, которые терпел Павел? Но он восхищался, радовался и говорил: *ныне радуюся во страданиих моих* (Кол. I, 24). Что же тому причиной? Различие (душевного) расположения. Если ты настроишь душу свою как должно, то почувствуешь легкость добродетели. Следовательно, скажешь ты, она бывает такой от расположения людей? Не от одного только расположения, но она такова и по существу своему. Если бы добродетель всегда была трудна, а порок всегда легок, то иной из падающих справедливо мог бы сказать, что последний легче первой; если же только вначале первая тяжела, а последний приятен, а после та и другой напротив, бесконечные же последствия первой приятны, а последнего – тяжки, то, скажи мне, что из них скорее можно избрать? Почему же многие не избирают удобного? Потому, что одни не веруют, а другие хотя и веруют, но имеют развращенную волю и избирают удовольствие временное вместо вечного.

Легко ли и это? Не легко, но они делают это по немощи души своей. Как больные горячкой требуют холодного питья не потому, что приятнее несколько времени чувствовать удовольствие, нежели постоянно быть в жару, но потому, что не могут воздержаться от безрассудного желания, — так и они. Между тем, если бы кто, предлагая им удовольствие, предлагал вместе и наказание, то и они не решились бы на это. Видишь ли, как нелегок и порок? Если хочешь, объясним это самим делом. Что приятнее, скажи мне, и удобнее? Впрочем опять замечу, что мы будем судить о предметах не по желаниям многих людей, так как не суждениями больных, но здоровых надобно руководствоваться в этом случае, и, хотя бы ты представил мне тысячи людей, страдающих горячкой и желающих противного здоровью, несмотря на то, что после придется им терпеть мучение, я не одобрю их решения. Что же удобнее, скажи мне, желать ли большого богатства или быть выше такого желания? Мне кажется, что последнее удобнее; если же ты не веришь, то обратимся к опыту. Представим, что один желает многого, а другой — ничего. Кто из них, скажи мне, лучше и почтеннее?

5. Впрочем, оставим это; несомненно, что последний почтеннее первого; не об этом мы теперь ведем речь, но о том, кто из них живет удобнее и приятнее? Корыстолюбец не пользуется тем, что имеет, так как к чему он питает любовь, того не решится издержать, но скорее согласится рассечь себя самого и отдать тело свое, нежели золото; а презирающий богатство имеет, по крайней мере, то преимущество, что он просто и с полной свободой пользуется своей собственностью и ставит себя выше ее. Что же приятнее — свободно ли пользоваться своим имуществом, или, проводя жизнь под властью богатства, не сметь даже прикоснуться ни к чему из своей собственности? Это мне кажется подобным тому, как если бы два мужа, имеющие жен и сильно любящие их, были в различных к ним отношениях: один мог бы находиться вместе и беседовать с женой, а другой не смел бы даже подойти к ней близко. Скажу и еще нечто в доказательство, как приятна жизнь одного и неприятна другого. Корыстолюбец никогда не оставит своей страсти не потому только, что невозможно завладеть имуществом всех, но

и потому, что, сколько бы он ни имел, он считает себя не имеющим ничего; а презирающий богатство считает все излишним и не мучит свою душу беспредельными желаниями. Ничто не причиняет столько мучения, как желание, не получающее удовлетворения; это более всего и служит доказательством развращения воли. Желающий богатства и приобретший многое, как известно, считает себя как бы не имеющим ничего; что же может быть тревожнее такой болезни? И не только это дурно, но и то, что, имея, он, по-видимому, не имеет того, что имеет, и страдает, как бы не имеющий; чем более он приобретает, тем более мучится; если получил сто талантов, скорбит, что не получил тысячи; если получил тысячу, досадует, что не десять тысяч; если получил десять тысяч, терзается, что не в десять раз более, — так что большее приобретение обращается для него в большее приращение его мучений, потому что чем больше он получает, тем большего желает. Таким образом, чем более он приобретает, тем становится беднее; ведь кто желает все большего, тот становится все беднее. Когда он имеет сто талантов, он еще не слишком беден, потому что желает тысячи; когда получит тысячу, то становится более бедным, потому что, по его мнению, нуждается уже не в тысяче, как прежде, а в десяти тысячах. Если же самое желание без удовлетворения ты назовешь удовольствием, то я скажу, что ты мне кажешься совершенно не знающим свойства удовольствия. Это не удовольствие, а мучение; объясним опять и это другими примерами. Когда мы чувствуем жажду и потом принимаем питье, то не потому ли получаем удовольствие, что утоляем жажду, и не потому ли питье доставляет нам удовольствие, что освобождает нас от великого мучения, то есть от желания пить? Это очевидно для всякого. Если бы мы оставались всегда с этим желанием, то были бы в состоянии мучения не менее того богача, который видел Лазаря: для него было наказанием то, что он, сильно желая хотя малой капли воды, не получал ее ни от кого (Лк. XVI, 24). Так и сребролюбцы, кажется мне, мучатся непрестанно, подобно этому богачу, просившему капли воды и не получившему ее; душа их горит в огне даже более, нежели его душа. Хорошо некто сравнил сребролюбцев со страдающи-

ми водяной болезнью. Как те, чем более имеют воды в своем теле, тем более чувствуют жажду, так и сребролюбцы, имея много, желают большего. А причиной то, что как у тех вода находится не в надлежащем месте, так и у них желание не в надлежащих пределах. Будем же избегать этой странной и опасной болезни, будем избегать этого корня зол, будем избегать этой настоящей геенны; ведь желание таких людей – это геенна. Раскрой душу того и другого, не презирающего богатство и презирающего, и ты увидишь, что первый подобен беснующимся, потому что не хочет ничего ни видеть, ни слышать, а последний подобен тихой пристани, не возмущаемой волнами, и есть друг всех, тогда как тот – враг всех. Если кто у него отнимет что-нибудь, он не печалится, а если кто опять даст ему что-нибудь, он не тщеславится, но сохраняет всегда какую-то свободу, сопровождающуюся совершенным спокойствием; тот принужден и льстить и лицемерить перед всеми, а он – ни перед кем. Если же сребролюбец и беден, и жалок, и неправдив, и лицемерен, и подвержен страху, наказанию и великому мучению, а презирающий богатство находится совершенно в противоположном состоянии, то не очевидно ли, что добродетель приятнее? Можно было бы доказать примерами и других пороков, что никакой порок не заключает в себе удовольствия, если бы мы выше не сказали многого. Итак, зная это, будем предпочитать добродетель, чтобы нам и здесь иметь удовольствие и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XV

Отнюд слышится в вас блужение, и таково блужение, яково же ни во языцех именуется, яко некоему имети жену отчую. И вы разгордесте, и не паче плакасте, да изместся от среды вас содеявый дело сие (1 Кор. V, 1, 2)

1, Когда апостол беседовал (с коринфянами) об их разделении, то не тотчас начал речь обличительную, но наперед говорил с ними кротко, а потом уже перешел к обличению, сказав: *возвестися бо ми о вас, братие моя, от (домашних) Хлоиса,*

яко рвения в вас суть (1 Кор, I, 11). А здесь не так, но тотчас же высказывает обличение, и силу укоризны направляет, сколько возможно, против всех, Не говорит: почему такой-то предается прелюбодеянию? – но: отнюд *слышится в вас блужение,* чтобы они, считая себя совершенно свободными от обвинения, не остались невнимательными, но видели бы, что все их общество подлежит обличению и вся их Церковь несвободна от обвинения, и от того были бы ревностны в благочестии. Никто не скажет, говорит, что такой-то предался прелюбодеянию, но что в коринфской Церкви совершилось преступление, Не говорит: дерзают на прелюбодеяние, но: *слышится, яково же ни во языцех именуется.* Он часто примером язычников укоряет верующих; так в послании к фессалоникийцам говорит: *комуждо свой сосуд стяжавати во святыни не в страсти похотней, якоже и прочии языцы* (1 Сол. IV, 4, 5); также к колоссянам и ефесеям: *ктому не ходити вам, якоже и прочии языцы ходят* (Еф. IV, 17). Если им непростительно грешить одинаково с язычниками, то превосходить язычников в этом отношении, скажи мне, как это считать? У них, говорит, не только не совершается что-нибудь подобное, но *ниже именуется.* Видишь ли, как он оценивает это преступление? Если они допускают такой род безнравственности, какого не только не делают, но и не знают неверные, то невыразима великость их греха. Слово: *вас* употреблено здесь с особенной силой, то есть у вас верующих, сподобившихся таких таинств, получивших неизреченные блага, призванных к небу. Видишь ли, какого негодования, какого гнева против всех исполнены его слова? Если бы он не чувствовал большого гнева, то и не обращал бы речи своей ко всем, а сказал бы так: я слышал, что такой-то предается прелюбодеянию; накажите его. Но теперь не так, а направляет речь против всех. Если бы они предварительно написали ему об этом, то он выразился бы таким образом; но так как они не только не писали, но еще прикрывали грех, то он употребляет более сильный образ речи. *Яко некоему имети жену отчую.* Почему он не сказал: некто прелюбодействует с женой? Он ставил на вид нечто слишком постыдное; потому сказал об этом с некоторой стыдливостью, как объяснено нами выше, но вместе через это самое

опять выразил важность преступления, показав, что у них совершается нечто такое, чего Павел не позволяет себе даже назвать прямо. Потому и далее он употребляет такой же образ речи: *содеявый*, говорит, *дело сие;* опять стыдится и не позволяет себе сказать прямо, подобно тому, как и мы имеем обыкновение делать касательно слишком низких поступков. Не говорит: мачеху, но: *жену отчую,* чтобы сильнее тронуть их. Когда сами названия достаточны для обличений, тогда он употребляет их, не прибавляя ничего другого. Не возражайте мне, говорит, что один только прелюбодействует; нет, это – грех общий всем. Потому и продолжает: *и вы возгордесте.* Не сказал: таким грехом, – это было бы безрассудно, – но учением его (грешника). Впрочем, не выразил этого ясно, но опустил посредствующую мысль, чтобы сильнее тронуть их. И посмотри на благоразумие Павла. Он наперед низложил внешнюю мудрость и показал, что она ничтожна сама по себе, хотя бы не соединена была с грехом, а потом уже говорит и о грехе. Если бы он доказал величие духовных дарований сравнительно с кровосмесником, который, может быть, отличался внешней мудростью, то не сделал бы ничего важного; но, низложив ее без отношения к греху и показав, что она ничтожна сама по себе, он доказал крайнюю ее негодность. Потому он наперед произнес о ней такое суждение, а потом уже стал говорить о грехе. Впрочем, он не удостаивает своей беседы его (кровосмесника), – чем выражает чрезмерное бесчестье его поступка, – но говорит другим, что им следовало бы плакать, рыдать и стыдиться; а вы, говорит, поступаете напротив; потому и присовокупляет: *и вы разгордесте, и не паче плакасте.* О чем, скажут, нам плакать? О том, что нарекание навлечено на церковное общество. А для чего нам плакать? *Да изместся от среды вас таковый.* Не называет его по имени здесь или, лучше – нигде, подобно тому, как мы обыкновенно делаем касательно предметов слишком постыдных. Не сказал: вы не отвергли его, но, как бы говоря о какой заразной болезни, когда бывает нужно плакать и усердно молиться, выражается: *да изместся;* следует и молиться, и употреблять все меры к тому, чтобы он был отлучен от вас. Не за то осуждает их, что они не уведомили его об этом, но за то, что они не плакали, *да изместся,* выра-

жая, что и без учителя им следовало бы сделать это по причине важности преступления. *Зане аз убо аще не у вас сый телом, ту же живый духом* (ст. 3).

2. Посмотри на ревность его: не позволяет дожидаться его прибытия и по принятии его наказать кровосмесника, но как бы желая прекратить какую-нибудь заразу, прежде нежели она проникла во все тело, старается обуздать его. Потому и продолжает: *уже судих, яко тамо сый.* Сказал это не только для того, чтобы побудить их к исполнению приговора и не думать ни о каком другом решении дела, но и устрашить тем, что ему известно все, имеющее там происходить и обсуждаться. Это и означает выражение: *быть духом*, подобно как Елиссей говорил, что он был вместе с Гиезием: *не ходило ли сердце мое с тобою* (4 Цар. V, 26)? Вот какова сила духовного дарования: оно доставляет возможность быть вместе всем в одно время, и сообщает способность знать отдаленное! *Уже судих, яко тамо сый.* Не дозволяет им помышлять о чем-нибудь другом; я уже положил, говорит, как бы находясь у вас; не представляйте мне отговорок и промедлений; ничего другого не должно быть. А чтобы власть его не показалась слишком великой, и чтобы слова его не были приняты за выражение гордости, смотри, как он делает и их участниками суда. Сказав: *судих*, он продолжает: *содеявшаго сице сие. О имени Господа нашего Иисуса Христа, собравшимся вам и моему духу, с силою Господа нашего Иисуса Христа предати таковаго сатане* (ст. 4, 5). Что значит: *о имени Господа нашего Иисуса Христа?* Значит — о Боге, руководствуясь не человеческим суждением. Некоторые читают это место так: *содеявшаго сице сие о имени Господа нашего Иисуса Христа,* и поставив здесь точку или запятую, продолжают читать далее: *собравшимся вам и моему духу, предати таковаго сатане,* давая этому чтению такой смысл: *содеявшаго сие о имени Христа* предайте сатане, то есть оскорбившего имя Христово, бывшего верным и называющегося таким именем и между тем дерзнувшего на такое дело, предайте *таковаго* сатане. Но мне кажется более истинным первое чтение. Какое? О *имени Господа собравшимся вам,* то есть самое имя соединяет вас; о нем и соберитесь. *И моему духу.* Опять представляет им себя, чтобы они, производя суд, как бы в его присутствии, осудили кровосмесника

на отлучение, и чтобы никто не осмелился признавать его достойным прощения, имея в виду, что Павел узнает происходившее. Далее прибавляет более страшные слова: *с силою Господа нашего Иисуса Христа*, то есть или то, что Христос может даровать им силу – предать такового диаволу, или то, что Он сам вместе с ними произнесет против него приговор. Не говорит: *отдати таковаго сатане*, но: *предати*, отверзая ему двери покаяния и как бы передавая его учителю. И опять: *таковаго;* нигде не позволяет себе назвать его по имени. *Во измождение плоти*, подобно как было с блаженным Иовом, хотя не с одинаковой целью: там для славнейших венцов, а здесь для разрешения от грехов, чтобы сатана наказал его злокачественными ранами или другой какой-нибудь болезнью. В другом месте он говорит: *судимся от Господа*, терпя это (1 Кор. XI, 32); а здесь, желая сильнее тронуть (грешника), предает его сатане, хотя и это зависит от воли Божией, чтобы наказана была плоть его. Так как пожелания рождаются от чревоугодия и невоздержания плоти, то он и наказывает ее. *Да дух спасется в день Господа Иисуса*, то есть чтобы спасена была душа, не в том смысле, чтобы она спасалась одна, но разумея ту несомненную истину, что когда она спасется, тогда и тело непременно будет участвовать в спасении. Оно сделалось смертным за ее грех; потому если она будет праведной, то и оно опять удостоится великой славы. Некоторые под *духом* здесь разумеют (духовное) дарование, которое погашается нашими грехами. Чтобы этого не было, говорит, пусть он будет наказан, чтобы исправившись, он сподобился благодати и оказался сохранившим ее целой в тот день. Таким образом эти слова означают более попечение и врачевание, нежели простое поражение или напрасное и тщетное наказание: ведь польза больше наказания; это – временное, а та – вечная. И не просто говорит: *да дух спасется*, но: *в тот день*. Прекрасно и благовременно напоминает им об этом дне, чтобы и они усерднее приступили к врачеванию, и он скорее принял врачевство, видя, что эти слова происходят не от гнева, но от заботливости попечительного отца. Для того он и сказал: *во измождение плоти;* здесь он предписал законы диаволу и не позволил ему простираться далее пределов, подоб-

но как об Иове Бог сказал: *токмо души его да не коснешися* (Иов. I, 12; II, 6).

3. Высказав свое решение, выраженное кратко и без замедления, далее он опять обращается (к коринфянам) и употребляет обличение: *не добра похвала ваша* (ст. 6); показывает, что они, хвалясь им, были причиной его нераскаянности до настоящего времени. Затем объясняет, что он делает это для блага не одного только грешника, но и всех их: *не весте ли,* продолжает он, *яко мал квас все смешение квасит?* Хотя, говорит, грех – его, но, будучи оставлен без внимания, может заразить и все тело Церкви, потому что, если первый согрешивший не будет предан наказанию, то скоро и другие впадут в тот же грех. Этими словами выражает, что им следует опасаться и заботиться о всей Церкви, а не об одном только члене; для того и употребляет подобие закваски. Как закваска, говорит, хотя и небольшая, изменяет собой все тесто, так и он, если останется без обличения и грех его без наказания, то заразит и прочих. *Очистите ветхий квас* (ст. 7), то есть этого грешника; или, лучше, не о нем только говорит, но намекает и на других, потому что не только прелюбодеяние есть старая закваска, но и всякий порок. Не сказал: *очищайте,* но: *очистите,* тщательно очистите, чтобы не было ни остатков, ни тени его. Словом: *очистите* выражает, что между ними есть пороки; а словами: *да будете ново смешение, якоже есте безквасни,* ясно показывает, что зло господствует не слишком во многих. Впрочем, выражение: *якоже есте безквасни* – означает не то, чтобы они все были чистыми, но что им должно быть такими. *Ибо и пасха наша за ны пожрен бысть Христос. Темже да празднуем не в квасе ветсе, ни в квасе злобы и лукавства, но в безквасиих чистоты и истины* (ст. 8). Так и Христос называет учение Свое *закваскою* (Мф. XIII, 33). Продолжая переносную речь, (Павел) напоминает им о древних событиях, о пасхе и опресноках, о благодеяниях тогдашних и нынешних, о страданиях и наказаниях.

Подлинно, настоящее время есть время праздника. Он сказал: *да празднуем* не потому, чтобы тогда была пасха или пятидесятница, но чтобы показать, что для христиан всякое время есть время праздника, по преизбытку дарованных им благ. Какого в самом деле недостает блага? Для тебя Сын

Божий соделался человеком, освободил тебя от смерти, призвал в царствие. Получив и получая такие блага, не должен ли ты праздновать во всю жизнь? Итак, никто пусть не скорбит в бедности, в болезни и в напастях; для нас всякое время есть время праздника. Потому Павел и говорит: *радуйтеся о Господе, радуйтеся, паки реку, радуйтеся* (Флп. IV, 4). Во время праздников никто не одевается в нечистые одежды; так будем поступать и мы, потому что совершается брак, духовный брак. *Уподобися*, говорит (Господь), *царствие небесное человеку царю, иже восхоте сотворити браки сыну своему* (Мф. XXII, 2). А когда царь совершает брак, и брак своего сына, то что может быть более такого праздника? Потому никто пусть не входит одетым в рубище; говорим не об одеждах, а о нечистых делах. Если в то время, когда все были облечены в светлые одежды, один только, оказавшийся на браке в нечистой одежде, был изгнан с бесчестьем, то подумай, какая тщательность и чистота требуются от входящих на этот брак. Впрочем, не для этого только он напоминает им об опресноках, но и желает показать сродство Ветхого Завета с Новым и вместе объяснить, что после опресноков уже непозволительно возвращаться в Египет, а кто пожелает возвратиться, тот испытает то же, что те (израильтяне), так как бывшее с ними есть тень настоящего, хотя иудей бесстыдно отвергает это. Если спросишь его, то он не скажет ничего великого; или, лучше, наговорит много, но ничего не скажет такого, что говорим мы, потому что не знает истины. Он скажет, что египтян, удерживавших нас, Бог привел в такое положение, что они сами насильно стали гнать нас, хотя прежде удерживали, и не дали времени даже заквасить теста. Если же кто спросит меня, то услышит не о Египте и фараоне, но о свободе от демонского заблуждения и от диавольского мрака, не о Моисее, но о Сыне Божием, не о Чермном море, но о крещении, которое изобилует бесчисленными благами и в котором потопляется ветхий человек. Опять, если спросишь иудея, почему он всячески избегает закваски, то он и здесь будет молчать и не скажет причины, так как одно было у них прообразом будущего и имело свою причину в настоящем, а другое напротив было для того, чтобы удержать иудеев от пороков и чтобы

они не остались навсегда при тени. Что значит, скажи Мне, чтобы агнец был *мужескаго пола, непорочный, единолетний,* и чтобы *кость его не сокрушалась?* Что значит повеление пригласить соседей, есть стоя, вечером, кровью помазать дом (Исх. XII, 5–49)? Ничего другого он не скажет на это, а только будет твердить о Египте. А я скажу, что значит кровь и что вечер, что значит, чтобы все ели вместе и стоя.

4. Наперед скажем, для чего (у иудеев) решительно изгоняется закваска. Что же это значит? Значит, что верующему надобно быть свободным от всякого порока. Как иудей погибает, если у него найдена старая закваска, так будет и с нами, если в нас будет найден порок. Ведь если ходящих в тени постигает такое наказание, то нас не может не постигать гораздо большее. Если они так тщательно очищают свои дома от закваски, что осматривают даже мышиные норы, то тем более нам должно испытывать свою душу, чтобы извергнуть всякий нечистый помысл. Впрочем это делалось у них прежде, а теперь уже нет, – потому что везде есть закваска, где только есть иудей. Если в городах бывают опресноки, то это более шутка, нежели исполнение закона. Когда явилась истина, то прообразования уже не имеют места. Таким образом Павел и этим подобием весьма разительно отлучает кровосмесника от Церкви. Он не только, говорит, не приносит пользы своим присутствием, но и причиняет вред, заражая все тело. Когда гниение скрывается внутри и не видно, откуда происходит зловоние, тогда приписывают это всему телу. Потому апостол с особенной силой побуждает их очистить закваску: *да будете,* говорит, *ново смешение, якоже есте безквасни: ибо и пасха наша за ны пожрен бысть Христос.* Не сказал: умер, но употребил выражение, более близкое к предмету: *пожрен бысть.* Потому не ищи таких же опресноков, так как и Агнец у тебя не такой; не ищи такой же закваски, так как и опресноки твои не таковы. От закваски чувственной пресное делается квасным, и квасное уже не может сделаться пресным; а здесь может быть и наоборот. Впрочем, он не выразил этого ясно.

И посмотри на мудрость его: в первом послании (к коринфянам) он не подает кровосмеснику надежды на возвращение, но повелевает ему проводить всю свою жизнь в по-

каянии, чтобы обещанием прощения не сделать его более нерадивым; не говорит: предайте его сатане, чтобы после покаяния он опять был принят в Церковь, но что? *Да спасется в* последний *день*. Указывает на это время, чтобы сделать его рачительным; а того, что намеревался даровать ему после покаяния, не открывает, подражая своему Владыке. Как Бог сказал: *еще три дни, и Ниневиа превратится* (Ион. III, 4), и не прибавил: если же покается, то спасется, так и он не сказал: если же он надлежащим образом покается, то мы крепко будем любить его; но предоставляет ему самому сделать это дело, чтобы тогда и получить благодать. Если бы он сказал так в самом начале, то отогнал бы от него страх; потому он не только не говорит этого, но подобием закваски даже не оставляет ему надежды на возвращение, а Отлучает его до будущего дня: *очистите*, говорит, *ветхий квас;* и еще: да *празднуем не в квасе ветсе*. Когда же он покаялся, то со всей готовностью опять вводит его (в общение с Церковью). Почему он называет закваску *ветхою?* Или потому, что действительно такова прежняя наша жизнь, или потому, что ветхое близко к разрушению, смрадно и отвратительно, каков и есть грех. Впрочем не всегда ветхое порицается и не всегда новое одобряется, но смотря по предмету. Так в одном месте говорит (Писание): *вино новое, друг нов: аще обетшает, тогда с веселием испиеши его* (Сир. IX, 13), похваляя более старую дружбу, нежели новую. И еще: *Ветхий денми седе* (Дан. VII, 9); здесь также ветхость принимается в знак чести и величайшей славы. А в других местах Писание поставляет ветхость в укоризну. Так как различные предметы сочетаются различно, то оно употребляет одни и те же выражения и о предметах добрых, и о предметах дурных в различных смыслах. Смотри, в одном месте оно принимает ветхость в смысле неодобрительном: *обетшаша и охромоша от стезь своих* (Пс. XVII, 46); и еще: *обетшах во всех вразех моих* (Пс. VI, 8); и еще: *обетшалый злыми денми* (Дан. XIII, 52). Подобным образом и закваска часто принимается в смысле царствия небесного (Мф. XIII, 33), а между тем здесь отвергается; там – в одном отношении, а здесь – в другом.

5. Мне кажется, что речь о закваске в особенности относится к священникам, которые терпят внутри много ста-

рой закваски, не извергая из пределов, то есть из Церкви, любостяжателей, хищников и всего, что отлучает от царствия небесного. Подлинно, любостяжание есть старая закваска, и куда оно ни попадет, в какой дом ни вторгнется, делает его нечистым. Хотя бы ты немногое приобрел неправедно, заквасишь этим все свое состояние. Потому часто немногое, приобретенное бесчестно, ниспровергало многое, накопленное честно. Нет ничего опаснее любостяжания; хотя бы ты к своему казнохранилищу приделывал ключи, двери, запоры, напрасно будешь все делать, если запер внутрь любостяжание, этого злейшего разбойника, который может отнять у тебя все. Как же, скажешь, многие любостяжатели не подвергаются этому? Непременно подвергнутся, хотя и не вдруг; а если избегнут теперь, то тем страшнее будет тогда; они соблюдаются для большего наказания. Притом если они сами избегнут, то наследники их испытают это. Но, скажешь, справедливо ли это? И весьма справедливо. Получивший наследство, приобретенное неправедно, хотя сам и не похищал, но владеет чужой собственностью, знает это хорошо и потому справедливо может пострадать. Если бы ты взял что-нибудь от грабителя, а потом ограбленный пришел бы к тебе и стал требовать свое обратно, то мог ли бы ты оправдываться тем, что не ты ограбил его? Отнюдь нет. Что отвечал бы ты, скажи мне, против обвинения? Что другой отнял? Но ты владеешь. Что другой ограбил? Но ты пользуешься. Это известно и из законов внешних (языческих), которые не касаясь похитителей и грабителей, повелевают взыскивать с тех, у кого кто найдет свою собственность. Итак, если ты знаешь обиженных, то вознагради их и сделай так, как сделал Закхей, с великим избытком (Лк. XIX, 8); а если не знаешь, то я укажу тебе другой путь и не лишу тебя врачевства: раздай все бедным и таким образом исправишь зло. Если же иные передали такое имущество детям и внукам, то они испытали вместо одного другое зло. Но что я говорю о том, что бывает здесь? Не будет говорено об этом в тот день, когда предстанут обнаженными те и другие, и ограбленные и грабители, или лучше сказать, не одинаково обнаженными. От имущества они будут одинаково обнажены, но одни из них будут покрыты грехами, нажитыми с имуще-

ством. Что мы сделаем в тот день, когда обиженный и лишившийся всей своей собственности предстанет перед страшным судилищем, и никто не будет защищать тебя? Что ты скажешь Судье? Теперь ты можешь обмануть суд человеческий, а тогда того суда уже — нет; или лучше, не можешь и теперь, потому что и теперь тот суд — в силе. Бог видит все совершающееся и *близ* есть к обижаемым, даже и не *призываемый* (Пс. CXLIV, 18). Пострадавший, хотя бы он был и недостоин того, чтобы мстить за него, непременно имеет Бога мстителем за себя, потому что причиненное ему зло неугодно Богу. Как же, скажешь, такой-то нечестивец благоденствует? Но не до конца. Послушай, что говорит пророк: *не ревнуй лукавнующим, зане яко трава скоро изсшут* (Пс. XXXVI, 1, 2). Где, скажи мне, хищник, переселившийся отсюда? Где его светлые надежды? Где громкое имя? Не все ли прошло? Не все ли, принадлежавшее ему, — тень и сновидение? То же будет и с каждым таким человеком, настоящим и будущим. Но не так бывает с святыми мужами, и об них нельзя сказать того же, то есть что все, принадлежащее им, — тень, сновидение и мечта. Если хочешь, приведем в пример того, которого изречения перед нами, скинотворца, киликиянина, которого даже и отец неизвестен. Но возможно ли, скажешь, мне быть таким же? А ты решительно хочешь, твердо желаешь и стремишься быть таким же? Да, говоришь ты. Так иди же тем самым путем, которым шел он и другие вместе с ним. А каким они шли путем? Один говорит: *во алчбе и жажди и наготе* (2 Кор. XI, 27); другой: *сребра и злата несть у мене* (Деян. III, 6). Так они ничего не имели и между тем всем обладали (2 Кор. VI, 10).

6. Что может быть почтеннее этих слов? Что блаженнее и счастливее (такого состояния)? Другие хвалятся противным и говорят: я имею столько-то и столько-то талантов золота, множество десятин земли, домов и слуг; а он — тем, что ничего не имеет, и не стыдится своей бедности, как делают люди безрассудные, не скрывается, но даже хвалится. Где теперь богатые, считающие проценты и проценты на проценты, готовые отнять собственность у всех и никогда не насыщающиеся? Послушайте слов Петра, внушающих, что бедность есть мать богатства, что она хотя не имеет

ничего, но богаче облеченных в диадемы. Она, не имея ничего, воскрешала мертвых, исцеляла хромых, изгоняла бесов и делала то, чего не могли делать облеченные в багряницы и управлявшие великими и грозными войсками. Это — слова мужей, уже переселившихся на небо и достигших самого верха. Так, можно ничего не иметь и всем обладать, ничего не приобретать и всем владеть. А если мы будем стараться приобрести все, то лишимся всего. Может быть, эти слова кажутся загадкой, но они — не загадка. Как же, скажешь, не имеющий ничего обладает всем? Не скорее ли имеющий все? Нет, а совершенно напротив. Не имеющий ничего имеет в своей власти все, как и было с апостолами: во всей вселенной для них были открыты все дома, все принимали их с радостью, как друзей и родственников. Пришли они к порфиропродательнице, и она, как служанка, предложила им свою собственность (Деян. XVI, 16); пришли к темничному стражу, и он открыл им весь дом свой (XVI, 34); так же и ко многим другим. Так они ничего не имели, и всем обладали! Они *ничто от имений глаголаша свое быти* (Деян. IV, 32), и потому все принадлежало им. Кто считает все общим, тот пользуется не только своей собственностью, но и собственностью других, как своей; а отделяющий себя и считающий себя господином только своей собственности не владеет и ею. Это будет яснее из примера. Кто решительно ничего не имеет, ни дома, ни трапезы, ни лишней одежды, но всего лишил себя для Бога, тот пользуется чужим, как своим, и от всех получит, чего захочет; таким образом не имеющий ничего обладает всем. А имеющий что-нибудь не владеет и этим, потому что имеющему никто ничего не даст, и его собственность скорее сделается жертвой разбойников, воров, клеветников, перемены обстоятельств и всего другого, нежели будет его собственностью. Павел протек всю вселенную, не имея у себя ничего, шел не к друзьям и не к знакомым, — так как вначале он был общим врагом всех, — и владел всем, когда приходил. Анания и Сапфира, желая удержать малую часть из своей собственности, лишились всего вместе с самой жизнью (Деян. V, 9). Итак оставь свое, чтобы тебе пользоваться чужим, как своим. Впрочем не знаю, каким образом я дошел до такой крайности, беседуя с людьми, кото-

рые любят уделять хотя малую часть из своего имения. Пусть же наши слова относятся к людям совершенным; а менее совершенным скажем следующее: уделяйте от имения своего нуждающимся, и таким образом умножайте свое богатство, потому что подающий бедному *взаим дает Богови*, говорит (Премудрый) (Притч. XIX, 17). Если же ты не хочешь терпеть и ожидать времени воздаяния, то вспомни о тех, которые дают взаймы деньги людям. Они не тотчас берут проценты, но стараются как можно долее держать капитал в руках должника, только бы верно было возвращение и надежен взявший взаймы. Пусть будет то же и здесь: оставь свое в руках Божиих, чтобы Он воздал тебе многократную награду. Не старайся получить все здесь; если ты все получишь здесь, то какое воздаяние получишь там? Потому и Бог соблюдает награды там, что настоящая жизнь скоропреходяща. Правда, Он подает и здесь: *ищите*, говорит, *царствия небеснаго, и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 33); но мы будем взирать туда и не будем спешить получать воздаяние за все, чтобы не уменьшить нашей награды, но ожидать того времени. Тамошние проценты не таковы, как здесь, но какие свойственно получать от Бога. Потому соберем их там как можно более и таким образом перейдем отсюда, чтобы нам сподобиться и настоящих и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVI

Писах вам в послании не примешатися блудником: и не всяко блудником мира сего, или лихоимцем, или хищником, или идолослужителем: понеже убо должни бы есте были от мира изыти. Ныне же писах вам не примешатися, аще некий брат именуем будет блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или пияница, или досадитель, или хищник, с таковым ниже ясти (1 Кор. V, 9—11)

1. Когда (апостол) говорил: *не паче плакасте, да измется таковый*, и: *очистите ветхий квас*, то (коринфяне) могли подумать, что надобно избегать всех блудников (так как если

согрешивший сообщает свою заразу не согрешившим, то тем более должно удаляться согрешающих из внешних; если не должно щадить своего за тот вред, который происходит от него, то тем более – чужих); а допустив это, они должны были удаляться и блудников языческих. Так как это невозможно, и такое требование только более раздражило бы их, то апостол делает оговорку и говорит: *писах вам не примешатися блудником: и не всяко блудником мира сего.* Слово: *всяко* употребляет в смысле оговорки. Чтобы они не подумали, что он не заповедует им этого только как несовершенным, а что совершенные могут делать и это, он объясняет, что это невозможно, хотя бы они и желали; иначе надлежало бы искать другой вселенной. Потому и прибавляет: *понеже должни бы есте от мира изыти.* Видишь ли, как он не хочет отягощать их, а всегда обращает внимание не только на возможность, но и на удобство заповедей? Как возможно, говорит, чтобы человек, имея дом и детей, исполняя общественные обязанности, будучи ремесленником или воином, при таком множестве язычников всегда избегал блудников? *Блудниками мира* он называет блудников из язычников. *Ныне же писах вам, аще некий брат будет* таков, *с таковым ниже ясти.* Здесь он намекает и на других, живущих порочно. Но как брат может быть идолослужителем? Так, как некогда самаряне, которые только в половину держались благочестия. С другой стороны он здесь предначинает речь об идоложертвенном, которую намерен был изложить после. *Или лихоимец.* Отвергает и таких людей; потому и говорит после: *почто не паче обидими есте? почто не лишени бываете? но вы сами обидите и лишаете* (VI, 7, 8). *Или пияница.* И за это осуждает после, когда говорит: *ов убо алчет, ов же упивается* (XI, 21), и: *брашна чреву, и чрево брашном* (VI, 13). *Или досадитель, или хищник.* Таких людей он укорял прежде. Затем представляет причину, почему он не заповедует не сообщаться с такими людьми из язычников, доказывая, что это не только невозможно, но и излишне. *Что бо ми и внешних судити* (ст. 12)? Внутренними он называет христиан, а внешними – язычников, как говорит и в другом месте: *подобает ему и свидетельство добро имети от внешних* (1 Тим. III, 7); и в Послании к Фессалоникийцам говорит то же: *не примешайтеся ему, да посрамится: и не аки врага имейте,*

но наказуйте, якоже брата (2 Сол. III, 14, 15). Впрочем, там он не представляет причины. Почему? Потому что там он хотел ободрить, а здесь не то; там не такой грех, какой здесь; там он обличает меньший грех – праздность, а здесь – блуд и другие тягчайшие грехи. Кто будет сообщаться с язычниками, тому он не запрещает есть с ними, по той же причине. Так поступаем и мы: о детях и братьях имеем полное попечение, а о чужих заботимся не много. Но что же? Разве Павел не заботился о внешних? Заботился, но преподавал им заповеди уже тогда, когда они принимали проповедь и покорялись учению Христову; а пока они не обратились, дотоле излишне было бы говорить о заповедях Христовых тем, которые даже не знали Христа. *Не внутренних ли вы судите? Внешних же Бог судит* (ст. 13). Чтобы из слов его: *что ми и внешних судити?* – кто-нибудь не вывел заключения, что язычники останутся безнаказанными, он указывает им на другой суд – страшный. Говорит это, чтобы устрашить внешних и вместе утешить своих и чтобы показать, что это временное наказание избавляет от вечного и бесконечного, как и в другом месте сказал: ныне же *судими наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. XI, 32); и: *измите злаго от вас самех* (Второз. XVII, 7).

2. Он заимствовал изречение из Ветхого Завета, чтобы, с одной стороны внушить, что и они сами получат величайшую пользу, освободившись как бы от опасной заразы, а с другой стороны показать, что это не нововведение, а еще древним законодателем заповедано отлучать таких людей. Впрочем там было строже, а здесь снисходительнее. При этом справедливо можно спросить, почему там законодатель позволял казнить грешника и побивать камнями, а здесь не так, но ведет его к покаянию? Почему там узаконено так, а здесь иначе? По двум причинам: во-первых, потому, что новозаветные призваны к большему подвигу, следовательно имеют нужду в большем снисхождении; во-вторых, и справедливее, потому, что облегчение в наказании скорее располагает их к покаянию и исправлению, а ветхозаветных оно привело бы к большему развращению. Если они, и видя наказание своих предшественников, оставались при тех же грехах, то тем более закосневали бы в таком состоянии, если бы иные из них не были наказываемы. Потому-то там

прелюбодей и убийца немедленно предавались смерти, а здесь, если очистятся покаянием, избегают наказания. Впрочем, можно встречать и в Новом Завете наказания более строгие, нежели в Ветхом, и в Ветхом более легкие, нежели в Новом, откуда видно, что эти Заветы сродны и принадлежат одному и тому же законодателю. Там и здесь наказания иногда вдруг следуют за преступлением, иногда спустя долгое время, а нередко не бывает и этого, но Бог удовлетворяется одним покаянием. Так в Ветхом Завете Давид, совершивший прелюбодеяние и убийство, спасся покаянием, а в Новом Анания, утаивший немного из цены за имение, погиб вместе с женой. Если же в Ветхом больше примеров строгости, а в Новом – напротив, то различие такого домостроительства происходит от различия лиц. *Смеет ли кто от вас, вещь имея к брату своему, судитися от неправедных, а не от святых* (VI, 1)? И в этом опять апостол обличает их, как в деле известном; там говорит: *отнюд слышится в вас блужение;* а здесь: *смеет ли кто от вас?* В самом начале выражает гнев и показывает, что это дело нескромное и законопреступное. Но почему он завел речь о любостяжании и о том, что не должно судиться у внешних? Следуя своему правилу. А правилом его было – исправлять все грехи, какие встречаются; например, рассуждая об общественных трапезах, он завел речь о таинствах. Так и здесь, упомянув о любостяжательных братиях, по пламенной ревности к исправлению согрешающих, он уже не соблюдает порядка, но обличает грех, какой представился по ходу речи, и потом возвращается к прежнему предмету. Послушаем же, что он говорит об этом. *Смеет ли кто от вас, вещь имея, к брату своему, судитися от неправедных, а не от святых?* Самими названиями раскрывает грех, обличает и отклоняет от него. Сначала он не отвергает вовсе суда у верных; но когда уже сильно обличил их, тогда и вовсе запрещает судиться. Если, говорит, непременно нужно судиться, то не следует у неверных, а лучше и вовсе не судиться, Впрочем последнюю мысль он высказывает после, а теперь пока запрещает только судиться у посторонних. Не странно ли, говорит, для примирения с другом избирать посредником врага? Не стыдно ли и не срамно ли, что язычник садится судить христианина? Если же не дол-

жно судиться у язычников в делах частных, то как можно обращаться к ним в делах более важных? И смотри, как он выражается. Не сказал: у неверных, но: *у неправедных;* употребляет такое выражение, какое особенно нужно было ему для предположенной цели, для того, чтобы исправить и отклонить. Говоря о суде и имея в виду, что судящиеся ничего так не желают от судей, как великой заботы о правосудии, он этим самим и вразумляет их, как бы так говоря: куда ты идешь и что делаешь, человек, поступая вопреки собственному желанию, ища правды у людей неправедных? Тяжело было прямо услышать запрещение судиться; потому он не вдруг заповедует это, но сначала только переменяет судью, обращая судившихся от внешних к Церкви; а потом, так как судиться у своих казалось унизительным, особенно тогда, – потому что они, будучи по большей части из простых людей, может быть, не способны были разбирать дела и были не столь сведущи в законах и искусны в красноречии, как судьи внешние, – то смотри, как он делает их достойными доверия, называя сперва *святыми.* Но так как это свидетельствовало о чистоте их жизни, а не об искусстве выслушивать дела, то смотри, как он обращает речь и к этому предмету и говорит: *не весте ли, яко святии мирови имут судити* (ст. 2)?

3. Если же ты будешь судить некогда язычников, то как допускаешь им судить тебя теперь? Судить будут (святые), не сами заседая и требуя отчета, но осудят. Это выражает апостол словами: *аще вами суд приимет мир, недостойни есте судищем худым.* Не сказал: от вас, но: *вами,* как и Господь сказал: *царица южская востанет, и осудит род сей;* и: *мужие ниневитстии востанут и осудят род сей* (Мф. XII, 41, 42). Они видят одно и то же с нами солнце и участвуют в одном и том же, и между тем если мы окажемся верующими, а они неверующими, то им невозможно будет сослаться на незнание; мы осудим их тем, что мы сделали; и много подобных найдется тогда способов осуждения. А чтобы кто не подумал, что он говорит о ком-нибудь другом, смотри, как он обобщает речь: *и аще вами суд приимет мир, недостойни есте судищем худым.* Поведение ваше, говорит, наносит вам стыд и невыразимое бесчестье. Коринфяне, вероятно, стыдились судиться у своих судей; потому он говорит: напротив, стыдитесь того, что вы суди-

тесь у внешних; их судилища маловажны, а не те. *Не весте ли, яко ангелов судити имамы, а не точию житейских* (ст. 3)? Некоторые говорят, что здесь он разумеет священников; но нет, — он говорит о демонах. Если бы он говорил о порочных священниках, то разумел бы их выше, когда говорил: *вами суд приимет мир,* — потому что порочных людей Писание обыкновенно называет миром, — и не стал бы говорить о том же в другой раз, тем более не сказал бы об этом после первого, как бы о чем-то более важном. Он говорит здесь о тех ангелах, о которых говорит Христос: *идите во огнь, уготованный диаволу и ангелом его* (Мф. XXV, 41), и сам Павел: *ангелы его преобразуются, яко служители правды* (2 Кор. XI, 15). Когда эти бестелесные силы окажутся хуже нас, облеченных плотью, то подвергнутся тягчайшему наказанию. Если же кто еще станет спорить, что здесь говорится о священниках, то мы спросим: о каких священниках? Конечно, о тех, которые вели себя по-житейски! Но как же он говорит, что *ангелов судити имамы, а не житейских,* противопоставляя ангелов делам житейским? Это справедливо в том смысле, что они по превосходству своей природы не имеют нужды (в житейском). *Житейская бо судища аще имате, уничиженных в церкви, сих посаждайте* (ст. 4). Желая с особенной силой вразумить нас, что не должно, в чем бы то ни было, обращаться к внешним судьям, и видя представляющееся возражение, он наперед разрешает его. Смысл слов его следующий: может быть, кто скажет, что между вами нет ни одного мудрого или способного разбирать дела, но все неспособны к тому: что же? Хотя бы, говорит, у вас не было ни одного мудрого, поручайте это дело самым последним. *К сраму вам сие глаголю* (ст. 5). Осуждает такое возражение, как пустой предлог; потому и продолжает: *тако ли несть в вас мудр ни един?* Неужели, говорит, у вас такая скудость? Неужели у вас так редки умные люди? Последующим прибавлением еще более поражает их; именно, сказав: *тако ли несть в вас мудр ни един?* — присовокупляет: *иже может разсудити между братий своих.* Когда брат судится с братом, то для посредника в тяжбе не нужны большая мудрость и искусство, но к разрешению спора много могут содействовать расположенность и родство. *Но брат с братом судится, и то пред неверными* (ст. 6). Видишь ли,

как благоразумно он сперва унизил судей, назвав их неправедными, а теперь пристыжает (коринфян), называя (этих судей) неверными? И действительно, весьма стыдно, если между братьями не может быть примирителем священник, но оказывается нужным прибегать к внешним. Указав на *уничиженных*, он не то говорит, что на месте судей должны быть люди самые негодные, но пристыжает их. Что суд надобно предоставлять людям, способным разбирать дела, это он выразил в словах: *тако ли несть в вас мудр ни един?* А чтобы совершенно заградить им уста, говорит, что если бы даже между ними не было ни одного мудрого, то лучше предоставить дела на суд немудрых, нежели судиться у внешних. Не нелепо ли, в случае домашней ссоры, не обращаться ни к кому из посторонних и стыдиться, если домашние дела разгласятся вне дома; а из Церкви, которая есть сокровищница неизреченных таинств, все выносить наружу? *Но брат с братом судится, и то пред неверными.* Двойная вина: та, что судится, и та, что судится у неверных. Если судиться с братом само по себе есть грешное дело, то судящийся у внешних заслуживает ли какого-либо оправдания? *Уже убо отнюд вам срам есть, яко тяжбы имате между собою* (ст. 7). Видишь ли, до каких пор он не высказывал этого и как благовременно искореняет это (зло)? Я еще не исследую, говорит, того, кто прав и кто неправ; уже по тому самому, что судятся, оба они достойны осуждения и ничем один другого не лучше.

4. Справедливо или несправедливо брат судится с братом, — это другой вопрос. Не говори же, кто причинил обиду; осуждаю тебя уже за то, что судишься. Если не сносить обиды — грех, то нанесение обиды какого достойно осуждения? *Почто не паче обидими есте? Почто не паче лишены бываете? Но вы сами обидите и лишаете, да еще братию* (ст. 8). Здесь два преступления или, лучше, три и даже четыре. Одно то, что не сносят обиды; другое, что сами обижают; третье, что ищут суда у неправедных; четвертое, что поступают так с братом. Не одинаково судятся грехи, когда они совершаются против кого-нибудь случайно попавшегося или против собственного члена; в последнем случае обнаруживается больше бесстыдства; там оскорбляется одно естество, а здесь сама личность. Пристыдив их таким образом общими

соображениями, а больше всего ожидающими их наградами, он заключает увещание угрозой, усиливает речь и говорит: *или не весте, яко неправедницы царствия Божия не наследят? Не лстите себе: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни сквернители, ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пияницы, ни досадители, ни хищницы царствия Божия не наследят* (ст. 9, 10). Что говоришь ты? Беседуя о любоотяжателях, для чего упоминаешь о таком множестве беззаконников? Так отвечает: но я делаю это, не смешивая предметы речи, а продолжая ее по порядку. Действительно, как в беседе о блудниках он упомянул о всех, так опять и здесь, беседуя о любостяжателях, исчисляет всех грешников, чтобы приготовить к обличению тех, которые сознают за собой такие дела. Когда кто беспрестанно слышит о наказании, ожидающем других, то сам делается доступнее для вразумления, потому что прилагает это наказание и к собственным своим грехам. Апостол произносит здесь угрозу не потому, чтобы он знал за коринфянами все эти грехи и укорял за них; но потому, что внимание слушателя привлекается и поддерживается преимущественно тогда, когда речь касается его не прямо, а неопределенно, прикровенно поражая его совесть. Не *лстите себе.* Здесь он разумеет некоторых говоривших, как и ныне многие говорят: Бог человеколюбив и благ, Он не мстит за преступления, нам нечего бояться, Он никогда не накажет ни за какой грех. Потому и говорит: *не лстите себе.* Ведь крайнее обольщение и заблуждение — надеясь на приятное, получить противное и думать о Боге так, как не думают и о человеке. Потому пророк говорит от лица Божия: *вознепщевал еси беззаконие, яко буду тебе подобен: обличу тя и представлю пред лицем твоим грехи твоя* (Ис. XLIX, 21). И Павел (говорит) здесь: *не лстите себе: ни блудницы,* — поставляет наперед уже осужденного грешника, — *ни прелюбодеи, ни малакии, ни пияницы, ни досадители царствия Божия не наследят.*

Многие осуждали это место, как слишком жестокое, так как апостол здесь наряду с блудником, прелюбодеем и мужеложником ставит пьяницу и злоязычника: грехи не равны, — почему же равны наказания? Что сказать на это за то, что пьянство и злоречие — грехи немаловажные, если и Христос признал *повинным геенне* того, кто назовет брата *уродом*

(Мф. V, 22). Отсюда часто происходило убийство; от пьянства и народ иудейский впал в весьма тяжкие грехи. Притом апостол говорит здесь не о наказании, а о лишении царства. Царства одинаково лишатся как тот, так и другой; а будет ли между ними какое-нибудь различие в геенне, о том говорить теперь не время; мы теперь рассуждаем не об этом. *И сими нецыи бесте: но омыстеся, но освятистеся* (ст. 11). Сильно он укоряет их этими словами; подумайте, говорит, от каких зол Бог избавил вас, какое явил вам доказательство своего человеколюбия; и не ограничил Своего милосердия одним избавлением от зол, но простер Свое благодеяние еще далее: сделал вас чистыми. Да и только ли? Нет, – еще и освятил; и это не все, – и оправдал. Освободиться от грехов – уже великий дар; но Он еще обогатил вас бесчисленными благами; притом *именем Господа нашего Иисуса Христа,* не таким-то и таким-то, но и *Духом Бога нашего.* Итак, возлюбленные, зная это и представляя величие дарованных нам благ, будем жить благочестиво, соблюдая себя чистыми от всех исчисленных грехов; будем убегать внешних судилищ, бывающих на торжищах, и сохранять благородство, которое даровал нам Бог. Подумай, какой стыд, когда язычник восседает и производит над тобой суд!

5. Но, скажешь, что, если свой судит несправедливо? Почему же так, скажи мне? По каким законам судит язычник и по каким христианин? Разве не известно, что язычник – по человеческим, а христианин – по божеским? Следовательно, правды больше здесь, потому что законы ниспосланы с неба. Во внешних судилищах, кроме сказанного, есть еще много подозрительного: и искусство риторов, и недобросовестность судей, и многое другое, чем нарушается правосудие; а здесь нет ничего такого. Что делать, скажешь, когда противник из числа сильных? Тогда особенно и должно судиться здесь; во внешних судилищах он непременно одолеет тебя. Если же он не хочет этого и, презирая внутренние судилища, насильно влечет к внешним, то лучше добровольно потерпеть то, чему там ты подвергнешься против воли, и не судиться, чтобы получить и награду. *Хотящемуся судитися с тобою,* говорит (Господь), *и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу;* и: *буди увещаваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним* (Мф. V, 40, 25). Впрочем, нужно

ли нам распространяться? Сами защитники внешних судилищ очень часто говорят, что лучше обходиться без них.

О, деньги, или лучше, о, безумная страсть к деньгам! Она низвращает и ниспровергает все; для денег многим все кажется басней и пустяками. Что мирские люди заводят тяжбы в судилищах, это еще не удивительно; но когда многие из отрекшихся от мира делают то же, это уже не заслуживает никакого прощения. Если хочешь видеть, как Писание повелевает тебе удаляться от этой нужды, то есть от судилищ, и для кого существуют законы, то послушай, что говорит Павел: *праведнику закон не лежит, но беззаконным и непокоривым* (1 Тим. I, 9). Если же он говорит так о (законе) Моисеевом, то тем более – о (законах) внешних. И подлинно, когда ты сам оскорбляешь, то явно, что ты не праведник; а когда тебя оскорбляют и ты терпишь, – что особенно и свойственно праведнику, – то не имеешь нужды в законах внешних. Но, скажешь, могу ли я терпеть, когда меня оскорбляют? А Христос заповедал еще больше, Он заповедал оскорбляемому не только терпеть, но и благодетельствовать оскорбляющим и готовностью к терпению побеждать (злое) расположение оскорбляющего. Он не сказал: желающему судиться с тобой и взять у тебя ризу отдай ризу, но – вместе с ней отдай ему и срачицу. Побеждай его, говорит, терпением, а не оскорблением со своей стороны: вот славная и блистательная победа! Потому и Павел далее говорит: *уже убо отнюд вам срам есть, яко тяжбы имате между собою. И почто не паче обидими есте?* Победа принадлежит скорее терпящему обиду, нежели не терпящему; постараюсь объяснить вам это. Положим, что не терпящий обиды ведет противника своего в судилище и одерживает верх; но тогда-то он сам и остается побежденным. Он подвергся тому, чего не хотел: противник принудил его огорчаться и судиться. Что в том, что ты одержал верх? Что в том, что обратно получил все деньги? Ты потерпел то, чего не хотел, будучи принужден судиться. Если же ты переносишь обиду, то побеждаешь; теряешь деньги, но приобретаешь победу при таком любомудрии, потому что, значит, противник не мог принудить тебя к тому, чего ты не хотел. Чтобы видеть, что это правда, скажи мне: кто победил – завистник или сидевший на гноище? Кто побежден – ли-

шенный ли всего Иов или лишивший всего диавол? Явно, что лишивший всего диавол. Кого мы прославляем победителем — диавола ли, который поражал, или Иова, который был поражаем? Явно, что Иова. Правда, он не мог сохранить погибшего имущества и спасти детей своих; что я говорю: имущества и детей? — не мог сохранить даже телесного здоровья; однако победителем остался он, потерявший все имущество. Он не мог сохранить имущества, но всецело сохранил благочестие. Он не мог предотвратить погибель детей; но что из этого? Случившееся сделало их более славными и ему пособило среди искушений. Если бы он не пострадал и не потерпел нападений от диавола, то и не одержал бы такой блистательной победы. Если бы терпеть обиды было зло, то Бог не заповедал бы нам этого, потому что Бог не заповедует ничего худого. Или вы не знаете, что Он есть Бог *славы* (Пс. XXIII, 10) и не желает, чтобы мы подвергались бесславию, осмеянию и погибели, а доставляет нам все противоположное тому? Он заповедует нам терпеть обиды и все делает для того, чтобы отклонить нас от житейской суеты и научить, в чем состоят слава и бесславие, потеря и приобретение.

6. Но, скажешь, тяжело терпеть оскорбления и обиды? Нет, человек, не тяжело. Доколе ты будешь пристрастен к благам настоящим? Бог не повелел бы этого, если бы было тяжело. И смотри: нанесший обиду отходит с деньгами, но за то и с порочной совестью; а потерпевший обиду хотя лишился денег, но получил дерзновение перед Богом — стяжание, которое драгоценнее бесчисленных сокровищ. Итак, зная это, будем любомудрыми по доброй воле, — и мы не подвергнемся участи людей неразумных, которые не считают обидой для себя, когда лишаются чего-нибудь по приговору судилища. Напротив, мы терпим величайшую потерю, когда любомудрствуем так не по доброй воле, а будучи принуждены к тому, потому что проигравший дело не выносит никакой пользы из судилища; любомудрие его есть следствие необходимости. В чем же блистательная победа? В том, когда ты презираешь обиду, когда не прибегаешь к суду. Что ты говоришь, скажешь ты? У меня отнято все имущество, а ты повелеваешь молчать? Я обижен, а ты советуешь переносить это

с кротостью? Как я могу это сделать? Легко сможешь, если воззришь на небо и красоту его, если вспомнишь, где Бог обещал принять тебя за великодушное перенесение обид. Поступай же так и, воззрев на небо, помысли, что ты через это уподобляешься сидящему там на херувимах. Он так же был оскорбляем, и терпел; был поругаем, и не мстил; был оплеваем и не отвечал, — но напротив воздавал оскорблявшим Его бесчисленными благодеяниями, и нам повелел подражать Ему. Вспомни, что ты наг вышел из утробы матери своей, наг и отойдешь отсюда — и ты, и обидевший тебя, или лучше, он умрет с тысячью язв, порождающих червей. Помысли, что настоящее временно; представь себе гробы прародителей; вникни внимательнее в дело, — и увидишь, что нанесший тебе обиду сделал тебя более крепким: страсть сребролюбия — в себе он сделал сильнее, а в тебе ослабил, отняв пищу у этого зверя. Сверх того, он избавил тебя от забот, хлопот, зависти клеветников, беспокойства, смятения, беспрестанного страха, а на свою голову навлек множество зол. Но что, скажешь, если я должен буду бороться с голодом? Будешь терпеть это вместе с Павлом, который говорит: до *нынешняго часа и алчем и жаждем и наготуем* (1 Кор. IV, 11). Но он, скажешь, для Бога? И ты для Бога: когда ты не мстишь, то делаешь это для Бога. Но нанесший мне обиду наслаждается вместе с богачами? Лучше скажи: с диаволом; а ты получишь венцы вместе с Павлом. Не бойся голода: *не убиет* (говорит Премудрый) *гладом Господь души праведных* (Притч. X, 3); и другой говорит: *возверзи на Господа печаль твою, и той тя препитает* (Пс. LIV, 23). Если Он питает полевых пташек, то не пропитает ли тебя? Не будем же маловерны и малодушны, возлюбленные! Обещавший нам царствие и такие блага лишит ли нас настоящих благ? Не будем желать лишнего, будем довольны малым, — и мы всегда будем богаты. Будем пещись только об одежде и пище, — и получим как это, так и гораздо большее. Когда ты скорбишь и огорчаешься обидой, я желал бы показать тебе душу торжествующего победу обидчика: она подобна пеплу! Таково свойство греха: пока он совершается, дотоле доставляет некоторое удовольствие; а когда совершится, то легкое удовольствие

проходит и наступает скорбь. То же испытываем и мы, когда наносим кому-нибудь обиду: после сами осуждаем себя. Точно так же, когда мы удовлетворяем своему корыстолюбию, радуемся; а после совесть угрызает нас.

Видишь ли ты у кого-нибудь дом бедного? Плачь не о том, кто лишился, но о том, кто взял его; не другому, а себе он причинил зло; бедного он лишил блага настоящего, а себя — благ неизреченных. Ведь если не подающий бедным идет в геенну, то отнимающий у бедных какому подвергнется мучению? Но какая, скажешь, польза от того, что я терплю зло? Большая польза. Не в наказании причинившего тебе зло Бог поставляет для тебя воздаяние: это значило бы немного. Что пользы, если я терплю зло и он терпит зло? Знаю, что многие считают величайшим для себя утешением и остаются совершенно довольными, когда видят обидевших их наказанными; но Бог не в том поставляет воздаяние. А знаешь ли, какие ожидают тебя блага? Он отверзает тебе все небо, делает тебя сожителем святых, включает тебя в их лик, разрешает от грехов, венчает правдой. Ведь если прощающие согрешившим получают отпущение грехов, то не только прощающие, но и благодетельствующие им какого не удостоятся благословения? Потому не огорчайся, но еще молись за обидевшего тебя; это принесет пользу тебе самому. Он взял твое имущество, взял и грехи, как случилось с Нееманом и Гиезием (4 Цар. V, 27). Какого не отдал бы ты богатства, чтобы тебе отпущены были грехи? Это может случиться и теперь; если будешь терпеть и не станешь проклинать, то получишь блистательный венец. Не мои это слова, но Христовы: *молитеся,* сказал Он, *за творящих вам напасть;* и подумай, какая за это награда: *яко да будете* подобны *Отцу вашему, иже есть на небесех* (Мф. V, 44, 45). Таким образом, ты ничего не теряешь, но еще приобретаешь, не терпишь вреда, но еще получаешь венец; душа твоя делается более любомудрой; ты уподобляешься Богу, избавляешься от забот об имуществе, приобретаешь царство небесное. Итак, представляя все это, возлюбленные, будем любомудрствовать, когда нас обижают, чтобы избавиться от беспокойств настоящей жизни, освободиться от бесполезных огорчений и сподобиться радости будущей, благодатью и человеко-

любием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVII

Вся ми леть суть, но не вся на пользу: вся ми леть суть, но не аз обладай буду от чего (1 Кор. VI, 12)

1. Здесь (апостол) указывает на чревоугодников. Намереваясь снова обличать предавшегося прелюбодеянию, которое происходит от пресыщения и неумеренности, он сильно поражает эту страсть. Здесь говорит он не о запрещенных яствах, — они непозволительны, — а о тех, которые кажутся безразличными. Например: можно, говорит, есть и пить, но не следует — с неумеренностью. И вот что чудно и удивительно: как делает во многих других местах, так и здесь он показывает обратную сторону предмета и объясняет, что иногда состоящее в нашей власти не только бесполезно, но и обнаруживает не власть, а рабство. И, во-первых, отклоняет от этого, как от неполезного, говоря: *не на пользу,* а во-вторых, как от ведущего к противоположному: *не аз обладан буду от чего.* Смысл слов его следующий: ты, говорит, властен есть; сохраняй же свою власть и смотри, чтобы не сделаться рабом этого пожелания. Кто надлежащим образом пользуется им, тот властен над ним; а кто предается ему неумеренно, тот не имеет власти, но становится рабом, а властвует над ним неумеренность. Видишь, как он доказал, что считающий себя властелином сам находится под властью? Так часто Павел, о чем раньше я говорил, обращает возражения в обратную сторону, — то же сделал он и здесь. Вот смотри: каждый из коринфян говорил: я властен пресыщаться; а он говорит: ты делаешь это, не как властелин, а как находящийся под властью. Если ты невоздержан, то не ты имеешь власть над чревом, а оно над тобой имеет власть. То же можно сказать и о деньгах, и о всем прочем. *Брашна чреву* (ст. 13). Чревом он называет здесь не желудок, а чревоугодие, как и в другом месте, когда говорит: *имже бог чрево* (Флп. III, 19), разумея не член (тела), но пресыщение. А что это так, выслушай дальнейшие слова: *и чрево брашном: тело же*

не блуждению, но Господеви. Чрево также есть тело. Но Он делает два сочетания: брашна и чревоугодие, которое назвал чревом, Христос и тело. Что же значит: *брашна чреву?* Брашна, говорит, имеют тесную связь с чревоугодием, и чревоугодие с брашнами; потому оно не может вести нас ко Христу, но влечет к брашнам. Это – жестокая и дикая страсть; она порабощает и принуждает служить себе. Для чего же ты, человек, пристращаешься к пище? Вот чем оканчивается это служение и более не ведет ни к чему; оно, покоряя, как бы какой госпоже, удерживает в этом рабстве и ничего другого не производит, кроме одной этой суеты. Притом, взаимно соединяясь, они взаимно и разрушают себя, чрево брашна и брашна чрево, совершая бесполезное круговращение, подобно как сгнивающее тело порождает червей, а черви уничтожают это тело, или как волна поднимаясь опускается и не производит более ничего. Он говорит это не о пище и теле, а порицает страсть чревоугодия и неумеренность в пище, как показывают дальнейшие слова: *Бог же и сие и сия упразднит;* разумеет не желудок, а неумеренное пожелание, не пищу, а пресыщение. Первого он не осуждает, но еще предписывает касательно его следующее правило: *имеюще пищу и одеяние, сими доволни будем* (1 Тим. VI, 8). Он осуждает (порочное) действие и в заключение своей беседы исправляет его молитвой. А некоторые говорят, что в словах его заключается предсказание о состоянии в будущем веке, то есть что там мы не будем ни есть, ни пить. Если же умеренное употребление пищи будет иметь конец, то тем более должно воздерживаться от неумеренности. Затем, чтобы кто не подумал, что он осуждает тело, чтобы не заключил, что он отчасти переносит осуждение на все целое, и не сказал, что тело по природе своей служит причиной прелюбодеяния, послушай, что он говорит далее: я, говорит, осуждаю не природу тела, а неумеренное сластолюбие души; потому и присовокупляет: *тело же не блужению, но Господеви.* Оно создано не для того, чтобы ты жил невоздержно и прелюбодействовал, равно как и чрево не для того, чтобы ты предавался чревоугодию, но чтобы оно служило Христу, как главе, а Он был *Господь телу.* Устыдимся же и устрашимся, что мы, удостоившись такой чести, сделавшись членами Его,

главенствующего над нами, бесчестим себя такими пороками! Таким образом достаточно обличив чревоугодников, (апостол) далее удерживает их от этого порока надеждой в будущем: *Бог же*, говорит, *и Господа воздвиже, и нас воздвигнет силою своею* (ст. 14).

2. Видишь ли опять мудрость апостола? Достоверность воскресения он всегда доказывает примером Христа, и особенно теперь. Если тело наше есть член Христов, а Христос воскрес, то и тело, без сомнения, последует за Главой. *Силою своею.* Так как он упомянул о предмете непостижимом и необъяснимом соображениями разума, то и приписывает воскресение Христово непостижимой силе Божией, немало опровергая этим доказательством неверующих. О воскресении Христовом он не сказал: *Бог и Господа воздвигнет*, — потому что оно уже совершилось, — а как? *Бог же и Господа воздвиже;* и доказывать это не было нужды. О нашем же воскресении, которого еще не было, сказал не так, но как? *И нас воздвигнет силою своею;* несомненным могуществом Виновника воскресения заграждает уста противников. А что он приписывает воскресение Христово Отцу, не смущайся этим. Такое выражение не означает, будто Христос бессилен, потому что сам Он говорил: *разорите церковь сию, и треми денми воздвигну ю* (Ин. II, 19); и еще: *область имам положити душу мою, и область имам паки прияти ю* (Ин. X, 18). И Лука в Деяниях говорит: *пред ними и постави себе жива* (I, 3). Почему же Павел употребляет такое выражение? Потому, что свойственное Сыну приписывается Отцу и свойственное Отцу приписывается Сыну: *яже бо Он творит, сия и Сын такожде творит* (Ин. V, 19). И весьма благовременно он упоминает здесь о воскресении; такими надеждами он обуздывает силу чревоугодия и как бы так говорит: ты ешь и пьешь невоздержно, — какой же конец этого? Никакого, кроме одного тления. Ты соединился со Христом, — какой конец этого? Великий и дивный: будущее воскресение, славное и превосходнейшее всякого описания.

Итак, пусть никто не сомневается в истине воскресения. Если же кто не верует, то пусть подумает, сколько (тварей Бог) сотворил из ничего, и примет это за доказательство истины воскресения: ведь то, что уже случилось, гораздо

удивительнее и представляет непостижимое чудо. Смотри: Бог, взяв землю, смесил ее и образовал человека, — землю, которая прежде не существовала. Как же земля стала человеком? Как она из небытия приведена в бытие? Как произошло из нее все: бесчисленные роды животных, семян, растений, тогда как при этом не было болезней рождения, не ниспадал дождь, не было ни земледелия, ни волов, ни плуга, и ничего другого, что содействовало бы их появлению? Бог для того и произвел в начале из неодушевленного и бесчувственного вещества столько родов растений и бессловесных животных, чтобы тогда же внушить тебе истину воскресения. Сотворение непостижимее воскресения; не одно и то же — зажечь угасшую свечу или произвести огонь, никогда не существовавший; не одно и то же — восстановить разрушившийся дом или создать вовсе не существовавший. Здесь есть, по крайней мере, готовое вещество, а там не было и вещества. Потому Он сделал наперед труднейшее, чтобы ты допустил легчайшее, — труднейшее, говорю, не для Бога, но для нашего представления. Для Бога нет ничего трудного, но как живописец, написавший одну картину, легко может написать их и множество, так и Бог еще легче может сотворить бесчисленное множество миров; или, лучше, как для тебя легко представить город и множество миров, так для Бога легко сотворить их или даже гораздо легче. Ты по крайней мере употребляешь несколько времени на представление, а Бог — и того нет, но сколько камни тяжелее самых легких вещей или, лучше, разума нашего, столько наш разум уступает в быстроте творческой силе Божией. Ты удивляешься могуществу Его на земле? Подумай же еще, как произошло небо, прежде не существовавшее, как бесчисленные звезды, как солнце, как луна, которые все прежде не существовали? Еще скажи мне, как по сотворении они держатся и на чем? Какое основание имеют они, равно как и земля? Что за землей? Что опять за тем, что за землей? Видишь ли, в какое недоумение впадает умственный взор твой, как скоро ты не прибегаешь к вере и к непостижимой силе Творца? Если же хочешь объяснять это делами человеческими, то можешь и таким образом несколько окрылить разум свой. Какими, скажешь, делами человечески-

ми? Не видишь ли ты, как горшечники выделывают сосуд из смешанного и бесформенного вещества, как рудокопы из металлоносной земли извлекают золото, железо и медь, как выделывающие стекло обращают песок в твердое и прозрачное тело? Говорить ли о сыромятниках и красильщиках пурпуровых одежд, как они придают им один цвет вместо другого? Говорить ли о нашем рождении? Не малое ли семя, сперва не имеющее вида и очертания, сообщается в приемлющую его утробу? Каким же образом является живое существо? А пшеница? Не голое ли зерно бросается в землю? Не сгнивает ли оно, будучи посеяно? Откуда же является колос, стебли и все прочее? Каким образом малое зернышко смоковницы, упав на землю, часто производит корни, ветви и плоды? Все это ты допускаешь и не подвергаешь сомнению, а требуешь от Бога отчета только в том, как он преображает наше тело? Можно ли простить это?

3. Все это и подобное говорим мы язычникам; а верующим Писанию мне и говорить нет нужды. Если бы ты захотел исследовать все дела Божии, то чем Бог был бы больше человека? Даже и дела многих людей мы не исследуем. Если же мы поступаем так по отношению к людям и не исследуем дел их, то тем более не должно исследовать премудрость Божию и требовать от нее отчета; и, во-первых, потому, что Возвестивший достоин веры; во-вторых, потому, что сами дела Его не доступны суждениям разума. Бог не так немощен, чтобы производить только то, что может быть постигнуто твоим слабым разумом. Если ты не понимаешь дел художника, то тем более — высочайшего Художника, Бога. Итак, не сомневайтесь в истине воскресения; иначе вы будете весьма далеки от надежды (благ) будущих. И чем выражают свою мудрость или, лучше, свое безумие возражатели? Как, говорят они, воскреснет тело, когда оно смешается с землей, обратится в прах и рассеется по разным местам? Для тебя это кажется непостижимым, но не для недремлющего Ока; для Него все ясно. Ты не видишь раздельно того, что смешано, а Оно видит все; ты не знаешь и того, что в сердце ближнего, а Оно знает все. Если же ты не веруешь воскресению потому, что не знаешь, как Бог совершит воскресение, то, значит, не веруешь и тому, что Он знает сер-

дечные помышления, которые также невидимы. Вещество тела и по разрушении остается видимым, а помышления невидимы. Потому Видящий невидимое со всей ясностью неужели не видит видимого и не может легко восстановить состава телесного? Очевидно, может. Итак, не сомневайся в (истине) воскресения; это (сомнение) – внушение диавольское. Диавол старается внушать это не только для того, чтобы не верили воскресению, но чтобы прекратились и погибли и дела добродетели. В самом деле, человек, не ожидающий воскресения и предстоящего отчета в делах своих, едва ли будет добродетелен, а не упражняющийся в добродетели не станет верить и воскресению; то и другое взаимно подкрепляется: порок неверием и неверие пороком. Обремененная грехами совесть, страшась и трепеща перед будущим воздаянием и не желая находить утешение в перемене к лучшему, старается успокоить себя неверием. Если ты будешь утверждать, что нет ни воскресения, ни суда, он скажет: следовательно, и я не буду отдавать отчета в грехах своих. Но что говорит Христос? *Прельщаетеся, не ведуще писания, ни силы Божия* (Мф. XXII, 29). Бог не совершил бы таких дел, если бы не хотел воскресить нас, но (предположил) разрушить и обратить в ничто; не распростер бы неба, не основал бы земли, не создал бы и всего прочего только для одной настоящей кратковременной жизни. Если же Он сделал столько для настоящей жизни, то чего не сделает для будущей? А если нет жизни будущей, то мы гораздо презреннее (тварей), созданных для нас; ведь и небо, и земля, и море, и реки, и даже некоторые из бессловесных животных долговечнее нас. Так ворон, порода слонов и многие другие животные долее нас пользуются настоящей жизнью. Наша жизнь коротка и многотрудна, а их – продолжительна и более чужда попечений и скорбей. Что же, скажи мне, неужели Бог сотворил рабов лучше их владык? Нет, увещеваю, человек, не думай так, не скудоумничай и не сомневайся в могуществе Бога, твоего Владыки. Бог благоволил сотворить тебя в начале бессмертным, но ты не захотел быть таким. Знамениями бессмертия были беседа с Богом и безбедственная жизнь, чуждая печалей, забот, трудов и всего временного. Адам не имел нужды ни в одежде, ни в кровле, ни в других подобных вещах,

но уподоблялся ангелам, предвидел многое в будущем и был исполнен великой мудрости; знал и то, что Бог сотворил тайно, именно касательно жены; потому и сказал: *се нынe кость от костей моих, и плоть от плоти моея* (Быт. II, 23). Труд привзошел после, изнурение – после, стыд, страх и трепет – после, а прежде не было ни печали, ни болезни, ни воздыхания. Но (Адам) не устоял в этом достоинстве.

4. Почему же, скажешь, я страдаю и погибаю за него? Нет, и не за него; и сам ты не без греха, но совершил если не тот же самый, то другой грех. Притом наказание принесло тебе не вред, а пользу. Слова твои, может быть, имели бы некоторое основание, если бы ты навсегда остался смертным; а теперь ты бессмертен и, если захочешь, можешь просиять более солнца. Но, скажешь, если бы я имел тело не смертное, то не согрешил бы. А тот (Адам), скажи мне, смертное ли имел тело, когда согрешил? Нет, если бы тело его было смертно, то смерть не была бы назначена ему в наказание. Впрочем смертное тело не служит препятствием к добродетели, но еще вразумляет и весьма много способствует, как видно из следующего: если одно ожидание бессмертия так надмило Адама, то, если бы он в самом деле был бессмертен, в какую не впал бы гордость? Теперь, согрешив, ты можешь исправиться по тому самому, что тело твое уничиженно, слабо и подвержено разрушению; эти мысли могут вразумить тебя; а если бы ты грешил в бессмертном теле, то грехи твои, может быть, остались бы неисправимыми. Итак, не смертность причиной греха, – не обвиняй ее, – но злое произволение есть корень зол. Отчего тело не причинило вреда Авелю? Отчего бесплотность не принесла никакой пользы злым духам? Хочешь ли знать, как смертное тело не только не вредит, но еще доставляет пользу? Послушай, сколько доброго ты можешь получить от него, если будешь бдителен. Оно отклоняет и отвлекает тебя от зла болезнями, скорбями, трудами и тому подобным. Но, скажешь, оно влечет и к прелюбодеянию? Нет, не тело, а разнузданность; телу свойственно только то, о чем я выше сказал. Невозможно человеку, вступившему в эту жизнь, не терпеть болезней, скорбей и печалей; а не блудодействовать возможно. Потому, если бы пороки зависели от природы тела, то

они были бы общи всем: все естественное таково и есть; а прелюбодеяние не таково; болезни происходят отсюда, а прелюбодеяние – от произволения. Итак, не обвиняй тела, чтобы диавол не отнял у тебя чести, которую даровал тебе Бог. Если мы захотим, то тело может быть прекрасной уздой, укрощающей похоти души, смиряющей гордость, низлагающей тщеславие, способствующей нам к совершению великих добродетелей. Не говори мне о (людях) невоздержных: мы часто видим, как и кони несутся по стремнинам, свергнув возницу вместе с уздой, но не виним в том узду. Не она опустившись причинила это, но возница, не удержавший ее, все испортил. Точно так рассуждай и здесь. Если видишь молодого человека, живущего невоздержно и предающегося порокам, то обвиняй не тело, а влекомого возницу то есть разум. Как не вожжи причиняют зло вознице, а сам он бывает виновен во всем, не хорошо удерживая их, – потому они и подвергают его наказанию, запутывая его, увлекая и принуждая разделять с ними бедственную участь, – так и здесь. Мы, говорят они, обуздывали коня, пока ты держал нас; а когда выпустил из рук, то мы подвергаем тебя наказанию за небрежность, запутываем и увлекаем тебя, чтобы впредь не случилось того же. Итак, никто не обвиняй вожжей, но себя самого и свою развращенную волю. Возница у нас – разум, вожжи, соединяющие коней с возницей, – тело. Если они будут удерживаемы хорошо, то не терпишь ничего худого; а если выпустишь из рук, то испортишь и погубишь все. Будем же благоразумны и станем обвинять не тело, а злое расположение. Диавол всячески старается внушить неразумным, чтобы они обвиняли более тело, и Бога, или ближнего, а не свою развращенную волю, чтобы, и постигнув истинную причину зла, они не вырвали ее с корнем. Но вы, зная коварство его, направьте на него гнев свой и, предоставив ярмо вознице, обратите умственный взор свой Богу. В других делах назначающий подвиги сам нисколько не содействует, а только ожидает окончания; здесь же совершает все подвигоположник Бог. Будем же просить милость Его и несомненно сподобимся будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVIII

Не весте ли, яко телеса ваша удове Христовы суть? Взем ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи? Да не будет (1 Кор. VI, 15)

1. От блудника (апостол) перешел к корыстолюбцу, теперь опять переходит к блуднику, обращая речь не к нему, но к другим, невиновным в прелюбодеянии, и, предостерегая их от того же греха, вместе с тем обличает его, потому что грешник и в том случае, когда речь обращается к другому, трогается и мучится от пробуждающейся в ней совести. Страх наказания, конечно, мог достаточно удерживать их от нарушения целомудрия; но (апостол) хочет достигнуть этого не одним страхом, и потому с угрозами употребляет и вразумления. Прежде, говоря об этом грехе, он определил за него наказание, показал вред, происходящий для всех от общения с кровосмесником, и, тем окончив, перешел к корыстолюбцу; ему, равно как и всем другим исчисленным грешникам, угрожал лишением царства, и тем окончил речь; а здесь он предлагает и весьма сильное увещание. Кто назначает только наказания за грех, а не показывает, что он весьма тяжел, тот через наказания не сделает ничего важного; так же и тот, кто делает только увещания, а не устрашает наказаниями, не много тронет (людей) нечувствительных. Потому Павел делает то и другое и вразумляет словами: *не весте ли, яко ангелов судити имамы?* и устрашает словами: *не весте ли, яко лихоимцы царствия Божия не наследят?* Таким же образом он говорит и против кровосмесника. Устрашив его прежде сказанным, отлучив, предав сатане и напомнив о будущем дне, он теперь вразумляет: *не весте ли,* говорит, *яко телеса ваша удове Христовы суть?* — беседуя с ними, как бы с благородными детьми. Выше он сказал: *тело же Господеви;* теперь точнее объясняет это, как делает и в другом месте, когда говорит: *вы же есте тело Христово и уди от части* (1 Кор. XII, 27). Такое сравнение он употребляет во многих местах, хотя не в одном и том же значении, но иногда для выражения любви, а иногда для усиления страха: здесь же употребляет его для внушения страха и ужаса: *взем ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи? Да не будет.* Ничего не может быть страшнее этих

слов. Не сказал: *взем ли убо уды Христовы,* соединю их с блудницей, но что? *Сотворю уды блудничи.* Такое выражение гораздо разительнее. Далее показывает, как с блудником действительно это бывает: *или не весте,* говорит, *яко прилепляяйся сквернодейце, едино тело есть* (ст. 16)? Откуда это известно? *Будета бо,* говорит, *два в плоть едину. Прилепляяйся же Господеви, един дух есть* (ст. 17). Прилепившись друг к другу, два уже не могут быть двумя, но оба делаются одним. И, смотри, как он опять с помощью самих имен ведет обличение, употребляя слова: блудница и Христос. *Бегайте блудодеяния.* Не сказал: воздерживайтесь от прелюбодеяния, но: *бегайте,* то есть тщательно старайтесь удаляться от этого порока. *Всяк бо грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть, а блудяй во свое тело согрешает* (ст. 18). Это менее важно, нежели выше сказанное; но, говоря о блудниках, он со всех сторон обличает грех их и показывает важность вины их и великим и малым; первое сказано для более благоговейных, а последнее для более слабых. Мудрость Павла обнаруживается именно и в том, что он вразумляет представлением не только великого, но и малого, постыдного и непристойного. Но, скажешь, разве убийца, корыстолюбец и грабитель не оскверняют своей руки? Это всякому известно; но так как нельзя было сказать, что нет никого хуже блудника, то он иначе изображает важность этого греха, объясняя, что от блуда все тело становится нечистым; оно оскверняется так, как бы падало в грязный сосуд, наполненный, нечистотой. Потому и у нас есть такой обычай: после дел корыстолюбия и хищения никто не заботится омыться, но прямо возвращается домой, а после прелюбодеяния идут омыться, как бы всецело сделавшись нечистыми: так совесть стыдится, по преимуществу, этого греха! Тяжек и тот и другой грех, и корыстолюбие и прелюбодеяние, и (тот и другой) ввергают в геенну; но, делая все предусмотрительно, Павел показывает важность прелюбодеяния всем, чем только мог. *Или не весте, яко телеса ваша храм живущаго в вас Святого Духа суть* (ст. 19)?

2. Не просто он сказал: *Духа,* но: *живущаго в вас,* чтобы утешить слушателей, и в пояснение этих слов присовокупил: *егоже имате от Бога;* указал Виновника, чтобы и возвысить их и устрашить величием дара и милостью Подателя. *И несте*

свои. Это не только служит к обличению, но и побуждает к добродетели. Как, говорит, можешь ты делать что хочешь? Ты не властен над собой. Говоря это, он не отвергает свободной воли. Как словами: *вся ми леть суть, но не вся на пользу*, он не отнимает у нас свободы, так и здесь, выражаясь: *несте свои*, он не нарушает свободной воли, но отклоняет от порока и показывает попечение о нас Владыки. Потому и присовокупляет: *куплени бо есте ценою* (ст. 20). Но если я сам не свой, то как ты требуешь от меня исполнения обязанностей? Как, продолжая речь, говоришь еще: *прославите убо Бога в теле вашем и в духе вашем, яже суть Божия!*

Что же значит: *несте свои?* И что он хочет внушить через это? Утвердить нас, чтобы мы не грешили и не следовали неуместным похотям души. У нас бывает много неуместных пожеланий, но мы должны воздерживаться, и можем; а если бы мы не могли, то и увещание было бы излишне. Смотри, как он утверждает нас. Сказав: *несте свои*, не говорит далее: а подчинены необходимости, но: *куплены есте ценою*. Почему же он так говорит? Здесь, иной, быть может, скажет, следовало бы показать, что у нас есть Владыка. Но это у нас общее с язычниками; а *куплены есте ценою* принадлежит исключительно нам. Он напоминает о величии благодеяния и образе нашего спасения, показывая, что мы искуплены тогда, как были чуждыми Ему, и не просто, но *ценою*. *Прославите убо*, являйте *Бога в теле вашем и в духе*. Внушает не только телом не совершать прелюбодеяния, но и в духе души не помышлять ничего порочного и не удалять благодати. *Яже суть Божия*. После слова: *вашем*, присовокупляет: *яже суть Божия*, постоянно напоминая нам, что все у нас Владычное — и тело, и душа, и дух. Некоторые говорят, что под *духом* он разумеет здесь духовное дарование; когда оно бывает у нас, то Бог прославляется; а бывает оно тогда, когда мы имеем чистое сердце. *Божиими* же назвал он их не только потому, что Бог сотворил их, но и потому, что, когда они сделались чуждыми Ему, Он вторично приобрел их ценой крови Сына. Смотри, как он относит все ко Христу, как возводит нас на небо. Вы, говорит, члены Христа, вы — храм Духа; не будьте же членами блудницы; вы бесчестите не свое тело, потому что это тело — не ваше, а Христово. Этими словами показы-

вает человеколюбие (Христа), Который сделал наше тело Своим, и вместе пресекает нашу порочную власть (над ним). Если у вас, говорит, тело не ваше, то вы не имеете права бесчестить тело другого, особенно когда оно принадлежит Владыке, или осквернять храм Духа. Если вошедший в дом частного человека и произведший в нем бесчинство подвергается великому наказанию, то, подумай, какому мучению подвергнется делающий храм Царя вертепом разбойника! Представляя все это, стыдись живущего в тебе; это – Утешитель; страшись сочетавшегося с тобой и усвоившего тебя Себе; это – Христос. Не сделался ли ты членом Христовым? Представляй это и будь целомудрен. Подумай, чьи были и чьими стали члены твои. Прежде они были членами блудницы, а Христос сделал их членами собственного тела. Потому ты уже не имеешь власти над ними, а должен служить Тому, кто освободил их. Если бы ты, имея дочь, по великой глупости продал ее содержателю блудниц на блудодеяние, а сын царя, случившийся при этом, освободил ее от такого рабства и взял себе в супружество, то ты уже не был бы властен отвести ее в распутный дом, после того как однажды отдал и продал. То же и с нами. Мы продали плоть свою диаволу, этому жестокому содержателю блудниц, а Христос, видя это, исторгнул и освободил ее от этой злой власти; потому она принадлежит уже не нам, а освободившему ее. Пользоваться ею, как невестой царя, никто тебе не препятствует; если же будешь употреблять ее на прежние дела, то потерпишь то, что следует терпеть подобным оскорбителям. Итак, надобно украшать ее, а не бесчестить. Ты не имеешь власти над плотью на удовлетворение порочных пожеланий, а только на исполнение заповедей Божиих. Подумай, от какого бесчестья Бог избавил ее. Естество наше прежде было бесчестнее всякой блудницы: разбои, убийства, всякий порочный промысл, входя в него, любодействовали с душой за малую и ничтожную цену – за скоропреходящее удовольствие; душа, сочетаясь с порочными помыслами и деяниями, получала от них одно только это воздаяние.

3. Но это, бывшее прежде, хотя и тяжко, все же не так тяжко, а оскверняться после неба, после царства, после приобщения страшных тайн, – заслуживает ли это проще-

ния? Или ты не думаешь, что с корыстолюбцами и со всеми вышеисчисленными грешниками совокупляется сам диавол? Или не думаешь, что он совокупляется и с женщинами, украшающими себя для сладострастия? Кто станет противоречить этому? Если же кто станет возражать, то пусть раскроет душу столь бесстыдных женщин, и он увидит, что злой дух тесно сочетался с ними. Трудно, возлюбленные, трудно, а может быть, и невозможно, украшая таким образом тело, украшать вместе и душу; заботясь об одном, приходится неизбежно опустить другое; то и другое по природе своей не может быть вместе. Потому (апостол) и говорит: *прилепляяйся сквернодейце, едино тело есть: прилепляяйся же Господеви, един дух есть*. Последний становится духом, хотя и облечен телом, потому что если в нем нет ничего телесного, грубого и земного, если он только обложен телом, а вся власть принадлежит душе и духу, то Бог прославляется им. Потому нам и заповедано говорить в молитве: *да святится имя твое* (Мф. VI, 9). И Христос говорит: *да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16). Так прославляют Его небеса, не звук издавая, но своим видом возбуждая удивление и располагая к прославлению Создателя. Так будем прославлять Его и мы, или даже еще более; а мы можем это, если захотим. Не столько небо, день и ночь, сколько святая душа прославляет Бога. Кто взглянет на красоту неба, говорит: слава Тебе, Боже, сотворившему такие дела; так и взглянувший на добродетель человека (будет говорить) то же, и даже гораздо более. При взгляде на творения, не все прославляют Бога, но многие говорят, что они существуют сами собой, а другие приписывают творение и промышление мира злым духам, впадая таким образом, в крайне непростительный грех; но при взгляде на добродетель человека никто не сможет быть настолько бесстыдным, а всячески прославит Бога, видя, что служащий Ему живет добродетельно. Кто не подивится, когда какой-нибудь человек, имея общую с другими природу, обращаясь среди людей, подобно адаманту, не сокрушается от множества страстей, — когда он среди огня, железа и зверей является крепче адаманта и преодолевает все силой благочестия, — когда его оскорбляют, а он благословляет, его злословят, а

он восхваляет, его обижают, а он молится за обижающих, его гонят, а он благодетельствует своим врагам и гонителям? Такие и подобные дела гораздо более неба прославят Бога. Язычники, взирая на небо, не стыдятся; но, видя святого мужа, строго исполняющего правила любомудрия, стыдятся и осуждают себя. Когда имеющий одинаковую с ними природу является столько выше их, сколько небо – земли, и даже еще более, то они невольно признают, что это совершается силой божественной; потому (Христос) и говорит: *и прославят Отца вашего, иже на небесех.* Хочешь ли еще видеть, как Бог прославляется жизнью рабов Своих, равно как и чудесами? Некогда Навуходоносор ввергнул в печь трех отроков; но увидев, что огонь не коснулся их, сказал: *благословен Бог, иже посла ангела своего и изъя отроки своя из пещи, яко уповаша на него, и слово царево пременища* (Дан. III, 95). Что говоришь ты? Тебе оказали презрение, а ты удивляешься презревшим? Да, говорит, за то самое, что они оказали мне презрение: это самое и представляет причиной удивления. Таким образом здесь не только знамение послужило к прославлению Бога, но и решимость вверженных. Кто сравнит то и другую, тот увидит, что последняя не меньше первого. Решиться в душе своей быть ввергнутым в печь, – это чудо не меньше того, как и остаться невредимым в печи. Не изумительно ли, что царя вселенной, имевшего у себя столько оружия, войска, военачальников, правителей и наместников, обладавшего землей и морем, презрели пленные отроки, связанные преодолевали связавшего и победили все это воинство? Окружавшие царя не могли сделать с ними, что хотели, хотя призвали на помощь себе печь; а обнаженные порабощенные пришельцы и немногие числом – что в самом деле меньше трех? – будучи связаны, победили несметное воинство. Смерть уже была презираема, потому что имел прийти Христос. Как перед восходом солнца, прежде нежели явятся лучи его, уже бывает виден свет дневной, так и перед восходом Солнца правды смерть уже стала отступать. Что может быть блистательнее этого зрелища? Что славнее этой победы? Что знаменитее этих новых трофеев?

4. То же бывает и с нами. И ныне есть царь вавилонской печи; и ныне он возжигает пламень сильнее того; и ныне

есть повелевающий поклоняться истукану; у него есть и вельможи, и воины, и обольстительная музыка; и многие поклоняются этому истукану, разнообразному и великому. Этот, подобный тому, истукан есть корыстолюбие, не пренебрегающее и железом, слагающееся из самых разнообразных вещей и заставляющее поклоняться всему, и меди, и железу, и вещам гораздо худшим. Но как есть это, так есть ныне и подражатели отроков, которые говорят: *богом твоим не служим и образу твоему не кланяемся,* но лучше претерпим печь нищеты и всякое другое бедствие за законы Божии. Обладающие многим и ныне так же, как тогда, часто поклоняются этому (истукану) и опаляются; а не имеющие ничего и презирают его, и находящиеся в нищете наслаждаются большей прохладой, чем живущие в изобилии, подобно тому, как и тогда ввергавшие были опалены, а вверженные находились среди огня, как бы в воде и росе. И сам мучитель более отроков горел тогда в огне, который сильно был воспламенен в нем гневом его. У них огонь не мог коснуться даже кончиков волос; а у него гнев сильнее огня сжигал душу. Представь, каково было ему перенести презрение от пленных отроков в глазах такого множества людей? Здесь он и показал, что и город их он взял не собственной силой, а за грехи многих, потому что если он не мог преодолеть связанных и притом вверженных в печь, то как он мог бы победить их, если бы они все были таковыми? Очевидно, что грехи многих предали город. Посмотри и на то, как отроки были далеки от тщеславия. Они сами не бросались в печь, но наперед уже соблюдали заповедь Христову: *молитеся, да не внидете в напасть* (Мф. XXVI, 41); и не думали бежать, когда вели их, но смело вышли на середину; не искали боя без вызова, и не устрашались после вызова, а были готовыми на все, мужественными и неустрашимыми. Послушаем, что говорили они, чтобы и отсюда узнать их любомудрое настроение. *Есть Бог на небесех,* говорят они, *силен изъяти нас* (Дан. III, 17); не о себе заботятся, но, готовясь на сожжение, беспокоятся о славе Божией. Чтобы ты как-нибудь, говорят, не обвинил Бога в бессилии, если мы будем сожжены, для этого мы прямо возвещаем тебе все наше исповедание: *есть Бог на небесех,* не такой, как этот земной истукан, бездушный и без-

гласный, но могущий исторгнуть и из разжженной печи; не обвиняй же Его в бессилии за то, что Он попускает впасть в нее; Он так силен, что и вверженных нас может исхитить из пламени. *И аще ли ни, ведомо да будет тебе, царю, яко богом твоим не служим, и образу златому, его же поставил еси, не кланяемся* (ст. 18). Смотри, как мудро и то, что они не знали будущего. Если бы они предвидели будущее, то не было бы удивительно то, что они сделали. В самом деле, удивительно ли было бы, если бы они решились на опасность, будучи уверены в спасении? Бог прославился бы, смогший избавить их от печи, а они не были бы достойны удивления, как решившиеся на дело, не опасное для них. Потому Бог и оставил их в неведении будущего, чтобы более прославить их, и как они убеждали царя не обвинять Бога в бессилии, если бы они были сожжены, так и Бог сделал то и другое, и явил свою силу, и показал во всей славе неустрашимость отроков. Отчего же у них, скажешь, могло быть сомнение и неуверенность в том, что они непременно спасутся? От того, что они признали себя ничтожными и недостойными такого благодеяния. А что это не моя догадка, видно из прискорбных слов, которые они произносили в печи: *согрешихом, беззаконновахом, несть нам отверсти уст* (Дан. III, 29, 33); потому они и сказали: *и аще ли ни* (ст. 18). Если же они не сказали этого ясно, – например, так: Бог силен избавить нас, но если не избавит, то не избавит за грехи наши, – не удивляйся этому; тогда варвары подумали бы, что они под предлогом своих грехов скрывают бессилие Божие. Потому, сказав только о всемогуществе Божием, они не высказывают (упомянутой) причины. С другой стороны они хорошо научены были не испытывать судеб Божиих. После сказанных слов они пошли в огонь, и при том ни царя не поносили, ни истукана не ниспровергали. (Человек) доблестный таков и должен быть – благоразумен и кроток, особенно в опасностях, чтобы видно было, что он идет на подвиги не по раздражению и тщеславию, а по мужеству и благоразумию. Кто поносит, того подозревают в этих страстях; а кто терпит и, будучи влеком, совершает подвиги с кротостью, тому не только удивляются за его мужество, но не менее прославляют его и за благоразумие и кротость. Точно так поступили тогда и отро-

ки: они явили и мужество, и совершенную кротость, и сделали все не ожидая награды и возмездия, или воздаяния. *И аще не восхощет,* говорят они, *изъяти нас, богом твоим не служим;* мы получили награду уже в том, что удостоились быть непричастными нечестью и за то предать тела на сожжение. Так и мы, уже получив воздаяние, – а получили мы его в том, что удостоились познать Бога и сделаться членами Христовыми, – не будем делать себя членами блудницы. Таким страшным словом следует заключить нашу беседу, чтобы, живо чувствуя страх угрозы, мы действием этого страха соблюдали себя чище золота. Так, отрешившись от прелюбодеяния, мы сможем узреть Христа, на Которого да сподобимся все мы воззреть с дерзновением в тот день, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIX

А о нихже писасте ми: добро человеку жене не прикасатися: но блудодеяния ради кийждо свою жену да имать, и каяждо своего мужа (1 Кор. VII, 1, 2)

1. Исправив три весьма важные недостатка, во-первых, разделение Церкви, во-вторых, (порок) кровосмесника и, в-третьих, корыстолюбие, (апостол) говорит теперь более кротко и, между прочим предлагает наставление и совет касательно брака и девства, чтобы успокоить слушателей после тяжких укоризн. Во Втором послании (к Коринфянам) он поступает иначе: начинает кротко, а оканчивает строго; здесь же, окончив речь о девстве, он опять обращается к обличениям, предлагая не все вдруг, но разнообразя свою речь тем и другим, сообразно с требованием времени и свойствами предметов. Говорит: о *нихже писасте ми,* потому что коринфяне писали к нему, должно ли воздерживаться от жены или нет? Отвечая на это и постановляя правила о браке, он заводит речь и о девстве. *Добро человеку жене не прикасатися.* Если ты, говорит, ищешь блага весьма превосходного, то лучше совершенно не сочетаваться с женщиной; если же ищешь состояния безопасного и сообразного

с твоей немощью, то вступай в брак. А так как могло случиться, как и ныне бывает, что муж желает, а жена нет, или наоборот, то смотри, как он говорит о том и о другом. Некоторые утверждают, что слова его относятся к священникам; но я, принимая в соображение последующие слова, не могу с этим согласиться, — тогда он не преподал бы этого наставления в общем виде. Если бы он писал только о священниках, то сказал бы: *добро учителю жене не прикасатися;* а теперь говорит вообще: *добро человеку,* не священнику только; и еще: *отрешился ли еси жены? Не ищи жены* (ст. 27). Не сказал: ты — священник и учитель, а неопределенно; такова и вся речь его вообще. Сказав: *блудодеяния ради кийждо свою жену да иматъ,* он самой причиной дозволения побуждает к воздержанию. *Жене муж должную любовъ да воздает; такожде и жена мужу* (ст. 3). Что значит: *должную любовъ?* Жена не властна над своим телом, но есть и раба и вместе госпожа мужа. Если ты уклоняешься от должного служения, то оскорбляешь Бога; если же хочешь уклониться, то лишь с дозволения мужа, хотя бы это и на короткое время. Потому и называет это дело *должным,* чтобы показать, что никто (из супругов) не властен над собой, но — рабы друг друга. Итак, когда ты видишь, что блудница искушает тебя, ты скажи: мое тело принадлежит не мне, а жене. То же пусть говорит и жена покушающимся нарушить ее целомудрие: мое тело принадлежит не мне, а мужу. Если же ни муж, ни жена не властны над своим телом, то тем более над имуществом. Послушайте, имеющие мужей и имеющие жен: если вам не следует считать тела своим, то тем более имущества. Правда, в некоторых местах и Ветхого и Нового Завета отдается мужу великое преимущество; так говорится: *к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет* (Быт. III, 16); и Павел в одном послании делает такое различие (между супругами): *мужие, любите жены, а жена да боится мужа* (Еф. V, 25, 33); но здесь (приписывается обоим) одинаковая власть, ни больше ни меньше. Почему? Потому, что у него речь о целомудрии. В других отношениях, говорит, муж пусть имеет преимущество, а в целомудрии — нет, *муж своим телом не владеет, ниже жена* (ст. 4). Большое равенство чести и никакого преимущества.

Не лишайте себе друг друга, точию по согласию (ст. 5). Что это значит? Жена не должна, говорит, воздерживаться против воли мужа, и муж (не должен воздерживаться) против воли жены. Почему? Потому, что от такого воздержания происходит великое зло; от этого часто бывали прелюбодеяния, блудодеяния и домашнее расстройство. Ведь если иные, имея своих жен, предаются прелюбодеянию, то тем более (будут предаваться ему), когда лишены будут этого утешения. Хорошо сказал: *не лишайте себе;* то, что здесь назвал *лишением,* выше назвал *долгом,* чтобы показать, как велика их взаимная зависимость: воздерживаться одному против воли другого значит лишать, а по воле – нет. Так, если ты возьмешь у меня что-нибудь с моего согласия, это не будет для меня лишением; лишает тот, кто берет против воли и насильно. Это делают многие жены, совершая большой грех против справедливости и тем подавая мужьям повод к распутству и все приводя в расстройство. Всему должно предпочитать единодушие; оно всего важнее. Если хочешь, докажем это опытом. Пусть будут жена и муж и пусть жена воздерживается, тогда как муж этого не хочет. Что произойдет? Не станет ли он тогда предаваться прелюбодеянию или, если не станет прелюбодействовать, не будет ли скорбеть, беспокоиться, разжигаться, ссориться и причинять жене множество неприятностей? Какая польза от поста и воздержания, когда нарушается любовь? Никакой. Сколько неизбежно произойдет отсюда огорчений, сколько хлопот, сколько раздоров!

2. Если в доме муж и жена не согласны между собой, то их дом не лучше обуреваемого волнами корабля, на котором кормчий не согласен с рулевым. Потому (апостол) и говорит: *не лишайте себе друг друга, точию по согласию до времене, да пребываете в посте и молитве.* Здесь он разумеет молитву, совершаемую с особенным тщанием, потому что если бы совокупляющимся он запрещал молиться, то откуда бы взялось время для непрестанной молитвы? Следовательно, можно и с женой совокупляться, и молиться; но при воздержании молитва бывает совершеннее. Не просто сказал: *молитеся,* но: *да пребываете,* потому что (брачное) дело только отвлекает от этого, а не производит осквернения. *И паки на тожде собирайтеся, да не искушает вас сатана.* Чтобы ты не поду-

мал, что это – закон, присоединяет и причину. Какую? *Да не искушает вас сатана.* А чтобы ты знал, что не диавол только бывает виновником прелюбодеяния, прибавляет: *невоздержанием вашим. Сие же глаголю по совету, а не по повелению. Хощу бо, да вси человецы будут, якоже и аз,* в воздержании (ст. 6, 7). Так он часто поступает, когда поучает делам трудным, представляет в пример себя самого и говорит: *подражатели мне бывайте. Но кийждо свое дарование имать от Бога, ов убо сице, ов же сице.* Высказав сильное обличение в словах: *невоздержанием вашим,* он опять ободряет их и говорит: *кийждо свое дарование имать от Бога,* выражая не то, будто эта добродетель не требует нашего усилия, но, как я сказал, ободряя их. Если (воздержание) есть дар и человек сам нисколько не содействует, то для чего он продолжает: *глаголю же безбрачным и вдовицам: добро им есть, аще пребудут, якоже и аз. Аще ли не удержатся, да посягают* (ст. 8–9)? Видишь ли благоразумие Павла, как он и показывает превосходство воздержания, и не делает принуждения тому, кто не может воздержаться, боясь, чтобы не произошло падения? *Лучше бо есть женитися, нежели разжизатися.* Показывает, как велика сила похоти. А смысл слов его следующий: если ты чувствуешь сильное влечение и разжжение, то избавь себя от труда и изнурения, чтобы тебе не развратиться. *А оженившимся завещаваю не аз, но Господь* (ст. 10). Намереваясь повторить заповедь, ясно предписанную Христом касательно того, что не должно разводиться с женой, разве в случае прелюбодеяния, говорит: *не аз.* Сказанное выше не было ясно высказано (Христом), хотя и согласно с Его учением; а это Он изложил ясно; таково различие выражений: *аз* и *не аз.* А чтобы ты не принял слов (апостола) за человеческие, он присовокупляет: *мнюся бо и аз Духа Божия имети.* Что же это за заповедь, возвещенная Господом бракосочетавшимся: *жене от мужа не разлучатися; аще ли же и разлучится, да пребывает безбрачна, или да смирится с мужем своим; и мужу жены не отпущати* (ст. 11)? Так как случается, что супруги разлучаются или по воздержанию, или по другим причинам, или по неудовольствию, то он говорит: лучше, если бы этого совсем не было; если же это уже случилось, то пусть жена остается с мужем, хотя и не для совокупления, а для того, чтобы не знать никакого другого мужа.

Прочим же аз глаголю, а не Господь: аще который брат жену имать неверну, и та благоволит жити с ним, да не оставляет ея; и жена, аще имать мужа неверна, и той благоволит жити с нею, да не оставляет его (ст. 12, 13). Как, беседуя об удалении от блудников, (апостол) облегчил это дело, присовокупив: *и не всяко блудником мира сего,* так и здесь заботится, чтобы (заповедь) была весьма удобной к исполнению. Если, говорит, жена имеет мужа неверного или муж жену неверную, то они не должны оставлять друг друга. Что говоришь ты? Неверный должен оставаться с женой, а блудник нет? Блуд немаловажнее ли неверия? Блуд маловажнее, но Бог сильно печется о твоей пользе. Так и о жертвоприношении Он говорит: *остави дар, и смирися с братом твоим* (Мф. V, 24). Так и в притче о должнике десяти тысяч талантов: того, кто был должен десять тысяч талантов, Он не наказал; а того, кто требовал от подобного себе раба сто динариев, наказал. Далее, чтобы жена не опасалась сделаться нечистой от сожития (с таким мужем, апостол) говорит: *святится бо муж неверен о жене, и святится жена неверна о муже* (ст. 14). Но, если прилепляющийся к блуднице делается одним с ней телом, то не следует ли, что и прилепляющаяся к идолослужителю есть одно с ним тело? Так, она одно с ним тело, но не делается нечистой; а чистота жены побеждает нечистоту мужа, равно как чистота верного мужа побеждает нечистоту неверной жены.

3. Почему же здесь нечистота побеждается и сожитие дозволяется, а в случае прелюбодеяния жены мужу не возбраняется изгонять ее? Потому, что здесь есть надежда, что погибшая часть спасется через брак; а там брак уже нарушен; там оба лица растлеваются, а здесь виновно одно. Скажу примерно: впавшая однажды в прелюбодеяние нечиста; если же прилепляющийся к блуднице есть одно с ней тело и сам сделается нечистым, то они оба лишаются чистоты. А здесь не так, а как? Идолослужитель нечист, но жена не нечиста. Если бы она участвовала с ним в том, в чем он нечист, то есть в нечестии, то и сама стала бы нечистой; а теперь в ином нечист идолослужитель, а в ином участвует с ним жена, в чем он не нечист, потому что в браке и совокуплении они взаимно участвуют. Притом здесь есть надежда, что жена неверного обратит его, так как она для него своя; а там

это очень трудно. Как может жена, обесчестив прежде своего мужа, послужив другому и нарушив права супружества, сделать опять своим мужа, обиженного и сделавшегося для нее как бы чужим? После прелюбодеяния муж уже не муж; а здесь, если жена – идолослужительница, права мужа не нарушаются. Притом с неверным она живет не просто, а по его желанию. Потому (апостол) и сказал: *и той благоволит жити с нею.* И есть ли, скажи мне, какой вред от того, что они остаются в соединении, когда и благочестие сохраняется в целости, и остается благая надежда на обращение неверного, и избегаются поводы к напрасным ссорам? Здесь (апостол) говорит не о тех, которые еще не сочетались браком, но о сочетавшихся; он не сказал: если кто хочет вступить в брак с неверным, но: *аще* кто *имать* неверного, то есть если кто после женитьбы или замужества примет благочестивое учение, а другое лицо останется в неверии и между тем пожелает жить вместе, то брак не расторгается. *Святится убо,* говорит, *муж неверен о жене:* таково обилие твоей чистоты! Как, неужели язычник свят? Нет, он не сказал: свят, но: *святится о жене;* сказал это не для того, чтобы признать язычника святым, а для того, чтобы как можно более успокоить жену и в муже возбудить желание истины. Нечистота заключается не в телах сочетавающихся, а в произволении и помыслах. Затем представляется и доказательство: если ты, будучи нечистой, рождаешь дитя, которое происходит не от одной тебя, то неужели и оно нечисто или чисто только в половину? В настоящем случае оно не нечисто; *иначе бо,* продолжает (апостол), *чада ваша нечиста были бы: ныне же свята суть,* то есть не нечисты. Называет их святыми для того, чтобы таким сильным названием опять отогнать опасение супругов. *Аще ли неверный отлучается, да разлучится* (ст. 15), Здесь дело уже не в прелюбодеянии. Что же значит: *аще ли неверный отлучается?* Например, если он повелевает тебе приносить жертвы и участвовать в его нечестии по праву супружества или уйти, то лучше оставить брак, нежели благочестие. *Не поработися брат или сестра в таковых.* Если неверный ежедневно из-за этого оскорбляет и заводит ссоры, то лучше разлучиться. Это выражает (апостол) словами: *в мир же призва нас Бог.* Он (неверный) сам подает к тому по-

вод, подобно как и прелюбодействующий. *Что бо веси, жено, аще мужа спасеши* (ст. 16)? Это относится к словам: *да не оставляет его.* Если муж не беспокоит тебя, то оставайся, говорит, с ним; от этого может быть и польза; оставайся и увещевай, советуй, убеждай; никакой учитель не может убедить так, как жена. Впрочем (апостол) не принуждает ее и не требует этого от нее непременно, чтобы опять не возложить на нее слишком тяжкого бремени; советует не отчаиваться и оставляет это под сомнением, по неизвестности будущего. *Что бо,* говорит, *веси, жено, аще мужа спасеши? Или что веси, мужу, аще жену спасеши?* И далее: *точию коемуждо, якоже разделил есть Бог, кийждо, якоже призван есть Господем, тако да ходит. Во обрезании ли кто призван бысть? Да не отторгнется. В необрезании ли кто призван бысть? Да не обрезуется. Обрезание ничтоже есть, и необрезание ничтоже есть, но соблюдение заповедей Божиих. Кийждо в звании, в немже призван бысть, в том да пребывает. Раб ли призван был еси! Да не нерадиши* (ст. 17—21). Все это, говорит, ничего не значит для веры; потому не спорь и не смущайся; вера выше всего этого. Каждый в каком призван звании, в том и оставайся. Призван ли ты в супружестве с женой неверной? Оставайся с ней; не изгоняй жены из-за веры. Призван ли рабом? Не заботься; оставайся рабом. Призван ли необрезанным? Оставайся необрезанным. Уверовал ли, будучи обрезанным? Оставайся обрезанным. Это и означают слова: *коемуждо, якоже разделил есть Бог.* Все это не служит препятствием благочестию. Ты призван в состоянии раба, другой в супружестве с неверной, иной в обрезании.

4. Вот как он смотрит на рабство. Как обрезание нисколько не приносит пользы и необрезание нисколько не вредит, так равно и рабство и свобода. Но, чтобы показать это как можно яснее, он говорит: *но аще и можеши свободен быти, больше поработи себе,* то есть тем более служи. Для чего же он повелевает оставаться рабом тому, кто может сделаться свободным? Для того, чтобы показать, что рабство не только не вредит, но еще доставляет пользу. Знаю, что некоторые утверждают, будто слова: *больше поработи себе* сказаны о свободе, и объясняют их так: если можешь сделаться свободным, то освободись. Но такая мысль была бы совершенно противна намерению Павла: утешая раба и доказывая

ему, что рабство не причиняет ему никакого вреда, он не стал бы повелевать ему искать свободу, так как тогда иной мог бы сказать: а если я не могу сделаться свободным, то терплю унижение и вред?

Итак, Павел не это разумеет, а хочет показать, как я сказал прежде что освобождающийся от рабства не получает никакой пользы: хотя бы, говорит, в твоей власти было сделаться свободным, ты лучше оставайся рабом. Затем приводит и причину: *призванный бо о Господе раб, свободный Господень есть: такожде и призванный свободник, раб есть Христов* (ст. 22). В отношении ко Христу, говорит, тот и другой равны. Как ты – раб Христов, так и господин твой. Но каким образом раб может быть свободным? (Христос) освободил тебя не только от греха, но и от внешнего рабства, хотя ты остаешься рабом. Он не допускает ни рабу быть рабом, ни человеку оставаться в рабстве; это и чудно. Когда же раб бывает свободным, оставаясь рабом? Когда он освобождается от страстей и душевных болезней, когда не предается корыстолюбию, гневу и другим подобным страстям. *Ценою куплени есте: не будите раби человеком* (ст. 23). Это сказано не только рабам, но и свободным, потому что можно и в рабстве не быть рабом, и в свободе быть рабом. Когда же раб не бывает рабом? Когда он делает все для Бога, когда служит нелицемерно и не из человекоугодия: это и значит быть рабом людей и оставаться свободным. А когда свободный бывает рабом? Когда он служит людям в чем-нибудь худом, в чревоугодии, корыстолюбии или честолюбии. Такой человек, хотя и свободен, порабощеннее всякого раба. Вот пример того и другого: Иосиф был рабом, но не раболепствовал людям, потому и в рабстве был свободнее всех свободных; он не покорился госпоже, склонявшей его к удовлетворению ее похоти. Госпожа, напротив, была свободна, но оказалась ниже всякого раба, обратившись к рабу и с лестью и с убеждением, и, однако, не смогла склонить его, свободного, к тому, чего он не хотел. Подлинно, он был не рабом, но в высшей степени свободным: разве рабство послужило ему препятствием к добродетели? Послушайте вы, рабы и свободные: кто оказался рабом, тот ли, которого просили, или та, которая просила? Та ли, которая убеждала, или тот, который

презрел ее убеждения? Так, есть пределы рабства, положенные Богом, есть законы, до чего оно может простираться, которых преступать не должно. Когда господин не требует ничего, противного воле Божией, тогда должно повиноваться ему и покоряться; а простираться далее не должно: так раб остается свободным! Если же ты простираешься далее, то делаешься рабом, хотя и свободен. Это внушает (апостол) словами: *не будите раби человеком*. А если бы не так, если бы он повелевал оставлять господ и стараться получить свободу, то как он стал бы говорить следующее: *кийждо, в немже призван бысть, в том да пребывает* (ст. 24)? И в другом месте: *елицы суть под игом раби, своих господий всякие чести да сподобляют, имущии верных господий да не нерадят, понеже братия суть, иже благодать восприемлющии* (1 Тим. VI, 1, 2)? То же самое он повелевает и заповедует в посланиях к ефесеям (VI, 5) и Колоссянам (III, 22). Отсюда видно, что он отвергает не внешнее рабство, а происходящее от пороков, бывающее и с свободными и самое тяжкое, хотя бы подвергался ему человек свободный. Какую пользу получили братья Иосифа от того, что они были свободны? Не оказались ли они раболепнее всякого раба, обманув отца, солгав перед купцами и перед братом? А он был не таков, но везде и во всем был правдив и оставался свободным; и его ничто не могло поработить, ни узы, ни рабство, ни любовь госпожи, ни пребывание в чужой земле, — всегда он оставался свободным. Это и есть высшая свобода, которая сияет и в рабстве.

5. Таково христианство: оно и в рабстве доставляет свободу. Как тело, по природе своей уязвимое, оказывается неуязвимым тогда, когда, будучи поражаемо стрелой, не терпит никакого вреда, так и истинно свободный оказывается таким тогда, когда, находясь под властью господ, не делается рабом. Потому (апостол) и повелевает оставаться в рабстве. Если бы рабу невозможно было быть христианином, каким следует быть, то язычники обвиняли бы благочестие в большой немощи; но, узнав, что рабство нисколько не препятствует благочестию, они удивятся проповеди. Подлинно, если нам не причиняют вреда ни смерть, ни бичевания, ни узы, то тем более рабство; если огонь, железо, тысячи насилий, болезни, бедность, дикие звери и другие жесто-

чайшие и бесчисленные бедствия не причинили вреда верующим, а еще сделали их и сильнейшими, то как может повредить им рабство? Вредно не это рабство, возлюбленный, а рабство истинное – рабство греху. Если ты не подвергся ему, то дерзай и радуйся; тебе никто не может причинить никакого зла, потому что ты чужд рабства в душе своей. Если же ты подвергся ему, то, хотя бы ты был тысячекратно свободен, свобода не принесет тебе никакой пользы. Что пользы, скажи мне, если ты человеку не служишь, а страстям раболепствуешь? Люди часто умеют и щадить, а эти властители никогда не насыщаются твоими бедствиями. Ты служишь человеку? Но и тебе служит господин; он доставляет тебе пропитание, заботится о твоем здоровье, одежде, обуви и о всем прочем; не столько ты боишься оскорбить господина, сколько он беспокоится, чтоб ты не терпел недостатка в необходимом. Но он возлежит, а ты стоишь? Что ж из этого? Это случается не только с ним, но и с тобой. Часто, когда ты лежишь и сладко спишь, он не только стоит, но и терпит множество неприятностей на торжище и лишается сна хуже тебя. Что же? Потерпел ли Иосиф от госпожи что-нибудь такое, что потерпела она от своей страсти? Он не исполнил того, к чему она хотела принудить его, а она исполнила все, что повелевала ей госпожа ее, то есть похоть, которая не прежде отстала от нее, пока довела ее до посрамления. Какой господин, какой жестокий тиран даст такие приказания? Проси, говорит, своего раба, умоляй пленника, прельщай невольника; если он отвергнет тебя, снова приступай; если, несмотря на частые твои предложения, он не изъявит согласия, найди уединенное место, употреби насилие и предай себя посмеянию. Что бесчестнее, что постыднее таких внушений? Если же ты и после того не будешь иметь успеха, то оклевещи его и обмани мужа. Какие низкие, какие постыдные приказания, какие жестокие, бесчеловечные и безумные! Повелевает ли какой-нибудь господин то, что повелевала тогда похоть этой женщине – царице? И она не смела ослушаться. С Иосифом ничего такого не было, напротив, все послужило к его славе и чести. Хочешь ли видеть и другого мужа, который получил множество приказаний от жестокой госпожи и не смел ослушаться?

Припомни Каина, как им овладела зависть. Она повелела ему убить брата, солгать перед Богом, огорчить отца, оказаться бесстыдным, и он сделал все и не ослушался ни в чем. Но удивительно ли, что над одним (человеком) эта госпожа имела такую силу? Она часто погубляла целые народы. Так жены мадиамские едва не пленили и не поработили иудеев, прельщая всех их своей красотой (Числ. XXV). От такого рабства и предохраняет Павел, когда говорит: *не будите раби человеком,* то есть не повинуйтесь людям, когда они повелевают что-нибудь постыдное, и даже самим себе. Таким образом очистив и возвысив ум слушателей, он говорит далее: *о девах же повеления Господня не имам: совет же даю, яко помилован от Господа верен быти* (ст. 25). Продолжая речь, он постепенно доходит наконец и до девства; научив и вразумив их (коринфян) беседой о воздержании, он переходит к высшему предмету и говорит: *повеления не имам, но мню добро быти* (ст. 26). Почему? По той же причине, какую он привел в беседе о воздержании. *Привязался ли еси жене? Не ищи разрешения. Отрешился ли еси жены? Не ищи жены* (ст. 27). Эти слова не противоречат прежним, но совершенно согласны. Там он говорил: *точию по согласию;* и здесь говорит: *привязался ли еси жене? Не ищи разрешения.* Одно не противоречит другому, потому что совершаемое против воли есть расторжение; а если оба (муж и жена) воздерживаются по согласию, это – не расторжение.

6. Чтобы сказанное не было принято как закон, (апостол) присовокупляет: *аще ли же и оженишися, не согрешил еси* (ст. 28). Далее ссылается на обстоятельства, настоятельную нужду, стеснительное время и скорбь. Брак сопровождается многими затруднениями, на которые он и указывает как здесь, так и в беседе о воздержании. Там он говорил: *жена не владеет собою;* а здесь говорит: *привязался еси. Аще ли же оженишися, не согрешил еси:* разумеет не деву, избравшую девство; такая (вступая в брак) грешит. Если осуждаются вдовы, которые, однажды решившись оставаться во вдовстве, вступают во второй брак, то тем более девы. *Скорбь же плоти имети будут таковии.* Но, скажешь, вместе и удовольствие. И это, смотри, как (Павел) ограничил краткостью времени: *время,* говорит, *прекращено есть* (ст. 29), то есть нам заповедано уже идти отсюда и готовиться к исходу, а ты стремишься внутрь.

Если бы брак не сопровождался никакими скорбями, и в таком случае надлежало бы стремиться к будущему; если же он сопровождается скорбями, то какая нужда налагать на себя бремя? Какая необходимость принимать на себя такое бремя, которое, и приняв, должно нести так, как бы не приняв? *Да имущии жены,* говорит, *якоже не имущии будут.* Сказав нечто о будущем, далее он опять обращается к настоящему, — именно: духовное, что одна заботится о делах мужа, другая же о делах Божиих (ст. 34); а житейское, что *хощу вас безпечальных быти* (ст. 32). Впрочем, и это он предоставляет на их волю. Кто, указав достойное избрания, снова понуждает к этому, тот как бы не доверяет собственным словам; (а Павел) самой уступчивостью еще более побуждает и склоняет: *сие же,* говорит, *на пользу вам самем глаголю, не да сило вам наложу, но к благообразию и благоприступанию* (ст. 35). Пусть девы слышат, что не этим определяется девство: та, которая заботится о мирском, не есть благообразная дева. Сказав: *разделися и жена и дева,* (апостол) здесь объясняет, в чем состоит их различие друг от друга. Отличительным признаком девы и не девы он поставляет не брак и не воздержание, а свободу от забот (у одной) и множество забот (у другой). Не сожитие есть зло, а препятствие к любомудрию. *Аще ли же кто безобразити о деве своей непщует* (ст. 36). Здесь, по-видимому, он говорит о браке, но все направляет к речи о девстве; дозволяя и второй брак, говорит: *точию о Господе* (ст. 39). Что значит: *о Господе?* С целомудрием, с честностью. Эти добродетели везде нужны, и о них должно заботиться; иначе невозможно узреть Бога. Если мы не будем теперь распространяться о девстве, пусть никто не обвиняет нас в лености. Об этом предмете нами составлена целая книга, в которой мы изложили все с возможной точностью, и потому считаем излишним опять повторять здесь то же самое. Отсылая туда слушателя, скажем здесь только, что должно соблюдать воздержание: *мир,* говорит (апостол), *имейте и святыню, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14). Итак, чтобы нам удостоиться узреть Бога, будем в девстве ли, в первом ли браке или во втором преуспевать в этой добродетели, и мы сподобимся царства небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу,

со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XX

О идоложертвенных же вемы, яко вси разум имамы. Разум кичит, любы же созидает (1 Кор. VIII, 1)

1. Нужно наперед сказать, что здесь имеет в виду (апостол), тогда и будет понятна нам речь его. Кто видит кого-нибудь обвиняемым и не узнает наперед свойства вины его, тот не может понять сказанного. В чем же (апостол) обвиняет здесь коринфян? В преступлении великом и причинявшем множество зол. В каком же именно? Многие из них, зная, что *не входящая сквернят человека, а исходящая* (Мф. XV, 17, 18), и что идолы, то есть дерева, камни, демоны, не могут ни вредить, ни приносить пользу, употребляли такое совершенное знание неблагоразумно, ко вреду другим и себе. Они входили в капища, участвовали там в трапезах и таким образом производили большую гибель. Те, которые еще боялись идолов, не научились презирать их и принимали участие в этого рода вечерях, видя, что и совершеннейшие делают то же, получали от того великий вред (так как они касались предлагаемого не с таким расположением, с каким совершенные, но как идоложертвенного, чем и поддерживалось идолослужение); вместе с тем и сами совершенные впадали в немаловажный грех, пользуясь бесовскими трапезами. Вот в чем состояла вина (коринфян)! Блаженный (апостол), желая исправить это, не вдруг употребляет слова обличения; происходившее у них было следствием более неразумия, нежели развращения, а потому нужно было вначале употребить более увещание, нежели сильное и гневное обличение. И смотри, с каким благоразумием он тотчас же начинает увещание. О *идоложертвенных же вемы, яко вси разум имамы.* Оставив слабых, как он всегда делает, наперед обращает речь свою к сильным. То же самое он делает и в Послании к Римлянам, когда говорит: *ты же почто осуждаеши брата твоего* (XIV, 10)? Такой (человек) удобнее может принять внушение. Так же он поступает и здесь: сперва низлагает гордость их, замечая, что совершенное знание, которое они счита-

ли своим особенным преимуществом, принадлежит всем вообще. *Вемы,* говорит, *яко вси разум имамы.* Если бы он оставил без внимания их высокомерие и стал наперед доказывать, что поведение их причиняет вред другим, то не столько принес бы пользы, сколько повредил бы. Душа честолюбивая, гордясь чем-нибудь, хотя это и соединено со вредом для других, не смиряется, пока тщеславие владеет ею. Потому Павел наперед раскрывает дело само по себе, как он прежде поступил и с мирской мудростью, когда решительно отвергал ее. Но там он справедливо мог поступить так, потому что все в ней было достойно полного осуждения и весьма легко было доказать, что она не только излишня, но и противна проповеди. А здесь нельзя было поступить так же, потому что предметом речи было знание, и притом совершенное знание. Отвергать это знание было небезопасно, а с другой стороны, нельзя было иначе низложить гордость, которая происходила отсюда. Что же он делает? Показывает наперед, что то (знание) принадлежит всем вообще, и тем смиряет гордость их, потому что обладающие чем-нибудь великим и прекрасным, обладая одни, более превозносятся, а когда обнаружат, что и другие имеют то же самое, то уже не столько превозносятся. Потому, во-первых, он обобщает то, что коринфяне присвояли себе одним; и, обобщив, не представляет себя самого участником знания, чтобы они от того не возгордились еще более, потому что как имеющий что-нибудь один превозносится, так превозносится и тот, у кого один или два соучастника из людей знатных. Потому он не указывает на себя самого, а на всех; не говорит: и я имею знание, но: *вемы, яко вси разум имамы.* Таким образом, этим первым доводом он сильно поразил их гордость, а вторым еще сильнее. Каким же? Тем, что само знание не только не полно, но и весьма несовершенно, и не только несовершенно, но и вредно, если с ним не будет соединено нечто другое. Сказав: *яко вси разум имамы,* он присовокупляет: *разум кичит, любы же созидает;* если знание не соединено с любовью, то оно производит гордость. Но, скажешь, и любовь без знания не приносит никакой пользы. Не об этом он говорит; оставляя это, как всем известное, он доказывает, что знание имеет великую нужду в любви.

Кто любит, тот, как исполняющий главнейшую из всех заповедей, хотя бы и имел какие-нибудь недостатки, при помощи любви скоро может приобрести знание, подобно Корнилию и многим другим; а кто имеет знание, не имея любви, тот не только ничего не приобретет, но часто теряет и то, что имеет, впадая в гордость. Таким образом знание не производит любви, а, напротив, удаляет ее от человека невнимательного, порождая в нем гордость и надменность. Гордость производит разделения; а любовь соединяет и ведет к знанию. Это выражает (апостол), когда говорит: *аще же кто любит Бога, сей познан бысть от Него* (ст. 3). Я не запрещаю, говорит, иметь совершенное знание, но заповедую иметь его вместе с любовью; (иначе) оно не только бесполезно, но даже вредно.

2. Видишь ли, как он уже предначинает речь о любви? Так как все зло происходило не от совершенного знания, а от недостатка любви и снисхождения к ближним; так как от этого происходили у них разделения, надменность и все прочее, в чем он обличал их и прежде и после, — то он непрестанно старается внушить им (любовь, как) источник благ. Что вы, говорит, гордитесь знанием? Если не будете иметь любви, то оно принесет вам вред, — ведь что хуже гордости? Если же будете иметь любовь, то и знание будет надежно; когда знаешь более ближнего и любишь его, то не станешь превозноситься, но и ему сообщишь то же. Потому, сказав: *разум кичит*, он присовокупляет: *любы же созидает*. Не сказал: смиряет, а выразил нечто гораздо важнейшее и полезнейшее; знание не только надмевает, но и производит разделение, — потому противопоставил одно другому. Далее представляет и третий (довод), который мог смирить их. Какой же? Тот, что наше знание, хотя бы и соединено было с любовью, однако и тогда несовершенно: *аще ли кто*, продолжает он, *мнится ведети что, не у что разуме, якоже подобает разумети* (ст. 2). Сильный довод! Я уже не говорю, внушает он, что знание принадлежит всем вообще; не говорю, что, ненавидя ближнего и надмеваясь, ты причиняешь великий вред себе самому; хотя бы ты один владел знанием, хотя бы не гордился, хотя бы и любил брата, — и в таком случае знание твое несовершенно, потому что ты еще не знаешь

ничего, как должно знать. Если же мы ни о чем не имеем точного познания, то как некоторые дошли до такого безумия, что говорят, будто они со всей точностью знают Бога? Хотя бы мы имели точное познание обо всем другом, и тогда не можем иметь такого познания (о Боге), потому что невозможно выразить, как велико расстояние между Ним и всем прочим. И смотри, как он низложил гордость их. Не сказал: вы не имеете надлежащего познания о предложенных (предметах), но – обо всем вообще; не сказал: вы, но: всякий, Петр ли, Павел или кто бы то ни было. Этим он превосходно и утешил и смирил их. *Аще же кто любит Бога, сей познан бысть от Него;* не сказал: познал Его, но: *познан бысть от Него* (ст. 3), потому что не мы познали Бога, а Он познал нас. Потому и Христос говорит: *не вы Мене избрасте, но Аз избрах вас* (Ин. XV, 16). И Павел в другом месте: *тогда же познаю, якоже и познан бых* (1 Кор. XIII, 12). Заметь же, сколькими доводами он низложил гордость их: во-первых, показал, что не одни они знают то, что знают: *вси,* говорит, *разум имамы;* во-вторых, – что знание без любви вредно: *разум,* говорит, *кичит;* в-третьих, – что и соединенное с любовью не бывает полно и совершенно: *аще кто,* говорит, *мнится ведети что, не у что разуме, якоже подобает разумети;* притом это (знание) они имеют не от себя, а от Бога, даровавшего им, потому что не сказал: познал Бога, но: *познан бысть от Него;* и еще, это (знание) зависит от любви, которой они не имеют столько, сколько нужно: *аще кто,* говорит, *любит Бога, сей познан бысть от Него.* Смирив таким образом гордость их, он начинает излагать учение и говорит: о *ядении же идоложертвенных, вемы, яко идол ничтоже есть в мире, и яко никтоже Бог ин, токмо един* (ст. 4). Смотри, в каком он находился затруднении. Он хочет доказать два предмета, и то, что надобно воздерживаться от такой трапезы, и то, что она не может вредить вкушающим от нее; эти предметы не совсем согласуются между собой. Слыша, что (идольские жертвы) не причиняют вреда, (коринфяне) могли пользоваться ими, как безразличными; а слыша запрещение прикасаться к ним, они могли подозревать, что эти вещи запрещены потому, что могут вредить. Потому, опровергнув понятие об идолах, первой причиной воздержания он поставляет соблазн

братии. *О ядении же,* говорит, *идоложертвенных, вемы, яка идол ничтоже есть в мире.* Опять обобщает это знание, не усвояет его им одним, а приписывает всей вселенной. Не у вас только, говорит, но по всей земле известно это учение. Какое? *Яко идол ничтоже есть в мире, и яко никтоже Бог ин, токмо един.* Но разве нет идолов? Разве нет кумиров? Есть; но они не имеют никакой силы, и не боги, а камни и демоны. Он обращается теперь к людям двоякого рода, более грубым и более любящим рассуждать; одни не видят в идолах ничего, кроме камней, а другие полагают, что в них живут некоторые силы, которые и называют богами. Первым он говорит: *идол ничтоже есть в мире;* а последним: *никтоже Бог ин, токмо един.*

3. Видишь ли, как он излагает это учение не просто, а приспособительно к язычникам? И везде надобно смотреть, безотносительно ли он говорит что-нибудь, или относительно к кому-нибудь. Это немало может способствовать нам к точному познанию учения и к уразумению сказанного. *Аще бо и суть глаголемии бози, или на небеси, или на земли, якоже суть бози мнози, и господие мнози: но нам един Бог Отец, из негоже вся, и мы у него: и един Господь Иисус Христос, имже вся, и мы тем* (ст. 5, 6). Так как он сказал, что идол – ничто и нет другого Бога, а между тем были и идолы, и так называемые боги, то, чтобы не подумали, что он отвергает очевидное, присовокупляет: *аще и суть глаголемии бози:* хотя и есть (боги), не просто (боги), а, *глаголемии,* то есть не действительно существующие, а только так называемые. *Или на небеси, или на земли.* На небе разумеет солнце, луну и остальной хор светил, потому что язычники поклонялись и им; а на земле – бесов и всех обоготворенных людей. *Но нам един Бог Отец.* Прежде не употребил слова: *Отец,* когда сказал: *никтоже Бог ин, токмо един;* а теперь, когда решительно отверг их (языческих богов), прибавляет и это слово. Потом приводит важнейшее доказательство божества, именно: *из него же вся.* Отсюда видно, что эти (идолы) – не боги: *бози,* говорит (Писание), *иже небесе и земли не сотвориша, да погибнут* (Иер. X, 11). Далее предлагает и другое не менее важное (доказательство): *и мы у него.* Словами: *из негоже вся* он указывает на сотворение и приведение из небытия в бытие; а словами: *и мы у него* указывает на веру и соединение с Ним, как он говорил и выше: *из негоже вы есте* о *Хри-*

сте Иисусе (I, 30). Мы от Него двояким образом: по бытию и по вере, которая также есть творение, как он говорит в другом месте: *да оба созиждет собою во единаго новаго человека* (Еф. II, 15). *И един Господь Иисус Христос, имже вся, и мы тем.* Сказанное надобно опять разуметь и о Христе; через Него род человеческий приведен и из небытия в бытие, и от заблуждения к истине, так что выражение: *из негоже* не значит – без Христа; мы сотворены Им через Христа. Сами названия, употребленные апостолом, не надобно разуметь так, будто бы исключительно принадлежали – Сыну название *Господь*, а Отцу название *Бог.* В Писании часто употребляется одно вместо другого, например когда говорится: *рече Господь Господеви моему* (Пс. CIX, 1); и еще: *сею ради помаза Тя, Боже, Бог твой* (Пс. XLIV, 8); и еще: *от нихже Христос по плоти, сый над всеми Бог* (Рим. IX, 5). И во многих других местах эти названия употребляются одно вместо другого. Если бы каждое из них исключительно принадлежало одному Лицу, если бы Сын не был Богом и таким Богом, как Отец, а был бы только Сыном, то Павел, сказав: *но нам един Бог,* напрасно прибавил бы слово: *Отец,* для означения Нерожденного, потому что для этого достаточно было бы сказать слово: *Бог,* если бы оно принадлежало Ему одному. Не только это, но и другое еще можно сказать. Если же бы ты сказал, что Бог назван единым, а следовательно имя Бога не свойственно Сыну, то смотри: и о Сыне сказано то же самое; и Сын назван *единым Господом;* однако, мы не говорим, что поэтому имя Господа свойственно Ему одному. Потому, какое значение имеет слово: *един* по отношению к Сыну, такое же и по отношению к Отцу; как то, что Сын называется единым Господом, не препятствует Отцу быть Господом и таким же Господом, как Сын, так и то, что Отец называется единым Богом, не препятствует Сыну быть Богом и таким же Богом, как Отец. Если же кто спросит: почему (апостол) не упомянул о Духе? – то мы ответим: потому, что он говорил к идолослужителям и опровергал их учение о множестве богов и множестве господ. Потому Он и назвал Отца Богом, а Сына Господом. Если же он не решился здесь назвать Господом Отца вместе с Сыном, чтобы не думали, что он признает двух Господ, равно назвать, Богом Сына вместе с Отцом, чтобы не подумали,

что он признает двух Богов, то удивительно ли, что он не упомянул о Духе? Он здесь имел в виду язычников и доказывал, что мы не признаем многобожия; потому и повторяет часто слово *един: никтоже,* говорит, *Бог ин, токмо един,* и: *нам един Бог и един Господь.* Отсюда видно, что он, из снисхождения к немощи слушателей, употребил такой образ речи и из-за этого не упомянул о Духе. А если бы не так, то и в других местах не следовало бы упоминать о Духе и поставлять Его наравне с Отцом и Сыном. Если бы (Дух) не был равен Отцу и Сыну, то особенно не следовало бы поставлять Его наравне (с Ними) в крещении, в котором преимущественно открывается достоинство Божества и сообщаются такие дары, которые сообщать свойственно одному Богу.

4. Таким образом я показал причину, почему здесь умолчено (о Духе). Если же не так, то ты скажи: почему Он поставляется наравне (с Отцом и Сыном) в крещении? Не можешь указать другой причины, кроме той, что Они равночестны. Потому (и Павел), когда нет подобной надобности, смотри, как поставляет Их вместе, говоря: *благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами* (2 Кор. XIII, 13). И еще: *разделения же дарований суть, а тойжде Дух: и разделения служений суть, а тойжде Господь: и разделения действ суть, а тойжде Бог* (1 Кор. XIII, 4–6). А здесь он обращает речь к язычникам, и притом к слабейшим из язычников, и потому пока умалчивает (о Духе). То же делают и пророки по отношению к Сыну: они нигде ясно не упоминают о Нем по немощи слушателей. *Но не во всех разум* (знание), продолжает (апостол) (ст. 7). Какое знание? О Боге или о жертвах идольских? Здесь он указывает или на язычников, которые признавали многих богов и господ и не знали Бога истинного, или на слабейших из язычников, которые еще не сознавали ясно, что не должно бояться идолов и что *идол ничтоже есть в мире.* Этими словами он слегка утешает и ободряет их, так как здесь не следовало высказывать всего, особенно потому, что он намеревался после с большей силой вразумлять их.

Нецыи же совестию идолскою даже доселе якоже идоложертвенное ядят, и совесть их немощна сущи сквернится. Еще доселе, говорит, боятся идолов. Не указывай мне на настоящее состояние, в

котором ты находишься, приняв благочестие от предков, но обратись мыслью к тем временам, когда лишь только началась проповедь, когда еще господствовало нечестие, курились жертвенники, совершали жертвоприношения и возлияния, когда еще было весьма много язычников, и представь, что должны были чувствовать те, которые наследовали нечестие от предков, произошли от таких отцов, дедов и прадедов, терпели от злых духов множество зол, и лишь только обратились в христианство, — как они должны были страшиться и трепетать козней диавола. Их и разумеет (апостол), когда говорит: *нецыи же совестию идолскою;* не называет их прямо, чтобы не оскорбить их, и не совсем умалчивает, а упоминает об них неопределенно: *нецыи же,* говорит, *совестию идолскою даже доселе якоже идоложертвенное ядят,* то есть с такими же мыслями, с какими ели прежде. *И совесть их немощна сущи сквернится,* потому что еще не может считать за ничто и совершенно презирать этих жертв, но остается еще в сомнении. Как если бы кто, прикасаясь к мертвецу, считал это осквернением для себя, по иудейскому образу мыслей, а потом видя, что другие с чистой совестью прикасаются к нему, и касаясь не с той же самой мыслью, осквернился бы, так было тогда и с ними (коринфянами). *Нецыи совестию идолскою даже доселе.* Не напрасно сказал: *даже доселе,* но чтобы показать, что без снисходительности (к ближним) нисколько не получается пользы, и что следует вразумлять их не так, а иначе, например, словом и учением. *И совесть их немощна сущи сквернится.* Доселе не говорит еще о сущности дела, а только всячески обращает внимание на совесть вкушающего, опасаясь, чтобы, исправляя слабого, не оскорбить сильного и не сделать его также слабым; равно щадит того и другого; даже не допускает их и помыслить что-нибудь такое, но пространно раскрывает свою мысль, чтобы не родилось какое-нибудь недоумение. *Брашно же нас не поставляет пред Богом. Ниже бо аще ямы, избыточествуем: ниже аще не ямы, лишаемся* (ст. 8). Видишь ли, как он опять низлагает гордость их? Сказав, что не только они, но и *вси разум имамы,* что никто *не у что разуме, якоже подобает разумети,* и что *разум кичит,* потом, утешив их словами, что *не во всех разум* и что иные *скверняться по немощи,* и (предупреждая), чтобы они не сказали: какое нам дело, что не все имеют такое

знание? – а почему такой-то не имеет знания? – почему он немощен? – чтобы они не возразили в этом смысле, (апостол) не прямо переходит к заключению, что надобно воздерживаться (от жертв идольских), чтобы не причинить вреда ближнему, но, предварительно только указав на это, внушает нечто более важное. Что же такое? То, что хотя бы (невоздержание) и не причиняло никому вреда и не соблазняло ближнего, – и в таком случае не должно этого делать, потому что это было бы дело бесполезное. Кто знает, что какое-нибудь дело, хотя причиняет вред другому, но ему самому приносит пользу, тот не скоро оставит его, но скорее оставит тогда, когда убедится, что и он сам не получит от того никакой пользы. Потому он наперед и говорит: *брашно же нас не поставляет пред Богом.* Видишь ли, как он унижает то, что по-видимому происходило от совершенного знания? *Ниже бо аще ямы, избыточествуем,* то есть заслуживаем благоволения Божия, как бы сделав что-нибудь доброе и великое; *ниже аще не ямы, лишаемся,* то есть получаем какой-нибудь урон.

5. Таким образом доселе он доказывал, что (едение жертв идольских) излишне и ничтожно, так как что не приносит пользы, когда есть, и не вредит, когда нет, то излишне. Далее показывает весь происходящий от того вред и наперед вред для братии. *Блюдите бо,* говорит, *да не како власть ваша сия преткновение будет немощным из братий* (ст. 9). Не сказал: *власть ваша служит преткновением,* не выразил этого положительно, чтобы они не сделались более бесстыдными, – но как? *Блюдите,* говорит, возбуждая в них опасение, стыд и решимость не делать этого. Не сказал: *разум ваш сей,* или: *совершенство ваше сие,* что означало бы больше похвалу, но: *власть,* чем выражалось более их бесстыдство, дерзость и гордость. Не сказал: *братиям,* а: *немощным* из братий, увеличивая виновность их тем, что они не щадят даже немощных, и притом братий. Ты не исправляешь и не поднимаешь брата, – пусть будет так; но для чего поставляешь ему препятствие и доводишь его до падения, тогда как надлежало бы подать руку? Ты не хочешь помочь ему; по крайней мере, не повергай же его. Если он порочен, то имеет нужду в исправлении; а если немощен, то ему нужно врачевание. Между тем он не только немощен, но и брат твой. *Аще бо кто видит тя, имуща разум, в треби-*

щи возлежаща, не совесть ли его немощна сущи созиждется идоложертвенная ясти (ст. 10)? Сказав: *блюдите, да не како власть ваша сия преткновение будет,* он объясняет, как и каким образом это бывает. Постоянно указывает на немощь, чтобы не подумали, что вред происходит от свойства самого дела, и чтобы демоны не представлялись страшными. Теперь, говорит, (брат твой) близок к тому, чтобы совершенно оставить идолов; но когда он видит, что ты охотно ходишь к ним, то принимает это за руководство для себя и сам делает тоже. Таким образом соблазн происходит не только от его немощи, но и от твоего неблагоразумия; ты делаешь его еще более немощным. *И погибнет немощный брат в твоем ядении, егоже ради Христос умре* (ст. 11). Наносимый тобой вред непростителен по двум причинам: потому, что ближний твой немощен, и потому, что он брат твой; но есть еще и третья причина, самая страшная. Какая? Та, что Христос не отказался умереть за него, а ты не хочешь даже оказать ему снисхождения. Этими словами (апостол) напоминает совершенному, чем он сам был прежде и что Христос умер за него. Не говорит: за которого тебе надлежало бы умереть, но гораздо сильнее: *егоже ради Христос умре.* Владыка твой не отказался умереть за него, а ты не обращаешь на него никакого внимания, не хочешь для него воздержаться даже от нечистой трапезы, но попускаешь ему погибнуть после того, как таким образом совершено его спасение, и, что всего тяжелее, из-за пищи. Не сказал: *в твоем совершенстве,* или: *в твоем разуме,* но: *в твоем ядении.* Итак, здесь четыре вины, и весьма важные, именно: твой брат, немощный, столь любезный Христу, что Он даже умер за него, и притом из-за пищи подвергается погибели. *Такожде согрешающе в братию, и биюще их совесть немощну сущу, во Христа согрешаете* (ст. 12). Видишь ли, как постепенно и мало-помалу он доказал, что вина их есть самое тяжкое преступление? И здесь опять упоминает о немощи их (соблазняемых), обращая везде на собственную голову их (соблазняющих) то, что они приводили в свое оправдание. Не сказал: *соблазняюще,* но: *биюще,* чтобы таким выразительным словом показать жестокость их. В самом деле, кто может быть жесточе человека, который бьет больного? А соблазн тяжелее всякого удара; он нередко причинял даже смерть. Но почему соблазняющие гре-

шат против Христа? Во-первых, потому, что касающееся рабов Его Он усвояет Себе; во-вторых, подвергающиеся биению составляют тело Его и члены Его; в-третьих, они (бьющие), по гордости своей, разрушают дело, которое Он совершил Своей смертью. *Темже аще брашно соблазняет брата моего, не имам ясти мяса во веки* (ст. 13). Поступает как отличный наставник, доказывая собственным примером то, чему учит. Не говорит: будет ли это справедливо или несправедливо, но как бы то ни было. Я уже не говорю, продолжает он, об идольских жертвах, которые непозволительны и по другой причине; но если соблазняет (брата моего) что-нибудь, зависящее от моей власти и дозволенное, я буду воздерживаться и от этого, не один и не два дня, а во всю мою жизнь. *Не имам ясти мяса во веки.* Не сказал далее: *да не погублю брата,* но только: *да не соблазню.* Подлинно, крайне безумно тех, о которых Христос так печется, что благоволил умереть за них, считать столь презреными, чтобы не воздерживаться для них даже от пищи. Это не только относится к ним (коринфянам), но – уместно сказать – и к нам, которые пренебрегаем спасением ближних и произносим такие же сатанинские слова. Ведь говорить: какое мне дело, что такой-то соблазняется и такой-то погибает? – это поистине сатанинская жестокость и бесчеловечие. Тогда соблазн происходил, по крайней мере, от немощи соблазнявшихся, а у нас не так; мы совершаем такие грехи, которые соблазняют даже сильных. Так, когда мы бьем, грабим, лихоимствуем и с людьми свободными поступаем как с невольниками, то кого это не может соблазнить? Не говори, что такой-то – сапожник, другой – красильщик, третий – медник; но подумай о том, что он – верующий и брат. Мы – ученики рыбарей, мытарей, скинотворцев, ученики Того, Который воспитывался в доме плотника и обрученную Невесту его удостоил избрать Своей Матерью, возлежал в яслях повитый пеленами, не имел где преклонить главу, ходил пешком до того, что утомлялся на пути, и получал пропитание от других.

6. Представляй все это и не считай ни за что великолепие человеческое. Признавай своим братом и скинотворца, и того, кто ездит на колеснице, имеет множество слуг и величается на торжище, даже первого более, нежели после-

днего. Ведь справедливее называть братом того, в ком видно более сходства. А кто более подобен рыбарям? Тот ли, кто снискивает себе пропитание ежедневными трудами, не имеет ни слуги, ни собственного жилища и во всем нуждается, или тот, кто окружен таким великолепием и поступает вопреки заповедям Божиим? Не презирай же того, кто более брат, кто ближе стоит к апостольскому образу. Но, скажешь, он таков не добровольно, а по необходимости; он живет так не по своей воле. Откуда это (известно)? Разве ты не слышал: *не судите, да не судими будете* (Мф. VII, 1)? А чтобы убедиться, что он таков не против воли, пойди, предложи ему тысячи талантов золота и увидишь, что он отвергнет их. Если же он и от предков не получил богатства, и, когда можно получить, не ищет его и не привязывается к имуществу, то весьма ясно, что он презирает богатство. Так и Иоанн Заведеев был сын весьма бедного человека (Мк. X, 35); но отсюда еще не следует, что бедность его была невольная. Потому, когда увидишь дровосека или кузнеца, покрытого сажей, не презирай его за это, а окажи ему за это почтение. Петр также препоясывался, брал в руки невод и ловил рыбу, даже и после воскресения Господа. И что я говорю о Петре? Сам Павел, по совершении столь многих путешествий и столь многих чудес, жил в мастерской скинотворца и сшивал кожи; его чтили ангелы и трепетали бесы, а он не стыдился говорить: *требованию моему и сущим со мною послужисте руце сии* (Деян. XX, 34). И что я говорю: не стыдился? Даже хвалился этим. Кто же, скажешь, ныне равен в добродетели Павлу? Знаю, что — никто; но из-за этого и нынешних бедных не следует презирать. Хотя бы кто из них был самый последний, но только верующий, он достоин почтения для Христа. Так, если бы пришли к тебе военачальник и простой воин, оба приближенные к царю, и ты для них обоих открыл бы дом свой, то в лице которого из них ты более показал бы почтения к царю? Очевидно, что в лице воина, так как военачальник и без близости к царю имеет много такого, что может побудить тебя оказать ему честь; а простой воин не имеет ничего другого, кроме близости к царю. Бог потому и заповедал нам призывать на вечери и пиршества хромых, увечных и не имеющих возможности воздать нам со своей стороны

(Лк. XIV, 13), что такие благодеяния преимущественно и в собственном смысле совершаются для Бога. Если ты принимаешь у себя человека великого и знатного, то твое пожертвование не есть чистая милостыня, но часто примешивается к тому и тщеславие, надежда получить что-нибудь и прославиться через него перед другими. Я мог бы указать на многих, которые для того благодетельствуют известнейшим из святых, чтобы через них получить большую доверенность в глазах начальников и через то привести в лучшее состояние свои обстоятельства и семейные дела, и даже испрашивают себе у святых многих подобных милостей, что и уменьшает цену их благодеяний, совершаемых с такой целью. Но для чего говорить о святых? Вообще, кто ищет от Бога воздаяний за труды свои здесь и делает добро для настоящего, тот уменьшает свою награду; а кто всех венцов ожидает там, тот гораздо более достоин воздаяния, подобно Лазарю, который получил все блага там, – подобно трем отрокам, которые, готовясь быть вверженными в печь, говорили: *есть Бог на небесех, силен изъяти нас: аще ли ни, ведомо да будет тебе, царю, яко богом твом не служим, и образу златому, егоже поставил еси, не кланяемся* (Дан. III, 17, 18), – подобно Аврааму, который возвел на гору сына своего и хотел заклать его, делая это не для какой-нибудь награды, но поставляя величайшей и единственной для себя наградой повиноваться Владыке. Будем и мы подражать им. Если мы станем делать все с таким расположением, то получим в воздаяние изобильные блага и удостоимся блистательных венцов, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXI

Несмь ли апостол? Несмь ли свободь? Не Иисуса Христа ли Господа нашего видех? Не дело ли мое вы есте о Господе (1 Кор. IX, 1)

1. Выраженного в словах: *аще брашно соблазняет брата моего, не имам ясти мяса во веки,* (апостол) еще не сделал, а только изъявил готовность сделать это, если потребует нужда.

Потому, чтобы кто-нибудь не сказал: «ты только хвалишься, показываешь любомудрие на словах и обещаешь, — что легко и для меня и для всякого другого, — если же говоришь от души, то покажи на деле, от чего ты отказался, чтобы не соблазнить брата», он находит нужным объяснить это и показать, как он воздерживался даже от позволенного, чтобы не соблазнить кого-нибудь, тогда как никакой закон не принуждал его к тому. Не то только удивительно, — хотя и это само по себе удивительно, — что он воздерживался от позволенного, лишь бы не соблазнить, но и то, что воздерживался с великим трудом и среди опасностей. Для чего, говорит, толковать об идольских жертвах? Христос заповедал проповедникам Евангелия получать содержание от поучаемых, но я не делал и этого, а решился, в случае нужды, мучиться голодом и подвергнуться самой тяжкой смерти, только бы ничего не брать от поучаемых, не потому, чтобы они соблазнялись, если бы я взял что-нибудь, но чтобы они назидались, что гораздо важнее. И свидетелями этого представляет их самих, у которых он работал, терпел голод, получал пропитание от других и находился в стеснительном положении, чтобы не соблазнить их, хотя они напрасно стали бы соблазняться, потому что это было бы дело законное: так много он щадил их! Если же он сам поступал выше закона, чтобы не подать повода к соблазну, и воздерживался от позволенного в назидание другим, то чего достойны они, не воздерживаясь от идольских жертв, тогда как много от того погибают, и притом тогда, как и без соблазна следовало бы воздерживаться потому, что это бесовская трапеза? Вот главное содержание следующим многих стихов. Но надобно возвратиться к ранее предложенному, потому что, как я сказал, он изложил это не совсем ясно и высказал не вдруг, а начал издалека. *Несмь ли апостол?* — говорит он, — так как, кроме сказанного, и то немаловажно, что это делал Павел. Чтобы (коринфяне) не сказали, что можно есть идоложертвенное, оградив себя крестным знамением, он сначала не опровергает этого и говорит, что, хотя бы и можно было, не должно делать для избежания соблазна братий; а потом показывает, что и не можно. Первое доказывает собственным примером; и намереваясь говорить о том, что ничего не брал от

них, не вдруг высказывает это, а говорит прежде о своем достоинстве: *несмь ли апостол? Несмь ли свободъ?* Чтобы они не сказали: если ты не брал, то не брал потому, что нельзя было брать, — для этого он сперва излагает причины, по которым справедливо мог брать, если бы хотел.

Далее, чтобы не подумали, что он говорит это в укоризну спутникам Петра, которые брали, доказывает наперед, что им можно было брать. Потом, чтобы не сказали: Петру можно было брать, а тебе нельзя, — предупреждает это похвалами самому себе. Видя, что ему предстоит необходимость хвалить самого себя, — а таким образом и можно было исправить коринфян, — и не желая говорить о себе много, смотри, как мудро он исполняет то и другое, похваляя себя не столько, сколько сознавал в себе, но сколько требовало настоящее дело. Он мог бы сказать: мне преимущественно перед всеми следует брать и более других, потому что я более их потрудился; но не указывает на такое свое преимущество, а говорит только о том, чем и другие отличались и почему они имели право брать: *несмь ли,* говорит, *апостол? Несмь ли свободъ?* — то есть не имею ли я власти над собой? Разве кто имеет власть останавливать меня или запрещать мне брать? Правда, другие имели то преимущество, что они были с Христом; но, говорит, и я не лишен этого: *не Иисуса Христа ли Господа нашего видех? Последи же всех,* говорит он (в другом месте), *яко некоему извергу явися и мне* (1 Кор. XV, 8). А это также немаловажно. *Мнози бо,* сказал (Господь), *пророцы и праведницы вожделеша видети, яже видите, и не видеша* (Мф., XIII, 17). И еще: *приидут дние, егда вожделеете единаго дне сего видети* (Лк. XVII, 22). Положим, что ты апостол, свободен и видел Христа: но что если ты не совершил апостольского дела, за которое имел бы право брать? В ответ на это он и присовокупляет: *не дело ли мое вы есте о Господе?* Это весьма важно; без этого и другие преимущества не принесли бы никакой пользы. И Иуда был апостол, и свободен, и видел Христа; но так как он не совершил дела апостольского, то не получил от всего этого никакой пользы. Потому он говорит и об этом и свидетелями представляет их самих. А так как он сказал здесь нечто великое, то смотри, как определяет это словом: *о Гос-*

поде, то есть вы – дело Божие, а не мое. *Аще иным и несмь апостол, но обаче вам есмь* (ст. 2).

2. Видишь ли, как он не говорит лишнего? Он мог бы указать на вселенную, на народы варварские, на землю и море; но не высказывает ничего такого, а говорит относительно к ним и побеждает тем сильнее. Какая мне нужда, говорит, распространяться слишком много, когда и этого достаточно для настоящего предмета? Я не говорю о подвигах, совершенных мной у других, а о тех, которых вы сами свидетели; потому, если не от других, то от вас особенно мне можно было брать. Но от кого особенно следовало мне брать, – ведь я был вашим учителем, – и от тех я не брал. *Аще иным и несмь апостол, но обаче вам есмь;* опять говорит относительно. Он был апостолом вселенной; но я не говорю об этом, продолжает он, не спорю, не настаиваю, а упоминаю о том, что к вам относится. *Печать бо моего апостольства вы есте*, то есть доказательство. Кто хочет убедиться, говорит, в моем апостольстве, тому я указываю на вас. Все, свойственное апостолу, я сделал у вас и ничего не упустил. То же он изъясняет во втором послании: *аще и ничтоже есмь, знамения же апостолова содеяшася в вас во всяком терпении, в знамениих, и чудесех, и силах. Что бо есть, егоже лишистеся паче прочих церквей* (2 Кор. XII, 11, 12, 13)? Потому и говорит: *печать моего апостольства вы есте.* У вас я и показывал знамения, и учил словом, и подвергался опасностям, и проводил безукоризненную жизнь. Все это можно видеть в двух его посланиях к ним, в которых он со всей точностью изъясняет каждый из этих подвигов. *Мой ответ востязующим мене сей есть* (ст. 3). Что значит: *мой ответ востязующим мене сей есть?* Для тех, которые хотят знать, почему я апостол, или обвиняют меня, будто я беру деньги, или спрашивают о причине, почему не беру, или стараются доказать, что я не апостол, доказательством и оправданием моим служит ваше научение и то, что я намерен сказать. Что же это такое? *Еда не имамы власти ясти и пити? Еда не имамы власти сестру жену водити* (ст. 4, 5)? Как же это может служить оправданием? Когда известно, что я воздерживаюсь даже от позволенного, то несправедливо было бы подозревать меня, будто я обманываю или делаю что-нибудь за деньги. Таким образом и сказанное прежде, и преподанное

вам учение, и сказанное теперь достаточно к моему оправданию перед вами, и против всех, осуждающих меня, я неизменно утверждаю как вышесказанное, так и следующее: *еда не имамы власти ясти и пити? Еда не имамы власти сестру жену водити?* Но, несмотря на то, что имею власть, я воздерживаюсь. Неужели же он ни ел, ни пил? Действительно, часто ни ел, ни пил. *Во алчбе,* говорит, *и жажде, в холоде и наготе быхом* (2 Кор. XI, 27). Впрочем, здесь он не то разумеет, а что? Мы не едим и не пьем на счет учеников, хотя и имеем право брать от них. *Еда не имамы власти сестру жену водити, яко и прочии апостоли, и братия Господня, и Кифа?*

Видишь ли мудрость его? Верховного (апостола) он поставляет после; самое сильное доказательство помещает на конце, потому что указание на других, делающих это, не было бы так разительно, как указание на первого (апостола), которому вверены ключи царствия небесного. Впрочем, он указывает не на него одного, а на всех, и как бы так говорит: посмотришь ли на низших, или на высших, все они служат примером. Братья Господа, оставившие прежнее неверие, были также достославны, хотя и не равнялись с апостолами; потому он и поставляет их в середине, помещая главных прежде и после них. *Или един аз и Варнава не имамы власти еже не делати* (ст. 6)? Видишь ли, как душа его смиренномудра и чиста от всякой зависти, как он не умалчивает о том, кто участвовал в трудах его? Если все прочее у нас с ними общее, то почему и этому не быть общим? И те и мы – апостолы, и свободны, и видели Христа, и совершили, что следует апостолам; потому и мы имеем право жить без трудов и получать содержание от учеников. *Кто воинствует своими оброки когда* (ст. 7)? Приведя сильнейшее доказательство – пример апостолов – на то, что можно делать это, он теперь, по своему обыкновению, обращается к сравнениям и общепринятым обычаям и говорит: *кто воинствует своими оброки?* Посмотри, как приличны настоящему предмету приводимые им сравнения, и как он упоминает наперед о деле, соединенном с опасностями, – о воинской службе, оружии и войне. Таково и апостольство, и даже гораздо труднее. И у апостолов была брань не только с людьми, но с бесами и с предводителем их. Смысл слов его следующий; если и внешние (языческие) начальники, жестокие и не-

справедливые, не требуют от воинов, чтобы они шли на войну и подвергались опасностям, и между тем содержали сами себя, то возможно ли, чтобы Христос требовал этого (от апостолов)? И он не довольствуется одним сравнением, — потому что обыкновенно простой и грубый человек скорее убеждается тогда, когда видит, что общепринятый обычай согласуется с заповедями Божиими.

3. Потому он приводит другое и говорит: *кто насаждает виноград, и от плода его не яст?* Первым он выразил опасности, а последним труд, великую ревность и усердие. Потом присовокупляет третье сравнение: *кто,* говорит, *пасет стадо, и от млека его не яст?* Этим означает великую заботливость, какую свойственно иметь учителю об учениках. Апостолы были и воины, и земледельцы, и пастыри, имевшие дело не с землей, не с бессловесными животными, не с чувственными врагами, а с разумными душами и с бесовскими ополчениями. Заметь, как он везде соблюдает соразмерность, стараясь сказать только полезное, а не излишнее. Не сказал: какой воин служит и не богатеет? но: *кто воинствует своими оброки когда?* Не сказал; *кто насаждает виноград* и не извлекает золота, или не собирает всего плода? — но: *от плода его не яст?* Не сказал: кто, пася стадо, не продает ягнят? — но как? — *и от млека его не яст?* Не от ягнят, а *от млека,* выражая этим, что учитель должен довольствоваться малым утешением и одной только необходимой пищей. Это относится к тем, которые хотят поедать все и собирать все плоды. Так заповедал и Господь, когда сказал: *достоин делатель пищи своея* (Мф. X, 10). И не одно, это внушает (апостол) такими сравнениями, а показывает и то, каков должен быть священник. Он должен иметь мужество воина, трудолюбие земледельца и попечительность пастыря и при всем том не желать ничего, кроме необходимого. Доказав и примером апостолов и сравнениями из жизни, что учителю не запрещено брать, (Павел) приступает к третьему доказательству и говорит: *еда по человеку сия глаголю? Не и закон ли сия глаголет* (ст. 8)? Доселе он не приводил ничего из Писаний, а ссылался на общепринятый обычай; потому не подумайте, говорит, что я основываюсь на этом одном и утверждаю заповедь на мнении человеческом; я могу доказать, что так угодно Богу, и привести древний за-

кон, который повелевает то же. Здесь он продолжает речь вопросом, как бывает (в беседе) о чем-нибудь совершенно известном, и говорит: *еда по человеку сия глаголю?* — то есть разве я основываюсь только на человеческих обычаях? *Не и закон ли сия глаголет? В Моисеове бо законе писано: да не заградиши устен вола молотяща* (ст. 9). Для чего он упоминает об этом, имея пример (иудейских) священников? Чтобы сильнее доказать свою мысль. Потом, чтобы кто не возразил: какое нам дело до того, что сказано о волах? — обстоятельно изъясняет это и говорит: *еда о волех не радит Бог?* Неужели же, скажи мне, Бог не печется о волах? Печется, но не столько, чтобы поставлять о них особый закон. Если бы Бог не имел в виду чего-нибудь важнейшего, если бы не хотел примером бессловесных научить иудеев человеколюбию и вместе с тем напомнить им об учителях, то не оказал бы такого попечения о волах, чтобы предписывать закон о незаграждении уст их. Отсюда видно и другое, — как велик бывает и должен быть труд учителя, и — еще нечто. Что же такое? То, что сказанное в Ветхом Завете касательно попечения о животных преимущественно относится к назиданию людей, равно как и все другое, например сказанное о разных одеждах, о виноградниках, о семенах, о том, чтобы не засевать землю разными семенами, о проказе и, можно сказать, обо всем прочем. Так как (слушатели) были люди грубые, то он говорил им так, чтобы возводить их (к разумению) мало-помалу. Впрочем, (апостол) не доказывает того, что ясно и очевидно само по себе. Сказав: *еда о волех не радит Бог,* продолжает: *или нас ради всяко глаголет* (ст. 10)? Не напрасно поставил слово: *всяко,* но чтобы не подать слушателю повода возразить что-нибудь. Между тем продолжает метафору и говорит: *нас бо ради писася, яко о надежде должен есть оряй орати,* то есть учитель должен получать возмездие за труды, *и молотяй с надеждою своего упования причащатися.* Посмотри на мудрость его: от сеяния он переходит к молотьбе и тем опять внушает, как велики труды учителей, которые сами и пашут и молотят, и так как *оряй* еще не может ничего собирать, а должен только трудиться, то предоставляет ему *надежду;* а молотящему предоставляет уже пользование плодами: и *молотяй,* говорит, *упования своего* причащатися.

4. Далее, чтобы кто не сказал: это ли возмездие за такие труды? — он прибавляет: *с надеждою,* то есть на будущее. Таким образом закон о незаграждении уст вола означает не что иное, как то, что трудящиеся учители должны получать вознаграждение. *Аще мы духовная сеяхом вам, велико ли, аще мы ваша телесная пожнем* (ст. 11)? Вот и четвертое доказательство того, что надобно доставлять (пропитание учителям). Сказав: *кто воинствует своими оброки когда? — кто насаждает виноград? — кто пасет стадо?* — указав на *вола молотяща,* — он приводит новую основательнейшую причину, почему они имеют право брать, именно ту, что они не только трудятся, но и сами доставляют ученикам гораздо важнейшее. Что же значит: *аще мы духовная сеяхом вам, велико ли, аще мы ваша телесная пожнем?* Видишь ли причину справедливейшую и основательнейшую прежних? Там, говорит, вещественные семена и вещественный плод; здесь же не так, но семя духовное, а воздаяние вещественное. Чтобы доставляющие что-нибудь учителям не думали о себе много, он показывает, что они больше получают, нежели дают. Земледельцы что посеют, то и пожинают; а мы сеем в душах ваших духовное, а пожинаем вещественное, потому что такова доставляемая нам пища. Потом еще более пристыжает их: *аще,* говорит, *инии власти вашея причащаются, не паче ли мы* (ст. 12)? Вот еще иное доказательство, заимствованное так же от примеров, только не таких, как прежние: здесь он говорит не о Петре, не об апостолах, а о некоторых лжеучителях, против которых после восстает и о которых говорит: *аще кто вас поядает, аще кто отъемлет, аще кто величается, аще кто по лицу биет вы* (2 Кор. XI, 20). Он теперь уже предначинает борьбу с ними и потому не говорит: если другие берут с вас; но, изображая их дерзость, насилие, корыстолюбие, говорит: *аще инии власти вашея причащаются,* то есть управляют вами, обладают, поступают с вами, как с рабами, не только берут с вас, но и с великим настоянием и дерзостью. Затем продолжает: *не паче ли мы?* Этого он не сказал бы, если бы говорил здесь об апостолах; но очевидно, что он намекает на каких-то зловредных людей и обольстителей. Следовательно, кроме закона Моисеева, вы и сами, говорит, постановили правилом доставлять (содержание учителям). Ска-

зав: *не паче ли мы,* он не доказывает, почему так, но предоставляет это суду их совести, а вместе с тем желает еще более и устрашить их, и пристыдить. *Но не сотворихом по области сей,* то есть мы не брали. Смотри, после скольких доказательств того, что брать – дело не беззаконное, он, наконец, сказал: мы не берем, – чтобы не подумали, что он воздерживается от этого, как от запрещенного. Не потому, говорит, я не беру, что не позволительно; это позволительно, как мы доказали многими примерами – и апостолов, и житейскими, как то: воина, земледельца, пастыря, законом Моисеевым, самим существом дела, так как мы *духовная сеяхом вам,* и наконец тем, что вы сами делаете это в отношении к другим. Но *(не сотворихом),* говорит с одной стороны для того, чтобы не подумали, будто он осуждает апостолов, которые брали, чтобы пристыдить (коринфян) и показать, что он воздерживается от этого, не как от запрещенного; а с другой стороны, чтобы после многих доводов и многих примеров, доказывающих право на получение, не подумали, что он сам хочет брать и с этой целью говорит все это, – он предотвращает и такое подозрение. Впоследствии он выразил это яснее в словах: *не писах же сия, да тако будет о мне* (1 Кор. IX, 15); а здесь говорит: *не сотворихом по области сей.* И притом, что еще важнее, никто не может сказать, будто мы *не сотворихом* потому, что жили в изобилии; нет, и будучи в нужде, мы не уступили нужде. То же он говорит во втором послании: *от иных церквей уях, приим оброк к вашему служению: и пришед к вам и в скудости быв, не стужих ни единому* (2 Кор. XI, 8); также и в настоящем послании: *и алчем, и жаждем, и наготуем, и страждем* (1 Кор. IV, 11). И здесь опять намекает на то же словами: *но вся терпим.* Выражение: *вся терпим* и означает и голод, и великую нужду, и все другие бедствия. Однако все это, говорит, не принудило нас нарушить закон, который мы сами для себя постановили. Почему? *Да не прекращение* (препятствие) *кое дамы благовествованию Христову.* Коринфяне были немощны; потому, говорит, чтобы не соблазнить вас, принимая (мзду) от вас, мы решились лучше делать более, чем сколько заповедано, нежели полагать какую-нибудь преграду благовествованию, то есть научению вашему. Если же мы не делали даже позволенного нам, тогда как терпели вели-

кую нужду и имели в свою пользу пример апостолов, *да не прекращение дамы,* — не сказал: уничтожение, но: *прекращение,* и не просто прекращение, но: *прекращение кое,* то есть чтобы не причинить ни малейшего замедления и остановки в распространении слова; если, говорит, мы показали столько усердия, то тем более следует воздерживаться вам, которые и весьма далеки от апостолов и не можете указать на закон, позволяющий это, а, напротив, касаетесь запрещенного и причиняющего великий вред, не только что замедление, евангельской проповеди, и притом не имеете в виду настоятельной нужды. Все это он сказал тем, которые вкушением идольских жертв соблазняли немощнейших братий.

5. Слыша это, возлюбленные, не будем и мы презирать соблазняющихся, чтобы не положить какой-нибудь преграды благовествованию Христову и не утратить своего спасения. Если брат соблазняется, не говори мне: то и то, чем он соблазняется, не запрещено, а позволено. Я скажу тебе более: если бы это позволено было самим Христом, а ты видишь, что кто-нибудь соблазняется, то воздержись и не пользуйся позволением. Так поступал и Павел, имевший право брать по дозволению Христову, но не бравший. Человеколюбивый Владыка преподал заповеди свои с великой снисходительностью, чтобы мы делали многое не по одному повелению, но и по собственному расположению. Он мог, если бы хотел, увеличить строгость заповедей и сказать: кто не постится всегда, того наказывать; кто не хранит девства, того предавать мучению; кто не раздает всего имения, того подвергать жестокой казни; однако не сделал этого, предоставив тебе самому, если захочешь, делать более предписанного. Потому, беседуя о девстве, Он сказал: *могий вместити, да вместит* (Мф. XIX, 12); и богатому одно повелел, а другое предоставил собственному его расположению; не сказал: *продаждь имение,* но: *аще хощеши совершен быти, продаждь* (Мф. XIX, 21). А мы не только не делаем ничего более предписанного и не простираемся далее заповеданного, но далеко отстаем и от определенного заповедями. Павел терпел голод, чтобы не положить преграды благовествованию; а мы не хотим прикоснуться к сокровищам своим, хотя видим множество душ погибающих. Пусть, говорят, съедает моль, а не насыщается

бедный; пусть истребляет червь, а не одевается нагой; пусть уничтожает время, а не питается алчущий Христос.

Но, скажешь, кто же говорит так? То и прискорбно, что так говорят не словами, а делами; не столь было бы тяжело, если бы говорили это на словах, а на деле не исполняли. Не так ли ежедневно внушает своим пленникам жестокий и бесчеловечный тиран – сребролюбие: пусть ваши сокровища обращаются в пользу клеветников, разбойников и воров, а не на пропитание алчущих и нуждающихся? Не вы ли производите разбойников? Не вы ли питаете огонь страсти у завистников? Не вы ли вызываете воров и грабителей, выставляя им, как некоторую приманку, свое богатство? Какое безумие! Подлинно безумие и явная нелепость – наполнять одеждами сундуки, а не обращать внимания на того, кто сотворен по образу и по подобию Божию и не имеет одежды, дрожит от холода и едва держится на ногах. Но, скажешь, он притворяется дрожащим и немощным. И ты не боишься такими словами навлечь на себя молнию свыше? Простите, я дрожу от гнева. Ты пресыщаешься, утучняешь себя, продолжаешь упиваться до глубокой ночи, нежишься на мягких коврах и не думаешь отдавать отчета в таком беззаконном употреблении даров Божиих, – ведь вино не для того, чтобы мы упивались; пища не для того, чтобы мы пресыщались; яства не для того, чтобы мы расторгали ими свое чрево, – а от бедного, несчастного, который ничем не лучше мертвеца, ты требуешь строгого отчета и не боишься грозного и страшного суда Христова? Если он и притворяется, то притворяется по бедности и по необходимости, по причине твоего жестокосердия и бесчеловечия, требующего такого притворства и иначе не преклоняющегося на милость. Кто, в самом деле, так несчастлив и жалок, чтобы без всякой нужды, для куска хлеба, принимать столь безобразный вид, терзать себя и терпеть такую муку? Итак, притворство его возвещает всем о твоем бесчеловечии. Если он просит, умоляет, говорит жалостные слова, плачет, рыдает, скитается целый день и не находит необходимой пищи, то, может быть, и придумал такую хитрость, которая не столько ему, сколько тебе служит бесчестием и обвинением. Он достоин сострадания, что дошел до такой крайности; а мы дос-

тойны тысячи казней, что принуждаем бедных прибегать к этому. Если бы мы легко склонялись на милость, то он никогда не решился бы подвергнуться этому. Что я говорю о наготе и дрожании (от холода)? Скажу нечто, еще более ужасное: некоторые принуждены были ослеплять малолетних детей, чтобы тронуть наше бесчувствие. Так как, скитаясь зрячими и обнаженными, они не могли привлечь внимание жестокосердых ни нежностью возраста, ни несчастьем, то присоединяли к своим бедствиям еще другое плачевнейшее бедствие для утоления голода, находя более легким лишиться общего света и дарованных всем лучей солнечных, нежели непрестанно бороться с голодом и подвергнуться самой жалкой смерти. Вы не привыкли сострадать бедности, а забавляетесь несчастьями; потому они и удовлетворяют вашему ненасытному желанию, возжигая и в себе и в вас пламень, лютейший геенны. А чтобы вы убедились, что все это и подобное тому происходит именно по этой причине, я представлю вам несомненное доказательство, которому никто противоречить не может. Есть бедные, легкомысленные и малодушные, которые не могут переносить голода и готовы терпеть все другое, кроме этого. Они, неоднократно приступая к вам с жалким видом и жалостными словами, но не получив никакой помощи, наконец оставляют просьбы и прибегают к хитростям не хуже кудесников: одни жуют кожу изношенной обуви, другие вбивают в голову острые гвозди, иные ложатся на замерзшую от холода воду голым желудком, а иные подвергают себя еще более нелепым (мучениям), чтобы представить жалкое зрелище.

6. Между тем как это делается, ты стоишь и смеешься, удивляясь и утешаясь бедствиями других, подвергающих посрамлению общую нашу природу. Что хуже этого может сделать и человеконенавистный диавол? А чтобы он усерднее делал это, ты с великой щедростью даешь деньги. Кто просит, призывает Бога и приступает к тебе кротко, того ты не удостаиваешь ни ответа, ни взгляда и, если он часто докучает тебе, говоришь о нем такие невыносимые слова: ему ли жить, ему ли дышать, ему ли смотреть на солнце? А к тем напротив, ты благосклонен и щедр, так что сам ты делаешься виновником смешного и сатанинского их безобразия.

Потому о них-то самих, виновниках таких дел, не подающих ничего прежде, нежели увидят других страждущими, с большей основательностью можно было бы сказать: им ли жить, им ли дышать, им ли смотреть на солнце, столь тяжко согрешающим против общей природы и оскорбляющим Бога? Когда Бог говорит: дай милостыню, а я дам тебе царство небесное, – ты не слушаешь; когда же диавол показывает голову, израненную гвоздями, ты вдруг делаешься щедрым; более действует на тебя ухищрение злого демона, причиняющее столько вреда, нежели обетование Божие, подающее множество благ. Надлежало бы давать золото, чтобы этого не было, чтобы и не видеть этого, надлежало бы делать и выносить все, чтобы искоренить это великое безумие; а вы, напротив, всячески старается и заботитесь о том, чтобы это было, чтобы посмотреть на это. И ты, скажи мне, еще спрашиваешь, для чего геенна? Спроси лучше, почему одна только геенна? Ведь каких наказаний не достойны те, которые устраивают это жестокое и бесчеловечное зрелище и смеются над теми, о которых надлежало бы плакать и им и вам самим, особенно же вам, принуждающим их к таким безобразным действиям? Но, скажешь, я не принуждаю их. Как же не принуждаешь, скажи мне, когда не хочешь даже слушать кротких, плачущих и призывающих Бога; а тем щедро подаешь серебро и приглашаешь других подивиться им? Но, скажешь, мы отходим, пожалев их. Но не ты ли требуешь того? Нет, человек, – это не жалость, когда ты заставляешь их за несколько оволов терпеть такое мучение, когда повелеваешь им для получения необходимой пищи терзать себя и раздирать на голове кожу на многие части жалким и плачевным образом. Неправда, скажешь; не мы пробиваем головы их гвоздями. О, если бы ты! Тогда зло не было бы так ужасно. Тот, кто убивает человека, не так жестоко поступает с ним, как тот, кто повелевает ему умертвить себя самого. То же бывает и здесь: они терпят мучительнейшую боль, когда принуждены бывают собственноручно исполнять такие жестокие приказания. И это делается в Антиохии, где верующие первые стали называться христианами, где они были добрее всех, где некогда процветали обильные плоды милосердия! Ведь они не только жившим здесь, но и нахо-

дившимся на далеком расстоянии посылали пособие, и притом тогда, когда угрожал голод. Что же, скажешь, надобно делать? Оставить жестокость и внушить всем нуждающимся, что если они будут делать это, то ничего не получат, а если будут приходить скромно, то получат щедрое подаяние. Когда они будут знать это, то, я ручаюсь, хотя бы они были несчастнее всех, никогда не решатся подвергать себя такому мучению, а, напротив, будут благодарить вас, что вы избавили их от посмеяния и страданий.

Между тем ныне за возниц вы отдали бы детей своих и за плясунов положили бы сами души свои, а Христу алчущему не хотите уделить и малейшей части своего имущества; если же когда подадите немного серебра, то находитесь в таком расположении духа, как будто вы отдали все, забывая, что не подавать только, а подавать щедро — вот в чем особенно состоит милостыня. Потому пророк прославляет и ублажает не тех, которые только подают, а тех, которые подают щедро; он не просто говорит: *даде;* но как? *Расточи, даде убогим* (Пс. CXI, 8). Что пользы, если ты, будучи богатым, подаешь столько, сколько тот, например, кто подал бы стакан воды из целого моря, и не подражаешь великодушию жены-вдовицы? Как будешь говорить ты: *Господи, помилуй мя по велицей милости твоей, и по множеству милосердий твоих очисти беззаконие мое* (Пс. L, 1), когда сам не милуешь не только великой милостью, но, может быть, и малой? Я крайне стыжусь, когда вижу, как многие богачи ездят на конях, украшенных золотыми уздами, сопровождаются слугами, одетыми в золотые одежды, покоятся на серебряных ложах и позволяют себе множество других излишеств; но как скоро надобно подать бедному, то представляются беднее самых бедных. А чем они часто оправдываются? Бедный, говорят, получает из церковной казны. Какое тебе до того дело? Если я подаю, ты не спасешься за это; если церковь подает, ты не загладишь этим своих грехов. Если ты не подаешь потому, что церковь должна подавать нуждающимся, то (равным образом), если священники молятся, разве ты поэтому не должен молиться? Другие постятся, — разве ты поэтому можешь постоянно предаваться пьянству? Или ты не знаешь, что Бог предписал заповедь о милостыне не столько

для бедных, сколько для самих подающих? Но не подозреваешь ли ты священника? Это также весьма тяжкий грех, но я не буду распространяться об нем; в таком случае делай все сам, и ты получишь за то сугубую награду. Все, что мы говорим о милостыне, говорим не для того, чтобы ты приносил пожертвования к нам, но чтобы подавал их сам от себя. Принося ко мне, ты, может быть, впадешь в тщеславие, а иногда соблазнившись отойдешь с лукавым подозрением; а если вы будете делать все сами, то избавитесь от соблазна и неуместного подозрения и получите большую награду.

7. Говорю это не для того, чтобы побудить вас приносить пожертвования сюда или выразить свое неудовольствие на священников, о которых разносятся худые слухи. Если нужно огорчаться и скорбеть, то более о вас, распространяющих худые слухи; те, которых порицают напрасно и без причины, заслужат большую награду, а те, которые порицают их, большое осуждение и наказание. Итак, не за них я говорю это, а для вашего блага. Удивительно ли, что в наше время некоторые подвергаются подозрению, если еще во времена святых, подражавших ангелам и не имевших никакой собственности, то есть апостолов, происходил ропот, будто бы при служении бедным были пренебрегаемы вдовицы, тогда как *ни един что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща* (Деян. IV, 32)? Не будем же представлять таких предлогов и считать оправданием для себя то, что церковь имеет много сокровищ. Когда ты видишь у нее много имущества, то представь также великое число записанных бедных, множество больных, тысячи случаев к издержкам; разбери, рассчитай; никто не препятствует; мы даже готовы дать вам отчет. Но скажу нечто важнейшее. Когда мы представим отчет и покажем, что расход не менее прихода, а иногда и более, то я желал бы спросить вас: когда мы предстанем туда и услышим слова Христовы: вы видели Меня *алчуща* и не напитали, *нага* и не одели (Мф. XXV, 44), тогда что мы скажем? Чем оправдаемся? Укажем ли на такого-то, и такого-то, которые не слушали этого, или на некоторых подозрительных священников? Но какое тебе до них дело? Я осуждаю тебя, скажет Он, за твои грехи. Чтобы получить оправдание, надобно очистить собственные грехи, а

не указывать на других таких же грешников. Церковь принуждена иметь то, что теперь имеет, по вашей скупости; а если бы все делалось по правилам апостольским, то доход ее составляло бы ваше расположение, которое было бы и безопасным хранилищем, и неистощимым сокровищем. А теперь, когда вы собираете сокровища на земле и запираете все в своих хранилищах, церковь же принуждена производить издержки на общества вдов, на сонмы дев, на прием странников, на вспомоществование пришельцам, на утешение узников, на облегчение больных и увечных и на другие подобные нужды, то что ей делать? Неужели оставить всех их без внимания и затворить пристанища? Кто же будет подавать помощь в кораблекрушениях? Кто станет облегчать слезы, рыдания и вопли, раздающиеся со всех сторон? Итак, не будем говорить все, что вздумается. Мы теперь же, как я сказал, готовы дать вам отчет; а если бы и не так, если бы у вас были порочные учители, все похищающие и присваивающие себе, и тогда их порочность не могла бы служить оправданием для вас. Человеколюбивый, премудрый и всевидящий единородный Сын Божий, зная, что в течение долгого времени и на пространстве обширной вселенной будет много порочных священников, и желая, чтобы от их нерадения не усилилась беспечность руководимых ими, не оставил беспечным никакого оправдания, сказав: *на Моисеове седалищи седоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекут вам творити, творите: по делом же их не творите* (Мф. XXIII, 2, 3). Этим Он выразил, что, хотя бы у тебя был порочный учитель, это нисколько не оправдает тебя, если ты не слушаешь учения его. Бог произнесет над тобой приговор не за то, что сделал учитель, а за то, что ты слышал от него и не исполнил. Если ты исполнишь заповеданное, то предстанешь тогда с великим дерзновением; а если не послушаешь учения, то, хотя бы ты указал на тысячу порочных священников, это нисколько не оправдает тебя. И Иуда был апостол; однако это нисколько не послужит к оправданию святотатцев и сребролюбцев; никто из них, будучи осуждаем, не сможет сказать, что и апостол был похититель, святотатец и предатель; напротив, за то особенно мы и будем осуждены и наказаны, что не вразумились пороками других; они для

того и описаны, чтобы мы остерегались подражать им. Потому оставим других, будем внимательны к самим себе. Каждый из нас даст ответ Богу за самого себя. А чтобы нам дать такой ответ, который послужил бы к нашему оправданию, будем вести жизнь благочестивую и простирать щедрую руку к бедным, помня, что исполнение заповедей — вот единственное наше оправдание, а другого нет никакого. Если мы будем в состоянии представить такое оправдание, то избавимся от нестерпимых мучений геенских и удостоимся будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXII

Не весте ли, яко делающии священная, от святилища ядят? и служащии олтарю, со олтарем делятся? Тако и Господь повеле проповедающим благовестие, от благовестия жити (1 Кор. IX, 13, 14)

1. Весьма тщательно (апостол) старается доказать, что брать (содержание от поучаемых) не запрещено. Сказав об этом и прежде, он тем не довольствуется, а снова обращается к закону и представляет из него пример более близкий, чем прежний, потому что не одно и то же представить в пример волов или привести ясный закон о священниках. Посмотри и здесь на мудрость Павла, как благоприлично он излагает предмет. Не сказал: *делающии священная* берут от приносящих, но что? — *от святилища ядят*, чтобы и принимающих не унизить, и приносящим не подать повода к гордости. И далее он выражается так же. Не сказал: *служащии олтарю* берут от приносящих жертвы, — но *со олтарем делятся*, потому что принесенное принадлежит уже не приносящим, а святилищу и алтарю. Не сказал также: берут священное, но — *от святилища ядят*, выражая умеренность и внушая, что не должно собирать имущество и обогащаться. Словами: *со олтарем делятся* — означает не разделение по равной части, а содержание, которое давалось (священникам) по праву. Но апостолы имели гораздо большее право, потому что

там соединялась честь со священством, а здесь – опасности, мучения, смерть. Потому сильнее всех других примеров был выраженный в словах: *аще мы духовная сеяхом вам*. Слово *сеяхом* указывает на бури, опасности, казни и невыразимые бедствия, каким подвергались проповедники. Впрочем и при таком преимуществе он не стал ни унижать ветхозаветного, ни превозносить своего, а напротив еще с унижением говорит о своем, указывая преимущество не в опасностях, но в величии дара. Не сказал; если мы подвергались опасностям или бедствиям, но: *аще мы духовная сеяхом вам;* а говоря о священниках, возвышает их, сколько возможно, и выражается так: *делающии священная, служащии олтарю,* желая этим показать непрестанное их служение и постоянство. Рассуждая о священниках иудейских, он указал как на левитов, так и на архиереев, на обе степени, низшую и высшую; на первую словами: *делающии священная,* а на вторую словами: *служащии олтарю*. Не всем ведь было вверено одно дело, но одним поручены были обязанности низшие, а другим высшие. Указав на всех их, чтобы кто не сказал: что ты напоминаешь нам о Ветхом Завете? разве не знаешь, что теперь время совершеннейших заповедей? – он далее поставляет то, что важнее всего: *тако и Господь,* говорит, *повеле проповедающим благовестие от благовестия жити*. И здесь не говорит: питаться от людей, но, подобно как о священниках сказал: *от святилища и от олтаря,* так и здесь: *от благовестия;* и как там: *ясти,* так здесь: *жити,* а не торговать или обогащаться. *Достоин бо,* говорит, *делатель мзды своея* (Мф. X, 10). *Аз же ни едино сотворих от сих* (ст. 15). Если доселе не делал этого, скажут, то не желаешь ли делать на будущее время и потому говоришь все это? Нет; и в объяснение этого тотчас же замечает: *не писах же сия, да тако будет о мне*. И смотри, с какой силой опровергает и отрицает это: *добрее бо мне паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднит:* употребляет такое выражение не однажды и не дважды, но несколько раз. Выше сказал: *не сотворихом по области сей;* потом опять: *во еже не творити ми по области моей;* и здесь: *аз же ни едино сотворих от сих*. Что значит: *от сих?* От многих примеров. Многое давало мне право: примеры воина, земледельца, пастыря и апостолов, постановления закона, действия наши по отношению к вам и ваши по отноше-

нию к другим, пример священников, повеление Христа, и, однако, ничто не заставило меня нарушить свой закон и брать. Не говорю о прошедшем; хотя могу сказать, что и в прошедшем я много пострадал, но не останавливаюсь на этом одном, а даю обещание и на будущее время, что решусь лучше умереть с голоду, нежели лишиться таких венцов: *добрее бо мне паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднит.* Не сказал: чтобы кто нарушил мой закон, но: *похвалу.* Чтобы кто-нибудь не сказал, что хотя он и поступает так, но не с радостью, а с воздыханием и скорбью, он называет это похвалой, желая показать, с какой великой радостью и с каким великим усердием он поступает так. Он так далек был от скорби, что даже хвалится и решается лучше умереть, нежели потерять эту похвалу. Так она была для него приятнее самой жизни.

2. Далее, он еще с другой стороны показывает превосходство (своего поступка) не для того, чтобы прославить себя самого, – он далек был от такой страсти, – но для того, чтобы выразить свою радость и сильнее устранить подозрение. Потому он и назвал, как я сказал прежде, это дело похвалой, и что говорит? *Аще бо благовествую, несть ми похвала: нужда бо ми належит: горе же мне есть, аще не благовествую. Аще убо волею сие творю, мзду имам: аще же неволею, строение ми есть предано. Кая убо ми есть мзда? Да благовествуяй без мзды положу благовестие Христово, во еже не творити ми по области моей в благовествовании* (ст. 16–18). Что, скажи мне, говоришь ты? Если ты благовествуешь, то нет похвалы для тебя; а если преподаешь благовестие безвозмездно, тогда есть? Следовательно, последнее важнее первого? Отнюдь нет; но в некотором другом отношении последнее имеет преимущество, именно в том, что первое есть заповедь, а последнее – дело моего произволения. Что делается сверх заповеди, то заслуживает великой награды; а что по заповеди, то не таково. В этом вот отношении последнее больше первого, а не по самому существу дела. Что в самом деле может сравниться с проповеданием? Оно уподобляет их ангелам. И, однако, так как оно и для них – обязанность и долг, а то (безвозмездное проповедание) – дело добровольного усердия, то в этом отношении последнее больше первого. Изъясняя то самое, что я теперь сказал, он и говорит: *аще убо волею сие*

творю, мзду имам: аще же неволею, строение ми есть предано. Слова: *волею* и *неволею* — он употребляет в смысле: заповедано и не заповедано. Равно и слова: *нужда бо ми належит* надобно понимать не так, будто бы он делал это против воли, — да не будет! — но так, что на нем лежит обязанность, и в противоположность с свободой — брать или не брать. Потому и Христос сказал ученикам: *егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключимы есмы: яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк. XVII, 10). *Кая убо ми есть мзда? Да благовествуяй без мзды положу благовестие.* Как, скажи мне, неужели Петр не имеет награды? Кто может получить такую награду, какую он? Также и прочие апостолы? Почему же он сказал: *аще волею сие творю, мзду имам: аще же неволею, строение ми есть предано?* Заметь и здесь мудрость его. Он не сказал: *аще неволею,* то не имею награды; но: *строение ми есть предано,* выражая, что и в этом случае бывает награда, но такая, какую получает исполнивший повеление, а не такая, какую получает показавший собственное усердие и сделавший более повеленного. За что же такая награда? *Да благовествуяй,* говорит, *без мзды положу благовестие, во еже не творити ми по области моей в благовествовании.* Видишь ли, как он везде употребляет слово: *область,* чтобы показать, как я неоднократно повторял, что и те, которые берут, не заслуживают порицания? А слово: *в благовествовании* прибавляет как для того, чтобы обозначить самое благовествование, так и для того, чтобы не дозволить пользоваться этим правом во всем, потому что может брать учащий, а не праздный. *Свободен бо сый от всех, всем себе поработих, да множайшия приобрящу* (ст. 19). Здесь он представляет еще иное превосходство. И не брать — великое дело; а то, что хочет сказать, гораздо важнее. Что же такое? Я не только, говорит, не брал и не только не пользовался своим правом, но еще подвергал себя рабству, и рабству разнообразному и всестороннему; не в деньгах только, но, что гораздо важнее денег, во многих и различных делах я поступал точно так же; поработил себя, тогда как не был подчинен никому и не имел никакой необходимости, — это именно означает выражение: *свободен сый от всех,* — и поработил не одному кому-нибудь, а всей вселенной; потому и присовокупляет: *всем себе поработих.* Проповедовать и возвещать вверенное

мне я был обязан, а изобретать и измышлять тысячи к тому способов — это зависело от моего усердия; я был обязан только передать серебро, но я употреблял еще все меры к тому, чтобы истребовать его обратно, исполняя более повеленного. Он делал все по ревности, усердию и любви ко Христу и имел ненасытное желание спасения человеческого.

Поэтому, от большого избытка (ревности), он преступал пределы и во всем простирался выше самого неба. Сказав о порабощении, он далее говорит о различных родах его. Каких? *Бых,* говорит, *Иудеем яко Иудей, да Иудеи приобрящу* (ст. 20). Как это было? Он обрезывал для того, чтобы уничтожить обрезание. Потому не сказал: иудей, но — *яко Иудей,* так как это было с преднамеренной целью. Что говоришь ты? Проповедник вселенной, восходивший до самых небес и сиявший такой благодатью, мог ли он внезапно так снизойти? Да, потому что это есть также и восхождение. Не на то только смотри, что он нисходит, но и на то, что нисходя восстановляет лежащего внизу и возводит его с собой. *Подзаконным яко подзаконен,* не будучи сам под законом, *да подзаконныя приобрящу.*

3. Эти слова служат или изъяснением сказанного прежде, или означают что-нибудь другое. Иудеями он называет тех, которые были такими издревле и с самого начала; а подзаконными — прозелитов, или тех, которые приняли веру, но еще держались закона, так как они не были уже иудеями, но были под законом. Когда же (апостол) был под законом? Когда остригся, когда приносил жертву. Он делал это не потому, чтобы переменил свой образ мыслей, — это было бы порочное дело, — но по любви и снисхождению. Чтобы обратить действительных (иудеев), он сам был *(яко Иудей)* не действительно, а только по-видимому, не на самом деле будучи таким, а только поступая так без истинного расположения. Да и мог ли он искренне делать это, когда старался обратить и других, когда делал все, чтобы освободить и других от такого унижения? *Беззаконным, яко беззаконен* (ст. 21). Эти не были ни иудеи, ни христиане, ни язычники, но были вне закона, каковы, например, Корнилий и подобные ему. Приходя и к ним, он во многом поступал по их (обычаям). Впрочем, некоторые говорят, что здесь он намекал на свою речь

к афинянам по поводу надписи, бывшей на капище; потому и говорит: *беззаконным, яко беззаконен.* Далее, чтобы кто не подумал, что его действия происходили от перемены образа мыслей, он присовокупляет: *не сый беззаконник Богу, но законник Христу,* то есть не только не будучи беззаконником, но подчиняясь закону, не обыкновенному, а гораздо высшему ветхого, закону Духа и благодати; потому и прибавляет: *Христу.* Затем, уверив в неизменности своего образа мыслей, он опять представляет пользу такого снисхождения: *да приобрящу беззаконные,* так же, как и везде он показывает причину своего снисхождения. Не останавливаясь на этом, он продолжает: *бых немощным, яко немощен, да немощныя приобрящу* (ст. 22). Здесь он говорит в отношении к ним (коринфянам), как говорил и все прочее. Прежде сказанное было гораздо важнее, но это ближе к ним; потому он и поставил это после всего. То же самое он делает и в Послании к Римлянам, когда вразумляет их касательно пищи и во многих других местах. Потом, чтобы исчислением всего порознь не слишком распространить речь, говорит: *всем бых вся, да всяко некия спасу.* Видишь ли его превосходство? Для всех, говорит, я был все, не надеясь спасти всех, а чтобы спасти хотя немногих. Усердие и служение мое было таково, какое свойственно спасающему всех, хотя я не надеялся обратить всех: дело великое и показывающее пламенную ревность! И сеятель сеет везде, и, хотя не все семя остается в сохранности, он во всяком случае делает свое дело. Указав на малочисленность спасаемых прибавлением слова: *всяко,* он утешает тех, которые скорбят об этом, так как хотя невозможно, чтобы все семя осталось в сохранности, но невозможно и то, чтобы оно все погибло. Потому словом: *всяко* он дает понять, что усердный делатель непременно получит успех. *Вся же творю за благовестие, да сообщник ему буду* (ст. 23), то есть чтобы и со своей стороны содействовать и быть участником в венцах, которые соблюдаются для верующих. Как прежде он говорил: *от благовестия жити,* то есть от верующих, так и здесь говорит: *сообщник буду благовестию,* то есть буду сообщником уверовавших благовестию. Видишь ли его смиренномудрие, как он в получении наград поставляет себя наряду с другими, хотя трудами превзошел всех? Несомненно, что

он более всех достоин почестей; но он не приписывает их себе прежде всех, а желает быть только сообщником других в уготованных венцах. Говорит это не в том смысле, чтобы он делал все для какой-нибудь награды, но чтобы таким образом расположить их (коринфян) и такими надеждами убедить делать все для братий. Видишь ли его благоразумие? Видишь ли чрезвычайную ревность, как он делал более заповеданного и не брал, тогда как мог брать? Видишь ли величайшее снисхождение, как он, будучи под законом Христовым и соблюдая высочайший закон, был для не имеющих закона как без закона, для иудеев как иудей, являясь в том и другом отношении совершеннее и выше всех? Так поступай и ты: не думай, что ты падаешь, если, будучи высоким, делаешь для брата что-нибудь уничиженное. Это не значит падать, а снисходить; кто падает, тот лежит и сам едва ли может встать; а кто снисходит, тот и встанет с великим приобретением, подобно как Павел снисходил один, а восстал со всей вселенной. Он не лицемерил; если бы лицемерил, то не искал бы пользы спасаемых. Лицемер ищет погибели других и лицемерит для того, чтобы взять, а не для того, чтобы дать. А он — не так; но как врач, как учитель, как отец снисходят первый к больному, второй к ученику и третий к сыну для пользы их, а не для вреда, — так и он.

4. Что сказанное им не лицемерие и что он не был принужден делать или говорить что-либо подобное, а сам добровольно выражает свое расположение и убеждение, послушай, как он сам говорит о том: *ни смерть, ни живот, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любве Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем* (Рим. VIII, 38, 39). Видишь ли любовь, которая пламеннее огня? Так и мы будем любить Христа; это не трудно, если мы захотим. И он был таков не по природе. Для того и описаны прежние его действия, противоположные этим, чтобы мы знали, что перемена зависит от произволения и что желающим все удобно. Не будем же отчаиваться; но, хотя бы ты был злоречив, хотя бы корыстолюбив и каков бы ни был, вспомни, что и Павел был хулителем, гонителем, притеснителем и первым

из грешников, но вдруг достиг высочайшей степени добродетели, и все прежнее нисколько не служило ему препятствием. Никто с таким неистовством не предается пороку, с каким он враждовал против Церкви; он отдал тогда свою душу и жалел, что не имел тысячи рук, чтобы всеми ими поразить Стефана; впрочем, и без того нашел способ поразить его многочисленными руками, руками лжесвидетелей, одежды которых он стерег. Потом входил в дома, вторгался в них, как дикий зверь, влачил и терзал мужей и жен, наполняя все ужасом, смятением и тысячью браней. Он был так страшен, что, даже после чудного обращения его, апостолы не смели войти с ним в сношение. Но, не смотря на все это, он сделался таким, каким сделался; не нужно прибавлять ничего более. Где же те, которые подчиняют свободу воли неизбежной судьбе? Пусть услышат это и заградят уста свои! Кто хочет быть добрым, тому ничто препятствовать не может, хотя бы прежде он был одним из самых порочных. И мы тем более способны к этому, чем добродетель нам естественнее, а порок противоестественнее, подобно как болезнь и здоровье. Так, Бог дал нам глаза не для того, чтобы мы смотрели с любострастием, но чтобы, удивляясь созданиям, поклонялись Создателю. Что действительно таково назначение глаз, это видно из опыта: красоту солнца и неба мы видим через неизмеримое пространство, а красоты женской никто не мог бы увидеть на таком расстоянии. Не очевидно ли, что глаза наши созданы более для первого? Так же Бог дал нам слух не для того, чтобы нам воспринимать хульные речи, но чтобы слышать спасительные догматы. Потому-то, когда он воспринимает что-нибудь непристойное, тогда душа и самое тело содрогаются. *Беседа бо многоклленущегася,* говорит (Премудрый), *подымет власы* (Сир. XXVII, 14). Так же, услышав что-нибудь грубое и жесткое, мы огорчаемся, а услышав что-нибудь нежное и человеколюбивое, восхищаемся и радуемся. И уста наши, когда произносят срамные слова, то заставляют нас стыдиться и закрываться; а когда — слова благопристойные, то они текут спокойно и свободно; никто не станет стыдиться естественного, а стыдятся того, что не естественно. Руки так же, когда похищают, то скрываются

и ищут защиты; а когда подают милостыню, тогда выставляются на вид. Итак, если мы захотим, то все будет много располагать нас к добродетели. Если же укажешь мне на удовольствие, проистекающее от порока, то заметь, что еще большее удовольствие мы получаем от добродетели. Иметь добрую совесть, быть у всех в уважении, питать в себе сладостные надежды — это всего приятнее для того, кто понимает сущность удовольствия; а противное тому для понимающего сущность неудовольствия всего мучительнее, как то: быть у всех в презрении, осуждать самому себя, трепетать и страшиться будущего и настоящего.

5. Чтобы еще более объяснить это, представим, что кто-нибудь, имея жену, разрушает брак ближнего и услаждается этим бесчестным воровством, прелюбодействуя с любимой (женщиной); противопоставим ему другого, который любит свою жену; а для большего и яснейшего противоположения предположим, что живущий с одной своей женой также любит ту прелюбодейцу, но сдерживает свою любовь и не делает ничего худого. Хотя и это — не чистое целомудрие, но мы нарочито представляем такой пример, чтобы ты познал, каково удовольствие от добродетели. Итак поставим их обоих вместе и спросим: чья жизнь приятнее? От одного услышим, как он услаждается и восхищается победой над похотью; а от другого... но от него невозможно и узнать что-нибудь; окажется, что он несчастнее самих узников, хотя бы тысячу раз отрицал это. Он всех боится и подозревает — и свою жену, и мужа прелюбодейцы, и самую прелюбодейцу, и домашних, и друзей, и родных, и стены, и тени, и самого себя, и, что всего тягостнее, носит в себе совесть, вопиющую и каждодневно угрызающую; а если вспомнит о суде Божием, то не сможет и на ногах удержаться. Притом удовольствие кратковременно, а скорбь от него постоянна: и вечером, и ночью, и в пустыне, и в городе, и везде за ним следует обличитель, показывая изощренный меч и нестерпимые мучения, изнуряя и сокрушая его страхом. Напротив, целомудренный свободен от всего этого и безмятежен, спокойными глазами смотрит на свою жену, детей, друзей, и на все. Если же любящий, но только сдерживающий страсть свою наслаждается таким удовольствием, то душа нелюбя-

щего и соблюдающего чистое целомудрие не исполнена ли чувства сладостнее всякого спокойствия, приятнее всякой пристани? Потому-то, конечно, прелюбодеев ты видишь немного, а целомудренных больше. А если бы (жизнь первых) была приятнее, то ее избрали бы многие. Не говори мне, что это происходит от страха перед законами: не страх удерживает их, а крайняя гнусность порока, избыток происходящих от страсти огорчений перед доставляемыми ею удовольствиями и голос совести. Таково состояние прелюбодея! Если хотите, мы представим и корыстолюбца, обнажим и другую, тоже порочную страсть. Мы увидим, что и он также мучится страхом и не может наслаждаться чистым удовольствием. Представляя себе обиженных им и жалеющих об них и всеобщее о себе мнение, он обуревается бесчисленными волнами. И не только это мучительно для него, но и то, что он не может наслаждаться своим любимым (предметом). Таково именно свойство сребролюбцев: они имеют не для того, чтобы пользоваться, но чтобы не пользоваться. Если это кажется тебе загадкой, то выслушай еще худшее и более странное: они не потому только лишены удовольствия, что не смеют пользоваться своим имуществом как бы хотели, но и потому, что никогда не удовлетворяются, а томятся непрестанной жаждой. Что может быть мучительнее этого? Не таков человек праведный; он свободен от опасения, ненависти, страха и неутолимой жажды; как того все проклинают, так ему все желают добра; как тот не имеет ни одного друга, так он не имеет ни одного врага. Если же все это несомненно, то что может быть неприятнее порока и приятнее добродетели? Впрочем, сколько бы мы ни говорили, невозможно выразить словами ни всех неприятностей первого, ни всех удовольствий последней, если мы сами их не испытаем. Тогда-то мы и узнаем, что порок горче желчи, когда вкусим сладость добродетели. Порок и теперь неприятен, тягостен и несносен, чему не станут противоречить сами раболепствующие ему; но когда мы отстанем от него, тогда еще лучше почувствуем, как горьки его требования. А что многие предаются ему, это нисколько не удивительно; ведь и дети часто избирают менее приятное, пренебрегая тем, что доставляет более приятностей; и больные для

кратковременного удовольствия отвергают постоянное и надежное веселье. Это зависит от немощи и неразумия преданных страсти, а не от существа вещей. В удовольствии живет только добродетельный; он истинно богат и истинно свободен. Если же кто, согласившись приписать добродетели безмятежность, спокойствие, свободу от опасений, от всякого страха и всякого подозрения, не согласится только приписать ей удовольствия, тот мне кажется весьма смешным. В чем же другом и состоит удовольствие, как не в том, чтобы быть свободным от опасений, страха и огорчений и ничему не раболепствовать? Кто живет в удовольствии, скажи мне, тот ли, кто неистовствует, мятется, терзается множеством страстей и не владеет сам собой, или тот, кто свободен от всех этих волнений и пребывает в любомудрии, как в пристани? Не явно ли, что последний? Но это свойственно одной добродетели. Порок только носит имя удовольствия, а на самом деле лишен его; прежде, чем он выполнен, он — неистовство, а не удовольствие; а когда выполнен, то (и неистовство) внезапно исчезает. Если же ни в начале, ни впоследствии не видно в пороке удовольствия, то где же оно и когда? Чтобы ты лучше понял слова мои, объясним это примером. Положим, что кто-нибудь влюбился в красивую и миловидную женщину; доколе не будет удовлетворена страсть его, он бывает подобен беснующимся и безумным; а когда удовлетворена, то исчезает и похоть. Если же ни вначале он не чувствует удовольствия, — потому что находится в состоянии безумия, — ни впоследствии, — потому что удовлетворением страсти прекращается пожелание, — то где же это удовольствие? Напротив, наши удовольствия не таковы: они и вначале чужды всякого смятения, и до конца сохраняются в своей силе, или, лучше, у нас нет и конца удовольствию; блага наши не имеют предела, и удовольствие наше не исчезает никогда. Итак, представляя себе все это и желая получить удовольствие, будем любить добродетель, чтобы нам достигнуть и настоящих и будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIII

Не весте ли, яко текущии в позорищи, вси убо текут, един же приемлет почесть (Кор. IX, 24)

1. Объяснив, что снисхождение весьма полезно, что оно составляет верх совершенства и что сам он, достигнувший совершенства больше всех, вернее же и превзошедший тем, что не брал (содержания от учеников), также снисходил больше всех, показав нам и время, когда нужно то и другое, совершенство и снисхождение, (апостол) далее с большей силой укоряет (коринфян), внушая, что поступок их, кажущийся следствием совершенства, есть напрасный труд. Он не говорит этого ясно, чтобы они не ожесточились, но выражает это своими суждениями. Сказав прежде, что они грешат против Христа, губят братий и сами не получают никакой пользы от совершенного знания, если оно не соединено с любовью, теперь он опять обращается к общеизвестному примеру и говорит: *не весте ли, яко текущии в позорищи, вси убо текут, един же приемлет почесть?* Говорит это не в том смысле, будто из всех может спастись только один, – да не будет, – но что мы должны прилагать великое тщание. Как там из многих, выходящих на поприще, увенчиваются не многие, а только один достигает этого, и потому недостаточно выйти лишь на подвиг, намастить себя и бороться, так и здесь недостаточно лишь уверовать и подвизаться как-нибудь, но если мы не будем подвизаться так, чтобы показать себя безукоризненными до конца и достигнуть награды, то не получим никакой пользы. Хотя бы ты, говорит, считал себя совершенным по знанию, однако ты еще не достиг всего; на это он намекает словами: *тако тецыте, да постигнете,* из которых следует, что они еще не достигли. Затем научает и способу достижения. *Всяк же,* говорит, *подвизаяйся от всех воздержится* (ст. 25). Что значит: *от всех?* Не так, что от одного воздерживается, а в другом грешит, но воздерживается и от чревоугодия, и от сладострастия, и от пьянства, и от всех вообще страстей. Так бывает, говорит, даже при внешних подвигах; подвизающимся нельзя во время борьбы ни напиваться, ни прелюбодействовать, чтобы не ослабить сил, ни заниматься чем-нибудь другим; но, воздерживаясь со-

вершенно от всего, они занимаются только упражнениями. Если же так бывает там, где венец дается одному, то тем более должно быть здесь, где больше щедрости; здесь не один только увенчивается, и сами награды гораздо выше подвигов. Потому он, желая пристыдить их, говорит: *и они убо да истленен венец приимут, мы же неистленен. Аз убо тако теку, не яко безвестно* (ст. 26). Пристыдив их тем, что бывает у внешних (язычников), (апостол) указывает потом на самого себя. Это лучший способ учения; потому он постоянно поступает так. Что же значит: *не яко безвестно?* Я имею в виду, говорит, известную цель, подвизаюсь не тщетно и не напрасно, как вы. В самом деле, какая вам польза от того, что вы входите в идольские капища и как бы выказываете свое совершенство? Никакой. Я же — не так, но все, что ни делаю, делаю для спасения ближних; показываю ли совершенство, — это для них; снисхождение ли, — это для них; превосходство ли перед Петром тем, что не беру, — это для того, чтобы они не соблазнились; уничижение ли более всех, обрезываясь и остригаясь, — это для того, чтобы они не преткнулись. Вот что значит: *не яко безвестно.* А ты, скажи мне, для чего ешь в капищах? Не можешь представить никакой основательной причины; пища не приближает тебя к Богу; ешь ли, ничего не приобретаешь; не ешь ли, ничего не теряешь; следовательно, ты идешь напрасно и без цели; это и значит: *безвестно. Тако подвизаюся, не яко воздух бияй.* Этими словами также выражает, что он действует не напрасно и без цели. Я имею (врага), говорит, которого поражаю, то есть диавола: а ты не поражаешь его, а попросту истощаешь свои силы. Так он говорит потому, что щадит их; раньше высказав им сильное обличение, он здесь смягчает укоризну, отлагая сильный удар к концу речи. Теперь говорит, что они делают это тщетно и напрасно, а после доказывает, что таким поведением они навлекают погибель на свою голову и, кроме вреда братий, сами делаются виновными. *Но умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (ст. 27). Здесь он показывает, что они и преданы чревоугодию, и не обуздывают этой страсти, и под предлогом совершенства удовлетворяют ей — о чем он и выше с сожалением говорил: *брашна чреву и чрево брашном.* От пресыщения рождается как

блуд, так и идолослужение; потому он справедливо во многих местах поражает эту болезнь. Показав, сколько бедствий он потерпел за проповедь, он вместе с тем указывает и на это; я исполнял, говорит, больше, нежели сколько было заповедано, хотя это для меня было нелегко, – *вся,* говорит он, *терпим,* – но кроме того принимаю на себя и тот великий труд, чтобы жить воздержно. Хотя трудно преодолеть похоть и силу желудка, однако я обуздываю его, не предаюсь этой страсти, но всячески стараюсь, чтобы не увлечься ею.

2. Не думайте, что я успеваю в этом без труда; нет, это для меня подвиг, воздержание и борьба с природой, которая непрестанно восстает и домогается свободы; но я не уступаю, а укрощаю и подчиняю ее с великими усилиями. Говорит он это для того, чтобы никто не отчаивался в подвигах добродетели из-за трудности дела; потому и выражается так: *умерщвляю и порабощаю.* Не сказал: уничтожаю или отсекаю, потому что плоть не есть враг; но: *умерщвляю* (бью по лицу) *и порабощаю,* что свойственно господину, а не врагу, учителю, а не злодею, пестуну, а не противнику. *Да не како, иным проповедуя, сам неключим буду.* Если же Павел, учитель столь многих, опасался этого, и опасался после того, как распространил проповедь, сделался благовестником и получил господство над вселенной, то что должны сказать мы? Не думайте, говорит, будто для вашего спасения достаточно того, что вы уверовали; если мне, который проповедал, учил, обратил тысячу людей, недостаточно этого для спасения, когда сам себя не буду вести безукоризненно, то тем более вам. Потом он переходит к другим примерам; и как прежде указывал на апостолов, на общий обычай, на (ветхозаветных) священников и на себя самого, так здесь указывает на олимпийские игры. А затем, указав на себя, опять обращается к событиям Ветхого Завета. Намереваясь произнести весьма сильное слово, он предлагает наставление в общем виде и беседует не только о ближайшем, но и о всех вообще недугах коринфян. О внешних (языческих) подвигах он сказал: *не весте ли?* а здесь говорит: *не хощу же вас не ведети, братие* (X, 1), выражая, что они слишком были в этом наставлены. О чем же ты не хочешь оставить нас в неведении? *Яко отцы наши вси под облаком быша, и сквозе море проидо-*

ша, и в Моисеа крестишася во облаце и в мори: и вси тожде брашно духовное ядоша, и тожде пиво духовное пиша: пияху бо от духовнаго последующаго камене: камень же бе Христос. Но не во множайших их благоволи Бог (ст. 2–5). Для чего он говорит это? Чтобы показать, что как тем (израильтянам) не послужили в пользу такие дары, так и им (коринфянам) не послужат в пользу крещение и участие в духовных таинствах, если жизнь их не будет соответствовать благодати; для того он и указывает на прообразы крещения и таинств. Что значит: *в Моисеа крестишася?* Как мы, верующие во Христа и воскресение Его, крещаемся для того, чтобы и самим иметь участие в этих таинствах, – а мы крещаемся, говорит, *мертвых ради* (1 Кор. XV, 29), то есть тел наших, – так и те, полагаясь на Моисея, то есть видя, что он первый вступил в море, решились и сами вступить туда же. А так как (апостол) желает сблизить прообраз с истиной, то не выражается так, но называет и прообраз именем истины. Здесь он указывает на прообраз крещения, а далее (на прообраз) священной трапезы. Как ты вкушаешь тело Владычне, так те (вкушали) манну; как ты пьешь кровь, так те – воду из камня. Хотя это было чувственно, однако подавалось духовно, не по законам природы, а по благодати и вместе с телом питало душу, располагая к вере. О пище он ничего не прибавил, потому что она была отлична от обыкновенной не только по способу (получения), но и по существу, – а была это *манна*, – о питье же, в котором только способ получения был чудесен и требовал объяснения, после слов: *тожде пиво духовное пиша,* он присовокупил: *пияху бо от духовнаго последующего камене;* и еще: *камень же бе Христос.* Не камень, говорит, по естеству своему источал воду; иначе он источал бы ее и прежде; но все делал некоторый другой, духовный камень, то есть Христос, Который постоянно соприсутствовал им и творил все чудеса; потому и говорит: *последующаго.* Видишь ли мудрость Павла, как он объясняет, что Христос есть податель того и другого, и таким образом сближает прообраз с истиной? Он подавал, говорит, и те дары, Он же предлагает и эту трапезу; Он провел тех через море, Он же проводит и тебя через крещение; там Он доставлял манну и воду, а тебе тело и кровь. Таковы дары Его! Посмотрим же, пощадил ли Он израильтян, когда они

оказались недостойными даров Его? Нет; потому (апостол) и присовокупляет: *но не во множайших их благоволи Бог.* Хотя Бог удостоил их такой чести, но это не принесло им никакой пользы, а большая часть их погибла. Они все погибли; но чтобы не подумали, что и им (коринфянам) предстоит всеобщая погибель, (апостол) сказал: *множайших.* Они составляли несметное множество; но многочисленность нисколько не помогла им. Все (благодеяния) были знаком любви Божией; но и это не помогло им, потому что они сами не явили дел любви. Так как многие не верят учению о геенне, как предмету неосязаемому и невидимому, то (апостол) бывшими уже примерами доказывает, что Бог наказывает грешников, хотя бы прежде изливал на них бесчисленные благодеяния: если вы, говорит, и не верите будущему, то, конечно, не отнесетесь с неверием к прошедшему.

3. Смотрите, сколько благодеяний Бог оказал им: освободил из Египта и тамошнего рабства, провел через море, ниспослал с неба манну, источил новые и чудные источники вод, постоянно сопутствовал им, творя чудеса и везде ограждая их; и, однако, когда они оказались недостойными таких даров, не пощадил их, но всех погубил. *Поражени бо быша в пустыни,* говорит (апостол), показывая этим выражением внезапную их гибель, страдания и наказания, ниспосланные на них Богом, и то, что они не получили предстоявших им наград. И притом не в земле обетованной Он ниспослал на них все это, но вне и весьма далеко от нее, наказав их сугубой казнью – тем, что не допустил видеть земли обетованной, и тем, что наказал строго. Но как, скажешь, это относится к нам? К тебе именно и относится. Потому (апостол) и продолжает: *сия же образы нам быша* (ст. 6). Как дары их были прообразами, так и наказания были прообразами; как крещение и таинственная трапеза были прообразованы, так последующими событиями было предвозвещено и то, что недостойные дара подвергнутся наказанию, чтобы мы такими примерами научились быть более воздержными. Потому и присовокупляет: *яко не быти нам похотником злых, якоже и они похотеша.* Как в благодеяниях предшествовали прообразы, а за ними следовала истина, так будет и в наказаниях. Видишь ли, как он внушает, что мы не только будем

наказаны, но еще гораздо больше, нежели те (израильтяне)? Ведь если там были прообразы, а здесь истина, то и наказания должны быть гораздо больше — так же, как дары. И смотри, против кого прежде говорит он: против тех, которые ели в капищах. Сказав: *яко не быти нам похотником злых*, что относилось ко всем вообще, и в частности показав, что всякий грех происходит от злой похоти, он сначала говорит: *ни идолослужители бывайте, якоже нецыи от них, якоже есть писано: седоша людие ясти и пити, и восташа играти* (ст. 7). Слышишь ли, как он называет (коринфян) идолослужителями? Впрочем, здесь он только намекает, а после и доказывает это. Представляет и причину, почему они стекались к трапезам; это — сластолюбие. Сказав: *яко не быти нам похотником злых*, и продолжив: *ни идолослужители бывайте*, указывает причину такого нечестия — в сластолюбии. *Седоша бо*, говорит, *людие ясти и пити*, и вследствие того *восташа играти*. Как те, говорит, от сластолюбия дошли до идолопоклонства, так надобно опасаться, чтобы и вы по той же причине не дошли до того же. Видишь ли, как он доказал, что считавшие себя совершенными несовершеннее других? Обвиняет их не только в том, что они не оказывают снисхождения, но и в том, что одни грешат по неведению, а другие по сластолюбию, и за погибель первых угрожает наказанием последним, не оставляя последним возможности слагать вину греха своего на других, но объявляя их виновниками погибели и своей и других. *Ниже соблудим, якоже нецыи от них соблудиша* (ст. 8). Для чего здесь он опять упоминает о блуде, о котором столько говорил прежде? Так обыкновенно поступал Павел: обличая многие грехи, он исчислял их по порядку и указывал каждый отдельно, а потом, говоря о других, упоминал и о сказанных прежде. Точно так же поступал Бог в Ветхом Завете: при каждом преступлении Он напоминал иудеям о тельце и поставлял им на вид этот грех. Подобным образом Павел поступает и здесь: он напоминает им об этом грехе и вместе научает, что это зло так же происходит от сластолюбия и чревоугодия; потому присовокупляет: *ниже соблудим, якоже нецыи от них соблудиша, и падоша во един день двадесять три тысящи*. А почему он не говорит, какое наказание постигло (иудеев) за идолопоклонство? Или потому,

что это было известно и очевидно, или потому, что наказание было не так велико, как при Валааме, когда служили Веельфегору, будучи увлечены к нечестию мадианитскими женщинами, явившимися в их ополчение по совету Валаама. А что это был коварный совет Валаама, видно из слов Моисея, который в конце Книги Чисел говорит: *и Валаама сына Веорова убиша* на войне Мадиамской *с язвенными, и приведоша корысти. И разгневася Моисей и рече: векую жив остависте весь женск пол? Тыя бо быша сыном Израилевым в соблазн, по словеси Валаамлю, еже отступити и презрети слово Господне Фегора ради* (Числ. XXXI, 8–16). *Ни да искушаим Христа, якоже нецыи от них искусиша, и от змий погибоша* (ст. 9).

4. Здесь он указывает еще на одно преступление, о котором беседует и при конце послания, обвиняя их (коринфян) в том, что они разногласили касательно знамений, роптали на искушения и говорили: когда будут блага, когда награды? Чтобы исправить их и устрашить, он продолжает: *ни ропщите, якоже нецыи от них ропташа, и погибоша от всегубителя* (ст. 10). Нужно не только страдать за Христа, но и переносить все случающееся мужественно и с полным удовольствием; это всему венец; а если этого не будет, то наказание постигнет ропщущих. Апостолы радовались, когда их бичевали; Павел хвалился страданиями. *Вся же сия образы прилучахуся онем: писана же быша в научение наше, в нихже концы век достигоша* (ст. 11).

Опять устрашает, указывая на конец, и внушает ожидать большего, нежели бывшее прежде. Что мы будем наказаны, говорит, это и неверующие учению о геенне могут видеть из сказанного; а что будем наказаны гораздо более, это видно из того, что мы получили большие благодеяния и что прежнее было только прообразом. Если дары больше, то и наказания больше. Для того он и назвал прежние события *образами*, сказал, что они описаны для нас, и упомянул о конце, чтобы напомнить кончину мира. Тогда наказания будут не кратковременные и имеющие предел, но вечные. Настоящие наказания оканчиваются с настоящей жизнью, будущие продолжатся вечно. Словами: *концы век* – он внушает не что иное, как то, что страшный суд уже близок. *Темже мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (ст. 12). Снова низлагает

гордость тех, которые превозносились знанием. Если так пострадали получившие столько (даров), и одни подверглись такому наказанию только за ропот, другие за искушение (Бога), за то, что народ не благоговел перед Богом, несмотря на то, что достиг таких благ, – то тем более это последует с нами, когда мы не будем внимательными. Хорошо сказано: *мняйся стояти:* надеяться на себя самого не значит стоять так, как должно стоять; такой человек скоро упадет; и они (израильтяне), если бы не превозносились и не надеялись на себя, а смирялись, то не потерпели бы таких бедствий. Отсюда очевидно, что в особенности гордость, а затем беспечность и сластолюбие – источники этих зол. Потому, если ты стоишь, берегись, чтобы не упасть. Стоять здесь не значит стоять твердо, пока мы не избавились от волн настоящей жизни и не достигли тихой пристани. Итак, не гордись тем, что ты стоишь, а опасайся, чтобы не упасть. Если опасался и Павел, который был крепче всех, то гораздо более должно опасаться нам. Апостол сказал: *темже мняйся стояти, да блюдется, да не падет:* а мы не можем сказать и этого, потому что все мы, так сказать, пали, повержены и лежим на земле. Кого мне представить в пример? Того ли, кто грабит каждый день? Он лежит, подвергшись великому падению. Блудника ли? Он повержен на землю. Пьяницу ли? Он лежит, даже не чувствуя, что лежит. Потому не это изречение теперь нужно произносить, а другое, сказанное пророком к иудеям: *еда падаяй не возстает* (Иер. VIII, 4)? Подлинно все пали и не хотят восстать; и нам следует внушать не то, чтобы не падали, но чтобы лежащие постарались восстать. Восстанем же, возлюбленные, восстанем хотя теперь, и будем стоять твердо. Доколе мы будем лежать? Доколе будем упиваться и предаваться многим житейским пожеланиям? И теперь благовременно сказать: *кому возглаголю и засвидетельствую* (Иер. VI, 10)? Так все сделались глухи к учению о добродетели и потому исполнились множества пороков! Если бы можно было обнажить души, то как между воинами после поражения видны то мертвые, то раненные, такое (зрелище) мы увидели бы и в церкви. Потому увещеваю и прошу: подадим друг другу руки и восстанем; ведь и я из числа раненных и требующих лечения. Впрочем, не отчаивай-

тесь; раны хотя тяжки, но не неисцельны. Врач наш таков, что мы только бы чувствовали раны, а Он, хотя бы они были крайне опасны, откроет нам много путей ко спасению. Если ты оставишь гнев на ближнего, то и тебе будут прощены грехи твои: *аще бо отпущаете человеком,* говорит (Господь), *отпустит и вам Отец ваш небесный* (Мф. VI, 14). Если ты подашь милостыню, то и тебе грехи будут прощены: *грехи твоя,* говорит (пророк), *милостынями искупи* (Дан. IV, 24). Если будешь усердно молиться, получишь прощение; это доказывает вдова, неотступной просьбой преклонившая на милость жестокого судью (Лк. XVIII, 5). Если станешь осуждать себя за грехи, получишь утешение: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Если станешь скорбеть о них, и это будет для тебя величайшим врачевством: *видех,* говорит (Господь), *яко опечалися и пойде дряхл и исцелих пути его* (Ис. LVII, 17). Если будешь великодушно переносить постигшее тебя бедствие, от всего избавишься, — ведь и богачу Авраам сказал: *восприят Лазарь злая своя, и зде утешается* (Лк. XVI, 25). Если окажешь милость вдовице, очистятся грехи твои: *судите,* говорит (пророк), *сиру, и оправдите вдовицу, и приидите, и истяжимся, глаголет Господь: и аще будут греси ваши, яко багряное, яко снег убелю: аще же будут, яко червленое, яко волну убелю* (Ис. I, 17, 18). Бог не оставит на тебе и следа от ран твоих.

5. Хотя бы мы впали в такую глубину зол, в какую впал сын, расточивший отеческое имение и питавшийся шелухой, и тогда, если покаемся, непременно спасемся; хотя бы должны были тысячу талантов, и тогда, если припадем (к Господу) и не будем помнить зла, получим прощение во всем; хотя бы заблуждались так же, как овца заблудшая, и тогда (Господь) может спасти нас; будем только желать этого, возлюбленные, а Бог человеколюбив. Для него довольно было и того, что должник тысячи талантов припал к Нему, что расточивший отеческое имение только возвратился, что заблудшая овца пожелала быть спасенной. Потому, представляя себе Его человеколюбие, будем умилостивлять Его здесь и поспешим принести перед лицо Его исповедание, чтобы, отойдя отсюда неоправданными, не подвергнуться крайнему наказанию. Если в настоящей жиз-

ни мы покажем хотя некоторое тщание, то получим величайшую пользу; а если отойдем отсюда нисколько не исправившись, то, как бы сильно мы ни раскаивались там, не будет нам никакой пользы. Надобно подвизаться, пока мы еще на поприще; а по окончании зрелища бесполезно плакать и рыдать, как делал богач, который хотя плакал и рыдал, но напрасно и тщетно, потому что пропустил время, в которое надлежало это делать. Впрочем, не он один, а много и ныне подобных ему богачей, которые денег не желают презирать, а душу презирают. Я удивляюсь, когда вижу, как часто они просят у Бога милости, а сами к себе немилосерды, не щадят души своей, как будто она – враг их. Не будем шутить, возлюбленные, не будем издеваться и обольщать себя, прося себе у Бога милости, а сами предпочитая этой милости деньги, пресыщение и все прочее. Если бы кто предложил тебе на суд дело какого-нибудь человека и сказал бы, что он, подвергаясь смертным опасностям и будучи в состоянии небольшим количеством денег освободить себя от погибели, решился лучше умереть, нежели потерять сколько-нибудь из своего имущества, то ты, конечно, признал бы его недостойным никакой милости или прощения. Так суди по себе самом: и мы делаем то же, пренебрегаем своим спасением, а дорожим деньгами. Как же ты можешь испросить милость у Бога, когда не щадишь сам себя и предпочитаешь деньги душе? Крайне удивляюсь, какое обольщение скрывается в деньгах или, лучше, не в деньгах, а в душах обольщаемых. А есть, действительно есть, люди, которые смеются над этим обольщением. В самом деле, что в деньгах может обольщать нас? Не вещество ли они бездушное и тленное? Не обманчиво ли обладание ими? Не сопряжено ли со страхом и опасностями, с убийствами и кознями, с враждой и ненавистью, с леностью и многими пороками? Не прах ли они и пепел? Какое безумие! Какая болезнь! Но, скажешь, не осуждать только нужно зараженных болезнью, а истреблять эту страсть. Как же иначе истреблять ее, если не доказывая, что она порочна и исполнена бесчисленных зол? Впрочем, нелегко убедить пристрастившегося к этим детским игрушкам. Ему надобно указать на другую, противоположную красоту. Но, как больной, он еще не может видеть красоты

бестелесной. Потому представим красоту телесную и скажем ему: вообрази себе луга и на них цветы, которые прекраснее всякого золота, приятнее и светлее всяких драгоценных камней; вообрази прозрачные струи потоков и рек, которые тихо, подобно елею, протекают по земле; обратись к небу и посмотри на красоту солнца, благолепие луны, сияние звезд. Но что же из этого? Мы не можем, скажешь, пользоваться ими так, как деньгами? Напротив – более, нежели деньгами, потому что и употребление их необходимее, и наслаждение надежнее; тебе не нужно опасаться, чтобы кто не похитил их, подобно как деньги, но можно всегда быть уверенным в них, притом без забот и беспокойств. Если же ты скорбишь о том, что пользуешься ими вместе с другими, а не один обладаешь ими так, как деньгами, то значит ты предан не деньгам, а только корыстолюбию. Ты не стал бы любить и денег, если бы они были общими для всех. Итак, найдя то, что ты любишь, то есть корыстолюбие, я теперь покажу тебе, как оно тебя не любит и ненавидит, сколько изощряет против тебя мечей, сколько искапывает пропастей, сколько раскидывает сетей, сколько приготовляет стремнин, чтобы хотя таким образом погасить страсть твою. Откуда же это видно? Из войн, из того, что на дорогах, на морях, в судилищах. Ведь оно и моря наполняет кровью, и мечи судей часто обагряет несправедливо, и вооружает производящих засады на дорогах днем и ночью, и заставляет забывать самую природу, и создает отцеубийц и матереубийц, и вводит вообще всякое зло в жизни.

6. Потому-то Павел называет (сребролюбие) корнем (всех зол) (1 Тим. VI, 10). Оно приводит преданных ему в состояние ничем не лучшее того, в каком находятся вырабатывающие металлы (в рудниках). Как эти, будучи постоянно заключены во мраке и связаны, трудятся без пользы, так и те, скрывшись в вертепах сребролюбия, без всякого стороннего принуждения, самопроизвольно подвергают себя мучению и налагают на себя неразрешимые узы. Осужденные (на работы в рудниках), по крайней мере, при наступлении вечера освобождаются от трудов; а те и днем и ночью копаются над своими презренными металлами. Притом первым определена мера тяжкой их работы; а последние не

знают меры, но, чем более копают, тем более чувствуют недовольство. Но эти, скажешь, работают поневоле, а те добровольно? Тем тяжелее болезнь их, что они не могут даже освободиться от нее, не чувствуя отвращения к своему бедственному состоянию. Как свинья в грязи, так и они услаждаются, валяясь в нечистотах сребролюбия и страдая тяжелее тех осужденных. А что действительно они находятся в худшем состоянии, послушай, в каком состоянии – те, тогда поймешь, в каком – они. Говорят, что златоносная земля имеет в мрачных своих пещерах расселины и впадины; преступник, осужденный на работу в них, взяв лампаду и заступ, входит внутрь, неся с собой сосуд с маслом, чтобы подливать из него в лампаду, потому что там, как я сказал, непроницаемая тьма и днем; потом, когда наступает время несчастному принять пищу, а сам он не знает времени, страж узников сильно ударяет в пещеру сверху, и этими ударами и звуком дает знать работающему внутри об окончании дня. Не содрогаетесь ли вы, слыша это? Посмотрим же, не тяжелее ли страдают сребролюбцы. Подлинно, и страж их жесточе, то есть сребролюбие, тем жесточе, что вместе с телом он связывает у них душу; и тьма их ужаснее той тьмы, потому что она не чувственная, но скрывается внутри, и куда ни идут они, всюду носят ее с собой, так как у них омрачилось душевное око. Потому и Христос, выражая крайнее их несчастье, говорит: *аще убо свет, иже в тебе, тма есть, то тма кольми* (Мф. VI, 23)? Те имеют, по крайней, мере свет лампады; а эти (сребролюбцы) лишены и такого света, и потому ежедневно впадают в тысячи пропастей. Притом осужденные при наступлении ночи успокаиваются, достигая общего для всех несчастных покоя, то есть ночи; а для сребролюбцев заграждена и эта пристань корыстолюбием; они обременены тяжкими заботами и ночью и со всем усердием изнуряют сами себя, без всякого стороннего принуждения. Это с ними происходит здесь; а что там, – какое может выразить слово? Там невыносимые печи, огненосные реки, скрежещущие зубы, неразрешимые узы, ядовитый червь, непроницаемый мрак, бесконечные мучения. Убоимся же, возлюбленные, убоимся источника таких мучений, ненасытной страсти, пагубы нашего спасения. Невозможно

любить вместе и серебро и душу. Будем знать, что деньги — земля и пепел, что они покинут нас при отшествии нашем отсюда или, лучше, часто покидают нас еще прежде отшествия, причиняя нам вред и в будущей, и в настоящей жизни. Еще прежде геенны и тамошних мучений они возбуждают у нас и здесь тысячи браней, производят несогласие и раздоры. Ничто в самом деле не вызывает таких браней, как сребролюбие; ничто больше его не причиняет бедности, будет ли оно у богача или у бедняка, — потому что эта тяжкая болезнь зарождается и в душах бедных, и увеличивает бедность их. Если бедный окажется сребролюбив, то он будет мучиться не от денег, а от голода; он не будет спокойно пользоваться своим малым имуществом, но станет истощать желудок голодом, изнурять все тело наготой и холодом, везде являться неопрятнее и грязнее узников, беспрестанно плакать и рыдать, как будто он всех несчастнее, хотя есть тысячи беднее его; пойдет ли он на торжище, возвратится оттуда с множеством ран; пойдет ли в баню или на зрелище, получит еще больше ран не только от зрителей, но и от действующих на сцене, увидев много распутных женщин, сияющих золотом; поплывет ли по морю, опять, видя там купцов, корабли, нагруженные множеством товаров, и несметные выгоды, возненавидит жизнь свою; пойдет ли сухим путем, там видя поля, дачи, гостиницы, бани, и воображая получаемые с них доходы, почтет жизнь свою не жизнью; заключится ли дома, и там, растравляя раны, полученные на базаре, тем более будет терзаться душой, так что для него остается одно только утешение от угнетающих его страданий, — смерть и прекращение жизни. Тому же может подвергнуться не только бедный, но и богатый, впавший в эту болезнь, и тем более в сравнении с бедным, чем сильнее в нем страсть и чем больше ослепление; он будет считать себя беднее всех, и действительно он беднее всех. Не по мере имущества, но по расположению души надобно судить о богатстве и бедности; беднее всех тот, кто всегда желает большего и никогда не может остановить своего злого желания. Итак, будем убегать сребролюбия, этого виновника бедности, губителя души, друга геенны, врага царства небесного, источника вообще всех зол; будем презирать имущество, чтобы лучше

пользоваться имуществом, а вместе с имуществом получить и обетованные нам блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIV

Искушение вас не достиже, точию человеческое. Верен же Бог, иже не оставит вас искуситися паче еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести, и пр. (1 Кор. X, 13)

1. (Апостол) достаточно возбудил в них (коринфянах) страх указанием на древние примеры и опасение словами: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет;* но так как они уже претерпели много искушений и часто подвергались им: *в немощи,* говорит он, *и страсе и трепете мнозе бых в вас,* — то чтобы они не сказали: «Для чего ты устрашаешь нас и предупреждаешь? Нам не безызвестны бедствия, мы были гонимы и преследуемы, подвергались многоразличным и частым опасностям», — он опять смиряет гордость их и говорит: *искушение вас не достиже, точию человеческое,* то есть малое, краткое, умеренное. *Человеческое* он употребляет вместо *малое,* как например, в словах: *человеческо глаголю, за немощь плоти вашея* (Рим. VI, 19). Не превозноситесь, говорит, будто вы устояли против бури; вы еще не видали опасности, которая угрожала бы смертью, и искушения, которое могло бы погубить. То же говорит он и евреям: *не удо крове стасте, противу греха подвизающеся* (XII, 4). Устрашив и внушив смиренномудрие, далее смотри, как он опять ободряет их: *верен же Бог,* говорит, *иже не оставит вас искуситися паче еже можете.* Значит, есть искушения, которых нельзя перенести. Какие же это? Можно сказать — все, потому что возможность переносить их зависит от помощи Божией, которую мы приобретаем собственным нашим расположением. Потому, чтобы ты вполне убедился, что не только (искушений) превышающих наши силы, но и человеческих мы не можем переносить без помощи свыше, он присовокупляет: *но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи понести.* Даже умеренных (искуше-

ний) мы не можем, как я сказал, переносить собственной силой, но и в этом случае имеем нужду в помощи (Божией), чтобы преодолеть, а прежде, нежели преодолеем, переносить их. Бог подает и терпение и скорое освобождение, так что искушение делается сносным. Это разумеет (апостол), когда говорит: *сотворит и избытие, яко возмощи понести;* все приписывает Ему. *Темже, братие моя, бегайте от идолослужения* (ст. 14). Опять выражает свое расположение к ним, называя их родственным именем, и побуждает скорее отстать от греха; не просто сказал: отстаньте, но: *бегайте;* и называет дело идолослужением, чтобы они отстали от него не только потому, что оно причиняет вред ближнему, но и потому, что оно само по себе весьма гибельно. *Яко мудрым глаголю: судите вы еже глаголю* (ст. 15). Так как он сказал многое и усилил обличение, назвав идолослужением, то, чтобы не показалось, что он говорит им слишком резко и укоризненно, отдает это на их суд и похвалив поставляет их судьями: *яко мудрым,* говорит, *глаголю.* Надобно быть совершенно уверенным в собственной правоте, чтобы самого обвиняемого ставить судьей дела. Это весьма много ободряет и слушателей, когда кто беседует с ними, не как повелитель или законодатель, но как советник, ожидающий суда их самих. С иудеями, которые были несмысленны и детски малоумны, Бог не так беседовал и не везде открывал им причины повелений, а только повелевал; но здесь, так как мы удостоены великой свободы и способны участвовать в совете, (апостол) беседует, как с друзьями, и говорит: я не требую других судей, вы сами произнесите этот суд, вас беру судьями. *Чаша благословения, юже благословляем, не общение ли крове Христовы есть* (ст. 16)? Что говоришь ты, блаженный Павел? Ты желаешь пристыдить слушателя и напомнить о страшных тайнах, а называешь эту страшную и грозную чашу *чашею благословения?* Да, говорит, сказанное немаловажно; когда я говорю: *благословение,* то припоминаю все сокровище благодеяний Божиих и великие дары. Подлинно, приступая к чаше и приобщаясь, мы вспоминаем неизреченные благодеяния Божии и все, что получили, и благодарим, что Он избавил род человеческий от заблуждения, что бывших далеко Он приблизил, что не имевших упования и безбожников в мире Он

сделал своими братьями и сонаследниками. За это и все тому подобное мы благодарим Его и таким образом приступаем. А вы, коринфяне, говорит, не поступаете ли напротив, когда благословляя Бога, что Он избавил вас от идолов, опять прибегаете к их трапезам? *Чаша благословения, юже благословляем, не общение ли крове Христовы есть?* Весьма верно и страшно он выразился; а смысл слов его следующий: находящееся в чаше есть то самое, что истекло из ребра Господа; того мы и приобщаемся. *Чашею благословения* назвал ее потому, что мы, держа ее в руках, прославляем Его, удивляемся и изумляемся неизреченному дару, благословляя за то, что Он пролил ее для избавления нас от заблуждения, и не только пролил, но и преподал ее всем нам. Итак, говорит, если ты желаешь крови, то обагряй не жертвенник идолов пролитием крови бессловесных, но Мой жертвенник Моей кровью. Что, скажи мне, страшнее этого? Что любвеобильнее?

2. Так поступают любящие: когда они увидят, что любимые ими желают чужого и чуждаются своего, то отдают им свое, чтобы отвлечь от чужого. Впрочем любящие оказывают такую щедрость в деньгах, в одеждах, в имуществах, а в крови никто и никогда; но Христос и ею доказал попечительность и горячую любовь к нам. В Ветхом Завете, когда люди были несовершенны, Он такую же кровь, какую (язычники) приносили идолам, благоволил и сам принимать, чтобы отвратить от идолов, — что также доказывало неизреченную Его любовь; а теперь Он преподал священнодействие более страшное и совершенное, изменив жертву, повелев вместо заклания бессловесных приносить Его самого. *Хлеб, егоже ломим, не общение ли тела Христова есть?* Почему не сказал: причастие? Потому что хотел выразить нечто большее, показать великое единение. Приобщаясь мы не только делаемся участниками и сообщниками, но соединяемся со Христом. Как тело (Христово) соединено со Христом, так и мы через этот хлеб соединяемся с Ним. А почему прибавил: *егоже ломим?* Потому что это делается в евхаристии; а на кресте этого не было, но было даже противное: *кость,* говорит Писание, *не сокрушится от него* (Ин. XIX, 36). Чего Он не претерпел на кресте, то претерпевает в приношении для тебя, и дает преломлять Себя, чтобы исполнить всех. Далее

сказал: *общение тела;* так как приобщающееся отлично от того, чему оно приобщается, то уничтожает и это, по-видимому, малое различие. Именно, сказав: *общение тела,* хочет выразить еще теснейшую близость и говорит: *яко един хлеб, едино тело есмы мнози* (ст. 17). Что я говорю: *общение?* – продолжает он, – мы составляем самое тело Его. Что такое этот хлеб? Тело Христово. Чем делаются причащающиеся? Телом Христовым, не многими телами, а одним телом. Как хлеб, составляясь из многих зерен, делается единым, так что, хотя в нем есть зерна, но их не видно и различие их неприметно по причине их соединения, так и мы соединяемся друг с другом и со Христом. Мы питаемся не один одним, другой другим, но все одним и тем же телом. Потому и присовокупляет: *вси бо от единаго хлеба причащаемся.* Если же мы питаемся одним и все делаемся одним, то почему не оказываем одной и той же любви, не делаемся одним и в этом отношении? В древние времена у предков наших так именно и было: *народу же веровавшему,* говорит (Писание), *бе сердце и душа едина* (Деян. VI, 32). А теперь не так, но совершенно напротив: между всеми множество разного рода браней; мы – члены – расположены друг к другу хуже диких зверей. Христос соединил с Собой тебя, столько отделившегося от Него; а ты не хочешь даже с братом соединиться надлежащим образом, но отделяешься от него, удостоившись от Владыки такой любви и жизни. Он не просто дал Свое тело, но вместо прежней, плоти, которая, по естеству своему происходя из земли, была умерщвлена грехом и лишена жизни, Он принес, так сказать, другой состав и другую закваску – свою плоть, которая хотя по естеству такая же, но чужда греха и исполнена жизни, и всем преподал ее, чтобы, питаясь ею и отложив прежнюю мертвенную (плоть), мы уготовились посредством этой трапезы в жизнь бессмертную. *Видите Исраиля по плоти: не ядущии ли жертвы общницы олтареви суть* (ст. 18)? И это доказывает опять из Ветхого Завета. А так как величие сказанного много превышало их понятия, то убеждает их прежними и обыкновенными примерами. И хорошо говорит: *по плоти,* – потому что они – по духу. А смысл слов его следующий: научитесь хотя из грубейших (примеров), что вкушающие от жертв делаются участниками жертвопри-

ношения. Видишь ли, как он доказывает, что считающиеся совершенными не имеют совершенного знания, если они не знают даже того, что от такого общения у многих происходит некоторое дружество с демонами, когда они мало-помалу приобретают к тому навык? Если у людей общение соли и трапезы бывает поводом и знаком дружбы, то то же самое может быть и в отношении к демонам. Заметь, как он об иудеях не сказал, что они были общниками Богу, но: *общницы олтареви суть,* потому что сжигалось предлагаемое; а о теле Христовом не так, но как? *Общение тела Господня есть,* потому что мы делаемся общниками не жертвенника, а самого Христа. Сказав: *общницы олтареви суть,* и опасаясь, чтобы кто не подумал, будто он говорит об идолах, как бы имеющих некоторую силу и могущих причинить вред, — смотри, как он далее отвергает эту мысль и говорит: *что убо глаголю? Яко идол что есть? Или идоложертвенное что есть* (ст. 19)?

3. Говорю это, продолжает он, и отклоняю вас от идолов не потому, чтобы они могли причинить какой-нибудь вред или имели какую-нибудь силу; они — ничто; но хочу, чтобы вы презирали их. Если же он хочет, скажешь, чтобы мы презирали их, то почему с таким усилием отклоняет нас от них? Потому, что (жертвы их) приносятся не твоему Владыке. *Зане юже жрут языцы,* говорит, *бесом жрут, а не Богови* (ст. 20). Не обращайтесь же к тому, что противно (Богу). Если бы ты был сыном царским и, участвуя в трапезе отца, захотел оставить ее и принимать участие в трапезе преступников и темничных узников, то отец позволил ли бы? Напротив, он строго запретил бы, не потому, чтобы эта трапеза могла повредить тебе, а потому, что она бесчестит благородство твое и трапезу царскую. Так и эти (приносящие жертвы идолам) суть низкие рабы, преступные и осужденные узники, соблюдаемые для тяжкого наказания и достойные тысячи казней. Как же ты не стыдишься, подобно чревоугодникам и рабам, стремиться к трапезе, которую предлагают эти преступники, и участвовать в предлагаемом? Вот почему я отклоняю тебя от этого! Цель приносящих жертвы и свойство лиц приемлющих делают предлагаемое нечистым. *Не хощу же вас общников быти бесом.* Видишь ли любовь попечительного отца? Видишь ли, как сами слова его выра-

жают великую доброжелательность? Не хочу, говорит, чтобы вы имели какое-нибудь общение с ними (неверными). А так как он говорил в виде совета, то, чтобы кто из упорнейших не ослушался и не счел себя в праве (не делать этого), после слов: *не хощу* и: *судите вы,* далее он произносит решительное определение и говорит: *не можете чашу Господню пити и чашу бесовскую: не можете трапезе Господне причащатися и трапезе бесовстей* (ст. 21). Одни эти выражения достаточны для вразумления. Потом говорит с укоризной: *или раздражаем Господа? Еда крепчайши его есмы* (ст. 22)? То есть неужели мы смеем искушать Его, и раздражать Его, переходя на сторону Его противников и становясь наряду с врагами Его? Здесь он напоминает о ветхозаветных событиях и беззакониях предков: потому употребляет и то самое выражение, которое некогда употребил Моисей, от лица Божия обличая иудеев в идолопоклонстве: *тии,* говорил он, *раздражиша мя не о Боге, прогневаша мя во идолех своих* (Втор. XXXII, 21). *Еда крепчайши его есмы?* Видишь ли, как сильно, как страшно он поражает их, потрясая сами нервы их, доводя их суждения до нелепости, и таким образом низлагая гордость их? Но почему, скажешь, он не сказал этого вначале, чтобы скорее отклонить их? Таков его обычай: подтверждать учение свое многими доводами, полагая сильнейшие на конце, и таким образом побеждать совершенно. Так (и здесь), начав с меньшего, он дошел до самого главного; последнее гораздо скорее могло быть принято после того, как душа слушателей смягчилась прежними доводами. *Вся ми леть суть, но не вся на пользу: вся ми леть суть, но не вся назидают. Никтоже своего си да ищет, но еже ближняго кийждо* (ст. 23, 24). Видишь ли великую его мудрость? Так как иной из них мог сказать: я совершен, я властен над собой, я вкушаю предлагаемое без вреда для себя, то он говорит: положим, что ты совершен и властен над собой; но смотри не на это, а на то, не причиняет ли твое поведение какого-нибудь вреда, или какого-нибудь расстройства. То и другое он выразил словами: *не вся на пользу, не вся назидают,* разумея первое о нем самом, а второе о брате; выражение: *не на пользу* указывает на погибель его самого, а *не назидают* — на соблазн брата. Потому и присовокупляет: *никтоже своего си да*

ищет. Это раскрывает он во всем послании, равно как и в Послании к Римлянам, когда говорит: *ибо и Христос не себе угоди* (Рим. XV, 3); и еще: *якоже и аз во всем всем угождаю, не иский своея пользы* (1 Кор. X, 33). Также и здесь он не распространяется об этом. Выше он пространно доказывал и доказал, что он никогда не искал своей пользы, был для иудеев, как иудей, для неимеющих закона, как без закона, самой свободой и властью своей не просто пользовался, а (искал) пользы всех, служа всем; потому здесь он довольствуется немногими словами и прекращает речь, напоминая им этими немногими словами все, что сказано было прежде. Зная это, возлюбленные, будем и мы пещись о братиях и соблюдать единение с ними. К этому побуждает нас та великая, страшная и ужасная Жертва, повелевающая нам приступать к ней с совершенным единодушием и пламенной любовью, окрыляться подобно орлам, и таким образом воспарять к самому небу. *Идеже бо труп,* говорит Господь, *тамо соберутся орли* (Мф. XXIV, 28). Трупом Он называет умершее тело, так как если бы Он не умер, то и мы не воскресли бы; а орлами называет приступающих к этому телу и внушает, что они должны возвышаться, не иметь ничего общего с землей, не оставаться долу и не пресмыкаться, но непрестанно возлетать горе, стремиться к Солнцу правды и иметь острое око души. Ведь это – трапеза орлов, а не галок. Достойно причащающиеся ныне сретят тогда (Господа) грядущего с небес; а (причащающиеся) недостойно подвергнутся погибели.

4. Если никто не примет просто царя, – что я говорю: царя? – если к одежде царской никто просто не посмеет прикоснуться нечистыми руками, хотя бы в сокровенном месте, хотя бы наедине, хотя бы никого другого не было, тогда как одежда есть не что иное, как ткань червей, а краска, которой ты удивляешься, есть кровь мертвой рыбы, и однако никто не решится взять ее нечистыми руками; если, говорю, к человеческой одежде никто не посмеет прикоснуться просто, – то как мы дерзнем принимать с неуважением тело всех Бога, тело непорочное, чистое, соединенное с божественным естеством, которым мы существуем и живем, которым сокрушены врата смерти и отверсты своды небесные? Нет, умоляю, не будем губить себя бесстыдством,

но будем приступать к Нему с трепетом и со всякой чистотой. Когда ты увидишь его предложенным, то скажи самому себе: через это тело я уже не земля и пепел, уже не пленник, а свободный; через него я надеюсь достигнуть небес и уготованных там благ — бессмертной жизни, жребия ангелов, соединения со Христом; смерть не устояла, когда это тело было пригвождаемо и уязвляемо; солнце сокрыло лучи свои, увидев это тело распинаемым; раздралась в то время завеса, распались камни, потряслась вся земля; оно — то самое тело, которое было окровавлено, прободено копьем и источило всей вселенной спасительные источники — кровь и воду. Хочешь ли еще видеть силу его? Спроси кровоточивую, которая прикоснулась не к нему, а к одежде, в которую оно было облечено, и даже не к целой одежде, а к краю ее; спроси море, которое носило его на хребте своем; спроси самого диавола и скажи ему: откуда у тебя неисцельная рана? — отчего ты уже не имеешь никакой силы? — как ты подвергся плену? — кем ты удержан, когда предался бегству? — и он укажет тебе не на что иное, как на тело распятое. Им притуплено жало его, им сокрушена глава его, им посрамлены начала и власти его: *совлек*, говорит (Писание), *начала и власти, изведе в позор с дерзновением, победив их в себе* (Кол. II, 15). Спроси также смерть и скажи: чем истреблено твое жало? — чем разрушена твоя победа? — чем сокрушена твоя сила? — отчего ты сделалась посмешищем девиц и отроков, тогда как прежде была страшна всем властелинам и даже праведникам? — и она укажет на то же тело. Когда оно было распинаемо, тогда восстали мертвые, тогда разрушилась та темница, сокрушились медные врата и мертвые воскресли, а все стражи ада пришли в ужас. Если бы оно было одним из многих, то надлежало бы произойти противному: смерть одолела бы; но не то произошло, потому что оно не было одним из многих; потому она (смерть) и была побеждена. Как принимающие такую пищу, которой не могут удержать в себе, извергают с нею и то, что было принято ими прежде, так было и со смертью: приняв тело, которого не могла сокрушить, она извергла и то, что имела в себе; приняв его, она испытала болезни рождения и мучилась дотоле, пока не возвратила его. Потому апостол и говорит: *разрешив болезни смертныя*

(Деян. II, 24). Ни одна жена, рождающая ребенка, не мучится так, как мучилась и терзалась она, приняв в себя тело Владычное. Что случилось с вавилонским змием, который, приняв пищу, сам расторгся (Дан. XIV, 28), то же и с нею. Христос вышел обратно не через уста смерти, но расторгнув и растерзав самое чрево этого змия, вышел таким образом из внутренностей его с великой славой, пролив лучи не до неба только, но до самого горнего престола, куда Он и вознес с собой тело. Это тело Он дал нам для обладания и едения, чем и показал сильную любовь; ведь кого мы сильно любим, того часто и угрызаем. Так Иов, выражая любовь к нему рабов его, сказал, что они от сильной любви к нему часто говорили: *кто убо дал бы нам от плотей его насытитися* (Иов. XXXI, 31)? Так и Христос дал нам насытиться от плотей Его, чтобы возбудить в нас сильнейшую любовь.

5. Итак, будем приступать к нему с пламенной любовью, чтобы нам не подвергнуться наказанию, так как чем более мы облагодетельствованы, тем более будем наказаны, если окажемся недостойными благодеяний. Это тело почтили волхвы, когда оно лежало в яслях. Люди, не знавшие истинного Бога и чужеземные, оставив дом и отечество, предприняли далекий путь и, придя, поклонились ему с великим страхом и трепетом. Будем же подражать хотя этим чужеземцам мы, граждане неба. Они, увидев его в хижине и в яслях и не увидев ничего такого, что (видишь) ты теперь, приступили с великим трепетом; а ты видишь его не в яслях, а на жертвеннике, видишь не жену держащую, а священника предстоящего и Духа, осеняющего предложенное с великой щедростью; и не просто только видишь это тело, как они (видели), но знаешь и силу его и все домостроительство, знаешь все, что совершилось через него, будучи тщательно научен всем тайнам. Потому будем приступать с трепетом и показывать более благоговения, нежели те чужеземцы, чтобы, приступая к нему просто и невнимательно, не собрать нам огня на свою голову. Впрочем говорю это не к тому, чтобы мы не приступали, но чтобы не приступали недостойно, потому что как опасно приступать без рассуждения, так и не приобщаться этой таинственной вечери есть голод и смерть. Эта трапеза есть сила для души нашей, крепость для

сердца, основание упования, надежда, спасение, свет, жизнь. Отойдя туда с этой жертвой, мы с великим дерзновением вступим в священные обители, как бы огражденные со всех сторон золотым оружием. Но что я говорю о будущем? Это таинство и здесь делает для тебя землю небом. Открой же врата неба и взгляни, или лучше, врата не неба, а неба небес, и ты увидишь тогда сказанное. Что там есть самого драгоценного, то же самое я покажу тебе и на земле. Как в царских чертогах всего важнее не стены и не золотая крыша, а тело царя, сидящего на престоле, так и на небесах – тело Царя. Но то же самое ты можешь видеть и ныне на земле, видеть не ангелов и архангелов, не небеса и небеса небес, а самого Владыку всего этого. Не правда ли, что ты видишь на земле то, что всего важнее, не только видишь, но и прикасаешься, не только прикасаешься, но и вкушаешь, и, вкусив, отходишь в дом свой? Очищай же душу, уготовляй сердце к принятию этих тайн. Если бы тебе поручено было держать на руках царского сына во всем великолепии порфиры и диадемы, то ты без сомнения отверг бы все прочее земное. А теперь ты принимаешь не сына царя человеческого, а самого Единородного Сына Божия, и как не трепещешь, скажи мне, как не оставляешь пристрастия ко всему житейскому и, вместо того чтобы восхищаться одной этой драгоценностью, склоняешься к земле, предаешься страсти к деньгам и любви к золоту? Можешь ли иметь какое-нибудь извинение, какое-нибудь оправдание? Или ты не знаешь, что Владыка твой отвращается от всякого житейского великолепия? – что потому Он благоволил по рождении Своем возлежать в яслях и избрал бедную Матерь? – что потому Он преданному житейским выгодам отвечал: *Сын человеческий не иматъ где главы подклонити* (Мф. VIII, 20)? А что ученики Его? Не ту же ли самую заповедь соблюдали и они, останавливаясь для жительства в домах людей бедных, один у кожевника, другой у скинотворца и порфиропродательницы? Они искали не знатных домов, а добродетельных душ. Будем же и мы соревновать им: станем восхищаться не красотой колонн и мраморов, а стремиться к горним обителям, презирать всякое здешнее великолепие и пристрастие к деньгам и возвышаться мыслями своими горе. Если судить здра-

во, то и сам мир этот недостоин нас, не только что портики и галереи. Потому увещеваю, будем украшать свою душу, устроять этот дом, который мы возьмем с собой, когда переселимся отсюда, чтобы нам сподобиться и благ вечных, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXV

Все еже на торжищи продаемое ядите, ничтоже сумнящеся за совесть (1 Кор. X, 25)

1. Сказав, что невозможно пить чашу Господню и вместе чашу бесовскую, внушив совершенное воздержание от тех (бесовских) трапез примером иудеев, соображениями человеческими, указанием на страшные тайны и на то, что совершается в капищах, и возбудив (в коринфянах) великий страх, — далее, чтобы этим страхом не ввести их в другую крайность, чтобы они по чрезмерной осторожности не стали опасаться подобного осквернения каким-либо образом без их ведома, например, на торжище, или как-нибудь иначе, (апостол) избавляет их от такого опасения и говорит: *все еже на торжищи продаемое ядите, ничтоже сумнящеся.* Если, говорит, будешь есть, не зная и не слыша (что это — идоложертвенное), то не подлежишь наказанию, так как это — дело неведения, а не невоздержания. И не только от такого опасения избавляет их, но и от другого, предоставляя им великую независимость и свободу: не дозволяет им даже сомневаться, то есть исследовать и разведывать, идоложертвенное ли это или нет; а заповедует просто есть все, находящееся на торжище, не расспрашивая, что такое предлагаемое. Следовательно, и тот, кто ест (идоложертвенное) по неведению, остается невиновным. Идоложертвенное дурно не по природе своей, но производит осквернение по расположению вкушающего. Потому он и говорит: *ничтоже сумнящеся. Господня бо земля и исполнение ея* (ст. 26), а не демонов. Если же Его земля, и плоды, и все бессловесные животные, то нет ничего нечистого; нечистым же делается что-либо вследствие расположения и преслушания человека.

Потому он не только дал позволение, но и присовокупил: *аще ли кто от неверных призывает вы, и хощете ити, все предлагаемое вам ядите, ничтоже сумнящеся за совесть* (ст. 27). Заметь опять снисхождение его: он не повелевает и не предписывает ходить, но и не возбраняет; идущих же избавляет от всякого подозрения. Для чего? Чтобы излишняя осторожность не показалась делом страха и опасения, потому что кто разведывает, тот делает это по страху, а кто воздерживается после того, как узнал дело, тот воздерживается по нерасположению, презрению и отвращению. Поэтому Павел, желая устроить то и другое, говорит: *все предлагаемое вам ядите. Аще ли же кто вам речет, сие идоложертвенно есть, не ядите за онаго поведавшаго* (ст. 28). Он повелевает воздерживаться (от жертв идольских) не как от имеющих силу, но как от достойных отвращения. Избегайте (идоложертвенного), говорит, не потому, чтобы оно могло причинить вред, — оно не имеет никакой силы. Впрочем на том основании, что оно не имеет никакой силы, не вкушайте его безразлично, так как это — трапеза врагов и нечестивых. Потому и присовокупляет: *не ядите за поведавшаго, и совесть. Господня бо земля и исполнение ея.* Видишь ли, как он, и дозволяя есть, и заповедуя воздерживаться, приводит одно и то же доказательство? Не потому, говорит, я возбраняю, будто это чуждая вещь, — *Господня бо земля,* — но, как сказано, *за совесть,* то есть чтобы не сделать вреда. Следовательно, надобно разведывать? Нет, говорит, я разумею не твою совесть, а другого; ведь я предварительно сказал: *за поведавшаго;* и еще: *совесть же глаголю не свою, но другаго* (ст. 29). Но, может быть, кто-нибудь скажет: ты справедливо щадишь братьев и не дозволяешь нам есть идоложертвенное для них, *да не совесть их, немощна сущи, созиждется идоложертвенная ясти* (1 Кор. VII, 10); а для чего ты заботишься об язычнике? Не ты ли сказал: *что бо ми есть и внешних судити* (1 Кор. V, 12)? Для чего же заботишься о них? Не о них, говорит, я забочусь, но и здесь — о тебе же. Потому и присовокупляет: *вскую бо свобода моя судится от иныя совести?* Свободой он называет — не быть обязанным соблюдать и не подвергаться запрещению; в этом и состоит свобода, чуждая иудейского рабства. А смысл слов его следующий: Бог создал меня свободным и поставил выше всякого

вреда; но язычник не умеет ни судить о моем любомудрии, ни понимать щедродательности моего Владыки, а станет осуждать меня и скажет сам себе: учение христиан – басня; они удаляются идолов, избегают демонов, а от приносимого им не отказываются; велико их чревоугодие. Какой же, скажешь, для нас вред от того, что он будет судить так несправедливо? Но не гораздо ли лучше вовсе не подавать ему повода к осуждению? Если ты будешь воздерживаться, то он не скажет и этого. Как, говоришь, не скажет? Видя, что я не разведывая, пользуюсь всем и на торжище и на пиру, как он не скажет и не осудит меня, что я употребляю все безразлично? Точно нет, потому что ты пользуешься этим не как идоложертвенным, но как чистым; не разведывая, ты показываешь, что не боишься предлагаемого. Потому войдешь ли ты в дом язычника, или придешь на торжище, я не дозволяю тебе разведывать, чтобы тебе не быть беспокойным и трусливым и не навлекать на себя излишних забот. *Аще аз благодатию причащаюся, почто хулу приемлю, о немже аз благодарю* (ст. 30)? Что же, скажи мне, ты принимаешь с благодарностью? Божии дары. Благодать Его такова, что она делает душу мою чистой и поставляет ее выше всякой нечистоты. Как солнце, касаясь лучами своими всяких нечистот, вновь делает их чистыми, так или еще более и мы, обращаясь среди мира, можем оставаться чистыми, если захотим, и тем более, чем большую имеем силу.

2. Для чего же, скажешь, воздерживаться? Не для того, что иначе можно сделаться нечистым, но для брата, чтобы не иметь общения с демонами и чтобы не подвергнуться осуждению от неверного. Здесь не свойство (яств), но преслушание и общение с демонами делают меня нечистым, и от произволения зависит осквернение. Что же значат слова: *почто хулу приемлю, о немже аз благодарю?* Я, говорит, благодарю Бога, что Он настолько возвеличил меня и поставил выше иудейского унижения, что ничто не может вредить мне; а язычники, не зная моего любомудрия, будут подозревать противное и скажут: христиане желают нашего; они лицемеры; хулят демонов и отвращаются от них, а к трапезам их стекаются; что может быть неразумнее этого? Значит, они не для истины, но из честолюбия и властолюбия

приняли это учение. Потому не безумно ли давать повод к хуле за те самые благодеяния, за которые приносится благодарность? Но, скажешь, язычник будет говорить это и тогда, когда увидит, что я не разведываю. Нет, потому что не все наполнено идоложертвенным, чтобы иметь такое подозрение; притом ты вкушаешь это не как идоложертвенное. Итак, не разведывай напрасно; а с другой стороны не принимай участия, когда тебе скажут, что это идоложертвенное. Христос даровал тебе благодать, возвеличил тебя и поставил выше всякого вреда не для того, чтобы подавать повод к худой молве о тебе, и не для того. чтобы теми самыми преимуществами, за которые ты благодаришь, столько оскорблять других, что они могут хулить. А почему, скажешь, мне не сказать язычнику, что я вкушаю и не терплю от того никакого вреда и что я делаю это не из привязанности к демонам? Потому, что ты не убедишь его, хотя бы тысячу раз говорил это, так как он (человек) немощный и враг тебе. Если ты еще не убедил брата, то тем более (не убедишь) врага и язычника. Если этот связан совестью в отношении к идоложертвенному, то тем более неверный. Для чего же нам и прибегать к таким средствам? Но неужели нам отступить и от Христа, Которого мы познали и благодарим, потому только, что враги хулят нас? Да не будет! Есть различие между тем и другим; там бывает великое приобретение от перенесения хулы, а здесь нет никакой пользы. Потому (апостол) и сказал выше: *ниже бо аще ямы, избыточествуем, ниже аще не ямы, лишаемся* (VIII, 8). Притом он доказал, что надобно удаляться и воздерживаться от идоложертвенного и по другим соображениям, не по этой только, но и по другим причинам, о которых он сказал выше. *Аще убо ясте, аще ли пиете, аще ли что творите, вся во славу Божию творите* (ст. 31). Видишь ли, как он от частного предмета перешел в поучении к общему и преподал нам превосходное правило — прославлять Бога во всем? *Безпреткновени бывайте и Иудеем и Еллином и церкви Божией* (ст. 32); то есть не подавайте никому никакого повода к соблазну. Иначе и брат соблазнится, и иудей еще более возненавидит и осудит тебя, и язычник будет смеяться над тобой, как над чревоугодником и лицемером. Не должно соблазнять не только братий, но, если воз-

можно, и внешних. Если мы – свет, закваска, светила и соль, то мы должны просвещать, а не помрачать, скреплять, а не ослаблять, привлекать к себе неверных, а не отгонять от себя. Для чего же ты отгоняешь тех, которых должен привлекать? Подлинно язычники соблазняются, когда видят, что мы возвращаемся к этим (вещам), потому что они не знают нашего образа мыслей и того, что наша душа стала выше всякого чувственного осквернения. Иудеи и немощнейшие из братий испытают то же самое. Видишь ли, сколько он привел причин, по которым должно воздерживаться от жертв идольских? Именно: потому, что невоздержание бесполезно, излишне, вредит брату, возбуждает хулу со стороны иудея, поношение со стороны язычника, что и не должно иметь общения с демонами, что такое поведение есть некоторым образом идолослужение. Потом, когда сказал: *безпреткновени бывайте,* возложил на них ответственность за соблазн иудеев и язычников и выразил нечто тяжкое, – смотри, как он делает это удобоприемлемым и легким: поставляет посредником самого себя и говорит: *якоже и аз во всем всем угождаю, не иский своея пользы, но многих, да спасутся* (ст. 33). *Подражатели мне бывайте, якоже и аз Христу* (XI, 1).

3. Искать полезного для общества – вот правило совершеннейшего христианства, вот точное его назначение, вот верх совершенства! Это выражает и апостол словами: *якоже и аз Христу.* Ничем ты не можешь столько подражать попечением о ближних; постишься ли ты, спишь ли на земле, изнуряешь ли себя, но если ты не печешься о ближнем, то не делаешь ничего важного, и при всем том еще далеко отстоишь от образца. Воздержание от жертв идольских само по себе есть дело полезное; а я, говорит (апостол), делал много и не полезного, например обрезывал и приносил жертвы; такие действия, если рассматривать их самих в себе, могут даже погубить совершающих и лишить спасения, но я подвергал себя и этому для проистекающей от того пользы. Здесь нет ничего подобного: в тех действиях, если не будет пользы для других, то может быть вред; а здесь, хотя бы никто не соблазнялся, и в таком случае следует воздерживаться от запрещенного. Я подвергал себя не только вредному, но и трудному: *от иных церквей уях,* говорит, *прим об-*

рок (2 Кор. XI, 8); когда можно было есть и не трудиться, я не искал этого, но решился лучше сам погибнуть с голоду, нежели соблазнить другого. Потому он и говорит: *аз во всем всем угождаю;* нужно ли сделать что-нибудь незаконное или трудное и опасное, всему я подвергаюсь для пользы других. Так Павел, будучи выше всех по совершенству, становился ниже всех по снисхождению.

Подлинно, никакой подвиг не может быть великим, если он не приносит пользы другим. Это видно из примера того, который принес талант целым и был наказан за то, что не умножил его. Так и ты, брат, будешь ли оставаться без пищи, спать на земле, есть пепел и постоянно плакать, но если не оказываешь никакой пользы другим, то не делаешь ничего важного. Это особенно имели в виду все великие в древности и доблестные мужи; исследуй тщательно жизнь их, и ты ясно увидишь, что каждый из них имел целью пользу не свою, а ближних; тем они особенно и прославились. Так Моисей совершил многие великие чудеса и знамения, но ничто столько не возвеличило его, как блаженные слова, сказанные им Богу: *аще убо оставиши им грех, остави: аще же ни, изглади мя* (Исх. XXXII, 32). Таков был и Давид: *аз есмь пастырь согрешивый,* говорил он, *аз есмь зло сотворивый, а сии овцы что сотвориша? Да будет рука твоя на мне, и на дому отца моего* (2 Цар. XXIV, 17). Так же Авраам искал пользы не своей, но многих: потому подвергал себя опасностям и просил Бога за (людей), не имевших к нему никакого отношения. Так они прославились; а искавшие своей пользы, смотри, как причиняли вред. Так племянник Авраама, выслушав слова его: *аще ты на десно, аз на лево* (Быт. XIII, 9), и сделав выбор, имея в виду свою пользу, не нашел ее; напротив, страна его сгорела, а страна Авраама осталась невредимой. Иона, когда искал пользы не других, а своей, то едва не погиб: город стоял, а он подвергался опасности, был обуреваем волнами и утопал; когда же стал искать пользы других, тогда нашел и свою. Иаков, не искавший собственной пользы от стад, получил великое богатство. Также Иосиф, желая принести пользу братьям, нашел и свою: когда отец посылал его (к братьям), то он не сказал: как, разве ты не знаешь, что за видения и сны они готовы растерзать меня, что за толкова-

ние снов обвиняют меня, что за любовь твою ко мне намереваются наказать меня, — чего только не сделают они, встретив меня среди поля? Ничего такого он не сказал и не подумал, но предпочел всему служение братьям; потому и получил впоследствии все те блага, которые сделали его весьма славным и знаменитым. Так и Моисей, — ничто не препятствует упомянуть о нем в другой раз, чтобы видеть, как он не думал о своей пользе и искал пользы других, — проводя жизнь в царских чертогах, *вменил большее богатство египетских сокровищ поношение* (Евр. XI, 26), и, бросив все, решился разделять бедствия с евреями; но не только сам не подвергся рабству, а напротив освободил и их от рабства. Все эти деяния велики и достойны ангелов.

4. Но (деяния) Павла имеют великое преимущество. Все другие, оставляя собственное благосостояние, принимали участие в бедствиях ближних; а Павел сделал гораздо больше. Он не только участвовал в бедствиях других, а предпочитал сам терпеть крайние бедствия, чтобы другие наслаждались благосостоянием. Не одно и то же — отвергнуть свое благосостояние и предаться бедствиям (вместе с другими) или подвергать страданиям одного себя, а другим доставлять спокойствие и почести. Там, хотя и тяжело переменить благополучие на страдания для ближнего, однако есть некоторое утешение в том, что находятся сообщники страданий; а подвергать одного себя скорбям, чтобы другие наслаждались радостями, это — дело благороднейшей души и Павловой ревности.

Не одним этим, но и другим большим преимуществом он превосходит всех, о которых мы сказали выше. Авраам и все другие подвергали себя бедствиям настоящей жизни, и все вообще желали себе смерти; а Павел желал лишиться даже будущей славы для спасения других. Могу указать и третье преимущество. Какое же? То, что хотя некоторые из упомянутых мужей оказывали попечение о людях, враждовавших против них, но таких, которые находились под их руководством; они делали то же, что делал бы отец, пекущийся о дурном и преступном сыне, однако же сыне; а Павел желал подвергнуться анафеме за тех, которые не были вверены его попечению, — так как он был послан к язычни-

кам. Видишь ли величие его души и превосходство его ревности, превышающие самое небо? Подражай ему; а если не можешь ему, то хотя (мужам), прославившимся в Ветхом Завете. Полезное для себя ты найдешь тогда, когда будешь искать (пользы) ближнего. Если не имеешь ревности пещись о брате, то помни, что иначе ты спастись не можешь, и позаботься о нем и о делах его по крайней мере для себя. Сказанного достаточно для убеждения, что мы не можем иначе достигать полезного для нас. Но, если хочешь, можешь убедиться в этом и из обыкновенных примеров. Когда случится загореться какому-нибудь дому, то те, которые живут близко к нему и, заботясь только о себе, не станут предотвращать опасность, а запрутся в своих домах из опасения, чтобы кто не вошел и не похитил чего-нибудь у них, — какое получат наказание? Огонь, дойдя до них, сожжет все их (имущество); не заботясь о пользе ближнего, они потеряют и свою. Бог, желая соединить всех друг с другом, поставил все в такой необходимой связи, что с пользой одного соединяется польза другого: на том стоит весь мир. Если на корабле, во время бури, кормчий, пренебрегая пользой других, будет искать только своей, то скоро потопит и себя и их. Если бы каждое ремесло стремилось только к своей пользе, то и жизнь была бы невозможна, и (невозможно) то самое ремесло, которое стремилось бы к этому. Потому земледелец сеет жита не столько, сколько нужно для него самого, — иначе он давно погубил бы и себя и других, — но он печется и о других; воин ополчается на опасности не для того, чтобы спасти только самого себя, но чтобы доставить безопасность и городам; купец привозит не столько, сколько нужно для него самого, а сколько и для многих других. Но каждый, скажет кто-нибудь, делает это, имея в виду не мою пользу, а свою, трудится для приобретения себе и денег, и славы, и безопасности, так что, доставляя пользу мне, он ищет своей. То же говорю и я, это давно и хотел внушить, к тому и направлял все мое слово, чтобы показать, что ближний тогда достигает своей пользы, когда заботиться о твоей. Если бы люди не были поставлены в такую необходимость, то они не захотели бы искать пользы ближнего; потому Бог и соединил все таким образом и не попустил достигать своей

пользы иначе, как путем пользы других. Людям свойственно идти таким путем к пользе ближнего; но заимствовать побуждение к тому должно не отсюда, а из того убеждения, что так угодно Богу. Невозможно спастись иначе; если ты упражняешься даже в высшем любомудрии, но не заботишься о других, погибающих, то не будешь иметь никакого дерзновения перед Богом. Откуда это видно? Из слов блаженного Павла: *аще,* говорит он, *раздам имения моя, и предам тело мое во еже сжещи е, любве же не имам, никая польза ми есть* (1 Кор. XIII, 3). Видишь ли, чего Павел требует от нас? Хотя раздающий (свое имение), по-видимому, ищет пользы не своей, а ближнего, но этого одного, говорит, недостаточно, а надобно это делать с искренностью и великим состраданием. Для того Бог и дал нам такую заповедь, чтобы соединить нас союзом любви. Если же Он требует от нас любви в такой мере, а мы не оказываем ее и в меньшей, то удостоимся ли мы прощения? Как же, возразит кто-нибудь, Бог через ангелов сказал Лоту: *спасая спасай твою душу* (Быт. XIX, 17)? Но, скажи мне, когда это было и почему? Когда угрожало наказание, когда уже не время было исправляться, когда (нечестивые) были осуждены и страдали неизлечимой болезнью, когда старцы и юноши предались одним и тем же похотям и должны были сгореть, в тот день, когда молнии готовы были поразить их. Притом это сказано не о пороке и добродетели, но относилось к наказанию, ниспосланному от Бога. Что же тогда, скажи мне, должно было делать? Сесть, принять наказание и сгореть без всякой пользы? Но это было бы крайним безумием. Не то я говорю, чтобы должно было мучиться без причины и напрасно, вопреки воле Божией; но когда человек проводит порочную жизнь, то, заповедаю тебе, приди к нему и исправь его, если хочешь, для блага ближнего, если же нет, то, по крайней мере, для своей пользы; первое лучше последнего, но если ты еще не достиг такой высоты, то делай это по крайней мере для последнего. Пусть никто не ищет своей пользы, и тогда найдет ее. Зная, что ни нищета, ни мучение и ничто другое не могу спасти нас, если мы не имеем высокой любви, будем приобретать ее прежде всего, чтобы через нее нам получить и другие блага настоящие и будущие, которых да сподобимся

все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVI

Хвалю же вы, яко вся моя помните, и якоже предах вам предания, тако держите (1 Кор. XI, 2)

1. Окончив речь об идольских жертвах, как следовало, и сделав ее совершенной во всех отношениях, (апостол) переходит к другому предмету, в котором (коринфяне) также погрешали, хотя и не так тяжко. Он обыкновенно, – повторю опять то, что я сказал прежде, – не все сильные обличения поставляет сряду, но, располагая их в надлежащем порядке, вставляет между ними менее сильные и таким образом облегчает тяжесть, которая происходила бы для слушателей от постоянных укоризн. Поэтому о самом важнейшем предмете, именно о воскресении, он говорит после всего. Теперь же приступает к другому, менее важному, и говорит: *хвалю же вы, яко вся моя помните.* Когда грех несомненен, тогда он сильно обличает и укоряет; а когда грех сомнителен, тогда наперед доказывает, а потом обличает; говоря о несомненном грехе, он показывает важность его, а говоря о сомнительном, доказывает действительность (его греховности). Так блуд без всякого сомнения есть грех, – потому он и не имел нужды доказывать, что это – грех, а показал тяжесть греха посредством сравнения. Судиться у неверных было грехом, но не так тяжким, – потому этот грех он поставляет между другими и доказывает (его греховность). Вкушение жертв идольских хотя (в отношении своей греховности) подлежало сомнению, но было величайшим злом, – потому он и доказывает, что это – грех, и объясняет важность его. Поступая таким образом, он не только отклоняет от грехов, но и убеждает к противному. Так он говорит, что не только должно не блудодействовать, но и тщательно соблюдать святость: *прославите убо,* присовокупляет, *Бога в теле вашем, и в духе вашем* (1 Кор. VI, 20). Также сказав, что не должно быть мудрым внешней мудростью, не довольствуется этим, но и повелевает быть буиим. Уве-

щевая не судиться у внешних и не причинять обид, потом и вообще возбраняет судиться и советует не только не обижать, но и терпеть обиды. Рассуждая о жертвах идольских, говорит, что должно воздерживаться не только от запрещенного, но и от дозволенного, когда от того происходит соблазн, и не должно соблазнять не только братий, но и язычников и иудеев. *Безпреткновени бывайте,* говорит, *и Иудеом и Еллином и Церкви Божией.* Таким образом, совершенно окончив речь о всем этом, он потом переходит к другому греху. Какой же это был грех? Жены с открытыми и обнаженными головами и молились и пророчествовали, – потому что тогда пророчествовали и жены, – а мужи отращивали волосы, подобно занимавшимся философией, и покрывали свои головы, когда молились и пророчествовали, придерживаясь в том и другом языческого закона. Апостол, находясь (у коринфян), уже преподал им наставление касательно этого предмета; но так как, может быть, одни послушались его, а другие оказались непослушными, то он вновь через послание, как мудрый врач, изобильным словом исправляет грех. А что он лично преподавал им наставление об этом, видно из начала его речи. Почему, в самом деле, не сказав прежде нигде ничего об этом в послании, а рассуждая о других грехах, он вдруг говорит: *хвалю же вы, яко вся моя помните, и якоже предах вам предания, тако держите?* Очевидно, что одни послушались его, и их он похваляет, а другие оказались непослушными, и их он исправляет следующими словами: *аще ли кто мнится спорлив быти, мы таковаго обычая не имамы* (ст. 16). Если бы он сделал укоризну всем, как послушным, так и непослушным, то в первых возбудил бы негодование, а в последних усилил бы нерадение; но теперь, одних похвалив и одобрив, а других укорив, он первых ободряет, а последних приводит в стыд. Укоризна, хотя и сама по себе может тронуть, но имеет еще большую силу, когда соединяется с похвалой исправным. Потому он и начинает не с укоризн, но с похвал, притом с великих похвал, и говорит: *хвалю же вы, яко вся моя помните.* Так обыкновенно поступает Павел: за малые (достоинства) воздает великие похвалы, делая это не из лести, – да не будет! мог ли (употреблять лесть) тот, кто не искал ни денег, ни славы и ничего подоб-

ного? – но во всем имея в виду их спасение. Потому он и усиливает похвалу: *хвалю же вы,* говорит, *яко вся моя помните.* Что – *вся?* Он говорил только о неращении волос и о непокрывании головы, но, как я сказал, усиливает похвалу, чтобы сделать их более усердными: *яко вся моя,* говорит, *помните, и якоже предах вам предания, тако держите.* Следовательно, он еще прежде преподал им многое не письменно, как выражает это и во многих других местах; но прежде он только оставил им предание, а теперь присовокупляет и причину. Таким образом, он еще более утверждает послушных и низлагает гордость непослушных. Не говорит: вы послушались, другие же не послушались, но, не выражая прямо, намекает на это в дальнейшем изложении своего наставления: *хощу же,* говорит, *вас ведети, яко всякому мужу глава Христос есть: глава же жене муж: глава же Христу Бог* (ст. 3). Такова причина. А приводит он ее для того, чтобы немощных сделать более внимательными. Ведь верующий как должно и твердый в вере не нуждается ни в доказательстве, ни в причине того, что заповедуется ему, а довольствуется одним преданием; но немощный, узнав и причину, с большим усердием соблюдает сказанное и повинуется с большей преданностью.

2. Потому (апостол) и не приводил причины до тех пор, пока не увидел нарушения заповеди. Какая же причина? *Всякому мужу глава Христос есть.* Следовательно, и язычнику? Нет. Если мы *тело Христово и уди от части* (1 Кор. XII, 27), а Он – наша глава, то Он не может быть главой тех, которые не составляют тела и не сделались членами Его. Следовательно, при слове: *всякому* надобно подразумевать: верующему. Видишь ли, как везде он пристыжает слушателя, указывая на высшее? Рассуждая и о любви, и о смиренномудрии, и о милосердии, он отсюда же заимствовал доказательства. *Глава же жене муж: глава же Христу Бог.* Еретики указывают нам на эти слова, выводя из них мысль об уничижении Сына (перед Отцом); но они опровергают сами себя. Если глава жены – муж, а глава единосущна с телом, глава же Христу – Бог, то Сын единосущен Отцу. Но, скажут, мы хотим доказать отсюда не различие по существу, а подчинение (Сына Отцу). Что сказать на это? То, что когда что-нибудь уничиженное говорится о Нем в Его соединении с плотью, тогда это не унижа-

ет Божества, а относится к Его домостроительству. Однако, скажи, как ты доказываешь отсюда мысль свою? Как жена, говоришь, подчинена мужу, так и Христос – Отцу. Следовательно, как Христос – глава мужа, точно так же и Отец – глава Сына? *Всякому мужу,* говорит (апостол), *глава Христос есть.* Но кто может когда-нибудь допустить это? Если допустить, что какое преимущество Сына перед нами, такое же и Отца перед Сыном, то подумай, до какой степени ты его унижаешь. Потому не следует принимать в одинаковом смысле все, что говорится о нас и о Боге, хотя говорится и одинаково; но должно приписывать Богу некоторое особенное преимущество, такое, какое свойственно Богу; иначе произойдет много нелепого. Смотри: глава Христу Бог, глава мужу Христос, глава жене муж; если во всей этой речи мы примем слово *глава* в одном и том же смысле, то Сын будет ниже Отца столько, сколько мы ниже Его; и жена будет ниже нас столько, сколько мы ниже Бога Слова, – так что в каком отношении Сын находится к Отцу, в таком же мы – к Сыну и жена – к мужу. Но кто может допустить это? Ты принимаешь слово *глава* в отношении к жене в одном смысле, а в отношении к мужу в другом: почему же не принимаешь его в ином смысле в отношении ко Христу? Следует в ином смысле принимать его и в отношении к Сыну и Отцу. Как же, скажешь, иначе понимать его? В смысле начала. Если бы Павел хотел выразить власть одного и подчинение другого, как ты говоришь, то скорее привел бы в пример раба и господина, а не жену, потому что жена хотя и подчинена нам, но как свободная и равночестная. Так и Сын хотя повинуется Отцу, но как Сын Божий, как Бог; и как повиновение Сына Отцу больше, нежели у людей повиновение детей родителям, так и неподчиненность Его больше. Если отношения Сына к Отцу больше и совершеннее подобных же отношений у людей, то и отношения Отца к Сыну не меньше; если мы удивляемся Сыну, что Он был *послушлив даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. II, 8), и вменяем Ему это в великую заслугу, то надобно удивляться и Отцу, что Он родил такого (Сына), Который не подчинен Ему, как раб, но повинуется, как свободный и как советник; советник же не есть раб. Опять, когда ты слышишь слово: *советник,* не принимай это-

го так, будто Отец имеет в чем-либо нужду, но так, что Сын равночестен Отцу. Равным образом не во всем применяй пример мужа и жены. У нас жена справедливо подчинена мужу, потому что равночестие могло бы произвести вражду, и еще потому, что в начале от жены произошло обольщение; она подчинена не тотчас по сотворении; когда (Бог) привел ее к мужу, она не слышала от Бога ничего такого, и муж ничего подобного не выразил ей, а сказал, что она кость от костей его и плоть от плоти его, о власти же и подчинении ничего не говорил с ней; но когда она злоупотребила своей властью, сделавшись из помощницы обольстительницей, и погубила все, тогда справедливо услышала слова: *к мужу твоему обращение твое* (Быт. III, 16). Так как этот грех мог возбудить вражду в нашем роде, — ведь после такого события не послужило бы к миру то, что жена произошла от мужа, напротив, то самое, что, произойдя от него, она не пощадила собственного члена, еще более раздражало бы мужа, — то Бог, видя злобу диавола, оградил их этим словом, как бы стеной, уничтожил таким определением вражду, которая должна была произойти после обольщения, поставив как бы оплот против естественной страсти — происходящего от греха злопамятства. Но в Боге, этом нетленном существе, нельзя предполагать ничего подобного. Потому применяй к Нему примеры не во всех отношениях; иначе и в других местах впадешь во многие и важные погрешности. Так и в начале послания (апостол) сказал: *вся ваша суть, вы же Христовы, Христос же Божий* (1 Кор. III, 23).

3. Что же? В одном ли смысле все — наше, а мы — Христовы, и Христос — Божий? Нет; напротив, и для самых неразумных очевидно различие, хотя употреблено одно и то же выражение о Боге, о Христе и о нас. И в другом месте, назвав мужа главой жены, он присовокупляет: *якоже и Христос есть глава и Спаситель и предстатель Церкве, такожде и муж* должен быть по отношению к жене своей (Еф. V, 23–27). Можем ли мы принимать в одном смысле все выражения, как здесь, так и сказанные после в Послании к Ефесеям об этом предмете? Нет; это невозможно. Одни и те же выражения употребляются о Боге и человеке; но иначе должно понимать одни, иначе другие; впрочем, и не все различно,

потому что они оказались бы употребленными без причины и напрасно, если бы мы не сделали из них никакого приложения. Как не все надобно понимать в одном смысле, так и не все надобно считать неприложимым. Для лучшего уразумения постараюсь объяснить это примером. Христос назван главой Церкви; если из этого выражения, заимствованного от человека, я не сделаю никакого приложения, то для чего оно мне и сказано? А с другой стороны, если я буду прилагать весь буквальный смысл его, то произойдет нелепость, потому что глава подобострастна телу и подвержена одним и тем же (недостаткам). Что же надобно отвергнуть и что принять? Надобно отвергнуть то, что я сказал, а принять совершенное единение (Христа с Церковью) и то, что Он есть Виновник и верховный Правитель ее; притом надобно разуметь это не просто, но в высочайшей степени и богоприлично; единение Его — самое твердое и правление — самое совершенное. Еще: Христос называется Сыном; и здесь опять не все принимай, но не все и отвергай, а приняв то, что прилично Богу, то есть что Он единосущен Отцу и от Него рождается, неприличное и свойственное человеческой немощи не прилагай. Также Бог называется светом; можно ли прилагать к Нему все, что свойственно видимому свету? Нет; видимый свет ограничивается тьмой и местом, приводится в движение иной силой и помрачается, а в существе Божием невозможно и представить ничего такого. Потому не будем отвергать всего, но извлекать некоторую пользу из этого подобия, разумея просвещение, даруемое нам от Бога, и избавление от тьмы. Это против еретиков; а теперь нужно сказать о целом объясняемом месте. Может быть, кто-нибудь станет недоумевать и спросит себя: какая вина в том, если бы жены открывались, а мужи покрывались? В чем здесь состоит вина, можешь видеть из следующего. Мужу и жене дано много различных знаков, одному — власти, а другой — подчиненности, между прочим и тот, чтобы жена покрывалась, а муж был с обнаженной головой. Если же таковы знаки, то оба они погрешают, когда нарушают благочиние и заповедь Божию, когда преступают собственные пределы, муж ниспадая до уничижения жены, а жена возвышаясь своим внешним видом перед мужем. Если

им непозволительно изменять свою одежду, то есть жене одеваться в мужское платье, а мужу надевать женскую одежду и покрывало, — *да не будет,* говорит (Писание), *утварь мужеска на жене, ни да облачится муж в ризу женску* (Втор. XXII, 5), — то тем более непозволительно меняться одеждами. Это узаконено людьми, хотя после и утверждено Богом; а то происходит от самой природы, то есть чтобы одна покрывалась, а другой не покрывался. Под именем природы я разумею Бога, потому что Он есть Создатель природы. Потому если ты преступишь эти пределы, то, смотри, сколько произойдет вреда. Не говори мне, что это преступление — маловажно; оно велико и само по себе, потому что оно есть преслушание; а если бы и было маловажно само по себе, то оно велико потому, что касается знака великих предметов. А что (этот знак) велик, видно из того, что он производит благоустройство в роде (человеческом), представляя в надлежащем виде начальствующего и подчиненного; поступающий же против этого приводит все в смешение, лишает себя даров Божиих, унижает честь, дарованную ему свыше, и не только муж, но и жена. Ведь и для нее большая честь — сохранять свое место, а напротив постыдно — выходить из пределов. Потому (апостол) и говорит об них обоих: *всяк муж молитву деяй или пророчествуяй покрытою главою, срамляет главу свою и всяка жена молитву деющая или пророчествующая откровенною главою, срамляет главу свою* (ст. 4, 5). В то время, как я сказал, были и мужи пророчествовавшие, и жены, имевшие этот дар, например дочери Филиппа и другие прежде и после них. О них и пророк в древности сказал: *прорекут сынове ваши, и дщери ваши видения увидят* (Иоил. II, 28). Мужу (апостол) повелевает быть открытым не всегда, а только во время молитвы: *всяк муж,* говорит, *молитву деяй или пророчествуяй покрытою главою, срамляет главу свою.* Жене же повелевает быть покрытой всегда; потому, сказав: *всяка жена молитву деющая или пророчествующая откровенною главою, срамляет главу свою,* он не останавливается на этом, но продолжает: *едино бо есть и тожде еже быти остриженней.* Если быть остриженной всегда постыдно, то очевидно, что и быть непокрытой всегда постыдно.

4. (Апостол) не останавливается и на этом, но еще присовокупляет: *должна есть жена власть имети на главе ангел ради*

(ст. 10); показывает, что не только во время молитвы, но и всегда она должна покрываться. А мужу заповедует уже не касательно покрывания, а касательно волос: запрещает покрываться только во время молитвы, растить же волосы возбраняет всегда. Как о жене сказал: *аще не покрывается, да стрижется,* так и о муже: *аще власы растит, безчестие ему есть* (ст. 14). Не сказал: если покрывается, но: *аще растит власы.* Потому и вначале сказал: *всяк муж молитву деяй или пророчествуяй покровенною главою;* не сказал: накрывшись, но: *покровенною главою,* выражая, что молящийся хотя с обнаженной главой, но с отращенными волосами, равен покрывшемуся: *зане,* говорит, *растение власов вместо одеяния дано бысть* (ст. 15). *Аще бо не покрывается жена, да стрижется: аще ли же срам жене стрищися или бритися, да покрывается* (ст. 6). Сначала требует, чтобы жена не обнажала головы своей, а потом объясняет, что она постоянно должна быть покрытой: *едино бо есть и тожде еже быти остриженней,* – и притом (покрытой) со всей тщательностью и осмотрительностью, так как не сказал просто: да накрывается, но: *покрывается,* то есть должна тщательно закрываться со всех сторон. Показывает и неприличие противного образа действий и сильно укоряет, когда говорит: *аще не покрывается, да стрижется:* если, говорит, ты свергаешь покрывало, установленное законом Божиим, то свергни и данное природой. Но, скажет ктонибудь, как может служить жене бесчестием то, если она восходит до чести мужа? Через это, скажем мы, она не только не восходит, но лишается и собственной чести. Ведь не соблюдать собственных пределов и законов, установленных Богом, преступать их, – это не возвышение, а унижение. Как желающий чужого и похищающий не принадлежащее ему не приобретает, а унижается и теряет и то, что он имел, как, например, было в раю, так и жена в этом случае не приобретает себе благородство мужа, но теряет и благопристойность жены; притом же не это одно постыдно для нее, но и самое любостяжание. Таким образом, указав на то, что несомненно признается постыдным, в словах: *аще ли же срам жене стрищися или бритися,* (апостол) наконец от себя говорит: *да покрывается.* Не сказал: да растит волосы, но: *да покрывается,* внушая, что и то и другое одинаково, и доказывая

это с двух сторон, с стороны закона и со стороны противоположной (от природы). Покрывало и отращенные волосы, говорит, одно и то же, равно как бритая и обнаженная голова – одно и то же: *едино бо,* говорит, *есть и тожде, еже быти остриженней.* Но спросит кто-нибудь: как одно и то же, когда та имеет естественное покрывало, а обритая не имеет и этого? Та, скажем мы, имея обнаженную голову, своей волей отвергла и естественное покрывало; если же она не лишена волос, то это дела природы, а не ее; следовательно как обритая имеет обнаженную голову, так и она. Для того (Бог) и повелел природе покрывать голову волосами, чтобы жена, научившись от природы, и сама покрывалась. Далее (апостол) приводит причину, рассуждая со своими слушателями, как с свободными, что я многократно замечал. Какая же причина? *Муж убо не должен есть покрывати главу, образ и слава Божия сый* (ст. 7). Опять же вторая причина: муж, говорит он, не должен покрываться не только потому, что имеет главой своей Христа, но и потому, что имеет власть над женой. Когда власть приступает к царю, то он должен иметь на себе знак своей власти. Потому, как никто из имеющих власть не осмелился бы явиться перед облеченного диадемой без пояса и (приличной сану) одежды, так и ты без знаков своей власти, то есть без обнаженной головы, не молись Богу, чтобы не нанести бесчестья и себе и почтившему тебя. То же самое можно сказать и о жене: и для нее бесчестно не иметь знаков своей подчиненности. *Жена же слава мужу есть.* Следовательно власть мужа (над женой) естественна. Объяснив это, он далее представляет другие основания и причины, возводит тебя к началу творения и говорит: *несть бо муж от жены, но жена от мужа* (ст. 8). Если происхождение одного от другого составляет славу последнего, то тем более сходство их. *Ибо не создан бысть муж жены ради, но жена мужа ради* (ст. 9). Это – второе преимущество или, лучше, третье и четвертое. Первое то, что наша глава есть Христос, а мы (глава) жены; второе то, что мы – слава Божия, а наша слава – жена; третье то, что не мы от жены, но жена от нас; четвертое то, что не мы для нее, а она для нас. *Сего ради должна есть жена власть имети на главе* (ст. 10). Почему же именно? По всем сказанным (причинам) и кроме того

ангел ради. Если ты, говорит, не обращаешь внимания на мужа, то постыдись ангелов.

5. Итак, покрытие есть знак покорности и подчинения; оно побуждает смотреть вниз, смиряться и соблюдать добродетель; добродетель же и честь подчиненного состоят именно в том, чтобы пребывать в послушании. Мужу не предписывается это делать, так как он – образ самого Владыки; а жене справедливо (предписывается). Потому посуди, как велико преступление, когда ты, удостоившийся такой власти, бесчестишь себя, принимая вид жены; ты делаешь то же, как если бы, получив диадему, сбросил ее с головы, и вместо диадемы надел рабскую одежду. *Обаче ни муж без жены, ни жена без мужа о Господе* (ст. 11). Так как (апостол) приписал большое преимущество мужу, сказав, что жена от него, для него и под его властью, то, чтобы не возвысить мужей более надлежащего и не унизить жен, смотри, какую вносит поправку, говоря: *обаче ни муж без жены, ни жена без мужа о Господе*. Не указывай мне, говорит, только на первоначальные преимущества и на сотворение, а обрати внимание на последующее и увидишь, что каждый из них зависит от другого, или, лучше, не один от другого, но все от Бога. Потому и говорит: *ниже муж без жены, ниже жена без мужа о Господе, якоже бо жена от мужа, еще и муж женою* (ст. 12). Не сказал: от жены; а о ней опять: *от мужа;* это неотъемлемо остается при муже. Впрочем, виновник этих преимуществ не муж, а Бог; потому и присовокупляет: *но вся от Бога*. Итак, если все от Бога, если Он повелевает это, то повинуйся и не противоречь. *В вас самех судите, лепо ли есть жене откровенней Богу молитися* (ст. 13)? Опять предоставляет им самим судить о сказанном, подобно как поступил (в беседе) об идоложертвенном; там сказал: *судите вы, еже глаголю,* и здесь (говорит): *в вас самех судите,* и этим внушает нечто страшное: здесь, говорит, оскорбление касается Бога; впрочем, не говорит этого прямо, а выражается снисходительнее и прикровеннее: *лепо ли есть жене откровенней Богу молитися! Или и не самое естество учит вы, яко муж убо аще власы растит, безчестие ему есть: жена же аще власы растит, слава ей есть? Зане растение власов вместо одеяния дано бысть ей*. Как в других местах всегда он употребляет общеизвестные доказательства, так

и здесь обращается к общеизвестному обычаю и сильно пристыжает слушателей, ожидающих от него наставления в том, что они могли знать и из общего обычая; а это не безызвестно и варварам. И, заметь, какие сильные везде он употребляет выражения: *всяк муж, молитву деяй или пророчествуяй покровенною главою, срамляет главу свою;* и еще: *аще ли же срам жене стрищися или бритися, да покрывается;* и здесь: *муж убо аще власы растит, безчестие ему есть: жена же аще власы растит, слава ей есть: зане растение власов вместо одеяния дано бысть ей.* Но, скажешь, если *вместо одеяния дано,* то для чего прибавлять к одному одеянию другое? Для того, чтобы показать подчинение не только по природе, но и по доброй воле. Природа наперед установила, чтобы ты была покрытой; а ты приложи нечто от себя, чтобы не показалось, что ты нарушаешь законы природы; противиться же не только нам, но и природе есть знак великого бесстыдства. Потому Бог, укоряя иудеев, сказал: *заклала еси сыны твоя и дщери твоя: сие паче всех гнусностей твоих* (Иезек. XVI, 18–22). Так же Павел, в Послании к Римлянам обличая предающихся сладострастию, подобным же образом усиливает обличение, замечая, что преступление их противно не только закону Божию, но и природе: *измениша бо естественную подобу в предъестественную* (1, 26). И здесь он внушает то же самое, и еще то, что он не предписывает ничего нового и что все языческие нововведения противны природе. То же выражает и Христос, когда говорит: *елика аще хощете, да творят вам человецы, и вы творите им* (Мф. VII, 12), внушая, что Он не вводит ничего нового. *Аще ли кто мнится спорлив быти, мы таковаго обычая не имамы, ниже Церкви Божия* (ст. 16). Следовательно противление есть знак упорства, а не рассудительности. Впрочем и здесь он умеренно обличает, а вместе с тем сильно пристыжает их, что и делало слова его весьма внушительными. Мы, говорит, не имеем такого обычая, чтобы спорить, состязаться и противоречить. Не останавливаясь на этом, прибавляет: *ниже Церкви Божия,* внушая, что не повинуясь они враждуют и противятся всей вселенной. Но если тогда коринфяне противоречили этому закону, то теперь приняла и сохраняет его вся вселенная. Такова сила Распятого!

6. Но я опасаюсь, чтобы иные жены, приняв надлежащий наружный вид, не оказались бесстыдными в делах и не остались открытыми в другом отношении. Потому Павел и в Послании к Тимофею, не довольствуясь сказанными наставлениями, прибавил нечто другое и сказал: *во украшении лепотном, со стыдением и целомудрием да украшают себе, не в плетениих, ни златом* (1 Тим. II, 9). Если не должно обнажать головы, но везде носить знак подчинения, то тем более должно показывать это в действиях. Прежние жены называли мужей своих господами и уступали им первенство. Потому, скажешь, что и они любили своих жен? И я знаю это и не забываю; но когда мы говорим о твоих обязанностях, то не указывай на (обязанности) других. Когда мы внушаем детям повиновение родителям и произносим слова Писания: *чти отца твоего и матерь твою* (Исх. XX, 12), то они говорят нам: докажите и следующее: *и вы отцы не раздражайте чад* (Еф. VI, 4). Когда мы внушаем рабам слова Писания: *послушайте господий, не пред очима точию работающе* (Еф. VI, 5, 6), то они напоминают нам о дальнейшем и требуют, чтобы и господам также было сделано внушение: Павел, говорят они, повелел и им *послаблять прещения* (Еф. VI, 9). Но мы не будем поступать так, не будем указывать на обязанности других, когда обличают нас за нарушение наших; хотя бы обличение падало на тебя вместе с другими, ты не избавишься от обвинения; потому смотри только на то, чтобы тебе освободиться от своих грехов. Адам также слагал вину на свою жену, а она на змия; но это нисколько не помогло им. Не говори же и ты мне этого, но постарайся со всяким благоразумием исполнять свои обязанности в отношении к мужу. И мужу твоему, когда увещеваю его любить и уважать тебя, я не дозволяю указывать на заповедь, данную жене, а требую от него исполнения предписанного ему. Потому и ты старайся исполнять свои обязанности и оказывай покорность своему мужу. Если хочешь повиноваться мужу для Бога, то не представляй мне его обязанностей, но тщательно исполняй те, которые Законодатель возложил на тебя. В том особенно и состоит повиновение Богу, чтобы не нарушать закона даже в том случае, если сама ты терпишь противное. Кто любит любящего его, тот не делает ничего важ-

ного; а кто любит ненавидящего его, тот преимущественно достоин венцов. Так размышляй и ты: если будешь сносить жестокого мужа, то получишь светлый венец; а если тихого и кроткого, то за что Бог будет награждать тебя? Говорю это не для того, чтобы подать мужьям повод к жестокостям, но чтобы убедить жен – сносить и жестоких мужей. Когда каждый будет стараться исполнять свои обязанности, то и ближний не замедлит сделать то же. Так, когда жена бывает готова сносить гневливого мужа, тогда и муж не станет оскорблять гневливой жены, тогда во всем будет у них мир и пристань, не возмущаемая волнами. Так и было у древних: каждый исполнил свое, не указывая на обязанности ближнего. Смотри: Авраам взял с собой племянника, и жена не укоряла его за это. Он велел ей идти в дальний путь, и она не воспротивилась этому, но повиновалась. Потом после многочисленных бедствий, усилий и трудов, сделавшись господином всего, он уступил первенство Лоту, и Сарра не только не огорчилась этим, но даже не открыла уст и не сказала ничего такого, что многие жены говорят ныне, когда видят, что мужья их при подобных разделах получают менее других, особенно низших себя, порицают их, называют и глупыми, и несмысленными, и трусами, и беспечными, и ленивыми. Она же не сказала и не подумала ничего такого, но осталась довольна всем, что он сделал. И еще более: когда его (Лота) постигла великая опасность после того, как он сам сделал выбор и предоставил дяде худшую часть, и когда патриарх, услышав об этом, вооружил всех своих домочадцев и с ними одними пошел против целого персидского войска, она не удерживала его и не сказала, например, так: куда идешь ты, человек, ввергая сам себя в пропасть, подвергаясь таким опасностям, готовясь пролить кровь за мужа, который обидел тебя и похитил твою собственность? Если ты не думаешь о себе, то пожалей меня, оставившую дом, отечество, друзей и родных и последовавшую за тобой в такой путь, не подвергай меня вдовству и соединенным с вдовством бедствиям. Ничего такого она не сказала, не подумала, но все перенесла молча. Затем, оставаясь неплодной, она не скорбит и не плачет, подобно другим таким женам, но проливает слезы он, – впрочем, не перед женой, а перед Богом.

И, заметь, как каждый соблюдает должное: он не презирает Сарры за ее неплодство и не укоряет ее за это, и она со своей стороны старается найти для него некоторое утешение в бесчадии посредством рабыни. Тогда не запрещалось это, как запрещается ныне; ныне же непозволительно ни женам делать такое угождение мужьям, ни мужьям, с ведома ли или без ведома жен, вступать в такие связи, хотя бы они в тысячу раз более чувствовали бесчадие; иначе им будет сказано: *червь их не умирает и огнь их не угасает* (Мк. IX, 44); ныне это не дозволяется, а тогда не запрещалось. Потому и жена предложила это, и он послушался, и поступил так не ради удовольствия. А посмотри, скажешь, как он потом, по ее же требованию, изгнал (служанку). Но этим я и хочу доказать, что как он во всем слушался ее, так и она его.

7. Притом не ограничивайся этим, но, когда говоришь так, обрати внимание и на предыдущее, на то, что служанка оскорбила ее, стала гордиться перед госпожой; а что может быть прискорбнее этого для свободной и честной жены? Потому ты, жена, не ожидай доброты от мужа, чтобы после того показать и свою, – в этом не будет ничего важного; и ты, муж, не ожидай благонравия от жены, чтобы после того и самому быть любомудрым, – это уже не будет подвигом; но каждый, как я сказал, пусть первый исполняет свои обязанности. Если и посторонним, ударяющим по правой ланите, должно подставлять другую, то тем более должно сносить жестокость мужа. Говорю это не для того, чтобы муж бил жену, нет; это крайнее унижение не для той, которую бьют, а для того, кто бьет; но если по каким-нибудь обстоятельствам ты, жена, сочеталась с таким мужем, то не предавайся скорби, представляя ожидающую тебя за это награду и похвалу еще в настоящей жизни. И вам, мужья, скажу: никакой проступок не должен вынуждать вас бить свою жену. Что я говорю – жену? Благородному мужу непозволительно бить даже служанку и налагать на нее руки. Если же весьма бесчестно для мужа бить рабыню, то тем бесчестнее налагать руку на свободную. Это внушают и внешние (языческие) законодатели, которые не принуждают жену жить вместе с бьющим ее мужем, как с недостойным ее сожительства. Подлинно, крайне беззаконно – сообщницу жизни, издавна разде-

ляющую твои нужды, позорить, как рабыню. Такой муж, если только можно назвать его мужем, а не зверем, по моему мнению, равен отцеубийце и матереубийце. Если нам заповедано оставлять для жены отца и мать, не в оскорбление им, но в исполнение закона Божия, и для самих родителей это настолько вожделенно, что они, будучи оставляемы, радуются и совершают брачное соединение детей с великим усердием, то не крайнее ли безумие оскорблять ту, для которой Бог повелел оставлять родителей? И безумие ли только? А бесчестье, скажи мне, кто может перенести? Какое слово может изобразить это (бесчестье), когда крики и вопли разносятся по улицам, когда соседи и прохожие стекаются к дому совершающего такое гнусное дело, сокрушающего, подобно какому-то зверю, все, находящееся внутри? Лучше, если бы земля поглотила такого безумца, нежели после того ему опять показаться на торжище. Жена, скажешь ты, поступает дерзко? Но вспомни, что она – жена, слабый сосуд, а ты – муж. Ты для того и поставлен над ней начальником и главой, чтобы сносить слабость подчиненной. Старайся сделать свое правление славным; а славным оно будет тогда, когда ты не будешь бесчестить подчиненной. Как царь является сам тем более достойным почтения, чем более возвышает честь (подвластного себе) начальника, а когда унижает и бесчестит его достоинство, тогда немало уменьшает и собственную славу, так и ты, бесчестя подвластную тебе начальницу, немало унижаешь честь и своей власти. Итак, представляя все это, будь благоразумен, а вместе с тем вспоминай и о том вечере, в который отец, призвав тебя, отдал тебе дочь свою, как бы некоторый залог, и, отлучив ее от всего, от матери, от себя самого и от дома, вручил все попечение о ней твоей деснице. Подумай, что после Бога ты от нее получил детей, сделался отцом, и потому будь кроток в отношении к ней.

8. Не видишь ли, как земледельцы удобряют всеми способами землю, принявшую семена, хотя бы она имела тысячи недостатков, хотя была бы, например, неплодоносна, произращала дурные травы, подвергалась наводнениям по свойству местоположения? Так же поступай и ты; тогда ты же первый насладишься и плодами и спокойствием. Жена

есть пристань и важнейшее лекарство для (ищущих) благодушия. Если эту пристань ты будешь соблюдать свободной от ветров и волнения, то найдешь в ней великое спокойствие, возвратившись с торжища; а если будешь возмущать и волновать ее, то уготовишь сам себе опаснейшее кораблекрушение. Итак, пусть не будет этого, а пусть будет то, о чем я говорю. Если случится в доме что-нибудь прискорбное по ее вине, то утешай ее, а не увеличивай скорби. Хотя бы ты лишился всего имущества, это не будет прискорбнее неприязни с сожительницей; какую бы ты ни представил вину, ничто не будет несноснее раздора с женой. Потому пусть любовь к ней будет для тебя драгоценнее всего. Если должно носить тяготы друг друга, то тем более – жены. Если она бедна, не укоряй; если неразумна, не осуждай, а лучше постарайся научить ее; ведь она – член твой; вы – одна плоть. Но, скажешь, она болтлива, склонна к пьянству, гневлива? В таком случае должно не гневаться, а скорбеть, молиться Богу, увещевать, вразумлять ее и делать все, чтобы истребить ее страсть. Если же будешь бить и мучить ее, то не исцелишь ее болезни; грубость исправляется кротостью, а не взаимной грубостью. Вместе с тем не забудь и о награде от Бога. Если ты, имея возможность отвергнуть ее, не сделаешь этого по страху Божию, но станешь сносить недостатки ее из уважения к закону, возбранившему отвергать жену, как ни велика была бы болезнь ее, ты получишь неизреченную награду, и еще прежде награды – великую пользу, сделав ее более благопокорной, приучив и себя к большей в отношении к ней кротости.

Рассказывают, что один из внешних философов (Сократ), имея жену злую, болтливую и склонную к пьянству, на вопрос, для чего он терпит ее, отвечал, что она служит для него домашним училищем и упражнением любомудрия: я, говорил он, упражняясь ежедневно с ней, делаюсь более кротким и с другими. Вы пришли в восторг? А мне весьма прискорбно, что язычники любомудрием превосходят нас, которым заповедано подражать ангелам или, лучше, заповедано подражать в кротости самому Богу. Сказанный философ по этой причине не изгонял своей злой жены; а некоторые говорят, что по этой причине он и женился на ней. Но, так как многие из людей не бывают настолько благоразум-

ны, то я советую наперед всячески стараться о том, чтобы избирать жену благонравную и исполненную всякой добродетели; если же случится сделать ошибку и ввести в дом свой невесту недобрую и даже негодную, тогда подражать этому философу, всеми мерами исправлять ее и считать это дело важнее всего. Купец не спускает в море корабля и не принимается за торговлю прежде, нежели заключит со своим товарищем условия, которые обеспечили бы взаимное их спокойствие. Так и мы будем принимать все меры, чтобы внутри своего корабля сохранять всяческий мир с сообщницей житейского поприща; тогда и все прочее будет у нас спокойно, и мы безопасно переплывем море настоящей жизни. Об этом мы должны заботиться более, нежели о доме, рабах, деньгах, полях и даже делах гражданских; всего драгоценнее должно быть для нас то, чтобы не иметь вражды и распри со своей сожительницей; тогда и все прочее пойдет у нас хорошо, и в делах духовных мы будем иметь большую благоуспешность, с единомыслием неся бремя настоящей жизни; а исполнив все, получим и уготованные для нас блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVII

Сие же завещавая, не хвалю, яко не на лучшее, но на худшее собираетеся (1 Кор. XI, 17)

1. Прежде всего надобно объяснить причину предлагаемого обличения; тогда наша речь будет удобопонятнее. В чем же состоит эта причина? Как в начале верующие, в числе трех тысяч, вкушали пищу за общим столом и имели у себя все общее, так было и тогда, когда апостол писал это, хотя и не с такой точностью, а только как бы некоторый остаток прежнего общения сохранялся и соблюдался в последующее время. Верующие, из которых одни были богаты, а другие бедны, хотя не отдавали всего своего имущества на общую пользу, однако в установленные дни, по обычаю, учреждали общие столы и, по окончании собрания и причащения тайн, сходились все на общее пиршество, причем бога-

тые приносили яства, а бедные и ничего не имеющие были приглашаемы ими, и таким образом вкушали пищу все вместе. Но впоследствии уничтожился и этот обычай. Причиной было то, что верующие разделились между собой, причисляли себя одни к тем, а другие к другим и говорили: я такого-то, а я такого-то, как говорил и вразумлял (апостол) в начале послания: *возестися бо ми о вас, братие моя, от домашних Хлоиса, яко рвения в вас суть. Глаголю же се, яко кийждо вас глаголет: аз убо есмь Павлов, аз же Аполлосов, аз же Кифин* (1 Кор. I, 11, 12). Это не значит, будто они называли себя Павловыми; он не допустил бы этого; но, желая сильнее и с корнем истребить такой образ действий, он привел свое имя, чтобы показать, что если бы кто-нибудь принял даже его имя, отторгшись от общего тела (Церкви), и в таком случае поступил бы безрассудно и крайне нечестиво; если же нечестиво (называться) его именем, то тем более именем других низших учителей. Итак, когда нарушился этот обычай (общения имений), прекрасный и благодетельнейший, так как он служил к поддержанию любви, утешению бедности, благоупотреблению богатства, внушению великого любомудрия, сохранению смиренномудрия, когда (апостол) узнал, что погибают такие блага, то справедливо употребляет обличительное слово и говорит: *сие же завещевая, не хвалю*. В прежнем обличении, которое не касалось многих, бывших исправными, он начал речь иначе: *хвалю же вы*, говорит, *яко вся моя помните:* а здесь напротив: *сие же завещевая, не хвалю*. Потому он и не поместил этого (предмета) сряду после обличения вкушавших идоложертвенное; так как это (преступление) было весьма тяжко, то он вставил в середине речь о волосах, чтобы, переходя от одного сильного обличения к другому столь же сильному, не показаться слишком суровым, — а затем опять переходит к более тяжкому и говорит: *сие же завещевая, не хвалю*. Что такое *сие?* Об этом я сейчас скажу. А что значит: *завещавая, не хвалю?* Я не одобряю, говорит, вас за то, что вы поставили меня в необходимость делать вам внушение; не хвалю, что оказалась надобность учить вас этому, что вы имеете нужду в таком увещании от меня. Видишь ли, как в самом начале он показал все безрассудство их поведения? Если согрешающему не следо-

вало даже нуждаться в увещании, чтобы не грешить, то очевидно, как непростителен грех. Почему же он не хвалит? *Яко,* говорит, *не на лучшее, но на худшее сбираетеся,* то есть не преуспеваете в добродетели. Тогда как следовало преуспевать и возрастать в любви, вы сократили уже господствовавший обычай и сократили так, что оказалась надобность в моем увещании вам возвратиться к прежнему порядку. Затем, чтобы не показалось, что он говорит только в пользу бедных, (апостол) не тотчас начинает речь о трапезах: а чтобы обличение его не было принято ими за маловажное, употребляет выражение более разительное и внушающее больший страх. Что же он говорит? *Первое убо сходящимся вам в церковъ, слышу в вас распри сущия* (ст. 18). Не говорит: я слышу, что вы не учреждаете общих вечерей, слышу, что вы вкушаете пищу каждый порознь, а не вместе с бедными; но употребляет выражение, которое могло сильнее потрясти их душу, именно – *распри,* которые были причиной и этого беспорядка; и таким образом опять напоминает о том, о чем говорено было в начале послания и что возвещено было ему домашними Хлоиса. *И частъ некую верую.*

2. Чтобы не сказали: а что, если солгали какие-нибудь клеветники? – он не говорит: *я верую,* чтобы они не сделались еще более бесстыдными, не говорит также: *не верую,* чтобы обличение не показалось напрасным, но – *частъ некую,* говорит, *верую,* то есть несколько верю, и тем делает их внимательными и призывает к исправлению. *Подобает бо и ересем в вас быти, да искуснии явлени бывают в вас* (ст. 19). И под именем ересей он разумеет здесь не заблуждения касательно догматов, но эти самые распри. Впрочем, если бы он говорил и о заблуждениях касательно догматов, то и в таком случае не подал бы повода к соблазну. Ведь и Христос сказал: *нужда естъ приити соблазном* (Мф. XVIII, 7), и, однако, не нарушил свободы воли и не поставил жизнь в какой-нибудь необходимости и неизбежности, но предсказал будущее, имевшее произойти от злой человеческой воли, не вследствие Его предсказания, но от произвола развратных людей. Не потому происходили (соблазны), что Он предсказал о них, но потому Он предсказал, что они имели произойти. Если бы соблазны происходили по необходимости, а не по воле

производящих их, то Он напрасно бы сказал: *горе человеку тому, имже соблазны приходят* (Мф. XVIII, 7). Но об этом мы подробно рассуждали, когда рассматривали это место, а теперь нужно обратиться к настоящему предмету. Что (апостол) действительно *ересями* называет здесь беспорядки при трапезах и бывшие при том несогласия и раздоры, это он ясно выразил последующими словами. А именно, сказав: *слышу в вас распри сущия,* не остановился на этом, но, желая объяснить, какие он разумеет распри, говорит далее: *кийждо свою вечерю предваряет* (ст. 21), и еще: *еда бо домов не имате, во еже ясти и пити? Или о церкви Божией нерадите* (ст. 22)? Очевидно, что он говорит об этих беспорядках; а что называет их распрями, не удивляйся; он хотел, как я сказал, сильнее подействовать на них таким выражением. Если бы он разумел догматические распри, то не говорил бы с ними так кротко. Когда он говорит о них, то послушай, с какой силой и предохраняет и обличает; предохраняет, когда говорит: *аще ангел благовестит вам паче, еже приясте, анафема да будет* (Гал. I, 8, 9); обличает, когда говорит: *иже законом оправдаетеся, от благодати отпадосте* (V, 4); а смутьянов называет то псами: *блюдитеся,* говорит, *от псов* (Флп. III, 2), то сожженными в совести и служителями диавола (1 Тим. IV, 2). Но здесь не говорит ничего подобного, а выражается кротко и снисходительно. Что означают слова: *да искуснии явлени бывают в вас?* Чтобы более просияли. Он хочет сказать, что людям непреклонным и твердым это не только не вредит, но еще делает их более заметными и славными. Частица *да* не всегда означает цель, но часто следствие дела. Так употребляет ее Христос, когда говорит: *на суд аз в мир сей приидох, да не видящии видят и видящии слепи будут* (Ин. II, 39); так и сам Павел, когда говорит о законе: *закон же привниде, да умножится прегрешение* (Рим. V, 20). Закон дан был не для того, чтобы умножились преступления иудеев; но так было. И Христос пришел не для того, чтобы видящие сделались слепыми, а с противоположной целью; но так было. Подобным образом и здесь нужно понимать слова: *да искуснии явлени бывают;* ереси были не для того, чтобы открылись искусные, но когда явились ереси, тогда это случилось. (Апостол) сказал это для утешения бедных, твердо переносящих такое

пренебрежение. Потому не сказал: *да искуснии бывают,* но: *да искуснии явлени бывают,* выражая, что они и прежде были такими, но смешивались с другими и, получая утешение от богатых, не очень были заметны, а теперь смятение и несогласие сделали их известными, подобно как буря делает известным кормчего. Также не сказал: *да вы искуснии явитесь,* но: *да искуснии явлени бывают в вас;* как в обличении не указал ни на кого прямо, чтобы не сделать их более бесстыдными, так и в похвале, чтобы не сделать их более беспечными; но выражается неопределенно, предоставляя совести каждого прилагать к себе сказанное. Мне кажется, что здесь он утешает не только бедных, но и тех, которые не нарушали того обычая; вероятно, между ними были и соблюдавшие его. Потому он и сказал: *часть некую верую.* Справедливо он называет искусными тех, которые не только вместе с другими соблюдали обычай, но и без них не преступали этого прекрасного установления. Такими похвалами он старается возбудить в тех и других большее усердие. Затем он показывает и самый род преступления. В чем же оно состояло? *Сходящимся вам вкупе,* говорит, *несть Господскую вечерю ясти* (ст. 20). Видишь ли, как он пристыжает их и под видом повествования предлагает внушение? Наружный вид собрания, говорит, показывает одно, происходит как бы из любви и братолюбия; вы собираетесь в одном месте и все вместе; а трапеза не соответствует собранию. Не сказал: когда вы собираетесь, то не вкушаете вместе, не разделяете пищи друг с другом, но опять выражается иначе и гораздо разительнее: *несть,* говорит, *Господскую вечерю ясти,* напоминая им ту вечерю, на которой Христос преподал страшные тайны. Потому и назвал ядение их вечерью, так как и на той вечери возлежали все вместе. Впрочем, не так отличны друг от друга богатые и бедные, как Учитель и ученики, – между последними различие беспредельно. Но что я говорю об Учителе и учениках? – представь, какое различие между Учителем и предателем, и, однако, Он сам возлежал вместе с ними, не изгнал и предателя, но и с ним разделил соль и сделал его участником тайн.

3. Далее (апостол) объясняет, почему они не вкушают вечерю Господню: *кийждо бо,* говорит, *свою вечерю предваряет в снедение, и ов убо алчет, ов же упивается* (ст. 21). Видишь ли,

как он доказал, что они более посрамляют себя самих? Принадлежащее Господу они присвояют себе и потому прежде всех унижают самих себя, лишая свою трапезу того, в чем состоит величайшее ее достоинство. Почему и каким образом? *Господская вечеря,* то есть Владычня, должна быть общей; принадлежащее господину не принадлежит тому или другому рабу, но есть общее для всех; она Господская, говорит, следовательно общая. Если же она принадлежит твоему Владыке, как и действительно принадлежит, то ты не должен присвоять ее себе, но, как принадлежащую Господу и Владыке, предлагать ее всем вообще. Она *Господская,* а ты препятствуешь ей быть Господской, не дозволяя ей быть общей, но вкушая сам по себе. Потому и присовокупляет: *кийждо бо свою вечерю предваряет.* Не сказал: отделяет, но: *предваряет,* прикровенно обличая их в неумеренности и невоздержании, что объясняется и последующим; а именно, сказав это, он продолжает: *и ов убо алчет, ов же упивается;* то и другое, как недостаток, так и излишество, показывают неумеренность. Вот и вторая вина, которая также вредит им самим: первая в том, что они бесчестят свою вечерю; а вторая в том, что пресыщаются и упиваются, и, что еще тяжелее, тогда как бедные алчут. То, что следовало предлагать всем вообще, они поедают одни и таким образом впадают в пресыщение и пьянство. Потому он и не сказал: *ов убо алчет, ов же насыщается,* но: *упивается.* Каждое из этих дел само по себе достойно осуждения; упиваться, не пренебрегая бедных, преступно; и пренебрегать бедных, не упиваясь, преступно; если же то и другое соединятся вместе, то представь, как велико преступление. Показав нечестие дела, далее он применяет укоризну и говорит с великим гневом: *еда бо домов не имате во еже ясти и пити? Или о церкви Божией нерадите, и срамляете неимущия* (ст. 22)? Видишь ли, как от бедных он переносит оскорбление на церковь, чтобы усилить речь свою? Вот и четвертая вина, состоящая в том, что они оскорбляют не только бедных, но и церковь. Как Господскую вечерю (говорит), так и самое место ты присвояешь себе, пользуясь церковью, как бы своим домом. Церковь устроена не для того, чтобы собирающиеся в ней разделялись, но чтобы разделенные соединялись, как показывает и само слово: *собрание. И срамляете*

неимущия. Не сказал: оставляете голодными неимущих, но с большей укоризной: *срамляете,* показывая, что он не столько заботится о пище, сколько об оскорблении, причиняемом им (бедным). Вот и пятая вина – в том, что они не только презирают алчущих, но и посрамляют их. Этими словами он, с одной стороны, похваляет бедных, выражая, что они не столько беспокоятся о желудке, сколько о бесчестье, а с другой – располагает слушателя к милосердию. Показав столько преступного (в их поведении), – унижение вечери, унижение церкви, оскорбление бедных, – он вдруг смягчает силу обличения и говорит: *похвалю ли вы? О сем не хвалю.* Это особенно и достойно удивления, что, показав столько преступлений, когда следовало бы сильнее выразить гнев свой, он поступает совершенно иначе, смягчает речь и дает им облегчение. Почему же так? Он уже сильно тронул их, доказав важность их вины, и, как превосходный врач, наносит удар соответственный ранам: требующие глубокого разреза не рассекает только на поверхности, – ты слышал, как он отсек от них кровосмесника, – а к требующим более легкого врачевания не прилагает железа; потому и здесь говорит с ними кротко. С другой стороны, он преимущественно старался сделать их кроткими к бедным; потому более и сам беседует с ними кротко. Далее, желая пристыдить их иначе и еще сильнее, он обращает речь к более важному предмету: аз *бо,* говорит, *приях от Господа, еже и предах вам: яко Господь Иисус в нощь, в нюже предан бываше, прием хлеб, и благодарив преломи, и рече: приимите, ядите: сие есть тело мое, еже за вы ломимое: сие творите в мое воспоминание* (ст. 23–24). Почему он упоминает здесь об этих тайнах? Потому, что это было ему весьма нужно для настоящего предмета. Владыка твой, говорит, удостоил всех одной и той же трапезы, и притом самой страшной и много превосходящей достоинство всех; а ты считаешь других недостойными твоей трапезы, маловажной и незначительной, и, тогда как они не получают от тебя ничего из благ духовных, отнимаешь у них и телесные, хотя и они – не твои. Впрочем, он не говорит этого, чтобы слова его не были слишком тяжкими, но употребляет речь более кроткую и говорит: *яко Господь Иисус в нощь, в нюже предан бываше, прием хлеб.* Для чего он напоминает нам об этом вре-

мени, об этой вечери и предательстве? Не просто и не без причины, но чтобы сильнее тронуть и самим временем. Всякий, хотя бы кто был даже камнем, представив, как в эту ночь (Господь) скорбел с учениками, как был предан, связан, веден, осужден, как терпел и все прочее, сделается мягче воска, отрешится от земли и всей здешней суеты. Для того (апостол) и напоминает нам о всем этом; пристыжает нас и временем, и вечерей, и предательством и говорит: Владыка твой предал Себя самого за тебя, а ты не хочешь уделить и хлеба брату для самого же себя?

4. Но почему (Павел) говорит, что он принял это от Господа, между тем как сам тогда не был, а находился в числе гонителей? Чтобы ты уразумел, что та вечеря не заключала в себе ничего большего в сравнении с последующими. И ныне тот же (Господь) все совершает и преподает, как и тогда, и не для этого только он напоминает нам об этой ночи, но чтобы тронуть нас еще и иным образом. Как вообще мы более помним последние слова, которые слышим от умирающих, и наследникам их, когда они дерзают нарушать их завещания, в укоризну говорим: вспомните, что это последние слова отца вашего, которые он завещал перед самим тем вечером, как испустил дух, так и Павел, желая таким образом усилить речь свою, говорит: вспоминайте, что это было последнее таинство, которое Он преподал вам, что Он заповедал это в ту ночь, в которую готовился быть убитым за нас, и, предложив вам эту вечерю, после нее уже не предложил никакой другой. Затем он излагает сами обстоятельства события и говорит: *прием хлеб, и благодарив преломи, и рече: приимите, ядите: сие есть тело мое, еже за вы ломимое.* Если ты приступаешь к евхаристии (благодарению), то не делай ничего недостойного благодарения, не посрамляй брата, не презирай алчущего, не упивайся, не оскорбляй Церкви. Ты приступаешь, чтобы благодарить за те блага, которые получил: воздавай же отплату и со своей стороны и не отделяйся от ближнего. Христос преподал равно всем, сказав: *приимите, ядите.* Он равно всем преподал Свое тело, и ты не хочешь равно всем раздавать общий хлеб? А (хлеб) был преломлен Им равно за всех и соделался телом равно за всех. *Такожде и чашу по вечери, глаголя: сия чаша, новый завет есть в*

моей крови; сие творите, елижды аще пиете, в мое воспоминание (ст. 25). Что говоришь? Совершаешь воспоминание о Христе, и презираешь бедных, и не трепещешь? Когда ты совершаешь поминовение по умершем сыне или брате, то совесть замучила бы тебя, если бы ты не исполнил обычая и не пригласил бедных; а совершая воспоминание о своем Владыке, ты не хочешь даже поделиться трапезой? Но что означают слова: *сия чаша новый завет есть?* Была чаша и Ветхого Завета – возлияния и кровь бессловесных животных; наполняли чашу и фиал кровью и после жертвоприношения совершали возлияние. Предложив вместо крови бессловесных Свою кровь, (Господь) напомнил о древнем жертвоприношении, чтобы, слыша это, кто-нибудь не смутился. Сказав о вечери, далее (апостол) соединяет настоящее с прошедшим, чтобы верующие были и ныне в таком же расположении духа, как будто присутствовали на той самой вечери, возлежали вместе (с апостолами) и принимали от самого Христа эту жертву, и говорит: *елижды бо аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет* (ст. 26). Как Христос, сказав о хлебе и о чаше: *сие творите в мое воспоминание,* открыл нам причину установления таинства и между прочим внушил, что эта причина достаточна для возбуждения в нас благоговения, – и подлинно, когда ты представишь, что потерпел для тебя Владыка твой, то сделаешься любомудреннее, – так и Павел говорит здесь: *елижды аще ясте, смерть его возвещаете.* Такова эта вечеря! Далее внушает, что она пребудет до скончания века, словами: *дондеже приидет. Темже иже аще яст хлеб сей, или пиет чашу Господню недостойне, повинен будет телу и крови Господни* (ст. 27). Почему? Потому, что проливает кровь и производит заклание, а не жертву приносит. Как тогда пронзившие (Господа) пронзали не для того, чтобы пить, но чтобы пролить (кровь Его), так поступает и тот, кто приобщается недостойно, и не получает никакой пользы. Видишь ли, как страшна речь его и как сильно он тронул их, показав, что если они таким образом намерены пить (кровь Господа), то будут недостойно причащаться предлежащих (тайн)? Да и разве не недостойно приступает тот, кто презирает алчущего, и, кроме того что презирает, еще посрамляет его? Если неподавание

(милостыни) бедным лишает человека царства небесного, хотя бы он был девственник, равно как и не щедрое подавание, — ведь и те (девы) имели у себя елей, но только не в изобилии, — то представь, как велико будет зло, если совершится столько преступлений.

5. Каких, скажешь, преступлений? Что ты спрашиваешь — каких преступлений? Приобщившись такой трапезы, тебе следовало бы сделаться смиреннее всех и уподобиться ангелам, а ты сделался жестокосерднее всех; ты вкусил крови Владычней и не признаешь своего брата: достоин ли ты после этого прощения? Если бы даже ты не знал его доселе, то после этой трапезы должен был бы признать его; а ты бесчестишь и саму трапезу, считая сподобившегося быть причастником ее недостойным яств твоих. Разве ты не слышал, чему подвергся требовавший сто динариев от брата своего, как он утратил дар, уступленный ему господином его? Разве не знаешь, чем ты был прежде и чем стал теперь? Разве не помнишь, что гораздо более этого бедного деньгами ты был беден добрыми делами, будучи исполнен бесчисленных грехов? Бог простил тебе все грехи и удостоил тебя такой трапезы; но ты и после того не сделался человеколюбивее; потому не остается ничего более, как и тебя предать мучителям (Мф. XVIII, 34). Будем же и мы все внимать этим словам (апостола), потому что и мы здесь приступаем к священной трапезе вместе с бедными, а выйдя отсюда, не хотим и смотреть на них, но, предаваясь сами пьянству, их алчущих оставляем без внимания, в чем тогда виновны были и коринфяне. Когда же, скажешь, это делается? Всегда, особенно же в праздники, когда всего более следовало бы не делать этого. Тогда-то, после причащения, тотчас и начинается пьянство и пренебрежение бедных; тогда-то, после принятия крови Господней, когда тебе следовало бы соблюдать пост и воздержание, ты и предаешься пьянству и бесчинию. Когда тебе случится съесть за обедом что-нибудь приятное ты остерегаешься, чтобы другим дурным кушаньем не испортить прежнего; а, приняв Духа, предаешься сатанинским удовольствиям. Вспомни, что делали апостолы, причастившись священной вечери; не к молитвам ли и песнопениям обратились они, не к священному ли бдению, не к учению ли про-

должительному и исполненному великого любомудрия? Подлинно великие и дивные тайны (Господь) преподал и объяснил им тогда, когда Иуда пошел звать будущих Его распинателей. Разве не слышал ты также, что и три тысячи верующих, сподобившись причащения, пребывали постоянно в молитвах и учении, а не в пьянстве и бесчинии? А ты, если прежде причащения постишься, чтобы сколько-нибудь оказаться достойным причащения, то после причащения, когда надлежало бы усилить воздержание, погубляешь все. Но не одно и то же поститься прежде или после: должно быть воздержным и в то и в другое время, но особенно после принятия Жениха; прежде для того, чтобы сделаться достойным принятия, а после для того, чтобы не оказаться недостойным полученных даров. Неужели же, скажешь, должно поститься после причащения? Я не говорю этого, я не принуждаю; хорошо разумеется, делать и так, однако и не насилую, а лишь увещеваю не предаваться безмерному пресыщению. Если вообще никогда не должно пресыщаться, как это внушает Павел в словах: *питающаяся же пространно жива умерла* (1 Тим. V, 6), то здесь тем более угрожает смерть (пресыщающимся после причащения). Если для жены пресыщение есть смерть, то тем более для мужа; если оно пагубно в иное время, то тем более после причащения тайн. А ты, приняв хлеб жизни, совершаешь дела смерти, и не трепещешь? Или не знаешь, сколько зол происходит от пресыщения? Неуместный смех, непристойные речи, пагубные шутки, бесполезное пустословие и многое другое, о чем и говорить неприлично. Все это делаешь ты после того, как причастился трапезы Христовой, в тот самый день, в который удостоился прикоснуться языком своим к плоти Его. Потому, чтобы этого не было, пусть каждый соблюдает в чистоте свою десницу, язык и уста, которые послужили преддверием при вшествии Христа, и, предложив свою чувственную трапезу, обращает мысли свои к той духовной трапезе, к вечери Господней, к бдению учеников в ту священную ночь; или лучше сказать, если тщательно вникнем, то и теперь – та же ночь. Будем же бодрствовать вместе с Владыкой и благоговеть вместе с учениками Его. Непрестанно следует молиться, а не пьянствовать, особенно же в праздник. Праздник не для того, чтобы

нам безчинствовать и умножать грехи свои, но чтобы очистить и те, какие есть у нас. Знаю, что говорю это напрасно, но не перестану говорить. Если вы не все послушаетесь, то не все же и не послушаетесь; а если все не послушаетесь, то мне будет тем большая награда, а вам тем большее осуждение. А чтобы с вами этого не случилось, я не перестану говорить; частым повторением, может быть, и трону вас. Итак, увещеваю: чтобы причащение не послужило к нашему осуждению, напитаем Христа, напоим, оденем: это достойно такой трапезы. Ты слышал священные песни, видел брак духовный, насладился царской трапезы, исполнился Святого Духа, приобщился к лику серафимов, сделался сообщником горних сил? Не нарушай же такой радости, не теряй сокровища, не предавайся пьянству — этому источнику скорби, утешению диавола, виновнику бесчисленных зол, от которого и сон, подобный смерти, и головокружение, и болезни, и забвение, и смертное изнеможение. Ты, конечно, не решился бы в пьяном виде встретиться даже с другом: как же осмеливаешься, скажи мне, предаваться такому пьянству, имея в себе Христа? Но ты любишь удовольствия? Поэтому-то и перестань предаваться пьянству. И я желаю тебе удовольствия, но удовольствия истинного, никогда не увядающего. Какое же это удовольствие истинное и всегда цветущее? Призови к обеду Христа, раздели с Ним свои или, лучше, Его же (блага): вот в чем заключается бесконечное и всегда цветущее удовольствие! А удовольствия чувственные не таковы; они как скоро являются, тотчас же исчезают, и наслаждающийся ими находится нисколько не в лучшем, а даже в худшем состоянии, нежели не наслаждающийся. Этот находится как бы в пристани, а тот как бы увлекается потоком и осаждается болезнями, не имея возможности преодолеть такую бурю. Потому, чтобы не случилось этого, будем соблюдать умеренность; тогда сохраним и тело здоровым, и душу спокойной, освободимся от настоящих и будущих зол, от которых избавившись и да сподобимся все мы царства небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVIII

Да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст и от чаши да пиет (1 Кор. XI, 28)

1. Для чего сказаны эти слова, тогда как речь была о другом предмете? Павел обыкновенно, как я прежде говорил, рассуждает не только о том, что составляет главный предмет речи, но если речь коснется и другого, то излагает и его с великим тщанием, особенно когда дело идет о предметах весьма необходимых и настоятельных. Так, когда он беседовал о супругах и в речи коснулся рабов, то изложил и этот предмет весьма сильно и подробно; когда говорил о том, что не должно судиться в судилищах, и коснулся в своем наставлении любостяжания, то сказал многое и об этом предмете; то же он делает и здесь. Упомянув о таинствах, он нашел необходимым изложить подробнее этот предмет, как немаловажный; потому в беседе об нем внушает великий страх и доказывает, что главное благо в том, чтобы приступать к ним с чистой совестью. Не довольствуясь сказанным прежде, он присовокупляет еще следующее: *да искушает человек себе;* это же он говорит и во втором послании: *себе искушайте* (2 Кор. XIII, 5), а не так, как поступаем мы, сообразуясь более с временем, нежели с душевным расположением. Мы стараемся не о том, чтобы приступить приготовившись, очистившись от всего злого и с полным благоговением, но — чтобы в праздники и тогда, когда приступают все.

Не так повелевает Павел; он знает одно только время для приступания к тайнам и причащения, — когда чиста совесть. Если мы не приступаем к чувственной трапезе, страдая горячкой и приливом дурных соков, чтобы не подвергнуться смерти, то тем более нам не должно касаться этой трапезы с порочными пожеланиями, которые хуже горячки. Под именем порочных пожеланий я разумею как телесные, так и любостяжание, гнев, злопамятность и вообще все порочные наклонности. Приступающему должно очиститься от всего этого и тогда уже касаться этой чистой жертвы, а не с небрежением и леностью как бы по принуждению приступать ради того, что случился праздник, с другой же стороны, когда есть сокрушение и готовность, не отклады-

вать потому, что нет праздника. Праздник есть совершение добрых дел, благочестие души и строгость жизни; если ты имеешь это, то всегда можешь праздновать и всегда приступать. Потому (апостол) и говорит: *да искушает себе* каждый, *и тако* да приступает; повелевает испытывать не одному другого, но самому себя, устрояя судилище без гласности и обличение без свидетелей. *Ядый бо и пияй недостойне, суд Господень себе яст и пиет* (ст. 29). Что говоришь ты? Источник столь многих благ, трапеза, источающая жизнь, обращается в осуждение? Не по своему существу, говорит он, а по воле приступающего. Как пришествие Его, доставившее нам великие и неизреченные блага, послужило к большему осуждению не принявших Его, так и эти тайны навлекают большее наказание на недостойно причащающихся. Почему же *суд себе яст? Не разсуждая тела Господня,* то есть не размышляя, не представляя, как должно, величия предложенных (тайн), не думая о важности дара. Если бы ты вполне понимал, Кто предлежит перед тобой и кому Он предлагает Себя, то не имел бы нужды ни в каком увещании, а одного этого было бы достаточно для возбуждения в тебе полного благоговения, если только ты не пал слишком глубоко. *Сего ради в вас мнози немощны и недужливи, и усыпают доволни* (ст. 30). Здесь он приводит в пример уже не других, как сделал в беседе об идоложертвенном, где говорил о древних событиях и о бедствиях (евреев) в пустыне, но самих коринфян, что придает словам его более внушительности. Сказав: *суд себе яст,* и: *повинен есть,* и имея в виду, чтобы это не было принято за одни слова, он указывает и на дела, призывает в свидетели их самих, чем и действует сильнее угрозы, выражая, что угроза уже перешла в дело. Не довольствуясь этим, он потом напоминает и о геенне и подтверждает слова свои, устрашая их со всех сторон и разрешая вопрос, часто предлагаемый. Многие в недоумении спрашивают друг друга: отчего происходят преждевременные смертные случаи, отчего продолжительные болезни? Причина многих, говорит он, из таких нечаянных бедствий заключается в грехах.

2. Как, скажешь, пользующиеся постоянным здоровьем и достигающие маститой старости неужели не грешны? Кто же может сказать это? Почему же, скажешь, они не наказы-

ваются? Потому, что там они подвергнутся жесточайшему наказанию. А мы, если захотим, не будем наказаны ни здесь, ни там. *Аще бо быхом себе разсуждали,* говорит (апостол), *не быхом осуждены были* (ст. 31). Не сказал: если бы наказывали себя или мучили себя, но только: если бы захотели сознать грехи свои, сами себя осудить, признать свои беззакония, то избавились бы от наказания и здесь и там. Осуждающий сам себя вдвойне умилостивляет Бога – и сознанием грехов своих, и готовностью не делать их на будущее время. Но мы не хотим делать как должно и этого легкого дела, и, однако, он не угрожает нам наказанием вместе *с миром,* но щадит нас, угрожая здешним наказанием, которое временно и заключает в себе много утешения; оно освобождает от грехов и подает сладостную надежду на будущее, которая облегчает настоящие (страдания). Этим он желает и утешить немощных и сделать других более ревностными. Ныне же, говорит, *судими, от Господа наказуемся* (ст. 32). Не сказал: подвергаемся наказанию или мучению, но: *наказуемся.* Настоящее наказание есть более вразумление, нежели осуждение, более врачевание, нежели мучение, более исправление, нежели воздаяние. И не только этим, но и угрозой большего (будущего) наказания он облегчает настоящее: *да не с миром,* говорит, *осудимся.* Видишь ли, как он указывает на геенну и на страшный суд и доказывает, что этот суд и наказание неизбежны и будут непременно? В самом деле, если верующие и находящиеся под покровом Божиим не избегают наказания за свои прегрешения, как видно из настоящих указаний, то тем более (не избегнут) неверные и согрешающие тяжко и неисцельно. *Темже сходящеся ясти, друг друга ждите* (ст. 33). Когда чувство опасения было еще живо и страшная мысль о геенне еще не прошла, тогда он опять предлагает наставление касательно бедных, по поводу которого он сказал все предыдущее, и внушает, что не исполняющие этого недостойны причащения. Если же не уделяющие от своего имущества отлучаются от трапезы Господней, то тем более похищающие. Не сказал: сходясь уделяйте бедным, но возвышеннее: *друг друга ждите.* Такими словами он и внушал прикровенно попечение о бедных, и предлагал увещание в соответственном виде. Далее он пристыжает их: *аще ли,* говорит, *кто ал-*

чет, в дому да яст (ст. 34). Давая такое позволение, он запрещает еще сильнее, нежели прямым запрещением; он именно удаляет из церкви, посылает домой и, таким образом, сильно трогает, представляя их рабами чрева и невоздержными. Не сказал: если кто пренебрегает бедных, но: *аще ли кто алчет*, рассуждая как бы с нетерпеливыми детьми или с бессловесными животными, служащими чреву. Подлинно, было бы весьма смешно, если бы они, побуждаясь голодом, стали есть дома. Не довольствуясь этим, он присовокупляет более страшную мысль: *да не в суд*, говорит, *сходитеся*, – чтобы собираться вам не на осуждение, не навлекать на себя наказания, оскорбляя Церковь, посрамляя брата; вы собираетесь для того, чтобы показать любовь друг к другу, получить пользу и принести пользу; если же бывает противное, то лучше вам насыщаться дома. Говорит это для того, чтобы более привлечь их; для того он указал и на вред, отсюда происходящий, и доказал, что это немаловажный грех, и внушил страх со всех сторон, – со стороны тайн, больных, умирающих и прочего вышесказанного. Затем он опять внушает страх иным образом: *о прочих же*, говорит, *егда прииду, устрою*, разумея здесь или что-нибудь другое, или то же самое. Так как, вероятно, они приводили какие-нибудь другие причины и невозможно было устроить всего посредством послания, то он и говорит: пока пусть соблюдается так, как я научил; если же вы имеете сказать еще что-нибудь, то пусть останется до моего прихода. Говорит это, как я сказал, или о том же самом деле, или о каких-нибудь других делах не очень важных; поступает же так для того, чтобы тем самым сделать их более внимательными. Ожидая его прибытия, они могли исправить свои недостатки, потому что прибытие Павла было немаловажное дело, как он сам показывает, когда говорит: *яко не грядущу же ми к вам, разгордешася нецыи* (1 Кор. IV, 18); и в другом месте: *не якоже в пришествии моем точию, но много паче во отшествии моем, со страхом и трепетом свое спасение содевайте* (Флп. II, 12). И не просто обещается прийти, чтобы они не сомневались и не предались беспечности, но представляет и причину, делающую необходимым его прибытие: *о прочих*, говорит, *егда прииду, устрою*, внушая, что, если бы даже он и не распо-

лагал (идти к ним), необходимость исправления прочих дел влечет его туда.

3. Слыша все это, будем оказывать великое попечение о бедных, обуздывать свое чрево, воздерживаться от пьянства, стараться достойно причащаться святых тайн и не скорбеть, не печалиться, когда случится какое-нибудь бедствие с нами ли или с другими, например преждевременная смерть или продолжительная болезнь. Такое бедствие есть избавление от наказания, есть исправление, есть наилучшее вразумление. Кто говорит это? Тот, через кого говорил сам Христос. И, несмотря на то, многие жены так безрассудны, что превосходят даже неверных своим чрезмерным сетованием (об умерших); одни делают это в помрачении от страсти, другие – напоказ и во избежание нареканий от посторонних людей; последних особенно я считаю недостойными всякого извинения. Пусть, говорят они, осуждает меня Бог, только бы не осуждал такой-то; пусть нарушается закон Царя всех, только бы не укоряли меня люди, которые безрассуднее бессловесных (животных). Как гром не поражает их за такие слова? Когда кто-нибудь после плача пригласит на пиршество, то никто не отказывается, потому что так требует принятый обычай; а когда Бог повелевает не предаваться сетованию, то все противодействуют. Ужели ты, жена, не знаешь Иова? Ужели не помнишь слов, сказанных им после несчастья, случившегося с детьми его, украсивших святую главу его более тысячи венцов и прославивших его громче множества труб? Ужели не понимаешь важности его несчастья, этого нового кораблекрушения, этой странной и необычайной трагедии? Ты лишилась, может быть, одного, или двоих, или троих детей; а он многих сыновей и дочерей, сделавшись внезапно из многочадного безчадным; не мало-помалу терзалась его утроба, но вдруг похищены были все плоды, похищены не по общему закону природы, не потому, что достигли старости, но поражены преждевременной и насильственной смертью, притом все вместе, не в его присутствии и не на его глазах, чтобы он, по крайней мере, мог слышать последние слова их и получить некоторое утешение в столь плачевной их кончине, а сверх всякого чаяния, совершенно без его ведома, вдруг все они погребены, и дом

сделался для них гробом и могилой. И не только преждевременная смерть, но кроме того и многое другое увеличивало скорбь, именно то, что все они были в цветущем возрасте, были добродетельны и дружелюбны, погибли все вместе, так что не осталось ни одного ни того, ни другого пола, погибли не по общему закону природы, после таких потерь, тогда как он не сознавал ни за собой, ни за ними ничего порочного, за что бы потерпеть все это. Каждое из этих бедствий отдельно само по себе могло возмутить душу; а когда стеклось все вместе, то представь, как высоки были эти волны, как велика была эта буря. Но, что еще важнее и выше всяких слез, он не знал, почему все это случилось с ним. Потому-то, не зная, чему приписать свое несчастье, он обращается к воле Божией и говорит: *Господь даде, Господь отъят: яко Господеви изволися, тако бысть буди имя Господне благословенно во веки* (Иов. I, 21). Говорит это, видя себя, преуспевшего во всякой добродетели, в крайнем несчастье, а злых людей и обманщиков в благоденствии, изобилии и всяких удовольствиях. Не говорит ничего такого, что обыкновенно говорят люди слабые: для того ли я воспитывал детей своих и лелеял их с такой заботливостью, для того ли открывал дом свой для мимоходящих, чтобы после многих попечений о бедных, нагих и сирых получить такое воздаяние? Но вместо того произносит слова превосходнее всякой жертвы: *наг изыдох*, говорит, *от чрева матере моея, наг и отыду* (I, 21). Если же он разодрал одежды и остриг волосы, не удивляйся этому: он был отец, и отец чадолюбивый; вместе с любомудрием души надлежало обнаружиться и чувствам природы; если бы он не сделал этого, то, быть может, иной приписал бы такое любомудрие бесчувственности. Потому он обнаружил и свое сердце, и высоту благочестия, чувствовал скорбь и не изменился, но, продолжая свой подвиг, увенчал себя новыми венцами, ответив жене своей следующими словами: *аще благая прияхом от Господа, злых ли не стерпим* (Иов. II, 10)? У него осталась одна жена после потери всего, и детей, и имущества, и самого тела, да и та для его искушения и укоризны. Для того диавол и не погубил ее вместе с детьми и не просил у Бога смерти ее, чтобы иметь в ней великое пособие к нападению на этого святого; он оставил ее как сильнейшее

для себя оружие: если, говорил он, посредством ее я изгнал из рая, то тем более смогу поразить на гноище.

4. И посмотри на коварство (диавола): не тогда он подводил к нему это орудие, когда погибли волы, ослы и верблюды; даже и после разрушения дома и смерти сыновей, видя в нем сильного борца, еще медлит и не заставляет ее действовать; но когда у него образовались кучи червей, гниющая кожа отпадала, изъязвленная плоть источала зловонный гной, когда диавольская рука мучила его хуже сковород, печей и всякого пламени, терзая и пожирая со всех сторон тело его свирепее всякого зверя, и когда в таких страданиях прошло много времени, – тогда он и подводит ее к изнуренному и истощенному (мужу). Если бы она пришла в начале несчастья, то не нашла бы его так изнуренным и не могла бы представлять несчастье его так тяжким и великим; а теперь, видя, что он утомился от продолжительности времени, жаждет облегчения и желает избавления от бедствий, она приступает к нему решительно. Чувствуя крайнее изнурение, задыхаясь от страданий и желая смерти, послушай, что он говорил: если бы я мог наложить на себя руку, или попросить об этом другого, то сделал бы и это. Потому она, – посмотри на коварство ее, – с чего начинает речь свою? С продолжительности времени: *доколе*, говорит, *терпиши?* Если часто одни слова без дела могут поражать человека, то представь, что должен был чувствовать тогда он, огорчаемый и этими словами, и самим делом; и, что всего хуже, это говорила ему жена, изнемогшая и упавшая духом, и потому старавшаяся довести и его до отчаяния. Но чтобы яснее видеть силу нападения, направленного на эту адамантовую стену, выслушаем сами слова ее. Какие же это слова? *Доколе терпиши, глаголя: се пожду время еще мало, чающи надежду спасения моего* (Иов. II, 9)? Время, говорит, обличило слова твои; его прошло много, а облегчения не видно никакого. Говоря это, она не только располагает его к отчаянию, но и укоряет и насмехается, потому что он, утешая ее и опровергая ее жалобы, постоянно говорил: пожди еще немного, и скоро будет этому конец. Укоряя его, она и говорит: не скажешь ли и теперь то же самое? Уже много протекло времени, а конца этому не видно. И заметь коварство: не упоминает ни

о волах, ни об овцах, ни о верблюдах, зная, что все это не очень огорчало его, но прямо обращается к существенному и напоминает о детях, зная, что в скорби о них он разодрал одежду и остриг волосы. Не говорит: погибли дети твои, но гораздо трогательнее: *потребися от земли память твоя,* — то, что и детей делает любезными. Если и ныне, когда несомненно воскресение, дети любезны потому, что сохраняют память об умерших родителях, то тем более тогда. Потому и проклятие (друга его) становится сильным; проклиная, он не сказал: да погибнут дети, но: *память его от земли,* то есть сыновья и дочери (Иов. XVIII, 17). Выражением *память* она опять нарочно напоминает ему о детях того и другого пола. Если же ты, говорит, не заботишься о них, то обрати внимание хотя на мое положение: *моего чрева болезни и труды, имиже вотще трудихся с болезнми.* Смысл слов ее следующий: я, много потерпевшая, подвергаюсь за тебя страданиям; труды понесла, а плодов лишилась. Она не указывает прямо на потерю имущества, но смотри, как и не умалчивает о ней и не проходит мимо, а намекает на нее, насколько возможно было сказать чувствительнее. *И аз,* говорит, *скитающися и служащи, место от места преходящи, и дом от дому,* намекая и на потерю (имущества), и открывая свои великие страдания; самые выражения достаточно увеличивают несчастье: я, говорит, хожу по чужим домам и не только прошу милостыни, но и блуждаю, служу, занимаюсь незнакомой и новой для меня работой и скитаюсь везде, нося на себе и знаки несчастья и открывая всем свои бедствия; а что всего прискорбнее, постоянно перехожу из дома в дом. Не окончив и этим свои сетования, она присовокупляет: *ожидающи солнца, когда зайдет, да почию от трудов моих, и от окружающих мя болезней, яже мя ныне одержат.* Для других, говорит, приятно видеть лучи солнца, а для меня тяжело; для меня вожделенны ночь и тьма, потому что она одна дает мне успокоение от трудов, она приносит мне утешение в несчастьях. *Но рцы глагол некий к Господу, и умри* (II, 9).

5. Видишь ли и здесь коварство? В жалобе своей она не тотчас предложила пагубный совет, но наперед горько описала несчастье и распространилась в исчислении бедствий, а потом в кратких словах предлагает совет и не прямо выс-

казывает его, но прикровенно, предлагая весьма вожделенную для него перемену, обещая смерть, которой он особенно желал. Заметь и здесь коварство диавола. Зная любовь Иова к Богу, он не внушает жене ропота на Бога, чтобы (Иов) тотчас же не отверг ее, как врага. Потому она нигде не упоминает о Боге, а только изображает случившееся. Прибавь к вышесказанному и то, что это советовала жена – сильный оратор, чтобы обольщать невнимательных. Многие и без несчастий пали от одного совета жен. Что же этот блаженный муж, твердейший адаманта? Сурово взглянув на нее, он одним взглядом, еще прежде слов, разрушил ее козни. Она ожидала, что заставит его пролить потоки слез, а он оказался сильнее льва; исполнившись гнева и негодования не на то, что сам терпел, а на ее диавольский совет, и обнаружив гнев своим взором, он делает ей умеренный упрек, – так как и в несчастьях он был благоразумен. Что же говорит он? *Вскую яко едина от безумных жен возглаголала еси* (II, 10)? Не тому, говорит, я учил тебя, не так воспитывал тебя; не узнаю в тебе моей супруги, – потому что слова твои свойственны жене безумной, совет твой приличен сумасшедшей. Видишь ли, как умерен ответ его, как удар его достаточен для уврачевания ее болезни? Затем, после упрека, он предлагает и совет, также достаточный для ее утешения и исполненный великого благоразумия: *аще благая,* говорит, *прияхом от Господа, злых ли не стерпим?* Вспомни, говорит, о прежнем (благоденствии), помысли об его виновнике, и ты мужественно перенесешь настоящее (несчастье). Видишь ли смиренномудрие этого мужа? Своего терпения он не приписывает своему мужеству, но говорит, что оно в порядке вещей. За что Бог даровал нам прежние блага, за что вознаградил нас ими? Ни за что, а единственно по Своей благости; они были дар, а не награда, благодать, а не воздаяние; будем же мужественно переносить и настоящее. Мужи и жены, запишем для себя и начертаем в своей душе слова эти и им предшествовавшие; изобразив в уме своем, как бы на картине, повесть его страданий, как то: потерю имущества, погибель детей, язвы тела, оскорбления, насмешки, козни жены, коварство диавола и вообще все подробности страданий праведника, устроим себе надежнейшее пристанище, чтобы, перенося все

мужественно и с благодарностью, мы могли и в настоящей жизни отогнать от себя всякую печаль и (в будущей) получить награды за такое благомыслие, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIX

О духовных же, братие, не хощу вас не ведети. Весте, яко егда неверни бесте, ко идолом безгласным, яко ведоми, ведостеся (1 Кор. XII, 1, 2)

1. Все это место весьма неясно; неясность происходит от неизвестности предметов и от оскудения событий, которые тогда были, а теперь не бывают. Почему же они теперь не бывают? Вот, причина неясности подала нам повод к другому вопросу: почему они тогда были, а теперь не бывают? Но оставим это до другого времени, а теперь скажем о том, что тогда было. Что же было тогда? Когда кто-нибудь принимал крещение, то внезапно начинал говорить на разных языках, и не только на разных языках, но многие даже пророчествовали, а некоторые совершали и другие, еще большие знамения. Так как обращавшиеся из идолопоклонства не знали ничего ясно, не будучи сведущи даже в ветхозаветных книгах, а между тем по крещении тотчас получали Святого Духа, которого не видели, – потому что Он невидим, – то благодать давала некоторое чувственное доказательство действия (Духа): один вдруг начинал говорить на персидском, другой на римском, третий на индийском, а иной на каком-нибудь другом языке; для внешних (язычников) это служило свидетельством того, что в говорящем действует Дух Святой. Потому (апостол) и говорит: *комуждо же дается явление Духа на пользу,* называя явлением Духа дары Его. Как апостолы прежде всего получили это знамение, так и верующие получили тот же дар языков, и не только это, но и многое другое. Так, многие воскрешали мертвых, изгоняли бесов, совершали много и других подобных чудес. Впрочем, одни имели меньше даро́в, другие больше. Чаще всего был у них дар языков.

Это и послужило поводом к несогласию между ними не по свойству самого дела, а по неразумию получавших дары. Получившие больше даров превозносились перед получившими меньше; а эти скорбели и завидовали получившим больше, как показывает далее сам Павел. Нарушая через это взаимную любовь, они получали смертельную рану, которую он с великим тщанием старается исцелить. То же самое случилось и в Риме, только иначе. Потому он и в Послании к Римлянам касается этого предмета, но прикровенно и кратко, выражаясь так: *яко же бо во едином телеси многи уды имамы, уды же еси не тожде имут делание: такожде мнози едино тело есмы о Христе, а по единому друг другу уди. Имуще же дарования по благодати данней нам различна, аще пророчество, по мере веры, аще же служение, в служении, аще учай, во учении* (Рим. XII, 4–7). А что они так же впадали от того в гордость, он намекнул на это вначале, когда сказал: *глаголю бо благодатию давшеюся мне, всякому сущему в вас не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати, но мудрствовати в целомудрии, коемуждо якоже Бог разделил есть меру веры* (ст. 3). Так он беседовал (с римлянами), у которых болезнь несогласия и гордости была невелика; а здесь – с большей силой, потому что болезнь была гораздо сильнее. И не это одно производило в них смятение, но кроме того между ними было много гадателей, так как город их еще держался языческих обычаев, и это, между прочим, также соблазняло и смущало их. Потому (апостол) здесь прежде всего показывает различие между гаданиями и пророчеством. Для того они получили и дар различения духов, чтобы различать и знать, кто говорит от Духа чистого и кто от нечистого. Так как невозможно было объяснить сказанных слов из них самих, – потому что пророчество свидетельствует о своей истинности не в то время, когда произносится, но когда исполняется, – так как нелегко было распознавать, кто подлинно пророчествует и кто лжет, – потому что нечистый дух вредил пророчествовавшим, восставляя лжепророков, которые будто бы также предсказывали будущее, – и так как невозможно было доказать истину сказанного, пока еще не исполнилось предсказанное и легко могли быть опровержения, – потому что только конец показывает, кто лжет и кто говорит правду, – то, чтобы слушатели

не обманывались и прежде конца, (апостол) дает им такое знамение, которое еще прежде исполнения (сказанного) способствовало к различению того и другого. Начав отсюда свою речь, он потом переходит к благодатным дарованиям и разрешает возникавший отсюда спор. Прежде всего, о гадателях он говорит так: *о духовных же не хощу вас не ведети, братие.* Духовными он называет знамения, потому что они – действия одного Духа, а человеческие усилия нисколько не содействуют к их совершению. Начиная беседовать об этом, он прежде всего, как я сказал, показывает различие между гаданием и пророчеством и говорит так: *весте, яко егда неверни бесте, ко идолом безгласным, яко ведоми, ведостеся.* Смысл слов его следующий: в капищах идольских, когда кто бывал одержим нечистым духом и прорицал, то, как бы ведомый и связанный, был увлекаем духом и нисколько не сознавал того, что говорил. Гадателю свойственно быть в исступлении, терпеть принуждение и насилие, увлекаться и неистовствовать, как бесноватому. А пророк не таков, но он говорит все с трезвой душой и здравым рассудком, зная, что он говорит. Так различай гадателя и пророка еще прежде исполнения (сказанного). И смотри, как (апостол) устраняет при этом всякое подозрение: он призывает в свидетели их самих, знавших это по опыту. Что я, говорит, не лгу, не клевещу и не измышляю на язычников, как враг их, тому свидетели вы сами: знаете, как, будучи язычниками, вы были тогда водимы и увлекаемы. Если же кто станет считать и их, как верующих, (свидетелями) подозрительными, то я докажу вам это и (свидетельствами) внешних (язычников). Послушай Платона, который (в апологии Сократа) говорит так: «Прорицатели и гадатели говорят много и хорошо, но сами вовсе не знают того, что говорят». Послушай и другого поэта, который выражает то же самое. Когда кто-нибудь разными обрядами и волхвованиями вводил в человека беса, тогда этот человек начинал прорицать и прорицая рвать и терзать себя, не будучи в состоянии выносить насилия беса, и таким образом мог растерзать себя и погибнуть; подобным волхвователям он и говорил: «Развяжите же, смертный не может более сносить царя бога»; и еще: «Развяжите мне венки, окропите мои ноги чистой водой и изгладьте черты,

чтобы я мог идти». Все это и тому подобное, – ведь можно было бы сказать гораздо более, – доказывает и принуждение, с каким бесы удерживаются и служат, и насилие, какое терпят люди, однажды предавшие себя им и лишающиеся в это время здравого смысла. Так же и Пифия, – нахожу нужным сказать теперь и о другом постыдном деле их, о котором лучше было бы молчать, потому что нам неприлично говорить об этом, но чтобы яснее видеть бесстыдство их, нужно упомянуть, чтобы вы уразумели отсюда, как безумны и смешны прибегающие к волхвователям, – эта женщина Пифия садилась, говорят, на треножнике Аполлоновом, расставив голени; затем лукавый дух, проникая снизу и входя в нее через детородные части, приводил ее в исступление, и она, распустив волосы, начинала бесноваться, испускать изо рта пену и в таком исступлении изрекать неистовые слова. Вижу, что вы стыдитесь и краснеете, слыша это; а они еще превозносились таким бесстыдством и безумием!

2. Итак, намекая на все это и тому подобное, Павел сказал: *весте, егда неверни бесте, ко идолом безгласным, яко ведомы, ведостеся.* Так как он говорил к понимавшим дело, то и не излагает всего подробно, чтобы не отяготить их, но, только напомнив им и приведя все на ум, тотчас оставляет это и поспешает к своему предмету. Что же значит: *ко идолом безгласным?* Гадатели ходили к ним, как бы ведомые. Если же идолы безгласны, то как те пользовались ими? Для чего бес приводил их, как пленников и узников, к истуканам? Между прочим для того, чтобы сделать обман правдоподобным. Чтобы не подумали, что идол есть камень безгласный, он старался привязать людей к идолам, чтобы принадлежащее первым приписывали последним. Но у нас не так. Впрочем, (апостол) не объясняет нашего, то есть того, что касается пророков, так как им (коринфянам) это было известно, и между ними (были пророки, которые) пророчествовали, как следовало, с рассудком и совершенной свободой. Они властны были говорить и не говорить; они не были принуждаемы, но вместе с честью сохраняли и волю. Потому и Иона убегал, потому и Иезекииль уклонялся, потому и Иеремия отрицался. Бог же не принуждал их насильно, но советовал, убеждал, угрожал, не помрачая рассудка. Бесу свой-

ственно производить помешательство, неистовство и большое помрачение, а Богу – просвещать и сознательно учить тому, чему должно. Вот первое различие между гадателем и пророком! Второе (апостол) излагает далее так: *темже сказую вам, яко никтоже Духом Божиим глаголяй, речет анафема Иисуса;* и еще: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (ст. 3). Когда, говорит, ты увидишь, что кто-нибудь не произносит имени Иисуса или даже анафематствует Его, то он – гадатель; а когда увидишь другого, который обо всем говорит с именем Его, то знай, что он – духовный. Что же, спросишь, сказать об оглашенных? Если никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым, то что сказать о них, которые произносят имя Его, но Духа не имеют? Не о них теперь говорит (апостол), – так как (коринфяне) были тогда не оглашенные, – а о верующих и не верующих. Но разве никакой бес не именует Бога? Не говорили ли бесноватые: *вемы Тя, кто еси, Сын Божий* (Мар. I, 24)? Не говорили ли они и Павлу: *сии человецы раби Бога вышняго суть* (Деян. XVI, 17)? Говорили, когда были мучимы и вынуждаемы, а добровольно и не мучимые никогда. Здесь можно спросить: для чего бес говорил это, а Павел запретил ему? (Павел) подражал своему Учителю; и Христос запрещал бесам говорить, не желая получать от них свидетельство. А для чего бес делал это? Он хотел произвести замешательство, лишить апостолов чести и склонить многих слушать его самого. Если бы это было допущено, то бесы оказались бы достойными вероятия и легко стали бы вводить, что им угодно. Потому, чтобы этого не было и чтобы обман не получил даже начала, (апостол) заграждает им уста и тогда, когда они говорили правду, для того, чтобы никто совершенно не внимал им во лжи, но всякий отвращал слух свой от всего, что бы они ни говорили. Показав таким образом первый и второй признак гадателей и пророков, (апостол) далее беседует о чудесах, приступая к этому предмету не просто, но так, чтобы прекратить происходившее отсюда несогласие и убедить тех, которые получили меньше, не скорбеть, а тех, которые получили больше, не превозноситься. Потому начинает так: *разделения же дарований суть, а тойжде Дух* (ст. 4). Прежде всего он вразумляет того, кто

получил меньший дар и из-за этого скорбит. О чем, говорит, ты скорбишь? О том, что не получил столько, сколько другой? Но вспомни, что это — дар, а не долг, и получишь утешение в скорби. Потому он прямо и выразился так: *разделения же дарований суть*. Не сказал: знамений, или чудес, но: *дарований*, названием дара убеждая не только не скорбеть, но и чувствовать благодарность. Вместе с тем, говорит, представь и то, что хотя ты получил дар меньшей меры, но удостоившись получить его от туда же, откуда и получивший больше, ты имеешь одинаковую с ним честь; ты не можешь сказать, что ему даровал Дух, а тебе ангел; и тебе и ему даровал Дух. Потому и прибавляет: *а тойжде Дух.*

3. Хотя есть различие в даре, но нет различия в Даровавшем: из одного источника получили и ты и он. *Я разделения служений суть, а тойжде Господь* (ст. 5), Чтобы усилить утешение, (апостол) приводит и Сына и Отца. Сами дары называет здесь другим именем, желая и через это доставить большее утешение. Потому и говорит: *разделения служений суть, а тойжде Господь.* Услышав о даровании, получивший меньше, может быть, стал бы скорбеть; но, услышав о служении, не станет, потому что это слово означает труд и работу. Что ты скорбишь, говорит, если Бог другому повелел трудиться больше, а тебя пощадил? *И разделения действ суть, а тойжде есть Бог, действуя и вся во всех. Коемуждо же дается явление Духа на пользу* (ст. 6, 7). Что такое, скажешь, *действо?* Что такое — *дарование?* Что такое — *служение?* Только различные названия, а предметы одни и те же. Он называет и дарование и служение действием. *Служение твое,* говорит, *известно сотвори* (2 Тим. IX, 5); и: *службу мою прославляю* (Рим. XI, 13); также к Тимофею: *еяже ради вины воспоминаю тебе возгревати дар Божий, иже есть в тебе* (2 Тим. I, 6); и к Галатам: *споспешествовавый бо Петру в послание, споспешествова и мне во языки* (Гал. II, 8). Видишь ли, как он не полагает никакого различия между дарами Отца (и Сына) и Святого Духа, не смешивая Их ипостасей, — да не будет! — но показывая равночестие существа? Что дарует Дух, говорит он, то производит Бог (Отец), а распределяет и назначает Сын. Если бы одно было меньше другого, то он не сказал бы этого так и не стал бы таким образом утешать скорбящего. Далее утешает его

еще другим образом, именно тем, что сообщенная ему мера дарований, хотя и малая, служит ему в пользу. Сказав: *тойжде Дух, тойжде Господь, тойжде Бог,* и тем успокоив его, присовокупляет еще другое утешение в словах: *коемуждо же дается явление Духа на пользу.* Чтобы кто-нибудь не сказал: что из того, что один и тот же Дух, один и тот же Господь, один и тот же Бог, когда я получил меньше? – (апостол) говорит, что это *на пользу. Явлением Духа* он называет знамения, и справедливо. Мне верующему известно, кто имеет Духа, – именно тот, кто крещен; а для неверующего это ниоткуда не видно, как только из знамений. И отсюда опять следует немалое утешение: хотя дарования различны, но обнаружение одинаково; хотя бы ты имел много, хотя бы мало, ты равно обнаруживаешься, так что, если хочешь показать, что ты имеешь Духа, для этого ты имеешь достаточно. Итак, если один есть Даровавший, и данное тебе дар, и обнаружение может быть, и это наиболее полезно тебе, то не скорби, как будто бы ты был презрен. Не в бесчестье тебе, не для унижения тебя перед другим Бог поступил так, но из снисхождения к тебе и желания тебе пользы. Получить больше и не быть в состоянии вынести – вот что бесполезно, и пагубно, и достойно скорби! *Овому бо Духом дается слово премудрости, иному же слово разума, о том же Дусе: другому же вера, темже Духом: иному же дарования исцелений, о том же Дусе* (ст. 8, 9). Видишь ли, как он везде прибавляет: *о томже Дусе, темже Духом?* Он знает, что в этом заключается великое утешение. *Другому же действия сил, иному же пророчества, другому же разсуждения духовом, иному же роди языков, другому же сказания языков* (ст. 10). Так как последним они более всего гордились, то он и поставляет это на конце и присовокупляет: *вся же сия действует един и тойжде Дух* (ст. 11). Вот всеобщее врачевство утешения: все мы получаем от одного и того же корня, из одной и той же сокровищницы, из одного и того же источника! Поэтому-то он беспрестанно употребляет это слово и тем уравнивает мнимое неравенство и утешает. Выше он говорил, что и Дух, и Сын, и Отец подают дарования; а здесь говорит только о Духе, чтобы ты и отсюда познал, что у них одно и то же достоинство. Что же значит: *слово премудрости?* То, которое имел Павел, которое имел Иоанн, сын грома.

А *слово разума?* То, которое имели многие из верующих, хотя имевшие знание, но не бывшие в состоянии учить и удобно передавать другому то, что сами знали. *Другому же вера:* не вера в догматы, но вера чудодейственная, о которой Христос говорит: *аще имате веру, яко зерно горушно, речете горе сей прейди, и прейдет* (Мф. XVII, 20). И апостолы о ней просили, когда говорили: *приложи нам веру* (Лк. XVII, 5). Она – мать чудотворений. Но иметь *действия сил, и дарования исцелений* – не одно и то же. Кто имел дар исцелений, тот только врачевал, а имевший действия сил мог и наказывать; от силы не только врачевание, но и наказание, как например, Павел ослепил, Петр поразил смертью. *Иному же пророчества, другому же разсуждения духовом.* Что значит: *разсуждения духовом?* Знание того, кто духовный и кто не духовный, кто пророк и кто обманщик, как говорит он и фессалоникийцам: *пророчествия не уничижайте, вся же искушающе, добрая держите* (1 Сол. V, 20). В то время была великая опасность от лжепророков, потому что диавол всячески старался противопоставить ложь истине. *Иному же роди языков, другому же сказания языков.* Иной сам знал, что говорил, но другому истолковать не мог; а иной имел способность к тому и другому или к чему-нибудь одному из двух.

4. Этот дар (языков) почитался великим, потому что его и апостолы прежде всего получили и из коринфян многие имели, а дар учения – не так. Потому (апостол) поставляет тот прежде, а об этом (говорит) после. Между тем и тот для этого, равно как и все прочее, и пророчества, и действия сил, и роды языков, и сказания языков; и ничто не может равняться с ним, как он сам говорит: *прилежащии добре пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающиися в слове и учении* (1 Тим. V, 17); и еще в Послании к Тимофею: *внемли чтению, утешению, учению: не неради о своем даровании* (1 Тим. IV, 13, 14). Видишь ли, как он называет и это дарованием? Далее то же утешение, которое он предложил выше в словах: *тойжде Дух,* повторяет и здесь, говоря: *вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя особо коемуждо, якоже хощет.*

И не только утешает, но и заграждает уста противнику словами: *разделяя особо коемуждо, якоже хощет,* потому что уте-

шая надобно и вразумлять, как он поступает и в Послании к Римлянам, когда говорит: *ты кто еси противу отвещаяй Богови* (Рим. IX, 20)? Так и здесь: *разделяя особо коемуждо, якоже хощет.* Вместе с тем показывает, что принадлежащее Отцу принадлежит и Духу. Как об Отце сказал: *а тойжде Бог, действуяй вся во всех,* так и о Духе: *вся же сия действует един и тойжде Дух.* Но действует, скажешь, под влиянием Бога? Нигде (апостол) не сказал этого, а ты сам это выдумываешь. Когда он говорит: *действуяй вся во всех,* говорит это о людях, а вовсе не считает с людьми и Духа, хотя бы ты тысячу раз, как безумный, повторял это. Так как он выше сказал: *Духом,* то, чтобы ты не подумал, что это выражение означает унижение (Духа) или зависимость (действий Его от другого), присовокупляет, что Дух *действует,* а не побуждается к действию, и действует, *якоже хощет,* а не как повелевают Ему. Как об Отце Сын говорит, что Он *воскрешает мертвыя и живит,* равно и о Себе самом, что Он *ихже хощет, живит* (Ин. V, 21), так и о Духе в одном месте сказано, что Он делает все с властью и ничто Ему не препятствует, – слова: *идеже хощет, дышет* (Ин. III, 8), хотя сказаны о ветре, именно это и доказывают, – а здесь говорится, что Он *вся действует, якоже хощет.* Из другого места можешь видеть, что Он не из тех, через кого действуют, но сам действует: *кто бо весть,* говорит (апостол), *яже в человеце, точию дух человека? Такожде и Божия никтоже весть, точию Дух Божий* (1 Кор. II, 11). Дух человека, то есть душа, не имеет нужды в постороннем воздействии, чтобы знать свое; это всякому известно; следовательно, и Дух Святой – чтобы знать Божие: потому и говорит, что Дух Святой знает тайны Божии так же, как душа человеческая свои тайны. Если же в этом случае Он не побуждается к действию (кем-нибудь другим), то зная глубины Божии и действуя без постороннего влияния в раздаянии даров апостолам. Он тем более сам не находится в зависимости. Кроме того скажу и то, что я говорил прежде. Что именно? То, что если бы Дух был меньше и не единосущен (Отцу и Сыну), то не было бы никакого утешения в словах, что действует один и тот же Дух. Получивший что-нибудь от царя имеет великое утешение в том, что (царь) сам дал ему; а получивший от раба может еще более печалиться, что ему принес это посторонний. Таким

образом и отсюда ясно, что Дух Святой не рабского, а царского существа. Апостол утешает коринфян как словами: *разделения служений суть, а тойжде Господь, и разделения действ суть, а тойжде Бог,* так и вышесказанными: *разделения дарований суть, а тойжде Дух,* и последующими: *всяже сия действует един и тойжде Дух, разделяя особо коемуждо, якоже хощет.* Не будем же, говорит, унывать, скорбеть и говорить: почему я то получил, а этого не получил? Не будем требовать отчета от Святого Духа. Если ты знаешь, что Он подает по своему промышлению, и сознаешь, что, по тому же промышлению, Он подает в известной мере, то будь доволен и радуйся тому, что получил; не огорчайся тем, чего не получил, но еще воздавай благодарность за то, что не получил выше сил своих.

5. Если же касательно духовных (благ) не должно быть слишком пытливым, то тем более касательно вещественных должно оставаться спокойным и не исследовать, почему такой-то богат, а такой-то беден. Не всякий богат от Бога, но многие и от неправды, грабительства и любостяжания. Разве Тот, кто повелел не собирать богатства, подаст то, чего не велел приобретать? А чтобы еще более заградить уста возражающих, обратимся к древним временам, когда богатство давалось от Бога. Отвечай мне: почему Авраам был богат, а Иаков нуждался даже в хлебе? Не был ли последний так же праведен, как и первый? Не равно ли о троих говорил Господь: *Аз есмь Бог Авраамов и Исааков и Иаковль* (Исх. III, 6)? Почему же один был богат, а другой трудился, как наемник? Почему даже Исав – нечестивец и братоненавистник – был богат, а он (Иаков) был рабом столь долгое время? Почему опять Исаак жил всегда спокойно, а Иаков в трудах и бедствиях, вследствие чего и говорил: *малы и злы дние мои* (Быт. XLVII, 9)? Почему Давид, пророк и царь, постоянно жил в трудах, а Соломон, сын его, сорок лет прожил спокойнее всех людей, наслаждаясь глубоким миром, честью и удовольствиями всякого рода? Почему из пророков иной больше, а иной меньше терпел скорби? Потому, что каждому свое было полезно.

Потому в отношении каждого следует сказать: *судбы твоя бездна многа* (Пс. XXXV, 7). Если же мужей великих и дивных Бог назидал не одинаковым образом, но иного бедностью,

другого богатством, иного спокойствием, другого скорбью, то тем более ныне надобно то же думать. Вместе с тем надобно помнить и то, что многое случается не по Его намерению, а от нашей злобы. Не говори же: почему один богат, несмотря на то, что порочен, а другой беден, несмотря на то, что праведен? Очень легко можно дать на это ответ и сказать: праведник не терпит никакого вреда от бедности, напротив еще более прославляется, а злой человек ведется богатством к мучению, если не переменится; и еще прежде наказания богатство часто бывало для него причиной многих зол и ввергало его в бесчисленные пропасти. Бог же попускает это, с одной стороны, в знак свободы (человеческой) воли, с другой – для научения прочих не бесноваться и не гоняться за деньгами. А что, скажешь, если человек порочный богат и не терпит ничего худого? Если он добродетелен и богат, это справедливо; а если порочен, то что нам сказать? То, что и в таком случае он жалок; богатство, присоединяясь к пороку, увеличивает зло. А если он добродетелен и беден? Это нисколько не вредит ему. А если порочен и беден? Значит, он терпит это справедливо и по достоинству, и даже с пользой для себя. Но такой-то, скажешь, получил богатство от предков и расточает его на блудниц и тунеядцев и не терпит ничего худого. Что ты говоришь? Он блудодействует, а ты говоришь, что он не терпит ничего худого? Он пьянствует, а ты думаешь, что он наслаждается? Он проживается на дела непотребные, а ты считаешь его достойным подражания? Что может быть хуже человека, губящего свою душу? Если у кого-нибудь искажено и изуродовано тело, то ты считаешь его достойным безмерных слез; а видя, что вся душа его искажена, ты считаешь его даже блаженным? Но он, скажешь, не чувствует этого? По тому-то самому он еще более жалок, подобно сумасшедшим. Кто знает, что он болен, тот конечно будет искать врача и примет лекарство; а кто не сознает своей болезни, тот не может и освободиться от нее. И, скажи мне, такого-то ты считаешь блаженным? Впрочем это нисколько не удивительно; люди большей частью неопытны в любомудрии. От того мы и подвергаемся крайнему осуждению, наказываемся и не бываем свободны от мучения, от того у нас непрестанные неудо-

вольствия, огорчения и беспокойства, что мы, оставляя указанную нам Богом жизнь беспечальную, то есть жизнь добродетельную, пролагаем себе другой путь — обогащения и любостяжания, исполненный бесчисленных зол: мы поступаем так же, как если бы кто, не понимая красоты телесной, но полагая все достоинство в одежде и навешенных украшениях, оставил без внимания женщину благоразумную и красивую от природы, а некрасивую, безобразную и уродливую, но только одетую в красивые одежды, взял бы себе в жены. Подобным же образом поступают ныне многие и касательно добродетели и порока: к гнусному по природе (пороку) прилепляются за внешние его украшения, а от прекрасной и благообразной (добродетели) отвращаются за непокрытую ее красоту, за которую тем более надлежало бы возлюбить ее.

6. Стыжусь, что между несмысленными язычниками есть люди, любомудрствующие так, если не на деле, то по крайней мере в мыслях, и знающие скоротечность настоящего, а у нас некоторые и этого не знают, даже имеют превратное суждение, и притом тогда, как Писание непрестанно повторяет нам: *уничижен есть пред ним лукавнуяй, боящияся же Господа славит* (Пс. XIV, 4); *страх Господень паче всего предъуспе* (Сир. XXV, 14); *Бога бойся, и заповеди его храни, яко сие всяк человек* (Еккл. XII, 13); *не ревнуй лукавнующим* (Пс. XXXVI, 1); *не убойся, егда разбогатеет человек* (Пс. XLVIII, 17); *всяка плоть трава, и всяка слава человеча яко цвет травный* (Ис. XL, 6). Слыша это и тому подобное каждый день, мы, однако, прилепляемся к земле. Как дети, еще не совсем выучившиеся азбуке, когда приказывают им называть буквы не по порядку, часто называют одни вместо других и тем возбуждают большой смех, так и вы, когда исчисляем вам все по порядку, коекак еще следите, а когда спросим вас порознь, какую вещь надобно поставить на первом месте, какую на втором и так далее, то вы не знаете что сказать и становитесь смешными. Подлинно, не крайне ли смешно, скажи мне, что люди, ожидающие бессмертия и благ, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. III, 9), гоняются за благами здешними и считают их достойными состязания? Если ты еще имеешь нужду учиться тому, что богатство не представляет ничего великого, что настоящее есть тень и сон,

что оно рассеивается и разлетается, подобно дыму, то стой вне святилища и оставайся в преддверии, потому что ты еще не достоин войти в горние царские чертоги. Если ты еще не умеешь рассудить, что (настоящее) по существу своему непостоянно и скоропреходяще, то как ты сможешь презирать его? А если скажешь, что умеешь, то перестань исследовать и спрашивать, почему такой-то богат, а такой-то беден. Спрашивать об этом значит делать то же, как если бы ты ходил и спрашивал, почему такой-то бел, а такой-то черен, или почему у такого-то нос загнутый, а у такого-то тупой. Как в подобных вещах нам безразлично, так ли это или иначе, – так должно быть и в том, беден ли кто или богат, и даже гораздо менее в последнем, нежели в первом. Все зависит от способа употребления: хотя бы ты был беден, ты можешь жить благодушно, если будешь любомудр; хотя бы ты был богат, ты несчастнее всех, если чуждаешься добродетели. Нам важно то, что добродетельно; а без этого все прочее совершенно бесполезно. От того и происходят эти частые вопросы, что многие считают бесполезное для них полезным, а о полезном нисколько не заботятся. Полезное для нас – это добродетель и любомудрие. Но вы слишком далеки от них; от того у вас и смятение помыслов, многие волны и буря, потому что кто удаляется от горней славы и любви к небу, тот обращается к благам настоящим и делается их рабом и пленником. Отчего же, скажешь, мы стремимся к ним? От того, что не слишком стремимся к благам небесным. А отчего это происходит? От нерадения. А нерадение откуда? От невнимательности. А невнимательность откуда? От неразумения, от того, что останавливаемся на благах настоящих и не хотим тщательно исследовать существо вещей. Отчего же опять это происходит? Оттого, что не читаем Писаний, не беседуем со святыми мужами, а ищем общества людей порочных. Потому, чтобы не было этого всегда, чтобы волны, подхватывая нас одна за другой, не увлекли в море зол, не потопили и не погубили совершенно, восстанем, пока есть время, и, утвердившись на скале, то есть на догматах и слове Божием, будем взирать на бурю настоящей жизни. Таким образом мы и сами избавимся от нее и, спасая других, подвергающихся кораблекрушению, удостоимся будущих благ, благодатью

и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXX

Якоже бо тело едино есть, и уды имать многи, вси же уди единаго тела, мнози суще, едино суть тело: тако и Христос (1 Кор. XII. 12)

1. Утешив (коринфян) тем, что всякое дарование есть дар благодати, что все подается одним и тем же Духом и подается на пользу, что (Дух) открывается и в меньших дарованиях, и вместе заградив им уста тем убеждением, что должно покоряться власти Духа, – *вся бо сия действует един и тойжде Дух, разделяя особо коемуждо, якоже хощет,* и потому не должно быть слишком пытливым, – (апостол) утешает их еще иным общеизвестным сравнением, обращаясь к природе, как он обыкновенно делает. Так, беседуя о волосах мужей и жен, он между прочим употребил такой же способ учения и сказал: *или и не самое естество учит вы, яко муж убо аще власы растит, безчестие ему есть, жена же аще власы растит, слава ей есть* (1 Кор. XI, 14)? Рассуждая об идольских жертвах и запрещая касаться их, также употребил сравнение, заимствованное из языческих обычаев, напомнив об олимпийских играх и сказав: *текущии в позорищи еси убо текут, един же приемлет почесть* (1 Кор. IX, 21); кроме того указывал на примеры пастырей, воинов и земледельцев. Точно так и здесь приводит общеизвестное сравнение, которым старается доказать, что никто (из христиан) не унижен перед другими, – как ни странно и ни трудно было доказывать это, – и которое могло убедить даже самых простых людей, то есть сравнение с телом. Человека малодушного и получившего меньше других ничто так не утешает и не располагает оставить скорбь, как убеждение, что он не унижен перед другими. Потому (апостол) и доказывает это: *якоже бо,* говорит, *тело едино есть и уды имать многи.* Видишь ли его глубокую мудрость? Он доказывает, что одно и то же есть единое и многое. Раскрывая еще более этот предмет, присовокупляет: *еси же уди единаго тела, мнози суще, едино суть тело.* Не

сказал: многие члены принадлежат одному телу, но: единое тело есть многое, и многие члены его суть единое. Если же многое есть единое и единое многое, то где различие, где преимущество, где унижение? *Вси же,* говорит, *едино суть:* не просто *едино,* но, будучи рассматриваемы собственно в отношении к составу тела, все они – едино; а когда они рассматриваются порознь, тогда – различие, и притом различие во всех их. Ни один из них не может сам по себе составить тела, и каждый одинаково недостаточен к тому, чтобы составить тело, а необходимо для этого их соединение; когда многие сделаются единым, тогда и составляется одно тело. Выражая это, он и говорит: *еси же уди тела мнози суще, едино суть тело.* Не сказал: высшие и низшие, но: *мнози суще,* что относится ко всем вообще. Как же они могут быть едино? Когда, оставив различие их, как членов, будешь рассматривать их по отношению к телу. Что глаз, то же и нога, в том отношении, что они – члены и составляют тело; в этом между ними нет никакого различия. Не можешь сказать, что один какой-нибудь член составляет тело сам по себе, а другой нет; в этом отношении они все равны, и все – одно тело.

Сказав и ясно доказав это по общему всем здравому смыслу, (апостол) присовокупляет: *тако и Христос.* Надлежало бы сказать: так и Церковь, – это именно следовало из предыдущего, – но он не сказал так, а вместо Церкви наименовал Христа, употребив выражение более возвышенное и более пристыдив слушателя. Смысл слов его следующий: так и тело Христово, которое есть Церковь. Как тело и голова составляют одного человека, так и Церковь и Христос, говорит, едино суть; потому и именует вместо Церкви Христа, разумея здесь тело Его. Как наше тело есть нечто единое, хотя состоит из многих членов, так и в Церкви все мы составляем нечто единое; хотя она состоит из многих членов, но эти многие суть одно тело. Таким образом, успокоив и ободрив общеизвестным примером того, кто считал себя униженным, (апостол) оставляет обыкновенные предметы и переходит к другому предмету – духовному, который мог доставить еще больше утешения и ясно показать равенство чести (у членов Церкви). Какому же? *Ибо единем Духом,* говорит, *мы вси во едино тело крестихомся, аще Иудеи, аще Еллини, или раби, или свобод-*

ни (ст. 13). Смысл слов его следующий: один Дух составил из нас одно тело и возродил нас, потому что не иным Духом крещен один, а иным другой. И не только крестивший нас (Дух) есть един, но и то, во что Он крестил, то есть для чего крестил, есть едино, так как мы крестились не для того, чтобы составлять различные тела, но чтобы все мы в точности составляли одно тело в отношении друг к другу, то есть крестились для того, чтобы всем нам быть одним телом.

2. Таким образом, и Составивший нас один, и то, во что Он составил нас, едино. И не сказал (апостол): чтобы мы принадлежали одному телу, но: *ми вси во едино тело:* он всегда старается употреблять самые точные выражения. Хорошо также сказал: *мы вси,* включив и себя самого. И я, апостол, не имею, говорит, перед тобой никакого преимущества в этом отношении; и ты тело так, как я, и я так, как ты, и все мы имеем одну и ту же Главу и родились одинаковым рождением, потому и составляем одно и то же тело. Но что я указываю, говорит, на иудеев? И язычников, которые были так далеки от нас, Бог привел в состав единого тела. Потому, сказав: *мы вси,* он не останавливается на этом, но прибавляет: *аще Иудеи, аще Еллини, или раби, или свободни.* Если же мы, бывшие прежде столь далекими друг от друга, соединились и стали едины, то тем более после соединения нам не следует скорбеть и унывать, так как уже нет места различию. Если Он удостоил одного и того же и язычников и иудеев, и рабов и свободных, то, удостоив, станет ли разделять нас, тогда как самое сообщение дарований служит к совершеннейшему единению? *И вси единем Духом напоихомся. Ибо тело несть един уд, но мнози* (ст. 14). То есть все мы приступаем к одному и тому же таинству, вкушаем от одной и той же трапезы. Почему же он не сказал: мы питаемся одним и тем же телом и пьем одну и ту же кровь? Потому что, наименовав Духа, он означил то и другое, и кровь и плоть; через то и другое мы напояемся единым Духом. Впрочем, мне кажется, что он говорит здесь о том наитии Духа, которое совершается над нами при крещении, еще прежде таинства причащения. *Напоихомся* – сказал он потому, что это переносное выражение весьма прилично настоящему предмету, как будто бы он говорил о растениях и саде, что все дерева орошаются од-

ним и тем же источником, одной и той же водой. Так точно и мы все, говорит, напояемся одним и тем же Духом, сподобляемся одной и той же благодати. Итак, если единый Дух составил нас, и в едино тело соединил всех нас, – а это означают слова: *во едино тело крестихомся,* – и одну трапезу даровал, и одно и то же орошение сообщил всем, – а это означают слова: *единым Духом напоихомся,* – и столь далеких между собой соединил вместе и многие только тогда составляют тело, когда становятся едино, то о каком твердишь ты различии? Если же скажешь, что членов много и они различны, то знай, что это самое и удивительно и составляет особенность тела, а именно, что в нем многое и различное составляет одно; а если бы не было множества, то не было бы так удивительно и чудно, что тело одно; или лучше, тогда не было бы и тела. Впрочем, это (апостол) объясняет после, а теперь пока обращается к самим членам и говорит: *аще речет нога, яко несмь рука, несмь от тела, еда сего ради несть от тела? И аще речет ухо, яко несмь око, несмь от тела, еда сего ради несть от тела* (ст. 15, 16)? Если бы то, что один меньше, а другой больше, препятствовало входить в состав тела, то не стало бы и всего тела. Потому не говори: я не тело, потому что я меньше других; и нога занимает низшее место, но и она в составе тела. Быть или не, быть в составе тела зависит не от положения в том или другом месте, – это производит только различие в месте, – но от слития или раздела; быть или не быть телом зависит от соединения с ним или несоединения. И заметь мудрость (Павла), с какой он представляет наши члены произносящими эти слова. Как выше он говорил: *сия преобразих на себе и Аполлоса* (IV, 6), так и здесь, чтобы сделать речь свою еще более кроткой и удобоприемлемой, представляет говорящими сами члены, чтобы (читатели), слыша ответ себе от самой природы, обличаясь самим опытом и общим здравым смыслом, не могли более противоречить. Хотя бы, говорит, и вы говорили то же самое и сколько бы ни возражали, вы не можете быть вне тела, потому что как закон природы, так и еще более сила благодати все соблюдает и сохраняет. И смотри, как он избегает излишества: говорит не о всех членах, а только о двух, и притом крайних, о самом высшем – глазе, и самом низшем – ногах. Кроме

того представляет ногу говорящей не с глазом, но с рукой, которая немного выше ее, а ухо – с глазом. Как мы обыкновенно завидуем не тем, которые слишком превосходят нас, а тем, которые немного выше нас, так и он делает свое сравнение. *Аще же все тело око, где слух? Аще же все слух, где ухание* (ст. 17)? Так как он указал на различие членов, упомянул о ногах, руках, глазах и ушах и тем подал мысль о низшем и высшем достоинстве, то, смотри, как опять утешает и показывает, что это полезно, что от того преимущественно и бывает тело телом, что члены у него многие и различные. Если бы они все были одно, то и не составили бы тела; потому он и говорит: *аще ли быша вси един уд, где тело?* Впрочем, это говорит он после; а теперь выражает нечто еще большее, именно, что в таком случае не только не было бы тела, но не было бы и прочих членов: *аще все слух*, говорит, *где ухание?*

3. Далее, так как (слушатели) еще могли смущаться, он и здесь делает то же, что сделал выше. Как там, утешив указанием на пользу, совершенно заградил им уста, сказав: *вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя особо коемуждо, якоже хощет,* так и здесь, доказав, что все устроено так с пользой, он опять приписывает все воле Божией и говорит: *ныне же положи Бог уды, единаго коегождо их в телеси, якоже изволи* (ст. 18). Как о Духе сказал: *якоже хощет,* так и здесь: *якоже изволи.* Поэтому не спрашивай, почему так и почему не так. Хотя бы мы могли представить тысячи причин, мы ничем не можем столько же сильно доказать, что это хорошо, сколько словами: как восхотел высочайший Художник, так и сделалось, потому что Он хочет так, как полезно. Если же не должно быть слишком пытливым касательно членов в нашем теле, то тем более – в Церкви. И заметь мудрость (апостола): он указывает не на различие членов по природе или по деятельности, а на различие по местному положению: *ныне же,* говорит, *положи Бог уды, единаго коегождо их в телеси, якоже изволи.* Хорошо он сказал: *коегождо,* выразив пользу всех их. Ты не можешь сказать, что такой-то член устроил Господь, а такой-то нет; но каждый поставлен так по Его воле; и ноге полезно быть на таком именно месте, а не одной только голове; и если бы (какой-нибудь член) переменил положение, оставил свое место и перешел на дру-

гое, то хотя, по-видимому, занял бы лучшее место, но погубил бы и расстроил все; он потерял бы свое место и не достигнул бы чужого. *Аще ли быша вси един уд, где тело? Ныне же мнози убо удове, едино же тело* (ст. 19, 20). Довольно заградив уста указанием на распоряжение Божие, он опять представляет суждения; вообще он не употребляет постоянно того или другого, но меняет и разнообразит речь свою. Кто только заграждает уста, тот смущает слушателя; а кто приучает его требовать на все объяснения, тот вредит его вере. Потому Павел постоянно делает то и другое, чтобы они и не ослабевали в вере и не смущались; заградив уста, опять предлагает объяснение. И посмотри на его искусство в состязании и превосходство его победы: из чего они заключали о неравенстве чести, – то есть что между ними было большое различие, – из того самого он доказывает, что они имеют равную честь. А как? Вот как: *аще ли быша*, говорит, *вси един уд, где тело?* Смысл этих слов следующий: если бы не было между вами великого различия, то вы не были бы телом; не будучи телом, вы не были бы едины; а не будучи едины, вы не имели бы равной чести; если бы вы все имели равную честь, то не были бы телом; не будучи телом, вы не были бы едины; а не будучи едины, как вы имели бы равную честь? Теперь же, так как вы все имеете не одно дарование, то и составляете тело; а будучи телом, вы все составляете едино и ничем не различаетесь друг от друга в том отношении, что составляете тело. Следовательно, это именно различие и производит равенство чести. Потому он и присовокупляет: *ныне же мнози убо удове, едино же тело.* Представляя себе это, оставим и мы всякую зависть; не будем ни завидовать тем, которые имеют больше дарований, ни презирать тех, которые имеют меньше. Так угодно было Богу; не будем же противиться. Если же ты еще смущаешься, то подумай, что другой часто не в состоянии исполнить твоего дела, и потому хотя ты меньше его, но в этом отношении превосходишь его; а он хотя и больше тебя, но в этом отношении меньше, и, таким образом, вы равны. И в теле члены, по-видимому, маловажные совершают немаловажные действия, но часто причиняют погибель и важным, если будут отделены от них. Что например, в теле маловажнее волос? Но если уничтожишь их на

бровях и ресницах, то отнимешь все благообразие у лица, и глаз уже не будет так красив; хотя потеря не важная, но от нее теряется все благообразие, и не только благообразие, но в большой степени и употребление глаз. Члены наши имеют каждый и свою частную деятельность и общую; равно и красота их есть и частная и общая; и тогда как они по-видимому разделены между собой, на самом деле тесно соединены, так что с одного повреждается и другой. Смотри: пусть будут у кого-нибудь глаза светлые, щеки улыбающиеся, уста розовые, нос прямой, брови стройные; но если повредишь что-нибудь из этого, то исказишь общую красоту всего; все будет безобразным, и казавшееся прежде прекрасным представится отвратительным. Если, например, исказишь только край носа, то во всем произведешь великое безобразие, хотя искажен один только член; и с рукой, если оторвешь хотя ноготь одного пальца, произойдет то же самое.

4. А если желаешь видеть это на деятельности (членов), то отними один палец, и увидишь, что и прочие будут менее деятельны и не так будут исполнять свое назначение. Если же повреждение члена есть общее безобразие и сохранение есть общая красота, то не будем превозноситься и завидовать ближним. Важный член бывает красив и благообразен через член маловажный, и глаз украшается бровями; потому тот воюет против самого себя, кто воюет против брата, потому что не только ему вредит, но немалый ущерб наносит и себе самому. Итак, чтобы этого не было, будем заботиться как о себе самих, так и о ближних; подобие тела приложим и ныне к Церкви и будем пещись о всех, как о собственных членах. И в Церкви есть многие и различные члены, и одни из них важнее, другие маловажнее; так, есть лики девственниц, есть общества вдовиц, есть братства сияющих в целомудренном браке, и много степеней добродетели. Так же и в делах милосердия: один раздает все, другие довольствуются только необходимым и сверх того ничего не ищут, иные подают от избытка; но все они взаимно украшают друг друга. Если больший станет унижать меньшего, то всего больше повредит себе самому; так, если дева станет поносить брачную, то немало потеряет мзды своей; и раздавший все, если станет поносить не сделавшего этого, много потеряет заслуг своих.

Но что я говорю о девах, вдовицах и людях нестяжательных? Что уничиженнее просящих милостыни? Однако и они приносят в Церкви великую пользу, находясь постоянно при дверях храма и составляя великое украшение, так что без них не была бы совершенна полнота Церкви. Это видели и апостолы, и потому в самом начале постановили правила как о всем прочем, так и о вдовицах, и прилагали о них такое попечение, что поставили (для служения) им семь диаконов. Когда я исчисляю членов Церкви, то, называя епископов, пресвитеров, диаконов, девственниц и воздержных, называю также и вдовиц, потому что и они исполняют немаловажную службу. Ты приходишь (в церковь), когда захочешь; а они день и ночь здесь присутствуют и поют, делая это не для одной только милостыни, потому что если бы они только этого хотели, то могли бы ходить на торжище и просить на перекрестках; но они имеют немало и благочестия. Посмотри, в какой они печи бедности, и между тем ты не услышишь, чтобы они когда-нибудь роптали, или выражали огорчение, как делают многие из богатых; иные из них часто засыпают голодные, другие постоянно зябнут от холода, и, однако, проводят жизнь в благодарении и славословии. Подашь ли им овол, они благодарят и высказывают подавшему тысячи благожеланий; не дашь ли ничего, они не огорчаются, но и тогда благославляют и сохраняют любовь, довольствуясь насущным пропитанием. Но, скажешь, они терпят по необходимости, хотя бы и не хотели этого. Почему так, скажи мне? Для чего произнес ты эти горькие слова? Разве нет постыдных ремесл, прибыльных для стариков и для старух? Разве они не могли бы, если бы не хотели вести честную жизнь, получать и оттуда пропитание с великим избытком? Разве не видишь, сколько в этом возрасте людей, развращающих и споспешествующих разврату, или имеющих другие подобные занятия, которые доставляют им пропитание и даже роскошь? Но они не таковы, а готовы скорее умереть с голоду, нежели посрамить свою жизнь и потерять спасение; они сидят целый день, предлагая тебе средство к спасению. Не так успешно врач, простирая руку и прилагая железо, очищает гнилые раны, как нищий, протягивая руку и получая милостыню, изглаж-

дает струпы язв; и, что особенно удивительно, он без боли и страданий совершает это превосходное врачевание. Не менее нас, сидящих перед народом и поучающих вас полезному, поучает и он своим молчанием и видом, сидя у дверей церковных. Мы каждый день внушаем вам: не высокомудрствуй, человек; скоротечно и непостоянно естество человеческое; юность спешит обратиться в старость, красота в безобразие, сила в немощь, честь в бесчестье, здоровье в болезнь, слава в посрамление, богатство в бедность; все наше подобно быстрому потоку, который не может нигде остановиться, но быстро стремится вниз.

5. То же самое и еще больше того внушают и они своим видом и примером, и внушение их есть самое ясное. Сколько из сидящих теперь вне (храма) красовались в юности и совершали великие дела? Сколько из этих безобразных превосходили многих и крепостью тела и красотой лица? Не сомневайтесь и не смейтесь: жизнь исполнена множества таких примеров. Если многие из бедных и низких часто делались царями, то что удивительного, если иные из великих и славных стали низкими и бедными? Первое гораздо более удивительно, а последнее весьма обыкновенно. Потому следует не сомневаться в том, что некоторые из них отличались искусствами, воинскими делами или богатством, но жалеть о них с великим состраданием и опасаться самим за себя, чтобы и нам не потерпеть когда-нибудь того же; ведь и мы – люди и подлежим той же скоротечной перемене. Но, может быть, кто-нибудь из неразумных и склонных к смешливости станет недоумевать и смеяться над вами и скажет: когда ты перестанешь говорить о бедных и нищих, предсказывать нам несчастья, проповедовать нищету и стараться сделать нас нищими? Нет, не нищими стараюсь я сделать вас, когда говорю это; но стараюсь доставить вам небесное богатство, подобно как напоминающий здоровому о больных и описывающий их страдания говорит это не для того, чтобы сделать его больным, но чтобы сохранить его здоровье и страхом их несчастий предохранить его от беспечности. Для вас бедность кажется чем-то страшным и ужасным даже по одному названию; но потому мы и бедны, что боимся бедности, хотя бы имели тысячи талантов. Не тот беден,

кто не имеет ничего, но тот, кто страшится бедности, подобно как и между несчастными мы оплакиваем и называем жалкими не тех, которые терпят великие бедствия, но тех, которые не умеют переносить даже невеликих; напротив, кто умеет переносить их, тот достоин похвал и венцов. А что это так, скажи, кого мы хвалим из ратоборствующих: тех ли, которые, получая множество ударов, не унывают и стоят с поднятой головой, или тех, которые обращаются в бегство при первых ударах? Не тех ли мы увенчиваем, как доблестных и мужественных, а над этими не смеемся ли, как над робкими и трусливыми? Так же будем поступать и в делах житейских: того, кто переносит все легко, подобно мужественному и все претерпевшему подвижнику (Иову), будем увенчивать, а того, кто трепещет и боится несчастий и еще прежде, нежели получит удар, умирает от страха, будем оплакивать. И в ратоборствах, если кто прежде, нежели поднимет свою руку, и едва только увидит поднятую руку противника, обращается в бегство, хотя еще не получил удара, то такой подвергается осмеянию, как слабый, изнеженный и неискусный в подобных подвигах. То же самое бывает и с теми, которые боятся бедности и не могут вынести даже одного ее ожидания. Следовательно, не мы делаем вас несчастными, а вы сами себя. Как не посмеяться над тобой диаволу, когда он видит, что ты еще прежде удара боишься опасности и трепещешь? Или, лучше сказать, если для тебя так страшно опасение, то он даже не почтет нужным поражать тебя, но, предоставив обладать богатством, одним опасением потерять его сделает тебя мягче всякого воска. Мы, так сказать, уж от природы таковы, что, испытав что-нибудь, чего боимся, потом считаем это не так страшным, как раньше, до опыта. Потому, чтобы ты не приобрел и этой добродетели, диавол держит тебя в сильном страхе, истощая тебя, как воск на огне, опасением бедности прежде, нежели ты испытаешь ее на деле. Подлинно, мягче всякого воска и несчастнее по жизни самого Каина тот, кто боится за то, что приобрел любостяжанием, скорбит о том, чего не имеет, и трясется над тем, что имеет, заключив у себя богатство, как неблагодарного раба, и сам будучи осаждаем разнообразными и постыдными страстями. Постыдное пожелание, разнообразный

страх, беспокойство и трепет обуревают его со всех сторон, и он уподобляется кораблю, отовсюду гонимому противными ветрами и подвергающемуся частым треволнениям. Гораздо лучше было бы такому человеку умереть, нежели терпеть непрестанную бурю, подобно как и Каину лучше было бы умереть, нежели непрестанно трепетать.

Итак, чтобы и нам не потерпеть того же, будем противиться козням диавола, расторгать его сети, притуплять острие тяжкого копья его и заграждать ему всякий доступ к нам. Если ты будешь презирать любостяжание, то он не будет иметь места, где бы поразить тебя, не будет иметь возможности приступить к тебе, потому что ты исторгнул корень зла; а когда нет корня, то не произрастет и дурной плод. Мы постоянно говорим и не перестанем говорить это; а имеют ли слова наши какой-нибудь успех, это покажет тот день, который откроется огнем, обнажит дела каждого и обнаружит, у кого светильники светлы и у кого не таковы. Тогда откроется, у кого есть елей и у кого нет. Впрочем, да не останется никто тогда чуждым этого утешения, но да окажутся все богатыми человеколюбием и, имея светлые светильники, пойдут вместе с Женихом! Нет ничего страшнее и прискорбнее слов, которые услышат тогда от Жениха отходящие отсюда без щедрой милостыни: *не вем вас* (Мф. XXV, 12). Да не услышим мы этого, но да услышим сладчайшие и вожделеннейшие слова: *приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (Мф. XXV, 34). Таким образом мы станем жить блаженной жизнью и удостоимся всех благ, превосходящих самый ум человеческий, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXI

Не может же око рещи руце: не требе ми еси; или паки глава ногам: не требе ми есте (1 Кор. XII, 21)

1. Обличив зависть низших и уничтожив скорбь их, которую они могли иметь от того, что другие удостоились больших дарований, (апостол) смиряет теперь гордость

тех, которые получили больше. Он делал это и прежде, когда беседовал с первыми, именно когда внушал, что дарование есть дар, а не заслуга; но теперь делает то же с большей силой, продолжая то же сравнение. От тела и его единства он переходит к сравнению между собой самих членов, что особенно нужно было знать им (коринфянам), так как не столько могло утешать их то, что все они составляют одно тело, сколько убеждение в том, что и при тех дарах, которые получены ими, они нисколько не унижены. *Не может же*, говорит он, *око рещи руце: не требе ми еси; или паки глава ногам: не требе ми есте.* И меньшее дарование также необходимо; как без великого был бы большой недостаток, так и без малого нарушилась бы полнота Церкви. Не сказал: не речет, но: *не может рещи*, то есть хотя бы оно и захотело, хотя бы и сказало, однако это невозможно по самому существу дела. Потому он берет два крайние члена и на них останавливает речь свою, именно приводит в пример, во-первых, руку и глаз, а во-вторых, голову и ноги. В самом деле, что маловажнее ноги, или что почтеннее и необходимее головы? Голова особенно и составляет человека. Однако, и она сама по себе недостаточна и не может одна совершать всего: иначе нам напрасно даны ноги. Не останавливаясь на этом, (апостол) показывает еще иное преимущество (низших), как он всегда делает, стараясь доказать не только равенство, но простираясь еще далее. Потому и присовокупляет: *но много паче мнящиися уди тела немощнейши быти, нужнейши суть. И ихже мним безчестнейших быти тела, сим честь множайшу прилагаем. И неблагообразнии наши благообразие множайше имут* (ст. 22–24). Он непрерывно приводит в пример тело и таким образом утешает одного и смиряет другого. Я утверждаю, говорит он, что важнейшие члены не только имеют нужду в низших, но и великую нужду, так как что у нас слабо и менее благородно, то и необходимо и пользуется большим пепечением. Хорошо он сказал: *мнящиися*, и: *ихже мним*, выражая, что такое положение основывается не на существе вещей, а на мнении людей. У нас нет ничего бесчестного, потому что все – от Бога. Что у нас, по-видимому, неблагороднее детородных членов? Но им оказывается еще большее попечение: самые бедные люди, хотя бы оставляли нагими все прочие части

тела, не позволяют себе обнажать этих членов; а с бесчестными вещами поступают не так, но надлежало бы презирать их более всего другого. Бесчестный раб в доме не только не пользуется большим попечением, но не удостаивается и одинакового с другими. Следовательно, если бы и эти члены были неблагородными, то не только большего не следовало бы оказывать им попечения, но и равного с другими; а теперь о них более прилагается попечения, и это по действию премудрости Божией. Бог устроил так, что одни члены от природы ни в чем не имеют нужды, а другим мы должны доставлять то, чего не дано им от природы; и однако они от того не бесчестны, подобно как животные, по природе своей, большей частью ни в чем не имеют нужды, ни в одежде, ни в обуви, ни в крове, и однако наше тело не бесчестнее их тела потому, что имеет нужду во всем этом. Подлинно, если рассмотреть внимательно, то эти (члены) и по самой природе своей почтенны и необходимы, на что намекает и сам (апостол), произнося свое суждение о них не на основании нашего внимания и большего о них попечения, но на основании самого существа вещей; называя их слабыми и менее благородными, он говорит: *мнящиися быти;* а называя их необходимыми, не прибавляет: *мнящиися,* но произносит собственное суждение и говорит, что они *нужнейши суть;* и весьма справедливо. Они действительно необходимы для рождения детей и продолжения нашего рода. Потому и римские законодатели полагают наказание тем, которые искажают эти члены и делают себя скопцами, как людям, причиняющим вред всему роду человеческому и искажающим самую природу. Но да погибнут люди развращенные, подвергающие порицанию дела Божии! Как вино многие проклинают из-за пьяниц и женский пол из-за блудниц, так и эти члены почитаются постыдными из-за тех, которые употребляют их не по-надлежащему. Но не должно (судить) так; грех зависит не от существа вещи, а происходит от произвола совершающих преступление. Впрочем, некоторые думают, что Павел называет здесь членами слабейшими и менее благородными, нежнейшими и пользующимися большим попечением – глаза и ноги, именно, под членами слабейшими и нужнейшими разумеет глаза, так как они, хотя

слабее силой, но превосходнее по употреблению, а под членами менее благородными разумеет ноги, о которых также прилагается много попечения.

2. Далее, чтобы не было преувеличения с другой стороны, он говорит: *а благообразнии наши не требе имут* (ст. 24). Чтобы кто не сказал: как, неужели члены благородные нужно оставлять в пренебрежении, а о менее благородных заботиться? – он говорит: мы делаем это не из пренебрежения к ним, но потому, что они не имеют в том нужды. И заметь, как он кратко выразил похвалу им и потом перешел к дальнейшему, поступив в этом случае и прилично и полезно. Не останавливаясь на этом, он присовокупляет и причину: *но Бог,* говорит, *раствори тела, худейшему большу дав честь, да не будет распри в телеси* (ст. 25). Если же Бог растворил тело, то не оставил возможности различать в нем менее благородное, потому что растворенное делается единым, так что уже не видно, чем оно было прежде, – иначе о нем нельзя было бы сказать, что оно растворено. И смотри, как он везде только слегка упоминает о недостатках, выражаясь: *худейшему.* Не сказал: бесчестному или постыдному, но: *худейшему.* Отчего худейшему? От природы. *Большу дав честь.* Для чего? *Да не будет распри в телеси.* Так как (коринфяне), получив множество утешений, еще скорбели о том, что получили меньше, то (апостол) доказывает, что они, напротив, получили большую честь: *худейшему,* говорит, *большу дав честь;* а потом приводит причину, показывая, что (Бог) с пользой и даровал меньше, и почтил больше. Какая же это причина? *Да не будет,* говорит, *распри в телеси;* не сказал: в членах, но: *в телеси.* Подлинно было бы великое неравенство, если бы одни члены и от природы, и от нас пользовались большим попечением, а другие не имели бы этого ни с той, ни с другой стороны; тогда они распались бы, не имея возможности сохранять союз между собой; а если бы одни отпали, то и прочие потерпели бы вред. Видишь ли, как он доказал, что менее совершенным членам необходимо было дать более чести? Если бы было не так, то погибли бы, говорит, все вообще. Подлинно, если бы вы не прилагали о них великого попечения, то они, не будучи предохраняемы от природы, повредились бы, повредившись, разрушились бы, разрушившись,

разделили бы тело на части, а по разделении тела погибли бы и прочие, гораздо важнейшие члены. Видишь ли, как с попечением о тех соединено попечение и об этих? Члены имеют основание своего бытия не столько в собственной природе, сколько в том, что составляют одно тело: потому если разрушится тело, то не будет никакой пользы от целости каждого из них порознь; глаз ли останется целым, или нос сохранится, по расторжении союза не будет от того никакой пользы; а если союз сохраняется, то они, хотя бы и повредились, однако держатся и скоро выздоравливают. Но, может быть, кто-нибудь скажет: о теле точно можно сказать, что менее совершенные члены получили более чести; но как это можно видеть между людьми? Между людьми тем более можно видеть это. Так, пришедшие в одиннадцатый час первые получили награду; для заблудшей овцы пастырь оставил девяносто девять других, пошел за ней и найдя нес, а не гнал ее; блудный сын удостоился большего попечения, нежели ведший себя честно; разбойник был увенчан и прославлен прежде апостолов. То же можно видеть и (в притче) о талантах: получивший пять талантов и получивший два удостоились одного и того же, и то самое, что последний получил два таланта, служит знаком большего о нем попечения; если бы ему дано было пять, то он, не будучи в состоянии приумножить их, лишился бы всего; а получив два и исполнив свое дело, он удостоился того же, чего и приобретший пять талантов, приобретя тем больше его, чем за меньшие труды сподобился тех же венцов. Хотя он был такой же человек, как и получивший пять талантов, однако Владыка не истязает его, не принуждает его трудиться столько же, сколько подобный ему раб, и не говорит: почему ты не мог приобрести пять талантов? Он мог бы сказать это по справедливости; между тем увенчал и его. Итак, зная это, высшие не притесняйте низших, чтобы прежде них вам самим не потерпеть вреда; ведь если они отделятся, то разрушится и все тело. Что такое тело, если не соединение многих членов, как и апостол говорит: *тело несть един уд, но мнози?* Потому, если таково есть тело, то будем стараться, чтобы многое оставалось многим; а когда этого не будет соблюдено, то откроется смертельная рана. И апостол требу-

ет не того только, чтобы мы не отделялись друг от друга, но чтобы самым тесным образом были соединены. Именно, сказав: *да не будет распри в телеси*, он не удовольствовался этим, но прибавил: *да тожде в себе пекутся уди*, представив здесь другую причину, почему о низших членах прилагается более попечения. Бог устроил так не только для того, чтобы члены не отделялись друг от друга, но и для того, чтобы между ними были великая любовь и согласие. Если каждый должен заботиться о спасении ближнего, то не говори мне о низшем и высшем; здесь нет высшего и низшего. Различие (членов) можно видеть только тогда, когда тело остается целым; когда же оно разрушается, то нельзя; а оно разрушается, если нет и низших (членов).

3. Итак, если с повреждением маловажных членов повреждаются и важные, то последние должны заботиться о маловажных столько же, сколько о самих себе, так как от сохранения их зависит сохранение и важных. Потому, хотя бы ты тысячу раз твердил, что такой-то член маловажен и ничтожен, но если не будешь пещись о нем столько же, сколько о самом себе, и станешь нерадеть о нем, как о маловажном, то вред падет на тебя же. Поэтому (апостол) не сказал: чтобы только члены заботились друг о друге, но присовокупил: *да тожде в себе пекутся*, то есть чтобы маловажный член пользовался точно таким же попечением, как и важный. Не говори же, что такой-то член не важен, но помни, что он член того же тела, которое содержит в себе все; как глаз, так и всякий другой (член), делают тело телом. В составе тела ни один (член) не имеет преимущества перед другим; и не то составляет тело, что в нем иной (член) важнее, а иной маловажнее, но то, что в нем много (членов) и притом различных. Как ты, будучи больше, составляешь тело, так и другой, будучи меньше; следовательно, малость его, в отношении к составу тела, равночестна с тобой: этому прекрасному целому он способствует так же, как и ты. Это видно из следующего: пусть не будет члена важного и неважного, благородного и неблагородного, но пусть будет все глазом или все головой: не погибнет ли тело? Для всякого очевидно. Опять, если бы все были неважными, то произошло бы то же самое. Так в этом отношении маловажные

члены равны (важнейшим). Можно сказать еще более: маловажный (член) для того именно и есть маловажный, чтобы было тело, так что он для тебя же остается маловажным, чтобы ты оставался важным. Потому (апостол) и требует одинакового о всех попечения: *да тожде*, говорит, *в себе пекутся уди*, и опять то же самое объясняет в следующих словах: *и аще страждет един уд, с ним страждут вси уди: аще же славится един уд, с ним радуются вси уди* (ст. 26). Для того, говорит, (Бог) установил взаимное попечение друг о друге, устроив единство в таком разнообразии, чтобы и все случающееся было общим для многих. Если от попечения о ближнем зависит общее спасение, то необходимо, чтобы и слава и скорбь были общими. Таким образом, (апостол) предлагает здесь три заповеди: не разделяться, но быть в тесном единении, иметь равное попечение друг о друге, считать все случающееся общим. Выше он говорил, что менее совершенному (члену Бог) предоставил большую честь, как имеющему в том нужду, показывая, что само несовершенство дает право на большую честь; а здесь говорит, что (члены) равны и по взаимному попечению друг о друге. Для того, говорит, (Бог низшим членам) и предоставил большую честь, чтобы они пользовались не меньшим попечением; но не в этом только, а и во всем случающемся, как приятном, так и неприятном, члены взаимно связаны между собой. Часто, когда в пяту вонзится терн, все тело чувствует боль и тревожится, спина сгибается, желудок и бедра сжимаются, руки, как оруженосцы и слуги, простираются вперед и вынимают занозу, голова наклоняется, и глаза наблюдают с великой заботой. Таким образом, хотя нога и низший (член) и не может подняться выше, однако она наклоняет голову и через то равняется ей и получает одинаковую честь, тем более что ноги заставляют ее наклоняться не по милости, а по долгу; следовательно она, имея перед ними преимущество, как более важный (член), при всем том, будучи обязана менее важным воздавать честь и попечение и одинаково страдая с ними, выражает великое с ними равенство. Что в самом деле ниже пяты и что важнее головы? Между тем последняя наклоняется к первой и вместе с собой наклоняет все члены. Опять, когда болят глаза, тогда и все (члены)

страждут, все впадают в бездействие, ноги не ходят, руки не работают, желудок не принимает обыкновенной пищи, хотя болезнь в глазах. Почему тогда ты умащаешь желудок? Почему покрываешь ноги? Почему обвязываешь руки? Потому, что они находятся в связи с глазами и все тело невыразимо страдает вместе с ними. Если бы они не страдали вместе, то не нужно было бы и общего о них попечения. Поэтому (апостол), сказав: *да тожде в себе пекутся уди,* присовокупил: *аще страждет един уд, с ним страждут вси уди: аще ли же славится един уд, с ним радуются вси уди.* Как, спросишь, они сорадуются? Увенчивается голова, — и весь человек прославляется; говорят уста, — и глаза блестят радостью и весельем, хотя хвала не глазам, а языку. Так же, когда прекрасны глаза, тогда жена вся кажется прекрасной; когда восхваляется прямой нос, правильная шея и другие члены, тогда и глаза сияют; опять же они изобильно плачут, когда те (члены) подвергаются болезням и несчастьям, хотя сами остаются невредимыми.

4. Итак, помня это, будем все мы подражать любви этих членов и не поступать противно тому, не станем смеяться над бедствиями ближнего и завидовать его счастью: ведь это свойственно безумным и сумасшедшим. Кто вырывает глаз, тот представляет величайшее доказательство безумия, и кто грызет руку, тот ясно уличает себя в сумасшествии. Если же это так в отношении к членам (телесным), то равным образом и в отношении к братьям такие действия обличают безумие и причиняют немалый вред. В самом деле, доколе он блистал, дотоле сохраняется и твое благообразие и красуется все тело; его красота относится не к нему только, но и тебе доставляет честь; если же ты угасишь его, то навлечешь на все тело общую тьму и подвергнешь все члены несчастью; наоборот, если сохранишь светлым, то сохранишь красоту всего тела. Никто не говорит: прекрасен глаз, — но что? Такая-то прекрасна; если же хвалят и его, то хвалят уже после общей похвалы. Так бывает и в Церкви: когда отличаются некоторые, тогда и общество приобретает добрую славу. Враги не разделяют похвал, но совокупно относят (их ко всем); отличается ли кто-нибудь даром красноречия, они хвалят не его только, но и всю Церковь. Не говорят: такой-то достоин удивления, — но что? Христиане имеют учителя, достой-

ного удивления; и это сокровище делают общим. Так, язычники соединяют, а ты разделяешь, враждуешь против собственного тела и восстаешь против собственных членов. Разве не знаешь, что через это низвращается все? *Царство,* говорит (Господь), *разделшееся на ся не станет* (Мф. XII, 25).

Ничто так не разделяет и не расторгает, как ненависть и зависть, эта тяжкая болезнь, недостойная никакого прощения и в некотором отношении худшая самого корня зол. Сребролюбец радуется тогда, когда сам получает; а завистливый радуется не тогда, когда сам получает, а когда не получает другой, считает благополучием для себя не собственное благоденствие, а несчастье других, есть как бы общий враг человеческой природы и мучитель Христовых членов. Что же может быть безумнее? Бес завидует людям, а отнюдь не другому бесу; а ты, человек, завидуешь человеку, восстаешь против единоплеменного и однородного тебе, чего не делает и бес! Какое будет тебе прощение, какое оправдание, когда ты, видя брата своего благоденствующим, дрожишь и бледнеешь, тогда как надлежало бы хвалиться, радоваться и восхищаться? Если же ты хочешь соревновать ему, я не запрещаю: соревнуй, но так, чтобы тебе сделаться подобным ему в доброй славе, не с тем, чтобы унизить его, но чтобы и тебе достигнуть той же высоты и явить такую же добродетель. Вот доброе соревнование: подражать, а не враждовать, не скорбеть о совершенствах другого, а сокрушаться о собственных недостатках. Но зависть поступает напротив: не заботясь о своих недостатках, она мучится совершенствами других. Не столько бедный огорчается своей бедностью, сколько завистливый благополучием ближнего; что может быть гнуснее этого? Потому он, как я выше сказал, даже хуже корыстолюбивого; этот радуется, когда сам получает, а тот веселится, когда другой не получает. Итак, увещеваю вас, оставьте этот злой путь и обратитесь к доброй ревности, — а такая ревность сильна и горячее всякого огня, — и вы получите отсюда великие блага. Так и Павел, обращая к вере иудеев, говорил: *аще како раздражу мою плоть, и спасу некия от них* (Рим. XI, 14). Кто так ревнует, как он желал, тот сокрушается не тогда, когда видит другого с доброй славой, но когда видит себя отставшим. А завистливый

не так: он сокрушается, когда видит преуспевание другого и, подобно какому-нибудь трутню, повреждающему чужие труды, сам отнюдь не старается встать, а плачет, когда видит другого стоящим, и делает все, чтобы низвергнуть его. Чему же можно уподобить эту страсть? Она, мне кажется, подобна ленивому и утучневшему ослу, который, будучи запряжен вместе с быстрым конем, и сам не хочет встать, и коня тяжестью своего тела старается притянуть. Так и он (завистливый) нисколько не думает и не старается о том, чтобы освободиться от этого глубокого сна, а все делает для того, чтобы зацепить и низвергнуть другого, парящего к небу, делаясь верным подражателем диавола. И диавол, видя человека в раю, старался не себя исправить, а его лишить рая; и опять, видя его пребывающим на небе и других стремящимися туда же, он также старается помешать тем, которые спешат туда, и таким образом уготовляет себе самому жесточайшую печь. Так бывает и всегда: кому завидуют, тот, если будет бдителен, еще более прославляется; а завидующий навлекает на себя самого более зол. Так прославился Иосиф; так Аарон священник; козни завидующих произвели то, что сам Бог и раз и другой изрек о нем определение свое и устроил то, что прозяб жезл его; так Иаков достиг великого благоденствия и всего прочего; так-то завистники сами себя подвергали бесчисленным бедствиям! Зная все это, будем избегать зависти. И чему, скажи мне, ты завидуешь? Тому ли, что брат твой получил духовное дарование? Но от кого он получил, скажи мне, не от Бога ли? Значит, ты враждуешь против Того, Кто даровал ему. Видишь ли, до чего простирается зло, до какой степени греха восходит оно и какую изрывает бездну наказания! Будем же, возлюбленные, избегать этой страсти, не станем завидовать, но будем молиться о самих завидующих и употреблять все меры к тому, чтобы погасить в них эту страсть. Не станем поступать подобно тем неразумным, которые, желая наказать других, употребляют все меры, чтобы возжечь пламень себе самим. Напротив, будем проливать слезы и оплакивать их. Они казнят сами себя, нося в себе червя, который непрестанно пожирает их сердце, и открывая источник яда, который горче всякой желчи. Будем же молить человеколюбивого

Бога, чтобы Он и в них истребил страсть, и нам не попустил впасть в болезнь. Небо недоступно для того, кто заражен этой язвой, и еще прежде неба сама настоящая жизнь делается для него несносной. Не так моль и червь съедают волну и дерево, как горячка зависти съедает кости завистников и отравляет здоровье души. Потому, чтобы нам и себя и других избавить от бесчисленных зол, удалим от себя эту злую горячку, которая хуже всякой язвы, чтобы, получив духовную силу, мы могли и совершить подвиг настоящей жизни, и достигнуть будущих венцов, которых и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXII

Вы же есте тело Христово, и уди от части (XII, 27)

1. Чтобы кто-нибудь не сказал: какое имеет отношение к нам пример тела? Ведь оно устроено так по природе, а наши совершенства зависят от воли, — (апостол) прилагает этот пример к нашим обстоятельствам и показывает, что мы по воле должны иметь такое же согласие, какое те (члены тела имеют) по природе: *вы же есте,* говорит, *тело Христово.* Если в нашем теле не должно быть несогласия, то гораздо более в теле Христовом, и тем более, чем благодать сильнее природы. *И уди от части.* Мы, говорит, не только тело, но и члены. О том и о другом он беседовал выше, совокупив многих воедино и показав, что все составляют нечто единое, по подобию тела, и что это единое слагается из многого и находится во многом, а многое в нем содержится и получает возможность быть многим. Что значит: *от части?* Сколько это касается вас, и сколько от вас зависит составлять часть. Он сказал: *тело;* а так как все тело составляла не коринфская церковь, но вселенская, то и присовокупил: *от части;* то есть ваша церковь есть часть Церкви вселенской, тела, составляемого всеми церквами, так что вы обязаны быть в мире не только друг с другом, но и со всей вселенской Церковью, если вы в самом деле члены целого тела. *И овых убо положи Бог в церкви первее апостолов, второе пророков, третие*

учителей, потом же силы, таже дарования исцелений, заступления, правления, роди языков (ст. 28). Он и теперь делает то же, о чем я сказал прежде; коринфяне превозносились даром языков, потому он везде поставляет его на последнем месте. Не напрасно он говорит здесь: *первее, второе,* но поставляет превосходнейший дар выше, а потом указывает на низший. Потому сначала он именует апостолов, которые имели в себе все дары. Не сказал просто: иных Бог поставил в Церкви апостолами или пророками, но присовокупил: *первее, второе, третие,* выражая именно то, что я сказал. *Второе пророков.* Тогда пророчествовали, например, дочери Филиппа, Агав и те из самих коринфян, о которых он говорит: *пророцы же два или трие да глаголют* (1 Кор. XIV, 29), и в послании к Тимофею: *не неради о своем даровании, еже дано тебе бысть пророчеством* (1 Тим. IV, 14).

Вообще тогда было гораздо больше пророков, нежели в Ветхом Завете, потому что этот дар был ниспосылаем не на десять, двадцать, пятьдесят или сто (человек), но обильно изливалась эта благодать, и каждая церковь имела много пророков. Если же Христос говорит: *закон и пророцы до Иоанна* (Мф. XI, 13), то говорит о тех пророках, которые предвозвещали Его пришествие. *Третие учителей.* Пророчествующий говорит все от Духа, а учащий говорит иногда и от собственного разума. Почему (апостол) и говорит: *прилежащии добре пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающиися в слове и учении* (1 Тим. V, 17). Кто говорит все от Духа, тот *не труждается;* потому (апостол) и поставил учителя после пророка, так как дело последнего всецело есть дар, а первого и труд человеческий; он (учитель) говорит многое и от себя, хотя конечно согласно с божественными Писаниями. *Потом же силы, таже дарования исцелений.* Видишь ли, как он опять отделяет дар исцелений от силы, подобно как сделал и прежде? Это потому, что сила больше исцеления. Имеющий силу и поражает и исцеляет; а имеющий дар исцелений только исцеляет. И смотри, какой точный порядок наблюдает (апостол), поставляя пророчество прежде сил и исцелений. Выше, когда говорил: *овому Духом дается слово премудрости, иному же слово разума,* он поставлял (дары) не по порядку, но говорил безразлично; а здесь ставит (одно)

выше и (другое) ниже. Почему же пророчество он поставляет выше? Потому, что и в Ветхом Завете оно занимало такое же место. Так, когда Исаия беседовал с иудеями, представлял доказательства силы Божией и обличал ничтожность демонов, то на предсказание будущего указывал как на самое большое свидетельство божественности. И Христос, сотворивший столько чудес, поставляет то же немаловажным признаком своей божественности и часто заключает свою речь так: *сие сказах вам, да егда будет, веру имете, яко аз есмь* (Ин. XIII, 19). Но положим, что по отношению к пророчеству дар исцелений справедливо занимает второе место; а почему то же и по отношению к учению? Потому, что не одинаковое дело – проповедовать учение и насаждать благочестие в душах слушателей, или совершать чудеса; и сами чудеса совершаются для научения.

2. Потому, кто учит и словом и жизнью, тот выше всех. (Павел) разумеет именно тех учителей, которые и делами учат и словом назидают. Это и апостолов сделало апостолами. Те (дары пророчества и чудотворений) сначала получили некоторые и не совсем достойные, как например, те, которые говорили: *Господи, не в твое ли имя пророчествовахом и силы многи сотворихом?* – а потом услышали: *николиже знах вас, отъидите от мене делающии беззаконие* (Мф. VII, 23). Но слово учения, и именно двойственного – делами и словами, никогда не может получить человек порочный. А что пророков он поставляет прежде, не удивляйся; он разумеет не просто пророков, но таких, которые посредством пророчества и учат и говорят все к общему назиданию, что далее он излагает яснее. *Заступления, правления.* Что такое *заступления?* То, чтобы помогать слабым. Неужели, скажи мне, и это дар? Без сомнения, это дар Божий – помогать и распоряжаться духовными предметами. Впрочем, апостол и многие из наших добродетелей называет дарами, не с тем, чтобы мы предавались беспечности, но чтобы показать, что мы всегда имеем нужду в помощи Божией, и чтобы расположить к благодарности, сделать более ревностными и возбудить их помыслы. *Роди языков.* Видишь ли, где он поставил этот дар и как он везде отводит ему последнее место? Далее, так как перечислением (даров) он опять показал великое различие и возбу-

дил болезнь тех, которые получили меньшие дары, то наконец, после того как представил множество доказательств на то, что они не слишком унижены, обращается к ним с весьма сильным обличением. Услышав выше сказанные слова, они могли сказать: почему же не все мы сделаны апостолами? Прежде он предлагал им утешение и многими доводами доказал, что это сделано по необходимости и, во-первых — примером тела: *тело,* говорит, *несть един уд,* и еще: *аще ли быша вси един уд, где тело;* во-вторых — тем, что все дается на пользу: *коемуждо,* говорит, *явление Духа дается на пользу;* в третьих — тем, что все получают от одного и того же Духа и что получаемое есть дар, а не долг: *разделения,* говорит, *дарований суть, а тойжде Дух;* в-четвертых — тем, что Дух открывается равно во всем: *коемуждо,* говорит, *явление дается Духом;* в-пятых — тем, что все это устрояется по воле Духа и Бога: *вся сия,* говорит, *действует един и тойжде Дух, разделяя особо коемуждо, якоже хощет;* и: *положи Бог уды единаго коегождо их в телеси, якоже изволи;* в-шестых — тем, что и низшие члены необходимы: *мнящиися,* говорит, *немощнейши быти, нужнейши суть;* далее — тем, что и низшие члены необходимы одинаково с высшими, так как одинаково с ними составляют тело: *тело,* говорит, *несть един уд, но мнози;* далее — тем, что и высшие члены имеют нужду в низших: *не может,* говорит, *рещи глава ногам, не требе ми есте:* потом — тем, что низшие члены пользуются большей честью: *худейшему,* говорит, *большу дав честь;* еще — тем, что они имеют общее и одинаковое попечение друг о друге: *тожде,* говорит, *в себе пекутся вси уди;* наконец — тем, что все они вместе и прославляются и страдают: *аще страждет,* говорит, *един уд, с ним страждут вси уди: аще ли же славится един уд, с ним радуются вси уди.* Такими доказательствами (апостол) прежде утешал (коринфян); а теперь употребляет слово сильное и обличительное. Не должно, как я сказал прежде, ни постоянно утешать, ни постоянно заграждать уста. Потому и он, утешив многими доводами, наконец сильно укоряет и говорит: *еда вси апостоли? еда вси пророцы? еда вси даравания имут исцелений* (ст. 29)? Не останавливается на одном или другом даре, но исчисляет все до последнего, выражая или то, что всем нельзя иметь всего, как и прежде он говорил: *аще ли быша вси един уд, где тело?* — или вместе с

тем присовокупляя к слову утешения еще нечто другое. Что же такое? То, что и меньшие (дары), подобно большим, равно должны составлять предмет стараний, потому что и они даны не всем вообще. Для чего, говорит, ты скорбишь о том, что не имеешь дара исцелений? Помысли, что имеющий большее часто не имеет того, что ты имеешь, хотя бы это было меньшее. Потому и говорит: *еда вси языки глаголют? еда вси сказуют* (ст. 30)? Как не всем Бог даровал все великие (дары), но одному такой, а другому иной, так Он поступил и с меньшими, даровав не всем все. А сделал Он это для того, чтобы внушить великое согласие и любовь, чтобы каждый, имея нужду в ближнем, теснее соединялся с братом. То же Он сделал и в художествах, и в стихиях, и в растениях, и в наших членах, и во всем вообще.

3. Далее (апостол) предлагает самое главное утешение, которое могло ободрить их и успокоить скорбящую душу. Какое же? *Ревнуйте же,* говорит, *дарований больших, и еще по превосхождению путь вам показую* (ст. 31). Этими словами он некоторым образом намекает на то, что (коринфяне) сами виновны, если получают меньшие дары, и что они, если захотят, могут получить большие. Выражением: *ревнуйте* он требует от них усердия и желания даров духовных. Не сказал: высших, но: *больших,* то есть нужнейших, полезнейших. Смысл слов его следующий: вы не переставайте желать даров, а я покажу вам путь к получению даров. Не сказал: дарование, но: *путь,* чтобы более возвысить то, о чем намеревался говорить; не один, не два, не три дара, говорит, я покажу вам, но один путь, ведущий ко всем им, и не просто *путь,* но по *превосхождению* и открытый для всех вообще. Это не то, что прочие дары, из которых одни даются тем, другие другим, а не все всем, но – дар всеобщий. Потому призывает к нему всех: *ревнуйте,* горит, *дарований больших, и еще по превосхождению путь вам показую,* – разумея любовь к ближнему. Далее, намереваясь говорить о ней и воздать похвалу этой добродетели, он наперед сравнивает ее с другими дарами и поставляет их ниже, доказывая, что они без нее ничто; и это весьма благоразумно. Если бы он вдруг стал говорить о любви и после слов: *путь вам показую,* сказал: это любовь, а не употребил бы сравнения, то иные стали бы смеяться, не

представляя себе ясно важности предмета и еще продолжая увлекаться (дарами). Потому он не вдруг указывает на любовь, а наперед возбуждает в слушателе внимание обещанием: *по превосхождению путь вам показую,* и когда возбудил в нем желание, то и тогда не тотчас начинает говорить о ней, но, желая еще более усилить и возвысить это желание, говорит сперва о самих (дарах) и показывает, что они без любви ничто, и таким образом ставит их в совершенную необходимость любить друг друга, так как пренебрежение к ней бывает причиной всех зол. Любовь по справедливости должна представляться важной уже и потому, что дары не только не соединяли их, но и разделяли соединенных, а она, напротив, сама собой может соединить разделенных и сделать их одним телом. Впрочем, он не вдруг говорит это, а указывает на то, чего они особенно желали, то есть что любовь есть также дар и превосходнейший путь к получению всех даров. Потому, если ты не хочешь любить брата по долгу, то питай любовь по крайней мере для того, чтобы тебе получить большой дар чудес и обильнейшую благодать. И смотри, с чего начинает (апостол): прежде всего с того, что они почитали удивительным и великим, то есть с дара языков, и, говоря об этом даре, представляет его не таким, какой они имели, но гораздо большим. Не сказал: *аще языки глаголю,* но: *аще языки человеческими глаголю* (XIII, 1). Что значит – *человеческими?* Языками всех народов вселенной. Не довольствуясь и этим увеличением, прибавляет еще другое, гораздо большее, и говорит: *и ангельскими, любве же не имам, бых медь звенящи, или кимвал звяцаяй.* Видишь ли, как он возвысил этот дар и как после низвел и ниспроверг его? Не просто сказал: тогда я ничто, но: *бых медь звенящи,* нечто бесчувственное и бездушное. Как – *медь звенящи?* Издавая звук, но напрасно, попусту и без всякой нужды. Далее, кроме того, что не приношу никакой пользы, для многих кажусь беспокойным, тягостным и несносным. Видишь ли, как не имеющий любви уподобляется вещам бездушным и бесчувственным? Говоря о языке ангельском, (апостол) не приписывал ангелам тела, но выражает следующее: хотя я буду говорить так, как обыкновенно беседуют ангелы между собой, без нее (любви) я ничто и даже тягостен и несносен. Подобным об-

разом и в другом месте, когда говорит: *поклонится ему всяко колено небесных, и земных, и преисподних* (Флп. II, 10), он не приписывает ангелам колен и костей, – да не будет, – но подобием нашего поклонения желает выразить усердное поклонение ангелов. Так и здесь говорит о языке, означая не орган телесный, а известным нашим способом собеседования выражая взаимное собеседование их между собой. Далее, чтобы слова его скорее были приняты, он не останавливается на даре языков, но указывает и на прочие дары и, показав ничтожность их без любви, потом уже начертывает ее изображение. А так как он хотел постепенно усиливать речь, то восходит от меньшего к большему; то, что поставил последним при исчислении даров, то есть дар языков, теперь поставляет на первом месте, восходя, как я сказал, мало-помалу от меньшего к большему. Сказав о языках, он тотчас переходит к пророчеству и говорит: *и аще имам пророчество* (ст. 2). И это также (представляет) в превосходной степени. Как там указал не на языки только, но на языки всех людей и даже ангелов, и потом уже сказал, что этот дар без любви ничто, так и здесь говорит не о пророчестве только, но о пророчестве самой высшей степени. Сказав: *аще имам пророчество,* присовокупляет: и *вем тайны вся и весь разум,* представляя и этот дар в превосходной степени.

4. Потом (апостол) переходит и к прочим дарам и, чтобы, исчисляя их порознь, не показаться тягостным, указывает на мать и источник всех их, и опять в превосходной степени: *и аще,* говорит, *имам всю веру.* Не довольствуясь этим, присовокупляет и то, что Христос признал самым великим: *яко и горы преставляти, любве же не имам, ничтоже есмь.* Смотри, как он и здесь опять уничижает дар языков. От пророчества показывает великую пользу, именно – знание тайн и всякое разумение, равно и от веры немаловажное дело, именно – переставление гор; а о даре языков только упомянул и более ничего. Заметь еще, как он в кратких словах обнимает все дары, то есть в пророчестве и вере; это потому, что чудеса заключаются или в словах, или в делах. Но как же Христос говорит, что переставление гор есть самое малое дело веры, – именно упоминает об этом, как о чем-то самом малом, когда выражается так: *аще имате веру, яко зерно горуш-*

но, речете горе сей: прейди, и прейдет (Мф. XVII, 20), а Павел поставляет в этом всю веру? Что сказать на это? Переставить гору, действительно, великое дело; вследствие того и упоминает об этом; но не потому, чтобы вся вера могла производить только это, а потому, что людям грубым это казалось великим по тяжести гор. Таким образом он возвышает предмет, и смысл слов его следующий: если я имею всю веру, если даже могу переставлять горы, а любви не имею, то я ничто. *И аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, никая польза ми есть* (ст. 3). Какая усиленная речь! И здесь он представляет все в превосходной степени. Не сказал: если я отдам бедным половину имения, или две или три части, но: *аще вся имения моя.* Не сказал: отдам, но: *раздам,* выражая кроме употребления имущества самую усердную услужливость. *И аще предам тело мое, во еже сжещи е.* Не сказал: если я умру, но опять выражается усиленно: представляет самую жестокую смерть, то есть сгореть живому, и говорит, что и такая смерть без любви неважное дело: *никая польза ми есть.* Но вся сила его слов откроется, когда я приведу свидетельства Христовы о милостыне и смерти. Какие же свидетельства? Богатому Христос сказал: *аще хощеши совершен быти, продаждь имение твое, и даждь нищим, и гряди в след мене* (Мф. XIX, 21); также, беседуя о любви к ближнему, сказал: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. XV, 13). Отсюда видно, что и у Бога это – всего больше. Но я утверждаю, говорит Павел, что если даже мы положим (душу свою) за Бога, и не просто положим, но и будем сожжены, – это и означают слова: *аще предам тело мое, во еже сжещи е,* – то и тогда не будет нам большой пользы, если мы не любим ближнего.

Нет ничего удивительного в том, что дары без любви не приносят большой пользы; они даже ниже доброй жизни, и многие, обладавшие дарами, были наказаны, как нечестивые, как, например, именем Христовым пророчествовавшие, изгонявшие многих бесов и совершавшие многие чудеса, подобно Иуде-предателю; а другие, веровавшие и проводившие непорочную жизнь, ни в чем другом не имели нужды для приобретения спасения. Итак, нисколько не удивительно, что дары, как я сказал, имеют нужду в любви; но

чтобы самая исправная жизнь ничего не значила без нее, это может показаться преувеличением и ввести в недоумение, особенно когда Христос приписывает этим двум добродетелям великое достоинство, то есть нестяжательности и мученическим подвигам. Богатому, как я заметил выше, Он сказал: *аще хощеши совершен быти, продаждь имение твое, и даждь нищим, и гряди в след мене;* и, беседуя с учениками о мученичестве, сказал: *иже аще погубит душу свою мене ради, обрящет ю* (Мф. XVI, 25); и еще: *иже исповесть мя пред человеки, исповем его и аз пред Отцем моим, иже на небесех* (Мф. X, 32). Подлинно, многотруден этот подвиг и почти превышает самую природу; это хорошо знают те, которые удостоились этих венцов; никакое слово не сможем изобразить его; это – дело, свойственное высокой душе и чрезвычайно удивительное.

5. Однако и это чудное дело, по словам Павла, не доставляет пользы без любви, хотя бы притом соединено было с нестяжательностью. Почему так? Я постараюсь объяснить это, показав наперед, каким образом раздающий все имущество может не иметь любви. Кто готов предать себя на сожжение и имеет духовные дары, тот еще может не иметь любви; а кто не только подает, но и раздает свое имущество, тот может ли не любить? Что сказать на это? Или то, что (Павел) предполагает невозможное возможным, как он обыкновенно делает, когда хочет сказать что-нибудь чрезвычайное, – например, в Послании к Галатам говорит: *аще мы, или ангел с небесе благовестит вам паче, еже приясте, анафема да будет* (Гал. I, 8). Ни он сам, ни ангел, конечно, не могли сделать этого, но, чтобы изобразить предмет самым усиленным образом, он предполагает то, чего никогда не будет. Также в Послании к Римлянам говорит: *ни ангели, ни начала, ниже силы, не возмогут нас разлучити от любве Божия* (Рим. VIII, 39). Этого также не станут делать ангелы; но и здесь он предполагает невозможное. И далее говорит: *ни ина тварь кая,* хотя уже не оставалось другой, так как он исчислил всю – и горнюю и дольнюю; но он предполагает то, чего нет, чтобы самым усиленным образом выразить свою любовь. То же самое он делает и здесь, когда говорит: кто отдаст все, но не имеет любви, тот не получит никакой пользы. Итак, или это надобно сказать, или то, что он внушает подающим ми-

лостыню вступать в тесный союз с приемлющими, подавать не просто и без участия, но с состраданием, милосердием, сокрушением и соболезнованием к нуждающимся. Для того именно Бог и заповедал (подавать) милостыню; Бог мог питать нищих и без этого; но, чтобы соединить нас любовью и внушить нам пламенную привязанность друг к другу, Он повелел нам питать их. Потому и сказано в одном месте: *лучше слово благо, нежели даяние* (Сир. XVIII, 16); и еще: *се слово благо паче даяния* (Сир. XVIII, 17); и сам (Бог) говорит: *милости хощу, а не жертвы* (Мф. IX, 13). Люди обыкновенно питают любовь к тем, кому они благодетельствуют, и облагодетельствованные бывают искренне расположены к благодетелям; потому (Бог) и дал такую заповедь, чтобы устроить между ними союз любви. Но вот вопрос: если Христос назвал то и другое совершенством, то как (апостол) говорит, что без любви это – не совершенно? Он не противоречит Христу, – да не будет, – а напротив говорит совершенно согласно с Ним. И (Христос) не просто сказал богатому: *продаждь имение твое и даждь нищим*, но прибавил: *и гряди в след мене*. А следование за Ним ничем так ясно не обнаруживается в учениках Христовых, как взаимной любовью: *о сем*, говорит Он, *разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. XIII, 35). Равным образом слова Его: *иже аще погубит душу свою мене ради, обрящет ю;* и еще: *иже исповесть мя пред человеки, исповем его и аз пред Отцем моим, иже на небесех*, – означают не то, будто это не приобретается любовью, но указывают на награду, уготованную за такие подвиги. А что действительно, кроме мученичества, (Христос) требовал и этого, весьма ясно видно из следующих Его слов: *чашу мою испиета, и крещением, имже аз крещаюся, имате креститися*, то есть примете мученичество и будете убиты за Меня; *а еже сести одесную и ошуюю*, не в том смысле, будто кто-нибудь сидит одесную и ошуюю Его, но в смысле высочайшей чести и славы, *несть мое дати, но имже уготовася* (Мф. XX, 23). Потом, объясняя, кому это уготовано, Он говорит (ученикам): *иже аще хощет в вас быти первый, да будет всем вам слуга*, научая смиренномудрию и любви; притом требует любви самой сильной, почему, не останавливаясь на этом, присовокупляет: *якоже Сын человеческий не прииде, да послужат ему, но послужити и дати душу свою избавле-*

ние за многих (Мф. XX, 26–28), выражая, что надобно любить так, даже умирать за любимых. В этом особенно и состоит любовь к Нему. Потому и Петру Он говорит: *аще любиши мя, паси овцы моя* (Ин. XXI, 16). А чтобы вы убедились, как велика (эта) добродетель, изобразим ее словом, потому что на деле нигде не видим ее, – и мы поймем, сколько было бы добра, если бы она везде была в избытке. Тогда не было бы нужды ни в законах, ни в судилищах, ни в истязаниях, ни в казнях и ни в чем подобном. Если бы все любили и были любимы, то никто никого не обижал бы, не было бы убийств, ни ссор, ни браней, ни возмущений, ни грабительств, ни любостяжания, никакого зла и самое имя порока было бы неизвестно. Между тем чудеса не могут произвести этого, но еще возбуждают в невнимательных тщеславие и гордость.

6. В любви вот что удивительно: к другим добродетелям примешивается зло, например нестяжательный часто тем самым надмевается; красноречивый впадает в болезнь честолюбия; смиренномудрый часто тем самым превозносится в своей совести; а любовь свободна от всякой подобной заразы, никто никогда не станет превозноситься перед любимым. Представь человека не такого, который любил бы одного, но – всех равно, и тогда увидишь достоинство любви; или, лучше, если хочешь, представь наперед одного любимого и одного любящего, любящего так, как должно любить. Он живет как бы на небе, наслаждаясь всегда спокойствием и сплетая себе тысячи венцов. Такой (человек) сохраняет душу свою чистой от ненависти и гнева, от зависти и гордости, от тщеславия и порочного пожелания, от всякой постыдной любви и всякого порока. Как никто не станет делать зла себе самому, так и он – ближнему. Такой (человек), еще находясь на земле, будет стоять наравне с (архангелом) Гавриилом. Таков тот, кто имеет любовь! А кто творит чудеса и обладает совершенным знанием, но не имеет ее (любви), тот, хотя бы воскресил тысячи мертвых, не получит большой пользы, будучи сам далек от всех и чужд союза с подобными себе рабами. Потому и Христос знаком искренней любви к Нему поставил любовь к ближнему. *Аще любиши мя,* Петр, говорил Он, *паче сих, паси овцы моя* (Ин. XXI, 15, 16). Видишь ли, как Он и здесь опять выразил, что это выше мучениче-

ства? Если бы кто имел любимого сына, за которого готов был бы отдать душу, и если бы кто-нибудь, любя отца, на сына совершенно не обращал внимания, то этим он сильно огорчил бы отца, который не стал бы и смотреть на любовь к себе за презрение к сыну. Если же так бывает по отношению к отцу и сыну, то тем более по отношению к Богу и людям, потому что Бог любвеобильнее всех отцов. Потому Он, сказав: *первая и большая заповедь: возлюбиши Господа Бога твоего,* продолжал: *вторая же,* и не остановился на этом, но присовокупил: *подобна ей: возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе* (Мф. XXII, 37–39). И заметь, как Он требует и последней (любви) почти в столь же высокой степени (как первой). О Боге сказал: *всем сердцем твоим;* а о ближнем: *яко сам себе,* что равносильно выражению: *всем сердцем твоим.* Подлинно, если бы это было исполняемо с точностью, то не было бы ни раба, ни свободного, ни начальника, ни подчиненного, ни богатого, ни бедного, ни малого, ни великого, и сам диавол не был бы известен, и не только один, но и другой, и, хотя бы было их сто и даже тысячи, они не могли бы сделать ничего, если бы была любовь. Скорее трава может перенести силу огня, нежели диавол – пламень любви. Она крепче стены, она тверже адаманта, и, если бы ты указал на другое, еще более крепкое вещество, твердость любви превзойдет все. Ее не побеждают ни богатство, ни бедность, или, лучше, не было бы ни бедности, ни излишнего богатства, если бы была любовь, а было бы только добро, проистекающее из того и другого. От богатства мы имели бы довольство, от бедности беззаботность, не терпели бы ни беспокойств, неразлучных с богатством, ни опасений от бедности. Но что я говорю о пользе от любви? Представь, как прекрасна любовь сама по себе, сколько она приносит радостей, сколько доставляет душе удовольствий; это, по преимуществу, ей свойственно. Другие дела добродетели, например, пост целомудрие, бдительность, сопряжены с трудом, сопровождаются недовольством, порочным пожеланием, высокомерием; любовь же, кроме пользы, доставляет еще великое удовольствие, а труда никакого, и, как добрая пчела, собирая добро отовсюду, слагает его в душе любящего. Раб ли кто, она делает рабство приятнее свободы, потому что кто любит, тот не столько

радуется тогда, когда повелевает, сколько тогда, когда повинуется, хотя повелевать и приятно. Любовь изменяет само существо вещей и неразлучно приносит с собой все блага; она нежнее всякой матери, щедрее всякой царицы; трудное она делает легким и удобным, добродетель представляет привлекательной, а порок отвратительным. Посмотри: раздавать свое, по-видимому, прискорбно, но любовь делает это приятным; брать чужое по-видимому приятно, но любовь не позволяет считать это приятным, а заставляет убегать, как преступного; худо говорить о других для всех кажется приятным, но любовь представляет это низким, а хорошо говорить – приятным; ничто так не приятно нам как хвалить того, кого мы любим. Еще: гнев имеют в себе некоторую приятность, но при любви его не может быть; она совершенно уничтожает его; если любимый и оскорбит любящего, то гнева не будет, а будут слезы увещания, просьбы: так далека (любовь) от раздражения! Когда она видит согрешающего, то плачет и скорбит, – и эта скорбь приносит ей удовольствие. Слезы и скорбь любви приятнее всякого смеха и всякой радости; не столько чувствуют наслаждения смеющиеся, сколько плачущие о любимых. Если не веришь, то удержи их слезы, и они огорчатся, как потерпевшие что-нибудь крайне неприятное. Но, скажешь, в любви есть нечистое удовольствие. Нет, человек, оставь злоречие; ничто не исполнено такого чистого удовольствия, как истинная любовь.

7. Не говори мне о любви вульгарной и низкой, которая скорее болезнь, нежели любовь, но разумей любовь, которой требует Павел, которая имеет целью пользу любимых, и ты увидишь, что такие люди нежнее в любви самих отцов. Как пристрастные к деньгам не решаются издерживать их, но согласны лучше оставаться в затруднительном положении, нежели видеть их уменьшение, так и тот, кто питает к другому любовь, согласится лучше потерпеть тысячи бедствий, нежели видеть, чтобы любимый им потерпел вред. Как же, скажешь, египтянка, любя Иосифа, решилась причинить ему вред? Она любила его любовью диавольской. Напротив, Иосиф имел не такую любовь, а какую требует Павел. Вспомни, какой любви исполнены были его слова, и какие предложения делала она; осрами меня, говорила она,

сделай блудницей, оскорби мужа, расстрой весь дом, лиши и себя дерзновения перед Богом. Такие слова показывают, что она не любила не только его, но и саму себя. Напротив, Иосиф любил истинно и потому отвергнул все это. Но чтобы тебе убедиться, что он заботился об ее благе, вникни в ответ его. Он не только отвергнул ее предложение, но и произнес увещание, которое могло погасить всякий пламень: *аще господин мой,* говорил он, *не весть мене ради ничтоже в дому своем* (Быт. XXXIX, 8); тотчас же напомнил ей о муже, чтобы пристыдить ее; не сказал: муж твой, но: *господин мой,* что более могло удержать ее и заставить подумать о том, кто она и к кому питает страсть, — госпожа к рабу. Если он — господин, то ты — госпожа; стыдись же вступать в связь с рабом, и подумай, чья ты жена, с кем хочешь совокупиться, к кому делаешься неблагодарной и вероломной; а я оказываю ему большее расположение. Смотри, как он превозносит его благодеяния. Она, женщина грубая и бесстыдная, не могла мыслить ни о чем высоком; потому он пристыжает ее мыслями общечеловеческими и говорит: *не весть мене ради ничтоже,* то есть оказывает мне великие благодеяния, а потому я не могу оскорбить своего благодетеля столь чувствительно; он сделал меня вторым господином дома, и *ниже изъят бысть от мене кто либо, кроме тебе* (ст. 9). Здесь он возвышает понятия ее о себе самой, чтобы хотя таким образом привести ее в стыд и показать великое ее достоинство. Не останавливается и на этом, но присовокупляет ее название, которое могло удержать ее: *понеже,* говорит, *ты жена ему еси, и како сотворю глагол злый сей?* Здесь нет мужа, говоришь ты, и он не увидит наносимой ему обиды? Но увидит Бог. Однако, увещание нисколько не подействовало, и она влекла Иосифа к себе. Она делала это не потому, чтобы любила его, но желая удовлетворить своей неистовой страсти, как видно из того, что она сделала после. Она требует суда, обвиняет, лжесвидетельствует, предает зверю невинного и ввергает его в темницу; или, лучше, она, сколько от нее зависело, уже убила его, вооружив против него таким образом судью. Что же Иосиф? Таков ли был он? Совершенно не таков. Он не противоречил и не обвинял жены. Потому, скажешь, что ему не поверили бы? Нет, он был весьма любим, как видно

из того, что было не только сначала, но и после. Если бы варвар не очень любил его, то лишил бы жизни, несмотря на то, что он молчал и не противоречил; это был египтянин, начальник и притом думавший, что обесчещено брачное его ложе, и обесчещено рабом, который столько им облагодетельствован. Но все это превозмогла любовь и благоволение, которое Бог внушил ему к Иосифу. Кроме такой любви и благоволения он имел перед собой немаловажные доказательства (невинности Иосифа), если бы хотел выслушать оправдание, — саму одежду. Если бы насилие потерпела жена, то надлежало бы быть ее одежде разорванной и ее лицу истерзанным, а не его одежде остаться у нее. *Егда услыша он,* говорит, *яко возвысих глас мой и возопих, оставль ризы своя, отбеже* (ст. 15). Для чего же ты совлекла с него одежду? Что скорее могла бы сделать подвергшаяся насилию? Освободиться от нападающего. И не только отсюда, но и из последующего я могу доказать расположение и любовь Иосифа. Когда он поставлен был в необходимость объявить причину своего заключения и пребывания в темнице, то и тогда не открыл приключения, — но что? Я, говорит, *ничто зло сотворих; но татбою украден бых из земли Еврейския* (Быт. XL, 15), и вообще нигде не упоминает о блуднице, не хвалится своим поступком, как сделал бы всякий другой, если не из тщеславия, то, по крайней мере, для того, чтобы не подумали, будто он за худое дело ввергнут в такое жилище. И если даже люди, виновные в грехе, не воздерживаются от обвинения, хотя само дело подвергает их стыду, то как не удивляться Иосифу, который, будучи чистым, не говорил о страсти жены, не объявлял греха ее, и даже, когда достиг власти и сделался правителем всего Египта, не помнил зла и не мстил?

8. Видишь ли, как он заботился о ней, а она не любила, но неистовствовала? Да, она не любила Иосифа, а хотела только удовлетворить своему сладострастью. Сами слова ее, если внимательно рассмотреть их, исполнены гнева и великой злобы. Что говорит она? *Введе отрока Евреина наругатися нам* (ст. 14). Укоряет мужа за его благодеяние и показывает одежду, сделавшись свирепее всякого зверя. А Иосиф не так. Но что я говорю об его расположении к ней, когда он был таков же к братьям, которые едва не убили его, и никог-

да не говорил о них ничего худого ни дома, ни на стороне? Потому-то Павел называет любовь матерью всех благ и предпочитает ее чудотворениям и прочим дарованиям. Как при золотой одежде и обуви нам нужно бывает и некоторое другое одеяние, чтобы узнать царя; а когда мы видим порфиру и диадему, то не требуем никакого другого знака царского достоинства, – так точно и здесь. Когда есть диадема любви, то она достаточно отличает истинного ученика Христова не только для нас, но и для неверных. *О сем,* говорит Господь, *разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. XIII, 35). Этот знак важнее всех знамений, потому что по нему узнается ученик (Христов). Пусть иные совершают тысячи знамении, но, если они питают вражду между собой, они будут осмеяны неверными; напротив, хотя бы они не произвели ни одного знамения, но только бы искренне любили друг друга, они будут всеми уважаемы и неукоризненны. И Павлу мы удивляемся не потому, что он воскрешал мертвых, очищал прокаженных, а потому, что говорил: *кто изнемогает, и не изнемогаю? кто соблазняется, и аз не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)? Хотя бы ты сравнил с этим тысячи знамений, ничто не будет равно; и сам он ожидал себе великой награды не за то, что совершал знамения, но за то, что для немощных был как немощный: *кая убо ми есть,* говорит, *мзда? Да благовествуяй без мзды положу благовестие* (1 Кор. IX, 18); и тогда, когда говорил о своем преимуществе перед апостолами, не сказал: я больше их совершил знамений, но: *паче всех их потрудихся* (1 Кор. XV, 10). Он даже готов был умереть с голода для спасения учеников: *добрее бо ми,* говорит, *паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднит* (1 Кор. IX, 15), – говорит не с тем, чтобы похвалить самого себя, но чтобы не подумали, что он укоряет их. Он никогда не хвалится своими совершенствами, если этого не требуют обстоятельства, и, когда бывает вынужден к тому, называет себя *буим* (1 Кор. 1, 25; 2 Кор. XI, 1).

Если он и хвалится когда-нибудь, то немощами, страданиями и великим участием к бедствиям других, как и здесь говорит: *кто изнемогает, и не изнемогаю?* Такие слова выше самих страданий; потому он и поставляет их после всего, усиливая речь свою. Чего же в сравнении с ним достойны мы, кото-

рые не хотим презирать денег для блага нас же самих и подавать даже избытков своего имущества? А он был не таков, но отдавал и душу и тело свое, чтобы получили царство небесное те самые, которые побивали его камнями и бичевали. Так любить, говорил он, научил меня Христос; преподавший прекрасную заповедь о любви и сам исполнивший ее на деле; Он, будучи царем всего и существом блаженным, не отвратился от людей, которых сотворил из ничего и бесконечно облагодетельствовал, которые оскорбляли Его и плевали на Него, но сделался для них человеком, обращался с блудницами и мытарями, исцелял бесноватых и обетовал небо. После всего этого люди, взяв Его, ударяли по ланитам, связали, били, осмеяли и наконец распяли; но Он и тогда не отвратился от них и, будучи повешен на кресте, говорил: *Отче, отпусти им грех их* (Лк. XXIII, 34). Разбойника, который вначале поносил Его, Он ввел в рай, Павла из гонителя сделал апостолом, а ближайших и преданных Ему учеников предал на смерть для спасения распявших Его иудеев. Итак, представляя себе все это, сделанное Богом и людьми, будем подражать делам добрым и питать в себе любовь, превосходящую все дары, чтобы нам получить блага и настоящие и будущие, которых и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIII

Любы долготерпит, милосердствует, не завидит, не превозносится, не гордится (1 Кор. XIII, 4)

1. Доказав, что без любви нет большой пользы ни от веры, ни от знания, ни от пророчества, ни от дара языков, ни от дара исцелений, ни от других даров, ни даже от совершенной жизни и мученичества, (апостол) описывает, как и необходимо было, беспримерную красоту ее, украшая ее изображение, как бы какими-нибудь красками, различными родами добродетели и тщательно соединяя все его части. Потому, возлюбленный, будь внимателен к сказанному и вникни в каждое слово с великим тщанием, чтобы видеть и

совершенство предмета и искусство живописца. Смотри, с чего он начал и что поставил первой причиной всех благ. Что же именно? Долготерпение; оно — корень всякого любомудрия; потому и Премудрый говорит: *долготерпелив муж мног в разуме, малодушный же крепко безумен* (Притч. XIV, 29); и далее, сравнивая эту добродетель с крепким городом, говорит, что она крепче его. Это — несокрушимое оружие, непоколебимый столп, легко отражающий все нападения. Как искра, упавшая в море, не причиняет ему никакого вреда, но сама тотчас потухает, так все неожиданное, поражая долготерпеливую душу, скоро исчезает, а ее не возмущает. Долготерпение тверже всего; укажешь ли на войско, на деньги, на коней, на стены, на оружие и на что бы то ни было, ничто не может сравниться с долготерпением. Кто обладает чем-нибудь подобным, тот часто бывает побежден гневом, падает, подобно слабому ребенку, и все наполняет шумом и смятением; а долготерпеливый, как бы пребывая в пристани, наслаждается глубоким спокойствием; причинишь ли ему вред, не подвинешь этого камня; нанесешь ли ему обиду, не потрясешь этого столпа; нанесешь ли ему удары, не сокрушишь этого адаманта; потому он и называется долготерпеливым, что имеет как бы долгую и великую душу, а долгое называется и великим. Между тем эта добродетель рождается от любви, и тем, которые приобрели ее и пользуются ею, доставляет великую пользу. Не говори мне, что люди потерянные, делая (долготерпеливому) зло и не претерпевая за то зла, становятся хуже; это происходит не от его долготерпения, а от тех самих, которые пользуются им не так, как должно. Потому не говори мне о них, а вспомни о людях более кротких, которые получают от того великую пользу; когда они, делая зло, не претерпевают за то зла, то, удивляясь терпению страждущего, получают величайший урок любомудрия. Впрочем, (апостол) не останавливается на этом, но присовокупляет еще другие совершенства любви: она, говорит, *милосердствует*. Так как есть люди, которые употребляют долготерпение не на собственное любомудрие, а на мщение тем, кто оскорбляет их, терзаясь внутри себя самих, то он говорит, что любовь не имеет и этого недостатка; потому и присовокупляет: *милосердствует*. Любящие

не для того поступают кротко с пламенеющими гневом, чтобы усилить пламень гнева, но чтобы укротить его и погасить, и не только мужественным терпением, но и угождением и увещанием врачуют рану и исцеляют язву гнева. *Не завидит.* Случается, что иной терпелив, но завистлив, отчего добродетель его теряет свое совершенство. Но любовь далека и от этого. *Не превозносится,* то есть не поступает безрассудно. Она делает любящего благоразумным, степенным и основательным. Безрассудство свойственно людям, любящим постыдно; а любящий истинной любовью совершенно свободен от этого; когда нет в сердце гнева, то не может быть и безрассудства и дерзости; любовь, пребывая в душе, как бы какой-нибудь искусный земледелец, не допускает вырастать ни одному из этих терний. *Не гордится.* Мы видим, что многие гордятся самими своими добродетелями, то есть тем, что они не завистливы, не злы, не малодушны, не безрассудны; эти пороки соединены не только с богатством и бедностью, но и с самыми добрыми по природе качествами; а любовь совершенно очищает все. Заметь: долготерпеливый не всегда еще милосерд: если же он не будет милосердым, то его доброе качество становится пороком и может обратиться в памятозлобие; но любовь, доставляя врачевство, то есть милосердие, сохраняет добродетель чистой. Также милосердный часто бывает легкомыслен; но любовь исправляет и этот недостаток. *Любы,* говорит, *не превозносится, не гордится.* Милосердый и долготерпеливый часто бывает гордым; но любовь истребляет и этот порок.

2. Смотри, как (апостол) представляет в похвалу ее не только то, что она имеет, но и то, чего не имеет: она, говорит, с одной стороны – производит добродетели, с другой уничтожает пороки или, лучше, не допускает им и зародиться. Не сказал: хотя у нее бывает зависть, но она побеждает зависть, или: хотя бывает гордость, но она укрощает эту страсть, а: *не завидит, не превозносится, не гордится;* и что особенно удивительно, она без усилий делает добро, без борьбы и сопротивления воздвигает трофей. Кто имеет ее, того она не заставляет трудиться, чтобы достигнуть венца, но без труда доставляет ему награду, потому что, где нет страсти, противоборствующей добродетельному располо-

жению, там какой может быть труд? *Не безчинствует* (ст. 5). Что я говорю, продолжает (апостол), что она не гордится? Она так далека от этой страсти, что, и терпя крайние бедствия за любимого, не считает этого бесчестьем. Не сказал опять, что хотя терпит бесчестье, но мужественно переносит его, а что даже нисколько не чувствует бесчестья. Если сребролюбцы, терпя всякого рода неприятности для своего прибытка, не только не стыдятся но еще радуются, то тем более имеющий достохвальную любовь для блага любимых не откажется ни от чего подобного, и не только не откажется, но даже и не стыдится, когда терпит что-нибудь. Впрочем, чтобы нам не приводить в пример порочного дела, посмотрим в этом отношении на Христа, и увидим истину сказанного. Господь наш Иисус Христос подвергался оплеванию и бичеванию от жалких рабов, и не только не считал этого бесчестьем, но еще радовался и вменял в славу; разбойника и человекоубийцу Он вместе с Собой прежде других ввел в рай, беседовал с блудницей, притом в присутствии всех обвинителей своих, и не считал этого постыдным, а даже позволил ей целовать Свои ноги, орошать слезами Свое тело и отирать волосами, и все это перед глазами врагов и противников, потому что любовь *не безчинствует.* Поэтому и отцы, хотя бы они были мудрее и красноречивее всех, не стыдятся лепетать вместе с детьми, и никто из взирающих на это не осуждает их, а, напротив, это кажется настолько хорошим делом, что даже удостаивается похвалы; если дети бывают порочны, то они терпеливо стараются исправить их, наблюдают за ними, удерживают их от дурных поступков и не стыдятся, потому что любовь *не безчинствует,* но как бы какими золотыми крыльями прикрывает все проступки любимых. Так и Ионафан любил Давида, а потому, выслушав слова отца: *сыне девок блудниц,* женовоспитанный (1 Цар. XX, 30), не устыдился, хотя слова исполнены великий укоризны; они именно означают следующее: сын блудниц, неистово пристрастных к мужчинам и предающихся всем проходящим, изнеженный, слабый, не имеющий в себе ничего мужеского и живущий к бесчестью своему и родившей тебя матери. Что же? Огорчился ли он этим, устыдился ли и отстал ли от любимого? Совсем напротив,

даже хвалился своей любовью; хотя (Саул) был тогда царем, Ионафан – сыном царя, а Давид – беглецом и скитальцем, но при всем этом он не стыдился своей любви, потому что любовь *не безчинствует.* Подлинно, в ней достойно удивления то, что она не только не допускает скорбеть и огорчаться в случае обиды, но еще побуждает радоваться; потому и Ионафан после всего того, как бы получив венец, пошел и обнял Давида, потому что любовь не знает бесчестья и даже хвалится тем, чего другой стыдится. Для нее стыд – не уметь любить или, любя, не подвергаться опасностям и не терпеть всего за любимых. Впрочем, когда я говорю: *все,* то не подумай, будто разумею и вредное, например если бы кто стал помогать юноше в (преступной) любви к женщине или просил бы сделать что-нибудь другое вредное. Такой человек не любит, как я доказал вам прежде примером египтянки. Тот только любит, кто любимому желает полезного; а кто не ищет добра, тот, хотя бы тысячу раз говорил, что любит, враждебнее всех врагов. Так некогда и Ревекка, будучи сильно привязана к сыну, решилась даже на воровство, не стыдилась и не опасалась быть обличенной, – а предстояла немалая опасность, – но даже, когда сын возражал ей, сказала: *на мне клятва твоя, чадо* (Быт. XXVI, 13).

3. Видишь ли в жене апостольскую душу? Как Павел, – если можно сравнивать малое с великим, – желал подвергнуться анафеме за иудеев, так и она решалась даже подвергнуться проклятию, только бы сын ее получил благословение. Благо она предоставляла ему, – так как сама не могла участвовать с ним в благословении, – а зло готова была принять на одну себя и притом радовалась, спешила, тогда как угрожала опасность, и огорчалась медленностью дела, опасаясь, чтобы Исав, предварив Иакова, не сделал напрасным мудрое ее распоряжение. Потому и выражается кратко, побуждает юношу и, не опровергая слов его, высказывает мысль, достаточную для его убеждения; не сказала: ты напрасно говоришь это и напрасно боишься, отец твой стар и не имеет зрения, – но что? *На мне клятва твоя, чадо;* только не расстраивай дела, не выпускай добычи, не теряй сокровища. И сам Иаков не был ли работником в продолжение двух семилетий у своего родственника? Не подвергался ли

кроме рабства еще осмеянию после обмана? Что же? Чувствовал ли он осмеяние, считал ли бесчестьем для себя, что он, будучи свободным, происходя от свободных родителей и получив благородное воспитание, был рабом у своих родственников, тогда как это особенно и бывает оскорбительно, если кто терпит поношение от близких? Нет, — и причиной тому была любовь, которая даже делала для него долгое время кратким: *быша*, говорит (Писание), *пред ним, яко малы дни* (Быт. XXIX, 20). Так он был далек от того, чтобы оскорбляться и стыдиться своего рабства! Потому справедливо говорит блаженный Павел: *любы не безчинствует: не ищет своих си, не раздражается.* Сказав: *не безчинствует*, он показывает и то, каким образом она не терпит бесчестья. Каким же? Она *не ищет своих си.* Любимый составляет для нее все, и она вменяет себе в бесчестье, когда не может избавить его от бесчестия, так что если можно собственным бесчестьем помочь любимому то не считает и этого бесчестьем для себя: любимый для него — то же, что сам он. Любовь такова, что любящий и любимый составляют уже не два отдельные лица, а одного человека, чего не может сделать ничто, кроме любви. Потому не ищи своего, чтобы тебе найти свое; кто ищет своего, тот не находит своего. Потому и Павел говорил: *никтоже своего си да ищет, но еже ближняго кийждо* (1 Кор. X, 24). Польза каждого заключается в пользе ближнего, а польза ближнего в его пользе. Как закопавший собственное золото в доме ближнего, если не захочет сходить поискать и откопать его там, никогда не увидит его, так и здесь, кто не хочет в пользе ближнего искать собственной пользы, тот не получит венцов. Бог устроил так для того, чтобы мы были привязаны друг к другу. Когда кто побуждает ленивое дитя следовать за братом, а оно не хочет делать этого само собой, то дает в руки брату что-нибудь любимое и приятное для дитяти, чтобы оно, желая получить это, следовало за ним, что действительно и бывает, — так и здесь, полезное для каждого Бог даровал ближнему, чтобы мы имели общение друг с другом и не разделялись. Если хочешь, можешь видеть это и на нас — проповедующих: полезное для меня заключается в тебе, а полезное для тебя — во мне; например, для тебя полезно знать угодное Богу; но это ввере-

но мне, чтобы ты от меня получал это, а потому ты принужден прибегать ко мне; а для меня полезно, чтобы ты сделался лучшим, – я получу за то великую награду, – но это зависит от тебя; потому я имею нужду следить за тобой, чтобы ты сделался лучшим и таким образом я получил бы от тебя полезное для меня. Потому и Павел говорил; *кто бо нам упование? Не и вы ли* (1 Сол. II, 19)? И еще: *вы есте упование мое, радость моя и венец похваления моего* (ст. 40). Итак, радостью Павла были ученики, а они радовались его радостью; потому он и плакал, когда видел погибающих. С другой стороны их польза заключалась в Павле; потому он и говорил: *надежды ради Израилевы веригами сими одложен есмь* (Деян. XXVIII, 20). И еще: *сего ради вся терплю избранных ради, да жизнь вечную улучат* (2 Тим. II, 10). То же можно видеть и в делах житейских: *жена,* говорит (апостол), *своим телом не владеет, ниже муж, но жена мужа, и муж жены* (1 Кор. VII, 4). Так и мы, когда хотим связать несколько людей между собой, делаем то же: не позволяем никому распоряжаться собой, но, составив из них цепь, заставляем одного зависеть от другого, а другого от третьего. Не то же ли можешь видеть и в правительстве? Судья садится судить не для себя самого, а для пользы ближнего; подчиненные угождением, послушанием и всеми другими способами доставляют пользу начальству; воины для нас берут оружие, потому что за нас подвергаются опасностям; а мы трудимся для них, потому что от нас они получают содержание.

4. Если ты скажешь, что каждый поступает так, ища собственной пользы, то и я говорю то же, – только собственная польза достигается посредством чужой. Если бы воин не сражался за тех, которые доставляют ему содержание, то никто не оказывал бы ему этой услуги; и наоборот, если бы они не доставляли содержания воину, то никто не стал бы защищать их. Видишь ли, как любовь простирается на все и устрояет все? Но не поленись рассмотреть всю эту золотую цепь. Сказав: *не ищет своих си,* (апостол) опять говорит о благах, происходящих от любви. Какие же это блага? *Не раздражается, не мыслит зла.* Смотри опять, как она не только истребляет пороки, но даже не дозволяет им получить начало. Не сказал: хотя раздражается, но преодолевает раздражение, а: *не раздражается:* не сказал также: не делает зла, но: *не мыслит;* не

только не совершает, но даже и не замышляет ничего худого против любимого. И действительно, как она может делать зло или раздражаться, когда не допускает даже худой мысли? А здесь и есть источник любви. *Не радуется о неправде* (ст. 6), то есть не радуется, когда другие терпят зло; и не только это, но есть в ней и гораздо большее: *радуется же о истине*, то есть радуется о тех, которые благоустроены в жизни, как говорит Павел: *радоватися с радующимися, и плакати с плачущими* (Рим. XII, 15). Потому она и не завидует, потому и не гордится: блага других она признает своими. Видишь ли, как любовь делает питомца своего почти ангелом? Если он не имеет гнева, чист от зависти и свободен от всякой пагубной страсти, то очевидно, что он уже выше природы человеческой и достиг бесстрастия ангелов. Впрочем (Павел) не довольствуется этим, но находит сказать еще нечто большее; важнейшее он всегда излагает после. Любовь, говорит, *вся покрывает* (ст. 7), по своему долготерпению и кротости, что бы ни случилось прискорбное и тяжкое, хотя бы то были обиды, хотя бы побои, хотя бы смерть, или что-нибудь подобное. Это также можно усмотреть из примера блаженного Давида. Что может быть тяжелее, как видеть сына, возмутившегося, ищущего власти и жаждущего крови своего отца? Но блаженный (Давид) перенес и это, не хотел даже произнести укоризненного слова против отцеубийцы, а, предоставив все прочее военачальникам, повелел сохранить его жизнь: так крепко было у него основание любви! Потому и (говорит апостол): *вся покрывает*. Этими словами он выражает силу любви, а дальнейшими доброту ее: *вся бо*, говорит, *уповает, всему веру емлет, вся терпит*. Что значит: *вся уповает?* Не отчаиваясь ожидает от любимого человека всего доброго, и хотя бы он был худ, не перестает исправлять его, пещись и заботиться. *Всему веру емлет;* не просто надеется, но с уверенностью, потому что сильно любит; и хотя бы сверх чаяния не происходило добра, и даже любимый становился бы еще хуже, она переносит и это: *вся*, говорит, *терпит. Любы николиже отпадает* (ст. 8). Видишь ли, чем он завершил и что особенно превосходно в этом даре? Что именно значит: *николиже отпадает?* Не прекращается, не ослабевает от того, что терпит, потому что

любит все. Кто любит, тот никогда не может ненавидеть, что бы ни случилось: в этом величайшее благо любви. Таков был Павел; потому он и говорил: *аще како раздражу мою плоть* (Рим. XI, 14), и не переставал надеяться; и Тимофея увещевал так: *рабу же Господню не подобает сваритися, но тиху быти ко всем, с кротостию наказующу противныя, еда како даст им Бог покаяние в разум истины* (2 Тим. II, 24, 25). Как, скажешь, неужели не должно ненавидеть даже врагов и язычников? Должно ненавидеть, но не их, а их учение, не человека, а порочную жизнь и развращенную волю. Человек есть дело Божие, а заблуждение — дело диавола. Потому не смешивай Божьего с диавольским. Иудеи хулили, гнали, оскорбляли Христа и говорили о Нем много злого, но ненавидел ли их Павел, который любил Христа более всех? Нет; напротив, он любил их и делал все для них; то он говорил: *благоволение моего сердца и молитва, яже к Богу, по них есть во спасение* (Рим. X, 1); то: *молилбыхся сам аз отлучен быти от Христа по них* (Рим. IX, 3). Так и Иезекииль, видя погибель их, говорил; *о люте мне, Господи, еда потребляеши ты останки Исраилевы* (IX, 8)? И Моисей также говорил: *аще убо оставиши им грех их, остави* (Исх. XXXII, 32). Почему же Давид говорит: *ненавидящих тя, Господи, ненавидех; и о вразех твоих истаях; совершенною ненавистию возненавидех я* (Пс. CXXXVIII, 21, 22)? Не все в псалмах Давидовых сказано самим Давидом; так в них говорится: *вселися с селении Кидарскими* (Пс. CXIX, 5); и еще: *на реках Вавилонских, тамо ведохом и плакахом* (Пс. CXXXVI, 1), — между тем он сам не видал ни Вавилона, ни селений Кидарских. С другой стороны, от нас (христиан) требуется ныне высшее любомудрие; так, когда ученики просили, чтобы сошел огонь, как во время Илии, то Христос сказал: *не весте, коего духа есте вы* (Лк. IX, 55).

5. Тогда иудеям заповедано было ненавидеть не только нечестие, но и самих нечестивых, чтобы дружба с ними не послужила им поводом к беззаконию; потому им запрещено было вступать в родственные связи с язычниками и смешиваться с ними, и со всех сторон поставлены были между ними преграды; но теперь, когда (Бог) привел нас к высшему любомудрию и поставил выше подобной опасности, то заповедует входить в общение и беседовать с ними, потому что нам от них нет вреда, а им от нас бывает польза. Что же,

скажешь, делать? Должно не ненавидеть, а оказывать милость; ведь если ты будешь ненавидеть, то как можешь обратить заблуждающегося, как будешь молиться за неверного? А что надобно молиться за него, о том, послушай, как говорит Павел: *молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения, за вся человеки* (1 Тим. II, 1); но тогда не все были верующими, как всякому известно. И далее: *за царей и иже во власти суть* (ст. 2); но они были нечестивые и беззаконные, как то же известно. Потом, показывая причину, почему нужно молиться, присовокупляет: *сие бо добро и приятно пред Спасителем нашим Богом, иже всем человеком хощет спастися, и в разум истины приити* (ст. 3, 4). По тому же, когда случится язычнице-жене быть в супружестве с верующим, он не расторгал брака; между тем что ближе мужа к жене? *Будета*, говорит (Писание), *два в плоть едину* (Быт. II, 24), и от того бывает между ними великая любовь и горячая привязанность. Если мы станем ненавидеть нечестивых и беззаконных, то, простираясь далее, будем ненавидеть и грешников; а идя таким путем, мало-помалу отделимся от большей части братии, или, лучше, от всех, потому что нет никого без греха. Если должно ненавидеть врагов Божиих, то должно ненавидеть не только нечестивых, но и грешников; а в таком случае мы будем хуже зверей, отвращаясь от всех и надмеваясь гордостью, подобно фарисею. Но Павел заповедал не так, – а как? *Вразумляйте безчинныя, утешайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всем* (1 Сол. V, 14). Как же, скажешь, он говорит: *аще кто не послушает словесе нашего посланием, сего назнаменуйте, и не примешайтеся ему* (2 Сол. III, 14)? Правда, это сказано о братиях; но не просто, а то же с кротостью; не оставляй без внимания и последующего, прибавь и то, что сказано далее. А именно, сказав: *не примешайтеся*, он присовокупил: *и не аки врага имейте, но наказуйте якоже брата* (ст. 15).

Видишь ли, как он повелевает ненавидеть худое (дело), а не человека? Дело диавола – отторгать нас друг от друга; он сильно старается истребить любовь, чтобы пресечь путь к исправлению, и удержать его в заблуждении, а тебя во вражде, и таким образом заградить ему путь ко спасению. Если врач будет ненавидеть и убегать больного, а больной отвращаться от врача, то может ли больной выздороветь,

когда он не будет призывать врача и врач не будет приходить к нему? Почему же, скажи мне, ты отвращаешься и убегаешь от него? Потому ли, что он нечестив? Но потому и надобно приходить и врачевать, чтобы восстановить больного. Хотя бы он страдал неисцельной болезнью, тебе повелено делать свое дело. Иуда также одержим был неисцельной болезнью, но Бог не переставал врачевать его; потому и ты не ослабевай. Хотя бы при всем старании ты не мог освободить его от нечестия, все же ты получишь награду, как бы освободил его, и расположишь его удивляться твоей кротости, и таким образом всячески прославится Бог. Хотя бы ты творил чудеса, хотя бы воскрешал мертвых, хотя бы делал что-нибудь другое подобное, язычники никогда не будут удивляться тебе столько, сколько видя тебя кротким, добрым и обходительным; а это немаловажное дело, потому что таким образом многие могут наконец отстать от порока. Ничто не может привлекать так, как любовь. Из-за другого, то есть знамений и чудес, могут завидовать тебе, а из-за нее (любви) станут удивляться и любить, любя же, примут мало-помалу и истину. Впрочем, если (язычник) и не скоро сделается верующим, ты не удивляйся, не спеши, не требуй всего вдруг, но пусть он пока хвалит, любит, а потом мало-помалу дойдет и до этого. Но чтобы ты видел ясно, насколько это важно, послушай, как сам Павел оправдывался, представ перед неверного судью: *блаженна*, говорил он, *непщую себе быти, яко пред тобою отвещати имам* (Деян. XXVI, 2), говорил не из лести, – нет, – но желая достигнуть пользы кротостью; и отчасти достигнул, пленил судью тот, кто был подсудимым, и эту победу провозгласил сам плененный, сказав громким голосом в присутствии всех: *вмале мя препираеши христианина быти* (Деян. XXVI, 28).

6. Что же Павел? Он еще более распростирает сеть и говорит: *молил бых аз, не токмо тебе, но и всех слышащих мя днесь, быти им тацем, яков и аз есмь, кроме уз сих* (ст. 29). Что говоришь ты, Павел: *кроме уз?* Какое же ты будешь иметь дерзновение, если стыдишься их, избегаешь, и притом перед таким множеством народа? Не хвалишься ли ты ими везде в посланиях, называя себя узником и везде указывая нам на эти узы, как на диадему? Почему же ныне уклоняешься от уз? Не укло-

няюсь, говорит, и не стыжусь, но снисхожу к слабости других, потому что они еще не могут принять того, чем я хвалюсь; а я научился у Владыки моего не приставлять заплаты новой к одежде старой (Мф. IX, 16); потому я и сказал так. Они еще худо понимают наше учение и враждуют против креста: следовательно, если я приложу еще узы, то ненависть их еще более увеличится; потому я и отделил их, чтобы сделать удобоприемлемым учение. Для них кажется позорным делом быть связанным, потому что они еще не вкусили нашей славы; потому надобно быть снисходительным. Когда они научатся любомудрствовать, тогда познают красоту цепей и славу уз. Беседуя с другими, он называет страдания даром благодати: *вам даровася еже о Христе, не токмо еже в него веровати, но и еже по нем страдати* (Флп. I, 29); а в настоящем случае надлежало желать только того, чтобы слушатели не стыдились креста; потому он и простирается вперед постепенно. Когда кто-нибудь вводит другого в царские чертоги, то не показывает ему внутренних комнат прежде, нежели он рассмотрит передние и внешние, потому что иначе не покажутся ему (чертоги) удивительными, если он, простираясь внутрь, не узнает всего. Так и мы будем обращаться с язычниками, снисходительно, с любовью; она — великая наставница; она может и отклонить от заблуждения, и исправлять нравы, и приводить к любомудрию, и из камней делать людей. Если ты хочешь знать силу ее, то представь человека робкого, боязливого и трепещущего перед тенью, или гневливого, грубого и похожего более на зверя, нежели на человека, или похотливого, сластолюбивого и преданного всем порокам, и отдай его в руки любви, введи его в это училище и скоро увидишь, как этот боязливый и робкий сделается мужественным, великодушным и отважным на все; и, что всего удивительнее, это произойдет не потому, чтобы изменилось существо его, но потому, что любовь обнаруживает свою силу в самой робкой душе; здесь бывает то же, как если бы кто, сделав меч не из железа, а из свинца, и не изменяя существа свинца, довел его до возможности делать то же, что и железо. Смотри: Иаков был человек скромный, сидел дома, не знал трудов и опасностей, проводил жизнь спокойную и беззаботную, и как девица в тереме, так

и он большей частью оставался хранить дом свой, а от торжища, от всякого шума и всего, бывающего на торжище, удалялся и постоянно жил вдали от хлопот и беспокойств. Что же? Когда огонь любви воспламенил его, этого скромного и не выходившего из своего дома человека, то, смотри, как он сделался смел и трудолюбив; послушай об этом не от меня, а от самого патриарха. Укоряя тестя, он говорит: *се двадесять лет аз есмь с тобою* (Быт. XXXI, 38). И в каком положении был он двадцать лет? *Бых,* присовокупляет он, *во дни жегомь зноем, и студению в нощи, и отхождаше сон от очию моею* (ст. 40). Таков был муж скромный, не выходивший из своего дома и проводивший прежде спокойную жизнь. А что он был робок, видно из того, что он, ожидая свидания с Исавом, смертельно боялся. Потом, смотри, как тот же боязливый сделался от любви отважнее льва: став впереди всех, как бы какой-нибудь оплот, он готов был первый встретить жестокого и дышащего, как он думал, убийством человека, и собственным телом защитить жен своих; кого боялся и страшился, с тем первый хотел ратоборствовать, потому что любовь к женам была сильнее страха. Видишь ли, как робкий вдруг сделался отважным не потому, чтобы переменил нрав свой, но потому, что был укреплен любовью? Он был робок и после, как видно из того, что он переходил с места на место. Впрочем, пусть никто не думает, что это сказано в укоризну праведнику; робость – не порок; она происходит от природы, предосудительно лишь делать что-нибудь непристойное по робости. Можно и робкому по природе сделаться мужественным по благочестию. Каков был Моисей? Не убоялся ли он одного египтянина, не убежал ли и не удалился ли за пределы (Египта)? Между тем этот беглец, не перенесший угрозы одного человека, после того, как вкусил сладость любви, смело и без всякого принуждения готов был погибнуть с возлюбленными: *аще убо,* говорил он, *оставиши им грех их, остави: аще же ни, изглади мя из книги твоея, в нюже вписал еси* (Исх. XXXII, 32). С другой стороны, что любовь делает жестокого кротким и невоздержного целомудренным, на это нет нужды приводить и примеров; это всем известно. Хотя бы кто был свирепее всякого зверя, от любви он делается смиреннее всякого агнца. Кто например,

был свирепее и неистовее Саула? Но когда дочь его отпустила врага его, он не сказал ей даже грубого слова; убивший за Давида почти всех священников, узнав, как дочь выпустила его из дома, не оскорбил ее даже словом, тогда как хитрость употреблена была против него самого; это потому, что он был удержан сильнейшей уздой – любовью (к дочери). Делая кроткими, любовь точно так же делает людей и целомудренными; кто любит свою жену так, как должно любить, тот, хотя бы был крайне сластолюбив, из любви к ней не станет смотреть на другую: *крепка,* говорит (Писание), *яко смерть любы* (Пес. пес. VIII, 6). Следовательно, распутство происходит не от чего иного, как от недостатка любви. Итак, если любовь есть виновница всякой добродетели, то будем насаждать ее со всем тщанием в душах своих, чтобы она принесла нам многие блага, и чтобы нам постоянно собирать обильные плоды ее, всегда цветущие и никогда не увядающие; тогда достигнем и вечных благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIV

Аще же пророчествия упразднятся, аще ли языцы умолкнут, аще разум испразднится (1 Кор. XIII, 8)

1. Доказав превосходство любви тем, что в ней имеют нужду и дарования, и житейские подвиги, исчислив все ее совершенства и показав, что она есть основание истинного любомудрия, (апостол) еще с иной – третьей – стороны показывает ее достоинство. Он делает это как для убеждения считавших себя униженными, что они могут получить самое главное знамение и иметь нисколько не менее тех, которые получили дарования, и даже гораздо более их, если имеют любовь, так и для смирения имевших великие дарования и тем гордившихся и для внушения им, что они не имеют ничего, если не имеют любви. Таким образом, они должны были бы любить друг друга, как скоро уничтожились между ними зависть и гордость, а любя друг друга, они далеко отогнали бы от себя эти страсти, потому что *любы не зави-*

дит, не гордится. Так он оградил их со всех сторон несокрушимой стеной и разнообразными побуждениями к единодушию, которое истребляет все болезни и само от того приобретает большую силу. Потому он и привел множество доказательств, которые могли утешить их в скорби: *тойжде,* говорит, *Дух дает,* и дает *на пользу,* и разделяет *якоже хощет,* и разделяет по благодати, а не по долгу; хотя ты получил мало, но и ты входишь в состав *тела* и также пользуешься великой *честию;* получивший больше имеет нужду в тебе, получившем меньше; а величайшее дарование и *по превосхождению путь* есть любовь.

Этими словами он хотел соединить их друг с другом двояким образом, — той мыслью, что при любви они не ниже других, и той, что прибегающие к ней и содержащие ее в себе уже не подвергаются никаким слабостям человеческим, как потому, что имеют корень дарований, так и потому, что уже не могут завидовать другим, хотя бы сами не имели ничего; кто однажды пленен любовью, тот чужд зависти. Потому, показывая им, какие блага они получают от любви, и изображая плоды ее, он самими похвалами ей облегчает их болезни; каждое слово его служит достаточным лекарством для исцеления их ран. Так: *долготерпит,* говорит он, против имеющих распри друг с другом; *милосердствует* — против несогласных и тайно враждующих между собой; *не завидит* — против завидующих имеющим больше их; *не превозносится* — против разделившихся; *не гордится* — против тщеславных; *не безчинствует* — против не хотящих снисходить к другим; *не ищет своих си* — против презирающих других; *не раздражается, не мыслит зла* — против оскорбляющихся обидами; *не радуется о неправде, радуется же о истине* — опять против завидующих; *вся любит* — против огорчающихся наветами; *вся уповает* — против отчаивающихся; *вся терпит, николиже отпадает* — против тех, которые легко впадают во вражду. Когда таким образом со всех сторон и со всей силой он показал величие любви, тогда делает то же с другой важнейшей стороны, превозносит ее достоинство посредством другого сравнения и говорит: *аще же пророчествия упразднятся, аще ли языки умолкнут.* Если эти два дара были ниспосланы для веры, то с распространением ее повсюду

употребление их уже излишне. Но любовь друг к другу не прекратится, а еще более будет возрастать и здесь, и в будущем веке, и тогда еще более, нежели теперь. Здесь многое ослабляет любовь, – деньги, (житейские) дела, телесные страсти, душевные болезни; а там не будет ничего такого. Впрочем, в том, что упразднятся пророчества и языки, нет ничего удивительного; а что упразднится знание, это кажется странным, а он именно и присовокупил: *аще разум испразднится.* Как? Неужели мы тогда будем жить в неведении? Нет, тогда-то в особенности и должно увеличиться знание, как и он сказал: *тогда познаю, яко же и познан бых* (ст. 12). Потому, чтобы ты не подумал, что и оно упразднится подобно пророчествам и языкам, он после слов: *аще разум испразднится,* не остановился, но показал и способ упразднения, тотчас присовокупив: *от части разумеваем и от части пророчествуем. Егда же приидет совершенное, тогда еже от части упразднится* (ст. 9, 10). Следовательно, упразднится не знание, а неполнота знания, потому что мы будем знать не только это, но и гораздо большее. Так, – поясню это примером, – теперь мы знаем, что Бог существует везде, но как, не знаем; знаем, что Он сотворил все существующее из ничего, а каким образом, не знаем; знаем, что Он родился от Девы, а как, не знаем. Тогда же узнаем об этом более и яснее. Потом он показывает и то, какое различие (между тем и другим знанием), и что (теперь) недостает немало: *егда,* говорит, *бех младенец, яко младенец глаголах, яко младенец мудрствовах, яко младенец смышлях: егда же бых муж, отвергох младенческая* (ст. 11). И далее объясняет то же другим примером: *видим убо,* говорит, *ныне якоже зерцалом* (ст. 12).

2. Далее, так как *зерцало* все же несколько представляет видимый предмет, он присовокупляет: *в гадании,* чтобы показать, что настоящее знание в высшей степени неполно. *Тогда же лицем к лицу,* – не потому, будто Бог имеет лицо, но чтобы выразить яснее и удобопонятнее. Видишь ли, как возрастут все наши познания? *Ныне разумею от части, тогда же познаю якоже и познан бых.* Видишь ли, как он двояким образом смиряет гордость их, – тем, что знание неполно, и тем, что даже и такое знание они имеют не сами от себя. Не я, говорит, познал Его, но Он Сам познал меня. Как Он Сам

наперед познал меня теперь и Сам снизошел ко мне, так и я достигну до Него тогда гораздо больше, нежели теперь. Сидящий во мраке, прежде нежели увидит солнце, не сам приходит к прекрасным лучам его, но они являют ему себя, когда засияют; а когда он примет сияние их, тогда уже и сам стремится к свету. Такой же смысл в словах: *якоже и познан бых,* – не тот, будто мы познаем Его так, как Он нас, но как Он Сам снизошел к нам ныне, так и мы достигнем до Него тогда, узнаем многое такое, что ныне сокровенно, и сподобимся блаженнейшей беседы и премудрости. Если же Павел, знавший столько, был младенцем, то представь, каково (будущее знание); если (настоящее есть) зерцало и гадание, то пойми отсюда, каково само лицо. Чтобы хотя немного объяснить тебе это различие и ввести в душу твою хотя некоторый луч разумения этого предмета, припомни теперь, когда воссияла благодать, о временах подзаконных. До благодати тогдашнее казалось чем-то великим и удивительным; но после благодати, послушай, что говорит о том Павел: *не прославися прославленное в части сей, за превосходящую славу* (2 Кор. III, 10). Но чтобы сказанное мной сделалось еще более ясным, возьмем какое-нибудь одно из тогдашних священнодействий, и ты увидишь различие; представим, если хочешь, пасху ветхозаветную и новозаветную, и ты поймешь преимущество (последней перед первой). Иудеи совершали ее, но совершали как бы в зерцале и гадании; неизреченных же тайн они даже и на уме никогда не имели и не знали, что прообразовали их действия; они видели закланного агнца, кровь бессловесного и помазанные ею двери; а что воплотившийся Сын Божий будет заклан, избавит всю вселенную, даст в снедь грекам и варварам кровь Свою, отверзет для всех небо, предложит тамошние блага человеческому роду, вознесет окровавленную плоть выше неба и неба небес и вообще выше всех горних воинств – ангелов, архангелов и прочих сил, и посадит ее на самом царском престоле одесную Отца в сиянии неизреченной славы, – этого никто из них и даже никто из других людей не знал тогда и не мог представить в уме своем. Но что говорят люди, дерзкие на все? Говорят, будто слова: *ныне разумею от части,* сказаны (апостолом) о делах домостроительства; а о Боге будто бы

имел он совершенное знание. Как же он называет себя младенцем, как – видящим в зерцале и гадании, если он имел полное знание? Почему он приписывает такое знание исключительно Духу и никакой другой сотворенной силе, когда говорит: *кто бо весть от человек, яже в человеце, точию дух человека, живущий в нем? Такожде и Божия никтоже весть, точию Дух Божий* (1 Кор. II, 11)? И Христос также приписывает это Себе одному, когда говорит: *не яко Отца видел есть кто, токмо сый от Бога, сый виде Отца* (Ин. VI, 46), называя *видением* самое ясное и совершенное знание. И как знающий существо (Божие) может не знать дел домостроительства Его? Ведь знание первого выше последнего. Следовательно, скажут, мы не знаем Бога? Нет, мы знаем, что Он есть, но не знаем, что такое Он по существу Своему. Чтобы тебе убедиться, что слова: *ныне разумею от части,* (апостол) сказал не о делах домостроительства, выслушай, что далее он присовокупил: *тогда же познаю, якоже и познан бых;* а он познан не делами домостроительства, но Богом. Итак, пусть никто не считает этого преступления маловажным и незначительным, но двойным, тройным и многократным, потому что безрассудно не только то, что они хвалятся знанием, свойственным одному Духу и единородному Сыну Божию, но и то, что они считают себя достигшими всего посредством собственных умствований, тогда как и Павел не мог даже этого *разумения от части* иметь без откровения свыше; и не могут они указать, чтобы в Писании где-нибудь было сказано нам об этом. Впрочем, оставим их безумие и перейдем к последующим словам о любви. Не довольствуясь вышесказанным, (апостол) присовокупляет: *ныне же пребывают вера, надежда, любы, три сия: больши же сих любы* (ст. 13).

3. Вера и надежда прекращаются, когда, являются блага, составляющие предмет веры и надежды. Павел объяснил это, когда сказал: *упование бо видимое несть упование: еже бо видит кто, что и уповает* (Рим. VIII, 24)? И еще: *есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых* (Евр. XI, 1). Потому они прекращаются, когда те являются; а любовь тогда особенно и возрастает и делается сильнейшей. Вот новая похвала любви. Не довольствуясь прежде сказанным, (апостол) старается найти в ней еще нечто иное. Смотри: он ска-

зал, что любовь есть великий дар и превосходнейший путь к дарам; сказал, что без нее дарования не приносят большой пользы; начертал ее образ обильно; а теперь хочет иначе возвысить ее и показать величие ее тем, что она не прекращается. *Ныне же,* говорит, *пребывают вера, надежда, любы, три сия: больши же сих любы.* Почему же любовь больше? Потому, что те преходят. Если же такова сила любви, то он справедливо далее присовокупляет: гонитесь за любовью (XIV, 1); нужно гнаться и сильно стремиться к ней: так она улетает от нас, и столько препятствий стремлению к ней! Потому нам нужны великие усилия, чтобы достигнуть ее. Чтобы выразить это, Павел не сказал: ищите любви, но: гонитесь за ней, побуждая нас и воспламеняя к ее достижению. И Бог от начала принимал множество мер, чтобы насадить ее в нас. Он даровал всем нам одну главу – Адама. Для чего все мы не происходим из земли? Для чего не (происходим) совершенными, как он? Для того, чтобы рождение, воспитание и происхождение друг от друга привязывали нас друг к другу. Потому Он не сотворил и жены из земли. Так как единства природы было бы недостаточно для побуждения нас к единодушию, если бы мы не имели одного прародителя, то Он сделал и это. Если мы ныне, разделяясь одними только местами, чуждаемся друг друга, то тем более было бы так, если бы род наш имел два начала. Потому Он и соединил как бы одной главой все тело человеческого рода. И так как в начале, по-видимому, было два лица, то смотри, как Он опять соединил их и совокупил в одно посредством брака: *сего ради,* сказал Бог, *оставит человек отца своего и матерь, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину* (Быт. II, 24). Не сказал: жена, но: *человек,* потому что в нем привязанность бывает сильнее; а сильнейшей сделал ее для того, чтобы силой этой любви превосходнейшее существо преклонить и привязать к слабейшему. Так как надлежало установить и брак, то Он сделал жене мужем того, от кого она произошла. Для Бога все ниже любви. Если и при этом первый человек скоро впал в такое безумие и диавол посеял такую вражду и зависть, то чего не сделалось бы, если бы они происходили не от одного корня? Далее, устрояя, чтобы один повиновался, а другой повелевал, – так как равенство чести

часто производит вражду, – Он учредил не народное правление, но царское и, подобно как в войске, такой же порядок можно видеть в каждом доме. Муж занимает место царя; жена – место правителя и военачальника; дети получили власть третьей степени; затем власть четвертой степени принадлежит рабам, – потому что и они имеют власть над низшими, и часто который-нибудь один бывает поставлен над всеми, заменяя господина, будучи, впрочем сам рабом; потом и между ними опять есть еще другие степени власти: иная у жен, иная у детей, и у самих детей также различные, сообразно с возрастом и полом, потому что и у детей женский пол имеет власть неодинаковую (с мужским). Везде Бог устроил степени и разнообразие власти, чтобы все пребывало в единодушии и великом согласии. Потому и прежде размножения рода нашего, когда были только два первых человека, Он повелел одному начальствовать, а другой подчиняться. Чтобы (первый) не стал презирать и не отверг (последней), как низшей, смотри, как Бог почтил и соединил ее с ним еще прежде сотворения: *сотворим ему помощника* (Быт. II, 18), сказал Он, выражая, что она сотворена для его пользы, и таким образом соединяя его с той, которая для него сотворена, так как мы бываем особенно расположены к тому, что сделано для нас. Чтобы опять не стала превозноситься она, как назначенная в помощь ему, и не расторгла этих уз, Бог сотворил ее из ребра его, внушая, что она есть часть целого тела. А чтобы и муж не стал превозноситься этим, дальнейшее Он не предоставил ему одному, как принадлежало ему одному предыдущее, но сделал противное тому, устроив деторождение, в котором хотя отдал предпочтение мужу, однако не все предоставил ему.

4. Видишь ли, сколько Бог устроил уз любви? Во всем этом заключаются естественные залоги единодушия. Подлинно, к нему приводит единство природы, – так как *всяко животно любит подобное себе* (Сир. XIII, 19), – происхождение жены от мужа и детей от них обоих. Отсюда происходят многие роды любви: одного мы любим как отца, другого как деда, одну как мать, другую как кормилицу, одного опять как сына, внука или правнука, другую как дочь, или внучку, одного как брата, другого как племянника, одну как сестру,

другую как племянницу. Впрочем, для чего исчислять все виды родства? (Бог) употребил и другое побуждение к любви: запретив браки между родственниками, Он обратил нас к чужим, а их расположил к нам. Так как они не соединены с нами естественным родством, то Он соединил иначе – посредством брака, совокупляя посредством одной невесты целые дома и сводя целые роды с родами. *Да не поймеши*, сказал Он, *сестры твоея, ни сестры отца*, ни иной девицы, имеющей с тобой такое родство, которое препятствует браку, – перечислив поименно виды подобного родства (Лев. XVIII). Довольно для любви твоей к ним того, что ты родился из одной с ними утробы или связан с ними другим образом. Для чего же стеснять широту любви? Для чего более надлежащего усиливать расположение к любви здесь, тогда как можешь получить иной повод к любви, взяв жену из чужих и с ней ряд родственников, – мать, отца, братьев и их ближних? Видишь ли, сколь многими способами (Бог) соединил нас? Но Он не удовольствовался и этим, а устроил еще, что мы имеем нужду друг в друге, чтобы и таким образом соединить нас, так как нужда особенно производит общение. Для того Он не попустил, чтобы все находилось всюду, чтобы и этим заставить одних иметь общение с другими. Устроив так, что мы имеем нужду друг в друге, Он сделал также и сношения удобными. Если бы этого не было, то опять возникли бы неприятности и затруднения; если бы, например, имеющий нужду во враче, плотнике или другом ремесленнике должен был совершать далекое путешествие, то все погибло бы. Потому Он и устроил города, и собрал всех вместе. А чтобы и к живущим далеко мы могли отправиться удобно, Он распростер между (городами) море и послал быстрые ветра, сделав таким образом сообщения удобными. В начале же Он поселил всех в одном месте и рассеял не прежде, как первые люди, получившие этот дар, злоупотребили согласием. Так Он соединил нас всеми способами – и природой, и родством, и языком, и местом! Он не хотел, чтобы мы лишились рая, – ведь, если бы хотел, то не поселил бы в нем первозданного человека, – но виновен в том нарушивший заповедь; не хотел также, чтобы мы были разноязычными, – а иначе сделал бы это в начале, – но тогда *бе вся земля устне еди-*

не и глас един всем (Быт. XI, 1). Поэтому и когда надлежало истребить живущих на земле, Он даже тогда не создал нас из другого вещества и не переселил (на небо) праведника, но, оставив его среди потопа, как бы какую искру вселенной, опять возжжег род наш от блаженного Ноя. В начале Он установил одну власть, поставив мужа над женой; но когда род наш пришел в великое расстройство, то Он учредил и другие (власти) – господ, правителей; и это также для любви. Злоба развращала и погубляла род наш, – потому Он посадил среди городов судей, как бы каких врачей, чтобы они, истребляя злобу, как бы какую заразу любви, собирали всех в одно. А чтобы не только в городах, но и в каждом доме было великое согласие, Он почтил мужа властью и преимуществом, а жену вооружил страстью, и между обоими поставил дар чадородия, употребив кроме того и другие связи любви. Не все Он предоставил мужу, и не все – жене, но все разделил между обоими, вручив ей дом, а ему торжище, предоставив ему снискивать пропитание, – он именно возделывает землю, – а ей устроять одежду, – именно пряжа и ткачество дело жены, ей дал Он искусство прясть. Но да погибнет сребролюбие, нарушающее такой порядок! Изнеженность многих обратила и мужей к пряже и дала им в руки ткацкие челноки, уток и кросна. Впрочем, и при этом сияет промышление божественного домостроительства. И жена весьма нам нужна в других вещах необходимейших, и низшие нужны нам для поддержания нашей жизни: потребность эта такова, что хотя бы кто был богаче всех людей, однако не может чуждаться общения с другими и не нуждаться в беднейшем. Не только бедные имеют нужду в богатых, но и богатые в бедных, и первые даже более в последних, нежели последние в первых.

5. Чтобы тебе видеть это яснее, построим, если угодно, два города, один состоящий из богатых, а другой – из бедных; пусть в городе богатых не будет ни одного бедного, а в городе бедных ни одного богатого человека; отделим тщательно один от другого и посмотрим, который из них более будет в состоянии удовлетворить себе. Если найдем, что город бедных может сделать это, то очевидно, что богатые более будут нуждаться в них. В городе богатых не будет ни одного ремесленника, ни строителя, ни плотника, ни са-

пожника, ни хлебопекаря, ни земледельца, ни кузнеца, ни веревочника, – ни одного из подобных людей. Да и кто из богатых захочет когда-нибудь приняться за такие дела, если и сами занимающиеся ими, когда разбогатеют, не переносят трудностей таких работ? Как же будет существовать этот город? За деньги, скажешь, богатые купят все это у бедных? Следовательно, они не удовлетворяют сами себе, если нуждаются в бедных. Как они будут строить дома? Или купят и их? Но это невозможно по существу дела. Потому необходимо пригласить сюда ремесленников и нарушить закон, который мы постановили вначале, когда населяли город; помните, мы сказали, чтобы не было в нем ни одного бедного. Но вот, нужда, против нашей воли, призвала и поселила их здесь. Отсюда видно, что городу невозможно существовать без бедных; и если город будет продолжать не принимать никакого из них, то он уже не будет городом и погибнет. Итак, он не удовлетворит себе, если не соберет у себя бедных, как бы каких спасителей. Посмотрим теперь на город бедных, будет ли и он так нуждаться, лишившись богатых. Но наперед определим богатство и объясним, в чем оно состоит. Что же такое – богатство? Золото, серебро, драгоценные камни, шелковые, пурпуровые и золотые одежды. Объяснив, что такое богатство, извергнем его из города бедных, если хотим устроить чисто город бедных; пусть здесь даже во сне не видится золото и золотые одежды, а если хочешь, то и серебро и серебряные вещи. Что же, скажи мне, в нужде ли будут жить обитатели этого города? Нет. Нужно ли построить дом, для этого требуется не серебро, золото и жемчуг, но искусство и руки, и не просто руки, а мозолистые, пальцы заскорузлые, великая сила, дерево и камни; нужно ли выткать одежду, для этого опять требуется не золото и серебро, но руки, искусство и способные к работе женщины; нужно ли копать и возделывать землю, для этого также кто нужен – богатые или бедные? Очевидно, что бедные. Если надобно будет ковать железо или делать что-нибудь другое подобное, для этого особенно требуется нам такой народ. Когда же нам могут быть нужны богатые? Уж не тогда ли, когда бы потребовалось разрушить город? Подлинно, если с их появлением эти любомудрые люди, –

любомудрыми я называю тех, которые не ищут ничего лишнего, — впадут в страсть к золоту и жемчугу, предадутся праздности и роскоши, то они погубят все. Если же, скажешь, богатство бесполезно, то для чего оно дано Богом? А откуда известно, что богатство от Бога? Писание, скажешь, говорит: *мое сребро и мое злато,* и кому хочу, дам его (Агг. II, 9). Здесь, если бы не было стыдно, я засмеялся бы громким смехом, в посмеяние говорящих это; как малые дети, сидящие за царской трапезой, вместе с такой пищей кладут в рот все, что случится, так и они, вместе со словами божественных Писаний, приводят и свои вымыслы. Я знаю, что слова: *мое сребро и мое злато* сказаны пророком; но слова: *и кому хочу, дам его* не прибавлены, а привнесены этими невеждами. А для чего они сказаны, я объясню вам. Пророк Аггей часто обещал иудеям, что, по возвращении их из Вавилона, храм будет восстановлен в прежнем виде, но некоторые не верили словам его и считали почти невозможным, чтобы дом (Божий) опять явился таким же из пепла и праха; потому он, чтобы уничтожить их неверие, говорит им от лица Божия как бы так: чего вы страшитесь? Почему не веруете? *Мое сребро и мое злато;* Я не имею нужды занимать у других, чтобы украсить дом свой. В подтверждение этого он присовокупил: *будет слава храма сего последняя паче первыя* (Агг, II, 10). Итак, не будем вплетать паутинных тканей в царскую одежду: ведь если тот, кто был бы обличен в примешивании к багрянице негодных нитей, подвергся бы жестокой казни, то тем более в предметах духовных подобный поступок есть немаловажный грех. Но что я говорю о прибавлении и убавлении? От одной точки и от одного неправильного чтения (Писания) часто рождались многие нелепые мысли.

6. Откуда же, скажешь, богатые? Ведь сказано: *богатство и нищета от Господа* (Сир. XI; 14). Но спросим возражающих нам: всякое ли богатство и всякая ли бедность от Господа? Кто может сказать это? Мы видим, что многие собирают великое богатство хищением, гробокопательством, чародейством и другими подобными способами, и, владея им, даже недостойны жизни. Что же, отвечай мне, можно ли сказать, что это богатство от Бога? Нет. Откуда же? От греха. Блудница, оскверняя свое тело, обогащается; благообраз-

ный юноша, часто продавая красоту свою, постыдно приобретает золото; гробокопатель, разрывая могилы, собирает неправедное богатство; та кже – и вор, подкапывая стены. Итак всякое ли богатство от Бога? Что же, спросишь, скажем мы на упомянутое изречение? Наперед выслушай, что бывает и бедность не от Бога, а потом обратимся к упомянутому изречению. Когда какой-нибудь невоздержный юноша растратит богатство на блудниц, на чародеев, или на какие-нибудь другие подобные прихоти, и сделается бедным, то не явно ли, что это произошло не от Бога, но от собственного его невоздержания? Так же, если кто сделается бедным от праздности, если кто впадет в нищету от безрассудства, или от того что предпринимал дела опасные и беззаконные, то не совершенно ли явно, что никто из них и им подобных не введен в эту бедность Богом? Итак, Писание говорит ложь? Да не будет! Но заблуждаются те, которые не исследуют всего написанного с надлежащим тщанием. Ведь если известно, что Писание не ложно, и если доказано, что не всякое богатство от Бога, то недоумение происходит от вины невнимательных читателей. Здесь, освободив Писание от нареканий, нам следовало бы остановиться, чтобы тем наказать вас за небрежение к Писанию; но так как я весьма жалею вас и не могу долго видеть вас в смущении и беспокойстве, то теперь же предложу и разрешение, объяснив наперед, кто сказал упомянутые слова, когда и кому. Бог не одинаково беседует со всеми, подобно как и мы не одинаково говорим с детьми и с людьми взрослыми. Когда же это сказано, кем и кому? Соломоном, в Ветхом Завете, иудеям, не знавшим ничего, кроме предметов чувственных и по ним судившим о силе Божией. Они говорили: *еда и хлеб может дати* (Ис. LXXV, 20)? И еще: какое *знамение* покажешь *нам* (Мф. XVI, 1)? *Отцы наши ядоша манну в пустыни* (Ин. VII, 31). *Имже Бог чрево* (Флп. III, 19). Таким образом они судили о Боге; потому (Премудрый) говорит им, что для Него возможно и это, – делать и богатыми и бедными, не потому, будто Он непременно делает это, но может делать, когда хочет. Так (пророк) говорит: *запрещаяй морю, и изсушаяй е, и вся реки опустошаяй* (Наум. I, 4); но этого никогда не было. Как же пророк говорит об этом? Не как о бывающем всегда,

но как о том, что Он может сделать. Какую же Он посылает бедность и какое богатство? Вспомни патриарха и узнаешь, какое богатство посылается Богом. Он сделал богатым Авраама и после него Иова, как этот последний сам говорит: *аще благая прияхом от Господа, злых ли не стерпим* (Иов. II, 10)? И богатство Иакова происходило отсюда. Бывает от Него и бедность, достойная одобрения, которую некогда Он предлагал богатому в следующих словах: *аще хощеши совершен быти, продаждь имение твое, и даждь нищим, и гряди в след мене* (Мф. XIX, 21); также – ученикам, когда давал им следующую заповедь: *не стяжите злата, ни сребра, ни двою ризу* (Мф. X, 9, 10). Итак, не говори, что Он дает всякое богатство; известно, что оно собирается и убийствами, и хищением, и множеством других способов. Но возвратимся к прежнему вопросу. Если богатые нисколько не полезны нам, то для чего они и существуют? Что сказать на это? То, что бесполезны те богатые, которые такими способами сами сделали себя богатыми, а обогащенные Богом весьма полезны. Это можешь узнать из самих дел их. Авраам владел богатством на пользу всех странников и имевших нужду. Когда пришли к нему три, как думал он, человека, то он заколол тельца и замесил три меры пшеничной муки; вспомни, как он, сидя у ворот во время полудня, щедро и усердно разделял со всеми свое имущество, предлагая кроме имущества и телесное служение, и притом в такой старости; он был пристанищем странников и терпевших нужду и не считал своим ничего, даже собственного сына, – по повелению Божию отдал и его; отдал вместе с сыном и себя и весь дом когда поспешал спасти племянника; притом делал это не для приобретения имущества, но единственно по человеколюбию, так как, когда спасенные им сделали его распорядителем добычи, он отказался от всего, *от нити до ременя сапожнаго* (Быт. XIV, 23).

7. Таков же был блаженный Иов. *Дверь моя,* говорит он, *всякому приходящему отверста бе* (Иов. XXXI, 32); *око бех слепым, нога же хромым: аз бех отец немощным* (XXIX, 15, 16); *и вне не водворяшеся странник* (XXXI, 32); *немощнии же аще когда чесого требоваху, не получиша; не оставих маломощного изыти из дверей моих тщим недром* (XXXI, 16, 34). И гораздо больше этого, – чтобы нам теперь не исчислять всего, – он постоянно делал, упот-

ребляя все свое богатство на нуждающихся. А не хочешь ли посмотреть на тех, которые сделались богатыми не от Бога, и узнать, как они пользовались богатством? Посмотри на (богача, упомянутого) с Лазарем, даже не уделявшего крупиц; посмотри на Ахава, присвоившего виноградник; посмотри на Гиезия; посмотри на всех подобных людей. Приобретающие праведно, получив (богатство) от Бога, употребляют его согласно с заповедями Божиими; а оскорбляющие Бога в приобретении делают то же и в употреблении, расточая его на блудниц и праздных нахлебников, или закапывая и запирая, а не уделяя ничего бедному. Почему же, скажешь, Бог попускает таким людям делаться богатыми? Потому, что Он долготерпелив и хочет привести нас к покаянию; потому, что Он уготовал геенну и назначил день, в который будет судить вселенную. Если бы Он тотчас наказывал обогащающихся неправедно, то Закхей не имел бы времени раскаяться и отдать вчетверо больше того, что похитил, с приложением половины собственного имущества; Матфей не мог бы перемениться и сделаться апостолом, если бы не имел надлежащего времени, и многие другие подобные. Потому Он долготерпит, призывая всех к покаянию. Если же они не захотят (покаяться) и будут продолжать то же, то о них сказал Павел, что они *по жестокости своей и непокаянному сердцу собирают себе гнев в день гнева и откровения праведнаго суда Божия* (Рим. II, 5). Чтобы нам избежать этого гнева, будем собирать богатство небесное и искать бедности, достойной одобрения. Тогда мы получим и будущие блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXV

Держитеся любве, ревнуйте же духовным, паче же да пророчествуете (1 Кор. XIV, 1)

1. Обстоятельно показав (коринфянам) все достоинство любви, (апостол) наконец убеждает их ревностно стремиться к ней; потому и говорит: *держитеся*. Гонящийся за чем-нибудь видит только то, чего старается достигнуть, уст-

ремляет к тому все внимание и не отстает, пока не достигнет. Когда он не может достигнуть сам собой, то старается остановить бегущего при помощи находящихся впереди его, с великим усердием убеждая находящихся вблизи задержать бегущего и, задержав, не выпускать, пока он сам не достигнет до него. Так же будем поступать и мы: если не достигаем до любви, то будем просить находящихся близко к ней задержать ее, пока мы не приближимся к ней; а когда достигнем, то постараемся не отпускать ее, чтобы она опять не убежала от нас. Она часто удаляется от нас, потому что мы обращаемся с ней не надлежащим образом и предпочитаем ей все другое. Потому надобно употреблять все меры, чтобы крепко держать ее. Если будет так, то мы без большого или, лучше, без всякого труда, а напротив, с радостью и торжеством будем идти по узкому пути добродетели. Потому (апостол) и говорит: *держитеся* ее. Далее, чтобы не подумали, будто он вел речь о любви для того, чтобы унизить дарования, присовокупляет: *ревнуйте же духовным, паче же да пророчествуете. Глаголяй бо языки не человеком глаголет, но Богу: никто же слышит, Духом же глаголет тайны. Пророчествуяй же, человеком глаголет созидание и утешение и утверждение* (ст. 2, 3). Здесь он сравнивает дарования и поставляет ниже других дар языков, доказывая, что он и не совсем бесполезен, и не очень полезен сам по себе. Коринфяне много превозносились им и считали его великим дарованием, — считали великим потому, что апостолы получили его прежде всего и с такой торжественностью. Но это не делало его превосходнее других. Почему апостолы получили его прежде всего? Потому что должны были ходить повсюду. Как во время столпотворения один язык разделился на многие, так тогда многие языки часто принадлежали одному человеку, и один и тот же говорил на персидском, на римском, на индийском и на многих других языках, по внушению Духа. Такое дарование называлось даром языков, потому что (владевший им) мог говорить вместе на многих языках. Смотри же, как (апостол) и уничижает его, и возвышает; словами: *глаголяй языки не человеком глаголет, но Богу: никто бо слышит*, уничижает, показывая, что это дарование не очень полезно; а далее словами: *Духом же глаголет тайны*, опять возвышает, чтобы

оно не показалось излишним, бесполезным и напрасно данным. *Пророчествуяй же, человеком глаголет созидание и утешение и утверждение.* Видишь ли, с какой стороны он доказывает превосходство этого дарования? Со стороны его общеполезности. И везде он предпочитает то, что приносит пользу многим. А те, скажи мне, разве не людям говорили? Но не с таким назиданием, увещанием и утешением.

Иметь вдохновение от Духа одинаково свойственно обоим, и пророчествующему, и говорящему языками; но первый, то есть пророчествующий, имеет преимущество перед последним в том, что он еще полезен слушателям. Говорящих языками не слышали не имевшие этого дарования. Что же? Неужели они не назидали никого? Да, говорит, только самих себя. Потому (апостол) и присовокупляет: *глаголяй языки себе зиждет* (ст. 4). Каким же образом, если он не знает, что говорит? Но здесь (апостол) беседует о тех, которые знали что говорили, знали сами, но не могли передать другим. *А пророчествуяй церковь зиждет.* Какое различие между одним и Церковью, такое же различие между первым и последним. Видишь ли мудрость (апостола), как он не обращает этого дара в ничто, а показывает, что он хотя приносит пользу, но малую, и достаточен только для обладающего им? Потом, чтобы не подумали, будто он по зависти к ним унижает языки, — а дар этот имели многие, — он отклоняет их подозрение и говорит: *хощу же всех вас глаголати языки, паче же да прорицаете. Болий бо пророчествуяй, нежели глаголяй языки, разве аще не сказует, да церковь созидание приемлет* (ст. 5). Выражения: *паче* и *болий* означают не противоположность, но преимущество.

2. Отсюда также видно, что он не порицает дарования, но руководит слушателей к лучшему, показывая и свое попечение о них, и свою душу, чуждую всякой зависти. Не сказал: двое или трое; но — *всех вас хощу глаголати языки,* и не только этого желаю, но и того, чтобы вы пророчествовали, и последнего — более, нежели первого, *болий бо пророчествуяй.* Когда уже объяснил и доказал предмет, тогда и объявляет свое желание, впрочем, не просто, но с прибавлением: *разве аще кто не сказует;* если он будет способен и к этому, то есть к истолкованию, тогда, говорит, он делается равным проро-

ку, потому что тогда многие получают пользу. Надобно особенно заметить, как он во всем ищет ее (пользы) прежде всего. *Ныне же, братие, аще прииду к вам языки глаголя, кую вам пользу сотворю, аще вам не глаголю или во откровении, или в разуме, или пророчествии, или в научении* (ст. 6)? Но что, продолжает он, говорить о других? Пусть говорящим языками будет Павел: и тогда не будет никакой пользы слушателям. Говорит это с целью показать, что он ищет полезного для них, и что он не питает вражды к имеющим этот дар, если не отказывается признать его бесполезным даже в собственном своем лице. Неприятное он всегда прилагает к собственному лицу, как и в начале послания сказал: *кто есть Павел? Кто же ли Аполлос? Кто же Кифа* (1 Кор. III, 5)? То же делает и здесь: и я, говорит, не принесу вам пользы, *аще вам не глаголю или во откровении, или в разуме, или в пророчествии, или в научении*. Смысл слов его следующий: если я не скажу вам что-нибудь такого, что может быть для вас удобопонятным и ясным, а только покажу, что я имею дар языков, то, выслушав языки, вы отойдете, не получив никакой пользы. *Обаче бездушная глас дающая, аще сопель, аще гусли, аще разнствия писканием не дадят, како разумно будет пискание или гудение* (ст. 7)? Какая польза от слов, которых вы не понимаете? И что я говорю, продолжает он, что это бесполезно у нас, что полезно только ясное и понятное для слушателей? То же можно видеть и на бездушных музыкальных инструментах: если, например, будешь дуть в свирель, или ударять в гусли без надлежащего ритма и гармонии, но смешанно и как попало, то не доставишь удовольствия никому из слушателей, потому что и от нечленораздельных (инструментов) требуется некоторая ясность, и если будешь ударять в гусли или дуть в свирель неискусно, то не сделаешь ничего. Если же от бездушных (предметов) мы требуем такой ясности, стройности и раздельности, если бессмысленным звукам мы стараемся и усиливаемся придать великий смысл, то тем более требуется осмысленность от одушевленных и разумных людей и духовных дарований. *Ибо аще безвестен глас труба дает, кто уготовится на брань* (ст. 8)? От вещей не необходимых (апостол) переходит к необходимейшим и полезнейшим и говорит, что можно видеть то же не только на гуслях, но и на

трубе. И от ней бывают стройные звуки, указывающие то на войну, то на что-нибудь другое, то призывающие к нападению, то — к отступлению; и кто не знает этого, тот подвергается крайней опасности. Чтобы объяснить это и указать эту опасность, он и говорит: *кто уготовится на брань?* А кто не делает этого, тот губит все. Как же, скажете вы, это относится к нам? К вам это особенно и относится: потому он и присовокупляет: *тако и вы аще неблагоразумно слово дадите языком, како уразумеется глаголемое? Будете бо на воздух глаголюще* (ст. 9), то есть не скажете ничего, будете говорить ни для кого. Везде он доказывает бесполезность (дара языков). Но, скажешь, если он бесполезен, то для чего и дан был? Для того, чтобы он был полезен получившему его; а чтобы он был полезен и другим, для того нужно было соединять с ним истолкование. Все это говорит (апостол), желая соединить их друг с другом, чтобы один, не имеющий дара истолкования, призывал на помощь другого, имеющего такой дар, и посредством него делал полезным свой дар. Потому он везде и доказывает несовершенство дара, чтобы хотя таким образом соединить их между собой; и кто думает, что этот дар достаточен для него самого, тот не столько возвышает, сколько унижает его, не устрояя, чтобы он сиял светло при помощи истолкования. Хорош и необходим этот дар, но тогда, когда кто-нибудь объяснит сказанное. И палец — необходимый член, но если отделишь его от прочих, то он будет не столько полезен; необходима и труба, но если она попусту издает звуки, то бывает даже тягостна. Не проявится искусство, если не будет материала; не обработается и материал, если ему не будет сообщена форма. Поставь же голос на место материала, а ясность на место формы, без которой не может быть никакой пользы от материала. *Толики, аще ключится, роди гласов суть в мире, и ни един их безгласен* (ст. 10), то есть столько языков, столько наречий, скифов, фракиан, римлян, персов, мавров, индийцев, египтян, и многих других народов! *Аще убо не увем силы гласа, буду глаголющему иноязычник* (ст. 11).

3. Не думай, говорит, будто это случается только с нами; то же бывает и со всеми. Таким образом, говоря это, я не порицаю языка, но показываю, что он бесполезен для меня,

пока бывает не ясен. Потом, чтобы обличение не было тяжким, он уравнивает вину: *буду*, говорит, *глаголющему иноязычник, и глаголющий мне иноязычник*, не по свойству языка, но по причине нашего незнания. Видишь ли, как он мало-помалу довел речь до существенного? Так он обыкновенно делает: заимствует примеры издалека и оканчивает тем, что собственно относится к предмету. Сказав о свирели и гуслях, в примере которых было много недостаточного и ненужного, он перешел к трубе, (инструменту) полезнейшему, а потом наконец и к самому языку. Так и прежде, когда доказывал, что апостолам не запрещено получать (содержание от учеников), он начал с земледельцев, пастырей и воинов, а потом обратил речь на ближайшее к предмету, на ветхозаветных священников. Заметь, как он везде старается показать, что сам дар не заслуживает порицания, а переносит вину на получивших его; не сказал: *буду иноязычник*, но: *глаголющему иноязычник;* и далее не сказал: *глаголющий иноязычник*, но: *глаголющий мне иноязычник*. Что же, скажешь, должно делать? Должно не только не порицать, но и увещевать и поучать, как и он сам поступает. Он именно, обличив, укорив и показав бесполезность дара, наконец предлагает совет и говорит: *тако и вы, понеже ревнители есте духовом, яже к созиданию церкве ищите, да избыточествуете* (ст. 12). Видишь ли всегдашнюю его цель, как он постоянно и во всем имеет в виду одно, — нужду многих, пользу церкви, поставляя это как бы каким правилом? И не сказал: чтобы вам получить дарования, но: *да избыточествуете*, то есть чтобы иметь их в великом изобилии. Я, говорит, не только далек от желания, чтобы вы не имели их, я напротив желаю, чтобы вы имели их в избытке, если только вы будете употреблять их на общую пользу. А как может быть это, он объясняет далее: *темже*, говорит, *глаголяй языком, да молится, да сказует. Аще бо молюся языком, дух мой молится, а ум мой без плода есть. Что убо есть? Помолюся духом, помолюся же и умом; воспою духом, воспою же и умом* (ст. 13–15). Здесь (апостол) показывает, что от них зависит получить дарование: *да молится*, говорит, то есть пусть приложит то, что в его власти. Если усердно будешь просить, то получишь. Итак проси, чтобы тебе иметь не один только дар языков, но и дар истолкования, чтобы тебе быть полез-

ным для всех, а не заключить дара в одном себе. *Аще бо*, говорит, *молюся языком, дух мой молится, а ум мой без плода есть.*

Видишь ли, как (апостол) мало-помалу доводит речь до того, что такой человек бесполезен не только для других, но и для самого себя, так как и его ум остается без плода? Если бы кто говорил только на персидском языке или на каком-либо другом иностранном и не знал, что говорит, то он был бы чужестранцем и для себя самого, а не только для других, потому что не разумел бы силы слов. В древности было много таких, которые вместе с даром языков имели дар молитвы; они молились, язык их произносил молитву на персидском или римском наречии, но ум не разумел произносимого. Потому он и говорит: *аще молюся языком, дух мой молится*, то есть дарование, данное мне и приводящее язык в движение, *а ум мой без плода есть*. Что же лучше и полезнее, и как нужно поступать или чего просить у Бога? Того, чтобы молиться и духом, то есть дарованием, и умом. Потому он и говорит: *помолюся духом, помолюся же и умом; воспою духом, воспою же и умом.* И здесь он выражает то же, то есть чтобы и язык говорил, и ум не оставался неведущим сказанного. Если же этого не будет, то может произойти и другое замешательство: *понеже*, говорит, *аще благословиши духом, исполняяй место невежды како речет: аминь, по твоему благодарению, понеже не весть, что глаголеши. Ты убо добре благодариши, но другой не созидается* (ст. 16, 17). Смотри, как неуклонно и здесь он идет к своей цели, везде имея в виду назидание церкви. Невеждой он называет простолюдина и доказывает, что и он терпит немаловажный вред, когда не может сказать: *аминь*. Смысл слов его следующий: если ты будешь благословлять на языке иностранном, не зная, что говоришь, и не умея истолковать, то простолюдин не может отвечать: *аминь;* не слыша окончательных слов: *во веки веков*, он не скажет: *аминь*. Потом он опять смягчает речь, чтобы не показалось, будто он слишком унижает дар (языков), и как выше говорил, что (такой человек) *глаголет тайны, глаголет Богу, себе зиждет, молится духом*, предлагая в этом немалое утешение, так и здесь говорит: *ты убо добре благодариши*, — так как говоришь по внушению Духа, — но тот, кто ничего не слышит и не понимает сказанного, стоит, не получая большой пользы.

4. После того, как (апостол) против имеющих дар языков сказал, что в этом нет ничего великого, далее, чтобы не подумали, будто он унижает их потому, что сам лишен его, смотри, что он говорит: *благодарю Бога, паче всех вас языки глаголя* (ст. 18). То же он делает и в других случаях. Так, намереваясь низложить тщеславные притязания иудейства и показать, что оно уже ничтожно, он наперед изъясняет, что и сам имел (эти притязания), и притом в высшей степени, а потом называет их тщетой: *аще,* говорит, *что ин мнит надеятися во плоти, аз паче. Обрезан осмодневно, от рода Исраилева, колена Вениаминова, Евреин от Еврей, по закону Фарисей, по ревности гоних Церковь, по правде законней быв непорочен* (Флп. III, 4—6). Затем, когда показал, что сам имел все эти преимущества, говорит: *но яже ми бяху приобретения, сия вмених Христа ради тщету* (ст. 7). Так он поступает и здесь: *паче всех вас,* говорит, *языки глаголя;* потому не превозноситесь, как будто вы одни имеете этот дар; и я имею его, и притом гораздо больше вас. *Но в церкви хощу пять словес умом моим глаголати, да и ины пользую* (ст. 19). Что значит: *умом моим глаголати, да и ины пользую?* Говорить то, что понимаю, что могу истолковать и другим, говорить с сознанием и поучать слушателей. *Нежели тмы словес языком.* Почему? *Да и ины пользую,* говорит. Первое доставляет только показную славу, а последнее — великую пользу. Везде он ищет одного — общей пользы. Хотя дар языков был необыкновенным, а дар пророчества обыкновенным, древним и принадлежал уже многим, между тем как тот стал известен тогда в первый раз, однако (Павел) считал его не очень желательным для себя и даже не пользовался им, не потому, чтобы не имел его, но потому, что искал более полезного. Он был чужд всякого тщеславия и имел в виду только одно, как бы сделать лучшими слушателей. Потому он и мог видеть полезное и для себя, и для других, что был свободен от тщеславия; а кто поработил себя этой страсти, тот не может видеть полезного не только для других, но и для себя. Таков был Симон, который, руководясь тщеславием, не видел полезного и для себя (Деян. VIII); таковы были иудеи, которые по тому же предали диаволу собственное спасение.

Отсюда произошли идолы, и внешние (языческие) мудрецы, побуждаемые тем же безумием, впали в нелепые уче-

ния. И посмотри, как превратна эта страсть; по ее побуждению одни из них делались бедными, другие собирали богатство. Власть ее такова, что она выражает силу свою даже в вещах противоположных: один тщеславится целомудрием, другой, напротив, распутством, один – правдой, другой – неправдой, невоздержанием и постом, кротостью и дерзостью, богатством и бедностью. Некоторые из внешних, и имея возможность брать (с других), не брали для того, чтобы им удивлялись. Но апостолы были не таковы: они были чисты от тщеславия и доказали это своими делами. Когда называли их богами и готовы были принести им в жертву увенчанных волов, они не только остановили это, но и разодрали свои одежды (Деян. XIV). Когда они исцелили хромого и все удивлялись им, они сказали: *что на ны взираете, яко своею ли силою сотворихом его ходити* (Деян. III, 12)? Те избирали бедность между людьми, удивлявшимися бедности; а они – между людьми, презиравшими бедность и прославлявшими богатство, и тем, что получали, довольствовали нуждавшихся. Так они все делали не из тщеславия, но по человеколюбию! А те, напротив, во всем, равно и с имуществом, поступали как враги и губители всей природы. Один, как безумный и сумасшедший, напрасно и без пользы потопил в море все свое имущество: другой оставил невозделанным все свое поле. Так они все делали из честолюбия! Но не так поступали апостолы: они и принимали предлагаемое, и раздавали это бедным с такой щедростью, что сами непрестанно терпели голод. Если бы они искали славы, то не поступали бы так, не принимали бы и не раздавали бы, опасаясь, чтобы не навлечь на себя какого-нибудь подозрения. Ведь кто бросает свое из тщеславия, тот тем более не возьмет чужого, чтобы не показаться имеющим нужду в других и не навлечь на себя подозрения. Они же, как видишь, и служили и сами просили для нуждавшихся. Так они были любвеобильнее всех отцов! Посмотри, как и заповеди их соразмерны и чужды тщеславия: *имеюще,* говорит (апостол), *пищу и одеяние, сими доволни будем* (1 Тим. VI, 8), не так, как тот синоплянин (Диоген), который без всякой нужды одевался в рубище и жил в бочке, удивлял многих, но пользы не принес никому. А Павел не делал ничего подобного, потому что не руково-

дился честолюбием, но и одевался со всей благопристойностью, и жил всегда в доме, и был совершен в других добродетелях, которые упомянутый киник презирал, проводя жизнь распутную, поступая бесстыдно перед всеми и увлекаясь безумной страстью тщеславия. В самом деле, если бы кто спросил, для чего он жил в бочке, то не нашел бы никакой другой причины, кроме одного тщеславия.

5. Павел давал даже плату за дом, в котором жил в Риме (Деян. XXVIII, 30). Если он переносил гораздо труднейшее, то тем более мог бы также (жить вне дома). Но он не искал славы, этого дикого зверя, злого демона, язвы вселенной, ядовитой ехидны. Как ехидна расторгает зубами чрево матери, так и эта страсть терзает питающего ее. Где же найти лекарство против этой разнообразной болезни? Нужно помышлять о тех, которые преодолели ее, и, взирая на пример их, согласно с тем устроять собственную жизнь. И патриарх Авраам... Но пусть никто не обвиняет нас в тождесловии за то, что о нем мы вспоминаем часто и при всяком случае. Это особенно и делает его удивительным, а неподражающих ему лишает всякого оправдания. Если бы мы показали некоторую часть добродетели в одном и часть в другом (человеке) добродетельном, то иной сказал бы, что добродетель неудобоисполнима, так как нелегко одному совершить все то вообще, что по частям совершил каждый из святых. Но когда находится один и тот же имеющий все, то какое получат оправдание те, которые после закона и благодати не могут сравниться с жившими прежде закона и благодати? Как же этот патриарх преодолел и победил этого зверя, когда имел распрю с племянником? Будучи обделен и не получив лучшей части, он не скорбел; а вы знаете, что в таких случаях стыд бывает хуже убытка для малодушных, особенно когда человек бывает господином всего, как был тогда он (Авраам), и когда сам, наперед оказав честь, не будет взаимно удостоен чести. Но ничто из всего этого не оскорбило его: получив худшую часть, он остался доволен и, будучи обижен старший младшим, дядя племянником, не вознегодовал и не огорчился, а, напротив, по прежнему оказывал ему любовь и попечение. Опять, одержав победу в великой и страшной войне и силой прогнав варваров, он не

торжествовал победы и не поставил трофея, потому что хотел только спасти (других), а не показать (себя). Опять, когда он принимал странников, и тогда не тщеславился, но сам выходил им навстречу и кланялся, не как благодетельствующий, но как благодетельствуемый, называл пришельцев господами, не зная, кто они, и заставлял жену служить им. И прежде того в Египте, оказавшись столь удивительным, получив обратно жену свою и удостоившись такой чести, он ни перед кем не хвалился. Туземцы называли его царем, а он заплатил им даже за могилу (Быт. XXIII). Так же, когда он посылал избрать невесту своему сыну, то не приказывал говорить о себе чего-нибудь великого и славного, а просто – привести невесту. Не хочешь ли посмотреть и на живших во времена благодати и видеть, как они были чужды этой страсти даже тогда, когда великая слава учения их распространилась повсюду?

Посмотри на того самого (апостола), которого слова мы слушаем, как он постоянно все приписывает Богу, как он часто вспоминает о грехах своих, а о подвигах никогда; если же бывает принужден сделать это в назидание ученикам, то называет это дело безумием, уступает первенство Петру, не стыдится работать у Прискиллы и Акилы и везде старается показать себя смиренным, не величаясь на торжище и не окружая себя толпами народа, но помещаясь в ряду незнатных. Потому он и говорил: *пришествие тела немощно* (2 Кор. X, 10), то есть не важно и чуждо всякого великолепия; и еще: *молимся, не сотворити вам ни единаго зла, не яко да мы искусни явимся* (2 Кор. XIII, 7). И что удивительного, если он презирает эту (земную) славу? Если он презирает вышнюю славу, царство и геенну для угождения Христу, – а он именно желает *отлучен быти от Христа* для славы Христовой, и хотя говорит, что желает подвергнуться этому *за Иудеев,* но говорит так, чтобы кто-нибудь из безумных не подумал, что данные им обетования он присваивает себе, – если, говорю, он был готов презреть это, то удивительно ли, что он презирает славу человеческую? Но нынешних (людей) губит все, не только желание славы, но и противное тому: оскорбление и опасение бесчестья; если кто станет хвалить тебя, ты надмеваешься, а если станет порицать, ты падаешь духом. Как

слабые тела терпят вред и от незначительных причин, так и низкие души: их губит не только бедность, но и богатство, не только печаль, но и радость, и даже приятное более, нежели печальное, потому что бедность заставляет быть воздержным, а богатство часто доводит до великого зла. И как одержимые горячкой бывают недовольны всем, так и испорченные души от всего терпят вред.

6. Зная это, не будем избегать бедности и удивляться богатству, но будем устроять душу свою так, чтобы она была готова ко всему. Кто строит дом, тот заботится не о том, чтобы на него не лился дождь и не падали (солнечные) лучи, – это и невозможно, – но чтобы он мог вынести все. И кто строит корабль, тот заботится и старается не о том, чтобы его не поражали волны и не касалась морская буря, – это и невозможно, – но чтобы стены корабля были способны вынести все. И кто укрепляет тело, тот также старается не о том, чтобы не было воздушных перемен, но чтобы тело легко переносило все это. Точно так будем поступать и с душой, будем стараться не о том, чтобы избегать бедности или сделаться богатыми, но чтобы принимать то и другое безопасно для себя самих. Не заботясь о них, будем уготовлять душу пригодной и к богатству и к бедности. Ведь хотя бы и не случилось ничего свойственного людям, – что бывает слишком редко, – и в таком случае не ищущий богатства и умеющий легко переносить все гораздо лучше, чем живущий всегда в богатстве. Почему? Во-первых, такой (человек) имеет опору спокойствия внутри себя, а не вне; как воин, полагающийся на крепость тела и воинское искусство, лучше того, который надеется только на силу оружия, так и огражденный добродетелью лучше того, кто надеется на деньги. Во-вторых, богатый, хотя бы и не впал в бедность, не может быть спокойным, потому что богатство причиняет много бурь и беспокойств. А добродетель, напротив, доставляет только радость и спокойствие; она делает человека недоступным для коварных врагов, богатство же, напротив, делает его доступным и удобопреклонным. Из животных олени и зайцы легче всех могут быть уловляемы по своей природной боязливости, а кабан, бык и лев не легко попадают в руки охотников; то же можно видеть на богатых и на

живущих в добровольной бедности; последний подобен льву и быку, а первый – оленю и зайцу. Кого в самом деле не боится богатый? Уж не разбойников ли? Не властителей ли? Не завистников ли? Не клеветников ли? Но что я говорю о разбойниках и клеветниках, когда он с подозрением смотрит на самих домашних? И что я говорю (о том времени), когда он еще жив? Даже и по смерти он не свободен от козней хищников; и сама смерть не может доставить ему безопасности, но и мертвого его грабят злодеи. Так опасно богатство! Не только подкапываются жилища, но разрываются и могилы и гробницы. Что же может быть хуже того, если сама смерть не доставляет ему безопасности, но даже лишившись жизни, несчастное тело его не освобождается от житейских зол, если злодеи восстают даже против пыли и праха, и притом с большей жестокостью, нежели при его жизни? Тогда, входя в кладовую и разламывая сундуки, они по крайней мере, не касались тела и не брали столько, чтобы обнажить само тело; а теперь нечистые руки гробокопателей не воздерживаются и от этого, но сдвигают с места (и тело), переворачивают его и посмеиваются над ним с великой жестокостью. Когда оно бывает предано земле, то они, лишив его и покрова земли, и одежд, оставляют его, брошенным в таком виде. Кто же враждебнее богатства, которое при жизни губит душу, а по смерти подвергает поруганию тело и не дает ему покоя в земле, чего не лишены даже осужденные и тяжкие преступники? И с преступниками, наказав их смертью, законодатели ничего более не делают; а их богатство и по смерти подвергает жесточайшему наказанию – быть обнаженными и лишенными погребения: ужасное и жалкое зрелище! Подлинно, участь их тяжелее участи тех, которые подвергаются тому же по определению и гневу судей; последние, пробыв непогребенными один или два дня, предаются земле; а первые, когда бывают преданы земле, тогда именно и обнажаются, и подвергаются поруганию. Если воры уходят, не взяв самого гроба, то и этим он обязан не богатству, а бедности; она сохраняет его, так что если бы мы и гроб покрыли богатством или устроили бы его не из камня, а из золота, то лишились бы и его. Так неверно богатство! Оно не столько принадлежит имеющим его,

сколько занимающимся хищничеством. Потому напрасно было бы доказывать, что невозможно удержать богатство, тогда как имеющие его не находят безопасности даже в день смерти. С умершим кто не примиряется, хотя бы то был зверь, демон, или кто бы ни был? Достаточно одного взгляда на умершего, чтобы тронуться человеку железному и безжалостному; когда кто смотрит на мертвого, хотя бы в нем видел врага и неприятеля, то плачет вместе с ближайшими его друзьями; гнев погасает вместе с жизнью, и вместо него является соболезнование; при выносе и погребении никто не различит врага и не врага: так все почитают общую природу и установленные для нее законы! Но богатство, будучи чуждо этого, внушает гнев против имеющих его и делает врагами умершего людей, нисколько не обиженных им, потому что обнажать мертвое тело свойственно жестоким врагам и неприятелям. Природа примиряет с ним тогда и врагов; а богатство вооружает против него и тех, которые не могут ни в чем обвинить его и терзают тело, совершенно уединенное. Многое здесь могло бы склонить на милость, и то самое, что оно мертво, неподвижно, готово обратиться в землю и тление и беспомощно; но ничто подобное не трогает злодеев, преданных преступной страсти. Страсть корыстолюбия, как бы какой жестокий тиран, настоятельно требует от них исполнения своих бесчеловечных повелений и, обращая их в зверей, ведет к гробницам. Нападая на умерших, как дикие звери, они не отказались бы и от тел, если бы (телесные) члены могли принести им пользу. Такие-то плоды мы получаем от богатства: по смерти подвергаемся поруганию и лишаемся могилы, которой удостаиваются даже тяжкие преступники! Неужели после этого, скажи мне, мы будем еще любить такого врага? Нет, братие, нет, увещеваю вас, побежим от него, не оглядываясь назад; если оно и само придет в наши руки, не будем удерживать его у себя, но свяжем его руками бедных; эти узы гораздо лучше могут удержать его; из этих хранилищ оно никогда не убежит, и неверное сделается наконец верным, тихим и кротким через подаяние милостыни. Итак, когда оно придет к нам, будем употреблять его на это дело; если же не придет, не будем искать, изнурять себя и считать бла-

женными имеющих его. Какое это блаженство? Разве назовешь блаженными занимающихся борьбой с дикими зверями за то, что такие борцы, заключив у себя дорогостоящих животных, стерегут их, между тем как сами не смеют приступить и прикоснуться к ним, боятся их и трепещут. Нечто подобное испытывают и богатые, заключив богатство в своих хранилищах, как дикого зверя, и каждый день получая от него тысячи ран, только не так, как от зверей. Звери, когда бывают выпущены, тогда и причиняют вред встречающимся с ними; а богатство, когда бывает заперто и хранимо, тогда и погубит приобретших и хранящих его. Сделаем же этого дикого зверя кротким. А он будет кроток, когда мы не станем запирать его, но будем передавать его в руки всех нуждающихся. Таким образом мы получим от него величайшие блага, и настоящую жизнь будем проводить безмятежно и с доброй надеждой, и в будущий день предстанем с дерзновением, которого да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVI

Братие, не дети бывайте умы, но злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте (1 Кор. XIV, 20)

1. После многих объяснений и доказательств (апостол) справедливо употребляет теперь речь более сильную, соединенную с великим обличением, и приводит пример, сообразный с предметом. Дети недоумевают и изумляются при виде малых вещей, а при весьма великих не приходят в такое удивление. Подобным образом и имевшие дар языков, который был последним из всех, думали, что они имеют все; потому он и говорит: *не дети бывайте,* то есть не будьте неразумными там, где следует быть разумными, но будьте простыми детьми там, где неправда, где тщеславие, где гордость. Кто младенец на злое, тому должно быть и мудрым; как мудрость с злобой не была бы мудростью, так и простота с неразумием не была бы простотой; в простоте надобно избегать неразумия и в мудрости — злобы. Как лекарства

более надлежащего горькие или сладкие не приносят пользы, так и простота и мудрость сами по себе. Потому и Христос, повелевая соединять то и другое, сказал: *будите убо мудри яко змия, и цели яко голубие* (Мф. X, 16). Что же значит — *младенствовать злобою?* Даже и не знать, что такое зло; такими быть он желал им, когда говорил: *отнюд слышится в вас блужение* (1 Кор. V, 1). Не сказал: допускается, но: *слышится.* Вы, верно, говорит, знаете это, потому что слышали о том некогда. Он хотел, чтобы они были и мужами и детьми, детьми на злое, а мужами по мудрости. И муж тогда будет мужем, когда вместе с тем будет младенцем; а пока он не будет младенцем на злое, то не будет и мужем, потому что злой не может быть совершенным, а бывает неразумным. *В законе бо пишет, яко иными языки и усты иными возглаголю людем сим, и ни тако послушают мене, глаголет Господь* (ст. 21). В законе нигде этого не написано; но он, как я сказал прежде, всегда называет законом все ветхозаветное Писание, и пророческие и исторические книги. Приведенное свидетельство он заимствует из пророка Исаии, чтобы опять ограничить славу дара (языков), для пользы слушателей; и здесь впрочем говорит о нем с похвалой. Слова: *и ни тако* показывают, что чудо было достаточно для того, чтобы тронуть их; если же они не убедились, то это их вина. Для чего же Бог сделал это, если они не хотели убедиться? Чтобы сделать со своей стороны все нужное. Доказав пророчеством, что упомянутое знамение не очень полезно, (апостол) продолжает: *темже языцы в знамение суть не верующим, но неверным: а пророчество не неверным, но верующим. Аще убо снидется церковь вся вкупе, и вси языки глаголют, внидут же и неразумивии или невернии, не рекут ли, яко беснуетеся? Аще же еси пророчествуют, внидет же некий неверен или невежда, обличается всеми и истязуется от всех: и сице тайная сердца его явлена бывают, и пад ниц, поклонится Богови, возвещая, яко воистину Бог с вами есть* (ст. 22—25). Сказанное здесь может возбудить в ком-нибудь большое недоумение. Если языки служат знамением для неверных, то как он говорил: если неверные увидят вас говорящими на языках, то скажут, что вы беснуетесь? И если пророчество не для неверных, но для верующих, то как получат от него пользу и неверные? *Аще же,* говорит, *еси пророчествуют, внидет же не-*

кий неверен, обличается всеми и истязуется. И не только этот, но кроме того и другой здесь рождается вопрос: языки опять, по-видимому, больше пророчества, потому что если языки служат знамением для неверных, а пророчество для верных, то дар, обращающий и делающий своими чужих, больше дара, назидающего своих. Что же означают сказанные слова? Они не затруднительны, не темны и не противоречат предыдущему, но весьма согласны с ним, если мы вникнем. Пророчество полезно для тех и других, а языки нет. Потому, сказав о языках, что они *в знамение суть,* (апостол) присовокупил: *не верующим, но неверным,* и притом *в знамение,* то есть более для удивления, нежели для назидания. Но, скажешь, и о пророчестве он выразился точно так же в словах: *а пророчество не неверным, но верующим;* верующий не имеет надобности видеть знамение, а нуждается только в научении и назидании; как же ты утверждаешь, что пророчество полезно для тех и других, тогда как он говорит: *не неверным, но верующим?* Если тщательно исследуешь, то поймешь слова его. Он не сказал, что пророчество не полезно для неверных, но что оно не служит знамением, как языки, то есть не так же бесполезно. И языки не есть что-нибудь полезное для неверных: они производят только одно изумление и смущение. *Знамение* принадлежит к числу безразличного; так Псалмопевец, сказав: *сотвори со мною знамение,* прибавляет: *во благо* (Пс. LXXXV, 17); и еще: *яко чудо бых многим* (Пс. LXX, 7), то есть *в знамение.*

2. Чтобы ты убедился, что *знамение* здесь не означает чего-нибудь, всегда приносящего пользу, (апостол) присовокупляет и то, что оно производит. Что же такое? *Рекут,* говорит, *яко беснуетеся.* Это зависит не от свойства знамения, но от неразумия тех, (которые *рекут).* Под словом *неверные* не всегда разумей одинаковых людей, но иногда неисцельно больных и остающихся неисправимыми, а иногда могущих перемениться, каковы были те, которые удивлялись апостолам, *глаголавшим величия Божия;* таковы же были домашние Корнилия. Итак, смысл слов его следующий: пророчество имеет силу и между неверными и между верующими, а слыша языки, неверные и неразумные не только не получают пользы, но и смеются над говорящими на языках, как над

беснующимися. (Языки) служат им только *в знамение*, то есть только приводят их в изумление. Если бы, впрочем, они имели ум, то получили бы и пользу, для которой дано знамение; ведь (и при апостолах) не только были насмехавшиеся над ними, как бы над опьяневшими, но многие и удивлялись им, как *глаголющим величия Божия;* так насмехавшиеся были неразумные. Потому и Павел не просто сказал: *рекут, яко беснуетеся*, но присовокупил: *неразумивии или невернии*. Пророчество же не просто служит *в знамение*, но нужно и полезно для веры и назидания тех и других. Впрочем, это он выразил не тотчас, но объяснил в дальнейших словах: *обличается всеми. Аще же*, говорит, *еси пророчествуют, внидет же некий неверен или невежда, обличатся всеми и истязуется от всех, и сице тайная сердца его явлена бывают и пад ниц поклонится Богови, возвещая, яко воистину Бог с вами есть*. Таким образом, пророчество выше не только потому, что имеет силу между теми и другими, но и потому что обращает бесстыднейших из неверных. Не одинаково было чудо, когда Петр обличил Сапфиру, – это было действием пророчества, – и когда говорил языками; тогда все устрашились, а когда он говорил языками, то даже принят был за беснующегося. Итак, сказав, что языки не приносят пользы, и оставив между тем обличение вины иудеев, (апостол) далее показывает, что они даже причиняют вред. Для чего же, скажешь, и даны они? Для того, чтобы употреблялись вместе с истолкованием, без которого случается и противное у неразумных. *Аще убо*, говорит, *вси языки глаголют, внидут же и неразумивии или невернии, не рекут ли, яко беснуетеся?* Так и апостолы были приняты за опьяневших: *глаголаху, яко вином исполнены суть* (Деян. II, 13). Но причина не в знамении, а в неразумии (говоривших это); потому он присовокупил: *неразумивии или невернии*, то есть мнение их происходит от неразумия и неверия. Он старается, как я сказал прежде, поставить дар (языков) в ряд предметов не совершенно достойных отвержения, но не очень полезных, и притом с целью смирить слушателей и внушить им необходимость искать истолкования. Так как они не заботились об этом, но многие через упомянутый дар старались показать себя и удовлетворить своему честолюбию, то он особенно и отклоняет их от этого, доказывая, что они, напротив, вре-

дят своей славе, навлекая на себя подозрение в бесновании. Так всегда поступает Павел: когда хочет кого отклонить от чего-нибудь, то доказывает, что он терпит вред от того самого, к чему имеет пристрастие; так поступай и ты: отклоняя от удовольствий, покажи, что они исполнены горечи; отклоняя от тщеславия, покажи, что оно причиняет бесчестье. Так и Павел поступал. Отклоняя богатых от любви к деньгам, он говорит, что богатство не только вредит, но и подвергает искушениям: *хотящии богатитися*, говорит, *впадают в напасти* (1 Тим. VI, 9). Так как богатство, по-видимому, избавляет от напастей, то он утверждает противное тому, что думали богатые. Другие имели пристрастие к внешней мудрости, как будто бы она служила им для объяснения догматов; а он доказывает, что она не только не приносит пользы кресту, но и унижает его. Иные хотели судиться у чужих, считая недостойным судиться у своих, как будто бы внешние (язычники) были мудрее; а он доказывает, что судиться у внешних постыдно. Иные вкушали идольские жертвы, как бы желая показать в себе совершенное знание; а он доказывает, что неумение устроять благо ближних есть признак несовершенного знания. Так и здесь: (коринфяне) по честолюбию восхищались даром языков, а он доказывает, что это особенно и посрамляет их, не только лишая славы, но и подвергая подозрению в бесновании. Впрочем, он не вдруг сказал это, но, предварительно сказав очень многое и тем приготовив их к принятию слов своих, потом и высказывает мысль крайне неожиданную. Такой у него обыкновенно образ речи. Подлинно, кто хочет поколебать утвердившееся мнение и переменить его на противоположное, тот не должен тотчас высказывать противоположное: иначе он будет осмеян теми, которые предзаняты противоположным мнением; очень неожиданное не может быть принято вдруг без предварительной подготовки; наперед нужно иными доводами хорошо поколебать мнение других и тогда уже внушить им противоположное.

3. Так же он поступил, когда говорил о браке. Многие имели расположение (к браку), как бы доставляющему спокойствие; а он хотел доказать, что спокойствие заключается в безбрачном состоянии; если бы сказал это вдруг, то сло-

ва его не были бы так хорошо приняты; теперь же, высказав это после многого другого и предложив благовременно, он сильно тронул слушателей. Так же он поступил касательно девства. Сказав предварительно многое, он уже после того говорит: *аз же вы щажду* (1 Кор. VII, 28); и еще: *хощу вас безпечальных быти* (1 Кор. VII, 32). Точно так он поступает и касательно дара языков, доказывая, что он не только лишает славы, но и посрамляет имеющих его перед неверными. А пророчество, напротив, и не подвергает посрамлению перед неверными, и доставляет величайшую славу и пользу; по поводу пророчества никто не скажет, *яко беснуетеся,* и не станет смеяться над пророчествующими, но, напротив, всякий будет изумляться и удивляться им, потому что *обличается всеми,* то есть все, что у него на сердце, обнаруживается и представляется всем. Не одно и то же — кому-нибудь войдя услышать одного говорящим по-персидски, другого по-сирски или, войдя с какой бы то ни было целью, для искушения и с лукавым намерением или простосердечно, услышать тайны своего сердца, такие-то и такие-то свои деяния и намерения; последнее более первого возбуждает страх и приносит пользу. Потому (апостол) и говорит, что по поводу языков скажут, *яко беснуетеся;* впрочем, говорит это не сам от себя, но как суждение других: *не рекут ли,* говорит, *яко беснуетеся?* Здесь же он основывается и на существе самого дела, и на убеждении получающих пользу: *обличается всеми,* говорит, *и истязуется от всех, и сице тайная сердца его явлена бывают, и тако пад ниц, поклонится Богови, возвещая, яко воистину Бог с вами есть.* Видишь ли, как это несомненно? Там действие подвергается различным суждениям, и иной из неверных может приписать его беснованию; а здесь не бывает ничего такого, а, напротив, он удивляется и поклоняется, исповедуя прежде делами, а потом и словами. Так поклонился Богу и Навуходоносор, который сказал: *по истине Бог ваш, той есть Бог, открываяй тайны, понеже возмогл еси открыти тайну сию* (Дан. II, 47). Видишь ли, как сила пророчества изменила (человека) грубого, научила его и привела к вере? *Что убо есть, братие? Егда сходитеся, кийждо вас псалом имать, учение имать, язык имать, откровение имать, сказание имать: вся к созиданию да бывают* (ст. 26). Видишь ли основание и правило христи-

анства? Как дело зодчего – строить, так дело христианина – всеми способами приносить пользу ближним. Так как (апостол) весьма сильно восставал против дара (языков), то, чтобы он не показался излишним, – а восставал он единственно с намерением смирить гордость их, – он опять поставляет его в числе других (духовных дарований) и говорит: *псалом имать, учение имать, язык имать.* В древности и составляли псалмы по дарованию, и учили по дарованию. Но все это, говорит, пусть клонится к одному – к назиданию ближнего; пусть ничто не делается напрасно; если ты приходишь не для назидания брата, то для чего и приходишь? Для меня не очень важно различие дарований; мои заботы только об одном, и старания клонятся к одному – чтобы все делалось для назидания; тогда даже имеющий малое дарование превзойдет имеющего великое, если будет употреблять его с назиданием. Дарования для того и даются, чтобы каждый получал назидание; если же этого не будет, то дарование послужит даже к осуждению получившего его; скажи мне в самом деле, какая польза пророчествовать, какая польза воскрешать мертвых, если никто не получает назидания? Если же в этом состоит цель дарований, которой можно достигнуть и другим способом без дарований, то не превозносись знамениями и не считай себя несчастным, не имея дарований. *Аще же языком кто глаголет, по двема, или множае по трием, и по части и един да сказует. Аще ли не будет сказатель, да молчит в церкви, себе же да глаголет и Богови* (ст. 27, 28). Что говоришь ты? Сказав столько о даре языков, что он и бесполезен и излишен, если нет истолкователя, ты опять повелеваешь говорить языками? Не повелеваю, говорит, но и не запрещаю. Как в том случае, когда говорит: *аще ли кто от неверных призывает вы, и хощете ити* (1 Кор. X, 27), он не заповедует идти, но и не удерживает, так и здесь. *Себе же да глаголет и Богови.* Если, говорит, ты не можешь молчать, если ты так честолюбив и тщеславен, то говори про себя. Таким дозволением он еще более запрещает, потому что приводит в стыд.

4. Так же поступает он и в другом месте, когда беседует об отношениях к жене: *сие же глаголю,* говорит, *по невоздержанию вашему* (1 Кор. VII, 5, 6). Но не так он говорит о пророчестве, – а как? Повелительно и решительно: *пророцы же два*

или трие да глаголют; и при этом нигде не требует истолкователя и не заграждает уста пророчествующему, подобно как там говорил: *аще не будет сказатель, да молчит.* Говорящий языками сам по себе недостаточен: потому, если кто имеет оба дарования, то пусть говорит; если же не имеет, а хочет говорить, то пусть делает это при истолкователе. И пророк есть истолкователь, но Божий, а ты – человеческий. *Аще же не будет сказатель, да молчит;* ничего не должно делать напрасно и по честолюбию. *Себе же да глаголет и Богови,* то есть в уме, или тайно и без шума, если хочет. Здесь он не заповедует, но, может быть, более запрещает посредством такого дозволения, подобно как когда говорит: *аще ли кто алчет, в дому да яст* (1 Кор. XI, 34), где, по-видимому, дозволяет, но тем самым сильнее пристыжает. Не для того вы собираетесь, говорит, чтобы показать, что имеете дарование, но чтобы назидать слушателей, как говорил он и вначале: *вся же к созиданию да бывают. Пророцы, же два или трие да глаголют, и друзии да разсуждают* (ст. 29), – и более не прибавил ничего такого, что (говорил) о языках. Но что он говорит? Не выражает ли он, что и пророчество само по себе недостаточно, если другим предоставляет *разсуждать!* Нет, оно весьма достаточно: потому он и не заградил уст пророчествующему, подобно как тому (говорящему языками), когда нет истолкователя; и между тем как о последнем сказал: *аще не будет сказатель, да молчит,* о первом не сказал: если нет рассуждающего, то пусть не пророчествует, но только предложил наставление слушателю. Он сказал это для предостережения слушателей, чтобы между ними не случился волхвователь. Остерегаться этого он повелевал и вначале, когда показывал различие между волхвованием и пророчеством, и теперь повелевает различать и наблюдать то же самое, чтобы не вкралось что-нибудь диавольское. *Аще ли иному открыется седящу, первый да молчит. Можете бо вси по единому пророчествовати, да вси учатся, и вси утешаются* (ст. 30, 31). Что означают эти слова? Если, говорит, в то время, когда ты пророчествуешь и говоришь, Дух другого возбудит его, тогда ты замолчи. Как прежде касательно языков, так и здесь он требует, чтобы это было *по части* (порознь), но здесь высшим образом; не сказал: *по части* но: *аще иному открыется.*

И для чего первому продолжать речь, когда другой возбуждается к пророчеству? Но не следовало ли (говорить) обоим? Это неуместно и произвело бы беспорядок. Не следовало ли первому? И это неуместно, потому что для того Дух и возбуждал другого, когда говорит первый, чтобы и он сказал что-нибудь. Потом, в утешение тому, которому заповедует молчать, говорит: *можете бо вси по единому пророчествовати, да вси учатся, и вси утешаются.* Видишь ли, как он опять приводит и причину, почему все так заповедует? Если имеющему дар языков он совершенно запрещает говорить, когда нет истолкователя, потому что речь была бы бесполезна, то справедливо повелевает прекращать и пророчество, когда оно не приносит пользы, но может произвести замешательство, смятение и неуместный беспорядок. *И дуси пророчестии пророком повинуются* (ст. 32). Видишь ли, как он сильно и страшно пристыжает? Чтобы человек не возражал и не противился, он говорит, что самое дарование повинуется: *духом* здесь он называет действие. Если же *дух повинуется,* то тем более ты, получивший его, не имеешь права возражать. Потом доказывает, что и Богу так угодно: *несть бо,* говорит, *нестроения Бог, но мира, яко во всех церквах святых* учу (ст. 33). Видишь ли, какими доводами он побуждает к молчанию и утешает уступающего другому? Во-первых, тем, что в таком случае и он не исключается: *можете бо,* говорит, *вси по единому пророчествовати;* во-вторых, тем, что это свойственно Духу: *дуси бо пророчестии пророком повинуются;* далее тем, что это согласно с волей Божией: *несть бо,* говорит, *нестроения Бог, но мира;* в-четвертых, тем, что это правило простирается на всю вселенную и что он не заповедует ничего нового: *яко* бо, говорит, *во всех церквах святых* учу. Может ли быть что-нибудь изумительнее этого? Церковь тогда была небом; Дух устроял все в народе, руководил и вдохновлял каждого из предстоятелей. А теперь у нас одни только знаки тогдашних дарований. И ныне мы говорим и по двое, и по трое, и порознь, и один умолкает, когда начинает другой; но все это только знаки и памятники прежнего. Потому-то, когда мы начнем говорить, народ отвечает. *Духови твоему,* выражая, что в древности говорили так не по собственной мудрости, но по внушению Духа. А теперь не то, впрочем, я высказываю свое мнение.

5. Ныне церковь подобна жене, лишившейся прежнего богатства, сохраняющей во многих местах только знаки первоначального благоденствия и показывающей сундуки и лари от золотых (сокровищ), а самого богатства не имеющей; такой жене уподобилась ныне церковь. Говорю это, имея в виду не дарования, — не было бы слишком прискорбно, если было бы только это, — но и жизнь и добродетель. Тогда сонм вдов и лик девственниц составляли великое украшение церквей; а теперь это вывелось и упразднилось; остаются только знаки. Есть и ныне вдовы, есть и девы, но они не составляют того украшения, каким должны быть посвятившие себя на такие подвиги. Отличительный признак девы есть попечение об одних делах Божиих и непрестанная усердная молитва; и признак вдовы состоит не столько в том, чтобы не вступать во второй брак, сколько в другом, — в делах страннолюбия, нищелюбия, прилежания в молитвах и во всем, что с великой точностью предписывает Павел в послании к Тимофею (1 Тим. V).

Есть у нас и жены, которые в супружестве соблюдают великую скромность; но не это только требуется, а и тщательное служение нуждающимся, чем особенно отличались жены древние, — не так, как многие из нынешних. Тогда украшались вместо золота красотой милостыни; а ныне, оставив это, обвешивают себя со всех сторон золотыми цепями, сплетенными из множества грехов. Сказать ли еще о другом хранилище, утратившем прародительское украшение? В древности все сходились и пели вместе, — это мы делаем и ныне; но тогда во всех *бе сердце и душа едина* (Деян. IV, 32), а ныне даже в одной душе не видно такого согласия, но везде великая брань. И ныне предстоятель церкви желает мира всем, как бы придя в дом отеческий, но, тогда как имя мира повторяется часто, самого дела нет нигде. Тогда и дома были церквами, а ныне и церковь стала домом или даже хуже всякого дома. В доме можно видеть великое благочиние: госпожа дома сидит на седалище со всем благоприличием, служанки прядут в молчании, и каждый из домашних имеет в руках вверенное ему. А здесь великий шум, великий беспорядок; собрание наше ничем не отличается от гостиницы; здесь такой же смех, такой же шум, как в банях, как на

торжищах, где все кричат и производят смятение. И это бывает только здесь; а в других местах не позволяется сказать в церкви даже слова близ стоящему, хотя бы кто встретил давно не виденного друга, но делается это вне, – и весьма справедливо. Церковь не цирюльня, не лавка с благовониями, не мастерская, подобная находящимся на торжище, но место ангелов, место архангелов, царство Божие, само небо. Если бы кто-нибудь отверз небо и ввел тебя в него, то ты не осмелился бы разговаривать, хотя бы увидел отца, хотя бы брата; так точно и здесь не должно говорить ни о чем другом, кроме предметов духовных, потому что и здесь небо. Если не веришь, то посмотри на эту трапезу, вспомни, для кого и для чего она поставлена, подумай, Кто приходит сюда, и страшись даже прежде времени. Кто увидит только трон царя, тот возбуждается в душе своей, ожидая выхода царя; так точно и ты, еще прежде страшного времени, страшись и бодрствуй, и еще прежде, нежели увидишь поднятые завесы и предшествующий сонм ангелов, возносись к самому небу. Но этого не знает непосвященный, – потому для него необходимо сказать нечто другое. Мы не затруднимся сказать и ему то, что может возбудить и возвысить его. Итак, ты, незнающий этого, когда услышишь слова пророка: *сия глаголет Господь,* отрешись от земли, вознесись на само небо, помысли, Кто через него вещает тебе. Между тем ныне, когда смехотворствует какой-нибудь шут и бесчинствует блудница, весь театр сидит, соблюдая для речей их совершенное безмолвие, и это когда никто не заставляет молчать, не бывает ни разговора, ни крика, ни малейшего шума; а когда Бог с небес вещает о таких страшных тайнах, тогда мы бываем бесстыднее псов, не оказывая Богу даже такого внимания, какое оказываем распутным женщинам.

6. Вы ужасаетесь, слыша это? Лучше ужасайтесь, делая это. Тем, которые пренебрегли бедных и одни вкушали пищу, Павел сказал: *еда домов не имате во еже ясти и пити? Или о церкви Божией нерадите, и срамляете неимущия* (1 Кор. XI, 22)? Позвольте и мне сказать тем, которые здесь шумят и разговаривают: разве вы не имеете домов для пустословия? Или нерадите о церкви Божией и развращаете желающих сохранять целомудрие и спокойствие? Но, скажете, нам весело и

приятно разговаривать со знакомыми. Я не запрещаю этого; но пусть это будет дома, на торжище, в банях; церковь же есть место не разговоров, а учения. Между тем ныне она нисколько не отличается от торжища и, может быть, если не оскорбительно сказать, даже от театра: так нецеломудренно и подобно тамошним блудницам украшаются собирающиеся здесь жены! Потому они и сюда привлекают многих невоздержных. Кто искушает или хочет соблазнить женщину, тот, кажется, не считает для себя никакого места удобнее церкви. Если нужно что-нибудь купить или продать, то церковь считается для этого удобнее рынка; здесь об этом бывает больше разговоров, нежели в самих лавках. Кто хочет злословить или слушать злословие, тот найдет и этого здесь более, нежели вне, на торжище. Хочешь ли слышать о делах гражданских, или о домашних, или о военных, — не ходи в судилище, не сиди в лечебнице, есть и здесь, есть люди, которые подробнее всех расскажут обо всем этом; здесь — место скорее всего другого, только не церковь. Быть может, я слишком резко коснулся вас? Не думаю; если вы не перестаете делать одно и то же, то как мне знать, что слова мои коснулись вас? Потому необходимо опять коснуться того же. Итак, можно ли стерпеть? Можно ли снести? Мы каждый день стараемся и усиливаемся, чтобы вы уходили отсюда, научившись чему-нибудь полезному; но никто из вас не уходит с какой-нибудь пользой, а даже скорее с вредом. Подлинно, вы собираетесь и себе на осуждение, не имея никакого оправдания в грехе своем, и более благоговейных изгоняете, отовсюду беспокоя их своим пустословием. Но что говорят многие? Не слышу, говорят, что читается, не понимаю, что говорится. Потому что ты разговариваешь, по тому, что шумишь, потому что не приходишь с душой, исполненной благоговения. Не понимаю, говоришь ты, что читается? Но по тому самому и следует быть внимательным. Если неясное не пробуждает души твоей, то тем более ты не обратил бы внимания, если бы читаемое было ясно. Для того и не все ясно, чтобы ты не предавался беспечности, и не все не ясно, чтобы ты не приходил в отчаяние. Евнух, хотя был и варвар, не говорил ничего такого, но даже среди множества дел и будучи на пути держал в руках книгу и читал; а ты, сре-

ди множества учителей, и тогда, как другие читают тебе, представляешь мне оправдания и отговорки. Ты не понимаешь того, что говорится? Молись же, чтобы тебе понять; или лучше сказать, невозможно, чтобы ты не понимал всего, потому что многое само по себе понятно и ясно; или лучше, хотя бы ты не понимал всего, и в таком случае следует молчать, чтобы не изгнать слушающих внимательно и чтобы Бог, видя твое молчание и благоговение, сделал неясное для тебя ясным. Но ты не можешь молчать? Тогда выйди вон, чтобы не причинять вреда другим. В церкви всегда должен быть слышим один голос, так как она есть одно тело. Потому и чтец читает один; и сам, имеющий епископство, ожидает, сидя в молчании; и певец поет один; и когда все возглашают, то голос их произносится как бы из одних уст; и беседующий беседует один. Когда же многие разговаривают о многом и различном, то для чего мы напрасно и утруждаем вас? Если бы вы не думали, что мы напрасно утруждаем вас, то вы не стали бы в то время, как мы говорим о таких предметах, разговаривать о предметах совершенно непристойных. От того у вас не только в жизни, но и в самом суждении о вещах крайний беспорядок; о ненужном вы заботитесь, истину оставляете, а за тенями и сновидениями гоняетесь.

Подлинно не тень ли и сновидения все настоящее и даже не хуже ли тени? Оно лишь только является, как и улетает и прежде, нежели улетит, производит великое смятение и большее, чем (доставляемое им) удовольствие. Хотя бы кто приобрел и закопал здесь бесчисленное богатство, он, по прошествии ночи (настоящей жизни), отходит отсюда нагим, — и весьма естественно. Как обогащающиеся во сне, встав с постели, не имеют ничего, что воображали иметь во время сна, так и любостяжательные, или даже не так, а гораздо хуже. Обогащающийся во сне не имеет денег, которые воображал иметь, но встает без всяких дурных последствий от такого воображения; а тот и богатства лишается, и отходит отсюда исполненным грехов, происходящих от богатства, владея богатством в воображении, а зло, происходящее от богатства, испытывая уже не в воображении только, а в самой действительности; удовольствие было как бы во сне, а наказание за удовольствие бывает уже не во

сне, а на самом опыте; или лучше сказать, даже прежде будущего наказания и еще здесь он подвергается величайшему наказанию, изнуряя себя при самом собирании богатства множеством скорбей, забот, огорчений, препятствий, неприятностей и беспокойств. Потому, чтобы нам избавиться и от этих сновидений и от зол, которые бывают уже не в сновидениях, возлюбим вместо любостяжания милостыню, вместо хищения – человеколюбие. Таким образом мы сподобимся и настоящих и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVII

Жены ваша в церквах да молчат. Не повелеся бо им глаголати, но повиноватися, якоже и закон глаголет (1 Кор. XIV, 34)

1. Обличив беспорядок, происходивший от языков и от пророчеств, и поставив законом, чтобы не было смятения, чтобы говорящие языками делали это порознь, а из пророчествующих один молчал бы, когда начнет другой, (апостол) переходит далее к беспорядку, производимому женщинами, пресекает неуместное их дерзновение, – и весьма благовременно. Если имеющим дарования не позволительно говорить без порядка и когда они захотят, хотя ими руководит Дух, то тем более (не позволительно) женщинам пустословить напрасно и без пользы. Потому он с великой властью удерживает их от пустословия, ссылается притом на закон и таким образом заграждает уста их. Здесь он не только увещевает и советует, но и повелевает с силой, приводя о том древний закон. А именно, сказав: *жены ваша в церквах да молчат,* и: *не повелеся им глаголати, но повиноватися,* он присовокупил: *якоже и закон глаголет.* Где говорит об этом закон? *К мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет* (Быт. III, 16). Видишь ли мудрость Павла, как он привел такое свидетельство, которое повелевает им не только молчать, но и молчать со страхом, и притом с таким страхом, с каким надлежит безмолвствовать рабе? Потому и сам, после

слов: *не повелеся им глаголати,* не сказал: молчать, но употребил, вместо — *молчать,* более значащее выражение — *повиноватися.* Если же они должны быть таковы в отношении к мужьям, то тем более в отношении к учителям и отцам и общему собранию церкви. Но, скажешь, если они не могут ни говорить, ни спрашивать, то для чего им и присутствовать? Для того, чтобы слушать что следует, а о сомнительном узнавать дома у мужей. Потому он и продолжает: *аще ли чесому научитися хотят, в дому своих мужей да вопрошают* (ст. 35). Им, говорит, непозволительно в церкви не только самим говорить открыто, но и спрашивать о чем-нибудь. Если же не должно спрашивать, то тем более не позволительно говорить напрасно. Почему же он поставляет их в таком подчинении? Потому, что жена есть существо слабейшее, непостоянное и легкомысленное. Потому он и поставляет им в учители мужей и доставляет пользу тем и другим: жен делает скромными, а мужей внимательными, так как они должны с совершенной точностью передавать женам то, что услышат. Далее, так как у них считалось честью говорить в собрании, он опять доказывает противное и говорит: *срамно бо есть жене в церкви глаголати;* доказывает это сначала законом Божиим, а потом общечеловеческим суждением и обычаем, как поступил он и тогда, когда беседовал с ними о волосах: *или,* говорил он, *и не самое естество учит вы* (1 Кор, XI, 14)? И везде можно видеть такой его образ речи, — что он обличает не только божественным Писанием, но и общеизвестными обычаями. Кроме того, он заимствует обличения от согласия всех и от повсюдности заповедей, как делает и здесь: *или от вас,* говорит, *слово Божие изыде, или вас единых достиже* (ст. 36)? Здесь он выражает, что прочие церкви соблюдают тот же закон, и таким образом пресекает беспорядок указанием на нововведение и делает слова свои более убедительными ссылкой на голос всех. Потому и в других местах он говорил: *иже вам воспомянет пути моя, яже о Христе Иисусе, якоже везде во* всех церквах *учу* (1 Кор. IV, 17). И еще: *несть бо нестроения Бог, но мира, яко во всех церквах святых* (1 Кор. XIV, 33). И здесь: *или от вас слово Божие изыде, или вас единых достиже?* То есть вы не первые и не вы одни верные, но (такова) вся вселенная. То же он сказал и в Послании к Колоссянам, беседуя о благовество-

вании: *якоже есть плодоносно и растимо во всем мире* (Кол. I, 6). Поступает он и иначе, для увещания слушателей, указывая иногда на что-нибудь, как на принадлежащее сначала им и сделавшееся известным у всех. Так в Послании к Фессалоникийцам он говорит: *от вас бо промчеся слово Господне, и во всяко место вера ваша, яже к Богу, изыде* (1 Сол. I, 8). Так же к Римлянам: *вера ваша возвещается во всем мире* (Рим. I, 8). И то и другое, и похвала от других и указание на согласие с другими в образе мыслей, может убеждать и ободрять. Потому и здесь он говорит: *или от вас слово Божие изыде, или вас единых достиже?* Вы, говорит, не можете сказать: мы были учителями других и нам не следует учиться у других, или: здесь только утвердилось учение веры и нам не следует подражать примеру других. Видишь ли, как много (доводов) он привел в их обличение? Привел закон, показал постыдность дела, представил в пример прочие церкви.

2. Потом, (апостол) приводит крайний, самый сильный довод: и ныне, говорит, Бог повелевает это через меня. *Аще кто мнится пророк быти или духовен, да разумевает, яже пишу вам, зане Господни суть заповеди. Аще ли кто не разумеет, да не разумевает* (ст. 37, 38). Для чего он присовокупил это? Чтобы показать, что он не принуждает и не хочет состязаться; так выражаются те, которые не свои желания стараются исполнить, но имеют в виду пользу других. Потому он и в другом месте говорит: *аще ли кто есть спорлив, мы таковаго обычая не имамы* (1 Кор. XI, 16). Впрочем, не везде он поступает так, но только там, где проступки были не очень велики, притом и в таких случаях более пристыжает; когда же говорит о других (преступлениях), то выражается не так, – а как? *Не льстите себе: ни блудницы, ни малакии царствия Божия не наследят* (1 Кор. VI, 9); и еще: *се аз Павел глаголю вам, яко аще обрезаетеся, Христос вас ничтоже пользует* (Гал. V, 2). Но здесь, так как у него была речь о молчании, он не очень сильно укоряет (слушателей) и тем самым еще более располагает их к себе. Далее, как он всегда делает, возвращается к прежнему предмету, который подал ему повод говорить об этом, и продолжает: *темже, братие моя, ревнуйте еже пророчествовати, и еже глаголати языки не возбраняйте* (ст. 39). Так он обыкновенно поступает: занимается не одним предметом, но, от-

ступая от него, дает наставление и о том, что каким-нибудь образом кажется ему прикосновенным, а потом опять обращается к прежнему, чтобы не показалось, что он уклоняется от предмета. Например, беседуя о единодушии при трапезах, он сделал отступление, начав говорить о приобщении тайн, и, предложив о них наставление, опять обратился к прежнему и сказал: *темже сходящеся ясти, друг друга ждите* (1 Кор. XI, 33). Так и здесь, сказав о благочинии в употреблении дарований и о том, что не должно ни скорбеть при малых дарованиях, ни гордиться при великих, он потом делает отступление, начиная говорить о благопристойности, приличной женщинам, и, предложив об этом наставление, возвращается к прежнему предмету: *темже,* говорит, *братие моя, ревнуйте еже пророчествовати, и еже глаголати языки не возбраняйте.* Видишь ли, как он до конца соблюдает различие (между этими дарованиями) и как внушает, что первое весьма необходимо, а последнее не так необходимо? О первом говорит: *ревнуйте,* а о последнем: *не возбраняйте.* Потом, как бы в совокупности предлагая все наставления, присовокупляет: *вся же благообразно и по чину да бывают* (ст. 40). Здесь он опять укоряет тех, которые имеют суетное желание производить бесчиние, безрассудно домогаются славы и не соблюдают собственного места.

Ничто так не созидает, как благочиние, как мир, как любовь, а все противоположное им производит разрушение. Это можно видеть не только на предметах духовных, но и на всех других. Если нарушишь порядок в хоре (поющих), или на корабле, или на колеснице, или в войске, если большее отклонишь от его положения и поставишь на место его меньшее, то расстроишь и низвратишь все. Не будем же и мы расстраивать порядка, не будем ставить голову внизу, а ноги вверху. А это бывает тогда, когда здравый разум мы повергаем вниз, а порочные пожелания — раздражительность, гнев, сластолюбие — ставим выше разума, отчего и происходит великое смятение, сильное волнение, неукротимая буря, и все покрывается мраком. Но, если угодно, посмотрим наперед, какой происходит отсюда стыд, а потом — какой вред. Чем бы нам объяснить это и сделать совершенно очевидным? Представим себе человека, одержимого любовью к

блуднице и преданного этой безумной страсти, и тогда увидим, как он смешон. Что в самом деле может быть позорнее для человека, как стоять перед жилищем блудницы, получать удары от развратной женщины, плакать, рыдать и унижать честь свою? Если хочешь видеть и вред, то представь трату денег, крайние опасности, борьбу с соперниками, удары и раны, получаемые в таких состязаниях. То же бывает и с теми, которые преданы страсти к деньгам, или даже они терпят еще больший вред. Те бывают преданы заботам об одном теле; а сребролюбцы разведывают одинаково об имуществе всех, и бедных и богатых, и домогаются даже вещей несуществующих, что особенно и служит признаком безумной страсти. Они не говорят: мы желали бы иметь богатство такого-то, и только такого-то, а хотят, чтобы стали золотом и горы, и дома, и все видимые вещи, простираются далее пределов мира, страдают этой болезнью бесконечно и нигде не останавливаются в своих желаниях. Какое слово изобразит бурю таких помышлений, эти волны, этот мрак? А где волны и такая буря, там какое может быть удовольствие? Не может быть никакого, а напротив – смятение, страдания и мрачные облака, приносящие вместо дождя великую скорбь. То же обыкновенно бывает и с любящими чужую красоту. Потому совсем не предающиеся любви наслаждаются большим удовольствием, нежели предающиеся ей. Против этого возражать никто не станет. Я же скажу, что и любящий, но удерживающий страсть свою больше получает удовольствия, нежели тот, кто постоянно обращается с блудницей. Хотя очень трудно, однако надобно постараться объяснить это; трудно не по существу самого предмета, но потому, что нет достойных слушателей такого любомудрия.

3. Что, скажи мне, приятнее для любящего, подвергаться ли презрению от любимой женщины или пользоваться уважением и пренебрегать ею? Очевидно, последнее. Кого же, скажи мне, более будет уважать блудница, того ли, кто раболепствует ей и уже сделался ее пленником, или того, кто избегает ее сетей и парит выше стрел ее? Очевидно, последнего. Кому она окажет более внимания, тому ли, который пал, или тому, который еще не пал? Конечно тому, который еще не пал. Кого более она будет стараться при-

влечь к себе, побежденного или еще не плененного? Конечно, еще не плененного. Если не верите, то я представлю доказательство из вашего опыта. Какую жену более любит муж, ту ли, которая легко уступает и отдается ему, или ту, которая возражает и с трудом ему уступает? Очевидно, последнюю, потому что в этом случае пожелание сильнее воспламеняется. То же самое бывает и с женщинами: более уважения и удивления они окажут тому, кто пренебрегает ими. Если же это справедливо, то равным образом справедливо и то, что более уважаемый и любимый наслаждается большим удовольствием. Военачальник скоро оставляет город, уже взятый, а твердо стоящий и сопротивляющийся осаждает всеми силами; и охотник пойманного зверя запирает и держит во мраке, как блудница своего любовника, а за убегающим гоняется. Но, скажешь, первый получает желаемое удовольствие, а последний не получает. А не подвергаться позору, не раболепствовать самовластным приказаниям блудницы, не позволять ей водить себя, как пленного раба, и при этом не терпеть заушений, заплеваний, ударов в голову, неужели, скажи мне, ты считаешь малым удовольствием? Подлинно, если бы кто тщательно исследовал и имел возможность собрать вместе все их оскорбления, укоризны, постоянные неудовольствия, происходящие от душевной раздражительности и от телесного расслабления, ссоры и все прочее, что знают только испытавшие, то увидел бы, что во всякой войне бывает более перемирий, нежели в их несчастной жизни. О каком же, скажи мне, ты говоришь удовольствии? О том ли, кратком и мгновенном, которое (происходит) от удовлетворения страсти? Но за ним тотчас следуют борьба, волнение, раздражение и опять то же неистовство. Все это мы говорим, как бы беседуя с невоздержными юношами, которые не очень любят слушать слова о царстве (небесном) и геенне; но если мы представим и это, тогда невозможно будет выразить словами, как велико удовольствие целомудренных, когда они воображают себе венцы, награды, беседы с ангелами, прославление по вселенной, дерзновение, благие и бессмертные надежды. Но удовлетворение страсти заключает в себе некоторое удовольствие, — это часто повторяют, — а целомудренный не может постоянно

бороться с силой природы. Напротив, блудник более подвергается насилию и борьбе: в его теле бывает великое смятение; его состояние гораздо хуже всякого волнующегося моря; его страсть никогда не успокаивается, но постоянно тревожит его, подобно беснующимся и непрестанно терзаемым злыми духами. А целомудренный, постоянно преодолевая ее, как мужественный подвижник, вкушает радость превосходнее и приятнее тысячи подобных наслаждений, всегда восхищается своей победой, спокойной совестью и славными трофеями. У того, если он после удовлетворения страсти несколько успокаивается, такое спокойствие бывает ничтожно, потому что скоро опять наступает буря, опять волнение. А любомудрствующий не дозволяет даже начинаться этому смятению, даже волноваться этому морю, даже поднимать рев этому зверю. Хотя и он переносит некоторую борьбу, удерживая такое стремление, но (не такую, какую) тот, постоянно мятущийся, возбуждающийся и не выносящий раздражения. Он бывает подобен человеку, который удерживает уздой дикого коня, разъяренного и сопротивляющегося, и останавливает его с великим искусством, а кто уступает ему, избегая такого труда, того конь увлекает и носит повсюду. Пусть никто не осуждает, если все это я сказал яснее надлежащего; я хочу отличаться не чистотой слов, но сделать слушателей чистыми.

4. Потому и пророки не избегают ни одного из таких слов, желая прекратить развращение иудеев, но обличают их еще откровеннее, нежели мы теперь в нами сказанном. Врач, желая исцелить гнилую рану, не заботится о том, чтобы сохранить руки свои чистыми, но чтобы избавить больного от гниения; желающий сделать гордого смиренным наперед сам смиряется; старающийся поразить злоумышленника обагряет кровью и себя вместе с ним и тем заслуживает большую честь; и воина, возвращающегося с войны, если кто увидит обрызганным (человеческими) соками, кровью и мозгом, то не будет презирать его, не отвратится он него за это, но еще более станет удивляться ему. Так будем поступать и мы: когда увидим, что кто-нибудь, умертвив похоть, идет обагренным кровью, то будем еще более удивляться ему, примем участие в его борьбе и победе и скажем

преданным сладострастию: покажите нам, какое удовольствие от страсти.

Целомудренный получает (удовольствие) от победы, а ты ниоткуда. Вы указываете на (удовольствие), происходящее от удовлетворения страсти; но то (удовольствие) очевиднее и продолжительнее. Ты получаешь от удовлетворения страсти (удовольствие) кратковременное и даже незаметное, а он от своей совести — высшую, непрестанную и сладчайшую радость. Подлинно, не обращение с женщиной, а любомудрие может сохранить душу невозмутимой и окрылить. Таким образом, он, как я сказал, ясно обнаруживает перед нами удовольствие; на тебе же скорбь поражения вижу, а удовольствие желаю видеть, но не нахожу. В какое время думаешь ты найти это удовольствие? Прежде ли удовлетворения страсти? Но нет; тогда — время неистовства, бешенства и умоисступления; скрежет зубов и исступление не служат знаком удовольствия; если бы тогда было время удовольствия, то не происходило бы с тобой того, что испытывают страждущие; ведь зубами скрежещут вступившие в борьбу и поражаемые, да еще то же самое делают рожающие жены, мучимые болезнями рождения; следовательно, это не составляет удовольствия, но скорее неистовство, исступление и смятение. Или это время после того (удовлетворение страсти)? Но и тогда нет; о жене родившей мы не можем сказать, что она чувствует удовольствие, но она только освобождается от болезней рождения; это — совсем не удовольствие, а скорее слабость и изнеможение; но велико различие между тем и другим. Какое же, скажи мне, время этого удовольствия? Нет никакого, а если и есть, то оно так кратко, что даже незаметно. Сколько мы ни старались найти и уловить его, не могли. Но удовольствие целомудренного не таково: оно продолжительно и очевидно для всех, или, лучше, вся жизнь его проходит в удовольствии, потому что у него совесть торжествует, волнение успокоилось, и никакое смятение не тревожит его ниоткуда. Итак, если он более наслаждается удовольствием, а сластолюбец подвергается скорби и смятению, то будем избегать невоздержания и хранить целомудрие, чтобы нам сподобиться и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса

Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVIII

Сказую же вам, братие, благовествование, еже благовестих вам, еже и приясте, в немже и стоите, имже и спасаетеся, кацем словом благовестих вам (1 Кор. XV, 1, 2)

1. Окончив речь о духовных (дарованиях, апостол) переходит к предмету самому важному, к учению о воскресении, потому что (коринфяне) и в этом отношении были весьма немощны. Как в телах, когда горячка коснется самых основных частей его, то есть нервов, жил и первых стихий, зло делается неисцельным, если не приложишь великого попечения, так и здесь предстояла подобная опасность, потому что зло простерлось до самых оснований благочестия. Потому Павел и прилагает великое попечение; ему нужно было говорить уже не о житейских предметах, не о том, что один впал в прелюбодеяние, другой в корыстолюбие, третий покрывал свою голову, но о самом главном благе, потому что (коринфяне) разногласили касательно самого воскресения. Так как в нем заключается вся наша надежда, то диавол сильно восставал против него и иногда совершенно отвергал воскресение, а иногда говорил, что оно уже было. В Послании к Тимофею Павел назвал это нечестивое учение *гангреною* и указал распространителей его: *от нихже*, говорит, *есть Именей и Филит, иже о истине погрешиста, глаголюще, яко воскресение уже бысть, и возмущают некоторых веру* (2 Тим. II, 17, 18). Иногда они это говорили, а иногда – будто тело не воскреснет, и будто воскресение есть очищение души. Такое учение внушал им злой демон, желая не только отвергнуть воскресение, но и представить басней все, совершенное для нас. Если бы поверили, что нет воскресения тел, то он мало-помалу убедил бы, что и Христос не воскрес, а отсюда, простираясь далее, вывел бы, что (Христос) не приходил и не совершал того, что Он совершил. Такова злоба диавола! Потому Павел называет действия его *кознями* (Еф. VI, 11), так как он не обнаруживает прямо того, что хочет совершить, чтобы не быть изобличенным, но, прини-

мая на себя некоторую личину, производит нечто другое, подобно как коварный враг, приступив к городу и стенам, тайно подкапывается снизу, чтобы, таким образом, не быть замеченным и успеть в своем предприятии. Но этот чудный и великий муж всегда открывал такие сети его и преследовал злые козни его: *не разумеваем бо,* говорил он, *умышлений его* (2 Кор. II, 11). Так и здесь он открывает все лукавство его, показывает все его хитрости, обнаруживает все его намерения и преследует все с великим тщанием; потому и говорит об этом предмете после других, что он самый важный и составляет для нас все. И посмотри на мудрость (апостола): он утверждает наперед своих, а потом, продолжая речь, сильно заграждает уста и внешним (язычникам). Своих он утверждает не рассудочными доказательствами, но указанием на события, на то, что они сами уже приняли и чему уверовали как действительному. Это было весьма поразительно и достаточно для их убеждения: ведь если бы они после того не стали верить, то не стали бы верить уже не Павлу, а самим себе, это же послужило бы к осуждению их, принявших однажды и потом отступивших. Потому он и начинает отсюда речь, показывая, что нет нужды в других свидетелях для доказательства истины слов его, кроме их самих, впадающих в заблуждение. Но чтобы сказанное мной было яснее, надобно выслушать сами слова (апостола). Какие же это (слова)? *Сказую вам,* говорит, *братие, благовествоваше, еже благовестих вам.* Видишь ли, с какой кротостью он начинает? Видишь ли, как в самом начале внушает, что он не преподает ничего нового или странного? Кто говорит о чем-нибудь уже известном, но забытом впоследствии, тот словами своими только напоминает о том. Называя их *братиями,* он и этим самым немало подтверждает слова свои. Мы стали братьями не иначе, как через домостроительство воплощения Христова. Таким названием он, с одной стороны, смиряет и успокаивает их, а с другой – напоминает им о бесчисленных благах. И следующее выражение также служит подтверждением. Какое же это? *Благовествование.* Сущность благовествований состоит в том, что Бог соделался человеком, был распят и воскрес. Об этом благовествовал Гавриил Деве; это возвещали вселенной пророки и все апостолы. *Еже и благовестих, еже и при-*

ясте, в немже и стоите, имже и спасаетеся, кацем словом благовестих вам, аще содержите, разве аще не всуе веровасте. Видишь ли, как он призывает их самих в свидетели слов своих? Не говорит: что вы слышали, но: *еже приясте,* требуя от них как бы некоторого залога и выражая, что к принятию этого убедились не только словом, но и делами, знамениями и чудесами и потому должны твердо держать это.

2. Напомнив о прежнем, (апостол) далее указывает на настоящее: *в немже и стоите,* говорит, предупреждая их, что они не могут отвергнуть того, хотя бы весьма хотели. Потому и вначале он не сказал: научаю вас, но: *сказую вам,* то есть то, что уже известно. Как же он колеблющихся называет *стоящими?* Он показывает вид незнания, для пользы их, подобно как поступает и в отношении к галатам, только иным образом. Там неудобно было показать вид незнания и потому он говорит иначе: *аз надеюся о вас в Господе, яко ничтоже ино разумети будете* (Гал. III, 10). Не говорит: *ничтоже ино разумеете,* – потому что их заблуждение было известно и очевидно, – но ручается за будущее; и, хотя оно неизвестно, но (делает это), чтобы более расположить их к себе. Здесь же показывает вид незнания и говорит: *в немже и стоите;* затем (напоминает) о пользе: *имже и спасается, кацем словом благовестих вам,* – следовательно, предлагаемое теперь наставление есть только пояснение и истолкование. Вы, говорит, не имеете нужды в том, чтобы я преподал вам самый догмат, но чтобы напомнил вам о нем и исправил; говорит это, не желая вдруг пристыдить их. Что значит: *кацем словом благовестих вам?* Каким образом я, говорит, проповедовал вам действительность воскресения; что воскресение было, в этом вы, кажется, не сомневаетесь; но вы, может быть, желаете только яснее уразуметь сказанное; это я и сделаю; а сам догмат, как я вижу ясно, вы содержите. Далее, чтобы после слов его: *в немже и стоите,* они не сделались беспечными, он опять внушает им страх: *аще,* говорит, *содержите, разве аще не всуе веровасте,* и тем показывает, что зло касается главного предмета, что дело идет не о чем-нибудь маловажном, но о целой вере. Здесь он говорит об этом кратко, а далее, воспламеняясь, взывает открыто и говорит: *аще же Христос не воста, тще убо проповедание наше, тща же и вера ваша, еще есте*

во гресех ваших. Но вначале не так (говорил), потому что полезнее было идти вперед спокойно и мало-помалу. *Предах бо вам испервa, еже и приях* (ст. 3). И здесь не говорит: я вам сказал, или: я научил вас, но опять употребляет то же выражение: *предах вам, еже и приях.* И не говорит также: я научился, но: *приях,* внушая две мысли, — ту, что ничего не должно вводить от себя, и ту, что они убеждались в истине не одними словами, но и делами; и, таким образом, мало-помалу делая слова свои достоверными, относит все ко Христу и показывает, что из догматов нет ни одного человеческого. Что значит: *предах бо вам испервa?* То есть вначале, а не теперь. Здесь он указывает как на свидетеля на время и внушает, что крайне постыдно изменять вере после того, как верили столь долгое время, и не только это, но и то, что догмат необходим; потому он и преподан между первыми и в самом начале. Что же, скажи мне, ты *предал?* Но это объясняет он не вдруг, а наперед говорит: *еже и приях.* Что же ты принял? *Яко Христос умре грех наших ради.* Не говорит прямо: будет воскресение тел наших, но доказывает это издалека и посредством других (истин): *яко,* говорит, *Христос умре,* и тем полагает великое основание и непоколебимую опору учения о воскресении. И не просто говорит: *яко Христос умре,* хотя и это служит достаточным доказательством воскресения, но с прибавлением: *яко Христос умре грех наших ради.*

Впрочем, прежде надобно выслушать, что говорят об этом зараженные манихейской (ересью), враги истины, восстающие против собственного спасения. Что же говорят они? Смертью, говорят, Павел называет здесь не что иное, как пребывание во грехе, а воскресением — освобождение от грехов. Видишь ли, как заблуждение бессильно, как оно уловляется собственными своими сетями и не требует постороннего нападения, но поражает само себя? Смотри, как и эти люди поражают сами себя собственными своими словами. Если точно в этом состоит смерть, и если, как вы думаете, Христос не принял тела и, однако, умер, то следует, по вашему, что Он был во грехе. Я утверждаю, что Он принял тело, и говорю, что смерть Его была телесная; а ты, отвергая это, по необходимости должен утверждать сказанное. Если же Он был во грехе, то как Он говорит: *кто от вас*

обличает мя о гресе (Ин. VIII, 46)? и еще: *грядет сего мира князь, и во мне не имать ничесоже* (XIV, 30); и еще: *тако подобает нам исполнити всяку правду* (Мф. III, 15)? И как Он умер за грешников, если сам был во грехах? Умирающему за грешников нужно быть самому безгрешным, потому что кто сам грешник, тот как умрет за других грешников? Если же Христос умер за грехи других, то Он умер, будучи сам безгрешен; а если Он умер, будучи безгрешен, то умер не смертью греха, — как это могло быть с безгрешным? — но смертью телесной. Потому и Павел сказал не просто: *умре*, но присовокупил: *грех наших ради*, и тем заставляет их невольно признать телесную смерть (Иисуса Христа) и показывает, что Он и прежде смерти был безгрешен, так как тому, кто умирает за чужие грехи, следует самому быть безгрешным. Не останавливаясь и на этом, (апостол) присовокупляет: *по писанием*, подтверждая этим еще более истинность слов своих и показывая, о какой он говорит смерти. Писание везде говорит о (смерти Христовой) телесной; например, оно говорит: *ископаша руце мои и нозе* (Пс. XXI, 17), и еще: *воззрят нань, егоже прободоша* (Ин. XIX, 37).

3. Не станем исчислять порознь всех других мест, из которых одни словами, а другие преобразованиями, в них заключающимися, доказывают, что Христос умер плотью и что Он умер за грехи наши. *Ради беззаконий*, говорится (в Писании), *людей моих ведеся на смерть;* и еще: *Господь предаде его грех ради наших;* и еще: *язвен бысть за грехи наша* (Ис. LIII, 8, 6, 5). Если же ты не хочешь верить Ветхому Завету, то послушай Иоанна, который, взывая, показывает ясно то и другое, и смерть телесную, и ее причину: *се*, говорит он, *агнец Божий, вземляй грехи мира* (Ин. I, 39); послушай Павла, который говорит: *неведевшаго бо греха по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о нем* (2 Кор. V, 21); и еще: *Христос ны искупил есть от клятвы, законныя, быв по нас клятва* (Гал. III, 13); и еще: *совлек начала и власти, изведе в позор дерзновением* (Кол. II, 15); и весьма многие другие места доказывают, что смерть Христова была телесная и притом за грехи наши. Так сам Он говорит: *за вас аз свящу себе* (Ин. XVII, 19); также: *ныне князь мира сего осужден бысть* (Ин. XVI, 11), и тем выражает, что Он умер, не имея греха. *И яко погребен бысть* (ст. 4). И это подтверждает

вышесказанную мысль, потому что погребение, конечно, свойственно телу. Здесь (апостол) не прибавил: *по писанием;* хотя мог бы, однако не прибавил. Почему? Или потому, что гроб всем известен и тогда и теперь, или потому, что слово: *по писанием* относится ко всему вообще. Почему же далее он прибавляет – *по писанием: и яко воста в третий день по писанием,* – а не довольствуется первым, сказанным о всем вообще? Потому, что и это многим было неизвестно; здесь он указывает на Писание по вдохновению, внушая мудрую и божественную мысль. Не то же ли самое Он делает и касательно смерти? И там крест был всем известен, потому что Христос распят на глазах всех, а причина не всем была известна; что Он умер, это все знали, а что Он претерпел смерть за грехи вселенной, этого многие еще не знали; потому (апостол) и приводит свидетельство из Писаний. Впрочем, это уже достаточно объяснено сказанным нами. Где же в Писаниях сказано, что Христос будет погребен и в третий день воскреснет? В прообразе Ионы, на который указывает сам (Христос), когда говорит: *якоже бе Иона во чреве китове три дни и три нощи, тако будет и Сын человеческий в сердцы земли три дни и три нощи* (Мф. XII, 40); в прообразе купины в пустыне: как она горела и не сгорала, так и тело (Христово) было мертво, но не удержано смертью навсегда (Исх. III); в прообразе змия, бывшего при Данииле: как он, приняв пищу, данную ему пророком, расселся, так и ад, приняв тело (Христово), распался, потому что тело расторгло чрево его и воскресло. Если же ты хочешь и в словах слышать то, что видишь в прообразах, то послушай Исаию, который говорит: *яко вземлется от земли живот его* (Ис. LIII, 8); и еще: *Господь хощет очистити его от язвы, явити ему свет* (LIII, 10, 11); также – Давида, который еще прежде сказал: *не оставиши душу мою во аде, ниже даси преподобному твоему видети истления* (Пс. XV, 10). Потому и Павел отсылает тебя к Писаниям, чтобы ты знал, что это совершилось не просто и не напрасно. Да и могло ли быть так, если столь многие пророки предначертали и предвозвестили это и если Писание, упоминая о Владычной смерти, нигде не говорит о смерти греховной, но везде о телесной и таком же погребении и воскресении? *И яко явися Кифе* (ст. 5): прежде всех указывает на свидетеля

самого достоверного. *Таже единонадесятим: потом явися боле пяти сот братиям единою, от нихже множайшии пребывают доселе, нецыи же и почиша. Потом Иакову, таже апостолом всем. Последи же всех, яко некоему извергу, явися и мне* (ст. 6–8). Приведя доказательства из Писаний, (апостол) присовокупляет доказательство от событий, после пророков приводит в свидетели воскресения апостолов и других верных людей. А если бы под воскресением он разумел освобождение от греха, то излишне было бы говорить: *явися* такому-то и такому-то; говорить так свойственно доказывающему телесное воскресение, а не беседующему об освобождении от греха.

4. Потому он не однажды сказал: *явися,* хотя достаточно было употребить это выражение и однажды о всех вообще, но повторяет его два и три раза и почти о каждом из видевших: *явися,* говорит, *Кифе, явися боле пятисот братиям, явися и мне.* Как же в Евангелии, напротив, говорится, что (Христос) прежде всех явился Марии? Но из мужей – прежде всех (Петру), который особенно желал видеть Его. О каких *единонадесятих* апостолах говорит здесь (Павел), когда Матфий избран уже после вознесения Христова, а не тотчас после воскресения? Но, вероятно, Он являлся и после вознесения; следовательно, этот самый апостол после вознесения и избран и видел Его. Павел не указывает времени, а просто и неопределенно исчисляет явления, которых, вероятно, было много; потому и Иоанн говорит: *се третие явися* (Ин. XXI, 14). *Потом явися боле пяти сот братиям.* Некоторые говорят, что слово: *боле* означает *свыше,* с небес, – то есть явился им, не по земле шествуя, но вверху, над их головой, потому что Он хотел уверить их не только в своем воскресении, но и вознесении. Другие же утверждают, что *боле пяти сот* значит: более нежели пятистам. *От нихже множайшии пребывают доселе;* хотя, говорит, я повествую о прошедших событиях, но имею свидетелей еще живущих. *Нецыи же и почиша;* не сказал: умерли, но: *почиша,* утверждая также и этим выражением истину воскресения. *Потом явися Иакову,* – мне кажется, брату своему; его, говорят, Он сам рукоположил и поставил первым епископом в Иерусалиме. *Таже апостолом всем,* потому что были и другие апостолы, именно семьдесят. *Последи же всех, яко некоему извергу, явися и мне;* это

говорит он более по смиренномудрию. Не потому Христос явился ему после других, будто он был ниже всех; хотя он называет себя последним, но оказался славнее многих, призванных прежде него, и даже – всех; и пятьсот братий не лучше Иакова потому, что Христос явился им прежде него. А почему Христос не явился всем вместе? Чтобы предварительно посеять семена веры. Кто первый видел Его и совершенно удостоверился, тот говорил о том другим; потом сказанное распространялось, производило в слушающих ожидание этого великого чуда и пролагало путь вере в (Его) явление. Потому Христос и явился не всем вместе и не многим вначале, но прежде всех одному только, именно верховному из всех и вернейшему. Самой верной душе надлежало первой сподобиться такого явления. Те, которые увидели после того, как видели другие, и когда уже слышали от них, в свидетельстве их имели немалое пособие, располагавшее к вере и предуготовлявшее душу, а кто первый сподобился видеть Господа, тому, как я сказал, нужна была великая вера, чтобы не смутиться от необычайного зрелища. Потому Христос явился прежде всех Петру. Кто первый исповедал его Христом, тот справедливо первый удостоился видеть и воскресение Его. И не поэтому только (Христос) явился прежде всех ему одному, но и потому, что он отрекся; чтобы совершенно утешить его и показать, что он не отвергнут, (Христос) удостоил его Своего явления прежде других и ему первому вверил овец. Потому и женам Он явился первым; так как пол их подвергался унижению, то он первый сподобился благодати и при рождении, и при воскресении (Христовом). После Петра (Христос) явился и каждому порознь, и немногим, и многим, чтобы они сделались друг для друга свидетелями и учителями в этом деле, и чтобы апостолы были проповедниками достоверными. *Последи же всех, яко некоему извергу, явися и мне.* Что хочет он сказать здесь такими смиренномудрыми словами и по какому поводу? Если он хочет показать себя достоверным и причислить себя к свидетелям воскресения, то следовало бы сделать противное, следовало бы превознести и возвеличить себя, как он делает во многих местах, когда требуют обстоятельства. И здесь он уничижает себя потому, что намеревается

сделать то же самое, только не вдруг, а со свойственным ему благоразумием. А именно, уничижив наперед себя и высказав по отношению к себе много укоризн, он потом возвеличивает дела свои. Для чего? Для того, чтобы когда он скажет о себе великое и высокое изречение: *паче всех потрудихся*, слова его были несомненными и приняты, как бы сказанные по ходу речи, а не преднамеренно. Так и в Послании к Тимофею, намереваясь сказать о себе нечто великое, он наперед излагает свои проступки. Кто говорит что-нибудь великое о других, тот говорит смело и дерзновенно: а кто принужден хвалить самого себя, особенно когда представляет себя в свидетели, тот стыдится и краснеет. Потому и этот блаженный (муж) наперед уничижает, а потом возвеличивает себя. Он делает это как для того, чтобы смягчить неприятность самовосхваления, так и для того, чтобы через то придать достоверность последующим словам своим; сказав неложно о том, что достойно осуждения, и не скрыв ничего такого, например что он гнал церковь, что истреблял веру, он делает через то несомненными и достохвальные дела свои.

5. И, смотри, как велико его смиренномудрие. Сказав: *последи же всех явися и мне*, он не удовольствовался этим, — так как *мнози*, говорит (Господь), *последни первии и первии последнии* (Мф. XIX, 30), — но присовокупляет: *яко некоему извергу;* и на этом не останавливается, но присоединяет собственное суждение и приводит причину: *аз бо*, говорит, *есмь мний апостолов, иже несмь достоин нарещися апостол, зане гоних церковь Божию* (ст. 9). Не сказал: только двенадцати, но — и всех прочих. Все это он говорит как по смирению, так и с тем намерением, о котором я сказал, то есть чтобы расположить (слушателей) к скорейшему принятию последующих слов. Если бы он вместо этого сказал: вы должны верить мне, что Христос воскрес, потому что я видел Его, и я достовернее всех (свидетелей), потому что потрудился более всех, то мог бы такими словами оскорбить слушателей. А теперь, изображая наперед обстоятельства, служащие к его уничижению и осуждению, он и смягчает речь свою и пролагает путь к вере в его свидетельство. Потому, как я сказал, он не просто представляет себя последним и недостойным наименования апостола, но приводит причину: *зане*, говорит,

гоних церковъ. И хотя все это было прощено ему, однако он сам отнюдь не забывает того, желая показать величие благодати; потому и продолжает: *благодатию же Божиею есмь, еже есмь* (ст. 10). Видишь ли опять, как велико и здесь его смиренномудрие? Недостатки он приписывает самому себе, а добродетели не себе, но Богу. Далее, чтобы слушатель не сделался от того беспечным, говорит: *и благодать его, яже во мне, не тща бысть,* – и опять (говорит) со смирением. Не сказал: я показал ревность, достойную благодати, но: *не тща бысть. Но паче всех их потрудихся.*

Не сказал: почтен, но: *потрудихся* и, имея право указать на смертные опасности, ограничивается названием труда. Потом с обычным смиренномудрием и об этом тотчас перестает говорить и приписывает все Богу: *не аз же,* говорит, *но благодать Божия, яже со мною.* Что может быть удивительнее этой души? Столько уничижив себя и сказав только об одной своей заслуге, он и ее не называет своей, всячески ослабляя величие сказанного выражения как предыдущими, так и последующими словами, и притом тогда, как высказал это по необходимости. Смотри, как он изобилует словами смиренномудрия: *последи,* говорит, *всех явися мне,* – таким образом, ни с кем другим не равняет себя, и: *яко некоему извергу,* – признает себя последним из апостолов и даже недостойным такого наименования. Не довольствуясь этим, но желая показать, что он смиренномудрствует не на словах только, приводит причины и доказательства: изверг – потому, что после всех видел Иисуса; недостоин наименования апостола – потому, что гнал церковь. Кто смиряется только на словах, тот не так поступает; а кто приводит и причины, тот говорит все от сокрушенного сердца. Он упоминает о том же и в другом месте: *благодарю же укрепляющаго мя Христа, яко верна мя непщева, положив мя в службу, бывша мя первее хулника и гонителя и досадителя* (1 Тим. I, 12, 13). Почему же он произнес те высокие слова: *паче их потрудихся?* Обстоятельства побуждали его к тому. Если бы он не сказал этого, а только уничижил бы себя, то как он мог бы с дерзновением приводить себя в свидетели, ставить себя наряду с другими и сказать: *аще убо аз, аще ли они, тако проповедуем* (ст. 11)? Свидетелю нужно быть человеком достоверным и великим.

А как он потрудился более их, это он объяснил выше, когда говорил: *еда не имамы власти ясти и пити, яко и прочии апостоли?* И еще: *бых беззаконным, яко беззаконен* (1 Кор. IX, 4, 21). Где надлежало показать ревность, там он превзошел всех; и где надлежало оказать снисхождение, там он опять был превосходен. Впрочем некоторые говорят, что он послан был к язычникам и обошел большую часть вселенной; потому и получил большую благодать. Подлинно, если он более потрудился, то благодать была больше; а большую получил он благодать потому, что показал более ревности. Видишь ли, как то самое, чем он старается и усиливается прикрыть свои дела, доказывает, что он был первый из всех?

6. Слыша это, будем и мы недостатки свой открывать, а о добродетелях умалчивать; если же потребуют обстоятельства, то будем говорить о них скромно и все приписывать благодати, как делает апостол: прежнюю свою жизнь он изображает подробно, а все последующее приписывает благодати, чтобы во всем показать человеколюбие Бога, Который спас такого (грешника) и, спасши, сделал его таким (праведником). Потому пусть никто из порочных не отчаивается и никто из добродетельных не надеется на себя, но пусть и последний будет осторожен, и первый ревностен. Как беспечный не может устоять в добродетели, так и ревностный не может быть бессильным в избежании порока. Пример того и другого — блаженный Давид: он, как скоро допустил небольшую беспечность, глубоко пал; а когда предался сокрушению, то опять взошел на прежнюю высоту. То и другое, и отчаяние и беспечность, одинаково худо; одно скоро низвергает с самой высоты небесной, а другое не позволяет восстать лежащему. Потому о первом Павел сказал: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. X, 12); а о втором: *днесь, аще глас его услышите, не ожесточите сердец ваших* (Пс. XCIV, 7, 8); и еще: *ослабленныя руки, и ослабленная колена исправите* (Евр. XII, 12). Потому и покаявшегося кровосмесника он скоро ободрил, *да не како многою скорбию пожерт будет таковый* (2 Кор. II, 7). Итак, человек, для чего ты скорбишь о других вещах? Если и в отношении к грехам, где скорбь единственно полезна, неумеренность причиняет великий вред, то тем более в остальном. О чем же скорбишь

ты? О том ли, что потерял имущество? Но представь тех, которые не имеют даже насущного хлеба, и ты тотчас получишь утешение. И при каждом бедствии не печалься о том, что случилось, а благодари за то, чего не случилось. Ты владел имуществом и лишился его? Не плачь о потере, а благодари за то время, в которое пользовался им. Скажи с Иовом: *аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим* (II, 10)? Вместе с тем размысли и о том, что хотя ты потерял имущество, но тело твое пока еще здорово, и при бедности ты еще не страдаешь расстройством тела. Или тело твое также потерпело расстройство? И это не край бедствий человеческих, но еще ты находишься пока в середине их; многие при бедности и телесном расстройстве бывают еще одержимы бесом и скитаются в пустынях; иные же терпят другие тягостнейшие (бедствия). Не дай Бог нам терпеть все, что возможно терпеть! Таким образом, помышляя всегда об этом, представляй тех, которые терпят тягчайшие (бедствия), и не скорби ни о чем подобном; когда согрешишь, тогда только сокрушайся, тогда плачь; этого я не запрещаю, напротив — требую; впрочем, и тогда — с умеренностью, помня, что есть обращение, есть примирение. Но ты видишь других в роскоши, в светлых одеждах и в великолепии, а себя в бедности? Не на это только смотри, но и на происходящие от того неприятности; равно и в бедности принимай в соображение не только нищету, но и происходящие от нее приятности.

Богатство имеет только наружность светлую, внутри же исполнено мрака; а бедность напротив. Если бы открылась перед тобой совесть каждого, то в душе бедного ты увидел бы великое спокойствие и безопасность, а в душе богатого смятение, смущение, волнение. Ты скорбишь, видя богатого, а он гораздо больше тебя скорбит, видя того, кто богаче его; сколько ты боишься его, столько же он боится другого, — в этом отношении он не имеет никакого преимущества перед тобой. Видя начальника, ты скорбишь, что ты человек частный и подчиненный? Но подумай о дне, когда все переменится, и еще прежде того дня представь смятения, опасности, труды, ласкательства, бессонницы и все другие неприятности его. Впрочем, все это мы говорим тем, которые не знают любомудрия; если бы ты знал его, то мы могли

бы утешить тебя другими высшими побуждениями; но теперь пока нужно представлять тебе побуждения низшие. Итак, когда ты видишь богатого, то представь и того, кто богаче его, и увидишь, что он в таком же положении, как и ты. Затем представь того, кто беднее тебя, и сколько людей засыпают голодными, теряют отцовские имения, живут в темнице и каждый день желают смерти. Ни бедность не рожает печали, ни богатство – удовольствия; но то и другое зависит обыкновенно от нашего рассуждения. Начнем снизу и посмотрим. Мусорщик скорбит и сетует, что не свободен от своего, по-видимому, тягостного и бесчестного занятия; но, если освободишь его от этого и доставишь ему достаток в предметах необходимых, он опять станет скорбеть о том, что не имеет более, чем необходимо; если доставишь ему больше, он опять захочет иметь вдвое и потому будет печалиться не менее прежнего; если дашь ему вдвое или втрое, он вновь будет скорбеть, что он не чиновник; если доставишь ему и это, он будет почитать себя несчастным, что не принадлежит к числу сановников; получив и это достоинство, будет сетовать о том, что он не правитель; когда сделается правителем, – о том, что управляет не целым народом; когда и целым народом, – о том, что не многими народами; когда многими народами, – о том, что не всеми; когда сделается главным правителем, станет опять скорбеть, что он не царь; если сделается царем, – о том, что он не один; если будет один, – о том, что он не царствует также над варварами и над всей вселенной; если бы над всей вселенной, – о том, почему и не над другим еще миром? Таким образом, замыслы его, простираясь в бесконечность, никогда не дозволят ему быть довольным.

7. Видишь ли, что, сделав даже царем человека низкого и бедного, не избавишь его от скорби, если не исправишь наперед его души, преданной любостяжанию? Теперь изображу тебе противное и покажу, что благоразумный человек, хотя бы ты низверг его с высоты вниз, не предастся скорби и печали. Будем, если угодно, нисходить по той же лестнице. Низведи мысленно правителя с седалища и лиши его этого звания; он нисколько не будет скорбеть, если захочет представлять сказанное мной, потому что будет представ-

лять не то, чего лишился, а то, что еще остается у него, именно честь, свойственную власти; если отнимешь и ее, он будет представлять себе людей частных, никогда не достигавших такой власти, и найдет достаточное утешение в своем богатстве; если лишишь его и этого (богатства), он будет смотреть на тех, которые имеют немного; если отнимешь и немногое и оставишь ему только самое необходимое для пропитания, он будет представлять себе тех, которые и того не имеют, но непрестанно терпят голод и живут в темнице; если ввергнешь его и в это жилище, он будет представлять себе одержимых неисцелимыми болезнями и невыносимыми страданиями и найдет, что сам он в гораздо лучшем состоянии. Как тот, занимающийся очисткой мусора, даже сделавшись царем, не найдет спокойствия, так этот, даже сделавшись узником, никогда не будет испытывать скорби. Следовательно, не от богатства зависит удовольствие, и не от бедности скорбь, а от наших помыслов, от того, что душевные очи наши нечисты, что, на чем бы они ни остановились, не успокаиваются, а стремятся в бесконечность. Как здоровое тело, хотя бы питалось одним хлебом, не подвергается болезням и добреет; а больное, хотя бы наслаждалось роскошной и разнообразной пищей, тем более слабеет, – так обыкновенно бывает и с душой. Малодушные и в диадеме, и в неизреченных почестях не могут хорошо себя чувствовать, а любомудрые и в узах, и в оковах, и в бедности наслаждаются чистым удовольствием. Потому, представляя себе это, будем постоянно взирать на тех, которые ниже нас. Есть и другое утешение, но только свойственное любомудрым и превышающее понятия многих. Какое же? То, что и богатство ничто, и бедность ничто, и бесчестье ничто, и честь ничто, что все это кратковременно и различается одно от другого одним только названием. Кроме того есть еще иное, большее, состоящее в том, чтобы представлять себе будущие страдания и блага, страдания истинные и блага истинные, и отсюда получать утешение. Но многие, как я сказал, весьма далеки от такого образа мыслей; потому мы и принуждены остановиться на вышесказанных мыслях, чтобы тех, которые примут их, постепенно возвести и к высшим. Итак, представляя все это, будем всячески благоустро-

ять себя и никогда не станем скорбеть о вещах случайных. Если бы мы увидели богатых на картине, то, конечно, не стали бы называть их блаженными, равно и бедных, изображенных там же, не стали бы называть несчастными и жалкими. Между тем они гораздо долговечнее наших богачей; на картине богатый остается гораздо долее, нежели в действительности; первый часто остается в таком виде до ста лет, а последний иногда, не насладившись даже один год своим богатством, вдруг лишается всего. Потому, помышляя о всем этом, будем отовсюду ограждать душевное спокойствие от безрассудной скорби, чтобы нам и настоящую жизнь провести с удовольствием, и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIX

Аще убо аз, аще ли они, тако проповедуем, и тако веровасте (1 Кор. XV, 11)

1. Превознеся апостолов и уничижив себя, потом опять поставив себя выше их, чтобы доказать свое равенство с ними, – а он доказал равенство, сказав, что он и ниже и выше их, – и таким образом представив себя достоверным учителем, (Павел) и еще продолжает говорить (об апостолах) и опять поставляет себя наряду с ними, выражая единодушие о Христе. Впрочем, делает это не так, как будто бы он присоединен к ним, но так, что он оказывается имеющим одинаковое с ними достоинство; этого и требовала польза проповеди. Он равно заботится как о том, чтобы не подумали, что он унижает (апостолов), так и о том, чтобы воздаваемой им честью не унизить себя перед подчиненными. Потому теперь он опять ставит себя наравне с ними: *аще убо аз,* говорит, *аще ли они, тако проповедуем;* у кого, говорит, хотите учиться, у того и учитесь; мы ничем не различаемся. Не сказал: если не хотите верить мне, то верьте им; но представляет и себя достойным веры и говорит, что как он сам по себе заслуживает этого, так и они сами по себе; различие лиц, при равных достоинствах, ничего не значило. То же он

делает и в Послании к Галатам, обращаясь (к апостолам) не потому, чтобы имел в них нужду, и утверждая, что он и сам по себе не имеет недостатка: *мне,* говорит, *мнимии ничтоже привозложиша,* и, однако, я желаю быть в согласии с ними, *и десницы даша мне* (Гал. II, 6, 9). Если бы достоверность Павла зависела от других и утверждалась на свидетельстве других, то отсюда произошел бы крайний вред для учеников. Следовательно, он превозносит себя не из тщеславия, но из опасения за проповедь. Потому и здесь ставит себя наравне (с апостолами): *аще убо аз, аще ли они, тако проповедуем.* Хорошо сказал: *проповедуем,* выражая великое дерзновение; мы, говорит, не тайно и не скрытно проповедуем, но вещаем громче трубы. Не сказал: проповедовали; но и теперь – *тако проповедуем. И тако веровасте;* здесь не сказал: веруете, но: *веровасте.* Так как (коринфяне) колебались, то он обращается к прежним временам и представляет свидетелями их самих. *Аще же Христос проповедуется, яко из мертвых воста, како глаголют нецыи в вас, яко воскресения мертвых несть* (ст. 12)? Видишь ли, как он превосходно рассуждает и доказывает воскресение (мертвых) воскресением Христовым, подтвердив наперед последнее многими доводами? О нем, говорит, предвозвестили пророки, и сам (Христос) засвидетельствовал явлениями Своими, и мы проповедуем, и вы веровали; таким образом он соединяет четыре свидетельства – пророков, сами события, апостолов и учеников; даже пять, потому что и то самое, что (Христос) умер за грехи других, доказывает истину Его воскресения. А когда это доказано, то очевидно следует и другое, то есть что воскреснут и прочие мертвые. Потому он укоряет их за сомнение в этом, как предмете несомненном, и с недоумением спрашивает: *аще же Христос воста, како глаголют нецыи в вас, яко воскресения мертвых несть?* Так он опять низлагает дерзость противников. Не сказал: как говорите вы, но: *како глаголют нецыи в вас;* не всех укоряет, и укоряемых не открывает, чтобы не ожесточить их, опять же и не скрывает их совершенно, чтобы исправить их. Для того он, отделив их от всех, устремляется против них и, таким образом, с одной стороны обессиливает и поражает их, а с другой – утверждает других в истине для борьбы с ними, не допуская (верующих) уклоняться к тем,

которые старались развратить их. Он приготовился применить сильную речь. Потом, чтобы не сказали, что хотя воскресение Христово известно и очевидно всем и никто в нем не сомневается, однако отсюда не следует необходимо и воскресение людей, – так как воскресение Христово было предвозвещено, сбылось и засвидетельствовано явлениями, а наше только еще в надежде, – смотри, что Он делает: опять, с другой стороны, доказывает то же самое (воскресение Христово), чем и делает речь свою весьма сильной. *Како нецыи,* говорит, *глаголют, яко воскресения мертвых несть?* Этим ведь опровергается и Христово воскресение. Потому и продолжает: *и аще воскресения мертвых несть, то ни Христос воста* (ст. 13). Видишь ли, с какой силой и непреодолимым искусством Павел старается доказать не только посредством известного сомнительное, но и посредством сомнительного для противников известное? Он делает это не потому, чтобы самое событие требовало доказательства, но чтобы внушить, что одно достоверно не менее другого.

2. Но какая, скажешь, здесь последовательность? Если Христос не воскрес, то следует, что и другие не воскреснут; а если другие не воскреснут, то можно ли основательно заключать, что и Христос не воскрес? Так как это, по-видимому, не совсем последовательно, то смотри, как Он делает это весьма последовательным, бросив семена еще издалека и основываясь на самом предмете проповеди, то есть что (Христос) воскрес, умерев *грех наших ради,* и что Он есть *начаток умершим.* Начаток чьим был бы начатком, если не воскресающих? И как Он был бы начатком, если не воскреснут те, которых Он начаток? Следовательно, как они не воскреснут? Если же они не воскреснут, то для чего воскрес Христос? Для чего Он пришел, для чего принял плоть, если не имел намерения воскресить плоть? Ведь Он не имел в ней нужды для Себя, но для нас. Впрочем, об этом (апостол) рассуждает после, а теперь пока говорит: *аще мертвии не востают, то ни Христос воста:* так одно соединено с другим! Если бы Он не имел воскреснуть, то не сделал бы вышесказанного. Видишь ли, как этими словами и неверием в воскресение мало-помалу ниспровергается все домостроитель-

ство Божие? Впрочем, он пока ничего не говорит о воплощении, а только о воскресении, потому что не воплощение, а смерть (Христова) разрушила смерть; когда Он пребывал во плоти, то владычество смерти еще продолжалось. *Аще же Христос не воста, тще убо проповедание наше* (ст. 14). Хотя следовало бы сказать: если (допустите, что) Христос не воскрес, то будете противоречить очевидной истине, столь многим пророкам и самим событиям, — но он выражается гораздо разительнее: *тще убо проповедание наше, тща же и вера ваша.* Он хочет потрясти души их. Мы, говорит, все потеряли, все погибло, если (Христос) не воскрес. Видишь ли таинство домостроительства? Если Христос, умерев, не смог воскреснуть, то и грех не истреблен, и смерть не побеждена, и клятва не разрушена, и не мы только тщетно проповедовали, но и вы тщетно уверовали. И не только, таким образом показывает нелепость этих нечестивых мыслей, но еще сильнее продолжает: *обретаемся же и лжесвидетеле Бога, яко послушествовахом на него, яко воскреси Христа, его же не воскреси, аще убо мертвии не востают* (ст. 15). Если же это нелепо, как хула и клевета на Бога, и однако вы будете говорить, что Бог не воскресил Христа, то отсюда произойдут еще другие нелепости. Здесь он опять утверждает то же и повторяет: *аще бо мертвии не востают, то ни Христос воста* (ст. 16). Если бы Христос не имел сделать это, то и не пришел бы. Впрочем (апостол) не говорит этого, а указывает только на конец, на воскресение Его, и тем убеждает всех. *Аще же Христос не воста, суетна вера ваша* (ст. 17). С известным и признанным за несомненное он неоднократно соединяет воскресение Христово, чтобы посредством твердо исповедуемого сделать твердым и очевидным и то, что казалось слабым и сомнительным. *Еще есте во гресех ваших.* Если Христос не воскрес, то и не умер; если же не умер, то и не истребил греха, потому что смертью Его истреблен грех: *се агнец Божий*, говорится (в Писании), *вземляй грех мира* (Ин. I, 29). Каким образом *вземляй?* Смертью. Потому Он и назван агнцем, что был заклан. Если же Он не воскрес, то и не был заклан; если не был заклан, то грех не истреблен; если грех не истреблен, то вы еще во грехе; если вы еще во грехе, то мы тщетно проповедали; если мы тщетно проповедали, то вы

тщетно уверовали. С другой стороны и смерть еще остается бессмертной, если (Христос) не воскрес; если Он сам удержан смертью и не расторг ее утробы, то как Он избавил всех других (от смерти), будучи сам удержан ею? Потому (апостол) и продолжает: *убо и умершии о Христе погибоша* (ст. 18). Что я, говорит, указываю на вас, когда в таком случае погибли бы и все те, которые все окончили и не подлежат более неизвестности будущего? Выражение — *умерший о Христе* означает или умерших в вере, или за Него претерпевших многие опасности и великие страдания, шедших путем тесным. Где же теперь нечестивые уста манихеев, которые говорят, что воскресением (апостол) называет здесь освобождение от греха? Эти многочисленные, непрерывные и превратные умозаключения доказывают совершенно не то, что говорят они, но что говорим мы. Так как — *востание* говорится и о том, кто упал, то он повторяет часто не только — *воста,* но и с прибавлением: *от мертвых.* Притом коринфяне сомневались не в отпущении грехов, а в воскресении тел. И что за необходимая связь: если люди не безгрешны, то и Христос то же? Если бы Христос не имел воскресить нас, то последовательно ли было бы говорить, для чего Он пришел, принял плоть и воскрес? Но при нашем (разумении) напротив. Грешат ли люди или не грешат, Бог всегда пребывает безгрешным; о нашем состоянии нельзя заключать по Его состоянию, и, обратно, по нашему о Его состоянии, как это делается касательно воскресения тел. *И аще в животе сем точию уповающе есмы во Христа, окаяннейши всех человек есмы* (ст. 19).

3. Что говоришь ты, Павел? Как *в животе сем точию уповающе есмы,* если тело не воскреснет, когда душа остается и пребывает бессмертной? Так, хотя бы душа осталась и тысячу раз была бессмертна, — какова она и есть, — но без тела она не получит неизреченных благ, равно как и мучений. *Вся бо явлена будут пред судищем Христовым, да приимет кийждо яже с телом содела, или блага или зла* (2 Кор. V, 10). Потому он и говорит: *аще в животе сем точию уповающе есмы во Христа, окаяннейши всех человек есмы.* Если не воскреснет тело, то и душа останется неувенчанной, — вне блаженства небесного; если так, то мы тогда совершенно ничего не получим; если же

тогда ничего не получим, то награды наши – в настоящей жизни. Потому, говорит, может ли что быть несчастнее нас? Говорит это, как для того, чтобы утвердить (коринфян) в истине воскресения тел, так и для того, чтобы уверить их в бессмертной жизни, чтобы они не думали, будто все наши надежды ограничиваются настоящей жизнью. Достаточно доказав то, что хотел, вышесказанными словами: *аще мертвии не востают, то ни Христос воста, аще же Христос не воста,* то мы *погибли и еще* остаемся *во гресех,* – он присовокупляет еще и это, с целью низложить их гордость. Когда он хочет предложить какой-либо необходимый догмат, то сначала страхом потрясает грубые сердца их. Так он поступает и здесь. Посеяв выше такие же мысли и приведя их в сокрушение, как лишающихся всего, он теперь, чтобы они более почувствовали скорбь, иным образом делает то же самое и говорит: *окаяннейши всех человек есмы,* если, после таких браней, смертных опасностей и тысячи бедствий, лишимся таких благ и все наши (надежды) ограничатся только настоящим, потому что все зависит от воскресения. Таким образом и отсюда очевидно, что он говорит не о грехах, но о воскресении тел, о жизни настоящей и будущей. *Ныне же Христос воста от мертвых начаток умершим* (ст. 20). Показав, сколько зла может произойти от неверия в воскресение, он опять повторяет: *ныне же Христое воста от мертвых,* постоянно присовокупляя: *от мертвых,* чтобы заградить уста еретиков. *Начаток умершим.* Если Он начаток, то и они должны воскреснуть. Но если бы (апостол) под именем воскресения говорил об освобождении от грехов, а без греха нет никого, – и сам даже Павел говорит: *ничесоже в себе свем, но ни о сем оправдаюся* (1 Кор. IV, 4), – то кто же воскреснет, по вашему мнению? Очевидно, что у него речь о (воскресении) тел. А чтобы сделать это несомненным, он постоянно указывает на Христа, воскресшего во плоти; потом приводит и причину, потому что, как я сказал, когда что-нибудь утверждается, но не приводится причина, то учение не так скоро принимается многими. Какую же причину? *Понеже бо человеком смерть бысть, и человеком воскресение мертвых* (ст. 21). Если человеком, то, без сомнения, имеющим тело. И посмотри на мудрость (апостола), как он доказывает еще с иной сторо-

ны необходимость (предложенной истины): побежденному, говорит, должно самому восстановить свое падшее естество и самому победить, потому что таким только образом может загладиться его бесчестье. Посмотрим же, о какой он говорит смерти? *Якоже бо о Адаме вси умирают, такожде и о Христе вси оживут* (ст. 22). Что же, скажи мне, все ли умерли в Адаме смертью греховной? Как (умер) Ной, праведный в роде своем? Как Авраам? Как Иов? Как все другие (праведники)? И все ли, скажи мне, оживут во Христе? Где же те, которые будут ввержены в геенну? Если это сказано о теле, то сказано верно; а если о праведности и о грехе, то неверно. Далее, чтобы ты, слыша слова: *вси оживут,* не подумал, что и грешники спасутся, он присовокупляет: *кийждо же во своем чину* (ст. 23). Слыша о воскресении, не подумай, что все получат равное воздаяние; если наказание не все понесут равное, но весьма различное, то тем более между грешниками и праведниками будет великое различие. *Начаток Христос, потом же* Христовы, то есть верующие и благочестивые. *Таже кончина* (ст. 24). Когда (умершие) воскреснут, тогда всему будет конец; а не так, как теперь, по воскресении Христовом, когда дела остаются еще без окончательного воздаяния. Потому (апостол) и присовокупляет: *в пришествии его,* чтобы ты знал, что он говорит о будущем времени. *Егда предаст царство Богу и Отцу, егда испразднит всяко начальство и властъ и силу.*

4. Здесь тщательно внимайте мне и смотрите, чтобы не опустить чего-нибудь из сказанного. У нас борьба с врагами, и потому прежде всего нам надобно постараться довести их до нелепости, как и Павел часто делает: таким образом, слова их представятся нам в яснейшем свете. Итак, во-первых, спросим их, что значит: *егда предаст царство Богу и Отцу?* Если мы будем принимать это просто, а не богоприлично, то следует, что (Христос) после того уже не будет иметь царства, так как кто отдает что-нибудь другому, тот сам уже перестает владеть. И не одна только эта следует нелепость, но и та, что принявший также не имел прежде, нежели получил, то есть, по их мнению, ни Отец не был прежде царем и только еще ожидает царства над нами, ни Сын после того не останется царем. Как же Он сам говорит об Отце: *Отец*

мой доселе делает, и Аз делаю (Ин. V, 17)? А о Нем как (говорит) Даниил: *царство Его царство вечное, еже не мимо идет* (II, 44)? Видишь ли, сколько выходит нелепостей и противоречий Писаниям, если принимать слова (апостола) по-человечески? Также об упразднении какого начальства он говорит здесь? Ангелов? Нет. Верующих? То же нет. Какого же? Начальства демонов, о котором он же говорит: *несть наша брань к плоти и крови, но к началом, ко властем, к миродержителем тмы века сего* (Еф. VI, 12). Теперь оно еще не совершенно упразднено, потому что часто они еще действуют; а тогда перестанут (действовать). *Подобает бо ему царствовати, дондеже положит вся враги под ногама своима* (ст. 25). И здесь опять выйдет иная нелепость, если мы будем принимать и это не богоприлично, потому что слово: *дондеже* означает конец и предел, а этого нет в Боге. *Последний же враг испразднится смерть* (ст. 26). Как *последний?* После всех, после диавола, после всего прочего, так же как и в начале смерть вошла после всего: прежде совет диавола, потом преслушание, а затем смерть. Сила ее и теперь упразднена, но действие прекратится тогда. *Вся бо покори под нозе его. Внегда же речи, яко вся покорена суть, яве, яко разве покоршаго ему вся. Егдаже покорит ему всяческая, тогда и сам Сын покорится покоршему ему всяческая* (ст. 27, 28). Но прежде (апостол) не говорил, что Отец покорит Ему, а что Он сам упразднит: *егда испразднит всяко начальство и власть;* и еще: *подобает ему царствовати, дондеже положит вся враги под ногама своима.* Как же здесь он приписывает это Отцу? И не только это, по-видимому, несообразно, но и то, что он выражает как бы неуместный страх, делая оговорку: *разве покоршаго ему вся,* как будто кто может подумать, не покорится ли когда-нибудь и Отец Сыну. Может ли что быть несообразнее? И, однако, он делает оговорку. Что же это значит? И далее представляется много вопросов: обратите же все ваше внимание. Прежде всего нам нужно показать цель и главную мысль Павла, которая бы везде ясно обнаруживалась, и тогда уже обратиться к разрешению; это поможет нам представить разрешение. Какая же главная мысль Павла, и какой у него прием? Он иначе говорит, когда беседует об одном Божестве (Христе), и иначе, когда ведет речь о домостроительстве (Божием). Когда

он беседует о (Христе во) плоти, то без опасения говорит все уничиженное, будучи уверен, что все сказанное может относиться к Нему. Посмотрим же и здесь, об одном ли Божестве он беседует или, вместе, имея в виду домостроительство, говорит о Нем то, что говорит? Впрочем, предварительно скажем, где он поступает так, как я сказал. Где же он так поступает? В Послании к Филиппийцам: *иже,* говорит, *во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, по себе истощил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеся, якоже человек: смирил себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог его превознесе* (II, 6–9). Видишь ли, как он, рассуждая об одном Божестве, приписывает Ему великое, то есть что Он есть образ Божий, что Он равен Отцу и усвояет Ему все; а изображая тебе Его во плоти, говорит опять уничиженно? Итак, если ты не будешь делать такого различия, то выйдет великое затруднение. Если (Христос) равен Богу, то как (Бог) превознес того, кто равен Ему? Если Он образ Божий, то как *дарова ему имя?* Дающий дает неимущему, и возвышающий возвышает уничиженного; потому окажется, что (Христос) был несовершенным и неимущим, прежде нежели вознесен и получил имя, – и множество произойдет отсюда других нелепых заключений. Если же ты будешь иметь в виду вместе и домостроительство, то сказанное будет справедливо. Так рассуждай и здесь и с такими мыслями принимай сказанное.

5. Объясним после того и другие причины. Между прочим и то нужно заметить, что Павел говорит о воскресении, которое считалось делом невозможным и которому совершенно не верили, и что он пишет коринфянам, у которых было много философов, которые всегда смеялись над такими истинами. Касательно других предметов они разногласили между собой, а против этого все, как бы одними устами, утверждали, что не будет воскресения. Защищая такую истину, которой так мало верили и над которой смеялись, сколько по предрассудку, столько же и по трудности самого предмета, и желая доказать возможность воскресения, (апостол) доказывает это сначала воскресением Христовым. Доказав (эту истину) свидетельствами пророков,

очевидцев и веровавших и доведя противное мнение до нелепости, он доказывает, наконец, и (воскресение) людей: *аще мертвии,* говорит, *не востают, то ни Христос воста.* Далее, после неоднократных подтверждений в предыдущих словах, он вновь доказывает то же иным образом, называя (Христа) *начатком* и утверждая, что Он упразднит всякое начальство, власть и силу и после всего смерть. Как же, говорит, она упразднится, если прежде не лишится тел, которыми владела? Когда, таким образом, он сказал о Единородном нечто великое, то есть что Он передаст царство, что Он сам совершит это, сам одержит победу и все низложит под ноги Свои, то, чтобы уничтожить неверие многих, присовокупляет: *подобает бо ему царствовати, дондеже положит вся враги под ногама своима. Дондеже* — сказал он не в том смысле, чтобы означить конец царствования, но чтобы сделать сказанное несомненным и внушить надежду. Когда, говорит, ты слышишь, что (Христос) низложит всякое начальство, власть и силу, диавола и такие бесовские полчища, скопища неверных, владычество смерти и все злое, — не опасайся, что у Него недостанет на то силы; Ему надлежит царствовать, доколе Он совершит все это, не в том смысле, будто после того Он уже не будет царствовать, но в том, что, хотя это будет не теперь, однако непременно будет; царство Его не прекращается; Он владычествует, управляет и пребывает дотоле, пока устроит все. Такой образ выражений можно находить и в Ветхом Завете. Так, например, говорится: *слово Господне пребывает в век* (Пс. CXVIII, 89); и еще: *Ты же тойжде еси, и лета твоя не оскудеют* (Пс. CI, 28). Это и тому подобное пророк говорит тогда, когда беседует о событиях, которые совершатся спустя долгое время и совершатся непременно, желая тем уничтожить опасение грубых слушателей. А что слова: *дондеже, до,* когда они применяются к Богу, не означают конца, послушай, что говорит (Писание): *от века и до века ты еси* (Пс. XXXIX, 3); и еще: *аз есть, и дондеже состареетеся, аз есмь* (Ис. XLVI, 4). Смерть (апостол) поставляет последней для того, чтобы неверующий, слыша о победе над другими врагами, скорее принял и эту истину, потому что если (Христос) низложил диавола, произведшего смерть, то тем более разрушит дело его. Когда таким обра-

зом он приписал (Христу) все: упразднение начальства и власти, устроение царства, то есть спасения верующих, мира вселенной, истребления зол, — а устроить царство и значит истребить смерть, — и между тем не сказал, что Отец через Него, но что сам Он упразднит, сам низложит под ноги Свои, а нигде не упомянул об Отце, то далее, опасаясь, чтобы какие-нибудь неразумные не сделали заключения, будто или Сын больше Отца, или есть какое-либо другое нерожденное начало, он постепенно объясняет и смягчает чрезмерность сказанного и говорит: *вся бо покори под нозе его.* Здесь он приписывает эти дела Отцу не потому, будто Сын бессилен, — может ли быть таким тот, о котором (апостол) выше привел такое свидетельство и приписал все сказанное? — но как по той самой причине, о которой я сказал, так и для того, чтобы показать, что все совершенное для нас общее Отцу и Сыну. Что Он сам собой может покорить себе все, об этом послушай еще, как говорит Павел: *иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сообразну телу славы его, по действу еже возмогати ему и покорити себе вся-ческая* (Флп. III, 21). Далее он употребляет оговорку: *внегда же,* говорит, *рещи, яко вся покорена суть, яве, яко разве покоршаго ему вся,* и тем опять воздает немалую славу Единородному; если бы Он был ниже и бессильнее, (апостол) никогда не выразил бы такого опасения. Не довольствуясь и этим, (апостол) присовокупляет еще нечто другое. Чтобы кто не подумал и не сказал: что из того, что Отец не покорится? это нисколько не препятствует Сыну быть сильнее (Отца), — он, опасаясь такой нечестивой мысли и имея в виду, что сказанное прежде не было достаточно для опровержения ее, весьма ясно присовокупляет следующее: *егда же покорит ему всяческая, тогда и сам Сын покорится,* выражая как совершенное согласие Его с Отцом, так и то, что Родивший столь могущественного и совершающего такие дела есть начало и первая причина всех благ.

6. Если же он сказал больше, нежели требовала сущность дела, ты не удивляйся; он сделал это, подражая своему Учителю. Сам (Христос), желая показать Свое согласие с Отцом и то, что Он пришел не против воли Его, уничижает Себя не столько, сколько требовалось для доказательства согла-

сия, а сколько требовала слабость присутствовавших; Он молится Отцу не по чему иному, как по этому, и сам объясняет причину, когда говорит: *да веру имут, яко ты мя послал еси* (Ин. XVIII, 21). Итак, подражая ему, (апостол) употребляет здесь усиленное выражение не для того, чтобы внушить тебе мысль о принужденном подчинении (Христовом), — нет, — но чтобы как можно сильнее опровергнуть нелепые мнения. Когда он хочет исторгнуть что-нибудь с корнем, тогда употребляет речь весьма сильную. Так, говоря о жене верующей и муже неверующем, соединенных между собой законом брака, и желая внушить жене, что она не оскверняется от сожития и от сношений с неверующим, он не сказал, что жена не делается через это нечистой или не терпит никакого вреда от неверующего, но сказал гораздо более, то есть что даже *неверный святится* через нее (1 Кор. VII, 14); этим он не хочет выразить того, будто язычник делается через нее святым, но старается таким сильным выражением, скорее, уничтожить ее опасение. Точно так и здесь, стараясь сильным выражением уничтожить нечестивое учение, он сказал то, что сказал. Почитать Сына слабым — есть крайнее нечестие; потому он и опровергает это словами: *положит вся враги своя под ногама своима;* а еще нечестивее почитать Отца меньшим (Сына); потому он опровергает и это с великой силой. Смотри, как он выражается; не сказал просто: *разве покоршаго,* но: *яве, яко;* хотя это и известно, говорит, однако я подтверждаю. А чтобы ты знал, что именно такова причина сказанного, я спрошу тебя: неужели увеличится тогда покорность Сына? Не нелепо ли это и недостойно Бога? Ведь величайшая покорность и послушание уже в том, что Он, будучи Богом, принял образ раба. Как же Он тогда *покорится?* Очевидно, что (апостол) выразился так, чтобы опровергнуть нелепую мысль, и притом с надлежащим благоразумием. *Покорится* так, как прилично Сыну — Богу, и не по-человечески, но свободно и с полной властью. Иначе как Он сидит на престоле вместе (с Отцом)? Как Он *живит, ихже хощет, якоже и Отец* (Ин. V, 21)? Как все, принадлежащее Отцу, принадлежит и Ему, и принадлежащее Ему принадлежит и Отцу (Ин. XVII, 10)? Это показывает нам совершенную власть Его наравне с Отцом. Что же значит: *егда*

предаст царство? Из Писания известны два царства Божии, одно по усвоению, другое по сотворению. По сотворению Он царствует над всеми, над язычниками, иудеями, демонами, врагами; а по усвоению царствует над верующими, добровольно подчиняющимися, послушными. Об этом последнем царстве говорится, что оно имеет начало; так о нем сказано во втором псалме: *проси от мене, и дам ти языки достояние твое* (Пс. II, 8); о нем и сам (Христос) сказал ученикам: *дадеся ми вся̀ка власть* от Отца Моего (Мф. XXVIII, 18), где приписывает все Отцу не потому, чтобы сам Он не имел чего-нибудь, но чтобы показать, что Он есть Сын, а не нерожденный. Это-то царство Он и *предаст*, то есть устроит. Но почему, скажешь, (апостол) не сказал ничего о Духе? Потому, что не о том у него теперь речь; он не смешивает всего сразу. Так и тогда, когда говорит: *един Бог Отец и един Господь Иисус* (1 Кор. VIII, 6), Он умалчивает о Духе не потому, чтобы признавал Духа меньшим, но потому, что еще не было нужды говорить о Нем. Иногда Он упоминает об одном Отце, но мы не станем поэтому отвергать Сына; иногда только о Сыне и о Духе, но мы не станем поэтому отвергать Отца. Что значит: *да будет Бог всяческая во всех?* Чтобы все зависело от Него, чтобы никто не воображал двух начал безначальных или другого отдельного царства. Когда враги будут низложены под ноги Сына, и Он, имея их под ногами своими, не будет действовать против Отца, но сохранит совершенное единение с Ним, — тогда (Бог) будет все во всем. Некоторые говорят, что под этими словами (апостол) разумеет истребление зла, так что все наконец покорятся, никто не будет противиться и делать зло, — то есть, когда не будет греха, тогда, очевидно, Бог будет все во всем. Но если не воскреснут тела, то будет ли это справедливо? Злейший из всех врагов — смерть останется и будет делать что хочет. Нет, скажешь, тогда уже не будут грешить. Но что из этого? (Апостол) говорит здесь о смерти не душевной, а телесной. Как же она истребится? Победа состоит в том, чтобы возвратить взятое и удержанное. Если же тела останутся в земле, то, значит, власть (смерти) будет продолжаться, потому что они удержаны (в земле), а других тел, в которых бы она была побеждена, нет. Если же сказанное Павлом сбудется, как и

действительно сбудется, то откроется славная победа, в которой Бог всемогуществом Своим воскресит тела, плененные смертью. Так и врага побеждают тогда, когда отнимают у него добычу, а не тогда, когда оставляют ее у него; если же никто не осмеливается взять ее у него, то можно ли сказать, что он побежден?

7. Таким же образом и Христос в Евангелии выражает победу, когда говорит: *егда свяжет крепкаго, тогда и сосуды его расхитит* (Мф. XII, 29), потому что иначе не видно будет победы. Как в смерти духовной, хотя умерший греху оправдался (Рим. VI, 7), однако мы не можем назвать этого победой, – потому что не тот победил, кто не прилагает зла ко злу, а тот, кто уничтожил прежний плен страстей, – так и здесь, не то можно назвать славной победой, что смерть перестала поглощать тела, но то, что у нее отняты тела, уже плененные ею. Если еще станут спорить и говорить, что это сказано о смерти духовной, то (я спрошу): как она *испразднится последняя?* Ведь она уже упразднена в каждом крещенном. Если же разуметь это о теле, то сказанное, то есть что (смерть) *испразднится последняя,* будет иметь место. Может быть, кто-нибудь придет в недоумение, почему (апостол), говоря о воскресении, не указал на тела, воскресшие при Господе? На это мы скажем, что такое указание не послужило бы в пользу воскресения; указать на воскресших, которые опять умерли, не значило бы доказывать, что смерть истребится совершенно. Потому он и сказал, что она истребится последняя, чтобы ты не подумал, что она еще восстанет. Когда истребится зло, то тем более прекратится смерть, потому что невозможно оставаться реке, когда иссякнет ее источник, или быть плоду, когда засохнет корень. Итак, если в последний день враги Божии истребятся вместе со смертью, диаволом и демонами, то не будем скорбеть, видя врагов Божиих благоденствующими: *врази бо Господни, купно прославитися им и вознестися, изчезающе яко дым изчезоша* (Пс. XXXVI, 20). Когда ты видишь врага Божия богатым, окруженным телохранителями и множеством льстецов, то не унывай, а вздыхай, плачь и моли Бога, чтобы Он обратил его в число друзей своих; и чем более враг (Божий) успевает в делах своих, тем более оплакивай его. Грешников должно

оплакивать всегда, особенно же, когда они наслаждаются богатством и великим благоденствием, как больных, когда они пресыщаются и упиваются. Между тем некоторые даже из слушающих эти слова находятся в столь жалком состоянии духа, что горько плачут о себе и говорят: я достоин слез, потому что не имею ничего. Справедливо говоришь ты, что не имеешь ничего, не потому, что не имеешь того, что имеет другой, а потому, что в этом поставляешь блаженство; потому ты и достоин безмерных слез. Кто, будучи здоров, станет называть блаженным больного, лежащего на мягкой постели, тот гораздо несчастнее и злополучнее его, потому что нисколько не чувствует собственного благополучия. То же происходит и с этими (людьми); потому и наполнилась вся наша жизнь смутами и беспорядками. Такие слова погубили тысячи (людей), предали их диаволу и сделали их несчастнее истаивающих от голода. Подлинно, те, которые желают большего, беднее самих нищих, потому что страдают большей и жесточайшей душевной скорбью, как можно видеть из следующего.

Некогда постигло наш город бездождие; все трепетали за жизнь свою и молили Бога избавить их от этого ужаса. Тогда можно было видеть *небо медяно,* как говорит Моисей (Втор. XXVIII, 23), и смерть, всех родов смерти ужаснейшую и каждый день ожидаемую. Но после, слава человеколюбивому Богу, сверх всякого чаяния полился свыше чрезвычайно обильный дождь, и все стали радоваться и торжествовать, как бы выйдя из самих врат смерти. Между тем среди таких благодеяний Божиих и при всеобщей радости один из богатейших людей ходил прискорбный и унылый, как бы омертвевший от горя, и, когда многие спрашивали его, по какой причине при всеобщей радости он один печален, тогда он, не в состоянии будучи даже скрыть своей мучительной страсти, побуждаемый силой этой болезни, открыто объявил причину: имея, говорил он, множество мер пшеницы, я не знаю, как мне теперь сбыть ее. Неужели, скажи мне, мы будем ублажать его после таких слов, за которые надлежало бы побить его камнями, как человека, жесточе всякого зверя, и общего врага? Что говоришь ты, человек? Ты скорбишь о том, что не погибли все, чтобы

тебе собрать золото? Разве ты не слышал, что говорит Соломон: *продаяй пшеницу скупо от народа проклят* (Прит. XI, 26)? И ты еще бродишь, общий враг благоденствия вселенной, противник человеколюбия Владыки Господа вселенной, друг или лучше, раб мамоны? Не следовало ли отсечь такой язык? Не следовало ли исторгнуть сердце, произнесшее такие слова?

8. Видишь ли, как золото не позволяет людям быть людьми, но делает их зверями и демонами? Что может быть презреннее богача, который ежедневно вымаливает голод, чтобы у него было золото? Страсть производит у него совершенно противное: он не радуется обилию приобретенных плодов, но по тому самому скорбит, что приобрел слишком много. Тогда как надлежало бы радоваться, что он имеет много, он по тому самому печалится. Видишь ли, что богатые, как я сказал, не столько чувствуют удовольствия от благ полученных, сколько терпят скорби от благ еще не полученных? Имевший бесчисленное множество мер пшеницы скорбел и сокрушался более алчущего; тогда как имевший только насущный хлеб радовался, веселился и благодарил Бога, владевший таким богатством скорбел и считал себя погибшим. Итак, не изобилие доставляет удовольствие, а любомудрое настроение; без него, хотя бы кто захватил все, будет в таком же состоянии духа, будет так же скорбеть, как и лишенный всего. И тот человек, о котором мы говорим теперь, если бы продал свою пшеницу за такую цену, за какую хотел, опять стал бы скорбеть, что не продал за большую; если бы мог продать за большую, то опять стал бы желать еще большей; если бы за каждую меру взял по золотой монете, то и тогда опять стал бы сокрушаться, что не продавал за эту цену каждой полумеры. А что он не с самого начала назначил бы такую цену, не удивляйся; и предающиеся пьянству не тотчас воспламеняются, но когда уже помногу наполнятся вином, тогда и возжигают в себе сильнейший пламень. Так и эти, чем более имеют у себя, тем большую чувствуют нужду, и чем более приобретают, тем более впадают в бедность. Это говорится мной не по отношению к нему только, но и к каждому из одержимых подобной болезнью, возвышающих цену

на товары и ввергающих ближнего в нищету. Никогда не бывает речи о человеколюбии, но всегда во время продажи страсть корыстолюбия руководит многими; и пшеницу и вино один продает скорее, другой медленнее, не для общего блага, но один для того, чтобы получить больше, а другой для того, чтобы не получить меньше, когда уже испортился самый товар.

Так Бог, видя, что многие не внимают заповедям Божиим и держат у себя все под запором, и желая иным образом побудить их к человеколюбию, чтобы они хотя по необходимости делали что-нибудь доброе, внушает им страх большей потери и самим плодам земным не дозволяет сохраняться долго, чтобы люди, по крайней мере из опасения убытка от порчи, невольно предлагали нуждающимся то, что по злобе закопали и хранят дома. И, однако, некоторые столь ненасытны, что не вразумляются и этим. Многие выливали целые бочки (вина), а не давали ни одного стакана нищим и ни одной монеты нуждающимся; выливали все на землю, когда оно делалось прокислым и сами бочки повреждались вместе с плодом. Другие не давали ни одного куска хлеба алчущему, а целые житницы вываливали в реку. Они не слушали Бога, повелевающего подавать нуждающимся, потому гнилость повелевала им, против воли, предавать (все содержимое) гибели и совершенному истреблению; таким образом они подвергали себя великому осмеянию и навлекали на свою голову, вместе с убытком, многие проклятья. И это здесь; а что будет там, какое выразит слово? Как они здесь пшеницу, сгнившую и сделавшуюся негодной, бросают в реки, так и их, делающих это и потому самому делающихся негодными, Бог ввергнет в реку огненную. Как пшеницу съедает червь и тление, так их душу – жестокость и бесчеловечие. Причиной этого – привязанность к благам настоящим и пристрастие только к настоящей жизни. Потому такие люди и мучатся безмерной тоской; страх смерти уничтожает все, что ни представишь приятного, и такие люди умерли еще при жизни. Нисколько не удивительно, если этому подвергаются неверующие; но если вкусившие таких таинств и так любомудрствующие о благах будущих, пристращаются к (благам) настоящим, то могут ли они удос-

тоиться прощения? Отчего же происходит это пристрастие к (благам) настоящим? От того, что предаются роскоши, утучняют плоть, развращают душу, налагая на нее тяжкое бремя, глубокий мрак и грубое покрывало. От роскоши лучшая часть (душа) делается рабой, а худшая – госпожой; первая совершенно ослепляется, повреждается и влечется, а последняя влечет и ведет всюду, тогда как самой ей надлежало бы подчиняться водительству. А между душой и телом находится тесная связь, которую Создатель устроил для того, чтобы никто не вздумал ненавидеть тело свое, как бы что-нибудь чужое.

9. Бог повелел любить и врагов; но диавол стал столь силен, что убедил некоторых ненавидеть даже собственное тело. Кто говорит, что (тело) от диавола, тот выражает именно такое убеждение. Это крайне безумно. Если оно от диавола, то откуда у него такое согласие с душой, что оно во всех отношениях способно к делам ее любомудрия? Если же оно, скажешь, способно к этому, то как оно ослепляет душу? Нет, человек, не тело ослепляет душу, а роскошь. Отчего же мы предаемся роскоши? Не от того, что имеем тело, – нет, – а от злой воли. Тело требует пищи, а не роскоши; тело нуждается в том, чтобы его питали, а не в том, чтобы его обременяли и утучняли. Роскошь пагубна не только для души, но и для утучняемого тела. Из крепкого оно делается слабым, из твердого нетвердым, из здорового болезненным, из легкого тяжелым, из плотного изнеженным, из красивого безобразным, из благовонного зловонным, из чистого нечистым, из стройного расстроенным, из полезного бесполезным, из молодого старым, из сильного бессильным, из гибкого медленным и ленивым, из совершенного уродливым. Если бы оно было от диавола, то не могло бы повреждаться от того, что принадлежит диаволу, то есть от порока. Нет, ни тело, ни пища не от диавола; от него только роскошь. Через нее этот злой демон успевает совершать множество зол. Так он погубил целый народ (израильский): *уты*, говорится (в Писании), *утолсте, разшире и отвержеся возлюбленный* (Втор. XXXII, 15). За это громы поразили жителей Содома, что выражает Иезекиилъ, когда говорит: *обаче сие беззаконие Содомы, в гор-*

дости и в сытости хлеба, и в изобилии вина сластолюбствоваша (XVI, 49).

Потому и Павел сказал: *питающаяся пространно жива умерла* (1 Тим. V, 6). Отчего так? Оттого, что она носит, как гроб, тело свое, обремененное множеством зол. Если же тело подвергается такому повреждению, то что бывает с душой? Какого смятения, каких волн, какой бури исполняется она? Она делается неспособной ни к чему, не может легко ни говорить, ни слушать, ни хотеть, ни делать ничего должного; как кормчий, когда буря возьмет верх над его искусством, утопает с самим кораблем и плывущими на нем, так и душа вместе с телом погружается в страшную бездну бесчувствия. Бог дал нам желудок, как бы какую мельницу, сообщил ему соразмерную силу и назначил определенную меру, сколько он должен перемолоть в каждый день; потому, если кто положит в него более надлежащего, то оставшееся непеределанным причиняет вред всему (телу). Отсюда происходят болезни, немощи и безобразие. Подлинно, роскошь не только расслабляет, но и делает даже красивую (женщину) безобразной; когда она беспрестанно производит неприятную отрыжку, выдыхает запах испортившегося вина и становится красной сверх должного, то нарушает приличную женщине благопристойность и теряет всякое благообразие; когда тело ее делается обвислым, ресницы кровяными и распухшими и вся она чрезмерно жирной и тучной, то представь, какое получается отсюда безобразие! Я слышал от врачей, что роскошь многим сильно препятствует даже достигнуть надлежащего роста; когда жизненная сила обременяется множеством яств и занимается их сварением, тогда то, чему надлежало бы обратиться в рост, тратится на сварение излишнего. Говорить ли еще о происходящих отсюда подаграх, распространяющихся по всему телу ревматизмах, других проистекающих отсюда болезнях и всякой нечистоте? Нет ничего столько неприятного, как женщина чрезмерно откармливаемая. Потому-то среди бедных можно видеть больше красоты, — никакие излишки у них не остаются и не привходят в их состав без нужды и напрасно, как бы какая посторонняя грязь; ежедневное упражнение, труды, работы,

умеренная пища и строгая диета доставляют им крепкое здоровье, а отсюда большую красоту. Не говори мне об удовольствии роскоши; оно не простирается далее гортани; как скоро пища миновала язык, она тотчас пропадает, оставляя за собой много неприятного. Не смотри на роскошествующих только тогда, когда они возлежат, но посмотри на них тогда, когда они встанут, последуй за ними и увидишь, что они более походят на скотов и бессловесных, нежели на людей. Ты увидишь, как они страдают головокружением, расслаблением и неповоротливостью, нуждаются в ложе и постели и глубокой тишине, мечутся, как бы во время сильного волнения, требуют помощи других и желают прийти в то состояние, в каком были прежде, чем насытились. Они ходят, подобно беременным женщинам, с отягченным чревом, едва переступают, едва видят, едва говорят и все едва (делают). Если же случится им немного заснуть, то им видятся нелепые сны и бессмысленные грезы. Говорить ли еще о неистовстве их другого рода, то есть сладострастии? И оно проистекает из того же источника. Они, как неистовые кони, будучи возбуждаемы опьянением, бросаются на всех, устремляясь еще с большим безумием и бешенством, нежели эти бессловесные, и делают другие бесстыдства, о которых и говорить неприлично, потому что они уже не понимают, что делается с ними и что делают они. Не таков человек, не предающийся роскоши: он находится в пристани, взирая на кораблекрушения других, и наслаждается чистым и постоянным удовольствием, проводя жизнь, достойную свободного человека. Итак, зная это, будем избегать порочных удовольствий роскоши и соблюдать умеренность в трапезе, чтобы нам быть здоровыми по душе и по телу, совершать всякие добродетели и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XL

Понеже что сотворят крестящиися мертвых ради, аще отнюдь мертвии не востают? Что и крещаются мертвых ради (1 Кор. XV, 29)

1. (Апостол) приступает теперь к другому доказательству, подтверждая (учение о воскресении) то тем, что творит Бог, то тем, что делают сами (верующие). И это немало служит к защите истины, когда дела самих противников приводятся в свидетельство сказанного. Что же говорит он? Но, если хотите, я наперед скажу, как искажают эти слова зараженные болезнью Маркиона. Знаю, что это будет весьма смешно, однако скажу, — особенно для того, чтобы вы еще более остерегались их болезни. Когда у них умирает кто-нибудь из оглашенных, то они, спрятав живого под одром умершего, приступают к мертвому, говорят с ним и спрашивают: желает ли он принять крещение? Так как он ничего не отвечает, то спрятанный под одром отвечает за него, что он желает принять крещение; и, таким образом, крестят его вместо умершего, разыгрывая как бы представление на зрелище. Такую силу имеет диавол над душами беспечных! Потом, когда их осуждают за это, они указывают на слова апостола, который, говорят они, сказал: *крестящиися мертвых ради*. Видишь ли, как это смешно? Потому стоит ли и опровергать их? Не думаю; иначе нужно было бы спорить и с безумными о том, что они говорят в припадке сумашествия. Впрочем, чтобы никто из самых простых не был увлечен ими, надобно сказать что-нибудь и против них. Если точно Павел говорит это, то для чего Бог угрожает не крещающемуся? При такой выдумке невозможно, чтобы кто-нибудь не крестился, и в противном случае вина падает не на умершего, а на живого. К кому, скажи мне, относятся слова (Спасителя): *аще не снесте плоти моея, ни пиете крови моея, живота не имате в себе* (Ин. VI, 53), — к живым или к умершим? И еще: *аще кто не родится водою и духом, не может видети царствия Божия* (III, 5). Если допустить сказанное, если нет нужды в намерении приемлющего и в расположении его еще при жизни, то что препятствует сделаться верными и язычникам и иудеям, когда другие после их смерти сделают это за них? Но не будем слиш-

ком много трудиться напрасно, разрывая такую паутину, а раскроем теперь смысл самого изречения. Что же говорит Павел? Но прежде я хочу привести вам на память слова, которые повелевают вам произносить в тот вечер совершители таинства, и потом обращусь к изречению Павла; тогда оно будет понятнее для вас. После всего прочего мы присовокупим и то, что теперь говорит Павел. Я хотел бы выразить это ясно, но не смею по причине (присутствия) непосвященных; они затрудняют нас при объяснении, поставляя в необходимость или говорить неясно, или открывать им сокровенное; впрочем буду говорить сколько могу прикровеннее. По произнесении тех таинственных и страшных слов и после страшных внушений откровенных с неба догматов, мы наконец, приступая к крещению, присовокупляем и эти слова, повелевая произносить следующее: *верую в воскресение мертвых*. В такой вере мы и крещаемся, – после исповедания этого вместе с прочим, мы сходим в источник тех священных вод. Это самое припоминая, Павел говорит: если нет воскресения, то для чего ты и крестишься *мертвых ради*, то есть тел? Ведь при крещении ты веруешь воскресению мертвого тела, – тому, что оно уже не останется мертвым. Ты словами исповедуешь воскресение мертвых, а священник, как бы в образе, показывает тебе самим делом то, чему ты веровал и что исповедал словами; ты веруешь без знака, а он тогда же представляет тебе знак; ты делаешь зависящее от тебя, а Бог тогда же удостоверяет тебя. Как и каким образом? Водой. Схождение и погружение в воду, а потом выхождение от воды есть знак нисхождения в ад и восхождения оттуда. Потому Павел и называет крещение гробом, когда говорит: *спогребохомся ему крещением в смерть* (Рим. VI, 4). Этим он удостоверяет и в несомненности будущего, то есть воскресения тела, потому что изгладить грехи гораздо труднее, нежели воскресить тело, как и Христос объяснил, когда сказал: *что удобее рещи: отпущаются ти греси, или рещи: востани и ходи?* Первое, говорит, труднее последнего; но вы не верите тому, как делу неясному, и менее важное проявление моей силы считаете более важным, поэтому я не откажусь представить вам и это доказательство. *Тогда глагола расслабленному: востани, возми твой одр и иди в дом твой* (Мф. IX, 5, 6).

2. Как трудно, скажешь ты, когда это возможно и царям и начальникам, которые прощают и прелюбодеев и человекоубийц? Напрасно ты говоришь это, человек; прощать грехи возможно одному Богу; начальники и цари хотя прощают прелюбодеев и человекоубийц, но они освобождают их только от настоящего наказания, а самих грехов их не очищают; и хотя бы они возвели прощенных в высшие звания, хотя бы облекли их в порфиру, хотя бы возложили на них диадему, и тогда они сделают их царями, но от грехов не освободят; это совершает один Бог. Он совершает это в бане пакибытия; благодать касается самой души и с корнем исторгает из нее грех. Потому душа прощенного царем может быть нечистой, а душа крещенного – нет; она чище самих солнечных лучей, и такова, какой была вначале, или даже гораздо лучше, потому что она получает Духа, Который совершенно воспламеняет ее и делает святой. Как ты, переплавляя железо или золото, делаешь его опять чистым и новым, так точно и Дух Святой, переплавляя душу в крещении, как бы в горниле, и истребляя грехи, делает ее чище и блистательнее всякого чистого золота. Отсюда также ты можешь убедиться в истине воскресения тел. Так как грех ввел смерть, то по истреблении корня, без всякого сомнения, истребится и плод его. Потому ты и говоришь наперед об *оставлении грехов,* а потом исповедуешь и *воскресение мертвых,* переходя от первого к последнему; далее же, так как слово: *воскресение* еще не доказывает всего, – многие ведь воскресшие опять умерли, как, например, (воскресшие) в Ветхом Завете, как Лазарь, как (воскресшие) во время крестной смерти Христовой, – то тебе повелевается говорить: *и в жизнь вечную,* чтобы никто не думал, что смерть будет и после того воскресения. Таким образом, припоминая эти слова, Павел и говорит: *что сотворят крестящиися мертвых ради?* Если нет, говорит, воскресения, то эти слова – шутка; если нет воскресения, то как мы убеждаем других верить тому, чего не даем? Если бы кто, требуя от другого расписки в получении того-то и того-то, не дал ничего, в ней написанного, а потом, получив расписку, стал бы требовать прописанного, то как бы поступил подписавшийся, сделав себя должником, а между тем не полу-

чив того, в чем сознал себя должным? То же и (апостол) говорит здесь о крещающихся: *что сотворят,* говорит, *крестящиися,* подписываясь под истиной воскресения мертвых, а между тем не получая и обманываясь? Какая вообще нужда и и в самом исповедании, если бы за ним не следовало дело? *Почтоже и мы беды приемлем на всяк час? По вся дни умираю: тако ми ваша похвала, юже имам о Христе Иисусе* (ст. 30, 31). Смотри, чем еще он старается подтвердить догмат, – собственным решением или, лучше, не своим только, но и прочих апостолов. И это немаловажное доказательство – указывать на учителей, вполне уверенных в истине и подтверждающих ее не только словами, но и делами. Потому он не просто говорит: и мы убеждены в этом, – одного этого недостаточно было для убеждения, – но представляет доказательство от дел и как бы так говорит: исповедовать это словами, может быть, кажется вам нисколько не удивительным; но если мы представим вам доказательство от дел, то что вы скажете против этого? Послушайте же, как мы проповедуем это каждый день своими страданиями. Не сказал: *аз,* но: *мы,* имея в виду всех апостолов вместе и таким образом, с одной стороны, показывая свое смирение, а с другой – делая достоверными слова свои. Что вы можете сказать? То ли, что обманываем мы вас, проповедуя это, и из тщеславия учим так? Но допустить такое мнение не позволяют (наши) страдания: кто стал бы непрестанно подвергаться страданиям тщетно и напрасно? Потому и говорит: *почтоже и мы беды приемлем на всяк час?* Из тщеславия, может быть, кто-нибудь решился бы на это один или два раза, но не во всю жизнь, подобно нам; а мы посвятили на это всю жизнь свою. *По вся дни умираю: тако ми ваша похвала, юже имам о Христе Иисусе. Похвалою* здесь он называет преуспевание (коринфян). Указав на многие страдания и желая показать, что он говорит об этом не с сожалением, присовокупляет: я не только не скорблю, но еще хвалюсь тем, что терплю для вас. Хвалится же он двумя обстоятельствами: тем, что страдает для них, и тем, что видит в них преуспевание. А потом, так как он сказал о делах великих, по обыкновению своему приписывает то и другое Христу. Как же он умирает *по вся дни?* Ревностью и готовно-

стью к тому. А для чего он говорит это? Опять для того, чтобы и таким образом подтвердить истину воскресения. Кто решился бы, говорит, подвергаться столь многим родам смерти, если нет воскресения и будущей жизни? Если и для верующих воскресению нужно великое мужество, чтобы за него подвергаться опасностям, то тем более неверующий не решился бы подвергаться столь многим и столь тяжким родам смерти. И, смотри, как он постепенно усиливает (речь). Сказав: *беды приемлем*, он присовокупляет: *на всяк час;* потом говорит: *по вся дни;* и далее говорит, что не только — подвергаюсь опасностям, но и — *умираю;* наконец, показывает и то, какими родами смерти: *аще бо*, говорит, *по человеку со зверем боряхся в Ефесе, кая ми польза* (ст. 32)?

3. Что значит: *аще по человеку?* Сколько возможно человеку, я боролся с зверями. Бог избавил меня от опасностей; но что в том? Потому, если кто особенно должен скорбеть, то это — я, который претерпел столько опасностей и еще не получил никакой награды. Если не придет время воздаяния и все наши дела ограничиваются настоящим, то мы терпим большой вред; вы уверовали без опасностей, а мы закаляемся каждый день. Впрочем, все это он говорит не потому, чтобы не было для него пользы в самих страданиях, но по немощи многих, чтобы их утвердить в истине воскресения, — и не потому, чтобы он подвизался для награды; для него достаточным было воздаянием — делать угодное Богу. Равным образом и прежние слова: *аще в животе сем точию уповающе есмы во Христа, окаяннейши всех человек есмы* (1 Кор. XV, 19) он сказал также для слушателей, чтобы страхом столь бедственной участи потрясти их неверие воскресению, и из снисхождения к их немощи. Подлинно, великая награда уже в том, чтобы во всем угождать Христу, и помимо возмездия великое воздаяние уже в том, чтобы за Него подвергаться опасностям. *Аще мертвии не востают, да ямы и пием, утре бо умрем.* Этими словами (апостол) теперь пристыжает их и говорит не от себя, но приводит слова велеречивого пророка Исаии, который, говоря о некоторых беспечных и отчаянных людях, сказал так: *закалающе телцы, и жруще овцы, яко ясти мяса и пити вино, глаголюще: да ямы и пием, утре бо умрем. И откровенна сия суть во ушию Господа Саваофа, и*

не оставится вам той грех, дондеже умрете (Ис. XXVI, 13, 14). Если же в то время так рассуждавшие не были прощаемы, то тем более во время благодати. Потом, чтобы не сделать слов своих слишком тяжкими, он не долго останавливается на доказательстве нелепости (такого образа мыслей), но опять начинает увещание и говорит: *не льститеся, тлят обычаи благи беседы злы* (ст. 33). Этими словами он, с одной стороны, укоряет (корянфян), как неразумных, – потому что под благовидным названием *благих* нравов он разумеет здесь удобопреклонные, – а с другой, сколько можно, извиняет их в прежних заблуждениях, снимая с них большую часть вины и возлагая на других, чтобы и таким образом обратить их к покаянию. То же он делает и в Послании к Галатам, когда говорит: *смущаяй же вас понесет грех, кто бы ни был* (V, 10). *Истрезвитеся праведно и не согрешайте* (ст. 34), – (говорит) как бы опьяневшим и неистовствующим, потому что опьяневшим и неистовствующим свойственно выпускать все вдруг из рук своих, не видеть того, что прежде видели, и не верить тому, что прежде исповедовали. Что значит: *праведно?* С пользой и назиданием, потому что можно быть трезвенным и неправедно, когда кто-нибудь пробуждается ко вреду своей души. Хорошо также прибавил он: *не согрешайте,* показывая, что отсюда происходили у них семена неверия. Он во многих местах выражает, что развратная жизнь порождает худые мысли, – например, когда говорит: *корень всем злым сребролюбие есть, егоже нецыи желающе, заблудиша от веры* (1 Тим. VI, 10). Многие, сознавая свои пороки и не желая понести наказание, от страха перестают верить и воскресению; напротив, делающие много доброго желают увидеть его каждый день. *Неведение бо Божие нецыи имут: к сраму вам глаголю.* Смотри, как (апостол) опять слагает вину на других. Не сказал: *вы неведение имате,* но: *неведение нецыи имут.* Не верить воскресению свойственно тому, кто не имеет совершенного понятия о непобедимой и вполне достаточной на все силе Божией. Ведь если Он сотворил сущее из несущего, то тем более может воскресить разрушившееся. Сильно укорив и крайне пристыдив их обличением в невоздержании, неразумии и бесчувственности, (апостол) потом смягчает слова свои и говорит: *к сраму вам глаголю,* то есть чтобы исправить, чтобы вразумить, чтобы вы, усты-

дившись, сделались лучшими. Он опасался, чтобы, поразив более надлежащего, не отвратить их от себя.

4. Но не будем думать, что это сказано им одним только (коринфянам); это относится теперь и ко всем тем, которые страдают подобными болезнями и ведут развратную жизнь. Ведь не те только, которые держатся худых мыслей, но и те, которые преданы тяжким грехам, находятся в состоянии опьянения и неистовства. Потому и к ним справедливо можно сказать: *истрезвитеся,* особенно же к тем, которые отягчены недугом корыстолюбия и совершают злое стяжание, — а есть и доброе стяжание — приобретение небес, не причиняющее никому вреда. В отношении имущества невозможно быть одному богатым без того, чтобы наперед другой не сделался бедным; в благах же духовных не так, а совершенно напротив: невозможно никому сделаться богатым без того, чтобы не обогатить другого, потому что если ты никому не принесешь пользы, то и сам не сделаешься богатым. В (благах) телесных от раздаяния происходит уменьшение, но в духовных от раздаяния происходит умножение, а нераздаяние причиняет великую скудость и подвергает крайнему наказанию. Доказательством тому — (раб) скрывший талант. Так, кто имеет дар мудрости, тот, передавая другому, умножает это богатство, делая мудрыми многих; а кто скрывает ее в себе, тот лишает себя богатства, не принося пользы другим. Так же, кто имеет другие дары, тот, врачуя многих, умножает свой дар; сам не теряет от передачи и многих других исполняет духовных дарований. Это правило остается неизменным во всех духовных (благах). Так бывает и с царством (небесным): кто делает многих своими соучастниками в царстве, тот тем более будет пользоваться им; а кто не желает иметь участником никого, тот и сам лишится многих благ. Если чувственная мудрость не истощается, когда многие приобретают ее, и художник не теряет своего искусства, когда делает художниками многих, то тем более приобретающий царство не уменьшает его, а, напротив, тогда и будет у нас богатство больше, когда мы многих призовем к нему. Будем же приобретать то, что не истощается, но от раздаяния умножается; будем приобретать то, против чего никто не

клевещет, чему никто не завидует. Если бы было такое место, откуда бы, как из источника, непрестанно истекало золото, и тем более истекало, чем более было бы почерпаемо, а другое место было бы такое, в котором закопано какое-нибудь сокровище, то откуда ты захотел бы получать богатство? Не из первого ли? Конечно, оттуда. Но чтобы нам не описывать этого только словами, примените сказанное к воздуху и солнцу: они поглощаются всеми, и наполняют все, и, однако, остаются одинаковыми и не уменьшаются, хотя бы пользовались ими, хотя бы не пользовались. А то, о чем я говорю, гораздо больше. Мудрость духовная не остается одинаковой, хотя бы она была раздаваема или же не раздаваема, но более умножается именно тогда, когда бывает раздаваема. Если же кто не убеждается сказанным и не перестает прилепляться к скудным вещам житейским, приобретая подлежащее уменьшению, тот пусть вспомнит еще о пище из манны и устрашится этого примера наказания. Что было с манной, то же и теперь случается с корыстолюбцами. Что же было тогда? Она обращалась от излишества в червей.

То же случается и теперь (с корыстолюбцами). Мера питания для всех одна, – один мы наполняем желудок; но у тебя, предающегося роскоши, гнили больше. Как там собиравшие манну в дома свои больше положенного собирали не манну, а множество червей и гнилости, так точно и предающиеся объедению и пьянству собирают в роскоши и пресыщении не большие удовольствия, а большую гниль. Впрочем, нынешние даже хуже тогдашних; те, однажды испытав такое зло, образумились; а эти, каждый день внося в дома свои гораздо более опасных червей, не чувствуют и не насыщаются. Что одно похоже на другое по бесплодности труда, – потому что со стороны возмездия одно много тяжелее другого, – можешь видеть из следующего. Чем отличается богатый от бедного? Не одинаковое ли он одевает тело? Не одинаковый ли питает желудок? Чем же он превосходит его? Заботами, издержками, преслушанием Бога, растлением плоти, развращением души. Вот в чем он превосходит бедняка! Если бы он насыщал множество желудков, то, может быть, он мог бы сказать что-нибудь, например, что у него больше потреб-

ностей, что для него необходимы большие издержки. Но, скажешь, и теперь богатые могут возразить, что они насыщают многих, то есть слуг и служанок? Да ведь это делается не по нужде и не по человеколюбию, а только по гордости и потому не может служить для них оправданием.

5. Для чего иметь множество слуг? Как в отношении к одежде и пище надобно заботиться только о необходимом, так и в отношении к слугам. И какая в них нужда? Нет никакой. Одному господину надлежало бы иметь только одного слугу или, лучше, двоим и троим господам одного слугу. Если это неприятно (слышать), то вспомни о тех, которые не имеют ни одного и, однако, не остаются без прислуги гораздо лучшей, потому что Бог сотворил людей достаточно способными к служению самим себе и даже к служению ближним. Если не веришь, то послушай Павла, который говорит: *требованиям моим и сущим со мною послужисте руце сии* (Деян. XX, 34). Так учитель вселенной, достойный небес, не стыдился служить тысячам (людей); а ты считаешь постыдным, если не окружишь себя толпами рабов, не понимая, что, напротив, это самое особенно и служит для тебя бесчестьем. Бог для того дал нам руки и ноги, чтобы мы не имели нужды в слугах; и не нужда ввела сословие рабов, — иначе вместе с Адамом был бы сотворен и раб, — но это есть следствие греха и наказание за преслушание. А Христос, придя, прекратил и это: *о Христе Иисусе несть раб, ни свободь* (Гал. III, 20). Потому нет нужды иметь рабов; если же нужно, то разве одного, а много двух. И к чему толпы слуг? Точно какие продавцы овец или торговцы невольниками, расхаживают богачи по баням и по торжищам. Впрочем, я ничего не говорю против: пусть будет у тебя и другой слуга; но если ты собираешь их множество, то делаешь это не из человеколюбия, а из роскоши; если бы ты заботился об их благе, то не заставлял бы никого из них служить тебе, но, купив и научив их ремеслам, чтобы они могли продовольствовать сами себя, отпустил бы их на волю. Если же ты бичуешь их, если налагаешь на них оковы, то это уже не дело человеколюбия. Знаю, что я говорю неприятное для слушателей; но что мне делать? На то я поставлен и не перестану это говорить, хотя будет какая-нибудь польза, хотя нет. К чему ты в

самом деле так гордо выступаешь на торжище? Разве ты ходишь среди зверей, что разгоняешь встречающихся? Не бойся: никто из мимоходящих и приближающихся к тебе не кусается. Но ты считаешь за бесчестье идти вместе со всеми? Как безумно, как странно, – когда близ тебя идет лошадь, не считать этого бесчестьем, а когда человек не прогнан от тебя на тысячи стадий, считать это бесчестьем! К чему ты еще окружаешь себя жезлоносцами, поступая с людьми свободными как бы с рабами или, лучше, сам проводя жизнь бесчестнее всякого раба? Подлинно, кто ведет себя с такой гордостью, тот презреннее всякого раба: не увидят истинной свободы те, которые поработили себя столь гибельной страсти. Если ты хочешь очистить себе дорогу и идти вперед, то отгоняй не проходящих, а гордость, не через слугу, а через себя самого, не таким бичом, а духовным. Теперь же слуга твой гонит проходящих, а тебя сверху гонит гордость с большим бесчестьем, нежели слуга твой – ближнего. Если ты, сойдя с коня, прогонишь гордость смиренномудрием, то займешь высшее место и доставишь себе больше чести, нисколько не нуждаясь для того в слуге. Когда ты будешь смиренно идти по земле, то воссядешь на колесницу смиренномудрия, которая, имея крылатых коней, вознесет тебя до небес; а когда, ниспадя с нее, взойдешь на колесницу гордости, то будешь нисколько не лучше пресмыкающихся животных, ползающих по земле, и даже гораздо хуже и несчастнее их, потому что их заставляет ползать недостаток телесный, а тебя – болезнь гордости: *всяк*, говорит (Писание), *возносяйся смирится* (Лк. XVIII, 14). Итак, чтобы нам не унизиться, а возвыситься, будем восходить на эту высоту; таким образом мы найдем и покой душам нашим, по божественному обетованию (Мф. XI, 29), и достигнем истинной и высочайшей чести, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLI

Но речет некто: каково востанут мертвии? Коим же телом приидут? Безумие, ты еже сееши, не оживет, аще не умрет (1 Кор. XV, 35)

1. Будучи всегда весьма кротким и смиренным, апостол здесь говорит весьма строго по причине упорства противников, — и не довольствуется этим, но представляет и доказательства, и примеры, чтобы таким образом укротить и самых упорных спорщиков. Выше он говорил: *понеже человеком смерть, и человеком воскресение* (XV, 21); а здесь опровергает возражение, представляемое язычниками. Впрочем, смотри, как он опять смягчает силу укоризны. Не сказал: *но может быть вы скажете,* а неопределенно указывает на возражателя, чтобы прямым резким указанием не слишком поразить слушателей. Он приводит два недоумения: касательно образа воскресения и касательно качества тел, потому что возражавшие сомневались в том и другом и говорили: как воскреснет разрушившееся, и в каком явятся теле? Что значит: *коим телом?* То есть в этом ли истлевшем, разрушившемся или в каком-нибудь другом? Потом, внушая, что они спрашивают не о чем-либо сомнительном, но о том, что достоверно известно, он тотчас обращается к ним со строгими словами и говорит: *безумне, ты еже сееши, не оживет, аще не умрет.* Так обыкновенно поступаем и мы с теми, которые противоречат чему-нибудь достоверно известному. А почему он не тотчас указывает на силу Божию? Потому, что рассуждает с неверующими. Когда он говорит с верующими, то не очень прибегает к умозаключениям; так и в другом месте, сказав: *преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы его,* и, открыв здесь нечто более воскресения, он не привел сравнений, а вместо всякого доказательства указал прямо на силу Божию, прибавив следующее: *по действу, еже возмогати ему и покорити себе вяческая* (Флп. III, 21). Здесь же он употребляет и умозаключения. Доказав истину словами Писаний, он теперь с силой направляет речь против неверующих Писаниям и говорит: *безумне, ты еже сееши,* то есть ты сам у себя имеешь доказательство воскресения в том, что делаешь ежеднев-

но, и еще ли сомневаешься? Безумным я называю тебя за то, что не знаешь совершаемого ежедневно самим тобой и, тогда как ты сам бываешь виновником воскресения (семян), сомневаешься в том по отношению к Богу. Весьма выразительно говорит: *ты еже сееши*, то есть ты, смертный и разрушающийся. И, смотри, как сами выражения его соответствуют настоящему предмету: *не оживет*, говорит, *аще не умрет*. Не употребляя выражений, относящихся к семенам, как то: прозябает, произрастает, сгнивает, истлевает, он приводит соответствующие плоти нашей: *не оживет, аще не умрет*, — что свойственно не семенам, а телам. И не сказал: оживет после того, как умрет; но, — что выражает больше, — потому оживет, что умрет. Видишь ли, что он, как я часто замечал, всегда выводит противное? Из чего другие выводили заключение против воскресения, то самое он обращает в доказательство воскресения. Они говорили, что тело не воскреснет, потому что умерло. Что же он говорит вопреки этому? Если бы оно не умерло, то и не воскресло бы, потому и воскреснет, что умрет. Так и Христос яснейшим образом показывает то же самое, когда говорит: *аще зерно пшенично, пад на земли, не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит* (Ин. XII, 24). Отсюда же и Павел, заимствуя это сравнение, не сказал: *не будет жить*, но: *не оживет* (не оживотворится), указывает опять на силу Божию и внушает, что не земная природа, но сам (Бог) совершает все. А почему он не указал на то, что было ближе к предмету, то есть на семя человеческое, — так как и наше рождение, подобно пшенице, начинается тлением? Потому что (тот и другой пример) не равны, но первый важнее. Апостол хочет указать на что-нибудь всецело истлевающее, а семя человеческое только часть (человека); потому он и указывает (на пшеницу). С другой стороны, семя человеческое выходит из живого человека и падает в живую утробу; а здесь семя бросается не в тело, а в землю и в ней истлевает подобно умершему телу. Таким образом приведенный пример прямее относится к делу. *И иже сееши, не тело будущее сееши* (ст. 37). Сказанное доселе относится к тому, как (мертвые) воскреснут; а это к тому недоумению, в каком явятся теле. Что значит: *не тело будущее сееши?* Не ко-

лос целый и не пшеницу новую. Здесь говорится уже не о действительности воскресения, но об образе воскресения, то есть каково будет тело, имеющее воскреснуть, — такое ли, как прежде, или лучшее и превосходнейшее. То и другое (апостол) выводит из одного и того же примера и доказывает, что оно будет лучше.

2. Еретики же, не понимая ничего такого, возражают и говорят: иное тело умирает и иное тело воскреснет. Но что это за воскресение? Ведь восстание (воскресение) относится к тому, что упало. И где та чудная и славная победа над смертью, если одно падает, а другое восстает. Тогда уже не будет явно, что она возвратила то, что держала в своем плену. Как же это сравнение идет к предмету? Не иное существо сеется, а иное возрастает, но (возрастает) то же самое в лучшем виде. Иначе и Христос, бывший начатком воскресающих, воскрес не в том же самом теле, но, по вашему, одно тело Он оставил, хотя оно было без всякого греха, а другое принял. Откуда же Он взял другое? То от Девы, а это откуда? Видишь ли, до каких нелепостей доводит такое мнение? Для чего также Он показал язвы гвоздиные? Не для того ли, чтобы доказать, что это самое (тело) и ко кресту было пригвождено, и оно же воскресло? И что значит прообраз Ионы? Без сомнения, не иной Иона был поглощен, а иной извергнут на землю. И еще, почему (Христос) говорил: *разорите церковь сию и треми денми воздвигну ю* (Ин. II, 19)? Он, конечно, воздвиг тот самый храм, который разрушен; потому евангелист и присовокупил: *он же глаголаше о церкви тела своего* (ст. 21). Итак, что означают слова: *не тело будущее сееши?* То есть не колос, потому что он тот же и не тот же: тот же потому, что одного существа с (семенем); не тот же потому, что он лучше; существо осталось то же, но явилось большее благолепие, и он восстал в новом виде. А если бы не так, то не было бы нужды и в воскресении, когда бы тело не могло воскреснуть лучшим; для чего разрушать дом, если не строить его лучшим? Это (апостол) сказал против тех, которые думают, что (тело) истлевает. А далее, чтобы кто не подумал, что отсюда произойдет другое тело, он разрешает недоумение и сам изъясняет сказанное, не дозволяя слушателю выводить какое-нибудь несообразное заключение.

К чему же тогда и наши слова? Послушай, как он сам говорит и изъясняет, что значит: *не тело будущее сееши;* он именно тотчас присовокупляет: *но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного от таковых семян. Не тело будущее,* то есть не так одетое, не имеющее стебля и колосьев, *но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного от таковых. Бог же дает ему тело, якоже восхощет* (ст. 38). Так, скажешь; но здесь действует природа. Какая, скажи мне, природа? И здесь все совершает Бог, а не природа, не земля и не дождь. Потому-то (апостол), не упоминая ни о земле, ни о дожде, ни о воздухе, ни о солнце, ни о руках земледельца, говорит: *Бог дает ему тело, якоже восхощет.* Не исследуй же и не допытывайся, как и каким образом, когда слышишь, что это – дело силы и воли Божией. *И коемуждо семени свое тело.* Где же чужое тело? Дает *свое.* Потому, когда (апостол) говорит: *не будущее сееши,* утверждает не то, будто вместо одного воскреснет другое существо, но – воскреснет в лучшем, славнейшем виде. *Коемуждо,* говорит, *семени свое тело.* Отсюда, наконец, он выводит и различие (тел) при будущем воскресении. Из того, что сеется пшеница и из нее восходят все колосья, не заключай, будто и при воскресении (тела) будут равночестны. Даже и из семян происходят (колосья) не одинакового достоинства, но одни лучше, другие хуже. Потому (апостол) и присовокупляет: *коемуждо свое тело.* Впрочем, не довольствуясь этим, он выражает еще другое различие, большее и яснейшее. Чтобы ты, как я сказал, услышав, что все воскреснут, не подумал, что все получат и одну честь, он еще прежде посеял семена своей мысли, сказав: *кийждо же в своем чину* (XV, 23). То же самое еще яснее он выражает и здесь, продолжая так: *не всяка плоть таже плоть* (ст. 39). Что я указываю, говорит, на семена? То же самое мы можем видеть на телах, о которых теперь идет у нас речь. Потому и продолжает: *но ина убо плоть человеком, ина же плоть скотом, ина же птицам, ина же рыбам. И телеса небесная, и телеса земная: но ина убо небесным слава, и ина земным. Ина слава солнцу, и ина слава луне, и ина слава звездам: звезда бо от звезды разнствует во славе* (ст. 40, 41).

3. К чему здесь эти слова? Для чего (апостол) от воскресения тел уклонился к речи о звездах и солнце? Не уклонил-

ся он и не отступил от предмета, — нет, — а еще продолжает говорить о нем. Доказав истину воскресения, он теперь доказывает, что великое будет тогда различие в славе, хотя воскресение одно, и разделяет все на две части — на тела небесные и на земные. Примером пшеницы он доказал, что тела воскреснут; а здесь доказывает, что не все они будут в одинаковой славе. Как неверие воскресению делает людей сонливыми, так и то мнение, что все удостоятся одинаковой участи, делает их беспечными. Потому он исправляет то и другое; о первом сказал выше, а о последнем начинает говорить теперь. Разделив всех на два разряда, на праведников и грешников, он потом разделяет эти два разряда на многие части, показывая, что праведники и грешники получат не одинаковую участь, так же — что ни праведники все не будут равны с праведниками, ни грешники с грешниками. Первое деление — на праведников и грешников — он делает в словах: *телеса небесная и телеса земная*, разумея под земными последних, а под небесными первых. Потом показывает различие между самими грешниками в словах: *не всяка плоть таже плоть, но ина убо плоть рыбам, ина же птицам и скотом;* хотя все они — тела, но одни более, другие менее маловажны, как в образе жизни, так и в самом устройстве. Сказав об этом, он опять обращается к небу и говорит: *ина слава солнцу, и ина слава луне.* Как в земных телах есть различие, так и в небесных, и различие не малое, но простирающееся даже до последних (звезд); есть различие не только между солнцем и луной, между луной и звездами, но и между самими звездами; хотя все они на небе, но одни имеют более, другие менее славы. Чему же мы научаемся отсюда? Тому, что хотя все праведники будут в царстве (небесном), но не все получат одинаковое блаженство; и грешники, хотя все будут в геенне, но не все будут одинаково мучиться. Потому он и присовокупляет: *такожде и воскресение мертвых* (ст. 42). Что — такожде? Будет такое же великое различие. Далее, оставив этот предмет, как достаточно доказанный, он опять обращается к доказательству и к образу самого воскресения и говорит: *сеется в тление, востает в нетлении.* И посмотри на мудрость его: о семенах он употребляет выражения прилич-

ные телам: *не оживет, аще не умрет;* а о телах употребляет выражения приличные семенам: *сеется в тление, востает в нетлении.* Не сказал: *произрастает,* чтобы ты не приписал этого действию земли, но: *востает.* Сеянием же здесь он называет не зачатие наше в утробе матери, но погребение в земле мертвых тел, разрушение, прах. Потому, сказав: *сеется в тление, востает в нетлении,* он продолжает: *сеется не в честь* (ст. 43), так как что безобразнее мертвого, разрушившегося (тела)? *Востает в славе. Сеется в немощи.* Не проходит и тридцати дней, как все разрушается; плоть не может поддержать сама себя и продолжить даже на день. *Востает в силе.* Тогда уже ничто не преодолеет ее. Для того и нужны были приведенные примеры, чтобы многие, слыша, что тела восстанут в нетлении, славе и силе, не подумали, будто не будет никакого различия между воскресшими. Хотя все воскреснут в силе и нетлении и в славе нетления, но не все в одинаковой чести и степени. *Сеется тело душевное, востает тело духовное. Есть тело душевное, и есть тело духовное* (ст. 44). Что говоришь ты? А это тело разве не духовно? Оно духовно, но то будет гораздо больше. Теперь великая благодать Святого Духа часто отлетает, когда кто впадает в тяжкие грехи, и тогда, как Дух пребывает в душе, (отлетает) жизнь плоти, – а без первого и последняя ничтожна, – но тогда не так, а напротив (Дух) будет непрестанно пребывать в плоти праведников и станет господствовать в ней, хотя и душа будет присутствовать. Таким образом (апостол) разумел или что-нибудь подобное, когда сказал: *духовное,* или то, что оно будет легче, тоньше и будет способно носиться даже по воздуху или, лучше – то и другое. Если же не веришь сказанному, то посмотри на тела небесные, столь светлые, неизменные и никогда не стареющие и веруй, что Бог может и тленные тела сделать нетленными и гораздо лучшими видимых. *Тако и писано есть: бысть первый человек Адам в душу живу, последний Адам в дух животворящ* (ст. 45). Первое действительно написано (Быт, II, 7), а последнего не написано: как же (апостол) сказал: *писано есть?* Он вывел это из событий, как и часто делает. Так обыкновенно доступают и пророки; например, пророк сказал, что Иерусалим *наречется град истинный* (Зах. VIII, 3),

однако он не назывался так. Что же? Неужели пророк сказал неправду? Нет, он говорит, делая вывод из событий. Также: Христос *наречется Еммануил* (Ис. VII, 14), и, однако, Он не назывался так; но дела дают Ему это название. Так и здесь: *последний Адам в дух животворящ*.

4. (Апостол) сказал это для того, чтобы ты знал, что уже есть знамения и залоги как настоящей, так и будущей жизни: настоящей – Адам, а будущей – Христос. Так как лучшие (блага) он поставляет в надеждах, то теперь доказывает, что начало их уже пришло, что корень и источник их уже явились. Если же корень и источник для всех очевидны, то не должно сомневаться и о плодах. Потому он и говорит: *последний Адам в дух животворящ;* и в другом месте: *оживотворит мертвенная телеса ваша живущим Духом его в вас* (Рим. VIII, 11). Следовательно, животворить – дело Духа. Потом, чтобы кто не сказал: почему худшее прежде, и почему душевное сбылось все, а не в начатке только, духовное же только в начатке, – (апостол) выражает, что таков порядок того и другого. *Но не прежде,* говорит, *духовное, но душевное, потом же духовное* (ст. 46). Не говорит – почему, но довольствуется указанием на распоряжение Божие, имея свидетелем превосходства домостроительства Божия опыт событий и через то доказывая, что все с нами происходит к лучшему, а вместе с тем придает еще более достоверности словам своим. Если сбылось худшее, то тем более надобно ожидать лучшего.

Итак, если нам предстоят такие блага, то постараемся поставить себя в тот разряд (праведников) и будем оплакивать не умирающих, а тех, которые оканчивают жизнь во зле. Земледелец, когда видит пшеницу разрушающейся, не плачет; напротив, когда видит, что она в земле остается твердой, боится и трепещет; а когда видит ее разрушающейся, тогда радуется, потому что разрушение есть начало будущего ростка. Так и мы будем радоваться, когда тленный дом распадается, когда человек сеется. Не удивляйся, что (апостол) назвал погребение сеянием; это – лучшее сеяние. За тем (сеянием) следуют смерти, труды, опасности, заботы, а за этим, если будем жить праведно, венцы и награды; за тем – тление и смерть, а за этим – нетление, бес-

смертие и бесчисленные блага; при том сеянии – совокупление, похоть и сон, а при этом – только глас, сходящий с небес, и вдруг все совершается, и восстающий вступает не в жизнь многотрудную, но туда, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания. Если же ты (жена) нуждаешься в защите и потому плачешь о муже, то прибегни к общему для всех защитнику, спасителю и благодетелю – Богу, к этой необоримой помощи, готовому подкреплению, надежному покрову, вездесущему и отовсюду нас ограждающему. Но привычное обращение с ним, скажешь, вожделенно и приятно? И я знаю это; но если ты умеришь страсть свою рассудком и размыслишь о том, Кто взял его, и что ты, перенесши твердо, принесешь свою волю в жертву Богу, то будешь в состоянии избежать и этой волны, и то, что совершает время, совершит твое любомудрие; если же ты будешь малодушничать, то хотя время прекратит твою скорбь, но ты не получишь никакой награды. Вместе с этими мыслями припомни и примеры как из настоящей жизни, так и из божественных Писаний; вспомни, как Авраам заклал сына своего и не плакал, не произнес жалобного слова. Но, скажешь, это был Авраам? А ты призвана еще к большим подвигам. Иов, хотя скорбел, но столько, сколько свойственно отцу чадолюбивому и заботливо пекущемуся об умерших; а то, что ныне делаем мы, свойственно врагам и неприятелям. В этом деле, если бы ты стал плакать и рыдать о ком-нибудь, введенном в царские чертоги и увенчанном, то я не назвал бы тебя его другом, а явным врагом и неприятелем. Но, скажешь, я оплакиваю не его, а себя? И это несвойственно любящему – желать, чтобы он еще беспокоился о тебе и подвергался неизвестности (твоего) будущего, тогда как ему следует быть увенчанным и идти к пристанищу, или чтобы он обуревался волнами, тогда как ему можно быть в пристани. Но я не знаю, скажешь, куда отошел он? Как не знаешь, скажи мне? Он жил или праведно, или нет; поэтому известно, куда отойдет он. По тому самому, скажешь, я и сокрушаюсь, что он умер грешником? Это – одна отговорка и предлог; если бы ты по этому оплакивала умершего, то тебе надлежало бы исправлять и усовершать его при жизни; но ты заботишься только о себе, а

не о нем. Впрочем, если он умер грешником, то и в таком случае надобно радоваться, что прекратились грехи его и что он не приложил еще зла ко злу, и помогать ему, сколько возможно, не слезами, а молитвами, молениями, милостынями и приношениями. Все это установлено не напрасно; не напрасно мы совершаем при божественных таинствах поминовение об умерших и ходатайствуем за них, умоляя предлежащего Агнца, вземшего грехи мира, но для того, чтобы им было от того некоторое утешение; не напрасно предстоящий перед жертвенником, при совершении страшных таинств, взывает: о всех во Христе усопших и память о них творящих. Если бы о них не совершались поминовения, то и не произносились бы эти слова. Наши действия — не сценические представления, — да не будет, — они совершаются по устроению Духа.

5. Будем же помогать им и совершать о них поминовение. Если детей Иова очищала жертва отца, то почему ты сомневаешься, что, когда и мы приносим жертву за умерших, им бывает некоторое утешение? Бог часто подает благодать одним за других. Это объяснил Павел, когда сказал: *да от многих лиц еже в нас дарование многими благодарится о вас* (2 Кор. I, 11). Не поленимся же помогать умершим и приносить за них молитвы, потому что предстоит общее очищение вселенной. Потому мы и молимся тогда с дерзновением о всей вселенной и именуем их вместе с мучениками, исповедниками и священниками. Мы все одно тело, хотя члены — одни других превосходнее. Так, отовсюду возможно снискивать им прощение, и от молитв, и от приносимых за них даров, и от призываемых вместе с ними. Почему же ты скорбишь, почему плачешь, когда столько можешь снискать прощения умершему? Потому ли, что ты осталась одна и потеряла защитника? Не говори этого; ты не потеряла Бога и, доколе имеешь Его, Он сам будет для тебя больше и мужа, и отца, и сына, и зятя, так как и при их жизни Он же делал для тебя все. Так-то помышляй и говори подобно Давиду: *Господь просвещение мое и спаситель мой, кого убоюся* (Пс. XXVI, 1)? И еще: *Ты еси отец сирых и судия вдовиц* (Пс. LXVII, 6). Моли Его о помощи; Он теперь сравнительно с прежним временем тем более будет промышлять о тебе, чем в большем ты

находишься затруднении. Или ты (отец) потерял сына? Не потерял; не говори так. Это сон, а не смерть, переселение, а не потеря, переход от худшего к лучшему. Не раздражай Бога, но умилостивляй Его; если перенесешь мужественно, то отсюда будет некоторое утешение и умершему и тебе; если же нет, то ты еще более прогневаешь Бога, подобно как если бы, видя, что господин наказывает раба, ты озлобился на него, то раздражил бы господина еще более против себя самого. Не поступай же так, но благодари Бога, чтобы таким образом рассеялось облако твоей печали; скажи подобно блаженному (Иову): *Господь даде, Господь отъят* (Иов. I, 21); представь, как многие, более тебя угодившие Богу, даже вовсе не имели детей и не назывались отцами. И я, скажешь, не желал бы (иметь их), потому что лучше не испытывать удовольствия, нежели, испытав, лишиться. Нет, увещеваю тебя, не говори так, не раздражай этим Владыку; но благодари и за то, что получил, благословляй и за то, чего не удержал до конца. Не говорил Иов: лучше было бы не иметь, как говоришь ты, неблагодарный, но и за то благодарил; *Господь даде,* и за это благословлял: *Господь отъят; буди имя Господне благословено во веки.* И жене, заграждая уста и вразумляя ее, он сказал такие чудные слова: *аще благая прияхом от Господа, злых ли не стерпим* (II, 10)? И после, когда он подвергся еще тягчайшему искушению, также не поколебался, но терпел столь же мужественно и славословил (Бога). Так поступай и ты и помышляй в себе самом, что не человек взял (сына твоего), но Бог, Который сотворил его, Который более тебя печется о нем и знает, что ему полезно, а не враг какой-нибудь или человек недоброжелательный. Вспомни, как многие (дети), оставшись в живых, делали родителям жизнь не в жизнь. Но, скажешь, добродетельных разве ты не видишь? Вижу и их; но состояние твоего сына надежнее, нежели их; они теперь заслуживают похвалу, но конец их неизвестен; а за него тебе уже не надобно бояться и трепетать, чтобы чего-нибудь с ним не случилось, чтобы какая-нибудь не произошла с ним перемена. Так же рассуждай и о жене доброй и домовитой и за все благодари Бога. Если бы ты лишился и жены, благодари Его; может быть, Бог хочет привести тебя

к воздержанию, призывает к большим подвигам, хочет освободить тебя от уз. Любомудрствуя таким образом, мы и здесь приобретем душевное спокойствие, достигнем и будущих венцов, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLII

Первый человек от земли перстен, вторый человек Господь с небесе (1 Кор. XV, 47)

1. Сказав, что первый человек душевен, а второй духовен, теперь (Павел) представляет иное различие, называя одного перстным, а другого небесным. Прежнее различие относилось к жизни настоящей и будущей, а это ко времени до благодати и после благодати. Представляет же он такое различие для того, чтобы внушить добродетельную жизнь. Чтобы слушатели, как я сказал, надеясь на воскресение, не стали пренебрегать жизнью и благочестием, он и здесь опять призывает их на подвиги и увещевает быть добродетельными: *первый человек,* говорит, *от земли перстен, вторый человек Господь с небесе,* называя того и другого вообще человеком, но в одном указывая высшую его сторону, а в другом низшую. *Яков перстный, таковы и перстнии,* — также погибнут и умрут; и: *яков небесный, тацы же и небеснии,* — также пребудут бессмертными и светлыми (ст. 48). Но и последний разве не умер? Умер, однако не только не потерпел от того никакого вреда, но еще таким образом разрушил смерть. Видишь ли, как здесь (апостол) самой смертью подтверждает учение о воскресении? Когда есть, как я прежде сказал, начаток и глава, то не сомневайся и касательно всего тела. Притом здесь он предлагает превосходное увещание к добродетельной жизни, представляя образцы как высокой и любомудрой, так и противоположной тому жизни и указывая начатки той и другой, первой во Христе, а второй в Адаме. Потому не просто сказал: *от земли,* но: *перстен,* то есть плотян, привязан к настоящему; а о Христе, напротив: *Господь с небесе.* Если же некоторые из вы-

ражения: *с небесе* выводят такое заключение, будто Господь не имеет тела, то для заграждения уст их и прежде сказанное достаточно, и теперь ничто не препятствует опровергнуть их. Что же значит: *Господь с небесе?* О существе ли говорит апостол или о высшей жизни? Очевидно, что о жизни. Потому и присовокупляет: *якоже облекохомся во образ перстного,* то есть как делали зло, *да облечемся и во образ небесного,* то есть будем делать добро (ст. 49). Кроме того я желал бы спросить тебя, о существе ли сказано в словах: *от земли перстен,* и: *Господь с небесе?* Да, говоришь ты. Как же, разве Адам был только перстен, или он имел еще какую-нибудь другую сущность, сродную с существами высшими и бесплотными, которую Писание называет душой и духом? Без всякого сомнения, (имел) и ее. Следовательно, и Господь был не только свыше, хотя и говорится, что Он *с небесе,* но принял и плоть. Смысл слов (апостола) следующий: как мы носили образ земного – злые дела, так будем носить и образ небесного – небесную жизнь. А если бы здесь говорилось о существе, то дело не требовало бы убеждения и совета; и потому очевидно, что здесь говорится о жизни. Потому (апостол) и говорит об этом в виде увещания, и указывает на образ, а тем самым опять показывает, что он говорит о деятельности, а не о существе; мы от того сделались перстными, что стали совершать злые дела; мы перстны не потому, что так были сотворены, но потому, что согрешили, так как прежде грех, а потом смерть: *земля еси, и в землю отъидеши* (Быт. III, 19); отсюда же произошло и множество страстей. Не происхождение только из земли делает человека перстным, – потому что и Господь был из того же тела и того же состава, – но совершение земных дел; равно и небесным делает жизнь, достойная неба. Впрочем, для чего напрасно трудиться, доказывая это? (Павел) сам, продолжая речь, раскрывает нам свою мысль и говорит так: *сие же глаголю, братие, яко плоть и кровь царствия Божия не наследят* (ст. 50). Видишь ли, как он объясняет сам себя, избавляя нас от затруднения? Так он часто поступает. Плотью здесь он называет злые дела, как и в других местах, когда, например, говорит: *вы же несте во плоти* (Рим. VIII, 9); и еще: *сущии же во плоти Богу угодити не могут* (Рим. VIII, 8); так

что, когда он говорит: *сие же глаголю,* в словах его содержится не иное что, как следующее: я сказал это для того, чтобы ты знал, что злые дела в царство не вводят. От воскресения он тотчас переходит к царству и присовокупляет: *ниже тление нетления наследствует,* то есть зло не наследует славы и нетленных благ. Таким именем он часто называет зло; например: *сеяй в плоть от плоти пожнет истление* (Гал. VI, 8). Если бы он говорил о теле, а не о порочной деятельности, то не назвал бы его тлением; он нигде не называет тела тлением: оно не тление, а тленное. Потому и далее, рассуждая о нем, не называет его тлением, а тленным: *подобает бо,* говорит, *тленному сему облещися в нетление.* Окончив увещание касательно жизни, далее он по своему всегдашнему обыкновению, соединяя один предмет с другим, переходит опять к учению о воскресении тел и говорит: *се тайну вам глаголю* (ст. 51).

2. О страшном и неизреченном, о том, что не все знают, намеревается говорить (апостол) и оказывает им великую честь, беседуя с ними о предметах неизреченных. Что же это такое? *Вси бо не успнем, вси же изменимся.* Смысл слов его следующий: не все мы умрем, но все изменимся, даже и те, которые не умрут, несмотря на то, что и они смертны. Итак, когда умираешь, не бойся из-за этого, как будто не воскреснешь; есть, несомненно есть такие, которые избегнут смерти, но для воскресения им будет того недостаточно, а необходимо, чтобы тела и тех, которые не умрут, изменились и сделались нетленными. *Вскоре, во мгновении ока, в последней трубе* (ст. 52). После многого, сказанного о воскресении, он теперь благовременно открывает в нем весьма дивное. Не то только удивительно, говорит, что тела сперва сгниют и потом восстанут, и не то, что восставшие после гниения будут лучше нынешних, и не то, что перейдут в гораздо лучшее состояние, и не то, что каждый получит собственное, а не чужое тело, но и то, что столь многие и столь великие дела, превосходящие всякий ум и всякое разумение, совершатся: *вскоре,* то есть в мгновение времени, или, как он яснее выражает это, *в мгновении ока,* — (так же быстро), как мигают ресницы. Потом, так как он сказал нечто великое и изумительное, то есть что столь

многие и столь великие дела совершатся так скоро, приводит и доказательство в удостоверение истины события: *вострубит бо*, говорит, *и мертвии востанут нетленни, и мы изменимся*. Слово – *мы* здесь он относит не к себе, а к тем, которые тогда окажутся живыми. *Подобает бо тленному сему облещися в нетление* (ст. 53). Чтобы кто-нибудь, слыша, что *плоть и кровь царствия Божия не наследят*, не подумал, что тела не воскреснут, он присовокупляет: *подобает тленному сему облещися в нетление, и мертвенному сему облещися в безсмертие. Тленное* – это тело, и *мертвенное* то же тело; тело остается, потому что оно есть то, что облекается, исчезают же смертность и тленность, когда оно облекается в бессмертие и нетление. Потому не сомневайся насчет того, как тело будет жить бесконечно, когда слышишь, что оно будет нетленно. *Егда же тленное сие облечется в нетление, и смертное сие облечется в безсмертие, тогда будет слово написанное: пожерта бысть смерть победою* (ст. 54). Так как он сказал о делах великих и неизреченных, то еще подтверждает слова свои пророчеством: *пожерта бысть смерть победою*, то есть окончательно, так что не останется ни следов ее, ни надежды на возвращение, когда тление будет поглощено нетлением. *Где ти, смерте, жало? где ти, аде, победа* (ст. 55)? Видишь ли величие души его? Как бы торжествуя победу, он воодушевляется и, созерцая будущее, как бы уже совершившееся, восхищается, и попирает ногами низложенную смерть, и над главой поверженной издает победный клик, громко взывая: *где ти, смерте, жало? где ти, аде, победа?* Прошла, погибла и исчезла совершенно, – все сделано тщетным. (Господь) не только обезоружил и победил смерть, но истребил ее и обратил в ничто. *Жало же смерти грех: сила же греха закон* (ст. 56). Видишь ли, что здесь идет речь о смерти телесной? Следовательно, и о воскресении телесном. Если (тела) не воскреснут, то как будет поглощена смерть? И еще: каким образом *сила греха закон?* Что жало смерти – грех, который даже тяжелее ее, и что в нем она имеет силу, это известно; а как силу греха составляет закон? Без закона грех был слаб; он был совершаем, но не мог так подвергать осуждению, потому что зло (до закона) хотя существовало, но не обнаруживалось с такой яснос-

тью. Потому закон немало содействовал, как большему познанию греха, так и увеличению наказания. Если же он, имея целью ограничить грех, сделал его более тяжким, то вина лежит не на враче, а на том, кто худо пользовался врачевством. Так и пришествие Христово послужило большим бременем для иудеев; но мы не обвиняем его за это, а напротив еще удивляемся ему, и тем более осуждаем их, что они получили вред от того, от чего следовало получить пользу. Что не сам (закон) сообщил силу греху, (видно из того, что) Христос исполнил все и, однако, был чужд греха. Смотри, как и через это (апостол) доказывает воскресение: если грех есть причина смерти, а Христос, придя, разрушил грех и нас избавил от него через крещение, с грехом же прекратил и закон, в нарушении которого состоит грех, то как после этого сомневаться в воскресении? Чем теперь будет сильна смерть? Законом? Но он прекращен. Грехом? Но он разрушен. *Богу же благодарение, давшему нам победу Господем нашим Иисус Христом* (ст. 57).

3. Трофей воздвигнул сам (Христос), а венцов удостоил и нас, не по обязанности, а по одному человеколюбию. *Темже убо, братие, тверди бывайте, непоступни* (ст. 58). Справедливо и благовременно это увещание: ничто столько не колеблет, как мысль, что трудишься тщетно и напрасно. *Избыточествующе в деле Господни всегда,* то есть в чистой жизни. Не сказал: делая добро, но: *избыточествующе,* то есть чтобы добро было совершаемо обильно и выше предписанных пределов. *Ведяще, яко труд ваш несть тощ пред Господем.* Что говоришь ты? Опять труд? Но этот труд удостаивается венцов и (совершается) для небес. Первый, после рая – наказание за грехи; а этот – основание будущих наград. Потому его можно бы и не называть трудом – как поэтому, так и потому, что он удостаивается великой помощи свыше. Потому (апостол) и присовокупляет: *пред Господем.* Первый для того, чтобы нам понести наказание, а последний для того, чтобы получить будущие блага. Не будем же, возлюбленные, предаваться сну: невозможно, совершенно невозможно сподобиться царства небесного беспечным, равно и преданным роскоши и невоздержанию. Скорее, изнуряя и измождая свое тело и перенося бесчисленные труды, мы

можем получить небесные блага. Разве вы не видите, какое расстояние между небом и землей, какая предстоит брань, как склонен человек ко злу, как окружает грех и какие расставляет сети? Для чего же мы навлекаем на себя столько забот, кроме естественных, причиняем себе так много беспокойств и возлагаем на себя столь великие бремена? Разве не довольно нам забот о желудке, об одежде и о доме? Разве не довольно попечений о (вещах) необходимых? Между тем Христос удаляет от нас и эти (заботы): *не пецытеся,* говорит Он, *душею вашею, что ясте, ни телом вашим, во что облечетеся* (Мф. VI, 25). Если же не должно пещись о необходимой пище и одежде, и даже о наступающем дне, то будут ли когда-нибудь в состоянии воспрянуть те, которые налагают на себя столь великое бремя и под ним погребают себя? Разве вы не слышали, что говорит Павел: *никтоже воин бывая, обязуется заботами житейскими* (2 Тим. II, 4)? А мы предаемся роскоши, объедению и пьянству, сильно трудимся над предметами посторонними, а касательно предметов небесных оказываемся слабыми. Разве не знаете, что обещанное нам выше человеческого? Ходящий по земле не может взойти на высоты небесные; а мы даже не стараемся жить по-человечески, но стали хуже самых бессловесных. Разве не знаете, какому предстанем мы судилищу? Разве не помните, что нам должно отдать отчет в словах и помышлениях? А мы не заботимся даже о делах! *Иже воззрит на жену,* говорит (Господь), *ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею* (Мф. V, 28); а люди, которые должны отдать отчет даже за нескромный взгляд, не стесняются сгнивать в самом этом грехе. *Иже речет брату своему: уроде, повинен есть геенне* (Мф. V, 22); а мы не престаем срамить братьев своих бесчисленными оскорблениями и различными клеветами. *Любящий любящаго* ничем не лучше язычника (Мф. V, 46); а мы ненавидим и любящих. Какое же мы получим прощение, когда, будучи обязаны превышать пределы, предписанные древним, проводим свою жизнь даже ниже этих пределов? Что скажем в свое оправдание? Кто предстанет и поможет нам, когда мы подвергнемся наказанию? Никто: но с воплями и рыданиями, скрежеща зубами и терзаясь, мы неизбежно будем ввергнуты в непроницаемую

тьму, в (место) неотвратимых мучений и невыносимых казней. Потому увещеваю, прошу и, касаясь колен ваших, умоляю: пока остается еще краткий срок жизни, примите с сокрушением слова мои, обратитесь, исправьтесь, чтобы там по смерти, подобно богатому, не плакать бесполезно и не скорбеть безнадежно. Отец ли твой, или сын, или друг, или кто иной будет иметь дерзновение перед Богом, никто тогда не избавит тебя от (мучений), заслуженных собственными твоими делами. Таково тамошнее судилище: оно судит по делам только, и иначе спастись там невозможно. Говорю это не для того, чтобы опечалить или привести в отчаяние, но для того, чтобы мы, питая в себе тщетные и холодные надежды и полагаясь на того или другого, не стали нерадеть о собственной добродетели. Если мы будем беспечны, то нас не защитит никто – ни праведник, ни пророк, ни апостол; если же будем ревностны, имея достаточную защиту в собственных делах, то с дерзновением удостоимся и благ, уготованных любящим Бога, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLIII

О милостыни же, яже ко святым, якоже устроих церквам Галатийским, тако и вы сотворяйте (1 Кор. XVI, 1)

1. Окончив учение о догматах и намереваясь излагать учение нравственное, (Павел) оставляет все прочее и переходит к главнейшему из благ, именно говорит о милостыне. Сказав об этом одном предмете, он оканчивает (речь), между тем в других посланиях нигде не делает этого, но заключает их беседой и о милостыне, и о воздержании, и о кротости, и о долготерпении, и о всех прочих добродетелях. Почему же здесь он занимается одной только частью нравоучения? Потому, что и в прежде сказанном было весьма много нравственного, именно в том, чем он наказывал блудника, чем вразумлял судившихся у внешних (язычников), чем приводил в страх преданных пьянству и чревоугодию, чем

обличал возмутителей, состязателей и властолюбцев, чем угрожал предать нестерпимому наказанию недостойно приступающих к таинствам, чем объяснял вечерю любви. Потому теперь он упоминает об одном только том, что особенно нужно было, то есть о пособии святым. И посмотри на мудрость его: он беседует об этом уже тогда, когда убедил их в истине воскресения и возбудил ревность. Правда, он беседовал с ними об этом и прежде, когда говорил: *аще мы духовная сеяхом вам, велико ли, аще мы ваша телесная пожнем?* И еще: *кто насаждает виноград, и от плода его не яст* (1 Кор. IX, 11, 7)? Но так как он знал величие предлагаемой добродетели, то не оставляет сказать о ней и в конце послания. *Милостынею* он называет сбор для того, чтобы тотчас же с самого начала представить это дело легким, потому что если она должна собираться со всех, то такое установление для каждого становится легким. Впрочем, начав говорить о сборе, он не тотчас сказал: *кийждо вас да полагает у себе сохраняя,* хотя это и следовало; но наперед сказал: *якоже устроих церквам Галатийским,* а потом присовокупил и то; указанием на совершаемое другими он возбуждает их к соревнованию, предлагая им это в виде повествования. Так он поступил и в Послании к Римлянам, где, объясняя им причину своего отправления в Иерусалим, говорит между прочим и о милостыне: *ныне же гряду во Иерусалим, служай святым. Благоволиша бо Македония и Ахаиа общение некое сотворити к нищим святым* (Рим. XV, 25, 26). Одних побуждает примером македонян и коринфян, а других — примером галатийцев: *якоже устроих,* говорит, *церквам Галатийским, тако и вы сотворяйте;* им стыдно было бы оказаться ниже галатийцев. Не сказал: я убеждал и советовал, но: *устроих,* чем выражается большая власть; привел в пример не один город, не два и не три, но целый народ, как делал он и в отношении к догматам; *яко,* говорит, *во всех церквах святых* (1 Кор. XIV, 33); если же такое убеждение сильно для веры в догматы, то еще сильнее для подражания в делах. Что же, скажи мне, устроил ты? *По единей от суббот,* то есть в день воскресный, *кийждо вас да полагает у себе сохраняя, еже аще что благопоспешится* (ст. 2). Смотри, как он убеждает их самим временем: этот день сам по себе достаточно распо-

лагает к милостыне. Вспомните, говорит, чего вы сподобились в этот день: неизреченные блага, корень и источник нашей жизни получили начало в этот день. И не поэтому только это время располагает к человеколюбию, но и потому, что оно доставляет отдых и свободу от трудов; душа, облегченная от бремени трудов, бывает удобопреклоннее и способнее к милосердию. Кроме того и причащение в этот день страшных и бессмертных тайн производит великую готовность (к подаянию). Итак, в этот день, *кийждо вас,* не только тот или другой, но *кийждо,* беден ли он или богат, жена или муж, раб или свободный, *да полагает у себе сохраняя.* Не сказал: пусть приносит в церковь, чтобы им не стыдно было приносить малое, но – пусть, сберегая малопомалу, увеличивает приношение и потом покажет его, когда я приду; а до того времени, говорит, отлагай у себя, и дом свой делай церковью, ковчегом, сокровищницей; будь стражем священного имущества, самопоставленным домоправителем бедных; человеколюбие дает тебе это священное право. Знаком этого остается и доныне сосудохранительница. Но знак остается, а дела нет. Знаю, что многие из присутствующих опять будут укорять нас и, слыша слова наши, говорить: не будь, просим тебя, не будь тяжел и обременителен для слушателей; предоставь это их произволу, отдай на волю слушателей; ты так стыдишь нас и заставляешь краснеть! Но я не перестану говорить об этом; и Павел не стыдился непрестанно повторять это и настаивать, подобно просящим милостыни, Если бы я говорил: отдай мне и принеси в мой дом, то, может быть, слова мои были бы постыдны; впрочем, и тогда – нет, потому что *служащий олтарю,* говорит (апостол), *со олтарем делится* (1 Кор. IX, 13).

2. Но, может быть, кто будет укорять меня, что я говорю о самом себе. Нет, я теперь предлагаю просьбу о нуждающихся или, лучше, не о нуждающихся, а о вас – подающих; потому и говорю смело. И что за стыд – сказать: подай Господу алчущему, одень Его, ходящего нагим, прими Его – странника? Владыка твой перед целой вселенной не стыдится говорить; *взалкахся, и не дасте ми ясти* (Мф. XXV, 42), тогда как Он ни в чем не имеет недостатка и никакой нужды, –

и я ли буду стыдиться и колебаться? Нет, такой стыд — от диавольских козней. Потому я не стыжусь, но смело говорю: подавайте нуждающимся, и буду говорить громче, нежели сами нуждающиеся. Если бы кто мог доказать и уличить, что, говоря это, мы привлекаем вас к самим себе и под предлогом бедных имеем в виду собственную пользу, то это было бы достойно не только стыда, но и тысячи громов, и тем, которые делают это, не следовало бы жить; если же, по милости Божией, мы о себе нисколько не заботимся, но предлагаем вам благовестие безвозмездно, трудясь, хотя не так, как Павел, однако довольствуясь своим, то я со всем дерзновением говорю: подавайте нуждающимся, и не перестану говорить это, а не подающих буду осуждать строго. Если бы я был военачальником и имел у себя воинов, то, конечно, не стыдился бы выпрашивать пищи своим воинам; так же много я пекусь и о вашем спасении. Но чтобы слова мои были действительнее и сильнее, для этого, став под руководство Павла, буду говорить вам вместе с ним: *кийждо вас да полагает у себе сохраняя, еже аще что благопоспешится*. Смотри опять, как это не трудно. Не сказал: столько-то или столько-то, но: *еже аще что благопоспешится*, много ли, мало ли. Не сказал также: сколько кто приобретет, но; *еже аще что благопоспешится*, выражая, что приобретение — от Бога. И не этим только способом он делает совет свой удобоисполнимым, но и тем, что не повелевает вносить все в одно время, так как если собирать мало-помалу, то служение и расход делаются нечувствительными. Потому он и повелевает не тотчас принести, но назначает продолжительный срок и приводит причину: *да не егда прииду*, говорит, *тогда собрания бывают*, то есть чтобы не делать сборов тогда, когда наступит время взноса. И не без цели предлагает им такое внушение: ожидание Павла должно было возбуждать в них более усердия. *Егда же прииду, ихже аще искусите, с посланми сих послю отнести благодать вашу во Иерусалим* (ст. 3), Не сказал: кого-нибудь, но: *ихже аще искусите*, то есть кого изберете, чтобы служение было несомнительно. Дело избрания тех, которые отнесут милостыню, он предоставляет самим (коринфянам); не так будет, говорит, что жертвовать станете вы, а избирать имеющих отне-

сти – не вы. А чтобы не показалось, будто он себя устраняет от них, он прилагает и свои послания: *ихже,* говорит, *аще искусите, с посланми сих послю;* как бы так сказал: и я буду с вами, и я приму участие в служении посредством посланий. Не сказал: пошлю их отнести *милостыню* вашу, но: *благодать вашу,* чтобы показать, что они совершают великое дело, чтобы внушить, что и сами они от этого получают пользу. В других местах он называет (такое подаяние) благословением и общением (2 Кор. VIII; Флп. I), первым – для того, чтобы слушатели не сделались нерадивыми, а последним – для того, чтобы они не возгордились; но нигде не назвал милостыней. *Аще же достойно будет и мне ити, со мною пойдут* (ст. 4). Здесь он опять располагает их к щедрости: если, говорит, будет столько собрано, что понадобится и мне идти, то и я не откажусь. Но прямо не обещал этого и не сказал: когда приду, то сам отнесу, потому что не столько расположил бы их к увеличению подаяния, если бы сказал это в самом начале, а после такое прибавление хорошо и благовременно. Потому-то он и не прямо это обещал, и совершенно не умолчал об этом, но, сказав наперед: *послю,* потом упомянул и о себе. И в этих словах: *аще достойно будет и мне ити* он опять предоставляет дело на их волю, то есть что от них зависит собрать много и столько, чтобы не стыдно было и ему предпринять путешествие. *Прииду же к вам, егда Македонию прейду* (ст. 5). Он сказал то же и прежде, но тогда с гневом, прибавив: *и уразумею не слово разгордевшихся, но силу* (1 Кор. IV, 19); а теперь благосклоннее, чтобы они желали его прибытия. А чтобы они не сказали: для чего ты предпочитаешь нам македонян? – он не сказал: когда пойду, но: *егда Македонию прейду. Македонию бо прехожду. У вас же, аще случится пребуду или и озимею* (ст. 6); хочу не мимоходом зайти к вам, но остановиться и пожить у вас. Он писал это зимой, находясь в Эфесе. Потому и говорит: *пребуду же в Ефесе до Пентикостии,* потом пойду в Македонию; и, пройдя ее, летом приду к вам, быть может, проведу у вас и зиму.

3. Но почему он сказал: *аще случится,* а не утвердительно? Потому, что не все предвидел Павел, и потому, что это было полезно. Поэтому он и не утверждает прямо, чтобы, если бы этого не случилось, иметь оправдание в том, что

говорил тогда неопределенно, равно и в том, что его направлял Дух по своей власти куда хотел, а не куда желал сам (Павел). Так же он поступает и во втором послании, когда оправдывается в своем замедлении: *или яже совещаваю,* говорит, *по плоти совещаваю, да будет у мене еже ей ей, и еже ни ни* (2 Кор. I, 17). *Да вы мя проводите, аможе аще пойду.* И это – слова любви и великого благорасположения. *Не хощу бо вас ныне в мимохождении видети: уповаю бо время некое пребыти у вас, аще Господь повелит* (ст. 7). Здесь он выражает свою любовь и вместе устрашает грешников, впрочем, не прямо, а под видом дружеского расположения. *Пребуду же в Ефесе до Пентикостии* (ст. 8). Не напрасно он говорит обо всем этом с точностью, но открывает им, как друзьям, потому что дружбе свойственно – объявлять причину, почему не приходит, почему медлит и где находится. *Дверь бо ми отверзеся велика и поспешна, и сопротивнии мнози* (ст. 9). Если же (дверь) *велика,* то откуда *сопротивнии?* От этого самого и много противников, что велика вера, что велик и широк вход. Что же значит: *дверь велика?* Многие готовы принять веру; многие готовы приступить и обратиться; широк у меня вход, потому что души приступающих охотно принимают послушание веры. Сильной злобой дышал тогда диавол, видя, что многие от него отступают. Поэтому (Павлу) надлежало остаться там по двум причинам: потому что велика была польза, и потому что велик был подвиг. Такой речью он то же ободрял (коринфян), сообщая им, что, наконец, слово повсюду действует и удобно возрастает. А что много было противников, то и это означает успех евангельской проповеди. Злой демон никогда так не свирепеет, как когда видит, что многие из его сосудов расхищаются. Потому и мы, когда захотим совершить что-нибудь великое и доблестное, будем смотреть не на то, что дело представляет много труда, а на его пользу. И Павел, смотри, не теряет бодрости и не убегает, потому что много противников, но остается и напрягает свои силы, потому что велика была дверь. Это, как я сказал, было знаком разоружения диавола. Этого злого зверя не может раздражить тот, кто сделал что-нибудь малое и незначительное. Потому не удивляйся, когда видишь, что праведный муж, совершаю-

щий великие подвиги, терпит множество бедствий; надлежало бы дивиться противному, то есть если бы диавол, будучи часто поражаем, оставался в покое и кротко переносил (наносимые ему) раны. Не удивительно, если змий, получая непрестанные удары, свирепеет и бросается на ударяющего. А диавол, пресмыкаясь, свирепствует против всех злее всякого змия и нападает, выставив жало, подобно скорпиону. Это не должно смущать нас; возвращающемуся с войны, после сражения и победы, необходимо быть в крови, а нередко и иметь раны. Поэтому и ты, когда видишь, что кто-нибудь подает милостыню и совершает множество других добрых дел и таким образом сокрушает силу диавола, а между тем подвергается искушениям и бедствиям, не смущайся этим; потому он и подвергается искушениям, что сильно поражает диавола. Но для чего, скажешь, Бог попускает это? Для того, чтобы он удостоился больших венцов, а диавол получил сильнейшее поражение. Подлинно, когда он, делая добро и испытывая зло, за все благодарит Бога, тогда диавол и поражается. Великое (дело) быть милосердным и добродетельным тогда, как обстоятельства благоприятны; но гораздо важнее не отступать от доброй деятельности и во время бедствий. В последнем случае человек действует, собственно, для Бога. Итак, возлюбленные, будем ли мы находиться в опасности или терпеть что-нибудь прискорбное, станем тем с большим усердием совершать подвиги добродетели, потому что еще не время воздаяния. Не будем искать венцов здесь, чтобы во время (раздаяния) венцов нам не уменьшить своей награды. Как у художников работающие на собственном иждивении получают большую плату, а проживающие на счет нанявшего их получают плату гораздо меньшую, так и из святых кто совершает много добра и терпит много зла, тот получает полную награду и гораздо большее воздаяние – не только за добро, которое он сделал, но и за зло, которое он претерпел; а кто наслаждается здесь, живя в удовольствиях и роскоши, тот получает там не столь светлые венцы. Потому не будем искать воздаяния здесь, но особенно тогда и будем радоваться, когда мы, делая добро, терпим зло, потому что там Бог готовит нам награду не только за добрые дела, но и за претерпеваемые искушения.

4. Чтобы сказанное было яснее, представим двух людей богатых, которые оба милосердны и подают бедным. Потом, пусть один останется при своем богатстве и наслаждается полным благоденствием, а другой пусть впадет в бедность, подвергнется болезням и несчастьям и между тем благодарит Бога. Когда они отойдут отсюда, то который из них получит большую награду? Не явно ли, что подвергшийся болезням и скорбям, так как он и в благоденствии, и в злополучии не впал в человеческие слабости? Без сомнения, он. Такой человек, подлинно, есть столп адамантовый, раб верный. Если же всякое добро надобно делать, имея в виду не царство, а волю Божию, которая больше всякого царства, то чего удостоится тот, кто нерадит о добродетели, потому что здесь не получает за нее воздаяния? Потому не будем смущаться, когда видим, что кто-нибудь, охранявший вдовиц и часто угощавший бедных, лишается своего дома от пожара или испытывает другое подобное несчастье; он и за то получит награду. Так и Иову не столько удивляются за его милостыни, сколько за следовавшие потом страдания; а друзья его за то и осуждаются и почитаются ничего не стоящими, что они требовали воздаяний в настоящей жизни и поэтому несправедливо судили о праведнике. Итак, терпя бедность и нищету, не будем искать воздаяния в здешней жизни; крайне постыдно – домогаться здешних благ тогда, как нам предложено небо и блага вышенебесные. Не будем же поступать так, но какое бы из неожиданных обстоятельств ни встретилось с нами, будем постоянно обращаться к Богу и следовать блаженному Павлу; устроим в своем доме ковчежец для бедных, который пусть находится около того места, где ты становишься на молитву, и всякий раз, как приступаешь к молитве, наперед положи милостыню и потом воссылай молитву. Как ты не начинаешь молитвы, не умыв рук, так же (не начинай ее) и без милостыни. Положить милостыню не меньше значит, чем повесить Евангелие близ своей кровати; если ты, повесив Евангелие, сам ничего не будешь делать, то не получишь столько пользы, а устроив такой ковчежец, ты имеешь оружие против диавола, окрыляешь свою молитву, освящаешь свой дом, сохраняя в нем царское брашно. Пусть стоит этот ковчежец у твоей

кровати, и ночь твоя будет без мечтаний; только не полагай в него ничего от неправедных стяжаний; дело твое – милостыня, а милостыня не может происходить от жестокосердия. Хотите ли, я укажу вам и источники, откуда заимствовать такие приношения, чтобы, таким образом, сделать их легкими? Ремесленник, например сапожник, кожевник, медник или какой бы то ни было другой, продав что-нибудь из произведений своего ремесла, пусть приносит начаток цены Богу, пусть отлагает некоторую малую часть туда и этой малой частью поделится с Богом; не многого требую, но столько, сколько приносили сыны иудейские, исполненные бесчисленных зол, столько же будем отлагать и мы, чающие неба. Впрочем, не поставляю этого законом, не запрещаю отлагать и больше, но только прошу отлагать не менее десятой части. То же самое делайте не только при продаже, но и при покупке. То же правило пусть соблюдают и владетели полей, при собирании с них доходов; то же и все, приобретающие праведно; не говорю о ростовщиках, равно и о воинах, которые притесняют других и обогащаются от чужих несчастий, – от них Бог не примет ничего, – а говорю о людях, собирающих имущество трудами праведными. Если мы утвердимся в такой привычке, то потом совесть будет укорять нас, как скоро мы не станем исполнять этого правила; когда же сами испытаем, что это дело не трудное, то перейдем мало-помалу к высшим добродетелям и, научившись презирать богатство и исторгнув в себе корень зол, проведем спокойно жизнь настоящую и достигнем жизни будущей, которой да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLIV

Аще же приидет Тимофей к вам, блюдите, да без страха будет у вас (1 Кор. XVI, 10)

1. Может быть, кто подумает, что такое увещание недостойно мужества Тимофея; но это сказано не для Тимофея, а для слушателей, чтобы они через какие-нибудь действия

против него не причинили вреда самим себе. Он всегда был готов на опасности: *зане,* говорит (Павел), *якоже отцу чадо, со мною поработал в благовестии* (Флп. II, 22); но чтобы они, оскорбляя ученика, не оскорбили учителя и сами не сделались хуже, (апостол) заблаговременно предостерегает их и говорит: *да без страха будет у вас,* то есть чтобы кто-нибудь из бесстыдных не восстал против него. Ему, может быть, предстояло сделать им замечание за то, о чем писал Павел, для чего он и был послан, как выразил (апостол) в словах: *послах к вам Тимофея, иже вам воспомянет пути моя, яже о Христе Иисусе, якоже везде во всякой церкви учу* (1 Кор. IV, 17). Итак, чтобы они, надеясь на знатность, на богатство, на защиту от народа и на мирскую мудрость, не напали на него, не стали оскорблять его и строить против него козни, негодуя на его обличения или на вразумления учителя и желая отомстить последнему в лице первого, (апостол) говорит: *да без страха будет у вас.* Не ссылайтесь, говорит, на внешних – язычников и неверующих; требую этого от вас, для которых писано все послание. Им он внушал страх еще вначале, во вступлении; потому и здесь говорит: *у вас.* Затем внушает им доверие (к Тимофею) по самому его служению: *дело бо,* говорит, *Господне делает.* Не смотри на то, говорит, что он не богат, не образован и не стар, а на то, что поручено ему и что он исполняет: *дело бо Господне делает;* это заменяет ему и знатность, и богатство, и старость, и мудрость. Не довольствуясь этим, присовокупляет: *яко же и аз;* и выше (говорил): *иже ми есть чадо возлюблено и верно о Господе: иже вам воспомянет пути моя, яже о Христе* (IV, 17). Так как он был молод и ему одному поручено было исправление такого общества, а потому то и другое могло быть причиной пренебрежения к нему, то (апостол) справедливо продолжает: *да никто же убо его уничижит* (ст. 11); и не только этого требует для него, но еще большей чести: *проводите же,* говорит, *его с миром,* то есть безопасно, без ссор и словопрений, без вражды и ненависти, но с покорностью и почтительностью к нему, как к учителю. *Да приидет ко мне: жду бо его с братиею;* и этим он внушает им страх, чтобы они, зная, что он расскажет (апостолу) все, с ним случившееся, были более кроткими; для того и присовокупляет: *жду бо его.* А с другой стороны,

этим он также внушает доверие (к Тимофею), выражая, что он сам, намереваясь отправиться, ожидает его, и вместе свидетельствует любовь свою к ним, показывая, какого полезного он послал к ним человека. О *Аполлосе же брате много молих его, да приидет к вам с братиею* (ст. 12). Этот, как видно, был образован и старше Тимофея; потому, чтобы они не сказали, почему он не послал к ним этого мужа, а (прислал) вместо него молодого человека, – смотри, как апостол и касательно него успокаивает их, называя его братом и сообщая, что он много просил его (отправиться к ним). И опять, чтобы не подумали, будто он предпочел ему Тимофея и потому не послал его, и чтобы не возбудить в них большей зависти, говорит: *много молих его, да приидет.* Что же? Он не согласился и не послушался, но воспротивился и отказался? (Павел) не говорит этого, но, чтобы и его не обвинить, и себя оправдать, замечает: *и всяко не бе воля, да ныне приидет.* Затем, чтобы не сказали, что это только отговорка и предлог, присовокупляет: *приидет же* к вам, *егда упразднится.* Таким образом он и его оправдал, и их, желавших видеть его, успокоил надеждой на его прибытие. Далее, внушая, что они должны полагать надежду спасения не в учителях, а в себе самих, он говорит: *бодрствуйте, стойте в вере* (ст. 13), не в мудрости внешней, – потому что в ней невозможно стоять твердо, не колеблясь, – а в вере, в которой можно стоять твердо. *Мужайтеся, утверждайтеся. Вся вам любовию да бывают* (ст. 14). В этих словах он, по-видимому, предлагает увещание, а между тем укоряет их за беспечность; и потому говорит им: *бодрствуйте,* как спящим, *стойте,* как колеблющимся, *мужайтеся, утверждайтеся,* как малодушным, *вся вам любовию да бывают,* как не имеющим взаимного согласия; одно направлено против обольстителей: *бодрствуйте, стойте;* другое против оскорбителей: *мужайтеся;* третье против возбуждающих несогласие и распри: *вся вам любовию да бывают,* – любовью, которая есть союз совершенства, корень и источник благ. Что же значит: *вся любовию?* Обличает ли кто, начальствует ли кто, или повинуется, учится ли кто или учит, все (должно быть) с любовью, потому что и все упомянутое (зло) произошло от пренебрежения ею. Если бы (любовь) не была прене-

брегаема, то они не гордились бы и не говорили бы: *аз убо есмь Павлов, аз же Аполлосов* (1 Кор. I, 12); если бы она была между ними, то они не судились бы у внешних (язычников) или лучше, не судились бы вовсе; если бы она была между ними, то (блудник) не жил бы с женой своего отца, они не презирали бы немощных братий, не имели бы разделений, не тщеславились бы духовными дарованиями. Потому он и говорит: *вся любовию да бывают. Молю же вы, братие: весте дом Стефанинов, яко есть начаток Ахаии, и в служение святым учиниша себе* (ст. 15).

2. Еще в начале послания он упомянул об этом, когда сказал: *крестих же и Стефанинов дом* (1 Кор. I, 16), и теперь называет его начатком не только Коринфа, но и всей Греции. Немаловажная честь – первым приступить ко Христу. Потому и в Послании к Римлянам, похваляя за это некоторых, он сказал: *иже и прежде мене вероваша во Христа* (Рим. XVI, 7). Не сказал здесь: первые уверовали, но: были *начатком*, выражая, что вместе с верой они показали и прекрасную жизнь, как ее плод, и оказались достойными во всех отношениях. Подлинно, начаток должен быть лучше прочего, чего он есть начаток, – это Павел и засвидетельствовал об них таким выражением. Они, как я сказал, не только искренне уверовали, но и на деле показали великое благочестие, высокую добродетель и ревность в делах милосердия. И не только этим он доказывает их благоговение, но и тем, что весь дом был исполнен благочестия. А как они были ревностны в добрых делах, это (апостол) показывает в дальнейших словах: *в служение святым учиниша себе.* Слышите ли, какую он воздает похвалу страннолюбию? Не сказал: служат, но: *учиниша себе в служение;* такую жизнь они избрали себе навсегда, об этом заботятся. *Да и вы повинуйтеся таковым* (ст. 16), то есть содействуйте им и денежными пожертвованиями, и телесным служением, имейте с ними общение, – потому что и труд для них сделается легче, если они будут иметь сотрудников, и действия благотворительности будут простираться на большее число людей. Не просто сказал: содействуйте, но: *повинуйтеся* им, что бы они вам ни повелели, внушая самое строгое повиновение. Но чтобы не показалось, будто он угождает им, присовокупляет: *и всякому спослешествующу и*

труждающуся. Пусть, говорит, этот закон будет общим; я говорю не об них исключительно, но и всякий, подобный им, пусть получает то же. Потому, еще начиная говорить о них, он призывает в свидетели самих (коринфян): *молю же вы,* говорит, *весте дом Стефанинов.* Вы, говорит, сами знаете, как они трудятся, и не имеете нужды слышать об этом от нас. *Возрадовахся же о пришествии Стефанинове и Фортунатове и Ахаикове, яко ваше лишение сии исполниша: упокоиша бо мой дух и ваш* (ст. 17, 18). Так как они могли иметь неудовольствие против этих лиц, потому что это были те самые, которые пришли и возвестили (Павлу) об их смутах, и через которых было писано ему о девстве и о браке, – то, смотри, как он еще в начале послания успокаивал их, когда говорил: *возвестися ми о вас от домашних Хлоиса* (1, 11), где, указывая на них, вместе с тем и скрыл их, – а о них, конечно, он упоминает здесь, – теперь же говорит: *ваше лишение исполниша и упокоиша мой дух и ваш,* и тем показывает, что они пришли к нему вместо всех и за них решились предпринять такое путешествие. Но как это частное действие их может сделаться общим? Если ваше отсутствие вы вознаградите добрым расположением к ним, если станете почитать их, если будете принимать их, если покажете участие в их добром деле. Потому он и говорит: *познавайте убо таковыя.* Похваляя пришедших к нему, он вместе с тем воздает похвалу и другим, с посланными соединяет пославших: *упокоиша,* говорит, *мой дух и ваш. Познавайте убо таковыя,* – потому что для вас они оставили отечество и дом свой. Видишь ли мудрость (апостола)? Не Павлу только, говорит, они оказали услугу, но им, потому что представили в лице своем весь город; а через это он и посланных делал достойными доверия, и пославшим не дозволял отделяться от них, так как они были представителями всех перед Павлом. *Целуют вы вся Церкви Асийския* (ст. 18). Он всегда в своих приветствиях сближает и соединяет членов (Церкви). *Целуют вы о Господе много Акила и Прискилла.* У них он жил, как скинотворец. *С домашнею их церковию.* И это немаловажная заслуга – обратить дом свой в церковь. *Целуют вы братия вся. Целуйте друг друга лобзанием святым* (ст. 20). Такое прибавление – *лобзанием святым* – он делает только здесь. Почему? Потому что (между коринфянами) было великое разделе-

ние; они говорили: *аз убо есмь Павлов, аз же Аполлосов, аз же Кифин, аз же Христов* (Кор. I, 12); одни из них терпели голод, а другие упивались; между ними происходили ссоры, распри и тяжбы: даже из-за самих даров благодати у них были великая зависть и великая надменность. Примирив их своим увещанием, он справедливо повелевает им соединяться и святым целованием; оно могло соединить их и сделать единым телом, – оно *свято,* если чуждо коварства и лицемерия. *Целование моею рукою Павлею* (ст. 21): выражает, что это послание писано им с великим тщанием; потому присовокупляет и следующее: *аще кто не любит Господа нашего Иисуса Христа, да будет проклят* (ст. 22).

3. Одним этим изречением он приводит в страх всех тех, которые делали члены свои членами блудницы, которые соблазняли братию вкушением жертв идольских, назывались по именам людей, не веровали воскресению, – и не только приводит в страх, но и указывает путь к добродетели и источник пороков. Как любовь (ко Христу), когда она сильна, изгоняет и истребляет все виды грехов, так точно она, когда слаба, позволяет произрастать им. *Маранафа.* Для чего сказано это, и притом на еврейском языке? Так как причиной всех зол была надменность, которая происходила от внешней (языческой) мудрости, и эта надменность была главным злом, которое преимущественно разделяло коринфян, то (апостол), желая низложить их надменность, употребляет не греческое, а еврейское выражение, показывая тем, что он не только не стыдится простоты, но, напротив, очень любит ее. Что значит – *Маранафа?* Господь наш пришел. Для чего же он говорит это? Чтобы подтвердить учение о домостроительстве Божием, так как преимущественно в этом заключаются семена воскресения, и еще для того, чтобы пристыдить их, – как бы так говорит: общий Владыка всех благоволил уничижить Себя до такой степени, а вы еще остаетесь в том же положении и продолжаете грешить? Вас не поражает чрезмерная любовь Его, важнейшее из всех благ? Помните только это одно, говорит, и вы будете в состоянии преуспевать во всякой добродетели и истреблять всякий грех. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами* (ст. 23). Учителю свойственно помо-

гать не только советами, но и молитвами. *Любы моя со всеми вами о Христе Иисусе. Аминь* (ст. 24). Чтобы они не подумали, что он из лести к ним делает такое заключение, говорит: *во Христе Иисусе;* (любовь его) не имеет в себе ничего человеческого, ничего плотского, но есть духовная и потому самая искренняя; выражения его обнаруживают сильную любовь. Будучи отделен от них по месту, он как бы простирает свою десницу и обнимает их руками любви: *любы моя,* говорит, *с вами;* как бы так говорит: я сам со всеми вами. Это показывает, что написанное им происходило не от раздражительности и не от гнева, но от попечения (о коринфянах), если он и после таких обличений не отвращается от них, но любит и обнимает их, несмотря на далекое расстояние, и изливает перед ними (свою душу) в писаниях и посланиях. Так следует поступать всякому, исправляющему других; если он будет делать это с одним только гневом, то будет удовлетворять свою страсть; а если, обличив грешника, окажет и любовь к нему, то докажет, что и укоризны его происходили от любви. Будем же и мы таким образом вразумлять друг друга: и обличающий пусть не гневается, потому что гнев обнаруживает страсть, а не желание исправить; и обличаемый пусть не огорчается, потому что делаемое ему обличение есть врачевство, а не что-нибудь враждебное. Если врачей, когда они делают прижигания, не упрекают, хотя часто они ошибаются в успехе дела, но даже сами больные, подвергаемые прижиганиям и разрезам, считают своими благодетелями причиняющих им такие страдания, то тем более принимающему обличение нужно иметь такое расположение, слушать вразумляющего как врача, а не как врага. И мы, обличая кого-нибудь, будем приступать к нему с великой кротостью и с великим благоразумием. Если ты видишь согрешающего брата, то обличи его не всенародно, но как повелел Христос: *между тобою и тем единем* (Мф. XVIII, 15), притом не понося и не нападая на лежащего, но соболезнуя и сокрушаясь; будь и сам готов выслушать обличение, если ты согрешишь в чем-нибудь. Но чтобы сказанное было яснее, представим это посредством примера; впрочем, я не желаю, чтобы такие примеры были в действительности. Положим, что какой-

нибудь брат живет вместе с девицей; пусть он будет человек благонравный и целомудренный, но при всем том идет об нем худая молва. Когда до тебя дойдет молва о таком его сожитии, то не оставляй этого без внимания и не говори: разве у него нет своего ума? Разве он сам не знает, что ему полезно? Без причины люби, но не допускай ненависти без причины (говорит пословица): для чего же мне напрасно навлекать на себя вражду? Такие безумные слова свойственны диким зверям или, лучше, демонам. Кто хочет исправить другого, тот не навлекает на себя ненависти напрасно, но действует для достижения великих благ и неизреченных венцов. А против того, что говоришь ты: разве у него нет своего ума? – я скажу тебе, что действительно нет, потому что он опьянен страстью. Если в мирских судилищах подсудимые, будучи волнуемы гневом, бывают не в состоянии говорить сами за себя, хотя, впрочем, такая чувствительность и не ставится им в вину, то во сколько раз хуже состояние человека, преданного порочной страсти? Потому я и говорю, что хотя бы он был тысячу раз умен, но при всем том у него нет бодрственного ума. Кто был благоразумнее Давида, который говорил: *безвестная и тайная премудрости твоея явил ми еси* (Пс. L, 8)? Но когда он взглянул нескромными очами на жену воина, то испытал то же, что обыкновенно случается с людьми, плывущими по бурному морю, как он сам говорит: *вся премудрость* его *поглощена бысть* (Пс. CVI, 27); и он имел нужду, чтобы другие исправили его, и даже не чувствовал, в какой находился глубине зол; потому, оплакивая грехи свои, он и говорил: *яко бремя тяжкое отяготеша на мне. Возсмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего* (Пс. XXXVII, 5, 6).

4. Итак, кто грешит, у того нет ума, потому что он опьянен и омрачен. Потому не говори так, и к словам своим: какая мне нужда? – не прибавляй еще: *кийждо бо свое бремя понесет* (Гал. VI, 5). Ты навлекаешь и на себя величайшую ответственность, если, видя заблудшего, не хочешь помочь ему. Если законом иудейским запрещалось оставлять без внимания даже скот врага (Втор, XXII, 1), то какое будет иметь оправдание оставляющий без внимания не скот и не врага, а погибающую душу друга? Не может оправдать нас то, что у

него есть свой ум, потому что и мы, многократно преподававшие наставления другим, часто в отношении к себе оказывались несостоятельными и не могли помочь самим себе. Также рассуждай и о другом заблуждающемся, что он скорее может получить добрый совет от тебя, нежели от себя, и не говори: какая мне до него нужда? Вспомни с ужасом о том, кто первый сказал такие слова; они означают то же, что и слова (Каина); *еда страж брату моему есмъ аз* (Быт. IV, 9)? От того и происходят все роды зла, что мы считаем чужим принадлежащее нашему собственному телу. Что говоришь ты? Тебе нет никакой нужды до брата? Но кому же будет до него нужда? Неужели неверующему, который радуется его бедствию, поносит его и старается вредить ему? Или диаволу, который преследует его и расставляет ему сети? И почему ты говоришь так? Потому, скажешь, что мои благонамеренные слова и советы не будут иметь успеха. Но откуда известно, что они не будут иметь успеха? И это опять крайне безумно – не зная последствий, делать себя виновным в явном нерадении. Сам Бог, Которому известно будущее, часто говорил без успеха и, однако, не переставал говорить, хотя и знал наперед, что Его не послушают. Если же Тот, Кто наперед знал, что Он ничего не сделает, не переставал принимать меры к исправлению людей, то какое оправдание будешь иметь ты, который совершенно не знаешь будущего, и предаешься беспечности и нерадению? Многие, принимаясь за это дело, имели успех и, когда менее всего надеялись, тогда особенно и успевали. Если же и не сделаешь ничего, то, по крайней мере, исполнишь свой долг. Потому не будь бесчеловечен, несострадателен и нерадив. Слова твои происходят от жестокости и нерадения, как можешь видеть из следующего. Когда у тебя страдает какой-нибудь из членов телесных, то почему ты не говоришь: какая мне до него нужда? И почему ты знаешь, что если употребишь врачевание, то он выздоровеет? Однако ты принимаешь все меры, чтобы если и не будешь иметь никакого успеха, то, по крайней мере, не обвинять себя самого, что ты опустил сделать что-нибудь полезное. Так мы заботимся о членах телесных: почему же нерадим о членах Христовых? Какое после того мы будем иметь оправдание?

А если тебя не преклоняют слова мои: позаботься о собственном своем члене, – то я напомню тебе о теле Христовом, чтобы ты, хотя из страха, сделался лучше. В самом деле, не ужасно ли видеть тело Его покрытым язвами и оставаться равнодушным? Когда у тебя слуга или даже осел бывает поражен язвами, ты не остаешься равнодушным; а когда видишь тело Христово в гнойных струпах, то как проходишь мимо? Не достойно ли это тысячи громов? От того у тебя все и извратилось, – от такого бесчеловечия, от такого нерадения! Итак, увещеваю, оставим эту жестокость; приди к тому, кто живет вместе с девицей, скажи ему по-братски какую-нибудь похвалу, сложив ее из тех достоинств, какие в нем находятся, и такой похвалой, как бы теплой водой, омочи и смягчи опухоль его раны; признайся ему, что и ты находишься в жалком состоянии, представь виновность всего рода человеческого, объясни, что все мы во грехах, попроси прощения, что ты принимаешь на себя дело, которое выше сил твоих, но что любовь побуждает тебя решиться на все; затем и предложи совет, высказывая не повелительно, а по-братски. Когда посредством всего этого ты успокоишь его горячность и смягчишь боль, какая должна будет произойти от действия обличения, и когда, так сказать, свяжешь его неоднократными извинениями и просьбами, чтобы он не гневался, тогда и наноси ему удар, не слишком сильный и не слишком слабый, чтобы в первом случае он не отскочил от тебя, а в последнем не остался невнимательным. Если ты нанесешь удар недостаточно сильный, то ничего не сделаешь; а если поразишь слишком сильно, то он удалится от тебя. Потому и после всего этого, приступая к обличению, ты опять присоединяй к обличению похвалы; но так как поведение его само по себе не может назваться похвальным, – ведь жить с молодой девицей дело не похвальное, – то ты обратись к намерению живущего с ней и скажи: я знаю, что ты делаешь это для Бога, что ты подал руку помощи этой несчастной, видя ее одинокой и беззащитной. Хотя бы он на самом деле и не руководился такими намерениями, ты говори так, а потом, попросив опять извинения, в дополнение к прежнему скажи: я говорю тебе это не как приказание, но

как напоминание; я знаю, что ты делаешь это ради Бога, но посмотрим, не произойдет ли отсюда какое-нибудь зло; если не произойдет никакого, то держи ее у себя и продолжай оказывать ей доброе дело, — никто не препятствует; но если отсюда может произойти вред важнее пользы, то, увещеваю тебя, будем осторожны, чтобы, стараясь доставить спокойствие одной душе, не соблазнить тысячи. Впрочем, не представляй ему прямо тех наказаний, какие ожидают соблазнителей, но прими его самого в свидетели и скажи: ты не имеешь нужды узнавать об этом от меня, ты сам знаешь, какому подлежит наказанию тот, кто *соблазнит единаго от малых сих* (Мф. XVIII, 6); и, таким образом усладив слова свои и успокоив его горячность, прилагай, наконец, врачевство исправления. Если же он опять будет ссылаться на ее одиночество, то и тогда ты не прямо обличай этот предлог, но скажи ему: это нисколько не должно устрашать тебя; достаточным для тебя оправданием будет опасение — соблазнить других, так как ты оставишь эту заботу не по беспечности, а по желанию блага другим.

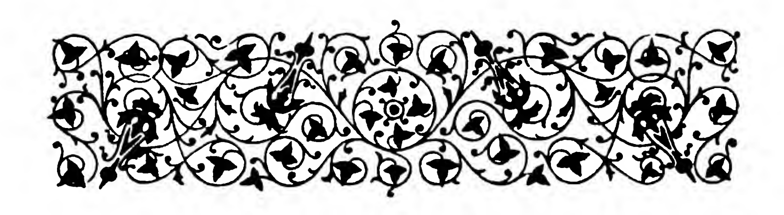
5. Притом советы твои пусть будут кратки, потому что он не нуждается в длинных нравоучениях; извинения же пусть будут неоднократны и часты, а больше всего ссылайся на любовь, прикрывая ею строгость речей своих и оставляя дальнейшее на его волю; скажи: я только предлагаю и советую тебе это, а послушаться зависит от тебя; я не заставляю и не принуждаю тебя, но предоставляю все собственному твоему рассуждению. Если таким образом мы будем приниматься за обличение, то мы легко сможем исправлять согрешающих. А то, что мы делаем теперь, свойственно более диким зверям и бессловесным животным, нежели людям. Ныне иные, как скоро услышат о каком-нибудь подобном грешнике, ему не говорят ничего, а сами между собой шепчутся, как пьяные старухи, и уже здесь, кажется, никогда не имеет места пословица: без причины люби, но не допускай ненависти без причины. Когда хотят кого-нибудь злословить, то вовсе не думают, чтобы не навлечь напрасно на себя ненависти, и даже наказания, — это же влечет за собой не только ненависть, но и наказание, — а когда нужно кого-нибудь исправить, то приводят и эту

отговорку, и множество других предлогов. Тогда-то именно, когда ты злословишь, когда ты клевещешь, и следовало бы держать в уме правила: не навлекай на себя напрасно ненависти, или: не будет никакого успеха, или: мне нет нужды до другого. Между тем теперь в первом случае ты сильно и ревностно хлопочешь, невзирая на происходящую отсюда ненависть и множество зол; а когда нужно позаботиться о спасении брата, тогда ты остаешься без действия и не хочешь быть тягостным для другого. Злословие ненавистно перед людьми и перед Богом, но ты не слишком заботишься об этом; а за совет наедине и за подобные обличения ты приобретаешь себе любовь и от самого обличаемого, и от Бога. Если же он возненавидит тебя, то тем более Бог будет любить тебя за это. Впрочем, и он не будет ненавидеть тебя так, как возненавидел бы за злословие; напротив, тогда он стал бы отвращаться от тебя, как от недоброжелателя и врага, а теперь он будет уважать тебя более отца. Хотя по наружности он и огорчится, но внутренне, наедине, воздаст тебе великую благодарность.

6. Итак, помня это, будем пещись о наших членах, а не изощрять язык друг против друга и не говорить речей пагубных, подрывая честь ближнего и, как бы на войне и в сражении, нанося и получая удары. Какая после того будет нам польза от поста или бдения, если язык наш предается невоздержанию, питается пищей сквернее мяса псов, делается кровожадным, извергает грязь и превращает уста наши в поток нечистот или даже еще хуже? Вытекающее из этих потоков оскверняет тело; а извергаемое им часто заражает душу. Говорю это, жалея не о тех, о ком распространяют дурную молву напрасно, – они даже заслуживают венцов, если переносят клеветы великодушно, – а об вас, распространяющих такую молву. Того, о ком худо говорят напрасно, Писания ублажают; а того, кто худо говорит о другом, лишают святых таинств и даже изгоняют из самых недр (Церкви): *оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгонях,* говорит (Псалмопевец) (Пс. С, 5), и даже считает такого человека недостойным читать священные книги: *вскую,* говорит, *ты поведаеши оправдания моя, и восприемлеши завет мой усты твоими* (Пс. XLIX, 16); потом приводит и причину: *седя на брата твоего клеветал еси*

(ст. 20). Здесь не определено, справедливое ли что-нибудь будет говорено или несправедливое; а в другом месте определено и это и сказано, что, хотя бы ты мог говорить и правду, и в таком случае тебе говорить не следует: *не судите*, говорит (Господь), *да не судими будете* (Мф. VII, 1). Потому и (фарисей), порицавший мытаря, был осужден, хотя порицал его справедливо. Как же, скажешь, если встретится какой-нибудь человек дерзкий и развратный, — неужели нам не следует обличать его и исправлять? Следует обличать и исправлять, но так, как я выше сказал; а если ты будешь порицать его, то смотри, чтобы тебе не уподобиться фарисею и не потерпеть того же, что потерпел он. Ведь от этого не бывает никакой пользы ни тебе, говорящему, ни тому, кто слушает тебя, ни тому, кто порицается; а, напротив, последний делается еще бесстыднее: он, пока еще не обнаружен, может и стыдиться, а когда делается известным и обесславленным, тогда свергает с себя и последнюю узду; тот же, кто слушает, терпит еще большой вред: если он сознает за собой какие-нибудь достоинства, то укоризны против другого возбуждают в нем гордость и надменность, а если сознает недостатки, то охотнее склоняется на зло; наконец, и сам говорящий заслуживает дурное о себе мнение от того, кто слушает его, а тем более навлекает на себя гнев Божий. Потому, увещеваю, оставим всякое злословие и будем говорить только доброе и служащее к назиданию. Или ты желаешь отомстить кому-нибудь? Но для чего вместо него мстишь себе самому? Стараясь отомстить кому-нибудь, оскорбившему тебя, ты мсти так, как повелевает мстить Павел: *аще алчет враг твой, ухлеби его, аще ли жаждет, напой его* (Рим. XII, 20). Если же ты не поступаешь так, а только клевещешь, то ты поднимаешь меч на самого себя. Потому когда другой худо говорит о тебе, то мсти ему одобрением и похвалами: таким образом ты и ему отомстишь, и себя избавишь от худого о тебе мнения. Кто огорчается дурной о себе молвой, о том обыкновенно думают, что его мучит нечистая совесть; а кто смеется над такой о себе молвой, тот представляет яснейшее доказательство, что он не знает за собой ничего худого. Итак, если порицаниями ты не приносишь пользы ни слушающему тебя, ни себе самому, ни тому, кого порицаешь,

а только поднимаешь меч на самого себя, то вразумись хотя этим. Тебе следовало бы находить побуждения в учении о царстве небесном и воле Божией; но так как ты еще слишком груб и угрызаешь других, как дикий зверь, то вразумись хотя этим, чтобы, сделавшись благоразумнее от вышесказанного, ты мог руководиться единственно волей Божией и, став выше всякой страсти, достигнуть небесных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.



ТОЛКОВАНИЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К КОРИНФЯНАМ*

БЕСЕДА I

Павел посланник Иисус Христов, волею Божиею, и Тимофей брат, церкви Божией сущей в Коринфе, со святыми всеми, сущими во всей Ахаии: благодать вам и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа. Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец щедрот и Бог всякия утехи, утешаяй нас о всякой скорби нашей, яко возмощи нам утешити сущия во всякой скорби, утешением, имже утешаемся сами от Бога (2 Кор. I, Х—4)

1. Прилично прежде рассмотреть, для чего апостол к первому посланию прилагает второе, и почему начинает его указанием на щедроты Божии и на утешение. Итак, для чего он пишет второе послание? Так как в первом он сказал: *прииду к вам, и уразумею не слово разгордевшихся, но силу* (1 Кор. IV, 19), и в конце его опять в более мягких словах обещал то же самое, говоря: *прииду же к вам, егда Македонию преиду: Македонию до прохожду; у вас же, аще случится, пребуду, или и озимею* (1 Кор. XVI, 5, 6), между тем после того прошло много времени, а он еще не приходил, даже и назначенный срок уже прошел, а он еще собирался и медлил, будучи удерживаем Духом для других, гораздо нужнейших дел, то он и почел поэтому нужным (написать) второе послание, в кото-

* Эти беседы произнесены были святителем, по всей вероятности, тоже в Антиохии.

ром не было бы нужды, если бы он не долго промедлил. Впрочем, не одна эта была причина, но еще и та, что после первого послания коринфяне сделались лучшими. Именно соблудившего, которому прежде рукоплескали и которым гордились, они отсекли и отлучили совершенно от Церкви верующих, как это видно из следующих слов апостола: *аще ли кто оскорбил, не мене оскорби, но отчасти, да не отягчу всех вас. Довольно таковому наказание сие, еже от многих* (2 Кор. II, 5, 6). И далее, продолжая послание свое, (апостол) опять указывает на то же, когда говорит: *се бо сие самое, еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание; колики извинения, и негодование, и страх, и желание, и ревность, и строгость. Бо всем представисте себе чисты быти в сем деле* (VII, 11). Равным образом и милостыню, которой он просил у них, они начали собирать с великим усердием, почему и сказал: *вем усердие ваше, имже о вас хвалюся Македоняном, яко Ахаия готова еще от прошедшаго лета* (2 Кор. IX, 2), И Тимофея, которого послал (апостол), они приняли со всей благосклонностью, на что и указывает опять словами: *и сердце его чрезвычайно расположено к вам, воспоминающаго всех вас послушание, яко со страхом и трепетом приясте его* (2 Кор. VII, 15), По всем этим причинам он и пишет второе послание. Да и нужно было, чтобы он как согрешивших их тогда упрекал, так исправившихся теперь похвалил и принял в свое благоволение. Потому-то и все это послание чуждо угроз и упреков, за исключением некоторых только мест к концу послания, которые были нужны потому, что и между коринфскими христианами были некоторые из иудеев, высоко о себе мудрствовавшие и порицавшие Павла, как человека хвастливого и не заслуживавшего никакого уважения, Так они говорили: *послания убо* (святого Павла) *тяжки, а пришествие тела немощно, и слово уничижено* (2 Кор, X, 10), то есть когда он приходит, то оказывается ничего не стоящим, потому что это (и означают слова): *пришествие тела немощно;* отойдя же, высоко превозносит себя в своих посланиях, что (означают слова): *послания тяжки.* А чтобы показать себя достойными уважения, они притворялись нелюбостяжательными, на что и намекает (апостол) словами: *да, о немже хвалятся, обрящутся, якоже и мы* (2 Кор. XI, 12). Вместе с тем, имея дар слова, они весьма

этим превозносились, почему (апостол) и называет себя *невеждою,* показывая, что он не стыдится этого и не считает (дар слова) за какое-то великое приобретение, а напротив, вменяет в ничто. А так как естественно было некоторым из верующих (слыша такие отзывы об апостоле) поколебаться в доверенности к нему, то он, сперва похвалив верных за то, в чем они исправились, и посрамив безумие горделивых, требовавших соблюдения иудейских обрядов, – потому что не время уже было исполнять их, – потом и за это делает упрек. Итак, вот, мне кажется, причина настоящего послания, как может это заметить всякий, слегка прочитав его. Обратимся теперь к началу послания и исследуем, для чего (апостол), после обыкновенного своего приветствия, начал послание указанием на щедроты Божии. Прежде всего, нужно сделать замечание о самом начале и узнать, почему он здесь присовокупляет к себе Тимофея, говоря: *Павел посланник Иисус Христов, волею Божиею, и Тимофей брат* (ст. 1). Между тем в первом послании он обещался послать его к ним и убеждал их, говоря: *аще же приидет Тимофей, блюдите, да без страха будет у вас* (1 Кор. XVI, 10). Как же здесь в начале (послания) говорит, что он с ним? Это потому, что (Тимофей), придя к ним, по обещанию учителя (*послах бо к вам,* писал Павел, *Тимофеа, иже вам воспомянет пути моя, яже о Христе* – 1 Кор. IV, 17), и исправив все порученное, возвратился назад, так как и посылая его (апостол) наказывал: *проводите его с миром, да приидет ко мне: жду бо его с братиею* (1 Кор. XVI, 11).

2. И вот, так как (Тимофей) возвратился к своему учителю, и (апостол), исправив вместе с ним нужное в Асии *(пребуду бо,* говорит, *во Ефесе до Пентекостии* – 1 Кор. XVI, 8), опять перешел в Македонию, то естественно и упоминает (о Тимофее), как уже находящемся с ним, потому что прежнее послание препроводил он из Асии, а настоящее из Македонии. Поставил же вместе с собой (Тимофея), чтобы проявить ему этим больше уважения, а в себе показать глубокое смиренномудрие, потому что хотя (Тимофей) был и ниже его, но любовь все сочетает. Потому он везде и равняет его с собой, – то говорит о нем: *якоже отцу чадо, со мною поработал* (Флп. II, 22); то: *дело Господне делает, яко же и аз* (1 Кор. XVI, 10); а здесь и *братом* его называет. Таким обра-

зом, представляет его по всем отношениям достойным уважения коринфян, – и тем более, что он, как я сказал, был уже у них и показал опыты своих добродетелей. *Церкви Божией, сущей в Коринфе.* (Апостол) опять называет коринфян Церковью, желая этим собрать и совокупить всех их воедино. Иначе и не может быть единая Церковь там, где составляющие ее разделяются между собой и враждуют друг на друга. *Со святыми всеми, сущими во всей Ахаии.* Этими словами (апостол) оказывает и предпочтение коринфянам, когда через послание, писанное к ним, приветствует всех прочих, и вместе всю от язык собранную Церковь побуждает к миру и согласию. Наименованием же святых показывает, что нечистым не принадлежит это приветствие. Но почему (апостол), пиша здесь к главной Церкви, вместе с ней пишет и ко всем прочим, между тем как он не всегда так делает? Так послания к фессалоникийцам он не посылал вместе и к македонянам; равным образом, пиша к эфесянам, не обращался вместе и ко всей Асии; и послание к римлянам не послано вместе и к прочим жителям Италии. Но здесь он делает то же, что и в послании к галатам. И это послание он посылает не одному, не двум или трем городам, но всем вообще живущим в той стране, когда говорит: *Павел апостол ни от человека, ни человеком, но Иисус Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых, и иже со мною вся братия, церквам Галатийским: благодать вам и мир* (Гал. I, 1–3). Равно и евреям он написал для всех одно послание, не разделяя их по городам. Какая же этому причина? Мне кажется, причиной тому были общие господствовавшие там болезни. Для того он и посылает общее ко всем послание, что все требовали общего исправления. Все ведь и галатяне страдали одной болезнью, и евреи. То же я думаю и о коринфянах. Итак, соединив всех воедино и сделав общее приветствие, по принятому им обыкновению приветствовать всех: *благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа* (ст. 2), – слушай, как сообразно с избранным им предметом он начинает послание: *благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец щедрот и Бог всякия утехи* (ст. 3). Но какая тут, скажешь ты, сообразность с избранным предметом? Самая близкая. Посмотри же. Коринфян очень опечалило и обеспокоило

то, что апостол не пришел к ним, несмотря на то, что обещал прийти, но все это время провел в Македонии и как будто предпочитал им других. Итак, имея в виду это беспокойство, он сказывает им причину, почему не пришел. Впрочем, не тотчас открывает ее и не говорит: я помню, что обещался прийти, но меня задержали случившиеся со мной скорби, почему простите меня и не обвиняйте в каком-нибудь презрении или нерадении о вас; но ведет к тому иным способом, гораздо величественнее и с большим убеждением, стараясь наперед утешить их, чтобы они уже и не спрашивали о причине, почему он не пришел. И это делает он точно так же, как если бы кто, обещавшись прийти к своему другу, и, по преодолении весьма многих бедствий, придя, сказал: «Слава Тебе, Боже, что ты показал мне возлюбленного друга моего! Благословен ты, Господи, – от каких бед ты избавил меня!» Такое славословие пришедшего есть вместе и оправдание перед намеревающимся обвинять его, и не попускает этому последнему жаловаться на замедление первого. Ему стыдно уже звать на суд приносящего Богу благодарение за избавление от стольких зол, и требовать у него отчета в медлительности. Потому и (апостол), начиная речь словами: *благословен Бог щедрот,* – указывает тем на изведение и избавление его от великих бедствий. Подобным образом и Давид не везде одинаково называет Бога, и не от одних и тех же свойств производит имена Его; но, когда рассуждает о войне и победе, говорит: *возлюблю Тя, Господи, крепость моя, Господь защититель мой* (Пс. XVII, 2, 3); когда же вспоминает об избавлении от скорби и мрака, одержавшего душу его, говорит: *Господь просвещение мое и Спаситель мой* (Пс. XXVI, 1). Иногда заимствует наименования Его от человеколюбия, иногда от правды Его, иногда от нелицеприятного Его суда, – сообразно обстоятельствам, в которых он находился. Так и Павел здесь в начале послания называет (Бога) со стороны Его человеколюбия, говоря: *Бог щедрот,* то есть явивший столь великие щедроты, что извел нас из самих врат смерти.

3. Подлинно, миловать так преимущественно перед всеми свойственно и сродно Богу. Поэтому он и называет Его Богом щедрот. Но заметь и здесь смиренномудрие Павла.

Претерпевая беды ради проповеди, не говорит он, что по достоинству от них спасается Богом, но ради щедрот Божиих. Но об этом еще яснее сказал он ниже. А теперь, продолжая речь свою, говорит: *утешаяй нас во всякой скорби.* Не сказал: не попускающий нам впадать в скорби, но – утешающий нас в скорби, потому что это и показывает силу Божию, и укрепляет терпение скорбящих. *Скорбь,* говорит он (в другом месте), *терпение соделовает* (Рим. IV, 2). Это выразил и пророк словами: *в скорби распространил мя еси* (Пс. IV, 2) Не сказал: Ты не попустил впасть мне в скорбь, или: Ты тотчас рассеял скорбь; но – в продолжение скорби Ты распространил меня, – то есть великую дал прохладу и отдохновение. То же самое было и с тремя отроками. Он не возбранил ввергнуть их в печь и, когда они были ввержены, не угасил пламени; но, когда пылала печь, подал им прохладу.

Так и всегда обыкновенно делает Бог. Намекая на это, и Павел говорит: *утешаяй нас во всякой скорби* (ст. 4). Но этим он показывает еще нечто новое. Что же такое? То, что Бог не однажды, не дважды, но всегда так поступает. Не так, чтобы ныне утешал, а в другое время оставлял; но всегда и во всякое скорбное время подает утешение. Поэтому и сказал (апостол): *утешаяй,* а не – утешивший, и: *во всякой скорби;* не в той или другой, но – *во всякой, яко возмощи нам утешити сущия во всякой скорби, утешением, им же утешаемся сами от Бога.* Видишь ли, как он предуготовляет себе оправдание, напоминая слушателю о великой скорби? А вместе с тем и смиряет себя, когда говорит, что сама эта милость оказана не ради его достоинства, но ради тех, которые от него должны принимать назидание. Для того, говорит, и утешил нас Бог, чтобы мы друг друга утешали. Но в этим же словах дает чувствовать и достоинство апостолов, когда показывает, что, получив утешение и отдохновение, он не предается беспечности, как мы, но приступает к возбуждению, укреплению и восстановлению других. Некоторые же еще дают словам (апостола) и такой смысл, что утешение наше есть вместе утешение и для других. А мне кажется, что он здесь в виде введения направляет речь свою еще и против лжеапостолов, напрасно хвалящихся, сидящих дома и предающихся неге. Впрочем, на это намекает он не прямо, но

как бы мимоходом: главная же цель его была та, чтобы оправдать себя в своем замедлении. Если для того, говорит, мы сами утешаемся, чтобы утешать и других, то не упрекайте нас за то, что мы не пришли к вам, потому что все это время мы употребили на отвращение воздвигаемых на нас злоумышлении, нападений и различных зол. *Зане якоже избыточествуют страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше* (ст. 5). Чтобы не привести в уныние учеников слишком сильным описанием своих бедствий, он показывает и великое богатство утешения и таким образом ободряет их дух; и не только этим ободряет их, но еще и тем, что напоминает о Христе, говоря о своих страданиях, что они страдания Христовы, и таким образом, прежде всякого другого утешения, извлекает утешение из самих скорбей. В самом деле, что может быть приятнее, как быть общником Христу и ради Его терпеть страдания? Что может равняться с этим утешением? И не этим только, но и другим образом он восставляет души скорбящих. Чем же? Тем, что говорит: *избыточествуют.* Не сказал: как постигают нас страдания Христовы, но: *якоже избыточествуют,* – показывая тем, что (апостолы) претерпевают не только страдания Христовы, но еще большие. Мы претерпели, говорит, не только те страдания, которые Он претерпел, но и преизбыточествующие. Христос был гоним, преследуем, биен, умер. Но мы, говорит, более того претерпели. Этого одного уже достаточно для утешения. И никто не подозревай здесь преувеличения. Вот он и в другом месте говорит: *ныне радуюся во страданиях моих, и исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей* (Колос. I, 24). И ни в том, ни в другом месте нет ни дерзости, ни самохвальства. Подобно тому, как (апостолы) совершили большие знамения, нежели сам Христос (*веруяй бо в Мя,* говорит Господь, *больша сих сотворит* – Ин. XIV, 12), – хотя все это совершает Он же, действуя в них, – так и пострадали больше Его, – хотя это опять же принадлежит одному Господу, Который утешал их и давал им силы к перенесению приключавшихся зол.

4. Вот почему и Павел, чувствуя сам, как много он сказал, смотри, как опять смягчает сказанное, говоря: *тако Христом избыточествует и утешение наше;* он все приписывает Гос-

поду, прославляя и этим Его человеколюбие. Не только, говорит, насколько скорбим, настолько и утешаемся, но гораздо более. Не сказал, что утешение равно страданиям, но *избыточествует утешение,* так что время подвигов есть вместе время и новых венцов. В самом деле, скажи мне, что может равняться с тем, как терпеть бичевание за Христа и удостоиться за то беседы с Богом, быть сильнее всех, торжествовать над своими гонителями, быть выше целой вселенной и чаять таких благ, *их же око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку на взыдоша* (1 Кор. II, 9)? Что может равняться с тем, как терпеть скорби ради благочестия, и за то сподобиться бесчисленных утешений от Бога, получить отпущение стольких грехов, удостоиться Духа, освящения и оправдания, никого не бояться и не трепетать, и среди самих напастей быть славнее всех? Итак, не будем унывать во время искушений. Никто из любящих увеселения, беспечно почивающих и услаждающихся, никто из проводящих жизнь изнеженную и рассеянную не может быть общником Христу. Но кто проводит жизнь среди скорбей и искушений и ходит тесным путем, тот близок к Нему. Он ведь и Сам шествовал тем же путем, – почему сказал: *Сын человеческий не имати где главы подклонити* (Мф. VIII, 20).

Итак, не печалься, если терпишь скорби, помышляя, кому ты через них приобщаешься, как ты очищаешься через искушения и какую великую получаешь от них пользу. Подлинно, нет ничего тяжкого и печального, кроме оскорбления Бога. Если же этого нет, то ни скорби, ни козни, ни что другое не может опечалить богомудрой души. Напротив, как малая искра, брошенная в великую морскую бездну, тотчас же угасает, так точно и всякая печаль, даже самая великая, приразившись к благой совести, легко рассеивается и тотчас исчезает. Потому-то и Павел всегда радовался, что всегда подвизался в делах, угодных Богу, и даже не замечал постигавших его великих зол; хотя он и чувствовал скорбь, как человек, но не падал духом. Так и великий патриарх не переставал радоваться, хотя и постигали его многие огорчения. Посмотри: он лишился отечества, принужден был предпринять длинное и многотрудное путешествие; придя на чужую землю, не имел на ней и одной пяди собственности;

здесь опять встретил его голод и заставил переселяться с одного места на другое; за голодом последовали похищение жены, страх смерти, бесчадие, война, опасности, злоумышления соседей и, наконец, сильнейшая из всех скорбей — тяжкое и нестерпимое заклание единородного и любимого сына. Беспрекословно он повиновался Богу; но не подумай поэтому, что он и переносил все это равнодушно. Хотя бы он был и в высшей степени праведник, каков он был и действительно, все же он был человек и подвержен немощам естества человеческого. И, однако, ничто не могло сразить его: он устоял, как мужественный ратоборец, после каждого искушения увенчиваясь победным венцом. Так и блаженный Павел, видя тучи искушений, каждодневно на него находящих, среди них, как бы среди рая, утешался, радовался и веселился. Но как радующийся этой радостью не может быть пленен унынием, так, напротив, не стяжавший ее делается легкоуловимым для всякой скорби и претерпевает то же, что и худо вооруженный, которого и легкий удар уязвляет. Напротив, тот, кто хорошо отовсюду вооружен, удобно отражает всякий направленный против него удар. Радость же по Боге сильнее всякого оружия, и кто имеет ее, того ничто не может привести в уныние и малодушие; напротив, он все переносит мужественно. Что может быть хуже огня, что лютее непрестанных мучений? Хотя бы кто лишился бесчисленных богатств, или детей, или другого чего подобного, — но это (огонь и мучения) нестерпимее всех скорбей. *Кожу,* сказано, *за кожу, и вся, елика иматъ человек, даст за душу свою* (Иов. II, 4). Так ничего нет тягостнее мучений; но радость по Боге и для слуха нестерпимые мучения делает сносными и даже приятными. И если бы ты снял с дерева или со сковороды едва-едва дышащего мученика, — ты нашел бы в нем такую радость, какой и изобразить невозможно. Но скажут: как могу я страдать теперь, когда прошло время (подвигов) мученичества? Что ты говоришь? Разве теперь прошло время мученичества? Оно никогда не проходит, напротив — всегда перед нашими глазами, если только мы бодрствуем. Ведь не повешение только на дереве делает мучеником. Если бы так было, то Иов остался бы без венца мученического. Он не стоял перед судилищем, не слыхал голоса судьи,

не видал мучителя, не был строгаем по ребрам, повешенный и поднятый на дерево. И, однако, он страдал более, нежели многие мученики; сообщения вестников, приходивших друг за другом, нестерпимее всякого удара поражали его и прободали со всех сторон; а уста червей лютее множества палачей отовсюду терзали его.

5. Итак, с каким мучеником не может он сравниться? Подлинно (он равен) с бесчисленно многими. Он отовсюду выдерживал борьбу и собирал венцы, – и от потери имущества, и от погибели детей, и от гниения тела, и от укоров жены, и от друзей, и от врагов, и даже от рабов своих, – потому что и те плевали в лицо его, – и от голода, и от сновидений, и от мучительной боли, и от зловония. Вот почему я и сказал, что он может равняться не с одним, не с двумя, не с тремя, а с бесчисленным множеством мучеников. Кроме сказанного и само время дает великое преимущество венцам его, – потому что он терпел эти скорби прежде закона и благодати, терпел в продолжение многих месяцев, и все в высшей степени, притом же все эти несчастья обрушились на него вдруг, тогда как каждое из них и само по себе нестерпимо, не исключая даже и потери стяжаний, которая, по-видимому, (не) сноснее других зол. В самом деле, многие перенесли удары, а потери имущества не перенесли; напротив, предпочитали лучше терпеть бичевание и множество других мучений, нежели уступить что-нибудь из своих стяжаний, так что потерю их считали для себя самым тяжким ударом. Таким образом и потеря имущества есть некоторый род мученичества для того, кто мужественно ее переносит. Но как, скажешь, перенести мужественно такие потери? Ты научишься этому, когда узнаешь, что через одно слово благодарности ты приобретешь больше, чем потерял. В самом деле, если, услышав о погибели наших благ, мы не смутимся, а скажем: благословен Бог, – то этим приобретем гораздо большее богатство. И действительно, не столько ты получишь пользы, тратя свое богатство на неимущих, всюду обходя и ища бедных, расточая все, что имеешь, алчущим, сколько приобретешь одним этим словом. Вот почему я не столько удивляюсь Иову, отверзавшему для бедных дом свой, сколько изумляюсь и с удивлением восклицаю, видя,

как он с благодарением переносил потерю своих стяжаний. То же самое можно приложить и к потере детей. И здесь ты можешь получить не меньшую награду, чем и тот, который возложил на жертвенник и готов был заклать сына своего, если, видя умирающим свое детище, будешь благодарить человеколюбивого Бога. В самом деле, поступающий так чем будет ниже Авраама? Авраам еще не видел (сына своего) лежащего мертвым, но только готовился к этому, так что если он и имеет преимущество в том отношении, что хотел принести в жертву (сына своего), протянул руку и взял нож, то, с другой стороны, он уступает в том отношении, что здесь лежит уже мертвый сын. Кроме того, Авраама ободряла уверенность, что он совершает доблестный поступок и что славный этот подвиг есть дело собственного его мужества; да и глас с неба, им слышанный, воодушевлял его к этому подвигу; здесь же, напротив, нет ничего подобного. Вот почему тому, кто видит распростертого и лежащего во гробе единородного сына своего, воспитанного в богатстве и подававшего добрые надежды, нужно иметь адамантовую душу, чтобы кротко перенести постигшее его несчастье. И если такой, укротив естественное волнение, сможет без слез сказать с Иовом: *Господь даде, Господь отъят* (I, 21), то за одно это слово станет в ряд с Авраамом и вместе с Иовом будет прославляем. И если, остановив вопли жен и воспретив клики плачущих, обратит всех к славословию Бога, то получит бесчисленные почести и от Бога, и от людей: люди будут ему удивляться, ангелы рукоплескать, Бог увенчает его славой.

6. Но как могу я не плакать, скажешь ты, когда я человек? (Можешь) если подумаешь о том, что и патриарх и Иов, будучи оба людьми, ничего подобного не испытали, и притом еще – живя оба прежде закона и благодати и не зная еще тех богомудрых законов, какие у нас; если сообразишь, что умерший переселился в лучшую страну и перешел к лучшему наследию и что ты не потерял сына, а только препроводил его в безопаснейшее жилище. Итак, не говори: я не могу уже называться отцом. Почему тебе не называться отцом, когда сын твой жив? Разве ты потерял детище? Разве ты погубил сына? Напротив, приобрел его, и с большей

безопасностью владеешь им. Через это ты не здесь только будешь называться отцом, но и на небе, и не только не потерял имени отца, но приобрел право на еще большее наименование: ты будешь называться отцом уже не смертного сына, но бессмертного, отцом мужественного воина, вечно пребывающего в доме Божием. Не думай, что он уже и погиб, если не стоит перед тобой. Ведь если бы он находился теперь в путешествии, то его телесное отсутствие не прекратило бы между вами родственной связи. Не останавливай же своих взоров на лице лежащего, потому что возбудишь этим в себе страдание; но возведи мысль твою от лежащего к небу. Не этот лежащий труп есть сын твой, но тот, который отлетел и восшел на неизмеримую высоту. Итак, когда видишь закрытые глаза, сомкнутые уста и неподвижное тело, не о том помышляй, что эти уста уже не говорят, эти глаза уже не видят, эти ноги уже не ходят и все обращается в тление, – не так говори, а совершенно напротив: эти уста будут говорить лучше, эти глаза увидят больше, эти ноги понесутся на облаках, это разрушающееся тело облечется в бессмертие, и я опять получу сына, но светлейшего. Если же видимое тобой печалит тебя, то скажи себе: это – одежда, и он скинул ее для того, чтобы опять получить ее же, но более многоценную, это – дом, но он разрушается для того, чтобы стать светлее. Подобно тому как мы, когда хотим очистить дом, не дозволяем оставаться внутри его живущим в нем, чтобы предохранить их от пыли и от шума, но велим на некоторое время выйти; когда же совсем устроим дом, тогда опять безбоязненно вводим их, – так делает и Бог: разрушив гнилую храмину усопшего, Он взял его в Свой отеческий дом, даже к Себе, чтобы после, как она разберется и вновь перестроится, опять отдать ему ее в лучшем и светлейшем виде. Итак, не говори, что он погиб и что не будет его более; это слова неверующих; но говори: он спит и восстанет; он отправился в путь и возвратится с Царем. Кто так говорит? Тот, кто имеет в себе говорящим Христа. *Аще бо веруем*, говорит (апостол), *яко Иисус умре и воскресе* и живет, *тако Бог* и *умершая* через Иисуса *приведет с ним* (1 Сол. IV, 14). Итак, если ты ищешь сына, ищи его там, где находится Царь, где воинство ангелов, не в гробе, не в

земле, чтобы, тогда как он вознесен на такую высоту, тебе самому не остаться поверженным на земле. Если мы таким образом будем любомудрствовать, то легко преодолеем всякую подобную печаль. Бог же щедрот и Отец всякой утехи утешит сердца всех нас, и подобными скорбями и другими печалями одержимых, дарует нам избавление от всякого уныния, и сподобит нас стяжать духовную радость и получить будущие блага, которых и да сподобимся все мы достигнуть благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

Аще ли же скорбим, о вашем утешении и спасении, действующемся в терпении техже страданий, яже и мы страждем: и упование наше известно о вас (2 Кор. I, 6—7)

1. Предложив одно и главное побуждение к утешению (именно общение с Христом), (апостол) присовокупляет еще другое, именно то, что (скорби, претерпеваемые апостолами) содействуют к устроению спасения самих наставляемых в вере. Итак не падайте духом, говорит он, не смущайтесь, и не предавайтесь страху от того, что мы терпим скорби; напротив это-то самое и должно исполнять вас бодростью и упованием. В самом деле, если бы мы не подвергались скорбям, это привело бы всех нас к погибели. Как же и почему? Потому что если бы мы, по малодушию и из опасения бедствий, не стали вам проповедовать слово, чтобы научить вас истинному знанию, то спасение ваше подверглось бы крайней опасности. Видишь ли опять силу и твердость Павла? Чем они смущались, тем он утешает их. Чем тягостнее, говорит, становятся наши гонения, тем более должна в вас умножаться добрая надежда, потому что тем более открывается и средств к вашему спасению, случаев к утешению. В самом деле, что может принести вам столько утешения, как те великие блага, которые вы получаете от нашей проповеди? Потом, чтобы не подумали, что он всю похвалу в этом случае приписывает только себе одному, посмотри, как он и их делает общниками тех же похвал. Ска-

зав: *аще ли скорбим, о вашем утешении и спасении,* он присовокупляет: *действующемся в терпении тех же страданий, яже и мы страждем.* Яснее то же самое выражает он ниже, говоря: *якоже общницы есте страстем, такожде и утешению,* здесь же пока выразил это, обобщая свою речь, словами; *техже страданий.* Смысл его слов таков: не мы одни были виновниками вашего спасения, но и вы сами. Как мы, проповедуя, терпим скорби, так и вы, принимая наше слово, то же самое терпите: мы, чтобы передать вам то, что сами получили, а вы, чтобы принять передаваемое и не потерять. С чем можно сравнить такое смиренномудрие Павла, когда он и столь далеко отстоящих от него в добродетели поставляет на одной с собой степени терпения? Именно он говорит: *действующемся в терпении техже страданий,* то есть не тем только устрояется спасение ваше, что веруете, но и тем, что вы так же страдаете и терпите, как и мы.

Как ратоборец, хотя возбуждает удивление и тогда, когда только показывается зрителям и дает видеть свою телесную крепость и искусство, которым он владеет; но несравненно более покрывается славой тогда, когда борется с врагом, выдерживает удары его и ему сам наносит удары, — потому что тогда особенно обнаруживается его сила и высказывается на деле высота его искусства, — так и спасение ваше тогда особенно действуется, то есть делается явным, возрастает и возвышается, когда бывает соединено с терпением, страданиями и мужественным перенесением всех зол. Таким образом, действительная сила спасения состоит не в том, чтобы не делать зла, но в том, чтобы (самим мужественно) терпеть зло. И не сказал: действующем, но: *действующемся,* показывая тем, что наряду с их собственным рвением много совершила и благодать, действующая в них. *И упование наше известно о вас* (ст. 7), То есть хотя вы терпите и бесчисленные бедствия, однако мы уверены, что вы не отпадете даже и тогда, когда вас будут гнать. Мы не только не имеем подозрения, чтобы вы смутились нашими страданиями, но и уповаем, что вы пребудете тверды и тогда, когда сами подвергнетесь опасностям. Видишь, какой плод принесло в них первое послание (Павлово)! Здесь же он гораздо более восхвалил их, нежели сколько в первом послании хвалил и

превозносил македонян. За тех он опасался и потому говорил: *послахом* к вам *Тимофеа, утвердити вас и утешити в вере, яко ни единому смущатися в скорбех сих: сами бо весте яко на сие истое учинени есмы.* И опять: *сего ради и аз ктому не терпя, послах разумети веру вашу, да не како искусил вы искушаяй, и вотще будет труд наш* (1 Сол. III, 2, 3, 5). О коринфянах же ничего подобного не говорит, а, напротив, пишет: *упование наше известно о вас. Аще ли утешаемся, о вашем утешении и спасении: ведящи, зане якоже общницы есте страстем, такожде и утешению.* Что ради них апостолы терпели скорби, это уже показал он выше, когда сказал: *аще ли же скорбим, о вашем утешении и спасении,* а теперь хочет показать, что (апостолы) и утешались для них же. И выше он говорил об этом, хотя и не так определенно, когда сказал: *благословен Бог, утешаяй нас во всякой скорби, яко возмощи нам утешити сущия во всякой скорби.* И здесь говорит опять то же другими словами, но гораздо яснее и назидательнее. *Аще ли утешаемся,* говорит, о *вашем утешении.* Смысл этих слов такой: наше утешение обращается вам в успокоение даже и тогда, когда бы нам не случилось утешать вас словами. Если мы получим только малую отраду, то и этого довольно к утешению вашему. И хотя бы нам одним случилось получить утешение, и это уже утешит вас, потому что как страдания наши вы принимаете, точно свои собственные, так и утешение наше вы должны считать своим собственным. Если в скорбях наших вы участвуете, почему же не будете участвовать в радостях? Если же вы во всем имеете общение с нами – и в скорби, и в утешении, то не обвиняйте меня за то, что так долго медлю прийти к вам, – ведь и скорбим мы для вас, и утешаемся для вас. Чтобы не показалось кому тяжким сказанное, что для вас мы терпим скорби, он присовокупляет, что для вас мы и утешаемся; и не одни мы терпим бедствие, потому что и вы, говорит, участвуете с нами в тех же страданиях.

2. Таким образом, принимая их в соучастники в бедствиях и относя к ним причину бедствия своего, (апостол этим самым) смягчает свое слово. Итак, строят ли нам ковы, говорит, будьте тверды духом, потому что мы терпим это для того, чтобы ваша вера делалась сильнее. Дается ли нам утешение, и вы радуйтесь этому, потому что мы ради вас полу-

чаем его, чтобы и вам отсюда могло быть некоторое утешение, как участникам в нашей радости. А что он действительно говорит теперь о том роде утешения, которое получил он, не только будучи утешен коринфянами, но еще и узнав, что они чувствуют облегчение в скорбях, – послушай об этом далее, где он ясно открыл это, говоря: *ведяще, зане якоже общницы есте страстем, такожде и утешению.* То есть как тогда, когда преследуют нас, вы скорбите, как бы сами терпели гонение, так мы уверены, что и тогда, когда мы получаем утешение, вы принимаете его так, как бы вы сами им наслаждались. Что может быть смиренномудреннее такой души? Тот, кто столько претерпел бедствий, называет соучастниками в них тех, которые не претерпели и малейшей их части; а говоря об утешении, всю причину его приписывает им, а не своим трудам. Потом, так как он говорил о скорбях неопределенно, то далее называет и место, где их претерпел: *не бо хощем вас не ведети, братие, о скорби нашей, бывшей нам во Асии* (ст. 8). Возвещаем вам, говорит, об этом, чтобы вы не были в неведении о случившемся с нами. Мы желаем, чтобы вы знали все, что с нами происходит, и весьма об этом заботимся. А это служит величайшим доказательством любви его к ним. То же говорил он и в первом послании: *дверь бо ми отверзеся велика и поспешна, и сопротивнии мнози* в Ефесе (1 Кор. XVI, 9). Итак, желая сделать известными им свои скорби и все, что он потерпел, говорит: *не хощу вас не ведети о скорби, бывшей нам во Асии.* Подобное писал он и в послании к ефесянам; посылая к ним Тихика, представил ту же самую причину его посольства: *да увесте же,* говорит, *и вы яже о мне, что делаю, вся скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верен служитель о Господе: его же послах к вам на сие истое, да увесте яже о нас, и да утешит сердца ваша* (Еф. VI, 21, 22). То же самое делает он и в других посланиях. И это было не излишне, а, напротив, весьма нужно, как по побуждению великой любви его к ученикам, так по причине непрестанных искушений, при которых величайшим утешением было знать взаимное состояние друг друга, чтобы, если оно будет скорбное, приготовиться к подвигу и вооружиться мужеством против опасностей, если же радостное, то вместе разделить радость. Здесь, впрочем, он говорит вместе и о напа-

дении искушений, и об освобождении от них: *яко попремногу отяготихомся паче силы* – подобно кораблю, обремененному сверх меры каким-нибудь грузом и готовому потонуть. По-видимому, (апостол) выражает одно и то же словами – *попремногу* и – *паче силы;* на самом деле, однако, это не одно и то же. Именно, чтобы кто не сказал: как ни чрезмерна была опасность, но она не велика была для тебя, – (в предупреждение этого апостол) присовокупил, что она и велика была, и превышала силы наши, и притом настолько превышала, *яко не надеятися нам и жити,* то есть мы не чаяли уже и в живых остаться. Что Давид называет *вратами ада, болезнями смертными* и *сению смерти* (Пс. LXXXVII), то же самое выражает и апостол, говоря, что мы подверглись такой опасности, которая, ,несомненно угрожала смертью. *Но сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющеся будем на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя* (ст. 9). Что же такое значит – *осуждение смерти?* Значит, – приговор, определение, ожидание смерти. Так говорили дела, такой приговор произносили случившиеся обстоятельства, то есть что мы непременно должны умереть. Впрочем, этого не случилось на самом деле, но ограничилось только нашим ожиданием. Хотя положение вещей предвещало такой конец, но сила Божия не допустила этому приговору прийти в исполнение, допустив совершиться ему только в нашей мысли и ожидании. Потому и говорит: *сами в себе,* а не на самом деле, *осуждение смерти имехом.* Для чего же попустил Бог подвергнуться такой опасности, что мы даже потеряли надежду и отчаялись в жизни? *Да не надеющеся,* говорит, *будем на ся, но на Бога.*

3. Впрочем, Павел сказал это не потому, чтобы сам был так настроен. Нет; но он, под видом повествования о себе самом, хотел только вразумить других, а притом сказал так по свойственному ему смирению. Подобно говорит он и ниже: *дадеся ми пакостник плоти* (разумея искушения), *да не превозношуся* (XII, 7), показывая, впрочем, что Бог и не для того попустил эти искушения, но по другой причине. По какой же именно? Чтобы тем более просияла в нем сила Божия. *Довлеет бо ти,* говорит, *благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается* (XII, 9). Но, как я уже сказал, он никогда не оставляет своего обыкновения – ставить себя наряду с

худшими людьми, которых нужно много учить и исправлять. В самом деле, если и для вразумления обыкновенных людей довольно бывает одного или двух искушений, то как же тот, который подвигами целой жизни стяжал особенное перед всеми людьми смиренномудрие и столько претерпел, сколько никто другой, по истечении стольких лет и по достижении любомудрия, достойного небес, мог иметь нужду в столь тяжком вразумлении? Отсюда ясно, что и здесь он только по смирению и для приведения к тому же смирению тех, кто много мечтает о себе и гордится собой, говорит: *да не надеющеся будем на ся, но на Бога.* И смотри, как он и этим врачует их: Бог, говорит, попустил найти на нас искушениям для вас. Вот сколько вы драгоценны у Бога! *Аще бо скорбим,* говорит, о *вашем утешении и спасении;* а избыток искушений попущен собственно для нас, чтобы не думали много о себе. *Яко по премногу и паче силы отяготихомся, да не надеющеся будем на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя.* Здесь опять напоминает им о воскресении, о котором так много говорил в первом послании, и настоящими обстоятельствами утверждает его истину. Потому и присовокупил: *иже от толиких смертей избавил ны есть* (ст. 10). Не сказал: от толиких опасностей, как для того, чтобы показать этим непреодолимую силу искушений, так и для того, чтобы еще более уверить в истине своего учения, которое предлагал прежде. Так как воскресение мертвых есть еще дело будущее, то он показывает здесь, что оно и каждодневно бывает. Когда Бог человека, отчаявшегося и дошедшего до врат адовых, исторгает оттуда, то что другое делает Он, как не воскрешает мертвого, изымая из самых уст смерти впадшего в них? Потому-то, при неожиданном освобождении какого-нибудь человека из отчаянного состояния, как то: от жестокой болезни или от невыносимых бедствий, у многих вошло в обыкновение говорить: на этом человеке мы видели воскресение из мертвых. *Уповахом же, яко и еще избавит, споспешествующим и вам по нас молитвою, да от многих лиц еже в нас дарование многими благодарится о нас* (ст. 11). Так как слова: *да не надеющеся будем на ся* могли показаться общим обвинением и обличением, а потому падали и на некоторых из коринфян, то он опять смягчает сказанное, приписывая молитвам их великое предста-

тельство, и вместе показывает, что нам непрестанно должно подвизаться в продолжение всей жизни. Именно в словах: *уповахом же, яко и еще избавит* содержится предсказание, что еще много будет искушений, и в них опять не будем оставлены, а получим помощь и содействие свыше. Затем, чтобы они, услышав, что им непрестанно должно бороться с бедствиями, не пали духом, он показал наперед пользу бедствий, состоящую в том, что они удерживают нас в непрестанном смиренномудрии — *да не надеющеся будем на ся,* что ими соделывается спасение наше и еще другие многие блага, как то: общение с Христом — *избыточествуют,* говорит, *страдания Христова в нас* (ст. 5), страдание в пользу верующих — *аще бо,* говорит, *скорбим, о вашем утешении и спасении,* большая очевидность (спасения верующих) — *действующемся,* говорит, *в терпении тех же скорбей,* укрепление (в терпении) и сверх того ясное и как бы перед глазами поставленное доказательство воскресения — *от толиких смертей избавил ны есть,* утверждение нас в подвигах и непрестанном взирании на Бога — *уповахом бо,* говорит, *яко и еще избавит,* наконец, приучение к прилежной молитве — *спспешествующим и вам по нас молитвою.* Показав, таким образом, пользу скорбей, и вдохнув в них мужество, (апостол) вновь воспламеняет их сердца и внушает им большую готовность и ревность к добродетели тем, что приписывает великую силу их молитвам, так как ими они и Павлу споспешествовали: *споспешествующим,* говорит, *и вам по нас молитвою.* Что же значат слова его: *да от многих лиц еже в нас дарование многими благодарится о вас? Избавил ны есть,* говорит, *от смертей оных, споспешествующим и вам молитвою,* то есть по ходатайству всех вас в молитвах за нас, потому что *дарование, еже в нас,* то есть спасение наше, Бог восхотел даровать всем вам, чтобы многие возблагодарили Его, так как и благодать получили многие.

4. Это сказал он как для того, чтобы побудить их к молитве за других, так и для того, чтобы приучить их всегда благодарить Бога и за избавление других от бедствий, показывая вместе, что и Бог особенно желает этого, потому что молящиеся и благодарящие за других тем более сделают то и другое в отношении к себе самим. Кроме того, (апостол) научает их и смиренномудрию и возбуждает к более горячей

любви. В самом деле, если он сам, будучи несравненно выше их, приписывает свое спасение их молитвам и дар, полученный им от Бога, их ходатайству, то подумай, как они должны были смиряться и уничижаться. Заметь здесь еще и то, что когда Бог и по милости дарует что-нибудь, и здесь молитва много содействует. Так, хотя в начале послания (Павел) приписал спасение свое щедротам Божиим: *Бог щедрот,* говорит, *той избавил ны есть,* но здесь приписывает он и молитвам. Так и раба, который должен был десять тысяч талантов, тогда только помиловал господин его, когда тот упал к ногам его, хотя и сказано, что *милосердовав прости его* (Мф. XVIII, 24, 26). Равно и хананейской жене (Господь) не прежде даровал здоровье дочери ее, как после долгого и неотступного ее моления и терпения, хотя и по милости только исцелил ее (Мф. XV, 22 – 28). Отсюда мы научаемся, что и тогда, когда хотим милости от Бога, должны прежде показать себя достойными этой милости, потому что хотя Он и милостив, однако ищет достойных, и не без разбора разделяет Свои милости всем, даже и ожесточенным. *Помилую,* говорит, *егоже аще помилую, и ущедрю, его же аще ущедрю* (Исх. XXXIII, 19; Рим. IX, 15). Смотри, что и здесь говорит (апостол): *споспешествующим и вам молитвою.* Не все и им приписывает, чтобы не довести их до надменности, но и не совсем лишает их заслуги, чтобы возбудить их усердие, сделать их ревностнейшими и привести их в союз любви между собой. Потому и сказал: вам даровал Бог спасение мое, что часто единодушная и согласная молитва многих преклоняет Бога. Потому и пророку Ионе сказал Он: *Аз же не пощажду ли града сего, в немже живут множайшии, неже дванадесять тем человек* (Ион. IV, 11)? А чтобы ты не подумал, что только на множество взирает (Бог), говорит: *аще будет число Израиля, яко песок морский, останок спасется* (Ис. X, 22). Почему же спас ниневитян? Потому что здесь не множество только было, но множество обратившихся к добродетели: *возвратися бо кийждо от пути своего лукаваго* (Ион. III, 8), и Спасающий их сказал, что они *не познаша десницы, ниже шуйцы* (Ион. IV, 11). Отсюда ясно, что и грешили они прежде более по неведению, нежели по развращению; это оправдывается и тем, что они немногих слов послушались и покаялись.

Если же довольно было двенадцати тем для их спасения, то что и прежде препятствовало спасти их? И почему не сказал Бог пророку: Я ли не пощажу града сего, столь искренне покаявшегося, а выставляет на вид эти десятки тысяч? Ужели напрасно сказано так? Нет! Покаяние их известно было пророку, а число и простота их не были известны. Итак, отовсюду (апостол) старается научить коринфян смиренномудрию, — потому что и множество имеет силу только тогда, когда оно соединено с добродетелью.

То же самое и в другом месте подтверждает Писание, говоря: *молитва же бе прилежна, бываемая от церкве к Богу о нем* (Деян. XII, 5). Молитва эта была так сильна, что, несмотря на то, что и двери темницы были заперты, и узы связывали апостола, и с обеих сторон около него спали стражи, — извела его из темницы и освободила от всех этих опасностей. Но насколько сильно множество в соединении с добродетелью, настолько же ничтожно, когда оно исполнено нечестия. Так и те израильтяне, о которых говорит пророк (Ис. X), что *число их* было *яко песок морский*, все погибли. Равно и во дни Ноевы много, даже бесчисленное множество было людей; однако это не принесло им никакой пользы, потому что одно множество само по себе не имеет никакой силы, но сильно только в соединении с добродетелью. Итак, будем тщательно сходиться на молитву и станем молиться друг за друга, как коринфяне за апостолов. Делая это, мы и заповедь исполним, и в любви преуспеем (когда же я называю любовь, то разумею здесь все добродетели), и научимся усерднее благодарить Бога. Ведь кто за благодеяния, оказанные другим, благодарит Бога, тот тем более будет благодарить Его за свои. Так поступал и Давид, который говорит: *возвеличите Господа со мною, и вознесем имя Его вкупе* (Пс. XXXIII, 4). Того же требует везде и апостол. То же и мы должны делать, — проповедовать перед всеми благодеяния Божии, чтобы всех возбудить к прославлению Бога. Если, возвещая всем благодеяния, получаемые от людей их к себе, то тем более, возвещая всем благодеяния Божии, мы привлечем на себя большее Его благоволение. И если, будучи облагодетельствованы людьми, побуждаем и других благодарить своих благодетелей, то тем более благодарящих за нас должны приводить к Богу. И если Па-

вел так делает, сам имея великое дерзновение к Богу, то тем более мы должны так делать.

5. Итак, будем молить святых, чтобы они благодарили за нас Бога, и сами будем делать то же друг за друга. Правда, это преимущественно долг священников, как дело особенной важности. Приступая к Богу, мы прежде приносим благодарение за вселенную и за общие блага. Если же всех вообще касаются благодеяния Божии, то в числе всех и ты получил спасение. Поэтому, один ли ты получил благодеяние, ты должен благодарить за всех, все ли вместе получили его, справедливо можешь благодарить за себя. Так, хотя Господь и не для тебя одного, а для всех возжег солнце, однако и ты пользуешься им столько же, сколько и все видят, так что и ты обязан такой же благодарностью Богу, какую должны воздавать Ему все вместе. Потому справедливо и ты должен благодарить и за общие благодеяния, равно как и за добродетели других людей, так как и за добродетели других мы получаем многие блага. Так, если бы хотя десять праведников нашлось в городах Содомских, они не потерпели бы того, что потерпели. Потому и за дерзновение, какое другие имеют у Бога, будем благодарить Бога. Это – древний закон, свыше насажденный в Церкви. Так и Павел благодарит Бога за римлян, за коринфян и за всю вселенную. Не говори же мне теперь: это не мое дело. Хотя бы и не твое было, и тогда ты должен благодарить, потому что это сочлен твой. Притом же ты делаешь его своим посредством (общего) славословия и, таким образом, становишься участником в наградах и сам получишь благодать.

Вот почему законы церковные повелевают творить молитвы не только за верных, но и за оглашенных. Так, церковный закон побуждает верующих молиться и за не посвященных еще в таинства веры. Когда диакон говорит: *о оглашенных усердно помолимся,* он делает не что иное, как возбуждает весь народ верных к молитвам о них, хотя оглашенные еще и чужды верующим, так как не принадлежат еще к телу Христову, еще не имеют общения в таинствах, еще отделены от стада духовного. Если же о них должно молиться, то тем более мы должны молиться о наших членах. Для того и говорит: *усердно помолимся,* чтобы ты не отри-

нул их, как чуждых, не забыл, как чужестранцев. Они еще не получили заповеданной и данной Христом молитвы, еще не стяжали дерзновения, но имеют нужду в помощи посвященных в таинства. Они еще стоят вне царских чертогов, далеко от священной ограды. Поэтому они и высылаются, когда приносятся те страшные молитвы. Потому диакон и приглашает тебя молиться за них, чтобы они сделались твоими членами и не были уже чужестранными и отчужденными: слово — *помолимся* обращается не к священникам только, но относится вместе и к народу: когда говорит диакон: *станем добре, помолимся,* то приглашает этими словами всех к молитве. Потом, начиная прошение, говорит: *да всемилостивый и щедрый Бог услышит моления их.* Чтобы ты не сказал: к чему нам молиться? они чужды нам, еще не соединены с нами — как я могу умолить Бога? как могу преклонить Его, чтобы явил им милость Свою и простил их? — чтобы ты не смущался такими вопросами, смотри, как он разрешает твое недоумение, говоря: *да всемилостивый и щедрый Бог.* Слышишь ли: *всемилостивый Бог?* Не сомневайся же более, потому что Всемилостивый всех милует—и грешников и друзей. Итак, не говори: как за них приступлю к Богу? Сам услышит моления их. В молитве же об оглашенных о чем лучше молиться, как не о том, чтобы им не оставаться навсегда оглашенными? Далее показывает и сам образ молитвы. Какой же? *Да отверзет уши сердец их,* которые заключены еще и ожесточены. Впрочем, не о чувственных ушах здесь говорится, но об умственных. *Да услышат, яже око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). Они еще не слышали неизреченных тайн, потому что стоят вдали и отдельно от верных, а если и слышат что, то не разумеют слышанного, поскольку здесь не довольно одного слышания, но требуется еще и большое разумение; а они не имеют еще внутреннего слуха. Вот почему для них и испрашивается пророческий дар. И пророк так же говорит о себе: *Бог дает мне язык научения, еже разумети, егда подобает рещи слово,* зане сам отверзает уста мои, даде ми рано, *приложими ухо, еже слышати* (Ис. L, 4). Подобно тому, как пророки вначе слышали, нежели другие люди, так и верные иначе слышат, нежели оглашенные. Отсюда и оглашенный научается не от людей

ожидать научения и отверзтия слуха (*не нарицайте,* говорит, *учителя на земли* – Мф. XXIII, 8), но свыше – с небес: *будут еси научены Богом* (Ис. LIV, 13). Потому (диакон) и говорит далее: *огласит их словом истины,* то есть чтобы излил истину в сердца их, – потому что они еще не знают слов истины так, как должно знать. *Да всеет страх свой в них.* Однако, этого еще недостаточно, – потому что одно семя пало при пути, а другое на камне.

6. А мы не того просим. Мы просим, чтобы как плуг разверзает борозды на тучной земле, так было бы и здесь; то есть чтобы обновленные приняли в глубину сердца всеянное слово и верно сохраняли все слышанное. Поэтому диакон и присовокупляет: *и утвердит веру свою в сердцах их,* то есть чтобы она оставалась не на поверхности, а пустила свой корень в глубину. *Да открыет им евангелие правды.* Здесь он указывает на двоякое покрывало: одно, которое покрывает умственные их очи; другое, которым закрыто от них евангелие. Вот почему прежде просил он: *да отверзет уши сердец их,* теперь же просит: *да открыет им евангелие правды,* – то есть да соделает их мудрыми и способными к принятию его, да научит их и посеет семена Евангелия. Иначе, хотя они и будут способны, но если Бог не откроет им, не получат от того никакой пользы. И обратно: хотя бы и открыл Бог, но если они не примут открытого, опять угрожает та же опасность. Вот почему мы и просим того и другого, – чтобы и сердца отверз и евангелие открыл. Так, и царское украшение ничего не представляет для глаз, хотя бы на него и смотрели, если оно закрыто, равно как и наоборот, нет никакой пользы и от того, что оно открыто, если не будут смотреть на него глаза. Но то и другое может быть достигнуто, когда (люди) сами наперед пожелают того. Какое же это *евангелие правды?* То, которое делает людей праведными. Через то он возбуждает в них желание крещения, показывая, что это евангелие не только разрешает от грехов, но и делает праведными. *Да даст им ум божественный, целомудренный помысл и добродетельное жительство.* Пусть выслушают это те из верных, которые прикованы к житейским заботам. Если для непосвященных еще нам повелевается просить этого, то подумай, каковы должны быть мы, которые просим этого для

других? Жизнь наша должна быть сообразна с евангелием. Вот почему и порядок молитвы от догматов идет к жизни. А именно, сказав: *да открыет им евангелие правды,* прибавляет: *да даст им божественный ум.* Что значит божественный? Значит, чтобы Бог обитал в нем, как и говорится: *вселюся в них, и похожду* (Лев. XXVI, 12). Когда ум бывает чист, когда совлекается грехов, тогда он делается домом Божиим. Когда же Бог вселяется в него, то уже ничего не остается в нем человеческого. И таким образом он делается божественным, все вещающим от Бога, как дом живущего в нем Бога. Отсюда очевидно, что срамословящий не имеет божественного ума; равно как и любящий веселье и смех. *Целомудренный помысл.* Что же значит — иметь *целомудренный помысл?* Значит — стяжать здоровье душевное. Тот, кто одержим наклонностью ко злу и прилепился к настоящим благам, не может быть назван целомудренным, то есть здоровым. И как больной желает и вредного себе, так и этот. *И добродетельное жительство,* — потому что догматы веры требуют от нас добродетельной жизни. Выслушайте это те, которые приходите к крещению при конце жизни. Мы молимся, чтобы вы после крещения имели и доброе жительство; а ты всячески стараешься, чтобы умереть, не имея добродетельной жизни. Положим, что ты и получишь оправдание, но одной верой; а мы просим, чтобы ты и делами заслужил дерзновение перед Богом. *Всегда Божие мыслити, Божие мудрствовати и об угождении Ему пещися.* Целомудренного помысла и добродетельной жизни мы просим тебе не на один день, не на два и не на три, но на целую жизнь и, как основания всех благ, просим у Бога, чтобы ты угодное Ему мудрствовал. Многие ведь ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу (Флп. II, 21). Как же это может быть? Ведь к молитве должно присоединяться и собственное старание, если мы будем пребывать в законе Его день и ночь. Потому и в прошении далее говорит: *в законе Его пребывати.* И как выше он сказал — *всегда,* так и здесь говорит: *день и нощь.* Вот почему я и стыжусь за тех, которые едва и один раз в год показываются в церкви. В самом деле, какое могут иметь оправдание те, которым заповедано день и ночь не просто заниматься законом, но пребывать, то есть возрастать и

жить в нем, и которые между тем даже малейшей части жизни не посвящают на то, чтобы помнить заповеди Его и хранить оправдания Его?

7. Видишь ли, какая здесь превосходная цепь, и как каждое звено ее тесно связано и согласовано с другим крепче и красивее всякой золотой цепи? В самом деле, после прошения о даровании божественного ума сказывает – как и стяжать его. Как же? Заботясь всегда об угождении Ему. А это как? Путем непрестанного внимания к закону Божию. Как же могут увериться в этом люди? Если будут хранить заповеди Его. Вернее же сказать, от внимания к закону Божию является и соблюдение заповедей, подобно тому как от мудрствования по Боге и стяжания божественного ума рождается забота и попечение об угодном Ему. Каждая из сказанных добродетелей такую имеет силу, что и создает другую, и сама созидается от нее, поддерживает другую и сама поддерживается от нее. *Еще прилежнее помолимся о них.* Так как продолжительное слово обыкновенно утомляет душу, то он опять возбуждет ее. Он намеревается просить чего-то великого и высокого, почему и говорит: *еще прилежнее помолимся о них.* Чего же именно? *Да избавит их от всякаго злаго и несовместнаго дела.* Здесь мы просим, чтобы Господь не допустил их впасть в искушение и избавил от всякого навета – телесного и духовного. Потому и присовокупляет еще: *от всякаго* греха диавольского и от всякого нападения противника, – указывая этим на искушения и грехи.

Грех весьма близок к нам, отовсюду окружает нас – и спереди и сзади, и потому легко низлагает нас. Так как выше он говорил о том, что нам должно делать со своей стороны, то есть пребывать в законе Божием, помнить заповеди Его, хранить оправдания Его, то теперь, наконец, убеждает, что всего этого недостаточно, если сам Бог не будет присутствовать с нами и помогать нам. *Аще бо не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущий его* (Пс. CXXVI, 1); и особенно это невозможно для тех, которые еще подчинены диаволу и находятся под его властью. Вы, посвященные в таинства, знаете уже это. Итак, припомните те слова, которыми вы отрекались владычества диавола, когда с преклонением колен добровольно прибегли к Царю своему, произнося те страшные

слова, научающие нас ни в чем и никогда не слушаться диавола. Называет же его противником и диаволом, то есть клеветником, потому, что он клевещет и на Бога людям, и на нас Богу, и нам самим друг на друга. Так он клеветал некогда Богу на Иова, говоря: *еда ту не чтит Иов Господа* (Иов. I, 10)? И опять Иову на Бога: *огнь спаде с небесе* (I, 16). Подобным образом он клеветал Адаму на Бога, когда говорил, что отверзутся очи их (Быт. III, 5). И ныне многим из людей клевещет, говоря: не промышляет Бог о мире, но вверил вашу судьбу демонам. Также многим из иудеев клеветал он на Христа, называя его льстецом и волхвом. Может быть, кто пожелает знать, как он действует на человека? Когда не находит в человеке ума божественного и души целомудренной; когда человек забывает заповеди Божии и не хранит оправданий Божиих, — тогда диавол уводит его в плен. Так, если бы Адам помнил заповедь, гласящую: *от всякаго древа снеси* (Быт. II, 16); если бы сохранил повеление, которое говорит: *в онь же аще день снесте, смертию умрете* (ст. 17), — то не потерпел бы того, что потерпел. *Да сподобит их во время благопотребно бани пакибытия, оставления грехов.* Мы просим и настоящего и будущего; и рассуждаем о купели (крещения), и показываем им в прошении силу ее. В самом деле, прошение дает им ясно разуметь, что дело в возрождении, и что мы, как рождаемся из утробы матери, так возрождаемся от воды, — чтобы кто из них не сказал с Никодимом: *како может кто родитися стар сый? Еда может внити во утробу матери своея, и паки родитися* (Ин. III, 4)? Так как он сказал об оставлении грехов, то далее удостоверяет в истине этого, говоря: *и одежды нетления,* потому что кто усыновляется Богу, тот очевидно уже делается и нетленным. Что же значит: *во время благопотребно?* Когда, то есть, готовящийся к крещению хорошо расположил себя, когда с усердием и верой приступает к принятию его, потому что для верующего такое время и есть благопотребное. *Да благословит входы их и исходы, все житие их.* Здесь дозволяется им просить и телесных благ, как слабым еще в вере. *Домы их и живущих в них,* то есть слуг их, сродников и других близких к ним, кого имеют. Все это было в числе наград в Ветхом Завете, и ничто не казалось столь страшным, как вдовство, безча-

дие, преждевременная смерть, голод, неуспех в делах. По этой-то причине Церковь на время дозволяет и оглашенным просить телесных благ, понемногу возводя их к совершенству. Так делает и Христос, делает и Павел, приводя на память своим ученикам данные древним благословения. Так Христос говорит: *блажени кротцыи, яко тии наследят землю* (Мф. V, 5). А Павел: *чти отца твоего и матерь твою: и будеши долголетен на земли* (Еф. VI, 2, 3). *Да умножив чада их, благословит, и в меру возраста привед, умудрит.*

8. Здесь опять (просит) и телесного и духовного, как еще несовершенным. Далее же только духовного: *да направит все предлагаемое на пользу им,* не просто предлагаемое, но на пользу. Так часто предлагается, например, путешествие, но не приносит пользы; или что-нибудь другое подобное, но также без пользы. Отсюда они научаются за все благодарить Бога, потому что все направляется к их пользе. После всего этого наконец (диакон) повелевает им восстать. Доселе он держал их как бы поверженными на земле; по испрошении же им вышесказанных благ, когда они и сами получили дерзновение и веру, — он восставляет их от земли и повелевает и самим уже приносить молитвы к Богу. Сперва мы просим за них, потом и им повелеваем просить за себя, отверзая им двери молитвы, подобно тому, как детей сперва мы учим говорить, а потом им самим велим за нами говорить. Так мы говорим: *ангела мирна просите оглашеннии.* Есть ангел мучитель, как говорит Писание: *послание ангелы лютыми* (Пс. LXXVII, 50). Есть также ангел губитель (2 Цар. XXIV, 16). Поэтому и поволеваем им просить ангела мирного, и вместе научаем их прежде всего искать мира, как союза всех благ, — чтобы они были свободны от всякой вражды, всякой брани и всяких распрей. *Мирна вся прилежаша вам,* — потому что и тяжкое при посредстве мира делается легким. Вот почему и Христос сказал: *мир Мой даю вам* (Ин. XIV, 27). Подлинно, ничто не доставляет диаволу столь сильного оружия, как раздоры, вражда и брань. *Настоящаго дне мирна и вся дни жизни вашея просите.* Видишь, как опять всю жизнь повелевает проводить добродетельно. *Христианския вашея кончины; а наипаче всего добраго и полезнаго,* — так как что не хорошо, то и не полезно. У нас другое поня-

тие о полезном, нежели какое имеет большая часть людей. *Сами себе живому Богу и Христу Его предадите.* Мы еще не требуем от них, чтобы они молились за других, но считаем достаточным, если они и о себе могут молиться. Видишь ли полноту и совершенство молитвы, объемлющей и догматы веры и правила для жизни? В самом деле, когда говорим о Евангелии, об одежде нетления, о бане пакибытия, то называем все догматы; когда же говорим о божественном разуме, целомудренном помысле и о прочем выше указанном, то указываем этим на жизнь. Вслед за тем мы повелеваем им преклонить главы в знак того, что молитвы их услышаны и Бог благословляет их. Подлинно, не человек благословляет, но рукой и устами человека мы подклоняем главы предстоящих Царю небесному, и тогда все взывают: аминь. Для чего же все это говорил я? Для того, чтобы научить, что мы должны искать пользы других; чтобы не думали верные, что их нисколько не касаются молитвы об оглашенных. Не стенам же ведь говорит диакон: *о оглашенных помолимся.* Несмотря на то, некоторые до того несмысленны, безумны и рассеянны, что не только во время молитвы оглашенных, но и во время молитвы верных стоят и разговаривают. Вот отчего у нас все не в порядке, вот отчего все идет к погибели, – от того, что мы и тогда, когда более всего должно умилостивлять Бога, прогневляем Его и так уходим из церкви. Нам повелевается здесь, в присутствии верных, молить человеколюбца Бога о епископах, о пресвитерах, о царях, о властях, о земле и море, о воздухах, о всей вселенной. Итак если мы, которые должны иметь дерзновение молиться о других, не молимся и о себе с должным вниманием, то какое будем иметь оправдание, какое извинение? Потому, размыслив обо всем этом, прошу помнить время молитвы, быть возвышеннее духом, отрешаться от земли и воспарять в самые выси небесные, да возможем умилостивить Бога и получить обетованные блага, которых и да сподобимся все мы достигнуть благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

Похваление бо наше сие есть, свидетельство совести нашея, яко в простоте и чистоте, не в мудрости плоти, но благодатию Божиею жихом в мире (2 Кор. I, 12)

1. Здесь (апостол) открывает нам еще другое, не только не маловажное, напротив очень важное средство к утешению, могущее ободрить душу, потопляемую бедствиями. Так как он сказал: Бог *избавил ны есть*, и все дело приписал щедротам Божиим и молитвам коринфян, то, чтобы не сделать через это своих слушателей беспечными, – если они будут возлагать упование свое только на милосердие Божие и молитвы других, – он далее показывает, что и сами (апостолы) немало сделали со своей стороны. На такое участие свое (апостол) и выше указал, когда говорил: *якоже избыточествуют страдания Христова, избыточествует и утешение наше* (ст. 5). Но здесь он высказывает еще другую свою добродетель. Какую же? Ту, что мы, говорит, где ни жили, везде поступали по чистой и искренней совести. А это немало служит к успокоению и утешению нашему, и не только к утешению, но и к другому, что гораздо более утешения, – к похвале. Так говорил (апостол верующим) как для того, чтобы и их научить не падать духом в скорбях, но радоваться, если только будут иметь чистую совесть, так, отчасти, и для того, чтобы обличить перед ними лжеапостолов. И как в первом послании говорил он: *посла мене Христос благовестити не в премудрости слова, да не испразднится крест Христов* (1 Кор. I, 17), и: *да вера ваша не в мудрости человеческой, но в силе Божией будет* (1 Кор. II, 5), так и здесь говорит: *не в мудрости, но благодатию Божиею*. Кроме того, словом: *не в мудрости* он намекает и на нечто другое, то есть не обманом и обольщением; и таким образом посрамляет мирское научение. *Похваление бо наше*, говорит, *сие есть, свидетельство совести нашея*, то есть когда совесть наша не имеет причины осуждать нас, как преступников, преследуемых за худые дела. Хотя бы, говорит, мы терпели бесчисленные бедствия, хотя бы нам отовсюду угрожали нападения и опасности, для нашего утешения, и не только для утешения, но и для получения венца, достаточно одного свидетельства чистой совести – что мы терпим

эти бедствия не за какое-нибудь преступление, но за угодное Богу, за добродетель, за истинное любомудрие и за спасение многих. Итак, первое утешение (о котором выше говорил апостол) проистекало от Бога; а это (о котором теперь говорит) от них самих и было плодом чистой их жизни. Потому-то и похвалой он называет это утешение, что оно было плодом их добродетели. В чем же эта похвала и что свидетельствует нам совесть наша? *Яко в простоте и чистоте,* – то есть ничего не делали коварно, или лицемерно, или притворно, или из лести, или злонамеренно, или для обмана и обольщения, или по другим подобным побуждениям; но поступали всегда со всякой свободой, простотой, истиной, в чистоте и незлобии сердца, с бесхитростной душой, не имели ничего, что бы нужно было скрывать, ничего зазорного. *Не в мудрости плоти,* то есть без коварства и лукавства, без изысканных слов и хитросплетенных умствований, – это именно он и называет плотской мудростью. Итак, чем (лжеапостолы) надмевались, то именно он отвергает и презирает, явно показывая этим, что плотское мудрование недостойно похвалы и что сам он не только не ищет его, но еще стыдится и отвращается. *Но благодатию Божиею жихом в мире.* Что значит: *благодатию Божиею?* Значит – премудростью и силой, данными нам от Бога, проявляемыми в чудесах и победе над мудрецами, риторами, философами, царями и народами, несмотря на то, что мы люди грубые и ничего не заимствовали от мирской мудрости. И немаловажное это было утешение и похвала – в сознании, что они действовали не человеческой силой, но совершали все благодатью Божией. В *мире.* Так было не в Коринфе только, но и по всей вселенной. *Множае же у вас.* Что *множае у вас? Благодатию Божиею жихом.* У вас мы совершали, говорит, больше чудес и знамений, большую соблюдали осторожность и заботились о безукоризненном образе жизни. (Апостол) и это называет благодатью Божией, ей же приписывая и собственные подвиги. Там (в Коринфе) он совершил сверхдолжный подвиг, когда, щадя слабость коринфян, проповедовал у них Евангелие без всякого со стороны их возмездия. *Не иная бо пишем вам, но яже чтете и разумеваете* (ст. 13). Так как (апостол) высказывал себе великие похвалы и, по-видимому, свидетель-

ствовал только сам о себе, что могло показаться неудобным, то он приводит в свидетели того, что говорил, опять самих коринфян. Пусть, говорит, никто не думает, что слова мои самохвальство, неоправданное делами: и передаю вам только то, что вы сами знаете, и, что я не лгу, в том мне свидетелями прежде других должны быть вы. Читая послания наши, вы видите, что в них написано то же самое, что вам известно о нас же на самом деле, и что ваше свидетельство не противоречит нашим посланиям, напротив, то, что вы прежде знали о нас, совершенно согласно с тем, что читаете о нас в посланиях. *Я коже и разумеете нас отчасти* (ст. 14), то есть вы не по слуху знаете о наших делах, но из самого опыта. Слово же – *отчасти* (апостол) употребил из скромности. Таков уже у него обычай: лишь только скажет о себе что-нибудь великое, по требованию необходимости (иначе он этого не делает), как тотчас старается смягчить возвышенность слов своих. *Уповаю же, яко и до конца уразумеете* (ст. 13).

2. Видишь ли, как он на бывшем основывает надежду на будущее, – и не только на бывшем, но и на силе Божией; не просто выразил уверенность, но все возложил на Бога и надежду на Него. *Яко похваление вам есмы, якоже и вы нам в день Господа нашего Иисуса Христа* (ст. 14). Здесь (апостол), представляя коринфян участниками и сообщниками в славе его деяний, предупреждает зависть, которая могла родиться в них от прежних его слов. Похвала моя, говорит, принадлежит не мне одному, но от меня переходит и к вам и взаимно от вас ко мне. Так как он превознес себя, указав на прошедшие свои дела и обещав такие же впредь, то, чтобы слушатели не вздумали упрекать его, как человека высокомерного, и не увлеклись, как я сказал, чувством зависти, он разделяет с ними славу свою, усвояя и им этот венец похвал. Если, говорит, мы будем действительно таковы, то наша похвала будет и вашей славой, подобно тому, как, наоборот, когда и вы имеете добрую славу, мы радуемся, торжествуем и увенчиваемся. И здесь опять слова (апостола) показывают великое его смиренномудрие, – он говорит не как учитель с учениками, а как ученик с равными учениками. Так он умеряет речь свою! И смотри, как он возводит коринфян к высшему и приучает их к любомудрию, когда уст-

ремляет мысли к великому дню Господню. Не сказывайте мне, говорит, о настоящем, то есть о поношениях, оскорблениях, насмешках, которые терпим от многих; земное ничто не важно – ни радости, ни печали, ни порицания, ни похвалы человеческие; но вспоминайте тот страшный и ужасный день, в котором все будет открыто. Тогда и мы прославимся в вас, и вы в нас, если откроется, что у вас были такие учители, которые ничему человеческому не учили и ведя жизнь непорочную, не подавали никакого повода к соблазну; а у нас были такие ученики, которые поступали не так, как обыкновенные люди, – не колебались, но с готовностью принимали все и ни в чем не противомудрствовали. И ныне открыто это имеющим ум Христов, а тогда откроется всем. Итак, если мы и скорбим ныне, то немалое имеем и утешение, как от доброй совести, так и от ожидаемого тогда откровения. Ныне одна совесть наша знает, что мы во всем поступаем по благодати Божией, как и вы это знаете и еще узнаете; а тогда и все люди узнают и наши и ваши дела, и увидят, как мы прославляемся друг за друга. Таким образом, чтобы (коринфяне) не подумали, что вся слава от похвалы принадлежит только одному ему, он представляет и им случай к похвалению и тем отвлекает (их внимание) от настоящих скорбей. И как поступил относительно утешения, сказав: *утешаемся о вашем утешении,* так и здесь поступает, говоря: мы хвалимся вами, так же как и вы нами, – делая их таким образом участниками себе во всем – в утешении, в страданиях и в самом спасении своем, поскольку и это спасение приписывает их молитвам, когда говорит: *спостешествующим и вам молитвою, избавил ны есть Бог.* Так же точно и похвалу свою делает общей (с коринфянами). Как там говорил: *ведяще зане якоже общницы есте страстем нашим, такожде и утешению* (ст. 7), так и здесь говорит: *похваление вам есмы, якоже и вы нам. И сим упованием хотех к вам приити прежде* (ст. 15). Какое это *упование?* То, говорит, что я надеюсь на вас, что вы будете моей похвалой, а я вашей, что я от сердца люблю вас, что я не сознаю в себе ничего худого и уверен, что у вас все духовно, и что свидетелями в этом будете для нас вы. *Хотех к вам приити и вами проити в Македонию.* Но в первом послании (апостол) дал противное этому обещание: *прииду*

к вам, говорит, *егда Македонию прейду, Македонию бо прохожду* (1 Кор. XVI, 5). Итак, почему же он говорит здесь противное? Нет, не противное. Правда, это противоречит тому, что он писал прежде, но не противоречит его желанию. Поэтому он и не сказал здесь: я писал вами пройти в Македонию, но: *хотех.* Если, говорит, я и не так написал, но я все же прежде старался и желал прийти к вам: до такой степени, говорит, не хотелось мне прийти к вам позже, нежели как обещал, что даже хотел прийти ранее. *Да вторую благодать имате.* Что такое – *вторую благодать?* То есть сугубую, – одну от послания, другую от присутствия. *Благодатию* же здесь называет он радость. *И вами проити в Македонию, и паки от Македонии приити к вам, и вами проводитися во Иудею. Сие же хотя, еда что убо легкотою деях* (ст. 16 и 17)?

3. Здесь (апостол) уже прямо снимает с себя упрек в замедлении и неисполнении своего обещания прийти (к коринфянам). Смысл слов его такой: я хотел прийти к вам. Почему же не пришел? Не по легкомыслию ли и непостоянству? (А таково значение слов: *еда что убо легкотою деях.*) Нет. Почему же? Потому что, *яже совещаваю,* не *по плоти совещаваю.* Что же значит: не *по плоти?* Не как плотской человек. *Да будет у мене, еже ей ей, и еже ни ни.* Но и это еще неясно. Что же такое он говорит? Человек плотской, говорит, то есть прикованный только к настоящему, в настоящем всегда живущий и не находящийся под влиянием Духа Божия, может пойти всюду и блуждать где вздумает; напротив, служитель Духа Божия, и им водимый и управляемый, не может всегда быть господином своей воли, завися от власти Духа. С ним бывает то же, что с верным рабом, который только исполняет приказания господина своего, и не имеет власти над собой, и не знает отдыха даже на малое время; он иногда обещает что-либо своим товарищам, но после не исполняет своего обещания, когда оно окажется противным воле господина его. Вот что значат слова (апостола): не *по плоти совещаваю,* то есть я нахожусь под управлением Духа Божия и не имею власти идти куда хочу: я подчинен власти и повелениям Утешителя, и Его голос руководит и управляет мной. Потому я и не мог прийти к вам; это не угодно было Духу Божию. Подобное часто бывало и судя по Деяниям

Апостольским (Деян. XVI, 6–9): когда апостолы намеревались идти вместе, Дух повелевал им идти в другое место. Итак, что я не пришел к вам, несмотря на свое обещание, это зависело не от легкомыслия моего или непостоянства, но от Духа, которому я подчинен и должен повиноваться. Видишь ли и здесь обычный образ его умствования? Из того, что, по мнению других, служило доказательством, что он рассуждает по плоти, то есть что он не исполнил своего обещания, – из этого самого он показывает, что он располагает собой всецело по Духу, совершенно противно предпринимаемому по плоти. Что же, скажет кто-либо? Разве (апостол) не по внушению Духа Божия обещал (прийти)? Нет (не по внушению Духа). Я и прежде говорил, что Павел не все предвидел будущее и имеющее совершиться успешно. Вот почему и в первом послании он говорит: *да вы мя проводите, а може аще пойду* (1 Кор. XVI, 6), – конечно из опасения, чтобы, сказав – в Иудею, после не быть принужденным отправиться в другое место; здесь же, после того как этого не случилось, говорит уже: *и вами проводитися во Иудею.* Так как обещание прийти к ним (в Коринф) было делом любви его к ним, то он и сказал об этом ясно. А желание его отправиться от них в Иудею нисколько их не касалось; потому он и сказал раньше об этом неопределенно. Но после, когда удостоверился и в этом, говорит здесь уже прямо, что пойдет в Иудею. И это сделано для пользы, – чтобы кто-нибудь из них не подумал об нем более надлежащего. В самом деле, если бы (апостолы) не показали в себе никаких знаков немощи человеческой, то до какого бы нечестия могли дойти люди, когда, несмотря и на эти знаки, хотели принести в жертву им волов? И что ты удивляешься тому, что Павел не всегда знал будущее, если иногда не знал и того, о чем лучше молиться? О *чесом бо,* говорит, *помолимся, яко же подобает, не вемы* (Рим. VIII, 26). И не только это говорит, чтоб показать свою скромность, но еще указывает и самый случай, когда он не знал, о чем лучше ему надлежало молиться. Когда же он не знал этого? Тогда, как молился об удалении от него искушений. *Дадеся ми,* говорит, *пакостник плоти, ангел сатанин, да ми пакости деет. О сем трикраты Господа молих. И рече ми: довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается*

(2 Кор. XII, 7–9). Видишь ли, как не знал (апостол), чего ему лучше надлежало просить? А потому и не получил, хотя и неоднократно молил о том. *Верен же Бог, яко слово наше, еже к вам, не бысть ей и ни* (ст. 18). Здесь (апостол) прекрасно разрешает возникавшее возражение. Если ты, могли ему сказать, обещавшись прийти к нам, отложил намерение и у тебя нет *ей ей* и *ни ни*, напротив, ты впоследствии переменяешь прежде сказанное тобой, как поступил касательно твоего путешествия к нам, – то – горе нам! – не случалось ли того же и в самой проповеди? Итак, чтобы этого не подумали и не смущались, он говорит: *верен же Бог, яко слово наше, еже к вам, не бысть ей и ни.* В проповеди, говорит, этого не было, а бывало это только в дороге и путешествиях. В проповеди наши слова всегда верны и неизменны, – *словом же* здесь называет он проповедь. Далее представляет неоспоримое доказательство этого, относя все дело проповеди к Богу. Слова его имеют такой смысл: обещание прийти было мое, то есть я от себя обещал это; проповедь же не мое дело и не человеческое, но Божие; а что от Бога, то недоступно для лжи и обмана. Поэтому и сказал: *верен Бог,* то есть истинен. Итак, не заподозревайте того, что происходит от Бога и в чем нет ничего человеческого. Упомянув же о *слове,* (апостол) далее присовокупляет и объяснение, о каком слове он говорит.

4. Итак, какое же это *слово? Ибо Сын Божий,* говорит, *иже у вас нами проповеданный, мною и Силуаном и Тимофеем, не бысть ей и ни* (ст. 19). Здесь он выводит на сцену и других учителей для того, чтобы этим указанием не на слушателей только, но вместе и на учителей еще более подтвердить достоверность своего свидетельства. Правда (те, на кого указывает апостол), были ученики; но он, по своему смирению, причисляет и их к чину учителей. Что же значит: *не бысть ей и ни?* Я не извращал, говорит, смысла первой моей проповеди; не проповедовал вам ныне так, а завтра иначе, потому что это свойственно только заблудившемуся разуму, а не вере. *Но в Нем самом ей бысть,* то есть слово проповеди остается непоколебимо и твердо. *Елика бо обетования Божия, в том ей, и в том аминь, Богу к славе нами* (ст. 20). Что значит: *елика обетования Божия?* Много обетований содержит проповедь еван-

гельская, и о многих обетованиях благовествовали и проповедовали (апостолы). Они говорили и о воскресении, и о восхищении на небо, и о бессмертии, и о великих наградах в будущей жизни и неизреченных там благах. Эти-то обетования (апостол) называет непреложными, и говорит, что в них не было – ей и ни. Смысл его слов такой: что я вам говорил об этих обетованиях, то не было иногда истинно, а иногда ложно, как мое обещание прийти к вам, но всегда истинно. И прежде всего защищает догматы веры и слово о Христе, говоря: и слово мое и проповедь моя *не бысть ей и ни;* потом уже сами обетования: *елика бо обетования Божия, в том ей.* Если же верны обетования Божии, и нет сомнения, что Бог исполнит их, то тем более верен Он сам, и слово о Нем твердо, и нельзя сказать, что иногда Он есть, иногда же нет Его, но всегда есть, и один и тот же.

Что же значит: *в том ей, и в том аминь?* Этими словами он показывает, что обетования Божии непременно сбудутся, поскольку и существование, и исполнение их зависит от Бога, а не от человека. Итак, нечего бояться: обещает не человек, которого можно подозревать в неверности, но Бог, Который говорит и творит. *Богу к славе нами.* Что значит: *к славе нами?* Он исполнит обетования Свои через нас, то есть изливая благодеяния Свои на нас, к славе Его. Это и значит: *Богу к славе.* А если исполнение обетований служит к славе Божией, то они непременно исполнятся, потому что Бог не может презреть Своей славы, хотя бы и презрел наше спасение, равно как и в силу беспредельного Его человеколюбия. Кроме того, спасение наше тесно соединено с Его славой, которая открывается в исполнении обетовании Его. Итак, если исполнение обетовании служит к славе Божией, то конечно совершится и наше спасение. То же самое постоянно внушает (апостол) и в Послании к Ефесеям, когда говорит: *в похвалу славы Его* (Еф. I, 14); и везде употребляет такие выражения, желая показать необходимость исполнения обетований Божиих. То же говорит и здесь, то есть что обетования Божии непреложны, так как исполнение их служит не только к нашему спасению, но вместе и к славе Божией. Итак, не беспокойся, говорит, о том, что обетования эти через нас возвещены, и не сомневайся

в верности их исполнения, потому что исполнение их зависит не от нас, а от Бога, Которому они и принадлежат, так как мы возвестили вам не свои, а Его обетования. *Извествуяй же нас с вами во Христа и помазавый нас, Бог:* и запечатлевший и давший *обручение Духа в сердца наши* (ст. 21, 22). Опять из бывшего утверждает истину будущего. Если, говорит, сам Бог утверждает нас во Христе, то есть не попускает нам колебаться в вере во Христа, и сам помазал нас и даровал Духа в сердца наши, то как не дарует нам благ, обетованных в будущей жизни? Если Он даровал уже начало и основание, корень и источник благ, то есть истинное познание о Нем и причастие Святого Духа, то как же Он не даст тех благ, которые проистекают отсюда? Подлинно, если и настоящие блага, которыми пользуемся, даны ради тех, которых ожидаем еще, то тем более даровавший эти блага дарует и ожидаемые. И если первые блага Он даровал нам тогда, когда мы были еще врагами Его, то тем более дарует нам вторые, когда мы сделались уже любезными Ему. Потому-то (апостол) и не сказал просто – Духа, но прибавил – *обручение,* чтобы этим уверить нас в получении всего обещанного Богом. Действительно, если бы Бог не хотел даровать нам всего, что обещал, то не благоволил бы дать и залога, чтобы не потерять его попусту и напрасно. И смотри, какое благомыслие у Павла! Что еще, говорит он, должно сказать в подтверждение того, что истина обетований зависит не от нас, когда и то самое, что вы твердо и непоколебимо стоите в вере, зависит не от нас, но от Бога? *Извествуяй же* (утверждающий) вас, говорит, *Бог,* – то есть не мы утверждаем вас, потому что и мы сами имеем нужду в утверждающем. Итак, никто не должен думать, что истина проповеди через нас подвергается опасности. Сам (утверждающий нас в вере) все принял на Себя, Сам о всем печется.

5. Что же значит: *помазавый* и запечатлевший? Значит – даровавший Духа, через Которого совершил и то и другое – помазание и запечатление, сделав нас вместе и пророками, и священниками, и царями, потому что в древности были помазываемы получавшие эти достоинства. Но мы ныне имеем не одно которое-нибудь из этих достоинств, но все три, и притом в высшей мере, так как мы и царство надеемся получить, и соделываемся священниками, когда прино-

сим тела наши в жертву Богу, (по наставлению апостола, который) говорит: *представите* члены ваши *жертву живу, благоугодну Богови* (Рим. XII, 1), наконец, мы делаемся и пророками, потому что чего *око не виде и ухо не слыша*, то открыто нам (1 Кор. II, 9). Но царями мы можем быть еще и иначе, именно – если будем обуздывать неуместные помыслы. Что такой (обуздывающий свои помыслы) действительно есть царь, и даже более, чем облеченный только в диадему, это я теперь же покажу вам. Царь имеет много войска, а мы и более того имеем помыслов. В самом деле, невозможно исчислить необъятного множества помыслов наших. Впрочем, можно видеть не только многочисленность наших помыслов, но и то, что в этом множестве их есть и полководцы, и тысячники, и сотники, и стрелки, и пращники. Что еще отличает царя? Одежды. Но и он (обуздывающий свои помыслы) облекается еще в лучшую и драгоценнейшую одежду, которой ни моль не снедает, ни время не истребляет. Он имеет и многовидный славный венец, – венец милосердия Божия, как сказано: *благослови душе моя Господа, венчающего тя милостию и щедротами* (Пс. CII, 1, 4); венец славы – *славою и честию венчал еси Его* (Пс. VIII, 6); венец благоволения Божия – *яко оружием благоволения венчал еси нас* (Пс. V, 13); венец благодатей – *венец бо благодатей приимеши на твоей главе* (Притч. I, 9). Видишь ли, как разнообразно украшена эта диадема, и насколько она великолепнее обыкновенной. Но исследуем тщательнее и глубже принадлежности этих царей. Обыкновенный царь, имея во власти своей копьеносцев, всем им дает повеления, и все они повинуются и служат ему. Но я покажу тебе, что другой царь имеет большую власть. Что касается числа подвластных, то оно у обоих равное или даже у последнего и больше; остается только рассмотреть покорность (тому и другому оказываемую). Не представляй мне здесь в пример (царей) лишившихся царства или умерщвленных собственными их телохранителями. Нет, не таких (царей) выведем на сцену, но с той и другой стороны поищем таких, которые благополучно управляли своими царствами. Итак, представь со своей стороны кого угодно, а я всякому, кого ты представишь, противопоставлю одного патриарха (Авраама).

Подумай, какое множество помыслов должно было восстать в душе его, когда ему повелено было принести в жертву сына? Однако все эти помыслы он покорил, и все они повиновались ему с большим страхом, чем какому-нибудь царю его телохранители. Одним взором он укротил все помыслы, так что ни один из них не осмелился показать ни малейшего знака противоречия, но все преклонились перед ним и покорились ему как царю, хотя по природе они весьма непокорны и даже неукротимы. Не так страшны острия копий, прямо устремленных многочисленными воинами, как страшны были тогда эти помыслы. Естественная любовь отца к сыну – не острее ли самих копий? Потому она могла и уязвлять душу отца гораздо глубже, чем самое изощренное острие копья. Не бывало столь острого копья, как остры были стрелы помыслов, изощряемые в глубине души родительской любовью к сыну и пронзавшие сердце праведника. Там потребны и время, и намерение, и удар, и чувство мучительной боли, а затем уже следует смерть. Здесь же ничего подобного не требовалось; следовательно и раны наносимы были несравненно скорее и глубже. Но несмотря на то, что против него ополчилось тогда такое множество помыслов, в душе его была великая тишина; и все помыслы, предстоя перед ним в стройном чине, более украшали его, нежели устрашали. Итак, посмотри на этого праведника в ту минуту, когда он извлек нож, и противопоставляй ему каких тебе угодно царей – Августов, Кесарей. Ты, верно, не представишь ничего столь высокого и никогда не найдешь образца столь величественного и столь достойного небес. Этот праведный муж восторжествовал тогда над самовластием самым могущественным, потому что нет ничего самовластнее природы. Поэтому хотя бы ты представил тысячи мужей, которые умертвили тиранов, ты не укажешь нам ни одного подобного мужа. Поистине, это была победа, свойственная ангелу, а не человеку. Смотри. Природа повержена долу со всем ее оружием, со всем воинством; а он твердо стоит, простерши руки не с венцом, но с ножом, который блистательнее всякого венца; и сонмы ангелов рукоплещут ему, и сам Бог с небес провозглашает его победителем. Так как он был гражданином неба, то оттуда же он получил и

провозглашение. Итак, что может быть славнее этого? Или, лучше, что могло бы равняться этой награде? Если бы и на олимпийских играх одержавшего победу не глашатай, стоящий внизу, но сам царь, вверху сидящий, встав, провозгласил победителем, то не почел ли бы он такое провозглашение наградой, блистательнейшей самих венцов, и не обратил ли бы на себя внимания всех зрителей? Скажи же теперь, на какой степени славы и величия должно поставить этого святого мужа, которого не земной царь, но сам Бог с неба во всеуслышанье провозглашает победителем — не на олимпийском зрелище, но на зрелище целого мира, перед сонмами ангелов и архангелов? Если угодно, выслушаем и само провозглашение. В чем же состояло это провозглашение? *Аврааме, Аврааме, да не возложиши руки твоея на Исаака, ниже да сотвориши ему что: ныне бо познах, яко боишися ты Бога, и не пощадел еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради* (Быт. XXII, 12). Что же это значит? Ужели Тот, Который знает все вещи прежде бытия их, только теперь узнал (Авраама)? Ведь и человеку даже была очевидна богобоязненность этого мужа: столько показал он примеров своего повиновения Богу, — например, когда Бог сказал ему: *изыди от земли твоея и от рода твоего* (Быт. XII, 1), когда для Бога и из благоговения к Нему предоставил племяннику своему избрать плодоноснейшую страну, когда избавил его от великих и многих опасностей, когда по повелению Божию не усомнился идти в Египет и не огорчился, когда там лишился было жены, и во многих других случаях. По этим примерам, как я сказал, богобоязненность (Авраама) мог знать и человек, не только Бог, Который не имеет нужды выжидать самих дел, чтобы видеть их последствия. Притом как же (Бог) и оправдал его, если не знал его? *Верова,* говорится, *Авраам и вменися ему в правду* (Рим. IV, 3).

6. Итак, что же значит: *ныне познах?* Сирский переводчик передает эти слова так: *ныне ты показал,* то есть людям. Я сам, говорит, давно знал тебя, еще прежде всех Моих тебе повелений. Но почему же и людям (показал только) теперь? Разве прежние примеры недостаточны были показать его богобоязненность? Без сомнения, достаточны. Но этот последний пример, несомненно, настолько превосхо-

дит все прежние, что те в сравнении с ним кажутся ничего не значащими. Итак, *ныне познах* сказано с тем намерением, чтобы превознести этот последний подвиг (Авраама) и поставить его выше всех других. Это обыкновенный образ выражения и у многих людей в случаях особенной важности и превосходящих прежние. Например, если кто получит от другого дар, несравненно больше прежних, то он обыкновенно, говорит: теперь я узнал, что такой-то любит меня, выражая этим не то, чтобы он прежде не знал этого, а желая показать, что настоящий дар более всех (прежде полученных). Так и Бог, беседуя (с Авраамом) человеческим языком, говорит: *ныне познах,* желая показать не что иное, как превосходство настоящего его подвига, а не то, чтобы в это время только узнал его богобоязненность или как велика эта богобоязненность. Так и тогда, когда Он сказал: *приидите, сошедши узрим* (Быт. XVIII, 21), сказал так не потому, чтобы Ему нужно было сходить, – ведь Он все наполняет и все ясно видит, – но для того, чтобы нас вразумить, что Он не без причины что-либо определяет. Также, когда Давид говорит: *Господь с небесе приниче* (Пс. XIII, 2), то этой метафорой, взятой от людей, означает в Боге точное познание. Так и здесь: *ныне познах,* – для того сказал (Бог), чтобы показать, что этот подвиг выше всех прежних; и в подтверждение этого присовокупляет следующие слова; *яко не пощадел еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради.* Не сказал просто – *сына,* но присовокупляет еще – *возлюбленнаго.* В самом деле, (Авраам) с твердостью подвизался здесь не только против природы, но и против той любви к сыну, которая была особенно велика в нем, как в силу собственной добродетели, так и ввиду многих добродетелей сына. Если же отцы неравнодушно переносят смерть и преступных детей, но и их оплакивают, то кто выразит высоту любомудрия этого отца, который решился заклать собственными руками сына, – сына настоящего, единородного, возлюбленного, Исаака? Подлинно, этот подвиг блистательнее целых тысяч диадем и бесчисленных венцов. У того, кто носит обыкновенный венец, может отнять его не только внезапная смерть, но и прежде смерти еще тысячи неблагоприятных обстоятельств; напротив, у того, кто украшен этой необыкновен-

ной диадемой, отнять все и после смерти не может никто – ни свой, ни чужой. Рассмотри же, прошу, и драгоценнейший камень в этой диадеме, – потому что наверху она закрепляется как бы драгоценным камнем. Чем же это? Словом: *Мене ради*. В самом деле, не то удивительно, что не пощадил сына, но то, что – ради Него. О, блаженная десница! Какой чудный нож ты восприяла? О, дивный нож! Какая чудная десница тебя восприяла? О, дивный нож! На какое употребление ты назначен, какое ты совершил служение и сколь чудным образом послужил? Как это – и обагрился ты кровью, и не обагрился? Я не знаю уже, что и сказать: так страшно было это таинство! Нож не коснулся тела отрока, не прошел через гортань этого святого, не обагрился кровью праведника; а если справедливее сказать, то и коснулся, и прошел, и обагрился кровью, и потоплен был в ней, и не был потоплен. Может быть, вам кажется, что я противоречу сам себе, как потерявший рассудок. И действительно, рассудок мой теряется при размышлении о чуде, случившемся с этим праведником; однако я нисколько не противоречу себе. Действительно, рука этого праведника вонзила уже нож в гортань сына, но рука Божия и вонзенному ножу не допустила обагриться кровью. Не Авраам только держал нож, но и Бог. И тогда как Авраам наносит удар решением воли, Бог останавливает его Своим гласом. Один и тот же глас и вооружил десницу праведника, и удержал ее, и рука, управляемая Богом, как бы вождем, все делала по Его мановению и во всех движениях повиновалась Его гласу. Смотри, в самом деле: Бог сказал: заколи, – и она тотчас вооружилась; сказал: не заколай, – и она тотчас отлагает оружие. Так искусно устроено было все. Таким образом, Бог показал в нем всему миру – вождя и воина, сонмам ангелов – венценосного священника, царя, увенчанного диадемой, или, лучше сказать, – ножом, с победным знамением в руке, героя, победителя без сражения. Подобно тому, как какой-нибудь военачальник, выставив вперед искусного и мужественного воина, одним вращением оружия, одним видом и быстротой движения его часто приводит в страх врага своего, так и Бог одним только произволением, одним только видом и положением праведника поразил и обратил в бегство всеоб-

щего нашего врага диавола, который, я думаю, тогда бежал в страхе и ужасе. Но, скажет что-нибудь, почему же Бог не попустил деснице праведника обагриться кровью (сына), чтобы тотчас воскресить закланного? Потому что Богу несвойственно принимать такие кровавые жертвы: они служат трапезой только для проклятых демонов. Здесь же (в жертвоприношении Авраамовом) открылись вместе – и человеколюбие Владыки, и верность раба. Прежде (Авраам) вышел только из земли своей; а теперь отказался даже от своей природы. Потому-то и получил сверх сына еще и другое несравненно большее, – и весьма справедливо. В самом деле, он решился не называться отцом, лишь бы перед Богом явиться верным рабом, и за это не только остался отцом, но сделался еще и священником. И так как он отказался от своего для Бога, за это и Бог, возвратив что было его, даровал ему и Свое. Притом, когда враги строят козни праведникам, Бог попускает дойти искушениям до самого дела и тогда творит чудеса, – так было, например, в печи вавилонской и во рве львином, – когда же Сам повелевает им что-либо, то повеление Его останавливается на готовности их исполнить его.

7. Скажи же теперь, чего еще недоставало к этой доблести? В самом деле, разве Авраам предвидел, что будет? Разве мог предугадывать человеколюбие Божие? Правда, он был пророк, но и пророк не все знает. Иначе заклание (Исаака) было бы излишне и недостойно Бога. Если же ему нужно было узнать, что Бог силен воскресить и из мертвых, то это он гораздо убедительнее узнал в разрешении неплодия Сарры или даже еще прежде этого примера, потому что веровал. Ты же должен не удивляться только этому праведнику, но и соревновать ему. Видя, как он во время такого великого возмущения и обуревания волн плывет как бы при ясной и тихой погоде, и ты, подобно ему, возьми в руки кормило послушания и мужества. Не о том только рассуждай, что он устроил жертвенник и приготовил дрова, но вспомни и то, что говорил ему сын его, и размысли, сколько страшных полчищ устремилось на него, когда он, отец, услышал от сына слова: *где овча* (Быт. XXII, 7)? Подумай, сколько тогда восстало на него помыслов, вооруженных не

железом, но огненными копьями, которые поражали и пронзали сердце его со всех сторон? Если и теперь многие, даже не будучи отцами, сокрушаются об этом и проливают слезы, не зная, чем кончилось это дело; многие же, и зная это, плачут, как я вижу, – то какие страдания должен был вытерпеть тот, который родил, воспитал и, будучи уже в старости, имел только одного этого сына, которого теперь видит перед собой, слышит эти слова и готовится тотчас умертвить? С другой стороны, какое благоразумие в словах (сына)! С какой кротостью он выслушивает ответ (отца)! И кто же тут действовал? Ужели диавол, чтобы еще более разжечь сердце (Авраама)? Нет, – тут действовал Бог, чтобы еще более испытать и очистить златую душу этого праведника. Когда говорила жена Иова, тогда действовал диавол, потому что таков был совет (Иов. II, 9). Но Исаак не произнес ни одного богохульного слова; напротив, все говорил весьма благочестиво и благоразумно. Необыкновенно трогательны были слова его и, как мед сладкие, истекали из его спокойной и кроткой души. Каменное сердце могли смягчить такие слова; но они нисколько не тронули и не поколебали того адаманта (Авраама). Он не сказал: для чего ты называешь отцом того, кто немного спустя не будет твоим отцом; того, кто лишился уже этой чести? Но для чего сын спрашивает (отца)? Конечно, не просто из любопытства и не по излишней любознательности, но потому, что и он заботился об исполнении предпринятого (жертвоприношения). Он так рассуждал с собой: если бы отец не хотел сделать меня участником (жертвоприношения), то не оставил бы рабов при подошве горы, а меня не взял бы одного (на гору). Вот почему он и спрашивает отца тогда, когда они были одни и никто не мог слышать их разговора. Вот как благоразумен был этот сын! Мужи и жены, не воспламеняется ли сердце у всех вас? Не каждый ли из вас мысленно готов обнять и облобызать этого отрока? Кто из вас не дивится его благоразумию и не изумляется той благоговейной покорности его, по которой он и в то время, как (отец) связывал его и возлагал на дрова, не испугался, не вскочил, не стал обличать отца, как бы сумасшедшего; напротив, позволил ему связать себя, вести и возложить на дрова, и все это перенес молча,

как какой-нибудь агнец или – лучше – как общий всех Владыка? И действительно, Исаак подражал Ему в послушании и кротости, и был образом Его: *яко овча на заколение ведеся и, яко агнец пред стригущим его, безгласен* (Ис. LIII, 7). Правда, отрок этот говорил; но говорил также и Владыка его. Как же он был безгласен? То есть ничего не говорил дерзко и грубо, но все так скромно и уступчиво, что слова его более, чем молчание, обнаруживали покорность и кротость его. Точно так же и Христос, хотя ударившему Его в ланиту и сказал: *аще зле глаголах, свидетельствуй о зле; аще ли добре, что Мя биеши* (Ин. XVIII, 23)? – но этими словами еще более обнаружил Свою кротость, чем если бы промолчал. И как Исаак произносил имя отца у жертвенника, так и Христос с креста взывал, говоря: *Отче, отпусти им: не ведят бо что творят* (Лк. XXIII, 34). Что же патриарх? *Бог узрит Себе овча во всесожжение, чадо* (Быт. XXII, 8). Оба они произносят естественные имена – один отца, другой – сына. Жестокая война и сильная буря поднимается с обеих сторон, а кораблекрушения нет ни на которой из них. И это потому, что всем управляет любомудрие. Потом, лишь только услышал Исаак имя Бога, ни слова уже не говорил более, чтобы не любопытствовать напрасно. Так благоразумен был этот отрок в самом цвете возраста! Итак, видишь, сколько воинств и в скольких сражениях победил этот царь? Подлинно, варвары, часто нападавшие на Иерусалим, не были так страшны для этого города, как (для Авраама) помыслы, отовсюду на него восстававшие. И, однако, он восторжествовал над всеми ими. Желаешь ли видеть в нем и священника? Доказательство недалеко. В самом деле, когда ты видишь его с огнем и ножом в руках стоящим у жертвенника, – почему после этого будешь сомневаться в его священстве? Если хочешь видеть и жертву, им принесенную, можешь видеть, – даже сугубую. Он принес сына, принес и овна, а прежде всего свою волю. Кровью овна он освятил свою десницу, а заклананием сына свою душу. Таким образом, он рукоположен во священника кровью единородного и принесением в жертву агнца, подобно тому, как и (подзаконные) священники освящаемы были кровью (жертв) приносимых Богу. Желаешь ли, наконец, видеть (в Аврааме) и пророка? *Авраам отец ваш рад бы*

был, дабы видел день Мой: и виде, и возрадовася, говорит (Христос) (Ин. VIII, 56). Так точно и ты в купели крещения содеваешься царем, и священником, и пророком: царем, повергнув долу все злые дела и умертвив греховные пожелания; священником через посвящение себя Богу, через принесение тела своего в жертву Ему и через духовное заклание самого себя, (по словам апостола, который) говорит: *аще с Ним умрохом, то с Ним и оживем* (2 Тим. II, 11); наконец, содеваешься и пророком, — так как познаешь будущее, делаешься богодухновенным и запечатленным. Подобно тому, как воины запечатлеваются печатью, так и верующие — Духом Святым, чтобы всякому ты был заметен, если выйдешь из строя. Иудеи имели печатью обрезание, а мы *обручение Духа.* Итак, узнав это и размыслив о высоком достоинстве, полученном нами в крещении, покажем в себе жизнь достойную этой благодати, чтобы получить нам и будущее царство, которого все мы да сподобимся, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

Аз же свидетеля Бога призываю на мою душу, яко щадя вас ктому не приидох в Коринф (2 Кор. I, 23)

1. Что ты говоришь, блаженный Павел? Щадя их, не пришел ты в Коринф? Нам кажется, что, говоря так, ты противоречишь самому себе. Выше ты сказал, что не пришел потому, что ничего не предпринимаешь по плоти, не имеешь власти над собой, но идешь туда, куда велит тебе Святой Дух. Притом, как на препятствия к этому, указывал ты и на скорби свои. А теперь говоришь, как будто не прийти зависело от тебя, а не от власти Духа. *Щадя вас,* говоришь, *ктому не приидох в Коринф.* Что же должно сказать на это? Или то, что и это самое случилось по воле Духа, который тогда, как (апостол) хотел идти, внушил ему отложить это путешествие, представляя необходимость щадить их; или он говорит о другом путешествии, и этим дает им знать, что он хотел идти к ним еще прежде, нежели написал первое

послание, но удержался от этого по любви к ним, чтобы не застать их неисправившимися. Впрочем, вероятно и то, что (апостол) по той же причине после и сам решился остаться на месте, когда писал второе послание, хотя Дух уже и не удерживал его идти. И такое предположение гораздо вероятнее, то есть что вначале его удерживал Дух, а после и сам он остался, рассудив, что так будет лучше. А ты смотри, как (апостол) опять упоминает о себе, — чего замечать я не перестану, — извлекая для себя защиту из самих нареканий, какие бы могли ему сделать. Коринфяне могли возыметь подозрение и сказать ему: ты возненавидел нас, потому и не хотел к нам прийти. (Предупреждая такое подозрение, апостол) представляет противную причину, почему не пришел, именно ту, что любил их. Что же значит: *щадя вас?* Я слышал, говорит, что некоторые из вас блудодействовали; потому и не хотел прийти к вам, чтобы не опечалить вас. Находясь у вас, я бы был поставлен в необходимость сам разбирать и исследовать это дело и многих наказать. Итак, я почел за лучшее не быть у вас, чтобы дать вам время раскаяться, нежели, придя к вам, наказывать вас и самому понести от вас еще большую скорбь. Эту мысль он ясно изложил под конец послания, когда сказал: *боюся, еда како пришедша мя смирит Бог мой у вас, и восплачуся многих прежде согрешших, и не покаявшихся о нечистоте и блуждении, яко содеяша* (XII, 21). То же разумеет он и здесь, и хотя говорит это как бы в оправдание себя, но вместе с тем сильнейшим образом обличает и устрашает их самих. (Самим оправданием себя перед ними) он дает им разуметь, что они подлежат еще наказанию и могут что-нибудь потерпеть, если не поспешат исправиться. И это опять он высказывает в конце послания, говоря, *аще прииду паки, не пощажду* (XIII, 2). Различие только в том, что в конце послания говорит об этом прямо, а здесь — как еще в начале послания — не так открыто и с некоторым снисхождением, и даже мало того, далее смягчает и поправляет и этот образ выражения. В самом деле, так как (апостол) сказал, как прилично говорить только имеющему великую власть, — а щадить других может только тот, кто властен их и наказывать, — то, чтобы смягчить и несколько прикрыть то, что могло казаться резким, он говорит далее: *не яко обла-*

даем верою вашею (ст. 24), – то есть когда я сказал, что, щадя вас, не пришел, то сказал так не потому, чтобы хотел властвовать над вами. Не сказал даже – над вами, но – над *верою,* – что и гораздо благосклоннее, и согласнее с истиной. Ведь не желающего верить кто властен принудить к вере? *Но споспешницы есмы вашей радости.* Так как ваша радость, говорит, есть вместе и наша, то я не пришел к вам, чтобы не ввергнуть вас в уныние и тем не увеличить своей печали; и остался для того, чтобы дать вам случай радоваться своему исправлению только от (заочной моей) угрозы. Мы все делаем для вашей радости и только о ней и заботимся, потому что и мы сами имеем общение в ней. *Верою бо стоите.* Смотри, с какой опять осторожностью говорит он. Он опасается снова упрекать их, потому что достаточно сильно уже обличил их в первом послании, и они после того показали уже некоторую перемену (в жизни). Если бы и после этой перемены они услышали те же упреки, какие и прежде, то это могло бы погубить их. Вот почему настоящее послание и написано с большей легкостью, чем первое. *Судих же в себе, не паки скорбию к вам приити* (II, 1). Слово – *паки* показывает, что (апостол) уже огорчен был (коринфянами), и, по-видимому, защищаясь перед ними, он незаметно упрекает их же самих. Представь же, как велика должна была быть скорбь (апостола), если уже раз огорчили его и опять готовы были огорчить. Но он не говорит им прямо: вы огорчили меня, а дает понять им это другими словами, именно говоря: я не пришел к вам для того, чтобы не огорчить вас. Это равносильно тому, что я сказал, между тем было удобоприемлемее и удобовыносимее. *Аще бо аз скорбь творю вам, то кто есть веселяй мя, точию приемляй скорбь от мене* (ст. 2)? Какая тут последовательность? Очень большая. В самом деле, смотри. Не хотел, говорит, прийти к вам, чтобы не огорчить вас новыми упреками, негодованием и отвращением. Далее, так как и это было очень резко и уличало (коринфян), будто они образом своей жизни огорчают Павла, то он, желая смягчить сказанное, говорит: *аще бо аз скорбь творю вам, то кто есть веселяй мя, точию приемляй скорбь от мене?* Смысл же слов его такой: если мне довелось испытать и огорчения, когда я принужден был упрекать вас и видеть

вашу скорбь от того, то и это самое доставило мне радость. Это именно было признаком величайшей ко мне любви вашей, когда я так много значил для вас, что и одно негодование мое могло уязвлять вас.

2. И заметь мудрость (апостола). Ученики обыкновенно досадуют и скорбят, когда их упрекают, а он представляет эти упреки как благодать какую для них. Никто, говорит он, так не радует меня, как тот, кто уязвляется от слов моих и скорбит, видя меня огорченным. Правда, следовало бы сказать так: если я опечаливаю вас, то кто же может обрадовать вас? Но он не говорит этого, а, желая исправить их, говорит обратное: хотя я и заставляю вас скорбеть, но вы, уязвляясь скорбью от моих слов, доставляете мне великую радость. *И писах вам сие истое* (ст. 3). Что же такое? То, что я не пришел, именно щадя вас. Когда же (апостол) писал об этом? Разве в первом послании, когда говорил: *не хощу вас ныне в мимохождении видети* (XVI, 7)? Нет, а я думаю, что в том же послании, когда сказал: *да не паки пришедша мя смирит Бог мой у вас.* Итак, *писах вам,* говорит, *сие истое,* в конце послания, *да не паки пришедша мя смирит Бог мой, и восплачуся многих прежде согрешших* (XII, 21). Для чего же ты писал? *Да не пришед скорбь приииму, о нихже подобаше ми радоватися, надеяся на вся вы, яко моя радость всех вас есть* (II, 3). Так как (апостол) сказал: я радуюсь, когда вы скорбите, а эти слова могли еще показаться слишком тяжкими и жестокими, то он опять выразил то же самое иначе и последующими словами сделал сноснее сказанное. Я для того, говорит, прежде написал вам, чтобы, к прискорбию моему, не найти вас не исправившимися. И когда я сказал: *да не скорбь прииму,* то сказал так, имея в виду не свою, но вашу пользу. Я уверен, что вы радуетесь, если видите меня радующимся; и сами исполнитесь печали, когда увидите меня печальным. Смотри теперь, какую тесную связь имеет все сказанное. Теперь для нас будут понятны слова его. Для того, говорит, не пришел я, чтобы не опечалить вас, если найду еще не исправившимися. Поступил же так, имея в виду не свою, но вашу пользу. От вашего огорчения я получаю немалое удовольствие, когда вижу, что вы так обо мне заботитесь, что и сами скорбите и печалитесь, когда видите меня скорбящим: *кто бо есть веселяяй мя,*

точию приемляй скорбь от мене? Однако, несмотря и на такое расположение моего духа, я, поскольку ищу вашей пользы, *писах вам сие истое, да не скорбь прииму,* и в этом случае опять ища не своей, но вашей пользы. Я ведь знаю, что вы и сами будете скорбеть, увидев меня скорбящим; равно как, наоборот, возрадуетесь, когда увидите меня радующимся. Смотри же, какое здесь благоразумие. Прежде он сказал: я не пришел, чтобы не огорчить вас, хотя, говорит, я и радуюсь. Потом, чтобы не подумали, что он радуется только их огорчению, говорит: потому я радуюсь, что еще имею место в сердцах ваших. Иначе я бы сугубую понес скорбь, – и от того, что был бы принужден огорчить упреками вас, которые столько любите меня, и от того, что сам бы скорбел, чем увеличил бы еще более и вашу скорбь. Смотри же теперь, как с похвалой сказал и эти слова: *о нихже подобаше ми радоватися.* Они свидетельствуют об искренности его и великой любви к ним. Так мог бы сказать какой-нибудь отец к детям, для которых он делал много добра и много потрудился. Итак, говорит, если я только пишу и не иду к вам сам, то не иду потому, что устрояю что-нибудь лучшее о вас, а не по ненависти к вам, не потому, чтобы отвращался вас, но потому, что очень люблю вас. Далее, чтобы ввиду слов, что кто скорбит, тот радует его, не сказали ему: так ты заботишься только о том, чтобы тебе самому радоваться и показать всем, какую великую ты имеешь у нас силу? – он присовокупил следующее: *от печали бо многия и туги сердца написах вам многими слезами не яко да оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имею изобильно к вам* (ст. 4).

Что может быть любвеобильнее этой души? Этими словами (апостол) показывает, что он скорбел о согрешивших не только не менее, напротив, даже гораздо более, чем скорбели сами согрешившие. Он не просто говорит – от печали, но – *от многия;* не слезами только, но – *многими слезами,* и *от туги сердца,* то есть я был угнетаем и подавляем печалью, и, будучи не в состоянии вынести этого облака печали, я решился писать к вам, – не для того, впрочем, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, говорит, какую я в избытке имею к вам. Надлежало бы сказать так: не для того, чтобы оскорбить вас, но чтобы исправить, потому что для

этого (апостол) и писал; но он не говорит так, а, желая сделать речь более приятной и крепче привязать их к себе, он, вместо напоминания об исправлении, уверяет их в любви своей, по которой все делает. И не просто говорит: имею к вам любовь, но: *юже имам изобильно к вам*. Желает и этим привлечь их к себе, показав, что он более всех любит их и расположен к ним, как к избранным ученикам. Потому-то он и прежде говорил: *аще иным и несмь апостол, но обаче вам есмь* (1 Кор. IX, 2); и в другом месте: *аще бо и многи пестуны имате, но не многи отцы* (1 Кор. IV, 15); или еще: *благодатию Божиею жихом в мире, множае же у вас* (2 Кор. I, 12); и ниже (в конце настоящего послания) пишет: *и излишне вас любя, меньше любим есмь* (XII, 15); наконец и здесь говорит: *юже имам изобильно к вам.*

3. Таким образом, хотя слова (апостола) и полны были гнева, но этот гнев происходил от великой любви и скорби. И пиша послание, говорит, я страдал и скорбел не о том только, что вы согрешили, но и о том, что я поставлен был в необходимость огорчить вас, и все это от любви, — подобно отцу, который, будучи поставлен в необходимость отсекать или прижигать гнилые члены у любимого сына, вдвойне страдает, — и от того, что сын болеет, и от необходимости самому отсекать. Таким образом, что вы почитаете признаком недоброжелательства к вам, служит признаком величайшей к вам любви. Если же огорчить вас меня побуждала любовь, то тем более радоваться — ваша скорбь. Итак, защитив себя (он и часто так защищается и не стыдится этого, потому что если и Бог это делает, говоря например: *людие Мои, что сотворих вам* — (Мих. VI, 3), — то тем более мог делать это Павел), — итак, защитив себя самого, (апостол) переходит теперь к защите впадшего в блудодеяние. Так как (апостол) сам же прежде изъявил гнев на него, а теперь требует простить его, то, чтобы не перетолковали в худую сторону его повеления, как противоречащего первому, и не стали упорствовать, — смотри, каким образом предуготовил их к этому как вышесказанным, так и нижеследующим. Что именно он говорит далее? *Аще ли кто оскорбил, не мене оскорби* (ст. 5). Сначала похвалив их за то, что они имеют с ним одни радости и одни скорби, и сказав наперед: *яко моя радость всех*

вас есть (ст. 3), (апостол) начинает после этого уже речь о кровосмеснике. Если, говорит, радость моя есть вместе и ваша радость, то вы должны и теперь вместе со мной радоваться, точно так же, как и тогда вместе со мной скорбели. Как тогда своей скорбью вы доставили мне удовольствие и радость, так и теперь сделаете то же вашей радостью, если только примете участие в моей радости. (Апостол) не сказал: моя скорбь есть скорбь и для всех вас, но он высказал то же в других местах другими словами, а здесь упомянул только о том, что было нужно, именно о радости, сказав, что *радость моя всех вас есть*. Вслед за этим он напоминает и прежде сказанное им, говоря: *аще ли кто оскорбил, не мене оскорби, но от части, да не отягчу всех вас*. Знаю, говорит, что и вы со мной огорчились и вознегодовали на впадшего в блудодеяние, и что случай этот отчасти огорчил всех вас. Впрочем, *от части* сказал я не потому, чтобы ваше огорчение было меньше моего, но чтобы не отягчить впавшего в блудодеяние. Итак, не меня только огорчил он, но и вас в равной мере, и я только по снисхождению к нему сказал – *от части*. Видишь, как скоро (апостол) смягчил гнев их, сказав, что и они были общниками в его скорби? *Довольно бы таковому запрещение сие, еже от многих* (ст. 6). Не говорит: впадшему в блудодеяние, но опять, как и в первом послании: *таковому*, хотя и по другой уже причине; тогда говорил так по отвращению от соделанного греха, а здесь по снисхождению к согрешившему. Здесь он совсем не упоминает о содеянном грехе, потому что время уже было защищать виновного. *Темже сопротивное паче вы да даруете и утешите, да не како многою скорбию пожерт будет таковый* (ст. 7). (Апостол) повелевает здесь не только разрешить положенное наказание, но и возводит виновного в прежнее его состояние, потому что если кто, наказав виновного, просто отпускает его, без всякого утешения, то не делает ему никакой пользы. Но смотри опять, как (апостол) удерживает и виновного, чтобы он, получив прощение, не сделался хуже. Он показывает ему, что хотя он и исповедал свой грех и раскаялся в нем, однако получает прощение не столько за раскаяние, сколько по милости и снисхождению, – почему и говорит: *да даруете и утешите*. Это же видно и из дальнейших слов. Не потому, говорит,

разрешаю простить виновного, что он достоин этого, или что он показал достаточное раскаяние; но потому, что он слаб, — почему и присовокупил: *да не како многою скорбию пожерт будет таковый*. Говоря так, (апостол) свидетельствует и о великом раскаянии виновного и не допускает его дойти до отчаяния. Что же значит: *пожерт будет?* Или то, что он поступит так же, как Иуда, или — что, оставшись жить, сделается еще хуже. Хотя, говорит, он и не таков, чтобы не мог более переносить скорби продолженного наказания, но, потеряв терпение и надежду, легко может посягнуть на свою жизнь или предаться в конце концов большему нечестию. Поэтому нам нужно быть осмотрительными, чтобы рана не сделалась более тяжкой и чтобы неумеренностью (в наказании) не погубить того, что уже сделали доброго.

Говоря так, (апостол), как я и прежде заметил, хотел и обуздать и вразумить (виновного), чтобы он, получив прощение, не сделался еще нерадивее. Я принял его, говорит, (в прежнее мое расположение), не потому, чтобы он совершенно очистился от скверны, но боясь, чтобы он не сделал чего-нибудь хуже. Отсюда мы научаемся, что меру покаяния надобно назначать не только по свойству грехов, но и сообразуясь с расположением и состоянием самих грешников. Так и тогда поступил апостол, так как и его устрашила слабость грешника. Потому он и сказал: *да не пожерт будет* — как бы зверем каким-нибудь, или волнами, или бурей. *Тем же молю вы* (ст. 8). Не повелевает уже, но просит, — не как учитель, но как равный, и, предоставив им восседать на судейском седалище, сам стал на месте защитника. Так как он достиг уже, чего хотел, то от радости не знал меры своему смирению. О чем же ты просишь, скажи мне? *Утвердите к нему любовь*, — то есть с крепкой любовью, а не просто и как случилось примите его. Говоря это, (апостол) опять усвояет им величайшую добродетель. Те самые, которые прежде так любили согрешившего и так защищали его, что даже гордились этим, до такой степени отвратились от него, что Павлу стоило великого труда заставить их принять его с крепкой любовью. Вот похвальное качество в учениках, вот совершенство в учителе — когда ученики так послушны, а учитель образует таких (послушных учеников). Если бы и

ныне так было, то согрешающие не были бы так нечувствительны к своим грехам. И никого не должно ни безрассудно любить, ни отвращаться без причины. *На сие бо и писах* вам, *да разумею искусство ваше, аще во всем послушливы есте* (ст. 9), то есть не только в отсечении согрешившего, но и в присоединении его. Видишь, как и здесь опять (апостол) поставляет их в необходимость решиться на этот подвиг? Как тогда, когда (виновный) согрешил, (апостол) представил им, какая опасность грозит им, если они не отсекут его, сказав, что *мал квас все смешение квасит* (1 Кор. V, 6), и многое другое, так точно и здесь опять представил им всю опасность непослушания. Подобно тому, как прежде, – как бы так говорил, – я должен был заботиться не о нем только, но и о вас, так и теперь не столько забочусь о нем, сколько о вас, чтобы кто не почел вас за людей упорных, бесчеловечных и не во всем послушных. Поэтому и говорит: *на сие бо и писах* вам, *да разумею искусство ваше, аще во всем послушливы есте.* То (удаление виновного из общества) могло показаться и делом ненависти и жестокости, а это (принятие его в любовь) особенно докажет искренность послушания, а вместе и готовность к делам человеколюбия.

В том и заключается признак добрых учеников, что они повинуются своему учителю не только в первом (его требовании), но и тогда, когда он повелевает и обратное (этому требованию). Потому-то (апостол) и сказал: *во всем,* желая показать, что коринфяне в случае непослушания постыдят не столько его, сколько себя, заслужив славу непокорных. Делает же это он для того, чтобы и этим побудить их к послушанию, почему и говорит: *на сие бо и писах вам.* Хотя он и не для того писал, так как главная цель его была спасение согрешившего, однако говорит: для сего, – чтобы тем более расположить их в пользу виновного. Впрочем, этим он и себе не вредит в достижении главной цели, и коринфянам делает приятное. Словами же – *во всем* он напоминает им о первом их послушании, и выставляет его здесь на вид, с намерением похвалить их. *Ему же аще что даруете, и аз* (ст. 10). Видишь, как опять унижает себя перед ними, поставляя их на первом месте, а себя на втором; и все это для того, чтобы смягчить ожесточенные души и преклонить грубые

сердца. Затем, чтобы не подать повода думать, что все дело предоставлено их власти, и чтобы они не стали упорствовать в прощении (виновного), опять побуждает их к этому, говоря, что и сам он даровал ему прощение. *Ибо и аз, аще что даровах, еже даровах, вас ради.* И это самое, говорит, сделал я для вас. И в первый раз, когда повелевал отсечь виновного, он не дал им власти простить его, сказав: *уже судих предати таковаго сатане,* а потом допустил и их к участию в этом приговоре, когда сказал: *собравшимся вам предати таковаго* (1 Кор. V, 3–5). Он поступил так, имея в виду две важные вещи: чтобы и приговор произнести, и не без согласия коринфян, чтобы, не огорчить их. И таким образом, ни сам один не произнес приговора, чтобы коринфяне не подумали о нем, как о человеке гордом и презирающем их, ни им не присвоил всей власти, чтобы они, сделавшись полновластными судьями, преждевременно не даровали прощения виновному и через то не погубили его. Точно так же поступает он и здесь, когда говорит: я даровал уже прощение, – я, который в первом послании осудил его. Потом, чтобы коринфяне не оскорбились, как бы пренебреженные (апостолом), он говорит: *вас ради.* Что же это? Ужели он простил согрешившего для людей? Нет, – почему и присовокупил: *о лице Христове.* Что же значит: о *лице Христове?* Или – по воле Божией, или – во славу Христа. *Да не обидими будем от сатаны: не неразумеваем бо умышлений его* (ст. 11). Видишь, как он то присвояет (коринфянам) власть суда, чтобы смягчить их, то снова отнимает ее, чтобы истребить в них всякую гордость. Впрочем, не этого только хочет он достигнуть своими словами; он хочет еще и показать, что в случае их непослушания вред будет общий для всех. Так поступил он и вначале. Как тогда он говорил: *мал квас все смешение квасит* (1 Кор. V, 6), так и теперь говорит: *да не обидими будем от сатаны;* и везде усвояет прощение согрешившего как себе, так и им (коринфянам).

5. Пересмотри же снова (все, что он говорил): *аще же кто оскорбил,* говорит, *не мене оскорби, но от части, да не отягчу всех вас;* затем далее: *довольно таковому запрещение сие, еже от многих.* Таков его приговор и определение. Впрочем, на этом приговоре он не остановился, но призывает опять к

участию в нем и коринфян, говоря: *темже сопротивное паче вы да даруете и утешите. Темже молю вы, утвердите к нему любовь.* Но, предав виновного в их руки, опять переходит к утверждению своей власти, говоря: *на сие бо и писах вам, да разумею искусство ваше, аще во всем послушливи есте.* Затем опять приписывает прощение согрешившего коринфянам, говоря: *ему же аще что даруете;* а потом себе: *и аз,* говорит, *аще что даровах;* наконец, им и себе вместе: *ибо и аз,* говорит, *аще что даровах, вас ради, о лице Христове,* – то есть или во славу Христа, или потому, что сам Христос повелел (простить согрешившего). Эти последние слова особенно убедительны были для коринфян, так как они боялись уже отказать в прощении, которое служило к славе (Иисуса Христа) и было Ему угодно. Вслед за тем опять поставляет на вид коринфянам общий для всех вред в случае их непослушания, говоря: *да не обидими будем от сатаны.* Здесь он очень кстати употребил слово хищение, так как диавол берет уже не свое, а похищает наше. Не говори мне того, что один только согрешивший мог бы сделаться добычей этого зверя, но представляй и то, что угрожает опасность всему стаду уменьшением числа его, и особенно теперь, когда можно возвратить то, что потеряно. *Не неразумеваем бо умышлений его,* то есть что (сатана) и путем благочестия может привести к погибели. Он может погубить не только тем, что доводит до блудодеяния, но и противоположным способом может ввергнуть в погибель, именно безмерной печалью во время покаяния. Таким образом, если (сатана) вместе со своей собственностью захватывает и нашу, когда и того, кого доводит до греха, погубляет, и того, кому мы повелеваем спасительное покаяние, у нас похищает, то как же назвать это, если не хищением? Для него недостаточно, что он низлагает нас через грех; он и через покаяние делает то же, если мы не бываем осторожны. Вот почему (апостол) весьма справедливо и назвал хищением тот случай, когда (сатана) побеждает нас нашим же оружием. Ему свойственно овладевать нами через грех, а не через покаяние, потому что последнее есть наше оружие, а не его. Итак, если (сатана) и через покаяние может овладевать нами, то рассуди сам, как постыдно для нас это поражение, как он будет насмехаться и издеваться над нами, как над

бессильными и немощными, если победит нас нашим же оружием? И подлинно, в высшей степени смешно и крайне постыдно, если он нашими же лекарствами причиняет нам раны. Потому-то (апостол) и сказал: *не неразумеваем бо умышлений его,* то есть насколько лукав, коварен, злокознен и исполнен он злобы, и какой вред причиняет нам даже под видом благочестия. Итак, помышляя об этом, не будем никогда ни презирать никого (из согрешающих), ни сами, согрешая, предаваться отчаянию, равно как и оставаться в беспечности; напротив, будем сердечно сокрушаться о своих беззакониях, не на словах только раскаиваясь в них. В самом деле, я знаю многих, которые хотя говорят, что они оплакивают свои грехи, ничего, однако, важного не делают. Правда, они постятся и носят грубые одежды, но в то же время имеют жадность к деньгам гораздо большую, чем торгаши, предаются более сильному гневу, чем звери, и находят удовольствия в злословии более, чем другие в похвале. Это не составляет покаяния; это только призрак и тень покаяния, а не само покаяние. Потому-то и этим (грешникам) прилично сказать: смотрите, *да не обидими будем от сатаны: не неразумеваем бо умышлений его.* Одних он губит через грехи, других через покаяние, и этих еще и другим образом — когда не дает им воспользоваться плодами покаяния. Когда сатана не находит случая прямо погубить кого-нибудь, он подходит к нему другим путем, побуждая человека усугубить труды, но не давая ему воспользоваться плодами трудов своих и стараясь уверить его, что он все необходимое уже сделал и потому может не заботиться ни о чем другом. Итак, чтобы нам не изнурять себя напрасно трудами, побеседуем немного с теми женами, с которыми так бывает, потому что женщины преимущественно подвержены этому недугу. Прекрасно, конечно, и то, что и ныне вы делаете, то есть пост, лежание на земле и посыпание пеплом главы. Но все эти дела не принесут никакой пользы, если к ним не присоединятся другие. Бог показал, как Он прощает грехи. Для чего же вы, оставив указанный путь, пролагаете себе другой? Согрешили некогда ниневитяне и сделали то же, что и вы теперь делаете. Но посмотрим, что послужило к их спасению. Как для излечения больных врачи хотя употребляют многие средства,

но благоразумный смотрит не на то, что принимал больной, а на то, что послужило к его исцелению, так точно и здесь надобно смотреть. Итак, что же спасло тех ниневитян? На язвы свои они возложили пост, и строгий пост, лежание на земле, одежды из вретища, пепел и слезы и вместе с этим переменили и образ жизни.

6. Посмотрим же, какое из перечисленных лекарств уврачевало их. Но как мы узнаем это, скажет кто? Узнаем, если придем ко Врачу или спросим Его самого. Он не утаит от нас; напротив, со всей готовностью откроет это. Он даже в книге записал это лекарство, исцелившее их, чтобы всякий знал его и не имел нужды спрашивать о нем. Что же это за лекарство? *Виде Бог,* говорит (пророк), *яко обратишася от путей своих лукавых: и раскаяся о зле, еже глаголаше сотворити им* (Ин. III, 10). Не сказал: видел пост, вретища и пепел. Я говорю это не с тем, чтобы отвергать пост, — нет, — а для того, чтобы убедить вас делать то, что лучше поста, — воздерживаться от всякого зла. Согрешил и Давид: посмотрим же, как и он каялся. Три дня он сидел во прахе. Однако он сделал это не для заглаждения греха своего, но молясь о (больном) детище, не истрезвившись еще от упоения страстью. Грех же свой очистил он иначе, именно самоуничижением, сокрушением сердечным, скорбью душевной, строгим воздержанием от подобных грехов, непрестанным памятованием сделанного греха, благодушным перенесением всех постигших его скорбей, пощадой своих оскорбителей, наконец тем, что не только сам не мстил врагам, поносившим его, но не позволял мстить и другим за него, когда они хотели того. Так, когда Семей осыпал его бесчисленными проклятиями, и когда военачальник, находившийся (при Давиде), вознегодовал на это, тогда он сказал: *оставите его проклинати мя, яко Господь повеле ему* (2 Цар. XVI, 10). Он имел сокрушенное и смиренное сердце, и это-то особенно и очищало грехи его, потому что в этом и состоит исповедание, это и есть покаяние. Напротив, если, постясь, мы остаемся высокомерными, то не только не получим никакой пользы, но еще потерпим и вред. Итак, смири сердце твое и ты, чтобы умилостивить Бога: *близ Господь сокрушенным сердцем* (Пс. XXXIII, 19). Видишь, как жившие в светлых чертогах

переносили бесчестье, как они, поносимые и от последних из рабов своих, не прекословили, но терпели поношения за бесчестье, которым покрыл их грех. Так поступай и ты. Если поносит тебя кто, – не ожесточайся, но плачь и стенай, не о том, что тебя поносят, но о грехе, который подверг тебя такому бесчестью. Плачь и стенай, когда согрешишь, не о том, что будешь наказан, так как это ничего не значит, но о том, что ты оскорбил своего Владыку, который столь кроток, столько тебя любит, столько заботится о твоем спасении, что и Сына предал за тебя. Вот о чем плач и стенай и делай это непрестанно, потому что в этом и состоит исповедание. Не будь ныне весел, завтра печален, потом опять весел, а всегда пребывай в плаче и сокрушении. *Блажени,* говорит (Господь), *плачущии* (Мф. V, 4), – то есть те, которые непрестанно это делают. Непрестанно и ты делай это, всегда внимай себе и сокрушай сердце твое, наподобие того, как сокрушался бы тот, кто потерял любимейшего сына. *Расторгните,* говорит (Господь), *сердца ваша, а не ризы ваша* (Иоил. II, 13). А расторгнутое не воздымается уже, сокрушенное не восстает более. Потому-то и говорит (Писание) в одном месте: *расторгните,* а в другом: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. L, 19). Итак, мудрец ли ты, или богатый, или сильный, расторгни сердце твое, то есть не попускай, чтобы оно высокомудрствовало и надмевалось, потому что расторгнутое не надувается, хотя бы и было чем надуваемо: оно не может вынести этого надувания, потому что расторгнуто. Так и ты смири свое сердце. Помысли, что мытарь за одно слово был оправдан, хотя то, что говорил он, было даже не столько смирение, сколько истинное признание. Если же и истинное признание имеет такую силу, то насколько более смиренномудрие? Прости обиды тем, кто погрешил против тебя, потому что и это служит к прощению грехов твоих. О первом (сетовании и скорби о грехах) сказано: Я видел, что *пойде дряхл* (печален) *и исцелих пути его* (Ис. LXXVII, 17, 18). Это же прекратило гнев Божий и на Ахава (3 Цар. XXI, 29). А о втором (прощении обид) говорится: *отпущайте, и отпустят вам* (Лк. VI, 37). Есть еще и другой способ, которым обретается это врачевство, это – осуждение себя в своих беззакониях: *глаголи ты*

беззакония твоя прежде, да оправдишися (Ис. XLIII, 26). Равным образом и благодарное чувство, с которым мы переносим скорби, заглаждает грехи наши, более же всего милостыня. Перечти же целительные средства для уврачевания твоих язв и прикладывай все их одно за другим непрестанно: самоуничижение, исповедание, непамятозлобие, благодарение за посылаемые на тебя скорби, вспомоществование бедным деньгами и вещами, наконец, непрестанную молитву. Неотступным молением вдовица умилостивила жестокого и немилосердого судью (Лк. XVIII, 5). Если же эта вдова умилостивила неправедного судью, то тем более ты умилостивишь Судью кроткого. Кроме этих способов (к очищению грехов) есть еще и другой, — заступление обидимых. *Судите,* говорится, *сиру, и оправдите вдовицу, и приидите, и истяжимся: и аще будут грехи ваши яко багряное, яко снег убелю* (Ис. I, 17, 18). Итак, будем ли мы достойны какого-либо извинения, когда, имея столько путей, возводящих на небо, и столько средств для уврачевания язв душевных, остаемся в этих язвах даже и после крещения? Не будем же закосневать в них? И те, которые еще не пали, пусть стараются сохранить невредимо красоту свою, мало того — пусть еще более приумножают ее, — потому что хотя они и теперь непорочны, но упомянутые добродетели еще более украсят их. Что же касается нас, которые много уже нагрешили, то потщимся воспользоваться предложенными средствами к очищению грехов наших, чтобы нам предстать судищу Христову со многим дерзновением, которое все мы и да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА V

Пришед же в Троаду во благовестие Христово, и двери отверзене ми бывшей о Господе, не имех покоя духу моему, не обретшу ми Тита брата моего (2 Кор. II, 12, 13)

1. Эти слова кажутся недостойными Павла, так как показывают, что он из-за отсутствия брата пренебрег случаем споспешествовать спасению. Притом же они, по-видимому,

не имеют и связи (с прежде сказанным). Что же прежде хотите, чтобы я вам доказал? То ли, что (апостол) не сказал здесь ничего недостойного себя, или то, что сказанное им имеет тесную связь с предыдущим? Мне кажется, прежде должно доказать последнее, потому что тогда и первое будет для нас удобопонятнее и яснее. Итак, какую же связь имеют эти слова с тем, что сказано прежде? Припомним прежде сказанное; тогда поймем и теперь сказанное. Что же прежде он говорил? То, что говорил в начале послания, а именно: *не хощу вас не ведети о скорби, бывшей нам во Асии, яко по премногу и паче силы отяготихомся* (I, 8). Потом показывает, как он избавился от угрожавшей опасности и, высказав далее промежуточные мысли, служащие к его оправданию, наконец опять дает знать, что он имел и другую скорбь. Какую же и каким образом? Ту, что не нашел Тита. Поистине и претерпенные (апостолом) искушения составляли для него немалую скорбь и могли повергнуть душу его в уныние. А когда не нашлось и того, кто мог бы его утешить и через участие облегчить тяжесть скорби, то, естественно, душевная буря должна была возрасти еще более. А этот Тит есть тот самый, о котором ниже говорит (апостол), и который приходил к нему (от коринфян), и от него обратно был посылаем к ним, и о котором он так много говорит с великой похвалой. Итак, желая показать, что он и об отсутствии Тита скорбел из-за них же, (апостол) и сказал вышеуказанные слова. Отсюда очевидно, что эти слова имеют тесную связь с прежде сказанным. А что слова эти и не недостойны Павла, – я попытаюсь доказать и это. В самом деле, он не говорит, что отсутствие Тита воспрепятствовало спасению желавших присоединиться к верующим; не говорит и того, что из-за этого он презрел верующих; а говорит только, что он не имел покоя, то есть скорбел и печалился об отсутствии брата, – желая показать этим, что значит отсутствие брата, – и по этой причине вышел из Троады. Что же значат слова: *пришед в Троаду во благовестие?* Не без намерения, говорит, пришел я, но для того, чтобы проповедовать. И все-таки, несмотря на то, что с таким намерением пришел я (в Троаду), и там нашел весьма много дела: *двери отверзене ми бывшей о Господе, не имех,* говорит, *покоя.* Впрочем, это

не помешало делу проповеди. Как же говорит: *отрекся им изыдох?* То есть: я не мог там остаться на долгое время, по причине стеснения и скорби сердечной; а может быть, и потому, что само отсутствие (Тита) служило препятствием делу. А это также немало служило к успокоению коринфян. Если, говорит, потому только, что не нашел брата (в Троаде), я должен был поспешно удалиться оттуда, хотя там мне отверзта была дверь для проповеди, для которой я и приходил туда, то тем более вы должны извинить нас теснотой обстоятельств, которые всюду нами управляют и не позволяют нам, как бы мы хотели, ни уходить откуда-либо, ни проводить где-либо более времени, по нашему желанию. Вот почему, как выше он усвоял свои путешествия Духу Божию, так и здесь приписывает Богу, присовокупляя слова: *Богу же благодарение всегда победители нас творящему о Христе, и воню разума Его являющу нами во всяком месте* (ст. 14). Чтобы не подумали, что (апостол) сетует и ропщет на принуждение от Бога быть там или в другом месте, он воссылает благодарение Богу. Смысл же слов его такой: повсюду скорби, повсюду теснота! Пришел я в Асию, – там отягчен был сверх сил; пришел в Троаду, – тут не нашел брата; не пошел к вам, – и это причинило мне немалое, даже весьма большое огорчение, как потому, что многие из вас согрешили, так и потому, что я по этой причине не мог видеть вас. *Щадя вас,* говорит, *ктому не приидох в Коринф* (I, 23). Итак, чтобы, говоря таким образом, не показаться ропщущим на Бога, (апостол) присовокупляет, что в этих скорбях мы не только не унываем, но еще радуемся; и, что главное – радуемся не только ради будущих наград, но и ради настоящих, так как перенесением скорбей мы еще и в этой жизни приобретаем себе похвалу и славу. Поэтому мы так далеки от сетования и ропота, что случающиеся с нами скорби называем даже торжеством и хвалимся ими. В этом смысле и сказал (апостол): *Богу же благодарение всегда победители нас творящему,* то есть делающему нас для всех славными. Хотя для других кажется бесчестьем то, что мы всюду терпим гонение, но для нас это является величайшей честью. Вот почему не сказал: делающему нас известными, но: *победители творящему,* – желая показать, что эти гонения служат для нас по всей земле вместо

славных памятников непрестанных побед, одержанных над диаволом. Указав же на Дающего победы, далее сказывает и причину (этих побед) и тем ободряет слушателей. Не только, говорит, от Бога даются нам победы, но и о *Христе,* то есть через Христа и проповедь. А одерживая победы, говорит, нельзя и не прославиться нам, носящим знамение победы, так как мы именно носим его. Оттого мы и известны и сильны везде. *И воню разума его являющу нами во всяком месте.*

2. Выше (апостол) сказал: *всегда победители нас творящему,* теперь говорит: *во всяком месте,* — указывая этим на то, что всякое место и время наполнены апостольскими подвигами. При этом он употребляет новую метафору, заимствованную от благовонного запаха. Мы так же, говорит, делаемся всем известны, как и носящие многоценное миро, — называя многоценным миром познание (о Христе). И не сказал просто — разум, но — *воню разума,* потому что именно таково нынешнее наше познание: не совсем ясно и не совершенно открыто. Потому-то и в первом послании он говорил: *видим убо ныне зерцалом в гадании* (XIII, 12), и здесь познание о Христе называет *вонею разума.* Кто обоняет благоухание, тот знает, что где-то находится благовонное миро; но каково это миро само в себе, этого не может знать, если прежде не имел случая видеть его. Точно так же и мы: знаем, что Бог есть; а что Он по существу — этого не знаем. Итак, мы, говорит, подобны царской кадильнице; и, куда бы ни пошли, всюду источаем небесное миро и духовное благоухание. Говоря так, (апостол) имел двоякое намерение: во-первых, хотел показать силу проповеди, — именно то, что через врагов, строящих козни, они только еще более прославляются, поскольку гонения дают возможность всей вселенной видеть их победы и обонять благоухание их проповеди; во-вторых, желал убедить коринфян мужественно переносить скорби и искушения, потому что через это они приобретут неизреченную славу еще прежде воздаяния (на небе). *Яко Христово благоухание есмы Богови в спасаемых и в погибающих* (ст. 15). Спасается ли кто, говорит, или погибает, — проповедь евангельская всегда сохраняет свое достоинство. Как свет и тогда, когда ослепляет слабых зрением, остается светом, хотя ослепляет; или как мед, хотя бы казался горьким для больных, не пе-

рестает быть сладким по природе, — так точно и благовестие (о Христе) всегда сохраняет свое благоухание, хотя неверующие и погибают. Губит их не благовестие, но собственное их ожесточение. И погибелью нечестивых даже особенно обнаруживается благоухание проповеди. Таким образом, сила благовестия обнаруживается не только в спасении добрых, но и в погибели нечестивых. Так и солнце потому особенно и ослепляет взоры слабых, что светит очень ясно. Также и Спаситель, хотя *лежит на падение и на востание многим* (Лк. II, 34), однако не перестает быть Спасителем и тогда, когда бесчисленное множество людей падают. И хоть пришествие Его на землю более послужило в наказание для неверующих, — несмотря на то, оно всегда пребывает спасительным. В этом смысле и Павел говорит: *благоухание есмы, Богови;* то есть хотя некоторые из слышащих благовестие и погибают, однако мы не перестаем быть тем, что мы есть. И не просто сказал — *благоухание,* но — *Богови.* Если же мы благоухание Богу и сам Бог так определяет о нас, то кто еще будет противоречить? И слова: *Христово благоухание,* по моему мнению, имеют двоякое значение. Этим (апостол) хочет сказать или то, что они, повседневно умирая (1 Кор. XV, 31), приносят себя в жертву Богу, или что они — благоухание смерти Христовой, точно так же, как бы кто-нибудь сказал: этот фимиам — точно благоухание такой-то жертвы. Итак, или в этом последнем значении употребил он слово *благоухание,* или в первом, мной сказанном, то есть что (апостолы) повседневно приносили себя в жертву Богу, для Христа. Видишь ли, до чего он возвысил искушения, назвав их своим торжеством, и благоуханием, и жертвой, приносимой Богу? Далее, так как он сказал: *благоухание есмы и в погибающих,* то, чтобы ты не подумал, что и погибающие угодны Богу, присовокупил: *овем убо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот* (ст. 16), то есть обоняя это благоухание, одни спасаются, а другие погибают, — так, впрочем, что если кто погибает, тот бывает сам виной своей погибели, потому что и благовонное миро, говорят, удушает свиней, и свет, как я прежде сказал, ослепляет слабых зрением. И таково свойство благ, что они не только усовершают сродное им, но и губят противное; и в этом

последнем случае особенно обнаруживается их сила. Так и огонь не тогда только, когда светит или очищает золото, оказывается огнем и обнаруживает свойственную ему силу; но еще более тогда, когда пожигает терние. И Христос явит свое величие, когда *убиет антихриста духом уст Своих, и упразднит явлением пришествия Своего* (2 Сол. II, 8). *И к сим кто доволен?* Так как (апостол) сказал много великого и необычайного, называя себя и жертвой, и благоуханием Христовым и усвояя себе повсеместное торжество, то он опять старается умерить сказанное, относя все это к Богу. Поэтому и говорит: *и к сим кто доволен?* Все это, говорит, Христово, и нет ничего нашего. Видишь ли его отличие от лжеапостолов? Последние хвалятся, что они в проповедь о Христе привносят нечто свое; а он, напротив, ставит в похвалу себе то, что ничего не называет своим. *Похваление наше,* говорит, *сие есть, свидетельство совести, яко не в мудрости плоти, но благодатию Божиею жихом в мире* (2 Кор. I, 12). И как те приобретение земной мудрости вменяли в похвалу себе, так он, напротив, вменяет себе в похвалу незнание ее. Потому и здесь говорит: *и к сим кто доволен?* А если мы сами по себе недостаточны для этого, то все происходящее (с нами и через нас) есть дело благодати. *Несмы бо, якоже прочии нечисто проповедающии слово Божие* (ст. 17).

3. Хотя мы, говорит, и возвещаем много великого, однако ничего не присваиваем себе, напротив, все относим ко Христу. Мы не хотим подражать лжеапостолам, которые много присваивают себе самим. Это значило бы поступать подобно торгашу, когда он подделывает вино или продает за деньги то, что надлежало бы давать даром. В самом деле, мне кажется, что (апостол) здесь осмеивает и любостяжание (лжеапостолов) и опять намекает на то, о чем я прежде говорил, то есть что они проповедуют божественное с примесью своего собственного. Обличая тот же порок, и Исаия говорил: *корчемницы твои мешают вино с водою* (I, 22). Хотя это сказано о вине, но не будет погрешности, если кто отнесет это и к учению. Не так, говорит, поступаем мы; но что вверено нам, то и предлагаем другим, и преподаем учение чистое – без всякой примеси, – почему и присовокупил еще: *но яко от чистоты, но яко от Бога, пред Богом, во Христе*

глаголем. Мы, говорит, не с тем проповедуем, чтобы обманывать вас, — как бы свое даруя вам что-нибудь или от себя что-нибудь привнося и примешивая, — но яко от Бога, то есть не говорим, будто мы от себя что-нибудь даруем вам, но утверждаем, что все даровал Бог. Выражение: *яко от Бога* именно и значит — ничем не хвалиться как своим, но все приписывать Богу. *Во Христе глаголем,* — то есть все говорим не от нашей мудрости, но просвещаемые силой Христовой. Напротив, любящие хвалиться не так проповедуют, но как бы привнося что-нибудь свое. Потому и в другом месте (апостол), обличая таких проповедников, говорит: *что имаши, егоже неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишися, яко не прием* (1 Кор. IV, 7)?

Самая высокая добродетель — приписывать все Богу и ничего не почитать своим, ничего не делать для приобретения славы человеческой, но все — для благоугождения Богу, потому что Он (а не другой кто) потребует от нас отчета. В наше же время порядок этот извращен. Ныне мы не столько боимся Того, Кто некогда воссядет на судилище и потребует от нас отчета в делах наших, сколько страшимся тех, которые вместе с нами предстанут на суд. Откуда же у нас эта болезнь? Откуда проникла в наши сердца? От редкого помышления о будущем и крайней привязанности к настоящему. От того мы так легко впадаем и в злые дела; и даже если делаем что-нибудь доброе, то делаем только напоказ, так что и отсюда для нас происходит вред. Ты не один раз глядел бесстыдными глазами на женщину и утаил это как от той, на которую посмотрел, так и от спутников твоих; но ты не скроешь этого от Ока, никогда не дремлющего. Еще прежде, чем человек совершит грех, Оно уже видело в душе его преступную похоть, и внутреннее неистовство, и бурное и необузданное движение помыслов. Тот, кто все видит, не имеет нужды в свидетелях и доказательствах. Итак, смотри не на подобных тебе рабов. Если и похвалит дела твои человек, для тебя нет в том никакой пользы, как скоро не примет их Бог; равным образом, если и похулит их человек, нет в том для тебя никакого вреда, как скоро не похулит Бог. Напротив, высоко ценя мнение подобных тебе рабов, а не страшась и не трепеща негодования Судьи, смотри,

не прогневай Судью. Итак, презрим похвалу человеческую. Доколе станем унижаться и пресмыкаться по земле? Доколе будем порываться к земле, когда Бог влечет нас на небо? Братья Иосифа не сделали бы умысла убить своего брата в пустыне, если бы, как должно, имели перед очами своими страх Божий (Быт. XXXVII). Равным образом и Каин, если бы боялся суда Божия, как надлежало бояться, не сказал бы Авелю: *иди, и пойдем на поле* (Быт. IV, 8). В самом деле, для чего ты, жалкий и несчастный, отлучил брата своего от отца и увел в пустыню? Разве Бог не видит и на поле твоего дерзкого преступления? Как ты не научился из случившегося с твоим отцом, что Бог все видит и присутствует при всех наших делах? Но почему, когда (Каин) не признавался в своем преступлении, Бог не сказал ему: от Меня ли вездесущего и знающего даже тайные помышления, ты скрываешь? Потому, что он не мог еще хорошо понимать этих свойств Божиих. Что же сказал ему Бог? *Глас крове брата твоего вопиет ко Мне* (Быт. IV, 10). Слова эти не то значат, чтобы кровь имела голос, а сказаны в том же смысле, как и мы говорим о случаях явных и очевидных: само дело говорит. Итак, всегда должно иметь перед очами суд Божий – и все зло угаснет. Таким же образом и во время молитв мы можем удерживать трезвенное внимание, если будем помнить, с кем беседуем, если будем представлять, что приносим жертву, имеем в руках нож, и огонь, и дрова; если, мысленно отверзнув двери неба, там остановимся, и, взяв духовный нож, вонзим его в жертвенное животное, и пожрем Ему трезвенное внимание, и прольем перед Ним слезы. Такова кровь этой жертвы; таковым закланием должен быть обагрен этот жертвенник! Смотри же, не позволяй ни одному помыслу занимать в это время твою душу.

4. Припомни, что и Авраам при своем жертвоприношении не позволил быть ни жене, ни рабу, ни другому кому. Так и ты не оставляй при себе никакой страсти, свойственной рабам, а не свободным, но один взойди на ту гору, на которую он всходил и на которую никому другому всходить не позволено. Если же какие из недостойных помыслов и будут усиливаться, чтобы взойти с тобой на гору, запрети им это, как господин их, и скажи: *сядите зде, аз же и детищ поклонивше-*

ся возвратимся (Быт. XXII, 5). Все, что есть бессловесного и неразумного – и осла и рабов – оставь при подошве горы; взойди, взяв с собой только разумное, как он – Исаака. И ты, как он, устрой жертвенник, отрешившись от всего человеческого и став выше своей природы, – ведь и он, если бы не стал выше своей природы, не решился бы заклать сына. Наконец, ничто пусть не возмущает тебя в это время, но будь выше самих небес. Горько плачь, принеси в жертву исповедание (грехов), потому что сказано: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдашися* (Ис. XLIII, 26). Принеси в жертву сокрушение сердечное. Такие жертвы не превращаются в пепел, не исчезают с дымом; не нужны для них ни дрова, ни огонь, нужно только сокрушенное сердце. Это дрова, это огонь, который объемлет дрова пламенем, а не сжигает их. Кто с пламенным усердием молится, тот горит и не сгорает, – подобно золоту, испытываемому огнем, делается только чище и светлее.

Вместе с этим наблюдай и то, чтобы не говорить в молитве ничего, что может прогневить твоего Владыку: не приступай к Нему с молитвой о погибели врагов. Если иметь врагов есть уже преступление, то подумай, какое преступление, если молиться о погибели их? Ты должен просить прощения и в том, что имеешь врагов; а ты хочешь еще обвинять их? И как ты можешь получить прощение, когда обвиняешь других, и притом в такое время, когда сам имеешь нужду в великой милости? Ты ведь приходишь сюда за тем, чтобы молиться о прощении своих грехов: итак, не припоминай чужих грехов, чтобы не припомнили твоих. Если ты, молясь Богу, говоришь: порази врага, то заграждаешь этим себе уста и связываешь себе язык, во-первых, потому, что в самом начале молитвы тотчас приводишь в гнев Судью, во-вторых, потому, что просишь совсем не того, о чем, по-видимому, молишься. В самом деле, если ты молишься об отпущении грехов, то почему же просишь о наказании? Совсем напротив надлежало бы поступать тебе, – молиться и за самих врагов, чтобы с дерзновением молиться и за себя. А ты теперь, требуя казни грешников, осуждением их присваиваешь себе место Судьи, что и делает тебя недостойным никакого помилования. Когда же будешь молиться за врагов, то,

хотя бы ты ничего не говорил в молитве о своих грехах, ты все исполнил. Припомни, сколько жертв указано в законе. Жертва хвалы, жертва исповедания, жертва спасения, жертва очищения и другие бесчисленные; ни одной нет против врагов, но каждая за свои грехи или даже за добродетели. Разве ты приступаешь с молитвой к другому Богу? Ты приступаешь к тому же Богу, Который сказал: *молитеся за врагов ваших* (Мф. V, 44). Как же ты вопиешь против них? Как дерзаешь просить Бога, чтобы Он нарушил собственный Свой закон? Эта личина неприлична молящемуся рабу. Всякий должен молиться не о погибели другого, но о своем спасении. Для чего же ты принимаешь на себя вид молящегося раба, а говоришь как обвинитель? Притом, когда мы о себе молимся, то и почесываемся, и зеваем, и развлекаемся бесчисленными помыслами; а о погибели врагов молимся со всем вниманием. Так как диавол знает, что мы в это время поднимаем меч на себя самих, то он нисколько нас и не развлекает и не останавливает, чтобы таким образом больше повредить нам. Но меня обидели и огорчили, скажешь ты? Так молись о погибели диавола, который несравненно более всех обижает нас. Об этом тебе и предписано молиться так: *избави нас от лукаваго* (Мф. VI, 13). Подлинно, он один непримиримый наш враг, а человек, что бы он ни делал, всегда друг и брат наш. Итак, на диавола все мы должны обращать гнев свой, о его погибели должны молить Бога и говорить: сокруши сатану под ноги наши, потому что он же и людей делает врагами нам. Если же ты будешь молиться о погибели врагов, то будешь молиться о том, чего хочет твой непримиримый враг, между тем как молитва за врагов есть молитва против него самого. Итак, для чего ты, оставив настоящего твоего врага, терзаешь собственные члены и, таким образом, делаешься лютее зверей? Ты скажешь: он обидел меня или отнял у меня имение. Но и в этом случае о ком более должно плакать, о том ли, кто потерпел обиду, или о том, кто обидел? (Об обидевшем, потому что) тот, кто обогатился чужим имением, лишился благоволения Божия и потерял несравненно более, нежели сколько приобрел, – он, следовательно, и есть обиженный. Вот почему не против него, но за него должно молиться, чтобы Бог был милостив к нему.

5. Смотри, сколько несчастий потерпели три отрока, не сделавшие никакого зла: лишены были отечества и свободы, отведены в плен и стали рабами в стране чужой и варварской, наконец, без вины и напрасно приговорены были на смерть – за сновидение (которого волхвы не могли припомнить и объяснить Навуходоносору – Дан. гл. I и II). Что же предпринимали эти три отрока вместе с Даниилом? О чем молились Богу, что говорили? Сокруши Навуходоносора? Сорви с него диадему? Низвергни его с престола? Нет, ничего такого (они не говорили); но – *щедрот прошаху у Бога* (Дан. II, 18). Так же поступали они и тогда, когда ввержены были в печь огненную. Не так поступаете вы; но, терпя несравненно менее, нежели те три отрока, и притом часто по заслугам, вы не перестаете в молитве всячески проклинать врагов. Один говорит: низвергни (Господи) врага моего, как вверг ты в море колесницы фараоновы. Другой говорит: порази плоть (врага); иной еще говорит: воздай ему на детях его. Ужели не узнаете, что это ваши слова?

Отчего же вы смеетесь? Видишь, как смешны (проклятия твои), когда в спокойном состоянии вспоминаешь о них! И всякий другой грех оказывается столь же постыдным, когда будешь рассматривать его, отложив страсти к нему. Человеку, увлекшемуся гневом, после напомни слова, произнесенные им в гневе; он покраснеет от стыда, будет смеяться над самим собой и скорее решится терпеть что угодно, нежели согласится признать их своими. Или, приведи распутного к блуднице, с которой он пал; он с отвращением будет смотреть на нее, как на женщину непотребную. Так и вы теперь, будучи свободны от страсти, смеетесь над своими словами. Они и достойны смеха, потому что свойственны пьяным старухам и малодушным женщинам. Иосиф, проданный братьями, сделавшись рабом и вверженный в темницу, не говорил против оскорбивших его ничего оскорбительного. Что же он говорил? *Кradением украден бых из земли Еврейския* (Быт. XL, 15). Не упомянул даже, через кого был украден. Он стыдился за злых братьев своих более, нежели они сами, сделавшие это. Такие же чувства должны иметь и мы и причиняющих нам обиды должны жалеть более, нежели они сами, потому что весь

вред переходит на них. Подобно тому, как вбивающие гвозди и тем гордящиеся достойны сожаления и слез за свое безумие, точно так же и обижающие тех, которые не сделали им никакого зла, достойны более сострадания и слез, нежели проклятий, потому что погубляют свои души. Подлинно, нет ничего презреннее души, которая в молитве проклинает других, и сквернее языка, который приносит (Богу) такие жертвы. Ты человек, — не изливай же из уст твоих яда аспидов. Человек ты, — не будь же зверем. Уста даны тебе не для того, чтобы уязвлять, но чтобы исцелять язвы других. Вспомни, говорит Бог, что Я внушал тебе оставлять и прощать (согрешения). А ты умоляешь Меня, чтобы и Я был тебе сообщником в нарушении Моих же повелений, и снедаешь брата, обагряешь кровью язык свой, подобно бешеным, которые своими зубами терзают свои же члены. Думал ли ты о том, как радуется и смеется диавол, когда слышит такие молитвы? Помышлял ли, напротив, как гневается, как отвращается и как ненавидит Бог, когда ты так молишься? Что может быть преступнее того, что ты делаешь? В самом деле, если и тому, кто имеет только врагов не следует приступать к таинствам, то как не должно возбранить приближаться даже к преддверию храма тому, кто не только имеет врагов, но еще и молится о погибели их? Итак, сообразив сказанное и припомнив, что виновник жертвы (нами приносимой) принес Себя в жертву за врагов, постараемся не иметь врагов. Если же имеем, то будем молиться за них, чтобы и мы, получив прощение грехов наших, с дерзновением могли предстать на суд Христа, Которому слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VI

Зачинаем ли паки нас самех извещавати вам; или требуем, якоже нецыи, извещавательных посланий к вам, или от вас (2 Кор. III, 1)

1. Так как некоторые могли сказать, что (апостол) сам себя выхваляет, то в предупреждение такого обвинения он и говорит так. Хотя он и раньше несколько раз исправлял такую мысль, когда говорил: *к сим кто доволен*, и: *от чистоты*

глаголем (2 Кор. II, 16, 17), тем не менее он не удовлетворяется; таков его обычай, чтобы как можно дальше отстранять от себя ту мысль, будто он сам о себе говорит что-нибудь великое. Он избегает этого с величайшим старанием и заботливостью. А ты со своей стороны заметь и здесь великую мудрость (апостола). В самом деле, обстоятельства, казавшиеся сами по себе неприятными, – я разумею его бедствия, – он так возвысил и представил в таком блеске и свете, что из его описания могло родиться подобное подозрение. То же делает он и далее (в послании). Перечислив бесчисленные бедствия, огорчения, тесные обстоятельства, крайнюю нужду и тому подобное, он присовокупил: *не себе хвалим, но вину даем вам похваления* (V, 12). Но там он говорит это гораздо сильнее и с большим негодованием. Здесь слова его: *или требуем, якоже нецыи, извещавательных посланий?* – выражают любовь, там, – как это было нужно и полезно, – слова его исполнены и особенной силы, и негодования: *не паки,* говорит, *себе хвалим, но вину даем вам похваления;* и еще: *паки ли мните, яко ответ вам творим?* Потому что *пред Богом во Христе глаголем. Боюся же, еда како пришед, не яцех же хощу, обрящу вас, и аз обрящуся вам, якова же не хощете* (XII, 19, 20). Чтобы не подвергнуться укоризне в лести и домогательстве от них похвалы, говорит им: *боюся, еда како пришед, не яцех же хощу, обрящу вас, и аз обрящуся вам, якова же не хощете.* Но все это говорит он с большой укоризной; вначале же говорит не так, но гораздо снисходительнее. Что же значат слова его? Выше говорил он об искушениях, опасностях и о том, что Бог во Христе повсюду творит его победителем и вся вселенная знает о победах его. Сказав, таким образом, о себе нечто великое, он и предлагает себе этот вопрос: *зачинаем ли паки нас самех извещавати вам?* Слова его имеют такой смысл: может быть, кто-нибудь скажет нам: что это значит, Павел? Для чего ты так говоришь о самом себе, для чего превозносишь себя? В предупреждение подобного возражения он и говорит: нет, мы не хотим хвалиться и превозносить себя перед вами; мы столько далеки от того, чтобы просить одобрительных о себе к вам писем, что вы сами служите для нас вместо письма: *послание бо наше,* говорит, *вы есте* (ст. 2). Что же значит: *вы есте?* Если нужно будет нам рекомендовать

себя перед другими, — мы вас выставим на середину, вместо одобрительного письма. То же говорил он и в первом послании: *печать бо моего апостольства вы есте* (1 Кор. IX, 2). Но здесь он сказал не просто, а с некоторой иронией, чтобы придать своей речи более силы: или *требуем*, говорит, *извещавательных посланий?* И, имея в виду лжеапостолов, присовокупил: *якоже нецыи, к вам, или от вас известительных посланий*, к другим. Потом, так как сказанное было тяжко для слуха, то далее он смягчает слова свои, говоря: *послание наше вы есте, написанное в сердцах наших, знаемое от всех: являеми, яко есте послание Христово* (ст. 2). Здесь он не только выражает свою любовь к ним, но и свидетельствует о их добродетельной жизни, то есть что они своими добродетелями могут доказать перед всеми достоинство своего учителя. Таков смысл слов: *послание наше вы есте.* Что сделали бы ваши письма, в которых стали бы вы одобрять и прославлять нас, то самое вы исполняете своей жизнью по вере, которую все видят и слышат. Добродетели учеников служат наилучшим украшением для их наставника и одобряют его лучше всякого письма. *Написанное в сердцах наших*, то есть которое всем известно, потому что мы везде носим вас с собой и содержим в сердце нашем. Как бы так он говорил: вы служите нам одобрением перед другими, и мы всегда имеем вас в сердце своем и перед всеми возвещаем о ваших добродетелях. А потому не только мы не имеем нужды в одобрительных от вас письмах к другим, — потому что вы служите одобрением нашим, — но и для вас самих мы не имеем нужды в свидетельстве других, — потому что мы сильно любим вас. Одобрительные письма нужны к незнакомым, а вы находитесь в сердцах наших. И не просто сказал: находитесь, но — *написаны*, то есть так, что не можете изгладиться из сердец наших. Как читая послания наши, так и уверяясь из сердец наших, все знают любовь нашу, которую имеем к вам.

2. Итак, если письма употребляются для того, чтобы показать, что такой-то мне друг и пользуется моей доверенностью, то все это для нас заменяет ваша любовь. А потому, к вам ли мы идем, — не имеем нужды брать одобрение от других, так как это вполне заменяет ваша любовь к нам, или к другим, — опять не имеем нужды брать и от вас одобритель-

ных писем, потому что, вместо них, для нас и здесь довольно той же любви. Мы носим послание в сердцах наших. Потом, возводя их к высшему разумению, называет их посланием Христовым, говоря: *являеми, яко есте послание Христово* (ст. 5). И сказав это, он извлекает отсюда повод говорить о законе; и опять называет их посланием своим, но в другом смысле. Выше он называл их посланием потому, что они служат для него одобрением; а здесь называет их посланием Христовым, как имеющим в себе написанным закон Божий. Что Бог благоволил открыть всем и вам, все это, говорит, написано в сердцах ваших; а мы приготовили вас к принятию этих письмен. Как Моисей обделал камни и скрижали, так и мы приготовили души ваши. Потому и говорит: *служеное нами.* Но скажут, что и те и другие скрижали равны, потому что и те написаны Богом, и эти Духом (Божиим). Где же между ними различие? *Написано,* говорит, *не чернилом, но Духом Бога жива; не на скрижалех каменных, но на скрижалех сердца плотяных.* А каково различие между Духом и чернилами, и скрижалями каменными и плотяными, таково же различие и между теми и другими письменами: тем же различаются и послужившие (письменам новозаветным) от послужившего (ветхозаветным). Но, чтобы не подумали, что он сказал о себе слишком много, он тотчас и поясняет себя, говоря: *надеяние же таково имамы Христом к Богу.* И таким образом опять все приписывает Богу и виновником всего называет Христа. *Не яко довольни есмы, от себе помыслити что, яко от себе* (ст. 5). Смотри, вот и еще он умеряет речь свою. И это от того, что он владел добродетелью смирения в высшей степени. И потому, как скоро говорил что-нибудь великое о себе, тотчас старался опять всеми способами смягчить сказанное. Это делает он и здесь, когда говорит: *не яко довольни есмы, от себе помыслити что, яко от себе.* То есть я не сказал: *надеяние имамы таково,* по которому одно усвояем себе, а другое Богу; напротив, такое, которым все возлагаем на Бога и Ему вменяем, потому что *довольство наше от Бога, иже и удоволи нас служители быти нову завету* (ст. 6). Что значит — *удоволи?* То, что Бог сделал нас способными к такому служению. Немалое дело — сообщить вселенной такие скрижали и письмена, которые гораздо важнее первых. Потому и при-

совокупил: *не письмене, но Духу*. Вот еще новое различие (ветхих и новых скрижалей). Какое же? Разве ветхий закон не был духовен? Как же говорит (тот же апостол): *вемы, яко закон духовен есть* (Рим. VII, 14)? Он был духовен, но не подавал Духа, потому что Моисей принес не Дух, а письмена, а мы уверены, что подаем Духа. Показывая это яснее, далее и говорит: *писмя убивает, а Дух животворит*. И говорит это не без цели, но для того, чтобы обличить тех, которые тщеславились исполнением иудейских обрядов. Письменем он называет здесь закон, угрожающий наказанием согрешающим, а духом – благодать, через таинство крещения животворящую умерщвленных грехами. Показав, таким образом, различие тех и других скрижалей из самого их существа, он не останавливается на этом; но продолжает далее раскрывать это различие и притом с такой стороны, с которой сильнее может увлечь слушателя, – то есть со стороны животворности и легкости (последних). Новый Завет, говорит он, и не труден, и дарует большую благодать. Если он, рассуждая о Христе, выставляет особенно то, что более принадлежит Его человеколюбию, нежели достоинству, или что принадлежит и тому и другому вместе, то тем более он должен так говорить, рассуждая о Его завете. Итак, что значат слова: *писмя убивает?* Прежде он сказал, что один завет написан на скрижалях каменных, а другой – на сердцах плотяных. Но ему показалось, что такое различие еще невелико, а потому присовокупил, что прежний завет написан был буквами и чернилами, а новый – Духом. Но так как и это различие еще не вполне могло возбудить его слушателей, то он указывает, наконец, нечто такое, что могло окрылить их, – именно то, что *писмя убивает, а Дух животворит*.

3. Что же это значит? По (ветхому) закону грешник подвергается наказанию; а здесь (по новому) грешник прибегает к крещению и становится праведным, соделавшись же праведным, он оживает, освобождается от смерти греха. Закон, если поймает убийцу, то осуждает его на смерть, а если благодать настигнет убийцу, то освящает и оживляет его. Но что я говорю об убийце? Закон и того схватил и побил камнями, который собирал дрова в субботу (Числ. XV, 32–36). Вот что значит: *писмя убивает!* Напротив, благодать ловит бесчислен-

ных человекоубийц и разбойников и, омывая их водами крещения, разрешает от прежних зол. Вот что значит: *Дух животворит!* Закон кого поймает, того из живого делает мертвым; а благодать соделывает живым преступника из мертвого. *Приидите ко Мне* (говорит она) *вси труждающиися и обремененнии, и Аз,* не говорит – накажу вас, но *упокою вы* (Мф. XI, 28). В крещении погребаются грехи, заглаждаются прежние неправды, человек оживает, и всякая благодать напечатлевается в его сердце, как на скрижали. Итак, помысли, сколь велико преимущество Духа, когда и скрижали Его превосходнее первых, когда Он показывает и нечто высшее даже самого воскресения. В самом деле, та смерть, от которой Он освобождает, гораздо опаснее первой смерти, и настолько опаснее, насколько душа превосходнее тела, и естественная жизнь держится той жизнью, которую дает Дух. Если же Он может даровать эту высшую жизнь, то тем более может дать низшую; эту последнюю давали и пророки, а той никогда, – потому что никто не может отпускать грехов, кроме одного Бога (Лк. V, 21). Но и низшей жизни пророки не могли бы сообщать без того же Духа. И не только то удивительно, что Дух животворит, но и то еще, что Он даровал и другим силу животворить. *Приимите Дух Свят,* говорит (Господь) (Ин. XX, 22). Для чего же? Разве без Духа нельзя было? Бог говорит это для того, чтобы показать, что (Дух) имеет высочайшую власть, ту же царскую сущность и ту же силу. Для того и присовокупляет: *имже отпустите грехи, отпустятся, и имже держите, держатся* (ст. 23). И вот, так как (Дух Святой) животворил нас, то и сохраним эту жизнь, и не станем опять возвращаться к прежней мертвости. *Христос ктому уже не умирает. Еже бо умре, греху умре единою* (Рим. VI, 9, 10). И не хочет, чтобы мы всегда ожидали спасения только от благодати: иначе мы будем лишены всего; Он хочет, чтобы и с нашей стороны привнесено было что-нибудь. Позаботимся же привнести что-нибудь и соблюдем жизнь души.

А в чем состоит жизнь души, это можешь узнать из жизни тела. Тело мы называем живым тогда, когда оно находится в здоровом состоянии. Когда же оно находится в расслаблении и имеет беспорядочное движение, то хотя оно, по-

видимому, и живет и движется, но такая жизнь бывает хуже всякой смерти. Так же если (человек) ничего не говорит здравого, но произносит слова, свойственные безумным, и превратно видит предметы, то опять имеющий такое тело гораздо более достоин сожаления, нежели умерший. Так и душа, если не имеет ничего здравого, если, например, смотрит на золото не как на золото, но как на нечто великое и важное, если нимало не помышляет о будущем, но пресмыкается долу и делает то, чего не надлежало бы ей делать, — такая душа хотя бы и казалась живой, она умерла. Из чего мы познаем, что имеем душу? Не из действий ли свойственных душе? Но если она не делает того, что ей свойственно, то не умерла ли она? Если, например, она не заботится о добродетели, но похищает чужое и беззаконничает, то почему я могу сказать, что ты имеешь душу? Потому ли, что ты ходишь? Но это свойственно и неразумным животным. Потому ли, что ешь и пьешь? Но и звери едят и пьют. Потому ли, что ты стоишь в прямом положении и на двух ногах? Но из этого я более вижу, что ты зверь в человеческом образе. В самом деле, когда ты по всему прочему сходен с зверем и отличаешься от него только прямым положением, то этим ты только еще более возмущаешь и поражаешь меня, и я, смотря на тебя, скорее сочту тебя за чудовище. Если бы я увидел зверя, говорящего человеческим языком, то не сказал бы по одному этому, что он человек, но почел бы его по этому самому более странным перед другими зверями. Итак, откуда же могу я узнать, что ты имеешь душу человеческую? Когда ты лягаешься как осел, когда злопамятен, как верблюд, когда кусаешься как медведь, когда хищен, как волк, когда крадешь, как лисица, когда коварен как змей, когда бесстыден как пес, — как я могу узнать, что ты имеешь человеческую душу? Хотите, я покажу вам душу мертвую и живую? Обратимся опять к древним мужам и, если угодно, представим того богатого, который жил во дни Лазаря, чтобы узнать нам, в чем состоит смерть души. Что этот богач имел душу мертвую, это видно из дел его. Он не сделал ничего, что показывало бы в нем разумную душу; а только ел, пил и веселился.

4. Есть и ныне такие же немилосердные и жестокие люди. И они, подобно этому богачу, имеют мертвую душу, —

потому что они убили в себе всю ту теплоту, какая происходит от любви к ближним, и душа их мертвее бездушного тела. Но не таков был нищий: он просиял, как взошедший на самый верх любомудрия. Борясь непрестанно с голодом и не имея даже самой необходимой пищи, он не произнес на Бога ни одного хульного слова, но все переносил великодушно. А это немаловажное дело души и даже самое сильное доказательство ее крепости и здравия. Когда же не видно в душе таких добродетелей, – явный признак, что они пропали от ее мертвости. Не должны ли мы, скажи мне, называть мертвой ту душу, которая, когда нападает на нее диавол, бьет ее, терзает, грызет, топчет, – всего этого не чувствует, спит, как мертвая, и не скорбит о расхищении своего достояния: диавол терзает ее, а она остается неподвижной, подобно бездыханному телу, и не чувствует этого. Когда в душе нет страха Божия и попечения о своем спасении, то она необходимо делается таковой и еще хуже всякого трупа. Душа не превращается, подобно телу, в гнилую жидкость, в грязь и в прах, но, – что еще отвратительнее, – в пьянство, в злобу, любостяжание, в гнусную любовь, в преступные пожелания. Если же ты еще яснее хочешь видеть гнусность порочной души, то очисти душу твою, и тогда ясно увидишь, как отвратительна (душа) оскверненная и нечистая. Теперь ты увидеть этого не можешь, потому что когда мы остаемся с привычкой к нечистоте, тогда не чувствуем ее; но когда станем питаться духовными глаголами, тогда поймем, как велико это зло – нечистота душевная, – хотя для многих это и кажется безразличным. Я не буду говорить теперь о геенне; но, если угодно, посмотрим на порочного человека еще здесь – на земле, и притом не на того, который гнусно делает, но который только говорит гнусное, – как он смешон, сколько он обижает, прежде всего, самого себя, и как он, подобно изблевывающему из уст тину, делает себя отвратительным. Если же струя так отвратительна, то подумай, как отвратителен должен быть источник этой тины: *от избытка бо сердца уста глаголют* (Мф. XII, 34). Но я не об этом только скорблю, а еще больше о том, что некоторым это даже не кажется и постыдным. Отсюда-то и умножается всякое зло, то есть когда мы грешим и между тем думаем, что не грешим.

Итак, хочешь ли знать, сколь великое зло – говорить срамное и постыдное? Всмотрись, как краснеют от твоего бесстыдства те, которые тебя слушают. В самом деле, что может быть хуже и презреннее человека, бесстыдно срамословящего? Такие включают себя в разряд скоморохов и распутных женщин. Вернее же сказать, и распутные женщины имеют больше стыда, чем вы. Как же ты можешь научить целомудрию жену, когда бесстыдными глазами возбуждаешь ее идти в распутство? Лучше извергать гнилость изо рта, нежели сквернословие. Если у тебя дурно пахнет изо рта, то ты не прикасаешься к общей трапезе; но когда в душе твоей такой смрад, скажи мне, как ты дерзаешь приступать к тайнам Господним? Если бы кто, взяв нечистый сосуд, положил его на твоей трапезе, такого ты, избив палками, прогнал бы; скажи теперь, ужели ты не думаешь прогневать Бога, когда на трапезу Его (а уста наши и есть трапеза Божия, когда мы приобщаемся таинства евхаристии) приносишь слова, гнуснейшие всякого нечистого сосуда? Да и как может быть иначе? Ничто так не прогневляет Его, святейшего и чистейшего, как такие слова; ничто не делает людей столь наглыми и бесстыдными, как когда они говорят и слушают подобные слова; ничто так легко не расстраивает нервы целомудрия, как возгорающееся от таких слов пламя. Бог вложил в уста твои благовоние, а ты влагаешь в них слова зловоннее всякого трупа, убиваешь самую душу и соделываешь ее нечувствительной. В самом деле, когда ты поносишь кого-нибудь, это голос не души, но твоего гнева; когда срамословишь, то не она так говорит, но твое безрассудство; когда злословишь – это говорит ненависть; когда обманываешь – это дело любостяжания: все это не душе принадлежит, но страстям и болезням души. Подобно тому, как тление не принадлежит собственно телу, но смерти и страстям, живущим в теле, так и эти пороки принадлежат прившедшим в душу страстям. Если хочешь слышать голос души живой, то послушай, что говорит Павел: *имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем. Есть же снискание велие благочестие* (1 Тим. VI, 8, 6). Также: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. VI, 14). Послушай, что говорит и Петр: *сребра* и *злата несть у мене: но еже имам, сие ти даю* (Дея. III, 6). Послушай Иова, который благодарит Бога

и говорит: *Господь даде, Господь отъят* (Иов. I, 21). Вот слова души живой, которая выражает в них ей принадлежащие силу и действие. Подобным образом и Иаков говорил: *аще даст ми Господь хлеб ясти, и ризы облещися* (Быт. XXVIII, 20); так же говорил Иосиф: *како сотворю глагол злый сей, и согрешу пред Богом* (Быт. XXXIX, 9)? Но не так говорила та пьяная и неистовая жена, когда сказала: *ляги со мною* (Быт. XXXIX, 12). Итак, узнав все это, поревнуем душе живой и будем убегать души мертвой, чтобы таким образом получить нам жизнь будущую, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VII

Аще ли же служение смерти писмены образовано в каменех, бысть в славу, яко не мощи взирати сыном Израилевым на лице Моисеово, славы ради лица его престающия: како не множае паче служение Духа будет в славе (2 Кор. III, 7, 8)

1. (Апостол) сказал, что Моисеевы скрижали были каменные и начертаны буквами, а (новозаветные скрижали, то есть) сердца апостолов плотяные и написаны Духом; сказал также, что *писмя убивает, а Дух животворит.* Оставалось, наконец, присоединить к этому сравнению еще нечто немаловажное, именно о славе лица Моисеева, каковой славы никто не видел в Новом Завете телесными очами. Потому первая и казалась великой славой, так как поражала чувства и созерцаема была телесными очами, хотя вместе была и недоступна. А слава Нового Завета есть духовная. Но постижение этого превосходства последней недоступно было для немощных; потому та (ветхозаветная) слава более восхищала и привлекала их к себе. И так как он допустил уже такое сравнение, то старается показать и превосходство (новозаветной славы). Но так как это было очень трудно по причине немощи слушателей, то смотри, что он делает и какой способ употребляет для достижения своей цели: сперва он показывает это различие и превосходство через умозаключения, которые извлекает из вышесказанного. Если то (вет-

хозаветное) служение, говорит, было служение смерти, а это (новозаветное) есть служение жизни, то несомненно, что и слава последнего служения больше славы первого. Так как он не мог представить ее (новозаветной славы) очам телесным, то превосходство ее и показал через умозаключение, говоря: *аще ли же служение смерти бысть во славу: како не множае паче служение Духа будет в славе,* разумея под служением смерти закон. И смотри, какую великую осторожность наблюдает он в сравнении, чтобы не подать какого-нибудь повода еретикам. Он не сказал: (закон) виновник смерти, но: *служение смерти,* так как закон служит к смерти, а не породил смерти. Виновник смерти был грех; а закон подверг осуждению за грех и только обнаружил грех, а не произвел его; он яснее открыл зло и только наказывал за зло, а не побуждал к злу; и служил не для того, чтобы производить грех или смерть, но чтобы наказывать того, кто грешит. А таким образом он был вместе и истребителем греха.

В самом деле, когда он показывал грех столь страшным, то, очевидно, этим заставлял и убегать его. Как тот, кто берет в руки меч и умерщвляет осужденного, служит только орудием судьи, произносящего приговор, и хотя он умерщвляет, однако не есть убийца, равно как и тот, кто произносит приговор и осуждает виновного, но виной смерти есть преступление наказываемого, – так и здесь не закон умерщвляет, но грех. Он и умерщвлял и осуждал; закон же, наказывая преступника, отнимал силу у греха, укрощая его страхом наказания. Но (апостол) не удовлетворился одним только этим сравнением, чтобы убедить в превосходстве (Нового Завета), но присовокупил и другое нечто, сказав: *писмены образовано в каменех.* Смотри, как он опять низлагает иудейскую гордость. В самом деле, закон был не что иное, как письмена. А письмена никакой помощи, вроде той, какая бывает в крещении, не доставляли и не сообщали находящимся под законом; но скрижали и начертания приносили смерть преступающим письмена. Видишь ли, как он исправляет иудейское любопрение и самими наименованиями отнимает превосходство у закона, называя его то *камнем,* то *писменами,* то *служением смерти,* и еще *образованным* или начертанным. Этим он показывает или то, что закон привязан к известному

только месту, а не так, как Дух, который присутствует везде, и во все вдыхает великую силу; или то, что письмена дышат великими угрозами, и такими угрозами, которые не могут быть уничтожены, но всегда остаются, как вырезанные на камне. Потом, хотя, по-видимому, и хвалит древний (закон), но тут же вместе и обличает опять грубость иудеев. Сказав: *писмены образовано в каменех, бысть в славу,* присовокупил: *яко не мощи взирати сыном Израилевым на лице Моисеово,* что обличало в них великую слабость и плотяность. И опять говорит, что (иудеи) не могли взирать не ради славы скрижалей, но *ради* славы *лица его престающия.* Этими словами он показывает, что не скрижали прославлены были славой, а тот, кто принес скрижали. Он не сказал, что они не могли взирать на скрижали, а говорит: *на лице Моисеово,* равно как и не ради славы скрижалей, но *ради славы лица его.* Но превознеся эту славу, смотри, как он опять унижает ее словом — *престающия.* Впрочем, этим словом он не унижает Моисея, а только показывает временность славы его. Он не сказал, что она есть какая-нибудь нечистая или худая, но сказал только, что она престающая и имеющая конец. *Како не множае паче служение Духа будет в славе?* Теперь он уже с дерзновением высказывает превосходство Нового Завета, как уже не подлежащее сомнению. И смотри, что он делает, — камень противополагает сердцу, а письмена духу. Потом, указав на следствия, которые должны произойти от того и другого (завета), он еще не сказывает, что действительно произошло от того и от другого; но, показав следствие письмен, то есть смерть и осуждение, умалчивает еще о плодах Духа — жизни и правде, а говорит только о самом Духе, — что подало ему случай к большому распространению речи. Новый Завет не только даровал жизнь, но и сообщил Духа, дающего жизнь, — что важнее самой жизни. Поэтому он и сказал: *служение Духа.* Потом опять возвращается к тому же, говоря: *аще бо служение осуждения слава* (ст. 9).

2. Показывая яснее значение слов: *писмя убивает,* (апостол) говорит то, что мы именно сказали уже выше, то есть что закон только открывает грех, а не производит его. *Множае паче избыточествует служение правды в славе.* Те скрижали открывали только грешников и наказывали их; а это (служе-

ние правды) не только не наказывает грешников, но и делает их праведными, потому что крещение дарует это (оправдание). *Ибо не прославися прославленное в части сей, за превосходящую славу* (ст. 10). Сперва он показал, что и это (служение оправдания) в славе, и не только в славе, но и преизбыточествует (славой). Он не сказал уже (как выше): не гораздо ли более служение Духа будет в славе; но — *избыточествует в славе,* выводя это из вышесказанных умозаключений. Теперь показывает уже и как велико это превосходство, говоря: если я сравню эту (славу) с той (ветхозаветной), то слава Ветхого Завета не будет даже славой. Однако этим он не вовсе отнимает славу (у Ветхого Завета); но так говорит о нем сравнительно, почему и присоединил: в *части сей,* то есть сравнительно. И, говоря так, он не осуждает Ветхого Завета, напротив, еще одобряет его, потому что сравниваются обыкновенно вещи, в чем-нибудь сродные. Далее он приводит еще другое умозаключение, иным образом показывающее превосходство (Нового Завета). Какое же именно? Заимствованное от времени: *аще бо престающее славою, много паче пребывающее в славе* (ст. 11). То (ветхозаветное служение) прекратилось, а это постоянно пребывает. *Имуще убо таково упование, многим дерзновением действуем* (ст. 12). Так как слушатель, услышав столь много важного о Новом Завете, желал бы и видеть эту славу собственными очами, то смотри, как он обращает его к будущему веку. Для этого он и выставляет на вид надежду, говоря: *имуще убо таково упование. Таково* — какое же? То, что мы удостоились большего, нежели Моисей, и не только мы — апостолы, но и все верующие. *Многим дерзновением действуем.* Перед кем, скажи? Перед Богом или перед учениками? Перед вами, говорит, которым проповедуем мы, то есть мы везде проповедуем с свободой, ничего не скрывая, без всякого притворства, ничего не опасаясь, но говоря ясно, и не боимся поразить ваши взоры, подобно тому как Моисей поражал взоры иудеев. А что он именно это хотел сказать, увидим далее. Но прежде надобно рассказать саму историю, потому что и сам (апостол) постоянно обращается к ней. Какова же это история? Когда Моисей, получив в другой раз скрижали, сошел с горы, то некоторая слава, исходящая от лица его,

так сияла, что иудеи не могли приблизиться к нему и говорить с ним, доколе он не положил покрывала на лицо свое. Об этом в Книге Исхода написано так: *сходящу Моисею с горы, обе скрижали в руку его, и Моисей не ведяше, яко прославися зрак плоти лица его: и убояшася приступити к нему. И воззва их Моисей, и глагола к ним. И егда преста глаголя к ним, возложи на лице свое покров. Егда же вхождаше глаголати, пред Господа, снимаше покров, дондеже исхождаше* (Исх. XXXIV, 29–34). Приведя на память эту историю, (апостол) говорит: *и не якоже Моисей полагаше покрывало на лице своем, за еже не мощи взирати сыном Израилевым на конец престающаго* (ст. 13). Эти слова его имеют такой смысл: нам не нужно покрывать себя подобно Моисею: вы можете смотреть на ту славу, которою мы окружены, хотя она гораздо более и светлее той (Моисеевой). Видишь ли преуспевание (учеников)? В первом послании он сказал: *млеком вы напоих, не брашном* (III, 2); а здесь говорит: *многим дерзновением действуем*, и выводит на сцену Моисея, продолжая говорить о нем сравнительно и таким образом, возводя слушателей к высшему. И, во-первых, он поставляет их выше иудеев, когда говорит, что мы (апостолы) не имеем нужды в покрывале, как Моисей перед народом своим. А потом возводит их и в одно достоинство с (ветхозаветным) законодателем или даже еще и выше. Послушаем же теперь, что он говорит далее. *Но ослепишася помышления их: даже бо до сего дне тожде покрывало во чтении ветхаго завета пребывает не откровено, зане о Христе престает* (ст. 14). Смотри, к чему он направляет речь свою. Что тогда однажды произошло с Моисеем, то навсегда осталось на законе его. Впрочем, сказанное относится не к обвинению закона, равно как и не к обвинению Моисея, что он тогда покрывал себя, но (к обвинению) грубости иудеев. Закон имеет свойственную ему славу, но иудеи не могли видеть ее. Итак, чему вы удивляетесь, говорит, если они не могут видеть благодатной славы, когда они не видели меньшей славы Моисея, не могли смотреть на лицо его? Что смущаетесь, если они не веруют во Христа, когда они не верят и закону? Потому они и не познали благодати, что не познали ни Ветхого Завета, ни славы его. Слава же закона – приводить ко Христу.

3. Видишь ли, как он и здесь низлагает гордость иудеев? В самом деле, в чем они думали иметь преимущество в славе лица Моисеева, то самое он обращает в обличение их невежества и грубости. Итак, пусть они не хвалятся этим: какая похвала и слава для иудеев в том, чем они не могли наслаждаться? Вот почему он так часто и обращается к этому предмету, – то говоря, что *тожде покрывало во чтении ветхаго завета пребывает не откровено, зане о Христе престает;* то, что *даже до днесь, внегда чтется Моисей, тожде покрывало на сердце их лежит,* – показывая, что оно лежит и на чтении, и на сердце их. А выше он сказал еще: *яко не мощи взирати сыном Израилевым на лице Моисеово славы ради лица его престающия.* Что может быть хуже этого, когда они не могут взирать на славу не только преходящую, но даже в сравнении с новозаветной почти не существующую, когда она сокрыта от них, чтобы они не видали кончины преходящего, то есть закона, который имеет конец? *Но ослепишася помышления их.* А какая связь этого (ослепления) с тогдашним покрывалом, скажет кто-нибудь? Та, что оно предзнаменовало будущее. Не только тогда они не видели закона, но и ныне не видят его. И причина этого в них самих, потому что ослепление зависит от нечувствительного и грубого сердца. Только мы теперь видим закон, а от них сокрыты – не только благодать, но и сам закон. *Ибо даже до сего дне,* говорит, *тожде покрывало во чтении ветхаго завета пребывает не откровено, зане о Христе престает.* Слова его имеют следующий смысл: (иудеи) не знают, что это покрывало уничтожилось, потому что не веруют во Христа. В самом деле, если оно через Христа уничтожено, как и действительно уничтожено, о чем предсказал еще наперед и сам закон, то каким образом не принявшие Христа, Который отменил закон, могут узнать, что этот закон отменен? Но если они не знают этого, то, очевидно, не знают и силы самого закона, который говорит об этом, и всей его славы. Но ты спросишь: где же сказал закон, что он во Христе имеет конец? Он не только сказал об этом, но и на самом деле показал. И, во-первых, показал тем, что все жертвы и всякое освящение заключил в одном месте – в храме и этот самый храм после разрушил. В самом деле, если бы он не хотел отменить эти жертвы и все законы о жертвах, то он

сделал бы одно из двух: или не разрушил бы храма, или, и разрушив его, не запретил бы приносить жертвы в других местах. Теперь же он сделал невозможными такие священнодействия как во всей вселенной, так и в самом Иерусалиме. Назначив местом для них только один храм иерусалимский, а после и тот разрушив, закон самим делом показал, наконец, что постановления законные прекратились во Христе, – Христос осудил и храм на разорение. Если же ты из самих слов желаешь видеть, как закон должен получить конец через Христа, то послушай самого законодателя, который так говорит: *пророка вам воздвигнет Господь от братии вашея, якоже мене, того послушайте по всему, елика аще речет к вам: и будет, всяка душа, яже аще не послушает пророка онаго, потребится от людей* (Втор. XVIII, 15, 18; Деян. III, 22, 23). Видишь ли, каким образом закон показал, что он во Христе имеет конец? Этот пророк, то есть Христос по плоти, Которого Моисей велел слушать, отменил и субботу, и обрезание, и все ветхозаветные обряды. И Давид, предвозвещая то же самое, сказал о Христе: *Ты иерей во век по чину Мельхиседекову* (Пс. CIX, 4), а не по чину Ааронову. Потому и Павел, толкуя это место, ясно сказал, что *предлагаему священству, по нужди и закону пременение бывает* (Евр. VII, 12). И в другом месте говорит еще: *жертвы и приношения не восхотел еси, всесожжений и жертвы о гресе не благоволил еси. Тогда рех: се иду* (Евр. X, 5–7). Кроме этих, можно привести и многие другие свидетельства из Ветхого Завета, которым показывают, каким образом закон получает конец во Христе. Таким образом, когда ты оставляешь (ветхий) закон, тогда хорошо разумеешь закон; а пока продолжаешь держаться его и не веруешь во Христа, то не знаешь и самого закона. Потому-то (апостол), желая показать это яснее, и говорит далее; *но даже до днесь, внегда чтется Моисей, покрывало на сердце их лежит* (ст. 15). Так как (апостол) сказал, что в чтении Ветхого Завета остается покрывало, то, чтобы кто не подумал, что эти слова означают темноту закона, он и прежде, хотя и другими словами, старался показать это (именно словами: *ослепишася помышления их* он показывает, что виноваты сами иудеи), и теперь в самом этом изречении показывает то же. В самом деле, он не сказал, что на буквах пребывает покрывало, а – *во чтении,*

чтение же есть дело тех, кто читает; равно как говорит: *внегда чтется Моисей.* Всего же яснее он показал это, сказав прямо, что это *покрывало лежит на сердце их.* Так точно оно и на лице Моисея лежало не ради Моисея, но по причине грубого и плотского разумения иудеев.

Итак, довольно обличив их, (апостол) доказывает им и способ исправления. Какой же именно? *Внегда же* обратится, говорит, *ко Господу,* то есть оставит закон, *взимается покрывало* (ст. 16). Видишь ли теперь, что то покрывало было не для лица Моисеева, но для глаз иудеев? Оно положено было не для того, чтобы скрыть славу Моисея, но для того, чтобы они не смотрели на нее, потому что не были способны к тому. Они сами, следовательно, были виновны в том. И оно не от Моисея скрывало что-нибудь, но от иудеев. И хотя он не сказал прямо: когда оставят закон, однако ясно указал на это, сказав: *внегда же* обратится *ко Господу, взимается покрывало.* Таким образом (апостол), до конца выдержал историю. И Моисей, когда говорил с иудеями, покрывал лицо свое, когда же обращался к Богу, снимал с себя покрывало. А это прообразовало имеющее быть впоследствии, — то есть когда мы обратимся к Господу, тогда узрим славу закона, и непокровенное лицо законодателя, и мало того — станем даже наряду с Моисеем. Видишь ли, как он вызывает иудея к вере, показывая, что он не только может видеть Моисея, приходя к благодати, но и стать на одном ряду с этим законодателем? Ты не только, говорит, будешь созерцать ту славу, которой тогда не видал, но и сам приобщишься той же славы, и даже гораздо лучшей — такой, перед которой первая не есть даже и слава. Как же и каким образом? Так, что ты, обратившись к Господу и получив благодать, будешь наслаждаться такой славой, в сравнении с которой слава Моисея так мала, что не есть и слава. Однако, как она ни мала и как ни далеко отстоит от той (благодатной славы), ты, оставаясь иудеем, и ее бы не удостоился (как не видели ее ни тогдашние иудеи, ни нынешние); сделавшись же верующим, ты удостоишься созерцания гораздо лучшей славы. Когда (апостол) обращал речь свою к верным, то говорил: *не прославися прославленное;* а здесь сказал напротив: *внегда же* обратится *ко Господу, взимается покрывало.* Таким образом, мало-

помалу возводит (иудея) на высоту; сперва поставляет его наряду с Моисеем, а потом уже делает участником и большего. Действительно, когда ты увидишь Моисея в славе, тогда уже обратишься и к Богу, и будешь наслаждаться славой лучшей и высшей (Моисеевой). Итак, пересмотри с самого начала, сколько он указал отличительных признаков того и другого завета, различающих их между собой и показывающих превосходство Нового перед Ветхим, а не разногласие и противоречие одного другому. Он сказал, что Ветхий есть письмена, камень, служение смерти и имеет конец, и, однако, иудеи не были удостоены и такой славы его; Новый же Завет написан на скрижалях плотяных, и есть Дух, правда, и пребывает вечно; и мы все удостаиваемся славы его, а не один кто-нибудь, как Моисей тогда один удостоился и меньшей славы. *Мы еси,* говорит, *откровенным лицем на славу Господню взираем,* а не на славу Моисея. Но так как некоторые, вопреки твердому исповеданию, думают, что эти слова — *внегда* обратится *ко Господу* — сказаны о Сыне, то исследуем это изречение тщательнее и точнее, начав с того, на чем они думают основать свое мнение. Что же это? Они говорят: в каком смысле в Писании говорится *Дух Бог,* в таком же смысле сказано и здесь — *Господь Дух.* Но (апостол) не сказал: Господь Дух, но *Господь Дух есть.* А между этим и тем соединением слов большое различие. Когда Писание хочет совершить так, как ты говоришь, тогда оно к придаточному имени не прилагает члена. Впрочем, и другим образом можно узнать, о ком (апостол) говорил все, что говорил выше. Например, когда он говорил: *писмя убивает, Дух животворит;* и опять: *написано не чернилом, но Духом Бога жива,* — о Сыне ли говорил это или о Духе? Очевидно, что о Духе, потому что к Нему от письмен возводит он иудеев. Но чтобы кто-нибудь, услышав о Духе и рассуждая сам с собой, что Моисей обращался к Господу, а этот к Духу, — не подумал отсюда, что (апостол) ниже (Моисея), то он, предупреждая такую мысль, говорит: *Господь же Дух есть* (ст. 17), то есть и Дух есть Господь. А чтобы ты знал, что он говорит об Утешителе, присовокупил: *идеже Дух Господень, ту свобода,* — так что тебе нельзя уже сказать, что слова его то же значат, что — «идеже Господь Господень». О свободе он упомянул здесь в про-

тивоположность прежнему рабству. Потом, чтобы ты не подумал, что он говорит о будущем еще времени, присовокупляет: *мы же вси откровенным лицем славу Господню взирающе* (ст. 18), то есть не ту преходящую, но пребывающую, *в той же образ преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа.*

Видишь ли, как он опять поставляет Духа на месте Бога, а их, (коринфян) на одну степень с апостолами? Он и выше сказал: *вы есте послание Христово* (ст. 3), и теперь говорит: *мы же вси откровенным лицем,* хотя одни апостолы, подобно Моисею, ходили нося с собой закон. Но как мы, говорит, не имели нужды в покрывале, так и вы, принявшие (Евангелие). Хотя (новозаветная) слава гораздо больше (ветхозаветной), потому что она не есть слава нашего лица, но Духа, тем не менее и вы одинаково с нами можете смотреть на нее. Иудеи и при посреднике не могли видеть; вы же и без посредника можете созерцать гораздо большую славу. Они и на славу Моисея не могли взирать, а вы можете созерцать и славу Духа. Итак, если бы Дух был ниже, то он не поставил бы новозаветного выше ветхозаветного.

5. Что же значит: *славу Господню взирающе, в той же образ преобразуемся?* Это тогда было яснее, когда действовали дарования чудес; впрочем, кто имеет очи веры, тому и ныне нетрудно уразуметь это. Как скоро мы крещаемся, то душа наша, очищенная Духом, делается светлее солнца; и мы не только бываем способны смотреть на славу Божию, но еще и сами получаем от нее некоторое сияние. Как чистое серебро, лежащее против солнечных лучей, и само испускает лучи не только от собственного естества, но и от блеска солнечного, так и душа, очищенная Духом Божиим и сделавшаяся блистательнее серебра, принимает луч от славы Духа и отражает его. Потому и говорит (апостол): *взирающе, в той же образ преобразуемся от славы* Духа в *славу* нашу, которой удостоиваемся, в славу такую, в какую надлежит *от Господня Духа.*

Видишь, как и здесь он называет Духа Господом. Но и в других местах можно видеть, что Он Господь. Так — *служащим им,* говорится, *и постящимся Господеви, рече Дух: отделите ми Павла и Варнаву* (Деян. XIII, 2). Для того и сказано — *служащим им Господеви, отделите ми,* чтобы показать Его равночестность. Еще опять Христос говорит: *раб не весть, что*

творит Господь его (Ин. XV, 15). Но Дух так же знает Божие, как человек знает ему принадлежащее, и притом без научения; иначе не было бы подобия (1 Кор. II, 11). И то самое, что Он действует как хочет (1 Кор. XII, 11), показывает Его власть и господство. Он преобразует нас; Он не допускает нас сообразоваться веку этому; Он же есть и Творец такого творения. И подобно тому, как говорится: *создани во Христе Иисусе* (Еф. II, 19), так точно же говорится: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Пс. L, 12). Хочешь ли, я покажу тебе это ощутительнее на апостолах? Подумай только о Павле, одежда которого имела (чудное) действие; о Петре, тень которого обнаруживала (чудодейственную) силу. Если бы они не носили в себе образа Царя и от них не исходило некоторое несравнимое блистание, то одежды и тени их не обнаруживали бы такой силы. Ведь одежды царские страшны и для злодеев. Хочешь ли видеть, как тот же образ отражался и на теле их? *Воззревше,* говорится, на лицо *Стефана, видеша яко лице ангела* (Деян. VI, 15). Но это еще ничто в сравнении со славой, которая сияла внутри. Что Моисей имел на лице своем, то самое они носили в душе своей, лучше же сказать – гораздо даже большее, потому что слава Моисеева была чувственная, а эта невещественная. И как тела, имеющие способность отражать свет, освещаясь светящимися телами, и сами разливают отражающийся в них свет на другие ближайшие к ним тела, так бывает и с верными. Вот почему те, которые достигают этого, – оставляют уже все земное, и живут одним небесным. А мы что? Нам остается только горько стонать по поводу того, что, удостоенные столь высокого звания, мы не знаем даже того, что говорят нам о нем, потому что слишком скоро погубляем в себе (духовные) предметы и привязываемся к чувственным. Эта неизреченная и страшная слава остается в нас не более, как на один или на два дня; а потом мы опять погашаем ее, обуреваясь житейскими делами, и затеняя густыми облаками ее сияние.

Житейские дела – это действительно ненастье, и даже страшнее ненастья. Хотя от них не происходит ни стужи, ни дождя, ни грязи, ни глубокого болота; но зато, – что всего хуже, – от этих дел является геенна со всеми ее мучения-

ми. И как во время сильной стужи все члены цепенеют и замирают, так и душа, оледеневшая от хлада греховного, не может отправлять дел своих, будучи скована, как морозом, совестью. Действительно, что для тела мороз, то для души худая совесть. Отсюда происходит и боязливость. Никто столько не страшится, как прилепившийся к житейскому. Он живет жизнью Каина, трепеща каждый день от страха. И нужно ли говорить о (его опасениях) смерти, потерях, распрях, коварствах и лести? Он и без того боится тысячи превратностей. И хотя сокровищница его полна золота, но душа не свободна от страха бедности. Это и очень естественно, потому что все его желания устремлены к предметам скорогибнущим и скоропреходящим. Если сам он и не испытал еще превратности, то, видя ее на других, почитает себя уже погибшим; оттого он весьма боязлив и малодушен. И не в одних только опасностях так он боязлив; он таков и во всех других случаях. Если нападает на него страсть сребролюбия, – он не отражает ее нападения, как поступает человек, свободный от этой страсти, но делает все, как купленный раб, в угождение жестокой своей госпоже – сребролюбию. Видит ли благообразную девицу, – он тотчас пленяется ею, трепещет и бежит за ней, подобно взбесившемуся псу; между тем как надлежало бы поступить иначе.

6. Когда ты видишь красивую женщину, не о том помышляй, как бы удовлетворить своей похоти, но как бы освободиться от этой похоти. Да как же это, скажешь ты, возможно? Любить ведь не от меня зависит. А от кого же, скажи мне? От наветов диавола? Пусть так, – обвиняй в этом одного диавола; борись же с диаволом и противься страсти. Но я не могу, скажешь ты. Ну, тогда и мы первым делом скажем тебе, что твоя страсть произошла от твоего нерадения, и что ты сам, еще прежде нежели получил страсть, дал доступ к себе диаволу. Но и теперь, если бы ты хотел, очень легко мог бы прогнать его от себя. Скажи мне, что заставляет прелюбодеев прелюбодействовать – желание ли себе бед, или любовь? Очевидно, что любовь. Что же, должно ли их поэтому извинять? Никак. Почему же? Потому что этот грех зависит от них. Но для чего мне такие умствования, скажешь ты? Я сознаю в себе желание освободиться от этой

страсти, но не могу, потому что она сильно нападает на меня, терзает и жестоко мучит меня. Согласен, что ты желаешь освободиться от этой страсти, но не то делаешь, чем бы можно было отогнать ее; ты делаешь то же, что делает одержимый горячкой, когда пьет холодную воду, и так же говорит: сколько я ни придумываю средств избавиться от горячки, не только ничего не успеваю, напротив, еще более усиливаю в себе жар.

Итак, посмотрим: желая погасить свою страсть, не делаешь ли ты чего, что более разжигает ее? Нет, скажешь ты. Скажи же, какие ты употребляешь средства для того, чтобы погасить свою страсть? И что вообще увеличивает эту страсть? Хотя и не все мы подвержены этой страсти, – потому что более можно найти зараженных любовью к деньгам, нежели плотской любовью, – но и тем и другим предлагается общее лекарство. И та и другая любовь равно гнусны; последняя только сильнее и пагубнее. Итак, когда мы преодолеваем сильнейшую, то, очевидно, и слабейшую легко можно истребить. Но если любовь плотская сильнее, то отчего же, скажешь ты, не все бывают заражены этим пороком, напротив, большинство до безумия любит деньги? Это, во-первых, от того, что последняя страсть многим кажется безопасной, а еще от того, что любовь плотская, хотя и сильнее, но она скорее проходит. Иначе, если бы она была столько же постоянна, как и страсть к деньгам, то каждого зараженного ею приводила бы к погибели. Итак, рассмотрим же внимательнее плотскую любовь и узнаем, что усиливает эту страсть. Тогда увидим, от нас ли она зависит или не от нас. Если от нас, то мы должны употребить все усилия, чтобы освободиться от нее; если же не от нас, то для чего напрасно и мучить себя? Для чего будем обвинять, – не следует ли скорее извинять тех, которые бывают пленены (этой страстью)? Итак, отчего же рождается эта любовь? От красоты лица, скажешь ты, то есть, когда красива и благовидна будет та, которая уязвляет. Но ты несправедливо и безрассудно говоришь это. В самом деле, если бы красота лица привлекала к любви, то такую девицу любили бы все. Если же не все любят ее, то и любовь эта зависит не от естества и не от красоты лица, а от бесстыдных глаз. Когда ты,

пристально смотря на нее, чрезмерно удивляешься ей и разжигаешься в сердце своем, то ты уже уязвлен. Но кто же может, скажешь, при взгляде на красивую женщину не похвалить ее? Если, следовательно, не от нашей воли зависит удивляться в таких случаях, то не от нас зависит и любовь. Не спеши, человек. Для чего ты все смешиваешь и, бродя всюду, не хочешь видеть корня этого зла? Я много знаю таких, которые удивляются и хвалят, между тем не любят. Как же возможно удивляться красоте и не любить? Не тревожься, я об этом и хочу теперь говорить, но потерпи и послушай, как Моисей удивляется сыну Иакова, говоря: *и бяше Иосиф добр образом и красен взором зело* (Быт. XXXIX, 6). Неужели говоривший так вместе и любил? Совсем нет. Ты скажешь, что Моисей не видал того, кого хвалил. Однако, мы впадаем в любовную страсть не тогда только, когда видим красоту, но, случается, и тогда, когда слышим о ней. Но чтобы ты более не спорил с нами об этом, я спрошу тебя: Давид не был ли благообразен и весьма доброзрачен, особенно по красоте своих глаз? А что более всего составляет властную черту в благообразии лица, это именно красота глаз. Что же? Увлечен ли был кто-нибудь страстной любовью к нему? Никто. Следовательно, любовь не связана неразрывно с удивлением. Многие имели также матерей, цветущих телесной красотой. Что же? Ужели дети любили их страстной любовью? Да не будет! Хотя они и дивятся тому, что видят, однако не впадают в постыдную любовь. Но (ты опять скажешь, что) здесь удерживает закон природы? Скажи мне, какой закон природы? Тот, скажешь, что они — матери. Но разве ты не слыхал, что персы, без всякого постороннего принуждения, живут с матерями своими, как с женами, и не один или два из них так поступают, но целый народ? Впрочем, и без того уже видно, что любовная страсть происходит не просто от красоты только телесной и благовидности, а от расслабления и заблуждения души. Много было и таких, которые, много раз пройдя мимо тысяч благообразных женщин, отдавались безобразным. Отсюда ясно, что любовь зависит не от красоты лица. В противном случае они избирали бы красивых, а не безобразных. Итак, где же причина (страсти)? Если не от красоты лица эта любовь, то

откуда же, спросишь ты, она происходит, и где искать ее источника? От злого демона? Точно, она и отсюда. Но мы не того доискиваемся; вопрос в том, не причиной ли и мы? Действительно, она не есть только навет диавола, но вместе с ним и прежде всего сами мы виновники ее. Подлинно, эта злая болезнь ни от чего так легко не рождается, как от привычки, от льстивых слов, от праздности, лености и от того, что у нас нет никакого дела.

7. Велика власть привычки, истинно велика, до такой степени, что она даже обращается в необходимость природы. Но если привычка рождает ее, то очевидно, что она же может и погасить ее. Многие, увлеченные любовью, освобождались от нее тем, что не видели более любимых ими лиц. Сначала это кажется тяжело и очень неприятно, но со временем делается приятным, а наконец, даже и при желании, невозможно уже становится вызвать опять страсть. А это отчего, ты скажешь, что я и без привычки еще пленяюсь при первом взгляде? И это также происходит или от праздности телесной, или от роскоши, или от беспечности о своих обязанностях, или оттого, что человек вовсе не занимается даже необходимыми для него делами. Такой (человек), повсюду блуждая, точно заблудившийся в пути, легко увлекается всяким злом; и его душу, как душу рассеянного юноши, всякий, кто хочет, увлекает в рабство. Так как существенное свойство души – непрестанно быть в действии, то если ты прекратишь ее деятельность в добром, – она, как не могущая оставаться в бездействии, по необходимости устремляется к другому (роду деятельности). Подобно тому как земля, если остается незасеянной и не насажденной, сама собой производит траву, так и душа, когда не занимается необходимыми для нее делами, как стремящаяся по природе своей непрестанно к деятельности, по необходимости предается злым делам. И как глаз не может перестать смотреть, и потому необходимо увидеть худое, когда не имеет перед собой хорошего, так и помысл, когда отвлекается от предметов необходимых, непременно начинает вращаться около предметов бесполезных. А что непрестанное упражнение и бодрствование могут отогнать и первое нападение страсти, это известно из многих примеров. Итак, если ты

при взгляде на красивую женщину почувствуешь к ней страсть, то более не смотри на нее – и освободишься (от страсти). Но как я могу, скажешь ты, не смотреть на нее, будучи увлекаем страстью? Займись другими полезными предметами, привлекающими душу, читай книги, заботься о своих нуждах, ходатайствуй, защищай обижаемых, молись, размышляй о будущем веке, – к этим предметам устремляй душу. Поступая таким образом, ты освободишься не только от новой еще раны, но легко можешь излечить даже отвердевшую и застаревшую. Если худая молва, по пословице, убеждает иногда влюбившегося отказаться от своей любви, то тем более эти духовные напевы могут подавить зло, лишь бы только мы сами захотели оставить его. Но если мы всегда обращаемся и беседуем с теми, которые поражают нас стрелами этой страсти, и даже в отсутствие говорим о них сами и слушаем рассказы других, то мы сами питаем болезнь свою. Как же ты хочешь погасить огонь, каждый день раздувая пламень? Всем, что мы сказали доселе о привычке, пусть воспользуются юноши. Что же касается до мужей и тех, которые умеют размышлять, то для них более всего в этом случае нужен страх Божий, память о геенне и желание небесного царствия. Этого достаточно, чтобы погасить пламень преступной любви. Но кроме этого, представляй себе и то, что видимое тобой есть не более, как влага, кровь и гной разложившейся пищи. А светлый цвет лица, скажешь ты? Но нет ничего светлее цветов земных, а и они увядают и сгнивают. Так и здесь смотри не на цвет, но проникай мыслью вглубь, и, оставив без внимания красоту кожи, размышляй о том, что кроется под ней. И у страдающих водяной болезнью тело светло, и снаружи не имеет ничего безобразного; но при мысли о кроющейся внутри влаге мы не можем любить таковых людей. А нежный и резвый глаз, красиво расположенные брови, черные ресницы, кроткая зеница ока, веселый взгляд? Но знай опять, что и это все не что иное, как нервы, жилы, перепонки и артерии. Представь только этот красивый глаз больным, состарившимся, иссохшим от печали или пылающим гневом: как он покажется тебе безобразным, как вся прелесть его вдруг пропадет и тотчас исчезнет! Вместо того устремляй лучше мысль твою к истинной

красоте. Но я не вижу, скажешь, красоты душевной. Напрасно: если захочешь, увидишь. Подобно тому, как можно, и не видя глазами, мысленно удивляться отсутствующим красивым лицам, так точно – видеть и красоту душевную без помощи глаз. Не воображал ли ты себе иногда какого-нибудь красивого лица, и не ощущал ли чего-нибудь к этому созданному тобой образу? Так точно воображай себе и красоту души и наслаждайся ее благообразием. Ты скажешь: я не могу видеть бесплотного. Но умом мы еще лучше созерцаем бесплотное, нежели тела. Таким образом, мы удивляемся и ангелам, и архангелам, хотя их и не видим, равно как и добрым нравам, и душевным добродетелям. Итак, когда увидишь кроткого и степенного человека, то подивись лучше ему, нежели обладающему красивым лицом; и если заметишь, что кто-нибудь без огорчения переносит напрасные обиды, то дивись и вместе полюби его, хотя бы он был и старец. Красота души именно такова, что и в старости имеет многих любящих, потому что никогда не увядает и всегда цветет. Итак, чтобы и нам приобрести такую красоту, станем уловлять и любить тех, которые имеют ее. Таким образом, мы и сами, получив ту же красоту, сможем достигнуть вечных благ, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VIII

Имуще убо служение сие, якоже помиловани быхом, не стужаем си, но отрекохомся тайных срама (2 Кор. IV, 1)

1. Так как (апостол) сказал много великого и поставил себя и всех верных выше Моисея, то, сознавая всю силу и важность сказанного, смотри, как он опять умеряет свое слово. Действительно, ему надлежало и возвысить себя ради лжеапостолов, равно как и своих слушателей, и опять умерить эту высоту, на которую поставил себя, не отказываясь, впрочем, от нее совершенно, потому что отказаться значило бы шутить. Для этого он употребляет такой оборот речи, которым показывает, что все зависит не от собственных его совершенств, но от человеколюбия Божия, почему и го-

ворит: *имуще убо служение сие.* Мы ничего, говорит, не привнесли своего, мы только были служители у Бога и исполнители данных от Него наставлений. Вот почему он и называет (свое апостольское делание) не начальствованием, не водительством, а только *служением;* и даже этим не довольствуется, а присовокупляет еще: *якоже помилованы быхом,* – то есть и то самое, что мы поставлены служителями, зависит только от милости и человеколюбия (Божия). Правда, дело милости есть избавлять от зол, а не такие раздавать блага, какие даны были (апостолам); впрочем, Божией милости и это свойственно. *Не стужаем си,* то есть и то, что мы не унываем, надлежит приписать Его человеколюбию. Выражение: *якоже помиловани быхом* должно именно относить как к служению, так и к словам: *не стужаем си.* Смотри же, как он старается смягчить прежде сказанное о себе: он говорит, что кто удостоился столь великих и многих благ, и удостоился только по милости и человеколюбию, – тот ничего не делает великого, сколько бы ни трудился, каким бы ни подвергался опасностям и какие бы ни терпел искушения. Оттого мы не только не унываем, говорит, но еще радуемся и дерзаем. Сказав именно: *не стужаем си,* он присовокупил еще: но *отрекохомся тайных срама, не в лукавствии ходяще, ни льстяще словесе Божия* (ст. 2). Что же значит: *тайных срама?* Мы не так возвещаем, говорит, что на словах обещаем многое, а на деле показываем другое, как поступают лжеапостолы, – почему он и говорил: *яже пред лицем зрите* (2 Кор. X, 7), – но мы таковы же и на деле, каковыми вы нас видите, потому что мы не имеем ничего двусмысленного и ничего не говорим и не делаем, что бы от стыда надлежало скрывать и оставлять во мраке. И, желая высказать это еще яснее, прибавляет: *не в лукавствии ходяще.* Что те (лжеапостолы) почитали похвальным, то он (апостол) называет постыдным и достойным смеха. Что же значит – *в лукавствии?* Те (лжеапостолы) славились как нелюбостяжательные, а между тем брали дары, только тайно; почитались за святых и за истинных апостолов, а на самом деле имели множество пороков. Мы же, говорит, все это отвергнули (то есть то, что он и называет *тайным срама);* мы и в самом деле таковы, каковыми кажемся, и не имеем ничего скрытого как в жизни

нашей, так и в самом проповедании. Это и означают слова: *ни льстяще словесе Божия, но явлением истины,* то есть не наружно и для вида, но самим делом. *Представляюще себе ко всякой совести человечестей.* Мы известны не только верным, но даже и неверным, потому что представляем себя на суд всякому, кто хочет испытывать наши дела. Так мы представляем себя, а не прикрываясь и показывая только светлую личину. Мы говорим, что не принимаем никаких для себя даров, — и вас же самих призываем в свидетели этого; утверждаем, что мы ничего худого за собой не знаем, — и в этом опять свидетельствуемся вами же самими. Мы не делаем, как они, прикрывая дела свои, чтобы обманывать других. Напротив, мы и жизнь свою предлагаем всем на рассмотрение, и учение преподаем без всякого прикрытая, так что все могут разуметь его. Но так как неверные не уразумели силы этого учения, то он присовокупляет, что это не по нашей вине, а по причине бесчувствия их самих. Поэтому и говорит: *аще ли же и есть покровено благовествование наше, в гибнущих есть покровено, в нихже Бог века сего ослепи разумы неверных* (ст. 3, 4). Здесь он говорит то же самое, что он и прежде сказал: *овем убо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот* (гл. II, 16).

2. Кто же это *Бог века сего?* Последователи заблуждения Маркиона говорят, что это сказано только о Творце правосудном, а не благом: они утверждают, что есть другой какой-то Бог, правосудный только, без благости. Манихеи же, безумно желая ввести другого творца твари кроме истинного, говорят, что здесь говорится о диаволе, потому что Писание часто называет богом не по достоинству называемого, но по бессилию подчиненных его. Так оно и *мамону* называет господином (Мф. VI, 24), и чрево богом (Флп. III, 19). Однако ни чрево по этому самому не бог, ни мамона — господь, но так названы они из-за тех, которые им подчиняют себя. Мы же думаем, что это сказано и не о диаволе, но о Боге всяческих. И должно читать это место так: Бог ослепил разумы неверных века сего, потому что не будущий, а только настоящий век имеет неверных. Если же кто и так будет читать: Бог века сего, то и такое чтение не представляет никакого затруднения, потому что не показывает еще, что Он — Бог только настоящего века. Он называется и Бо-

гом неба; однако не есть Бог одного только неба. Мы называем Его также и Богом настоящего дня; однако, говоря так, мы не ограничиваем власти Его только этим днем. Равным образом называется Он и Богом Авраама, и Богом Исаака, и Богом Иакова, и, однако, Он не есть Бог только их одних. Много и других подобных доказательств можно находить в Писании. Как же Он ослепил их? Не содействием к тому, — да не будет, — но оставлением и попущением. В Писании часто употребляются такие выражения. Так оно говорит: *предаде их Бог в неискусен ум* (Рим. I, 28). Так как язычники прежде сами не поверили и сделали себя недостойными познания тайн Божиих, то и Бог уже потом оставил их. Что же другое надлежало бы с ними делать? Насильно влечь и открывать тайны не желающим знать их? Но они еще более презрели бы и отказались знать их. Потому-то (апостол) и присовокупил: *во еже не возсияти им свету благовествования славы Христовы,* — не для того, чтобы не веровали в Бога, но для того, чтобы неверующие, как неспособные, не видели внутренних тайн. То же и нам заповедал Господь, повелев не метать бисера перед свиньями (Мф. III, 6). Иначе, если бы Он открыл и неверующим, то болезнь (неверия) только еще более усилилась бы в них. Так и больного глазами если бы кто насильно заставил смотреть на солнце, то еще больше только усилил бы его болезнь. Вот почему врачи и содержат таких больных в темноте, чтобы не усилить болезни. Точно таким же образом и здесь представляй, то есть что неверующие сделались такими по своей воле, а сделавшись неверующими, они уже не могли созерцать неизреченных тайн Евангелия, так как и Бог уже сокрыл от них сияние света евангельского. Об этом и (Господь) говорил ученикам: *сего ради в притчах глаголю им, яко слышаще не слышат* (Мф. XIII, 13). Но чтобы еще лучше объяснить на примере то, о чем я говорю, — представь себе какого-нибудь эллина, который считает за басни наши таинства: больше ли пользы получил бы он, когда бы вошел к нам и увидел наши таинства, чем когда бы вовсе не входил? В таком же смысле и (апостол) говорит: *во еже не возсияти им свету*, продолжая все еще держаться истории Моисея. Что именно случилось с иудеями при Моисее, то же самое происходит и со всеми неверными во времена

евангельские. А что от них сокрыто и неизвестно им, об этом послушай самого (апостола), который говорит: *во еже не возсияти им свету благовествования славы Христовы, иже есть образ Бога*, то есть что крест есть спасение вселенной и Его слава, что этот самый Распятый на нем опять имеет прийти с великой славой, и все другое, настоящее и будущее, видимое и невидимое, неизреченная слава ожидаемых (благ). Вот почему он и сказал: *возсияти*, чтобы ты не всего искал здесь в этой жизни, потому что слава, даруемая теперь, есть только некоторое сияние Духа. На это (апостол) указал и выше, когда упоминал *о благоухании*, равно как о *залоге*, показывая тем, что большее остается там (в будущей жизни). Но все это сокрыто от неверующих; сокрыто же за то, что сами прежде не захотели поверить. Далее, чтобы показать, что не познавшие славы Христовой не знают не только Христовой славы, но и славы Отца, прибавил: *иже есть образ Бога*. Нельзя ведь остановиться на одном только Христе, потому что, подобно тому, как через Христа ты видишь Отца, так, не познав славы Христовой, не познаешь и славы Отца. *Не себе бо проповедуем, но Христа Иисуса Господа, себе же самех рабов вам Иисуса ради* (ст. 5).

3. Какая здесь связь? И как это относится к вышесказанному? Здесь он указывает или на тех, которые гордились собой и заставляли учеников своих называть себя их именами, как о том он говорил в первом послании: *аз есмь Павлов, аз же Аполлосов* (I, 12), – или на другое что, более важное. На что же? Так как (лжеучители) сильно восставали (на апостолов) и со всех сторон нападали на них, то он и говорит: против нас ли вы вооружаетесь и восстаете, или против Проповедуемого нами? Ведь мы не себя проповедуем. Я раб, я служитель даже тем, которые принимают эту проповедь, я тружусь для другого, то есть для Господа, и все делаю для Его славы, так что враждующие против нас восстают против Господа. Я столько далек от того, чтобы искать себе каких-нибудь выгод от проповеди Евангелия, что не отказываюсь быть и вашим рабом для Христа, – когда Ему угодно было столько почтить вас, когда Он столько возлюбил вас, и все для вас сделал. Поэтому и говорит: *себе же самех рабов вам Иисуса ради*. Видишь ли душу, нимало не заботящуюся о сла-

ве? Он говорит: мы не только не присваиваем себе того, что принадлежит Господу, но даже и вам служим для Него. *Яко Бог рекий из тмы свету возсияти, возсия в сердцах* ваших (ст. 6). Видишь ли, как он опять желающим находит превосходство, в славе Моисеевой показывает другую славу, сияющую с излишком перед Моисеевой? Он говорит, что как (тогда слава) озарила лицо Моисея, так (ныне слава) воссияла в сердцах ваших. Из всего, созданного в начале, прежде он упоминает о чувственном свете и осязательной тьме, показывая тем превосходство их перед другими творениями. Но когда (Бог) повелел из тьмы воссиять свету? При самом начале творения, как говорит (Моисей): *тма* была *верху бездны. И рече Бог: да будет свет* (Быт. I, 2, 3). Но тогда Он сказал: *да будет,* и сделалось, а ныне Он не сказал, но Сам стал для нас светом; не – *рече,* но Сам *возсия.* Потому и мы при сиянии этого света видим не чувственные предметы, но самого Бога через Христа. Видишь ли здесь нераздельность Святой Троицы? В самом деле, о Духе Святом (апостол) говорит: *мы же вси откровенным лицем славу Господню взирающе, в тойже образ преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа* (III, 18); о Сыне: *во еже не возсияти им свету благовествования славы Христовы, иже есть образ Бога* (IV, 4); об Отце: *рекий из тмы свету возсияти, возсия в сердцах* ваших *к просвещению разума славы Божия о лице Христове* (ст. 6). И как, сказав: *благовествования славы Христовы,* он присовокупил: *иже есть образ Бога,* показывая тем, что (не познавшие славы Христовой) лишены и славы Бога Отца, так и после слов: *разума Божия* прибавил: *о лице Христове,* показывая тем, что мы через Христа познаем Отца, подобно тому, как и через Духа приводимся к Нему. *Имамы же сокровище сие в скуделных сосудех, да премножество силы будет Божия, и не от нас* (ст. 7). Так как (апостол) сказал много великого и высокого о неизреченной славе (верующих), то чтобы кто не сказал: почему же мы, получив такую славу, остаемся в смертном теле? – говорит, что это-то особенно и удивительно, и представляет величайшее чудо силы Божией, что скудельный сосуд может вмещать в себе такой свет и хранить такое сокровище. Удивляясь и сам этому, он сказал: да премножество силы будет Божия, а не от нас; и опять указывает на тех, которые хвалятся о себе. И величие даров, и

слабость получивших их показывают силу (Божию) не только тем, что (Бог) даровал столь великие блага, но и тем особенно, что даровал людям слабым. Под скудельным сосудом он именно разумеет слабость нашей смертной природы и немощь нашей плоти, потому что плоть наша нисколько не крепче скудельного сосуда, – она столь же удобосокрушима и так же легко разрушается – и смертью, и болезнями, и воздушными переменами, и другими бесчисленными (причинами). И это сказал он как для того, чтобы постыдить высокомерие их, так и для того, чтобы всем показать, что в делах наших нет ничего человеческого.

4. Подлинно, тогда-то особенно и бывает видима сила Божия, когда она совершает великие дела через слабые орудия. Потому-то и в другом месте (Господь) сказал: *сила бо моя в немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Так в Ветхом Завете через мошек и мышей (Господь) сокрушал целые полчища варваров (Исх. VIII и X; 1 Цар. V и VI), – почему Он и гусениц называл великой Своей силой (Иоил. II, 25), – и некогда через одно смешение языков разрушил строение великой вавилонской башни (Быт. XI). А на войне в одно время тремястами человек рассеял бесчисленное войско (Суд. VII); в другое – одним звуком труб разрушил город (Нав. VI); впоследствии же посредством малого и ничтожного отрока Давида обратил в бегство все варварское войско (1 Цар. XVII). Так и в Новом Завете, послав только двенадцать человек, покорил вселенную, и притом несмотря на гонения и преследования, которым подвергались эти двенадцать. Итак, подивимся силе Божией, почудимся ей и поклонимся! Спросим иудеев, спросим эллинов; кто убедил всю вселенную оставить отеческие обычаи и переменить образ жизни? Рыболов или скинотворец? Мытарь или некнижный и простой человек? Но имело ли бы это (разумный) смысл, если бы не действовала через них Божия сила? Что же они говорили, когда убеждали? Крестись во имя Распятого. Какого? Того, Которого они не знали и не видали. И, однако, говоря и проповедуя это, они убедили мир, что прорицатели и так называемые по преданию боги не суть боги. А пригвожденный ко кресту Христос привлекал к себе всех, несмотря на то, что распятие Его и погребение известны были всем, о воскресе-

нии же Его знали только немногие. Но и в этом они убедили даже тех, которые не видали этого, и уверили не только в том, что Он воскрес, но и в том, что Он вознесся на небо и придет судить живых и мертвых.

Итак, скажи мне: откуда такая сила убедительности в этих речах? Ниоткуда более, как от силы Божией. И, прежде всего, сама новость была противна всем: если кто в такого рода вещах вводит новое, для того дело становится очень трудным, потому что он ниспровергает основания древнего обычая и в корне подрывает законы. К тому же и сами проповедники казались не заслуживающими доверия, потому что были из народа всеми ненавидимого, бедные и неученые. Каким же образом они покорили вселенную? Как могли посрамить и низложить вас и ваших предков, славившихся мудростью, даже и с богами вашими? Не ясно ли это показывает, что они имели Бога себе помощником? Не человеческой силе свойственно производить такие действия, но неизреченной силе Божией. Нет, скажут, не Божией силе, но волхвованию. Но если волхвованию, то в таком случае надлежало бы еще более возрасти власти демонов и распространиться служению идолам. Отчего же прекратились и исчезли ложные служения, а наше служение восторжествовало над ними? Не ясно ли опять и отсюда, что все это произошло по определению Божию, не только в отношении проповеди, но и самой жизни (проповедников). В самом деле, когда явилась на земле повсюду такая любовь к девственной жизни? Когда стали презирать богатство, жизнь и другие всякие (блага)? Люди бесчестные и волхвы ничего такого не могли бы произвести; они сделали бы все напротив. Между тем апостолы научили нас жизни ангельской; и не научили только, но и насадили и утвердили эту жизнь не только в нашей стране, но и у варваров, и на самых отдаленных концах земли. Отсюда ясно открывается, что все это повсюду произвела сила Христова, повсюду сияя и быстрее всякой молнии озаряя умы человеческие. Итак, размыслив все это и в точном исполнении совершавшегося имея верный залог имеющих исполниться обетований, поклонитесь вместе с нами непобедимой силе Распятого, чтобы избежать вам тяжких наказаний и наследо-

вать вечное царствие, которого да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IX

Во всем скорбяще, но не стужающе си: не чаеми, но не отчаяваеми: гоними, но не оставляеми (2 Кор. IV, 8)

1. (Апостол) продолжает еще доказывать, что все сказанное им выше есть дело силы Божией, низлагая таким образом гордость тех, которые хвалятся самими собой. Не то одно, говорит, только чудно, что мы храним это сокровище в скудельных сосудах, но и то, что, подвергаясь бесчисленным бедствиям и будучи отовсюду поражаемы, сберегаем его, а не теряем. Между тем как и адамантовый сосуд не мог бы ни носить такого сокровища, ни устоять против стольких наветов, ныне (и скудельный сосуд) вмещает его и остается невредим по благодати Божией. *Во всем скорбяще,* говорит, *но не стужающе си.* Что значит — *во всем?* То есть отовсюду мы терпим скорби — от врагов, от друзей, от недостатка самого необходимого, и от других нужд, от недоброжелателей и от своих, — но остаемся нестесненными. И смотри, какие он указывает противоположности, чтобы и здесь показать силу Божию: *скорбяще,* говорит, *но не стужающе си: не чаеми, но не отчаяваеми,* то есть не теряем до конца надежды. Мы часто скорбим и не получаем, чего ищем, однако не так, чтобы теряли уже надежду получить то, к чему стремимся, потому что Бог попускает такие искушения не для того, чтобы поразить нас, но чтобы усовершить нас. *Гоними, но не оставляеми: низлагаеми, но не погибающе* (ст. 9). Хотя постигают нас искушения, но не постигают следствия этих искушений; и это все происходит действием силы и благодати Божией. В других местах он говорит, что такие (искушения) Бог попускает и для того, чтобы смирить их самих и предостеречь других. Так, *да не превозношуся,* говорит, *дадеся ми пакостник* (2 Кор. XII, 7). И еще: *да не како кто вознепщует о мне паче, еже видит мя, или слышит что от мене* (ст. 6). И в другом месте: *да не надеющеся будем на ся* (там же, I, 9). А здесь (говорит): дабы явилась сила Божия.

Видишь, какая польза от искушений? Через них становится очевиднее действие силы и благодати Божией: *довлеет ти*, говорит, *благодать Моя* (2 Кор. XII, 9). Они одних привели к смиренномудрию, а других по крайней мере заставили умерить свою гордость, и сделали более великодушными: *терпение*, говорится, *соделывает искусство, искусство же упование* (Рим. V, 4). Те, которые подвергались бесчисленным бедствиям и освобождались от них только надеждой на Бога, научались через это и во всяком другом случае всего более держаться этой надежды. *Всегда мертвость Господа Иисуса в теле носяще, да и живот Иисусов явится в теле нашем* (ст. 10). Что же значит – *мертвость Господа Иисуса*, которую они носили? Ежедневно угрожающие различные роды смерти, которые указывали вместе и на воскресение. Если кто не верит, говорит, что Иисус умер и воскрес, такой пусть уверится в истине воскресения, видя нас ежедневно умирающими и воскресающими. Видишь, как он нашел еще и другую причину искушений? Какую же именно? *Да и живот Иисусов*, говорит, *явится в теле нашем*, то есть когда Господь исторгает нас из опасностей смерти, так что то самое, что показывает повидимому бессилие (апостолов) и оставление их (от Господа), ясно проповедует Его воскресение. Сила Его, говорит, не так бы была видима, если бы мы не терпели никаких страданий, как она видима теперь, когда мы страдаем, но остаемся непобедимыми. И *мы бо живии в смерть предаемся Иисуса ради, да и живот Иисусов явится* в нас *в мертвенней плоти нашей* (ст. 11). Когда (апостол) говорит что-нибудь неясно, он всегда присовокупляет объяснение своих слов. Это самое он сделал и здесь, поясняя сказанное им выше. Для того, говорит, мы предаемся, то есть носим мертвость Его, чтобы открылась в нас сила жизни Его, когда Он не попускает смертной плоти нашей, столько страждущей, быть побежденной множеством зол. Можно и иначе понимать эти слова. Как же? Так, как в другом месте говорит: *аще с* Ним *умрохом, с* Ним *и оживем* (2 Тим. II, 11). Подобно тому как мы носим Его смерть и решаемся заживо умереть для Него ныне, так и Он благоизволит умерших нас оживить тогда. Если мы, пренебрегая жизнью, идем на смерть, то и Он приведет нас от смерти к жизни. *Темже смерть в нас действует, а живот в вас*

(ст. 12). Здесь он рассуждает уже не о смерти, но о бедствиях и утешениях. Мы, говорит, в бедствиях и искушениях, а вы наслаждаетесь покоем, и наши бедствия доставляют вам жизнь. Мы подвергаемся опасностям, а вы наслаждаетесь благополучием, потому что вы не претерпеваете подобных искушений. *Имуще же тойже дух веры, по писанному, веровах, тем же возглаголах; и мы веруем, темже и глаголем, яко воздвигий Господа Иисуса, и нас чрез Иисуса воздвигнет* (ст. 13, 14). Здесь он припомнил нам псалом (CXV, 1), который заключает в себе много любомудрия и весьма может утешить в несчастье, потому что эти слова были произнесены праведником, когда он находился среди великих бедствий, от которых нельзя было освободиться иначе, как только при помощи Божией.

2. Так как (апостол) знал, что в подобных (несчастьях) подобные же (утешения) особенно облегчают душу, то и сказал – *имуще той же дух,* то есть той же помощью, которой тот избавился от бедствий, и мы спасаемся, и тем же Духом, которым он говорил, и мы говорим. Вместе с тем он показывает здесь и то, что между Ветхим и Новым Заветом находится большое согласие, что один и тот же Дух действовал в обоих заветах; также что не мы одни подвергаемся бедствиям, но и все древние подвергались им и что более надо утверждаться в вере и надежде, а не искать тотчас же избавления от постигающих нас (бедствий).

Доказав, таким образом, через умозаключения воскресение и жизнь и что бедствие не есть признак бессилия и оставления от Бога, (апостол) переходит наконец, к вере и к ней все направляет. Но и для утверждения этой веры он опять указывает на воскресение Христово, говоря: *и мы веруем, темже и глаголет.* Чему же веруем? *Яко воздвигий Иисуса, и нас воздвигнет и предпоставит с вами. Вся бо вас ради, да благодать умножившаяся, множайшими благодарении избыточествует в славу Божию* (ст. 16). Опять внушает (коринфянам), чтобы они полученные благодеяния не приписывали людям, то есть лжеапостолам, потому что все от Бога, Который благоволит изливать благодеяния Свои на многих для того, чтобы большее число людей благодарили Его. Для вас, говорит, Его воскресение и все прочее. Не для одного только человека Он столько совершил, но для всех. *Темже и не стужаем*

си: но аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни (ст. 16). Каким образом *тлеет?* Когда терпит бичевания, гонения и другие бесчисленные бедствия. *Обаче внутренний обновляется по вся дни.* Как *обновляется?* Верой, надеждой, ревностью. Потому надо быть мужественными в бедствиях. Действительно, чем более страдает тело, тем более душа имеет благих надежд и тем более просветляется, как золото, много испытанное действием огня. И смотри, как он отнимает силу у скорбей настоящей жизни. *Еже бо ныне легкое печали,* говорит, *по преумножению в преспеяние* вечную *тяготу славы соделывает, не смотряющим нам видимых, но невидимых* (ст. 17, 18). Все дело полагает он в надежде. И как в Послании к Римлянам говорил: *упованием спасохомся, упование же видимое несть упование* (Рим. VIII, 24), к тому же и здесь приводит слушателя, когда настоящее противополагает будущему, временное – вечному, легкое – трудному, скорбь – славе. И, не довольствуясь этим противоположением, он прибавляет еще другое выражение с усугублением его и говорит: *по преумножению в преспеяние.* Потом показывает и способ, как облегчится тяжесть скорбей. Как же? *Не смотряющим нам,* говорит, *видимых, но невидимых.* Если таким образом мы будем отвращать взор свой от видимого, то настоящее будет для нас легко, а будущее велико: *видимая бо временна;* следовательно, и скорби (временны). *Невидимая же вечна;* следовательно, и венцы таковы же. Не сказал он: одни скорби временны, но все видимое, хотя бы то была скорбь, хотя бы радость, – чтобы и в радости мы не расслаблялись, и скорбями не тяготились. Потому же, говоря и о будущем, он не сказал: царство вечно, но: *невидимая вечна,* хотя бы то было царство, хотя бы мучение, – чтобы мы этого последнего страшились, а к первому стремились. И так как видимое временно, а невидимое вечно, то к невидимому и будем простирать наши взоры. В самом деле, чем мы извиним себя, если временное предпочтем вечному? Положим, что и временное приятно, но оно непродолжительно; а мучения за него не будут иметь ни конца, ни пощады. Какой ответ дадут те, которые будучи удостоены Духа Божия и получив столь великий дар Божий, обратили взоры свои долу и ниспали к земному? Слышу, как многие говорят весьма смешные слова: дай мне нынешний

день и возьми себе завтрашний. Если в будущем веке действительно так, как говорите, то пусть будет одно за одно, а если там вовсе нет ничего такового, то два за ничто. Что может быть законопреступнее и безумнее таких слов? Мы рассуждаем о небе и о неизреченных тамошних благах; а ты предлагаешь нам слова, употребляемые только на конских ристалищах. И ты не стыдишься и не закрываешь лица, говоря то, что свойственно говорить безумным? Не краснеешь от стыда, так сильно прилепившись к настоящему? Не перестаешь безумствовать, говорить против здравого смысла и болтать как юноша? Неудивительно, если это говорят язычники но людям верным можно ли простить такое безумие? Ужели ты совсем не веришь тем надеждам, какие обещают тебе в вечности? Ужели все это для тебя сомнительно? Может ли быть для этого какое-нибудь оправдание? Но кто, скажут, пришел оттуда и возвестил, что там есть? Правда, из людей никто не приходил; но Бог, Который более всех достоин нашей веры, открыл это. Ты не видишь, что там? Но ты не видишь и Бога; однако ужели потому, что не видишь, скажешь, что нет Бога? Напрасно, скажешь, я очень верю (что Бог есть).

3. Итак, если кто-нибудь из неверных спросит тебя: а кто приходил с неба, и возвестил тебе это? – что ты ответишь ему? Откуда ты узнал, что Бог есть? Из вещей, скажешь, видимых, из благоустройства, какое усматриваем во всем творении, и из того, что это всем известно. А если так, то с такой же верой прими и слово о суде. Как же? – скажешь ты. А вот как: я буду тебя спрашивать, а ты отвечай мне. Правосуден ли этот Бог, в Которого ты веруешь, и каждому ли воздает по заслугам, или, напротив, – Он хочет, чтобы злые благоденствовали и веселились, а добрые страдали? Никак, отвечаешь, – потому что и человек этого не потерпит. Где же будут наслаждаться благами те, которые жили здесь добродетельно? Где, напротив, злые получат наказание, если не будет другой жизни, после настоящей, если не будет воздаяния? Видишь ли, что пока уже есть одно за одно, если не два за одно. А я покажу тебе, что праведным будет не только одно за одно, но и два за одно; для грешников же, которые здесь утешаются, все напротив. Действи-

тельно, проведшие здесь свою жизнь в увеселениях и удовольствиях не получили и одного за одно, а живущие добродетельно, напротив, получают два за одно. Кто, в самом деле, и здесь наслаждается блаженным спокойствием — те ли, которые во зло употребили настоящую жизнь, или те, которые любомудрствовали? Ты, может быть, скажешь, что первые; а я докажу тебе, что последние, призывая в свидетели тех самых, которые думали насладиться настоящими благами; и они не будут столько бесстыдны (чтобы стали говорить против того), что я намерен сказать. Они часто проклинали виновников брака и тот день, в который убраны были брачные чертоги их, и называли счастливыми тех, кто не вступал в брак. Многие юноши, вступившие в брачный возраст, отказались от него единственно по причине забот, соединенных с брачной жизнью. Впрочем, я говорю это не в укоризну брака, — который честен, — но (в укоризну) тех, кто худо воспользовался им. Если же вступившие в брак часто считают свою жизнь невыносимой, то что сказать о тех, которые низверглись в ров распутства и через то попали в состояние рабства гораздо более жалкого, нежели рабство какого бы то ни было пленника? Что сказать о тех, которые от невоздержания сгнили и тела свои подвергли бесчисленным болезням? А слава, скажут, разве не приносит удовольствия? Напротив, нет ничего несноснее такого рабства. Ищущий суетной славы и желающий всем угодить раболепствует хуже всякого последнего слуги. Напротив, кто презрел эту славу и не заботится о том, чтобы другие прославляли его, тот выше всех. Скажешь, — иметь богатство вожделенно? Но мы несколько раз уже доказывали, что богаты и благоденствуют гораздо более те, которые свободны от этого бремени и ничего не имеют. И упиваться вином приятно. Но кто бы сказал это? Итак, если гораздо приятнее не иметь богатства, нежели иметь его; не вступать в брак, нежели вступать в него; не искать славы, нежели искать ее; удаляться роскоши и неги, нежели утопать в них, — то и здесь еще более имеют те, которые не прилепляются к земным благам. Я не говорю уже о том, что такой человек, хотя бы подвергся бесчисленным бедствиям, имеет еще утешительную надежду, которая его поддерживает, между тем

как прилепившийся к земному, хотя бы наслаждался бесчисленными удовольствиями, смущается страхом будущего и портит себе этим все удовольствие. Действительно, и это немалый род наказания; равно как и противный – проистекающий из самих удовольствий и радостей земных. Но есть для них еще и третий род наказания. Какой же это? Тот, что утешения житейские даже и тогда, когда они бывают, не открываются (в полной мере), так как и природа их, и время обличают (их ничтожество). Между тем утешения небесные не только истинны, но и пребывают неизменны. Итак, видишь ли, что мы можем представить тебе не только два за ничто, но и три, и пять, и десять, и двадцать, и бесчисленное множество за ничто? Но чтобы ты яснее мог узнать это на примере, то вот пример богатого и Лазаря: один наслаждался благами настоящей жизни, а другой предвкушением благ будущих. Ужели ты думаешь, что одно и то же – вечно терпеть мучение и в короткое время претерпеть голод? Ужели все равно: терпеть болезни в тленном теле, и в нетленном страшно мучиться в пламени; быть увенчанным и торжествовать в бессмертной жизни за кратковременную болезнь в здешней жизни и мучиться там без конца за кратковременное наслаждение земными удовольствиями? И кто мог бы сказать это? Чего ж еще хочешь? Того ли, чтобы мы показали качество и количество того и другого, суд Божий и определение Божие о том и другом? Доколе вы будете говорить слова приличные только тем, которые подобны жукам, ничего более не знающим, как только копаться в навозе? Разумным людям несвойственно губить за ничто столь драгоценную душу, тогда как немного лишь стоит потрудиться, чтобы получить небо.

Если хочешь, я и иначе докажу тебе, что будет страшный суд по смерти. Открой дверь твоей совести и посмотри на судью, сидящего в твоей душе. Если же ты, несмотря на самолюбие, осуждаешь себя самого и не допускаешь, чтобы был произнесен неправедный суд, то не гораздо ли более Бог попечется о Своем правосудии и беспристрастно произнесет суд о всем? Или Он оставит все на произвол и без внимания? Но кто отважится сказать это? Никто. Напротив, с нашим мнением согласны и эллины и варвары, стихотвор-

цы и философы, и вообще весь род человеческий, — хотя и не в равной мере, так как допускают некоторого рода судилища в аде. До такой степени это для всех ясно и несомненно. Но скажут: для чего же здесь не наказывает Бог? Для того, чтобы показать Свое долготерпение и через покаяние доставить нам спасение, чтобы в противном случае не истребить совершенно нашего рода, и чтобы не лишить спасения тех, которые через перемену порочной жизни на лучшую могут еще спастись. Если бы Он тотчас наказывал каждого за грехи его, то как бы спасся Павел, как бы Петр, эти верховные учители вселенной? Как бы Давид через покаяние получил спасение? Как бы (получили спасение) галатяне и многие другие? Вот почему Он не всех наказывает здесь, но из всех только некоторых, и не всех там, но одного (наказывает) здесь, а другого там, — чтобы, здесь наказывая одних, через то возбудить и самых бесчувственных (от усыпления греховного) и, не наказывая других, заставить ожидать будущего наказания. Ужели ты не знаешь, что многие наказываются и здесь, как, например погребенные под развалинами башни (Лк. XIII, 4), или те, кровь которых Пилат смешал с их жертвами (Лк. XIII, 1), или те из коринфян, которые умирали внезапной смертью за то, что недостойно причащались тайн (1 Кор. XI, 30), как фараон, как те из иудеев, которые побиты были некогда варварами, и как многие другие как тогда, так и ныне и всегда? И другие, хотя и много нагрешили, но умерли, не получив здесь наказания, как, например, богач (живший) в дни Лазаря, и многие другие.

4. Так поступает (Господь), с одной стороны, для того, чтобы возбудить веру в тех, которые не верят будущему, с другой стороны, для того, чтобы и верующих, но живущих беспечно, сделать более ревностными. Бог судья праведный, и сильный, и долготерпеливый и не наводит гнева на всякий день (Пс. VII, 12). Но если мы будем во зло употреблять Его долготерпение, то придет время, когда Он нисколько уже не потерпит, но тотчас накажет. Итак, не будем предаваться мгновенным удовольствиям, — а настоящая жизнь и есть мгновение, — чтобы не навлечь на себя вечного наказания; но лучше — мгновение потрудимся, чтобы после вечно торжествовать. Ужели вы не видите, что и в делах житейских

многие так поступают и предпринимают малый труд ради долговременного спокойствия, хотя часто и выходит наоборот? Здесь выгоды бывают соразмерны с трудами, но часто и то бывает, что труд требуется необычайный, а польза от него очень малая, часто и той не бывает. Но не так в царстве небесном: там труд небольшой, а наслаждение обильно и беспредельно. Вот смотри: здесь земледелец трудится целый год и часто под самый конец лишается и одежды и плода многих трудов своих. Опять, мореплаватель и воин проводят жизнь до глубокой старости в борьбе и трудах, но часто и тот и другой оставляют свое поприще так, что первый лишается богатого своего груза, а второй вместе с победой теряет и саму жизнь. Итак, скажи мне, какое мы будем иметь оправдание, когда предпочитаем тяжкие труды в делах житейских, предпринимаемые для кратковременного успокоения или даже совсем напрасно, — потому что надежда в них очень сомнительна, — а в делах духовных поступаем напротив и за кратковременное нерадение навлекаем на себя страшное наказание? Потому прошу вас всех, — хоть поздно, но позаботьтесь высвободить себя из этого оцепенения. Ведь в то время никто уже нас не избавит — ни брат, ни отец, ни сын, ни друг, ни сосед, ни другой кто, но если дела наши осудят нас, то все будет потеряно, и мы непременно погибнем. Какие вопли испускал богач, как он умолял патриарха и просил послать Лазаря? Но послушай, что отвечал ему Авраам: *пропасть между вами и нами, яко да хотящие прейти отсюду к вам не возмогут* (Лк. XVI, 26). Сколько девы умоляли своих подруг, чтобы они уделили им немного елея? Но послушай, что и те говорят: *еда како не достанет нам и вам* (Мф. XXV, 9). И никто не мог ввести их в чертог Жениха. Размышляя об этом, позаботимся и сами о своей жизни. На какие бы труды ты ни указал, какие бы ни представил мучения, все это ничего не значит в сравнении с будущими благами. Представь, если угодно, огонь, железо, зверей или что-нибудь еще более страшное: все это не составит даже и тени будущих мучений. В самом деле, здешние мучения, когда усиливаются, тогда особенно и делаются легкими, потому что ускоряют минуту освобождения, когда тело не может более

выносить ни жестокости, ни продолжения казни. Но там будет не так. Там соединяются и продолжительность, и чрезмерность как в радостном состоянии, так и в плачевном. Итак, пока есть время, *предварим лице Его во исповедании* (Пс. XCIV, 2), чтобы тогда нам узреть Его кротким и милостивым, чтобы избежать тех грозных сил. Посмотри здесь на воинов, служащих своим начальникам, как они влекут виновных, как вяжут, как бичуют, как прокалывают бока, как, для умножения мук, подносят факелы, как отсекают члены тела. Но все это игрушка и смех в сравнении с будущими мучениями. Эти мучения временны, а там *ни червь не умирает, ни огнь не угасает* (Мк. IX, 48), потому что и тело нетленно. Не дай Бог нам узнать это на опыте, но пусть эти ужасы останутся для нас только на словах; не дай Бог, чтобы мы были преданы там мучителям, но чтобы здесь исправились. Сколько тогда будем мы говорить в обвинение самих себя! Сколько будем плакать, сколько рыдать! Но все будет уже бесполезно. Так и кормчие не помогут уже кораблю, когда он разрушился и погрузился на дно, ни врачи – когда больной умер. После только говорят, что то и то надлежало бы сделать; но все тщетно, все напрасно. Тогда надлежит обо всем и говорить, и все, делать, пока еще есть надежда исправить дело. А когда не осталось ничего в нашей власти и все погублено, тогда напрасно уже и говорить и делать. Тогда и иудеи скажут: *благословен грядый во имя Господне* (Ин. XII, 13), но это восклицание нисколько не поможет им, чтобы избежать вечного наказания, потому что когда надобно было говорить это, они не говорили. Итак, чтобы и с нами, в соответствии с образом нашей жизни, не случилось того же, – переменим отныне нашу жизнь, чтобы предстать перед судилище Христово со всяким дерзновением, которое и да сподобимся получить все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА X

Вемы бо, яко аще земная наша храмина тела разорится, создание от Бога имамы, храмину нерукотворенну, вечну на небесех (2 Кор. V, 1)

1. (Апостол) опять возбуждает ревность коринфян, среди многих скорбей их. И легко ведь им было ослабеть среди них по причине отсутствия (апостола). Что же он говорит? Не должно удивляться тому, что мы терпим скорби, и смущаться от этого, потому что от них мы получаем великую пользу. В чем заключается эта польза, он сказал уже и раньше, а именно: (терпя скорби) мы носим мертвость Иисуса (IV, 10) и представляем в себе неоспоримое свидетельство силы Его (именно говорит: *да премножество силы будет Божия*, – IV, 7), и ясное доказательство воскресения *да живот Иисусов явится в мертвенней плоти нашей* (IV, 11). Но так как он сказал, кроме того, что через скорби и внутренний наш человек делается лучшим: *аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни* (IV, 16), то, чтобы показать опять, как полезны терпеть бичевания и гонения, присовокупляет еще, что когда страдания достигают последнего предела, тогда для претерпевших их произрастают бесчисленные блага. Чтобы ты, слыша, что внешний твой человек тлеет, не стал скорбеть, он говорит, что, когда это случится вполне, тогда-то ты больше всего и возрадуешься, и перейдешь к лучшему жребию. Таким образом, тому, кто ныне отчасти тлеет, не только не следует скорбеть, а, напротив, должно еще и желать этого тления в полной его мере, потому что оно более всего и ведет тебя к нетлению. Поэтому-то (апостол) и говорит: *вемы бо, яко аще земная наша храмина тела разорится, создание от Бога имамы, храмину нерукотворенну, вечну на небесех*. Так как (апостол) раскрывает опять учение о воскресении, относительно которого они особенно хромали, то присоединяет в качестве основания суд об этом самих слушателей и таким образом утверждает это (учение), – впрочем, не прямо, как прежде, но как бы приведенный к этому рассуждению другими размышлениями, потому что они были уже прежде наставлены (в этом учении). *Вемы*, говорит, *яко аще наша земная храмина тела ра-*

зорится, создание от Бога имамы, храмину нерукотворенну, вечну на небесех. Некоторые под земной храминой разумеют этот мир, но я думаю, что (апостол) скорее намекает здесь на наше тело. Смотри же, как он самими наименованиями показывает превосходство будущего перед настоящим. Сказав: *земная храмина,* он противоположил ей небесную; сказав: храмина тела (хижина), тем указал на ее удоборазрушимость и кратковременность, противоположив ей храмину вечную. Слово – *хижина* действительно часто означает кратковременность, – почему и Господь сказал: *в дому Отца Моего обители многи суть* (Ин. XIV, 2). Если же Священное Писание и называет иногда места успокоения святых хижинами, то не просто, а с прибавлением (какого-нибудь другого слова). Так Господь не сказал: чтобы приняли в кровы свои (хижины), но: *в вечные* кровы (Лк. XVI, 9). (Апостол) назвал будущую нашу храмину еще *нерукотворенною,* чем как бы указал на храмину рукотворенную. Что же? Ужели тело наше есть рукотворенное? Никак. Но он указывает или на здешние рукотворенные дома, или если не так, то назвал будущее тело нерукотворенной храминой не для противоположения, но для того, чтобы более возвысить его достоинство и усугубить его славу. *Ибо о сем воздыхаем, в жилище наше небесное облещися желающе* (ст. 2). Скажи мне, в какое жилище? В нетленное тело. Отчего же ныне воздыхаем? Оттого, что то тело гораздо лучше. Небесным же называет его по причине нетления. Этим словом он выражает не то, будто это тело низойдет на нас с неба, а указывает только на благодать, посылаемую с неба. Итак, мало того, что не должно скорбеть, когда постигают нас некоторые искушения, но должно желать, напротив, всевозможных (искушений). Как бы так сказал (апостол): ты воздыхаешь, что тебя гонят, что твой внешний человек тлеет. Воздыхай о том, что тебя не со всей жестокостью гонят, что твой внешний человек не истлеет еще совершенно. Видишь ли, как он дал речи противоположное направление, показав, что не о том надобно воздыхать, что постигают нас некоторые искушения, но о том, что они недостаточны. (Апостол) не назвал (будущее наше тело) хижиной, но *жилищем;* и весьма справедливо, потому что хижина легко разрушается, а жилище пребывает вечно. *Аще же и облек-*

шеся не нази обрящемся (ст. 3). То есть хотя и сложим с себя это тело, однако не без тела там явимся, но с тем же самим телом, которое сделается тогда нетленным. Некоторые же читают: *аще точию и облекшеся, не нази обрящемся,* – и весьма рассудительно. Чтобы не все полагались на воскресение, (апостол) и говорит: *аще* же *и облекшеся,* то есть в нетление, и получив нетленное тело, *не нази обрящемся* – славы и известности спасения. О том же говорит он и в первом послании, то есть что хотя и все воскреснем, *кийждо же во своем чину;* и: есть *телеса небесная, и телеса земная* (XV, 23, 40). Воскресение будет для всех, но слава не для всех. Одни воскреснут в чести, а другие в бесчестии; одни для царствия, а другие для мучения. То же самое он хотел показать и здесь, когда сказал: *аще точию и облекшеся, не нази обрящемся. Ибо сущии в теле сем воздыхаем, понеже не хощем совлещися, но пооблещися* (ст. 4).

2. Здесь он ясно и совершенно заграждает уста еретиков, показав, что говорит не просто о том или о другом теле, но о тлении и нетлении. Мы не о том, говорит, воздыхаем, чтобы освободиться от тела (потому что мы не желаем сложить его с себя), но страстно желаем только освободиться от тления, которое в нем находится. Потому и говорит, что мы хотим не совлечься тела, но только облечь его в бессмертие. Потом сам же объясняет свои слова: *да пожерто будет мертвенное животом.* Так как для многих казалось тягостным разлучение с телом, и он шел против всеобщего голоса, говоря, что мы воздыхаем потому, что не желаем от него освободиться (если душа, могли сказать ему, так страдает и скорбит, разлучаясь с телом, то как же ты говоришь, что мы воздыхаем потому, что долго не освобождаемся от него), то, предупреждая такое возражение, (апостол) и говорит: и я не утверждаю, что мы о том воздыхаем, как бы сложить с себя (никто без скорби не слагает его, почему и о Петре говорит Христос: возьмут тебя и поведут, аможе не хощеши [Ин. XXI, 18]), а о том как бы облечь его в нетление. Оттого мы и тяготимся телом, то есть не оттого, что носим тело, но оттого, что носим тело тленное и страстное. Это-то и производит в нас скорбь. Но наступающая жизнь истребит и уничтожит тление, – именно тление, а не тело. А как же, скажешь ты, это произойдет? Не спрашивай

о том, – Бог это делает, – не любопытствуй. Потому и присовокупил: *сотворивый же нас в сие истое Бог* (ст. 5). Этими словами он показывает, что это прежде было определено о нас. Не теперь только это стало благоугодно Богу, но в начале еще, – когда Он образовал нас из земли и создал Адама, а создал его не с тем, чтобы он умер, но чтобы соделать его бессмертным. Потом, чтобы более удостоверить в этом, присовокупил: *иже и даде обручение Духа.* Как тогда Он для этого (бессмертия) сотворил человека, так и теперь через крещение воссоздал его для той же цели и в удостоверение этого дал нам немаловажный залог – Святого Духа. О залоге (апостол) упоминает часто – как для того, чтобы показать себя должником, так и для того, чтобы через это придать большую достоверность своим словам во мнении людей более слабых. *Дерзающе убо всегда и ведяще* (ст. 6). *Дерзающе,* то есть среди гонений, озлоблений и непрестанных опасностей смерти. Он как бы так говорит: гонит ли кто тебя, преследует ли, умерщвляет ли, – не унывай. Все это к твоему благу. Не бойся, дерзай. То, о чем ты воздыхаешь и скорбишь, то есть что ты работаешь тлению, – это самое тление похитит тебя из среды тления, и тем скорее освободит от этого рабства. Потому и говорит: *дерзающе убо всегда,* то есть не только в благоприятное время, но и во время скорбей. *И ведяще, яко живуще в теле, отходим от Господа: верою бо ходим, а не видением: дерзаем же и благоволим паче отыти от тела, и внити ко Господу* (ст. 7, 8). Что всего важнее и выше, он поставил на конце, – потому что со Христом быть лучше и выше, нежели получить нетление. Слово же его имеет такой смысл: гонящий и убивающий нас не отнимает у нас жизни; поэтому не бойся, но дерзай и тогда, когда рассекают тебя на части. Это не только освобождает тебя от тления и тяготящего на тебе бремени, но и тотчас же отсылает тебя к Господу. Потому и не сказал: сущии в теле, что мы находимся в нем, как странники в гостинице. *Ведяще* убо, *яко живуще в теле, отходим от Господа: дерзаем же и благоволим паче отыти от тела и внити ко Господу.* Видишь ли, как он, умолчав о неприятных именах смерти и кончины, заменил их вожделеннейшим наименованием – *водворения у Бога;* и напротив, оставив наименование, кажущееся приятным, именно –

жизни, употребил неприятное, назвав здешнюю жизнь *удалением от Господа.* Это он сделал для того, чтобы никто не только не услаждался настоящим, напротив, даже тяготился бы им; и чтобы никто, приближаясь к смерти, не скорбел, а напротив, радовался, потому что переходит к лучшим благам. Но чтобы кто-нибудь, услыша, что мы (находясь в этом теле) *отходим от Господа,* не сказал: что ты говоришь? ужели мы, живя здесь, находимся в удалении от Него? – он отклонил это возражение, сказав: *верою бо ходим, а не видением.* И здесь мы имеем познание о Нем, но не столь ясное, а точно *в зерцале* и *в гадании,* как говорит он в другом месте (1 Кор. XIII, 12). *Дерзаем же и благоволим.* Вот до чего он довел речь! До сильнейшего желания кончины: слово *благоволим* у него то же значит, что и сильно желаем. Чего желаем? *Отыти от тела и внити ко Господу.* Так-то он всегда делает, о чем я и прежде замечал, – обращает в противную сторону слова противников. *Темже и тщимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти* (ст. 9). Но там ли, здесь ли мы находимся, говорит, наше дело – только заботиться о том, чтобы жить сообразно с Его волей, потому что в этом наша главная обязанность. Таким образом с этим благоугождением ты уже без сомнения наследник царства. Но чтобы (верующие), приобретя такое страстное желание (отойти к Господу), не сетовали на замедление этого отшествия, (апостол) здесь уже дает им то, что составляет главное из всех благ. Что же это такое? То, чтобы благоугождать (Господу): не просто отойти отсюда – хорошо, но отойти благоугодив; через это последнее хорошим становится и первое. Равным образом не просто жить здесь тяжко, но тяжко жить оскорбляя (Бога).

3. Итак, не думай, что для вечной жизни достаточно одного разлучения с телом. Везде нужна добродетель. Вот почему, как, рассуждая о воскресении, он не дал основания полагаться только на него, сказав: *аще* же *и облекшеся, не нази обрящемся,* так точно, говоря и о разлучении (с телом), чтобы ты не подумал, что этого только достаточно тебе для спасения, присовокупил, что надобно еще быть благоугодным Богу. Возбудив, таким образом, ревность многоразличными благами, (апостол) не забыл побудить их и страхом уг-

рожающих зол, так как блаженство наше состоит и в стяжании благ, то есть царства (небесного), и в избежании зол, то есть геенны. Но желание избежать мучений сильнее действует, и если бы вред ограничивался только лишением вечных благ, то многие легко бы на это согласились; если же он соединен с мучениями, то едва ли (кто согласится); конечно первое надлежало бы считать более несносным, но для многих, по причине слабости их и привязанности к земному, последнее представляется более тяжким. Итак, ввиду того, что большинство слушателей не столько возбуждается обещанием благ, сколько угрозой наказаний, (апостол) и счел необходимым здесь заключить речь свою так: *всем бо явитися нам подобает пред судищем Христовъм* (ст. 10). Но опять, устрашив и возбудив слушателя напоминанием об этом суде, он и здесь не оставил скорби без утешения и присовокупил нечто приятное, сказав: *да приимет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла.* Этими словами (апостол) и живущих добродетельно, а между тем гонимых, укрепляет надеждами, и ослабевших делает более ревностными страхом наказания, вместе с тем подтверждает также и учение о воскресении тел. Тело, говорит, которое служило добродетели или пороку, не будет исключено от участия и в воздаяниях: вместе с душой одни тела будут преданы мучениям, а другие увенчаются наградами. Между тем некоторые из еретиков говорят, что тело восстанет не прежнее, но другое. Как же это, скажи мне? Одно тело грешило, а другое за то будет наказываться? Одно жило непорочно, а другое увенчается? И что вы скажете Павлу на слова его: *не хощем совлещися, но пооблещися?* Как же тленное поглощается жизнью? Он не сказал: чтобы поглощено было смертное или тленное тело телом нетленным, но – чтобы тление *животом.* А это будет тогда, когда воскреснет то же самое тело. Если же прежнее тело будет оставлено, а вместо него устроено другое, тогда тление не будет поглощено, но пребудет во всей силе. Потому и не будет этого, но *подобает тленному сему,* то есть телу, *облещися в нетление* (1 Кор. XV, 53). Настоящее тело находится между (тлением и нетлением): ныне оно тленно, а после будет нетленно. И ныне оно в этом состоянии (тления) находится потому, что нетлению не свойственно разрушение:

тление, говорит, *нетления не наследствует* (1 Кор. XV, 50), – иначе как будет нетление? Но, напротив, тление поглощаемся животом. Тление побеждается нетлением, но последнее первыми никогда. Как огонь расплавляет воск, но воск не расплавляет огня, так и нетление истребляет и поглощает тление; но тление никак не может одержать победы над нетлением. Итак, слыша Павла, говорящего, что *нам подобает явитися пред судищем Христовъм,* вообразим мысленно этот суд и представим, что он уже совершается теперь и что требуется отчет. Я намерен подробнее изобразить его, так как Павел, как говоривший о скорбях и не желавший возбуждать в них еще новых скорбей, не продолжил далее слова (об этом суде), но, высказав кратко суровый приговор: *кийждо приимет, яже содела,* тотчас перешел (к другому рассуждению). Итак, представим, что этот суд уже наступил. Пусть каждый испытает совесть свою и вообразит, что уже пришел Судья, и все открывается и делается явным, – потому что мы не только будем предстоять, но и будем изобличены (на суде). Не краснеете ли вы? Не смущаетесь ли?

Но если и ныне, когда еще не наступил день суда, когда мы просто напомнили о нем и только мысленно его представили, мы казнимся совестью, то что будет с нами, когда действительно он наступит, когда вся вселенная предстанет на суд, все ангелы и архангелы, и другие (небесные) силы, когда люди будут стекаться от всех концов земли, восхищаемые на облаках, когда все будут объяты страхом, когда повсюду вострубят трубы и будут раздаваться неумолкаемые звуки? Подлинно, если бы и не было геенны, то быть отверженным в присутствии столь светлого собрания и отойти с бесчестьем – каким великим было бы наказанием! Если и ныне, когда выступает царь со своей свитой, каждый из нас, сознавая свое убожество, не столько получает удовольствия от этого зрелища, сколько печали от того, что нисколько не может участвовать в великолепии, окружающем царя, и не находится близ него, то что будет тогда? Ужели ты почитаешь маловажным наказанием – не быть включенным в этот сонм, не быть удостоенным неизреченной славы, быть отлученным куда-то далеко и надолго от этого торжества и неизреченных благ? Но когда и мрак, и скрежет зубов, и не-

разрешимые узы, и червь неумирающий, и огонь неугасающий, и скорбь, и теснота, и страждущий в пламени язык, — как это случилось с богатым, — будут уделом человека; когда мы будем испускать вопли и никто не будет нас слышать, будем стонать, терзаться от невыносимых болезней и никто не будет внимать нам, будем всюду озираться и ниоткуда не получим утешения, — то с чем сравнить жребий бедствующих таким образом? Что может быть несчастнее этих душ? Что может быть более достойно сожаления?

4. Если мы, входя в темницу и видя в ней одних иссохшими (от печали), других — обремененными оковами и страдающими от голода, иных заключенными во мраке, — приходим в ужас, цепенеем и всячески остерегаемся, как бы не попасть сюда, то что будет с нами, когда насильно повлекут нас для истязаний в самую геенну? Там оковы не из железа, но из огня, никогда неугасающего; и не одного рода с нами будут там у нас приставники, которых можно часто привести в сострадание, но ангелы, на которых страшно будет и взглянуть, потому что они будут пылать великим гневом на нас за нашу непокорность Владыке. Там не так, как здесь: для облегчения бедствия твоего не принесут тебе — один серебра, другой пищи, иной утешительного и отрадного слова; там все будут чужие. Даже и Ной, Иов и Даниил, хотя бы увидели кого из своих родных страдающими, не согласятся тогда ходатайствовать за несчастных. Тогда отнимется у нас всякое сострадание, свойственное теперь природе нашей. Так как благочестивые родители порой имеют нечестивых детей и благочестивые дети нечестивых родителей, то, чтобы радость праведников всегда была чистая и чтобы наслаждающиеся благами не возмущались состраданием, — для этого, повторяю, и само сострадание отнимется, и они вместе с Владыкой воспылают гневом даже против единокровных своих. В самом деле, если и теперь самые обыкновенные родители иногда отказываются от детей своих и исключают их из своего родства, когда видят их живущими распутно, тем более так поступят тогда праведники. Пусть, поэтому, никто не надеется иметь утешение в той жизни, если не сделал ничего доброго в здешней, хотя бы и имел бесчисленное множество праведных предков: *кийждо бо приимет, яже с*

телом содела (ст. 10). Мне кажется, что (апостол) здесь разумеет и блудников, и как их, так и всех других грешников желает привести в страх ожидающими их наказаниями. Послушаем же и мы! Если тебя палит огонь плотской похоти, противопоставь ему тот огонь (геенский), – и огонь похоти твоей тотчас погаснет и исчезнет. Хочешь ли сказать что-нибудь гнусное, помысли о том скрежете зубов, – и страх обуздает язык твой. Желаешь ли сделать какое хищение, послушай, что повелевает и говорит Судья: *свяжите ему руце и нозе, и ввер3ите его во тьму кромешную* (Мф. XXII, 13), – и таким образом изгонишь и эту страсть. Если ты предан пьянству и ведешь жизнь невоздержную, то послушай, что говорил богач: пошли Лазаря, чтобы концом перста своего освежил горящий в пламени язык мой, – и не получил помощи (Лк. XVI, 24, 25), – и отстанешь от страсти (невоздержания). Если ты любишь у́веселения, рассуждай о тесноте и скорбях, имеющих быть там; после этого ты и думать о них не станешь. Если ты жесток и немилосерд, то припоминай тех дев, которые за то, что погасли их светильники, оказались вне чертога Жениха, – и ты скоро сделаешься человеколюбивым. Нерадив ты и беспечен? Размышляй о судьбе скрывшего талант свой, – и ты сделаешься быстрее огня. Тебя снедает страсть, как бы завладеть достоянием ближнего твоего? Воображай непрестанно неумирающего червя, – и легко освободишься и от этой болезни, и все прочие (слабости) исправишь. (Бог) ничего не заповедал нам трудного и тяжкого. Отчего кажутся нам тяжкими заповеди Его? От нашего расслабления. Как самое трудное при нашем старании и ревности становится легким и удобоисполнимым, так и легкое от нашей лености делается тяжким. Итак, рассуждая о всем этом, будем смотреть не на то, как некоторые предаются роскоши и невоздержанию, а на то, каков будет их конец. (Конец же их) в здешней жизни – гной и утучнение плоти; а в будущей – червь и огонь. Равным образом, будем смотреть не на то, как некоторые хищничают, а на конец их жизни; их в настоящей жизни снедают беспокойство, страх и мучения совести, а в будущей ожидают неразрешимые узы. Будем рассуждать не о (людях) славолюбивых, а о том, что следует за славолюбием; но за ним последуют –

пресмыкательство и лицемерие здесь, а там невыносимое мучение в вечном пламени. Если мы будем таким образом размышлять сами с собой и противопоставлять такие и подобные (размышления) нашим злым пожеланиям, то скоро изгоним из себя и любовь к настоящим благам, и зажжем в себе любовь к будущим. Итак, зажжем, воспламеним эту любовь. Если одна мысль о благах небесных, даже неясная, доставляет нам столько удовольствия, то подумай, сколько радости должно принести само наслаждение ими. Блаженны, и трижды и бессчетно блаженны, наслаждающиеся теми благами; напротив, достойны сожаления и трижды несчастны те, которые претерпевают мучения. Итак, чтобы нам быть в числе первых, а не последних, возлюбим добродетель. Таким образом мы наследуем и будущие блага, которые все мы и да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XI

Ведуще убо страх Господень, человеки увещаваем, Богови же явлени есмы: уповаю же, яко и в совестех ваших явлени есмы (2 Кор. V, 11)

1. Итак, говорит, зная это, то есть тот страшный суд, мы делаем все так, чтобы не подать вам никакого повода даже ложно подозревать нас в неискренности нашего действования. Видишь ли строгую точность в исполнении обязанностей и заботливось души, пекущейся (о благе других)? Мы, говорит, подлежим осуждению не только тогда, когда в самом деле сделали бы что худое, но подвергаемся ему и тогда, когда, ничего худого не сделав, бываем подозреваемы в худом и, будучи властны удалить подозрение, не заботимся о том. *Не паки себе хвалим, но вину даем вам похвалению о нас* (ст. 12). Смотри, как он всегда предупреждает подозрение в мнимом самохвальстве, – потому что ничто так не оскорбляет слуха слушателей, как рассказ чего-либо великого и необычайного о себе самом. Но так как он вынужден был сказать о себе нечто такое, то и поправляет себя, говоря: мы

делам это для вас, а не для себя, — чтобы вы имели чем хвалиться, а не мы; но и это не без цели, а по причине лжеапостолов, почему и прибавляет: *к хвалящимся в лице, а не в сердцы.* Видишь ли, как он отвлек их от лжеапостолов и привлек на свою сторону, показав, что и сами коринфяне желают воспользоваться случаем, чтобы защитить его и отвечать за него тем, которые его порицали? Не для того, говорит, чтобы нас хвалили, говорим это, но для того, чтобы вы могли свободно говорить за нас, — что доказывает вместе и великую любовь его к ним, — и не для того, чтобы вам хвалиться только, но чтобы вас не обманывали более. Так, впрочем, открыто он этого не сказал, а выразил то же другими словами, более умеренными, и не делая им упрека, говоря: *да имате* чем похвалиться *к хвалящимся в лице.* И это он заповедует им делать не просто и без всякой нужды, но когда лжеапостолы будут превозноситься, потому что он везде сообразуется с обстоятельствами. Итак, не для своей славы он говорит это, но чтобы заградить уста лжеапостолам, ко вреду коринфян хвалящимся своими делами. Но что значит — *в лице?* Хвалиться наружными делами, совершаемыми напоказ. А лжеапостолы были действительно таковы и все делали из любочестия; будучи пусты в душе, — хотя имели вид благочестия и казались достойными почтения, — были чужды добрых дел. *Аще бо изумихомся, Богови: аще ли целомудрствуем, вам* (ст. 13). Если, говорит, мы возвещаем что-либо великое о себе (это называет он *изумлением* или, как в других местах, *безумием),* то делаем это для Бога, чтобы вы, считая нас немощными, не возгордились и не погибли; если же говорим что смиренно и с уничижением, то делаем это для вас, чтобы вы научились смиренномудрствовать. Или слова его имеют такой смысл: если кто считает нас безумными, мы надеемся за то получить награду от Бога, за Которого мы подпадаем такому подозрению, если же кто почитает нас смиренномудрыми, тот и сам пусть научится от нас смиренномудрию. И еще иначе: если кто считает нас безумными, тот пусть знает, что мы для Бога так безумствуем. Поэтому и присовокупляет: *ибо любы Божия обдержит нас суждших сие* (ст. 14). Не только, говорит, страх будущего, но и то, что уже совершилось, не позволяют нам быть беспечными и

предаваться сну, но восставляют нас и побуждают трудиться для вас. Что же такое, что уже совершилось? То, что *аще един за всех умре, то убо вси умроша.* Следовательно, все погибли, говорит. Если бы не все умерли, то (и Христос) не за всех бы умер, потому что здесь, а не там средства ко спасению. Поэтому и говорит: *любы Божия обдержит нас,* и не позволяет нам молчать, и крайнее будет несчастье, жесточе самой геенны, если после того, как Бог совершил такое дело, некоторые останутся не получившими никакого плода от такого промышления Его о нас. Подлинно, дело преизобильной любви – умереть за всю вселенную, и притом лежащую во зле. *Да живущии не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему* (ст. 15). Итак, если мы должны жить не для самих себя, то, говорит, вы не должны смущаться и беспокоиться от надвигающихся на вас бедствий и смертей. И представляет очевидную причину, почему так должно поступать. Если, говорит, мы живем Умершим за нас, то должны и жить для Того, которым живем. И хотя сказанное им содержит, по-видимому, одну причину, однако, если тщательно рассмотрим, то найдем следующие две: первую ту, что мы Им только живем, вторую ту, что Он умер за нас. Каждая из них, отдельно взятая, достаточна для того, чтобы сделать нас покорными. Подумайте же, сколько мы должны быть обязаны, когда соединим обе вместе. Но еще и третья причина скрывается в его словах, именно та, что для тебя (Господь) воскресил и вознес на небо начаток нашего естества, – почему и прибавлено: *умершему* за нас *и воскресшему. Темже мы от ныне ни единаго вемы по плоти* (ст. 16). Если все умерли и все воскресли, и умерли так, как осудило умереть владычество греха, воскресли же баней пакибытия и обновления Духа Святого, то он справедливо говорит, что мы *ни единаго* из верующих *вемы по плоти.* Что в самом деле до того, если они находятся еще во плоти? Прежняя плотская жизнь уже кончилась, и мы свыше возродились Духом, и познали другое жительство, и пребывание, и жизнь, и устроение, именно – небесные. И всего этого виновником (апостол) называет Христа, почему и прибавил: *аще же и разумехом по плоти Христа, но ныне ктому не разумеем.*

2. Что же, скажи мне, разве сложил Он с Себя плоть и теперь без тела? Нет, Он и теперь находится во плоти, потому что сказано: *сей Иисус вознесыйся от вас на небо, такожде приидет* (Деян. I, 11). Как *такожде?* Во плоти, с телом. Как же он говорит: *аще же и разумехом по плоти Христа, но ныне ктому не разумеем?* В приложении к нам, *по плоти* значит то же, что быть во грехах, а *не по плоти* – то же, что не быть во грехах. В приложении же ко Христу, *по плоти* не другое что означает, как быть причастным немощей человеческого естества, как то: жажды, алкания, утомления, сна (потому что Он *греха не сотвори, ни обретеся лесть во устех Его* [Ис. LIII, 9; 1 Пет. II, 22], почему и говорил: *кто от вас обличает Мя о гресе* [Ин. VIII, 46]? И еще: *грядет сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже* [Ин. XIV, 30]); а *не по плоти* означает то, что Он освободился уже и от этих немощей, а не то, чтобы Он находился теперь без плоти. Именно с плотью, только уже непричастной страданиям и бессмертной, Он придет судить вселенную. В такое состояние придем и мы, когда тело наше будет *сообразно телу славы Его* (Флп. III, 21). *Темже аще, кто во Христе, нова тварь* (ст. 17). Доселе (апостол) заимствовал от любви побуждения к добродетели, теперь возводит к ней из рассмотрения самих дел. Потому присовокупил: *аще кто во Христе, нова тварь*. Кто, говорит, уверовал в него, тот соделался другим созданием, потому что таковой родился свыше через Духа. И по этой, следовательно, причине мы должны, говорит, жить для Него, – не потому только, что мы не свои (1 Кор. VI, 19), и не потому только, что Он умер за нас и воскресил начаток нашего естества, но и потому, что мы перешли в другую жизнь. Смотри, сколько он приводит причин на то, что надо жить добродетельно. А чтобы показать, как важен этот переход и как много значит такая перемена, он дает и многозначительное наименование этому исправлению (жизни). Потом, чтобы более объяснить сказанное и показать, как мы делаемся новой тварью, он говорит: *древняя мимоидоша, се быша вся нова.* Что же такое: *древняя?* Или грехи и разные роды нечестия, или все иудейские (обряды); а лучше – то и другое вместе. *Се быша вся нова. Всяческая же от Бога* (ст. 18). А от нас – ничего. И оставление грехов, и усыновление, и нетленные слова –

все от Него нам даровано. Таким образом, он возбуждает их к добродетели не только уже будущими благами, но и настоящими. Смотри же, каким образом. Он сказал, что мы воскреснем некогда, перейдем в нетление и получим храмину вечную. Но так как для убеждения тех, которые не так верят будущему, как нужно верить, настоящее имеет больше силы, чем будущее, то он показывает им и то, что они уже получили, и каковы они были тогда, когда получили. Каковы же они были, когда получили? Они были все мертвые (все, говорит, умерли, и Христос за всех умер: так всех равно возлюбил Он), все одряхлели, застарели в беззакониях.

Но вот теперь и душа новая (потому что очищена), и тело новое, и служение новое, и новые обетования, и завет, и жизнь, и трапеза, и одежда, и все вообще новое. В самом деле, вместо земного Иерусалима мы получили вышний престольный град; вместо чувственного храма узрели храм духовный; вместо каменных скрижалей получили плотяные; вместо обрезания – крещение; вместо манны – тело Владычное; вместо воды из камня – кровь из ребра; вместо жезла Моисеева или Ааронова – крест; вместо обетованной земли – царство небесное; вместо бесчисленных иереев – Единого Архиерея; вместо агнца бессловесного – Агнца духовного. Представляя все эти и подобные блага, (апостол) и сказал: *вся нова.* И все это от Бога через Христа и Его благодать. Потому и присовокупил: *примирившаго нас Себе Христом и давшаго нам служение примирения,* потому что все блага даны нам через Христа. Тот, кто сделал нас друзьями Своими, есть виновник и всех других (благ), которые Бог даровал друзьям Его, потому что, не врагами нас оставив, Он оделил нас такими дарами, но сделав друзьями Себе. Но когда я называю Христа виновником нашего примирения, то разумею вместе и Отца; когда же говорю, что Отец даровал (это примирение), то опять разумею и Сына. *Вся Тем быша* (Ин. I, 3); следовательно, Он – виновник и этого. Не мы обратились к Нему, но Он сам призвал нас к Себе. Как же призвал? Смертью Христа. *И давшаго нам служение примирения.* Здесь (апостол) опять указывает на достоинство звания апостольского, показывая, сколь великое дело поручено им и как велика любовь Божия к нам. В самом деле, и после того,

как люди не послушали пришедшего ходатая, (Бог) не отвергнул и не оставил их, но продолжает звать их как сам, так через других. Кто достойно может надивиться такому попечению о нас! Сын пришедший для примирения, Сын преискренний и единородный умерщвлен; но Отец, невзирая и на это, не отверг убивших Его, и не сказал: Я послал Сына Моего совершить Мое посольство, а они не только не хотели послушать Его, по еще убили и распяли, потому праведно отвергнуть уже их. Но поступил совсем напротив: по отшествии от нас Сына, Он вверил нам дело примирения: *давшаго нам служение примирения. Зане Бог бе во Христе мир примиряя Себе, не вменяя им согрешений их* (ст. 19). Видишь ли любовь, превосходящую всякое слово, всякий ум? Кто был обижен? Сам (Бог). Кто первый пришел для примирения? Он же. Но, скажешь, Он послал Сына, а не сам пришел? Да, Он послал Сына, но не один Сын призывал нас, а вместе с Ним и через Него действовал и Отец. Поэтому (апостол) и сказал, что *Бог бе примиряя Себе мир во Христе,* то есть через Христа. Этими словами он поясняет выше сказанные слова: *давшаго нам служение примирения,* и как бы так говорит: не подумайте, что мы виновники этого дела, — мы только служители; виновник же всего есть Бог, примиривший с Собой вселенную через Единородного. Как же Он примирил? Удивительно ведь не только то, что Он соделался другом, но еще более то, что так сделался другом. Как же? Оставив им согрешения: иначе не был бы и друг. Потому (апостол) и сказал далее: *не вменяя им согрешений их.* Действительно, если бы Он захотел требовать отчета во грехах наших, то все мы погибли бы, потому что все умерли. Но при таком множестве грехов наших Он не только не потребовал нам наказания, но и примирился с нами; не только оставил грехи наши, но даже и не вменил их нам. Так и мы должны прощать врагов своих, чтобы и самим получить такое же прощение. *И положив в нас слово примирения.* И мы, говорит, не для того пришли теперь, чтобы возвещать что-нибудь тяжкое, но чтобы сделать всех друзьями Богу. Если мне, говорит (Господь), они не поверили, то вы не переставайте увещевать их, пока не убедите. Потому и говорит далее: *по Христе убо молим, яко Богу молящему нами: молим по Христе, примиритеся с Богом* (ст. 20).

3. Смотри, до чего он возвысил это дело, представляя самого Христа просящим о примирении, и не только Христа, но и самого Отца. Смысл же слов его такой: Отец послал Сына Своего увещевать (людей) и исполнить посольство от Его имени к роду человеческому. Но так как Он, будучи умерщвлен, отошел отсюда, то теперь нам передано это посольство, потому и просим вас от имени Христа и Отца Его. Для Него столь дорог человеческий род, что Он предал за него Сына Своего, наперед зная, что Он будет умерщвлен, и сделал нас апостолами для вас, – так что справедливо сказал (апостол): *все для вас* (1 Кор. III, 22). *По Христе убо молим,* то есть вместо Христа, потому что нам передано дело Его. Если же тебе это кажется преувеличенным, то послушай еще далее, где он говорит, что они делают это не только вместо Него, то есть Христа, но и вместо Отца. Потому и прибавил: *яко Богу молящему нами.* Не через Сына только, говорит, (Бог) призывает людей, но и через нас, которым передано дело Его. Итак, не думайте, говорит, чтобы мы вас просили, – сам Христос через нас просит вас, и даже сам Отец Христа. Что может равняться с таким преизбытком (благости)? Будучи неблагодарно обижен за бесчисленные благодеяния (от Него нам данные), Он не только не осудил нас, но еще дал Сына Своего, чтобы примирить нас с Собой; и когда те, к которым Он пришел, не только не примирились, но и убили Его, Он послал опять других посланников для призывания, и через них сам просит. О чем же просит? *Примиритеся с Богом.* Не сказал: примирите с собой Бога, потому что не Бог враждует против нас, но мы против Него. Бог же никогда не враждует. Потому, как посланный посредник, оправдывая Его, говорит: *неведевшаго бо греха по нас грех сотвори* (ст. 21). Я не говорю уже о том, что прежде было, – что вы показали себя крайне неблагодарными против Того, кто не причинил вам никакой обиды, напротив, облагодетельствовал вас; не говорю и о том, что Он не осудил вас за это и что первый, будучи обижен, первый и просит; пусть все это покрыто будет молчанием. Только того благодеяния, которое Он сделал для вас ныне, не достаточно ли к тому, чтобы вы примирились с Ним? Что же Он сделал? *Неведевшаго бо греха по нас грех сотвори.* Если бы Он сделал только

одно это и ничего другого, то подумай, каково было и это одно, что Он предал Сына Своего за оскорбивших Его? А Он много еще и других благодеяний сделал для нас, и сверх всего еще – не сделавшего никакой неправды осудил на страдания за неправедников. Но (апостол) не сказал этого, а указал на нечто гораздо большее. Что же именно? То, что *неведевшаго греха* – Того, Который есть самосущая правда – *грех сотвори,* то есть допустил быть осужденным, как бы грешнику, и умереть, как бы проклятому, потому что *проклят висяй на древе* (Втор. XXI, 23). Действительно, умереть на древе гораздо более значило, нежели просто умереть, на что указывая и в другом месте, он говорит: *послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. II, 8). Такая смерть не только вменялась в наказание, но и в бесчестье. Итак подумай, как много даровал тебе Бог. Великое дело, когда и грешник умирает за кого-нибудь; но когда праведник страдает таким образом и умирает за грешников, и не просто умирает, но умирает как злодей, и не только вменяется с злодеями, но еще своей смертью дарует нам великие блага, которых мы и не ожидали (потому что говорится: *да мы будем правда Божия о Нем),* то какое слово, какой ум может достойно обнять и изобразить это? Праведника, говорит, (Бог) сделал грешником, чтобы грешников сделать праведными. Но он и не то еще сказал, а гораздо более, именно указал не состояние только, а само качество. Он не сказал: сделал грешником, но – *грех сотвори;* и не только не согрешившего, но и *неведевшаго греха;* чтобы и мы были, не сказал – праведными, но – *правды,* и *правда Божия.* И действительно, эта правда есть Божия, когда мы оправдываемся не от дел, – потому что иначе надлежало бы быть без всякого порока, – но благодатью, которая одна всякий грех уничтожает. А это и от гордости удерживает нас, – так как все нам даровано от Бога, – и вместе с тем показывает всю важность дарованного нам. Первая правда от закона и от дел, а эта последняя – *Божия правда.* Итак, обсудив все это, убоимся сказанного более, нежели самой геенны, почтим дела (Божии) выше, нежели само царство небесное, и утвердимся в мысли, что страшно – не мучения терпеть, но грешить. Если бы (Бог) и не наказал нас, то нам самим надлежало бы просить себе наказания за то,

что мы так неблагодарны оказались к своему Благодетелю. Если сгорающий любовью к женщине, не получив взаимной любви от нее, часто убивает самого себя; а когда и получит, но в чем-нибудь погрешит против возлюбленной, считает себя недостойным жизни, — то, оскорбляя столь человеколюбивого и милосердого (Бога), не должны ли мы сами себя повергнуть в огонь геенский? Скажу еще нечто странное, чудное и, может быть, для многих невероятное: более будет утешения тому, кто за оскорбление такого Человеколюбца терпит наказание, если только он имеет ум и любит Владыку, как должно любить, нежели тому, кто не понесет наказания.

4. Что это так, можно видеть из общего у нас обычая. В самом деле, когда кто-нибудь обидит любимого человека, то более всего успокаивается тогда, когда сам попросит себе наказания и перетерпит какую-нибудь обиду. Так об этом и Давид говорил: *аз* пастырь *есмь согрешивый, и аз есмь пастырь зло сотворивый, а сии овцы что сотвориша? Да будет рука Твоя на дому отца моего* (2 Цар. XXIV, 17). И когда он лишился Авессалома, то искал себе жесточайшего наказания, — хотя сам был и не обидевший, а обидимый; но так как сильно любил погибшего, то сам себя предал мучениям скорби, находя утешение себе в этом. Так и мы должны наказывать самих себя, когда согрешаем против Того, против Которого не должно грешить. Видите, как лишившиеся любимых детей терзают себя, рвут на себе волосы, находя облегчение своей скорби о возлюбленных в наказании самих себя? Если же и тогда, когда мы ничем не оскорбили возлюбленных наших, наше только злострадание о том, что они зло пострадали, приносит нам утешение, то, когда мы сами оскорбили их и совершили против них неправду, не гораздо ли более должно успокоить нас несение наказания, чем освобождение от наказания? Это всякому известно. Кто любит Христа, как должно любить, тот понимает, что я говорю, то есть что он сам не потерпит остаться без наказания, хотя бы (Христос) и простил его, так как одно оскорбление Его составляет уже величайшее наказание. Знаю, что я говорю невероятное для многих; однако, дело обстоит именно так, как я сказал. Если мы любим Христа, как должно любить Его, то сами себя

будем наказывать за грехи свои. Для любящих прискорбно не то, что за оскорбление любимого они терпят какое-нибудь зло, но прежде всего само оскорбление любимого. И если этот последний, прогневавшись, не накажет первого, то этим еще более будет мучить его; а если накажет, то, напротив, успокоит и утешит его. Итак, будем страшиться не геенны, а оскорбления Бога, потому что когда Бог, в гневе Своем, отвратится от нас, то это будет тягче геенны, хуже всего, страшнее всего. А чтобы тебе более увериться, насколько это худо, размысли о том, что я скажу. Если бы какой царь, видя наказываемого какого-нибудь разбойника или другого преступника, отдал за него на смерть возлюбленного, единородного, кровного и законного сына своего, с тем, чтобы вместе со смертью и вина разбойника перенесена была на невинного сына его, и чтобы виновный через то и от наказания был освобожден, и от бесчестья избавлен; если бы сверх того он возвел его на высшую степень достоинства; а столь необычайно получивший спасение и почтенный такой славой после оскорбил бы своего благодетеля, — то не пожелал ли бы он, если только не потерял ума, лучше тысячу раз умереть, чем оставаться виновным в такой неблагодарности? Так будем рассуждать и мы теперь, и горько плакать о том, что так неблагодарно оскорбляем Благодетеля своего. Не будем беспечно надеяться на то, что Он, оскорбляемый, долготерпит; напротив, поэтому-то еще более и будем сокрушаться. И у нас — людей, если кто ударившему в правую щеку подставит и левую, мстит этим больше, нежели когда бы взаимно ударил его тысячу раз; равным образом и терпящий поношение, когда не только взаимно не поносит, но и благословляет поносящего, этим гораздо сильнее уязвляет его, нежели взаимными бесчисленными поношениями. Если же мы так стыдимся людей, великодушно переносящих наши обиды, то не тем ли более должны бояться Бога, когда непрестанно согрешаем, но не терпим за то никакого наказания? Поистине страшное наказание соблюдается на главу таковых. Итак, помышляя об этом, прежде всего убоимся греха, так как от него мучение, от него геенна, от него всякое зло. И не только убоимся, но и будем убегать его, и стараться всегда благоугождать Богу. В этом и

состоит царство, в этом жизнь, в этом тысячи благ. Таким образом, мы еще и в этой жизни приобщимся царства небесного и будущих благ, которые все мы и да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XII

Споспешествующе же и молим, не вотще благодать Божию прияти вам. Глаголет бо: во время приятно послушах тебе и в день спасения помогох ти (2 Кор. VI, 1, 2)

1. Так как (апостол) сказал, что Бог призывает, а мы только посланники от Него, которые молим, чтобы вы примирились с Богом, то, чтобы (коринфяне) не предались беспечности, он снова устрашает их и возбуждает, говоря: *молим, не вотще благодать Божию прияти вам.* Не будем, говорит, предаваться беспечности потому, что Бог нас призывает и послал к нам посланников. Напротив, по этому-то самому и будем всячески стараться угодить Богу и собрать сокровища духовные (о чем он и выше говорил, когда сказал, что *любовь Божия обдержит нас,* то есть побуждает, заставляет, нудит), — чтобы после такого попечения, предавшись беспечности и не показав ничего доброго, не лишиться вам столь великих благ. Итак, не думайте, что, если (Бог) послал призывающих, это призывание продолжится вечно. Оно продолжится только до второго пришествия; Он будет призывать, доколе мы находимся только здесь, а после того суд и мучение. Это-то, говорит, и побуждает нас призывать вас. Он часто возбуждает верующих не только величием благ и человеколюбием (Божиим), но и краткостью времени. Так в других посланиях он говорит: *ныне бо ближайшее нам спасение* (Рим. XIII, 12); и еще: *Господь близ* (Флп. IV, 6). А здесь еще более делает: побуждает верующих не только краткостью данного времени, но еще и тем, что это только время и благоприятно для спасения. *Се ныне,* говорит, *время благоприятно, се день спасения.* Не будем же терять благоприятного времени, но покажем достойное данной нам благодати попечение. Потому, говорит, и мы сами спешим, зная и краткость,

и благоприятность времени. Вот почему он сказал: *споспешествующе же и молим. Споспешествующе* вам, потому что мы помогаем более вам, нежели Богу, от Которого мы посланы. Он ни в чем не имеет нужды; все спасение распространяется на вас. Впрочем, этим не отвергается и то, что (апостолы) были споспешники и Богу, как и говорит в другом месте: *Богу есмы споспешницы* (1 Кор. III, 9). К этому-то спасению, говорит, мы и призываем вас: *и молим.* Когда же Бог призывает ко спасению, то не просто призывает, но представляя на то права Свои, именно то, что Он дал Сына-праведника, не ведавшего греха, и за нас грешников соделал Его грехом, чтобы мы сделались праведными. Тому, Кто имеет столько прав и есть Бог, не следовало бы и призывать, и притом людей непокорных; напротив, нам бы надлежало призывать Его каждый день. И, однако, Он призывает. Мы же, говорит, призывая, не можем от себя представить вам никакого права или благодеяния, разве то одно, что умоляем вас именем Бога, открывшего вам столько благодеяний. Умоляем же для того, чтобы вы приняли Его благодеяние и не отвергли дара. Итак, послушайте нас – и не напрасно примите предлагаемую вам благодать. Чтобы (слушатели) не подумали, что примирение состоит только в том, чтобы веровать в Призывающего, он требует еще исправления жизни, потому что, получив прощение грехов и примирившись (с Богом), жить опять по-прежнему значит то же, что снова возвратиться к вражде и, в рассуждении жизни, напрасно принять благодать.

Благодать не спасет нас при нечистой жизни; напротив, еще более повредит нам и усугубит грехи наши, если мы после такого познания и дара возвратимся к прежним беззакониям. Впрочем, (апостол) ясно пока еще не говорит этого, чтобы не сделать слова своего тяжким; а говорит только, что иначе мы не получим никакой пользы. Потом напоминает пророчество, убеждая тем и побуждая (коринфян) подвигнуться, чтобы получить спасение. *Глаголет бо,* говорит, *во время приятно послушах тебе, и в день спасения помогох ти. Се ныне время благоприятно, се день спасения* (ст. 2). *Время благоприятно.* Какое это время? Время дара и благодати, в которое не отчета в грехах требуют, не осуждение произносят, но с

прощением грехов предлагают и наслаждение бесчисленными благами, — оправдание, освящение и все другие. Сколько надлежало бы трудиться, чтобы дождаться такого времени? Но вот без всякого с нашей стороны труда пришло это время, неся с собой оставление всех прежде бывших грехов. Поэтому и называют его благоприятным, так как (Господь) принимает ныне и величайших грешников, и не только принимает, но еще удостаивает их высочайших почестей. Когда Царь пришел, то уже не суда время, но милости и спасения. Потому и называет это время благоприятным, доколе мы находимся в подвиге, доколе работаем в винограднике, доколе остается одиннадцатый час.

2. Итак, приступим к подвигу, покажем жизнь добродетельную; к тому же это и легко. Подвизающемуся в такое время, в которое излились столь великие дары, столь великая благодать, легко получить награду. И у земных царей, во время торжеств, когда они являются в царских одеждах, и мало потрудившийся получает великие дары; между тем как в дни, когда они судят, требуется большая исправность и великое усилие (чтобы получить что-нибудь). Поэтому и мы будем подвизаться в столь благоприятное время; в которое дается дар. Ныне время благодати, Божией благодати, когда легко можем получить венцы. Если (Бог) принял нас, обремененных столькими грехами и простил, то не тем ли более примет нас, когда мы прощены уже и когда привносим нечто и от себя. Далее, как и всегда делает (апостол), выставляя самого себя на сцену, чтобы с него брали пример, так делает он и здесь. Поэтому и присовокупляет: *ни едино ни в чем же дающе претыкание, да служение* наше *безпорочно будет* (ст. 8), — заимствуя убеждение не от времени только, но и от примера тех, которые подвизались как должно. И смотри, как скромно это делает. Не сказал: глядите на нас, а мы таковы-то; но, как бы защищаясь против обвинения, исчисляет свои (подвиги). И полагает два отличительных признака беспорочной жизни, первый: *ни едино ни в чем же дающе* — не сказал обвинение, но, что гораздо маловажнее — *претыкание,* — то есть никому не подавая и повода к укоризнам против нас, — *да служение* наше *безпорочно будет,* — чтобы кто не стал нападать (на это служение); и не сказал опять, чтобы

кто не стал порицать или обвинять, но чтобы оно не подавало и случайного повода к тому, чтобы кто-нибудь мог порицать в чем-нибудь. Второй признак: *но во всем представляюще себе, якоже Божия слуги* (ст. 4). Это гораздо выше (предыдущего). Действительно, не одно и то же – быть свободным от обвинения и устроить себя так, чтобы из всего видно было, что мы Божии слуги; и не одно и то же – избежать порицания и быть достойным похвал. Не сказал: являясь, но: *представляюще себе*, то есть показывая (себя таковыми на деле). Далее говорит и о том, каким образом они сделались таковыми. Каким же? В *терпении*, говорит, *мнозе*. Терпение он положил основанием благ, почему и не просто сказал – в терпении, но – в *терпении мнозе*, чтобы показать его важность. Действительно, перетерпеть одну какую-нибудь беду или две – еще не великое дело; потому и перечисляет множество скорбей и искушений, говоря: *в скорбех, в бедах*. Но скорбь еще более увеличивается, когда нельзя уклониться от несчастий, и когда точно неизбежная какая необходимость требует злостраданий. *В теснотах*, – то есть или в теснотах голода и других необходимых потребностей, или просто в теснотах искушений. *В ранах, в темницах, в нестроениих* (ст. 5). И каждое из них само по себе тяжко: тяжко терпеть бичевание, тяжко быть в узах, тяжко не иметь покоя от гонений – это именно и значит *в нестроениих;* но когда постигают все эти скорби и притом сразу, то подумай, какая для этого потребна душа! Потом ко внешним скорбям присовокупляет и те, которые от него, собственно, зависели: *в трудех, в бдениих, в пощениих, в очищении*. Этими словами он указывает на те труды, которыми обременял себя, переходя с места на место и делая своими руками, – на те ночи, в которые учил, или трудился для себя, и со всем тем не забывая и поста, хотя и одни эти (подвиги) стоили не одной тысячи постов. А под *очищением* здесь он разумеет или целомудрие, или чистоту во всем, или же нелюбостяжательность, или же то, что он даром проповедовал Евангелие. *В разуме* (ст. 6). Что такое *в разуме?* В мудрости, даруемой от Бога, которая истинно есть ведение, а не как мнимые мудрецы, хвалящиеся внешним образованием, а этой истинной мудрости лишенные. В *долготерпении, в благости*. И это важное свидетельство му-

жественной и благородной души — великодушно переносить поражения и удары, отовсюду наносимые. Далее, чтобы показать, как он сделался таковым, присовокупил: *в Духе Святе.* Через Него, говорит, мы все это совершаем. Но смотри, где он поставил помощь от Святого Духа, — после уже исчисления своих подвигов. Мне кажется, он хотел показать этим и нечто еще другое. Что же такое? То, что мы обильно исполнены Духа Святого и свое апостольство оправдываем и тем, что удостоились духовных дарований, так как хотя это зависит и от благодати, тем не менее и сам он был причиной, своими делами и подвигами привлекши на себя благодать. Если же кто думает, что сверх сказанного (апостол) выражает этими словами еще и то, что он, в употреблении благодатных даров, не подавал никому никакого соблазна, — думаю, и тот не не погрешит против смысла. Действительно, некоторые (из коринфян), получив дар языков и возгордившись, тем подали повод к осуждение себя, потому что получивший духовные дары может и злоупотребить ими. Мы же, говорит, не таковы, но и в *дусе,* то есть в дарованиях, пребыли беспорочными. *В любви нелицемерне.*

3. Вот что было причиной всех благ (им приобретенных); вот что сделало его таковым и сохраняло в нем Духа, действием Которого все у него совершалось. *В словеси истины* (ст. 7), о чем он часто упоминает, то есть что мы возвещали слово Божие без обмана и без подделки. В *силе Божией.* Как всегда он поступает, — то есть ничего не относит к самому себе, но все усвояет Богу и Ему приписывает все свои действия, — так делает и здесь. Так как он сказал о себе много великого, именно то, что проводил жизнь неукоризненную во всем и показывал в себе высочайшую мудрость, то все это усвояет Духу и Богу. Действительно, сказанное им было необычайно. Если и живущему в тишине трудно сделаться добродетельным и непорочным, то подумай, какая должна быть душа у того, кто, обуреваемый столь многими скорбями, всегда сияет. Но он не это только претерпел, а и гораздо более того, как увидим далее. И не только то удивительно, что он пребыл беспечален, обуреваемый такими волнами, и мужественно перенес все, но еще более то, что все это (перенес) с радостью, — как на это он ясно указыва-

ет далее, говоря: *оружии правды десными и шуими.* Видишь ли, какое присутствие духа и какая сильная душа? Он показывает, что скорби – это оружия, которые не только не низлагают (терпящих их), но и ограждают и укрепляют. *Шуими* же он называет мнимые скорби, потому что и эти имеют свою награду. Почему же он так называет их? Или потому, что говорит, сообразуясь с понятиями других, или потому, что Бог повелел молиться и о том, чтобы не впасть в искушение. *Славою и безчестием, гаждением и благохвалением* (ст. 8). Что ты говоришь? Почитаешь за великое то, что пользуешься славой? Подлинно так, говорит. Почему же? Казалось бы, терпеть бесчестье – великое дело; а для наслаждения славой требуется невеликая душа? Напротив, великая и весьма великая, – чтобы, пользуясь славой, не впасть в гордость. Вот почему он и о славе думает так же, как о бесчестии, потому что он равно сиял в том и другом случае. Но каким же образом (слава) бывает оружием правды? Таким, что многие, видя учителей благочестия в славе, и сами возбуждаются к благочестию; она свидетельствует о добрых делах их; такой славой прославляется и Бог. И это есть дело премудрости Божией, – чтобы проповедание Евангелия совершалось противными средствами. Смотри, – вот Павел был связан. И это было допущено для пользы Евангелия: *яже о мне,* говорит он, *паче во успех благовествования приидоша: и множайшии братия надеявшиися, о узах моих, паче дерзают без страха слово глаголати* (Флп. I, 12, 14). Был он и в славе. И это опять усугубляло ревность верующих. *Славою и безчестием.* Он переносил мужественно не только телесные скорби, которые исчислил выше, но и собственно душевные. А и эти скорби обыкновенно сильно возмущают дух. Иеремия перенес много искушений; а от этих изнемог и, когда его злословили, говорил: не стану пророчествовать и, *не воспомяну имене Господня* (Иерем. XX, 9). И Давид часто жалуется на злословие. А Исаия, после многих других утешений, успокаивает (иудеев) еще так: *не бойтеся укорения человеча, и похулению их не покаряйтеся* (Ис. LI, 7). И Христос говорит ученикам: *егда рекут всяк зол глагол на вы лжуще, радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех* (Мф. V, 11, 12), а в другом месте прибавляется еще: *и взывайте* (Лк. VI, 23). Он не положил бы такой на-

грады, если бы подвиг этот не был велик. В телесных страданиях болезнь души разделяет и тело, потому что и тело и душа страдают вместе; а здесь (страдает) одна душа. Потому-то многие пали от одних душевных скорбей и погубили души свои. Оттого и для Иова укоризны друзей его казались тяжелее ран и червей (Иов. XIX). Поистине нет ничего тягостнее для мучимых скорбями, как слово, уязвляющее душу. Потому-то и (апостол), перечисляя труды и подвиги свои, полагает и этот, говоря: *славою и безчестием*. Так многие и из иудеев не хотели веровать (в Господа), только из опасения лишиться славы в народе. Они боялись не казней, но того, чтобы не выгнали их из сонмищ (Ин. V, 42). Потому (и Господь) говорил им: *како вы, можете веровати, славу друг от друга приемлюще* (Ин. V, 44)? И многих можно бы указать, которые, презрев все страдания, побеждены были славой. *Яко лестцы, и истинни* (ст. 8). Это — то же, что и *гаждением и благохвалением. Яко незнаеми, и познаваеми*. Это — то же, что и *славою и безчестием*. Для одних они были знаемы и достоуважаемы, для других недостойны и того, чтобы знать их. *Яко умирающе, и се живи есмы*, то есть как приговоренные и осужденные на смерть, — что также составляло род бесчестья.

4. А это сказал он для того, чтобы показать и неизреченную силу Божию, и их терпение. (Смотря по тому, говорит) как и до чего злобствовали против нас враги наши, нам непременно надлежало бы умереть; так и все думали; но Бог спасал нас от погибели. Далее, чтобы показать, для чего Бог попускает это, (апостол) продолжает: *яко наказуеми*, а *не умерщвляеми*. Здесь он показывает, какая польза проистекает от искушений еще прежде наград, и как сами враги невольно делаются их благодетелями. *Яко скорбяще, присно же радующеся* (ст. 10). Другие, смотря на нас, думают, что мы скорбим, между тем как мы не только не скорбим, но ощущаем самое высшее удовольствие. И не просто сказал: радующеся, но прибавил — *присно* то есть всегда. Что может сравниться с такой жизнью, в которой по мере несчастий увеличивается радость? *Яко нищи, а многи богатяще*. Некоторые думают, что здесь говорится о богатстве духовном, а я нахожу возможным присовокупить и видимое богатство, потому что они и им обладали, поскольку чудным некоторым образом имели

отверстыми для себя все дома. Это (апостол) и подтверждает далее, говоря: *яко ничтоже имуще, а вся содержаще.* Но как это возможно? Как возможно совместить две вещи совершенно противные? Обладающий многим не имеет ничего; а ничего не имеющий владеет всем! Однако не только в этом, а и в других вещах часто одно противное производит другое противное. Если же тебе все еще кажется удивительным, как возможно иметь все тому, кто ничего не имеет, то я представлю в пример самого (апостола), который повелевал всей вселенной и был господином не только их имения, но и самих очей. *Аще бы было мощно;* писал он, *очеса ваша извертевше дали бысте ми* (Гал. IV, 15). Все же это говорит для того, чтобы научить нас не смущаться человеческими о нас суждениями, – хотя бы нас называли льстецами, хотя бы не хотели и знать о нас, хотя бы считали нас преступниками, осужденными на смерть, хотя бы скорбящими, бедными, ничего не имеющими, хотя бы (считали нас) находящимися в унынии и тогда, когда мы радуемся, – потому что и для слепых солнце не светит, и безумным неизвестны удовольствия мудрых. Одни только верные умеют справедливо ценить дела и радуются и скорбят не о том о чем другие. Если бы кто, не имея никакого понятия о состязаниях, увидел бойца, хотя украшенного венцом, но имеющего раны, то, не зная того удовольствия, которое приносит бойцу венец, конечно стал бы думать только о том, что тот испытывает мучительную боль по причине ран. Так и те знают только то, что мы претерпеваем, а того не знают, за какую цену претерпеваем, и потому естественно думают, что мы только страдаем; они видят только борьбу и бедствия, а наград, венцов и основания подвигов не видят. Итак, что же это было, чем владел Павел, когда говорит: *яко ничтоже имуще, а вся содержаще?* Блага земные и духовные. В самом деле, кого как ангела принимали города, для кого готовы были исторгнуть и отдать свои очи, за кого готовы были положить свои головы, – как тот не был господином и всего, им принадлежащего? Если же хочешь видеть его духовные блага, то увидишь, что он и ими был весьма богат. Кто так близок был к Царю всяческих, что Владыка ангелов сообщил ему сокровенные тайны, – тот как не превосходил всех и обилием (духовных благ), и

как же не имел всего? Иначе ему так не повиновались бы демоны, и не стали бы убегать от него с такой поспешностью болезни и недуги. Так и мы, если что несем ради Христа, должны нести не только мужественно, но и с радостью. Постимся ли мы, – будем веселы, как пиршествующие. Терпим ли поношение, – будем ликовать, как осыпаемые похвалами. Истрачиваем ли мы имение, – постараемся быть в таком расположении духа, как будто приращаем его. Отдаем ли что бедным, – будем думать, что мы приобретаем, потому что кто не с таким расположением дает, тот нелегко и дает. Итак, когда ты хочешь раздавать от своего имущества, то не о том только думай, что ты расточаешь, но и о том, что гораздо более приобретаешь; и о последнем даже прежде (думай), чем о первом. И не только при раздаче милостыни, но и во всякой добродетели помышляй не о суровости трудов, но о сладости наград; а прежде всего имей в виду Господа нашего Иисуса, для Которого предпринимаешь те или другие подвиги, – и ты легко выйдешь на подвиги и в радости проведешь все время жизни. Подлинно, ничто не приносит такого удовольствия, как добрая совесть. Вот почему Павел, и каждодневно уязвляемый скорбями, радовался и веселился, а ныне живущие, и во сне не претерпевая ничего подобного, скорбят и унывают, – не от чего иного, как только оттого, что не имеют любомудрой души. Иначе, скажи мне, о чем ты плачешь? О том ли, что ты беден и терпишь недостаток в необходимых вещах? Но в таком случае больше о тебе нужно плакать, – не потому, что ты беден, а потому, что ты так малодушен; не потому, что у тебя нет денег, а потому, что ты так дорого ценишь их. Павел умирал каждый день (1 Кор. XV, 31), – и не только не плакал, но еще и радовался. Он непрестанно боролся с голодом, – и не только не скорбел, но и хвалился.

5. А ты от того, что не имеешь всего годового запаса, плачешь и терзаешь себя? Да, скажешь, – потому что он имел попечение только о себе, а я и о рабах, и о детях, и о жене. Напротив, он и один заботился о нужном не для себя, но для всей вселенной. Ты заботишься об одном доме, а он о таком множестве бедных в Иерусалиме, в Македонии и о всех неимущих – повсюду; заботился, притом и о тех, кото-

рые давали, не менее, чем о тех, которые принимали. У него была двойная забота о вселенной: и чтобы никто не терпел нужды в вещах необходимых, и чтобы все обогащались духовными дарами. И тебе не причиняют такой скорби твои голодные дети, какую причиняли ему дела всех верующих. Что я говорю – верующих? Он не был чужд заботы и о неверующих, напротив, до того был снедаем заботой о них, что молился за них и желал быть отвергнутым сам ради их спасения (Рим. IX, 3). А ты, хотя бы в тысячу раз увеличился голод, не решился бы умереть ни за кого. И ты заботишься об одной жене; а он о всех церквах в целом мире: у меня, говорит, *попечение всех церквей* (2 Кор. XI, 28). Итак, доколе будешь шутить, сравнивая себя с Павлом, и скоро ли перестанешь страдать таким малодушием? Не тогда должно плакать, когда мы бедны, но когда грешим. Только это одно достойно слез, а все прочее достойно даже смеха. Но я не об этом одном печалюсь, скажешь, а еще и о том, что такой-то облечен властью, а я в бесчестии и презрении. Что же из этого? И блаженный Павел для многих казался бесчестным и достойным презрения. Но то был Павел, скажешь. Значит, следовательно, печаль твоя происходит не от свойства вещей, а от недостатка рассуждения. Итак, ты должен оплакивать не бедность свою, но себя, что находишься в таком (жалком ослеплении). Вернее же – не плачь и о себе, а лучше исправься: не богатств ищи, а старайся о приобретении того, что более, нежели бесчисленные богатства, делает нас радостными, то есть любомудрия и добродетели. При них и бедность будет безвредна; а без них нет никакой пользы и от богатства. В самом деле, скажи мне, какую пользу получают те, которые изобилуют богатством, а души имеют бедные? Не столько ты почитаешь себя несчастным, сколько, такой богач считает себя таковым потому, что не имеет у себя (богатства) всех. Пусть он не плачет так, как ты; но загляни в его сердце, и ты увидишь там вопли и воздыхания. Хочешь ли, я покажу тебе твое богатство, чтобы ты перестал почитать блаженными имеющих большое богатство? Видишь ли это небо, как оно прекрасно, как величественно, на какой высоте поставлено? Красотой его и он наслаждается не более твоего и не может тебя лишить его

и все присвоить себе, – потому что оно создано сколько для него, столько же и для тебя. А что сказать о солнце? И это блестящее и светозарное светило, увеселяющее взор наш, не для всех ли смертных открыто, и не все ли равно наслаждаются им, как богатые, так и бедные? И свод звездный, и круг луны – не всем ли равно принадлежат? Даже, странно сказать, мы бедные пользуемся им более, нежели они. Они, предаваясь безмерному пьянству и проводя жизнь в пиршествах и непробудном сне, часто и не замечают их, находясь всегда под кровлей и любя жить во мраке; напротив, бедные находятся в таком положении, что более всех наслаждаются приятностями этих стихий. Равным образом, если будешь рассматривать воздух, повсюду разлитый, то увидишь, что бедные и им пользуются в большем количестве и в гораздо чистейшем виде. Путешественники и земледельцы более наслаждаются им, нежели живущие в городах; а в этих последних опять ремесленники более, чем те, кто по целым дням предается пьянству. А что сказать о земле? Не всем ли она равно открыта? Нет, говоришь. Почему же, скажи мне? Потому что богатый и в городе, получив во владение большее количество десятин земли, окружает их длинными стенами, и в полях отрезает себе большие участки. Что же? Ужели потому, что он отрезывает их одному себе, один он и пользуется ими? Никак, хотя бы он владел тысячами участков. Плоды их он поневоле должен разделять между всеми; пшеницу, вино и елей он тебе готовит и везде для тебя служит. И огромные ограды и здания, сопряженные с несказанными издержками, трудами и беспокойствами, он воздвигает для твоей же пользы, получая от тебя за такую свою услугу только малое количество серебра. То же самое всякий может увидеть и в банях, и везде, то есть что богатые тратят и большие деньги, и обременены трудами и заботами, а бедные легко и спокойно пользуются плодами трудов их за несколько оволов. Таким образом, (богатый) ничем не более твоего пользуется землей, и не десять желудков наполняет и он, но один, как и ты. Но он питается роскошнейшими яствами? И это не большое преимущество; напротив, и здесь ты найдешь для себя предпочтение. В самом деле, это обилие и богатство стола возбуждают в тебе зависть тем,

что доставляют много удовольствия; но у бедного удовольствия еще больше, и сверх того он наслаждается также здоровьем. Разве тем только богатый превосходит бедного, что делает свое тело более слабым и собирает в себе большие источники тяжких болезней, потому что у бедного все делается согласно с природой, а у богатого, который не знает меры, все ведет к расслаблению и болезням.

6. Если угодно, рассмотрим это на примере. Если бы нужно было натопить печь, — и один накидал бы в нее шелковых одежд и тонких, искусно вытканных занавесок, а другой, напротив, наложил бы дров дубовых и сосновых, то чем лучше сделал бы первый сравнительно с последним? Ничем, — напротив, даже хуже. Что же (мы можем несколько и изменить этот самый пример)? Если бы один стал топить печь дровами, а другой телами, — у какой печи остановился бы ты с большим удовольствием, у той ли, которую топили бы дровами, или у той, которую телами? Без сомнения, у той, которая топилась бы дровами, потому что она топится естественным образом и тем представляет приятное зрелище для зрителей; а та, напротив, гарью и смрадом, дымом и зловонием костей прогнала бы от себя всех. Ты ужасаешься, слыша это, и чувствуешь отвращение к такой печи? Но таковы и утробы богатых. В них ты найдешь еще больше, чем в той печи, и смрада, и зловонных испарений, и отвратительного запаха, потому что все тело их и каждая часть его от пресыщения отзываются большой несваримостью желудка. Ведь когда естественная теплота обессилена, не может переварить всей пищи, то последняя пробивается на поверхность тела, подобно дыму, и производит отвратительный запах. С чем бы еще сравнить утробы богатых? А вы не оскорбляйтесь моими словами; но если говорю неправду, изобличайте меня. Итак, с чем же бы еще сравнить их? Сказанного же еще недостаточно для полного изображения того, как они жалки. Вот я нашел и другое сравнение. Какое же? Как в сточных канавах, когда непрестанно умножающиеся наносы навоза, травы, тростника, камней и тины производят в них завалы, поток грязи вырывается наконец на поверхность, — так точно бывает и с утробами богатых: вследствие стеснения их внизу, большая часть таких зловон-

ных потоков устремляются наверх. Но не так у бедных. Напротив, утробы их так же чисты от таких зловонных излишеств, как источники, разливающие чистые воды и наполняющие ими сады и луга. Совсем не таковы утробы богатых или – лучше – предающихся пиршествам. Они исполнены вредной влаги, мокрот, желчи, испорченной крови, гнилых испарений и других подобных вещей. Потому-то никто из живущих роскошно не может быть здоровым даже на краткое время, но проводит жизнь среди непрестанных болезней. Ввиду этого я желал бы спросить их: для чего нам даны различные снеди? Для того ли, чтобы мы погибали от них, или для того, чтобы ими питались? Для болезней или для здоровья? Для расслабления или подкрепления? Очевидно, что для питания, здоровья и подкрепления. Для чего же вы злоупотребляете ими, создавая через них для своего тела болезни и расслабление? Напротив, бедный, питаясь простой пищей, приобретает здоровье, крепость и силу. Итак, не плачь, находясь в бедности, этой матери здоровья; напротив, радуйся. И если хочешь быть богатым, презирай богатство. Подлинно, не в том состоит богатство, чтобы иметь богатство, но в том, чтобы не заботиться о снискании его. Если мы так устроим себя, то и здесь будем богаче всех богатых, и там насладимся будущими благами, которых все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIII

Уста наша отверзошася к вам, коринфяне, сердце наше распространися. Не тесно вмещаетеся в нас, утесняетеся же во утробах ваших (2 Кор. VI, 11, 12)

1. (Апостол) сказал о своих искушениях и скорбях: *в терпении*, говорит, *в скорбех, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в изгнаниих, в трудех, в бдениих;* показал, как они важны и благодетельны: *яко скорбяще*, говорит, *присно же радующеся: яко нищи, а многи богатяще: яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (ст. 10); назвал их оружием: *яко наказуеми*, говорит, *а не умерщвляема* (ст. 9); обнаружил в них великое о нас попечение

Божие и Его силу: *да премножество,* говорит, *силы будет Божия, а не от нас* (IV, 7); изобразил опасность своих подвигов: *всегда,* говорит, *мертвость Его носим* (ст. 10); и что эта мертвость служит ясным доказательством воскресения: *да и живот Иисусов,* говорит, *явится в мертвенней плоти нашей* (ст. 11); сказал, чего он удостоен от Господа и какое служение ему было вверено: *по Христе,* говорит, *молим яко Богу молящему нами* (V, 20); и чего он был служитель, то есть *не писмене, но Духу* (III, 6); и что не только поэтому он достоин уважения, но и ради самих скорбей: *Богу,* говорит, *благодарение всегда победители нас творящему* (II, 14). После всего наконец он приступает к обличению (коринфян) в том, что они мало имеют расположения к нему. Впрочем, не тотчас начинает обличать их, но сперва говорит им о той любви, которую он всегда обнаруживал к ним, а потом уже приступает и к обличению. Хотя бы обличающий и по своим добродетелям заслуживал уважение слушателей, но его слово принимают охотнее, когда он вместе показывает и любовь свою к обличаемым. Вот почему и апостол, упомянув сперва о своих искушениях, трудах и подвигах, переходит к слову о любви своей к ним и потом уже начинает обличать их. Как же он свидетельствует любовь свою к ним? *Уста наша,* говорит, *отверзошася к вам, коринфяне* (ст. 11). Что же это за свидетельство любви? И что вообще значат эти слова? Мы не хотим, говорит, молчать перед вами, но всегда желаем говорить и беседовать с вами. А так поступают обычно любящие. И что для тела объятие рук, то для души дружественная беседа. Вместе с этим он намекает здесь еще и на нечто другое. Что же именно? То (говорит), что мы откровенно беседуем с вами, как с возлюбленными, ничего не утаивая от вас и ничего не скрывая. Так как он приступает к обличению их, то как бы просит у них извинения в том, делая самое обличение, смело высказанное, доказательством сильной любви к ним. И само наименование *(коринфяне)* выражает великую любовь, расположение и горячность (чувства). Известно, что мы часто повторяем и одни имена тех, кого любим. *Сердце наше распространися.* Как теплота расширяет (предметы), так и любви свойственно расширять (сердце), потому что она есть такая добродетель, которая и горяча, и разгоряча-

ет. Она разверзла и уста Павловы, и расширила сердце его. Не устами только, говорит, люблю вас, но (с устами) согласуется и сердце. Потому я и говорю смело, открытыми устами и от всего сердца.

Подлинно, нет ничего пространнее сердца Павлова; оно так горячо любило всех верных, как кто-нибудь (любит) своего друга, не раздробляя на части своей любви и оттого ослабевая, но пребывая в каждом всецело. И удивительно ли, что Павел имел такую любовь к верным, когда сердце его обнимало всю вселенную, и даже неверных? Вот почему он и не сказал: я люблю вас, но гораздо выразительнее: *уста наша отверзошася, сердце наше распространися;* мы всех имеем в сердце и не кое-как, но с большим простором, потому что в таком случае любимый без всякой опасности помещается в сердце любящего. Поэтому и говорит: *не тесно вмещаетеся в нас, утесняетеся же во утробах ваших* (ст. 12). Смотри, как он щадит и в самих обличениях, А это – свойство сильно любящих. Не сказал: вы не любите нас, а (говорит только): не в такой мере (любите, как мы), – потому что не хочет сильно упрекать их. Перечитывая его послания, желающий и везде может увидеть, до чего он любил верующих. К римлянам, например, он пишет: весьма *желаю видети вас* (I, 11); и еще: *множицею восхотех приити к вам* (ст. 13); также: *аще убо благопоспешен буду приити к вам* (ст. 10). А к галатам пишет: *чадца моя, имиже паки болезную* (IV, 19). И опять к эфесеям: *сего ради преклоняю колена моя за вас* (III, 14). К филиппийцам же (написал так): *кто бо ми есть упование или радость, или венец похваления? Не и вы ли* (1 Сол. II, 19, Флп. IV, I)? – и говорил, что он носит их *в сердце и во узах* (Флп. I, 7). А к колоссянам: *хощу же вас видети, колик подвиг имам о вас, и елицы не видеша мя во плоти, да утешатся сердца ваша* (II, 1); и к фессалоникийцам: *якоже доилица греет своя чада, тако желающе вас благоволихом подати вам не точию благовествование, но и души своя* (1 Сол. II, 7, 8). Или Тимофею: *поминая слезы твоя, да радости исполнюся* (2 Тим. I, 4); также Титу: *присному чаду* (I, 4). Подобным же образом и к Филимону.

2. Много подобного пишет он и к евреям, не переставая утешать их подобно матери, уговаривающей печальных детей своих; *еще мало елико елико, грядый приидет, и не укоснит*

(Евр. X, 37). С той же любовью и к ним (коринфянам) говорит: *не тесно вмещаетеся в нас.* Притом говорит, что не только он их любит, но что и они любят его, желая этим еще более привлечь их к себе. То же самое свидетельствует он о них, когда говорит, что пришел Тит, *поведал нам ваше желание, ваше рыдание, вашу ревность* (2 Кор. VII, 6, 7). То же и галатам: *аще бы было мощно, очеса ваша извертевше дали бысте ми* (IV, 15); и фессалоникийцам: *каков вход имехом к вам* (1 Сол. I, 9); и Тимофею: *поминаю слезы твоя, да радости исполнюся* (2 Тим. I, 4). И везде в посланиях его всякий может найти свидетельства любви его к ученикам своим и их любви к нему, хотя и не равной. Так и в настоящем послании говорит он: *аще и излишше вас любя, менше любимъ есмъ* (XII, 15). Но так говорит он уже в конце (послания); а здесь еще сильнее: *не тесно вмещаетеся в нас, утесняетеся же во утробах ваших.* Вы приемлете, говорит, одного, а я – целый город и столь многочисленный народ. Не сказал опять – не приемлете нас, но – *утесняетеся;* этими словами он указал на то же, но только снисходительнее, чтобы обличение было не слишком жестоко. *Тожде же возмездие, якоже чадом глаголю, распространитеся и вы* (ст. 13). И хотя не одно и то же – прежде самому быть любимым, а потом уже любить других, потому что возлюбивший после, хотя бы и равной платил любовью, по тому уже самому стоит ниже, что другой предварил его любовью, – но я не вхожу, говорит, в строгое разыскание; для меня довольно, если вы, взяв с меня пример, покажете ту же меру любви, какой я люблю вас. Потом, чтобы показать, как это нужно для них и как слова его чужды всякого ласкательства, прибавляет: *якоже чадом глаголю.* Что же значит: *якоже чадом?* Это значит – ничего более не прошу от вас, кроме вашей любви ко мне, как отцу.

И заметь благоразумие и смиренномудрие (апостола). Он не говорит уже здесь о бедствиях, какие претерпел за них, о своих трудах, о смертных опасностях, хотя бы и много мог сказать, – так он чужд гордости! – но говорит только о любви своей и просит от них взаимной любви, – за то, что я, говорит, отец ваш и сильно люблю вас. Пользующегося любовью иногда очень раздражает то, что ему напоминают о благодеяниях, – потому что он видит в этом упрек

себе. Поэтому Павел и не делает так, а только говорит: возлюбите меня, как дети отца, – что гораздо ближе к природе (человеческой) и составляет долг каждого в отношении к отцу. Потом, чтобы кто не подумал, что он говорит это для своей пользы, показывает далее, что он для их же блага желает снискать любовь их к себе, – почему и присовокупляет: *не бывайте преложни ко иному ярму, якоже неверии* (ст. 14). Не сказал – не смешивайтесь с неверными; но, чтобы сильнее обличить их как нарушителей правды, говорит: не уклоняйтесь (на их пути). *Кое бо причастие правде к беззаконию?* Здесь он делает различение уже не между своей любовью и любовью тех, которые растлевали коринфян, но между благородством последних и низостью первых. От этого и речь его сделалась важнее и сообразнее с его достоинством, а для коринфян привлекательнее. Если бы сыну, не почитающему своих родителей и предающемуся людям развратным, кто-нибудь сказал: что ты делаешь, дитя? ты презираешь своего отца и предпочитаешь ему людей развратных и преданных всякому нечестию? ужели ты не знаешь, сколько ты лучше их и благороднее? – то такими словами он лучше бы отклонил его от общения с ними, чем когда бы стал восхвалять только отца. Так, если бы он сказал: ужели ты не знаешь, насколько отец твой лучше их? – то этим ничего бы не сделал. Напротив, если он, оставив отца, укажет на превосходство перед ними самого сына, говоря: ужели ты не знаешь, кто ты и кто они? как ты не подумаешь о своем благородстве и свободном происхождении, а их низости? что у тебя общего с такими ворами, прелюбодеями, разбойниками? – то, как бы окрылив его такими похвалами, он легко расположит его к тому, чтобы он оставил сообщество с ними. Первые увещания он не так легко примет потому, что восхваление отца будет служить уже обвинением, поскольку именно в этом случае он представляется оскорбителем не только отца, но и такого именно отца; здесь же он ничего подобного не услышит. Притом кто не любит похвалы? И потому само обличение, соединенное с похвалой слушателя, бывает удобоприемлемее. Оно смягчает, возвышает дух и заставляет гнушаться сообществом с худыми людьми. Но здесь достойно удивления не только такое различение,

но и то, что придумать нечто большее для возбуждения в них страха. Сперва именно он ведет речь свою через вопросы, что обыкновенно бывает тогда, когда говорится о чем-нибудь для всех известном и очевидном; потом же распространяет ее многими и различными наименованиями. Не одно, в самом деле, не два и не три, но многие наименования (сравниваемых) вещей полагает перед глазами слушателей, чтобы, с одной стороны, изобразить высоту добродетели, а с другой — крайнюю низость порока, и через великое, даже бесконечное между ними расстояние показывает, что дело не требует более никакого доказательства. *Кое бо,* говорит, *причастие правде к беззаконию? Кое же общение свету ко тьме? Кое же согласие Христови с Велиаром? Или кая часть верну с неверным? Или кое сложение церкви Божией со идолы* (ст. 15, 16)?

3. Смотри, какие простые, а между тем достаточные слова употребляет (апостол) для отвращения (коринфян от ярма неверных). Не сказал он: (какое общение у праведности) с противозаконием, но гораздо сильнее (с беззаконием). Равным образом не сказал: (какое общение) у находящихся во свете с пребывающими во тьме, но противополагает самые вещи, противные между собой и одна другую отвергающие, то есть свет и тьму. Не сказал также: (какое согласие) между последователями Христа и чадами диавола, но — что гораздо большую обнаруживает противоположность — между Христом и Велиаром, — еврейским именем назвав этого отступника. *Или кая часть верну с неверным?* Чтобы кто не подумал, что он просто лишь обвиняет зло и похваляет добродетель, он здесь указываете уже и лица, хотя и неопределенно. И не сказал: какое общение, но — какие награды, назвав их частью. *Кое сложение церкви Божией со идолы? Вы бо есте* церковь *Бога жива.* Смысл этих слов такой. Царь ваш не имеет ничего общего с диаволом *(кое бо согласие Христови с Велиаром?);* ничего общего не имеют между собой и дела их: *кое бо общение свету ко тьме?* Потому и у вас не должно быть никакого общения с ним (диаволом). Апостол прежде указывает на царя а потом уже на них, — чтобы тем скорее отвлечь их от диавола. Далее, сказав: *(кое сложение) церкви Божией со идолы* и присовокупив: *вы бо есте* церковь *Бога жива,* (апостол) почел нужным привести и сви-

детельство на это, желая показать, что эти слова не простая лесть, – так как кто хвалит, не представляя на то причин, о таком могут подумать, что он льстит. Какое же (он приводит) свидетельство? *Вселюся в них и похожду,* – то есть вселюся в храмах этих и в них буду ходить, показывая тем великое к ним благоволение, – *и будут Мне в людие, и Я буду им* в Бога (Лев. XXVI, 12). Для чего же, говорит, ты, нося в себе Бога, бежишь к идолам, – Бога, Который не имеет с ними ничего общего? Такой поступок достоин ли какого-нибудь извинения? Помысли, кто в тебе живет и обитает с тобой. *Темже изыдите от среды их и отлучитеся, и нечистоте не прикасайтеся: и Аз прииму вы глаголет Господь* (ст. 17). Не сказал: не творите нечистоты; но, требуя от них большой точности, сказал: даже не прикасайтесь и не приближайтесь к ней. Что же составляет нечистоту плотскую? Блуд, прелюбодеяние и всякое плотоугодие. А душевную? Нечистые помыслы, сладострастный взор, памятозлобие, обманы и тому подобное. Он желает, чтобы мы были чисты и от той и от другой нечистоты. Смотри, вот и награда за то, – отделение от нечестивых и соединение с Богом. Но послушай еще далее: и *буду вам во отца,* и *вы будете Мне в сыны и дщери, глаголет Господь* (Иер. III, 19). Видишь, как пророк издревле уже предсказал о настоящем благородстве нашем, то есть о возрождении благодатью. *Сицева убо имуще обетования, о возлюблении* (VII, 1). Какие? То, что мы сделались храмами для Бога, сынами и дочерями Его, что Он вселяется и обитает в нас, что мы стали Его народом и Его имеем Богом и Отцом своим. *Очистим себе от веяния скверны плоти и духа,* – не будем прикасаться к нечистоте, – это именно и означает *скверна плоти,* – и к тому, что грязнит душу, – это именно и значит *скверна духа.* Этим одним, однако, он еще не довольствуется и потому присовокупляет: *творяще святыню в страсе Божии.* Одно неприкосновение к нечистому еще не делает чистым; чтобы сделаться нам святыми, для этого потребно и нечто другое, – именно ревность, бодрствование и благочестие. И хорошо сказал он: *в страсе Божии,* потому что можно сохранять целомудрие и не в страхе Божием, но для суетной славы. Впрочем, он имел еще и другое в виду, когда сказал: *в страсе Божии,* именно – способ, которым достигается святость. Действительно, как

ни велика сила похоти, но если ты оградишь себя страхом Божиим, то победишь ее неистовство. Под *святынею* же он разумеет здесь не одно целомудрие, во и удаление от всякого греха, потому что свят тот, кто чист, а чист не тот, кто не творит только блуда, но кто чужд вместе и сребролюбия, и зависти, и надменности, и тщеславия, – особенно же тщеславия, которого и всегда нужно убегать, а более всего при подаянии милостыни. Милостыня, зараженная этой болезнью, перестает быть уже и милостыней, а является хвастовством и жестокосердием.

Действительно, когда ты подаешь милостыню не из милосердия, но для того, чтобы показать себя, тогда она не только не есть милостыня, но даже является обидой, потому что ты выставляешь на позор своего брата. Милостыня состоит не в том, чтобы только давать деньги, но чтобы давать с чувством милосердия. И на зрелищах дают деньги – и распутным отрокам, и другим появляющимся на сцене; но это не милостыня. И блудники дают деньги блудницам; но это – дело не человеколюбия, а пьяного бесчинства. Им-то подобен и тот, кто (подает милостыню) из тщеславия. Подобно тому как оскверняющийся с блудницей дает ей награду за наносимую ей обиду, так и ты, подавая милостыню из тщеславия, только награждаешь принимающего ее от тебя за причиняемую ему обиду и через это создаешь и себе и ему худую славу, а отсюда невыразимый вред. Как лютый зверь и бешеный пес нападают на всех, так этот злой недуг бесчеловечия похищает у нас наши блага. Такая милостыня, подлинно, есть бесчеловечие и жестокость, или еще хуже того. Жестокосердый только сам не подает просящему, а ты хуже его делаешь, – ты препятствуешь подавать желающим подать. В самом деле, когда ты всем выставляешь напоказ свое подаяние, то этим приводишь в сомнение бедность принимающего дар твой и тем удерживаешь от подаяния намеревающегося подать, особенно если он человек легкомысленный. Такой человек уже не подает просящему, как уже получившему подаяние и не особенно нуждающемуся, и мало того – еще будет порицать его и обличать в бесстыдстве, когда он, получив от тебя милостыню, придет и к нему просить.

4. Итак, какая это милостыня, когда ты бесчестишь ею и себя, и того, кто получил ее, а еще более Того, кто повелел творить ее, так как не довольствуешься тем, что сам (Бог) видит милостыню твою, и требуешь еще, чтобы и глаза собратий твоих обращены были на нее, и таким образом преступаешь данную от Него заповедь, запрещающую поступать так. Желал бы я побеседовать с вами и о других добрых делах, и о посте, и о молитве, – чтобы показать, как и здесь пагубно тщеславие; но я вспомнил, что в прошедшей беседе не совсем окончил предложенное там, очень нужное слово. О чем же там было слово? Рассуждая о здоровье и удовольствиях, я говорил там, что бедные имеют преимущество перед богатыми в потребностях жизни, и это доказано было ясно. Теперь покажем, что бедные преимуществуют перед богатыми не только в житейских вещах, но и в духовных. В самом деле, что вводит в царствие Божие – богатство или бедность? Послушаем, что говорит об этом сам небесный Владыка. О богатых он говорит, что удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому в царство Божие (Мф. XIX, 24); а о бедных сказал напротив: *аще хощеши совершен быши, продаждь имение твое, и даждь нищим, и гряди в след Мене: и имети имаши сокровище на* небесах (Мф. XIX, 21). Но, если угодно, мы и с другой стороны покажем истину сказанного. *Узкий и тесный путь,* говорит (Писание), *вводяй в живот* (Мф. VII, 14). Но кто идет узким путем: тот ли, кто проводит жизнь в удовольствиях, или кто в бедности? Тот ли, кто идет без всякой ноши, или тот, кто несет на себе тысячу тяжестей? Изнеженный и беспечный или заботливый и старательный? Но что пользы в умствованиях? Лучше перейдем к примерам. Лазарь был беден, и очень беден, а богатый проходил мимо него, когда он лежал у ворот (богатого). Кто же из них взошел в царство (небесное) и обрел покой в недрах Авраамовых? Кто, напротив, мучился в огне, и не мог испросить даже капли воды? Но ты скажешь, что и из бедных многие погибнут, и из богатых многие будут наслаждаться теми неизреченными благами. Напротив, должно знать, что только малое число богатых спасется, а бедных гораздо более. Рассмотри и исследуй тщательнее препятствия (к спасению) со стороны богатства и пороки беднос-

ти, – хотя те и другие, собственно, зависят не от богатства, ни от бедности, а от тех, которым достались в удел богатство или бедность; но посмотрим все же, какое оружие удобнее. Итак, какой порок кажется свойственным бедности? Ложь. Какой (свойственнее) богатству? Гордость, которая есть мать пороков, от которой и диавол сделался диаволом, не будучи таковым прежде. Опять, корень всех зол сребролюбие (1 Тим. VI, 10). Но кто стоит ближе к этому корню – богатый или бедный? Не очевидно ли, что богатый? Ведь чем большим кто окружен (богатством), тем большего еще желает. Опять, тщеславие губит бесчисленные добродетели. А богатый и к нему то же обитает поблизости. Но почему же ты, скажут, ничего не говоришь о скорбях и стесненном состоянии бедного? Потому, что это удел и богатого и даже еще более, чем бедного, так что несчастья, соединенные по-видимому, с бедностью, общи и бедным и богатым, между тем как несчастья богатого угнетают его одного. Но что (можно ответить), скажут, на то, что бедный от недостатка необходимых потребностей совершает много злодеяний? То, что никто из бедных, никто не делает столько злодеяний от бедности, сколько совершают их богатые, из желания большего богатства и из опасения, чтобы не потерять уже хранящегося у них. В самом деле, не столько бедный желает необходимого для себя, сколько богатый излишнего, да и столько сил опять к совершению зла он не имеет, сколько богатый. Таким образом, если богатый и больше желает зла, и больше может сделать его, то очевидно, что он и действительно больше сделает. Не так бедный боится голода, как богатый трепещет, как бы не лишиться своих сокровищ, и мучится оттого, что еще не завладел богатствами всего мира. Итак, когда богатый близок к тщеславию, гордости и сребролюбию, которое есть корень всех зол, то какую будет иметь он надежду на спасение, если не покажет в себе великого любомудрия? Как он решится шествовать тесным путем? Не будем же поэтому идти за мнением толпы, а будем исследовать самые вещи. Если мы не доверяемся другим, когда дело идет о деньгах, а сами пересчитываем и пересматриваем их, то не безрассудно ли было бы просто следовать мнению других в определении достоинства дел на-

ших, – и притом невзирая на то, что мы имеем для этого верные весы, верный образец и верное правило – суд божественных законов? Потому прошу и умоляю всех вас, – не обращая внимания на то, как об этом думает тот или другой, узнавайте все это из святых Писаний, и, узнав из них, в чем состоит истинное богатство, будем стараться о снискании его, чтобы через то достигнуть нам и вечных благ, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIV

Вместите ны: ни единаго обидехом, ни единаго истлихом, ни единаго лихоимствовахом. Не на осуждение глаголю: прежде бо рех, яко в сердцах наших есте, во еже умрети с вами и сожити (2 Кор. VII, 2, 3)

1. (Апостол) опять говорит о любви, умеряя строгость обличения. Так как он обличил и укорил их в том, что, будучи любимы им, они не отвечают ему такой же любовью, напротив, отпали от любви его и предались людям зловредным, – то теперь смягчает строгость укоризн своих, говоря: *вместите ны,* то есть любите нас; просит у них маловажной милости, которая приносит более пользы оказывающим ее, нежели принимающим. И не сказал – любите нас, но, как бы вызывая сострадание, говорит: *вместите.* Кто, говорит, нас удалил? Кто исторгнул из мыслей ваших? Почему вытесняете нас из сердец ваших? Выше он сказал: *утесняетеся во утробах ваших* (VI, 12), а здесь выражает то же самое яснее словами: *вместите ны.* И этим опять привлекает их к себе, потому что ничто так не возбуждает любви, как наблюдение любимого, что любящий сильно желает любви его. *Ни единаго обидехом.* Смотри, он опять умалчивает о своих благодеяниях, но другим образом и смягчает, и вместе усиливает свое слово. Вместе с тем, говоря: *ни единаго обидехом, ни единаго истлихом, ни единаго лихоимствовахом,* он указывает и на лжеапостолов. Что значит: *истлихом?* То есть никого не обольстили, как и в другом месте говорит: *да не како, якоже змий Еву прельсти, тако истлеют разумы ваша* (2 Кор. XI, 3).

Ни единаго лихоимствовахом, то есть ни у кого ничего не похитили, ни с кем не поступали коварно. Не говорит еще: мы оказали вам те и другие благодеяния, но, чтобы более пристыдить их, говорит: *не обидехом.* Как бы так говорит: если бы мы и никакого не оказали вам благодеяния, и тогда вам не надлежало бы отвращаться от нас, потому что вы ни в малом, ни в большом не можете обвинить нас. Но, чувствуя, что сказанное им может показаться тяжким, он опять смягчает (свое слово). Впрочем, и не совсем умолк (от обличения), потому что тогда он не исправил бы их; и не оставил слова своего не смягченным, чтобы не оскорбить их через меру. Что же говорит? *Не на осуждение глаголю.* Из чего же это видно? *Прежде бо рех, яко в сердцах наших есте, во еже умрети с вами и сожити.* Подлинно весьма велика такая любовь, что, будучи даже ими презираем, готов и умереть и жить вместе с ними. Не просто, говорит, вы находитесь в сердцах наших, но так, как я сказал. Можно и любить, и избегать опасностей; но не так любим мы. Смотри, сколько и здесь дивного благоразумия! Он не упомянул о том, что сделал уже для них, чтоб не сочли этого опять за упрек, но обещает им благодеяния в будущем. Ежели бы, говорит, постигло вас какое бедствие, то я готов все терпеть за вас. Для меня ни смерть, ни жизнь сами по себе не важны; но быть там, где вы, для меня предпочтительнее; с вами и смерть лучше жизни, и жизнь лучше смерти. Что умереть за другого есть дело любви, это несомненно; но жить — кто этого не пожелает, даже и не будучи другом? Почему же он и желание жить выставляет как дело великое? Потому что и действительно оно весьма великое. В самом деле, о страждущих друзьях своих многие соболезнуют; а когда они благоденствуют, то уже не радуются с ними, но еще и завидуют. Мы же не таковы (говорит апостол). Если вы подвергнетесь бедствию, мы не устрашимся разделить с вами ваше несчастье; если будете благоденствовать, не станем завидовать. Потом, в виду того, что выше он непрестанно повторял одно и то же, говоря: *не тесно вмещаетеся в нас; утесняетеся во утробах ваших; вместите ны; распространитеся и вы;* и: *ни единаго обидехом;* а все это, по-видимому, клонилось к их осуждению, — то смотри, какой новый способ употребляет он, чтобы смягчить тя-

жесть (этих укоризн). *Много ми дерзновение к вам* (ст. 4). Потому, говорит, я осмеливаюсь на это, что говорю не к осуждению вашему, но по великой надежде на вас. То же самое выражает он и выше, говоря: *многа ми похвала о вас.* Не подумайте, что когда я говорю так, то говорю, совсем уже осуждая вас, потому что я весьма горжусь и хвалюсь вами; напротив, говорю это из заботливости, желая, чтобы вы больше успели в добродетели. То же говорит он после многих обличений и евреям: *надеемся же о вас лучших, и придержащихся спасения, аще и тако глаголем* (Евр. VI, 9). *Желаем же, да кийждо вас являет тожде тщание, к извещению упования даже до конца* (VI, 11). Так точно и здесь говорит: *много ми похвала о вас,* то есть я хвалюсь вами перед другими. Видишь, как искренне утешает! И не просто, говорит, хвалюсь, но и очень хвалюсь. Потому и присовокупил: *исполнихся утехи.* Какой же утехи? Которую получил от вас; вы, исправившись, утешили меня делами своими. Любящему свойственно и делать упреки, что он не любим, и страшиться, чтобы излишними укоризнами не опечалить. Поэтому и говорит: исполнихся *утехи, преизбыточествую радостию.*

2. Но скажут: это, по-видимому, противоречит сказанному прежде. Нимало; напротив, очень даже согласно, потому что сказанное теперь делает удобоприемлемым то, что было сказано раньше, и настоящая похвала делает более действительной пользу прежних обличений, уничтожая их горечь. Вот почему он весьма кстати и щедро и расточает эти слова. Не сказал: я исполнен радости, но — *избыточествую;* и не только избыточествую, но — *преизбыточествую,* чем опять обнаруживает горячность любви, по которой хотя и столько любим ими, что может радоваться и веселиться, все же, однако, не почитает еще себя любимым в той степени, в какой бы следовало его любить, и не думает, что все от них получил. Так ненасытима была любовь его к ним! И малая взаимная любовь от тех, кого любим, доставляет великую радость, по причине нашей сильной к ним любви. Таким образом, и это послужило новым доказательством его любви. Говоря об утешении, он сказал: *исполнихся,* то есть получил что надлежало; а говоря о радости, сказал: *преизбыточествую,* то есть я много боялся за вас, но вы довольно

удовлетворили и утешили меня и не только отняли у меня предлог к скорби, но еще доставили мне обильную радость. Показывая затем, как велика эта радость, не только выражает это словами: *преизбыточествую радостию,* но и тем, что присовокупляет: *о всякой печали нашей.* Так велико было доставленное вами удовольствие нам, что оно не затмилось и великой печалью, а, напротив, избытком своей великости преодолело все постигшие нас скорби, и не дозволило нам даже почувствовать их. *Ибо пришедшим нам в Македонию, ни единаго име покоя плоть наша* (ст. 5). Упомянув выше о печали, сказывает, какая это была печаль, и представляет ее в большем виде, желая показать, как велики доставленные ими утешение и радость, если они рассеяли и такую скорбь. *Но во всем скорбяще.* Как это во всем? *Вне уду брани,* от неверных, *внутрь уду боязни,* за немощных в вере, чтобы не увлеклись в заблуждения, что случалось не у одних коринфян, но и у других. *Но утешаяй смиренныя, утеши нас пришествием Титовым* (ст. 6). Так как он много сказал в похвалу (коринфян), то чтобы не показаться льстецом, приводит в свидетели брата Тита, который пришел от них к Павлу после первого его послания, извещая об их исправлении. А ты заметь, как высоко ценит он везде прибытие Тита. Так и раньше говорит о нем: *пришед же в Троаду, во благовестие, не имех покоя духу моему, не обретшу ми Тита брата моего* (II, 12, 13); и здесь опять говорит: *пришествием Титовым* мы утешились. Этим он желает внушить им доверие и любовь к Титу. И смотри, как достигает того и другого. Словами — *не имех покоя духу моему* он показывает высоту его добродетели; а сказав: в скорби нашей пришествие его достаточно было к утешению, *не токмо же пришествием его, но и утешением, имже утешися о вас,* — снискивает Титу благорасположение коринфян, потому что ничто так не возбуждает и не утверждает дружбы, как добрый и благоприятный о ком-нибудь отзыв. А о Тите свидетельствует (апостол), что, возвратившись, он привел нас в восхищение от удовольствия, когда рассказал о вас так много (приятного). Потому-то пришествие его и обрадовало нас. Не только пришествием его мы были обрадованы, но и *утешением,* которое он получал от вас. Чем же он утешился? Вашей добродетелью, вашим исправлением. Поэтому и присо-

вокупляет: *поведал нам ваше желание, ваше рыдание, вашу ревность по мне* (ст. 7). Вот что утешало и радовало (Тита)! Видишь, как и его представляет весьма расположенным (к коринфянам), так как он добрую их славу почитает для себя утешением и, придя, хвалится ею перед Павлом, как собственным благом. И смотри, с каким жаром выражает это (апостол): *ваше желание, ваше рыдание, вашу ревность*. Действительно, им должно было и плакать и скорбеть о том, что блаженный Павел так прогневался на них и так долго не был у них. Поэтому и сказал не просто — слезы, но — *рыдание,* и не просто — желание, но — *сильное желание,* и не — гнев, но — *ревность,* и ревность за апостола как против блудника, так и против осуждавших (Павла). Получив мое послание, говорит, вы воспламенились и воспылали ревностью. Он избыточествует радостью, исполнился утешения, потому что сильно тронул их. Мне кажется, однако, что это сказано не только для утешения за прежнее, но и для большего возбуждения исполнивших требуемое. Хотя некоторые, как я думаю, и подлежали прежним обличениям и не заслуживали такой похвалы, однако он не отделяет их, напротив, и хвалит, и укоряет всех вместе, предоставляя совести слушателей избрать каждому свое. А таким образом и укоризны не делались невыносимыми, и похвалы возбуждали к большей ревности.

3. Так и ныне должны вести себя обличаемые — плакать и рыдать, так же искать себе наставников, так же любить их более, нежели отцов, — потому что отцы дают нам только жизнь, а наставники жизнь добродетельную. Так должно сносить отеческие наказания, так вместе с предстоятелями должно соболезновать о согрешающих, потому что не от них одних все зависит, но и от вас. В самом деле, если согрешивший видит, что отец обличает, а братья потворствуют, то становится еще нерадивее. Напротив, когда отец укоряет, гневайся с ним и ты или как заботящиися о брате, или как негодующий с отцом, но только показывай великую заботу и сожалей не о том, что он наказан, но о том, что согрешил. Если же я буду созидать, а ты станешь разорять, то что приобретем кроме трудов? Мало того, — этим не ограничится для тебя вред, но ты навлечешь на себя еще и нака-

зание. Тот, кто препятствует уврачевать рану, заслуживает не только меньшее наказание с нанесшим ее, но еще и большее, потому что нанести рану и препятствовать ее уврачеванию – не одно и то же, – последнее непременно причиняет смерть, а первое не совсем. Говорю же это вам для того, чтобы и вы негодовали вместе с своими начальниками на тех, на кого они справедливо негодуют, чтобы, видя наказываемого, все вы отвращались от него еще более, чем сам наставник. Пусть погрешивший боится вас больше, нежели начальников. Если он будет бояться одного только учителя, то скоро опять согрешит, а если будет опасаться стольких глаз и стольких уст, то сделается гораздо осторожнее. И как, не исполняя этого, подвергнемся крайнему наказанию, так, исполняя, будем участвовать в плодах исправления.

Будем же так поступать! Кто скажет, что христианину прилично быть человеколюбивым к брату, тот пусть знает, что человеколюбив гневающийся, а не тот, кто прежде времени снисходит к нему, и не дает даже почувствовать греха. Скажи мне, кто оказывает сострадание находящемуся в горячке или в безумии: тот ли, кто укладывает его в постель, связывает, удерживает от вредной для него пищи и питья, или тот, кто позволяет ему напиться вина, оставляет его на воле, дозволяя делать все, что делают здоровые? Этот последний, под видом человеколюбия, не растравляет ли болезнь, а первый, напротив, не врачует ли ее? Так будем рассуждать и здесь. Долг человеколюбия требует не во всем угождать больным и не потворствовать неразумным их желаниям. Коринфского блудника никто так не любил, как Павел, повелевший предать его сатане, и никто так не ненавидел его, как ободрявшие его и снисходившие к нему. Это и оправдалось впоследствии. Последние воспламенили его дух и произвели большее воспаление, а Павел унял жар и дотоле не оставил больного, пока не привел в совершенное здоровье. Те к настоящей болезни присоединяли новую; а Павел изгнал и ту, которая была в нем сначала. Этим-то правилам человеколюбия научимся и мы. Когда ты видишь, что конь несется к стремнине, то накидываешь на него узду, со всей силой удерживаешь его и часто бьешь. И хотя это – наказание, однако такое наказание есть мать спасения. Так

поступай и с согрешающими. Свяжи согрешившего, пока не умилостивит он Бога, и не оставляй несвязанным, чтобы он не был еще более связан гневом Божиим. Если я свяжу, то Бог уже не свяжет его; если же я не свяжу, то его ожидают неразрешимые узы: *аще бо быхом себе осуждаяй, не быхом осуждени были* (1 Кор. XI, 31). Итак, не почитай такого отношения жестоким и бесчеловечным, напротив, (почитай) делом крайней снисходительности, превосходного врачевания и великой попечительности. Ты скажешь: довольно уже времени терпели они наказание. А скажи, сколько? Год, два или три? Но у меня вопрос не о продолжительности времени, а об исправлении души. Покажи же мне (исправление); если они пришли в сокрушение, если переменились, то все сделано; а если нет этого, не поможет время. Не спрашиваем и о том, часто ли была перевязываема рана, но – принесло ли перевязывание какую пользу. Если принесло желаемую пользу, и в короткое время, то оставь; если же не принесло никакой пользы, то и после десяти лет продолжай (перевязывать). Уврачевание связанного пусть будет сроком к разрешению. Если мы так будем заботиться и о самих себе, и о других, и не станем смотреть на человеческую славу или бесславие, но, имея в мысли будущее мучение и поношение, а более всего страх оскорбить Бога, усугубим врачебные средства покаяния, то скоро достигнем и совершенного здоровья, и получим будущие блага, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XV

Яко аще и оскорбих вас посланием, не раскаюся, аще и раскаялбыхся (2 Кор. VII, 8)

1. Так как (коринфяне) загладили свой грех, и потому без опасения можно было говорить с ними ласковее, то (апостол) извиняется перед ними за прежнее свое послание и показывает его пользу. То же делал он и выше, говоря: *от печали бо многия, и туги сердца написах вам, не яко да оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имам изобильно к вам* (2 Кор. II, 4).

То же делает и здесь, но только выражает это пространнее. И не сказал: прежде я раскаивался, но теперь не раскаиваюсь; но как? *Не раскаюся* теперь, *аще и раскаялбыхся.* Хотя бы, говорит, написанное мной было и таково, что превышало меру (должного) обличения и побуждало меня раскаяться, но великая польза, происшедшая от того, не дозволяет мне раскаиваться. Сказал же это не потому, что в самом деле сверх меры обличал их, но чтобы увеличить похвалу их. Вы, говорит он, показали такое исправление, что если бы мне, случилось и слишком строго наказать вас, так что и был бы должен обвинять себя в том, однако, взирая на последствия, я стал бы теперь хвалить себя. Подобно тому как мы безбоязненно ласкаем детей после того, как к нам применен уже какой-нибудь трудный способ лечения, как например разрез или прижигание, или горькое питье, так точно поступает и Павел. *Вижду бо, яко послание оно, аще и к часу, оскорби вас. Ныне радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся в покаяние* (ст. 8, 9). Сказав – раскаиваюсь, представляет и причину на то, показывая пользу от послания, благоразумно оправдываясь и говоря: *аще и к часу,* потому что печаль была краткая, а польза вышла продолжительная. Следовало бы сказать: если я и оскорбил вас на время, но через то доставил вам радость и пользу навсегда. Однако он не говорит этого; но прежде, чем сказать о пользе, начинает опять хвалить их и показывать свое попечение о них, говоря: *ныне радуюся, не яко скорбни бысте,* – да и какая мне польза от вашей печали? – *но яко оскорбистеся в покаяние,* то есть что ваша печаль принесла плод. Подобно как и отец, когда видит, что сыну делают разрез, радуется не тому, что сын терпит боль, но тому, что исцеляется, так точно радуется и он. И заметь, как он весь успех дела относит к ним: печаль приписывает посланию, когда говорит: *аще и к часу оскорби вас,* а пользу от него ставит им в заслугу. Не сказал: потому что послание исправило вас, хотя так и было на деле, но: *яко оскорбистеся в покаяние. Оскорбисте бо по Бозе, да ни в чемже оттщетитеся от нас.* Замечаешь ли его неизреченное благоразумие? Если бы мы не сделали этого, говорит он, то нанесли бы вам вред: исправление приписывает им, а себе вред, который бы произошел от его молчания. Если бы мы не обличили вас, когда можно было

исправить обличением, то мы нанесли бы вам вред, и ущерб был бы не для вас только, но и для нас. Подобно тому как тот, кто не дает купцу средств к плаванию, делает вред ему, так и мы сделали бы вам вред, если бы не дали вам повода к покаянно. Видишь ли, что не обличать грешников вредно и учителю и ученику? *Печаль бо, яже по Бозе, покаяние во спасение нераскаянно соделовает* (ст. 10). Вот почему, говорит, хотя я и раскаивался, прежде нежели увидел весь плод и пользу от послания, но теперь не раскаиваюсь. Таким (плодом) была печаль по Бозе. Рассуждая теперь о печали, он показывает, что она не всегда бывает горькой, а только когда делается печалью по миру. А что значит печаль по миру? Когда печалишься об имуществе, о славе, об умершем, – все это печаль по миру. Потому она и причиняет смерть. Кто печалится о славе, тот завидует и по необходимости часто доходит до гибели. Такой печалью печалились Каин и Исав. Итак, под печалью по миру он разумеет ту, которая вредит самим скорбящим. Только одна печаль о грехах полезна; и это ясно видно из следующего. Скорбящий о потере богатства не вознаграждает тем убытка; скорбящий об умершем не воскрешает его; скорбящий по причине болезни не только не избавляется от болезни, но еще усиливает ее. Только скорбящий о грехах приобретает пользу от скорби, потому что истощает и истребляет грехи. Печаль есть врачевство, приготовленное на этот один случай; поэтому здесь только имеет она силу и оказывает пользу, в других же случаях вредит.

2. Но и Каин, скажут, печалился потому, что Бог не благоволил к нему. Нет, не по этой причине, а потому, что видел брата своего сияющим (добродетелями). Иначе, если бы он сетовал по той причине, ему надлежало бы соревновать и сорадоваться брату; а он, напротив, в скорби своей обнаружил печаль по миру. Не так скорбели Давид, Петр и каждый из праведников, почему и угодили Богу, скорбя о грехах или своих, или чужих. Правда, что тяжелее печали? Но когда она бывает печалью по Боге, то является гораздо лучше мирской радости: эта последняя обращается в ничто, а та *покаяние во спасение нераскаянно соделовает.* В ней и то достойно удивления, что никто из скорбящих ею никогда не раскаивался, тогда как раскаяние наиболее свойственно мир-

ской печали. В самом деле, что вожделеннее родного сына? И что горестнее смерти его? Однако отцы, которые во время сильной горести не принимали никакого утешения и сами себя терзали, после раскаиваются в том, что без меры скорбели, поскольку, сознают, что не только не получили от того никакой пользы, но еще более себя расстроили. Не такова печаль по Боге! Напротив, она имеет двоякое преимущество: во-первых, то, что не заставляет сожалеть о том, о чем скорбишь, и, во-вторых, то, что сама печаль обращается во спасение. Обоих этих преимуществ лишена печаль мирская. В ней скорбят ко вреду и после сильной скорби осуждают себя же, а это и служит сильнейшим доказательством того, что скорбящие ею только вредят себе. Совсем противоположны (следствие печали) по Боге; а потому и сказал (апостол), что она *покаяние во спасение нераскаянно соделовает.* Никто не станет осуждать себя за то, что скорбел, плакал и сокрушался о грехе. Вот почему и блаженный Павел, говоря об этом, не имел нужды приводить посторонние примеры в подтверждение сказанного и из ветхозаветной истории представлять скорбевших, а указывает на самих коринфян и из того, что они делали, заимствует доказательство, чтобы вместе с похвалами, дать им и наставление, а равно и более привлечь к себе. *Се бо,* говорит он, *сие самое, еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание* (ст. 11)? Печаль ваша, говорит он, не только не довела вас до раскаяния, как напрасно скорбевших, а, напротив, сделала еще более заботливыми о себе. Потом показывает признаки тщания: *но ответ* (извинение) предо мной; *но негодование* на согрешившего; *но страх* — такое усердие и весьма скорое исправление показывали, что они очень устрашились. И чтобы не подумали, что он хвалит самого себя, смотри, как тотчас смягчил речь, сказав: *но вожделение,* то есть ко мне; *но ревность,* то есть к Богу; *но отмщение,* так как вы наказали нарушивших закон Божий. *Во всем представисте себе чисты быти в вещи,* то есть не только тем, что сами не посмели (сделать такого же преступления), — в чем не было сомнения, — но и тем, что сделавшему не потворствовали. Так как в первом послании он сказал — *и вы разгордесте* (1 Кор. V, 2), то здесь говорит: вы очистили себя и от этого подозрения, когда не только не

похвалили согрешившего, но и выразили ему ваше порицание и негодование. *Аще убо и писах вам, не обидевшаго ради, ниже обидимаго ради* (ст. 12). Чтобы не сказали: зачем же ты обличаешь нас, когда мы чисты в этом деле? – (апостол), имея в виду такое возражение и предупреждая его, и употребил приведенные слова: *не раскаюся, аще и раскаялбыхся.* Я, говорит, весьма далек от того, чтобы раскаиваться теперь в написанном вам тогда; напротив, я более раскаивался тогда, нежели теперь, когда вы показали себя исправными. Видишь ли опять его умение состязаться и принуждать к согласию? Видишь ли, как речи своей он дал противный оборот? Чем думали пристыдить его, именно как бы напрасными порицаниями, ввиду (оказанного ими) успеха, тем самым он доказывает, что вправе был поступить с ними так свободно. Он не отказывается уже смело говорить им и приятное, когда это стало возможно. Прежде он говорил, что *прилепляяйся сквернодейце, едино тело есть* (1 Кор. VI, 16); и: предайте *таковаго сатане во изможение плоти* (1 Кор. V, 5); также: *всяк грех, егоже аще сотворил человек, кроме тела есть* (1 Кор. VI, 18), и тому подобное. Как же здесь он говорит: *не обидевшаго ради, ниже обидимаго ради?* И здесь он не противоречит себе, а, напротив, весьма согласен сам с собой. Каким же образом согласен? Ему очень желалось показать свою любовь к ним. Он не отрицает, таким образом, что заботился о блуднике; но вместе показывает, как замечено мной, и ту любовь, какую имел к ним, равно как и то, что он еще больше страшился за всю церковь, так как боялся, чтобы зло не распространилось и, идя далее, не обняло всей Церкви. Потому и говорил: *мал квас все смешение квасит* (1 Кор. V, 6). Но это (сказал) тогда; теперь же, когда они исправились, то же самое выражает не так, но иначе; и хотя ту же выражает мысль, но с большей приятностью, говоря: *за еже явитися тщанию нашему, еже о вас,* к вам то есть чтобы видели вы, как люблю вас. Это одно и то же с прежним, но, будучи иначе выражено, по-видимому, имеет другое значение. А чтобы видеть, что это одно и то же, разбери мысль его и не найдешь никакого различия. Так как я вас очень люблю, говорит он, то и опасался, чтобы вы от этого (соблазнительного примера) не потерпели неприятности и сами за себя не были принуждены

скорбеть. Подобным образом, когда сказал: *еда о волех радит Бог* (1 Кор. IX, 9), не разумел, что Бог не промышляет о волах, потому что ни одна вещь не может существовать без промысла Божия; а то, что Он дал заповедь преимущественно не ради волов. Так и здесь: я писал, во-первых, для вас, а потом и для него. Я любил вас внутренне еще и прежде моего послания; но через это послание хотел показать любовь мою и вам, и всем вообще. *Сего ради утешихомся* (ст. 13), то есть потому, что мы и попечение свое о вас показали, и все исполнилось по нашему желанию. Подобно этому и в другом месте говорит: *ныне живи есмы, аще вы стоите о Господе* (1 Сол. III, 8); и еще: *кто бо нам упование, или радость, или венец похваления? Не и вы ли* (1 Сол. II, 19)? Преспеяние учеников для благоразумного учителя есть жизнь, и утешение, и отрада.

3. Действительно, ничто столько не выказывает с хорошей стороны начальника, как любовь к подчиненным. Так и для того, чтобы быть отцом, не довольно только родить, но, родив, надобно любить. А если любовь требуется там, где (действует) природа, то тем более она нужна там, где (действует) благодать. Так просияли все древние, так достигли славы все прославляемые у евреев. Так показал себя великим Самуил, когда говорил: мне же да не будет *согрешити Богу, еже оставити молитися о вас* (1 Цар. XII, 23). Так Давид, Авраам, Илия, так и каждый из праведников как в Ветхом, так и в Новом Завете. Так Моисей из любви к подчиненным оставил великие богатства и неисчислимые сокровища, предпочтя страдать вместе с народом Божиим, и еще до избрания своего показал себя в делах правителем народа. Потому-то и крайне безрассудно сказал ему тот евреянин: *кто тя постави князя и судию над нами* (Исх. II, 14)? Что говоришь? Видишь дела, а в наименовании сомневаешься? Это похоже на то, как если бы кто, увидя искусного врача, делающего надрез и помогающего больному члену тела, сказал: кто тебя поставил врачом и приказал резать? Искусство, любезнейший, и болезнь твоя. Так и Моисея сделало таковым его знание. Ведь и начальствование есть искусство, а не достоинство только, и притом искусство высшее всех искусства. Но если внешнее (гражданское) начальствование есть искусство и знание лучшее всех (искусств и знаний), то тем более это

(духовное). Это начальствование настолько превосходнее внешнего, насколько это последнее превосходит другие искусства или даже и гораздо более. Если угодно, исследуем это подробнее. Есть искусство земледельческое, ткацкое, строительное; и все они весьма необходимы и более всего поддерживают нашу жизнь. Прочие (искусства): кузнечное, плотничное, скотоводственное только служат им на помощь. Но и из этих искусств необходимее всех искусство земледелия, которое поэтому Бог и ввел первым по сотворении человека. В самом деле, без обуви и без одежды можно жить, но без земледелия немыслимо.

Таковы, сказывают, амаксовии (живущие в кибитках), номады у скифов, гимнософисты у индийцев. Они оставили искусства строить, ткать, шить обувь и занимаются только земледелием. Постыдитесь же вы, пользующиеся для своей жизни излишними мастерами – поварами, хлебниками, златошвеями и тысячами других. Постыдитесь, введшие в жизнь человеческую суетные художества. Постыдитесь, верные, этих варваров, не нуждающихся в искусствах. Бог устроил так, что природа наша вполне может быть довольна и малым. Впрочем, я не принуждаю и не узакониваю так жить, но (по крайней мере так живите) как просил Иаков. Чего же он просил? *Аще даст ми Господь хлеб ясти и ризу облещися* (Быт. XXVIII, 20). Так и Павел заповедал: *имеюще же пищу и одеяние, сими доволни будем* (1 Тим. VI, 8). Итак, земледелие есть первое искусство, ткачество – второе, строение домов – третье, а делание обуви – последнее из всех; и у нас есть много слуг и земледельцев, которые живут без обуви. Итак, вот искусства полезные и нужные! Теперь сравним их с искусством начальствования. Для того ведь я и привел важнейшие из всех искусств, чтобы, когда искусство начальствования окажется лучшим из них, за ним и осталась бесспорная победа над прочими. Но чем же мы докажем, что оно (искусство начальствования) нужнее всех искусств? Тем, что без него и от прочих нет никакой пользы. Если угодно, то, оставив прочие, возьмем в пример одно земледелие, которое выше и необходимее всех. Итак, какая будет польза от множества земледельческих рук, когда люди станут воевать между собой и грабить друг друга? Теперь удерживает их

страх перед начальником и охраняет добываемое ими. А если отнимешь начальство, – напрасен будет труд. Но кто вникнет глубже, тот найдет и другое начальство, которое есть матерь и союз начальства внешнего. Какое же это начальство? То, по которому каждый должен сам собой владеть и сам над собой начальствовать, укрощая в себе низкие страсти, а питая и возращая в себе со всевозможным тщанием все отрасли добродетели. Начальство бывает различных родов: одно то, которым люди начальствуют над народами и городами, устрояя гражданскую жизнь; на него указывал Павел, говоря: *всяка душа властем предержащим да повинуется, несть бо власть, аще не от Бога* (Рим. XIII, 1), причем, показывая пользу этого начальства, присовокупил, что начальник *Божий слуга есть во благое,* и далее: *Божий слуга есть, отмститель в гнев злое творящему* (Рим. XIII, 4). Другое же начальство – то, которым каждый разумный (человек) начальствует над самим собой: и на это последнее указал (Павел) словами: если же *хощеши не боятися власти, благое твори* (Рим. XIII, 3), говоря о человеке, начальствующем над самим собой.

4. Но у нас есть еще и иное начальство, гораздо высшее начальства гражданского. Какое же? Начальство в церкви, о котором также упомянул Павел, сказав: *повинуйтеся наставникам вашим и покаряйтеся: тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17). Это начальство настолько превосходнее гражданского, насколько небо выше земли, и даже гораздо более. И, во-первых, оно преимущественно имеет в виду не то, как наказать за соделанные грехи, но как не допускать до грехов. Затем, если они совершены уже, то старается не страждущего отлучить, но (грехи) уничтожить. Житейским занимается оно совсем немного, напротив, вся забота его о небесном. *Наше бо житие на небесех есть* (Флп. III, 20), и живот наш там, потому что, говорит, *сокровен есть со Христом в Бозе.* (Кол. III, 3). И награды наши там, и подвиги наши из-за тамошних венцов, потому что эта жизнь наша не прекращается со смертью, но тогда (по смерти) еще более просиявает. Вот почему имеющие это начальство облечены большей честью не только в сравнении с высшими начальниками, но и с самими одетыми в диадемы, так как образуют людей в высшем и для высшего. Но ни стремящий-

ся к начальству гражданскому, ни ищущий духовного начальства не смогут хорошо править, если не научатся прежде начальствовать над самими собой, как должно, и не будут во всей точности исполнять законы гражданские и духовные. Как начальство над многими бывает двоякое, так и начальство каждого над самим собой то же двояко. Опять же, как выше показано, и здесь духовное начальство выше гражданского. Но можно видеть, что и некоторые искусства имеют вид начальства, особенно же земледельческое. Земледелец есть как бы начальник над растениями: одни обрезывают и препятствует (им расти), за другими ухаживает и помогает (их росту), подобно как и искусные начальники наказывают и отсекают людей злых и наносящих вред другим, а добрых и кротких возвышают. Потому и Писание уподобляет начальников виноградарям. Что, в самом деле, в том, если растения не издают звука, подобно тому, как и обижаемые в городах? Они самим видом своим свидетельствуют об обиде, когда увядают, будучи стеснены вредными травами. И как у людей порок наказывается законами, так и здесь с помощью земледельческого искусства исправляется и дурное качество земли, и грубость и дикость растения. И все, что есть в нравах человеческих, ты найдешь и здесь — грубость, нежность, робость, наглость, непостоянство; одни из растений пышно разрастаются прежде времени и ко вреду соседних, другие терпят недостаток и обиды, когда например, или ограда разрастается во вред ближайшим к ней растениям, или когда другие бесплодные и дикие деревья, вытягиваясь в высоту, препятствуют росту находящихся под ними. И как начальники и цари имеют противников своей власти и врагов, так и земледелец терпит от набега зверей, от неблагоприятных перемен воздуха, от града, росы, ливней, засухи и тому подобного. Все же это бывает для того, чтобы ты всегда возлагал надежду свою на Бога. Другие искусства своим успехом обязаны бывают и старательности людей; но земледелие большую часть (успеха) имеет от воли Божией и зависит от нее почти всецело. Для него нужны и дожди свыше, и надлежащая соразмерность времен года, и прежде всего нужен промысл (Божий), потому что *ни насаждаяй, ни напаяй есть что, но возращаяй Бог* (1 Кор. III, 7). Как и у людей, быва-

ют здесь и смерть, и жизнь, и болезни при родах, и рождения. Растения посекаются, приносят плод, умирают и, умершие опять начинают жить, чем земля многообразно и ясно напоминает нам о воскресении. В самом деле, когда корень износит плод или семя дает росток, не воскресение ли это? И если кто все это рассмотрит подробно, то увидит великий промысл и премудрость Божию, бодрствующие над этим начальством. Но я хотел вам сказать, что это начальство простирается на землю и растения, а наше имеет, в виду врачевание душ. И насколько велика разность между душой и растением, настолько и начальство над душой превосходнее начальства над растениями. Начальники, опять, над земной жизнью настолько ниже начальников над жизнью духовной, насколько лучше властвовать над вольными, нежели над невольными. Такое начальство сообразнее и с природой (человеческой). В самом деле, там все делается из страха и по необходимости: а здесь по свободному произволению и по рассуждению. И не этим только духовное начальство выше гражданского, но и тем, что оно не просто есть начальство, но и отеческая, можно так сказать, власть, потому что имеет и кротость отеческую, и действует больше убеждениями. Гражданский начальник говорит: если впадешь в прелюбодеяние, то наказан будешь смертью; а духовный угрожает величайшими наказаниями и за то, если посмотришь бесстыдными глазами. Потому и достойно всякого уважения это судилище; оно исправляет не только тело, но и душу.

5. Итак, насколько отличается душа от тела, настолько и духовное начальство отстоит от гражданского. Это последнее судит только явные преступления, вернее же и те не все, но только уличенные, а часто прикрывает и эти последние; напротив, духовное судилище научает входящих в него, что Судящий нас все обнажит и объявит перед лицом целой вселенной, и от Него невозможно укрыться. Таким образом, христианство гораздо лучше внешних законов держит в порядке нашу жизнь. В самом деле, если и страх за скрытные грехи делает человека более осторожным, нежели опасение только за явные, и требование отчета даже в малых проступках более возбуждает к добродетели, нежели наказание за важные вины, то очевидно, что и начальство

такого рода более всякого другого утверждает нашу жизнь. Но, если хочешь, рассмотрим и то, как поставляются те и другие начальники. И здесь увидишь великое различие. В самом деле, получить духовное начальство может не тот, кто дал деньги, но тот, кто показал примерный образ жизни. Поставленный вводится в это начальство не для славы человеческой, не для собственного своего спокойствия, но для трудов и пота, и для пользы многих. Потому-то он получает и великую помощь свыше от Духа. Там начальство ограничивается только тем, чтобы приказывать, что надобно делать; а здесь оно само содействует молитвами и благодатью. Сверх того, там нет и слова о любомудрии; нет никого, кто бы учил, что такое душа, что такое мир, что будет с нами после настоящей жизни, куда мы переселимся отсюда и как достигать добродетели; там только и говорят о договорах, о союзах, о деньгах, а об этих предметах вовсе нет никакой заботы; между тем в церкви о них только всегда и говорят. Вот почему весьма справедливо будет назвать церковь и судилищем, и врачебницей, и училищем любомудрия, и воспиталищем души, и школой, где она опытно учится востекать к небесам. А что духовное начальство есть вместе и самое кроткое, несмотря на большую его взыскательность, это видно из следующего. Гражданский начальник, если поймает прелюбодея, тотчас же наказывает его. Между тем какая от того польза? Это значит не порок истреблять, но отринуть уязвленную душу. Духовный же начальник, найдя виновного, спешит не наказывать его, но изгнать из него страсть. Ты делаешь то же, как если бы при случившейся в голове боли не болезнь стал унимать, а отсек бы голову. Я же не так действую, а отсекаю саму болезнь. Я удаляю такового от тайн и священной ограды, а когда он восстанет, очистится от греха и исправится через покаяние, принимаю опять. Но как можно, скажешь, изгнать грех прелюбодеяния? Можно, и очень можно, если кто подчинит себя (церковным) законам. Церковь, подлинно, есть духовная баня, многоразличными способами покаяния омывающая не нечистоту тела, но скверну души. Ты, если отпускаешь (грешника) ненаказанным, делаешь его еще худшим и, если наказываешь, оставляешь неизлеченным, а я и не оставляю без наказания, и не

наказываю, как ты, но вместе и налагаю наказание, какое мне прилично, и исправляю то, что им сделано. Хочешь ли еще более узнать, как ты, и обнажая меч над преступниками, и указывая им на пламень, не великое производишь в них уврачевание, тогда как я и без этого привожу к совершенному здравию? Мне не нужны здесь рассуждения и слова; я представляю в свидетельство море, и землю, и саму природу человеческую. Исследуй, каковы были человеческие дела, пока еще не было этого судилища; тогда не знали даже и по имени тех добродетелей, какие совершаются ныне. Кто отваживался на смерть? Кто пренебрегал богатством? Кто презирал славу? Кто, убежав от мирских треволнений, возлюблял горы и пустыню — матерь любомудрия? Где тогда (известно) было имя девства? Все это и многое другое еще важнейшее было следствием этого судилища, делом этого начальства. Итак, видя все это и зная, что отсюда — все полезное для жизни и исправление всей вселенной, приходите чаще в здешние собрания для слушания слова Божия и для молитвы. И если так себя устроите, то, явив жизнь достойную неба, сможете получить обетованные блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVI

Сего ради утешихомся о утешении вашем: лишше же паче возрадовахомся о радости Титове, яко покоися дух его от всех вас (2 Кор. VII, 13)

1. Смотри, как (апостол) опять восхваляет (коринфян) и выражает свою любовь к ним. Сказав выше о своей радости, что (первое) его послание имело такой успех и принесло такую пользу, — *радуюся бо,* говорит, *не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся в покаяние,* — и выразив свою к ним любовь: *аще бо и писах вам,* говорит, *не обидевшаго ради, ниже обидимаго ради, но за еже явитися в вас тщанию нашему еже о вас,* — теперь представляет другую черту их благорасположения, которая приносит также им великую похвалу и показывает искренность их любви. (Утешихомся), говорит, *о утешении вашем,*

лишше же паче возрадовахомся о радости Титове. По-видимому, это не показывает сильной любви его (к коринфянам), потому что он радуется больше о Тите, нежели о них. Нет, говорит, я радовался не столько за Тита, сколько за вас. Потому-то указывает далее и причину, говоря: *яко покоися утроба его от всех вас.* Не сказал — сам он, но — *утроба его,* то есть любовь его к вам. Как же *покоися? От всех,* потому что и это величайшая похвала. *Яко аще что ему похвалихся о вас* (ст. 14). Велика похвала, когда учитель хвалится: *не посрамихся,* говорит. Потому я возрадовался, что вы показали себя лучшими и на самом деле оправдали мои слова. Таким образом, мне выходит двойное украшение: и вы показали себя более совершенными, и я не явился лжецом против истины. *Но яко вся воистинну глаголахом вам, тако и похваление наше, еже к Титу, истинно бысть.* Здесь подразумевает он и нечто другое, именно: как у вас говорил я одну истину, — а вероятно он много хвалил им и Тита, — так равно и сказанное мной о вас Титу оказалось истинным. *И утроба его излиха к вам есть* (ст. 15). Это относится уже к похвале (Тита), что он к ним сильно расположен и привязан. И не сказал: любовь его, но: *утроба его.* Потом приводит, как и везде делает, причину такого расположения, чтобы не показаться льстецом и чтобы, с одной стороны, как сказал я, избегнуть подозрения в лести, а с другой — и их самих больше возбудить к добродетели, относя всю похвалу к ним самим и показывая, что они сами подали (Титу) повод и причину к такой любви. Сказав именно: *утроба его излиха к вам есть,* присоединяет: *воспоминающаго всех вас послушание* (ст. 15).

Этим (апостол) выражает и признательность к благотворителям Тита, который разлучился с ними, напечатлев всех в душе своей, и всегда вспоминает о них, непрестанно имеет на устах и в сердце, а вместе с тем еще более хвалит и коринфян, что отпустили (Тита), оказав ему такой усердный прием. Далее упоминает и об их послушании, возбуждая тем их ревность, — почему и присовокупляет: *яко со страхом и трепетом приясте его,* то есть не только с любовью, но и с великой честью. Видишь ли, как он свидетельствует о двойной их добродетели, — то есть что они и возлюбили (Тита) как отца, и убоялись как начальника, — что в них ни страх не

помрачил любви, ни любовь не ослабила страха. То же и выше выражал он: *еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание, но страх, но вожделение* (ст. 11)? *Радуюся убо, яко во всем дерзаю в вас* (ст. 16). Видишь ли, что апостол радуется более о них? Он говорит: вы ни в чем не посрамили своего учителя и не оказались недостойными моего свидетельства. Следовательно, он радовался не столько за Тита, что он получил такую честь, сколько за них, что они показали такое благородство духа. Но, чтобы не почли его радующимся более за Тита, смотри, как и здесь представляет причину радости; как выше сказал: *яко аще что ему о вас похвалился, не посрамихся,* так и здесь говорит: *яко во всем дерзаю в вас.* Нужно ли вас укорить, не страшусь, чтобы вы за то отложились, нужно ли похвалиться вами, не опасаюсь быть обличенным в напрасной похвале: *дерзаю в вас,* буду ли хвалить вас как покорных, или как любвеобильных, или как ревностных. Я сказал: отсеките, – и вы отсекли; сказал: примите, – и вы приняли; сказал Титу, что вы велики, достойны удивления и умеете почитать учителей, – и вы доказали это на самом деле; и не столько от меня он узнал это, сколько от вас самих. Поэтому-то и возвратился ко мне, исполнившись к вам сильной любви, так как вы показали на деле больше, чем я говорил ему. *Сказую же вам, братие, благодать Божию, данную в церквах Македонских* (VIII, 1).

2. Ободрив (коринфян) похвалами, (апостол) опять приступает к увещанию. Этими похвалами он растворяет свое обличение для того, чтобы, прямо переходя от обличения к увещанию, не сделать неудобоприемлемыми для них своих наставлений. Напротив, смягчая слух их похвалами, пролагает путь увещанию. Он хочет беседовать о милостыне; в виду этого предварительно и сказал: *радуюся, яко во всем дерзаю о вас,* – возбуждая, таким образом, прежними их добродетелями, которые они уже показали, их усердие и к милостыне. Впрочем, не сказал вдруг: итак, подавайте милостыню, но заметь, с каким благоразумием издалека и с высоты ведет слово. *Сказую вам,* говорит, *благодать Божию, данную в церквах Македонских.* Дела милосердия называет благодатью, чтобы они не возгордились; и, сообщая о делах македонян, похвалами им возбуждает ревность в коринфянах. И двоякую или,

лучше, троякую похвалу приписывает македонянам – и за то, что терпеливо переносят искушение, и за то, что умеют творить милостыню, и за то, что показали щедрость в милостыне, будучи сами бедны. Действительно, их имения были расхищены, как на это указал сам же (Павел), когда в послании к ним писал: *вы подобницы бысте церквам Божиим, сущим во Иудеи: зане таяжде и вы пострадаете от своих сплеменник, якоже и тии от Иудей* (1 Сол. II, 14). Послушай, что он писал потом и в послании к евреям: *и разграбление имений ваших с радостию приясте* (Евр. X, 34). Благодатью же называет милостыню не только для того, чтобы удержать их в смирении, но и для того, чтобы вызвать к милостыне и слово свое сделать не ненавистным. Для того наименовал их и братией, чтобы пресечь всякую зависть, потому что хочет хвалить (македонян) чрезвычайно. Выслушай же похвалы. Написав: *сказую вам благодать Божию,* не говорит – данную в том или другом городе, но хвалит целый народ, говоря: *в церквах Македонских.* Потом описывает и саму благодать: *яко во мнозем искушении скорби избыток радости их* (ст. 2). Видишь ли благоразумие его? Сначала говорит не то, что хочет, а нечто другое, чтобы не подумали, что он нарочито об этом начал говорить, но чтобы, начав с другого, естественным образом дойти и до нужного предмета. *Во мнозем искушении скорби.* То же говорил и в послании македонянам: вы сделались *подобницы Господу, приемше слово в скорби мнозе с радостию Духа Святаго;* и далее: *от вас промчеся слово Господне не токмо в Македонии и Ахаии, но и во всяко место вера ваша, яже к Богу, изыде* (1 Сол. I, 6, 8). Что же значат слова: *во мнозем искушении скорби избыток радости их?* То, что у них в избытке было и то и другое – и скорбь и радость. И что весьма странно, такое обильное удовольствие произросло для них из такой скорби. Скорбь – и притом скорбь тягчайшая – не только не породила в них печали, но еще была для них причиной веселья. Говоря это, (апостол) имел в виду научить (коринфян) быть мужественными и непоколебимыми в скорбях, – потому что и македоняне не просто скорбели, но в скорби соделались и искуснейшими через терпение; впрочем, не говорит: через терпение, но – что гораздо выше терпения, радость; и не просто радость, но избыток радости, потому

что, действительно, радость их была велика и неизреченна. *И яже во глубине нищета их избыточествова в богатство простоты их.* Опять то и другое с избытком. Как великая скорбь произвела великую радость и избыток радости, так и великая нищета породила великое богатство милостыни. Это самое и выразил (апостол), сказав: *избыточествова в богатство простоты их,* так как щедрость ценится не по мере подаяния, но по расположению подающих. Потому он нигде и не говорит: богатство подаваемого, но: *богатство простоты их.* Смысл его слов таков: нищета не только не воспрепятствовала им быть щедрыми, но еще и послужила причиной обилия, подобно тому как скорбь – причиной радости? Чем беднее были сами, тем делались щедрее и усерднее подавали. Потому-то и весьма удивляется им, что при такой нищете показали такую щедрость. *Яже бо во глубине нищета их,* то есть великая и несказанная, показала их простоту. Впрочем, не сказал: показала, но: *избыточествова,* равным образом не сказал: простоту, но: *богатство простоты,* то есть простоту, равную их убожеству; или, лучше сказать, они показали даже гораздо больший перевес щедрости. Далее он выражает то же самое яснее, говоря: *яко по силе свидетельствую* (достоверный свидетель), *и паче силы,* то есть *избыточествова в богатство простоты их* (ст. 5). И не этими только, но и всеми последующими словами объясняет то же, именно говорит: *доброхотни* (ст. 4). Вот и другое превосходство. *Со многим молением,* – вот третье и четвертое. *Моляще нас,* – вот еще и пятое. И будучи сами в скорби и нищете, – вот шестое. И седьмое, – с избытком подали.

3. Далее, так как главной его целью было довести коринфян до того, чтобы они подали милостыню по свободному расположению, то он особенно останавливается на этом, говоря: *со многим молением,* и: *моляще нас.* Не мы их просили, а они нас. О чем же *моляще нас? Благодать и общение служения, еже ко святым.* Видишь ли, как он превозносит опять милостыню, называя ее священными именами? Так как (коринфяне) ревновали о делах духовных, то называет милостыню *благодатию,* чтобы прибегали к ней, и *общением,* чтобы знали, что они не только дают, но и сами получают. Они, говорит, просили нас, чтобы мы приняли такое служение. *И не якоже*

надеяхомся (ст. 5). Это он говорит и в отношении к качеству (милостыни), и к скорбям. Мы не надеялись, говорит, чтобы находящиеся в таких скорбях и в такой нищете стали нас убеждать и столько просить. И в прочих делах (апостол) показал их тщательность, сказав: *но себе вдаша первее Господеви, и нам волею Божиею.* Во всем они были послушны более, чем мы надеялись, и, помогая бедным, не пренебрегали других добродетелей, *но себе вдаша первее Господеви.* Что же значит: *себе вдаша Господеви?* Посвятили себя Ему, показали себя искусными в вере, явили в искушениях великое мужество, благочиние, кротость, любовь, готовность и усердие ко всем другим добродетелям. Что же значит: *и нам?* Были нам послушны, возлюбили нас и покорились нам, как исполняя Божии законы, так и с нами соединяясь любовью. Смотри же, как и здесь словами: *вдаша себе Господеви* показывает необычайную ревность их (к Богу). Они не покорились частью Богу, а частью миру, но все и самих себя всецело предали Богу. Помогая бедным, они не возносились, напротив, творили милостыню с великим смиренномудрием, с великим послушанием, с великой почтительностью, с великим любомудрием. Что же значит: *волею Божиею?* Так как он сказал: *нам вдаша себе,* то (и указывает), что и это они сделали не по человеческим расчетам, а по воле Божией. *Во еже умолити нам Тита, да якоже прежде начат в вас, такожде скончает и благодать сию* (ст. 6). Какая же здесь связь с предыдущим? Весьма большая и тесная. Так как мы узнали, говорит, твердость и ревность (македонян) во всем – в искушениях, в милостыне, в любви к нам, в неукоризненной чистоте всей их жизни, те и послали к вам Тита, чтобы и вы сравнились с ними. Хотя (апостол) так и не сказал, но мысль выразил такую. И заметь преизобилие любви его. Когда, говорит он, те просили и убеждали нас, мы заботились о вас, чтобы вам не отстать от них. Поэтому и послали мы Тита, чтобы вы, возбужденные и наведенные этим на мысль, соревновали македонянам, – потому что Тит был там, когда было писано это послание. При этом показывает, что (Тит) еще до увещания Павлова начал это дело, как видно из слов: *да якоже прежде начат.* Потому то и высказывает великие похвалы Титу, как в начале послания говоря: *не имех покоя духу моему, не обретшу*

ми Тита брата моего (II, 13); так и здесь, кроме всего вышеуказанного, прибавляя и эти последние слова. Немалая ведь похвала заключается в том, что он прежде начал, — это было знаком горячей и ревностной души. Для того и послал Тита, чтобы само присутствие его послужило (для коринфян) побуждением к подаянию милостыни. Выхваляет же его для того, чтобы сильнее расположить к нему коринфян, так как и то имеет великую убедительную силу, если убеждаемые расположены к убеждающему. Упоминая же о милостыне в первый, второй и третий раз, прекрасно называет ее благодатью: *сказую же вам, братие, благодать Божию, данную в церквах Македонских;* и опять: *доброхотни со многим молением моляще нас благодать и общение;* и еще: *да якоже прежде начат, такожде и скончает в вас благодать сию.*

4. И действительно, милостыня есть благо и Божий дар, и подаяние милостыни уподобляет нас по силе возможности самому Богу. Это больше всего и делает человека человеком. Вот почему некто, представляя образец человека, сказал между прочим: *велика вещь — человек, и драгая — муж творяй милость* (Притч. XX, 6). Благодать эта важнее дара воскрешать мертвых. Напитать алчущего Христа гораздо важнее, чем именем Иисусовым воскрешать мертвых. Там ты благодетельствуешь Христу, а здесь Он тебе. И награда тому, кто сам делает добро, а не тому, кто принимает его от другого. Здесь, при совершении чудес, ты сам делаешься должником Богу, а в деле милостыни ты одолжаешь Бога. Милостыня же является таковой только тогда, когда ты подаешь ее охотно, щедро, когда ты думаешь, что не даешь, а сам принимаешь, когда ты признаешь ее для себя благодеянием и приобретением, а не потерей. Иначе она и не благодать. Тот, кто оказывает другому милость, должен радоваться, а не печалиться. Не безрассудно ли, в самом деле, облегчая скорбь другого, самому скорбеть? Тогда ты делаешь свое подаяние уже не милостыней. Если ты печалишься о том, что избавил другого от печали, то подаешь пример крайней жестокости и бесчеловечия. Лучше уже не избавлять, чем так избавлять. Да и о чем, в сущности, ты печалишься, человек? О том ли, что уменьшится у тебя золото? Но если у тебя такое расположение, то совсем и не давай. Если не веришь,

что отлагается тебе на небе великое сокровище, то не уделяй. Но ты хочешь воздаяния здесь. Для чего? Оставь милостыне быть милостыней, а не куплей. Правда, многие получили воздаяние и здесь, но это не значит, что они будут иметь больше тех, которые здесь не получили. Напротив, некоторые из них (получили вознаграждение здесь), как немощнейшие, потому что еще не сильно возжелали будущих благ. Как люди жадные, не знающие приличия и рабствующие чреву, будучи призваны на царскую трапезу и не дожидаясь надлежащего времени, подобно малым детям, лишают себя истинного удовольствия, когда хватают вперед и наполняют чрево худшими яствами, так и те, которые ищут награды здесь и получают ее, уменьшают будущую свою награду. Давая взаем, ты желаешь обратно получить отданное по прошествии долгого времени, а не вскоре, – чтобы таким замедлением увеличилась прибыль. А в деле милостыни тотчас требуешь воздаяния, – и притом зная, что не здесь, а там будешь жить вечно, что не здесь будешь судим, а там отдашь отчет. Если бы кто построил тебе дом там, где ты не думаешь жить, то ты счел бы такое дело потерей для себя: как же ты желаешь быть богатым здесь, откуда еще до наступающего вечера можешь не один раз отойти? Разве ты не знаешь, что мы, подобно странникам и пришельцам, пребываем здесь на чужой стороне? Разве не знаешь, что пришельцев изгоняют, когда они ни ожидают, ни думают? Такой участи подлежим и все мы на земле. Потому-то, что ни приготовляем здесь, здесь же и оставляем. Настроим ли мы домов, или накупим полей, рабов, сосудов или чего другого, тому подобного, – всего этого Владыка не позволяет нам при отшествии отсюда брать с собой. И не только не позволяет, отходя отсюда, брать с собой, но не дает за то и платы, потому что наперед сказал тебе: не собирай и не трать чужого, но собирай и трать только свое. Для чего же ты, оставив свое, трудишься над чужим и тратишь чужое, чтобы погубить и труд и награду и после подвергнуться крайнему наказанию? Не делай этого, молю тебя. Но если мы пришельцы по естеству, то будем пришельцами и по произволению, чтобы там не быть пришельцами презренными и отверженными. Если мы здесь пожелаем сделаться граждана-

ми, то не будем гражданами ни здесь, ни там. Если же останемся пришельцами и будем жить как свойственно жить пришельцам, то получим права граждан и здесь, и там. Праведник, даже ничего не имея, и здесь располагает всем как своим, и, перейдя на небо, узрит вечные свои кровы; здесь не потерпит он никакой неприятности, потому что никто не может сделать странником того, для кого вся земля отечество, а достигнув своего отечества, он получит истинное богатство. Итак, чтобы нам воспользоваться и теми и другими благами – как настоящими, так и будущими, будем пользоваться настоящими как должно. Таким образом, станем и гражданами небесными, и получим великое дерзновение, которого все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVII

Но якоже во всем избыточествуете, верою и словом и разумом и всяцем тщанием (2 Кор. VIII, 7)

1. Смотри, как опять (апостол) с похвалами соединяет увещание достигать больших похвал. Не сказал: якоже даете, но – *якоже избыточествуете верою,* то есть дарами веры, *и словом,* т. е, словом мудрости, *и разумом,* то есть познанием догматов веры, *и всяцем тщанием,* то есть ревностью к прочим добродетелям, *и любовию, яже от вас,* то есть любовью, о которой я говорил уже и которой представил доказательство. *Да и в сей благодати избыточествуете.* Видишь ли, что для того он начал речь свою с таких похвал; чтобы, идя по порядку, возбудить в них такую же ревность и к милостыне. *Не по повелению глаголю* (ст. 8). Смотри, как он везде к ним снисходителен, не делает обременения, насилия и принуждения. Особенно же старается, чтобы в словах его не было обременения и принуждения. Так как он непрестанно увещевал их и очень хвалил македонян, то, чтобы подаяние милостыни (коринфяне) не почли необходимым, говорит: *не по повелению глаголю, но за иных тщание, и вашея любве истинное искушая,* – говорю не как сомневающийся, – этого и не

видно здесь, — но как желающий сделать любовь вашу для всех видимой и открытой и еще более крепкой; говорю это для того, чтобы возбудить вас к такой же ревности; я упомянул об усердии (македонян), чтобы просветлить, очистить и пробудить ваше расположение. Далее переходит он к другому высшему роду убеждения, не оставляет ни одного способа к увещанию, но всем пользуется и употребляет разные обороты слова. Так увещевал их, то хваля других: вы знаете *благодать Божию, данную в церквах Македонских;* то хваля их самих: *но якоже во всем избыточествуете, словом и разумом,* — очень чувствительно для человека видеть, что он стал ниже не только других, но и себя самого. Наконец переходит к тому, что составляет верх и венец увещания: *весте бо,* говорит, *благодать Господа нашего, яко* нас *ради обнища, багат сый, да* мы *нищетою Его* обогатимся (ст. 9). Представьте себе, говорит, благодать Божию, подумайте и размыслите о ней и не мимоходом обратите на нее внимание, но вникните во все ее величие и обширность: и тогда не пощадите ничего из своего достояния. Он истощил славу (Свою), чтобы вы обогатились не богатством, но нищетой Его. Если не веришь, что нищета производит богатство, то вспомни своего Владыку и не будешь более сомневаться. В самом деле если бы Он не обнищал, ты не сделался бы богатым. Подлинно удивительно, что нищета обогатила богатство. Богатством же он называет здесь познание благочестия, очищение грехов, оправдание, освящение и прочие бесчисленные блага, какие (Христос) даровал, и обещал нам даровать. И все это приобретено для нас через нищету. Какую же нищету? Ту, что Он принял плоть, стал человеком и претерпел страдания; хотя Он и ничем не был должен тебе, но ты Ему должен. *И совет* вам *даю о сем на пользу* (ст. 10). Смотри, как он опять заботится, чтобы не быть в тягость и как смягчает свою речь этими двумя выражениями: *совет даю,* и: *на* вашу *пользу.* Я не принуждаю, говорит он, не делаю насилия и не требую против воли; а говорю это, имея в виду не столько пользу приемлющих милостыню, сколько вашу собственную. Потом и в пример представляет их же самих, а не других: *иже не точию, еже творити, но и еже хотети, прежде начасте от прошедшаго лета.* Смотри, как он показывает, что и они добровольно и без

увещаний дошли до того же. Так как он засвидетельствовал о солунянах, что они доброхотно и со многим молением приступили к подаянию милостыни, то желает показать, что и у коринфян есть то же совершенство. Потому и сказал: *не точию, еже творити но и еже хотети;* и не теперь только вы начали, но *прежде начасте от прошедшаго лета.* Потому и умоляю вас исполнить то, к чему вы сами предварительно себя возбудили со всем усердием. *Ныне же и сие творити скончайте* (ст. 11). Не сказал – сделайте, но – положите конец. *Да якоже бысть усердие хотети, тако будет и исполнити от сего, еже имате;* то есть чтобы это прекрасное дело не остановилось на одном усердии, но, будучи действительно исполнено, получило и награду. *Аще бо усердие предлежит, по елику аще кто иматъ, благоприятен естъ, а не по елику не иматъ* (ст. 12).

Какая несказанная мудрость! Прежде заметил, что солуняне поступили сверх сил, и похвалил их за то, сказав: *свидетельствую о них,* и: *паче силы;* а теперь, когда увещевает подавать милостыню только по силам, предоставив примеру солунян произвести в них свое действие, – так как знал, что не столько увещание, сколько соревнование побуждает к подражанию в подобных делах, – он говорит: *аще бо усердие предлежит, по елику аще кто иматъ, благоприятен естъ, а не по елику не иматъ.* Не страшись, говорит, сказанного мной (о солунянах), – я сказал это в похвалу их щедролюбия; Бог же требует посильного подаяния, по мере того, кто что имеет, а не по мере того, чего не имеет. Слово: *благоприятен* то же здесь означает, что требуется. Надеясь на силу представленного примера, он смягчает (свои слова) и тем еще сильнее склоняет их к подаянию. Потому и присовокупил: *не бо да инъм отрада, вам же скорбь* (ст. 13).

2. Правда, Христос, напротив, похвалил вдовицу, что она все пропитание свое истощила и подала от скудости (Мк. XII, 44). Но (апостол) говорил коринфянам, в бытность свою у которых предпочитал лучше голодать: *добрее бо мне,* говорит, *паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднит* (1 Кор. IX, 15). Поэтому дает и наставление умеренное, хвалит подающих милостыню сверх сил своих, но не принуждает делать то же – не потому, чтобы он не желал, но потому, что они были еще слабы. Иначе для чего бы и хва-

лит (македонян), что *во множем искушении скорби избыток радости их, и яже во глубине нищета их, избыточествова в богатство простоты их,* и что они сверх силы подавали милостыню? Не явно ли – для того, чтобы (и коринфян) побудить к тому же? Следовательно, если он по-видимому и соглашается на меньшее, то делает это для того, чтобы примером (солунян) побудить их к большему. Смотри, как и последующими словами незаметно направляет к тому же. А именно, к сказанному он прибавляет: *ваше избыточествие во онех лишение* (ст. 14). Как выше сказанными, так и этими словами он хочет облегчить заповедь свою; даже не этим только, но и представлением награды делает ее более легкой и говорит о них более, чем сколько они стоят. *Да будет равенство в нынешнее время, и онех избыток в ваше лишение.* Что же хочет он сказать? Вы богаты деньгами, а те чистотой жизни и дерзновением к Богу. Итак, дайте им от ваших имений, которых у вас обилие, а они не имеют, чтобы самим получить от них взамен дерзновение к Богу, в котором они богаты, а вы ощущаете недостаток. Видишь ли теперь, как он неприметным образом убеждает (коринфян) подавать и сверх силы, и от недостатка? Если хочешь, говорит он, получить только от избытка, то и подавай от избытка. Если же хочешь все приобрести, то подавай и от недостатка, и сверх силы. Впрочем, не говорит этого явно, а предоставляет слушателям дойти до этого собственным заключением. Сам же продолжает пока предположенное и сообразное с его целью увещание, присовокупляя, что, по-видимому, и следовало сказать: *яко да будет равенство в нынешнее время.* Как же будет это равенство? Так, что мы и они будем взаимно уделять друг другу избытки и восполнять недостатки. Но какое тут равенство – за плотское платить духовным? Ведь последнее много превосходит первое. Почему же называет это равенством? Он назвал это равенством только в отношении или к избытку и лишению, или к настоящей жизни, почему, и сказав: *равенство,* присовокупил: *в нынешнее время.* А сказал это для того, чтоб низложить гордость богатых и показать, что, по отшествии отсюда, жившие духовно будут иметь более преимущества. В настоящей жизни все мы во многом равночестны; но тогда произойдет большое разделение, окажутся величайшие

преимущества, потому что праведные воссияют светлее солнца. Потом, так как он показал, что (коринфяне) не только дают, но и сами взаимно получают еще большее, то хочет и другим образом возбудить их усердие, – показывая именно, что если они не уделят своего другим, не больше будут иметь у себя, хотя бы и все забрали; и приводит в пример древнее сказание: *яко же есть писано: иже многое, не преумножил есть, и иже малое, не умалил* (ст. 15; Исх. XVI, 18). Так было при собирании манны: одни собирали больше, другие меньше, но те и другие находили у себя по равной мере; этим Бог наказывал за ненасытность. (Апостол) указал на это для того, чтобы и устрашить (коринфян) древним событием, и убедить – никогда не желать большего, равно как не скорбеть, если имеют мало. И не только было так с манной, но то же самое, как можно видеть, бывает и ныне в житейских делах. Все мы одинаково наполняем желудок, живем одно определенное время, и все облечены в одинаковое тело; поэтому ни у богатого ничего не прибудет от избытка, ни у бедного не убудет от нищеты. Для чего же ты трепещешь нищеты? Для чего гонишься за богатством? Боюсь, говоришь ты, чтоб не заставила нужда идти к чужим дверям и просить у ближнего. Я часто слышу, что многие даже молятся об этом и говорят: не попусти мне когда-нибудь нуждаться в помощи человеческой. Слыша это, я очень смеюсь, потому что такой страх приличен только детям. В самом деле, ежедневно и во всем, так сказать, мы нуждаемся в помощи друг друга. А потому такие слова свойственны только нерассудительному и надменному человеку, который не знает хорошо положения дела. Разве не видишь, что мы все имеем нужду друг в друге? Воин в ремесленнике, ремесленник в купце, купец в земледельце, раб в свободном господине, господин в рабе, бедный в богатом, богатый в бедном, ничего не зарабатывающий в подающем милостыню, подающий в принимающем, – ведь и принимающий милостыню удовлетворяет величайшей нужде, высшей всех нужд. Если бы не было нищих, то многое бы утратилось для нашего спасения, потому что нам некуда было бы сбывать свое имущество. Таким образом и нищий, который, по-видимому, всех бесполезнее, оказывается всех полезнее. Если же для тебя

стыдно иметь нужду в другом, то тебе остается только умереть, потому что кто стыдится этого, тому нельзя и жить. Но я не могу, говоришь, вынести гордого взгляда. Для чего ты, обвиняя другого в гордости, себя самого стыдишь таким же обвинением? Ведь и то гордость, если не терпишь надменности гордого человека. Зачем же ты боишься, трепещешь того, что не стоит никакого внимания, и из-за этого ужасаешься и нищеты? Как бы ты ни был богат, все будешь нуждаться во множестве людей, худших тебя; чем более ты богатеешь, тем более подвергаешь себя этой беде.

3. Итак, ты сам не знаешь, о чем молишься, когда просишь богатства для того, чтобы ни в ком не иметь нужды. Ты поступаешь подобно тому, как если бы кто, уходя в море, где нужны и пловцы, и корабль, и многое снаряжение, стал бы молиться о том, чтобы ему ни в ком не иметь нужды. А если ты действительно желаешь не очень нуждаться в других, то проси себе нищеты. Будучи нищим, если у кого и попросишь, то только хлеба или одежды. А сделавшись богатым, будешь нуждаться и в селах, и в домах, и в оброках, и в достоинстве, и в безопасности, и в славе; тебе понадобятся и начальники, и не только они, но и подчиненные им жители городов и сел, купцы и мелкие продавцы. Видите ли, что такие речи крайне неразумны? Во всяком случае, сколько бы тебе ни казалось страшным иметь в ком-либо нужду, всецело избавиться от этого никак невозможно. А если хочешь избежать шумной толпы, — что позволительно, — то беги в спокойную пристань нищеты, отрешись от множества житейских дел и не почитай стыдом иметь нужду в другом. Так устроил Бог по неизглаголанной премудрости Своей! В самом деле, если мы нуждаемся друг в друге, самая необходимость во взаимной помощи не соединяет ли нас узами дружбы? А если бы мы сами могли удовлетворять своим нуждам, то не сделались ли бы неукротимыми зверями? Потому Бог силой и необходимостью покорил нас друг другу, и мы ежедневно сталкиваемся друг с другом. А если бы Он снял эту узду, кто бы стал искать дружбы ближнего? Итак, не будем почитать этого постыдным, не станем молиться и говорить: не дай нам иметь нужду в помощи другого: напротив, будем молиться, говоря так: не попусти, чтобы во вре-

мя нужды нашей отказали нам могущие подать помощь. Не нуждаться в помощи другого, а похищать принадлежащее другому – тяжело. Между тем об этом мы никогда не молимся и не говорим: не попусти мне пожелать чужого. Напротив, нуждаться в другом кажется для нас ужасным. Павел много раз бывал в нужде и не стыдился, а напротив – даже радовался и хвалил оказывавших ему услуги, говоря: *яко и единою, и дващи в требование мое посылаете* (Флп. IV, 16); и еще: *от иных церквей уях, приим оброк к вашему служению* (2 Кор. XI, 8). Итак, стыдиться этого свойственно не разумно-свободной, но изнеженной, испорченной и несмысленной душе. Да и Богу так угодно, чтобы мы имели нужду один в другом. Итак, не мудрствуй через меру. Ты говоришь: не могу переносить многократно умоляемого и непреклонного человека. Но как же Бог (переносит) тебя, – которого Он многократно просил и не был услышан, хотя просил о том, что для тебя же полезно? *По Христе молим,* говорит (апостол), *яко Богу молящу нами примиритеся с Богом* (2 Кор. V, 20). Ты говоришь: я раб Его. Что из того? Если ты – раб Его – упиваешься, а Он – Владыка твой – алчет и не имеет необходимой для Себя пищи, то защитит ли тебя имя раба? Напротив, оно еще более обременит тебя – когда ты живешь в трехэтажных палатах, а Он не имеет и необходимого крова; когда ты почиваешь на мягком ложе, а Он не имеет возглавия. Ты говоришь: я подал. Но не должно прекращать подаяний. Тогда только ты можешь иметь извинение, когда сам не имеешь, когда сам ничем не обладаешь. Доколе же у тебя что-нибудь есть, то хотя бы ты подал и тысяче нищих, но, пока есть другие алчущие, тебе нет извинения. Если же ты еще запираешь пшеницу, возвышаешь на нее цену и измышляешь новые неслыханные способы к получению прибыли, то какую будешь иметь надежду на спасение? Тебе заповедано даром давать алчущему, а ты не хочешь дать и за умеренную цену. Христос истощил для тебя славу Свою, а ты не уделяешь Ему и куска хлеба. Пес у тебя объедается, а Христос изнемогает от голода; раб твой от пресыщения расседается, а твой и его Владыка не имеет нужной пищи. Где так поступают друзья? *Примиритеся с Богом,* – потому что это дело врагов и самых злых неприятелей. Итак, постыдимся ради тех благодеяний, ко-

торые мы получили и еще имеем получить, и, если придет к нам нищий просить милостыни, примем его со всем благорасположением, утешим, ободрим словом, чтобы и самим получить то же от Бога и от людей.

Елика бо аще хощете, да творят вам, и вы творите им (Мф. VII, 12). Этот закон не имеет в себе ничего тяжкого и неудобоносимого. Чего хочешь себе, говорит, то и делай. Воздаяние равное. Не сказано – не делайте того другим, чего не хотите себе, но предписывается гораздо больше; то удерживало бы только от зла, а это требует делать добро; в последнем заключается и первое. И не сказано – так и вы желайте, но – *творите им*. Какая же польза? «В этом закон и пророки». Хочешь ли получить прощение? – прощай и ты. Не хочешь слышать худого? – и не говори худого. Желаешь, чтоб тебя хвалили? – сам хвали (других). Хочешь, чтобы у тебя не похищали? – сам не похищай. Видишь ли, как он доказал, что добро свойственно нам по природе, и что мы не имеем нужды ни во внешних законах, ни в наставниках? Тем уже самым, что желаем или не желаем себе чего-нибудь от ближнего, мы налагаем на себя закон. Таким образом, если себе не желаешь, а другому делаешь, или себе желаешь, другому же не делаешь, то сам на себя произносишь суд и ничем уже не можешь оправдаться, будто бы не знаешь и не понимаешь, что должно делать. Итак, молю вас, восстановите сами в себе этот закон и читайте эти ясные и краткие начертания; будем для ближних такими, какими желаем иметь их для себя, чтобы насладиться нам и в настоящей жизни спокойствием, и достигнуть будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XVIII

Благодарение же Богови, давшему тожде тщание о вас в сердце Титово (2 Кор. VIII, 16)

1. Опять (апостол) хвалит Тита. Так как он говорил о милостыне, то хочет теперь сказать и о тех, которые примут от коринфян подаяния и отнесут их. Это нужно было для

умножения сбора и для возбуждения большей готовности в подававших. Тот, кто уверен в честности служащего и не относится с подозрением к принимающим, подает с большей щедростью. Слушай же, как он и здесь, чтобы достигнуть этого, хвалит отправляемых с милостыней, в числе которых Тит был первым. Он говорит: *благодарение же Богови, давшему тожде тщание о вас в сердце Титово.* Что значит – тожде? Такое же, какое он имел о фессалоникийцах, или какое имею я. И заметь мудрость его. Показав, что это есть дело Божие, он приносит благодарение давшему, чтобы и тем возбудить (коринфян). Если Бог воздвиг и послал его к вам, то сам Он и просит через него. Итак, не почитайте случившегося делом человеческим. Но откуда видно, что сам Бог его наставил? *Яко моление убо прият. Тщаливейший же сый, своею волею изыде* (ст. 17). Смотри, как показывает, что (Тит) исполняет свое дело, и не требует побуждений от других. Воздав благодарение Богу, (апостол) однако, не приписывает всего Богу, а говорит, что (Тит) и сам по доброй воле вызвался на дело, чтобы и этим опять внушить им большую любовь к нему. *Тщаливейший же сый, своею волею изыде,* то есть восхитил себе дело, поспешил к сокровищу, вменил в собственную свою пользу служить вам и так сильно любит вас, что не имел даже и нужды в увещаниях с моей стороны. Хотя я и просил его, но не этим он был возбужден, а собственным произволением и благодатью Божией. *Послахом же с ним и брата, его же похвала во евангелии по всем церквам* (ст. 18).

Кто же этот брат? Одни разумеют Луку, по причине евангельской истории, им написанной, другие Варнаву, так как (апостол) и устную проповедь называл Евангелием. Почему же он не называет их имен, тогда как Тита и по имени называет, и упоминает о содействии его в проповедании Евангелия (он столько был полезен, что в его отсутствие Павел не мог совершить ничего великого и важного: *не имех покоя духу моему,* говорит он, *не обретшу ми Тита брата моего* [II, 13]), и говорит о любви его к ним *(утроба его излиха к вам есть* [VII, 15]), и о ревности его в собирании милостыни *(своею волею изыде);* а этих, напротив, не хвалит подобным образом и даже имен их не упоминает? Что сказать на это? Может быть, они неизвестны были (коринфянам), поэтому и не

распространяется в похвалах им, так как добродетелей их (коринфяне) еще не изведали, но говорит об них, сколько нужно было, чтобы внушить о них доброе мнение и удалить подозрение. Однако посмотрим, за что он хвалит и этого самого брата. Итак, за что же хвалит? Во-первых, за проповедь и за то, что не только проповедовал, но даже проповедовал как должно и с надлежащим тщанием. Не сказал, что проповедует и благовествует, но — *его же похвала во евангелии.* И чтобы не подумали, что льстит ему, приводит в свидетели не одного, не двух, не трех человек, но все церкви, говоря: *по всем церквам.* Потом обращает ему в честь суд рукоположивших его, — что также немаловажно. Потому-то вслед за словами: *его же похвала во евангелии по всем церквам,* присовокупил: *не точию же* (ст. 19). Что значит — *не точию же?* Он достоин уважения не только потому, что за проповедь все одобряют его и хвалят, но и потому, что он *освящен от церквей с нами.* Отсюда догадываюсь, что (апостол) разумеет Варнаву. Далее означает великое достоинство его, указывая, для чего он рукоположен: с *нами ходити, со благодатию сею служимою нами.* Видишь ли, сколько похвал приписывает ему? Он прославился проповедью Евангелия и свидетельство об этом имел от всех церквей. *Освящен с нами,* — то есть на то же служение, на какое и Павел, и везде был ему общником — и в искушениях, и в бедах, как это показывает слово — *ходити.* Но что значат слова: *со благодатию сею служимою нами?* То, что он избран возвещать слово и проповедовать Евангелие или служить при собирании милостыни; вернее же, как мне кажется, (апостол) указывает на то и другое вместе. Потом присовокупляет: *к самого Господа славе и усердию вашему.* Смысл этих слов следующий: мы упросили, говорит он, чтобы его избрали вместе с нами, и поручили ему должность эконома священных имуществ и диакона (эта должность была немаловажна: *усмотрите бо,* сказано, *мужи от вас свидетельствовани седмь* [Деян. VI, 3]); и он избран был церквами по согласию всего народа. Что же значат слова: *к самого Господа славе и усердию вашему?* То, чтобы и Бог прославлялся, и вы стали усерднее к подаянию, когда принимающие эти подаяния будут люди испытанные, так что на них никто не может иметь никакого, даже ложного, подозрения.

2. Для того мы и приискали таких мужей и, чтобы отдалить и такое подозрение, не одному вверили все, но послали Тита и другого с ним. Затем, изъясняя те же самые слова: *к самого Господа славе и усердию вашему*, присовокупляет: *блюдущеся того, да не кто нас поречет в обилии сем служимем нами* (ст. 20). Какой же смысл этих слов? Достойный добродетели Павловой и вместе показывающий великое его попечение и снисхождение. Чтобы, говорит он, не стал кто-нибудь подозревать нас и не возымел хотя малейшего повода укорять нас, будто бы мы присваиваем что-либо себе из вручаемых нам подаяний, послали мы этих (мужей), и не одного только, но двоих и троих. Видишь ли, как освобождает их от всякого подозрения? (Освобождает) не только тем, что они проповедники Евангелия, избраны церквами, но и тем, что они мужи испытанной честности и за эту самую честность избраны, чтобы не было места подозрению. И не сказал – чтобы вы не стали укорять, но – *да не кто* другой. Хотя он сделал это ради них, на что и намекнул словами: *к самого Господа славе и, усердию вашему*, однако не хочет уязвить их и говорит иначе: *блюдущеся того* сделать. И даже этим не довольствуется; но, желая успокоить их еще более, говорит далее: *в обилии сем служимем нами*, – и таким образом тяжкое для слуха их смягчает похвалой. И чтобы они не оскорбились и не стали говорить: итак, ты подозреваешь нас, и мы так несчастны, что не заслуживаем твоего доверия, – он, предупреждая их, говорит: много денег вами переслано, и самое обилие, то есть большое количество милостыни, может возбудить в злых людях подозрение, если не примем предосторожности. *Промышляюще добрая не токмо пред Богом, но и пред человеки* (ст. 21).

Что может сравниться с Павлом? Он не сказал: пусть будет несчастным и пусть погибнет тот, кто станет подозревать в чем-либо подобном; доколе не обличает меня совесть, мне нет дела до подозревающих. Напротив, чем они были слабее, тем более снисходил к ним. Не негодовать нужно на больного, но помогать ему. Между тем от какого греха мы столько далеки, сколько он далек от таковых подозрений? Если бы кто был подобен даже демону, и тот не мог бы подозревать блаженного (апостола) в этом служении. И все

же, как ни далек он был от худых подозрений, он все делает и устрояет так, чтобы не оставить и малейшей тени для тех, которые захотели бы хотя сколько-нибудь подозревать его в худом. Он избегает не только обвинения, но и худого мнения, малейшей укоризны и простого подозрения. *Послахом же с ними брата нашего* (ст. 22). Вот и еще одного присовокупляет, – и этого с похвалой и с одобрением, как своим собственным, так и многих других свидетелей: *его же искусихом,* говорит, *во многих многажды тщательна суща, ныне же множае тщательнейша.* Похвалив его за собственные его заслуги, хвалит и за любовь к ним, – и что сказал о Тите, что он *тщаливейший сый своею волею изыде,* – то же говорит и об этом: *ныне же множае тщательнейша,* то есть после того, как (Павел) посеял в них семена любви к коринфянам. Потом, показав их добродетели, располагает и коринфян в их пользу, говоря: *аще ли же о Тите, общник* мой, *и к вам споспешник* (ст. 23). Что значит: *аще ли о Тите?* Если, говорит, нужно сказать что-нибудь о Тите, то скажу, что он *общник* мой, *и к вам споспешник.* Или это разумеет (Павел), или то, что, если вы сделаете что для Тита, сделаете это не для обыкновенного человека, потому что он *общник* мой. И, по-видимому, похваляя его этим, хвалит вместе и их, показывая в них такое к себе расположение, что они почитают достаточным основанием уважать человека, как скоро известно, что он Павлов общник. Не довольствуясь, однако, этим, (апостол) присовокупляет еще: *и к вам споспешник.* Не просто споспешник, но в делах, касающихся до вас: в вашем преспеянии, совершенствовании, в любви и тщании о вас. А это более всего могло привлечь их к нему. *Аще ли братия наша.* Если, говорит, желаете знать что-либо и о других, то и они имеют величайшие права на ваше расположение, потому что и они *братия наша и посланницы церквей,* то есть от церквей посланы. Затем, что всего важнее, они *слава Христова,* потому что к Нему относится все, что с ними ни делается. Итак, хотите ли принять их как братьев, или как посланников церквей, или как делающих все для славы Христовой, – во всяком случае имеете много побуждений оказать им свое расположение. Если о Тите могу сказать, что он общник мой и любит вас, то и об этих (скажу), что они братья, посланники церквей, слава Христова.

8. Видишь ли, как и отсюда ясно, что эти последние не были известны (коринфянам)? Иначе он и их похвалил бы за то же, за что хвалил Тита, то есть за любовь к ним. Но так как они еще были незнакомы им, то и говорит: примите их как братьев, как посланников церквей, как делающих все для славы Христовой. Потому присовокупляет: *показание убо любве вашея и нашего хваления о вас, к ним покажите, в лице церквей* (ст. 24). Теперь покажите, говорит, как вы нас любите, и что мы не тщетно и не напрасно хвалимся вами. А докажете это, если окажете им свою любовь. Потом придает слову своему особенную силу, говоря: *в лице церквей*, то есть для славы и чести церквей. Если, говорит, почтите их, то почтите пославшие церкви. Не к ним только относится ваша честь, но и к пославшим, которые их избрали, а еще прежде – к славе Божией, потому что, когда воздаем честь служителями (Божиим), через них воздается похвала самому (Богу). Ко всем церквам, – немаловажно и это, потому что велика сила собора, или церквей. Посмотри, какую великую силу имел собор. Молитва церкви освободила Петра от уз, отверзла уста Павлу. Приговор их важен, – возводит на духовные степени приступающих к ним. Вот почему и готовящийся рукополагать испрашивает при этом и их молитв, и они подают свой голос и возглашают известное освященным, а неосвященным не все можно открывать. Но есть случаи, в которых священник не отличается от подначального, например когда должно причащаться страшных тайн. Мы все одинаково удостаиваемся их; не так, как в Ветхом Завете, где иное вкушал священник, иное народ, и где не позволено было народу приобщиться того, чего приобщался священник. Ныне не так; но всем предлагается одно тело и одна чаша. И в молитвах, как всякий может видеть, много содействует народ. Так, например, о бесноватых и о кающихся совершаются общие молитвы священником и народом, и все читают одну молитву, молитву – исполненную милосердия. Равным образом, когда изгоняем из священной ограды недостойных участвовать в святой трапезе, нужна бывает другая молитва, – и мы все вместе повергаемся на землю, и все вместе встаем. Когда опять наступает время преподания и взаимного принятия мира, все равно друг дру-

га лобзаем. При самом также совершении страшных тайн священник молится за народ, а народ молится за священника, потому что слова: *со духом твоим* означают не что иное, как именно это. И молитвы благодарения также общие, – потому что не один священник приносит благодарение, но и весь народ. Получив сперва ответ от народа и потом согласие, что достойно и праведно совершаемое, начинает священник благодарение. И что удивительного, если вместе со священником взывает и народ, когда он возносит эти священные песни совокупно с самими херувимами и горними силами? Все же это сказано мной для того, чтобы каждый и из подначальных трезвился, чтобы мы знали, что все мы единое тело, и столько же различаемся один от другого, сколько член от члена; и чтобы мы не все возлагали на одних священников, но и сами пеклись о всей церкви, как о теле, всем нам общем. Это послужит и к большему утверждению, и нас побудит к большему преспеянию (в добродетели). Послушай, как иногда и апостолы привлекали к участию в своих решениях подчиненных. Так, когда они поставляли семь диаконов, то сообщили об этом прежде народу. Когда Петр избирал Матфия, то предложил о том всем тогда с ним бывшим – и мужам и женам. И это потому, что здесь (в церкви) нет ни высокомерия начальствующих, ни раболепства подчиненных, а есть власть духовная, которая находит для себя более всего приобретение в том, чтобы принимать больше трудов и заботы о вас, а не в том, чтобы искать больших почестей. В церкви должно жить как в одном доме; как составляющие одно тело, – все должны быть расположены друг к другу, поскольку и крещение одно, и трапеза одна, и источник один, и творение одно, и Отец один. Итак для чего же разделяемся, когда столько связей, нас соединяющих? Для чего разрываемся? Вот и опять принуждены мы оплакивать то, о чем многократно я плакал. Слез достойно настоящее наше состояние. Так далеко мы отторглись друг от друга, между тем как надлежало бы изображать собой союз одного тела. Тогда бы и меньший мог приносить пользу большему. В самом деле, если Моисей от тестя своего узнал нечто полезное, чего сам не знал, то тем более было бы так в церкви. И что была за причина, по которой

духовный человек не знал того, что знал неверный? Та, чтобы все тогда бывшие вразумились, что (Моисей) – человек и имеет нужду в Божием содействии, хотя и море разделил, хотя и камень рассек, и что действия эти совершены не человеческой, но Божией силой. И ныне, если один не говорит полезного, пусть другой встает и говорит.

Хотя бы он был и меньший, но если предлагает что-нибудь полезное, – предпочти его мнение; хотя бы он был даже последний, – не оставь без внимания. Никто ведь из них не отстоит так от ближнего, как от Моисея отстоял тесть его, а между тем Моисей не только удостоил выслушать, но и принял совет его, последовал ему, вписал его в книги, не устыдился даже передать его истории, в низложение гордости многих. Таким образом, как бы на столпе начертав все это, он оставил потомству, так как знал, что история эта для многих будет полезна. Не будем же презирать тех, кто дает нам полезные советы, хотя бы они были из подчиненных, хотя бы из людей низких. Не будем непременно почитать достойным предпочтения то, что предлагаем сами, но то, что окажется полезным, это пусть и одобряется всеми. Многие, при слабом зрении, распознают иное лучше имеющих острое зрение, потому что тщательно и внимательно рассматривают. Не говори: для чего призываешь меня на совет, если не слушаешь, что я говорю? Такие замечания приличны не советнику, а властолюбивому человеку. Советник властен только предлагать свое мнение. Если же будет дан другой совет, более полезный, а он станет требовать, чтобы сделали так, как ему хотелось, то он уже не советник, а, как я сказал, властолюбец. Не будем так делать; но, очистив душу от всякой гордости и тщеславия, будем искать не того, чтобы только наши мнения были уважаемы, но чтобы всегда предпочитаем был полезный совет, хотя бы он дан был и не нами. Хотя и не сами найдем полезное, немало, однако, получим пользы, если примем придуманное другими, – и от Бога получим великую награду, и удостоимся тем большей славы, потому что как сказавший полезное называется мудрым, так и мы, принявшие слова его, заслужим похвалу за благоразумие и благомыслие. Так (созидаются) дома и города; так созидаясь, и Церковь получит

большее приращение; так и мы, устроив наилучшим образом настоящую жизнь, сподобимся будущих благ, которые да получим все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XIX

О службе бо, яже ко святым, лишше ми есть писати вам (2 Кор. IX, 1)

1. Так много сказав об этой (службе), теперь говорит: *лишше ми есть писати вам.* И не в том только открывается его мудрость, что, сказав уже многое, говорит — *лишше ми есть писати вам,* но и в том еще, что опять говорит о ней же. То, что перед этим только что было им сказано, он говорил о тех, которые приняли собранные деньги, — чтобы они пользовались большим уважением; а что раньше еще этого говорил о македонянах, что *во глубине нищета их избыточествова в богатство простоты их,* и все прочее, было говорено о человеколюбии и милостыне. И все-таки, несмотря на то, что и прежде сказал уже много, он опять намерен рассуждать о том же предмете и говорит: *лишше ми есть писати вам.* А делает это для того, чтобы более привлечь их. Ведь человеку, о котором идет такая слава, что для него не нужны советы, стыдно показать себя ниже доброго о себе мнения и потерять его. Так поступает он большей частью и при обличениях, употребляя оборот речи, называемый умалчиванием, потому что он имеет большую силу. Так например, судья, когда видит великодушие обвинителя, уже не подозревает его, рассуждая: если этот человек не говорит многого такого, что мог бы сказать, то будет ли он вымышлять то, чего не было? И тем (обвинитель) заставляет суд предполагать в деле нечто большее того, что им самим сказано, а себе приобретает имя честного человека. Так поступает (и апостол), когда он дает советы или хвалит кого. Сказал: *лишше ми есть писати вам;* но смотри, как дает советы: *вем бо усердие ваше, имже о вас хвалюся Македонянам* (ст. 2). Много значит и то, что сам знает; но гораздо важнее, что сообщает о том другим. Это имеет особенную силу, потому что они не захо-

тели бы остаться посрамленными перед таким числом людей. Видишь ли мудрость его совета? Он убеждал их примером других, то есть македонян: *сказую вам благодать Божию в Церквах Македонских* (VIII, 1); убеждал собственным их примером: *иже не точию еже творити, но и еже хотети прежде начасте от прешедшаго лета* (VIII, 10); убеждал примером самого Господа: *весте благодать Господа нашего, яко вас ради обнища богат сый* (VIII, 9). Потом опять прибегает к сильнейшему способу убеждения – к примеру других, потому что люди склонны к соревнованию. Пример Господа и обещанные награды более бы должны были подействовать на них; но, так как они были еще немощны, привлекает их примером подобных им, потому что ничто так сильно не действует, как соревнование. И смотри, в каком новом виде предлагает им то же самое увещание. Не сказал: подражайте им; но что? *Я же от вас ревность раздражи множайших* (ст. 2). Что говоришь? Недавно сам сказал (о македонянах): добровольно *со многим молением моляще нас.* Как же теперь говоришь: *яже от вас* (коринфян) *ревность?* Да, отвечает (апостол), мы не советовали им, не убеждали их, а только вас хвалили и вами хвалились, – и этого довольно было к их убеждению. Видишь ли, как он возбуждает их взаимным друг друга примером, – коринфян примером македонян, а македонян примером коринфян, и это соревнование еще более усиливает присоединенной к тому великой похвалой? А чтобы не дать им повода к гордости, с особенным искусством выражается: *и яже от вас ревность раздражи множайших.* Представь, каково тем, которые были для других побудительной причиной такой щедрости, самим отстать от них в благотворительности! Вот почему не сказал: подражайте им, потому что не возбудил бы этими словами такого соревнования; а как сказал? Они вам подражали; вы, учители, не окажитесь хуже учеников. И смотри, как для большего возбуждения и воспламенения их показывает вид, что вступается за них и защищает их дело, как будто идет о том спор и состязание. Как выше он говорил: *яко доброхотни, со многим молением* приступили к нам, *во еже умолити нам Тита, да якоже прежде начат, такожде и скончает благодать сию* (VIII, 4, 6), так и здесь говорит: потому *послах братию, да не испразднится похваление наше* (ст. 3). Видишь ли, в

каком он беспокойстве и страхе? Чтобы все, что он сказал, не показалось сказанным только для убеждения, а не потому, что и на деле так было, – говорит: *послах братию,* – я столько забочусь о вас, *да не испразднится похваление наше.* По-видимому, наибольшее участие принимает он в коринфянах, хотя и о всех равно печется. А смысл слов его такой: весьма много хвалюсь вами, всем говорю о вас с восхищением, хвалился и македонянам. Поэтому, если вы окажетесь ниже похвалы, стыд будет общий. Но выражается об этом осторожно, именно присовокупил: *в части сей,* а не во всем. *Да, якоже глаголах, приготовани будете.* Говорил о них (македонянам) не то, что они будут готовы, но что у них все уже приготовлено, и нет ни в чем недостатка. Потому, говорит, желаю, чтобы вы показали это на самом деле. Потом еще более обнаруживаем свое беспокойство, говоря: *да не како, аще приидут со мною Македоняне, постыдимся мы, (да не глаголем, вы) в части сей похваления* (ст. 4).

2. Больше будет стыда, когда будешь иметь многих зрителей, и притом слышавших о деле. И не сказал: веду с собой македонян или: македоняне идут со мной, – чтобы не подумали, что делает это намеренно; а как сказал? *Да не како, аще приидут со мною Македоняне.* Может случиться, что они придут. Таким образом (апостол) отдалил от себя и подозрение. А если бы сказал иначе, то, может быть, довел бы их и до ожесточения. Смотри, как действует на них не духовными только, но и человеческими (побуждениями). Если вы, говорит, мало смотрите на меня, в твердой надежде, что прощу вас, то подумайте о македонянах – *да не како, аще приидут, и обрящут вас* – не сказал: не желающих, но: *неприготованных,* то есть не все еще исполнивших. Если же и поздно подать уже стыдно, то подумайте, какой стыд вовсе не подать милостыни или подать меньше надлежащего. Далее, кратко и вместе с силой, указывает и последствия, имеющие произойти отсюда, говоря так: *постыдимся мы, да не глаголем, вы.* И словами: *в сей части похваления* опять смягчает речь свою, – не для того, впрочем, чтобы сделать их беспечными, но чтобы показать, что прославившиеся другими (добродетелями) должны отличиться и этой. *Потребно убо умыслих предпослати братию, да предуготовят благословение ваше*

сие готово быти, тако якоже благословение, а не яко лихоимство (ст. 5). Опять говорит о том же в других словах. И чтобы не показалось, что говорит так без особенного намерения, объясняет, что не по другой причине идут братия, а единственно по той, чтобы (коринфянам) не остаться в стыде. Видишь ли, что слова: *лишние ми есть писати вам* были началом к увещанию? Видишь ли, сколько рассуждает он об этом служении? Кроме того можно сказать и то, что, дабы не подумали, будто (апостол) противоречит сам себе, когда, сказав – *лишше,* рассуждает о том же предмете, он сверх того, что говорил о скорости, щедрости и радушии при подаянии милостыни, и этим оборотом речи достигает той же цели. Он требует этих трех качеств и поставил их главными в самом начале. Так, когда он говорит: *во мнозем искушении скорби избыток радости их, и яже во глубине нищета избыточествова в богатство простоты их* (VIII, 2), выражает не другое что, как то, что (македоняне) сделали великие приношения, и сделали с радостью и поспешностью, что они не скорбели, не только подав много, но и находясь в искушениях, а это тяжелее, нежели подавать милостыню. Равным образом и выражение: *себе вдаша нам* (VIII, 5) показывает и их радушие, и твердую их веру. Опять и здесь имеет ту же цель. Так как щедрость и радушие бывают между собой противоположны и иной, подав много, часто скорбит о том, а иной, чтобы не скорбеть, подает менее, то смотри, как (апостол) заботится и о том и о другом со свойственной мудростью. Не сказал: лучше давать немного, но охотно, нежели по принуждению, – так как он хотел, чтобы они подавали и много, и с охотой. А как же (сказал)? *Да предуготовят благословение ваше готово быти якоже благословение, не яко лихоимство.* Сперва начинает с приятнейшего и легчайшего – подавать непринужденно, так как (подаяние), говорит, есть *благословение.* Видишь, как в самом увещании показывает тотчас и плод, приносимый (подаянием), то есть что подающие исполняются благословения. Самим этим словом он уже привлекал их к радушию, потому что никто не дает благословения с огорчением. Впрочем, и этим он не ограничился, а присовокупил: *не яко лихоимство.* Не думайте, говорит, чтобы мы из корыстолюбия брали у вас милостыню, напротив, желаем

быть для вас источниками благословения. Корыстолюбие свойственно тем, которые подают принужденно, так что кто принужденно подает милостыню, тот подает скупо. От этой мысли, далее, опять переходит к прежней, то есть к тому, чтобы подавали щедро. *Се же глаголю,* то есть при этом скажу и то. Что же? *Сеяй скудостию, скудостию и пожнет; а сеяй о благословении, о благословении и пожнет* (ст. 6). Не сказал – скупо, но употребил благороднейшее наименование бережливого; и самое действие назвал сеянием, чтобы ты тотчас вспомнил о воздаянии, представил себе жатву и понял, что (подавая другим) более получаешь сам, нежели даешь. Потому не сказал – дающий, но – *сеяй.* Не сказал также – если вы сеете, но употребляет общее выражение. Не сказал опять – щедро, но, что гораздо важнее – *о благословении.* И снова возвращается к прежнему приятному способу подаяния: *кийждо якоже изволение имать сердцем* (ст. 7), потому что получивший полную свободу делает больше принуждаемого. Потому и останавливается на этом; сказав именно – *якоже изволение имать,* присовокупляет: *не от скорби, ни от нужды;* и этим еще не ограничивается, но приводит свидетельство из Писания, говоря: *доброхотна бо дателя любит Бог.* Видишь ли, сколько раз он повторяет это? *Не по повелению глаголю* (VIII, 8); *совет даю о сем* (VIII, 10); *якоже благословение, а не яко лихоимство* (IX, 5); *не от скорби, ни от нужды* (ст. 7); *доброхотна бо дателя любит Бог.* По моему мнению, доброхотным он называет здесь щедрого, хотя употребил это слово с тем, чтобы побудить (коринфян) к радушному подаянию. Так как пример македонян и все прочее достаточно было, чтобы побудить их к щедрому подаянию, то не говорит уже об этом много, а (ведет речь к тому), чтобы подавали не с принуждением. И подлинно, если милостыня есть добродетель, а всякое дело, сделанное по принуждению, теряет свою награду, то (апостол) справедливо поступает так. И он не только советует, но, что всегда делает, и молит за них (Бога), говоря: *силен же Бог всяку благодать изобиловати в вас* (ст. 8).

3. Этой молитвой удаляет от них помысел, противоборствующий щедрости, который и ныне для многих служит препятствием. Действительно, многие боятся подавать милостыню, говоря: как бы мне самому не сделаться бедным и

не нуждаться в помощи других. Итак, чтобы рассеять этот страх, он присоединяет молитву, говоря: *всяку благодать изобиловати в вас,* — не исполнить только, но *изобиловати.* Что же значит: *благодать изобиловати?* Обогатить вас настолько, чтобы вы могли изобиловать при такой щедрости. *Да о всем всегда всяко довольство имуще, избыточествуете во всяко дело благо.* Смотри, и в самой молитве его какая мудрость. Не богатства просит им (у Бога), и не излишества, но всякого довольства. И не это одно в нем удивительно, но то особенно, что как не просит излишества, так равно не причиняет им и огорчения и, снисходя к их слабости, не принуждает их подавать от недостатка; а просит довольства и вместе показывает, что даров Божиих не должно употреблять во зло. *Да избыточествуете во всяко дело благо.* Для того, говорит, прошу вам довольства, чтобы вы и другим уделяли. И не сказал — уделяйте, но: *да избыточествуете.* В благах телесных просит для них довольства; а в благах духовных — не в одном милосердии, но и во всех прочих — просит им избытка. Таков смысл слов: *во всяко дело благо.* Потом вводит советником пророка, приискав свидетельство, побуждающее их к щедрости, и говорит: *якоже есть писано: расточи, даде убогим; правда его пребывает во век* (ст. 9; Пс. III, 9). Вот что значит — *да избыточествуете.* Слово: *расточи* не что другое означает, как щедрость в подаянии. Если поданного и нет уже более, но плоды подаяния остаются. То и удивительно, что сберегаемое гибнет, а расточаемое пребывает, и пребывает вечно. Правдой же называет здесь человеколюбие, потому что оно делает людей праведными и, как огонь, истребляет грехи людские, когда обильно изливается. Итак, не будем скупы; напротив, будем расточать щедрой рукой. Разве не видишь, сколько другие раздают комедиантам и распутным женщинам? Подай Христу хотя половину того, что они дают плясунам. Подай хотя столько алчущему, сколько они из тщеславия дают представляющим на зрелищах. Они множеством золота украшают тело распутных: а ты и в простую одежду не хочешь облечь плоть Христову, даже видя, что она обнажена. Есть ли для этого какое-нибудь извинение? Не стоит ли это, напротив, всякого наказания, когда иной столько дает той, которая губит его и бесславит, а ты и малейшей ча-

сти не даешь тому, кто тебя спасает и прославляет? Истощая свое богатство на удовлетворение чреву, на пьянство и распутство, ты не хочешь и вспомнить о бедности. Если же нужно облегчить чью бедность, ты считаешь себя беднее всех. Когда кормишь нахлебников и льстецов, радуешься, как будто расточаешь на них из неистощимых источников; а когда увидишь бедного, тотчас нападает на тебя страх бедности. За это-то самое некогда мы осудим и сами себя и будем осуждены другими, как преуспевшими (в добродетели), так и грешниками. Скажут тебе: почему ты не был великодушным где должно? Вот он, давая любодейце, не представлял таких извинений; а ты, подавая Владыке, заповедавшему не пещись, – приходишь в страх и трепет? И можешь ли быть достоин какого-нибудь извинения? Если человек, получив благодеяние, не пренебрегает им, но воздает благодарностью, то тем более Христос. Если Он и не получив дает, то ужели не воздаст получив? Почему же, скажешь, иные расточив много, не только сами не получили, но просят еще милостыни у других? Ты указываешь на раздавших все свое имение, сам не подав и обола. Обещай раздать все, – и тогда спрашивай и о них. А доколе ты бережлив, и подаешь малость из своего имущества, к чему представляешь мне извинения и предлоги? Ведь не на самый верх нестяжания ведем мы тебя, просим только, чтобы ты отсек лишнее и возлюбил только довольство, а довольство ограничивается самым нужным, без чего жить нельзя. Никто этого у тебя не отнимает, никто не запрещает тебе иметь дневную пищу, – пищу, говорю, а не роскошь, – одеяния, а не украшения. Вернее же сказать, если внимательно вникнем, в этом более всего и заключается роскошь. Смотри, кого справедливее назвать роскошествующим: того ли, кто, питаясь овощами, здоров и не страдает никакой болезнью, или того, кто имеет самый богатый и роскошный стол, но страдает бесчисленными болезнями? Очевидно, что первого. Итак, не будем желать ничего излишнего, если хотим и роскошествовать, и наслаждаться здоровьем, и этим ограничим довольство. И кто может быть доволен и здоров, питаясь одними бобами, пусть не ищет ничего больше. Если же кто слабее и имеет нужду в употреблении огородных овощей, тому пусть и это не будет

возбранено. Если кто еще слабее и для него потребуется умеренное употребление мяса, мы не запрещаем ему и этого. Не для того ведь даем мы эти наставления, чтобы доводить людей до смерти или расстраивать их здоровье, но чтобы отсечь излишество; а излишне все то, что сверх необходимости, так как если и без этого можем жить здорово и благопристойно, то, без сомнения, это прибавлено излишне.

4. Так будем рассуждать и об одеждах, и о столе, и о жилище, и о всем прочем; везде будем искать только нужного, а излишнее не нужно. Когда ты научишься ограничиваться довольством, тогда, если ты захочешь подражать евангельской вдовице (Лк. XXI, 1–4), поведем тебя к высшему. Ты недостоин еще любомудрия этой жены, когда заботишься о довольстве. Она была выше и этой заботы, потому что все средства своего пропитания повергла (в сокровищницу). Итак, ужели будет останавливать тебя мысль о необходимом? Ужели не постыдишься быть ниже жены, и не только не поревнуешь ей, но и очень далеко отстанешь от нее? Она не говорила, как вы рассуждаете сами с собой: что будет, если, истратив все, принуждена буду просить милостыни у других? – но со всем усердием отдала, что имела. А что сказать еще о ветхозаветной (вдовице), жившей во дни пророка Илии? Ей угрожала не только бедность, но смерть, и угрожала не ей одной, но и детям. Она уже ожидала не помощи от других, но скорой смерти. Ты скажешь: она увидела пророка, и от того сделалась щедрой. Но разве не видите и вы бесчисленного множества святых? И что говорю – святых? Вы видите просящим даже Владыку пророков, и не только не делаетесь человеколюбивыми, напротив, имея сокровищницы, переполненные благами, не подаете и от такого избытка. Что ты говоришь: к ней пришел пророк, и это побудило ее к такому великодушию? То и достойно особенного удивления, что она поверила, что (Илия) велик и чуден. Почему она не сказала, как естественно было бы сказать жене-язычнице и иноплеменнице: если бы этот человек был пророк, то не стал бы просить у меня помощи; если он друг Божий, то не оставил бы его (Бог)? Пусть иудеи за грехи подверглись такому наказанию; а он почему подвергся и за

что? Но она ничего такого не подумала, а напротив, открыла ему дом свой, и еще прежде дома – сердце свое, предложила все, что имела, не вняла естественному чувству, забыла детей своих, всему предпочла странника. Подумай же теперь, какое наказание должно постигнуть нас, когда окажемся ниже и малодушнее жены-вдовицы, бедной, иноплеменницы, язычницы, матери детей, нимало не знавшей того, что мы теперь знаем. Если мы имеем только крепкое тело, то еще не значит, что мы мужественны. Только тот имеет эту доблесть, кто имеет внутреннюю крепость, хотя бы он лежал на одре. А без этой крепости, хотя бы кто телесной силой своей мог и гору сдвинуть, я никак не соглашусь назвать его мужественнее отроковицы или дряхлой старухи. Тот борется с духовными искушениями, а этот не смеет и взглянуть на них. И если желаешь увериться, что в этом именно состоит истинное мужество, можешь узнать это из приведенного примера. В самом деле, что может быть мужественнее этой женщины, которая с твердостью устояла против требований самой природы, против силы голода, против ужасов смерти, и все это преодолела? Послушай, как прославляет ее Христос: *многи*, говорит, *беша вдовицы во дни Илиины, и ни ко единой послан бысть* пророк, *токмо* к сей (Лк. IV, 25, 26). Скажу нечто великое и странное: эта (вдовица) оказала большее гостеприимство, нежели отец наш Авраам. Она побежала не к стаду, подобно тому (Аврааму), но с одной горстью муки превзошла всех прославившихся гостеприимством. Авраам превзошел тем, что сам вызвался на гостеприимство; а она тем, что для странника не пощадила и детей, и притом, когда ничего не ожидала себе в будущем. А мы, когда и царство готово, и геенна угрожает, и, что всего важнее, когда Бог столько для нас сделал, когда Он веселится и радуется (видя дела милосердия), – мы остаемся холодны. Не будем, молю вас, (так делать), но расточим, отдадим бедным, как должно отдать, Бог же многое и малое ценит не по мере подаваемого, а по достатку подающего. Поэтому может случиться, что, положив сто золотых монет, ты положишь меньше того, кто положил только один маленький обол, потому что ты положил от избытка. Впрочем, делай хотя и так, и ты скоро сделаешься более щед-

рым. Расточай богатство, чтобы приобрести правду. Не с богатством приходит правда; хотя через него, но не с ним приобретается. Невозможно любостяжанию и правде обитать вместе; их жилища разделены. Итак, не усиливайся соединить несоединяемое, но изгони мучителя – сребролюбие, если хочешь получить царицу. Правда – царица, она изводит (людей) из рабства на свободу. Совершенно иначе действует сребролюбие. Итак со всем тщанием будем бегать сребролюбия, а возлюбим правду, чтобы и здесь наслаждаться нам свободой, и там получить небесное царство, которого все мы да сподобимся достигнуть благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XX

Даяй же семя сеющему, и хлеб в снедь да подаст, и умножит семя ваше, и да возрастит жита правды вашея (IX, 10)

1. Особенно можно подивиться мудрости Павла в том, что как убеждения заимствовал он и от духовного и от плотского, так, говоря и о воздаянии, делает то же самое, то есть указывает на двоякие (духовные и плотские) воздаяния. Так слова: *расточи, даде убогим, правда его пребывает во век* – указывают на воздаяние духовное; а слова: *да умножит семя ваше* – на воздаяние плотское. Однако на этом он не останавливается, но опять переходит к воздаяниям духовным и всегда ставит их одни с другими попеременно. Именно слова: *да возрастит жита правды вашея* – означают воздаяние духовное. Делает же это и разнообразит речь свою для того, чтобы искоренить в них боязливые и малодушные помыслы, и чтобы различными способами и указанием на настоящий пример рассеять в них опасение бедности. В самом деле, если засевающим землю Бог подает, если питающим тело свое дает Он обильно, то тем более (Он дает) тем, которые возделывают небо и пекутся о душе своей. И Ему угодно, чтобы такие (попечения) состояли под особенным Его промыслом. Но (апостол) излагает это не в виде умозаклю-

чения, и не так, как я сказал, а в виде молитвы, причем делает ясным свое умозаключение и возводит их к большему упованию не только указанием на повседневные примеры, но и самой этой молитвой. *Да подаст,* говорит, *и умножит семя ваше, и да возрастит жита правды вашея.* И здесь опять незаметно внушает щедрость, что дает разуметь словами: *умножит и возрастит;* а вместе с тем словами: *и хлеб в снедь* не позволяет желать ничего, кроме необходимого к поддержанию жизни. И особенно удивительно (в Павле), что, как и раньше внушал он, рассуждая о необходимом для жизни, не позволяет домогаться чего-либо сверх нужды, а рассуждая о благах духовных, советует собирать их в большом избытке.

Потому он и выше говорил: *да довольство имуще, избыточествуете во всяко дело благо* (ст. 8), и здесь говорит: *даяй хлеб в снедь, да умножит семя ваше,* то есть духовное. Так как он требует не просто милостыни, но милостыни щедрой, то постоянно называет ее семенем. Подобно тому как семя, брошенное в землю, произрастает тучную жатву, так и милостыня приносит полные рукояти правды и произрастает бесчисленные плоды. Пожелав им такого обилия, он показывает опять, на что должно иждивать его, говоря: *да о всем богатящеся во всяку простоту, яже содевает нами благодарение Богу* (ст. 11). Иждивайте богатство ваше не на то, на что не должно, а на то, чем приносится великое благодарение Богу. Бог отдал многое в нашу власть и, Себе предоставив меньшее, нам уступил важнейшее. Так, заботиться о чувственной пище нашей предоставил Себе Самому, а попечение о духовной вверил нам и в нашей власти соделать цветущими мысленные нивы наши. Они не требуют ни дождей, ни благорастворенного воздуха; было бы только одно произволение, и они возрастут до самого неба. Щедрость же называет здесь *простотою, яже содевает нами благодарение Богу,* потому что отсюда происходит не одна милостыня, но и повод к великому благодарению, и не только к благодарению, но и ко многому другому. Это и перечисляет (апостол) в следующих словах, чтобы, показав многие добрые последствия щедрости, возбудить их тем к большему усердию. Какие же это многие плоды? Послушай, что сам он говорит: *яко работа сего служения не токмо есть исполняющая лишения святых, но избыто-*

чествующая многими благодареньми Богови: искушением служения сего славяще Бога о покорении исповедания вашего в благовествовании, и о простоте сообщения к ним, и ко всем, и о тех молитве о вас, возжелеющих вас за премногую благодать Божию на вас (ст. 12–14). Слова эти имеют такой смысл: во-первых, вы не только восполняете скудость святых, но и производите у них обилие, то есть подаете им больше, чем для них нужно; затем, через них вы воссылаете благодарение Богу, потому что они прославляют Его за покорность исповеданию вашему. А чтобы не подать мысли, что они благодарят потому только, что получают благодеяния, смотри, сколько возвышенными представляет их. Что в Послании к Филиппийцам сказал я о себе: *не ищу даяния* (IV, 17), то же свидетельствую и о них. Хотя они радуются о том, что вы восполняете их недостатки и облегчаете их бедность, но еще более радуются о том, что вы так покорны Евангелию, – о чем свидетельствуют ваши щедрые подаяния, предписанные Евангелием. *И о простоте сообщения к ним и ко всем.* Они прославляют Бога и за то, что вы так щедры не только к ним, но и ко всем. И это благодарение Бога за подаваемое другим служит опять к их похвале. Они, говорит, не только хорошо управляют свои дела, но заботятся и о чужих, несмотря на то, что сами находятся в крайней бедности. Это показывает высокую их добродетель. В самом деле, никто так не завистлив, как бедные; а они между тем чисты от этой страсти, и не только не завидуют, видя ваши благодеяния другим, но даже радуются не меньше, чем если бы сами их получили *И о тех молитве о вас.* За тех, говорит, они благодарят Бога а за вашу любовь к ним самим и общение молят Его, чтобь сподобил их видеть вас. И желают этого не ради вашего имущества, но чтобы видеть благодать, дарованную вам.

2. Видишь ли мудрость Павла, как он, восхвалив (коринфян), все приписал Богу, когда назвал дело их благодатью? После того как он сказал о них много великого, назвал их служителями превознес до небес, – поскольку они служили бедным, а он передавал то, чем они служили, – назвал их искусными, теперь показывает, что виновник всего этого – Бог, и сам вместе с ними возносит благодарение (Богу), говоря: *благодарение же Богови о неисповедимем Его даре* (ст. 15).

Даром называет здесь или те многочисленные блага, какие получают через милостыню и принимающие ее, и получающие, или те неизреченные блага, которые прещедро дарованы всему миру пришествием (Христовым), – и эти последние преимущественно следует разуметь здесь. Чтобы смирить их гордость и сделать их более щедрыми, он напоминает им о том, что они получили от Бога. Такое (напоминание о благодеяниях Божиих) имеет особенную силу для побуждения к какой бы то ни было добродетели. Потому и здесь (апостол) заключил свою речь (этим напоминанием). Если же дары (Божии) неисследимы, то что может равняться безумию тех, кто усиливается постигнуть сущность (Божию)? И не только дары Его неисследимы, но и мир, которым Бог примирил горнее с дольним, превышает всякий ум. Итак, сподобившись такой благодати, постараемся показать достойную ее доблесть жизни, и особенно будем заботиться о милостыне. А этого мы достигнем, если будем избегать невоздержания, пьянства, пресыщения. Ведь и пищу и питие дал нам Бог не для неумеренности, а для пропитания. И не вином производится пьянство. А если бы так было, то надлежало бы всем упиваться. Но не надлежало бы, скажешь, чтобы вино вредило и в большом количестве употребляемое? Так говорить свойственно пьяницам. В самом деле, если в большом количестве вино наносит вред, и ты нимало не отстаешь от неумеренного употребления; если пьянство так постыдно и пагубно, и ты все-таки не оставляешь дурной страсти, – то до чего простерлась бы твоя неумеренность, если бы можно было и много пить, и не терпеть никакого вреда? Тогда не захотел ли бы ты, чтобы и реки текли вином? А тогда не погубил ли бы ты и не истребил ли бы всего? Если есть мера в употреблении пищи, и, преступая эту меру, мы вредим себе, но тебя не удерживает эта узда, ты расторгаешь ее и хватаешь все у всех, чтобы угодить гнусному твоему мучителю – сластолюбию, то чего бы ты не сделал, когда бы природа не положила такой меры? Не стал ли бы ты тогда тратить все время жизни на это (удовлетворение своему чреву)? Итак, неужели надлежало усилить гнусную похоть, и не остановить вреда, происходящего от неумеренности? И сколько других бедствий проис-

текло бы отсюда! До какого безумия доходят те, которые в пьянстве и другого рода распутствах валяются как в грязи, а когда несколько образумятся, ничего иного не делают, как только сидят и толкуют: для чего столько истрачено на такое дело? – тогда как им надлежало бы посудить о своих грехах! Вместо того чтобы говорить: для чего (Бог) положил всему пределы? почему не делается все без порядка? – скажи так: почему мы не перестаем упиваться? почему не знаем сытости? почему мы бессмысленнее бессловесных? Вот о чем надлежало бы рассуждать нам друг с другом; надлежало бы послушать апостольского слова, увидеть, сколько благ, по его свидетельству, проистекло для коринфян от милостыни, и восхитить себе такое сокровище. В самом деле, презрение богатства, как сказал (апостол), и соделывает людей искусными, и ведет к прославленно Бога, и воспламеняет любовь, и делает нас великодушными, и поставляет иереями, возводя на священство, приносящее великую награду. Милостивый не облекается в подир, не носит позвонков, не возлагает на себя венца; но облечен в одежду человеколюбия, которая святее священнической одежды, помазан елеем, который составлен не из чувственного вещества, но возделан Духом Святым, имеет венец, сплетенный из милосердия, как сказано в Писании: *венчающаго тя милостию и щедротами* (Пс. CII, 4), а вместо того, чтобы носить златую дщицу с именем Божиим, сам делается подобен Богу. Каким образом? Будите, говорит, подобны *Отцу вашему, иже есть на небесех* (Мф. V, 45).

3. Хочешь ли видеть и жертвенник (милосердного)? Не Веселеил соорудил его, и не другой кто, но сам Бог; не из камней, но из вещества, которое светлее самого неба – из разумных душ. Но иерей входит во святое святых? Можно и тебе, совершающему жертву (милосердия), войти в святилище еще более страшное, где никто не присутствует, кроме Отца твоего, который видит тебя в тайне (Мф. VI, 6), где никто другой не видит. Но как, скажешь, можно не видеть, когда жертвенник стоит открыто? То и достойно удивления, что тогда двойные двери и завесы делали (святилище) безлюдным, а ныне, принося жертву среди народа, можно приносить ее, как бы вступив во святая святых, и даже с

большим страхом. В самом деле, если ты делаешь это не на показ людям, то, хотя бы и вся вселенная видела, никто не видал, потому что ты так сделал. (Господь) не просто сказал: *не творите пред человеки,* но присовокупил: *да видими будете ими* (Мф. VI, 1). Жертвенник этот создан из самих членов Христовых; и тело самого Владыки служит тебе жертвенником. Благоговей перед Ним: на теле Владычнем ты совершаешь жертву. Этот жертвенник страшнее и этого нового, а не только древнего жертвенника. Однако не смущайтесь. Этот (жертвенник) чуден по причине предлагаемой на нем жертвы, а тот (жертвенник милосердного) удивителен и потому, что сооружается из той самой жертвы, которая его освящает. Чуден опять этот (жертвенник) потому, что, будучи по природе камнем, делается святым, так как принимает тело Христово, а тот чуден потому, что сам есть тело Христово. Таким образом, страшнее этого жертвенника тот, перед которым предстоишь ты, мирянин. Что в сравнении с этим будет для тебя Аарон? Что кидар? Что звонцы? Что святая святых? Да и нужно ли сравнивать (жертвенник милосердного) с древним жертвенником, когда он и в сравнении с этим жертвенником оказывается столь блистательным? А ты между тем почитаешь этот жертвенник, потому что он принимает тело Христово, и унижаешь тот (жертвенник), который есть само тело Христово, и не обращаешь внимания, когда он разрушается. Такой жертвенник ты можешь видеть везде – и на улицах, и на площадях, ежечасно можешь приносить на нем жертву, потому что и здесь освящается жертва. И как иудей предстоит (перед жертвенником), призывая Духа, так и ты призываешь Духа, только не словами, а делами. Ничто так не поддерживает и не возжигает огонь Духа, как этот елей, обильно изливаемый. Если же хочешь знать и то, что бывает с возлагаемым на жертвенник, то иди, я и это покажу тебе. Итак, какое курение, какое благоухание восходит от этого жертвенника? Слава и благодарение. Куда восходит? До неба ли? Нет, – выше неба, и неба небеси, возносится к самому Царскому престолу. *Молитвы твоя,* сказано, *и милостыни твоя взыдоша пред Бога* (Деян. X, 4). Чувственное благовоние не далеко проникает в воздух; а это проходит самые небесные своды. И хотя ты

молчишь, однако же дело твое вопиет и делается жертвой хвалы; не телец закалается, и не кожа сжигается, но разумная душа приносит ей свойственное. А такая жертва достохвальнее всякого человеколюбия. Итак, когда ты видишь бедного из верных, представляй, что видишь жертвенник. Когда видишь такого нищего, не только не оскорбляй, но и отнесись с почтением; и если видишь, что другой его оскорбляет, останови, защити. Таким образом, и сам ты можешь надеяться, что будешь помилован от Бога и получишь обещанные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXI

Сам же аз Павел молю вы кротостию и тихостию Христовою, иже в лице убо смирен в вас, не сый же у вас дерзаю в вас. Молю же, да не присущ дерзаю надеянием, имже помышляю смети, на некия непщующия о нас, яко по плоти ходящих (2 Кор. X, 1, 2)

1. Кончив все, что надлежало сказать о милостыне, показав, что он более любит коринфян, чем они его любят, и вспомянув о своем терпении и искушениях, (апостол) благовременно переходит теперь к обличительной речи, в которой указывает на лжеапостолов, обращается (к коринфянам) с угрозами и говорит в защиту себя самого. То же делает он и во всем послании, и, сознавая это, часто сам себя поправляет, как, например, в словах: *зачинаем ли паки нас самех извещавати вам* (III, 1)? далее: *не паки себе хвалим пред вами, но вину даем вам к похвалению* (V, 12); затем: *бых несмыслен хваляся, вы меня понудисте* (XII, 11), и многие другие в том же роде употребляет оговорки. И не погрешит тот, кто назовет это послание похвальным словом Павла: так пространно рассуждает он и о дарах благодати (Божией), и о своем терпении! Так как среди коринфян были такие, которые много думали о себе и, ставя себя выше апостола, говорили о нем, что он только величается, а ничего не значит и ничему здравому не учит (что и было особенным признаком их

развращения), то смотри, как он начинает обличать их. *Сам же аз Павел.* Замечаешь ли, сколько тут веса, сколько достоинства? Хочет же сказать он следующее: прошу вас, не заставьте и не допустите меня употребить власть мою против тех, которые унижают нас и думают, что мы живем по плоти. Это выражено здесь сильнее, нежели сказанное в угрозу им в первом его послании: *с палицею ли прииду к вам, или с любовию и духом кротости? Яко не грядущу ми к вам разгордешася нецыи. Прииду же, и разумею не слово разгордевшихся, но силу* (IV, 21, 18, 19). И здесь выражает он то и другое, и власть свою, и любомудрие, и терпение, когда с такой заботливостью просит не доводить его до необходимости – прийти показать над ними грозную власть свою, то есть поразить их, истязать и подвергнуть крайнему наказанию. Это именно дает он понять словами: *молю же, да не присущ дерзаю надеянием, имже помышляю смети, на некия непщующия нас, яко по плоти ходящих.* Но обратимся опять к первым словам: *сам же аз Павел.* Много силы и веса в этих словах. Подобные выражения употребляет он и в других местах, например: *се аз Павел глаголю вам* (Гал. V, 2); или еще: *якоже Павел старец* (Флм. 9); или в другом месте; *сия заступница многим бысть, и самому мне* (Рим. XVI, 2). Так и здесь: *сам же аз Павел.* Важно уже и то, что он сам просит; но гораздо важнее присовокупляемое: *кротостию и тихостию Христовою.* Желая сильнее пристыдить их, он упоминает о кротости и снисходительности и тем придает своему прошению еще большую силу. Он говорит как бы так: устыдитесь самой кротости Христовой, которою умоляю вас. Сказал же это с намерением вместе показать, что хотя они и тысячекратно вынуждают его к строгости, но сам он более склонен к кротости и не наказывает их не потому, чтобы не имел силы, но потому что кроток и потому что так делал Христос. *Иже в лице убо смирен в вас, не сый же дерзаю в вас.* Что он хочет сказать этим? Или говорит иронически собственными их словами, – так как они говорили о Павле, что когда он лично присутствует, то не заслуживает никакого уважения, ничтожен и достоин презрения, а в отсутствии гордится, ведет себя величаво, нападает на нас и угрожает. На это намекает он и далее, говоря; *яко послания убо, рече, тяжки, а пришествие тела немощно, и слово*

уничижено (ст. 10). Итак, или говорит иронически, показывая великое огорчение: я человек смиренный и ничего не значащий при личном свидании, как они говорят, а в отсутствии высокий, – или если и говорит о себе с важностью, то не по высокоумию, а по доверию к ним. *Молю же, да не присущ дерзаю надеянием, имже помышляю смети, на некия непщующия нас, яко по плоти ходящих.* Замечаешь ли, какое негодование выражается в этих словах, и какое ясное обличение? Прошу вас, говорит, не заставляйте меня доказывать, что я, и лично находясь у вас, силен и имею власть. Так как некоторые у вас говорили, что я, не находясь у вас, – выражаясь их же словами, – дерзок и величав, то прошу, не заставьте меня употребить мою силу. Такой именно смысл имеют слова: *дерзаю надеянием.* И не сказал: которым я приготовлен, но – *имже помышляю.* Я еще не решился на это, а вы сами подаете мне повод; но, несмотря и на это, я не желаю. А так поступал он, не себя только защищая, но и Евангелие. Если же и тогда, когда нужно защитить проповедь (евангельскую), он не является строгим, но уступает, выжидает, и просит не доводить его до такой необходимости, то тем более никогда не поступил бы строго, защищая себя самого.

2. Итак, сделайте мне милость, говорит, не вынуждайте меня показать вам, что и при личном свидании могу поступить смело, с кем должно, то есть подвергнут истязанию и наказанию. Видишь ли, как он был не честолюбив, не делал ничего из тщеславия, как, и при необходимости (поступать строго), называет строгость смелостью? *Молю же,* говорит, *да не присущ дерзаю надеянием, имже помышляю смети на некия.* Главный долг учителя – не тотчас наказывать, но исправлять и всегда выжидать и быть медленным в наказаниях. Кто же эти *некия,* которым он угрожает? *Непщующия нас,* говорит, *яко по плоти ходящих.* Они клеветали (на Павла), будто бы он лицемерен, лукав и горд. *Во плоти бо ходяще, не по плоти воинствуем* (ст. 3). Здесь уже и устрашает наказанием. Правда, что мы облечены плотью, говорит он, не отвергаю этого; но не по плоти живем. Впрочем, и этого не сказал, но скрывает до времени, потому что это относится к похвале его жизни, а рассуждает о проповеди, показывая, что она не человеческое дело и не имеет нужды в земной помощи.

Потому не сказал: не по плоти живем, но (говорит): *не по плоти воинствуем,* то есть мы ведем войну и вступили в брань, но сражаемся не плотским оружием, не с помощью человеческих сил. *Оружия бо наша не плотская* (ст. 4). А какое плотское оружие? Богатство, слава, власть, красноречие, важность, происки, ласкательства, лицемерие, и тому подобное. Но наше оружие не таково. Каково же? *Сильна Богом.* Не сказал: мы не плотские, но: *оружия наша,* потому что, как я заметил, он рассуждает пока о проповеди, и всю силу ее приписывает Богу. И не говорит: (оружие наше) духовное, — хотя бы и так надлежало сказать в противоположность плотскому, — но: *сильна,* давая через это разуметь и то, (что они духовны), а вместе с тем показывая, что орудия его противников слабы и бессильны. Смотри же, как он чужд гордости. Не сказал: мы сильны, но: *оружия наша сильна Богом.* Не мы сделали их такими, а сам Бог. Так как они были мучимы, изгоняемы, претерпевали бесчисленные и жесточайшие бедствия, а все это обнаруживало их слабость, то, желая показать силу Божию, говорит: *но сильна Богом.* Сила Его в том особенно и открывается, что Он побеждает ими. Таким образом, если и мы носим это оружие, то сражается и действует им сам (Бог). Далее (апостол) распространяется в похвалах этому оружию, говоря: *на разорение твердем.* И чтобы кто-нибудь, слыша о твердынях, не вообразил чего-либо чувственного, присовокупляет: *помышления низлагающе.* Иносказанием он придает силу речи, а изъяснением его показывает, что брань их духовна. Твердыни эти поражают души, а не тела. И так как они гораздо крепче твердынь вещественных, то и оружие требуется лучшее. Твердынями же называет он гордость эллинов и силу их софизмов и силлогизмов. И однако все это оружие, употребляемое против них, (Бог) низложил. *Помышления низлагающе, и всяко возношение взимающееся на разум Божий* (ст. 5). Держится иносказания, чтобы придать большую силу речи. Хотя бы то были твердыни, или башни, или что другое, говорит он, — все уступает этому оружию. *И пленяюще всяк разум в послушание Христово.* Слово: пленение имеет невыгодный смысл, потому что пленение есть отнятие свободы. Почему же (апостол) употребил.это слово? Он употребил его в другом значении. Слово: пленение имеет

двоякое значение: оно означает и потерю свободы, и такое отнятие силы, после которого нельзя уже восстать. В этом, последнем значении употребил его (апостол). Подобно тому как, когда говорит: *от иных церквей уях* (XI, 8), он не разумеет, что взял тайно, но что явно отнял, все взял, так и здесь говорит: *пленяюще,* — поскольку борьба не равна, но весьма легка. Не сказал: *(низлагающе)* одно или два, но — *всяко (возношение);* равным образом не сказал только: мы побеждаем и одерживаем верх, но — *пленяем,* подобно тому как и прежде не сказал: выдвигаем орудия против твердынь, но: разоряем (твердыни), потому что у нас великое изобилие оружия; мы сражаемся не словами, но делами против слов, не мудростью плотской, но духом кротости и силы. Поэтому какая мне нужда, продолжает он, превозноситься, величаться на словах и угрожать посланиями, — как они клеветали, говоря, что *послания тяжки,* — когда сила наша состоит вовсе не в этом?

3. Так как в выражении: *пленяюще всяк разум в послушание Христово* слово — *пленяюще* — тяжело, то иносказание он тотчас объяснил словами: *в послушание Христово,* то есть от рабства к свободе, от смерти к жизни, от погибели к спасению. Мы пришли, говорит он, не для того только, чтобы низложить противников, но чтобы привести их к истине. *И в готовости имуще отмстити всяко преслушание, егда исполнится ваше послушание* (ст. 6). Здесь (апостол) устрашает не только тех (клеветавших на него), но и их (коринфян). Мы, говорит он, ожидаем вас, чтобы, когда вы по нашим наставлениям и угрозам исправитесь, очиститесь и прекратите общение с ними (клеветниками), тогда, отделив их одних, подвергнуть наказанию только неисцельно страждущих, как скоро совершенно узнаем, что вы от них отстали, потому что хотя и теперь повинуетесь, да не вполне. Скажешь: если бы ты это сделал теперь, то больше бы принес пользы? Нисколько; если бы теперь я сделал это, то и вас подверг бы наказанию. Должно было, (скажете) наказать их, а нас пощадить? Но если бы я пощадил вас, то могли бы подумать, что я поступил так с вами только по снисхождению. Теперь же не того желаю, а прежде — исправить вас и потом уже приступить к наказанию тех. Что можно представить снис-

ходительнее этой милости? Так как видит, что близкие ему вошли в общение с противниками, то хочет нанести удар, но щадит и удерживает гнев, доколе они не отделятся от противников, чтобы этих только и наказать или, лучше — и их не наказывать. Для того он угрожает и близким, для того и говорит, что одних их желает возвратить себе, чтобы и те, исправленные страхом, переменились, и, таким образом ни на кого не излился бы гнев его. Во всем он поступал как искусный врач, как общий всем отец, покровитель и защитник: столько заботился о всех! Повсюду устранял препятствия, усмирял (людей) зловредных, везде бывал сам. И не борьбой достигал своей цели, но, как бы идя на легкую и готовую победу, воздвигал победные памятники, ниспровергал, разрушал, рассыпал твердыни диавола и козни демонов, и всех пленных переводил в воинство Христово. Даже и на малое время не давал себе покоя, быстро переходил от одних к другим, а от этих опять к иным и, как опытный вождь, ежедневно или, лучше — ежечасно воздвигал победные памятники. В одном только хитоне вступив в воинские ряды, он брал города противников вместе с их жителями. Луком, копьем, стрелами и всем был язык Павлов. Он говорил только, и речи его поражали противников сильнее всякого огня; он изгонял демонов, а людей, ими одержимых, приводил к себе. Когда изгнал он злого духа (в Эфесе), собралось пятьдесят тысяч человек, занимавшихся тайными знаниями, сожгли волшебные книги и обратились к истине. И как на брани, когда падают стены крепости или низложен тиран, все находящиеся при нем бросают оружие и переходят к вождю противной стороны, так было и тогда. Как только изгнан был злой дух, все содержимые им в осаде, бросив книги или — лучше сказать — истребив их, прибегли к ногам Павловым. А он, сражаясь с целой вселенной как бы с одним воинством, нигде не останавливался, но, точно носимый на крыльях, делал все: то исцелял хромого, то воскрешал мертвого, то наказывал слепотой, — я разумею волхва (Деян. XIII). Даже и будучи заключен в темницу, не оставался в бездействии, но и там привлек к себе стража темницы, продолжая захватывать людей в этот прекрасный плен.

4. Итак, будем и мы по возможности подражать ему. Но что говорю — по возможности? Всякому, кто только пожелает, можно приблизиться к нему, высмотреть его искусство и перенять его мужество. Ведь и доселе еще делает он то же: *помышления низлагающе, и всяко возношение, взимающееся на разум Божий*. И хотя многие из еретиков задавались намерением терзать его, но, и расторгнутый по членам, являет он великую силу. Пользовались им и Маркион и Манихей, но рассекая на части; однако и самими этими частями они обличаются. Так, и одна рука доблестного этого мужа, находясь у них, гонит их с величайшей силой, и одна нога, находясь у других, преследует их и низлагает, чтобы ты познал богатство силы его, равно как и то, что, и на части рассеченный, он силен истребить всех противящихся ему. Но это, скажешь, показывает неискренность, если препирающиеся между собой все пользуются тем же (Павлом). Да, неискренность, но не Павла, а тех, кто пользуется им. У самого (Павла) нет запутанности и неопределенности; он прост и ясен; напротив, они перетолковали слова его по своим понятиям. Но для чего же он говорил так, что подал повод любящим споры? Не он подал, а собственное их безумие, потому что они употребили слова его не так, как должно. Так, и весь этот мир дивен и велик и явно открывает в себе Божию премудрость, и *небеса поведают славу Божию, и день дни отрыгает глагол, и нощь нощи возвещает разум* (Пс. XVIII, 1, 2), и, однако многие преткнулись и об это и имели противные одно другому (заблуждения). Иные дивились ему сверх меры до того, что почли его за Бога; а другие так мало признавали в нем красоты, что не почитали его делом, достойным Божия творения, и приписывали большую часть его какой-то злой материи. Между тем Бог и тех и других предохранял (от заблуждения), создав мир, с одной стороны прекрасным и великим, чтобы не могли почитать его несоответствующим Его премудрости, с другой — и имеющим недостатки, и не самодовлеющим, чтобы не почитали его за Бога. И, однако, люди, ослепившись своими помышлениями, впали в противные мнения; обличая и порицая друг друга, они защищают и Божию премудрость, и те умствования свои, которые увлекли их в заблуждения. Но что говорю о солнце и о небе? Сколь-

ко чудес видели у себя перед глазами иудеи и вскоре поклонились тельцу! Или – видели они, что Христос изгонял бесов и, однако, называли Его бесноватым (Ин. VIII, 48). Но это служит не в предосуждение Изгонявшему (бесов), а в обвинение ослепленных умом. Поэтому не осуждай и Павла за мнения тех, которые во зло употребляли слова его, но постарайся вполне узнать его сокровище и раскрыть его богатство; и тогда, огражденный его оружием, ты мужественно противостанешь всем, сможешь заградить уста и эллинам и иудеям. Чем же, спросишь, когда они не верят ему? Указанием на то, что он совершил для них и для исправления целой вселенной. В самом деле, не человеческая сила могла произвести столь великие дела, но сила Распятого, одушевлявшая (Павла), сделала его таким, что он стал сильнее и риторов, и философов, и тиранов, и царей, и всех властителей. И он мог не только облекаться в орудие и низлагать противников, но и других делать победителями. Итак, чтобы стать полезными и для себя самих, и для других, будем непрестанно иметь его в руках и услаждаться его писаниями, как бы прекрасным лугом или садом. Таким образом сможем и избавиться порока, и возлюбить добродетель, и получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXII

Яже пред лицем зрите. Аще кто надеется себе Христова быти, да помышляет паки от себе, зане якоже он Христов, такоже и мы (X, 7)

1. Что особенно достойно удивления в Павле при всем другом, это – то, что, будучи поставлен в большую необходимость хвалить себя, он достигает двоякой цели: то есть и себя хвалит, и вместе такой похвалой самому себе не делается обременителен для других. Это можно видеть особенно в Послании к Галатам. И там, коснувшись того же предмета, он заботится, – что особенно трудно и требует большого благоразумия, – о том и о другом, то есть и скромность соблюдает, и говорит о себе нечто великое. Но смотри, с

каким величием и здесь делает это: *яже перед лицем зрите.* Замечай и здесь благоразумие. Обличив тех, кто обольстил их (коринфян), он не останавливает на них своего слова, но переходит от обольстивших и к обольстившимся. Так поступает он и всегда, – обличает не только виновников заблуждения, но и введенных в заблуждение. Если бы он не подверг ответственности и этих последних, то их не так бы легко исправило сказанное другим; они даже возгордились бы, как не подвергшиеся обвинению. Поэтому и их обличает. И не это только достойно удивления (в Павле), но и то, что он употребляет обличения, какие приличны тем и другим. Послушай, что говорит (вдавшимся в обман); *яже пред лицем зрите.* Не малое, но очень большое обвинение! Почему? Потому что род человеческий очень легко впадает в обман. Смысл же слов его таков: вы судите по наружности, по плотским, по телесным (отношениям). Что значит по наружности? Если кто богат, если кто надмевается, если кого окружает толпа льстецов, если кто хвалит сам себя, ищет пустой славы, если кто лицемерно притворяется добродетельным, не имея в себе добродетели, – это и означают слова: *яже пред лицем зрите. Аще кто надеется себе Христова быти, да помышляет паки от себе, зане якоже он Христов, такожe и мы.* (Апостол) не хочет вдруг показать себя строгим, но мало-помалу усиливает и возвышает (речь). И смотри, какая здесь резкость в выражении и многознаменательность. Выражением: *от себе* он хочет сказать следующее: пусть не ожидает узнать от нас, то есть из нашего ему выговора, но пусть судит о том сам по себе, что как он Христов, так и мы, – не потому, чтобы он был так Христов, как и тот, но *якоже он Христов, такожe* и я Христов. В этом мы одинаковы, и нельзя сказать, что он Христов, а я принадлежу кому-то другому. Но, показав это равенство, выставляет на вид и преимущество, говоря: *аще бо и лишше что похвалюся о власти, юже даде* мне *Господь в создание, а не на разорение, не постыжуся* (ст. 8). Посмотри, как он смягчает речь свою, намереваясь сказать о себе нечто великое.

Действительно, ничто так не противно для многих из слушателей, как похвала самому себе. Поэтому, устраняя неприятность, (апостол) и говорит: *еще бо и лишше что похвалю-*

ся. Не сказал: если кто уверен в себе, что он Христов, пусть рассудит, что он далеко еще отстоит от нас, потому что я получил от Господа столь великую власть, что могу наказать и предать смерти, кого хочу. А что сказал? *Аще и лишше что*. Хотя и выразить нельзя, сколь великую имел он (власть), но в словах своих он уменьшает ее. Не сказал также: хвалюся, но: *аще похвалюся*, – если захочу (похвалиться). А таким образом соблюдает вместе и скромность, и показывает свое преимущество. *Аще бо похвалюся*, говорит, *о власти, юже даде* мне *Господь*. Опять все приписывает Богу, и дар делает общим, говоря: *в создание, а не на разорение*. Видишь ли, как он опять успокаивает зависть, какую мог бы возбудить похвалой себе, и привлекает к себе слушателя, указывая на пользу, для которой получил он власть? А как же он говорит: *помышления низлагающе?* Это особенно является одним из видов созидания – уничтожать препятствия, обличать гнилое, и утверждать одно истинное. *В созидание*. Итак, для того получили мы власть, чтобы созидать. Если же кто будет упорствовать, сопротивляться и не подавать никакой надежды на исправление, то употребим и другую силу: низложим и ниспровергнем его. Поэтому и присовокупляет: *не постыжуся*, то есть не окажусь ни лжецом, ни тщеславным. *Но да не явлюся, яко страша вас, яко послания убо, рече, тяжки и крепки, а пришествие тела немощно, и слово уничижено: сие да помышляет таковый, яко яцы же есмы словом посланий отстояще, таковии иту суще делом* (ст. 9, 10). Смысл этих слов такой: я мог бы похвалиться; да чтобы не стали опять говорить, будто в посланиях я величаюсь, а при личном свидании ничего не значу, то не буду говорить о себе ничего великого. Правда, впоследствии он говорил, но не о силе, по которой он был страшен, а об откровениях и еще более об искушениях. Итак, чтобы не показалось, что я устрашаю вас, *сие да помышляет таковый, яко яцы же есмы словом посланий отстояще, таковии и ту суще делом*. Так как о нем говорили, что в посланиях своих он пишет о себе много великого, а при личном свидании не стоит никакого внимания, то он и говорит эти (приведенные выше слова), но, впрочем, опять с большой скромностью. Не сказал: как пишем к вам о великих делах, так и находясь лично с вами, делаем великие дела; но выразился гораз-

до скромнее. Когда обращал речь к тем, (которые почитали его человеком плотским), тогда употребил сильные выражения: *молю же, да не присущ дерзаю надеянием, имже помышляю смети на некия* (ст. 2). А обращаясь к этим, поступает снисходительнее, почему и говорит: каковы мы лично с вами, таковы и заочно, то есть мы смиренны, скромны, ничем не тщеславимся. И это видно из последующих слов: *не смеем бо присовокупляти или прикладовати себе иным хвалящим себе самех* (ст. 12).

2. Здесь (апостол) показывает, что они и тщеславны, и много говорят о себе, и укоряет их за то, что сами себя хвалят. А мы, говорит, ничего такого (не делаем), а если что великое и сделали, то все приписываем Богу и равняем себя друг с другом. Поэтому и присовокупляет: *но сами в себе себе измеряюще, и прилагающе себе самим себе, не разумевают.* Смысл этих слов такой: мы не с ними равняем себя, но друг с другом. Так он и ниже говорит о себе: *ничимже лишихся первейших апостол* (XII, 11); равно как и в первом послании: *паче всех их потрудихся* (XV, 10); и еще: *знамения апостолова содеяшася в вас во всяком терпении* (XII, 12). Так, мы сравниваем себя сами с собой, а не с ними, которые ничего не имеют. А такое высокоумие их свойственно только безумию. Итак, он говорит это или о себе, или о них, то есть что мы не смеем сравнивать себя с теми, которые друг с другом препираются, тщеславятся, и между тем не разумеют (что делают), то есть не видят, как они смешны, когда так тщеславятся и превозносятся друг перед другом. *Мы же не в безмерная похвалимся* (ст. 13), как они. Вероятно, в похвалу свою они говорили: мы обратили вселенную, мы доходили до пределов земли, и много другого подобного разглашали о себе. Но мы, говорит (апостол), не так, *но по мере (правила) его же раздели нам Бог меру, достизати даже и до вас.* И, таким образом, с двух сторон открывается его смиренномудрие, с одной – в том, что он не говорит о себе ничего более того, что сделал, с другой – в том, что и это (сделанное им) приписывает Богу: *по мере правила,* говорит, *его же раздели нам Бог меру, достизати даже и до вас.* Как земледельцам разделяет (Бог) виноградные сады, так и каждому из нас назначил свой удел. А потому мы и хвалимся не большим чем-либо, но тем, чего дано нам достиг-

нуть. *Не яко бы не досяжуще до вас, паче простираем себе: даже бо и до вас достигохом благовестием Христовым* (ст. 14). Не только были мы у вас, но и благовествовали, проповедовали, убеждали, исправляли. Вероятно, порицавшие Павла просто только приходили к ученикам апостольским и вследствие этого одного прихода весь успех дела приписывали себе. Но мы, говорит (апостол), не так поступили: никто не может сказать нам, что мы не могли прийти к вам, и что только на словах распространяем похвалу свою и до вас, потому что мы и вам проповедовали слово (веры). *Не в безмерная хвалящеся,* но *в чуждих трудах, упование же имуще, растущей вере, в вас величатися по правилу нашему изобильно, во еже и в дальших вас благовестити, не чужим правилом в готовых похвалитися* (ст. 15, 16). В этих словах (апостол) высказывает сильное обвинение (своим порицателям), что они и хвалились без меры, и хвалились чужим, и что, хотя весь труд принадлежал апостолам, они хвалились их трудами. Но мы, говорит (апостол), доказали это делами. Итак, не будем подражать им; а станем напротив говорить то, о чем свидетельствуют сами дела. И что говорю: *(достигохом) до вас?* Имею надежду, что с возрастанием веры вашей, – не прямо утверждает, но, следуя своему обыкновению, говорит: надеюсь, что, когда вы возрастете в вере, – удел наш и далее распространится и будем проповедовать Евангелие дальним. Мы пойдем и далее, говорит он, чтобы проповедовать и потрудиться, а не тщеславиться тем, над чем трудились другие. Прилично назвал он труд свой правилом (уделом) и мерой, как вступивший в обладание вселенной и получивший прекрасное наследие, показывая тем, что все это есть дело Божие. Итак, говорит, имея таковые дела и ожидая еще больших, мы не тщеславимся, подобно тем, которые ничего не имеют, и ничего не приписываем себе, но все (приписываем) Богу. Поэтому и присовокупляет: *хваляйся же, о Господе да хвалится* (ст. 17). И то (чтобы хвалиться), говорит он, дается нам от Бога. *Не хваляй бо себе, сей искусен, но егоже Господь восхваляет* (ст. 18). Не сказал: мы (достойны похвалы), но – *егоже Господь восхваляет.* Видишь ли, с каким смирением говорит он? А если далее он начинает говорить о себе возвышеннее, – не удивляйся. И в этом видно благоразумие Павлово. Если

бы он всегда стал говорить о себе со смирением, то так не устрашил бы их и не освободил бы учеников своих от заблуждения. Бывает, что и тот, кто не вовремя скромен, причиняет вред; и напротив, тот, кто вовремя говорит о себе нечто удивительное, приносит пользу. Так поступал и он. Действительно, опасность была немалая, если бы ученики поверили какому-нибудь дурному слуху о Павле. И не потому это, чтобы Павел искал славы человеческой; если бы он ее искал, то не стал бы молчать столь долгое время о великих и дивных событиях, случившихся с ним за четырнадцать лет; равно как не стал бы так медлить и неохотно говорить об этом, когда была даже нужда. Очевидно, что и тогда он не сказал бы этого, если бы не видел крайней нужды.

Итак, не славы человеческой искал он, когда говорил это, но заботился об учениках. Так как на него клеветали, что он самохвал, величается только на словах, а делами ничего не может доказать, то он находит необходимым наконец сказать о бывших ему откровениях. Хотя он мог бы убедить их и самими делами, когда говорил это, однако ограничивается одними словесными угрозами, так как он особенно был чужд тщеславия, что показывает вся его жизнь, и прежняя и последующая. Потому-то он так внезапно и обратился к вере во Христа, и своим обращением изумил иудеев, и презрел все почести, какими пользовался у них, хотя был главой и представителем их. Но ни о чем этом он не подумал, как скоро нашел истину, а (всю славу) променял на обиды и бесчестие от них. Он имел в виду спасение многих (людей), и предпочитал это всему. Да и мог ли гоняться за славой человеческой тот, кто и геенну, и царство, и бесчисленные миры считал ни за что в сравнении с любовью ко Христу? Без сомнения, не мог. Напротив, он весьма смиренен, когда только можно; и сам выставляет напоказ прежнюю свою жизнь, называя себя хулителем, гонителем и обидчиком (1 Тим. I, 13). Ученик его Лука многое нам повествует, очевидно, узнав от него самого, рассказывавшего о прежней своей жизни не меньше, чем и о последующей.

3. Говорю же это не для того только, чтобы слышали, но и чтобы назидались. Если Павел помнил грехи свои, сделанные до крещения, хотя они и совершенно были изглаждены,

то какое можем получить прощение мы, которые не помним грехов, и по крещении сделанных? Что ты говоришь, человек? Ты оскорбил Бога и забываешь это? Это новое оскорбление, новая вражда! В каких же грехах просишь себе прощения? В тех ли, которых не знаешь и сам? Истинно так. Ты конечно не заботишься и не помышляешь о том, как дать отчет в грехах, когда не стараешься даже и помнить о них, но шутишь тем, над чем не должно шутить. Но придет время, когда не пойдут уже нам на мысль шутки. Ведь нам непременно должно умереть (в виду крайней бесчувственности многих приходится говорить и об известном), непременно должно и воскреснуть, непременно должно и на суд предстать, должно и мучению подвергнуться. Впрочем, последнее не непременно, если захотим. В первом, то есть в смерти нашей, в воскресении и в суде, властны не мы, но Владыка наш; а чтобы подвергнуться наказанию или нет, зависит от нас, потому что это принадлежит к области возможного. Если захотим, сделаем и невозможным, как сделали Павел, Петр и все святые, поскольку им невозможно уже подвергнуться мучению. Так вот, если захотим, и нам равным образом невозможно будет пострадать что-нибудь. Хотя бы мы обременены были бесчисленными грехами, можно еще исправиться, пока живем здесь. Итак, постараемся исправить себя. И кто достиг старости, пусть представляет себе, что скоро переселится отсюда, и что довольно уже насладился приятностями жизни (хотя какое удовольствие проводить жизнь в грехе? но я говорю так, сообразуясь с его образом мыслей), пусть затем помыслит, что и в короткое время можно ему омыть все свои скверны. Пусть и юноша опять представит себе неизвестность смертного часа, и что, когда часто многие из старцев пребывают еще здесь, юноши прежде их похищаются смертью. Чтобы мы не злоупотребляли временем нашей кончины, оно оставлено для нас неизвестным. Потому и один премудрый в увещание наше говорит: *не медли, обратитися ко Господу, и не отлагай день от дне* (Сир. V, 8): *не веси бо что породит находяй день* (Притч. III, 28; XXVII, 1). Отлагательство производит опасение и страх; а немедленное обращение (к Богу) верное и надежное спасение. Итак, держись добродетели; в таком случае, хотя бы ты в юности

переселился отсюда, переселишься безопасно; хотя бы достиг старости, переселишься обогащенный и во всю жизнь будешь иметь сугубый праздник и как воздержавшийся от порока, и как возлюбивший добродетель. Не говори: будет еще время, когда должно обратиться; такие слова весьма прогневляют Бога. Почему? Потому что Он обещал тебе бесконечные века, а ты не хочешь потрудиться и в продолжение настоящей жизни, краткой и скоропреходящей, и оказываешься так нерадив и малодушен, что ищешь даже этой кратчайшей жизни. Не те же ли самые у тебя ежедневно пиршества? Не те же ли столы? Не те же ли блудницы? Не те же ли зрелища? Не те же ли деньги? Долго ли будешь любить это, как нечто вечное? Долго ли будешь иметь ненасытную похоть ко греху? Помысли, что сколько раз ты соблудил, столько же раз осудил сам себя, потому что таково именно свойство греха: едва он совершен, как судья произносит уже приговор. Ты упивался, предавался пресыщению, похищал чужое? Остановись же наконец, обратись на противный путь, воздай благодарение Богу, что не восхитил тебя из среды живых при самом совершении грехов, и не желай, чтобы дано было тебе еще время делать зло. Многие лишились жизни в то самое время, как предавались корыстолюбию, и отошли на явное мучение. Бойся, чтобы и тебе не подвергнуться тому же без всякой надежды на оправдание. Но многим, скажешь, Бог дал время и в самой глубокой старости раскаяться. Что же? Разве и тебе даст? Может быть, даст, говоришь ты. Что за слова: может быть, когда-то, часто? Подумай только, что дело идет о душе твоей; представь же себе и противное, размысли и скажи: а что, если не даст? Но ты опять говоришь: а что, если даст? Положим, что и дал бы (Бог); но немедленное обращение и безопаснее и полезнее позднего. В самом деле, если ты уже начал его, то во всяком случае для тебя это полезно, получишь ли или не получишь отсрочку. Если же ты всегда откладываешь, то, может быть, за это самое не получишь (отсрочки). Отправляясь на войну, ты не говоришь: не нужно давать духовного завещания, может быть, возвращусь; собираясь жениться, не говоришь: возьму жену бедную, многие несмотря и на это, сверх чаяния сделались богатыми; наме-

реваясь строить дом, не говоришь: построю на гнилом основании, — многие дома стояли и так. А когда идет дело о душе, утверждаешься на чем-то гнилом: на «может быть», «часто», «когда-то», и вверяешь себя неизвестному. Не неизвестному, скажешь ты, но Божию человеколюбию, потому что Бог человеколюбив. Знаю это и я; но и при человеколюбии Своем Он изъял (из среды живых) тех, о ком я сказал. А что, если ты, и долго прожив, останешься таким же? Ведь кто беспечен теперь, тот и в старости будет таков же. Нет, говоришь ты. Но рассуждающий так, прожив до восьмидесяти лет, отложит до девяноста, а прожив до девяноста, отложит до ста, а после ста лет будет еще беспечнее. И таким образом вся жизнь твоя истрачена будет попусту, и на тебе исполнится то, что сказано было об иудеях: *исчезоша в суете дние их* (Пс. LXXVII, 33). И хорошо еще, если только в суете, а не во зле. Если же отойдем туда с тяжким бременем грехов (а это и значит — во зле), то доставим пищу огню и обильную трапезу червю. Поэтому прошу и молю вас — стать наконец, мужественно и отстать от греха, чтобы получить нам обетованные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIII

О да бысте мало потерпели безумию моему, но и потерпите мя (2 Кор. XI, 1)

1. Намереваясь говорить в похвалу себе, (апостол) употребляет много оговорок. И не раз или два оговаривается, хотя достаточно оправдывали его как самая необходимость дела, так и то, что многократно говорил он прежде. В самом деле, и то, что он поминал о своих грехах, которых не помянул Бог, и то, что называл себя за них недостойным даже наименования апостольского, — и для самых нечувствительных делало очевидным, что он не для прославления своего будет говорить то, что намерен теперь сказать. Похвала себе самому, хотя и странно сказать, всего более повредила бы его славе, притом она оскорбительна для многих. И, однако, он

не посмотрел ни на что, но имел в виду только одно — спасение слушателей. Итак, чтобы, восхваляя себя, не соблазнить тем нерассудительных, он часто употреблял множество таких оговорок и здесь говорит: *о да бысте мало потерпели* меня безрассудствующего, *но и потерпите.* Видишь ли благоразумие его? Сказать — *о да бысте* — значит предоставит дело на их волю; а сказать утвердительно *(потерпите)* свойственно твердо надеющемуся на их любовь и показывает уже, что он любит их и ими взаимно любим. И не просто по обыкновенной какой-нибудь любви, но по любви самой пламенной и неудержимой говорит, что они должны потерпеть даже и его безрассудствующего. Поэтому и присовокупил: *ревную бо по вас Божиею ревностию* (ст. 2). Не сказал: люблю вас, но употребил гораздо сильнейшее (выражение). Ревнивы те души, которые сильно пламенеют к любимым ими; и ревность может рождаться не иначе, как от сильной любви. Притом, чтобы не подумали, что он ищет их любви для власти, или чести, или денег, или чего-нибудь подобного, присовокупил: *Божиею ревностию.* И Богу приписывается ревность не для того, чтобы ты представляла в Боге какую-нибудь страсть (Божество бесстрастно); но чтобы все знали, что Бог все делает не ради чего-либо другого, а ради тех самих, о ком ревнует, и не для того, чтобы получить самому какую-нибудь прибыль, а чтобы их спасти. Не такова ревность человеческая; она имеет целью собственное успокоение, не то, чтобы не были оскорблены любимые, но чтобы любящие не потерпели чего, и не потеряли уважения, или не унизились в глазах любимых. Здесь же иначе. Я не о том забочусь, говорит (апостол), чтобы мне не унизиться в вашем мнении, но о том, чтобы не увидеть вас растленными (от лжеучителей). Такова ревность Божия, такова и моя ревность, — она сильна и вместе чиста. Затем следует и необходимая тому причина: *обручих бо вас единому мужу деву чисту.* Поэтому ревную не для себя, но для Того, кому обручил вас. Настоящее время есть время обручения, а время брачных чертогов другое, то есть когда скажут: восстал жених. Какая новость! В мире девы обыкновенно бывают только до брака, а после брака они уже не девы. А здесь не так. Хотя бы до брака и не были девами, но после брака делаются девами. Таким образом, вся Церковь есть дева,

потому что (апостол) говорит это ко всем – и к женатым, и к замужним. Посмотрим же, что принес он, когда обручил нас, какие дары? Не золото или серебро, но царство небесное. Потому и сказал: *по Христе посольствуем* (2 Кор. V, 20). И он молит, когда хочет взять невесту. Образом этого служило то, что было с Авраамом. И тот также посылал верного раба для обручения языческой девы. И здесь Бог послал слуг Своих, чтобы они обручили Сыну Его церковь, а прежде посылал пророков, которые говорили: *слыши, дщи, и виждь, и забуди люди твоя и дом отца твоего, и возжелает царь доброты твоея* (Пс. XLIV, 11, 12). Видишь ли пророка обручающего? Видишь ли и апостола, с великим дерзновением повторяющего то же и говорящего: *обучих вас единому мужу деву чисту представити Христови?* Замечаешь ли опять благоразумие (апостола)? Сказав: вы должны снизойти ко мне, не прибавил: потому что я ваш учитель или ради себя говорю; но употребил выражение, которое делало им особенную честь, представил себя в виде невестоводителя, а их в виде невесты. И потом говорит: *боюся же, да не како, якоже змий Еву прельсти лукавством своим, тако истлеют разумы ваши от простоты, яже о Христе* (ст. 3). Хотя погибель угрожает вам собственно, но скорбь общая. Смотри и здесь какое, благоразумие! Он не сказал этого открыто, хотя они уже действительно были растленны, как можно видеть из слов: *егда исполнится ваше послушание,* также: *восплачуся многих прежде согрешших* (X, 6; XII, 21); между тем не попускает им оставаться и в ожесточении. Потому и говорит: *да не како.* И не осуждает, и не умалчивает, поскольку и то и другое – и явно сказать, и совсем скрыть – равно небезопасно. Потому он и соблюдает середину, говоря: *да не како.* Так именно свойственно говорить тому, кто ни слишком осуждает, ни слишком доверяет, но держится середины между тем и другим. Этими словами, таким образом, он успокаивал их; историческим же напоминанием (об Еве) приводил их в несказанный страх и отнимал у них всякий повод к извинению. Ведь хотя и змий был злобен, и Ева несмысленна, однако ничто не спасло жену (от обвинения).

2. Итак, смотрите, говорит (апостол), не подвергнитесь и вы тому же: тогда ничто не защитит вас. И змий тем и

обманул, что обещал много. Отсюда видно, что и лжеучители, хвалясь и надмеваясь, обольщали (коринфян). Об этом же можно заключать не только отсюда, но и из дальнейших слов: *аще бо грядый инаго Иисуса проповедает, егоже не проповедахом, или духа инаго приемлете, егоже не приясте, или благовествование ино, еже не приясте, добре бысте потерпели.* Не говорит: чтобы вам не прельститься, как Адам; но показывает, что они, как женщины, подверглись обольщению, потому что женщинам свойственно обольщаться. И не сказал: так и вы обольщены; но, продолжая иносказательную речь, говорит: *да не како истлеют разумы ваши от простоты, яже о Христе.* От простоты, говорю, а не от лукавства; не от злонамеренности, не от неверия вашего, но от простоты. Впрочем, и в этом случае не заслуживают извинения обольщаемые, как показал пример Евы. Если же это (обольщение) не заслуживает извинения, то тем более – кто впадает в обольщение по тщеславию. *Аще бо грядый инаго Христа проповедает, егоже не проповедохом.* Отсюда видно, что коринфяне не сами были причиной своего растления, но что посторонние обольстили их. Поэтому и говорят: *грядый. Аще духа инаго приемлете, или благовествование ино, еже не приясте, добре бысте потерпели.* Что ты говоришь? Галатам сказал: *аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет* (I, 9); а теперь говорит: *добре бысте потерпели?* Именно по этому-то самому и надлежало бы не терпеть, а бежать. Если бы они говорили то же (что и ты), надлежало бы потерпеть. Как же ты говоришь: когда говорят то же, не должно терпеть? А если бы говорили иное, должно было бы терпеть? Вникнем (в слова апостола). Перед нами великая опасность и глубокая пропасть: если оставим без исследования, то сказанное выше откроет вход всем ересям. Итак, какая же, мысль заключается в этих словах? Лжеучители хвалились, что апостолы учат несовершенно, а они, напротив, привносят нечто большее. Вероятно они, пустословя о многом, внесли в догматы (веры) бессмысленные добавления. Потому-то (апостол) упомянул и о змие, и об Еве, обольщенной чаянием большего. На это намекал он и в первом послании, говоря: *се обогатистеся, без нас воцаристеся* (IV, 8), и еще: *мы, буи Христа ради, вы же мудри о Христе* (IV, 10). И так как они, пользуясь внешней мудростью, ве-

роятно, много пустословили, то (апостол) и говорит: если бы они сказали что-нибудь лишнее и проповедовали другого Христа, которого не должно проповедовать, а мы умолчали бы, *добре бысте потерпели*. С этим намерением он и присовокупил: *егоже не проповедахом*. А если у них те же основания веры, то какое преимущество? Сколько бы они ни говорили, не скажут больше того, что мы уже сказали. И смотри, с какой точностью говорит об этом. Не сказал: если бы пришедший стал говорить нечто большее, нежели мы — потому что (лжеучители) говорили нечто большее, с большей властью и с большей красотой в словах. Поэтому и не сказал так, а что (говорит)? *Грядый инаго Иисуса проповедает*, — для чего не было нужды в красивом наборе слов, — *или духа инаго приемлете* — то есть обогащает вас большими дарами благодати, для чего также не было нужды в красивых словах, *или благовествование ино, еже не приясте*, — что точно так же не требовало изящества слова, — *добре бысте потерпели*. Смотри же, какое строгое наблюдается везде разграничение, из которого ясно видно, что они ничего лишнего и большего (перед апостолами) не сказали. Сказав: *аще грядый инаго Иисуса проповедает*, прибавил: *его же не проповедахом;* и к словам: *или инаго духа приемлете*, присовокупил: *егоже не приясте*, также сказав: *или благовествование ино*, присоединил: *еже не приясте*. А всем тем показывает, что должно смотреть не просто на то, сказали ли они что-нибудь большее, но на то, сказали ли они что-нибудь большее, что надлежало сказать, а нами было опущено. Если же они говорили, о чем не надлежало говорить, о чем потому и мы не сказали, то для чего и слушаете их?

3. Но скажешь: если они говорят то же самое, почему запрещаешь им говорить? Потому что, прикрываясь лицемерием, они вводят другое учение. Впрочем, этого он пока еще не говорит, а высказывает впоследствии, когда говорит, что они преобразуются в апостолов Христовых (ст. 13). Теперь же употребляет легчайшие способы, чтобы ослабить в учениках уважение к ним, — и делает это не по зависти к ним, но для безопасности учеников. Иначе почему он не запрещает Аполлосу, мужу красноречивому и сведущему в Писании, а, напротив, даже просит и сам обещает

прислать его? Конечно, потому, что (Аполлос) при своих познаниях сохранял и правоту догматов; а те (коринфские учителя) напротив. Потому (апостол) и вооружается против них, и порицает учеников за то, что они с удивлением слушают их, говоря: если мы опустили что-нибудь, о чем бы надлежало сказать, а они это дополнили, то не препятствуем вам слушать их; если же все нами сделано и ничего не опущено, то что вас влечет к ним? Поэтому и говорит далее: *непщую бо ничимже лишитися предних апостол* (ст. 5), сравнивая себя не с ними (коринфскими учителями), но с Петром и другими (апостолами). Таким образом, если (говорит) больше меня знают, то больше и их (высших апостолов). Смотри, какая и здесь скромность. Не сказал: апостолы не больше сказали, чем я, – но как? *Непщую,* то есть я так думаю, что я ни в чем не отстал от высших апостолов. Так как, вероятно, в унижение (Павлу) обращали и то, что предшествовавшие ему по времени (апостолы) имели перед ним более громкое имя и большую славу, и (коринфские лжеучители) вздумали равнять себя с ними, то и сравнивает себя (с апостолами) приличным ему образом; потому и отзывается о них с похвалой, не просто называя апостолами, но *предними,* имея в виду Петра, Иакова и Иоанна. *Аще* же *и невежда словом, но не разумом* (ст. 6). Так как развратители коринфян гордились тем, что они не неученые люди, то он упоминает и об этом, показывая, что он не только не стыдится своей неучености, но еще и хвалится ею. Не сказал, однако: если я невежда словом, то и другие (апостолы) также, потому что это показалось бы порицанием апостолам и похвалой лжеучителям. Напротив, он уничтожает самое преимущество, – то есть внешнюю мудрость. Точно также и в первом послании он сильно нападает на нее, говоря, что она не только не содействует (евангельской) проповеди, но еще и помрачает славу креста. *Приидохом,* говорит он, *не по превосходному словеси, или премудрости,* к вам, *да не испразднится крест Христов,* и многое другое тому подобное (1 Кор. II, 1 и I, 17), чем показывается, что (лжеучители) были невежды познанием и что это есть крайняя степень невежества.

Итак, когда надлежало сравнивать в важном, он сравнивает себя с апостолами; а когда (нужно было) показать, что

недостаток есть только мнимый, – не делает сравнения, но обращает внимание на само дело и показывает его превосходство. И когда не было никакой нужды хвалить себя, он называет себя меньшим из апостолов, и даже недостойным имени (апостольского) (1 Кор. V, 9); а здесь, когда потребовали обстоятельства, говорит, что он ничем не меньше высших апостолов, – потому что знал, что это особенно будет полезно для учеников. Потому и далее говорит: *не во всем явленны есмы, во всех к вам.* И здесь опять обличает лжеапостолов, что они действуют лукаво. Но о себе и прежде говорил то же, что он не лицемерил, без обмана и бескорыстно проповедовал слово (Божие). Лжеапостолы иными были, на самом деле, и иными показывали себя; но он не таков. Потому и хвалится везде, что ничего не делает для славы человеческой и не скрывает дел своих. Так и прежде говорил: *явлением истины представляюще себе во всякой совести человечестей* (2 Кор. IV, 2), и теперь говорит: *во всем явленны есмы к вам.* Что же это значит? Мы невежды, говорит он, и не скрываем этого; берем у некоторых и не умалчиваем об этом. Так и от вас пользуемся и не притворяемся, что ничем не пользуемся, как делают эти пользующиеся от вас; напротив, мы все открыто делаем перед вами. А так мог говорить только вполне полагающийся на них (коринфян) и во всех словах соблюдающий правду. Потому и ссылается на них, как на свидетелей – и теперь, когда говорит: *во всем к вам,* и прежде, когда говорил: *не иная бо пишем к вам, но яже чтете и разумеваете* (2 Кор. I, 13). Защитив себя таким образом, (апостол) далее начинает уже говорить гораздо сильнее: *или грех сотворих себе смиряя, да вы вознесетеся* (ст. 7)? И, объясняя это, продолжает: *от иных церквей уях, прием оброк, к вашему служению* (ст. 8). Смысл этих слов таков: я жил у вас в крайней нищете: это именно значит – *себе смиряя.* Итак, это ли ставите мне в вину? И потому ли превозноситесь предо мной, что я смирял себя у вас, просил милостыню, терпел тесноту и голод, чтобы вас возвысить? Как же они возвышались, когда он был в крайности? Так, что они более получали назидания, а не повода к соблазну. Между тем особенно могло служить к их обвинению и к обличению их слабости то, что (апостол) не мог иначе вести их (к совершенству), как смирившись

прежде сам. Итак, в том ли обвиняете меня, что я смирил себя? Но через это вы возвысились. Так как он и прежде говорил, что на него клеветали, будто при личном свидании он смиренен, а в отсутствии смел, то теперь, защищая себя, опять поражает их, говоря: это я сделал для вас: *от иных церквей уях*. Отсюда начинаются уже упреки; впрочем, сказанное прежде делает их сносными. Он сказал: *потерпите мало безумию моему*. И прежде других своих заслуг, во-первых, хвалится этим (презрением земных благ). Мирские люди больше всего ищут этого; этим хвалились и противники (Павловы). Поэтому он и начинает свою речь не с опасностей, равно и не с чудес, а с презрения земных благ, так как этим особенно гордились (лжеучителя); а вместе с тем неприметно обличает их и в любостяжании.

4. Но достойно удивления то, что (апостол), хотя мог сказать, что собственными руками снискивал себе пропитание, не сказал этого, а говорит то, что особенно стыдило их (коринфян) и даже ему не служило к похвале, именно, что он получал от других. И не сказал: я получал, но — *уях*, то есть взял последнее и сделал их бедными. И что еще важнее, брал не для избытка, но для удовлетворения необходимых потребностей. Под словом — оброк разумеет именно необходимое к пропитанию. И самое важное — *к вашему служению*, то есть мы вам проповедовали, и когда от вас должно было получать пропитание, я получал его от других. Обвинение двойное, или даже тройное, поскольку и находясь у них, и служа им, и имея нужду в необходимом содержании, получал его, однако, от других. Эти другие таким образом имели великое преимущество перед ними. Они оставались беззаботными, а те показали ревностную заботу, издалека посылали ему, тогда как они не могли пропитать его, когда он и у них находился. Но таким образом строго их укорив, (апостол) опять неприметно смягчает укоризну и говорит: *пришед к вам, и в скудости быв, не стужих ни единому*. Не сказал: вы не давали мне, но: я не брал. Он еще щадит их. Однако и при самом смягчении речи своей опять неприметно поражает их. Слова *пришед* и: *в скудости быв* — весьма выразительны. Чтобы они не сказали: что нам было делать, когда ты имел у себя? — он присовокупил: *и в скудости быв, не стужих* вам.

Здесь опять слегка укоряет их в том, что они медленно и как бы неохотно, делали такие пособия. Вслед за тем показывает и саму причину, весьма для них укоризненную и вместе побуждающую их к соревнованию. Потому и представил эту причину не прямо, но как бы объясняя, откуда и от кого он получал пропитание, чтобы, не вызывая в них никакого подозрения, опять побудить их к милостыне. *Скудость бо мою,* говорит, *исполниша братия, пришедшие от Македонии* (ст. 9). Видишь, какой чувствительный удар опять наносит им, представив тех, которые послужили ему? Сперва он возбудил (в коринфянах) желание узнать, кто такие были они, сказав – *от иных церквей уях,* потом уже и называет их. А это побуждало их к тому, чтобы подавать милостыню. Унизивших себя тем, что не пропитали апостола, он убеждает по крайней мере не унижать себя в оказании вспомоществования бедным. Об этом писал он и к самим македонянам, говоря: в нуждах моих *посласте ми и единою и дващи, и в начале благовествования* (Флп. IV, 16, 15), что и послужило им в величайшую похвалу, потому что в самом начале так отличились. Но заметь, что (апостол) везде выставляет свою нужду, и нигде не говорит об изобилии. Словами: *пришед* и: *в скудости быв* – он показал, что пропитание надлежало ему получить от коринфян; а словами: *скудость мою исполниша* – показывает, что он этого и не требовал, объясняя вместе и причину тому, хотя не настоящую. Какую же? Ту, что от других получил. *Скудость бо мою,* говорит, *исполниша пришедшие.* Потому, говорит, *не стужих,* а не потому, чтобы не надеялся на вас. А в самом деле поступил так по последней причине, что и показывает далее, хотя говорит об этом не прямо, но прикровенно, предоставляя (догадываться) совести слушателей и незаметно указывая на то следующими словами; *и во всем без стужения себе соблюдох и соблюду.* Не думайте, чтобы я говорил это с намерением получить что-нибудь от вас. Слово же – *соблюду* еще сильнее указывает на то, что он не только теперь не надеется на них, но и раз навсегда отказался взять что-нибудь у них. Вместе с тем показывает и то, что они считали для себя тягостным помогать ему, почему и сказал: *без стужения соблюдох и соблюду.* Подобно этому говорит он и в первом послании: *не писах, да тако будет о мне: добрее бо мне*

умрети, нежели похвалу мою кто да испразднит (IX, 15). И здесь опять: *без стужения вам себе соблюдох и соблюду.* Потом, чтобы они не подумали, что говорит это для снискания себе большей от них благосклонности, присовокупляет: *есть истина Христова во мне* (ст. 10). Не подумайте, чтобы я говорил это с намерением получить или более привлечь вас к себе. *Есть,* говорит, *истина Христова во мне, яко похваление* мое *сие не заградится в странах Ахайских.* Чтобы опять кто-нибудь не подумал, что он печалится об этом или говорит так в гневе, он называет поступок свой похвалой. Подобно этому и в первом послании: и там не в оскорбление им говорит: *кая убо ми есть мзда? Да благовествуяй без мзды положу благовестие Христово* (IX, 18). И как в первом послании называет это наградой, так здесь похвалой, чтобы не слишком пристыдить их словами своими, как будто они не доставляли (ему пропитания), хотя он и просил. Что ж, говорит, и вы готовы бы дать; но я не беру. Слово – *не заградится* употреблено в переносном значении: оно взято с (преграждаемой) реки, и означает, что слава о нем, что он не берет, разливается всюду (как река). Вы не заградите подаянием своим моей свободы. Не сказал, однако: вы не заградите, что было бы более тяжко для них, но: *не заградится в странах Ахайских.* И это опять могло их страшно поразить и весьма достаточно было для того, чтобы повергнуть их в уныние и опечалить, – то есть что одних только их он отвергает. В самом деле, если он хвалится этим, то ему везде бы надлежало хвалиться; а если у вас одних хвалится, то, быть может, по вашей немощи. Итак, чтобы они от такой мысли не впали в уныние, смотри, как он смягчает сказанное. *Почто? Зане не люблю ли вас? Бог весть* (ст. 11). Скоро и легко дал решение. Впрочем, и тем не освободил их от вины. Не сказал: вы не слабы, вы сильны; но – люблю вас; а это больше всего увеличивало их вину. От великой любви его к ним происходило то, что он ничего не брал у них, потому что они очень обижались этим.

5. Так он по одной и той же любви совершал противоположные дела, – то есть и принимал, и не принимал, а эта противоположность зависела от различного расположения дающих. И не сказал: из-за того не беру, что очень люблю

вас, потому что этим обвинил бы их в слабости и поверг бы в сомнение, но представил другую причину. Какую же? *Да отсеку вину хотящим вины, да о немже хвалятся обрящутся, якоже и мы* (ст. 12). Так как (лжеапостолы) о том только заботились, чтобы найти какой-нибудь предлог, то надлежало и его отнять. А они хвалились только этим (бескорыстием). Итак, чтобы им нечем было хвалиться, апостолу надлежало на деле доказать то же (свое бескорыстие), так как во всем прочем они были ниже. А к назиданию мирских людей, как я говорил уже, ничто так не служит, как то, чтобы ничего не брать у них. Потому и лукавый диавол бросил им эту именно приманку, желая причинить им зло в другом. Впрочем мне кажется, что и это (в лжеапостолах) было делом лицемерия. Поэтому (апостол) и не сказал: чем они отличались; но что говорит? *О немже хвалятся.* Этими словами он осмеивал их тщеславие, потому что они лишь хвалились, а на деле не были такими. Благородно мыслящему человеку не должно хвалиться не только тем, чего не имеет, но и тем, что имеет. Так поступал и этот блаженный (апостол); так – и патриарх Аврам, который говорит: *аз же есмь земля и пепел* (Быт. XVIII, 27). Так как он не имел грехов, о которых бы мог сказать, а сиял добродетелями, то, рассмотрев все и не найдя никакого важного предлога к обличению самого себя, обратился к своей природе. И так как слово – *земля* в некотором отношении еще почтенно, то и присовокупил слово – *пепел.* Потому же и другой некто сказал: *почто гордится земля и пепел* (Сир. X, 9)? Не говори мне ни о цвете лица, ни о вытянутой шее, ни об одежде, ни о коне, ни о свите, но размысли и скажи: чем все это оканчивается? Если ты указываешь на внешнюю видимость, то я покажу тебе то же на картинах, и еще в гораздо более блистательном виде. Но как мы не удивляемся изображенному (на картинах), зная, что все это в существе своем грязь, так нет причины и этому удивляться. Поистине, и это грязь, – и даже прежде, чем разрушится и обратится в пыль. Покажи мне эту вытянутую (шею), когда человек страдает горячкой и находится при последнем издыхании; тогда я побеседую с тобой и спрошу: что сталось с этой великой красотой, куда девалось множество льстецов и услужливых рабов, обилие богатства и стяжаний? Какой

ветер нашел и развеял все это? Но скажешь, что он, и лежа на одре, имеет при себе знаки богатства и знатности, облечен в великолепные одежды, окружен бедными и богатыми и прославляется народом. Но ведь и это один только смех; кроме того все это тотчас, подобно цвету, опадет и развеется. Лишь только мы выйдем за ворота города и, предав тело червям, возвратимся, куда, спрошу опять тебя, идет эта многочисленная толпа? Где прежний вопль и шум? Где светильники? Где лики женщин? Не сновидение ли все это? Что значили эти вопли? Где те бесчисленные голоса, которые кричали и убеждали (умершего) не страшиться, потому что смерти нет? Не теперь надлежало говорить ему об этом, не теперь, когда уже не слышит, но в то время, когда похищал, предавался любостяжательности, — тогда надлежало бы говорить ему, немного изменив слова: не надобно слишком надеяться, никто не бессмертен на земле, удержись от своего безумия, угаси похоть, не надейся на неправедное (стяжание). Теперь говорить ему о том свойственно не доброжелателю, а насмешнику, потому что этим заставишь его не надеяться, а страшиться и трепетать. Но если бесполезно это для сошедшего уже с поприща, то, по крайней мере, пусть услышат те из богатых, которые больны той же болезнью и сопровождают гроб. Они, будучи упоены богатством, ничего такого не представляли себе прежде, но в настоящее время, когда самый вид лежащего перед ними уверяет их в истине наших слов, пусть образумятся и научатся, что через несколько времени и они будут отведены к страшному отчету, чтобы принять наказание за все, что они похищали и неправедно приобретали. Но какое, скажешь, отношение имеет это к бедным? Для многих весьма приятно и то, когда они видят притеснителя наказанным. Но нам, скажешь, это неприятно, а (приятно) самим не потерпеть зла? Весьма хвалю и одобряю вас, что не радуетесь несчастьям других, а заботитесь о собственной безопасности. Хорошо, — я обещаю вам и безопасность. Когда мы терпим оскорбление от людей, — этим уменьшаем немалую часть нашего долга, если только переносим великодушно. Итак, в этом случае мы не терпим никакой обиды. Бог вменяет нам терпение скорбей в уплату долга не потому, что-

бы так и надлежало, но по Своему милосердие. Поэтому Он и в древности не (всегда) мстил за терпевших зло. Скажешь: откуда это известно? Страдали некогда иудеи от вавилонян, и Бог не препятствовал этому; напротив, отводимы были в плен и дети и женщины. Но впоследствии это пленение, по мере страдания за грехи, служило иудеям в утешение. Поэтому Бог говорил Исаии: *утешайте, утешайте люди моя, священницы: глаголите в сердце Иерусалиму, яко прият от руки Господни сугубы грехи своя* (XL, 1, 2); И еще: *даждь нам мир, вся бо воздал еси нам* (XXVI, 12). И Давид говорит: *виждь враги моя, яко умножишася, и остави вся грехи моя* (Пс. XXIV, 19, 18). И когда Семей проклинал его, он терпел, говоря: оставь его, чтобы видел Господь смирение мое и воздал мне за этот день (2 Цар. XVI, 12). Когда (Господь) не мстит за причиняемые нам обиды, тогда-то мы особенно и получаем пользу, потому что Он вменяет нам это в заслугу, если переносим с благодарностью.

6. Поэтому, когда видишь, что богатый грабит бедного, оставь терпящего обиду, а плачь о грабителе. Первый очищается от скверны, а второй еще более оскверняется. Так случилось и с отроком Елисея за Неемана. Хотя он и не похитил, но взять обманом — была та же обида. Что же случилось? Вместе с неправдой он получил и проказу. Обиженный получил пользу, а обидевший потерпел величайший вред. То же и ныне бывает с душой. И терпение обид имеет такую силу, что часто оно одно умилостивляло Бога. Хотя бы терпящий неправду и недостоин был помощи (Божией), но если он чрезмерно страдает, то это одно преклоняет Бога к прощению его и к наказанию обидевшего. Вот почему и язычникам некогда говорил Бог: Я предал их за немногое, *они же налегоша в злая* (Зах. I, 15), и за это потерпят величайшие бедствия. Ничто, ничто не прогневляет так Бога, как грабительство, насилие и лихоимство. Почему же? Потому что очень легко удержаться от этого греха. Он происходит не от естественной нудящей похоти, но от беспечности.

Как же апостол называет этот грех корнем зол? И я утверждаю то же. Но этот корень от нас, а не от свойства вещей. Если угодно, сделаем сравнение и посмотрим, какая похоть более насильственна, — похоть ли сребролюбия или

плотская? Которая из них окажется настолько сильной, что может побеждать великих людей, та и будет тяжелее. Итак, посмотрим, кого из великих людей одержала похоть сребролюбия? Никого, а только людей ничтожных и отверженных, – Гиезия, Ахава, Иуду и священников иудейских. Между тем похоть плотская победила и великого пророка Давида. Говорю это не с тем, чтобы извинять плененных плотской похотью; напротив, чтобы еще более побудить их к бдительности. Когда я доказываю, как сильна эта страсть, то вместе с тем показываю, что они особенно не будут иметь никакого извинения. В самом деле, если бы ты не знал этого зверя, то ты мог бы прибегнуть (к извинению этим незнанием). Теперь же, когда знаешь и попадаешься ему, не можешь уже иметь никакого извинения. После Давида, и сыном его еще более овладела (та же страсть). И хотя не было человека мудрее его, хотя он имел все другие добродетели, однако он так жестоко был пленен этой страстью, что получил даже смертельную рану. Отец его восстал, опять одержал победу и снова получил венец; а этот не показал ничего подобного. Потому и Павел говорит: *лучше есть женитися, нежели разжизатися* (1 Кор. VII, 9). И Христос сказал: *могий вместити да вместит* (Мф. XIX, 12). О богатстве же не так сказал, но: *кто оставит имение свое, сторицею приимет* (Мф. XIX, 29). Как же, спросишь, сказано о богатых, что они с трудом достигнут царства небесного (Мф. XIX, 23)? Этими словами Христос опять указывает на их малодушие, не на тиранию сребролюбия, но на чрезмерное их раболепство. Это видно и из советов Павла. От страсти к богатству он отвлекает, говоря: *а хотящии богатитися впадают в напасти* (1 Тим. VI, 9); в отношении же к плотской похоти этого не делает, но, разлучив только на время, и то по согласию, советует опять сходиться. Он опасался, чтобы волны похоти не произвели ужасного кораблекрушения (1 Кор. VII, 5). Эта страсть сильнее даже гнева. Гневаться невозможно, когда никто не раздражает. А плотская похоть нудит, хотя бы и лица, возбуждающего ее, не было в виду. Вот почему и гнев не вовсе запретил (Христос), а только гнев *всуе* (Мф. V, 22); равно и не саму плотскую похоть отверг (апостол), а только похоть незаконную. По причине похоти, говорит он, *кийж-*

до свою жену да имать (1 Кор. VII, 2). Напротив, собирать сокровища не позволено ни напрасно, ни не напрасно. Те страсти привиты к нам по нужде. Похоть плотская для чадорождения, а гнев для оказания помощи терпящим обиды. Но страсть сребролюбия ни к чему не годна, потому она и не врожденна. Поэтому, если ты будешь пленен ею, тем бесславнее это для тебя. Вот почему Павел, дозволяя второй брак, требует строгой точности в удалении от сребролюбия, говоря: *почто не паче обидими есте? почто не паче лишени бываете* (1 Кор. VI, 7)? Рассуждая о девстве он говорит: *повеления Господня не имам,* и: *на пользу вам глаголю, не да сило вам наложу* (1 Кор VII, 25, 35), а когда у него речь о богатстве, говорит: *имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем* (Тим. VI, 8). Почему же, спросишь, многие больше уловляются этой страстью? Потому, что не столько остерегаются ее, сколько разврата и блуда. Если бы и любостяжательность казалась им столь же ужасной, то не так бы легко уловлялись ею. Так и юродивые девы были изгнаны из брачного чертога по той причине, что, низложив сильнейшего противника, низложены были слабейшим и ничтожным. Сверх того должно сказать и то, что если кто, преодолевая плотскую похоть, побеждается страстью сребролюбия, то часто не удерживается и от плотской похоти, разве уже от природы имеет такое свойство, что не сильно возмущается этой страстью. Ведь не все равно склонны к ней. Итак, зная это и имея непрестанно перед глазами пример юродивых дев, будем бегать этого лютого зверя. Если и девство не принесло никакой пользы, напротив, после бесчисленных трудов и подвигов (юродивые девы) погибли от сребролюбия, то кто избавит нас, когда впадем в эту страсть? Потому молю вас употреблять все усилия, чтобы не быть плененными этой страстью и, попав в плен, не оставаться в нем, но скорее разорвать тяжкие эти оковы. Поступая таким образом, сможем достигнуть неба и получить бесчисленные блага, которых все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIV

Таковии бо лживи апостолы, делатели льстивии, преобразующееся во апостолы Христовы (2 Кор. XI, 13)

1. Что ты говоришь? Ужели те, которые проповедуют Христа, не берут денег, не вводят иного благовестия, лжеапостолы? Да, говорит, и по этому именно самому больше всего (они лжеапостолы), что все это делают лицемерно, для обмана. *Делатели льстивии.* Они трудятся, но исторгают насажденное. Так как они знают, что иначе не нашли бы себе доступа, то, приняв на себя личину истины, скрывают под ней дело обольщения. И денег, говорит (апостол), не берут для того, чтобы получить больше, чтобы погубить душу. Вернее же, – и это ложь: они и брали (деньги), но только тайно, что и показывает (апостол) далее. Он и выше сделал уже намек на это, сказав: *да о немже хвалятся, обрящутся якоже и мы;* но впоследствии яснее указал на это, сказав: *аще кто вас поядает, аще кто отъемлет, аще кто величается,* того *приемлете* (ст. 20). Теперь же обличает их в другом, говоря: *преобразующеся.* У них только личина; их покрывает овчая кожа. *И не дивно,* потому что если *сам сатана преобразуется во ангела света,* то что великого, *аще и служители его преобразуются яко служители правды* (ст. 14, 15). Итак, если должно удивляться, то сатане должно удивляться, а не служителям его. Когда учитель их дерзает на все, то нисколько не удивительно, что и ученики ему следуют. Что же значит: *ангела света?* Ангела, имеющего дерзновение беседовать с Богом, предстоящего Богу. Но есть и ангелы тьмы, служители диавола – темные и свирепые. И многих диавол обольстил таким образом, то есть преобразуясь в ангела света, а не делаясь таковым. Так точно и эти носят на себе личину апостолов, но не саму силу, потому что не могут.

Нет ничего столь диавольского, как делать что-нибудь только для вида. Кто же такие *служители правды?* Это – мы, говорит, проповедующие вам Евангелие, заключающее в себе правду. Или это разумеет он, или то, что и те (лжеапостолы) присваивают себе славу людей праведных. Как же нам узнавать их? От дел их, как сказал Христос (Мф. VII, 20). Это вынуждает (апостола) сравнить собственные свои заслу-

ги и их худые дела, чтобы через такое сличение обнаружились незаконные (учители). И опять, намереваясь хвалить себя, он обличает прежде их (лжеапостолов), чтобы показать необходимость, по которой он касается этого предмета, и чтобы никто не мог укорять его, зачем говорит о самом себе. Он продолжает: *паки глаголю.* И прежде уже делал он много оговорок, но не довольствуюсь, говорит, сказанным прежде, я снова повторяю: *да никтоже мнит мя безумна быти* (ст. 16). Так делали они (лжеапостолы), – хвалились без всякой причины. А ты заметь, что всякий раз, как (апостол) намеревается говорить в собственную похвалу, наперед оговаривается. Дело безумия, говорит он, хвалиться; но я не безумствуя делаю это, а по нужде. Если же вы не поверите, но, и видя необходимость, будете осуждать меня, – я и в таком случае не отрекусь (от своего дела). Видишь ли, как он показал, что велика была нужда говорить? В самом деле, если он и такого подозрения не устрашился, то рассуди, какое насилие должен был употребить он, чтобы говорить, как мучился и принуждал себя, когда говорил? Однако и в этом случае со скромностью приступил к делу. Не сказал: чтобы похвалиться, но, намереваясь сколько-нибудь похвалиться, употребил опять другую оговорку, сказав: *еже глаголю, не по Господе глаголю, но яко в безумии, в сей части похвалы* (ст. 17). Видишь ли, что хвалиться не есть дело по Господе? *Егда,* сказано, *сотворите вся, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лк. XVII, 10). Но хотя хвалиться само по себе не есть дело по Господе, однако становится таким делом в зависимости от намерения. Поэтому и сказал: *еже глаголю,* осуждая не причину, но слова. Цель так высока, что и сами слова делает достойными уважения. Так убийца, хотя убийство строго запрещено, часто хвалится по намерению. И обрезание, хотя не по Господе, однако бывает таковым по расположению сердца. Подобным образом можно и хвалиться. Почему же он не говорит об этом обстоятельно? Потому что спешит к другому предмету и из множества предметов даже желающим слушать его говорит об одном том, что полезно. И сказанного им достаточно было к отклонению всякого подозрения. *Но яко в безумии.* Прежде сказал: *о да бысте мало потерпели безумию моему;* а теперь говорит: *яко в безумии.* Чем далее

идет, тем яснее делает речь свою. Потом, чтобы ты не подумал, что он все делает *яко в безумии*, прибавил: *в сей части похвалы*. Так и в другом месте сказал: *да не постыдимся*, а потом прибавил: *в части сей похваления* (IX, 4). Еще и в другом месте, сказав: *или, яже совещаваю, по плоти совещаваю, да будет у мене еже ей, ей, и еже ни, ни* (2 Кор. I, 17)? и показав, что не может везде исполнить того, что обещает, потому что предпринимает не по плоти, – чтобы кто не возымел такого же сомнения и об учении его, говорит; *верен Бог, яко слово наше, еже к вам, не бысть ей и ни* (ст. 18).

2. И смотри, как, после всего вышесказанного, он опять приводит новые оправдания, присовокупляя и говоря: *понеже мнози хвалятся по плоти, и аз похвалюся* (ст. 18). Что значит – *по плоти?* Внешними (преимуществами): благородством, богатством, мудростью, – тем, что имеют обрезание и прародителей евреев, тем, что у многих пользуются славой. И заметь благоразумие (апостола)! Указал на такие (преимущества), которые, как он доказывает, суть ничто, и потом уже называет (похвалу) безумием. Действительно, если безумно хвалиться действительными благами, то тем более – ничего не значащими. И это-то самое называет он – *не по Господе*, потому что быть евреем и все подобное тому – не доставляет пользы. Итак, не думайте, (говорит апостол), чтобы я почитал это за добродетель. Но так как они хвалятся, то я принужден и в этом сравнить себя с ними. Так поступает он и в другом месте, говоря: *аще кто мнится надеятися во плоти, аз паче* (Флп. III, 4). И там говорит это для полагавших надежду на то (плотское свое происхождение). Если бы кто, знаменитый родом, но избравший для себя любомудрую жизнь, увидел, что другие гордятся благородством, и захотел посрамить их надменность, то он принужден был бы сказать и о своей знаменитости, не в похвальбу себе, но в их унижение. Так делает и Павел. Потом, оставив их (лжеучителей), слагает всю вину на коринфян, говоря: *любезно приемлете безумныя* (ст. 19). Таким образом, вы виновны в этом, и даже более, нежели они. Если бы вы не терпели их и сами не были заражены тем же, чем они, то я ничего бы не сказал. Но я забочусь о вашем спасении, и поступаю снисходительно. И смотри, как он и саму укоризну растворяет похва-

лой. Сказав: *любезно приемлете безумныя,* прибавил: *мудри суще.* Действительно, безумному только свойственно хвалиться и этим. И хотя надлежало бы запретить и сказать: не принимайте людей безумных, но он делает это с большим искусством. Если бы (он сказал) так, то могли бы подумать, что он запрещает потому, что не имеет их преимуществ. А теперь, показав, что он и по этим (преимуществам) выше их, и, однако же, почитает их за ничто, – тем гораздо более исправляет их. Между тем прежде, чем начинает хвалить себя и сравнивать (с лжеучителями) порицает коринфян за их крайнее раболепство (лжеапостолам), и за то, что до такой степени подчинились им. И смотри, как упрекает их. *Приемлете бо,* говорит, *аще кто вас поядает* (ст. 20). Как же ты сказал: *да о нем же хвалятся, обрящутся, якоже и мы?* Видишь ли, теперь показывает, что (лжеапостолы) берут, и не только берут, но и сверх меры? Это и значит – *поядать. Аще кто вас порабощает.* Вы, говорит, предали и имущества свои, и плоть свою, и свободу. Стать господами не имений только ваших, но и вас самих, значит уже гораздо больше, нежели брать. На это указываешь и прежде, говоря: *аще инии власти вашея причащаются, не много ли паче мы* (1 Кор. IX, 12)? Потом присовокупляет, что еще важнее: *аще кто величается.* Рабство ваше не легко, говорит он; у вас не кроткие повелители, но тяжкие и нестерпимые. *Аще кто по лицу биет вы.* Видишь ли опять крайнюю степень тирании? Сказал же это не потому, что (лжеапостолы) в самом деле били их по лицу, а потому, что они презирали их и бесчестили, вследствие чего и присовокупил: *по досаждению* (к стыду) *глаголю* (ст. 21). Вы терпите не меньше тех, которых бьют по лицу. Что же может быть хуже этого? Какое господство несноснее того, когда отнявшие у вас и имения, и свободу, и честь, даже несмотря и на это, не делаются кроткими и даже не хотят обходиться с вами как с рабами, но поступают презрительнее, чем с последним невольником? *Зане аки мы изнемогохом.* Эти слова неясны. Так как обвинение было для них тягостно, то (апостол) и выразился таким образом, чтобы неясностью прикрыть жестокость. А то, что он хочет сказать, состоит в следующем: разве и мы не можем делать того же? Однако не делаем. Итак, для чего же их принимаете, точно мы не мо-

жем сделать того же? Заслуживает порицания — даже и глупых людей терпеть, а терпеть людей, которые вас презирают, грабят, превозносятся, бьют — это ничем не может быть ни извинено, ни оправдано. Это новый род обольщения. Другие обольстители сами дают и льстят; а эти и обольщают, и берут, и оскорбляют. Поэтому вы не заслуживаете и малейшего извинения, когда тех, которые смиряются для вас, чтобы вас возвысить, презираете, а дивитесь тем, которые возвышаются над вами, чтобы вас унизить. Разве и мы не могли бы сделать того же? Но не хотим, потому что заботимся единственно о вашей пользе; они же, напротив, расточая ваше, наблюдают свои (выгоды). Видишь ли, как он всегда, о чем может смело говорить с ними, тем самым и устрашает их? Если вы, говорит он, почитаете их за то, что они бьют вас и издеваются над вами, то и мы можем делать это, порабощать вас, бить, превозноситься над вами.

3. Видишь ли, как слагает на них всю вину и за высокомерие (лжеапостолов) и за мнимое свое безрассудство? Не для того, чтобы показать себя более славным, но чтобы вас избавить от этого тяжкого рабства, я вынужден несколько похвалиться. Надобно вникать не в одни слова, а брать во внимание и причину. И Самуил многое сказал в похвалу себе, когда помазывал Саула, говоря: *еда у кого от вас осля взях, или тельца, или обущу, или кого* из вас *утесних* (1 Цар. XII, 3)? Но никто не обвинял его в этом. И не по той причине говорил он, чтобы самому похвалиться, а потому, что, намереваясь поставить им царя, он в виде оправдания желал научить последнего быть кротким и снисходительным. И заметь благоразумие пророка или, лучше — человеколюбие Божие. Когда он хотел отклонить народ (от намерения иметь царя), то перечислял многие тягости, говорил о будущем царе, что он сделает жен их хлебницами, мужей — пастухами и конюхами (подробно описывал всю царскую службу); когда же увидел, что ничто не отвращает их от намерения и что они одержимы неизлечимой болезнью, то все же щадит их и употребляет меры, чтобы царь был кроток. А для этого приводит самого (царя) в свидетели. Тогда никто (с Самуилом) не судился и не вызывал его к ответу, так что он говорил это единственно для того, чтобы сделать (царя) лучшим. А что-

бы смирить его гордость, присовокупил еще: если послушаете вы и царь ваш, то получите такие и такие-то блага; а если не послушаете, то постигнет вас зло. А (пророк) Амос говорил: *не бых пророк, ниже сын пророчь: но пастырь бех, ягодичия обирая. И поя мя Бог* (VII, 14). Но не в похвалу себе говорил это, а чтобы заградить уста тем, которые не считали его пророком, и показать, что он не обманывает и не от себя говорит, что говорит. И другой (пророк), выражая опять то же самое, говорил: но я исполнен силы Господней в Духе и могуществе (Мих. III, 8). Также Давид, когда рассказывал о медведице и льве, говорил не в похвалу себе, но имел в виду нечто великое и чудное. Так как ему не верили, чтобы он, будучи безоружен и неспособен носить оружие, мог преодолеть врага, то надобно было ему представить доказательства своего мужества. И когда отрезал он край одежды Сауловой, то не для того, чтобы показать себя, говорил сказанное им при этом случае, но чтобы отклонить от себя худое мнение, которое распространяли о нем, будто бы он имел намерение убить (царя). Итак, везде должно доискиваться причины. Кто заботится о пользе слушающих, тот, хотя бы и хвалил сам себя, не только не заслуживает порицания, но и достоин венца. А если бы умолчал о себе, в таком случае был бы достоин осуждения. Так и Давид, если бы умолчал о себе, когда хотел сразиться с Голиафом, то его не допустили бы выйти на сражение и он не одержал бы славной победы. Вот почему он и принужден был говорить о себе, и не только братьям, но и царю. Братья не хотели ему верить, потому что зависть заграждала им слух. Поэтому, оставив их, он обратился к (царю) еще не зараженному завистью.

4. Опасна, весьма опасна зависть. Она заставляет презирать даже собственное спасение. Так погубил себя Каин, а еще прежде Каина диавол, погубивший отца его. Так Саул привлек злого демона на свою душу; а привлекши, опять стал завидовать своему врачу. Таково уже свойство зависти. Саул знал, что спасен (Давидом), но хотел лучше погибнуть, чем видеть в славе своего спасителя. Что может быть лютее этой страсти? Не погрешит, кто назовет ее порождением диавола. В ней не только плод тщеславия, но и самый корень. Эти два порока обыкновенно рождают друг друга вза-

имно. Так Саул завидовал уже, когда говорили: *победи Давид со тьмами* (1 Цар. XVIII, 7). Что может быть безумнее этого? В самом деле, скажи мне, чему ты завидуешь? Тому ли, что один похвалил другого? Но этому скорее должно радоваться, а может быть, ты и не знаешь, справедлива ли похвала. И о том ли ты скорбишь, что похвалили не стоящего похвалы? Но тебе скорее надобно было бы пожалеть его. Если он добрый человек, то никто не завидует хвалимому, но и сам хвалит вместе с хвалящими; если же не таков, что огорчаешься? Для чего обращаешь меч на самого себя? Потому ли, что ему дивятся люди? Но они ныне живы, а завтра их уже не будет. Или потому, что он пользуется славой? Какой, скажи мне? Не той ли, о которой пророк говорит, что она есть *цвет травный* (Ис. XL, 6). Итак, не тому ли завидуешь, что и ты не отягчен (подобно ему), и не носишь такого же бремени травы? Если он кажется тебе ради этого достойным соревнования, то почему же не достойны твоего соревнования дровосеки, которые ежедневно носят тяжести и входят с ними в город? Его ноша не лучше этой, но еще хуже. Эта угнетает только тело, а та часто вредит душе и приносит более скорби, нежели удовольствия. Если он славится даром слова, то он имеет больше зависти, чем похвалы, – притом похвалу имеет кратковременную, а зависть непрестанную. Но он в почете у начальников? И здесь опять зависть и опасность: как ты чувствуешь к нему зависть, так и многие другие. Но его постоянно хвалят? Это составляет для него горькое рабство. В самом деле, он не посмеет без страха ничего сделать по собственной воле, чтобы не оскорбить прославляющих его. Знаменитость для него служит тяжкими оковами. Таким образом, чем больше известен он, тем больше имеет над собой властелинов, тем больше тяготеет над ним рабство, так как всюду видит господ своих. И слуга, когда он не на глазах у господина, отдыхает и наслаждается полной свободой; а знатный везде встречает своих властелинов. Он раб всякого, кто ни появится в народном собрании. Хотя бы была и крайняя нужда ему, он не смеет вступить в собрание без сопровождения слуг, без коня и без других знаков пышности, чтобы не подпасть осуждению своих властелинов. Если даже увидит искреннего друга, не осмеливается побе-

седовать с ним, как с ровней, опасаясь владык своих, чтобы они не низринули его с высоты славы. Таким образом, чем он славнее, тем больше порабощен. Если же он терпит какую неприятность, то оскорбление тем чувствительнее для него, чем больше свидетелей, и чем несообразнее оно кажется с его достоинством. И таково для него не только оскорбление, но и несчастье. Многие радуются его несчастью; равным образом, когда он пользуется каким благом, весьма многие ненавидят; завидуют ему и стараются низвергнуть его. Итак, скажи мне, ужели это благо? Ужели это слава? Нет; это, напротив, бесславие, рабство, узы и все, что можно назвать тягостным. Если же и при всем том для тебя людская слава вожделенна, и тебя сильно тревожит всякий, кто вызывает восторги толпы, то, как скоро увидишь удостоившегося рукоплесканий, перенесись умом в будущий век и представь вечную славу. И как спеша убежать от нападающего зверя, ты, войдя в пристанище, запираешь двери, так и теперь беги к будущей жизни и неизреченной ее славе. Таким образом, ты легко пренебрежешь временную славу и получишь вечную, насладишься истинной свободой и вечными благами, которых и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXV

О нем же аще кто дерзает, несмысленно глаголю, дерзаю и аз (2 Кор. XI, 21)

1. Смотри, как он опять уклоняется, употребляет извинения и оговорки, хотя и раньше уже много сказал подобного. Например: *о да бысте мало потерпели безумию моему*, и еще: *да никтоже мнит мя безумна быти. Аще ли ни, поне яко безумна приимите. Еже глаголю, не по Господе, но яко в безумии. Понеже мнози хвалятся по плоти, и аз похвалюся.* И здесь опять: *о нем же аще кто дерзает, несмысленно глаголю, дерзаю и аз.* Он называет дерзостью и безумием говорить о себе что-либо важное, даже когда настоит в том нужда, научая нас всеми силами избегать похвальбы. Если и после того, как сотворим все, мы

должны называть себя непотребными (Лк. XVII, 10), то без всякой побудительной причины превозносящийся и хвалящийся может ли быть достоин какого-нибудь извинения? За это и фарисей был осужден, и в самой пристани потерпел крушение, приразившись к скале (самохвальства). По этой-то причине и Павел, видя тысячи нужд, отговаривается (хвалить себя) и непрестанно повторяет, что это дело безумное; и только тогда, наконец, осмелился, когда представил в свое оправдание крайнюю необходимость. Тогда говорит: *евреи ли суть? И аз. Израилите ли суть? И аз* (ст. 22). Не все евреи были израильтяне, так как и аммонитяне и моавитяне то же происходили от евреев. Поэтому в подтверждение благородства происхождения присовокупил: *семя Авраамле ли суть? И аз. Служителие ли Христовы суть? Не в мудрости глаголю, паче аз* (ст. 23). Для него не довольно было прежнего извинения, но и здесь опять извиняется: *не в мудрости глаголю, паче аз,* то есть я лучше их и превосходнее. И хотя имел ясные доказательства своего превосходства, но все же и при таком условии называет это дело безумием. Однако, если они были лжеапостолы, то ему надлежало не сравнивать свое преимущество, но опровергнуть то, что они служители. Он уже и опроверг это, сказав: *лживи апостоли, делатели льстивии, преобразующеся во апостоли Христовы.* Теперь то же самое, но делает не так, потому что намеревается войти в исследование, а никто не высказывает своего мнения прежде исследования; напротив, сперва, посредством сравнения извлекши из сущности самого дела опровержение, показывает истину, которая от этого получает большую твердость. Или иначе, наперед представляет мнение их самих (противников), а не свое суждение, говоря: *служителие Христовы суть;* а в словах — *паче аз* делает сравнение и доказывает, что он сохраняет характер апостольства, хотя и не объявляет о том, а показывает только самими делами. И, умалчивая о чудесах, начинает с искушений и говорит: *в трудех множае, в ранах преболе.* Последнее, то есть терпеть побои и бичевание, выше первого. В *темницах излиха.* Здесь опять усиление речи. В *смертех многащи. До вся дни,* говорит, *умираю* (1 Кор. XV, 31). Здесь разумеет смерть и на самом деле, потому что часто подвергался опасностям, угрожавшим смер-

тью. *От Иудей пять краты четыредесять разве единыя приях* (ст. 24). Почему – *разве единыя?* (У иудеев) был древний закон, по которому получивший более сорока ударов считался у них бесчестным (Втор. XXV, 3). Поэтому, чтобы бьющий в запальчивости и увлечении не нанес лишнего числа (ударов) и тем не обесчестил наказываемого, положили давать (сорок) ударов без одного, чтобы бьющий не превысил сорока, хотя бы и лишний раз ударил, но, всегда оставаясь в пределах узаконенного числа, не мог нанести бесчестья наказываемому. *Трищи палицами биен был, единою каменми наметан бых, трикраты корабль опровержеся со мною* (ст. 25). Как последнее относится к Евангелию? Так, что он предпринимал отдаленные путешествия, и притом по морям. *Нощь и день во глубине сотворих.* Одни объясняют это в том смысле, что он целые сутки находился среди моря, а другие, что (по разбитии корабля) сутки плавал во глубине морской; последнее согласнее с истиной, а первое не заслуживает и удивления, и (апостол) не поставил бы этого выше кораблекрушения. *Беды в реках,* потому что принужден бывал переплывать реки. *Беды от разбойник, беды в граде, беды в пустыне.* Везде предстояли мне подвиги, в различных местах, странах, городах, пустынях. *Беды от язык, беды во лжебратии* (ст. 26). Заметь новый род ратоборства. Не только враги нападали, но имевшие личину братства; и много в этом случае требовалось напряжения, много благоразумия. *В труде и подвизе.* Труды сменялись бедами, беды трудами, следуя непрерывно одни за другими и не давая ему ни малейшего покоя. *В путных шествиих множицею, во алчбе и жажди и наготе* (ст. 27), *кроме внешних* (ст. 28).

2. Сравнительно с тем, что перечислено, еще более опущено. Но даже и перечисленного невозможно описать подробно, потому что апостол не означил каждого искушения порознь, но вспомнил только о тех, число которых было невелико и могло удержаться в памяти, говоря: *трищи, трикраты* и *единою;* о прочих же искушениях и этого не сказал, потому что много раз претерпевал их. И не говорит, какие были плоды его подвигов, что он стольких-то и стольких-то обратил; но описывает, что только претерпел за проповедь, – с одной стороны, наблюдая скромность, с

другой – желая показать, что хотя бы и ничего из этого не вышло, но для труждающегося не остается без пользы, поскольку дело, достойное награды, и в таком случае исполнено. *Нападение, еже по вся дни.* Бунты, мятежи, утеснение от народа и нападение целых городов. В этом отношении больше всего обнаруживали вражду свою к нему иудеи, потому что он более всех посрамлял их и служил наибольшим обличением их безумия вследствие внезапного своего обращения (ко Христу). Великая война воздвигалась против него от своих, от чужих, от лицемерствующих; везде для него были волны и стремнины – в обитаемых и необитаемых местах, на суше и на море, вне и внутри. Он не имел в достатке даже необходимой пищи, нуждался в самой простой одежде; подвижник целой вселенной, подвизался нагой и боролся голодный. Так далек он был от того, чтобы собирать сокровища! И не только не скорбел, а и воздавал еще за то благодарение Подвигоположнику. *Попечение всех церквей* (ст. 28). Это главнее всего, – то есть что и душа его терзалась, и сердце раздиралось. В самом деле, если бы внешних (скорбей) даже и не было, то достаточно было и внутренней брани, постоянно сменяющихся волн, тучи забот, борьбы помыслов. Если пекущийся об одном доме, имея у себя слуг, приставников и домоправителей, часто не знает покоя от забот, хотя никто его не тревожит, то представь, что должен был терпеть (Павел), который имел попечение не об одном доме, но о городах, о народах, о племенах, о целой вселенной, и в делах столь важных, при таком множестве (врагов), старавшихся вредить ему, трудился один и был так чувствителен, так заботился, как не заботится даже и отец о детях. А чтобы ты не сказал: хотя и заботился, но заботился слегка, – он показал, как велика была его забота, говоря: *кто изнемогает, и не изнемогаю?* Не сказал: я не принимаю участия в скорби, но (говорит): я так беспокоюсь и скорблю, как бы сам находился в том же недуге, страдал той же болезнью. *Кто соблазняется, и аз не разжизаюся* (ст. 29)? Смотри опять, до какой степени велика скорбь его, как это показывает слово *разжжение.* Воспламеняюсь, сгораю, говорит он; и эта скорбь подлинно больше всех прочих. Другие скорби хотя и были тяжки, но скоро проходили и приносили неувя-

даемое удовольствие; а эта скорбь – терпеть столько страданий за каждого немощного, кто бы он ни был – угнетала, стесняла, уязвляла его сердце. Не о высших ведь только страдал он, оставляя низших в небрежении, напротив, и непотребного считал в числе потребных. Поэтому и сказал: *кто изнемогает,* показывая, что разумеет всякого, кто бы он ни был; как бы в одном себе заключая целую вселенскую церковь, болезновал он о каждом члене ее. *Аще хвалитися подобает, о немощи моей похвалюся* (ст. 30). Видишь ли, что он никогда не хвалится чудесами, а всегда гонениями и искушениями? Это именно, говорит он, и есть знак немощи. Вместе с тем показывает и то, насколько разнообразная предстояла ему брань. Действительно, на него ополчались иудеи, восставали язычники, с ним препирались лжебратья, его оскорбляли немощные и соблазняемые братья. Отовсюду ему доставлялись смущение и беспокойство, – и от своих, и от чужих. Таково отличительное свойство апостольства. Через это утверждается благовествование. *Бог и Отец Господа нашего Иисуса весть, яко не лгу. Языческий князь Арефы царя стрежаше Дамаск град, яти мя хотя* (ст. 31, 32). Почему он здесь подтверждает и удостоверяет свои слова, тогда как прежде нигде этого не делал? Потому, может быть, что это было уже давно и малоизвестно; а указанное прежде, как, например, попечение о церквах и все прочее, было им известно. Итак, смотри, какова была брань, если (эпарх) ради него стерег город. Когда же говорю о брани, разумею ревность Павлову. Если бы он не дышал таким огнем ревности, то не воспламенил бы такого неистовства в эпархе. Таково свойство души апостольской – столько терпеть и никогда не колебаться, но все, что ни случится, переносить мужественно, однако не вдаваться безрассудно в опасности и не бежать им навстречу. Смотри, в самом деле, на какое средство согласился он, чтобы избегнуть осады. *Оконцем в кошнице свешен бых.* Хотя он и желал переселиться из этой жизни, однако искал и спасения человеческого, почему неоднократно изобретал и подобные средства, чтобы сберечь себя для проповеди, и не отказывался пользоваться человеческими мерами, когда требовали того обстоятельства. Так он был осторожен и бдителен. Где бедствия были неизбежны, там прибегал к

одной благодати; а где искушение не превышало (человеческих сил), там многое и от себя придумывал. Но и здесь опять все приписывал Богу. И как искра неугасимого огня, упавшая в море, хотя и поглощается множеством волн, но потом опять восходит на поверхность столь же светлой, так и блаженный Павел — то как бы в бездну погружался, обуреваемый бедствиями, то освобождался и являлся блистательнейшим, оставаясь победителем в своих злостраданиях.

3. Вот славная победа, вот победное знамение Церкви. Так низлагается диавол нашими злостраданиями. Когда мы злостраждем, он делается пленником и терпит зло, между тем как хочет сделать его нам. Так было и с Павлом. Диавол, чем больше наводил на него напастей, тем больше был поражаем. Он уготовлял ему искушения не одного какого-нибудь рода, но многообразные и многоразличные. Ввергал его то в труды, то в скорбь, то в страх, то в болезнование, то в заботу, то в стыд, то во все вдруг. Но (Павел) во всем оставался победителем. Подобно воину, который один сражается против целой вселенной, окружен рядами неприятельскими и никакого не терпит зла, и Павел, один являясь у варваров, у эллинов, повсюду — на суше и на море оставался непобежденным. И как искра, упавшая в солому или сено, превращает все сгораемое в одно с собой естество, так и он, к кому ни являлся, всех приводил к истине, проходя всюду наподобие потока, разрушающего преграды. Как борец какой-нибудь, который один и борется, и преследует, и поражает, или как воин, который и осаждает стены, и сражается на суше и на море, так (и Павел) вступал во всякий род брани, дышал огнем, для всех был неприступен, одним телом обнимал целую вселенную, одним языком всех рассеивал. Не с такой силой множество труб поколебало каменные стены города Иерихона и разрушило их, с какой глас Павлов ниспровергал своим звуком твердыни диавольские и привлекал к нему противников. А собрав множество пленников, он сам вооружал их, составлял из них свое воинство и с помощью его дивно побеждал. Давид низложил Голиафа одним только камнем; но если рассмотришь подвиги Павловы, то подвиг Давидов покажется детским делом, и увидишь такое же различие (между Давидом и Павлом), какое между

пастухом и военачальником. Павел не Голиафа низлагал, бросая камень, но одним словом поражал весь строй диавольский. И как лев, рыкающий и испускающий из уст пламень, он для всех был нестерпим. Непрестанно он являлся всюду, приходил к одним, спешил к другим, появлялся у тех, переносился к этим, налетал быстрее ветра. И, управляя вселенной, как одним домом или одним кораблем, он то извлекал утопающих, то укреплял изнемогающих, то давал приказания корабельщикам, то сидел на корме, осматривал руль, натягивал канаты, управлял веслом, снимал паруса, смотрел на небо, – сам был все – и корабельщик и кормчий, и парус и корабль, – все терпел, чтобы только других освободить от зла. И заметь, он претерпел кораблекрушение, чтобы остановить кораблекрушение вселенной; ночь и день пробыл во глубине морской, чтобы извлечь (людей) из глубины заблуждения; был в трудах, чтобы дать покой трудящимся; терпел язвы, чтобы уврачевать изъязвленных диаволом; сидел в темницах, чтобы сидящих в узах и в мраке извести на свет; многократно бывал при смерти, чтобы избавить других от лютой смерти. Пять раз получал он по сорока ударов без одного, чтобы избавить от бичей диавольских тех, которые его бичевали; был бит палками, чтобы других привести под жезл и палицу Христову; наметан был камнями, чтобы освободить от бесчувственных камней; был в пустыне, чтобы извести из пустыни; был в путешествиях, чтобы остановить заблуждающих и открыть путь, ведущий к небу; подвергался опасностям в городах, чтобы указать горний град; терпел голод и жажду, чтобы избавить от лютейшего голода; был в наготе, чтобы непристойно ходящих облечь в одежду Христову; терпел нападение от народа, чтобы отвести от нападения демонского; воспламенялся, чтобы угасить раскаленные стрелы диавола; был спущен в корзине в окно по стене, чтобы поднять поверженных долу. Будем ли еще говорить, когда не знаем даже всего, что претерпел Павел? Упоминать ли об имуществе, о жене, о городе, о свободе, когда видим, что он тысячекратно презирал самую жизнь? Мученик умирает однажды, а этот блаженный одним телом и одной душой претерпел столько бед, что они могут и адамантовую душу привести в трепет. И что все святые пострада-

ли каждый в таком множестве тел, все это претерпел он в одном (теле). Вступив во вселенную, как бы на некоторое поприще, и совлекшись всего, стоял он мужественно. Он знал, что с ним сражаются демоны. Потому вдруг, в самом начале, показал себя славным; и от самого начала до последнего конца пребыл одинаков или, лучше сказать, еще усилил преследование врага, когда приближался к победному венцу. Удивительно также, что, невзирая на то, что столько претерпел, и так много сделал, он умел соблюдать глубокое смирение. Даже когда нужда заставляла рассказывать о своих заслугах, он касался их слегка; и хотя мог бы написать тысячи книг, если бы захотел распространяться о каждом предмете, перечислять церкви, о которых заботился, говорить о темницах и о подвигах своих в них, о подробностях каждого подвига в частности, о нападениях на него, однако же не захотел этого. Итак, зная это, научимся и мы смиряться и никогда не хвалиться ни богатством, ни другими житейскими благами, напротив, будем хвалиться одними оскорблениями за Христа, – да и ими тогда только, когда потребует нужда. Если же ничто не понуждает нас к этому, не будем вспоминать и о них, чтобы не возгордиться, а будем помнить только грехи свои. Таким образом мы и от них легко освободимся, и умилостивим Бога, и достигнем вечной жизни, которой и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVI

Похвалитися же не пользует ми. Прииду бо в видения и откровения Господня (2 Кор. XII, 1)

1. Что это значит? Сказав так много, говорит: *похвалитися не пользует ми.* (В том ли смысле говорит это) что ничего еще не сказал? Нет, не в том смысле, что ничего еще не сказал; но так как он намерен перейти к другому роду похвалы, которая, хотя не ведет к такой же награде, как и прежние, но, по-видимому, более прославляет его в глазах многих, не умеющих вполне вникнуть в дело, то и говорит: *похвалитися*

же не пользует ми. В самом деле, велики вышеисчисленные предлоги к похвале, то есть искушения. Но он может представить и другого рода основания, именно откровения и неизреченные тайны. Для чего же говорит: *не пользует ми?* Для того, отвечает он, чтобы мне не впасть в высокоумие. Что ты говоришь? Разве ты не знаешь этого, хотя бы и не сказал? Но не одинаково бывает наше превозношение, когда мы сами только знаем причину к тому и когда сообщаем ее другим. Надмевают нас обыкновенно не заслуги сами по себе, но то, что многие о них свидетельствуют и знают. Поэтому и говорит (апостол): *не пользует ми,* – чтобы не дать повода слушателям думать о нем выше надлежащего. Лжеапостолы рассказывали о себе и то, чего не бывало; он же и что было скрывает, даже когда сама нужда требовала не скрывать. *Не пользует ми,* говорит он, научая всех всячески избегать самохвальства. Действительно, оно не приносит никакой пользы, а только вред, если не побуждает к похвальбе какая-либо необходимая и полезная причина. Итак, упомянув об опасностях, искушениях, злоумышлениях, досадах и кораблекрушениях, приступает теперь к другому роду похвалы, говоря: *вем человека прежде лет четыренадесяти (аще в теле, не вем, аще ли кроме тела, не вем; Бог весть) восхищена бывша таковаго до третияго небесе. И вем, яко восхищен бысть в рай (аще в теле, не вем, или кроме тела, не вем), и слыша неизреченны глаголы, ихже не леть есть человеку глаголати. О таковем похвалюся; о себе же не похвалюся* (ст. 2–5). Велико это откровение. И не одно оно было, а и многие другие; но он упоминает об одном из многих. А что их было много, послушай, как о том сам он говорит: *за премногая откровения, да не превозношуся* (ст. 7). Но скажет кто-нибудь: если (Павел) хотел скрыть, то ему надлежало вовсе и намека не делать, и не говорить ничего подобного; если же хотел сказать, то надлежало говорить ясно. Итак, для чего же он и ясно не сказал, и не умолчал? Для того, чтобы и этим показать, что он неохотно приступает к делу. Поэтому определил и время – за четырнадцать лет. Не без причины он упомянул об этом, но желая показать, что, молчав столько времени, и теперь не сказал бы, если бы не было великой нужды, напротив, умолчал бы, если бы не видел погибающих братий. А если

Павел был таков, что в самом начале, когда не имел еще таких заслуг, удостоился высокого откровения, то подумай, каков он стал через четырнадцать лет. Но смотри, как и в данном случае он скромен: об одном говорит, а о другом сознается, что не знает. Сказал, что был восхищен; а в теле или вне тела, того, говорит, не знаю. Довольно было бы сказать о восхищении, умолчав о прочем; но он по скромности и то присовокупляет. Итак, что же? Ум ли только и душа были восхищены, а тело оставалось мертвым? Или и тело было восхищено? Этого нельзя определить. Если не знает сам Павел, который был восхищен и удостоился столь многих и столь неизреченных откровений, то тем более не знаем мы. Что он был в раю, это знает; что был на третьем небе, и то ему небезызвестно; но как был восхищен, того не знает ясно. Посмотри и с другой стороны, как он был чужд тщеславия. Рассказывая о случившемся с ним в Дамаске, он подтверждает слова свои (именем Божиим), а здесь не делает этого, потому что не имел намерения сильно уверять в этом, а хотел только сказать и сделать намек. Потому и присовокупляет: *о таковем похвалюся,* не то выражая, чтобы восхищенный был кто другой, но дает такой оборот речи, чтобы и сказать, что прилично и что можно, и вместе избежать необходимости говорить о себе открыто. Иначе какая была бы сообразность, рассуждая о самом себе, вводить другое лицо? Почему же так выразился? Потому, что не одно и то же значит – сказать: я был восхищен, и: знаю (человека), который был восхищен; или: о себе хвалюся, и: о таковом похвалюся. А если кто скажет: как возможно быть восхищену без тела? – то и я спрошу: как возможно восхищену быть с телом? Последнее даже труднее первого, если рассуждать по разуму, а не покориться вере. А для чего восхищен был (Павел)? Для того, как думаю, чтобы его не почитали меньшим других апостолов. Те были вместе со Христом, а он не был; поэтому (Господь), в изъявление славы его, и его восхитил в рай. А слово – рай – многозначительно, и везде было известно.

2. Поэтому и Христос сказал (разбойнику): *днесь со Мною будеши в раи* (Лк. XXIII, 43). О *таковем похвалюся.* Для чего? Если другой был восхищен, – чем ты хвалишься? Отсюда

явно, что это (апостол) говорит о себе. Если же он присовокупил: о *себе же не похвалюся*, то это значит только или что он без нужды, напрасно и легкомысленно не сказал бы ничего подобного, или что он хотел, насколько возможно, прикрыть сказанное. А что всю речь ведет о себе самом, это видно и из последующего. Именно он прибавляет: *аще* же и *восхощу похвалитися, не буду безумен; истину бо реку* (ст. 6). Как же прежде говорил: *о да бысте мало потерпели безумию моему*, также: *еже глаголю, не по Господе глаголю, но яко в безумии;* а здесь напротив, говорит: *аще* же и *восхощу похвалитися, не буду безумен?* Это надобно разуметь не в отношении к похвале, но в отношении к справедливости того, чем хвалится, потому что если хвалиться свойственно безумному, то тем более лгать. В этом последнем отношении и говорит он: *не буду безумен*. Потому и присовокупляет: *истину бо реку, щажду же, да не како кто вознепщует о мне паче, еже видит или слышит что от мене*. Вот истинная причина. Действительно, за великие знамения его (и Варнаву) почли даже за богов (Деян. XIV, 11). Подобно тому как Бог создал стихии мира и немощными и славными, чтобы они через одно проповедали Его могущество, а через другое удерживали людей от заблуждения, так (и апостолы) были вместе и чудны и немощны, чтобы самими делами научать неверных. В самом деле, если бы они, пребывая всегда чудными и не показывая в себе примеров немощи, стали одним словом убеждать людей – не думать о них больше надлежащего, то не только не успели бы в этом, но еще и произвели бы противное. Их словесные увещания скорее были бы приписаны смирению и заставили бы еще больше им удивляться. Потому-то немощь их действительно обнаруживалась и в самих делах их. То же самое можно видеть и на примерах ветхозаветных мужей. Так Илия был человек чудный, но некогда изобличал себя в боязливости (3 Цар. XIX). Велик был и Моисей, но и он по той же самой немощи предался бегству (Исх. II). А подвергались они этому, когда Бог отступал от них и попускал, чтобы изобличалась в них (немощь) человеческой природы. В самом деле, если израильтяне, когда их вывел из Египта Моисей, говорили: где Моисей? – то чего бы они не сказали, если бы он и ввел их (в обетованную землю)? Поэтому (Павел) и говорит:

щажду же, да не како кто вознепщует о мне. Не сказал – скажет, но – даже не подумает о мне более, нежели чего я достоин. Так и отсюда видно, что вся речь идет о нем. Потому и вначале сказал: *похвалитися не полъзует ми.* Этого он не сказал бы, если бы то, что сказано им, он намеревался говорить о другом, – да и почему не полезно было бы хвалиться другим? Но он сам удостоился этих (откровений). Потому и говорит далее: *и за премногая откровения, да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти, ангел сатанин, да ми пакости деет* (ст. 7). Что говоришь? Ужели ты, ни за что почитавший царство и геенну в сравнении с любовью ко Христу, почитал за что-нибудь честь от людей, так что превозносился и имел нужду в непрестанном обуздании? Ведь не сказал, чтобы впредь мучил меня, но *да ми пакости деет* (пусть мучит меня). И кто бы мог сказать это? Что же значат слова его? Когда мы откроем, кто такой этот пакостник и кто ангел сатанин, тогда и это скажем. Некоторые говорили, что он разумеет какую-то головную боль, производимую диаволом. Но этого нельзя допустить. Тело Павлово не могло быть отдано в руки диавола, если сам диавол уступал тому же Павлу, по одному его повелению. (Павел) полагал ему законы и пределы, – когда, например, предал ему блудника в измождение плоти (1 Кор. V); и (диавол) не дерзал преступать их. Итак, что же значит сказанное? Сатана на еврейском языке значит – противник. И Писание в Третьей книге Царств (V, 4) называет этим именем противников. Повествуя именно о Соломоне, говорит: не было сатаны во дни его, то есть сопротивника, который бы воевал с ним или беспокоил его. Поэтому слова (апостола) имеют такой смысл: Бог не благоволил, чтобы проповедь наша распространялась беспрепятственно, желая смирить наше высокое о себе мнение, но попустил противникам нападать на нас. Этого действительно достаточно было к низложению гордых помыслов; а головная болезнь не могла этого произвести. Таким образом под именем ангела сатанина он разумеет Александра-ковача, сообщников Именея и Филита, и всех противников слова, которые вступали с ним в состязания, и противоборствовали ему, ввергали его в темницу, били и влачили, так как они делали дела сатанинские. Подобно тому как (Писание)

называет сынами диавола иудеев за то, что они ревновали делам его, так и ангелом сатаны называет всякого сопротивника. Потому слова: *дадеся ми пакостник, да ми пакости деет* – означают не то, что Бог сам вооружал противников, или наказывал и обуздывал через них (апостола), – да не будет! – а только то, что Он дозволял и попускал на время. *О сем трикраты Господа молих* (ст. 8), то есть многократно.

3. И это показывает великое смирение (апостола), когда он не скрывает того, что не выносил вражеских наветов, но изнемогал и молился об освобождении от них. *И рече ми: довлеет ти благодать Моя, сила бо Моя в немощи совершается* (ст. 9), то есть довольно для тебя, что ты воскрешаешь мертвых, исцеляешь слепых, очищаешь прокаженных и творишь другие чудеса. Не домогайся жить в безопасности без страха и проповедовать без труда. Но ты скорбишь и печалишься? Не приписывай Моей немощи того, что многие коварствуют против тебя, бьют тебя, гонят и бичуют. Это-то самое и показывает Мою силу. *Сила бо Моя в немощи совершается,* – то есть когда вы гонимые одерживаете верх над гонителями, когда вы преследуемые побеждаете своих преследователей, когда вы связываемые обращаете в бегство связывающих. Итак, не желай излишнего. Замечаешь ли, как (апостол) представляет одну причину, а Бог другую? Тот говорит: *да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти;* а Бог сказал, что попускает это для явления силы Своей. Поэтому ты просишь не только излишнего, но даже помрачающего славу Моего могущества. Именно слова: *довлеет ти* показывают, что не нужно уже ничего другого прибавлять, но что все сделано. Таким образом, и отсюда видно, что здесь говорится не о головной боли, – больные не проповедали, да и не могли бы проповедовать, – но о том, что (апостолы) гонимые и и преследуемые все превозмогли. Услышав такой ответ, (Павел) говорит: *сладце убо пахвалюся в немощех моих.* Чтобы (коринфяне) не пали духом, видя, что лжеапостолы хвалятся совсем противным, а истинные (апостолы) терпят гонения, – (Павел) показывает, что через гонения он делается еще славнее, что в этом особенно обнаруживается сила Божия, и что совершающееся с ним достойно того, чтобы хвалиться. Поэтому и говорит: *сладце убо похвалюся.* Не от скор-

би сказал я исчисленное мной выше или упоминаемое теперь, то есть что *дадеся ми пакостник;* напротив, я этим украшаюсь и привлекаю да себя еще большую силу (от Бога). Потому и присовокупляет: *да вселится в мя сила Христова.* Здесь он дает разуметь и нечто другое – именно: в какой мере усиливались искушения, в такой мере умножалась и пребывала в нем благодать. *Темже благоволю в немощех* многих. В каких же, скажи мне? *В досаждениих, в изгнаниих, в бедах, в теснотах* (ст. 10). Видишь ли, как ясно открыл теперь все? Говоря о роде немощей, он назвал не горячку, не повторяющуюся какую болезнь или другую телесную немощь, но обиды, гонения и притеснения. Видишь ли, какая благопокорная душа! Он желал избавиться от бедствий. Но когда услышал от Бога, что этому не должно быть, не только не пал духом, не получив просимого, но еще и радовался. Потому и сказал: *благоволю,* радуюсь, желаю терпеть обиды, гонения и притеснения за Христа. Сказал же это, желая и тех (лжеапостолов) смирить, и их (коринфян) ободрить, чтобы они не стыдились Павловых страданий, – потому что такое терпение скорбей может сделать славнее всех. Потом выставляет и другую причину: *егда бо немощствую, тогда силен есмь.* Чему дивишься, если в немощах обнаруживается сила Божия, и я тогда бываю силен? Тогда ведь особенно и действует благодать Божия.

По мере того как умножаются в нас страдания (Христовы), умножается и утешение наше (2 Кор. I, 5). Где скорбь, там и утешение; где утешение, там и благодать. Когда он ввергнут был в темницу, тогда сотворил чудеса. Когда потерпел кораблекрушение и занесен был в варварскую страну, тогда особенно прославился. Когда связанный вошел в судилище, тогда победил самого судью. Так бывало и в Ветхом Завете: среди искушений процветали праведники. Так три отрока, так Даниил, Моисей и Иосиф, – все через искушения сделались славными и удостоились великих венцов. Подлинно, тогда душа и очищается, когда терпит скорби ради Бога. Тогда она получает большую помощь, потому что имеет нужду в большем содействии (от Бога) и достойнее большей благодати. А делаясь любомудрой, приобретает себе великие блага, не говоря уже о тех наградах,

какие отложены для нее у Бога. В самом деле, скорбь искореняет высокомерие, отсекает всякое нерадение, приучает к терпению, обнаруживает ничтожество дел человеческих и приводит к великому любомудрию. Ей уступают все страсти: зависть, ревность, похоть, властолюбие, пристрастие к богатству, плотская любовь, гордость, высокомерие, гнев и весь остальной рой (душевных) недугов. И если хочешь на самом деле видеть это на примерах одного ли человека или целого народа, то я могу тебе показать как живших в скорби, так и проводивших жизнь в благополучии и научить, какая происходила польза от скорбей, и какая беспечность от недостатка их.

4. Так евреи, когда подвергались страданиям и гонениям, тогда стенали, призывали Бога и получали свыше великую помощь; а когда утучнялись, тогда оставляли (Бога). Также ниневитяне, когда жили безмятежно, до того прогневали Бога, что Он угрожал истребить до основания весь город; а когда смирились, услышав проповедь (Ионы), тогда показали всякое любомудрие. А если хочешь видеть пример на одном человеке, то вспомни о Соломоне. Когда он с заботой и беспокойством размышлял о том, как управлять народом, тогда удостоился боговидения; а когда стал жить среди удовольствий, то впал в самую бездну нечестия. А что сказать об отце его? Когда он был чуден и удивителен? Не тогда ли, как был в искушениях? Авессалом не тогда ли только вел себя благоразумно, пока находился в бегстве? А возвратившись, не сделался ли мучителем и отцеубийцей? Что скажем об Иове? Правда, он славен был и во время благополучия; но еще славнее он оказался после скорбей. Но нужно ли говорить о давнем и древнем? Если кто рассмотрит и настоящие наши дела, тот увидит, как велика польза скорбей. Ныне, наслаждаясь миром, мы ослабели, обленились и наполнили Церковь тысячами зол. Когда же терпели гонения, тогда были целомудреннее, благонравнее, ревностнее и усерднее как к этим собраниям, так и к слушанию. Что огонь для золота, то скорбь для души: она стирает с нее скверну, делает ее чистой, светлой и ясной. Скорбь вводит в царство, а беспечальная жизнь в геенну. Вот почему путь к царству тесен, а в геенну пространен. Потому (и Христос), как

бы предлагая нам какое-нибудь великое благо, сказал: *в мире скорбни будете* (Ин. XVI, 33). Итак, если ты ученик (Христов), иди путем тесным и скорбным; не ропщи и не унывай. Если ты (для Господа) не хочешь терпеть скорби, то все же будешь терпеть скорби по другим причинам, но без всякой для себя пользы. Так и завистник, и корыстолюбец, и привязавшийся к блуднице, и тщеславный, и преданный всякому другому пороку терпит многие печали и скорби и скорбит не меньше плачущих. Если же не проливает слез и не плачет, то от стыда и бесчувствия. А если бы ты проник в душу его, то увидел бы, что она обливается бесчисленными волнами. Итак, если и той и другой жизнью живущим необходимо должно скорбеть, то почему мы не избираем жизни, которая вместе со скорбью доставляет бесчисленные венцы? Всех святых Бог вел этим путем, – путем скорбей и тесноты, как для их собственной пользы, так и для предохранения других, чтобы последние не думали о них выше их достоинства.

Действительно, от того и идолопоклонство сделалось господствующим, что дивились людям сверх их достоинства. Так римский сенат признал Александра тринадцатым богом, – сенат же имел такую власть производить и включать в число богов. Когда стали известны все дела Христовы, начальствовавший над (иудейским) народом послал спросить, не угодно ли будет и Его включить в число богов? Но сенат не соизволил, гневаясь и досадуя, что прежде его приговора и определения просияла сила Распятого и привлекла к почитанию всю вселенную. Впрочем, не по их воле устроилось, что нечеловеческим определением провозглашено божество Христа и что Он не признан был одним из многих, произведенных в боги (римским сенатом). Сенат ведь признал богами и кулачных бойцов, и любимца Адрианова, отчего и город Антиной получил свое название. Так как смерть свидетельствует о смертной природе людей, то диавол изобрел другой путь, именно воспользовался бессмертием души, и, присоединив к этому непомерную лесть, многих ввел в нечестие. И смотри, какая злокозненность! Когда мы рассуждаем о бессмертии с надлежащей целью, диавол внушает сомнения против истины; а когда сам хочет

употребить ту же истину во вред, то всячески старается подтвердить ее. И если бы кто спросил: почему Александр бог? не умер ли он, и даже жалким образом? – (диавол) скажет: душа бессмертна. Теперь ты рассуждаешь о бессмертии и любомудрствуешь, чтобы отвлечь нас от Бога всяческих. А когда мы скажем, что бессмертие есть величайший дар Божий, тогда ты станешь уверять нас, как будто заблуждающихся, что мы низки, пресмыкаемся долу и ничем не лучше бессловесных. Когда мы скажем, что Распятый жив, тотчас следует смех, хотя вся вселенная вопиет о том – и древле, и ныне, древле чудесами, а ныне обращением к Нему многих, так как такие дела не мертвому свойственны. А если кто скажет, что Александр жив, ты веришь этому, хотя не можешь представить ни одного знамения. Да, скажешь, он сделал много великого во время жизни, покорил народы и города, одержал победы во многих войнах и сражениях и воздвиг победные памятники.

5. Но если я представлю нечто такое, о чем ни он во время жизни, ни другой кто-либо из прежде бывших людей и помыслить не мог, то какого еще другого потребуешь доказательства воскресению? В самом деле, если царь, имеющий войско, при жизни счастливо ведет войны и одерживает победы, то в этом нет ничего удивительного, ничего странного и нового. Но после крестной смерти и погребения произвести везде – и на суше и на море – такие великие дела, это в высшей степени поразительно, и свидетельствует о божественном и неизреченном могуществе. Александр по смерти своей не восстановил разделенной и совершенно исчезнувшей державы своей. Да и как мог сделать это мертвый? Напротив, Христос тогда особенно и утвердил державу свою, когда умер. Но что говорить о Христе, когда и ученикам Своим Он дал силу прославляться по смерти? Скажи мне, где гроб Александра? Укажи мне и скажи, в какой день он умер? А рабов Христовых и гробы славны, так как находятся в царственном городе, и дни кончины известны, так как составляют торжество для целой вселенной. Александрова гроба не знают и свои; а гроб Христов знают и варвары.

И гробы рабов Распятого блистательнее царских дворцов, не только по величине и красоте строений, – хотя и в

этом отношении они превосходнее, – но, что гораздо важнее, по ревности стекающихся к ним. Сам облеченный в багряницу приходит лобызать эти гробы, и, отложив гордость, стоит перед ними и молит святых, чтобы предстательствовали за него перед Богом. В предстательстве умерших скинотворца и рыбаря имеет нужду облеченный в диадему. Итак, скажи мне, ужели дерзнешь называть мертвым их Владыку, когда рабы Его и по смерти предстательствуют за царей вселенной? И это может всякий, кому угодно, видеть не только в Риме, но и в Константинополе. И здесь сын Константина Великого почитал великой честью для родителя положить его в преддверии рыбаря. И что во дворцах царей привратники, то при гробах рыбарей цари. Рыбари, как владетели места, занимают внутренность, а цари, как присельники и соседи их, пожелали, чтобы им отведено было место у (наружных) дверей, а через это и неверующим показывают, что в воскресении рыбари будут иметь преимущество. Ведь если здесь в гробницах такое (предпочтение), то тем более в воскресении. Так изменяется порядок вещей! Цари заменяют место слуг и рабов, а подчиненные облекаются саном царей или даже еще и более славным. А что в этом нет лести, в том уверяет сама истина. От гробов рыбарей и царские гробницы стали славнее, потому что эти гробы почитаются более, нежели все другие царские гробницы. Там глубокая пустыня, а здесь великое стечение народа. А если хочешь сравнить эти гробы и с царскими дворцами, то первенство опять на стороне первых. Из дворцов многие гонят народ, а сюда многие призывают и влекут богатых и бедных, мужчин и женщин, рабов и свободных. Там великий страх, а здесь неизреченное наслаждение. Приятно видеть царя, облеченного в золотую одежду и в венец, и видеть окружающих его военачальников, правителей, центурионов, трибунов и преторов. Но здесь все столько внушает уважения и благоговения, что первое в сравнении с этим не больше как тень или детская забава. Едва ты переступаешь порог, само место возносит мысль твою к небу, к горнему Царю, к воинству ангельскому, к престолу высокому, к неприступной славе. Здесь (на земле) начальнику предоставлено право одного из подданных разрешать от уз, а

другого связывать; кости же святых имеют не эту жалкую и низкую власть, а гораздо высшую. Они предают суду и подвергают истязаниям демонов, разрешают связанных жестокими их узами. Какое судилище страшнее этого? Тогда как никого не видно, никто не давит демона, мы слышим вопли, терзания, бичевания, истязания, языки палимые, потому что демон не может сносить этой дивной силы. Те, которые были облечены в плоть, побеждают бесплотные силы. Прах, кости и пепел мучат существа невидимые. Вот почему для того, чтобы видеть царские дворцы, никто бы никогда не предпринял путешествия; напротив, многие цари часто путешествовали для такого зрелища. И это потому, что храмы святых мучеников представляют знамения и образы будущего суда, так как здесь демоны мучатся и люди наказываются и освобождаются. Видишь ли, какова сила святых и после смерти? Видишь, каково бессилие грешников даже и при жизни? Итак, убегай порока, чтобы тебе иметь верх над порочными, и со всем тщанием следуй добродетели. Ведь если настоящее так велико, то подумай, каково будущее. И, непрестанно возбуждаемый такой любовью к добродетели, старайся восхитить вечную жизнь, которой все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVII

Бых несмыслен хваляся, вы мя понудисте; аз бо должен бых от вас хвалим бывати (XII, 11)

1. Окончив речь о похвалах себе самому, (апостол) не остановился на этом, но снова защищается и просит извинения в сказанном, говоря, что это сделал он по необходимости, а не по собственной охоте. Впрочем, несмотря и на необходимость, называет себя несмысленным. Вначале говорил: *яко безумна приимите мя*, или; *яко в безумии;* а теперь, отбросив *яко*, прямо называет себя несмысленным. Он достиг своей речью желаемого и потому уже смело и без пощады нападает на этот недостаток, научая всех никогда не хвалиться без нужды, когда уже он, Павел, даже и по нужде по-

хвалившись, назвал за то себя несмысленным. Потом и всю вину сказанного слагает не на лжеапостолов, но на учеников: *вы*, говорит, *понудисте*. Если бы (лжеапостолы) хвалились, но тем не вводили бы вас в заблуждение и погибель, то я не дошел бы до того, чтобы дозволить себе такие слова. Но так как они растлили всю церковь, то, заботясь о вашей пользе, я принужден был сделаться несмысленным. И не сказал: я опасался, чтобы они, восхитив над вами первенство, не посеяли у вас своего учения; об этом сказал он прежде: *боюся, да не како, якоже змий Еву прельсти, тако истлеют и разумы ваша;* а здесь говорит не так, но с большим достоинством и с большей властью, сделавшись смелее вследствие сказанного. *Аз бо должен бых от вас хвалим бывати*. Потом представляет на это и причину; и говорит опять не об одних откровениях или чудесах, но и об искушениях. *Ничим же бо лиших-ся первейших апостолов*. Смотри, как и здесь опять говорит с большей властью. Раньше он говорил: *непщую ничимже лишитися;* а здесь говорит уже положительно, потому что, как я уже заметил, после представленных доказательств стал смелее. Впрочем, все еще не отступает от умеренности и от своего обычая. Но как сказавший нечто необычайное и высшее своего достоинства, — потому что сопричислил себя к апостолам, — опять употребляет скромное выражение и присовокупляет: *аще и ничтоже есмь, знамения апостолова содеяшася в вас* (ст. 12). Смотри, говорит, не на то, что я незначителен и мал, но на то, получил ли ты от меня, что надлежало получить от апостола. И не сказал: незначителен, но — что еще ниже: *ничтоже*. Какая, в самом деле, польза быть великим, и никому не приносить пользы? Так нет пользы и от искусного врача, который не вылечил ни одного больного. Итак, говорит, не рассуждай о том, что я ничего не значу; но смотри на то, что во всем, служившем к вашему благу, я не отстал от других, а, напротив, дал доказательство моего апостольства. Поэтому мне не было нужды говорить самому о себе. Говорил же это не для того, чтобы действительно искал похвалы, — как мог нуждаться в похвалах тот, кто само небо почитал малым в сравнении с любовью ко Христу? — но потому, что желал спасения (учеников своих). Затем, чтобы не сказали: что нам, если ты и ничем не ниже первейших

апостолов? – он присовокупил: *знамения апостолова содеяшася в вас, во всяком терпении и в знамениих и чудесех.* О, какую бездну совершенств выразил он в немногих словах! И смотри, что ставит на первом месте. Терпение, – потому что признак апостола все переносить великодушно. И о терпении выразился кратко, одним словом, между тем как о знамениях, которые совершены были не его собственной силой, выразился несколькими словами. Но представь себе, сколько уз, сколько ударов, сколько опасностей, сколько наветов, какое множество искушений разумел он здесь, сколько браней внутренних и внешних, сколько печалей, сколько нападений выразил он одним словом: *терпение.* А словом; *знамения* не изобразил ли опять того, сколько им воскрешено мертвецов, сколько исцелено слепцов, сколько очищено прокаженных, сколько изгнано демонов? Слыша это, научимся и мы, если даже нас заставляет необходимость говорить о своих заслугах, не распространяться о них, как поступил и сам (Павел).

2. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: хотя ты велик и сделал много, однако не столько, сколько апостолы в других церквах, – (Павел) присовокупил: *что бо есть, егоже лишистеся паче прочих церквей* (ст. 13)? И вы, говорит, в сравнении с прочими церквами причастны не меньшей благодати. Но, может быть, кто-нибудь скажет: для чего он переводит речь на апостолов, оставив борьбу с лжеапостолами? Для того, чтобы больше возбудить их внимание и показать, что он не только лучше их (лжеапостолов), но и не ниже великих апостолов. Вот почему, рассуждая о них (лжеапостолах), он говорит: *паче аз;* а когда сравнивает себя с апостолами, то считает достаточным для себя быть не ниже их, хотя и более их потрудился. Вместе с тем он показывает через это, что (коринфяне) обижают и самих апостолов, когда равного им ставят ниже лжеапостолов. *Разве точию, яко аз сам не стужих вам.* Апостол опять делает (коринфянам) строгий упрек; а последующие слова еще сильнее: *дадите ми неправду сию.* Но, и при всей строгости, в них выражается любовь и похвала (коринфянам), если только и сами они считают для себя обидой, что апостол не соглашался ничего брать у них и не осмеливался получать от них себе пропитания. Если, гово-

рит, вы обвиняете меня в этом, то (не сказал: несправедливо обвиняете, но гораздо благосклоннее) прошу извинения, простите мне этот грех. И заметь, какое благоразумие! Так как этот упрек, часто повторяемый, наносил им бесчестье, то он каждый раз смягчает его. Так, выше сказав: *есть истина Христова во мне, яко похваление сие не заградится о мне* (XI, 10), вслед за тем говорит: *не люблю ли вас? Бог весть; но да отсеку вину хотящим вины*, и *да о немже хвалятся, обрящутся якоже и мы* (ст. 11, 12). И в первом послании: *кая убо ми есть мзда? Да благовествуяй без мзды положу благовестие* (IX, 18). И здесь опять говорит: *дадите ми неправду сию.* Везде он старается не показать, что не берет по причине их немощи. Поэтому и здесь говорит: если вы это ставите мне в вину, то прошу прощения. А говоря таким образом, он и наносит им рану, и врачует ее. Не говори: если хочешь нанести удар, то для чего извиняешься? если хочешь врачевать, то для чего наносишь удар? В том и состоит благоразумие, чтобы и рассечь, и перевязать рану. Потом, чтобы не подумали, как я и прежде сказал, что (апостол) часто обращается к одному и тому же с намерением получить что-нибудь от них, он отклоняет такое подозрение, подобно тому как и в первом послании, когда говорил: *не писах же, да тако будет о мне; добрее бо мне паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднит* (IX, 15). (То же самое, только) приятнее и благосклоннее (выражает он) и здесь. Как же именно? *Се третие,* говорит он, *готов приити к вам, и не стужу вам; не ищу бо ваших, но вас. Не должни бо суть чада родителем снискати имения, но родители чадом* (ст. 14). Смысл его слов такой: не прихожу к вам не потому, что не беру; напротив, я приходил уже в другой раз, и в третий готов идти, и опять не буду вам в тягость. И причина тому уважительная. Не сказал: (не хочу быть вам в тягость), потому что вы скупы, потому что вы этим обременитесь, потому что вы немощны. Но что говорит? *Не ищу бо ваших, но вас.* А ищу большего: вместо денег – душ, вместо золота – спасения. Потом, так как оставалось еще место подозрению, что он огорчен ими, – он представляет и рассуждение. Они естественно могли сказать: разве нельзя искать и нас и нашего? Поэтому он оправдывает их с великой благосклонностью, говоря: *не должни бо суть чада родителем снискати имения,*

но родители чадом. Вместо наименований: учители и ученики, употребляет слова: родители и дети, и показывает, что вменяет себе в обязанность и то, к чему не был обязан, так как Христос не дал такого повеления, а (апостол) из снисхождения (к коринфянам) говорит это. Потому присовокупляет и нечто большее: сказал не только то, что дети не должны снискивать для родителей имения, но еще и то, что родители обязаны это делать. Итак, если родители обязаны давать, то *аз*, говорит, *в сладость иждиву, и иждивен буду по душах ваших* (ст. 15). Родителям собирать имение для детей поведел закон природы, а я, говорит, не только это исполняю, но даже отдаю самого себя. Верх щедрости – не только ничего не брать, но и отдавать свое, и отдавать не просто, но с великим усердием, даже при недостатке. На это и указывает (апостол) выражением: *иждивен буду*. Хотя бы нужно было изнурить самую плоть, не пощажу ее ради вашего спасения. Следующие за этим слова выражают и любовь и упрек: *аще и излишше вас любя, менше любим есмь*. И это, говорит, я делаю для тех, которых я люблю и которые не любят меня в той же мере. Итак, смотри теперь, сколько здесь степеней: надлежало брать, а он не брал, – это первая заслуга; не брал, находясь в бедности, – это вторая; не брал, когда им проповедовал, – это третья; сам дает им, – это четвертая, и не просто дает, но с избытком, – это пятая; отдает не имение только, но и самого себя, – это шестая; отдает себя за тех, которые не очень его любят, – это седьмая; и которых он весьма любит, – это восьмая.

3. Будем же и мы соревновать ему. Велик грех (ненавидеть и) не иметь любви; но еще больше грех, если кто на любовь не отвечает любовью. Если любящий любящего не имеет никакого преимущества перед мытарями, то не имеющий и этого хуже самих зверей. Что ты говоришь, человек? Ты не любишь любящего? Для чего же живешь? К чему ты после этого годен? К каким делам – к общественным или к частным? Ни к чему. Подлинно, нет ничего бесполезнее человека, не умеющего любить. Закону любви часто покорялись и разбойники, и убийцы, и воры; вкусив только вместе соли, делались они другими и за общим столом переменяли свой нрав. А ты, имея общение с другим не только за солью,

но в словах и делах, во входах и исходах, не любишь его? Предающиеся постыдной любви расточают все свое имущество на бесчестных женщин; а ты, имея честную любовь, так холоден, немощен, бессилен, что не в состоянии любить даже и тогда, когда это не стоит никаких издержек? Но кто же, скажешь, будет так жалок, кто так звероподобен, что мог бы отвращаться и ненавидеть любящего. Хорошо делаешь, что, по причине несообразности дела, не веришь. Но если я укажу тебе многих людей такого рода, то как нам стерпеть тогда такой стыд? В самом деле, когда ты злословишь любящего тебя, когда, слыша о нем худые речи, не защищаешь его, когда завидуешь его доброй славе, то что это за любовь? Конечно, и не завидовать – еще недостаточное доказательство дружбы, равно как и не враждовать и не преследовать; надобно поддерживать любящего нас и споспешествовать его выгодам. Когда же человек все говорит и делает, чтобы еще и погубить ближнего, то что может быть несчастнее такой души? Вчера и сегодня утром ты был другом, разделял с ним беседу и стол, а затем вдруг, увидев, что член твой благоуспевает, ты сбрасываешь с себя личину дружбы, враждуешь, даже безумствуешь, – потому что явное ведь безумие терзаться благополучием ближнего. Это свойственно только одуревшим и бешеным собакам; подобно им, и раздраженные завистью набрасываются на каждого. Лучше иметь змею, клубящуюся в утробе, нежели зависть, внутри гнездящуюся. Змею можно еще или изблевать при помощи лекарства, или усмирить пищей; но зависть не в утробе гнездится, а живет в самих недрах души и есть болезнь, с трудом излечиваемая. Змея, находящаяся во внутренности, когда есть для нее другая пища, не трогает тела человеческого; зависть же, хотя бы предложили ей тысячу снедей, пожирает саму душу, со всех сторон ее грызет, терзает и рвет; для нее нельзя найти никакого успокоительного средства, которое сокращало бы ее неистовство, кроме одного только – несчастья с благоденствующим. Тогда она успокаивается. Вернее же сказать, и то (средство) недействительно. Пусть этот и злостраждет; но, видя другого благоденствующим, она снедается теми же муками; для нее отовсюду раны, отовсюду удары, потому что, живя на земле,

невозможно не видеть счастливых. И так велика сила этой болезни, что подверженный ей, хотя бы заключился и внутрь дома, завидует прежним, уже умершим людям. Велико зло, что страждут завистью люди, живущие в мире, хотя это и не так еще страшно; но когда этой же болезнью одержимы люди, уже освободившиеся от треволнений, — это тяжелее всего. Желал бы я молчать; но если бы молчание уничтожало и стыд, причиняемый делами, то полезно было бы не говорить. А если, хотя я умолчу, сами дела будут вопиять громче моего языка, то вреда от моих слов никакого не будет, поскольку пороки выставляются нами на позор, а какая-нибудь выгода и польза, может быть, произойдет. Эта болезнь коснулась и церкви, все извратила, расторгла союз тела, и, вооружаемые завистью, мы восстаем друг против друга. Отсюда произошло великое развращение. В самом деле, если и при общем всех созидании нелегко достигнуть, чтобы твердо стояли назидаемые, то какой же будет конец, когда все будем разрушать?

4. Что ты делаешь человек? Ты считаешь полезным разрушать благосостояние ближнего; но прежде него ты разрушаешь свое собственное. Не видишь ли, как и садовники и земледельцы — все стремятся к одной цели? Один копает землю, другой насаждает растение, иной прикрывает корень, иной поливает посаженное, иной ограждает и обносит стеной, иной отгоняет скот, — и все заботятся об одном, чтобы сберечь растение. А тут не так. Напротив, я насаждаю, а другой колеблет и ослабляет насажденное. Дай, по крайней мере хорошо укрепиться ему, чтобы оно приобрело силу противиться навету. Ты не мое дело губишь, а свое расстраиваешь. Я насадил, тебе надлежало поливать. Если же ты станешь потрясать насажденное, выдернешь и самый корень, то тебе нечего будет и поливать. Но ты видишь, что насаждающий пользуется почетом? Не бойся, — ни ты, ни я ничего не значим, потому что *ни насаждаяй, ни напаяй есть что* (1 Кор. III, 7); все дело принадлежит одному Богу, так что ты восстаешь и враждуешь на Бога, если исторгаешь насажденное. Итак, надобно, наконец, образумиться, прийти в сознание. Я не столько боюсь внешней войны, сколько борьбы внутренней. Если корень хорошо укреплен в земле, то не

потерпит вреда от ветров; а если шатается, потому что внутри подточен червем, то дерево упадет, хотя бы никто его не трогал. Долго ли будем и мы, подобно червям, подтачивать корень церкви? Подлинно, от земли рождаются таковые помыслы или, лучше сказать, и не от земли, а от нечистот, потому что имеют матерью своей гнилость, и недалеко отстоят от самых отвратительных женских отправлений. Сделаемся когда-нибудь доблестными мужами, станем подвижниками любомудрия, отразим сильное стремление этих зол. Я вижу, что многочисленные чада церкви повержены ныне долу, подобно мертвому телу. И как в теле, недавно умершем, хотя можно еще видеть и глаза, и руки, и ноги, и шею, и голову, однако ни один член не исправляет своего дела, так и здесь присутствующие. Здесь все — верные, но вера их бездейственна. Мы погасили ревность, и тело Христово сделали мертвым. Страшно выговорить это; но гораздо страшнее видеть на самом деле. По имени мы братья, а до делам враги; все называемся членами одного тела, а чужды друг другу, как звери. Говорю это не для того, чтобы выставить на позор дела наши, но чтобы пристыдить и отвратить от них. Кто-нибудь вошел в дом, принят с честью; надлежало бы благодарить Бога за то, что член твой пользуется почтением и в нем прославляется Бог, а ты поступаешь напротив: говоришь о нем худо тому, кто почтил его, чтобы обоих свалить, да и на себя навлечь стыд. Для чего, несчастный и жалкий человек, ты скорбишь, слыша, что брата твоего хвалят или перед мужами, или перед женами? Приложи и свои похвалы, тогда и себе доставишь похвалу. Если же отрицаешь похвалу, то прежде всего сам о себе говоришь худо, навлекая на себя худую славу, а его еще более возносишь. Когда слышишь похвалы другому, старайся сделать, чтобы они относились и к тебе, если не за жизнь и добродетель твою, по крайней мере, за то, что радуешься совершенствам в брате. Один похвалил, я ты удивляйся: тогда и тебя он похвалит, как человека благонамеренного и правдивого. Не опасайся, что унизишь себя, хваля другого; скорее приведет к тому твое осуждение. Люди своенравны, и когда видят, что ты говоришь худо, упорствуют в похвалах, желая тем уязвить тебя, а обвинителей выставить лжецами

и в собственных их глазах, и перед другими. Видишь ли, какой позор навлекаем мы сами на себя? Как губим и разгоняем паству? Сделаемся же наконец членами, составим одно тело. Кого хвалят, тот пусть отказывается от похвал и пусть относит их к своему брату; а кто слышит похвалу другому, пусть радуется об этом. Если мы будем находиться в таком тесном союзе, то привлечем к себе и Главу тела; если же будем разъединены, то лишимся Ее помощи; а без Нее тело, не будучи поддерживаемо свыше, потерпит великий вред. Итак, чтобы этого не случилось с нами, отвергнем ненависть и зависть и, презрев людскую славу, облобызаем любовь и согласие. Таким образом соделаемся причастниками и настоящих, и будущих благ, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVIII

Буди же, сам аз не отягчих вас, но коварен сый, лестию вас приях. Еда коим от посланных к вам лихоимствовах вас? Умолих Тита, и с ним послах брата. Еда лихоимствова чим вас Тит? Не тем же ли духом ходихома? Не теми же ли стопами (XII, 16—18)

1. Очень неясно сказаны эти слова Павлом, но не без цели и не напрасно. Так как речь идет о деньгах, и (апостол) защищается, что он ничего не берет, то и прилично ему было прикрыть свои слова. Что же, однако, значит сказанное? Раньше (апостол) сказал, что он ничего не брал, напротив — даже готов отдать и издержать свое, и много рассуждал о том как в этом послании, так и в первом. А теперь говорит нечто другое, — как бы вводит слова из сделанного ему возражения и предварительно разрешает его. Вот смысл сказанного им: я не искал от вас прибытков, но, может быть, иной скажет, что хотя сам я и ничего не брал, но, как человек хитрый, настроил посланных мной от своего лица просить у вас чего-нибудь и от них сам получал, а таким образом, получая через других, отклонял от себя подозрение, что беру сам. Но и этого никто не может сказать.

Свидетели тому вы сами. Вот почему он и ведет речь вопросами, говоря: *умолих Тита, и с ним послах брата. Еда лихоимствова чим вас Тит?* Не так же ли он приходил к вам, как и я? То есть и он ничего не брал. Видишь ли, с каким тщанием старался он не только себя сохранить чистым от корыстолюбия, но и посылаемых им поставить так, чтобы не подать и малого предлога желавшим порицать его? Это гораздо выше того, что сделал патриарх (Авраам). Этот последний, возвращаясь с победы, когда царь давал ему часть военной добычи, отказался взять больше того, что съели его домочадцы; а он (Павел) как сам не пользовался, так и сотрудникам своим не позволял пользоваться даже необходимой пищей, чтобы таким образом совершенно заградить уста бесстыдных. Поэтому он не сам от себя говорит, что они ничего не брали, но, что гораздо важнее, представляет в этом свидетелями самих коринфян, чтобы свидетельство шло не от собственного его лица, но утверждалось на их приговоре. Так обыкновенно поступаем мы, когда дело идет о чем-нибудь очевидном и не подлежащем никакому сомнению. Скажите, говорит (апостол), разве кто-нибудь из посланных нами обогатился чем от вас? Не говорит: разве кто взял что-нибудь у вас? Но называет такое дело лихоимством, укоряя их тем, приводя в стыд и показывая, что брать у кого-нибудь против воли его есть лихоимство. И не сказал: Тит, но: кто-нибудь, – то есть вы не можете и того сказать, что хотя один не брал, но брал другой. Напротив, не брал ни один из посланных. *Умолих Тита.* И это сказано с укоризной. Не сказал: я послал Тита, но – *умолих,* показывая тем, что если бы он и взял что у них, то взял бы по праву; однако он и при всем том остался чистым. Поэтому опять спрашивает их: *еда лихоимствова чим вас Тит? Не тем же ли духом ходихом?* Что значит: *тем же духом?* То, что он все приписывает благодати и доказывает, что все достойное похвалы совершено не нашими трудами, но есть дело дара Духа и благодати. Подлинно, величайшая была благодать, когда терпевшие во всем недостаток и голодавшие ничего не брали ради назидания наставляемых. *Не теми же ли стопами?* То есть они нисколько не отступили от принятой мной осторожности, но сохранили то же правило. *Паки ли мните, яко*

ответ вам творим (ст. 19)? Видишь ли, как он везде опасался, чтобы не показаться льстецом? Видишь ли, с каким апостольским благоразумием часто повторяет это? Так раньше сказал: *не паки себе хвалим пред вами, но вину даем вам похвалению* (V, 12), и в начале послания: *или требуем извещавательных посланий* (III, 1). *Вся же о вашем созидании.* Опять успокаивает их. Но даже и здесь не говорит ясно: мы не брали у вас по причине вашей немощи, но – для вашего назидания, хотя, правда, яснее, чем прежде, высказал, что огорчило его, впрочем, без укоризны. Именно не сказал: по причине немощи вашей, но – чтобы вы получили назидание. *Боюся бо, еда како пришед, не яцех же хощу, обрящу вас, и аз обрящуся вам, якова же не хощете* (ст. 20). (Апостол) хочет сказать нечто важное и для них неприятное; потому и представляет оправдание, говоря: *вся же о вашем созидании,* а присовокупляя: *боюся,* смягчает то, что намерен был сказать. Это уже показывает не высокомерие или учительскую власть, но отеческую попечительность, когда он страшится более, чем сами согрешившие, и с трепетом приступает к их исправлению. Но даже и так не нападает на них и говорит не прямо, а в виде сомнения: *еда како пришед, не яцех же хощу.* Не сказал: добродетельными, но: *не яцех же хощу,* – везде употребляя слова, выражающие дружескую любовь. И слово: *обрящу* выражает нечто неожиданное, равно как и: *обрящуся вам,* поскольку то и другое – дело не произвольное, но необходимое, имеющее начало в вас самих. Поэтому говорит: *обрящуся, якова же не хощете.* Не сказал и здесь: каковым я не хочу, но гораздо разительнее – *якова же не хощете.* Это было уже в его воле, хотя не главным образом, однако же в его воле. Он мог опять сказать: каковым я не хочу, и тем показать свою любовь; но не хочет, чтобы ослабевал слушатель; при том и речь его в таком случае была бы гораздо строже. А теперь он и им сильнее дал почувствовать и себя показал более кротким. Так свойственно действовать его благоразумию, – чтобы и рана была глубже, и удар легче. Потом, в виду того, что сказанное было неясно, он раскрывает это, говоря: *да не како рвения, зависти, ярости, клеветы, шептания, кичения.* Таким образом, что надлежало сказать вначале, он говорит в конце, – потому что они восставали против него.

Итак, не желая подать вида, что главным образом ищет своего, говорит сначала вообще.

2. Действительно, все вышеуказанное – клеветы, обвинения, разногласия – порождено было завистью. Зависть, как вредный корень, порождала раздражение, осуждение, высокомерие и все прочее, а через них и сама еще более возрастала. *Да не паки пришедша смирит мя Бог мой у вас* (ст. 21). В слове: *паки* новый упрек. Довольно и прежнего, говорит он; о чем и вначале говорил: *щадя вас, не приидох в Коринф* (I, 23). Видишь, как он выказывает и негодование и сердоболие? Что же значит слово: *смирит?* Обвинять, наказывать, требовать отчета, восседать в качестве судьи – составляет, по-видимому, славу, а он называет все это смирением. Он не только не стыдился этого смирения, того, что пришествие тела его немощно и слово уничиженно, но даже желал всегда быть таковым и просил, чтобы не дойти до противного состояния. Об этом дальше он говорит яснее, показывая, что считает для себя наибольшим смирением дойти до необходимости карать и наказывать. Но почему он не сказал: да не пришел смирюся, но: *да не пришедша смирит мя Бог мой?* Если бы это было не для Бога, говорит он, я не обратил бы на то внимания, не беспокоился бы о том, потому что я не самовластно и не самовольно налагаю наказание, но по (Божию) повелению. Выше он то же самое выразил, сказав: *обрящуся, якова же не хощете;* а здесь ослабляет речь и говорит с большей снисходительностью и кротостью: *восплачуся многих согрешших,* – не просто *согрешших,* но – *не покаявшихся.* И не сказал: всех, но – *многих,* причем и этих многих не объявляет по имени, облегчая и этим для них возврат на путь покаяния; и, давая знать, что покаяние может исправить их преступления, оплакивает только нераскаивающихся, неисцелимо больных, остающихся в язвах. Итак, представь себе, какова добродетель апостола, если он, не зная за собой ничего худого, плачет о чужих грехах и смиряется за преступления других. В этом преимущественно и состоит долг учителя, чтобы соболезновать о несчастьях учеников, чтобы плакать и рыдать о язвах людей, ему подначальных. Потом исчисляет и роды греха: *о студодожствии и нечистоте, яже содеяша.* Хотя сам (апостол) разумеет

здесь блуд, но если тщательно вникнуть в дело, то можно назвать этим именем и всякий род греха, потому что хотя блудник и прелюбодей по преимуществу называются нечистыми, но и другие грехи производят нечистоту в душе. Вот почему и Христос называет иудеев нечистыми, обвиняя их не в одном блуде, но и в других пороках. Потому и говорит, что они очистили только внешнее (Мф. XXIII, 26), и что *не входящее сквернит человека, но исходящее* (Мф. XV, 11). И в другом месте сказано: *нечист пред Господем всяк высокосердый* (Притч. XVI, 5). И вполне справедливо, потому что ничего нет чище добродетели, и ничего – грязнее порока. Добродетель светлее солнца, а порок смраднее навоза. И это могут засвидетельствовать сами погрязшие в навозе и живущие во тьме, если кто-нибудь хотя несколько откроет им глаза. Доколе они остаются сами с собой и упиваются страстью, до тех пор, пребывая как бы во тьме, они бесстыдно погрязают в мерзостях порока, и хотя чувствуют свое положение, но не совершенно. Когда же кто-нибудь из добродетельных обличает их или только является перед ними, тогда они яснее видят свое жалкое положение, и, как бы освещаемые солнечным лучом, скрывают свою гнусность, и стыдятся знакомых, хотя один раб, а другой свободный, один царь, а другой подданный. Так устыдился Ахав, увидев Илию, и, раньше, чем последний сказал что-нибудь, уловлен был его одним взором. Обвинитель молчал, а он сам произнес осуждающий его приговор, говоря как попавшийся в плен: *обрел еси мя, враже мой* (3 Цар. XXI, 20). Так сам Илия безбоязненно говорил тогда мучителю. Так Ирод, не снеся стыда от обличений (а великий и трубный глас пророческого языка явно укорял его), вверг в темницу Иоанна. Как бы будучи обнаженным, он хотел погасить светильник, чтобы опять остаться во мраке. Или, лучше – сам не дерзнул погасить, но поставил в доме, как бы под спудом, а жалкая и несчастная женщина принудила его сделать это. Но и таким образом они не могли скрыть обличения, а только еще более обнаружили его, так как и спрашивавшие: за что Иоанн посажен в темницу? – узнавали причину, а впоследствии и все населяющие море и сушу, все, сколько доселе было, есть и будет людей, ясно узнали и будут узнавать об их гнусных де-

лах, то есть о распутстве и убийстве, и никакое время не сможет истребить памяти об этом преступлении.

3. Такова добродетель! Так бессмертна память ее! Так одним словом поражает она своих противников! Действительно, за что (Ирод) заключил (Иоанна) в темницу? Почему не оставил его без внимания? Ужели бы (Иоанн) повлек его в судилище? Ужели бы наказал за прелюбодеяние? Все сказанное (Иоанном) не состояло ли в одном обличении? Чего же (Ирод) боялся и трепетал? Не простая ли это была речь, не одни ли только слова? Но они уязвляли его сильнее самого дела. (Иоанн) не повел его в обыкновенное судилище, но предал его на иной суд, суд собственной совести, и всех поставил над ним судьями, все в сердце своем полновластно произносили тогда над ним приговор. Потому-то тиран и трепетал, не снеся сияния добродетели. Видишь ли, какова сила любомудрия? Оно узника сделало славнее тирана, так что последний страшился и трепетал первого. Но (Ирод) заключил только в оковы (Иоанна); а беззаконная (Иродиада) подвигла и на убийство. Между тем (Иоанново) обвинение падало больше на него, потому что не ей говорил тогда (Иоанн): для чего ты живешь с тираном? Не обличал же ее не потому, чтобы она не подлежала ответственности (могло ли это быть?), но потому, что он хотел исправить все (начав с Ирода). Поэтому и укорял его одного, и мало того, — даже и его укорял не строго. Не говорил: скверный и гнусный, беззаконный и мерзкий! Ты попрал закон Божий, презрел заповеди Божии и силу свою сделал для себя законом. Он не сказал ничего такого, но и в обличениях его видна большая умеренность и кротость: *не достоит тебе имети,* говорил он, *жену Филиппа брата твоего* (Мк. VI, 18). Такие слова более приличны учащему, нежели обличающему; вразумляющему, нежели наказывающему; руководствующему, нежели позорящему; исправляющему, нежели нападающему. Но, как я сказал, вору враждебен свет, грешникам ненавистен праведник, даже и при одном своем появлении: *тяжек нам и к видению* (Прем. II, 15). (Грешники) не могут сносить лучей его, как больные глазами — лучей солнечных. А многим грешникам тяжело не только видеть праведника, а даже и слышать о нем. Вот почему и та скверная и гнусная женщи-

на, наставница или, лучше сказать, убийца своей дочери, хотя сама даже не видала (Иоанна) и не слыхала его речей, устремилась на убийство и распутно воспитанную дочь заставила распутно идти на убийство. Так сильно боялась она (Иоанна)! И что говорит? *Даждь ми зде на блюде главу Иоанна Крестителя* (Мф. XIV, 8). Бедная и несчастная, в какую несешься ты пропасть? Разве пришел твой обличитель? Разве он перед тобой, и беспокоит тебя? Иные говорили: *тяжек есть нам и к видению;* а ей, как сказал я, тяжек был и для слуха, почему и она говорит: *даждь ми зде на блюде главу Иоанна.* За тебя (Иродиада, Иоанн) в темнице, за тебя заключен в оковы: ты можешь тщеславиться любовью царя и говорить: я овладела им, он и всенародно обличенный не охладел ко мне, не перестал меня любить, не отверг любодеяния со мной, но даже и обличителя заключил в оковы. Что же ты бесишься и неистовствуешь, когда и по обличении греха имеешь мужа? Для чего ищешь трапезы фурий и готовишь пир для убийц – демонов? Видишь ли, как ничтожна, как робка, как бессильна злоба, как она чем более одолевает, тем становится слабее? (Иродиада) не столько беспокоилась, когда Иоанн еще не был заключен в темницу, сколько тревожится, когда он уже связан. И потому настоятельно просит: *даждь ми зде на блюде главу Иоанна.* Для чего же – *зде?* Боюсь, говорит она, чтобы не обманули ложным известием об убиении, чтобы кто-нибудь не избавил (Иоанна) от гибели. Но почему просишь не всего мертвеца, а одну главу? Страстно желаю, говорит, видеть безмолвным язык, оскорбивший меня. Но, бедная и несчастная! Ты увидишь противное (как то и случилось): отсеченная голова будет говорить еще громче прежнего. Тогда Иоанн вопиял в одной только Иудее, а теперь его глас дойдет до пределов вселенной; и где ни войдешь в церковь, у мавров ли, или у персов, или даже на Британских островах, – везде услышишь вопиющего Иоанна: *не достоит* тебе *имети жену Филиппа брата твоего.* Но (Иродиада) не умела рассуждать; она неотступно просит, требует, понуждает несмысленного тирана совершить убийство, боясь, чтобы он не одумался. А ты и отсюда познай опять силу добродетели. Не выносит праведника, когда он заключен даже в темницу, находится в оковах, молчит.

Видишь ли, как порок бессилен и как нечист? Вот вносят на блюде человеческую главу вместо снедей. Что отвратительнее, что порочнее, что бесстыднее этой девицы? Что она сказала на диавольском зрелище, на демонском пиршестве? Видишь ли язык и еще язык, – один доставляет спасительные врачевства, а другой носит на себе яд и уготовляет диавольское пиршество. Но почему она не велела обезглавить его среди самого пиршества, что доставило бы ей более удовольствия? Опасалась, чтобы (Иоанн), представ на пиршестве, своим видом и дерзновением не преклонил к себе всех. Потому и требует главы, желая воздвигнуть блистательный памятник любодеянию. *И даде матери своей* (Мк. VI, 28).

4. Видишь ли награду за пляску? Видишь ли добычу диавольских козней? Я разумею не главу Иоанна, но самого мужа (Ирода). В самом деле, кто тщательно вникнет, тот увидит, что над царем одержана победа, что победительница сама побеждена, а обезглавленный увенчан, провозглашен победителем и по смерти своей еще сильнее поражает страхом сердца грешников, А что сказанное не пустые слова, спроси самого Ирода. Когда он услышал о чудесах Христовых, то говорил: *сей есть Иоанн; той воскресе от мертвых и сего ради силы даются о нем* (Мф. XIV, 2). Так сильно он боялся и непрестанно трепетал, и никто не мог освободить его от страха совести; напротив – судья этот оставался неподкупным, мучил его и каждодневно наказывал за убийство. Итак, зная это, убоимся не претерпевать, но делать зло. Одно есть победа, а другое – поражение. Потому и Павел говорил: *почто не паче обидими есте? Но вы сами обидите и лишаете, да еще братию* (1 Кор. VI, 7, 8). Терпящему зло готовы венцы, награды и прославление. И это можно видеть на всех святых. Если же все таким образом увенчаны и провозглашены победителями, то и мы пойдем тем же путем; будем молиться, чтобы не впасть в искушение; а если оно придет, то, вооружившись мужеством, покажем должную ревность, чтобы получить нам будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIX

Третицею се гряду к вам: при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол (XIII, 1)

1. Любомудрие Павла и его отеческое сердоболие можно видеть из многого другого, а преимущественно из того, что он в увещаниях обилен и строг, а в наказаниях мягок и медлителен. Он не тотчас наказал согрешивших, но двукратно увещевал их; мало того, даже и после того, как они преслушали его увещания, не наказывает, но опять увещевает, говоря: *се третицею гряду к вам,* а до пришествия пишу еще послание. А чтобы медленность не произвела беспечности, смотри, как и это предотвращает, непрестанно угрожая, напрягая удар и говоря: *аще приииду паки, не пощажду;* и еще: *да не пришед, восплачуся многих.* Так поступает он и говорит, подражая в этом случае Владыке всех. И Бог хотя непрестанно угрожает и многократно увещевает, но не часто карает и наказывает. Так поступает и он. Потому и прежде, говорил: *щадя вас, ктому не приидох в Коринф* (I, 28). Что значит: *щадя вас?* То есть чтобы, найдя вас согрешившими и не исправившимися, не подвергнуть вас каре и наказанию. И здесь, говоря: *третицею се гряду к вам: при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол* – прилагает неписанное к написанному. Так поступил он и в другом случае, сказав: *прилепляяйся сквернодейце, едино тело есть: будета бо, рече, оба в плоть едину.* (1 Кор. VI, 16). Хотя последние слова сказаны о законном браке, но он удачно ими воспользовался для своего предмета, чтобы тем более устрашить. Так поступает и здесь, вместо свидетелей представляя свои пребывания (в Коринфе) и свои увещания. Слова его имеют такой смысл: раз и другой говорил я вам, когда приходил к вам; говорю и теперь в письме. И если вы послушаете меня, то исполнено мое желание; если же не послушаете, то надобно уже будет сделать сказанное мной и наложить наказание. Поэтому и говорит: *прежде рех и предглаголю, яко у вас быв второе, и отсутствуя ныне пишу, прежде согрешившим и прочим всем, яко аще прииду паки, не пощажду* (ст. 2). Если *при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол,* а я уже два раза был у вас и говорил, теперь же говорю на письме, то мне надобно бу-

дет сдержать свое слово. Не думайте, чтобы послание мое к вам было маловажнее личного моего у вас присутствия. Как, будучи у вас, я говорил, так и, находясь в отсутствии пишу. Видишь ли отеческую заботливость? Видишь ли подобающую учителю попечительность? Он и не смолчал, и не наказал; несколько раз предваряет и не перестает грозить, но наказание откладывает; если же и после этого не исправятся, тогда уже угрожает действительным наказанием. Что же ты прежде говорил, будучи в Коринфе, и что пишешь теперь, находясь в отсутствии? *Яко еще паки прииду, не пощажду*. Сперва сказал, что не может этого сделать, если не будет к тому принужден, и необходимость наказывать назвал плачем и смирением для себя: *да не паки*, говорит, *пришедша мя смирит Бог мой у вас, и восплачуся многих прежде согрешших и не покаявшихся;* даже оправдывался перед ними, что уже раз, и два, и три предварял их, что все делает и придумывает, как бы обойтись без наказания и исправить их словесными только угрозами, и после этого только уже произносит грозные эти слова: *аще паки прииду, не пощажду*. Не сказал, отомщу, накажу, предам истязанию, но и о самом наказании опять выражается отечески, показывая свою к ним любовь и сострадательность, по которым, щадя их, доселе отлагал (наказание). Потом, чтобы они и теперь не подумали, что (наказание) опять будет отложено и угрозы только на словах, он как выше сказал: *при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол*, так и здесь присовокупляет: *аще паки прииду, не пощажду*. Слова эти значат: я уже не отложу (наказания), если – чего не дай Бог! – найду вас не исправившимися, но непременно накажу и исполню, что сказал. Вслед за тем с великим гневом и с сильным негодованием на тех, который смеялись над ним, как над человеком слабым, и о прибытии его (в Коринфе) шутя говорили: *пришествие немощно и слово уничиженно* (X, 10), – как бы обращая к ним речь свою, говорит: *понеже искушения ищете глаголющаго во мне Христа* (ст. 3)? Это сказал он, чтобы нанести и удар (лжеапостолам), и вместе дать почувствовать всем им (коринфянам). Смысл же слов его такой: так как вы хотите испытать, обитает ли во мне Христос, требуете от меня доказательств и потому смеетесь надо мной, как над человеком низким и пре-

зренным, не имеющим в себе силы Христовой, то узнаете, что я не лишен ее, если подадите к тому случай, чего, впрочем, да не будет. Что же, – скажи мне, – за то ли хочешь наказать, что они ищут доказательства? Нет, говорит. Если бы я искал случая наказать их, то с самого же начала наказал бы согрешивших и не стал бы медлить. А что он точно не желает наказывать, это он ясно показал впоследствии словами: *молюся же не сотворити вам ни единаго зла, не яко да мы, искусны явимся, но* чтобы вы были искусны, *мы же яко неискусны будем* (ст. 7).

2. Итак, он говорит это не в виде причины, но выражая скорее свое негодование и желая дать почувствовать это тем, которые его презирали. Я не хочу, говорит он, показать над вами такого опыта. Если же сами вы подадите случай, и захотите вызвать меня на то, то узнаете на самом деле. И смотри, с какой суровостью говорит он. Не сказал: так как вы стараетесь искусить меня, но: *глаголющаго во мне Христа*, – показывая тем, что они против Его согрешили. Не просто сказал: во мне обитающего, но: *глаголющаго*, – показывая тем, что слова его внушены Духом Святым. И если (Христос) не обнаруживает силы Своей и не наказывает, – (апостол) для того переносит речь от себя (ко Христу), чтобы слелать угрозы более страшными, – то не по немощи, – так как Он всемогущ, – но по долготерпению. Итак, никто пусть не почитает терпения (Господня) немощью! Чему ты, в самом деле, дивишься, если (Господь) не произносит теперь же суда на грешников и не подвергает их наказанию, но медлит и долготерпит, когда Он благоволил быть распятым на кресте и, терпя крестные страдания, не наказывал? Потому (апостол) и присовокупил: *Иже в вас не изнемогает, но может в вас. Ибо аще и распят бысть от немощи, но жив есть от силы Божия* (ст. 4). Слова эти очень неясны и смущают немощных. Поэтому нужно раскрыть их яснее и показать истинное значение этого выражения, заключающего в себе неясность, чтобы никто и из простых не соблазнялся.

Итак, требуется объяснить, какой смысл сказанного, что значит слово *немощь*, и в каком значении оно употреблено. Ведь одно и то же слово имеет многие значения. Так немощью называется болезнь телесная, почему и сказано в Евангелии о Лазаре: *се, егоже любиши, болит* (немощствует)

(Ин. XI, 3). И сам (Христос) сказал: *сия болезнь* (немощь) *не к смерти* (ст. 4). И Павел об Епафродите сказал: *боле близ смерти, но Бог помилова его* (Флп. II, 27); и о Тимофее: *мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. V, 23). Во всех приведенных местах слово: *немощь* означает телесный недуг. Немощью называются также нетвердость, колеблемость и несовершенство в вере. В таком смысле Павел говорил: *изнемогающаго в вере приемлите, не в сомнение помышлений* (Рим. XIV, 1). И в словах: *ов бо верует ясти вся, а изнемогаяй зелия да яст* (Рим. XIV, 2), разумеет немощного в вере. Вот два значения слова — *немощь*. Но и еще нечто называется немощью. Что же такое? Гонения, наветы, оскорбления, искушения, бедствия. И в таком смысле Павел говорил: *о сем трикраты Господа молих. И рече ми: довлеет ти благодать Моя, сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. XII, 8, 9). Что значит: *в немощи?* В гонениях, в опасностях, в искушениях, в наветах, в различных родах смерти. И в том же смысле (апостол) сказал: *темже благоволю в немощи* (XII, 10). Показывая затем, о какой говорит немощи, не упомянул о горячке или о сомнении в вере; но что сказал? *В досаждениих, во изгнаниих, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, да вселится в мя сила Христова. Егда бо немощствую, тогда силен есмь* (XII, 9, 10; XI, 23). Когда, говорит, меня преследуют, когда гонят, когда против меня злоумышляют, *тогда силен есмь*, тогда больше всего побеждаю и превозмогаю злоумышляющих помощью живущей во мне обильной благодати. В этом-то третьем значении Павел и употребил слово — *немощь*. И вот смысл сказанного. (Апостол) клонит речь к тому же, что говорил прежде, именно, что (коринфяне) почитали его низким и презренным. Так как он не хотел хвалиться, не хотел, чтобы и другие разумели его таким, каков он был на самом деле, не хотел показать силу, которую имел для наказания непокорных, то и почитали его ничего не значащим. И так как думавшие таким образом оставались в крайней беспечности и нечувствительности и не исправлялись от грехов, то (апостол), пользуясь благоприятным случаем, в выражениях весьма сильных рассуждает и о них, показывая, что он ничего не сделал им не по немощи, но по долготерпению. Потом, как я уже сказал, переносит речь от себя ко Христу и тем умно-

жает страх, увеличивает угрозу. Слова же его имеют такой смысл: если и сделаю что, накажу и покараю согрешивших, то разве я буду карать и наказывать их? Накажет Христос, Который обитает во мне. Если же не верите тому и хотите видеть доказательство, то скоро узнаете из действий Живущего во мне, так как Он *не изнемогает в вас, но может.* Для чего (апостол) прибавил: *в вас,* когда (Христос) везде силен? Захочет ли Он наказать неверных, или демонов, или кого другого, – Он все может. Что же значит это прибавление? (Апостол) или хочет пристыдить их тем, что они сами уже испытали, или выражает то, что (Христос) теперь показывает силу в вас, которые должны исправиться. Так и в другом месте сказал: *что бо ми и внешних судити* (1 Кор. V, 12)?

3. Внешних, говорит он, будет судить Бог в день суда; а вас хочет наказать еще ныне, чтобы избавить от будущего наказания. Но смотри, как при всей своей попечительности, происходящей от отеческого сердоболия, (апостол) дает место страху и великому гневу, говоря: *Иже в вас не изнемогает, но может в вас. Ибо аще и распят бысть от немощи, но жив есть от силы Божия.* Что значат слова: *аще и распят бысть от немощи?* То, что хотя (Христос) благоизволил пострадать, что имело вид немощи, но это нисколько не уменьшает Его силы. Сила Его пребывает непобедимой, и то, что имело вид немощи, нимало не повредило ей; напротив, оно-то наиболее и показало Его крепость в том, что и страдание претерпел Он, и сила Его через то не сократилась. Итак, да не смущает тебя слово: *немощь,* потому что и в другом месте (апостол) говорит: *буее Божие премудрее человек есть, и немощное Божие крепчае человек есть* (1 Кор. I, 25); хотя в Боге нет ничего буиего, ничего слабого, но так (апостол) назвал крест, представляя мнение о нем неверных. Послушай, как сам он толкует слова свои: *слово бо крестное погибающим убо юродство есть, а спасаемым нам сила Божия есть.* И еще: *мы же проповедуем* Бога *распята, Иудеем убо соблазн, Еллином же безумие, самим же званным Иудеем же и Еллином Христа, Божию силу и Божию премудрость* (1 Кор. I, 18, 23, 24). И в другом месте: *душевен же человек не приемлет, яже Духа; юродство бо ему есть* (II, 14). Смотри, как везде он излагает мнение неверных, почитающих крест юродством и немощью. Так и здесь говорит не о дей-

ствительной немощи, но о воображаемой неверующими. Итак, (апостол) не то говорит, что (Христос) распят по немощи, — да не будет этого! — ведь Он во всем показал, что мог быть и не распят, то повергнув ниц на землю (пришедших с Иудой, Ин. XVIII, 6), то помрачив солнце, то иссушив смоковницу, то ослепив очи хотевших взять Его, и сотворив другие бесчисленные чудеса. Что же значит выражение: *от немощи?* То, что хотя Христос был и распят, претерпел бедствия и наветы, — а мы уже доказали, что наветы и бедствия называются немощью, — однако Он не понес никакого вреда. И все это (апостол) сказал для того, чтобы применить к самому себе. Так как (коринфяне) видели, что (апостолы) были гонимы, преследуемы, презираемы, и Бог не отомстил за них, и сами они не вступались за себя, то, чтобы научить их, что они терпят все это не по немощи, и не потому, чтобы не могли отомстить за себя, указывает на пример Владыки. Так, говорит, и Сам (Господь) был распят, связан, терпел бесчисленные мучения, но не мстил за Себя; напротив, понес все, что казалось немощью, и в этой немощи явил силу свою, — потому что не потерпел никакого вреда, хотя и не мстил и не вступался за Себя. Крест не пресек жизни Его, не воспрепятствовал воскресению; напротив — (Христос) воскрес и живет. А когда слышишь о кресте и жизни, разумей это о домостроительстве спасения, потому что о нем идет вся речь. А когда (апостол) говорит: *от силы Божия,* он не разумеет, что (Христос) не мог сам оживотворить плоти Своей, а показывает только, что безразлично — сказать ли: силой Отца или: силой Сына; и потому, сказав: *от силы Божия,* то же сказал, что и — Своей силой. А что (Христос) действительно сам воздвиг и воскресил плоть Свою, послушай, как Он сам говорит о том: *разорите церковь сию, и аз треми денми воздвигну ю* (Ин. II, 19). Если же (Христос) принадлежащее Ему называет принадлежащим Отцу, не приходи от этого в смущение. *Вся бо,* говорит Он, яже Отца Моего *Моя суть* (Ин. XVI, 15); и в другом месте: *Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя* (XVII, 10). Итак, говорит (апостол), как (Христос), будучи распят, не потерпел никакого вреда, так и мы, когда нас гонят и вооружаются на нас (не терпим вреда). Потому и присовокупляет: *ибо и мы немощствуем в Нем, но живи будем в*

Нем от силы Божия. Что значит: *немощствуем в Нем?* Подвергаемся гонениям, притеснениям и терпим крайние бедствия. А что значит: *в Нем?* То, что терпим за проповедь и за веру в Него. Если же терпим за Него все скорбное и тягостное, то несомненно получим и радостное. Поэтому (апостол) и говорит далее: *но живи будем в Нем от силы Божия. Себе искушайте, аще есте в вере, себе искушайте. Или не знаете себе, яко Христос в вас есть, разве точию чим неискусни есте? Уповаю же, яко разумети имате, яко мы несмы неискусни* (ст. 5, 6). (Апостол) выше доказал, что если не наказывает (коринфян), то не потому, чтобы не имел в себе Христа, но потому, что подражает Его долготерпению, так как сам (Господь) был распят и не отомстил за Себя. И теперь доказывает то же, но другим образом и гораздо убедительнее, извлекая доказательство из примера учеников. Что мне говорить о себе – учителе, который имею столько попечений, которому вверена целая вселенная, который совершил столько чудес? И вы сами, находящиеся в числе учеников, если захотите испытать самих себя, усмотрите, что и в вас обитает Христос. Если же в вас, то тем более в учителе. Если вы имеете веру, то и Христос в вас. И это самое сказано им о таких верующих, которые творили чудеса, потому что верующие в то время чудодействовали. Поэтому (апостол) и прибавляет: *себе искушайте, аще есте в вере, себе искушайте. Или не знаете себе, яко Христос в вас, разве точию чим неискусни есте?* Если же в вас, то тем более в учителе. Мне кажется, что (апостол) здесь говорит о вере чудодействующей. Если вы имеете, говорит он, эту веру, то Христос в вас: *разве точию чим неискусни* сделались вы.

4. Видишь ли, как опять он устрашает и со всей ясностью показывает, что Христос с ним? Здесь, мне кажется, он указывает (коринфянам) и на жизнь. Так как одна вера недостаточна к получению духовной силы (чудотворения); а он сказал, что если вы пребываете в вере, то имеете в себе Христа, между тем как многие, имея веру, не имели этой силы чудодейственной, – то, разрешая недоумение, он и говорит: *разве точию чим неискусни есте,* то есть разве порочна жизнь ваша. *Уповаю же, яко разумети имате, яко мы несмы неискусни.* Следовало сказать: если вы сделались и неискусны, все же мы не неискусны. Но не так он говорит, чтобы не ос-

корбить их, а выражает это прикровенно; не говорит утвердительно – вы неискусны; не предлагает и в виде вопроса: разве вы неискусны? Но, оставляя это, выражает то же самое скрытным образом, говоря: *уповаю же, яко разумети имате, яко мы несмы неискусни.* И здесь опять сильная угроза, великий страх. Если вы хотите, говорит, чтобы я доказал вам это, наказав вас, то мы не затруднимся дать вам такое доказательство. Впрочем, он не так говорит, но с большей строгостью и угрозой: *уповаю же, яко разумети имате, яка мы несмы неискусни.* Вам и без этого, говорит он, надлежало знать нашу силу и то, что в нас говорит и действует Христос; но так как вы хотите испытать это на самом деле, то узнаете, что *мы несмы неискусни.* Потом, ввиду того, что он простер угрозу далеко, поставил наказание у самих уже дверей, привел (коринфян) в трепет и заставил ожидать казни, – то, смотри, какой сладостью опять растворяет свое слово, как умеряет их страх и показывает свою невзыскательность, попечительность об учениках, любомудрие, высоту и свободу от тщеславия. Все это он выражает в следующих далее словах: молюся *же к Богу, не сотворити вам ни единаго зла, не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же яко неискусни будем. Ничто же бо можем на истину, но по истине. Радуемся бо, егда мы немощствуем, вы же сильни бываете. О сем бо и молимся, о вашем совершении* (ст. 7–9).

Где можно найти душу подобную (Павловой)? Его презирали, унижали, осмеивали, над ним издевались, как над человеком ничтожным, ничего незначащим, хвастливым, который величается только на словах, а на деле нисколько не может показать своей силы; а он не только медлит, не только не хочет наказывать, но еще молит Бога, чтобы не дойти до такой необходимости. Молюсь *же,* говорит он, *не сотворити вам ни единаго зла, не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же яко неискусни будем.* Что значат эти слова? Прошу и молю Бога, говорит он, чтобы мне никого не найти не исправившимся, никого не найти не раскаявшимся. И не только об этом молю, но и о том, чтобы вы и не начинали грешить, *не сотворити вам,* говорит он, *ни единаго зла;* а если согрешите, то чтобы вы спешили покаяться, предварили меня исправлением и предотвратили всякий гнев. Я за-

бочусь не о том, чтобы явиться перед вами искусным, но совершенно напротив – о том, чтобы нам не явиться искусными. Если, говорит, вы пребываете во грехах нераскаянными, то необходимо нужно наказать вас, подвергнуть истязанию ваши тела, как поступлено было с Сапфирой и с волхвом (Деян. V, 13, 14; XIII, 11), – над которым мы явили опыт нашей силы. Но мы не об этом молимся, а, напротив, чтобы нам не показывать себя искусными в таком деле, то есть чтобы не делать опыта силы, какая в нас, наказывая вас и карая согрешающих и болящих неисцельно. Но о чем (молимся)? *Да вы доброе сотворите;* молимся о том, чтобы вы всегда пребывали в добродетели, всегда были исправны; *мы же яко неискусни будем,* не обнаруживая в себе карающей силы. И не сказал: *неискусни* (будем), так как не стал бы неискусным, хотя бы и не наказал; напротив, через это самое и показал бы себя искусным. Но если некоторые, говорит, и почитают нас презренными и недостойными уважения, потому что не показываем силы своей, то мы нимало об этом не заботимся. Лучше нам навлечь на себя от них такое мнение, нежели проявлять данную нам от Бога силу в наказании людей с неисправимой душой. *Ничто же бо можем на истину, но по истине.* Чтобы не показалось, будто он делает так из угождения им (что чуждо для души, не знающей тщеславия), а, напротив, что делает то, чего требует само свойство дела, (апостол) и присовокупил: *ничто же бо можем на истину.* Если, говорит, найдем вас благоустроенными, сложившими с себя грехи через покаяние и имеющими дерзновение к Богу, то нам, хотя бы мы и захотели, нельзя будет наказать вас, и, если бы решились на то, Бог не будет нам содействовать. Он для того дал нам силу, чтобы мы произносили приговор верно, праведно, а не вопреки истине. Видишь ли, как он везде смягчает слово свое и умеряет тяжесть угрозы? И сколько заботился об этом, столько желает показать и свое к ним благорасположение. Потому и присовокупил: *радуемся бо, егда мы немощствуем, вы же сильни бываете. О сем же и молимся, о вашем совершении.* Тому особенно радуемся, говорит он, что ничего не можем против истины, то есть не можем наказывать вас, когда вы благоугождаете (Богу). А так как не можем, то и не хотим, даже желаем противного. Но по тому-то

самому особенно и радуемся, когда не находим, что вы подаете нам причину показать силу нашу в наказании вас. И хотя и через то явились бы мы славными, искусными и сильными, но желаем противного, то есть чтобы вы были искусны и непорочны, а мы отсюда не приобрели себе славы. Потому и говорит: *радуемся бо, егда мы немощствуем.* Что значит — *немощствуем?* Когда нас почитают немощными; не когда мы немощны, но когда почитаемся немощными. А такими почитали (апостолов) враги за то, что не обнаруживали карающей своей силы. И все же мы радуемся, когда вы так живете, что не подаете нам повода наказывать вас. И для нас приятно, что почитают нас в этом отношении немощными, только бы вы были неукоризненны. Потому и прибавляет: *вы же сильни бываете,* то есть искусны и добродетельны. И мы не только желаем, но и молимся об этом, — чтобы вы были непорочны, совершенны и не подавали нам никакого повода (наказывать вас).

5. Подлинно отеческая любовь — предпочитать спасение учеников личной своей славе! Вот душа, в которой нет места тщеславию. А свобода от тщеславия больше всего освобождает от оков телесных, и возносит от земли к небу. Напротив, тщеславие ведет ко многим грехам. Да и невозможно стать высоким, великим и благородным не очистившему себя от тщеславия; он необходимо пресмыкается долу и многое портит, раболепствуя этому гнусному повелителю, более жестокому, чем всякий варвар. В самом деле, что может быть свирепее тщеславия, которое тогда наиболее и свирепствует, когда наиболее ему услуживают? Такого свойства не имеют даже и звери, напротив, смягчаются, когда за ними ухаживают. А тщеславие совершенно напротив: когда его презирают, оно укрощается, а когда чествуют, свирепеет и вооружается на своих почитателей. Служившие тщеславию иудеи жестоко наказаны; а ученики (Христовы), презиравшие его, увенчаны. Но что говорю о наказании и венцах? Даже к тому самому, чтобы сделаться славным, всего более содействует презрение тщеславия. И отсюда видно также, что почитающие тщеславие сами себе вредят; а презирающие его приобретают пользу. Ученики (ничто не мешает воспользоваться опять тем же примером), презрев-

шие тщеславие, предпочтившие славу Божию, сияют светлее солнца, стяжав себе бессмертную память и по кончине. Напротив, поработившиеся тщеславию иудеи не имеют теперь ни города, ни домов, стали бесчестными, изгнанниками, пресельниками, ничтожными, презренными.

Так и ты, если хочешь достигнуть славы, отвергай славу; а если будешь гоняться за славой, лишишься славы. Если же угодно, покажем то же самое и на делах житейских. Кого мы преследуем насмешками и остротами? Не тех ли, которые домогаются славы? Они-то, следовательно, всего более и лишены ее, имея тысячи обвинителей и находясь у всех в бесчестии. А кому, скажи, удивляемся? Не тем ли, которые презирают славу? Они-то, следовательно, и пользуются ею. Подобно тому, как богат не тот, кто во многом имеет нужду, но кто ни в чем не нуждается, так и славен не тот, кто ищет славы, но кто презирает ее. Ведь земная слава только тень славы. Видя написанный на картине хлеб, никто не прикасается к картине, хотя бы мучился ужасным голодом. Не гоняйся же и ты за тенью, – ведь это тень славы, а не слава. А чтобы тебе увериться, что это так, размысли о том, что славолюбие всеми считается за нечто худое, чего надобно избегать по мнению всякого, даже желающего славы, и снискал ли уже кто славу, или только домогается ее, – стыдится, когда называют его славолюбцем. Откуда же, спросишь, желание славы и отчего происходит эта страсть? От малодушия (нужно не обличать только погрешности, но и исправлять), от несовершенного смысла, от детского понятия. Перестанем же быть детьми, и станем мужами; будем не за тенью гоняться, но искать везде истины – и в богатстве, и в удовольствиях, и в наслаждениях, и в славе, и в могуществе, – и эта болезнь прекратится, а вместе с ней и другие многие. Гоняться за тенью свойственно безумному. Потому Павел и сказал: *истрезвитеся праведно и не согрешайте* (1 Кор. XV, 34). Пристрастие к славе есть своего рода безумие, которое гораздо сильнее безумия, производимого в человеке бесом или обнаруживаемого при сумасшествии. Последнее извинительно, а первое не имеет никакого оправдания, потому что здесь сама душа повреждена и ее суждения неправильны, погибельны. Сумасшествие часто зависит от болезни

телесной, а это неистовство происходит от злохудожного разума. Как самая жестокая и неисцельная горячка есть та, которая поражает твердое тело, свирепствует в нервах и скрывается в жилах, так и это неистовство ужасно, потому что свирепствует в разуме, извращает и ослабляет его. В самом деле, не ясное ли и очевидное сумасшествие, не болезнь ли всякого сумасшествия жесточе – презирать постоянно пребывающее, и с великим тщанием гоняться за скоропреходящим? Скажи, если бы кто стал догонять ветер или захотел схватить его, не назвали ли бы его безумным? Или если бы кто стал гоняться за тенями и презирать действительные предметы, возненавидел бы жену свою и вместо нее обнимал тень ее, или стал бы отвращаться от своего сына, а любить опять тень его, то потребуешь ли ты еще яснейшего доказательства его сумасшествия? Но таковы-то все пристрастные к настоящим вещам. Все ведь настоящее тень – укажешь ли ты на славу, или на могущество, на почести, на богатство, на удовольствие, или на что бы то ни было другое житейское. Потому-то и пророк сказал: *убо образом ходит человек, обаче всуе мятется* (Пс. XXXVIII, 7), и еще: *дние наши яко сень уклонишася* (Пс. CI, 12). И в другом месте все человеческие (замыслы) он называет дымом и цветом травным (Пс. CI, 4, 5). Но не одно только приятное есть тень, а также и прискорбное, как то: и смерть, и бедность, и болезнь, и тому подобное. Что же постоянно как из приятного, так и из прискорбного? Вечное царство и нескончаемое мучение, потому что ни червь не умрет, ни огонь не угаснет, и праведники воскреснут в жизнь вечную, а грешники в муку вечную. Итак, чтобы нам избежать нескончаемого мучения, а наследовать вечное царство, – оставив тень, со всей ревностью обратимся к предметам действительным. Таким образом достигнем царства небесного, которого и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава с Отцом и Святым Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXX

Сего ради не сый у вас сия пишу, да не пришед безщадно сотворю по власти, юже Господь дал ми есть в созидание, а не на разорение (2 Кор. XIII, 10)

1. (Апостол) сознавал, что сказанное им, особенно к концу послания, строго. Выше он говорил: *сам же аз Павел молю вы кротостию и тихостию Христовою, иже в лице убо смирен в вас, не сый же у вас дерзаю в вас. Молю же, да не присущ дерзаю надеянием, им же помышляю смети на некия непщующия нас, яко по плоти ходящих;* и: *в готовости имуще отмстити всяко преслушание, егда исполнится ваше послушание* (X, 1, 2, 6); и еще: *боюся же, еда како пришед, не яцех же хощу обрящу вас, и аз обрящуся вам, якова же не хощете: да не паки пришедша мя смирит Бог мой у вас, и восплачуся многих прежде согрешших и не покаявшихся о нечистоте и блужении, яже содеяша* (XII, 20, 21); и потом: *прежде рех и предглаголю, яко у вас быв второе, и отсутствуя ныне пишу, яко еще прииду паки, не пощажду; понеже искушения ищете глаголющаго во мне Христа* (XIII, 2, 3). Итак, ввиду этого, равно как и многого другого, что сказано было им в их устрашение, посрамление, укоризну и порицание, он, желая оправдать себя во всем, говорит: *сего ради не сый у вас сия пишу, да не пришед безщадно сотворю.* Я желаю (говорит), чтобы строгость моя была только на словах, а не на деле; желаю, чтобы послания были строги, чтобы угрозы продолжались, но не приводились в исполнение. Но и в самом этом оправдании он опять делает речь свою грозной, показывая, что не он будет наказывать их, но Бог, – именно он присовокупил: *по власти, иже Господь даде ми,* – и вместе давая опять разуметь, что не желает употребить власть свою для наказания их, – то же присовокупил: *в созидание, а не на разорение.* Впрочем, теперь хотя и сделал об этом намек, как сказал я, однако оставил им самим на размышление, – что если они не исправятся, то наказать не исправляющихся есть также созидание. А что это действительно так, сам он знал и показал то на деле. *Прочее, братие, радуйтеся, совершайтеся, утешайтеся, тожде мудрствуйте, мир имейте, и Бог любве и мира будет с вами* (ст. 11). Что значит: *прочее, братие, радуйтеся?* Ты опечалил, устрашил, поверг в скорбь, заставил трепетать и бояться: как же

велишь радоваться? Поэтому, говорит, и велю радоваться. В самом деле, если вы со своей стороны будете соответствовать тому, что я обязан сделать со своей стороны, то не будет препятствия к радости. А с моей стороны все сделано: я долготерпел, медлил, не отлучал вас, убеждал, увещевал, устрашал, угрожал, чтобы как-нибудь произвести в вас плоды покаяния. Теперь вам должно сделать свое дело, — и радость ваша не помрачится. *Совершайтеся.* Что же значит: *совершайтеся?* Будьте совершенны и восполните, чего недостает. *Утешайтеся.* Так как искушений было много и опасности были велики, то ищите утешения друг в друге, и в нас, и в собственном исправлении. Если радость ваша происходит от (чистой) совести и если вы совершенны, то ничего недостает к вашему благодушию и утешению, потому что ничто не доставляет столько утешения, как чистая совесть, хотя бы вы окружены были бесчисленными искушениями. *Тожде мудрствуйте, мир имейте.* Об этом просил он и в начале первого послания. Случается, что люди имеют одни и те же мысли, однако не имеют мира, например — когда в догматах веры согласны, а друг против друга враждуют. Напротив, Павел здесь требует того и другого (и единомыслия и согласия). *И Бог любве и мира будет с вами.* Не только увещевает и советует иметь мир, но и молит о том Бога; и подлинно, здесь он или молит, или предсказывает будущее, а вернее, то и другое вместе. Если, говорит он, будете так поступать, то есть одно и то же мудрствовать и иметь мир между собой, то и Бог будет с вами, потому что Бог есть Бог любви и мира, Он этому радуется и об этом веселится. Отсюда — от любви Его — и в вас будет мир. Отсюда — избавление от всех зол. Эта любовь спасла вселенную, она прекратила застарелую на земле вражду, она соединила землю с небом, она сделала людей ангелами. Возлюбим же ее и мы, потому что она — матерь бесчисленных благ. Ею мы спасены, через нее нам дарованы все неизреченные блага. Затем, возводя их к любви, (апостол) говорит: *целуйте друг друга лобзанием святым* (ст. 12). Что значит: *святым?* Не притворным, не коварным, каким Иуда облобызал Христа. Для того и дано лобзание, чтобы возбуждать любовь, чтобы воспламенять искреннее расположение, чтобы мы так любили

друг друга, как братья братьев, как дети отцов, и отцы детей, или еще и больше, – потому что эта (любовь) – от природы, а наша – от благодати. Через лобзание соединяются между собой души. Вот почему, и возвращаясь из путешествий, мы целуем друг друга, когда души наши приходят во взаимное общение. Поцелуй уст особенно выражает расположение души нашей.

2. Можно сказать и еще нечто об этом святом лобзании. Что же такое? Мы храм Христов. Поэтому, лобзая друг друга, мы лобзаем преддверия и вход храма. Не видите ли, как многие лобызают двери и этого храма (в котором Златоуст произносил свою беседу), одни преклоняя главу, другие прикасаясь рукой и поднося руку к устам? И этими вратами и дверями (нашими устами) входил и входит к нам Христос, когда мы причащаемся. Вы, причастники таинства, понимаете, что я говорю. Не простой чести сподобляются уста наши, приемлющие тело Владычное. Потому-то здесь, по преимуществу, мы и лобзаем друга. Пусть слышат это предающиеся сквернословию и злословию, – и да ужаснутся при мысли, как они сквернят уста свои. Пусть слышат это срамно лобызающиеся. Послушай, что Бог вещал устами твоими, – и береги их от осквернения. Он вещал ими о жизни будущей, о воскресении, о бессмертии, о том, что смерть уже не смерть, и о многих других неизреченных (тайнах). В самом деле, приступающий к таинству приближается к устам иерея, как к прорицалищу. Послушаем, как они страшны. Приступающий погубил жизнь свою еще в прародителях и приходит взыскать ее и просить совета, как найти и приобрести ее. Тогда Бог вещает устами иерея, как найти ее; и уста иерея бывают страшнее самого очистилища. Это последнее никогда не издавало такого гласа, а прорекало о предметах гораздо низших, о земных войнах и о земном мире; напротив эти уста вещают о небе, о будущей жизни, о вещах новых и превосходящих разум. Сказав же: *целуйте друг друга лобзанием святым,* (апостол) присовокупил: *целуют вы святии вси,* – и этим подавая им радостную надежду. Это он написал вместо лобзания, соединяя их между собой этим взаимным приветствием, потому что от тех же уст происходят и лобзание и слова. Видишь ли, как он соединяет между собой всех –

удаленных по плоти и близких, первых посредством писания, а последних посредством лобзания? *Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами. Аминь* (ст. 13). Таким образом, соединив их между собой и приветствиями и лобзаниями, опять заключает слово молитвой, а через нее всемерно старается соединить их и с Богом.

Где теперь утверждающие, что Святый Дух не единосущен Отцу и Сыну потому, что о Нем не упоминается в начале посланий? Вот теперь (апостол) наименовал и Его вместе с Отцом и Сыном. Кроме того, должно сказать и то, что (апостол) в Послании к Колоссянам, сказав: *благодать аз и мир от Бога Отца нашего* (Кол. I, 2), умолчал о Сыне и не прибавил, как в прочих посланиях: *и Господа Иисуса Христа.* Ужели поэтому и Сын будет не единосущен (Отцу)? Но утверждать это есть крайнее безумие. Напротив, то самое и показывает Его единосущие, что Павел в различных местах различно упоминает (о лицах). А что сказанное мной не одна догадка, послушай, как он упоминает о Сыне и о Духе, а умалчивает об Отце. Так в (первом) Послании к Коринфянам говорит: *но омыстеся, но освятистеся, но оправдастеся именем Господа Иисуса Христа, и Духом Бога нашего* (VI, 11). Итак, скажи, ужели они не крестились во имя Отца? Тогда они и не омылись, и не освятились. Но они крестились (во имя Отца), так как действительно крестились. Почему же не сказал, что омылись именем Отца? Потому, что для него безразлично – один раз упомянуть об одной ипостаси, в другой раз – о другой. То же найдешь и во многих местах посланий. Так в Послании к Римлянам говорит: *молю убо вас щедротами Божиими* (Рим. XII, 1), хотя щедроты принадлежат и Сыну. И в другом месте: *молю вы любовию Духа* (XV, 30), хотя любовь принадлежит и Отцу. Почему же он не упомянул о Сыне, когда говорит о щедротах и об Отце, когда говорит о любви? Он умолчал об этом, как для всех явном и несомненном. Найдешь также и то, что (апостол) и сами дары приписывает (лицам Святой Троицы) в обратном порядке. Так, сказав здесь: *благодать Христа, и любы Бога и Отца, и общение Святаго Духа,* в другом месте общение приписывает Сыну, а любовь Духу, говоря: *молю вы любовию Духа,* а в (первом) Послании к Коринфянам: *верен*

Бог, им же звани бысте во общение Сына Его (I, 9). Так все, принадлежащее Троице, нераздельно! И где общение Духа, там и общение Сына, и где благодать Сына, там благодать Отца и Святого Духа. Так (апостол) сказал: *благодать вам от Бога Отца;* а в другом месте, исчислив многие виды благодати, присоединил: *вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя властию коемуждо, якоже хощет* (1 Кор. XII, 11). Говорю же это не потому, что смешиваю ипостаси, – нет! – напротив, знаю как то, чем они различаются и разделяются, так и единство их сущности.

3. Итак, будем и догматы эти содержать со всей точностью, и привлекать к себе любовь Божию. Бог прежде возлюбил нас, когда мы еще ненавидели Его, и примирил с Собой, когда мы еще были врагами Его; и теперь хочет любить нас, уже любящих Его. Будем же постоянно любить Его, чтобы и Он любил нас. Если мы, пользуясь любовью сильных людей, для всех бываем страшны, то тем более, когда будем (в любви) у Бога. И если из любви к Нему нужно будет отдать имущество, тело свое, даже саму душу, не пощадим ничего. Недостаточно свидетельствовать любовь свою к Нему только на словах; нужно показать ее и делами, так как и Он сам явил Свою любовь к нам не словами только, но и делами. Так и ты покажи любовь к Нему на самом деле и твори угодное Ему. В таком случае сам же ты опять получишь пользу. Сам ведь Он ни в чем нашем не нуждается. Это-то и служит особенным доказательством искренней любви Его к нам, что, не нуждаясь в нашей любви, Он все делает для того, чтобы мы Его любили. Потому и Моисей говорил: *что бо ищет Господь Бог у вас, точию еже любити Его, и готову быти тебе еже ходити в след Его* (Втор. X, 12). Таким образом, когда Он повелевает тебе любить Его, тогда особенно показывает, что любит тебя, потому что ничто так не доставляет нам спасения, как любовь к Нему. Смотри, и все заповеди Его клонятся к нашему успокоению, спасению и прославлению. Так, когда Он говорит: *блажени милостивии, блажени чистии сердцем, блажени кротцыи, блажени нищии духом, блажени миротворцы* (Мф. V, 3–9), сам Он никакой пользы отсюда не получает, а заповедует это для того, чтобы нас украсить и настроить. Равным образом, когда гово-

рит: *взалкахся* (Мф. XXV, 42), не имеет нужды в нашей помощи, но тебя побуждает к человеколюбию. Он и без тебя мог бы пропитать бедного, но, даруя тебе величайшее сокровище, заповедал это. Если солнце, будучи творением, не нуждается в наших очах (оно ведь так же стало бы блистать, хотя бы и никто не смотрел на него), но мы получаем пользу, когда наслаждаемся лучами его, то тем более применимо это к Богу. Но чтобы тебе еще более увериться в этом, послушай: какое, ты думаешь, различие между Богом и нами? Такое ли, как между нами и комарами, или гораздо большее? Очевидно, что гораздо и даже беспредельно большее. Итак, если мы тщеславные не нуждаемся в помощи или в славе от комаров, то тем более не нуждается Бог бесстрастный и ни в чем не имеющий нужды. Поэтому в той только мере получает от нас пользу Бог, в какой благотворит нам, в какой радуется о нашем спасении. Часто даже оставляя Свое, Он ищет твоего. *Аще кто,* сказано, *жену имать неверну, и та благоволит жити с ним, да не оставляет ея* (1 Кор. VII, 12). *А отпущаяй жену разве словесе любодейнаго, творит ю любодействовати* (Мф. V, 32). Видишь ли несказанную благость? Если, говорит, жена твоя любодействует, не принуждаю тебя жить с ней; если же она неверующая, не препятствую. Опять, если кто оскорбил тебя, повелеваю оставить приносимый Мне дар и идти к оскорбившему. *Аще бо,* говорит, *принесеши дар твой, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя, остави дар твой пред алтарем, и шед, прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой* (Мф. V, 28, 24). И притча о должнике не то же ли самое показывает? В самом деле, когда он расточил десять тысяч талантов, господин умилосердился над ним и отпустил ему; когда же он потребовал от своего сораба сто динариев, господин назвал его лукавым и предал наказанию (Мф. XVIII, 24 сл.). Столь много печется Господь о твоем спокойствии! Варвар замыслил грех против жены праведника, – и (Господь) говорит ему: *пощадех тя, да не согрешиши ко Мне* (Быт. XX, 6). Павел гнал апостолов, – и (Господь) говорит ему: *что Мя гониши* (Деян. IX, 4)? Другие алчут, а Он называет Себя алчущим, и нагим, и странником (Мф. XXV, 35), желая пристыдить тебя и побудить тем к подаянию милостыни. Итак, представляя себе лю-

бовь, какую Бог доселе во всем нам оказывал и оказывает, — а Он благоволил сообщить нам ведение о Себе, что составляет величайшее и главное благо, свет ума и учение добродетели, дал нам закон добродетельной жизни, сделал для нас все, дал нам и Сына Своего, и обещал царство, и призвал нас к неизреченным благам, и приуготовил нам блаженнейшую жизнь, — будем все делать и говорить так, чтобы нам явиться достойными и любви Его, и получить будущие блага, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа Нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ГАЛАТАМ

ГЛАВА I

Павел апостол, ни от человек, ни человеком, но Иисус Христом и Богом Отцем воскресившим Его из мертвых, и иже со мною вся братия, Церквам Галатийским: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (ст. 1—3)

1. Начало послания исполнено великого гнева и вместе великой мудрости; да и не одно только начало, но и все, можно сказать, послание. Это потому, что беседовать с наставляемыми всегда с кротостью, хотя бы даже по отношению к ним и была необходима строгость, свойственно скорее не учителю, а губителю и недоброжелателю. Вот почему и Господь, беседовавший в большинстве с учениками с кротостью, в некоторых случаях употребляет строгость в слове и иногда ублажает их, а иногда порицает. Так, сказав Петру: *блажен еси, Симоне, вар Иона,* и обещав на исповедании его положить основание Церкви (Мф. XVI, 17), спустя немного после этих слов говорит: *иди за Мною, сатано, соблазн ми еси* (ст. 23); а в другом месте снова говорит: *единаче ли и вы, без разума есте* (Мф. XV, 16)? И наконец внушил им такой страх, как замечает Иоанн, что, увидев Его беседующим с женой самарянкой, они напомнили Ему только относительно пищи, но ни один не осмелился сказать: о чем Ты говоришь или: чего требуешь от нее (Ин. IV, 27)? Зная это, и Павел, следуя по стопам Учителя, также разнообразил свое слово, соответственно нужде наставляемых, в одних случа-

ях применяя как бы прижигание и отсечение, а в других — прилагая как бы смягчающие лекарства. Так коринфянам он говорит: *что хощете, с палицею ли прииду к вам, или с любовию и духом кротости* (1 Кор. IV, 21)? а галатам сказал: *о несмысленнии Галате* (Гал. III, 1)! и не один только раз, но и в другой употребил тот же самый упрек (ст. 3). И в конце (послания), также упрекая их, сказал: *труды да никто же ми дает* (VI, 17). Но, с другой стороны он и утешает их, когда, например, говорит: *чадца моя, ими же паки болезную* (IV, 19), и многое другое, подобное этому. А что действительно послание исполнено гнева, это каждому станет ясно и после беглого прочтения его. Но необходимо сказать, что раздражило его против учеников: без сомнения, это было не маловажное что-нибудь и не стоящее внимания, потому что в таком случае он не сделал бы им столь сильного упрека. Ведь раздражаться по поводу незначительных случаев свойственно людям малодушным, жестоким и удрученным горем; равно как проявлять равнодушие в делах важных — свойственно ленивым и сонливым. Но Павел был не таков. Итак, что же это был за проступок, возмутивший его? Великий и весьма тяжкий, притом отчуждавший всех их от Христа, как он сам говорит далее: *се аз Павел глаголю вам, яко аще обрезаетеся, Христос вас ничтоже пользует;* и опять: *иже законом оправдаетеся, от благодати отпадосте* (V, 2, 4). Итак, что же это значит? Это требует более подробного разъяснения. Некоторые из уверовавших иудеев, находившиеся еще под влиянием воззрений иудейства, а вместе надменные честолюбием, желая присвоить себе достоинство учителей, явившись к галатам, стали учить, что необходимо обрезываться, соблюдать субботы и новомесячия и не принимать Павла, который отвергал все это. Ведь Петр, Иаков и Иоанн, говорили они, эти первоверховные апостолы, бывшие с Христом, не запрещали этого. И действительно, они не запрещали; но поступали так не потому, чтобы признавали необходимость всего этого, а лишь по снисхождению к слабости уверовавших из иудеев. Павел же, проповедовавший среди язычников, не находил нужды в подобном снисхождении, между тем как, когда находился в Иудее, он и сам делал такое снисхождение. Но лжеучители, не указывая причин, по которым как он, так и

те (апостолы) допускали такое снисхождение, обольщали людей более простых, говоря, что не должно слушать Павла, так как он явился только вчера или сегодня, тогда как Петр и сущие с ним суть первейшие из апостолов; притом он – ученик апостолов, а те – ученики Христовы; он один, а тех много, и они – столпы Церкви. Они кроме того обвиняли (Павла) и в лицемерии, говоря, что и сам он, отвергая обрезание, в других случаях несомненно исполняет иудейские обряды и что он иначе проповедует им и иначе другим. Вот почему, увидав, что весь народ воспламенился и в Церкви галатийской возгорелся опасный пожар, что здание ее колеблется и угрожает падением, (апостол) объятый справедливым гневом, а также и скорбью (он ведь объявил и это, сказав: *хотел бых приити к вам ныне, и изменити глас мой* [Гал. IV, 20]), – пишет послание, отвечая на все обвинения. И прежде всего в самом начале он возражает на то, что говорили унижавшие его достоинство, а именно, что прочие апостолы были учениками Христа, а он – ученик апостолов. Вот почему он и начал послание так: *Павел апостол, ни от человек, ни человеком* (ст. 1). Как я сказал выше, те лжеучители утверждали, что Павел – последний из всех апостолов и что он от них уже научился вере. Петр же, Иаков и Иоанн и призваны были прежде, и занимают первое место между учениками, и догматы веры приняли от самого Христа, а потому и верить следует более им, чем первому. Названные же апостолы не воспрещают ни обрезываться, ни соблюдать закон (Моисеев).

2. Говоря это и подобное этому и тем унижая Павла и возвышая достоинство тех (апостолов), впрочем, не с целью прославления их, а для того, чтобы обольстить галатян, они несвоевременно уже внушали им соблюдать закон. Итак, (апостол) вполне справедливо начал (послание) подобным образом. В самом деле, так как они унижали учение его, говоря, что оно от человек, тогда как учение Петра от Христа, то (апостол) в самом начале тотчас же и опровергает это, говоря, что он апостол (избранный) «не человеками и не через человеков». Правда, его крестил Анания (Деян. IX, 17), но не он вывел его из заблуждения и привел к вере, а сам Христос воззвал к нему свыше тем чу-

десным гласом и таким образом уловил его. Петра и брата его, а равно и Иоанна с братом последнего Господь призвал, ходя при море, Павла же – после вознесения на небеса. И подобно тому, как те не имели нужды во вторичном призвании, но, оставив сети и все прочее, тотчас последовали за Ним, – точно так же и этот от первого призвания восшел на самый верх совершенства и, тотчас приняв крещение и вступив в непримиримую борьбу с иудеями, тем самым много превзошел еще и апостолов: *паче их*, говорит он, *потрудихся* (1 Кор. XV, 10). Но в настоящем случае он не касается этого, а лишь довольствуется указанием на свое равенство (с другими апостолами). Ведь для него здесь важно было не то, чтобы показать свое превосходство перед ними, но уничтожить причину соблазна.

Итак, слова: *не от человек* относились ко всем (проповедникам), – так как проповедь евангельская имеет начало и основание свое свыше, – слова же: *ни человеком* относились исключительно к апостолам, так как Христос призвал их не через людей, но непосредственно сам. Но почему он не упомянул о призвании и не сказал: Павел, званный не человеками, но упоминает об апостольстве? Потому, что в этом заключалось все дело. Ведь (обольстители) говорили, что право учения передано ему от людей-апостолов и что потому он должен следовать им. Но что это право получено им не от людей, – это засвидетельствовал Лука, сказав: *служащим же им и постящимся Господеви, рече Дух Святый: отделите Ми* Павла и Варнаву (Деян. XIII, 2). Отсюда ясно, что власть Сына и Духа Святого – одна и та же. В самом деле, будучи послан Духом Святым, (апостол) говорит, однако, что он послан Христом. Это показывает он и в другом месте, приписывая Духу (Святому) то, что приличествует Богу. Так в беседе с милетскими пресвитерами он говорит: *внимайте себе и стаду, в немже вас Дух Святый постави* пастырями и блюстителями (Деян. XX, 28), хотя в одном из других посланий говорит: *овых убо положи Бог в Церкви первее апостолов, второе пророков*, далее, пастырей и учителей (1 Кор. XII, 28). Таким образом, он безразлично пользуется словами, усвояя Духу то, что принадлежит Богу, и наоборот – свойственное Духу приписывая Богу. Но он и другим еще образом заграждает

уста еретиков, когда говорит: *Иисусом Христом и Богом Отцем.* Так как говорят, что подобное выражение употреблено по отношению к Сыну, как имеющее меньшую важность, то посмотри, что он делает: он поставляет его перед названием Отца, научая нас этим не полагать законов для непостижимого естества и не определять меры божественности между Сыном и Отцом, так как, сказав: *Иисусом Христом,* он присоединил: и *Богом Отцем.* Ведь если бы он, упомянув отдельно только об Отце, употребил это выражение – «через Которого», то, может быть, они прибегли бы и к уловке, сказав, что выражение «через Которого» приличествует Отцу, так как действия Сына относятся к Нему; теперь же, упомянув вместе о Сыне и об Отце и употребив по отношению к Ним одинаковое выражение, он совершенно уже не оставляет места для подобного измышления, – так как он делает это не для того, чтобы приписать принадлежащее Сыну – Отцу, но с целью показать, что это выражение не допускает никакого различия в Их существе. Что же теперь скажут и те, которые измышляют какое-то уменьшение (божеских ипостасей) в крещении на том основании, что крещение совершается во имя Отца и Сына и Святого Духа? Ведь если Сын по своему достоинству ниже Отца только потому, что Он поставляется после Отца, то что они скажут теперь, после того как апостол, начав с Христа, потом уже переходит к Отцу? Но мы не будем говорить ничего богохульного. Вступая в состязание с ними, мы не должны отступать от истины, но если бы даже они тысячу раз безумствовали, нам и в таком случае необходимо держаться в пределах благочестия. Вот почему как здесь, только на основании того, что (апостол) упомянул о Христе прежде, мы не назовем Сына большим Отца, – ведь это было бы верхом безумия и всякого нечестия, – так и там, (в заповеди о крещении), на основании того, что Сын поставлен после Отца, мы не должны считать Сына меньшим Отца. *Воскресившим Его из мертвых.* Что ты делаешь, Павел? Желая привести к вере иудействующих, ты не выставляешь на вид ни одного из великих и блистательных свойств Его, подобно тому, как ты писал к филиппийцам, говоря, что (Он) *во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу* (Флп.

II, 6); как затем в послании к евреям громогласно возвестил, что Он *есть сияние славы и образ ипостаси Его* (Евр. I, 3); или как провозгласил о Нем в начале своего Евангелия сын грома: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово* (Ин. I, 1); или как, наконец, сам Иисус часто объявлял иудеям, говоря, что Он обладает равным могуществом с Отцом и имеет ту же самую власть (Ин. V, 17, 19 и след.). Ты не говоришь ничего подобного, но, оставив все это, упоминаешь о том, что совершилось над плотью Его, указывая на крест и смерть? Да, говорит он. Ведь если бы речь была обращена к людям, не знающим ничего великого о Христе, то было бы прилично сказать о Нем это; но так как против нас поднимают мятеж люди, которые думают, что они подвергнутся наказанию, если отступят от закона, то поэтому и упомянуто об обстоятельстве, которым совершенно отменяется необходимость закона, то есть о благодеянии, происшедшем для всех от креста и воскресения. Если бы он сказал, что «в начале было Слово», или – что Оно было в образе Божием и соделало Себя равным Богу, и тому подобное, то этим он показал бы божественность Слова, но нисколько не помог бы в настоящем деле; сказав же – *воскресившим Его из мертвых*, он этим самым напомнил о самом главном благодеянии, оказанном нам, а это принесло ему немалую пользу в данном случае. Ведь большинство людей обыкновенно не столько внимательно слушают слова, доказывающая величие Божие, сколько беседы, раскрывающие благодеяния Его к людям. Вот почему, отложив беседу о первом, он и говорит об оказанном нам благодеянии.

3. Но еретики возражают, говоря: смотри, Отец воскрешает Сына! Так как они однажды заразились болезнью еретичества, то становятся притворно глухими к тому, что касается высоты догматов, а выбирают только относящееся к состоянию уничижения (Христа), сказанное во внимание или к человечеству Его, или к чести Отца, или по какому другому устроению (Божию), и, рассматривая подобные места в отдельности, причиняют вред сами себе (не скажу – Писанию). Я охотно спросил бы у них: для чего они говорят это? Неужели для того, чтобы представить Сына слабым и не имеющим силы для воскрешения даже тела? Но одна вера

в Него производила то, что и тень веровавших в Него воскрешала мертвых (Деян. V, 15). Итак, люди верующие в Него, будучи сами смертными, одной тенью своих перстных тел и одеждами своими, облекавшими эти тела, воскрешали мертвых, – а Он не мог воскресить самого Себя? Не явное ли это сумасшествие и высшая степень безумия? Ты не слышал, что говорит Он: *разорите церковъ сию, и треми денми воздвигну ю* (Ин. II, 19), и еще: *область имам положити* душу Мою, *и область имам паки прияти ю* (Ин. X, 18)? Итак, почему же говорится, что Отец воскресил Его? Потому же, почему и многое другое, что творит (Сын), приписывается (Отцу). Это сказано в честь Отца и ради немощи слушателей. *И иже со мною вся братия.* Почему нигде в других посланиях он не прибавляет этого? Там он или полагает одно только свое имя, или называет по имени еще двоих или троих, здесь же назвал все множество, а потому и не упомянул ни о ком по имени. Для чего же он делает это? Его упрекали за то, что он только один проповедует так и вводит новое учение в догматы веры. Желая поэтому уничтожить такое подозрение и показать, что он имеет многих единомышленников, он присоединил братию, давая тем понять, что то, что он пишет, он пишет согласно с их мнением. *Церквам Галатийским.* Ведь пламя заблуждения объяло не один город, не два и три, но весь народ галатийский. Обрати внимание и здесь на великое негодование (апостола). Он не сказал: возлюбленным, не сказал также: святым, но: *Церквам Галатийским.* Это было признаком сильно скорбящего и обнаруживающего печаль свою – что не приветствовал их ни именем любви, ни именем чести, но именем только их общества, и что не прибавил даже: церквам Божиим, но просто сказал: *Церквам Галатийским.* Вместе же с тем он спешит в самом начале привести к единству их разделение, а потому и прибавил имя Церкви, желая этим пристыдить их и собрать воедино. В самом деле, будучи разделены на многие части, они и не могли называться этим именем, так как имя Церкви есть имя согласия и единодушия. *Благодать вам и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа.* Он полагает необходимым везде употреблять это (приветствие), в особенности же теперь, посылая послание к галатам. Так как они находились

в опасности отпасть от благодати, то он и желает им снова утвердиться в ней. Они сделались противниками Богу, а потому он и просит Бога, чтобы Он привел их к прежнему миру с Собой.

Бога Отца. И этими словами снова легко побеждаются еретики. Они утверждают, что Иоанн, говоря в начале своего Евангелия: *и Бог бе Слово,* употребил слово Бог без члена потому, что желал представить божество Сына меньшим (божества Отца); и что опять, когда Павел говорит, что «Сын был Образом Бога» (Флп. II, 6), говорит это не об Отце, потому что это слово и здесь поставлено без члена: что же они скажут теперь, когда Павел говорит – не от Бога, но – от Бога Отца? Бога же называет он здесь Отцом не льстя им, но, напротив, сильно упрекая их этим и приводя на память причину, по которой они сделались сынами. Ведь не через закон, но баней пакибытия они удостоились такой чести. Вот почему он везде и в начале посланий своих многократно делает указания на проявления благости Божией, говоря почти так: рабы, враги и отверженные, как это вы (будучи таковыми) вдруг называете Бога Отцом? Разве закон даровал вам это высокое родство? Зачем же в таком случае вы, оставив Того, Кто так приблизил вас к Себе, снова обращаетесь к пестуну? И не только имя Отца, но и наименования, применяемые по отношению к Сыну, достаточны для того, чтобы показать им эту благость. Ведь и само наименование «Господь Иисус Христос», будучи с вниманием рассмотрено, всецело обнаруживает эту благость. Потому, сказано, и наречется имя Ему Иисус, что *Той спасет люди своя от грех их* (Мф. I, 21); название же Христос приводит на память помазание Духом. *Давшаго Себе по гресех наших* (ст. 4).

4. Смотри, Он не рабское и не принужденное понес служение и никто не предавал Его, но Он сам предал Себя, а потому, когда услышишь Иоанна, говорящего, что Отец отдал Сына Своего Единородного за нас (Ин. III, 16), то не умаляй на этом основании достоинства Единородного и не подумай о Нем чего-нибудь человеческого. Хотя и говорится, что Отец предал Его, но не для того, чтобы ты считал служение (Сына) рабским, а для того, чтобы ты узнал, что

это служение было угодно и Отцу. Это именно и здесь показал Павел, сказав: *по воли Бога и Отца нашего* — не по повелению, но — *по воли*. В самом деле, так как воля у Отца и Сына — одна, то чего желал Сын, того же желал и Отец. *По гресех наших*. Мы погрязли, говорит он, в бесчисленных беззакониях и достойны были жесточайшего наказания. Закон же не только не избавлял нас, но еще и осудил, сделав более явными наши согрешения и будучи не в состоянии освободить нас и утишить гнев Божий; а Сын Божий сделал возможным и это невозможное, разрешив и наши грехи, и поставив нас, бывших врагов, в разряд друзей, и даровав нам другие бесчисленные блага. Потом говорит: *яко да избавит нас от настоящага века лукаваго*. Опять другие еретики пользуются этим выражением, чтобы оклеветать настоящую жизнь и привести (в доказательство этого) свидетельство Павла. Вот, говорят они, Павел называет настоящий век лукавым. Но скажи мне, что такое век? Время, состоящее из дней и часов. Итак, что же? Неужели продолжение дней и течение солнца лукавы? Но никто никогда не скажет этого, хотя бы он дошел до крайнего безумия. Ты скажешь, что (апостол) назвал лукавым не время, а настоящую жизнь? Но эти слова означают не то, и ты основываешься не на словах Павла, сплетая обвинение на настоящую жизнь, а произвольно составляешь свое толкование. Позволь же в таком случае и нам истолковать сказанное (апостолом), тем более, что наше толкование и благочестиво, и имеет основание. Итак, что же мы скажем? То, что никакое зло никогда не может быть причиной добра, а настоящая жизнь служит причиной бесчисленных венцов и величайших наград. Вот почему и сам блаженный Павел безмерно восхваляет эту жизнь, говоря так: *аще же, еже жити ми телом, сие мне плод дела, и что изволю, не вем* (Флп. I, 22). И предоставляя себе выбор — жить ли здесь или разрешиться и быть с Христом, он предпочитает пребывание здесь. А если бы настоящая жизнь была злом, он не сказал бы этого о себе, и никто другой не мог бы воспользоваться ею для добродетели, хотя бы и прилагал к тому величайшее старание. Ведь никто никогда не может воспользоваться злом для достижения добра, ни блудом для целомудрия, ни завистью для благожела-

тельства. И когда Павел говорит о плотских помышлениях, что они не покоряются закону Божию, да и не могут (Рим. VIII, 7), он говорит тем самым, что порок, оставаясь пороком, не может быть добродетелью. Поэтому, когда ты услышишь о лукавом веке, то разумей под этим лукавые дела, развращенную волю. И Христос пришел не для того, чтобы умертвить нас и таким образом вывести из настоящей жизни, но для того, чтобы, оставив нас в мире, сделать нас достойными жизни небесной. Вот почему и в беседе Своей с Отцом Он говорил: *и сии в мире суть, и Аз к Тебе гряду*. И еще: *не молю, да возмеши их от мира, но да соблюдеши их от неприязни,* то есть от порока (Ин. XVII, 11, 15). Если же ты не принимаешь этого объяснения, но продолжаешь утверждать, что настоящая жизнь есть зло, то не осуждай и самоубийц. В самом деле, подобно тому как человек, освобождающий себя от порока, заслуживает не порицаний, а наград, точно так же, по вашему мнению, и прекращающий свою жизнь насильственной смертью, через удавление или иным каким-либо способом, не будет достоин осуждения. Но в действительности и Бог подвергает таких большему наказанию, чем человекоубийц, да и все мы с ужасом отвращаемся от них, и это вполне справедливо, потому что если преступно убивать других, то тем более самого себя. Если же настоящая жизнь есть зло, то человекоубийц надобно награждать за то, что они избавляют нас от зла. Кроме того, говорящие это опровергают и самих себя. В самом деле, признавая солнце, а вместе с ним и луну, божеством и поклоняясь им, как виновникам многих благ, они противоречат сами себе. Ведь они (солнце и луна), а равно и другие звезды совершенно бесполезны для чего-нибудь другого, а приносят пользу нам для настоящей, лукавой, как утверждают они, жизни, питая и освещая тела и содействуя созреванию плодов. Каким же образом эти, по вашему мнению, боги содействуют такому устроению лукавой жизни? Но ни звезды — не боги, ни в коем случае, а дела Божии, сотворенные для нашей пользы, ни сам мир не является злым. Если же ты укажешь мне на человекоубийц, прелюбодеев и грабителей могил, то все это нисколько не говорит против настоящей жизни, потому что грехи эти зависят не от жизни нашей во плоти, но от раз-

вращенной воли. Если бы они зависели от настоящей жизни и были как бы необходимо связаны с ней, то никто не был бы свободным и чистым от них. Смотри, ведь никто не в состоянии избежать необходимых нужд плотской жизни. Какие же это нужды? Есть, пить, спать, расти, алкать, жаждать, рождаться, умирать и все другие подобного рода. И от этих нужд никто не может избавиться, ни грешник, ни праведник, ни царь, ни простолюдин, не все мы подлежим этой необходимости природы. Точно так же, если бы и делание зла являлось по самой природе неизбежной участью жизни, то никто не избежал бы этого, подобно тому как невозможно избежать и тех естественных нужд. Не говори мне, что редкие ведут добродетельную жизнь. Такого, кто победил бы необходимые естественные потребности, совсем не найдешь. Поэтому до тех пор, пока найдется хоть один, преуспевающий в добродетели, истина нашего слова останется непреложной. Что ты говоришь, несчастный и жалкий, неужели лукава настоящая жизнь, в которой мы познали Бога, любомудрствуем о будущем, соделались из людей ангелами и составляем один сонм с горними силами? Какое же еще другое найдем мы доказательство против вашего злого и развращенного разума?

5. Почему же, говоришь ты, Павел назвал настоящий век лукавым? Он сказал так по обычному употреблению этого слова. Так и мы обыкновенно говорим: сегодня был для меня плохой день, обвиняя этим не время, но дела и обстоятельства. Точно так же и Павел, осуждая злые влечения сердца, употребил общепринятое выражение и показывает, что Христос освободил нас и от прежних грехов, и поставил нас в безопасность от них на будущее время. Сказав: *давшаго Себе по гресех наших,* Он показал первое, прибавлением же слов: *яко да избавит нас от настоящаго века лукаваго,* он указал безопасное пристанище и на будущее время. Закон был бессилен для (освобождения и от) одних из названных грехов, а благодать имела силу для (очищения) тех и других. *По воли Бога и Отца нашего.* Так как они думали, что они оказывают неповиновение Богу, как давшему закон, и боялись, оставив древний закон, последовать новому, то (апостол) исправляет и это предубеждение их, гово-

ря, что это угодно и Отцу. И он сказал не просто – Отца, но – *Отца нашего,* да и часто делает такое прибавление, для того чтобы постыдить их указанием на то, что Своего Отца Христос сделал и нашим Отцом. *Ему же слава во веки. Аминь* (ст. 5). И это нечто новое и необычайное. Слова – аминь мы не встречаем нигде в начале и в предисловии посланий, а обыкновенно оно поставляется уже после многих (рассуждений). Здесь же, желая показать, что и сказанное заключает в себе достаточное обличение галатов и что речь его совершенно закончена, он поставил это (слово) в начале послания. Очевидные проступки не требуют продолжительных приготовлений (для обличения). Поэтому, вспомянув о кресте и воскресении, об искуплении грехов, о безопасности от них на будущее время, о воле Отца и согласии Сына, о благодати, мире и о всяческих дарах Божиих, он заключил речь свою славословием. И не поэтому только он поступил так, но также от чрезмерного изумления перед величием дара и преизбытка благодати, и от представления того, каковыми мы были и чем соделал нас Бог сверх нашего чаяния и в самое короткое время. Не будучи в состоянии выразить этого словом, он и заключил речь свою славословием, воссылая за всю вселенную хвалу Богу, – не такую, которая была бы достойна Его, но которая была возможна для него. Вот почему после этого он еще с большей силой продолжает речь свою, воспламенившись, как бы от сильного пламени, от представления благодеяний Божиих. Сказав: *Ему же слава во веки. Аминь,* он начинает затем еще сильнее свое обличение следующими словами: *чуждуся, яко тако скоро прелагаетеся от зовавшаго вы благодатию Христовою, во ино благовествование* (ст. 6). Так как они соблюдением закона думали угодить Отцу, подобно тому как и иудеи преследованием Христа, то он прежде всего показывает, что, поступая таким образом, они оскорбляют не только Христа, но и Отца. Делая это, говорит он, вы отлагаетесь не только от Христа, но и от Отца, потому что как Ветхий Завет принадлежит не только Отцу, но и Сыну, точно так же и благодать есть дар не только Сына, но и Отца, и все у Них общее: все, что принадлежит Отцу, есть Мое (Ин. XVI, 15). Показав таким образом, что они отступают и от Отца, он

возлагает на них две вины: отступление и весьма скорое отступление. Конечно, они были бы достойны обвинения и в том случае, если бы отпали спустя много времени, но здесь речь идет об обольщении. Ведь достоин обвинения и тот, кто отступает спустя долгое время, падающий же при первом нападении и еще от издали пускаемых стрел показывает собой пример крайней слабости. В этом обвиняет (апостол) и галатов, как бы говоря: что такое значит, что обольщающие вас не имеют нужды даже и во времени, но и одного первого приступа довольно для них, чтобы покорить всех вас и пленить? Какое же вы можете иметь извинение? Если и по отношению к друзьям подобный поступок является виной, и оставивший прежних и полезных друзей своих достоин осуждения, то, подумай, какому наказанию подлежит тот, кто оставил Бога, призвавшего его? Когда же он говорит: *чуждуся*, то этим словом не упрекает их только за то, что они после столь обильных дарований, после столь великого прощения грехов и столь великого человеколюбия Божия добровольно предались игу рабства, но вместе и показывает, какое имеет он о них мнение, то есть высокое и отличное. В самом деле, он не дивился бы случившемуся, если бы считал их слабыми и легко обольщаемыми, но так как, говорит он, вы были из числа искренне уверовавших и много потрудившихся, то поэтому я и удивляюсь. Этого довольно было для их обращения и приведения в прежнее состояние. Это же изъяснил он и в середине послания, сказав: *толика пострадаете туне, аще точию и туне* (III, 4). *Прелагаетеся.* Не сказал: преложились, но: *прелагаетеся*, то есть я не верю еще и не думаю, чтобы это обольщение имело совершенный успех, — чем опять показывает надежду обратить их. Это же он яснее выразил впоследствии, сказав: *аз надеюся о вас, яко ничтоже имо разумети, будете* (V, 10). *От звавшаго вы, благодатию Христовою.* Призывание, конечно, есть дело Отца, причиной же призывания является Сын, так как Он примирил нас и дал дар благодати, — ведь не от дел праведных мы получили спасение. Лучше же сказать — принадлежащее Сыну принадлежит и Отцу, и принадлежащее Отцу принадлежит и Сыну: *Моя*, говорит Он, *Твоя, и Твоя Моя* (Ин. XVII, 10). И не ска-

зал: вы прелагаетесь от благовествования, но — *от зкавшаго вы*, то есть Бога. Он употребил выражение, которое было более грозно для них и скорее могло поразить их страхом. Люди, хотевшие обольстить галатов, делали это не сразу, но, изменяя мало-помалу сущность проповеданных им истин, не изменяли их наименований. Такого же рода и обольщения диавола, и он незаметно расставляет свои сети. Если бы они стали говорить: отрекитесь от Христа, то галаты остерегались бы их, как обманщиков и развратителей, теперь же, оставив их до времени в вере и прикрыв свой обман наименованием благовествования, они с большей смелостью подкапывали здание, прикрывая, подобно подкапывающим стены, как бы некоторой завесой, этими именами проповедуемое учение.

6. Итак, ввиду того, что они называли свое ложное учение благовествованием, (апостол) весьма кстати вступается и за само наименование и действует прямо, говоря: *во ино благовествование, еже несть ино* (ст. 7). Прекрасно (сказано), потому что оно действительно не иное. Но подобно тому, как это случается с больными, которые терпят вред и от здоровой пищи, так и маркиониты потерпели здесь то же самое. Они воспользовались этими словами и говорили: вот и Павел сказал, что нет другого благовествования, — так как они принимают не всех евангелистов, но только одного, и притом многое отсекли и изменили в нем по произволу. Что же в таком случае значат сказанные тем же апостолом слова: *по благовествованию моему и проповеданию Иисус Христову* (Рим. XIV, 24)? Итак, слова их заслуживают великого посмеяния; но хотя бы они были и смешны, однако необходимо обличить их ложь ради тех, которые легко соблазняются. Что же мы скажем? То, что хотя бы и весьма многие писали Евангелия, но если они будут писать одно и то же, в таком случае и многие Евангелия будут представлять одно, и множество пишущих нисколько не воспрепятствует ему быть одним, подобно тому как и наоборот, хотя бы и один кто писал, но стал бы говорить противное, — написанное им не будет одним. В самом деле, одно или не одно (Евангелие), — это определяется не числом пишущих, но тождеством или разностью содержания. Отсюда ясно, что и четыре Еванге-

лия представляют собой одно Евангелие. Ведь когда четверо говорят одно и то же, то это не будет разным только благодаря различию лиц, но является одним в силу согласия написанного ими. И Павел говорит здесь не о числе проповедующих, но о несогласии проповедуемого. Поэтому если по силе написанного и по правильности догматов Евангелие Матфея представляет одно, а Луки – другое, то (маркиониты) справедливо приводят слова Павла; если же (эти Евангелия представляют) совершенно одно и то же, то пусть перестанут они безумствовать, притворяясь незнающими того, что вполне ясно и малым детям. *Точию нецыи суть смущающии вы, и хотящии превратити благовествование Христово* (ст. 7). Это значит: до тех пор, пока вы будете здравы умом и будете обращать внимание лишь на правое, а не извращенное, измышляя то, чего нет, вы не признаете другого Евангелия. Подобно тому как поврежденный глаз видит одно вместо другого, точно так же и ум, возмущенный приливом злых помыслов, обыкновенно подвергается точно такой же болезни. Вот почему и страдающие сумасшествием представляют одно вместо другого. Но это безумие опаснее того, так как причиняет вред в познании не чувственных предметов, но духовных, производит расстройство не в зрачке плотских глаз, но в очах ума. *И хотящии превратити благовествование Христово.* Правда, они прибавили еще только одну или две заповеди, установив вновь заповедь об обрезании и соблюдении дней; но желая показать, что и незначительное нарушение закона разрушает все, он и сказал, что ниспровергается Евангелие. Подобно тому как тот, кто хотя бы незначительно испортит в царских монетах печать, делает негодной всю монету, точно так же и тот, кто извратит и малейший догмат правой веры, все уже подвергает разрушению, постепенно переходя от одного повреждения к другому – худшему.

Итак, где осуждающие нас в любопрении за несогласие с еретиками? Где говорящие, что нет никакого различия между нами и ими, но что существующий раздор происходит от любоначалия? Пусть они услышат, что говорит Павел, а именно, что ниспровергают Евангелие и те, которые привносят в него вновь даже что-нибудь и маловажное.

Они же вводят вновь не маловажное, потому что может ли быть маловажным, когда они называют Сына Божия творением? Разве ты не слышал, как и в Ветхом Завете некто, собиравший дрова в субботу и тем нарушивший одну заповедь и притом не самую важную, подвергся жестокому наказанию (Числ. XV, 32–36), или о том, что Оза, хотевший поддержать угрожавший падением ковчег завета, тотчас умер, за то, что присвоил не соответствующее ему служение (2 Цар. VI, 6, 7)? Итак, если нарушение субботы и прикосновение к падающему ковчегу привели Бога в такое негодование, что дерзнувшие на то и другое не получили ни малейшего помилования, то извращающий страшные и неизреченные догматы веры неужели получит оправдание и помилование? Нет ему помилования, нет никакого! Это-то самое и служит причиной всех зол, именно – что мы не беспокоимся о малых проступках. Потому-то и возникли более тяжкие грехи, что малые остаются без надлежащего исправления. И подобно тому, как в отношении к телам пренебрегающие врачеванием ран производят этим горячки, гниение и смерть, точно так же и по отношению к душам – не обращающие внимания на незначительные погрешности впадают в большие. Такой-то, говорят, погрешает против поста, и тут нет ничего важного; другой тверд в православной вере, но, лицемеря в угоду времени, не с таким дерзновением исповедует ее, – и это, говорят, не представляет очень большого зла; иной, будучи раздражен, грозил отступить от правой веры, – но и это будто бы не заслуживает наказания, так как он, говорят, согрешил в гневе и раздражении. И бесчисленное множество подобного рода грехов, как каждый может видеть, ежедневно вторгается в Церковь. Поэтому мы и сделались достойными посмеяния в глазах иудеев и эллинов, (видящих) как Церковь разделяется на бесчисленные части. Если бы те, которые покушаются отступить от божественных законов и сделать в них какое-нибудь маловажное изменение, подвергались соответственному порицанию, то не появилась бы настоящая зараза и не объяла бы Церкви столь великая буря. Итак, смотри, почему Павел называет обрезание ниспровержением Евангелия.

7. А ныне многие у нас и постятся в один день с иудеями, равным образом и субботы соблюдают; мы же терпим это с мужеством или, лучше, с унижением. Да что я говорю об иудейских (обычаях)? Даже некоторые из нас соблюдают многие языческие обычаи, волхвования, гадания, предзнаменования, наблюдение дней; суеверные приметы при рождении и исполненные всякого нечестия письмена, которые они к несчастью возлагают на головы только что родившихся детей, научая их с первых дней жизни презирать труды из-за добродетели и подчиняя участь их обманчивому господству судьбы, управляющей ими. Но если и обрезывающимся не будет никакой пользы от Христа (Гал. V, 2), то может ли вера сколько-нибудь послужить во спасение тем, которые вводят такое нечестие? Правда, обрезание было установлено Богом, но, ввиду того, что оно, будучи соблюдаемо не вовремя, вредило Евангелию, Павел сделал все, чтобы прекратить его. Неужели же после того, как Павел приложил такое старание к прекращению иудейских обычаев потому только, что соблюдение их было несвоевременно, мы не уничтожим обычаев языческих? Какое же мы будем иметь оправдание? Вот почему все у нас теперь в таком смятении и смешении, и наставляемые, преисполненные великой гордости, ниспровергли порядок, и все извратилось. Теперь, если кто и немного их укорит, они презирают своих начальников, потому что мы плохо их воспитывали. А между тем, если бы начальники и действительно были негодны и преисполнены бесчисленных пороков, то и в таком случае ученику было бы непозволительно оказывать им неповиновение. В самом деле, если об иудейских учителях сказано, что они, как сидевшие на Моисеевом седалище, заслуживали того, чтобы их слушали наставляемые, хотя дела их были настолько злы, что (Господь) приказывал ученикам не подражать им и не соревновать в них (Мф. XXIII, 2, 3), то какого извинения будут достойны те, которые насмехаются и презирают предстоятелей Церкви, по благодати Божией благочестиво живущих? Ведь если непозволительно осуждать друг друга, то тем более нельзя осуждать учителей. *Но аще и* аз *или ангел с небесе благовестит вам* не то, что вы приняли, *анафема да бу-*

дет (ст. 8). Замечай благоразумие апостола! Чтобы кто-нибудь не сказал, что он по тщеславию составляет свои собственные догматы, он подверг проклятию также и самого себя. А так как они опирались еще на достоинство Иакова и Иоанна, то ввиду этого он упомянул и об ангелах. Чтобы ты не указал мне, говорит он, на Иакова и Иоанна, (я и говорю): хотя бы даже кто из первых ангелов с неба стал повреждать проповедь евангельскую, — да будет анафема. И не напрасно он сказал — *с небесе,* но с той целью, чтобы ты, на основании того, что и священники называются ангелами (в словах): *понеже устне иереовы сохранят разум, и закона взыщут от уст его, яко ангел Господа Вседержителя есть* (Мал. II, 7), — не подумал, что здесь говорится об этих ангелах, он прибавлением слова — небесе, указал на горние силы. И не сказал; если будут проповедовать противное или — ниспровергнут все, но — если бы и маловажное что стали благовествовать несогласно с тем, что благовествовали мы, да будет анафема. *Якоже предрекох, и ныне паки глаголю* (ст. 9). Для того, чтобы ты не подумал, что предыдущие слова произнесены в гневе, или сказаны преувеличенно, или вырвались как-нибудь, невольно, он снова повторяет их. Ведь кто скажет что-нибудь будучи возбужден гневом, тот скоро раскаивается в своих словах; кто же в другой раз говорит то же самое, показывает тем, что он сказал так подумав и что, прежде решив в уме своем, он произнес сказанное именно так (как решил). Авраам, умоляемый (богатым), чтобы послал Лазаря, сказал: у них есть Моисей и пророки; если не послушают их, то не послушают и воскресших из мертвых (Лк. XVI, 29, 31). Христос, представляя Авраама говорящим это, желает показать, что Он хочет, чтобы более верили Писанию, чем восстающим из мертвых. А Павел (когда же я называю Павла, я разумею вместе и Христа, потому что Он сам действовал в душе его) предпочитает (Писание) и ангелам, сходящим с неба; и вполне справедливо. В самом деле, ангелы хотя и велики, но они — рабы и слуги, а все Писание ниспослано нам, будучи написано не рабами, но Владыкой и Богом всяческих. Вот почему он и говорит: если кто будет благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам. Он не сказал: такой-то или такой-то, —

что весьма разумно и не тягостно. Для чего действительно нужно было упоминать об именах тому, кто обладал таким превосходством что обнимал всех — и горних и дольних? Произнеся проклятие на благовестников и ангелов, он тем отнял всякое достоинство, а произнеся проклятие и на самого себя — всякое сродство и дружество. Не говори мне, говорит он, что это проповедуют твои собратья — апостолы и друзья, потому что я и самого себя не пощажу, если буду проповедовать противное. Впрочем, это он говорит не для осуждения других апостолов, как бы извращавших проповедь (евангельскую); нет: мы ли, говорит он, они ли, — мы так проповедуем (1 Кор. XV, 11); но этим он хотел только показать, что достоинство лиц не принимается во внимание, когда речь идет об истине. *Ныне бо человеки препираю, или Бога? Или ищу человеком угождати? Аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (ст. 10). Если бы, говорит, я и мог обмануть вас своими словами, то неужели я был бы в состоянии обмануть Бога, Который знает все тайные помышления, и непрестанно угождать Которому составляет предмет единственной моей заботы? Видишь ли дух апостольский? Видишь ли высоту евангельскую? То же самое говорил он и в своем послании к коринфянам: мы не защищаемся перед вами, *но вину даем вам похвалению* (2 Кор. V, 12); и еще: *мне же не велико есть, да от вас истяжуся, или от человеческаго дне* (1 Кор. IV, 8). Так как он, будучи учителем, принужден защищаться перед учениками, то хотя и терпеливо переносит это, но вместе с тем и негодует, впрочем, не по гордости, — да не будет, — но из-за легкомыслия обольщаемых и из-за того, что они мало верят его словам. Вот почему он и сказал это, почти так говоря: разве у меня с вами дело? Разве люди будут судить меня? У меня дело с Богом, и я делаю все, чтобы оправдаться там, перед Его судом; да я еще и не дошел до такого несчастья, чтобы, готовясь дать ответ в проповеди моей перед Владыкой всяческих, стал повреждать догматы.

8. Итак он сказал вышеприведенные слова частью в защиту себя, частью же желая дать им отпор. Ведь наставляемым следовало не судить своих учителей, но верить им; но раз порядок уже извращен, говорит он, и вы воссели на ме-

сто судей, то знайте, что я очень мало забочусь об оправдании перед вами, но все делаю для Бога, чтобы перед Ним и оправдаться в проповедуемых догматах. Кто хочет снискать благоволение людей, тот употребляет много лукавства и хитрости, пользуется обманом и ложью, чтобы склонить на свою сторону и расположить к себе слушателей; напротив, кто хочет снискать себе благоволение у Бога и старается угодить Ему, тому нужен только здравый и чистый ум, так как Божество не поддается обману. Из этого очевидно, говорит он, что и мы пишем это не из любоначалия, и не для того, чтобы иметь учеников, а равно и не потому, чтобы добивались славы у вас, так как мы стараемся угодить не людям, но Богу. Если бы я хотел угождать людям, то и теперь был бы на стороне иудеев, и теперь бы еще преследовал Церковь. Но так как я презрел целый народ, и друзей, и родственников, и высокую славу и предпочел всему этому гонения, вражду, брани и каждодневную смерть, то очевидно, что все, что я говорю теперь, я говорю не для приобретения славы человеческой. Сказал же он это потому, что намеревается рассказать и свою прежнюю жизнь, и внезапную перемену и очевидным образом доказать, что он стоит за истину, чтобы они не подумали, что он делает это, желая оправдаться перед ними, и не возгордились. Поэтому он и сказал наперед: *ныне бо человеки ли препираю?* Он знал, что для исправления наставляемых иногда бывает благовременно предложить что-нибудь высокое и великое. Хотя он мог представить доказательства истины своего проповедования и из другого источника, например доказать это на основании знамений, чудес, опасностей, темниц, ежедневных смертей, голода и жажды, наготы, и на основании другого подобного этому, но так как он говорит теперь не о лжеапостолах, но об апостолах, а последние и сами участвовали в этих опасностях, то он приступает к решению вопроса с другой стороны; в других же случаях, когда он обращает речь свою к лжеапостолам, он употребляет сравнение, выставляя на вид свое терпение в скорбях, и говорит: *служители ли Христовы суть? (Не в мудрости глаголю) паче аз: в трудех множае, в ранах преболе, в темницах излиха, в смерных многащи* (2 Кор. XI, 23). Теперь же он рассказывает о своем прежнем

образе жизни и говорит: *сказую же вам, братие, благовествование, благовещенное от мене, яко несть по человеку. Ни бо аз от человека приях е, ниже научихся,* но явлением *Иисус Христовым* (ст. 11 и 12). Смотри, как он отовсюду представляет доказательства того, что был учеником Христа, Который Сам, без посредства человеческого, благоволил открыть ему разумение всего. Но как же возможно доказать неверующим, что Сам Бог, без посредства человеческого, открыл тебе те неизреченные тайны? Это доказывает, говорит он, мой прежний образ жизни (и внезапное обращение): ведь если бы не Бог открыл мне эти тайны, я не мог бы так внезапно перемениться. Для тех, кто учится у людей, в том случае, если они твердо и пламенно держатся своих убеждений, бывает нужно время и много стараний, чтобы убедиться в противном; кто же так внезапно переменился и, находясь на самой высокой ступени безумия, пришел к такому искреннему сознанию, тем ясно показывает, что он так внезапно возвратился к здравомыслию благодаря божественному откровению и наставлению. Вот почему он и вынужден упомянуть о своей прежней жизни и призвать их в свидетели бывшего с ним. Конечно, вы не знаете, говорит он, того, что единородный Сын Божий непосредственно Сам призвал меня (гласом Своим) с небес, – потому что как вы можете знать это, раз вы не были при этом? – но вы хорошо знаете, что я был гонителем. Ведь слух о моей жестокости достиг и до вас, несмотря на громадное расстояние между Палестиной и Галатией; а такой слух обо мне не распространился бы так далеко, если бы моя жестокость не была слишком велика и для всех несносна. Поэтому он и говорит: *слышасте бо мое житие иногда в жидовстве, яко по премногу гоних Церковь Божию и разрушах ю* (ст. 13). Видишь ли, с какой силой выражает каждое (слово), и не стыдится? Ведь он не просто гнал, но гнал со всей жестокостью, и не только гнал, но и опустошал, то есть старался уничтожить, разорить, низложить и истребить Церковь; поступать же так свойственно опустошителю. *И преспевах в жидовстве паче многих сверстник моих в роде моем, излиха ревнитель сый отеческих моих преданий* (ст. 14).

9. Чтобы ты не подумал, что такая деятельность его была следствием гнева, он поясняет, что все это он делал по

ревности, хотя и в неведении, и гнал не из тщеславия и не по вражде, но — *ревнитель сый отеческих моих преданий.* А слова эти значат следующее: если то, что я делал против Церкви, я делал не по побуждениям человеческим, а по ревности божественной, правда, ошибочной, но во всяком случае — ревности, то как же теперь, подвизаясь за Церковь и познав истину, я могу делать это по тщеславию? Ведь если во время заблуждения мной не обладала такая страсть, но побуждала меня к подобному образу действий ревность по Боге, то тем более, когда я познал истину, несправедливо было бы подозревать во мне подобное тщеславие. Действительно, лишь только я обратился к догматам Церкви и отказался от всех иудейских заблуждений, я проявил еще большую ревность здесь, нежели там, а это служит доказательством того, что я истинно переменился и объят божественной ревностью. Если же не это, то что же другое, скажи мне, могло расположить меня к такой перемене и променять честь на поношение, покой на опасности, безопасность на страдания? Не было никакой другой причины, Кроме одной только любви к истине. *Егда же благоволи Бог, избравши мя от чрева матере моея, и призвавый благодатию Своею, явити Сына Своего во мне, да благовествую Его во языцех, абие не приложихся плоти и крови* (ст. 15, 16). Смотри, как он старается здесь показать, что и то время, в продолжение которого он оставался в заблуждении, находилось в зависимости от некоторого неисповедимого усмотрения (Божия). В самом деле, если он от чрева матери своей избран быть апостолом и предназначен к этому служению, призван же после и притом, будучи призван, послушался (Призывающего), то очевидно, что Бог медлил призванием его по какой-нибудь неисповедимой причине. Какое же могло быть здесь смотрение (Божие)? Может быть вы сначала от меня хотите услышать, почему (Бог) не призвал его вместе с двенадцатью (апостолами); но, чтобы, отступив от занимающего нас предмета, не продолжить слова далее надлежащего, и я умоляю вашу любовь не всему учиться от меня, но и самим исследовать и молить Бога, чтобы Он открыл вам. К тому же об этом было нами сказано нечто и тогда, когда я рассуждал с вами о перемене его имени, и почему он, носивший имя

Савла, был назван Павлом; если же вы забыли, то, справившись в той книге, узнаете все это. Теперь же по порядку будем продолжать свою речь и заметим, как он снова показывает, что случившееся с ним не было делом человеческим, но что Бог устроил все относительно его по особенному промышлению. *И призвавый благодатию Своею.* Бог, говорит он, призвал его за его добродетель. *Сосуд избран Ми есть,* сказал Он Анании, *пронести имя Мое пред языки и царьми* (Деян. IX, 15), то есть он способен для служения и совершения великого дела. Такую причину призвания его указывает (Бог); сам же (апостол) везде приписывает все благодати и неизреченному человеколюбию Божию, говоря так: но я помилован, не потому, что я способен был или достоин, но для того, чтобы во мне Он показал все долготерпение в пример тем, которые будут веровать в Него в жизни вечной (1 Тим. I, 16). Видишь ли высоту смирения? Для того я, говорит он, и помилован, чтобы никто не отчаивался, после того как худший из всех людей удостоился человеколюбия Божия. Ведь именно это хочет показать он словами: для того, чтобы во мне показал все долготерпение в пример тем, которые будут веровать в Него. *Явити Сына Своего во мне.* А Христос в одном месте говорит: никто не знает Сына, кроме Отца, и никто не знает Отца, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть (Мф. XI, 27). Видишь ли, что и Отец открывает Сына, и Сын Отца? То же самое происходит и по отношению к славе. Сын прославляет Отца и Отец Сына: прославь Меня, говорит Он, чтобы и Я прославил Тебя; и еще: как Я прославил Тебя (Ин. XVII, 1, 4). Но почему Он не сказал: явить Сына Своего мне, но — *во мне?* Для того, чтобы показать, что он не только через слова узнал то, что относилось к вере, но и преисполнился Духа Святого, потому что, когда откровение озарило его душу, он имел в себе говорящим и Христа. *Да благовествую Его во языцех.* Не только само обращение его к вере, но и призвание (к апостольству) было делом Божиим. Ведь Он открыл мне Себя с той целью, чтобы я не только познал Его, но возвестил о Нем и другим. И он не сказал просто — другим, но: *да благовествую Его во языцех,* уже этим самым предуготовляя немалое основание для своей защиты, именно от самого проис-

хождения учеников. Ведь для него не одинаково являлось необходимым проповедовать иудеям и язычникам. *Абие не приложихся плоти и крови.* Здесь он указывает на апостолов, называя их по естеству. Но если он говорит это и о всех людях, мы не противоречим и этому. *Ниже взыдох во Иерусалим к первейшим мене апостолом* (ст. 17). Если кто будет рассматривать эти слова в отдельности, может подумать, что они исполнены великого хвастовства и совершенно несогласны с духом апостольским. В самом деле, решать что-нибудь самому с собой и никому не открывать своих мыслей — может быть принято за гордость. *Видех,* сказано, *мужа, непщевавша себе мудра быти, упование же имать безумный паче его* (Притч. XXVI, 4, 12); и: *горе, иже мудри в себе сомех и пред собою разумны* (Ис. V, 21); и сам (Павел) говорит: *не бывайте мудри о себе* (Рим. XII, 16).

10. Итак, кто слышал подобные наставления от других и сам учил тому же других, не мог, конечно, впасть в такое самомнение, — не только Павел, но и какой-нибудь (простой) человек. Но, как я сказал, это изречение, будучи рассматриваемо в отдельности, может ввести в сомнение и поколебать некоторых из слушателей; если же мы приведем причину, по которой это было сказано, то все будут рукоплескать и удивляться сказавшему. Итак, сделаем это. Ведь не должно рассматривать отдельно взятые слова, так как это повлечет за собой много погрешностей; равным образом не должно исследовать и отдельно взятого изречения, но необходимо обращать внимание на намерение пишущего. И в ваших разговорах, если мы не будем употреблять этого способа и доискиваться истинной мысли говорящего, то мы возбудим много недоразумений, и весь смысл речи извратится. Да и что говорить о словах, когда и в делах, раз мы не будем следовать этому правилу, все придет в совершенный беспорядок? В самом деле, и врачи режут тело и рассекают некоторые кости, но то же самое делают часто и разбойники. Какое же было бы несчастье, если бы мы не могли отличить разбойника от врача? Равным образом человекоубийцы и мученики, предаваемые мучительной смерти, претерпевают одинаковые страдания, но между теми и другими, несомненно, великое различие. Если же мы

не будем соблюдать указанного правила, если будем исследовать одни только дела, не принимая во внимание намерения делающих, то мы не будем в состоянии видеть указанного различия, но назовем человекоубийцами и Илию, и Самуила, и Финееса, а Авраама назовем, пожалуй, и детоубийцей. Исследуем же мысль Павла, с какой он написал эти слова; узнаем цель его и то, каковым он являлся всегда по отношению к апостолам, — и тогда узнаем, с каким намерением он сказал это. Конечно, как это, так и предыдущее он сказал не для того, чтобы унизить их, а равным образом и не для того, чтобы восхвалить себя, — как, в самом деле, мог он это сделать, когда и сам себя подвергал проклятию (ст. 8)? — но затем, чтобы вовсюду сохранить безопасность Евангелия. Так как разрушавшие Церковь говорили, что нужно следовать тем апостолам, которые не запрещают этого, а не Павлу, который это запрещает, а благодаря этому незаметно проникало иудейское заблуждение, то он вынужден был решительно восстать против этого, не думая говорить что-либо худое об апостолах, но желая низложить гордость несправедливо возносящихся. Вот почему он и говорит: *не приложихся плоти и крови.* И было бы крайней нелепостью, если бы тот, кто научился от Бога, стал бы советоваться еще с людьми. Кто получает учение от людей, тот вполне справедливо и опять прибегает к советам людей; но тот, кто удостоился того божественного и блаженного слова и научился всему от Того, Кто владеет самим сокровищем мудрости, для чего стал бы еще советоваться с людьми? Такой человек по справедливости должен не учиться у людей, но учить людей. Итак он сказал эти слова не по гордости, но чтобы показать достоинство своей проповеди. *Ниже взыдох,* говорит он, *к первейшим мене апостолом.* Так как они говорили, что прочие (апостолы) были и старше его, и призваны прежде его, то поэтому, говорит, он и не пошел к ним. Если бы ему нужно было вступить в соглашение с ними, то Открывший ему слово проповеди повелел бы ему сделать и это.

Итак, что же, он не ходил туда? Конечно, ходил, и не просто, но чтобы узнать нечто от них. Когда же? Когда в городе Антиохии, обнаружившем с самого начала великую

ревность к Церкви, возникло недоумение о том же предмете, о котором и мы теперь рассуждаем, и (апостолы) хотели узнать, нужно ли обрезывать уверовавших из язычников, или же совсем не следует принуждать их подвергаться тому. Тогда сам Павел и Сила ходили (в Иерусалим). Как же в таком случае он говорит, что не ходил и не советовался? Во-первых, потому, что он не по своей воле ходил туда, но был послал другими; а во-вторых, не для того, чтобы учиться, но чтобы убедить других. А сам он с самого начала держался того мнения, которое впоследствии утвердили и апостолы, – именно, что не должно обрезываться; но так как они до сих пор не считали его достойным доверия и более слушались тех, которые находились в Иерусалиме, то он и ходил туда не для того, впрочем, чтобы самому узнать что-нибудь большее, но чтобы убедить противников, что и находящиеся в Иерусалиме согласны с этим. Таким образом он с самого начала видел, что нужно делать, и не имел никакой нужды в учителе, и в том, что апостолы имели утвердить после долгого рассуждения, он непоколебимо был утвержден свыше еще прежде их рассуждения. Лука, изъясняя это, сказал, что у Павла было большое и продолжительное состязание с ними по этому предмету еще прежде путешествия его в Иерусалим (Деян. XV, 2). Но так как братиям угодно было узнать об этом (и от остальных апостолов), то он и пошел туда для них, а не для себя. Если же он говорит – *неже взыдох*, то в объяснение этих слов можно сказать то, что он не ходил туда и в начале своей проповеди, да и тогда, когда ходил туда, ходил не для того, чтобы учиться. Ведь именно на обе эти мысли указывает он в словах: *абие не приложихся плоти и крови*. Он не сказал просто – *не приложихся*, но – *абие*. Если же после ходил туда, то не за получением чего-нибудь. *Но идох во Аравию*. Смотри, какая пламенная душа! Он старался занять страны, еще не возделанные и остававшиеся в диком состоянии. Если бы он оставался вместе с апостолами, не имея ничего, чему бы от них научиться, то остановилось бы дело проповеди, тогда как им надлежало везде распространять учение. Вот почему этот блаженный, пламенея духом, тотчас же приступил к делу учения людей не научен-

ных еще и диких, избрав жизнь многотрудную и сопряженную со многими опасностями.

11. И смотри, какое у него смирение! Сказав: *идох во Аравию,* он прибавил: *и паки возвратихся в Дамаск.* Он не говорит ничего о своих подвигах, ни о том, кого и скольких он научил, между тем как тотчас по крещении обнаружил такую ревность, что смутил иудеев и возбудил к себе такую ненависть как в них, так и в язычниках, что они подстерегали его и хотели умертвить; а этого не случилось бы, если бы он не приобрел великого множества верующих. Так как они были побеждены учением его, то им и оставалось только обратиться к убийству, а это было ясным доказательством победы Павла. Но Христос не попустил ему умереть, сохраняя его для проповеди. И несмотря на это, он ничего не говорит об этих своих подвигах, а потому все, что он ни говорит, он говорит не из честолюбия и не для того, чтобы его считали большим в сравнении с другими апостолами, а равно и не потому, чтобы он огорчался тем, что его унижают перед ними, но из опасения, чтобы отсюда не произошло какого-нибудь вреда для проповеди. Ведь он сам называет себя и извергом, и первым из грешников, и последним из апостолов, и даже недостойным такого названия (1 Кор. XV, 8, 9; 1 Тим. I, 15); и это говорит тот, кто потрудился больше всех, — что является особенным доказательством его смирения. В самом деле, кто, не признавая за собой ничего доброго, говорит о себе смиренно, тот, конечно, благоразумен, но его нельзя назвать смиренным; кто же, несмотря на столько венцов, говорит о себе так, тот умеет быть скромным. *И паки возвратихся,* говорит он, *в Дамаск.* И как много, по всей вероятности, он совершил там! Об этом городе он говорит, что эпарх (областной правитель) царя Ареты стерег этот город, желая схватить блаженного (2 Кор. XI, 32), а это служило самым явным доказательством того, что он весьма сильно нападал там на иудеев. Но здесь он ничего не говорит об этом, да и там он не упомянул бы об этом, если бы не видел, что в то время сами обстоятельства требуют этого рассказа, но умолчал бы, точно так же, как и здесь, говоря о том, что он приходил и ушел, он ничего более не говорит о том, что

было там. *Потом же по триех летех взыдох во Иерусалим соглядати Петра* (ст. 18). Что может быть смиреннее подобной души? После столь великих и столь многих подвигов, не имея никакой нужды в Петре, ни в его слове, но будучи равночестен ему, — больше ничего не скажу пока, — он все-таки приходит к нему, как бы к большему и старейшему, и причиной путешествия туда указывает только то, чтобы увидеться с Петром. Видишь ли, как он воздает прочим апостолам должную честь и не только не считает себя лучше их, но даже и не равняет себя с ними? И это ясно видно из предпринятого им путешествия. В самом деле, подобно тому, как в настоящее время многие из наших братий отправляются к святым мужам, точно так же и Павел по тому же расположению ходил тогда к Петру, но только с гораздо большим смирением. В настоящее время предпринимают путешествия для пользы, а блаженный (Павел) отправился не для того, чтобы чему-нибудь научиться и не для исправления какой-нибудь своей погрешности, но исключительно ради того, чтобы видеть (Петра) и почтить его своим присутствием: *соглядати*, говорит он, *Петра*. И не сказал — видеть Петра, но — видеться с Петром (то есть узнать его), как обыкновенно говорят люди, рассматривающие великие и знатные города. Так он считал достойным особенного старания и одно то, чтобы видеть этого мужа. То же самое ясно показывают и дела его. Действительно, когда он пришел в Иерусалим, после того как обратил многих из язычников и совершил такие дела, каких не совершил никто из других (апостолов), после того как обратил Памфилию, Ликаонию, народ Киликийский и всех живущих в этой части земли и привел их ко Христу — он сначала приходит к Иакову с великим смирением, как бы к старшему и почтенному большей честью. Затем он выслушивает его советы, и притом противные тому, что сам он говорит теперь. Видишь ли, брат, сказал (Иаков), сколько тысяч уверовавших иудеев. Но остриги себе волосы и очистись (Деян. XXI, 20, 24), — и он остригся и совершил все иудейские обычаи. Там, где не было вреда для благовестия, он являлся уступчивее всех; где же он видел, что от уступчивости произойдет для некоторых вред, он не пользовался этим преизбытком сми-

рения, потому что это уже не значило бы быть смиренным, но погублять и развращать наставляемых. *И пребых у него дний пятьнадесять.* Предпринятое путешествия (ради Петра) было доказательством великого уважения к нему (Павла), пребывание же в течение стольких дней показывало дружественное расположение и искреннюю любовь их между собой. *Иного же от апостол не видех, токмо Иакова брата Господня* (ст. 19). Смотри, какое великое расположение имеет он к Петру: ради него он предпринял путешествие, у него и пребывал. Говорю же об этом я так часто и желаю сохранить это у вас в памяти для того, чтобы, когда вы услышите слова, произнесенные по-видимому против Петра, никто из вас не подозревал апостола. В предупреждение этого он и сам говорит о посещении Петра, чтобы, когда он скажет: я противостал Петру (II, 11), никто не считал этих слов проявлением вражды и соревнования; и действительно, он почитает этого мужа и любит больше всех. Ведь и в Иерусалим пришел он, по его словам, не ради кого-нибудь другого из апостолов, но единственно ради него. *Иного же от апостол не видех,* говорит он, *токмо Иакова.* Видел, говорит, но не учился у него ничему. Но заметь, с каким почтением наименовал он и этого. Не сказал он просто – Иакова, но прибавил и достославное наименование его – брата Господня, – так он был чужд какой бы то ни было зависти! Если бы он хотел только указать на того, о ком говорил, то мог бы сделать это понятным, употребив другой отличительный признак, и назвать его сыном Клеопы, как сказал и Евангелист (Ин. XIX, 25). Однако он не сказал так, но так как считал почетные наименования апостолов и своими наименованиями, то, как бы превознося себя самого, так величает и его. Ведь он не назвал его так, как я сказал, но как же? Братом Господним. Хотя он и не был на самом деле братом Господним по плоти, но лишь считался таковым, однако и это не остановило (апостола) признать достоинство этого мужа. Да и во многих других местах он показывает, что был расположен ко всем апостолам так искренне, как ему было прилично. *А яже пишу вам, се пред Богом, яко не лгу* (ст. 20). Видишь ли смирение этой святой души, одинаково сияющее повсюду? Он, как бы состяза-

ясь на судилище и готовясь подвергнуться истязанию, заботился о подобном защищении себя. *Потом же приидох в страны Сирския и Киликийския* (ст. 21), — после свидания с Петром. Снова начинает он слово проповеди и предлежащий подвиг, не касаясь иудеев, как потому, что был послан к язычникам, так и потому, что не хотел строить на чужом основании. Вот почему он не встречался, даже и случайно, с другими апостолами; это ясно видно и из дальнейших слов. *Вех же,* говорит он, *не знаем лицем Церквам Иудейским. Точию же слышаще бяху, яко гоняй нас иногда, ныне благовествует веру, юже иногда разрушаше* (ст. 22, 23). Что может быть скромнее такой души? В самом деле, все, что служило к его обвинению, как, например, то, что он гнал Церковь и опустошал ее, он изложил с особенной силой и подробностью, обнаруживая таким образом свою прежнюю жизнь; а то, что могло выставить его с светлой стороны, обходит (молчанием). И, имея возможность, если бы захотел, пересказать все свои подвиги, он не говорит ни об одном из них, но, перейдя одним словом неизмеримое море, и сказав: *приидох в страны, Сирския и Киликийския,* и: *слышаще бяху, яко гоняй нас иногда, ныне благовествует веру, юже иногда разрушаше,* ничего более не прибавил. Что же он хотел сказать словами; *не знаем бех церквам Иудейским?* (Хотел) чтобы ты знал, что он так далек был от того, чтобы проповедовать им обрезание, что даже и в лицо не был известен им. *И славяху о мне Бога* (ст. 24). Заметь и здесь правило его смирения и с какой строгостью он выполняет его. Он не сказал: дивились мне, хвалили меня, изумлялись мне, но показал, что все это было делом благодати. И прославили, говорит он, за меня Бога.

ГЛАВА II

Потом же по четыренадесяти летех взыдох во Иерусалим с Варнавою, поем с собою и Тита, взыдох же по откровению (ст. 1, 2)

1. Причиной первого восхождения в Иерусалим служил, по его словам, Петр и свидание с ним, а причиной второго — откровение Духа. *И предложих им благовествование, еже проповедую во языцех, наедине же мнимым, да не како вотще теку, или*

текох (ст. 2). Что ты говоришь, Павел? Не решившись предложить сначала или через три года, как же по прошествии четырнадцати лет ты спрашиваешь, не напрасно ли подвизаешься? Насколько бы было лучше тотчас в самом начале сделать это, нежели после стольких лет? Зачем же ты и подвизался, если не был уверен, что не напрасно подвизался? Кто может быть настолько неразумен, чтобы проповедовать в течение стольких лет, не зная, хорошо ли он проповедует? А еще непонятнее этого то, что он ходил, говорит, по откровению. Впрочем, хотя это и непонятнее первого, как я сказал, но оно может дать нам объяснение и того. Ведь если бы он и по собственному побуждению ходил, то и в таком случае трудно объяснить его поступок, потому что невозможно допустить, чтобы эта блаженная душа впала в такое безрассудство, а он сам говорит: *тако теку, не яко безвестно, тако подвизайся, не яко воздух бияй* (1 Кор. IX, 26). Итак, если (ты бежишь) не на неверное, то как же говоришь: *да не како вотще теку, или текох?* Отсюда ясно, что если бы он ходил и без откровения, то и тогда поступил бы так, как свойственно только неразумным; только тогда сделанное им не так было бы неуместно; когда же и благодать Духа влечет его, то кто уже осмелится подозревать его в чем-нибудь подобном? Поэтому-то он и присовокупил: *по откровению,* чтобы ты прежде разрешения вопроса не осудил его в неразумии, зная, что сделанное им было не человеческим делом, но делом божественного промысла, предустрояющего и настоящее и будущее. Итак, какая же причина этого путешествия его? Подобно тому как тогда, когда он в первый раз приходил из Антиохии в Иерусалим, он приходил не для себя, — потому что он сам ясно знал, что без всякого изменения должно следовать учению Христа, — но для того, чтобы примирить между собой препирающихся, точно так же и ныне он ходил не потому, что имел нужду узнать, не напрасно ли он подвизался, но для того, чтобы вполне убедить тех, которые обвиняли его. Так как последние были более высокого мнения о Петре и Иоанне и думали, что он не согласуется с ними, так как проповедовал Евангелие без обрезания, а те допускали таковое, и так как они думали, что в этом случае

он поступает против закона и напрасно подвизается, то он и говорит поэтому: я ходил и сообщил им благовествование не для того, чтобы самому научиться чему-нибудь от них, — о чем яснее говорит ниже, — но для того, чтобы вразумить тех, которые подозревали это, что я не напрасно подвизаюсь. А Дух, предвидя это состязание, и расположил его идти (в Иерусалим) и сообщить там свое учение. Вот почему он и говорит: ходил по откровению, и взял с собой Варнаву и Тита, чтобы они были свидетелями его проповеди. *И предложих им благовествование, еже проповедую во языцех,* — то есть без обрезания, — *наедине же мнимым.* Что значит — *наедине?* Ведь кто желает исправить общие догматы, тот не наедине, но перед всеми излагает их. Но не так поступил Павел, так как он желал не научиться чему-нибудь или исправить, но отнять повод к обману у тех, которые хотели обмануть других. Так как в Иерусалиме все соблазнялись, если кто допускал отступление от закона, и возбранял употреблять обрезание, — вот почему (Иаков) и сказал: *видиши ли, брате, колико тем веровавших,* и все они *увестишася о тебе, яко отступлению от закона учиши* (Деян. XXI, 20, 21)? — так как (повторяю) соблазнялись, то он и не решился прийти открыто и изложить перед всеми свою проповедь, но предложил *наедине мнимым,* при Варнаве и Тите, чтобы они были достоверными свидетелями перед обвинителями его, что и апостолы не нашли противной проповедь его, но, напротив, подтвердили ее. Когда же говорит — *мнимым,* то говорит это не для того, чтобы лишить их принадлежащего им достоинства, так как и о себе говорит: *мнюся бо и аз Духа Божия имети* (1 Кор. VII, 40), что означает просто умеряющего свое достоинство человека, а не отрицающего в себе то, что имеет. Точно так же и здесь: говоря — *мнимым,* говорит это по общему о них мнению и своему. *Но ни Тит иже со мною, Еллин сый, нужден бысть обрезатися* (ст. 3). Что значит — *Еллин сый?* Значит — был из эллинов и необрезанный. Не только я, говорит, так проповедовал, но и Тит поступал точно так же, и апостолы не принуждали его, необрезанного, обрезываться. Это служило самым верным доказательством, что апостолы не осуждали учения Павла или его дел. А что еще более важно, — было доказательством

того, что и тогда, когда противники, узнав об этом, настаивали на обрезании, они не могли принудить апостолов приказать сделать это, – на что именно он и указывал словами: *и за пришедшую лжебратию* (ст. 4). Кто же эти лжебратия? Это требует здесь немалого исследования. Ведь если апостолы допускали здесь обрезание, то почему ты называешь лжебратиями тех, которые, согласно с мнением апостолов, и сами приказывали делать это? Во-первых, потому, что не одно и то же требовать что-нибудь делать и допускать делаемое. В самом деле, кто приказывает, тот настаивает на этом, как необходимом и важном, а кто хотя не требует сам, но не возбраняет желающему, тот допускает известное действие не как необходимо-должное, но по особенному какому-нибудь соображению. Скажу, например: Павел писал коринфянам и повелевал женам и мужам опять жить вместе (1 Кор. VII, 5).

2. Но чтобы ты не подумал, что он налагает на них закон этими словами, он прибавил: *сие же глаголю по совету, а не по повелению* (1 Кор. VII, 6), потому что это означало не решительный приговор его, но снисхождение к их невоздержанию. Поэтому и говорит: через невоздержание ваше (ст. 5). Если же ты желаешь знать мнение Павла об этом, то послушай, что он говорит: *хощу, да вси человецы будут, якоже и аз,* – в воздержании (ст. 7). Точно так же и здесь, – апостолы допускали обрезание не как защитники закона, но по снисхождению к немощи иудеев. Действительно, если бы они защищали закон, то не стали бы проповедовать иудеям так, а язычникам иначе; и если что необходимо было делать по закону Христову неверным, то очевидно, что это же нужно было делать и всем верным. Если же они постановили законом не отягощать этим (обрезанием) язычников, то показали тем, что и иудеям они дозволяли его только по снисхождению.

Но лжебратия делали это не по такому побуждению, а для того, чтобы отторгнуть верующих от благодати и снова подчинить их под иго рабства. Это – первое различие, полагающее великое расстояние между апостолами и лжебратиями. Второе же то, что апостолы делали это в Иудее, где и закон еще имел силу, а лжебратия делали это повсюду, так

как хотели поработить и всех галатов. Отсюда ясно, что это делалось не для созидания, но для совершенного разрушения. И притом с иным намерением допускали это апостолы, и с иным принуждали к тому лжебратия. *Иже привнидоша соглядати свободы нашея, юже имамы о Христе Иисусе.* Видишь ли, как названием соглядатаев он выразил неприязнь их? Действительно, соглядатаи входят только для того, чтобы, разузнав дела противников, приготовить себе удобнейшие средства к поражению и уничтожению их; так же поступали тогда и лжебратия, желая подчинить галатов ветхозаветному рабству. Таким образом, и отсюда ясно, что намерение апостолов и лжебратий было не одно и то же, но, напротив, совершенно противоположно. Первые допускали снисхождение для того, чтобы мало-помалу вывести из рабства; последние же установляли это, чтобы подвергнуть еще большему рабству. Поэтому они тщательно подсматривали и наблюдали, кто был обрезан, — как и Павел, указывая на это, сказал: *привнидоша соглядати свободы нашея,* обнаруживая коварство их не только названием соглядатаев, но и тем, что они приходили тайно и скрытным образом. *Имже ни часу повинухомся в покорение* (ст. 5). Заметь высоту и выразительность этих слов. Не сказал — в слове, но — *в покорение,* потому что те делали это не для того, чтобы научить чему-нибудь полезному, но чтобы подчинить и поработить себе. Поэтому, говорит, апостолам мы уступили, а тем — нет. *Да истина благовестия пребудет в вас.* Чтобы то, говорит, чему мы учили словами, подтвердить делами, а именно, что древнее прошло и стало все новое, что *аще кто во Христе, нова тварь* (2 Кор. V, 17) и что обрезывающимся не будет никакой пользы от Христа (Гал. V, 2 и VI, 15). Утверждая эту истину, мы ни на час не уступили (им). Но так как против него сейчас же говорили поступки апостолов, и поэтому некоторые естественно могли сказать: как же они повелевают это? — то смотри, как мудро решает он это возражение. Он не указывает истинной причины, именно — что апостолы делали это по снисхождению и по особому соображению, — так как это могло бы повредить слушателям. Ведь не нужно знать причины действия тем, которые, благодаря ему, имеют получить какую-нибудь

пользу, потому что если откроется причина того, что делается, то все разрушится. Поэтому только тот, кто делает, должен знать причину действия, те же, для которых готовится польза через это, не должны знать этой причины. А чтобы сделать более понятным то, что я говорю, я представлю пример из этого же самого предмета. Сам этот блаженный Павел, отменяющий обрезание, когда хотел послать Тимофея учителем к иудеям, сначала обрезал его и тогда уже послал (Деян. XVI, 3).

Это сделал он для того, чтобы слушатели имели более доверия к Тимофею, и он пришел к ним обрезанный, чтобы уничтожить обрезание. И сам он, а также и Тимофей, знал причину этого дела, но ученикам не сказал. Действительно, если бы они узнали, что он обрезался для того, чтобы уничтожить обрезание, то совершенно не стали бы слушать его проповеди, и погибла бы вся польза, а теперь неведение принесло им величайшую пользу. Полагая, конечно, что он сделал это как хранитель закона, они благосклонно и охотно принимали и его, и его учение. А принимая мало-помалу его учение и утверждаясь в нем, они оставили древнее, чего не случилось бы, если бы они в самом начале узнали причину. В самом деле, если бы они узнали это, то стали бы отвращаться от него, а отвращаясь, не стали бы слушать, не слушая же, остались бы в прежнем заблуждении. А чтобы не случилось последнего, он и не открыл причины. Вот почему и здесь он не открывает причины такого действия, но другим путем ведет свое слово, говоря так: *от мнящихся же быти что, якови некогда беша, ничтоже ми разнствует: лица Бог человеча не приемлет* (ст. 6). Здесь он не только не защищает апостолов, но и сильно говорит против этих святых, чтобы доставить пользу немощным. Слова же его имеют такое значение: если они и допускают обрезание, то они же дадут и ответ Богу. Ведь Бог за то только, что они почитаются великими и верховными, не уважит лица их. Впрочем он сказал не так откровенно, но с осторожностью. В самом деле, он не сказал: если они повреждают проповедь и проповедуют не так, как заповедано, то дадут ответ на последнем суде и понесут тяжкое наказание; ничего подобного не сказал он, но, кажется, гораздо почти-

тельнее касается их, говоря так: *от мнящихся же быти что,якови некогда беша.* И не сказал: каковы они теперь, но — *беша,* показывая этим, что и они перестали после так проповедовать, когда повсюду воссиял свет проповеди. Словами же: *якови некогда беша,* говорит: если они так проповедовали, то сами дадут ответ. И не перед людьми, но перед Богом они дадут ответ.

3. Говорил же он это не потому, чтобы сомневался в них или не знал их намерений, но, как я сказал, потому, что считал более полезным так вести свое слово. Потом, чтобы не подумали, что он держится противного пути, обвиняя их, и тем не подать повода к разделению, он тотчас исправил свою речь, сказав: *мне мнимии ничтоже привозложиша.* Что же это значит? Что говорите вы, того, говорит он, я не знаю; а между тем достоверно знаю то, что они не противоречили мне, напротив, были единомысленны и согласны со мной, — ведь это именно показывает он словами: *десницы даша* (ст. 9). Но пока он не говорит этого, а говорит только, что они ничему не учили его, ничего не поправляли и ничего не прибавили к тому, что он знал. *Мне бо мнимии,* говорит он, *ничто же привозложиша.* Это значит: узнав мое учение, они ничего не прибавили к нему, ничего не исправили, и это несмотря на то, что они знали, что я пришел для того, чтобы сообщить им мое учение, притом пришел по откровению Духа, чтобы сообщить это, и привел с собой необрезанного Тита; но они ни мне ничего не сказали больше того, что я знал, ни Тита не обрезали. *Но сопротивное* (ст. 7). Что же значит — *сопротивное?* Некоторые думают, что этим он хотел сказать, что (апостолы) не только ничему не научили его, но еще и сами научились от него; но я не скажу этого. В самом деле, чему бы еще они стали учиться у него? Ведь каждый из них был совершен. Итак не это хочет сказать он словом — *сопротивное,* но то, что они не только не укоряли его, а, напротив, были так далеки от порицаний, что еще и одобрили его, потому что противоположное порицанию есть одобрение. Но против этого некоторые могли сейчас же сказать: если они одобрили, то почему в таком случае не отменили обрезания? Ведь если одобрили, то надлежало отменить его. Но сказать, что отменили, он

считал слишком нескромным и думал, что этим он возбудит открытую борьбу против (апостольского) исповедания. С другой стороны, он видел, что открыто признать, что необходимо допускать обрезание, значит встретить другое возражение. Если они одобрили твою проповедь, сказали бы, тогда, а сами допускали обрезание то в таком случае они сами противоречили себе. Как же разрешить это затруднение? Он мог, конечно, сказать, что (апостолы) сделали это (дозволили обрезание) по снисхождению к иудеям; но сказав это, он поколебала бы все основание их мудрого устроения. Вот почему он и не говорит этого, но оставляет это под сомнением и нерешенным, сказав только: *от мнящихся же быти что, ничто же ми разнствует,* как бы говоря тем: я не осуждаю и не оговариваю этих святых; они сами знают, что делали, — так как должны дать ответ Богу; предмет же моей заботы — доказать только то, что они не отвергали моего учения, и не поправляли его, и не прибавили к нему ничего, как будто бы в нем чего-нибудь недоставало, но, напротив, одобрили его и подтвердили своим согласием, и свидетелями этого я имею Тита и Варнаву. Поэтому он и говорит далее: *уразумевше, яко уверено ми бысть благовестие необрезания, яко же Петру обрезания,* — разумея под обрезанием и необрезанием не само дело, но народы, различающиеся этим между собой. Действительно, далее он и говорит: *ибо споспешествовавый Петру в послание обрезания, споспешествова и мне во языки* (ст. 8). Итак, подобно тому, как необрезанием он называет язычников, так обрезанием — иудеев. При этом показывает, что он имеет равную честь (с апостолами) и сравнивает себя не с кем-нибудь другим из них, но с первоверховным, показывая этим, что каждый из них получил равное достоинство. Представив же доказательство своего единомыслия (с апостолами), он уже смело и свободно продолжает свою беседу и не останавливается уже только на одних апостолах, но возводит слово свое даже до Христа и благодати (апостольства), данной ему Христом, называя свидетелями этого самих апостолов, и говорит: *познавше благодать* Господа, *данную ми, Иаков и Кифа, и Иоанн, мнимии столпи быти, десницы даша мне и Варнаве общения* (ст. 9). И не сказал: услышав, но — *познавше,* то есть убедившись из самих дел, *дес-*

ницы даша мне и Варнаве общения. Видишь ли, как он мало-помалу показал, что его проповедание угодно и Христу и апостолам? В самом деле, благодать не была бы дана ему и не действовала бы в нем, если бы подобное проповедование не было угодно (Христу). И где ему нужно было сравнивать себя, там он упоминает об одном только Петре, а где надлежало представить свидетельство, там называет троих вместе, и притом с похвалой, говоря: *Кифа и Иаков, и Иоанн, мнимии столпи быти.* И опять, словом – *мнимии* он не отвергает того, что они действительно были таковы, но приводит мнение и других и говорит, что те великие и славные, которых все повсюду превозносят, сами являются свидетелями того, что говорю я, а именно; что это угодно и Христу, что в истине этого они убедились из самих дел и уверились в том из самого опыта. Вот почему они и подали мне руку (общения), и не только мне, но и Варнаве, *да мы во языки, они же во обрезание.*

Какое богатство разума и непререкаемое доказательство согласия! Он показывает, что их учение было согласно с его учением, и его учение было согласно с их учением. Той и другой стороне угодно было то же самое, – чтобы они проповедовали так иудеям, а он так язычникам, а потому и прибавил: *да мы во языки, они же во обрезание.* Видишь ли, что обрезанием он называет здесь не самое дело, а иудеев? Когда он говорит о самом действии обрезания, то, желая показать его отличие, противопоставляет ему необрезание, например когда говорит: *обрезание пользует, аще закон твориши: аще же закона преступник еси, обрезание твое необрезание бысть.* (Рим. II, 25); или еще: *ни обрезание что может, ни необрезание* (Гал. V, 6). Когда же он так называет иудеев и хочет обозначить этим словом не само дело, а народ, то противополагает ему не необрезание, а язычников. Язычникам противопоставляются иудеи, а обрезанию – необрезание, как например, когда он и выше говорит: *ибо споспешествовавый Петру в послание обрезания, споспешествова и мне во языки,* или еще здесь: *мы во языки, они же во обрезание,* – он разумеет не само дело, но называет этим словом народ иудейский, противополагая его язычникам. *Точию нищих да помним, еже и потщахся сие истое творити* (ст. 10).

4. Что же значат эти слова? В деле проповеди, говорит он, мы разделили между собой вселенную: я взял язычников, а они – иудеев, как то угодно было Богу; в попечении же о нищих из иудеев и я оказывал им помощь. Поэтому, если бы между нами было несогласие и распря, то они не приняли бы моего участия. Что же это за нищие? Многие из уверовавших иудеев в Палестине, которые лишились всего имущества и повсюду были гонимы. На это указывает он в Послании к Евреям, когда говорит: *и разграбление имений ваших с радостию приясте* (Евр. X, 34); на то же указывает и в Послании к Фессалоникийцам, когда восхваляет их мужество: *вы*, говорит он, *подобницы бысте церквам Божиим сущим во Иудеи, зане и вы таяжде пострадасте от своих сплеменник, якоже и тии от иудей* (1 Фес. II, 14). Да и повсюду он показывает, что уверовавшие из язычников не так были преследуемы оставшимися в язычестве, как были гонимы уверовавшие из иудеев своими единоплеменниками, потому что иудеи – самый жестокий народ из всех народов. Вот почему (апостолы) так много заботятся о верующих из иудеев, проявляя по отношению к ним все свое усердие, да и (сам апостол Павел) пишет о них и к римлянам, и к коринфянам. И он не только собирает для них деньги, но и сам относит их (1 Кор. XVI), и говорит: *ныне же гряду во Иерусалим, служай святым* (Рим. XV, 25), так как они нуждались и в самой необходимой пище. Так и здесь, указывая на это, говорит, что ему поручено было помогать им в этой нужде, и он принял это поручение и не уклонился от него. Показав, таким образом, свое согласие и единомыслие (с апостолами), он далее находит нужным упомянуть и о разговоре своем с Петром, происходившем в Антиохии, и говорит: *егда же прииде Петр во Антиохию, в лице ему противу стах, яко зазорен бе. Прежде бо даже не приити неким от Иакова, с языки ядяше: егда же приидоша, опряташеся и отлучашеся, бояся сущих от обрезания* (ст. 11, 12).

Многие, читая эти слова послания без должного внимания, думают, что Павел обличает ими лицемерие Петра; но это совершенно не так, этого допустить невозможно, так как мы найдем здесь великое благоразумие и Петра и Павла, сокровенно направленное в пользу слушателей. Но

прежде необходимо сказать о дерзновении Петра и о том, как он всегда предварял всех учеников (Христовых). Благодаря этому он получил и имя свое за твердую и непоколебимую веру: когда были спрашиваемы все вообще, он, предварив других, отвечает: *Ты еси Христос Сын Бога живаго* (Мф. XVI, 16), за что ему тогда вверены были и ключи царства небесного. Точно так же и на горе он один является говорящим, и когда (Господь) беседовал о кресте, и все другие молчали, он один сказал: будь милостив к Себе (ст. 22). И хотя эти слова не были плодом зрелого рассуждения, все же они происходили от пламенной любви. Да и везде мы видим его более ревностным, чем другие, и предваряющим других в опасностях. Так, когда (Господь) явился ученикам на берегу, он, в то время как другие спешили к берегу на судне, не был в состоянии дождаться, пока судно придет к берегу; да и после воскресения (Господа), когда иудеи, дыша убийством и неистовствуя, искали истребить (учеников), он первый, выступив, осмелился, возвысил голос и сказал, что Распятый восстал и находится на небесах. Но не одно и то же отверзть заключенные двери и положить начало делу, — и потом продолжать начатое с той же смелостью. Итак, каким образом могло бы случиться, что тот, кто отдал душу свою в руки такого множества народа, стал бы потом когда-нибудь лицемерить? Кто, несмотря на то, что подвергался бичеванию и узам, не согласился нисколько уступить своего дерзновения, и притом в самом начале проповеди, в центре столицы, где угрожала ему столь великая опасность, — как мог такой человек бояться уверовавших из иудеев спустя столько уже времени и в Антиохии, где не было и никакой опасности, и после уже того, как он приобрел великую славу и засвидетельствовал ее такими делами? Кто не страшился самих иудеев и притом в самом начале и в столице их, как, по прошествии такого уже времени и находясь в чужом городе, стал бы бояться тех, которые отделились (от иудеев)? Итак, Павел говорит это не против Петра; но говорит это с тем же самым намерением, с каким сказал: *от мнящихся же быти что,якови некогда беша, ничтоже ми разнствует*. Впрочем, чтобы нам долее не оставаться в сомнении относительно этого, необходимо

раскрыть причину сказанного. Апостолы, как я сказал выше, дозволяли в Иерусалиме обрезание, так как невозможно было вдруг отвлечь от закона; но когда они пришли в Антиохию, то ничего подобного не соблюдали уже, но жили одинаково с верующими из язычников; так без сомнения поступал тогда и Петр. Когда же пришли из Иерусалима знавшие, что он проповедовал там иначе, то он перестал поступать по-язычески, боясь оскорбить их, и изменил образ жизни, имея в виду две цели: чтобы не привести в соблазн верующих из иудеев, и чтобы Павлу доставить благовидный случай для обличения. Ведь если бы тот, кто проповедовал в Иерусалиме, не отвергая обрезания, изменил свой образ мысли в Антиохии, то верующие из иудеев подумали бы, что он поступает так из страха перед Павлом, и ученики осудили бы его в крайнем легкомыслии, а это могло бы явиться немалым соблазном. Впрочем, своей переменой он не подал бы такого подозрения Павлу, так как последнему, ясно знавшему все, было известно и намерение, с которым так действовал Петр. Вот почему Павел обличает, а Петр переносит это, чтобы ученики, видя молчание учителя, несмотря на сделанный ему выговор, тем легче могли изменить свой образ мыслей. Если бы Павел не при таких обстоятельствах стал увещевать их, он не произвел бы ничего важного; теперь же, воспользовавшись удобным случаем для строгого обличения, он внушил гораздо больший страх ученикам Петра. А если бы Петр, выслушав обличение, стал противоречить, то кто-нибудь справедливо мог бы обвинять его в том, что он извращает строение спасения; теперь же, когда один обличает, а другой молчит, — верующие из иудеев поражены были великим страхом. Вот для чего он так сильно и обличает Петра.

5. И смотри, с какой осмотрительностью говорит он, давая заметить благоразумным, что слова его не были делом раздора, но делом мудрого усмотрения. *Егда же,* говорит, *прииде Петр во Антиохию, в лице ему противу стах, яко зазорен бе.* Не сказал — (подвергался нареканию) от меня, но — от других. А если бы и сам (Павел) осуждал его, то не усомнился бы сказать это. Слова же его: *в лице ему противу стах* являются лишь образным выражением. Если бы они в самом деле были

не согласны между собой, то, конечно, не стали бы обличать друг друга в присутствии учеников, так как этим они подали бы большой соблазн; теперь же это кажущееся несогласие было полезно. И как Павел уступил (апостолам) в Иерусалиме, так и они ему в Антиохии. В чем же состояло пререкание? *Прежде бо даже не приити неким от Иакова* (а последний и сам был учителем в Иерусалиме), *с языки ядяше: егда же приидоша, опряташеся и отлучашеся, бояся сущих от обрезания;* не того боялся, чтобы не подвергнуться опасности самому, — в самом деле, тот, кто не боялся вначале, тем более не мог бояться теперь, — но того, чтобы не отпали (ученики), так как он и сам говорит галатам: *боюся о вас, еда како всуе трудихся* (IV, 11), и еще коринфянам: боюсь, чтобы как змей прельстил Еву, так и ваши умы не повредились (2 Кор. XI, 3). Ведь страх смерти ничего не значил для них, но страх погибели учеников сильно поражал души их. *Яко и Варнаве пристати лицемерству их* (ст. 13). Не удивляйся тому, что поступок (Петра) он называет лицемерием, потому что, как я сказал уже, он не хочет открывать намерения, для того чтобы (иудеи) исправились. Так как они сильно привязаны были к закону, то ввиду этого он и называет поступок (Петра) лицемерием, и так сильно обличает его, чтобы совершенно уничтожить укоренившееся в них предубеждение. А Петр, слыша это, также показывает вид, как будто он действительно виновен, для того, чтобы благодаря сделанному ему порицанию (уверовавшие из иудеев) исправились. Если бы Павел стал обличать самих верующих из иудеев, то они с презрением и негодованием отвергли бы его обличение, так как еще не питали к нему большого уважения; теперь же, видя, что учитель их, будучи обличаем, молчит, они не могли ни пренебречь, ни противоречить тому, что говорил (Павел). *Но егда видех, яко не право ходят во истине благовествования* (ст. 14). Пусть не смущают вас и эти слова, так как он говорит их не в обличение Петру, но придает такой вид словам, чтобы они, будучи выслушаны, принесли пользу тем, которые через обличение Петра должны были стать лучшими. *Рекох Петру пред всеми.* Видишь ли, как исправляет других? Для того именно и сказал — *пред всеми,* чтобы устрашились и слушающие. Что же ты сказал?

Аще ты иудей сый, язычески, а не иудейски живеши, почто языки нудиши иудейски жительствовати? Но не язычники, а иудеи были увлечены к лицемерию (примером Петра): почему же в таком случае обвиняешь в том, чего не было? Почему ты обращаешь речь свою не против лицемеривших из иудеев, а против язычников? Почему также обвиняешь одного Петра, тогда как и прочие лицемерили вместе с ним? Рассмотрим же, в чем состоит само обвинение. *Аще ты иудей сый, язычески, а не иудейски живеши, почто языки нудиши иудейски жительствовати?* По ведь таился один (Петр): чего же в таком случае он хочет достигнуть, говоря это? Хочет сделать, чтобы обличение не возбуждало подозрительности против себя. Если бы он сказал: ты худо делаешь, соблюдая закон, – то уверовавшие из иудеев обвинили бы его в дерзости против своего учителя; теперь же, обвиняя его за своих учеников, то есть обратившихся из язычников, он делает этим удобовосприемлемой свою речь, и не только этим, но и тем, что, оставив обличение всех других, обратил его всецело против апостола. *Аще ты,* говорит, *иудей сый, язычески, а не иудейски живеши,* – почти совершенно явно говоря тем: вы подражаете своему учителю, а между тем и сам он, будучи иудеем, живет по-язычески. Но он не сказал так ясно, потому что увещания его не приняли бы, а открывает мысль Петра под видом выговора за язычников. Равным образом, если бы он сказал: зачем ты принуждаешь обратившихся из иудеев жить по-иудейски? – слова его были бы гораздо невыносимее; теперь же, как бы принимая сторону учеников из язычников, а не из иудеев, этим самым исправляет последних. Ведь упреки становятся наиболее удобовосприемлемыми тогда, когда бывают не слишком суровы. Да и из язычников никто не мог обвинять Павла, потому что он говорил против иудеев. А все это устроил во благо Петр своим молчанием, приняв на себя вид лицемерия, чтобы тем освободить иудеев от действительного лицемерия. Итак, сначала он направляет свою речь лично к Петру, сказав: *аще ты иудей сый,* а потом обращает ее ко всем вообще, не исключая и себя, и говорит так: *мы естеством иудеи, а не от язык грешницы* (ст. 15). Слова его были в действительности только увещанием, но им был

придан вид укоризны по причине бывших тут верующих из иудеев.

6. То же делает он и в других местах: говоря, по-видимому, одно, имеет в виду другое; так, когда в Послании к Римлянам говорит: *ныне же гряду во Иерусалим, служай святым* (Рим. XV, 25). Этим, конечно, он не то хотел сказать и не просто только уведомить их о том, для чего он пошел в Иерусалим, но хотел их побудить к соревнованию в милостыне. Ведь если бы он хотел указать только на причину своего путешествия, то довольно было бы сказать: иду (в Иерусалим), чтобы послужить святым; а теперь, смотри, как много он присоединяет еще. *Благоволиша бо Македония и Ахаиа общение некое сотворити к нищим святым, живущим во Иерусалиме. Благоволиша бо и должни им суть.* И еще: *аще бо в духовных их причастники быша языцы, должни суть и в плотских послужити им* (Рим. XV, 26–27). Смотри же, как и в настоящем случае он низлагает гордые помыслы иудеев, достигая одного посредством другого, и со властью продолжает речь свою, говоря: *мы естеством иудеи, а не от язык грешницы.* Что же значит — *естеством иудеи?* Мы — не из язычества обращенные, но от младенчества воспитанные в законе, оставив прежний образ жизни, в котором воспитались, прибегли к вере во Христа. *Уведевше же, яко не оправдится человек от дел закона, но токмо верою Иисус Христовою, и мы во Христа веровахом* (ст. 16). Смотри, с какой осмотрительностью говорит он все это. Мы оставили закон, говорит, не потому, чтобы он был зол, но потому, что немощен. Поэтому если закон не доставляет оправдания, то излишне и обрезание. Впрочем, так говорит он теперь, далее же показывает, что обрезание не только излишне, но и опасно; и особенно замечательно, что сначала он сказал только: *не оправдится человек от дел закона,* далее же выражается гораздо сильнее: *аще ли ищуще оправдатися о Христе, обретохомся и сами грешницы, Христос убо греху ли служитель* (ст. 17). Если, говорит, вера во Христа не может оправдать, но снова необходимо следовать закону, то, оставив закон для Христа и не получая оправдания через это оставление, но подвергаясь осуждению, мы должны будем признать виновником осуждения Того, к Которому мы перешли, оставив ради Него же закон. Смотри,

к какой неизбежной нелепости привел он свое слово, и с какой силой подвизался? Если не должно оставлять закон, говорит он, а мы оставили его для Христа, то как мы будем судимы? Но для чего ты говоришь и советуешь Петру, который знал это совершеннее всех? Не ему ли Бог открыл, что человека необрезанного не должно осуждать за то, что не обрезан? Не он ли, рассуждая об этом с иудеями, так сильно противостоял им на основании этого откровения? Не он ли такие посылал из Иерусалима ясные наставления относительно этого?

Итак, это он говорит не для исправления Петра, но, найдя нужным обратить речь свою к Петру, обличал между тем учеников. Притом слова эти относятся не только к галатам, но и ко всем тем, которые подобно им страдают той же болезнью. Ведь хотя в настоящее время многие уже не обрезываются, но постятся и соблюдают субботу вместе с ними, а делая это, лишают сами себя наравне с ними благодати. Если в самом деле для тех, которые только обрезывались, не будет никакой пользы от Христа, то, когда присоединяется к этому еще пост и суббота и вместо одной заповеди исполняются две, – смотри, какая угрожает опасность, от времени делающаяся еще сильнее! Те поступали так вначале, когда еще существовали их город, храм и все прочее, эти же, будучи свидетелями и наказания, которое понесли иудеи, и разрушения их города, и несмотря на это соблюдающие закон еще в большей мере, какое могут представить оправдание, сохраняя его тогда, когда и сами иудеи, даже при всем своем желания, не могут уже соблюдать его? Ты облекся во Христа, соделался членом Владычным, сопричислен к высшему граду и все еще пресмыкаешься около закона? Как же возможно тебе достигнуть царства (небесного)? Послушай слов Павла, который говорит, что соблюдением закона ниспровергается Евангелие. И, если хочешь, узнай, как это возможно, и тогда устрашись и постарайся избежать угрожающей бездны. Почему ты, в самом деле, соблюдаешь субботу и постишься вместе (с иудеями)? Без сомнения, потому, что боишься оставить закон и его предписания; но ты не устрашился бы оставить закон, если бы не презирал веры, как слабой и самой по себе не могущей дос-

тавить спасение. Ведь если ты боишься не соблюдать субботы, то очевидно, что ты устрашился закона, как имеющего силу еще и в настоящее время. Если же опять нужен закон, то, без сомнения, нужна не часть его и не одна какая-нибудь заповедь, но нужен весь закон; а если весь, то таким образом мало-помалу, уничтожится и оправдание верой. Если ты соблюдаешь субботу, то почему и не обрезываешься? А если будешь обрезываться, то почему не станешь приносить и жертвы? Если, в самом деле, необходимо исполнять закон, то необходимо исполнять его весь; если же всего исполнять не нужно, то не нужно исполнять и части его. Если, с другой стороны, ты, страшишься подвергнуться осуждению за преступление одной части закона, то тем более нужно страшиться за преступление всего закона; а если нарушение целого закона не подвергает осуждению, то ясно, что не подвергает ему и нарушение части; если же нарушение одной части подвергает осуждению, то тем более нарушение целого закона. А если необходимо исполнение всего закона, то необходимо отвергнуться Христа или, последуя Христу, сделаться преступником закона. Ведь если должно исполнять закон, то неисполняющие его – преступники, и виновником этого преступления закона окажется у нас Христос, так как Он Сам разрешал от (исполнения) закона и другим повелел разрешать.

7. Видишь, до чего доходят иудействующие? Христа, виновника нашего спасения, они выставляют виновником и греха, как и Павел говорит: *Христос убо греху ли служитель?* После того как он довел их до такой нелепости, ему уже не нужно было доказательств к опровержению их, но достаточно было одного отрицания, почему он и сказал только: *да не будет,* так как против совершенной нелепости и бесстыдства не нужно изыскивать доказательств, а достаточно и одного отрицания. *Аще бо яже разорих, сия паки созидаю, преступника себе представляю* (ст. 18). Посмотри на благоразумие Павла. Иудеи хотели показать, что не соблюдающий закона есть преступник; а он говорит совершенно противное и показывает что исполняющий закон есть преступник, и не только веры, но и самого закона, так как под словами – *яже разорих, сия паки созидаю* он разумеет закон. А слова его име-

ют такой смысл: закон потерял свою силу, и мы подтвердили это тем, что, оставив его, прибегли к спасению верой. Поэтому если мы усиливаемся восстановить закон, то этим самым становимся преступниками, так как упорно хотим соблюдать то, что отменено Самим Богом. Далее показывает и то, каким образом отменен закон. *Аз бо законом закону умрох* (ст. 19). Эти слова имеют двоякий смысл: или он говорит о законе благодати, потому что и благодать он обыкновенно называет законом, например когда говорит; а закон Духа жизни освободил меня (Рим. VIII, 2), или же разумеет здесь великий закон, желая показать, что через этот же самый закон он умер закону, то есть сам закон убедил меня больше не следовать ему. И если после этого буду следовать ему, то этим самым нарушу его. Как же и каким образом? Моисей, предсказывая о Христе, говорит: пророка воздвигнет вам Господь Бог из братьев ваших, как меня, — Его слушайте (Втор. XVIII, 15). Таким образом, те, которые не повинуются Христу, преступают закон. Но мы можем и иначе понимать слова — *законом закону умрох.* Ведь закон повелевает исполнять все написанное в нем, а не исполняющего наказывает. Поэтому мы все умерли для закона, так как никто не исполнил его. И смотри, с какой осторожностью он и здесь восстает против закона: он не сказал — закон умер для меня, но — я умер для закона. А эти слова имеют такой смысл: подобно тому как для бездушного и мертвого является невозможным повиноваться заповедям закона, точно так же и для меня, умершего от клятвы закона, — потому что я умер через то, что говорит он. Следовательно, он более не должен требовать повиновения от умершего, которого и сам он умертвил, и притом смертью не только телесной, но и духовной, через которую подверг и телесной. А что он говорит именно это, ясно показал из последующего. *Да Богови жив буду*, говорит он, *Христови сраспяхся*. Так как он сказал: я умер, то, чтобы кто не сказал ему: как же ты жив? — он и представил причину жизни, и показал, что хотя закон и умертвил его живого, но Христос, восприняв мертвого, оживотворил через смерть Свою; и этим показывает двойное чудо — во-первых, (Христос) оживотворил мертвого, и, во-вторых, через смерть даровал жизнь. Под смертью

он разумеет здесь жизнь, потому что это именно показывают слова его: *да Богови жив буду, Христови сораспяхся*. Но каким образом, скажет кто-нибудь, он сораспялся, когда был жив и дышал? Что Христос был распят, это ясно; но как ты и распялся и живешь? Смотри, как он изъясняет и это, говоря: *живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (ст. 20). Сказав — *Христови сораспяхся*, он указал на крещение, словами же — *живу же не к тому аз*, — на последующий образ жизни, которым умерщвляются наши уды. Что же значит: *живет во мне Христос?* То, говорит, что я ничего не делаю, что не угодно Христу. Подобно тому, как под смертью он разумеет не обыкновенную смерть, но смерть из-за грехов, точно так же и под жизнью разумеет освобождение от них (грехов), потому что по Боге невозможно жить иначе, как умерши для греха. И вот, как Христос претерпел смерть телесную, так и я смерть по отношению к греху. Умертвите, говорит, земные члены ваши, каковы суть блуд, нечистота, прелюбодеяние (Кол. III, 5), и еще: ветхий наш человек распят (Рим. VI, 6), что совершилось в купели крещения. После этого, если ты будешь оставаться мертвым для греха, то будешь жить Богу, если же снова воскреснешь для греха, то ты потеряешь эту жизнь. Но Павел не таков, он оставался во всю жизнь мертвым (греху). Итак, если я, говорит он, живу для Бога другой жизнью, чем какой жил в законе, я сделался мертв для закона, то ничего уже не могу исполнять из закона.

8. Смотри, как правильна его жизнь, и особенно подивись этой блаженной душе! Он не сказал — живу я, но — *живет во мне Христос*. Кто дерзнет оспаривать истину этих слов? В самом деле, так как он проявил совершенное послушание Христу, отказался от всего временного и все делал по воле Его, то и не сказал — я живу для Христа, но, что гораздо важнее: *живет во мне Христос*. Подобно тому, как грех, овладев человеком, сам живет в нем, направляя душу его по своему желанию, точно так же, если с умерщвлением греха человек делает благоугодное Христу, то такая жизнь является уже не жизнью человека, но живущего в нас, то есть действующего и управляющего (Христа). А так как он сказал — *сораспяхся*, и — *не ктому живу*, но умер, и многим каза-

лось, что он говорит невероятное, то и присовокупил: *а еже ныне живу во плоти, верою живу Сына Божия.* То, что сказано мной, говорит, относится к духовной жизни; если же кто хочет узнать и настоящую плотскую мою жизнь, то и таковая стала возможной для меня только через веру во Христа. Что касается до прежнего образа жизни и закона, то я достоин был величайшего наказания, и давно уже надлежало бы мне погибнуть: *еси бо согрешиша, и лишени суть славы Божия* (Рим. III, 23), и Христос искупил нас уже приговоренных к смерти, искупил тогда, когда мы находились уже в ожидании скорого исполнения этого приговора и когда все мы были уже мертвы, если не в действительности, то по смертному о нас приговору. И после того уже, как закон осудил нас и Бог приговорил к смерти, Христос, придя и предав Самого Себя на смерть, освободил всех нас от смерти. Поэтому, *еже ныне живу во плоти, верою живу.* А если бы не было этого, то ничто не могло бы воспрепятствовать всеобщей погибели, как это случилось и во время потопа; только пришествие Христа, отвратив гнев Божий, дало нам возможность жить верой. А что действительно он говорит это, выслушай следующее далее: сказав – *а еже ныне живу во плоти, верою живу,* он прибавил еще: *Сына Божия возлюбившаго мене, и предавшаго Себе по мне.* Что ты делаешь, Павел, присвояя общее всем себе и относя исключительно к себе то, что сделано за весь мир? В самом деле, он не сказал – возлюбившего нас, но – *возлюбившаго мене.* Евангелист между тем говорит: *тако возлюби Бог мир* (Ин. III, 16), да и ты сам в другом месте говоришь: Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его – не за тебя, но – за всех (Рим. VIII, 32); и еще: чтобы приобрести себе народ особенный (Тит. II, 14). Итак, что же значит сказанное им здесь? Представив себе всю безнадежность человеческого естества и неизреченное попечение Христа, а равно и то, от чего он освободил нас и что даровал нам, он, будучи объят пламенем любви к Нему, и говорит таким образом. Так и пророки часто называют общего всем Бога своим, говоря: *Боже, Боже мой, к тебе утреннюю* (Пс. LXII, 2). Кроме того этим он хотел показать, что каждый из нас столь же справедливой благодарностью обязан Христу, какой (он

был бы обязан), если бы Он пришел и для него одного. Ведь Он не отказался бы принять на Себя таковое ходатайство и за одного, потому что и каждого человека в отдельности он любит в такой же мере, как и весь мир. Притом, хотя жертва была принесена за всю природу и достаточна была для спасения всех, но воспользовались благодеянием ее одни уверовавшие. И то обстоятельство, что не все обратились (ко Христу), во всяком случае не могло удержать Его от таковового ходатайства, но подобно тому, как и упоминаемый в Евангелии пир был приготовлен для всех и, когда на него не пожелали прийти званые, Он все таки не отменил его, но призвал других (Лк. XIV, 16), – так точно поступил Он и здесь. И овца, отставшая от девяноста девяти, была одна, а все-таки Он не презрел и ее (Мф. XVIII, 12). То же самое дает понять и Павел, когда, рассуждая об иудеях, говорит: *что бо, аще не вероваша нецыи? Еда неверствие их веру Божию упразднит? Да не будет. Да будет же Бог истинен, всяк же человек лож* (Рим. III, 3, 4). Итак, после того, как Он возлюбил тебя настолько, что предал Самого Себя, и, когда ты не имел уже надежды ко спасению, привел тебя к столь великой и столь высокой жизни, ты, получив такие блага, все-таки опять обращается к ветхозаветному? Таким образом тщательно исследовав, что требовало исследования, он заключает речь свою возглашением, говоря: *не отметаю благодати Божия* (ст. 21). Пусть услышат это те, которые и ныне живут еще по-иудейски и привержены к закону: сказанное относится и к ним. *Аще бо законом правда, убо Христос туне умре.* Что может быть тяжелее этого греха? Какие еще слова более этих способны пристыдить? Ведь если Христос умер, то, очевидно, потому, что закон не в состоянии оправдать нас; если же закон оправдывает, то смерть Христа бесполезна. Но не безрассудно ли будет называть бесполезным и напрасным это столь великое, столь страшное и превышающее ум человеческий дело, это неизреченное таинство, которого с нетерпением ожидали патриархи, которое предсказывали пророки, взирая на которое ужасались ангелы и которое по справедливости признается всеми самым главным делом Божия промышления о нас? Представив таким образом высшей степенью нелепости считать совершение

этого столь великого и важного дела бесполезным (а это именно и доказывали поступки галатов), он далее поносит их, говоря так:

ГЛАВА III

О несмысленнии Галате, кто вы прельстил есть? имже пред очима Иисус Христос преднаписан бысть, в вас распят (ст. 1)

1. Здесь он переходит уже к другому предмету. В предыдущих главах он показал только, что сделался апостолом не от людей и не через людей и что не имел нужды в научении от апостолов; здесь же после того как уже представил себя достойным доверия учителем, беседует с большей властью, сравнивая между собой закон и веру. Так в начале он говорит: *чуждуся, яко тако скоро прелагаетеся* (I, 6); а здесь: о *несмысленнии Галате!* Тогда он скрывал свое негодование, теперь же, после того как защитил себя и доказал это, обнаружил его. Если же он называет их несмысленными, то не удивляйся этому: поступая так, он не нарушает закона Христова, который запрещает называть брата своего безумным (Мф. V, 22), но строго исполняет его. Ведь там не просто сказано – кто назовет брата своего безумным, но – кто назовет напрасно. Некоторые же из галатов по всей справедливости заслуживали этого названия, так как они после столь многих и столь великих благодеяний не переставали держаться прежних обычаев, как будто бы ничего особенного не случилось с ними. Если же ты за это называешь Павла обидчиком, то и Петра за Ананию и Сапфиру (Деян. V) должен будешь назвать человекоубийцей. Но если сказать первое – безумно, то тем более безумно сказать последнее. Ты же обрати внимание на то, что он не в самом начале употребил такую строгость, но после обличений и доказательств, когда уже они получили это порицание будто бы не от него, но как необходимое следствие самих обличений. В самом деле, только уже после того, как он доказал, что они отметают веру и представляют смерть Христа излишней, он прибавляет это порицание, притом более легкое, чем они заслуживали, так как они достойны были порицания еще в бо-

лее строгих выражениях. Впрочем, смотри, как он сейчас же, как только укорил их, смягчает свою речь. Он не сказал: кто вас обманул? кто злоупотребил вашей простотой? кто ввел вас в заблуждение? но — *кто вы прельстил есть?* — не лишая, таким образом порицания и некоторой доли похвалы. Этим он показывает, что прежние поступки их были достойны зависти, и что случившееся с ними было делом неприязни диавола, сильно досадовавшего на их благоденствие. Когда же ты слышишь здесь слово — зависть, или в Евангелии слова — худое око (Мф. VI, 23), что означает то же самое, то не подумай, что одно устремление глаз может вредить тем, на кого смотрят, потому что глаз, как член тела, сам по себе не может быть завистлив; но здесь Христос так называет зависть. Ведь дело глаз — просто только смотреть, смотреть же лукаво — зависит от развращенного сердца. Так как через чувство зрения входит в нашу душу знание рассматриваемых нами предметов, и, например, в большинстве случаев возбуждает в нас зависть богатство, а богатство мы видим глазами, равно как начальников и их свиту, то он поэтому назвал лукавым такое око, которое не просто смотрит, но смотрит с завистью и душевной злобой. Сказав же — *кто вы прельстил есть?* — он показывает, что завидующие делают это не из благожелания и не для восполнения недостающего, но для того, чтобы уничтожить и то, что было. Ведь дело зависти — не восполнять недостающее, но отнимать нечто и из наполненного уже, с тем чтобы после лишить всего. И это говорит он не потому, чтобы зависть сама по себе имела силу (вредить), но потому что учившие этому по зависти решились на это. *Имже пред очима Иисус Христос преднаписан бысть в вас распят.* Но не в Галатийской стране Он распят был, а в Иерусалиме: почему же он говорит — *в вас?* Этим он хочет указать на силу веры, которая может видеть и отдаленное. И не сказал он — распят, но — предначертан был распятым, ясно показывая тем, что они очами веры видели это гораздо лучше, чем некоторые из присутствовавших там и смотревших на совершавшееся перед ними. В самом деле, многие из этих последних, видя все это собственными глазами, не получили никакой пользы, а те хотя и не видели этого своими глазами,

но силой веры увидели еще яснее. Говоря же это, он и укоряет их, и вместе с тем хвалит. Хвалит за то, что они все совершившееся приняли с полной уверенностью в истине, а укоряет за то, что они оставили Того, Которого видели обнаженным за них, привязанным к столпу, пригвожденным ко кресту, оплеванным, поруганным, напаиваемым оцтом, поносимым разбойниками, пробиваемым копьем (все это он обнял словами *преднаписан бысть в вас распят*), и, оставив Его, обратились к закону, нисколько не устыдившись этих страданий Его. Ты же заметь, как он, оставив небо, землю, море и все прочее, проповедовал силу Христову, повсюду прославляя (один) крест. Это было верхом божественного промышления о вас. *Сие едино хощу уведети от вас, от дел ли закона Духа приясте, или от слуха веры* (ст. 2)? Так как вы, говорит, не слушаете продолжительных наставлений и не хотите видеть всего величия домостроительства Божия, то я хочу убедить вас немногими словами и кратчайшим доказательством, видя крайнее ваше невежество. Выше он вразумлял их беседой, обращенной к Петру, здесь же обращает речь свою к ним непосредственно, заимствуя все, служащее к убеждению их, не из того, что случилось в другом месте, но из того, что произошло с ними, и убеждает и уверяет их не из тех только дарований, которые были у них общими с другими, но и из тех, которые были сообщены собственно им. Поэтому и говорит: *сие едино хощу уведети от вас, от дел ли закона Духа приясте, или от слуха веры?* Вы получили Духа Святого, говорит он, творили многие чудеса, совершали знамения, воскрешая мертвых, очищая прокаженных, пророчествуя и говоря разными языками. Закон ли вам дал такую силу? Но прежде вы не делали ничего подобного. Следовательно, вера?

2. Итак, не есть ли дело крайнего безумия – оставить веру, даровавшую вам столь великие блага, и снова обратиться к закону, который не дал вам ничего подобного? *Тако ли не смысленни есте, наченше духом, ныне плотию скончаваете* (ст. 3). Опять благовременно он укорил их. Надлежало бы вам, говорит, с течением времени умножить свое преуспевание в вере; а вы не только ничего не прибавили, но еще и возвратились назад. Другие, начиная с малого и постепен-

но преуспевая, наконец восходят к великому, а вы, начав с великого, перешли к противному. Если бы вы начали и с плотского, то и в таком случае вам надлежало бы возвыситься до духовного; теперь же вы, начав с духовного, возвратились к плотскому, так как творить знамения есть дело духовное, а обрезываться – плотское. А вы от знамений перешли к обрезанию, постигнув истину возвратились к образам, после созерцания солнца ищете светильника, после твердой пищи обращаетесь к молоку. И не сказал он – плотью совершаете, но – *плотию скончаваете*, показывая этим, что лжеучители, уловив их, умертвили как бессловесных животных, когда они сами добровольно согласились терпеть все, что угодно было тем, – подобно тому, как если бы какой полководец и вместе храбрый воин, стяжавший уже бесчисленные трофеи и победы, предав сам себя на поругание изменникам, дозволил им без всякого сопротивления заклеймить свое тело. *Толико пострадасте туне? аще точию и туне* (ст. 4). Это должно было поразить их еще сильнее, чем сказанное выше. Воспоминание о знамениях не так сильно могло подействовать на них, как указание на подвиги и страдания, которые они претерпели за Христа. Они хотят, говорит он, чтобы вы потеряли все то, что претерпели (за Христа), и стараются лишить вас заслуженного венца. Но вслед за тем, чтобы не поразить слишком их души и не сокрушить их сил, он, не дожидаясь от них ответа, тотчас присовокупил: *аще точию и туне.* Если вы, говорит, захотите образумиться и исправитесь, то это не будет без пользы. Что скажут теперь отвергающие покаяние? В самом деле, вот галаты получили и Духа, и творили знамения, и были исповедниками, претерпев ради Христа бесчисленные опасности и гонения, и после таких благих дел отпали от благодати. И все-таки, говорит (апостол), если вы захотите, то можете снова достигнуть прежнего состояния. *Подаяй убо вам Духа, и действуяй силы в вас, от дел ли закона, или от слуха веры* (ст. 5)? Вы удостоились такого дара и сотворили столько чудес, говорит он, потому ли, что соблюдали закон, или потому, что сохраняли веру? Конечно – за веру. Так как (лжеучители) толковали это в ту и другую сторону и повсюду разглашали, что вера без соединения с законом не имеет силы, то (апостол) ут-

верждает противное, именно, что с присоединением заповедей закона вера уже не принесет никакой пользы, так как вера только тогда имеет силу, когда к ней ничего не привносится из закона. *Иже законом оправдаетеся,* говорит: *от благодати отпадосте* (Гал. V, 4). Но об этом он говорит ниже, когда пишет еще с большим дерзновением, получив уже к этому основание из доказанного; теперь же только пролагает путь к тому. Вы, говорит, получили Духа и творили знамения тогда, когда внимали вере, а не закону. Затем, так как речь была о законе, то он привел и другое доказательство, притом самое спорное, представив в пример Авраама очень кстати и с большой пользой, говоря так: *якоже Авраам верова Богу, и вменися ему в правду* (ст. 6). Доказывают, говорит, силу веры и совершенные вами чудеса, но, если угодно, я постараюсь уверить вас в том и примерами из ветхозаветной истории. А так как они имели великое уважение к этому патриарху, то он и представляет его в пример, показывая, что и он оправдался верой. Если же он, живший прежде благодати, оправдался верой, хотя был приукрашен и добрыми делами, то тем более вы. Какой же потерпел он ущерб от того, что не был под законом? Никакого, но и одной веры достаточно было к его оправданию. Но тогда, скажут, еще не было закона. И теперь нет закона, как не было его тогда. Вот потому-то он, желая доказать, что закон теперь не нужен, и представил в пример человека, оправданного прежде закона, чтобы не встретить подобного возражения. В самом деле, как тогда закон еще не был дан, так и теперь, будучи дан, получил конец. Затем, так как они много гордились своим происхождением от Авраама (Ин. VIII, 33) и боялись, как бы, с оставлением закона, не лишиться им родства с ним, то Павел и это снова обращает в противное и рассеивает страх, показывая, что вера преимущественно и утверждает родство с ним. И хотя яснее он доказал это в послании к римлянам, однако и здесь не менее утверждает это самое, говоря: *разумейте убо, яко сущии от веры, сии суть сынове Авраамли* (ст. 7). Затем и эту истину подтверждает свидетельством из Ветхого Завета: *предуведевше же,* говорит, *Писание, яко от веры оправдает языки Бог, прежде благовествова Аврааму, яко благословятся о тебе вси языцы* (ст. 8; Быт. XII, 3). Итак,

если не те, которые имели с ним естественное родство, суть сыны его, но те, которые подражали вере его (это именно и значат слова – *о тебе языцы),* то ясно, что (и верующие язычники) вводятся в это родство.

3. Этими словами он показывает и другое, нечто весьма важное. Так как их смущала мысль, что закон древнее веры, а вера после закона, то он уничтожает и это их недоумение, показывая, что вера древнее закона, и что это ясно видно из примера Авраама, так как последний получил оправдание прежде, нежели явился закон. А вместе с тем показывает, что и случившееся в последние времена случилось по пророчеству: *предуведевше же,* говорит, *Писание, яко от веры, оправдает языки Бог,* а не от закона, *прежде благовествова Аврааму.* Что же это значит? Сам законодатель, говорит он (этим), прежде нежели дал закон, определил, чтобы язычники оправдались верой. И не сказал – открыл, но – благовествовал, для того чтобы ты знал, что такому способу оправдания радовался и патриарх, и сильно желал, чтобы это было приведено в исполнение. Но так как они боялись еще и другого, (потому что) написано было: *проклят всяк, иже не пребудет во всех писанных в книзе* закона сего, *яко творити я* (Втор. XXVII, 26), то он устраняет и эту боязнь, премудро и благоразумно обращая в противную сторону сказанное в законе, и показывает, что оставившие закон не только не прокляты, но и благословенны, а держащиеся закона не только не благословенны, но и прокляты. Те (ревнители закона) говорили, что не сохраняющий закона проклят, он же (апостол) показывает, что сохраняющий закон проклят, а не сохраняющий – благословен. Те говорили также, что надеющийся только на веру – проклят, он же показывает, что надеющийся на одну только веру – благословен. Как же все это он доказывает? Мы возвестили вам не какую-нибудь обыкновенную вещь, а потому надлежит быть особенно внимательными к тому, что будет сказано далее. Апостол и выше уже показал это, сказав, что Писание предвозвестило патриарху: в тебе благословятся все народы. А тогда закона еще не было, но была вера; поэтому он и вывел следующее заключение: *темже сущии от веры, благословятся с верным Авраамом* (ст. 9). Но чтобы не стали противоречить этому и

не сказали бы: (Авраам) вполне справедливо получил оправдание от веры, потому что тогда не было еще закона; а ты покажи мне, что вера оправдывала и после того, как дан был закон, — (апостол) переходит и к этому и показывает более того, чем требуют они, — не только то, что вера оправдывает, но и то, что закон предает проклятию тех, которые держатся закона. Но чтобы тебе понять это, послушай, что говорит сам апостол: *елицы бо от дел закона суть, под клятвою суть* (ст. 10). Но это — положение, требующее еще доказательства. Откуда же может быть оно доказано? (Всякому это ясно) из самого закона: *проклят всяк, иже не пребудет во всех писанных в книзе* закона сего, *яко творити я. А яко в законе никтоже оправдается,* коемуждо *яве.* Действительно, все согрешили и находятся под клятвой. Но этого он еще не говорит, чтобы не подумали, что он сам выражает свое мнение, но опять подтверждает это свидетельством, которое в немногих словах заключает в себе и то и другое — и то, что никто не исполнил закона (поэтому и были прокляты), и то, что вера оправдывает. Что же это за свидетельство? Из пророка Аввакума, который так говорит: *праведный же от веры жив будет* (Авв. II, 4). Оно показывает не только то, что оправдание зависит от веры, но и то, что через закон невозможно спастись. Так как, говорит, никто не исполнил закона, но за преступление его все подверглись проклятию, то и открыт другой, более удобный путь (к оправданию), — через веру; а это служит и самым сильным доказательством того, что никто не может оправдаться законом. В самом деле, пророк не сказал: праведный же законом жив будет, но — верой. *Закон же несть от веры, но сотворивый та жив будет в них* (ст. 12). Закон, говорит, требует не только веры, но и дел; благодать же через веру спасает и оправдывает. Видишь ли, как он доказал, что держащиеся закона подверглись проклятию потому, что невозможно выполнить его? Но каким образом вера имеет эту силу оправдывать? Это он возвестил раньше и доказал это с большой силой. Так как закон был бессилен привести человека к оправданию, то и найдено другое достаточное средство — вера, которая невозможное по закону делает возможным собой. Итак, если и Писание говорит, что праведный верой жив будет, отрицая спасение через

закон, и если Авраам получил оправдание верой, то ясно, что сила веры велика. Итак ясно, что не пребывающий в законе – проклят, а пребывающий в вере – праведен. Но чем ты можешь доказать нам, скажет кто-нибудь что то проклятие более уже не существует? Ведь Авраам был прежде закона, а мы, однажды подпав под иго рабства, сами себя подвергли проклятию: кто же разрушил это проклятие? Смотри, с какой поспешностью он идет навстречу этому возражению, хотя для этого, конечно, было достаточно и ранее сказанного. В самом деле, как может подлежать проклятью тот, кто был однажды оправдан, и умер для закона, и получил новую жизнь? Однако, он не довольствуется всем этим, но еще и другим образом доказывает это, написав: *Христос ны искупил есть от клятвы законныя, быв по нас клятва: написано бо есть: проклят всяк висяй на древе* (ст. 13; Втор. XXI, 23). Да еще и другой клятве подлежал народ, как сказано: *проклят всяк, иже не пребудет в писанных в книге* закона (Втор. XXVII, 26). Но что из этого? Пусть народ подлежал этому проклятию, потому что он не исполнял его постоянно, да и не было никого, кто бы мог исполнить весь закон; но Христос заменил это проклятие другим, которое говорит: *проклят всяк висяй на древе.* А так как и тот, кто висит да древе, проклят, и кто преступает закон, находится под клятвой, между тем желающий разрушить эту клятву должен быть свободен от нее и должен принять на себя эту клятву (незаслуженную) вместо той (заслуженной), то Христос и принял на себя такую клятву, и ею уничтожил заслуженную. И подобно тому, как кто-нибудь невинный, решившись умереть вместо осужденного на смерть, этим избавляет его от смерти, – точно так же сделал и Христос. Так как Христос не подлежал проклятию за преступление закона, то и принял на Себя вместо заслуженного нами незаслуженное Им проклятие, чтобы освободить всех от заслуженного, – потому что Он не совершил греха и не было лжи в устах Его (Ис. LIII, 9).

4. Итак, подобно тому, как умерший за тех, которые должны были умереть, освобождает их от смерти, точно так же и принявший на Себя проклятие освободил от проклятия. *Да в языцех благословение Авраамле будет* (ст. 14). Каким же образом на язычников? В семени твоем, сказано, благословят-

ся все народы (Быт. XXII, 18), то есть во Христе. А если бы это говорилось об иудеях, то как было бы сообразно с здравым смыслом, чтобы подлежащие проклятию за нарушение закона сделались виновниками благословения для других? Ведь никто из находящихся под проклятием не может сообщить другому благословения, которого сам лишился. Отсюда ясно, что все это сказано о Христе, так как Он был семя Авраамово, и через Него благословляются народы, и таким образом является обетование Духа. Указывая именно на это, и (апостол) сказал: *да обетование Духа* приимут *верою*. *А* так как благодать Духа не может излиться на неблагодарного и находящегося во вражде, то благословляются прежде всего через снятие проклятия; потом, будучи оправданы через веру, получают благодать Духа. Таким образом, крест уничтожил клятву, а вера ввела оправдание, оправдание же низвело благодать Духа. *Братие, по человеку глаголю, обаче человеческаго предутвержденна завета никтоже отметает или приповелевает* (ст. 15). Что значит — *по человеку глаголю?* Это значит — я пользуюсь человеческими примерами. Так как он утвердил свое слово и Писанием, и чудесами, бывшими у них, и страданиями Христовыми, и примером патриарха, то наконец и обращается к всеобщему обычаю. Он имеет обыкновение постоянно употреблять подобный способ доказательства, как для того, чтобы смягчить свою речь, так и для того, чтобы сделать ее более удобоприемлемой и более понятной для самых неспособных. Так, беседуя с коринфянами, он говорит: кто, пася стадо, не ест молока от него? кто насаждая виноград, не ест плодов его (1 Кор. IX, 7)? И опять к евреям говорит: *завет бо в мертвых известен есть: понеже ничесоже может, егда жив есть завещаваяй* (Евр. IX, 17). И из многих других мест всякий может увериться, что он любит употреблять такой род доказательств. Да и сам Бог в Ветхом Завете часто говорит таким образом, как например: *еда забудет жена отроча свое* (Ис. XLIX, 15)? и опять: скажет ли изделие горшечнику: что ты делаешь (Ис. XXIX, 16 и XLV, 9)? А у Осии он уподобляет себя мужу, презираемому женой (Ос. I, 2). И в образах ветхозаветных всякий может увидеть много заимствованного из человеческих примеров, когда, например, пророк опоясывается и сходит в хижину

горшечника (Иер. XVIII, 2). Итак что же значит приведенный (апостолом) пример? То, что вера была древнее, а закон явился после, имеет временное значение и дан для того, чтобы приготовить путь для веры. Поэтому и говорит: *братие, по человеку глаголю.* Назвав их выше несмысленными, здесь называет их братьями, таким образом, вместе и бранит их и утешает. *Обаче человеческаго (пред)утверждена завета.* Если человек, говорит, сделает завещание, осмелится ли кто-нибудь после переменить его, или что-нибудь прибавить? Это и значит слово – *приповелевает.* Поэтому тем более не должно делать этого по отношению к завету Божию. Кому же Бог сделал завещание? *Аврааму,* говорит, *речени быша обети, и семени его. Не глаголет: и семенем его, яко о мнозех, но яко о единем, и семени твоему, еже есть Христос. Сие же глаголю завета предутвержденнаго от Бога во Христа, бывый по четыреста и тридесятых летех закон не отметает, во еже разорити обетование. Аще бо от закона наследие, не ктому уже от обетования: Аврааму же обетованием дарова Бог* (ст. 16–18). Итак, вот и Бог сделал завещание Аврааму, сказав, что язычники получат благословения о семени его: как же в таком случае закон может уничтожить эти (благословения)? А так как никакой пример не может выразить изображаемого им предмета, то поэтому он и сказал ранее: *по человеку глаголю.* Не выводи ничего несообразного с величием Божиим из приведенного примера. Смотри с высшей точки на этот пример: Бог обещал Аврааму, что о семени его благословятся народы; семя же его по плоти есть Христос. Спустя четыреста тридцать лет явился закон. Итак, если закон дарует благословение, и жизнь, и оправдание, то указанное обетование не имеет силы. Но как же это: человеческого завещания никто не уничтожает, а Божие завещание спустя четыреста тридцать лет становится недействительным? В самом деле, если то, что обещало это завещание, не оно дает, а другой вместо него, то оно, очевидно, отвергнуто. Но есть ли тут какой-нибудь смысл? Итак, для чего же, скажут, дан закон? *Преступлений ради* (ст. 19). Таким образом, и закон не излишен. Видишь ли, как он все соглашает? Как он многими глазами смотрит на все? Так как он превознес веру и показал, что она древнее закона, то, чтобы кто-нибудь не подумал,

что закон излишен, он исправляет и это заблуждение, показав, что закон дан не напрасно, но с очень большой пользой: по причине преступлений, то есть чтобы иудеи не жили без страха и не дошли до крайнего нечестия, но чтобы закон служил для них вместо узды, научая, усмиряя и удерживая их от нарушения если и не всех, то по, крайней мере, некоторых заповедей. Таким образом немалая польза была и от закона. Но до каких пор? *Дондеже приидет семя, ему же обетовася,* говорит он, разумея (под семенем) Христа. Итак, если закон дан только до пришествия Христова, то для чего ты продолжаешь его далее и за пределы назначенного срока? *Вчинен ангелы рукою ходатая.* Ангелами он называет или священников, или самих ангелов, как служителей при законоположении. Ходатаем же здесь называет он Христа, показывая тем, что Он и прежде был и что Он сам дал и закон. *Ходатай же единаго несть: Бог же един есть* (ст. 20).

5. Что здесь скажут еретики? Ведь если (Отец только) один истинный Бог (Ин. XVII, 3) и вследствие этого Сын уже не может быть истинным Богом, то, следовательно, Он и не Бог, так как сказано: Бог же един есть (Втор. VI, 4). Но если, несмотря на то, что Отец называется единым Богом (1 Кор. VIII, 6), и Сын есть Бог, то очевидно, что если Отец называется истинным, — и Сын есть истинный. Ходатай же, говорит, бывает посредником между какими-либо двумя сторонами. Между кем же был посредником Христос? Ясно, что между Богом и людьми. Видишь ли, как он доказывает, что сам (Христос) дал и закон? Если же Он сам дал закон, то имеет власть и отменить его. *Закон ли убо противу обетованием* Божиим (ст. 21)? Если в семени Авраамовом даны были благословения, а закон вводит проклятие, то он конечно противен обетованиям Божиим. Как же он разрешает это противоречие? Сначала просто отрицает сказанное, говоря: *да не будет;* а потом и доказывает (отрицаемое), говоря так: *аще бо дан бысть закон могий оживити, воистинну от закона бы была правда.* А эти слова имеют такой смысл: если бы мы, говорит, в законе имели надежду жизни, и если бы в его власти было наше спасение, то, может быть, и справедливо было бы то, что ты говоришь о законе; если же ты спасаешься верой, то, хотя бы закон подвергал всех и проклятию, ты

никакого вреда не потерпишь, после того как явилась вера, от всего избавляющая. Если бы законом давалось обетование, то ты справедливо мог бы бояться, что, отпав от закона, лишишься и оправдания; но если закон дан был для того, чтобы затворить всех, то есть чтобы он обличил и обнаружил собственные прегрешения их, то он не только не препятствует тебе получить обетования, но даже содействует этому получению. Итак, указывая на это, он сказал: *но затвори писание всех под грехом, да обетование от веры Иисус Христовы дастся верующим* (ст. 22). Так как иудеи не сознавали своих грехов, а не сознавая, не желали и прощения их, то Бог и дал им закон, который открывал бы их раны, и через это побуждал их искать врача. Слово — *затвори* значит — обличил, и обличив, держал их в страхе. Видишь ли, что закон не только не противен обетованиям, но даже и дан был из-за обетования? Если бы закон присвоил себе дело и власть оправдания, тогда это было бы сказано справедливо; но если он служит другому и для другого все делал, то как он может быть противен обетованиям Божиим? Если бы не был дан закон, то все погрязли бы в беззакониях, и никто из иудеев не пожелал бы слушать Христа; теперь же, когда закон был дан, он приносил двоякую пользу: во-первых, руководил к посильной добродетели внимающих ему, а во-вторых, возбуждал в каждом сознание своих грехов, что особенно располагало их искать Сына (Божия). Итак, те, которые не верили закону, не верили для того, чтобы не знать своих грехов. И, указывая именно на это, он в другом месте сказал: *не разумеюще бо Божия правды, и свою правду ищуще поставити, правде Божией не повинушася* (Рим. X, 3). *Прежде же пришествия веры, под законом стрегоми бехом, затворени в хотящую веру открытися* в нас (ст. 23). Видишь ли, как ясно он подтвердил сказанное нами? Словами: *стрегоми бехом* и *затворени* он обозначает не что-либо другое, как охранение иудеев, совершавшееся посредством заповедей закона. В самом деле, закон, содержа их, как бы в каких стенах, в страхе и жизни по закону, тем самым соблюдал их для веры. *Темже закон пестун нам бысть во Христа, да от веры оправдимся* (ст. 24). Пестун не противодействует учителю, но содействует ему, удерживая юного питомца от всякого

порока и со всем тщанием приготовляя его к принятию учительских уроков; а когда питомец приобретет навык, пестун наконец оставляет его. Вот почему он и говорит: *пришедшей же вере,* которая делает человека мужем совершенным, *уже не под пестуном есмы. Все бо вы сынове Божии верою о Христе Иисусе* (ст. 25–26). Итак, если закон есть пестун и мы были заключены под стражей его, то он не противник благодати, но сотрудник; если же он и по пришествии благодати будет держать под своим игом, в таком случае он будет противником. Если он станет нас удерживать тогда, когда мы должны перейти к благодати, в таком случае он составит препятствие нашему спасению. Как светильник, освещающий ночью, если бы с наступлением дня стал препятствовать видеть солнце, не только не исполнил бы своего назначения, но причинял бы еще и вред, – так и закон, если он будет служить препятствием к получению большего. Таким образом, сохраняющие его теперь тем самым весьма извращают его. Так и пестун делает своего питомца смешным, если будет удерживать его при себе тогда, когда, по требованию времени, ему надлежало бы оставить его. Поэтому-то и Павел говорит: *пришедшей же вере, уже не под пестуном есте.* Итак мы уже не под пестуном. *Вси бо вы сынове Божии есте.* Вот какова сила веры, и как он постепенно раскрывает ее! Прежде он показал, что вера сделала их сынами Авраама: *разумейте убо,* говорит, *яко сущии от веры, сии суть сынове Авраамли;* теперь же объявляет, что они и сыны Божии: *вси бо вы сынове Божии есте,* говорит он, *верою о Христе Иисусе,* – по вере, а не по закону. Потом, так как сказал нечто великое и удивительное, показывает и образ усыновления. *Елицы, бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (ст. 27). Почему он не сказал: все вы, во Христа крестившиеся, от Бога родились? Ведь это более соответствовало бы доказательству того, что они сыны Божии. Потому, что употребленное им выражение гораздо сильнее. В самом деле, если Христос есть Сын Божий и ты в Него облекся, имеешь Сына в себе самом и уподобился Ему, то ты через это приведен в одно с Ним родство и в один образ. *Несть Иудей, ни Еллин, несть раб, ни свобод, несть мужеский пол, ни женский. Вси бо вы едино есте о Христе Иисусе* (ст. 28). Видишь ли

душу ненасытную (не удовлетворяющуюся однажды сказанным)? Сказав, что через веру мы сделались сынами Божиими, он не останавливается на этом, но старается отыскать нечто еще большее, что яснее могло бы доказать ближайшее единение со Христом. А сказав: в Него облеклись, не удовлетворяется также и этим выражением, но, объясняя его, представляет еще более тесным такое соединение и говорит: *все вы едино о Христе Иисусе*, то есть все вы имеете один облик, один образ – образ Христа. Что может быть поразительнее этих слов? Кто прежде был эллином, иудеем и рабом, тот теперь носит на себе образ не ангела и не архангела, но Самого Владыки всех и отображает в себе Христа. *Аще ли вы Христовы, убо Авраамле семя есте, и по обетованию наследницы* (ст. 29). Видишь ли, как наконец доказал он сказанное выше о семени, то есть что Арааму и семени его даны были благословения?

ГЛАВА IV

Глаголю же, в елико время наследник млад есть, ничимже лучший есть раба, господь сый всех: но под повелители и приставники есть, даже до нарока отча. Такоже и мы, егда бехом млади, под стихиами бехом мира порабощени (ст. 1—3)

1. (Апостол) говорит здесь о детстве не по возрасту, а по уму и показывает, что Бог с самого начала хотел даровать нам свои благословения, но так как мы находились еще в состоянии младенчества, то и оставил нас под стихиями мира, то есть новолуниями и субботами, потому что эти дни зависят у нас от течения солнца и луны. Поэтому те, которые и теперь приводят вас под иго закона, делают не иное что, как возвращают вас, уже достигших совершенного возраста, снова в младенчество. Видишь ли, что значит наблюдение дней? Господина, хозяина дома, имеющего полную власть над всем, оно низводит в состояние раба. *Егда же прииде кончина лета, посла Бог Сына Своего, рождаемаго от жены, бываема под законом, да подзаконных искупит, да всыновление восприимем* (ст. 4—5). Здесь он приводит две причины и два благих действия воплощения: избавление от зол и дарование

благ, чего никто другой не мог совершить, кроме Его одного. Какие же это были блага? Искупление от проклятия закона и усыновление: *да подзаконныя искупит,* говорит он, *и да всыновление восприимем.* Прекрасно сказал он — *восприимем,* показывая этим, что (усыновление нам) принадлежало. Действительно, оно давно было обещано, как и сам он многократно указал на это, упоминая об обетованиях относительно этого, данных Аврааму. Но откуда видно, скажут, что мы сделались сынами? Одно доказательство на это он уже представил, когда сказал, что мы облеклись во Христа, который есть Сын; а теперь приводит другое, — то, что мы получили духа усыновления. *И понеже есте сынове, посла Бог Духа Сына своего в сердца ваша, вопиюща: Авва Отче! Темже уже неси раб, но сын: аще ли же сын, и наследник Божий Христом* (ст. 6– 7). И в самом деле, мы не могли бы называть (Бога) Отцом, если бы не сделались прежде сынами Его. Итак, если благодать сделала нас из рабов свободными, из младенцев совершеннолетними, из чужих наследниками и сынами, то не безрассудно ли и крайне неблагодарно будет оставить эту (благодать) и возвратиться в прежнее состояние? *Но тогда убо не ведуще Бога, служисте не по естеству сущим богом: ныне же, познавше Бога, паче же познани бывше от Бога, како возвращаетеся паки на немощныя и худыя стихии, имже паки свыше служити хощете* (ст. 8–9)? Здесь (апостол), обращаясь к уверовавшим из язычников, говорит, что и служение идолам таково же, как и наблюдение дней, и что оно теперь заслуживает большего наказания. Потому и богов называет он стихиями, а не (богами) по природе, что желает убедить их в том же самом и привести их в больший страх. Слова же его имеют такой смысл: тогда вы, пребывая во тьме и проводя жизнь в заблуждении, прикованы были к земле; а теперь, после того как вы познали Бога или, лучше, получили познание от Него, не навлекаете ли вы на себя большего и жесточайшего наказания, если, несмотря на столь великое попечение о вас, снова добровольно подвергаете себя той же самой болезни, которой страдали прежде? Не своими усилиями вы обрели Бога, но проводили жизнь в заблуждении, а Он Сам привлек вас к Себе. Стихии же называет он немощными и бедными потому, что

они не имеют никакой силы к доставлению обетованных благ. *Дни смотряете и месяцы и времена и лета* (ст. 10). Из этих слов видно, что (иудействующие) проповедовали галатам не только обрезание, но и необходимость соблюдения иудейских праздников и новомесячий. *Боюся о вас, еда како всуе трудихся в вас* (ст. 11). Видишь ли искреннее участие апостола? Те подвергаются опасности, а он боится и трепещет за них. Поэтому и слова — *трудихся в вас* — он сказал для того, чтобы сильно пристыдить их, как бы говоря этим: не сделайте напрасными моих великих трудов. Сказав же — *боюся* и прибавив затем — *еда како*, он и возбудил в них страх, и внушил им благие надежды. В самом деле, он не сказал: я напрасно трудился, но — *еда како* (всуе трудился). Пока, говорит он, не произошло кораблекрушения; но я вижу еще бурю, которая может причинить его. Поэтому я боюсь, однако не отчаиваюсь, так как в вашей власти все это исправить и возвратиться к прежней тишине. Затем, как бы простирая руку помощи находящимся в опасности кораблекрушения, представляет им в пример самого себя, говоря: *будите якоже аз, зане и аз якоже вы* (ст. 12). Это говорит он к верующим из иудеев, а потому и приводит в пример себя, чтобы этим убедить их оставить древние обряды. Если бы вы, говорит, и не имели никакого другого примера, то довольно вам посмотреть только на меня, чтобы безбоязненно решиться на такую перемену. Итак, посмотрите на меня: и я прежде испытывал то же самое состояние, и притом в сильной степени, и горел ревностью по законе; но, несмотря на это, после не убоялся оставить закон и переменить жизнь. Хорошо вы знаете также и то, с какой великой ревностью я держался иудейства и как еще с большей готовностью потом оставил его. И весьма благоразумно (апостол) представил этот пример после всего. В самом деле многие люди, хотя бы нашли и бесчисленное множество доказательств, притом справедливых, все-таки скорее увлекаются примером кого-нибудь из своих собратий и, когда видят другого, делающего что-нибудь, скорее склоняются к тому же и сами. *Братие, молю вы, ничимже мене обидесте.* Смотри, как он опять называет их почтительным именем, а тем самым вместе напоминает им и о благодати.

После того как он сильно упрекал их, подвергая всестороннему обсуждению их дела, уличил их в преступлении закона и со многих сторон нападал на них, он теперь снова умеряет речь свою и утешает их, употребляя более ласковые слова, потому что как беспрестанные ласки расслабляют человека, так и постоянные упреки еще более ожесточают. Поэтому хорошо везде соблюдать умеренность. Смотри же, как он оправдывается в сделанном им обличении, показывая, что не просто по ненависти, но побуждаемый заботой о них он сказал им все это. Сделав, таким образом, глубокую рану, он тотчас возливает на нее елей утешения. А чтобы доказать им, что сказанное не было следствием ненависти или вражды к ним, он приводит им на память любовь, которую обнаружил по отношению к ним, и присоединяет к своему оправданию похвалу им.

2. Поэтому он и говорит: *молю вы, ничимже мене обидесте. Весте же, яко за немощь плоти* моей *благовестих вам: и искушения моего, еже во плоти моей, не уничижисте* (ст. 13, 14). Но еще не великая заслуга – не обидеть: даже и самый обыкновенный человек едва ли захочет вредить человеку, который ничем не обидел его, или оскорбить его напрасно и безвинно. А вы не только меня не обидели, но еще и проявили ко мне великое и несказанное расположение; и не может поэтому быть, чтобы тот, кто пользовался у вас таким почтением, стал говорить это по злобе. Итак, я говорю это не по ненависти к вам, но по чрезмерной любви и заботливости о вас. *Молю вы, ничимже мене обидесте. Весте же, яко за немощь плоти* моей *благовестих вам.*

Никакая душа не может быть благосклоннее, нежнее и любвеобильнее этой святой души. А потому и прежде сказанное было следствием не безрассудного гнева и не страстного возмущения души, но великой заботливости. И что я говорю – не обидели? Напротив, вы обнаружили великое и сердечное расположение ко мне. *Весте,* говорит он, *яко за немощь плоти благовестих вам, и искушения моего, еже во плоти моей, не уничижисте, ни оплевасте.* Что же этим он хочет сказать? Проповедуя вам, говорит, я был гоним, бичуем, подвергался тысячам смертей, и, несмотря на все это, вы не презрели меня. Это именно значат слова – *искушения моего,*

еже во плоти моей, не уничижисте, ни оплевасте. Видишь духовную мудрость? В самом оправдании он снова укоряет их, когда представляет им на вид, сколько он пострадал за них. И все-таки, говорит, это нисколько не соблазнило вас, и вы не погнушались мной за эти страдания и гонения, — так как именно эти (страдания и гонения) называет он немощью и искушением. *Но якоже ангела Божия приясте мя.* Итак, не странно ли — преследуемого и гонимого принимать как ангела Божия, а научающего необходимому — не принимать? *Кое убо бяше блаженство ваше? Свидетельствую бо вам, яко, аще бы было мощно, очеса ваша извертевше дали бысте ми. Темже враг вам бых, истину вам глагола* (ст. 15—16)? Здесь он недоумевает, и изумляется, и старается от них самих узнать причину их перемены. Кто вас обольстил, говорит он, и убедил относиться к нам иначе? Не вы ли заботились, и служили, и считали дороже очей своих? Что же такое случилось? Откуда эта неприязнь, откуда подозрение? Неужели от того, что я говорил вам истину? Но за это во всяком случае вам надлежало бы еще более почитать и угождать мне, — а между тем теперь я сделался вашим врагом, говоря вам истину. Подлинно, говорит, я не знаю другой причины, кроме той, что говорил вам истину. И смотри, с каким смирением он защищает себя. Невозможность того, чтобы он говорил это по зложелательству к ним, доказывает не тем, что он для них сделал, а тем, что они для него сделали. Не сказал он: как возможно, чтобы я, который для вас подвергался бичеванию, гонению и бесчисленным страданиям, стал теперь злоумышлять против вас? — но заимствует доказательство из того, чем они могли бы гордиться, говоря: как возможно, чтобы тот, кого вы почитали и приняли как ангела, стал платить вам за это враждой? *Ревнуют по вас не добре, но отлучити вас хотят, да им ревнуете* (ст. 17). Бывает ревность и похвальная, когда кто-нибудь ревнует подражать другому в добродетели; но бывает ревность и злая — желание отклонить добродетельного от добродетели; этого именно они (лжеучители) и добиваются теперь, стремясь лишить вас совершенного ведения и привести к поверхностному и ложному, не с какой-либо иной целью, но для того, чтобы самим занять положение учителей, а вас, которые теперь выше их,

поставить на место учеников. Это именно и показал (апостол) словами: *да им ревнуете.* А я, напротив, желаю, говорит он, чтобы вы были лучше их и служили примером для совершеннейших. А это действительно так и было, когда я пребывал у вас, — почему он и прибавляет: *добро же еже ревновати всегда в добром, и не точию внегда приходити ми к вам* (ст. 18). Здесь он дает разуметь, что его отсутствие служило причиной этого зла, и что блаженно то состояние, когда ученики содержат здравое учение не только в присутствии своего учителя, но и во время его отсутствия; а так как они не достигли еще этой степени совершенства, то он и употребляет все способы, чтобы довести их до этого. *Чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (ст. 19). Смотри, как смущается, как беспокоится он. Братия мои, прошу вас: *чадца моя, имиже паки болезную.* Он подражает матери, которая боится за детей своих. *Дондеже вообразится Христос в вас.* Видишь ли любовь отеческую? Видишь ли скорбь, достойную апостола? Слышишь ли, какой он испустил вопль, более горький, чем вопль рождающей? Вы уничтожили, говорит, образ, утратили высокое сродство, изменили подобие; вам нужно другое возрождение, новое воссоздание; но, несмотря на это, я все еще называю вас детьми, — вас, выкидышей и недоносков. Впрочем, он не говорит именно так, но иначе, так как щадит их и не хочет ожесточать, налагая раны на раны; подобно тому, как искусные врачи лечат подвергшихся продолжительной болезни не сразу, но с промежутками, для того чтобы они, впав в малодушие, не умерли, — точно так же поступает и блаженный (Павел). А эти мучения его тем были болезненнее мучений телесных, чем сильнее была его любовь и чем важнее был грех их.

3. Впрочем, — как я всегда говорил и не перестану говорить, — и малое преступление обезобразило всю красоту и повредило образ (Божий в человеке). *Хотел бых приити к вам ныне, и изменити глас мой.* Заметь, как он нетерпелив, как пылок, как не может этого снести. Таково уж свойство любви: она не довольствуется (заочными) словами, но ищет и свидания. Чтобы *изменити глас мой,* говорит он. Это значит — изменить его в плачевный, проливать слезы и заста-

вить плакать всех. Но в письме ведь невозможно было показать слезы и рыдания, а потому он и горит желанием видеться с ними. *Яко не домышляюся о вас.* Я не знаю, говорит, что сказать; не знаю что подумать. Как это вы, достигнув такой небесной высоты, и через тяжкие бедствия, которые вы претерпели за веру, и через знамения, которые вы совершили верой, теперь внезапно снизошли до такого унижения, что обращаетесь к обрезанию и субботам и соединяетесь с иудеями? Вот почему он и вначале сказал: *дивлюся яко тако скоро прелагаетеся* (Гал. I, 6), и здесь говорит: *не домышляюся о вас,* — как бы говоря этим: что мне сказать? с чего начать речь? что подумать? Недоумеваю. Поэтому остается только плакать, как поступали и пророки в безнадежных случаях. Но и такой способ врачевания немаловажен, — чтобы не только увещевать, но и плакать. Об этом сказал он и в беседе к милетянам: три года со слезами я не переставал учить вас (Деян. XX, 31). То же говорит и здесь словами: *изменити глас мой.* Да и мы, побеждаемые постигающими нас против ожидания безвыходными и затруднительными обстоятельствами, чаще всего предаемся слезам. Итак, обличив их и укорив и снова утешив, он наконец стал плакать; плач же выражает не только порицание, но и ласкательство. Он не раздражает, подобно порицанию, и не расслабляет подобно угождению, но есть врачевство смешанное и в увещаниях имеет великую силу. Таким образом смягчив их сердце своими слезами и более расположив их к себе, он снова вступает в состязание, предлагая на рассуждение предмет еще более важный и показывая, что и сам закон не требует, чтобы его соблюдали. Выше он привел в пример Авраама, а теперь представляет сам закон убеждающим, чтобы его не соблюдали более, но оставили, что, конечно, являлось более сильным (доказательством). Если вы хотите, говорит он, быть послушными закону, то оставьте его, так как он сам этого требует. Впрочем, (апостол) не говорит именно так, но иным образом достигает того же самого, воспользовавшись историей. *Глаголите ми,* говорит, *иже под законом хощете быти, закона ли не слушаете* (ст. 21)? Хорошо сказал он — *иже хощете,* — так как дело зависело не от течения вещей, но от неуместной ревности их.

Законом же здесь называет Книгу Бытия, что часто он делает, называя так весь Ветхий Завет. *Писано бо есть, яко Авраам два сына име, единаго от рабы, а другаго от свободныя* (ст. 22). Опять он указывает на Авраама; впрочем, не повторяя этим сказанного прежде, но так как этот патриарх был у иудеев в великом уважении, то (апостол) и показывает, что образы в нем получили свое начало, в нем же предначертаны были и настоящие события. И так как он прежде показал, что они (галаты) суть сыны Авраама, то далее, ввиду того, что сыновья этого патриарха имели неодинаковое достоинство, один был рожден от рабы, а другой от свободной, он и говорит, что они не только сыновья Авраама, но и такие сыновья, каков был сын его свободный и благородный. Такова сила веры. *Но иже от рабы, по плоти родися: а иже от свободныя, по обетованию* (ст. 23). Что значит – *по плоти?* Так как он сказал, что вера соединяет нас с Авраамом, а слушателям казалось непонятным, как он называет сынами Авраама тех, которые не происходили от него, то он и показывает, что это необычайное дело совершено Богом. Исаак, родившийся не по естественному порядку, и не по закону супружества, а равно и не от силы плотской, был однако сыном, и сыном настоящим, рожденным от телес увядших и утробы заматоревшей. Не плоть совершила зачатие, и не семя произвело плод, так как утроба матери была (вдвойне) мертва – и по возрасту, и по неплодству, но образовало его слово, изреченное Богом. Напротив, раб родился не так, но по законам естества и обыкновенного супружества. И все-таки рожденный не по плоти был предпочтен родившемуся по плоти. Итак не беспокойтесь и вы, что не родились по плоти (от Авраама), так как, в силу того обстоятельства, что вы не по плоти родились от него, вы являетесь особенно родственными ему. Рождение по плоти не увеличивает, но уменьшает достоинство, так как рождение не по плоти является более чудесным и духовным, что ясно открывается из примера тех, которые родились свыше. Измаил родился по плоти, но был рабом, и не только рабом, но даже был изгнан из родительского дома; а Исаак, рожденный по обетованию, как истинный сын и свободный, остался господином всего. *Яже суть иносказаема* (ст. 24). (Апостол)

против обыкновения назвал иносказанием образ. Слова его имеют следующий смысл: эта история изображает не только то, что представляется в ней с первого взгляда, но выражает также и нечто другое, а потому и названа иносказанием. Что же она изображала? Не иное что, как настоящие события. *Сия, боеста,* говорит, *два завета, един убо от горы Синайския в работу раждаяй, иже есть Агарь.* Кто эти — *сия?* Матери упомянутых сыновей — Сарра и Агарь. Что означают два завета? Два закона. Но так как в истории это были имена жен (Авраамовых), то (апостол), держась общего значения этих названий, и из самих имен выводит великое следствие. *Агарь бо,* говорит он, *Сина гора есть во Аравии* (ст. 25). Агарью называлась раба, а гора Синай на языке той страны и означает это (рабу).

4. Таким образом, все, рождавшиеся в Ветхом Завете по необходимости, были рабы. В самом деле, та гора, на которой дан был Ветхий Завет, будучи одноименна с рабой, обнимает и самый Иерусалим, что показывают дальнейшие слова — *прилагается же нынешнему Иерусалиму.* Это значит — сродна ему и близко указывает на него. *Работает же с чады своими.* Что же из этого следует? То, что не только Агарь была рабой и рождала рабов, но и сам завет, образом которого была раба. Иерусалим и по местоположению лежит не далеко от той горы, имя которой означает рабу, а на этой горе и дан был закон. Но что прообразовала Сарра? *А вышний Иерусалим свободь есть* (ст. 26). Поэтому и рождающиеся в нем не рабы. Образом нижнего Иерусалима была Агарь, и очевидно — от горы, носившей это название; а образом вышнего — Церковь. Впрочем, (апостол) не довольствуется одними образами, но в подтверждение слов своих приводит свидетельство Исаии. Действительно, сказав, что вышний Иерусалим есть наша матерь и назвав этим именем Церковь, он указывает на пророка, который говорит то же самое, что сказал и он. *Возвеселися,* говорит, *неплоды не раждающая, расторгни и возопи не болящая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущия мужа* (ст. 27). Кто же эта неплодная и оставленная прежде? Не очевидно ли, что это Церковь из язычников, лишенная прежде познания о Боге? А кто имеющая мужа? Не ясно ли, что иудейская синагога? И все-таки не-

плодная превзошла ее многочадием. Первая обнимала собой только один народ, а чада Церкви наполнили Грецию, и варварские страны, землю, море, и всю вселенную. Видишь ли, как Сарра самим делом, а пророк словом предвозвестили нам будущее? Но смотри – Исаия сначала назвал неплодной, а потом показала что эта неплодная сделалась потом многочадной. Это преобразовательно случилось и с Саррой, так как и она, будучи сначала неплодной, сделалась потом матерью многочисленного потомства. Однако, Павлу и этого недостаточно, но он тщательно исследует еще и то, каким образом неплодная стала матерью, чтобы и отсюда показать близость образа к рассматриваемой истине. Вот почему он и прибавляет: *мы же, братие, по Исааку обетования чада есмы* (ст. 28). Ведь и Церковь не только была неплодна, как Сарра, и не только, подобно последней, оказалась многочадной потом, но и стала рождать одинаковым с ней образом. В самом деле, как Сарра сделалась матерью не по природе, но по обетованию Божию [Тот, Кто сказал: в это же время приду, и будет у Сарры сын (Быт. XVIII, 10), Сам, войдя в утробу, образовал младенца], – точно так же и в деле нашего возрождения природа не имеет никакого значения; но божественные слова, произносимые священником, – они известны верующим, – и только они, воссозидают и возрождают крещаемого в купели водной, как бы в материнской утробе. Итак, если мы дети неплодной, то вместе и свободные. Но что это за свобода, скажет кто-нибудь, если иудеи повсюду господствуют и наказывают бичами верующих, а считающие себя свободными подвергаются преследованиям? Действительно, так было в то время, когда верные были повсюду гонимы. Но это обстоятельство не должно смущать вас, говорит (апостол), так как и оно было предначертано в том же образе: ведь и Исаак, будучи свободными, был гоним рабом Измаилом. Вот почему он и говорит далее: *но якоже тогда по плоти родивыйся гоняше духовнаго, тако и ныне. Но что глаголет писание? Изжени* сына рабы, *не иматъ бо наследовати, сын рабынин с сыном свободныя* (ст. 29, 30). Что же? Неужели в том и состоит все утешение, чтобы свободные узнали, что они будут терпеть гонение от рабов? Нет, говорит (апостол); я не останавли-

ваюсь на этом; но послушай и дальнейшее, – и тогда получишь достаточное утешение, чтобы не малодушествовать в гонениях. Что же такое далее? Изгони сына рабы, так как он не будет наследником вместе с сыном свободной. Видишь ли возмездие за кратковременную тиранию и неуместное высокомерие? Отрок лишается отцовского наследия и делается изгнанником и скитальцем вместе с матерью. А ты заметь мудрость сказанного. Он не сказал, что изгоняется только потому, что гнал, но – чтобы не был наследником. Он понес наказание не за временное преследование (это и неважно и нисколько не относится к делу); но потому, что (Бог) не допустит его быть участником в том, что приготовлено было сыну, показывая этим, что и независимо от преследования это было предопределено ему свыше и причиной своей имело не гонения, но Божие определение. И не сказал он: не будет наследником сын Авраама, но – сын рабы, давая ему название от низкого рода. Но Сарра была неплодной: такова же была и Церковь языческая. Видишь ли, как во всем содержится преобразование? Как та, не рождая во все ранние годы, становится матерью в глубокой старости, так и Церковь языческая стала рождать, когда пришло исполнение (времен). Это самое предвозвестили и пророки, говоря: *возвеселися неплоды нераждающая, возгласи и возопий не чревоболевшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущия мужа* (Ис. LIV, 1), – называя этим именем Церковь. Действительно, последняя прежде не знала Бога, но когда познала, то превзошла многочадием синагогу. *Темже, братие, несмы рабынина чада, но свободныя* (ст. 31). Все это объясняет и раскрывает (апостол), желая показать, что случившееся не было делом новым, но было прообразовано Богом и за много веков. Итак, не безумно ли избранным за столько веков прежде и получившим уже свободу добровольно подчинять себя под иго рабства? Затем (апостол) приводит и другую причину, убеждающую их твердо стоять в догматах веры.

ГЛАВА V

Свободою убо, говорит, ею же Христос вас свободи, стойте (ст. 1)

1. Разве вы сами, освободили себя, что опять стремитесь под прежнее владычество? Сам (Христос) искупил вас, — разве другой заплатил за вас цену выкупа? Видишь, сколько средств употребляет (апостол), чтобы отклонить их от иудейского заблуждения? Во-первых, он показывает, что крайне безумно сделавшимся из рабов свободными желать из свободных снова сделаться рабами; во-вторых, дает им понять, что, презирая освободителя, а любя поработителя, они окажутся жестокими и неблагодарными по отношению к своему благодетелю; в-третьих, внушает, что это уже и невозможно, так как закон утратил свое владычество, после того как другой откупил всех нас у него однажды навсегда. Словом же — *стойте* он указывает их непостоянство и шаткость. *И не паки под игом работы держитеся.* Словом — *иго* изображает тяжесть закона, а сказав — *паки,* обнаруживает их великую бесчувственность. Если бы вы сами не испытали этой тяжести, то не заслуживали бы еще таких упреков; но если вы по опыту знаете всю тяжесть этого ига и несмотря на это опять сами подчиняетесь ему, то заслуживаете ли вы какого извинения? *Се аз Павел глаголю вам, яко аще обрезаетеся, Христос вас ничтоже пользует* (ст. 2). Смотри, какая угрожает опасность! Справедливо поэтому он анафематствовал и самих ангелов (Гал. I, 8). Но каким образом не будет им никакой пользы от Христа? Этого он сам не стал доказывать, а только объявил, так как достоинство лица было убедительнее всякого другого доказательства (вот почему он предварительно и сказал: *се аз Павел глаголю вам,* — что служило доказательством уверенности его в расположении к себе тех, кому он говорил). Но мы, насколько возможно, предложим от себя нечто в объяснение того, почему обрезывающемуся не будет никакой пользы от Христа. Обрезывающийся обрезывается как бы боясь закона, боящийся же закона не верит силе благодати, а неверующий не получает никакой пользы от благодати, которой он не верит. С другой стороны, кто обрезывается, тот делает закон господином над собой; кто

же, считая закон господином, в то же время большую часть его нарушает и соблюдает только меньшую, тот опять подвергает себя проклятью; но как может спастись тот, кто подвергает себя проклятью и отвергает свободу от проклятья, приносимую верой? А если позволительно сказать нечто невероятное, – такой человек не верует ни во Христа, ни в закон, он стал в середине между тем и другим, желая получить пользу и от того и от другого, а потому ниоткуда ничего не получит. Затем, сказав, что им не будет никакой пользы, он, хотя не прямо и в коротких словах, приводит и доказательство, говоря так: *свидетельствую же всякому человеку обрезающемуся, яко должен есть весь закон творити* (ст. 3). Чтобы ты не подумал, что это сказано по неприязненному расположению, для этого, говорит, не только вам, но и всякому человеку обрезывающемуся я говорю, что он должен исполнить весь закон, потому что постановления закона тесно связаны между собой. И как тот, кто, будучи свободным, предал себя в рабство, более уже не делает того, что хочет, но подчиняется всем законам рабства, так и по отношению к закону: если ты примешь хотя бы и одну незначительную часть его и подчинишь себя игу его, то этим привлечешь на себя всю его власть. Точно так же бывает и в мирском наследстве: кто ничего не берет из него, тот свободен и от всех обязанностей, возлагаемых на наследника умершего; если же кто получил хотя бы и не все наследство, а только малую часть его, тот и за эту одну часть принимает на себя все обязанности наследника. То же происходит и по отношению к закону, и не только таким образом, как я сказал, но и другим, потому что заповеди закона связаны между собой. Например, обрезание соединено с жертвоприношением и наблюдением дней; жертвоприношение также связано с наблюдением дней и места; место – с бесчисленными видами очищений; очищения неразлучны со множеством различных обрядов; нечистому не позволяется ни приносить жертвы, ни входить в священные места, ни делать другое что-нибудь подобное. Таким образом, закон и для одной заповеди требует многого. Так, если ты обрезался, но не в восьмой день, или хотя и в восьмой, но без жертвоприношения, или даже и с жертвоприношением, но не на том месте, которое

определено, или и на определенном месте, но не по предписаниям закона, или хотя и согласно с предписаниями закона, но будучи нечистым, или и чистым, но очистившимся не установленными обрядами, — то все эти твои труды пропали. Вот почему он и говорит, что (обрезывающийся) должен исполнить весь закон. Если закон господствует, то исполняй не часть его, а весь; если же он не имеет силы, то не исполняй и части. *Упразднистеся от Христа, иже законом оправдаетеся, от благодати отпадосте* (ст. 4). Вслед за доказательством он показывает далее и крайнюю опасность их положения. Если прибегающий к закону не может найти в нем спасения, а между тем отпадает от благодати, то что ему остается, кроме неизбежного наказания, когда закон не имеет силы, а благодать не принимает его?

2. Усилив, таким образом страх их, поколебав их мысли и указав на угрожающее им кораблекрушение, он затем открывает им близкую к ним пристань благодати, как и повсюду он делает, обещая в ней вернейшее и надежнейшее спасение. Поэтому он далее и говорит: *мы бо духом от веры упования правды ждем* (ст. 5). Мы, говорит он, не имеем нужды ни в каких постановлениях закона, так как вера достаточна для того, чтобы сообщить нам Духа, а через него оправдание и кроме того многие и великие блага. *О Христе бо Иисусе ни обрезание что может, ни необрезание, но вера любовию споспешествуема* (ст. 6). Видишь ли, как он обращается к ним уже с большим дерзновением? Облекшийся во Христа, говорит, пусть не заботится об обрезании. Однако, он не сказал, что обрезание вредно: как же в таком случае он считает его безразличным? Оно безразлично для тех, которые были обрезаны прежде принятия веры, но не для тех, которые обрезывались уже после принятия веры. Смотри же, как он отверг обрезание, поставив его наряду с необрезанием. Ведь различие делает вера. Так, если кто набирает борцов, то будут ли они кривоносые или курносые, черные или белые, это нисколько не важно в деле выбора; но надобно искать в них только того, чтобы они были сильны и опытны в своем деле. Точно так же и желающему вступить в Новый Завет нисколько не повредит то, что он не соблюл всех этих телесных обрядов, равно как не принесет никакой пользы и то,

если он соблюдет их. Что же значит — *любовию споспешествуема?* Этими словами (апостол) сильно уязвляет их, показывая, что это уклонение их от истины произошло оттого, что они не утвердились еще в любви ко Христу, так как здесь потребна не только вера, но и пребывание в любви. Как бы так он сказал: если бы вы любили Христа как должно, то вы не уклонились бы к рабству, не оставили бы вашего Искупителя и не оскорбили бы Освободителя. Он указывает здесь вместе и на тех, которые злоумышляли против них, давая понять, что если бы и они имели любовь к ним, то не решились бы сделать этого. Кроме того, этими словами он желает исправить и жизнь их. *Течасте добре, кто вам возбрани* (ст. 7)? Это — слова не вопрошающего, а недоумевающего и скорбящего. Как остановлено такое шествие? Кто имел столько силы? Вы, которые были выше всех и стояли на степени учителей, не остались даже и на степени учеников. Как это случилось? Кто был так силен? Это скорее голос призывающего и скорбящего, подобно тому, как и выше он сказал: *кто вы прельстил есть* (Гал. III, 1)? *Препрение не от призвавшаго вы* (ст. 8). Призвавший вас не для того призвал, чтобы вы так колебались, не дал вам заповеди жить по-иудейски. Затем, чтобы кто-нибудь не сказал: зачем ты так преувеличиваешь дело и представляешь его столь ужасным? мы соблюли только одну заповедь закона, а ты производишь такой шум? — послушай, как устрашает их, не настоящим их поступком, но имеющими произойти от него последствиями, в следующих словах: *мал квас все смешение квасит* (ст. 9). Так и вас, говорит, эта небольшая погрешность, оставленная без исправления, может преодолеть и увлечь совершенно в иудейство, подобно тому, как закваска (заквашивает) тесто. *Аз надеюся о вас* во Христе, *яко ничтоже ино разумети будете* (ст. 10). Не сказал — не разумеете, но — не будете разуметь, то есть исправитесь. Откуда ты знаешь это? Но он не сказал — знаю, а — надеюсь. Надеюсь на Бога, говорит он, и с твердым упованием призываю Его содействие к вашему исправлению. И не просто сказал — *надеюся о вас*, но прибавил — *в Господе*. Он везде соединяет обличение с похвалой; как бы так он сказал: я знаю моих учеников, знаю удобоисправимость вашу; полагаюсь в этом и на Господа, который не попускает погибнуть даже и

самому незначительному человеку, и на вас, которые легко можете возвратиться в прежнее состояние. Но вместе с тем убеждает приложить и собственное старание, так как невозможно получить от Бога ничего, если мы не привнесем ничего с своей стороны, *Смущаяй же вас, понесет грех, кто бы ни был.* С двух сторон побуждает их к исправлению, — и тем, что ободряет их, и тем, что угрожает и предсказывает наказание обольстителям. Но заметь, что он нигде не назвал по имени злоумышленников, чтобы тем не сделать их еще бесстыднее. А смысл его слов такой: хотя вы и не будете мыслить иначе, однако это не избавит виновников обольщения от наказания, но они будут осуждены, так как невозможно допустить, чтобы за благочестие одних облегчалась участь других, злонравных. Говорит же это для того, чтобы лжеучители не сделали такого же нападения еще и на других. И не просто сказал — смущающие, но и усилил выражение, сказав: *кто бы ни был. Аз же, братие, аще обрезание еще проповедую, почто еще гонимъ есмъ* (ст. 11)? Так как на него возводили клевету, будто он часто соблюдает иудейские обряды и проповедует (необрезание) притворно, то посмотри, как он показал себя чистым (от этой клеветы), призывая в свидетели их самих. Вы и сами знаете, говорит он, что причиной гонений на меня было то, что я повелеваю оставлять закон; а если бы я проповедовал обрезание, то за что бы стали меня преследовать? Ни в чем другом, кроме этого, иудействующие не могут обвинить меня. И если бы я дозволял им веровать по отеческим обычаям, то, конечно, ни уверовавшие, ни неуверовавшие не злоумышляли бы против меня, так как ничего из их обычаев не отвергалось бы.

3. Что же? Не проповедал ли он обрезания? Не обрезал ли Тимофея (Деян. XVI)? Обрезал, конечно. Как же в таком случае говорит — «не проповедую»? Заметь и здесь его осмотрительность. Он не сказал — я не совершаю обрезания, но — не проповедую, то есть не учу так верить. И ты не должен брать моего поступка в утверждение догматов: я действительно обрезал, но не проповедовал обрезания. *Убо упраздися соблазн креста.* Это значит: если верно то, что вы говорите, то преграда и вражда, разделяющие нас, уничтожены. Иудеев соблазнял не столько крест, сколько учение не следовать

отеческим обычаям. И когда они привели Стефана в синедрион, не говорили, что он почитает Распятого, но что он говорит (хульные слова) на место это и на святой закон (Деян. VI, 13). Да и самого Иисуса они обвиняли в том, что он разоряет закон (Ин. V, 16). Вот почему Павел и говорит: если мы допускаем обрезание, то прекратилась ваша борьба с нами, – нет более никакой вражды против креста и проповеди; если же нас ежедневно умерщвляют, то почему же нас обвиняют в этом? А на меня за то и возложили руки, что я ввел в храм необрезанного. Неужели же я, говорит, настолько неразумен, что, допуская обрезание, решился бы совершенно напрасно и сам подвергнуться такому злу, и подать такой соблазн для креста? Вы и сами видите, что ни за что так не враждуют на нас, как за обрезание. Итак, неужели я был настолько неразумен, чтобы без всякой причины и себя подвергнуть скорби, и других ввести в соблазн? А назвал он это соблазном креста потому, что и учение о кресте повелевает оставить отеческие обычаи, и что это именно повеление преимущественно и соблазняло иудеев и служило препятствием к принятию креста. *О дабы отсечени были развращающии вас* (ст. 12)! Смотри, каким строгим является здесь (апостол) по отношению к обольстителям (галатов). Сначала он упрекал обольщенных, дважды назвав их несмысленными, но после того как достаточно научил и вразумил их, обращается уже к обольстителям. А мы должны и здесь заметить мудрость (апостола). Первых он убеждает и вразумляет, как детей своих, способных еще исправиться, обольстителей же отсекает, как чуждых и неизлечимо больных; на это последнее указывает он, когда говорит: *понесет грех, кто бы ни был,* а на первое, когда угрожает им и говорит: *о дабы отсечени были развращающии вас.* И справедливо сказал – *развращающии.* В самом деле, они принудили их, оставив свое отечество и свободу и небесное родство, искать отечества чуждого и неизвестного и изгнав их из Иерусалима горнего и свободного, заставили блуждать, как пленников и пришельцев. Поэтому-то (апостол) и желает их удаления. Смысл же его слов таков: я нисколько не забочусь о них, так как *еретика человека по первом и втором наказании отрицайся* (Тит. III, 10). Если они хо-

тят, пусть не только обрезываются, но и (все тело свое) изрежут.

Итак, что скажут теперь те, которые осмеливаются сами себя искажать, навлекая тем на себя клятву апостола и осуждая устроение Божие, — споборники манихеев? Но и манихеи только говорят, что тело злокозненно и составлено из злого вещества, а эти самими делами подают повод к их нелепым толкам, отсекая член, как бы враждебный и злокозненный. В таком случае скорее надлежало бы выкалывать глаза, так как через них входит в душу похоть. Но ни глаз, ни другой какой-либо член не виновны в этом, а виновна одна только злая воля. Если же не можешь воздержаться, то почему не отсекаешь языка за богохульство, рук за хищение, ног за стремление их ко злу, и всего, так сказать, тела? Да и слух, услаждаемый игрой на флейте, часто расслабляет душу, и ноздри при ощущении благовония прельщают сердце и увлекают к удовольствию. Итак, отсечем все, и уши, и руки, и ноздри. Но это — крайнее нечестие и безумие сатанинское. Нужно только исправить беспорядочное стремление души, потому что злой демон, услаждающийся всегда убийствами, мог внушить, что должно истреблять сам орган, как будто бы великий художник сделал ошибку. Как же бывает, скажет кто-нибудь, что от тучности тела возгорается похоть? Но и тут опять грех души, так как утучнение тела зависит не от тела, а от души. Ведь если она захочет истощить его, то имеет к этому полную возможность. Ты поступаешь подобно тому, кто, видя подкладывающего зажженные дрова и поджигающего ими дом, оставил бы совершенно в стороне поджигателя и стал бы обвинять огонь за то, что он разгорелся так сильно оттого, что охватил много бревен дома. Но виноват не огонь, а поджигатель. Огонь дан для приготовления пищи, для освещения и для многих других потребностей, а не для того, чтобы жечь дома. Точно так же и пожелание дано для деторождения и сохранения жизни, а не для прелюбодеяния, блуда и распутства; дано для того, чтобы ты был отцом, а не прелюбодеем, чтобы законно находился в общении с женой, а не растлевал ее противозаконным образом, чтобы ты оставил свое семя, а не осквернял чужое. Ведь

прелюбодеяние зависит не от естественного пожелания, но противоестественной необузданности, так как пожелание ищет только совокупления, а не такого именно совокупления.

4. Впрочем, это я сказал теперь не без намерения, но приступаю к некоторым состязаниям и предначинаю борьбу против тех, которые называют творение Божие злым и, не обращая внимания на беспечность души, безумно восстают против тела и клевещут на плоть нашу, о которых далее говорит и апостол Павел, обвиняя именно не плоть, а хульные помыслы. *Вы же, братие, на свободу звани бысте: точию да не свобода в вину плоти* (ст. 13). Здесь (апостол), кажется, переходит к нравственной части послания; но в этом послании он допускает некоторую особенность, каковой нет ни в одном из других его посланий. Все другие послания он обыкновенно разделяет на две части, из которых в первой рассуждает о догматах, а в последней излагает правила жизни; между тем как здесь, перейдя к нравственному учению, он после опять присоединяет к нему учение догматическое; и это потому, что нравственное учение опять имеет нужду в догматическом в борьбе с манихеями. Что же значат слова: *точию да не свобода в вину плоти?* Христос, говорит, освободил нас от ига рабства и предоставил нам свободу делать что хотим не для того, чтобы мы употребляли эту свободу на зло, но чтобы пользовались ею, как средством к получению большей награды, восходя к совершеннейшей мудрости. Так как он повсюду называет закон игом рабства, а благодать освободительницей от клятвы закона, то чтобы кто-нибудь не подумал, будто он повелевает оставить закон для того, чтобы можно было жить беззаконно, он предупреждает подобное подозрение, говоря: не для того (освобождены мы от закона), чтобы жить нам беззаконно, но чтобы стяжать мудрость выше закона, потому что узы закона разрешены. И я говорю это не для того, чтобы нам еще более унизиться, но чтобы более возвыситься. Ведь и блудник и девственник – оба преступили пределы закона, но не одинаково, а один ниспал в худшее, другой же возвысился к лучшему, один преступил закон, а другой превзошел закон. Итак, Павел говорит следующее:

Христос освободил вас от ига не для того, чтобы вы прыгали и бесились, но чтобы, освобожденные от ярма, текли благоустроеннее. Затем (апостол) указывает и способ, посредством которого легко можно достигнуть этого. Какой же это способ? *Любовию,* говорит, *работайте друг другу.* Снова здесь он дает понять, что причиной их заблуждения были честолюбие, несогласие, любоначалие и гордость, так как мать ересей есть страсть властолюбия. И словами — *работайте друг другу* он показал, что это зло произошло именно от тщеславия и гордости, а потому представляет и соответственное врачевство. Так как вы разделились между собой вследствие желания властвовать один над другим, то служите друг другу, и таким образом вы опять соединитесь. Впрочем, он ясно не называет греха, а ясно предлагает только способ исправления, чтобы отсюда уже они узнали и грех свой, — подобно тому, как если бы кто, не говоря (прямо) распутному, что он распутен, стал бы убеждать его быть целомудренным. И действительно, кто любит, как должно, ближнего, тот не откажется служить ему покорнее всякого раба. Как огонь, поднесенный к воску, легко размягчает его, точно так же и теплота любви сильнее огня разрушает всякую гордость и надменность. Вот почему не сказал просто — любите друг друга, а — *работайте,* указывая этим на высшую степень любви. А чтобы они, освободясь от ига закона, не сделались бесчинными, он возлагает на них другое иго, иго любви, которое хотя и крепче первого, но гораздо легче и приятнее. Потом, изъясняя, в чем состоит благо любви, говорит: *ибо весь закон в едином словеси исполняется, во еже: возлюбиши ближняго твоего, якоже себе* (ст. 14; Мф. XXII, 39; Левит. XIX, 18). Так как они всячески извращали закон, то он и говорит; если ты хочешь исполнить закон, то не обрезывайся, потому что он исполняется не в обрезании, а в любви. Смотри, как он не может забыть своей скорби, но непрестанно возвращается к тому, что причиняет ему эту скорбь, даже и перейдя к нравственному учению. *Аще же друг друга угрызаете и снедаете, блюдитеся, да не друг от друга истреблени будете* (ст. 15). Он не высказывает своей мысли прямо, чтобы не огорчить их, хотя знал, что так и делается между ними; но то же самое гово-

рит с видом некоторого сомнения. Он не сказал: потому что вы угрызаете друг друга, и далее то же (не сказал прямо), равно как опять и после не высказал прямо, что вы будете истреблены друг другом; такая речь свойственна только устрашающему и предостерегающему от опасности, а не осуждающему. Слова же употребил самые сильные. Не сказал он только – *угрызаете,* что делает иногда раздраженный, но прибавил – *и снедаете,* что свойственно закореневшему в злобе. Угрызающий удовлетворяет только страсть гнева, тот же, кто съедает, обнаруживает в себе крайнюю степень зверства. Впрочем, он говорит здесь не о телесных укушениях и съеданиях, а разумеет еще более худшие. В самом деле, не столько причиняет вреда тот, кто съедает плоть человека, сколько тот, кто угрызает душу его, так как насколько душа драгоценнее тела, настолько тягостнее и причиняемое ей зло. *Блюдитеся, да не друг от друга истреблени будете,* говорит он. Так как обманщики и злоумышленники приходят для того, чтобы губить других, то он поэтому и говорит: смотрите, чтобы дело не дошло и до вас. Разделение и борьба гибельны и разорительны, без сомнения, как для тех, которые принимают их, так и для тех, кто вводит их, и изъедают все еще более, чем моль. *Глаголю же, духом ходите, и похоти плотския не совершайте* (ст. 16).

5. Вот показывает и другой способ, облегчающий добродетель и содействующий исполнению выше сказанного, – способ, рождающий любовь и поддерживаемый любовью. Действительно, ничто так не делает нас любвеобильными, как жизнь по духу, и ничто так не убеждает духа обитать в нас, как сила любви. Поэтому он и говорит: *духом ходите, и похоти плотския не совершайте.* Так как он ранее назвал причину болезни, то теперь указывает на лекарство, приносящее здоровье. Какое же это лекарство, и какая это сила, от которой зависят сказанные выше блага, как не жизнь по духу? Поэтому и говорит: *духом ходите, и похоти плотския не совершайте. Плоть бо похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся, да не яже хощете, сия творите* (ст. 17). Здесь некоторые нападают (на нас), говоря: вот и апостол разделяет человека на два, представляя его как бы составленным из противоположных природ, раз приписывает

борьбу против души телу. Но это совершенно несправедливо, так как плотью он называет здесь не тело; а если разумеет здесь тело, то какой смысл будут иметь следующие далее слова? *Похотствует,* говорит, *на духа.* Но ведь тело принадлежит к числу вещей не движущих, а движимых, не действующих, а которыми действуют, – как же в таком случае оно желает? Желание без сомнения, принадлежит душе, а не телу. Да и в других местах Писания говорится: желает душа моя (Пс. LXXXIII, 3); также: чего желает душа твоя, я сделаю для тебя (1 Цар. XX, 4); и еще: не следуй влечению души твоей (Сир. V, 2); и опять: *еще желает душа моя* (Пс. XLI, 2). Как же Павел говорит: *плоть похотствует на духа?* Плотью он обыкновенно называет не природу телесную, а злую волю, например когда говорит: *вы несте во плоти, но в дусе* (Рим. VIII, 9); и еще: *сущии же во плоти, Богу угодити не могут* (Рим. VIII, 8). Итак, что же? Должно убивать плоть? Но сам сказавший это разве не был облечен плотью? Такие внушения дело не плоти, а диавола, так как *он человекоубийца бе искони* (Ин. VIII, 44). О чем же в таком случае говорит (апостол)? Плотью он называет здесь помысл земной, легкомысленный и нерадивый, а в последнем виновато не тело, но беспечная душа. Ведь тело есть только орудие, от орудия же никто не отвращается, ни ненавидит, а отвращаются от того, кто употребляет это орудие во зло. Мы ненавидим и наказываем не меч, а человекоубийцу. Но, скажет кто-нибудь, называть грехи души именем плоти именно и значит обвинять тело. Я же признаю, что хотя плоть и ниже души, но и она прекрасна. В самом деле, то, что ниже хорошего, и само хорошо, тогда как худое не ниже хорошего, но совершенно противоположно ему. Если ты действительно можешь указать зло, происходящее от тела, то обвиняй плоть; но если ты на основании одного только названия хочешь порицать плоть, то смотри, чтобы тебе не пришлось обвинять и душу, потому что и лишенный истины человек называется душевным человеком (1 Кор. II, 14), и полчища демонов называются духами злобы (Еф. VI, 12). С другой стороны, именем плоти Писание называет обыкновенно и таинства, равно и всю Церковь, называя ее телом Христовым (Колос. I, 18). Если же ты хочешь, чтобы я указал тебе бла-

годеяния, получаемые нами через тело, то представь, что все чувства у него уничтожены, и ты увидишь тогда душу лишенной всякого познания и не имеющей никакого понятия о том, что она знает теперь. В самом деле, если сила Божия от создания мира видима через рассматривание творений (Рим. I, 20), то как мы могли бы познать ее без глаз? Если также и вера от слуха (Рим. X, 17), то как услышим о ней без ушей? А проповедовать и обходить землю можно только посредством языка и ног. Как в самом деле проповедовать, если не будут посланы (Рим. X, 15)? Да и письмо возможно благодаря рукам. Видишь ли, какое множество благ приносит нам служение плоти? Если же (апостол) говорит: *плоть похотствует на духа,* то говорит о двух противоположных видах помыслов, — о добродетели и пороке, так как именно они противятся друг другу, а не душа и тело. Если бы эти последние находились во взаимной вражде, то они истребили бы друг друга, также как вода истребляет огонь, как тьма — свет; если же душа заботится о теле и проявляет по отношению к нему великое попечение, весьма многое претерпевает, чтобы только не расстаться с ним, и сопротивляется, когда ее хотят разлучить с ним, если, в свою очередь, и тело служит ей, много доставляет ей познаний и само приспособлено к ее деятельности, — то как они могут быть противными и враждебными друг другу? И действительно, из самих действий их я вижу, что они не только не противны, но и весьма между собой согласны и взаимно друг друга поддерживают. Таким образом, не о теле и душе говорит (апостол) в словах — противятся друг другу, а указывает на борьбу злых и добрых помыслов. Желать и не желать — есть, конечно, дело души. Поэтому он и говорит: они противятся, чтобы ты не дозволял душе предаваться злым ее пожеланиям. Он сказал это как наставник и учитель, возбуждая страх. *Аще ли духом водими есте, несте под законом* (ст. 18).

6. Какая тут последовательность? Самая строгая и очевидная. Кто имеет духа, как и следует, тот при его помощи погашает в себе всякое злое желание; кто же освободился от злых пожеланий, тот уже не имеет нужды в помощи закона, став много выше его учения. В самом деле, кто не гнева-

ется, разве нуждается в том, чтобы слышать – не убий? Кто не смотрит любострастными глазами, разве имеет нужду в наставлении – не прелюбодействовать? Кто станет говорить о последствиях ада тому, кто исторг в себе и самый корень зла? А корень убийства, без сомнения, есть гнев, прелюбодеяния же – похотливый взгляд глаз. Поэтому он и говорит: *аще духом водими есте, несте под законом.* Здесь, мне кажется, он высказал вместе великую и удивительную похвалу закону. Если закон, говорит, до пришествия духа заменял, сообразно силам своим, духа, то даже и поэтому нет нужды оставаться теперь под пестуном. Тогда, конечно, мы справедливо находились под законом, чтобы, побуждаемые страхом, удерживали свои пожелания, так как не явился еще дух; а теперь, после того как нам дарована благодать, которая не только повелевает воздерживаться от них, но и сама иссушает их и возводит человека к совершеннейшей жизни, какая нужда в законе? Кто по собственному побуждению совершает большее, на что тому пестун? Философ, конечно, не имеет нужды в учителе грамматики. Итак, для чего вы унижаете себя, слушая теперь слова закона, после того как первоначально изъявили готовность служить духу? *Явлена же суть дела плотская, яже суть блуд, прелюбодеяние, нечистота, студодеяние, чародеяния, идолослужение, вражда, рвения, завиды, ярости, разжжения, распри, соблазны, ереси, зависти, убийства, пиянства, безчинны кличи, и подобная сим, яже предглаголю вам, якоже и предрекох, яко таковая творящии царствия Божия не наследят* (ст. 19–21). Теперь ты, обвинитель плоти своей, скажи мне, если ты думаешь, что это сказано о борьбе и вражде ее (пусть даже прелюбодеяние и блуд, по вашему, зависят от плоти), – как вражда, ссоры, зависть, распри, ереси и волшебство (а все это, равно как и другое, конечно, зависит от воли, только развращенной), как они-то могут зависеть от плоти? Видишь, что (апостол) говорит здесь не о плоти, а о земных и низменных помыслах? Поэтому он возбуждает и страх, говоря, что *таковая творящии, царствия Божия не наследят.* А если бы это зависело от злой природы; а не от развращенной воли, то ему скорее следовало бы сказать не – «творят», но – претерпевают. Но за что же они в таком случае лишаются и царства? Ведь как

венцы, так и наказания следуют не за то, что совершается по природе, но за то, что по воле. Вот почему и Павел угрожал так. *Плод же духовный любы, радость, мир* (ст. 22). Не сказал – дело, но – *плод* духа. Что же, не излишня ли душа? Если речь идет только о плоти и духе, то где душа? Или он говорит о существах, не имеющих души? В самом деле, когда зло приписывается плоти, а добро духу, то душе нет уже места. Но это совершенно не так, потому что воздержание страстей есть дело души и ей принадлежит; и если она, находясь посреди добродетели и порока, употребляет тело на должное, то и его делает духовным, а если удаляется от духа и предается злым пожеланиям, то и сама становится более земной. Видишь ли из всего этого, что он говорит здесь не о существе плоти, а о злом и добром произволении? Почему же он (добрые дела) называет «плодом» духа? Так как злые дела происходят только от нас, поэтому он и называет их делами, между тем добрые требуют не нашего только старания, но и человеколюбия Божия. Затем, перечисляя добрые дела, на первом месте поставляет корень их, говоря так: *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых несть закона* (ст. 22, 23). В самом деле, чему можно научить того, кто сам в себе имеет все, и у кого совершеннейшим учителем мудрости служит любовь? Как кроткие кони, и сами по себе делающие все, не имеют нужды в биче, так и душа, преуспевающая в добродетели действием духа, не имеет нужды в предписаниях закона. Итак, (апостол) и здесь с удивительной мудростью отверг закон не потому, чтобы он был худ, но потому, что он ниже премудрости, даруемой Духом. *А иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (ст. 24). Чтобы не спросили: кто же это такие? – он из самих дел указывает тех, которые поступают так, называя снова здесь плотью злые дела. Ведь таковые, конечно, не убили своей плоти, – иначе как бы они стали жить? – распятое без сомнения мертво и недеятельно, – но говорит о совершенстве их мудрости. Хотя страсти и досаждают им, но восстают на них совершенно без успеха. Итак, если такова сила духа, то им и жить будем, им только и будем довольствоваться. Указывая на это, и сам (апостол) прибавил; итак, будем жить *духом,* и *духом да*

ходим (ст. 25), живя по его законам. Это именно и значит — *да ходим,* то есть будем довольны силой духа и не станем искать дополнения в законе. Затем, желая показать, что вводящие обрезание делают это по честолюбию, говорит: не будем тщеславиться, в чем заключается причина всех зол, не будем друг друга раздражать, друг другу завидовать (ст. 26). Ведь от тщеславия рождается зависть, а от зависти происходят все те бесчисленные виды зла.

ГЛАВА VI

Братие, аще и впадет человек (ст. 1)

1. Так как (галаты), под предлогом обличения, мстили другим за свои страсти и обольщали себя тем, что они делают это для исправления грехов других, между тем как на самом деле желали утвердить свое любоначалие, то (апостол) говорит: *братие, аще и впадет* (человек в некое прегрешение). Не сказал — если сделает, но — *аще впадет,* то есть если будет увлечен. *Вы духовнии исправляйте таковаго.* Не сказал опять — наказывайте или осуждайте, но — исправляйте. И даже на этом не останавливается, но, желая показать, что им нужно быть крайне снисходительными к вовлеченным в грех, прибавил: *духом кротости.* Не сказал просто — кротостью, но — *духом кротости,* показывая тем, что это угодно и Духу, и что способность исправлять кротостью согрешающих есть дар духовный. Затем, чтобы исправляющий другого не возгордился, он устрашает и его опасностью подобного падения, говоря: *блюдый себе, да не и ты искушен будеши.* Как богатые подают бедным милостыню, чтобы, если и им самим придется впасть в бедность, получить то же от других, так должно поступать и нам. Поэтому он представляет и необходимую причину, говоря: *блюдый себе, да не и ты, искушен будеши.* При этом он еще и защищает согрещающего, во-первых, словами: *аще и впадет,* которыми указывает на великую немощь души, во-вторых, словами: *да не и ты искушен будеши,* обвиняя более искушение демонское, нежели нерадение души. *Друг друга тяготы носите.* Так как невозможно, будучи человеком, быть свободным от недостатков, то (апостол) убеждает не быть строгими судьями погрешностей

других, но терпеливо сносить недостатки ближних, чтобы и другие сносили их собственные недостатки. Как при постройке здания не все камни получают одно назначение, но один годится для угла, а не для основания, другой для основания, а не для угла, так без сомнения и в теле Церкви. Равным образом и в нашем теле каждый может увидеть то же самое, однако же один член терпит другого, и мы не требуем всего от каждого из них, потому что из совокупности разнообразного состоит и тело и здание. *И тако исполните закон Христов*. Не сказал — исполняйте но — восполняйте, то есть исполняйте все вместе совокупными силами, терпя недостатки один другого. Так, например, тот вспыльчив, а ты сонлив: сноси же в таком случае его бурные порывы, чтобы и он сносил твою вялость. Таким образом и он не согрешит, когда встретит снисхождение к себе с твоей стороны, да и ты не погрешишь, раз брат твой терпит в тебе то, что для него тяжело. Итак, подавая друг другу руку помощи, когда угрожает опасность падения, исполняйте закон общими силами, восполняя каждый недостатки ближнего своим терпением. Если же не будете так поступать, а всякий станет судить дела ближнего, то вы никогда не достигнете того, чего должны достигать. Подобно тому, как и по отношению к телу, если кто станет требовать от всех членов его одинакового служения, тело ни в каком случае не устоит, так и между братиями произойдет великая вражда, если мы от каждого будем требовать всего. *Аще бо кто мнит себе быти что, ничтоже сый, умом льстит себе* (ст. 3). Обрати снова и здесь внимание на гордость. Кто считает себя чем-нибудь, тот ничто, и первым доказательством ничтожности своей представляет именно такое легкомыслие. *Дело же свое да искушает кийждо* (ст. 4). Здесь он показывает, что нам нужно быть судьями своей собственной жизни и не слегка, но с тщанием исследовать совершенное нами. Например, ты сделал какое-либо добро? Смотри, не сделал ли ты его по тщеславию, или по нужде, или по ненависти, или по лицемерию, или по какому-либо другому человеческому побуждению. В самом деле, подобно тому, как золото, хотя и кажется блестящим прежде, чем положено будет в горнило, но совершенно познается уже после того, как подверг-

нется действию огня и от чистого золота будет отделена всякая примесь, точно так же и наши дела тогда только откроются в настоящем виде, когда мы тщательно исследуем их, — тогда мы и увидим, что мы сами за многое повинны осуждению. *И тогда в себе точию хваление да имать, а не во ином.* Этими словами (апостол) предписывает не правило, но лишь оказывает снисхождение, говоря как бы так: хвалиться, конечно, безумно, но если уже хочешь хвалиться, то не перед ближним, как фарисей. А кто научится не хвалиться перед ближним, тот, без сомнения, скоро перестанет хвалиться и в себе. Вот почему он и сделал им это снисхождение, чтобы мало-помалу уничтожить в них все зло. Действительно, привыкший хвалиться только в себе, а не перед другими, скоро исправит и этот недостаток, потому что, кто не считает себя лучше других (это и значат слова — *не во ином*), но хвалится только собой, рассматривая себя одного, тот перестанет наконец делать и это. А чтобы ты мог убедиться, что (апостол) имеет в виду достижение именно этого, смотри, как он смиряет такового страхом, и выше сказав: *дело свое да искушает,* и здесь прибавляя: *кийждо бо свое бремя понесет* (ст. 5). Он делает вид, будто дает заповедь, возбраняющую хвалиться перед другим, а между тем этим исправляет и хвалящегося, чтобы он и о себе не думал много, приводя его в сознание своих собственных грехов и поражая его совесть наименованиями бремени и ношения тяжести. *Да обращается же учайся словеси учащему во всех благих* (ст. 6).

2. Здесь (апостол) говорит уже об учителях, чтобы наставляемые усердно служили им в содержании. Но для чего Христос установил такой закон? А в Новом (Завете) есть действительно этот закон, чтобы проповедующим Евангелие жить от благовествования (1 Кор. IX, 14); да и в Ветхом (Завете) точно так же левиты получали большие приношения от подчиненных (Числ. XXXI и XXXV). Итак, для чего же Он установил это? Прежде всего, для того, чтобы дать побуждение к смирению и любви. Так как учительское достоинство часто надмевает имеющих его, то Христос, желая смирить высокомерие учителя, поставил его в необходимость нуждаться в помощи наставляемых им, а с другой сто-

роны, и последним предоставил случай быть более доступными благосклонности, научая их через услужливость учителям быть благосклоннее и к другим, а через это возбуждая и немалую любовь в тех и других. А если бы не было, как я сказал, этого (намерения), то для чего Он, питавший неблагодарных иудеев манной, поставил апостолов в состояние нищих? Не очевидно ли, что через это Он хотел научить (последних) великим добродетелям, смирению и любви, а равно и тому, чтобы наставляемые не стыдились быть под руководством людей, по-видимому, презренных? Просить считается постыдным; но это не могло уже казаться таким после того, как учители делали то же самое совершенно свободно; а таким образом и отсюда ученики получали немало пользы, научаясь из примера учителей презирать всякую славу. Поэтому-то (апостол) говорит: *да обращается же учайся словеси учащему во всех благих*. Это значит – должен проявлять по отношению к нему совершенную щедрость, так как, указывая на это, он сказал: *во всех благих*. Ученик, говорит он, не должен ничего считать своей собственностью, но все должно быть у него общее с учителем. Ведь он получает больше, нежели дает, и настолько больше, насколько небесное выше земного. Указывая на это, он и в другом месте сказал: *аще мы духовная сеяхом вам, велико ли, аще мы ваша телесная пожнем* (1 Кор. IX, II)? Поэтому он и называет это дело общением, показывая тем, что оно не остается без воздаяния, а благодаря этому и любовь делается пламеннее и крепче. Итак, если учитель просит необходимого для жизни, то, и получая это, сохраняет свое достоинство. В самом деле, похвалой учителю служит уже и то, когда он так усерден к проповеди, что имеет нужду в помощи других, терпит крайнюю бедность и презирает все житейское. А если он преступает меру необходимого, то теряет и свое достоинство, но не от того, что берет, а от того, что берет сверх меры. Чтобы неблаговидная жизнь учителя не ослабила усердия к нему ученика, и чтобы последний, во время бедности учителя, не стал пренебрегать им за его нечестные поступки, (апостол) ниже говорит: *доброе же творяще, да не стужаем си* (ст. 9); здесь же он показывает различие между общением и пристрастием к земным благам, говоря

так: *не льститеся: Бог поругаем не бывает. Еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет: яко сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление: а сеяй в дух, от духа пожнет живот вечный* (ст. 7, 8). Подобно тому, как в посевах – тот, кто сеет горох, не может пожать пшеницу, потому что жатва необходимо бывает однородна с посеянным, – точно так же бывает и в делах, – кто наполняет плоть свою удовольствиями, пьянством, необузданными пожеланиями, тот и пожнет то, что из этого обыкновенно произрастает. Что же это такое? Наказание, отмщение, посрамление, поругание, истление. Ведь роскошные обеды и пиршества не имеют никакого другого последствия, кроме истления, – так как и сами они тлеют, и вместе с собой тлеет и тело. Напротив, дела духовные не таковы, но совершенно противоположны (плотским). Смотри в самом деле: ты посеял милостыню, – тебя ожидают небесные сокровища и вечная слава; посеял целомудрие, – тебя ожидают честь и награда, приветствия ангелов и венцы от Подвигоположника. *Доброе же творяще, да не стужаем си: во время бо свое пожнем не ослабеюще. Темже убо, дондеже время имамы, да делаем благое ко всем, паче же к присным по вере* (ст. 9, 10). Чтобы кто не подумал, что должно заботиться и пропитывать только учителей, а о других можно и не заботиться, (апостол) заключает свое слово общим наставлением, и раскрывает дверь щедрости для всех, и распространяет ее до того, что повелевает подавать милостыню даже иудеям и язычникам, хотя и в надлежащем порядке, но все-таки подавать ее всем. Какой же это порядок? Иметь большее попечение о верных. И как он обыкновенно делает и в других посланиях, так поступает и здесь, – говоря не только о том, что нужно подавать милостыню, но и подавать с охотой и непрестанно; на это именно указывает он словами – «сеять» и «не должно унывать». Но так как он потребовал от них многого, то полагает при дверях и награду для них, указывая на некоторую новую и необыкновенную жатву.

3. В земледельческих трудах не только сеющий, но и жнущий претерпевает большое утомление, борясь с жаром, пылью и великой тяжестью труда; тогда же, говорит он, ничего подобного не будет, как это видно из сказанно-

го им: *во время бо свое пожнем не ослабеюще.* И этими словами он убеждает и привлекает их, а последующими побуждает и понуждает, говоря: *темже убо, дондеже время имамы, да делаем благое ко всем.* Подобно тому, как не всегда в нашей власти производить посев, точно так же не всегда мы можем подавать и милостыню. Когда мы уйдем из этого мира, то хотя бы и тысячу раз хотели творить милостыню, мы не будем в состоянии совершить ничего. Об этом свидетельствуют нам и те девы, которые, хотя пришли с искренним желанием, но, не имея обильной милостыни, отлучены были от брачного чертога (Мф. XXV), а равно и тот богач, который презрел Лазаря, так как и он, потому что лишен был помощи ее, не получил милости ни от патриарха, ни от кого-либо другого, несмотря на слезы и сильные просьбы, но остался навсегда в огненном мучении, без всякого послабления (Лк. XVI). Поэтому и говорит: *дондеже время имамы, да делаем благое,* и притом всем. Этими словами он особенно предостерегает их от скупости иудейской. У последних все дела человеколюбия ограничивались только единоплеменниками, тогда как учение благодати призывает на трапезу благотворения и море и землю, хотя и обнаруживает большее попечение о своих. *Видите, колицеми книгами писах вам моею рукою. Елицы хотят хвалитися по плоти, сии нудят вы обрезатися* (ст. 11, 12). Подумай, какая великая скорбь объемлет эту блаженную душу. Как пораженные какой-либо скорбью, или лишившиеся кого-нибудь из родных, или потерпевшие какое-нибудь неожиданное несчастье не имеют покоя ни днем ни ночью, по причине удручающей их душу скорби, – так и блаженный Павел, сказав немного о нравственности, опять возвращается к прежнему, что более всего возмущало его душу, и говорит так: *видите, колицеми книгами писах вам моею рукою.*

Здесь он указывает только на то, что все это послание написал он сам, а это служило свидетельством его великой близости. Другие послания сам он только диктовал, а писал другой, как это видно из послания к римлянам, в конце которого сказано: *целую вы и аз Тертий, написавый послание сие* (Рим. XVI, 22); в настоящем же случае написал все послание сам. Сделал же это он теперь и по необходимости, не толь-

ко из любви к ним, но вместе и для отвращения худого подозрения. Так как на него возводили обвинение в таких делах, в которых он не принимал никакого участия, и говорили, что он проповедует обрезание и только притворяется не проповедующим, то ввиду этого он и вынужден был собственноручно написать это послание, чтобы представить о себе письменное свидетельство. Словом же — *колицеми,* по моему мнению, он указывает не на обширность послания, а на недостаточную красоту почерка, как бы так говоря: хотя я не умею красиво писать, однако принужден написать это послание собственноручно, чтобы заградить уста клеветникам. *Елицы хотят хвалитися по плоти, сии нудят вы обрезатися, точию да не креста ради Христова гоними будут. Ни бо обрезающиися сами закон хранят, но хотят вам обрезоватися, да в вашей плоти похвалятся* (ст. 12, 13). Здесь (апостол), показывая, что они не сами собой впали в это заблуждение, а по принуждению, тем самым представляет им случай оставить таковое, а почти оправдывая их, тем убеждает скорее отстать от лжеучителей. Но что значит — хвалиться по плоти? Заслуживать похвалу от людей. Так как (лжеучители) сами терпели поношение от иудеев за оставление отеческих обычаев, то, чтобы избегнуть этого поношения, говорит он, они хотят совратить вас, чтобы самим оправдаться перед теми вашей плотью. Сказал же это он для того, чтобы показать, что лжеучители делали это не для Бога, говоря как бы так: это происходит не от благочестия, а все делается из одного человеческого честолюбия, ради угождения неверным — тем, что верные обрезываются и предпочитают оскорбить Бога, чтобы только угодить людям. Это именно значат слова — «хвалиться по плоти». Затем, желая показать, что лжеучители и с другой стороны недостойны прощения, он еще обличает их и в том, что они повелевают обрезываться не только из угождения другим, но и для собственного тщеславия. Поэтому он и прибавил: *да в вашей плоти похвалятся,* — как будто они действительно имеют учеников, а сами учители. Но откуда это видно? *Ни бо сами закон хранят,* — говорит он. Впрочем, если бы и соблюдали, то и в таком случае были бы достойны величайшего осуждения, а теперь и само намерение их преступ-

но. *Мне же,* говорит, *токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа* (ст. 14). Конечно, это считается позорным, но только в мире и у неверных, а на небесах и у верных это величайшая слава. Так и бедность для других постыдна, для нас же она – похвала; и терпеть поругания для многих кажется смешным, а мы этим хвалимся. Точно так же и крест есть наша похвала. И не сказал он: я же не хвалюсь, или: я же не хочу хвалиться, но – *мне же да не будет,* как бы отвращаясь чего, как безрассудного, и прося у Бога помощи, чтобы ему избежать этого. В чем же состоит похвала о кресте? В том, что Христос ради меня принял зрак раба, и ради меня претерпел страдания, – ради меня, бывшего рабом, врагом и неблагодарным, и так возлюбил меня, что предал и Себя (на смерть). Что еще можно найти равное этому? Если рабы, получая только похвалу от своих господ, которые притом одного естества с ними, хвалятся этим, то как же не хвалиться нам, когда Владыка, истинный Бог, не постыдился претерпеть за нас крестную смерть?

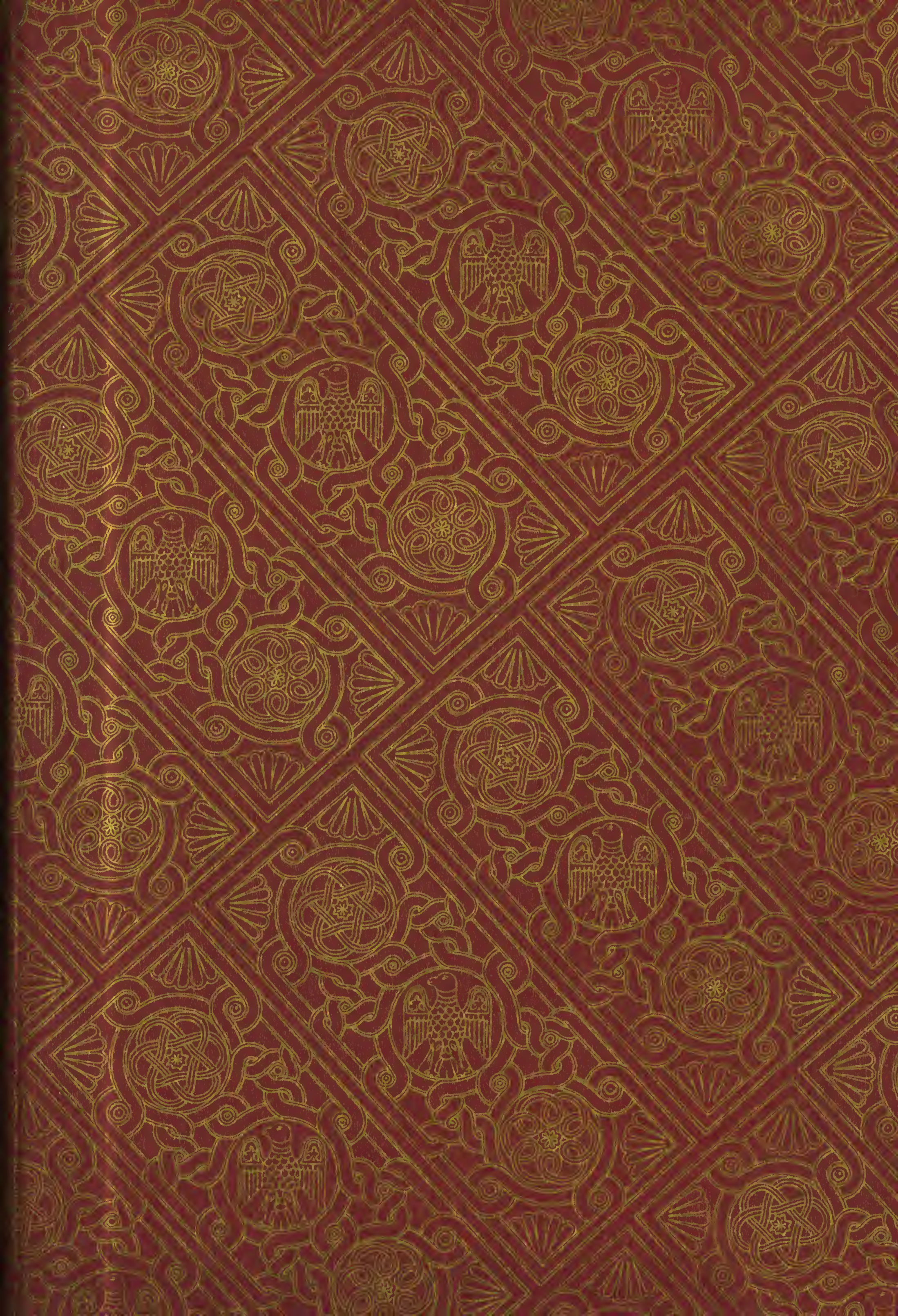
4. Поэтому и мы не будем стыдиться Его неизреченного милосердия к нам. Он не устыдился быть распятым за тебя, а ты стыдишься исповедовать Его бесконечное милосердие? В таком случае ты подобен тому узнику, который прежде не стыдился своего царя, а когда последний, придя к нему в темницу, снял с него оковы своими руками, стал из-за этого стыдиться его. Это было бы крайним безумием, так как этим особенно и надобно хвалиться. *Имже мне мир распяся, и аз миру.* Миром он называет здесь не небо и землю, но дела житейские – похвалу от людей, почет, славу, богатство и все подобное, что кажется обыкновенно блистательным. Все это, говорит, стало для меня мертво. Таков должен быть христианин, и эти слова он должен постоянно иметь на устах своих. Но (апостол) еще не был доволен только первым видом умерщвления, но присовокупил и другой, сказав: *и аз миру,* указывая этим на двойное умерщвление, и как бы так говоря: и это для меня мертво, и я, с другой стороны, мертв для этого; это не может овладеть мной или пленить меня, потому что раз и навсегда умерло для меня; и я не могу быть одержим желанием его, так как и я мертв для этого. Нет ничего блаженнее подобного умерщ-

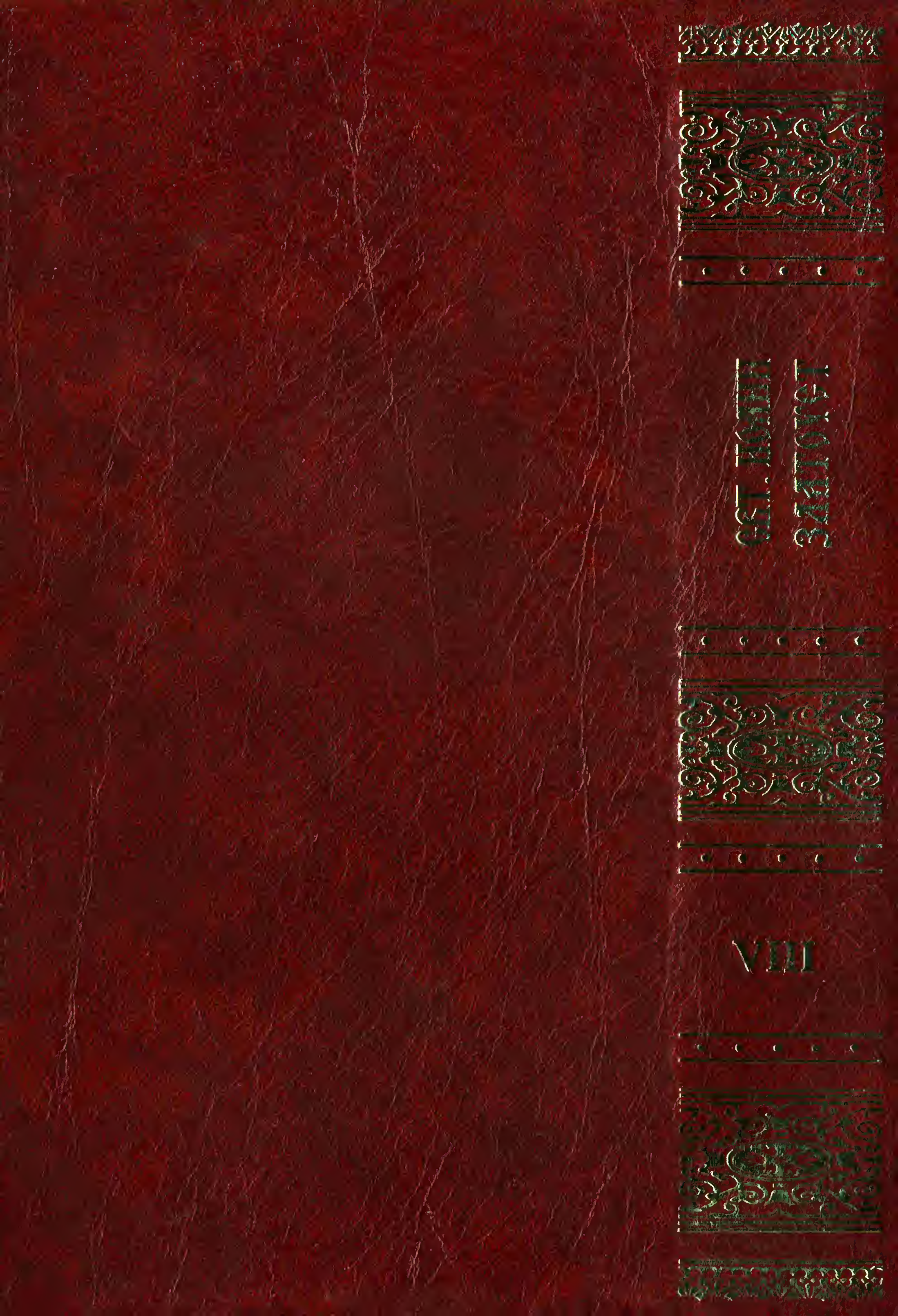
вления, так как оно служит основанием блаженной жизни. *Ни обрезание бо что может, ни не обрезание, но нова тварь. И елицы правилом сим жительствуют, мир на них и милость, и на Израили Божии* (ст. 15, 16).

Видишь ли, на какую высоту вознесла (апостола) сила креста? Она не только все мирское сделала мертвым для него, но и поставила его несравненно выше прежней жизни. Какая сила может равняться этой силе (креста)? В самом деле, кто раньше подвергался смерти и других умерщвлял за обрезание, того крест научил, вменив обрезание наравне с не обрезанием, искать дел новых, дивных и превыше небесных. Новой тварью он называет нашу жизнь, — как в отношении к совершившемуся, так и в отношении к имеющему еще совершиться. В отношении к совершившемуся — потому, что душа наша, состарившаяся в грехе, через крещение вдруг обновилась, как бы созданная вновь, почему и требуется от нас также и образ жизни новый и небесный; в отношении же к будущему — потому, что небо, и земля, и вся наконец тварь вместе с нашими телами должны перейти в состояние нетления. Итак, не говори мне, говорит (апостол), об обрезании, которое теперь не имеет уже силы; да и как, в самом деле, оно может оставаться теперь, когда все так изменилось? Ищи новых дел благодати. Только стремящиеся к этим делам насладятся миром и милостью Божией и могут быть названы в собственном смысле Израилем, — тогда как те, которые мыслят противное этому, хотя бы они родились и от Израиля и носили имя его, лишились всего этого, и сродства с ним, и самого наименования. Только исполняющие это правило, оставив древнее и следуя учению благодати, могут назваться истинными израильтянами. *Прочее, труды да никтоже ми дает* (ст. 17). Здесь он говорит это не как утомленный или отчаявшийся. Как, в самом деле, мог ослабеть или упасть духом тот, кто решился ради учеников все сделать и претерпеть, — кто говорит: *настой благовременне и безвременне* (2 Тим. IV, 2), и еще: *еда како даст им Бог* познание *истины, и возникнут от диавольския сети* (2 Тим. II, 25, 26)? Для чего же он говорит это? Для того, чтобы возбудить их недеятельный ум, привести их в больший страх, утвердить предписанные им правила и предостеречь их впредь от по-

добных смятений. *Аз бо язвы Господа* нашего *Иисуса Христа на теле моем ношу*. Не сказал – имею, а – *ношу*, точно кто-нибудь гордящийся своими трофеями или царскими знаками отличия. Хотя носить язвы считается также признаком бесчестья, но он хвалится язвами; и подобно тому, как радуются воины, носящие знамена, так радуется и он, носящий язвы. Но для чего он говорит это? Для того, говорит, что эти язвы оправдывают меня лучше всякого слова, лучше всякого голоса. Они издают голос сильнее всякой трубы против тех, которые противоборствуют мне и говорят, что я учу притворно и говорю иногда в угождение людям. Если бы кто увидел окровавленного и покрытого бесчисленными ранами воина, вышедшего из строя, тот, конечно, не мог бы обвинять его в трусости и предательстве, так как он на самом теле своем носит доказательство своего мужества. Так же, говорит, должно судить и обо мне. И если кто хочет слышать мое оправдание и узнать мой образ мыслей, тот пусть смотрит на мои раны, которые представляют доказательство сильнее этих слов и этого писания. В начале послания он ясно доказал свое непритворство внезапным своим обращением, в конце же его доказывает это своими страданиями. А чтобы кто-нибудь не сказал, что он обратился с искренним сердцем, но после не устоял в том же самом расположении, для этого он и приводит свои труды, страдания и язвы в свидетели того, что он также и устоял. Наконец, достаточно оправдавшись во всех отношениях и уверив, что ничего не сказал по гневу или по нерасположению, а питает к ним неизменную любовь, он снова подтверждает то же самое, заключая свое слово молитвой, исполненной бесчисленных благ, и говоря: *благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братие. Аминь* (ст. 18). Этими последними словами он наложил печать на все сказанное прежде. В самом деле, он не сказал просто – с вами, как говорит в других посланиях, но – *со духом вашим*, отклоняя их от плотского, и везде указывая на благодеяния Божии, и напоминая о благодати, которую они получили и которая достаточна была для того, чтобы избавить их от всякого иудейского заблуждения. Как принятие Духа зависело не от немощного закона, но от оправдания через веру, так и удер-

жание его после принятия зависело не от обрезания, а от благодати. Поэтому он и заключил увещание молитвой, напомнил о благодати и Духе и назвал их братиями, и, призвав Бога, чтобы они постоянно наслаждались этими дарами, оградил их двойной оградой, так как сказанное им есть и молитва, и вместе всецелое наставление и потому служит для них вместо двойной стены. В самом деле, и наставление, напоминающее им, каких благ они удостоены, весьма сильно могло удерживать их в догматах Церкви, и молитва, призывающая благодать и умоляющая ее неотлучно пребывать в них, не попускала Духу отступить от них. Когда же (Дух) будет пребывать в них, тогда всякое ложное учение исчезнет как пыль, о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.




СВ. ЈОВАН
ЗЛАТОУСТ
VIII